

Российская Академия Наук

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

300
ЛЕТ
ИСТОРИИ

В двух томах

МОСКВА НАУКА 2024

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

300
ЛЕТ
ИСТОРИИ

Т о м 1

Императорская академия наук –
Академия наук СССР

1724–1934

Ответственные редакторы
академик Г. Я. КРАСНИКОВ
академик Н. А. МАКАРОВ

МОСКВА НАУКА 2024

УДК 93/94
ББК 63
Р76

Редакционная коллегия:

Г. Я. Красников (ответственный редактор),
Н. А. Макаров (ответственный редактор), *Ю. М. Батурин*, *Ю. А. Петров*,
А. В. Работкевич, *И. В. Тункина*, *Р. А. Фандо*

Текст и иллюстрации подготовлены в рамках государственного задания
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Архив Российской академии наук» в 2022–2023 гг.

Российская академия наук: 300 лет истории: в 2-х томах. — М.: Наука, 2024. —
ISBN 978-5-02-041060-2

Т. 1: Императорская академия наук — Академия наук СССР. 1724–1934. —
2024. — 789 с. — ISBN 978-5-02-041058-9

Настоящее издание — первый опыт создания истории Российской академии наук с широким привлечением документальных материалов, находящихся в фондах Архива РАН и его Санкт-Петербургского филиала. Основная идея книги — совместить в одном издании изложение истории Академии как научного учреждения, обзор результатов ее научной деятельности на различных этапах, а также исторические портреты выдающихся членов Академии разных эпох — ее руководителей и ученых, с именами которых связаны яркие достижения российской науки.

Для ученых всех специальностей и всех интересующихся историей становления и развития науки в нашей стране.

ISBN 978-5-02-041060-2
ISBN 978-5-02-041058-9 (Т. 1)

© Российская академия наук, 2024
© ФГБУ Издательство «Наука», редакционно-
издательское оформление, 2024

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4 декабря 2023 г.

№ Пр-2381

Москва, Кремль

Читателям издания, посвящённого 300-летию основания Российской академии наук

Уважаемые друзья!

У Российской академии наук – богатая и славная история. Мы искренне гордимся именами талантливых учёных, смелых исследователей и первооткрывателей, посвятивших себя самоотверженному служению избранному делу, людям, Отечеству.

Сегодня этот колоссальный творческий, нравственный потенциал, традиции подвижничества и новаторства являются надёжной опорой для того, чтобы уверенно двигаться вперёд. Именно наука является важнейшим ресурсом социально-экономического развития нашей страны, во многом определяет качество жизни людей. И потому в современных условиях роль Академии наук, сильных исследовательских школ, высокотехнологичных, фундаментальных разработок значительно возрастает, служит укреплению безопасности и суверенитета России.

Убеждён, что это замечательное издание, рассказывающее о становлении Академии наук и основных вехах её истории, будет интересно самому широкому кругу читателей.

В.Путин

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Глубокоуважаемые друзья!

В 2024 году Российская академия наук отмечает славный юбилей — 300 лет со дня своего создания. Это большая знаменательная дата для всех, кто связан с научным трудом, и замечательный повод, чтобы обратиться к истории нашей Академии.

Основанная в 1724 году императором Петром Великим, за прошедшие столетия Академия внесла колоссальный вклад в развитие мировой и отечественной научной мысли. Она всегда находилась на переднем крае науки, объединяла талантливых ученых, которые совершали значимые открытия, основывали собственные научные школы, укрепляли потенциал и международный авторитет России. Во все времена и эпохи Российская академия наук служила надежной опорой для государства и общества, помогала нашей стране преодолевать препятствия и успешно решать самые масштабные задачи.

В ваших руках — издание, освещающее наиболее яркие события в истории Российской академии наук. И конечно, на его страницах вы найдете рассказ о наших выдающихся предшественниках — великих ученых, которые посвятили себя преданному служению науке и на опыт которых мы во многом опираемся в нашей нынешней деятельности. Уверен, что их пример будет и дальше вдохновлять нас на новые свершения.

Хотел бы от всей души поздравить вас с юбилеем Российской академии наук, пожелать новых творческих успехов, неиссякаемого вдохновения и всего наилучшего.

Президент
Российской академии наук
академик

Г.Я. Красников

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга рассказывает об истории Российской академии наук, с именем которой неразрывно связано становление и развитие науки в нашей стране, выдающиеся открытия и судьбы великих ученых. Грандиозные исследовательские проекты различных эпох, выполненные в Академии, сделали Россию великой научной державой. Само имя Академии в различные периоды истории символизировало уважение общества к знанию, убежденность в том, что труд ученых способен изменить мир к лучшему, дать ответы на интеллектуальные запросы и обеспечить устойчивое развитие общества и государства.

Историю Академии, созданной по императорскому указу, невозможно отделить, с одной стороны, от истории России, с другой — от истории мировой научной мысли, развития науки как особой сферы человеческой деятельности, накопления знаний и практического использования их в преобразовании мира и обустройстве в нем человека. Российская академия наук на протяжении трех столетий справедливо воспринималась как центральное научное учреждение страны, олицетворяющее преемственность в организации науки в России. Силуэт здания Кунсткамеры, где в XVIII в. размещались учреждения Академии, присутствующий в эмблематике современной Российской академии наук, — один из символов этой преемственности. Однако три века истории Академии были и временем ее многообразных изменений и преобразований.

В петровской Академии нелегко увидеть историческую основу будущей колоссальной научной структуры советского времени — Академии наук СССР. Менялись названия учреждения — от Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге (1724—1747) к Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге (1747—1803) и далее — к Императорской академии наук (1803—1836, 1914—1917), Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1836—1914), Российской академии наук (1917—1925), Академии наук СССР (1925—1991) и, наконец, к восстановлению современного имени в 1991 г. Менялись численный состав Академии, многие ее функции, содержание и объем работы, области исследования, принципы организации и управления. Неизменными оставались идея привлечения в Академию выдающихся ученых, постановки перед ними масштабных научных задач (в том числе актуальных в практическом плане), государственная поддержка Академии, принцип выборности ее членов и самоуправления высшего научного учреждения страны.

Рассказ о прошлом Академии в обычном понимании, это, прежде всего, обзор важнейших достижений в познании мира, полученных российским академическим цехом; рассказ о том, как эти достижения служили поступательному движению страны и мировому научному прогрессу. Однако не менее интересны исторические обстоятельства, в которых происходило становление и развитие академической науки, понимание ее задач и места в обществе в различные периоды, история создания

и трансформации академических учреждений, взаимоотношения между властью, обществом и академической корпорацией.

В результате преобразований Петра Великого в XVIII в. Россия была окончательно включена в общий процесс развития европейских стран, обязательной частью которого являлся интенсивный обмен идеями и методами в различных отраслях науки и практики. Вследствие самобытного характера исторического процесса, особых условий социально-экономического, культурно-исторического и политического развития России Академия наук в нашей стране возникла позже, чем в Европе. В России петровского времени не было ни развитой системы образования, ни собственного «ученого сословия», для формирования которых власти вынуждены были приглашать в страну иностранных ученых. С момента основания в 1724—1725 гг. Академия наук, включавшая гимназию и университет, была призвана решать задачи воспитания светски образованных юношей не только для научных исследований, но и для государственного аппарата. Академия призвана была готовить бюрократическую и интеллектуальную элиту страны. Она стала структурообразующим государственным учреждением фундаментальной науки в Российской империи, финансируемым из государственной казны и призванным решать задачи, поставленные перед ней властью. Это было основное отличие российской академии от зарубежных академий наук, создававшихся и функционировавших в то время как клубы ученых.

Первоначально иностранные академики образовали в Санкт-Петербурге собственную, закрытую от российского общества корпорацию, долгое время не пускавшую в свою среду посторонних лиц, поэтому Академия зачастую воспринималась инородным телом в структуре государственных учреждений России. Вплоть до середины XIX в. реальные потребности государства в квалифицированных научных кадрах значительно опережали возможности российского образовательного потенциала. Поэтому власти создавали для иноземцев выгодные условия работы с целью сообщить русской науке начальный импульс для ее дальнейшего самостоятельного развития. И поставленную государством задачу Академия в основном выполняла.

Петербургская академия наук сразу была включена в мировой научный контекст. Ученые-иностранцы, обладавшие высоким уровнем общенаучной и специальной подготовки, своими публикациями демонстрировали образцы изданий в разных областях фундаментального и прикладного научного знания, тщательно описывая и давая научную интерпретацию явлений природы и общества. Уже первые академические экспедиции XVIII в. столкнулись с невиданными по меркам Западной Европы природными богатствами России: объем ценнейшего исторического, археологического, лингвистического и этнографического материала был так велик, что ввод его в научный оборот продолжается до сих пор, по прошествии 300 лет. Практически все, что было достигнуто в области науки в России XVIII в., стало результатом деятельности Петербургской академии наук.

Характерно, что географическое, естественно-научное и историко-филологическое познание России на протяжении трех веков оставалось и остается главной задачей Академии наук. Как говорил академик В. И. Вернадский, русской наукой были «изучены пространства много большие той шестой части земной поверхности, которая в первую очередь выпала на нашу историческую долю». Экспедиционные исследования на северо-востоке Евразии вплоть до Камчатки и Аляски, затем в Се-

верном Причерноморье, на Кавказе, Балканах, в Малой, Средней и Центральной Азии, наконец, на других континентах Земли открыли человечеству неизвестные ранее природные и культурные миры, причем немаловажную роль в этом сыграла именно русская наука.

Академики Петербургской академии наук создали базу для профессионализации науки и дифференциации научных дисциплин в начале XIX столетия, когда единая ткань энциклопедизма Просвещения оказалась расплетена на отдельные нити. Отечественная наука сумела сформироваться, пройти основные этапы развития и пережить «болезни роста» ускоренными темпами — всего за полтора века: с петровских времен вплоть до отмены крепостного права в 1861 г., т.е. в период, который сегодня определяется как эпоха становления новой русской культуры как культуры складывающейся нации. Уже со второй половины XIX в. достижения ученых Академии наук вышли на такой уровень, который был вполне сравним с уровнем европейским, однако они остались недостаточно признаны мировым научным сообществом: слишком велик был тогда (как и сегодня) языковой барьер (*Rossica non leguntur*).

В XIX в. в России была создана и начала функционировать постепенно разраставшаяся сеть университетов, специализированных вузов, научных учреждений и обществ. В новых исторических условиях, когда научные кадры стали поставлять гимназии и высшие учебные заведения, в Российской империи появилась своя, национальная наука, положение в русской науке в целом, и в Академии наук в частности, коренным образом изменилось. При этом информационное пространство мировой науки, в которое с начала XVIII столетия была вовлечена и Россия, вплоть до середины 1920-х гг. было единым. Большинство профессиональных российских ученых в XVIII — начале XX в. стажировались в западноевропейских университетах или научных центрах, участвовали в международных научных форумах, перенимали опыт коллег в области полевых и кабинетных практик.

К концу XIX — началу XX в. «обрусевшая» Академия наук смогла полнокровно синтезировать достижения мировой научной мысли, в отдельных отраслях знания выйдя на передовые рубежи. Как известно, наука по своей сути интернациональна, но в каждой стране она имеет особые, национальные черты. В 1899 г. русский зоолог и антрополог А. П. Богданов отмечал, что «хотя Юпитер и Марс... движутся одинаково и для русского, и для немца, однако русский примется за наблюдение, станет описывать его не так, как немец..., даже более того, подметит то, чего не подметит немец и пропустит то, что увидит последний». Это наблюдение в полной мере относится к истории Российской академии наук.

Из-за малочисленности штата и неразвитости организационных форм исследований в начале XX в. Академия лишилась положения главного исследовательского центра в ряде областей физико-математических и естественно-научных дисциплин, но ее высокий авторитет оставался непререкаем в области гуманитарных наук. К началу XX в. археологи, историки искусства, славяноведы, востоковеды, лингвисты, этнографы, историки России, специалисты по всеобщей истории вынуждены были постоянно ставить и решать проблему культурного синтеза в контексте взаимодействия сменявшихся друг друга культур и эпох на пространствах Евразии; сформулировали культурно-исторические концепции, раскрывшие их роль в мировом историческом процессе; создали модели взаимодействия варварских культур с древними и средневековыми цивилизациями Запада и Востока. Сама постановка проблемы культурной

интерференции и синтеза стала существенным вкладом отечественной науки в мировое гуманитарное знание XX в.

Однако «оранжерейность» цветка русской фундаментальной науки к началу XX в., оторванность ее от широких масс интеллигенции и народа осознавалась самими учеными. Пришедшие к власти в 1917 г. большевики понимали, что экономический подъем и обороноспособность Советской России возможны только при наличии культурного и научного развития страны. Закономерно, что именно советская власть сумела претворить в жизнь многие чаяния дореволюционной демократической интеллигенции России: большевики, проведя культурную революцию, переформатировав среднюю и высшую школу, использовали Академию наук как инструмент возрождения экономики и превращения СССР в великую державу, попутно избавляясь от ученых «старой школы». Со временем, мобилизовав интеллектуальный потенциал Академии, резко увеличив кадровый состав и количество научных учреждений, внедрив новые формы организации исследований, государство добилось качественно нового уровня взаимодействия с академическими учеными. Благодаря этому Академия распространила свою деятельность на всю страну и превратилась в подлинный штаб советской науки, в котором определялись пути научного развития Советского Союза, включая разработки в области обороны и космоса.

Советская эпоха — время формирования Академии наук СССР как мощной структуры исследовательских учреждений, часть которых складывалась на основе существовавших в дореволюционное время комиссий, по инициативе и под руководством исследователей старой формации или их учеников — ученых нового поколения, осознававших свою академическую идентичность. Идея создания в Академии сети институтов, ориентированных на исследовательскую работу в отдельных областях науки, появилась еще в предреволюционные годы, получила поддержку Временного правительства, но ее практическая реализация началась лишь в первые годы советской власти с создания Института физико-химического анализа под руководством Н. С. Курнакова (1918), а затем — ряда других институтов физико-технического и материаловедческого профиля. В 1928 г. в структуре Академии было уже 32 научных учреждения, включая 8 исследовательских институтов.

Постепенно Академия приобретала форму организации, построенной как система специализированных исследовательских учреждений, в которой институт был главной рабочей единицей. Создание новых институтов широко развернулось во второй половине 1930-х гг., после переезда Академии в Москву (1934), а затем — в 1960-е гг. Формат институтов давал возможность объединить большие и малые группы ученых для исследовательской работы, в том числе решения конкретных научных задач; создать материальную базу, соответствующую потребностям и запросам различных областей науки и особую рабочую атмосферу, соответствующую ментальности ученых. В канун войны, в 1941 г., в Академии насчитывалось 47 институтов, в которых работало более 16 тыс. ученых, а в 1985 г. — 330 институтов с 57 тыс. научных сотрудников. Члены Академии в этой системе выступали уже не только в качестве ученых, ведущих собственную научную работу, но и в качестве руководителей отдельных лабораторий, институтов и крупных научных направлений. В 1938 г. в Академии было создано 8 тематических отделений, отвечающих за исследования в отдельных областях. С 1930-х гг. начинается формирование сети учреждений, подведомственных Академии наук СССР, в союзных республиках и областях РСФСР в форме лабораторий, научных цен-

тров и филиалов. В военные годы на базе филиалов Академии наук СССР в Грузии, Армении, Азербайджане и Узбекистане были созданы собственные академии наук, воспроизводящие структуру союзной Академии, в последующие годы они появились и в других республиках. В 1985 г. в системе академий союзных республик насчитывалось 370 научных учреждений.

Выход академической науки за пределы столиц имел колоссальное значение для развития страны, становления ее новой исследовательской инфраструктуры, устранения диспропорций в пространственном распределении ее научного потенциала, привлечения в академическую среду свежих сил из различных регионов. Важнейшим событием в формировании нового научного ландшафта страны стало создание в 1957 г. по инициативе академика М. А. Лаврентьева Сибирского отделения Академии наук СССР с центром в Новосибирском Академгородке и собственной сетью исследовательских институтов широкого тематического профиля. Позднее, в 1987 г., на базе региональных филиалов были созданы два других региональных отделения Академии на востоке страны — Уральское и Дальневосточное, а в 2023 г. — Санкт-Петербургское отделение.

Годы Великой Отечественной войны потребовали от Академии предельного напряжения сил для решения многообразных задач: совершенствования вооружений, технической поддержки их использования, расширения сырьевой ресурсной базы промышленности, интенсификации производства, разработки новых медицинских препаратов. Созданные в 1941—1942 гг. комиссии по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья, Урала, Западной Сибири, Казахстана, Комиссия по научно-техническим военно-морским вопросам, Комиссия по геолого-географическому обслуживанию Красной армии, Военно-санитарная комиссия возглавлялись крупнейшими учеными и стали в то время основными рабочими органами Академии. Работки в области прикладной физики, радиотехники, аэродинамики, химии горения и взрыва, металловедения внесли весомый вклад в обеспечение Победы над фашистской Германией. Уже в военные годы были начаты новаторские для своего времени исследования, во второй половине XX в. обеспечившие обороноспособность страны и военно-стратегический паритет с Западом.

В сентябре 1942 г. Государственным комитетом обороны было издано распоряжение № 2352сс «Об организации работ по урану», давшее старт советскому атомному проекту. На основании этого распоряжения при Академии наук СССР следовало организовать специальную лабораторию атомного ядра, получившую название «Лаборатория № 2». Спустя два года академик И. В. Курчатов предложил привлечь к работе по проекту семь институтов Академии наук СССР. Так было положено начало созданию ракетно-ядерного щита, коренным образом изменившего военно-стратегический баланс сил на мировой арене. Центром разработок в этой области впоследствии стал Институт атомной энергии, преобразованный в 1956 г. из лаборатории № 2, ныне — НИЦ «Курчатовский институт».

В начале 1956 г. Совет Министров СССР издал постановление о создании искусственного спутника Земли. Академия наук СССР стала головной организацией по общему научному руководству исследованиями и должна была разработать технические задания на научную аппаратуру и лабораторное оборудование. Президиуму Академии наук СССР было поручено подготовить и утвердить перспективный план научных проблем, подлежащих изучению в космических полетах. При Президиуме Академии

наук СССР была организована Комиссия по осуществлению научного руководства для создания спутника во главе с академиком М. В. Келдышем. Министр общего машиностроения СССР О. Д. Бакланов охарактеризовал роль академика в создании спутника как безусловную: «Он нужен был космической среде для подтягивания академической науки к решению актуальных практических задач... И эта смычка большой науки и большой космической практики, начиная со второй половины пятидесятых годов, произошла». Космическая эра человечества была открыта 4 октября 1957 г. запуском в Советском Союзе первого искусственного спутника Земли. В постановлениях Совета Министров СССР с середины 1950-х гг. содержатся многочисленные поручения Академии наук СССР и ее отдельным институтам, касающиеся теоретических расчетов, вычислений на ЭВМ, работ по изготовлению аппаратуры для освоения космического пространства, научных наблюдений, исследований в области космических проблем. Институты и ученые Академии наук СССР прекрасно справились с поставленными задачами, о чем свидетельствует успешный полет в космическое пространство первого в мире космонавта Ю. А. Гагарина. Еще до полета человека в космос ученые начали изучать Луну, Венеру, Марс с помощью автоматических космических станций. Академия наук превратила космос в бескрайнее научно-исследовательское поле.

Преобразование Академии в гигантскую научную корпорацию, сочетающую в себе функции выполнения многообразных исследовательских разработок, государственного управления наукой и интеллектуального центра страны — уникальный в мировой практике опыт организации сферы науки, вызывавший восхищение зарубежных коллег, называвших советскую Академию наук «империей знаний». Организационное устройство Академии наук СССР второй половины XX в. соответствовало историческим запросам и потребностям развития науки того времени. Эта модель соединила в себе традиционные принципы избрания в Академию выдающихся ученых и обеспечения оптимальных условий для их работы, новые масштабы научно-технических исследований, опору на вновь созданные специализированные научные учреждения, жесткую централизованную систему управления институтами. Академию наук СССР с полным основанием можно считать одним из наиболее эффективных и успешных проектов советской эпохи.

Экономический кризис и политические потрясения конца 1980-х — начала 1990-х гг. изменили сложившийся уклад и атмосферу академических исследований, поставив под угрозу само существование академической науки. Российское общество связывало с наукой ожидания позитивных перемен, но разочаровалось в ее возможностях в ситуации болезненных реформ и политической турбулентности. С выходом постановления Верховного Совета РСФСР от 15 февраля 1991 г. об учреждении Академии наук Российской Федерации в стране появились две академии, претендующие на роль высшего научного учреждения. Возникла угроза дробления между ними материальных ресурсов, институтов и лабораторий, поэтому актуальной стала задача сохранения единой инфраструктуры академической науки. В сентябре 1991 г. Президиумом Академии наук СССР было принято постановление о сохранении единства Академии наук СССР с возвращением ей названия и статуса Российской академии наук, что обеспечивало преемственность в развитии Академии и целостность сети ее научных учреждений. 21 ноября 1991 г. Президент РСФСР Б. Н. Ельцин подписал Указ об организации Российской академии наук с передачей ей научных учреждений, подведомственных Академии наук СССР и инкорпорацией в нее членов союзной академии.

История Академии в 1990—2000-х гг. привычно воспринимается как время испытаний, снижения статуса науки, сокращения финансирования исследований, трудного поиска управленческих решений, обеспечивающих развитие науки и сферы инноваций в условиях рыночной экономики. Однако очевидно, что в этот период Академия наук много сделала для общества и страны, сумев сохранить сеть подведомственных институтов и позиции интеллектуального центра с панорамным видением всех областей науки, установкой на планирование больших научных проектов. В 2013 г. в состав Российской академии наук входило около 650 учреждений, в которых работало более 46 тыс. научных сотрудников. Члены Академии стояли у истоков создания национальных научных фондов — новых для России структур, поддерживавших проекты инициативных исследовательских групп на конкурсной основе. При участии Академии российские научные фонды стали эффективным инструментом стимулирования научной активности и обновления системы финансирования исследований в формате грантов. Российская академия наук многое сделала в эти годы для расширения международных связей, обеспечения доступа российских исследователей к ранее недоступным разработкам и технологиям, создания международных коллабораций, в которых реализовывались интересы российских научных учреждений.

Среди выдающихся научных достижений постсоветского времени, получивших мировое признание, — синтез сверхтяжелых химических элементов, изучение синтеза сложных углеводородных систем в верхней мантии Земли, открытие реликтового озера Восток в Антарктиде, разработка метода получения рекордно мощных магнитных полей. Первые постсоветские десятилетия стали плодотворным временем для академических гуманитарных наук, освободившихся от марксистской догматики. Новая российская идентичность формировалась на основе академического осмысления наследия русской философии, общественной мысли и литературы, введения в научный оборот ранее неизвестных исторических источников, обновления знаний об этничности и этническом многообразии России, ярких археологических исследований, открывших древнейшую русскую книгу — Новгородскую псалтирь и ранее неизвестный вид рода Homo — денисовского человека. Российская академия наук в 1990—2000-х гг. приложила значительные усилия, чтобы смягчить для ученых болезненный переходный период и вернуть в российское общество понимание ценности национальной науки.

Реформа государственных академий 2013 г. изменила систему управления наукой в нашей стране, интегрировав в состав Российской академии наук две отраслевые академии — Российскую академию медицинских наук и Российскую академию сельскохозяйственных наук и передав в ведение вновь созданного Федерального агентства научных организаций научно-исследовательские институты, их имущество и финансирование. С 2018 г. институты подведомственны Министерству науки и высшего образования РФ. Согласно новому уставу, утвержденному в 2014 г. (с позднейшими поправками), Российская академия наук является некоммерческой организацией, созданной в форме федерального государственного бюджетного учреждения, и осуществляет научное руководство научными исследованиями в Российской Федерации. Предметом деятельности Российской академии наук является обеспечение преемственности и координации научных исследований, экспертного научного сопровождения деятельности органов государственной власти Российской Федерации, научно-методического руководства деятельностью учреждений науки и вузов.

Реформа ограничила участие Российской академии наук в управлении текущей работой институтов, но закрепила за ней стратегические функции разработки программ фундаментальных исследований на долгосрочный период, научного руководства учреждениями науки и высшей школы и экспертизы результатов их работы. Сегодня еще не пришло время оценивать эффективность конкретных управленческих решений, реализованных при реформировании академий. Многие из этих изменений были критически восприняты российским академическим цехом, но нельзя не признать, что реформа дала новый импульс для развития институтов, обновления исследовательской повестки. Бесспорно одно — Российская академия наук встречает свое 300-летие как мощная и сплоченная научная корпорация, как интеллектуальный центр страны. Научный потенциал и экспертный опыт Российской академии наук востребованы обществом и государством. В этом состоит главная преемственность ее трехвековой истории.

Настоящее издание — первый опыт создания истории Академии с широким привлечением документальных материалов, находящихся в фондах Архива РАН и его Санкт-Петербургского филиала. Основная идея книги — совместить в одном издании изложение истории Академии как научного учреждения, обзор результатов ее научной деятельности на различных этапах, а также исторические портреты выдающихся членов Академии разных эпох — ее руководителей и ученых, с именами которых связаны яркие достижения российской науки. Первый том издания посвящен «петербургскому» периоду истории Академии, продолжавшемуся до 1934 г., второй том — «московскому» периоду, начавшемуся после переезда Президиума Академии наук СССР в Александринский дворец. Логика этого разделения во многом определяется структурированием и местом хранения документальных источников, находящихся в Санкт-Петербурге (1724—1934) и Москве (1934 г. — настоящее время).

Каждый том издания состоит из двух разделов, первый из которых характеризует общую линию развития Академии и академических исследований, а второй содержит жизнеописания главных действующих лиц академической истории. Важную часть второго тома составляют очерки истории двух академий, интегрированных в состав Российской академии наук в 2013 г. — Российской академии медицинских наук (образованной на базе созданной в 1944 г. Академии медицинских наук СССР) и Российской академии сельскохозяйственных наук (созданной на основе учрежденной в 1929 г. Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук). Без истории этих двух отраслевых академий и оценки их достижений невозможно сегодня составить полноценную картину развития академической науки в нашей стране в новейшее время. Очевидно, что Академия богата великими именами, и одной из наиболее сложных задач при подготовке книги был выбор ученых, биографии которых вошли в настоящее издание. Редколлегия исходила из того, что в этом списке должны присутствовать президенты Академии и лауреаты Нобелевских премий. Последнее десятилетие истории академической науки насыщено яркими достижениями ничуть не меньше, чем предыдущие, но мы оставили его за рамками книги. Ведь работа историка предполагает наличие некоторой хронологической дистанции между исследователями и исследуемыми событиями, а предлагаемая читателю книга — историческое сочинение.

ВЕХИ ИСТОРИИ: ОТ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ ДО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВЕК ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

ОТ ЗАМЫСЛА ДО ПОЯВЛЕНИЯ ПЕРВОГО «УЧЕНОГО СОЦИЕТАТА» РОССИИ

Создание в 1724 г. в Санкт-Петербурге Академии наук стало закономерным следствием общеевропейского научного прогресса, который пришел в Россию благодаря реформам Петра Великого (1682—1725) в экономике, государственном устройстве, культурно-политическом сознании ее граждан. Собственные интеллектуальные достижения страны, накопленные ею за прошлые столетия, пока допетровская Московия превращалась в большое централизованное государство, придали этому движению к знаниям само-бытную глубину.

Трудно сказать, какие именно события легли в основу замысла Академии наук. Возможно, начало ему положило «Великое посольство» 1697—1698 гг., первое заграничное путешествие молодого царя Петра Алексеевича. Именно тогда он увидел, как работают учебные учреждения и научные общества, услышал лекции профессоров, доклады и прения ученых, познакомился с Э. Галлеем, А. ван Левенгуком,

И. Ньютоном, Д. Флемстидом и др. Считается, что по возвращении домой, в беседе с патриархом Адрианом, царь впервые проговорил, пусть и в общей форме, свое намерение создать в стране академию наук или университет. Однако заботы Северной войны (1700—1721), политические и экономические реформы целиком поглощали время и силы Петра. К тому же сам образ будущей Академии долго не мог обрести четкой формы.

Пётр ясно понимал неразрывную связь военной мощи и хозяйственного благосостояния страны с развитием наук и образования. Россия создавала современную армию и флот, одерживала победы на военных и дипломатических ристалищах, прирастала территориями, снаряжала экспедиции, строила мануфактуры, а потому остро нуждалась в грамотных специалистах и просто образованных людях. Царь, со свойственной ему решительностью, всеми силами заставлял дворян учиться. Так, например, указом

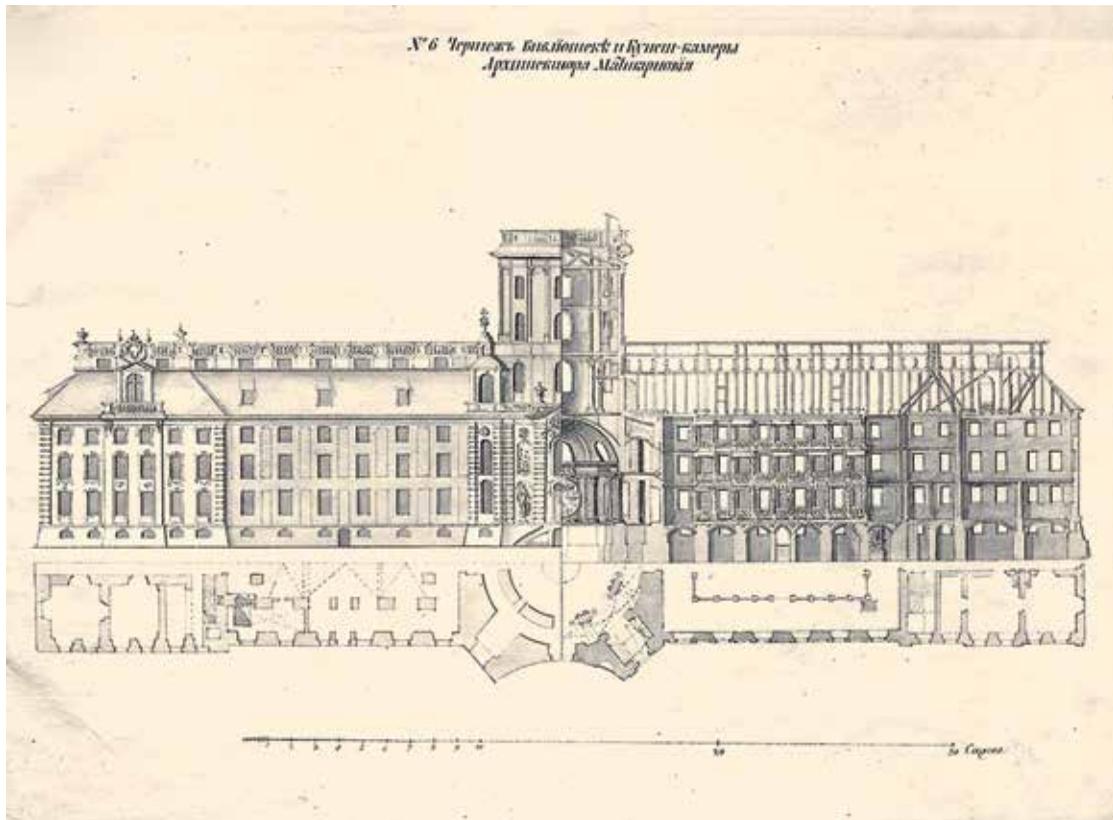
*Император Пётр I. Гравюра Х.А. Вортмана по рисунку И. Г. Таннауэра. Ок. 1735 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-П. Д. 20. Л. 1*

от 20 января 1714 г. он запретил дворянину, не знающему «цыфири и геометрии», жениться¹. Для тех, кому было мало одной лишь грамоты, а хотелось знать больше, предполагалось создать университет, который тогда, в подражание античным временам, называли «академией». Известен проект Фёдора Салтыкова 1714 г., предусматривавший подобные «академии» в каждой российской губернии для обучения в них дворянских и купеческих детей от 8 до 23 лет.

Между тем в Санкт-Петербурге уже в 1707 г. появилось государственное учреждение, ставшее предтечей Академии наук. Это была Аптекар-

ская канцелярия во главе с лейб-медиком царя шотландцем Робертом Карловичем Арескиным (1667—1718). Он учился в университетах Эдинбурга и Парижа, в Утрехте в 1700 г. получил степень доктора медицины, в 1703 г. стал действительным членом Лондонского королевского общества (Royal Society of London for Improving Natural Knowledge). Р. К. Арескин приехал в Россию как врач, однако, будучи начальником Аптекарской канцелярии, показал себя незаурядным администратором. При нем Канцелярия стала выполнять функции старинного Аптекарского приказа, который занимался не только лекарским делом, но сбором и хранением редких книг и рукописей, отправкой экспедиций в разные регионы страны для поиска лекарственных трав, приглашением иностранных специалистов. Возглавив Канцелярию, Р. К. Арескин укреплял и ее научную составляющую: ввел строгий отбор иностранных специалистов, приезжавших искать службы в Аптекарской канцелярии и в проектируемой царем Академии, содействовал развитию основанного в 1706 г. Петром Аптекарского огорода в Москве и в 1714 г. Аптекарского огорода в Санкт-Петербурге (ныне Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН), стал первым руководителем царских библиотеки и музея — Кунсткамеры (с 1714 г.), пополнял книжные и натуралистические коллекции, руководил экспедиционным изучением российских территории, стал основателем отечественной бальнеологии. Именно он подписал контракт с данцигским доктором медицины Даниэлем Готтлибом Мессершмидтом, возглавившим первую

¹ ПСЗ. 1830. Т. 5. № 2762.

«Чертеж Библиотеки и Кунсткамеры архитектора Маттарновия».
 Г. Маттарнови. Чертеж, разрез и план здания Кунсткамеры. 1710-е гг.
 СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 2. Д. 8. Л. 7

научную комплексную экспедицию в Сибирь. Благодаря Р.К. Арескину в России были заложены основы фундаментальных знаний, развитием которых занялась потом Академия наук.

Со смертью Р. К. Арескина в 1718 г. его обязанности разделили между собой братья Блюментросты: Иван Лаврентьевич (1676—1756) возглавил Аптекарскую канцелярию (с 1721 г. она стала именоваться Медицинской), Лаврентий Лаврентьевич (1692—1755) занялся Библиотекой, Кунсткамерой и вопросами науки. В 1718 г. он представил Петру I проект Академии, в которой должны были трудиться пять профессоров: астрономии, географии, анатомии, ботаники и естественной истории. Перечисленные ученые заня-

тия полностью соответствовали отделам царской Кунсткамеры, для которой в то время на берегу Невы начали возводить специальное здание: в музее предполагались астрономическая обсерватория, анатомический театр, помещения для растительных, животных, минералогических коллекций, для чего со всего света привозили научные инструменты, механизмы, натуралии и артифициалии. Кунсткамеру специально сделали общедоступным музеем, чтобы, приходя в него, люди «смотрели и учились». Там же нашлось место для обширной царской библиотеки, состоявшей из тысячи рукописей и печатных изданий, которые могли удовлетворить запросы любого книголюбца. Налаживание культурных связей с Ев-

Г. В. Лейбниц. Гравюра Э. Фике. 1745 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-А. Д. 37. Л. 1

ропой, собирание книжных, естественнонаучных, этнографических и археологических коллекций, строительство для них специальных помещений, создание всевозможных образовательных проектов — все это делало еще более актуальным вопрос об организации российской науки, который Пётр давно уже обсуждал с европейскими учеными. Одним из первых, к кому обратился русский царь, был Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716).

Истинный ученый-энциклопедист, титан научной революции XVII в., казалось, что сам Г. В. Лейбниц — это целая академия. В математике, независимо от И. Ньютона, он открыл интегральные и дифференциальные исчисления, в механике применил достижения математики к различным видам движения, в физике занялся магнитны-

ми наблюдениями, в философии дал определение духовных единиц бытия, в теологии — оправдание Бога. Кроме того, Г. В. Лейбниц был энтузиастом организации научного дела — одержим идеей повсеместного создания ученых обществ, члены которых разрешат загадки природы и направят свои открытия на борьбу с болезнями и голодом, облегчат труд людей, облагородят их души, отвратят от войн, грабежей, безделья. Со временем именно Россия стала казаться Г. В. Лейбницу той пока невозделанной «плодородной целиной», которая со временем даст богатый урожай знаний. Заочное знакомство русского царя и немецкого философа состоялось в 1697 г., когда с «Великим посольством» Пётр оказался в Германии. Ему передали записку Г. В. Лейбница о промышленном и культурном расцвете России. Высказанные в ней мысли, например о приглашении иностранных ученых, были близки Петру, поэтому он отнесся к Г. В. Лейбницу как к единомышленнику, чей опыт и авторитет можно было использовать в практических целях. В течение 20 лет, что они общались, Г. В. Лейбниц составил для царя несколько проектов по организации научного дела в России, придя к мысли о необходимости создания в стране девяти коллегий и среди них — Ученой коллегии (Gelehrt-Collegium), в которую вошли бы, например, архитектор, медик, химик, астроном, математик, механик, историк. Каждый из них должен был найти наилучший способ изучения своей науки и постоянно развивать ее, а также следить за обучением молодежи за рубежом и дома. Делу обучения, по мысли ученого, служила бы академия, для идеальной работы которой следовало создать

комфортные условия ее профессорам и непременно устроить в ней библиотеку и типографию. Нужно сказать, что Г. В. Лейбниц считал себя «гражданином мира», для которого Отечество — небо, а сограждане — все благомыслящие люди. Поэтому идею о создании ученого общества и академии (университета) он высказывал не только русскому царю, но и курфюрстам Майнца, Ганновера, Бранденбурга, но лишь Россия с ее огромными ресурсами, подгоняемая вперед реформами Петра, приняла эту мечту к воплощению. Для практической помощи Г. В. Лейбниц рекомендовал царю своего ученика и последователя — профессора философии университета Галле Христиана Вольфа (1679—1754).

Х. Вольф был талантливым ученым и просветителем, желающим нести знания в широкие народные массы. С этой целью он читал университетские лекции и писал учебники не на латыни, а на разговорном немецком языке, стараясь тем самым вовлечь в науку как можно больше молодежи и облегчить ей понимание сложных истин. Здесь он был солидарен с Г. В. Лейбницем, который писал: «Иногда наши люди, жаждущие знаний, допускаются к изучению вещей лишь после того, как проделают гераклов труд одоления языков, от которого часто уже притупляется острота ума, а те, которые исключаются из-за недостатка терпения или неспособности к латыни, как бы осуждены на невежество, и этим наносится ущерб общему благу»². Того же мнения, возможно, придерживался и Пётр, который в овладении наука-

ми всегда искал общественную пользу. Он несколько раз предлагал Х. Вольфу вступить на русскую службу в качестве советчика в практических вопросах физики и математики, но ученый долго тянул с ответом, объясняя свою неуверенность страхом оказаться в незнакомой стране с суровым климатом и непривычными условиями проживания. На это библиотекарь Петра, будущий глава академической канцелярии Иоганн Даниил Шумахер (1690—1761), который переписывался с ученым, ответил так: «Да, климат в Петербурге несколько суровый, но зато здоровый; о злых лихорадках и заразных недугах здесь почти не ведают. Пища столь вкусна и полезна, как дай Бог скудной Марке (маркграфство Бранденбург,

Х. Вольф. Гравюра В. Д. Прейслера.
Не позднее 1765 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-В. Д. 69. Л. 1

² Копелевич Ю. X. Возникновение научных академий. Л., 1974. С. 133—134.

где тогда жил Х. Вольф. — *Авт.*). Веру свою всяк исповедует вольно, а у лютеран, вообще, самая крепкая община, среди ее прихожан — адмиралы, генералы и тайные советники. Петербург такой блестящий и просвещенный город, какого не сыщешь в Германии. Даже не представляю, кто бы мог убедить Вас в обратном, разве только высокопочтимая госпожа надворная советница (жена Х. Вольфа, который носил чин надворного советника. — *Авт.*), если бы она узнала, что в Петербурге собирается приятнейшее дамское общество, которому доставит удовольствие Ваше присутствие»³. В 1723 г., по просьбе Петра I, Х. Вольф занялся подбором ученых для будущей Академии. Встречаясь и общаясь с коллегами, он все больше убеждался в том, что Россия пока не готова для создания научного учреждения, для этого недостаточно просто пригласить европейских ученых — прежде надо выстроить собственную систему образования, которая со временем даст импульс, ресурсы, материал к развитию наук. Тем не менее Х. Вольф не бросил заниматься делами будущей Академии и привел на службу русской науке физиков Христиана Мартини (1699—1739) и Георга Бернгарда Бюльфингера (1693—1750), механика Иоганна Георга Лейтмана (1667—1736), анатома Иоганна Георга Дювернуа (1691—1759).

Заметим, что и в России далеко не все поддерживали идею Петра завести в стране Академию наук, минувшая школы и университеты. Так, когда

В. Н. Татищева попросили подобрать в Швеции, куда он собирался по делам, ученых людей для учреждающейся Академии наук, он с усмешкой возразил просителю: «Ты хочешь сделать архимедову машину очень сильную, да поднимать нечего, и где поставить — места нет»⁴. Пётр, когда услышал это, потребовал разъяснить метафору и, узнав, что В. Н. Татищев под «сильной архимедовой машиной» понимает иностранных профессоров, чьи знания в России пока бесполезны, ответил также иносказательно. Он признался, что есть у него «жит (т.е. спелых колосьев. — *Авт.*) скирды великие», и чтобы их перемолоть, он намерен поставить мельницу, вот только воду к ней подвести не успевает, потому что «долгота жизни нашей ненадежна». Однако, заключил царь, такой мощный задел подвигнет наследников довершить начатое им дело⁵. В целом, так и случилось.

22 января⁶ 1724 г. на заседании Сената, проходившем в Зимнем дворце в присутствии царя, был рассмотрен «Проект об учреждении Академии наук». До сих пор процесс подготовки этого важного уставного документа известен не полностью. По мнению специалистов, проект обсуждался давно и даже накануне заседания был предметом споров, потому что в нем следовало учесть коллегиальность и многозадачность будущей Академии. Непросто было определить и источник материального обеспечения ученых, «которые о произведении наук стара-

---

³ Пётр Великий и основание Петербургской академии наук. Документы и материалы: в 2-х ч. / ред.-сост. Е. Ю. Басаргина. СПб., 2022. Ч. 1. С. 41.

⁴ *Татищев В.Н.* Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // В. Н. Татищев. Избранные произведения / под общ. ред. С. Н. Валка. Л., 1979. С. 105.

⁵ Там же. С. 105.

⁶ Здесь и далее даты указаны по старому стилю.

ются, обычно мало думают на собственное свое содержание»⁷. Вначале Пётр собирался использовать доходы с почт, а также 20 000 руб. из штата основанной ранее Морской академии, но передумал, решив, что почтовый сбор ненадежен, а сумма для Морской академии слишком мала для Академии наук. В результате он выбрал для нее другой источник дохода — налоги на импорт и экспорт товаров, провозимых через четыре прибалтийских города, а также повысил ее содержание до 24 912 руб.

«Проект об учреждении Академии наук» был дан в качестве приложения к указу Сената от 28 января 1724 г., но не был обнародован как самостоятельный документ, из-за чего не получил официального статуса. Тем не менее до середины XVIII в. и в самой Академии, и за ее пределами он воспринимался как имеющий законную силу уставной документ. При этом ни по форме, ни по содержанию Проект уставом не являлся, поскольку он лишь разъяснял начальные задачи и не предусматривал перспективы, а исправления на полях и нечеткие формулировки не раз давали поводы к разночтениям документа. Например, фразу «надлежит учинить директора и двух его товарищей» иногда относили к параграфу о кураторе, который должен заботиться об Академии и представлять ее интересы при дворе, а иногда понимали как руководство к созданию «директората» из числа академиков. Впрочем, подобная незавершенность была вполне в духе времени. Как правило, научные общества и академии других стран обзаводились уставами после нескольких лет

Проект об учреждении Академии наук, утвержденный Петром I 22 января 1724 г., с его пометами на полях. Фотокопия СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 6. Д. 137. Л. 100

работы, набравшись опыта в управлении и организации научного дела. При создании же они обычно обходились написанием программного документа; например, Парижская академия наук, которую в Санкт-Петербурге воспринимали как эталон, впервые получила регламент лишь 33 года спустя после своего открытия. Возможно, такой же вариант развития событий Пётр I предполагал и для своей Академии.

«Проект об учреждении Академии наук» установил ее структуру, назначение и правовой статус. Так в Российской империи появилось государствен-

⁷ Уставы Российской академии наук. 1724—2009. М., 2009. С. 55.

ное учреждение, находящееся под личной защитой монарха и предназначенное для развития наук и распространения их в народе. Ради достижения этой цели оно объединило в себе научное и учебные заведения: собственно Академию, а при ней университет и гимназию. Сосредоточение исследовательских и обучающих функций в одном центре объяснялось экономией средств (учреждение и содержание отдельных школ привело бы к большим расходам) и объективной нехваткой студентов. Академия наук должна была состоять из 11 профессоров, разделенных на три класса. Первый: теоретическая математика, астрономия вместе с географией и навигацией, теоретическая и практическая механика. Второй: теоретическая и экспериментальная физика, анатомия, химия, ботаника. Третий: красноречие и древности, древняя и новая истории, включая публичное и естественное право, политику, этику. Предложенный Петром I состав классов в целом был знаком европейцам, но имел и свои отличия, вызванные, во-первых, тем что Академия возникла на определенном этапе научной революции, когда ряд дисциплин уже обрели самостоятельность (например, физика), а во-вторых, тем что она создавалась под конкретные государственные нужды. В частности, астрономия была связана с географией и навигацией, потому что в практике тогдашней России они использовались сообща, ботаника была важной для страны наукой (к тому времени уже состоялось несколько ботанических экспедиций), да и сам Пётр ею интересовался. Гуманитарные специальности ориентировались на потребности академического университета. Университет, в свою очередь, делился на три

факультета: юридический, медицинский и философский, что, за исключением факультета теологии, повторяло структуру классического европейского университета. Петербургская академия наук получила преимущество, которого в то время не было нигде в мире: ее члены находились на полном иждивении государства. Оно гарантировало ученым жалование, принимало на себя их расходы на жилье, дрова и свечи (которых в сыром и пасмурном городе требовалось много), предоставляло условия для полноценной работы (помещения, книги, бумагу и перья), а также оплачивало дорожные расходы, в том числе и тем, кто решит уехать из России. В Европе члены научных обществ трудились бесплатно, и если не имели независимого дохода, то зарабатывали себе на жизнь какой-нибудь службой. Правда, в Парижской академии было 20 пенсионеров, которым также платило государство, но это были поощрительные вознаграждения, на которые невозможно было прожить.

Можно сказать, что в России начала XVIII в. возникла профессия ученого, человек науки впервые получил возможность содержать себя и семью своей исследовательской работой, не отвлекаясь ни на что иное. В ответ, согласно Проекту, государство требовало от ученого: 1) изучать материалы по своей дисциплине, составлять и готовить к изданию выдержки из сочинений ведущих специалистов; 2) развивать свою науку и делать в ней открытия; 3) участвовать в еженедельных заседаниях, где обсуждать с коллегами новые идеи, опыты и эксперименты; 4) проводить экспертизу изобретений, сделанных сторонними лицами, содействовать техническому оснащению мануфактур и ремесел;

5) выполнять специальные исследования государственной важности; 6) писать учебники; 7) читать публичные лекции; 8) обучать своих помощников из числа студентов, которые, в свою очередь, сами станут профессорами.

Одобрение Петром I и Сенатом академического Проекта придало новую силу переговорам с иностранными учеными, и уже через полгода был подписан первый контракт, предполагавший участие в деятельности Академии. 1 сентября 1724 г. Л. Л. Блюментрост и немецкий ботаник Иоганн Христиан Буксбаум (1693—1730) заключили договор, по которому последний обещал заняться изучением природы России, совершить путешествие в Турцию и Персию, а по возвращении «иметь смотрение за Аптекарским огородом и сверх того наставлять учащееся юношество в ботанике»⁸. К тому времени И. Х. Буксбаум уже четыре года жил в России и работал под руководством Л. Л. Блюментроста в Медицинской канцелярии, поэтому считался здесь почти своим. Но если И. Х. Буксбаум хорошо представлял себе условия службы в России, то многие потенциальные кандидаты, никогда прежде в ней не бывавшие, тянули с ответом. Для сомневающихся по приказу царя еще в феврале 1724 г. из «Проекта об учреждении Академии наук» был составлен «экстракт», который разослали по всей Европе русским дипломатам, иностранным рекрутерам и ученым. Осенью того же 1724 г. Л. Л. Блюментрост активизировал свою переписку с потенциальными кандидатами. Тогда же Пётр наделил русских послов — кн. Б. И. Куракина в Париже

Я. Герман. Фотокопия с портрета маслом.
Не позднее 1733 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 427. Л. 1

и гр. А. Г. Головкина в Берлине — правом принимать иностранных ученых в Академию, именно так в Санкт-Петербурге оказался авторитетный европейский математик — швейцарец Якоб Герман (1678—1733). С ним подписали договор 8 января 1725 г., таким образом, Я. Герман стал первым петербургским академиком, за что удостоился чести именоваться *professor primarius* (первый профессор). В самом начале 1725 г. к Я. Герману присоединились немецкий физик Х. Мартини и немецкий историк Иоганн Петер Коль (1698—1778). Это были последние контракты, заключенные при жизни Петра I — великого основателя Петербургской академии наук, он умер в ночь с 28 на 29 января 1725 г. Дальнейшую заботу об Академии приняли на себя его наследники.

⁸ Пётр Великий и основание Петербургской академии наук. Документы и материалы: в 2-х ч. / ред.-сост. Е. Ю. Басаргина. СПб., 2022. Ч. 1. С. 77.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИИ НАУК В ПОСЛЕПЕТРОВСКИЙ ПЕРИОД

Менее чем через месяц после смерти Петра I, 23 февраля 1725 г., императрица Екатерина I (1725—1727) наказала послу кн. Б. И. Куракину «обнадежить» иностранных ученых, в том, что все они «будут содержаны у Нас в особливом Нашем призрении»⁹. 16 августа 1725 г. она впервые встретилась с некоторыми будущими академиками. Этот прием, описанный на страницах популярного лейпцигского издания «*Neue Zeitungen von gelehrten Sachen*», был воспринят как знак уважения, оказываемого в России наукам, и заверение того, что замыслы Петра I будут воплощены в жизнь. Окончательно развеял все сомнения первый академический Регламент, составленный в стенах самой Академии по указанию императрицы. Согласно документам, к 20 сентября 1725 г. текст был написан по-немецки, а к 27 сентября переведен на русский язык и передан в Сенат¹⁰. Как и петровский Проект, екатерининский Регламент не приобрел официального статуса из-за того, что его исполнение требовало слишком больших затрат. Однако он важен прежде всего тем, что показывает, как устроители Академии представляли себе ее работу. Кроме того, многие положения первого Регламента вошли в академическую практику и были повторены в Регламенте 1747 г., утвержденном императрицей Елизаветой Петровной.

Во вступлении к екатерининскому Регламенту объяснялась необходимость учреждения в России такого «социетата ученых», который бы и «упражнялся в науках», и «юношество учил». В нем также проговаривалась трехступенчатая организация Академии: из-за малого числа своих природных студентов на обучение приглашались чужестранные, чтобы они, прослушав здесь профессорские лекции, завершили бы свое образование и одновременно сами преподавали бы в гимназии и учились русскому языку. Это продолжалось бы до тех пор, пока «не умножится число достойных учеников». Таким образом, Академия обретала подобную иерархическую структуру лишь на время, пока в стране не появится достаточное количество образованных людей. Возможно, чтобы этот процесс протекал без помех, Регламент упрощал набор студентов: их привлекали особыми милостями и привилегиями в чиновничестве за успехи в учебе, а также возможностью покинуть страну, когда пожелают, поскольку науки «никакого принуждения и насилия терпеть не могут, любяще свободу»¹¹. Все члены Академии получали право вести бесплатную переписку со своими коллегами за рубежом, если их письма будут запечатаны академической печатью, письма из-за границы также не облагались

⁹ ПСЗ. 1830. Т. 7. № 4663.

¹⁰ Материалы для истории Императорской академии наук: в 10 т. / под ред. М. И. Сухомлинова. Т. 1. СПб., 1885. С. 144, 146. № 290, 295.

¹¹ Там же. С. 302. № 519 (§ 4).

пошлиной, если они были адресованы на имя президента либо всей Академии. Также Академия получила право на собственную типографию и льготы на издание и продажу собственных книг, служащих к умножению наук и славе империи. К числу важных нововведений, надолго вошедших в академическую жизнь, следует отнести появление степени экстраординарного профессора, которую получали особо отличившиеся студенты, кроме того, им обещали прибавку жалования и право читать публичные лекции (это звание, только с заменой профессора на академика, просуществовало в Академии наук до начала XX в.). Также была сделана попытка узаконить в составе Академии присутствие внештатных членов: «корреспондентов», по два человека в каждом классе, между которыми распределялось ежегодное награждение в 600 руб. (правда, фактически члены-корреспонденты появились в Петербургской академии наук лишь в 1759 г.). Регламент встроил в структуру Академии, и без того сложную, еще одно подразделение — Академию художеств, в которой должны были заниматься ученики, не обнаружившие способностей к «вышним наукам», но склонные к изучению «других хитростей». Так внутри Академии наук оказалось учреждение, которое Пётр задумывал как самостоятельное и имеющее больше направлений, а не только оговоренные в Регламенте архитектуру, живопись, ваяние и гравюру.

К осени 1725 г. были заполнены почти все академические вакансии, однако в Санкт-Петербург приехали только четыре профессора: Х. Мартини, Я. Герман, Г. Б. Бюльфингер, И. П. Коль, а с ними студенты: Карл Фридрих Шеслер (? — не ранее 1755), будущий

Императрица Екатерина I.
Гравюра Н. Я. Саблина. 1743 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Е. Д. 5. Л. 1

Г. Б. Бюльфингер. Фотогиалотипия с гравюры
И. Я. Хайда. Не позднее 1767 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 24. Л. 3

Д. Бернулли. Гравюра И.Я. Хайда по рисунку И. Р. Губера. Не позднее 1767 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 157. Л. 1

архитектор; Адольф Бернгард Крамер (1706—1734), будущий редактор первого в России научного сборника исторических документов; Фридрих Христофор Майер (1697—1729), будущий составитель первого российско-го календаря-месяцеслова, изданного Академией; Христиан Фридрих Гросс (1680—1742), будущий секретарь вице-канцлера А. И. Остермана; Генрих Эрнст Ортгизе (?—1727), будущий чиновник Медицинской канцелярии; Леопольд Иосиф Блида (1691—1762), будущий преподаватель академической гимназии. Вскоре от них на родину

полетели первые весточки о русской службе. Так, И. П. Коль написал своему товарищу, только что окончившему Лейпцигский университет Г. Ф. Миллеру, что в Петербурге так же хорошо, как в Германии, здешняя библиотека превосходна, и вообще, «человеку с высокими стремлениями ни в чем нет недостатка». «Поверь мне, ты не пожалеешь, что приехал сюда!» — так закончил он свое письмо¹². И недавний студент, будущий историограф Российской империи Герард Фридрих Миллер (1705—1783) пустился в путь, хотя близкие провожали его, словно в могилу: «Так сильны были тогда еще предубеждения против России», — вспоминал он позже¹³. Нашлись и такие, кого не надо было уговаривать, например математик из Кёнигсберга Христиан Гольдбах (1690—1764). Вначале он просто принимал участие в формировании состава будущей Академии и привел в нее швейцарских математиков братьев Николая (1695—1726) и Даниила (1700—1782) Бернулли и своего земляка филолога и историка Теофила (Готлиба) Зигфрида Байера (1694—1738). Но потом и сам загорелся мечтой о России и по собственной инициативе, без приглашения и всяких подъемных в конце июля 1725 г. приехал в Санкт-Петербург. Судьба предназначила Х. Гольдбаху стать первым конференц-секретарем Академии наук, автором ее первой истории, государственным деятелем при пяти российских самодержцах.

К приезду академиков в столице готовились основательно, до мелочей продумывая их быт, например, устроили для них общий щедрый стол, что-

¹² Копелевич Ю. X. Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 78.

¹³ Миллер Г. Ф. Избранные труды / сост., статья и прим. С. С. Илизарова. М., 2006. С. 8.

бы ученые (а большинство из них были молоды и холосты) питались правильно, не ходили бы по трактирам и не попадали бы там в истории. Еще при жизни Петра для членов Академии на Петербургской (ныне Петроградской) стороне, рядом с царским домом, отвели два дворца, принадлежавших прежде П. П. Шафирову и И. П. Строеву. В первом приготовили жилые помещения (четырёхкомнатные для профессоров и двухкомнатные для студентов) и рабочие аудитории (для заседаний и чтения публичных лекций), во втором обустроили учебные классы для гимназии и университета. Именно в шафировском доме в 1725 г. состоялось первое публичное собрание Петербургской академии наук. Его назначили на день именин императрицы Екатерины I — 24 ноября, «...яко римляне древле и другие народы обычай имели в те самые дни, в которые богов и богинь праздника творяхуся, их же паче иных благополучны и щастливы быти разсуждали, о главнейших делах государственных советовати...», — говорилось по этому поводу в объявлении «Академия наук российская читателю здравие»¹⁴. Но «за препятствием льда» заседание перенесли на 9 утра 27 декабря, пригласив на него «всех наук патროнов и благодетелей». И хотя сама императрица не пришла в Академию, там собралось блестящее общество во главе с царевной Анной Петровной и ее мужем герцогом Карлом-Фридрихом Голштейн-Готторпским. Перед гостями выступил профессор физики Г. Б. Бюльфингер с рассказом о математических методах установления долгот, после чего

по тому же вопросу высказался профессор математики Я. Герман. Потом академиков пригласили на завтрак, устроенный в их честь герцогом.

Ко времени, когда академики собрались на свое первое публичное собрание, у них уже был официальный руководитель. Указом от 20 ноября 1725 г. «О заведении Академии наук» Екатерина I назначила ее президентом Л. Л. Блюментроста¹⁵. Это решение было закономерным и справедливым. Полагают, что Л. Л. Блюментрост был автором (или соавтором) Положения об Академии 1724 г. и Регламента 1725 г. Кроме того, он активно участвовал в приглашении и приеме на службу первых академиков и смог собрать в Санкт-Петербурге действительно удачный коллектив: по-хорошему честолюбивых, знающих специа-

Объявление о первом торжественном заседании Академии наук. 24 ноября 1725 г., с пояснением рукой Г. Ф. Миллера о причине переноса даты на 27 декабря 1725 г.

СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 4. Д. 8. Л. 1

¹⁴ СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 4. Д. 8. Л. 1.

¹⁵ ПСЗ. 1830. Т. 7. № 4807.

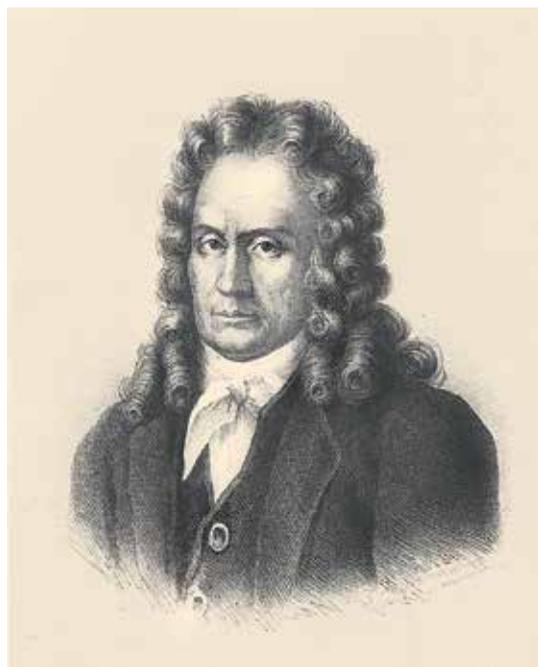

Указ Екатерины I об учреждении Академии наук и назначении лейб-медика Л. Л. Блюментроста президентом. 20 ноября 1725 г. (опубликован 21 декабря 1725 г.)
СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 107. Л. 1

листов, интересующихся передовыми научными достижениями. Например, на одном из первых рабочих заседаний академической Конференции, 13 ноября 1725 г., Я. Герман сделал доклад о сферической форме Земли, сплюснутой у полюсов. Эта революционная теория И. Ньютона была одной из самых острых тем тогдашней науки, вокруг которой спорили приверженцы прежней картезианской картины мира и новой ньютоновской.

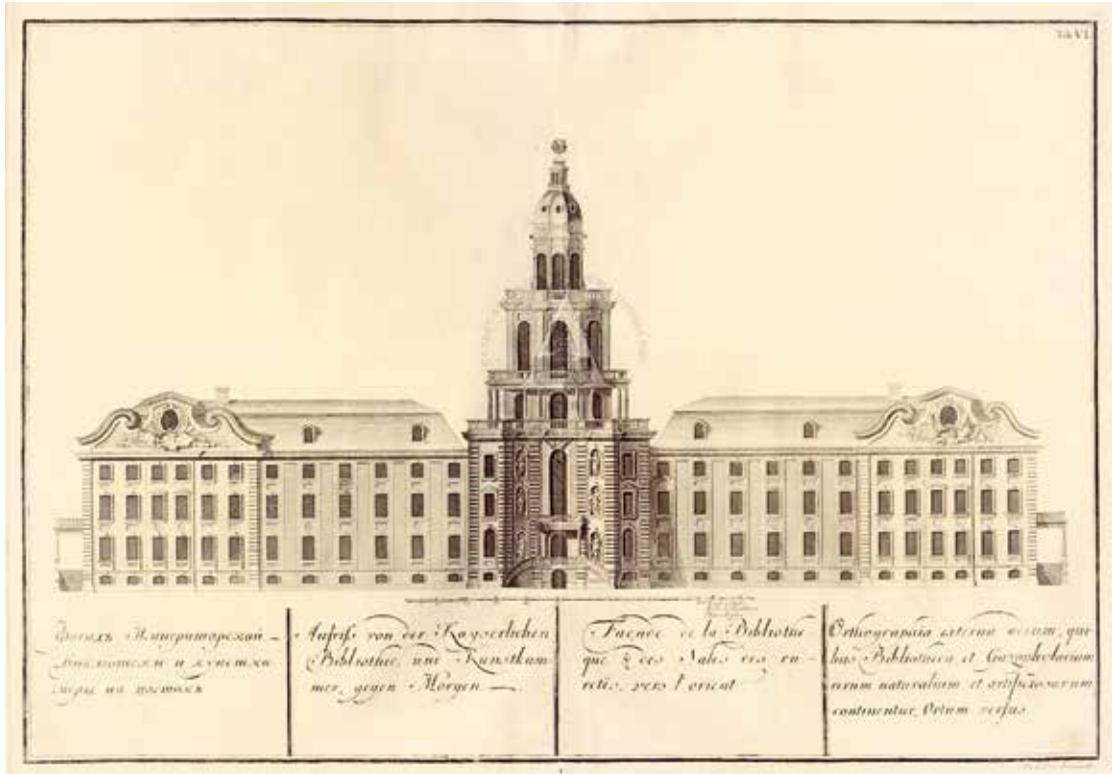
Сам Л. Л. Блюментрост, выпускник Лейденского университета, был хорошо образован, пользовался симпа-

тией ученых, поддержкой вельмож. Анонимный автор статьи «Отрывок из письма недавно прибывшего в Петербург профессора», опубликованной в Лейпциге в мае 1726 г., отзывался о руководителе Академии так: «Господин президент Блюментрост отличается отменной ученостью, большой проницательностью и поистине редкой учтивостью. По его изволению всякое воскресенье в очередь устраиваются встречи, на которых он неизменно присутствует, и большую часть времени мы проводим в приятных беседах, нежели в прочих увеселениях»¹⁶. Чтобы и рабочие часы текли с той же приятной пользой, Л. Л. Блюментрост добился перевода ученых с Петербургской стороны на Васильевский остров,

Л. Л. Блюментрост. Литография с рисунка П. А. Андреева. 1837 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 105. Л. 1

¹⁶ Пётр Великий и основание Петербургской академии наук. Документы и материалы: в 2-х ч. / ред.-сост. Е. Ю. Басаргина. СПб., 2022. Ч. 1. С. 84.

«Фасад Императорской библиотеки и Кунсткамеры на восток».

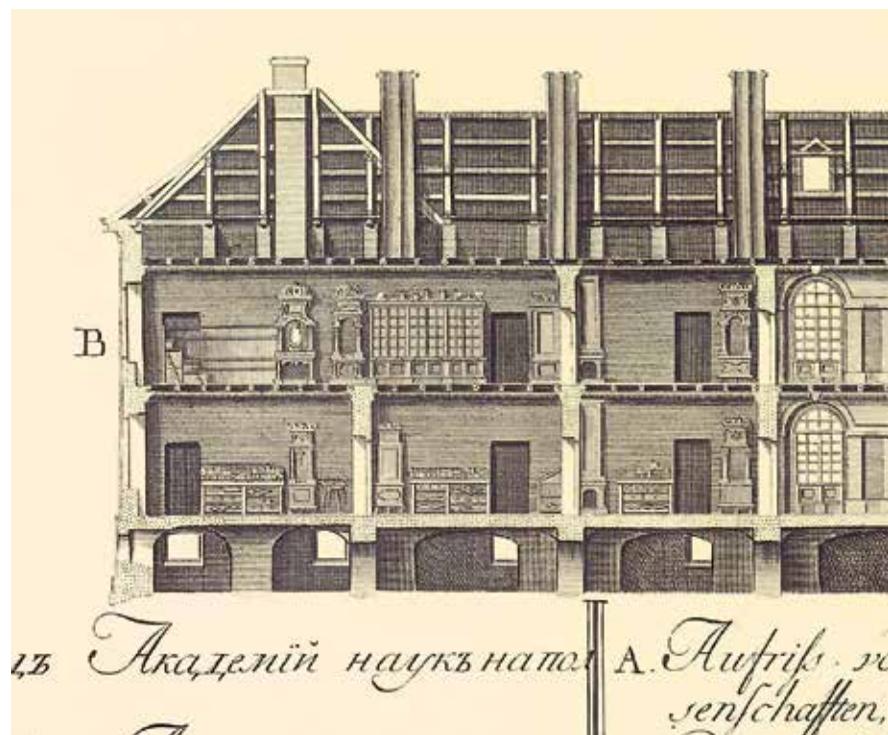
Гравюра Г.А. Качалова по рисунку И. Я. Шумахера. 1741 г.

СПбФ АРАН. Р. XII. Оп. 2. Д. 27. Л. 1

где уже стояло новое здание Кунсткамеры с библиотекой, анатомическим театром, астрономической обсерваторией, различными хранилищами. Для самой Академии перестроили стоявший рядом дворец царицы Прасковьи Фёдоровны (сейчас на этом месте — Зоологический институт РАН). В его помещениях обустроили конференц-зал, книжную лавку, типографию, архив Конференции, позднее — учебные классы гимназии и университета. Таким образом, на берегу Невы, с видом на Адмиралтейство возник «академический городок», ставший неотъемлемой частью исторического ландшафта Санкт-Петербурга.

При Л.Л. Блюментросте и благодаря ему Академия расширила спектр своих занятий, изначально назначен-

ных ей Петром. Например, теперь она не просто собирала астрономические сведения для составления точных географических карт, но и сама их изготовляла, издавала и распространяла; она приняла на себя выпуск всей литературы, помимо церковной; не удовольствовавшись заказом точных инструментов за границей, конструировала и производила собственные и столетия держала марку. Для выполнения этих работ у Академии имелись типография и «художественные» палаты — гравировальная и рисовальная, инструментальная мастерская, ландкартная палата и другие вспомогательные службы, исполнявшие не только собственные, но и сторонние заказы. В Академической типографии печаталась первая публичная газета России — «Санктпе-

Фрагмент западного (левого) крыла здания Петербургской академии наук
(бывшего дворца Прасковьи Фёдоровны),
на втором этаже — помещение для профессорских лекций
СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 1. Д. 697/П-22. Л. 8

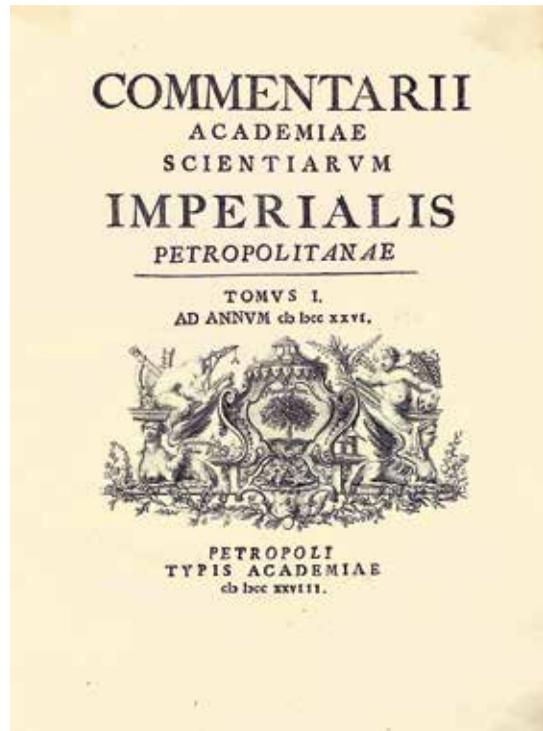

«Проспект вверх по Неве реке от Адмиралтейства и Академии наук к востоку».
Гравюра Е.Г. Виноградова по рисунку М. И. Махаева. 1750—1753 гг.
СПбФ АРАН. Р. XII. Оп. 2. Д. 19. Л. 2

Санктпетербургские ведомости. № 2.
В четверг 6 дня января 1732 года
СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 9а. Д. 1. Л. 5

тербургские ведомости», в 1727 г. право ее издавать перешло к Академии. «Ведомости» выходили дважды в неделю, сначала только на немецком языке, а с 1728 г. и на русском. Как и хотел Пётр I, газета служила распространению научных знаний. Так, в июле 1728 г. на ее страницах были опубликованы первые наблюдения Петербургской обсерватории, посвященные астрономическому явлению «галó»: дуги, круги и подобные им фигуры, возникающие иногда в морозном воздухе вокруг дисков Солнца или Луны. В том же 1728 г. у газеты появилось приложение — общеобразовательный журнал «Примечания» к «Санктпетербургским ведомостям». Тогда же Академия начала издавать свой первый научный журнал — ежегодный сборник

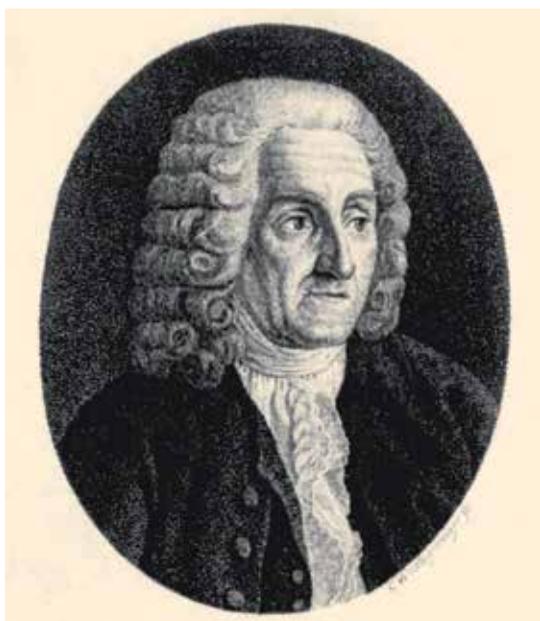

Записки Петербургской императорской академии наук. Том I за год 1726.
Петрополь, 1728
СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 2. Д. 37/С-5. Л. 1

«Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae» («Записки Петербургской императорской академии наук»). Выходил он на латинском языке — научном языке того времени. На титульном листе журнала размещалась эмблема — фруктовое дерево с надписью над ним «Paulatim» («постепенно», «мало-помалу»), что олицетворяло постепенный ход познания, плодами которого смогут насладиться лишь потомки. Журналистикой первые академики занимались коллективно, но особенно отличалась тогдашняя академическая молодежь: И. Вейтбрехт, И. Г. Гмелин, А. Б. Крамер, Г. В. Крафт, Г. Ф. Миллер, Л. Эйлер. Чтобы обсудить материал следующего выпуска, все «общество» собиралось по субботам у И. Д. Шумахера.

Комната для заседаний. Из интерьера Музея М. В. Ломоносова. Фото 1971 г.
СПбФ АРАН. Ф. 18. Оп. 3. Д. 5032. Л. 10

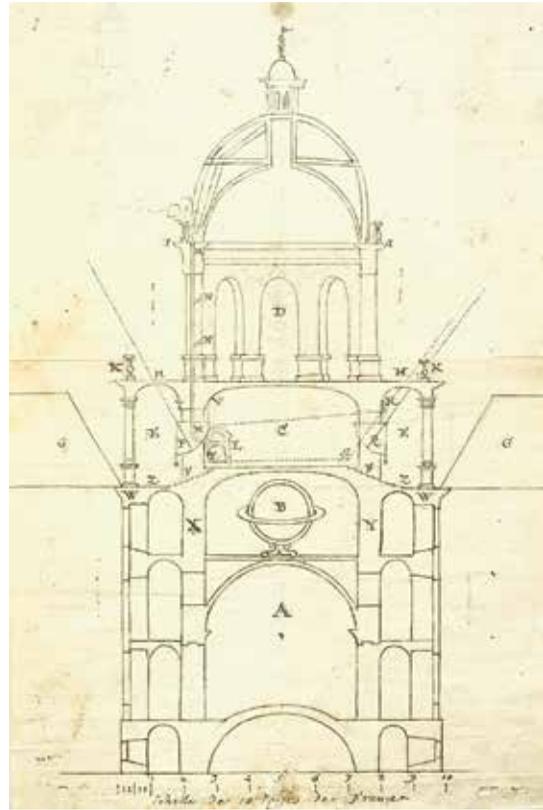

Ж. Н. Делиль. Литография с гравюры
К. Вестермайра. 1803 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Д. Д. 115. Л. 1

Демократичность и дружелюбие в отношениях между коллегами Академии тоже было заслугой Л. Л. Блюментроста. Надежный свидетель тех событий — Г. Ф. Миллер вспоминал: «Адъюнкты, так же, как и профессора, могли посещать Конференции и читать там. Большой круглый стол был покрыт зеленым сукном, а вокруг стояли стулья. Садился каждый там, где находил место, не соблюдая при том никакого порядка, кроме только того, что старейшие профессора помещались около президента. Президент же занимал всегда ближнее к дверям место, которого он никогда не переменил. Этим предупреждал он споры о старшинстве... Также не было еще тогда никаких особых кресел для президента, да он и не желал того. Мож-

но сказать, что Блюментрост не присваивал себе никакого преимущества, когда он находился между академиками»¹⁷. Но главное, Л. Л. Блюментрост не дал пропасть самой идее учреждения, ведь после смерти Петра высказывались предложения о закрытии Академии наук. Большинство сенаторов считало ее бесполезным и плохо обдуманым делом, не приносящим никакой пользы стране. Первый президент смог убедить императрицу и ее советников в необходимости Академии. Он поощрял научные амбиции своих подопечных, давал им возможность реализоваться. О некоторых ученых стоит сказать отдельно.

Французский астроном Жозеф Никола Делиль (1688—1768) приехал в Санкт-Петербург по личному приглашению Петра I. За спиной у него была служба в Парижской обсерватории под началом талантливого наблюдателя, составителя лунной карты Дж. Д. Кассини, преподавание математики в Коллеж-де-Франс, членство в Парижской академии и Лондонском королевском обществе. Ж. Н. Делиль застал Петербургскую астрономическую обсерваторию в стадии строительства и смог исправить ее первоначальный проект с учетом последних инженерных находок и местных условий. Не дожидаясь окончания строительства, он начал астрономические и метеорологические наблюдения из своего временного жилища — дома генерала М. А. Матюшкина, стоявшего недалеко от Кикиных палат на берегу Большой Невы (на нынешней Смольной набережной), и своим энтузиазмом, преданностью делу смог увлечь астрономией даже гуманитария Т. З. Байера, жившего с ним

*Чертеж башни Академической обсерватории, выполненный с учетом предложений и замечаний Ж. Н. Делиля. 1726 г.
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 35. Д. 16. Л. 16*

по соседству. Впоследствии у Ж. Н. Делиля не было недостатка в учениках, поскольку для разработки математической основы карт требовалось участие астрономов, математиков, геодезистов, а также художников, граверов, переводчиков. Так, академическому переводчику Ивану Семёновичу Горлицкому (1690—1777) мы обязаны многими словами в русском варианте астрономической терминологии — «спутник», «Млечный путь» и др.

Школу Ж. Н. Делиля в разное время прошли: физик Георг Вольфганг Крафт (1701—1754), первый директор Физического кабинета Академии наук

¹⁷ Пекарский П. П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870. С. 8.

и инспектор академической гимназии (1738—1744); астроном Христиан Николай фон Винштейн (1694—1751), следующий директор Петербургской обсерватории; картограф Готфрид Гейнзиус (1709—1769), глава Географического департамента Академии в 1740-х гг.; Никита Иванович Попов (1720—1782), который в 1751 г. стал первым русским профессором (академиком) астрономии. Н. И. Попов оказался в обсерватории в 1738 г. среди студентов Славяно-греко-латинской академии. Для них и для учащихся других учебных заведений России Ж.Н. Делиль еще в 1731 г. написал специальную инструкцию, обучающую геодезическим и картографическим работам. Также он разработал уникальный способ черчения географических карт, по которому составлялись первые генеральные карты России; для определения координат некоторых географических пунктов снарядил первую академическую экспедицию в район Кольского полуострова (1727—1730), которую доверил своему старшему брату — тоже профессору астрономии Петербургской академии Людовику Делиль де ла Кройеру (1687—1741); инструктировал участников Второй Камчатской экспедиции (1733—1743) и сам в 1740 г. предпринял экспедицию в Западную Сибирь для наблюдения над прохождением Меркурия перед диском Солнца. Не ограничиваясь при этом узко астрономическими работами, он занялся еще и определением географической широты и долготы, наблюдениями физико-географического характера (замечал колебания магнитной стрелки, маятниковые движения и пр.). Ж. Н. Делилю как руководителю Географического бюро (позже — Географический департамент) — перво-

го в России и одного из первых в мире централизованных картографических учреждений — присылали множество разных карт из различных ведомств. В какой-то момент его заподозрили в копировании секретных карт Российского государства и, как оказалось, не без оснований. В 1747 г. Ж.Н. Делиль вернулся во Францию и вывез с собой подлинные и копиянные карты XVII — первой половины XVIII в., в том числе карты петровских геодезистов, засекреченные картографические материалы Второй Камчатской и других экспедиций, путевые журналы, описания путешествий и пр. В 1748 г. ученый был лишен звания почетного члена Петербургской академии наук и перестал получать жалование. Однако взамен он удостоился пожизненной пенсии от Людовика XV, а сами документы по приказу короля были приобретены французской казной. Теперь эти материалы хранятся в Отделе карт и планов Национальной библиотеки Франции.

В 1735 г. одним из учеников и помощников Ж. Н. Делиля стал Леонард Эйлер (1707—1783). К тому времени Л. Эйлер уже несколько лет состоял в должности профессора высшей математики, но его гению было тесно в рамках одной, пусть и любимой науки, он давно уже сделал предмет своих исследований все явления природы, которые только мог изучать. В Санкт-Петербург он прибыл 20-летним юношей, чтобы «испытать упоение наукой». В Академию его приняли адъюнктом физиологии, но сразу отметили математические наклонности молодого ученого и позволили не просто присутствовать в академических заседаниях, но наравне с профессорами читать там свои работы по математике и публиковать их в журнале Академии. Его пер-

вая статья, датированная 1727 г., была посвящена решению задачи об обратных траекториях. Когда в 1741 г. еще молодой годами, но уже умудренный опытом Л. Эйлер покидал Санкт-Петербург, его старый учитель, великий математик Иоганн Бернулли, назвал его «*princeps mathematicorum*» — «главой математиков». И это было вполне заслуженно: стремительный в рассуждениях, точный в анализе, легкий в формулировках, Л. Эйлер поражал (и до сих пор поражает) специалистов глубиной и оригинальностью своих исследований. Ни одно его сочинение никогда никем не оспаривалось и не опровергалось. Наоборот, все, что выходило из-под пера Л. Эйлера, встречало признание, высокую оценку и полное одобрение знатоков. К тому же он всегда отличался необыкновенной продуктивностью и брался за работу, перед которой пасовали другие. В молодости это чуть не ступило его. Рассказывают, что однажды в 1735 г. Л. Эйлер взялся за исчисления, на выполнения которых, по мнению Ж. Н. Делиля, требовалось несколько месяцев, и сделал их за три дня к великому изумлению всей Академии. Из-за необычайного напряжения сил он тогда заболел горячкой и едва не умер. Столь усердные занятия привели к тому, что ученый ослеп на один глаз, однако и такая потеря не научила Л. Эйлера больше заботиться о здоровье: наука была для него насущной потребностью.

Научное наследие Л. Эйлера — это более 850 работ по математике, физике, механике, оптике, астрономии, баллистике, судостроению, топографии, музыке. Л. Эйлер проявил себя и в педагогике: он содействовал преподаванию математики в академиче-

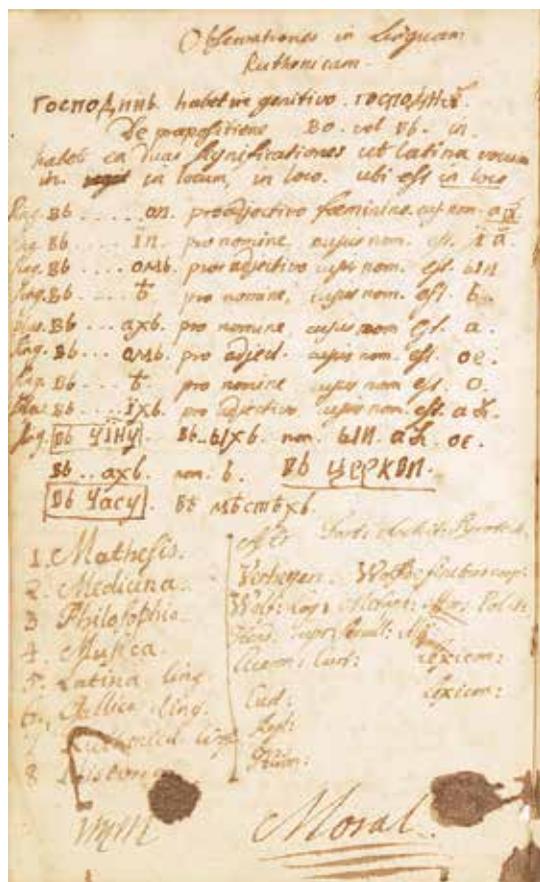

Л. Эйлер.

Гравюра В. П. Соколова с портрета работы И. Брукера. 1737 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Э. Д. 22. Л. 1

ской гимназии, ежегодно экзаменовал на знание этой науки гимназистов и кадетов Сухопутного шляхетного корпуса; составил экзаменационный проект и, работая над ним, так увлекся, что сочинил еще и проект реформирования гимназического образования в России; написал несколько учебников: рукописный по элементарной геометрии (планиметрии), а также «Универсальную арифметику» и «Руководство к арифметике», изданные Академией на немецком и русском языках. Эти книги выходили большими тиражами и были востребованы до конца XVIII столетия. Кроме того, в «Примечаниях» к «Ведомостям» он доступным языком рассказывал о серьезных научных проблемах; например, в 1728 г. вышла серия его статей о форме Земли. В отличие от многих своих коллег

«Наблюдения в русском языке». Из записной книжки Л. Эйлера за 1727 г.

СПбФ АРАН. Ф. 136. Оп. 1. Д. 130. Л. 11 об.

по Академии, Л. Эйлер знал русский язык, он взялся за его освоение, как только приехал в Россию. Считается, что Л. Эйлер не создал в Санкт-Петербурге своей научной школы, но не одно поколение русских математиков с полным правом могло бы считать себя его учениками, поскольку своим профессиональным становлением они обязаны в том числе его трудам.

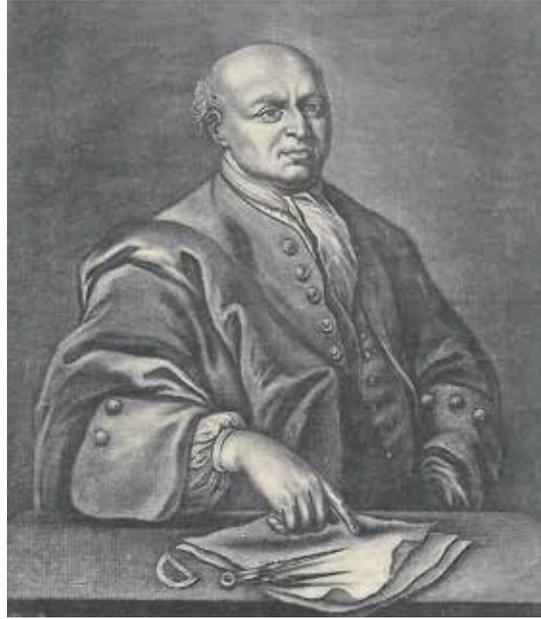
Петровский Проект предполагал наличие в Академии одного академика (профессора) механики, а екатерининский Регламент — даже двух: для публичного преподавания механики

и для обучения практической математике и изобретательству механизмов. Первым механиком Петербургской академии наук стал саксонец Иоганн Георг Лейтман (1667—1736), человек необыкновенной судьбы. Он был священником и наукой занимался в свободное от пастырских обязанностей время. Рано проявившиеся способности в математике, физике, химии со временем доставили И. Г. Лейтману известность и уважение. С 1718 г. он стал публиковаться, а у себя дома организовал химическую лабораторию и оптическую мастерскую. Слух об ученом-священнике дошел до Петра I, и он захотел видеть И. Г. Лейтмана в своей Академии. Однако контракт с ученым подписали уже при Екатерине I в апреле 1726 г., и в июле того же года И. Г. Лейтман прибыл в Россию. Он сразу с головой ушел в любимое дело: создавал и совершенствовал различные механизмы и инструменты, восхищая русскую публику своими удивительными изобретениями, которые, по словам самого И. Г. Лейтмана, «считались за невозможные, но мною исполнены»¹⁸. Особенно всем нравился оптический фокус, во время которого лучи света рисовали то российский герб, то профиль императора с несущейся над ним «фантазмой», олицетворяющей славу. Были и другие достижения: необыкновенно точные пробирные весы без стрелки собственного изобретения и производства, способы качественной химической очистки серебра и определения его содержания в монете без повреждения чеканки (что было важно в отношении древних и редких монет), исправление зажигательных

¹⁸ Пекарский П. П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870. С. 229.

стекло с большой параболической линией и пр. И. Г. Лейтман жаловался академическому начальству: «...мои обязанности тяжелее, чем у моих прочих сочленов, потому что они работают только головой и пером, а я тружусь головой, пером и телом в одно и то же время над сталью, медью, стеклом и деревом, а жить мне остается недолго»¹⁹. Но, несмотря на усталость и возраст, он брал учеников и, видя их прилежание, учил не только своему ремеслу, но и другим наукам, содержал за свой счет, относился к ним по-отечески. В 1727 г. ему был дан в обучение академический ученик Андрей Матвеев. Заметив у юноши технические способности, И. Г. Лейтман стал заниматься с ним дополнительно механикой, геометрией и другими предметами, не входившими в первоначальный план обучения, а также позволил работать в своей домашней лаборатории. В Академии ценили мастерство и педагогический талант И. Г. Лейтмана, поэтому, когда составляли программу обучения Петра II, в расписание занятий внесли и механику, а преподавать ее, вероятно, доверили бы профессору. Однако до дела так и не дошло: молодой император оказался равнодушен к механике, впрочем, как и к другим академическим дисциплинам.

К сожалению, ближайшие наследники Петра Великого, занимая его трон, не наследовали при этом и его любовь к знаниям, мало заботились о последнем его детище — Академии наук. Особенно показателен период правления внука Петра I — Петра II (1727—1730). Переезд двора и учреждений в 1727 г. в Москву

И. Г. Лейтман. Фотогравюра с рисунка И. А. Соколова. Не позднее 1736 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Л. Д. 26. Л. 1

Гравюра к работе И. Г. Лейтмана «Подлинный и верный метод построения анаморфоз» (*Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. Т. IV. 1735 (1729). Р. 202, Tab. XVIII)

¹⁹ Пекарский П. П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870. С. 229.

многими был воспринят как отказ от петровских традиций. Император так и не вернулся в новую столицу на протяжении всех трех лет своего царствования, все это время при нем практически безвыездно находился его лейб-медик — президент Академии наук Л. Л. Блюментрост. Уезжая в январе 1728 г. в Москву, он передал непосредственное управление Академией И. Д. Шумахеру, сам же руководил издаека, исходя из письменных докладов своего заместителя. А тот, в свою очередь, на несколько лет превратился в полновластного распорядителя дел Академии и судеб ее членов. Бесконтрольное вмешательство И. Д. Шумахера в денежные вопросы и некомпетентность его канцелярских помощников на фоне участвовавшего недофинансирования Академии в конце концов привели ее в столь бедственное состояние, что и сам И. Д. Шумахер в 1730 г. был вынужден признать: «Остается одно: либо умереть с голода, либо просить милостыню»²⁰. Многих академиков выручало частное преподавание: вельможам льстило, что их детей обучают члены Академии наук, и они, по-видимому, хорошо платили учителям. Так, профессор Г. В. Крафт в феврале 1738 г. писал своему товарищу профессору Г. Ф. Миллеру, находившемуся тогда в экспедиции, что из-за преподавания математики всему семейству герцога Э. И. Бирона и сыновьям графа А. И. Остермана он передумал уезжать из России²¹. Руководство Академии искало способы поправить

материальное положение, например, сократив мастеров, числившихся по части художеств. Одновременно вспомнили параграф петровского Проекта о кураторах, которые должны заботиться о благосостоянии ученых и докладывать императору «нужду их при всех случаях». В январе 1729 г. академики написали прошение Петру II, попросив его назначить для них «патрона», который стал бы их «особливым старателем». Просьба эта не была выполнена, и с воцарением Анны Иоанновны (1730—1740) академики возобновили поиски покровителя. Особенно привлекательной всем тогда казалась кандидатура И. Э. Бирона; чтобы снискать его расположение, было решено посвятить ему новую книгу по геральдике профессора права Иоганна Симона Бекенштейна (1684—1742).

В то же самое время Россию покинули некоторые первые профессора, в Академии боялись нелестных слухов, поэтому Г. Ф. Миллеру, который летом 1730 г. поехал в командировку в Голландию, Англию и Германию, было специально поручено их опровергать. С той же целью И. Д. Шумахер написал знакомым в Гаагу в сентябре 1730 г.: «Академия содержится как прежде, а уволили только тех профессоров, без которых прекрасно можно обойтись»²². Действительно, Академии наук было чего опасаться. Так, профессор И. П. Коль впал в сильнейшую меланхолию, болезнь прогрессировала и довела его до того, что во время приступа он сжег все

---

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16. Л. 159 об.—160 (письмо И. Д. Шумахера к Л. Л. Блюментросту, 27 августа 1730 г.).

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 164. Л. 1 (письмо Г. В. Крафта к Г. Ф. Миллеру, 22 февраля 1738 г.).

²² Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 118.

свои работы, поэтому в Академии сочли за лучшее отправить ученого домой. Профессор И. Х. Буксбаум, будучи большим оригиналом, расхаживал по родному Лейпцигу в овчинной шубе и шапке, объясняя, что именно так одеваются все петербургские профессора. Видимо, он сумел убедить в этом некоторых своих соотечественников, потому что они удивлялись, встречаясь с одетым в европейское платье Г. Ф. Миллером.

Образовавшиеся в Академии вакантные кафедры заполнили производством в профессора молодых адъюнктов: физиолога Иосию Вейтбрехта (1702—1747), натуралиста Иоганна Георга Гмелина (1709—1755), физика Г. В. Крафта, историка Г. Ф. Миллера и математика Л. Эйлера. 27 июля 1730 г. за них единогласно проголосовало все академическое собрание, это были первые выборы в члены Петербургской академии наук. К сожалению, все усилия руководства и рядовых членов Академии поправить ее пошатнувшиеся дела оказались бесплодными. Ни президент Л. Л. Блюментрост, ни сменивший его в июле 1733 г. барон Г. К. Кейзерлинг успеха не добились.

Герман Карл фон Кейзерлинг (1695—1764), уроженец Курляндии, входил в ближний круг императрицы Анны Иоанновны. Академиком этот влиятельный царедворец был известен «своими превосходными знаниями и прочими замечательными качествами», поэтому, как писал Г. Ф. Миллер, «под его руководством Академию вновь ожидали блеск и процветание»²³. Этим надеждам, казалось, суждено было сбыть-

Г. К. фон Кейзерлинг.
Фотокопия портрета маслом
работы М. К. Э. Хагельганса. 1758 г.
СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-К. Д. 54. Л. 1

ся. Г. К. Кейзерлинг вступил в должность, имея твердое намерение найти причины «непорядков» в академических делах, для чего пригласил самих членов Академии указать ему на имеющиеся проблемы и способы их решения. Каждый высказался, конечно, о самом для него наиболее важном вопросе. Например, ректор Латинской школы академической гимназии адъюнкт по истории и древностям Иоганн Эбергард Фишер (1697—1771) предложил новый учебный план, напомнил об обещании екатерининского Регламента давать лучшим студентам чин и попросил организовать пенсионный фонд для вдов и сирот умерших преподавателей. Профессор астрономии Ж. Н. Делиль сообщил о ходе

²³ Материалы для истории Императорской академии наук: в 10 т. / под ред. М. И. Сухомлинова. Т. 6. СПб., 1890. С. 297.

*И. А. фон Корф. Литография с гравюры
Ф. Л. Брэдта по рисунку К. Г. Пило.
Середина XVIII в.
СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-К. Д. 3. Л. 1*

астрономических и географических работ и пожаловался на трудности в подготовке геодезистов. Он считал, что Академия наук должна не просто экзаменовать молодых геодезистов и совершенствовать их в профессиональном плане, но полностью распоряжаться ими согласно их склонностям и потребностям государства. Глава Академической канцелярии И. Д. Шумахер был обеспокоен вопросами управления. Надо сказать, что к тому времени отношения между ним и профессорами совсем разладились. Они возмущались его деспотическими замашками и за глаза называли «*flagellum professorum*» («бич для профессоров»). И. Д. Шумахер, в ответ, обвинял ученых в лени и строптивости, одобряя строки

созданного по приказу Г. К. Кейзерлинга проекта нового академического Регламента: «Профессора и члены Академии особо обязаны стремиться к тому, чтобы миролюбивым образом жизни и пристойным поведением расположить к себе и наукам русский народ»²⁴.

Пока рядовые члены Академии составляли проекты, ее президент попытался разобраться с финансами. Он ввел режим экономии и строгой отчетности, запросил из казны 30 000 руб., чтобы покрыть самые неотложные долги и выплатить жалованье. Это, однако, не решило проблему, а только на время отсрочило ее. Между тем расходы Академии возросли: в августе 1733 г. из Санкт-Петербурга в Сибирь выехал академический отряд Второй Камчатской экспедиции, ее участникам полагалось жалованье из суммы Академии, что пробило еще большую брешь в ее бюджете. Возможно, Г. К. Кейзерлинг и нашел бы выход из сложившейся ситуации, поскольку мог рассчитывать на поддержку властей, да и сам был настроен решительно, но в разгар преобразований он получил назначение в Польшу и в декабре 1733 г. оставил Академию наук, как полагал тогда, на время.

Период безначалия между тем затягивался, между академиками то и дело вспыхивали ссоры, общие собрания, бывало, откладывались из-за малочисленности, дела пришли в полный упадок. Поправить положение мог только сильный администратор и равнодушный к судьбе Академии человек. Такой, к счастью, скоро нашелся. В сентябре 1734 г. академики

²⁴ Пётр Великий и основание Петербургской академии наук. Документы и материалы: в 2-х ч. / ред.-сост. Е. Ю. Басаргина. СПб., 2022. Ч. 1. С. 62.

узнали, что у них новый президент — барон И. А. Корф.

Иоганн Альбрехт фон Корф (1697—1766), как и его предшественник, был аннинским царедворцем, хорошим знакомым многих академиков, хотел добрых перемен для Академии наук. Однако, в отличие от Г. К. Кейзерлинга, И. А. Корф не ждал, что ему укажут на «неполадки», во всем он хотел разобраться сам, от ученых же требовал добросовестного исполнения обязанностей. В первую встречу с ними, 11 ноября 1734 г., он заговорил о том, какое высокое значение имеет их научная деятельность, и призвал «обращать слова в дело». Многим тогда запомнилось, как президент сравнил науку с алоэ, чьи цветы через много лет сможет сорвать лишь терпеливый садовник. Эта речь произвела впечатление, и в ответном слове, которое от имени всего академического сообщества произнес конференц-секретарь Х. Гольдбах, прозвучала искренняя надежда на скорые перемены к лучшему. «Вы не только поощрите всех членов Академии исполнять свои обязанности со всевозможным рвением и старанием, — сказал он президенту, — но и найдете вечную благодарность в русском народе, который чем дальше, тем больше признает пользу учености и уже ощутил на своих детях и внуках плоды привнесенных наук»²⁵. На следующий день оба выступления появились в русских и немецких «Санктпетербургских ведомостях». Вскоре последовали и первые отклики: через два месяца, в январе 1735 г., профессор политики и мора-

ли Готлиб Фридрих Вильгельм Юнкер (1703—1746) предложил проект о введении единых учебных пособий для всех школ Российской империи, следом за ним, в марте 1735 г., инспектор академической гимназии профессор древностей Теофил Зигфрид Байер подал план реформирования всей учебной части Академии наук. Сам же И. А. Корф, изучив к тому времени счета, требования и жалобы, пришел к вполне закономерному выводу: причина «печальных обстоятельств» Академии — «великий недостаток в деньгах», от которого ей грозит скорая неминуемая гибель, если только государство не возьмет на себя решение ее материальных проблем. 7 марта 1735 г. И. А. Корф подал в Сенат проект нового расширенного штата Академии, испросив на ее содержание 64086 руб., что чуть ли не втрое превышало сумму, и без того выплачивавшуюся крайне не регулярно. В своих оптимистических расчетах он искренне полагался на указ Анны Иоанновны, который получил при вступлении в должность: «...привести Академию в наилучшее доброе состояние и порядок»²⁶. Надо сказать, что И. А. Корф искал любую возможность привлечь внимание императрицы: в феврале 1736 г. он попытался организовать ее визит в Академию наук, специально к этому дню в гимназии был создан панегирик, рассказывавший о благотворной силе монаршего внимания и пользе наук; в июле послал новый академический штат уже непосредственно самой Анне Иоанновне. Но все было напрасно.

²⁵ Материалы для истории Императорской академии наук: в 10 т. / под ред. М. И. Сухомлинова. Т. 6. СПб., 1890. С. 332.

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 14. Л. 303.

Рисунок академической печати, выполненный Г. Гзелем и М. Д. Гзель и утвержденный Анной Иоанновной. 1735 г.

СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 4. Д. 1. Л. 6

Единственное, чего смог добиться И. А. Корф — это несколько разовых, не решавших проблему субсидий. Возможно, отказ от финансирования Академии наук был вызван русско-турецкой войной, на которую тратилось немало средств.

Но если президент не смог повлиять на увеличение бюджета Академии, то привести ее в порядок он сумел. Прежде всего его стараниями в феврале 1735 г. у Академии появилась печать, символизирующая государственный патронат, полагавшийся ей по закону. На золотом поле печати помещался двуглавый орел, на груди у него — красный щит с сидящей на камне Богиней Мудрости, в правой руке она держала копьё, левой опиралась на щит, надпись которого гласила: «*Nic tuta perennat*» («Здесь безопасно пребывает»), т. е. в Академии было место знаниям и мудрости. Кажется, что сам И. А. Корф воспринял эти слова как руководство к действию. В 1735—1736 гг. по его прямому указа-

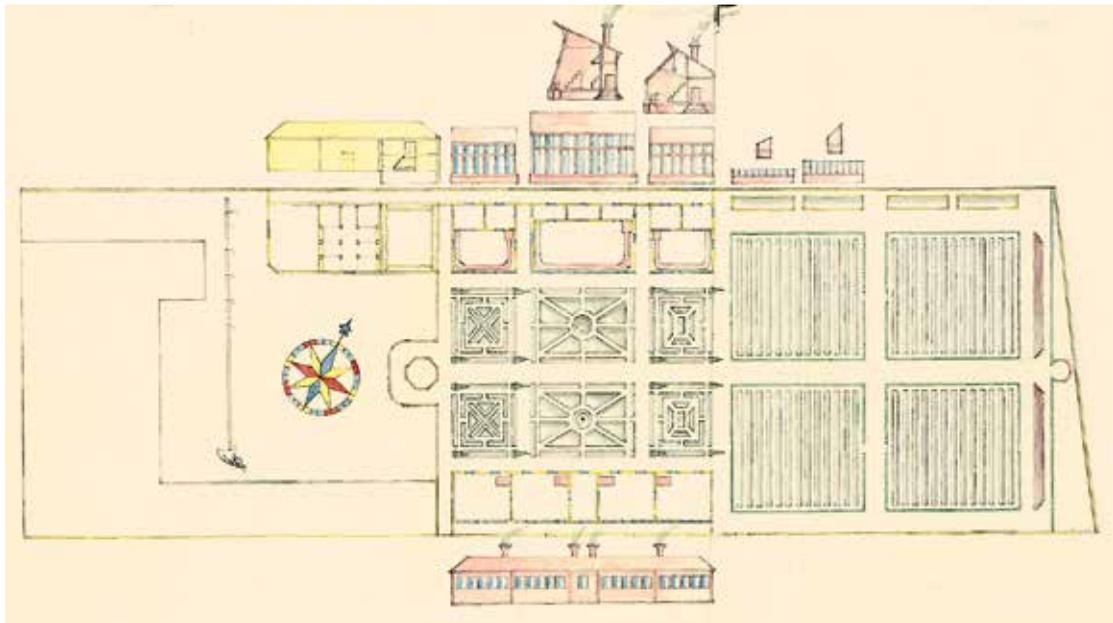
нию в Академии появились научные подразделения, ставшие далекими прообразами современных институтов. Например, Российское собрание (март 1735 г.) объединило переводчиков с целью упорядочить их работу и выработать нормы русского литературного языка, прежде всего научную и политическую терминологию. Географический департамент (июль 1735 г.) работал над исправлением старых и составлением новых точных карт России, о чем мечтал еще Пётр I. В 1745 г. появился первый «Атлас Российский» с пояснительными текстами на русском, латинском, немецком и французском языках, он представлял собой общую карту Российской империи с отдельными картами 19 губерний. Несмотря на некоторые пробелы и ошибки, для своего времени это был образец картографического искусства, непревзойденный как по полноте данных, так и по уровню их обработки. До учреждения Генерального штаба в 1762 г. Географический департамент Академии наук оставался единственным картографическим учреждением страны. Появились и другие полезные нововведения. Так, в Математической конференции (август 1735 г.) сходились математики, физики, астрономы, механики для обсуждения новых сочинений, опытов, инструментов и механизмов. Ботанический сад Академии (1736) на Васильевском острове, для которого привозили семена со всего света, стал первой в стране исследовательской базой и школой для молодых ботаников.

Академические студенты стараниями И. А. Корфа направлялись в европейские университеты, чтобы получить там востребованные на родине специальности, среди них были: Ми-

хаил Васильевич Ломоносов, будущий первый русский академик, отечественный «Леонардо да Винчи»; Дмитрий Иванович Виноградов, будущий создатель фарфорового производства в России; Густав Ульрих Райзер, саксонец по происхождению, будущий горный инженер на сибирских рудниках и заводах. И. А. Корф поощрял занятия отечественной историей, видя ее политический потенциал. При нем в 1736 г. появились сразу две работы по древней и новой истории южного побережья России и сопредельных государств: «Азовские истории» Т. З. Байера и «Описание земель между Днепром и Доном» Г. Ф. В. Юнкера. Последняя была написана в боевых условиях русско-турецкой войны (1735—1739), на которую ее автор отправился в качестве историографа генерал-фельдмаршала Б. Х. Миниха. И. А. Корф сумел привлечь внимание далекой от науки им-

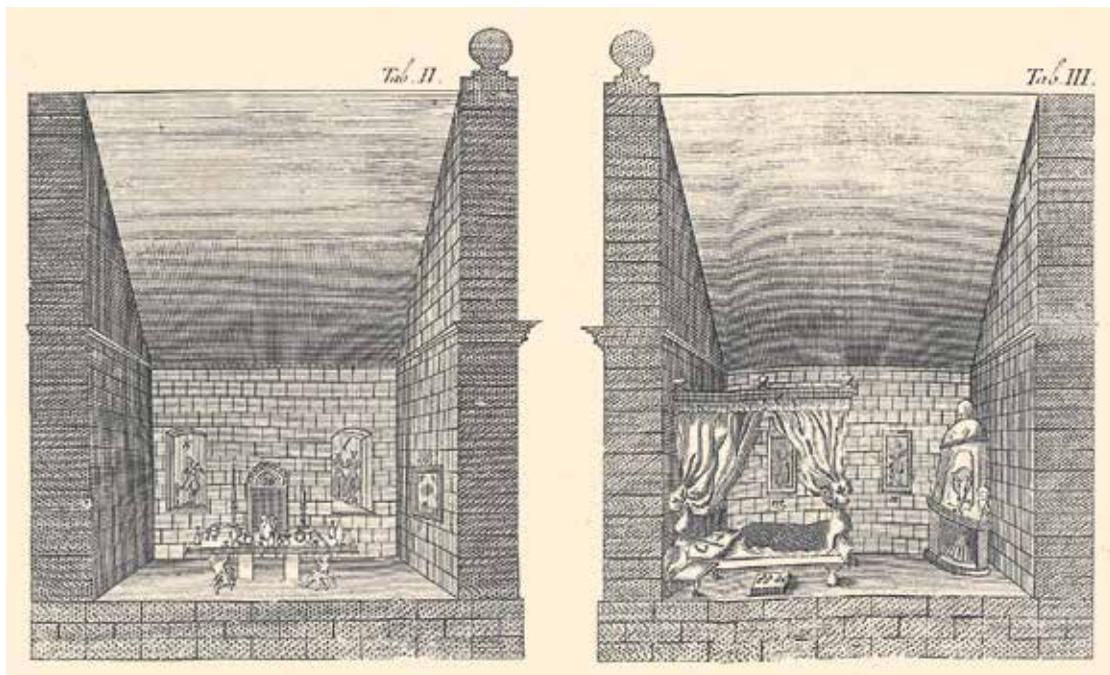
ператрицы к работам физиков Академии: для нее профессор Г. В. Крафт устраивал эффектные демонстрации опытов со светом и звуком, а именитых гостей Академии удивлял возможностями «камеры-обскуры» — оптической комнаты Физического кабинета. В лютую зиму 1739—1740 гг. Г. В. Крафт построил для шутов Анны Иоанновны Ледяной дом и провел на его базе метеонаблюдения, необходимые для установления периодичности суровых зим.

Однако президентство И. А. Корфа подошло к концу весной 1740 г.: 8 апреля в Академию поступил указ о назначении его послом в Данию. Считается, что этого добивался И. Э. Бирон, недолго любивший и давно искавший случая удалить от столицы чересчур инициативного и деятельного И. А. Корфа. На сборы бывшему президенту дали чуть больше недели. В день отъезда, 15 апреля 1740 г., он в последний раз

План проектируемого Ботанического сада Академии наук. 6 февраля 1739 г.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 48. Л. 58

Убранство внутри Ледяного дома, построенного в 1739—1740 гг. в Санкт-Петербурге.

Гравюра из книги Г. В. Крафта

СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 1. Д. 202/К-15. Л. 21

К. фон Бреверн. Фототипия В. И. Штейна
с портрета маслом
работы И. А. Тюрина. 1885 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 377. Л. 1

присутствовал на заседании Академии, успев повысить жалованье профессорам, трудившимся над составлением Генерального атласа России, и произвести в адъюнкты по физике Георга Вильгельма Рихмана (1711—1753), будущего исследователя атмосферного электричества.

Преемником И. А. Корфа стал Карл фон Бреверн (1704—1744), бывший секретарь и переводчик Коллегии иностранных дел, сделавший карьеру при дворе. Поговаривали, что президентство в Академии наук досталось ему в подарок ко дню свадьбы. Современники отзывались о нем по-разному, одни считали его «человеком хитрым и прилежания чрезвычайного», другие — «славнейшим статским советником». Как бы там ни было, но президент К. Бреверн имел право являться к императрице с докладами наравне

с министрами, что могло быть на пользу Академии, и начал свою службу в ней с попытки утвердить, наконец, ее штат. Однако в октябре 1740 г. умерла Анна Иоанновна, в ноябре арестовали И. Э. Бирона, и К. Бревверн как его ставленник в апреле 1741 г. был уволен из Академии наук. В ней вновь вошла в силу Канцелярия во главе с И. Д. Шумахером, а в стране тем временем произошел новый государственный переворот, в результате которого в ноябре 1741 г. к власти пришла Елизавета Петровна (1741—1761), дочь Петра I. Тревожная атмосфера переворотов в стране и полное безначалие внутри Академии повлияли на решение об отъезде ученых из первого состава: И. Г. Дювернуа, Л. Эйлера, Х. Гольдбаха, Г. В. Крафта, Г. Гейнзиуса и др. «Дела в России стали идти плохо», — резюмировал тогда Л. Эйлер²⁷.

Для Академии наступили непростые времена: она осталась без президента, потеряла в ученом составе, очутилась в таком бедственном положении, что в октябре 1743 г. ее долгами занялась специальная Сенатская комиссия. Выяснилось, что различные учреждения задолжали Академии наук сумму, превышающую ее годовой бюджет. Не просто оказалось и с вопросом о главе «первейшего ученого сословия»: при тогдашних настроениях президент-иностранец был крайне нежелателен, а среди соотечественников долго не находилась подходящая кандидатура. В конце концов, в мае 1746 г. Елизавета Петровна поставила президентом младшего брата своего фаворита гр. А. Г. Разумовского — 18-летнего гр. К. Г. Разумовского. Время показало, что при всей несерьезности выбора ход был сделан верный.

²⁷ Пекарский П. П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870. С. 258.

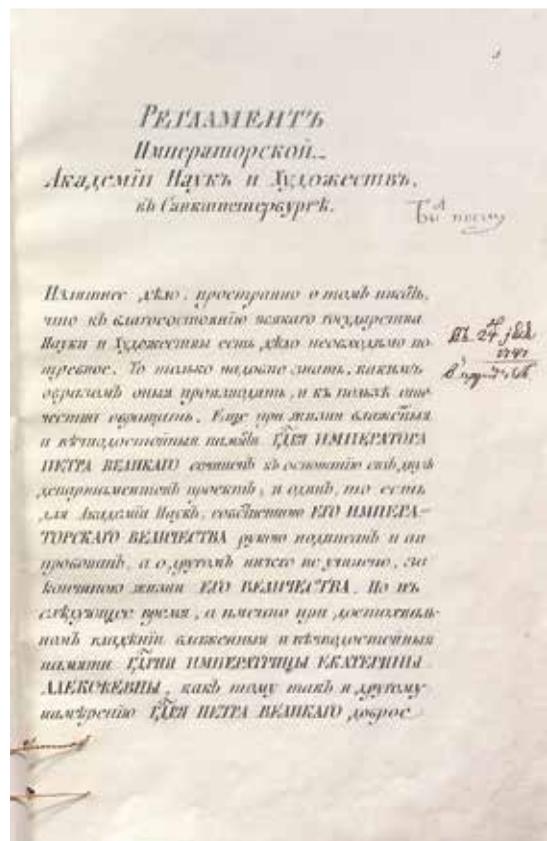
ПРЕВРАЩЕНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ В НАЦИОНАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

К. Г. Разумовский. Гравюра Г. Ф. Шмидта
1767 г. по рисунку Л. Токе 1758 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Р. Д. 5. Л. 2

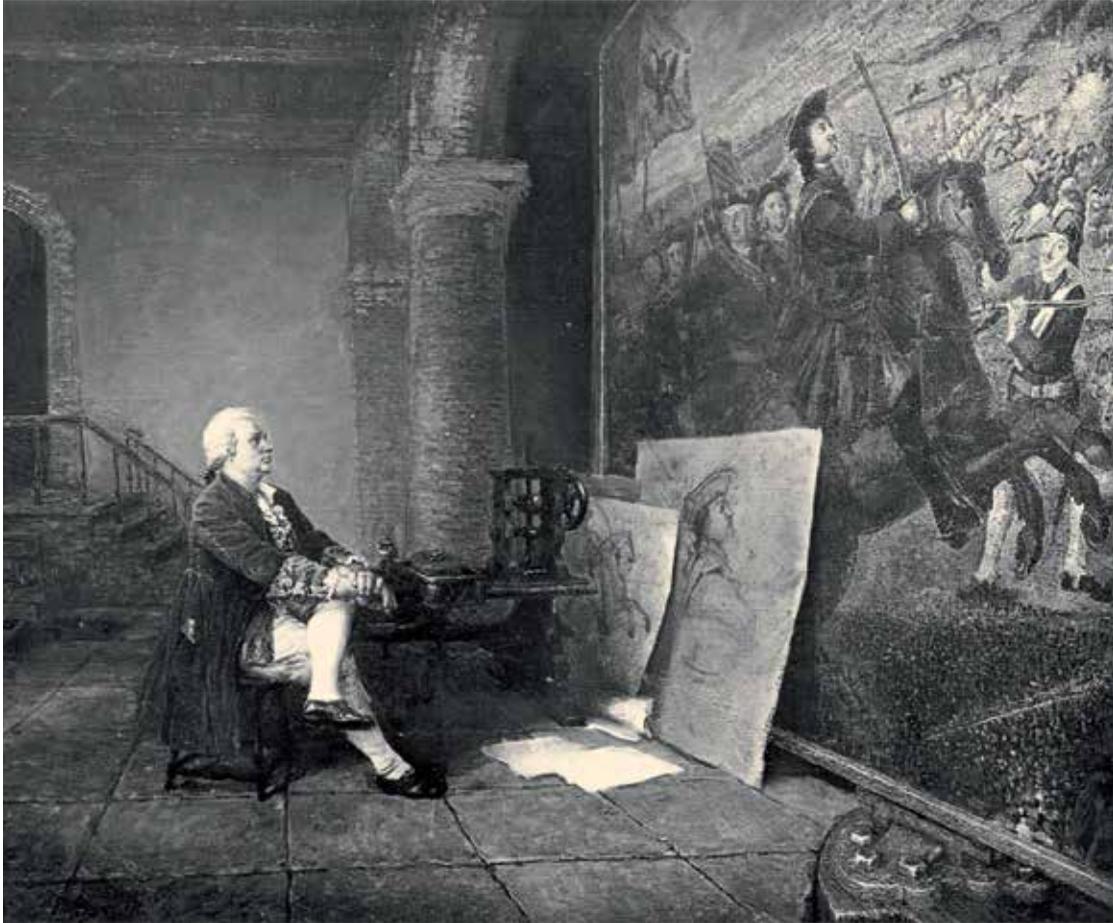
Казацкий сын Кирилл Григорьевич Разумовский (1728—1803) благодаря влиянию старшего брата получил прекрасное образование, важной частью которого было двухгодичное путешествие по Европе и обучение под началом самого Л. Эйлера. Привлекательные черты характера молодого человека (любопытность, правдивость, сострадательность), приобретенные им знания и знакомства в ученом свете, положение в обществе благоприятствовали Академии. Уже через год, 24 июля 1747 г., она получила, наконец, первый в своей истории утвержденный Регламент (устав).

Документ дал больше власти президенту и разделил научную и учебную части: сама Академии состояла теперь из астрономического, естественного и физико-математического классов; историко-филологические и юридические науки отошли к университету. Хотя некоторые положения Регламента вызывали недовольство ученых (ярким его критиком был, например, М. В. Ломоносов), в целом,

«Регламент Императорской Академии наук и художеств в Санктпетербурге». Резолюция Елизаветы Петровны: «Быть по сему». 24 июля 1747 г.

СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 4. Д. 2. Л. 2

*Михаил Васильевич Ломоносов у своей мозаики.
Фотография с картины И. Б. Крачана. 1954 г.
СПбФ АРАН. Ф. 34. Оп. 1. Д. 254. Л. 17*

он принес в академическую практику много позитивного: наименование «Императорская» добавило Академии статусности, двойное увеличение бюджета и назначение финансирования из доходов Коммерц-коллегии — состоятельности, а право объявлять научный конкурс — авторитета. Конкурсы на решение научных и практических задач были распространены в Европе с начала XVIII в. Петербургские ученые принимали в них участие и часто оказывались призерами, но лишь теперь смогли объявить собственный конкурс. 21 августа 1749 г. профессор астрономии Х. Н. Вингейм предложил задачу

по теории движения Луны. В то время весь ученый мир занимала проблема расхождения в расчетах между наблюдаемой орбитой Луны и орбитой, вычисленной И. Ньютоном на основании закона тяготения. Закон даже собирались поправить, столь велики были эти несоответствия. Однако француз А. К. Клеро нашел ошибку в основных расчетах и установил, что именно они порождали расхождения. Академия наук премировала французского ученого и в 1752 г. опубликовала его сочинение. До конца века Академия наук ежегодно объявляла конкурсные задачи.

Регламент 1747 г. соответствовал национальной политике елизаветинского времени: в адъюнкты теперь следовало избирать преимущественно русских (занятых наукой и «состояния честного и доброго», — так требовал один из параграфов), документацию и диссертации надлежало писать на латыни и по-русски (причем и латинский текст переводился и издавался на русском языке). Да и само президентство К. Г. Разумовского, которое фактически длилось полвека, было направлено на славянизацию Академии наук, о чем мечтал еще Пётр I. Вторая половина XVIII в. характерна стремительным обрусением Академии, именно тогда ее членом стал М. В. Ломоносов (1711—1765) — ученый, поэт, художник, учитель. В его работах получили освещение почти все отрасли современного ему естествознания, горного дела и металлургии, химии, физики, математики, истории, искусства, литературы, языкознания — «он все испытал и все проник». Он первым стал читать университетские лекции на русском языке: в 1746 г. по химии, в 1748 г. по физике, и тогда же открыл первую в России химическую лабораторию. Возглавив Географический департамент Академии наук, М. В. Ломоносов занимался исправлением «Атласа Российского», рассылая анкеты по губерниям, чтобы уточнить и исправить картографическую информацию. Кроме того, он занимался научной разработкой норм русского литературного языка и в 1755 г. издал «Российскую грамматику», которая увенчала его многолетние лингвистические труды и стала вершиной отечественной филологии XVIII в.

Вместе с М. В. Ломоносовым в Академию вступили поэт и переводчик

Василий Кириллович Тредиаковский (1703—1768), естествоиспытатели Степан Петрович Крашенинников (1711—1755) и Иван Иванович Лепёхин (1740—1802), астрономы Андрей Дмитриевич Красильников (1705—1773), Никита Иванович Попов (1720—1782) и Степан Яковлевич Румовский (1734—1812), математики Семён Кириллович Котельников (1723—1803) и Михаил Софронов (1729—1760), литераторы Григорий Васильевич Козицкий (1724—1775) и Николай Николаевич Мотонис (?—1787), химик Никита Петрович Соколов (1748—1796) и др.

Иностранные ученые по-прежнему участвовали в организации и развитии российской науки, особенно в царствование Екатерины II (1762—1796). Например, по ее личному приглашению в 1766 г. в Россию вернулся Л. Эйлер, и теперь уже навсегда. На этот второй петербургский период, длившийся до смерти ученого в сентябре 1783 г., пришлось более половины его творческого наследия. В это время Л. Эйлером было написано (точнее надиктовано, поскольку он совсем потерял зрение) более 400 статей и 10 книг. Академия издала его двухтомную «Универсальную арифметику», трехтомные «Диоптрику» и «Интегральные исчисления», «Всеобщую сферическую тригонометрию», «Письма к немецкой принцессе», учебник по корабельному делу на русском языке и многое другое.

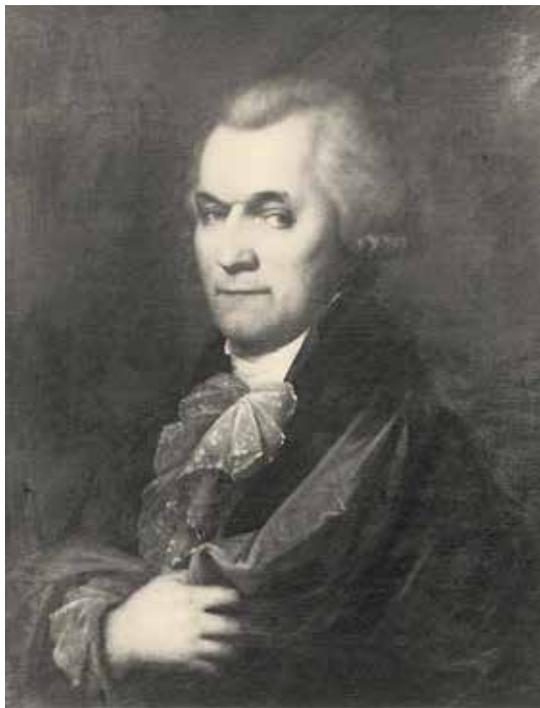
К середине XVIII в. Академия наук достигла признания на родине и за рубежом, уже никому не приходило в голову усомниться в ее полезности. Фундаментальные теоретические исследования ее ученых стали достоянием общемировой науки, а их активное участие в решении практических задач картографии,

Генеральная карта Российской империи. 1745 г.
СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 2. Д. 246/А-10. Л. 49 об. — 50

метрологии, монетного дела, в экспертизе машин и механизмов способствовали промышленному развитию России. Помощь науки пригодилась и в сфере тайной дипломатии. В 1742 г. математик Х. Гольдбах возглавил шифровальную службу Коллегии иностранных дел и вскоре вскрывал шифры повышенной сложности. В 1744 г. он смог прочесть переписку французского посланника маркиза де ла Шетарди, который был столь уверен в надежности используемого шифра, что в своих письмах подробно расписывал легкомысленное поведение Елизаветы Петровны. Именно эти тексты вице-канцлер А. П. Бестужев прочел императрице, ловко изображая, что расшифровывает их с листа, а потому вынужден произносить все порочащие ее «поносные слова». В результате Шетарди был выдворен из страны, а Х. Гольдбах получил чин действительного статского советника.

В 1764 г. Х. Гольдбах как главу службы дешифровки сменил профессор физики Франц Ульрих Теодор Эпинус (1724—1802). Полиглот и эрудит, он оказался достоин своего предшественника и смог сделать так, что Россия успешно противостояла шпионским службам других стран. Ф. У. Т. Эпинус подбирал ключи к шифросистемам, в которых использовались не только современные, но и древние языки. В результате русская императрица читала секретные письма раньше их адресатов и была в курсе всей тайной европейской политики. Ф. У. Т. Эпинус разработал общие и частные коды для самой императрицы, для Коллегии иностранных дел, для армии и флота. Одновременно он исполнял и легальные обязанности: исследовал явления электричества и магнетизма, наблюдал за кометами и Луной, конструировал ахроматический микроскоп, учил физике, математике, естествознанию Ека-

В. Г. Орлов. Фототипия портрета маслом работы неизвестного художника. 1775 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-О. Д. 78. Л. 1

терину II, наследников престола Павла и Александра Павловича, преподавал в кадетских корпусах, реформировал школьное образование. В 1782 г. за верную службу Российской империи Ф. У. Т. Эпинус получил орден Святой Анны — один из четырех высших орденов страны. Это было первое приращение академику государственной награды.

Когда Екатерина II пришла к власти, она, в отличие от своих предшественников, не захотела назначать нового президента Академии. В 1765 г. К. Г. Разумовский сам попросил ее об отставке, но императрица отказала ему. К. Г. Разумовский оставался формальным главой Академии наук до 1798 г., а на деле ею руководили директора: гр. Владимир Григорьевич Орлов (1766—1774), Алексей Андреевич Ржевский (временно исполнял

директорские обязанности в 1771—1773 гг.), Сергей Герасимович Домашнев (1775—1782), кн. Екатерина Романовна Дашкова (1783—1794), Павел Петрович Бакунин (1794—1798). У них по-разному складывались отношения с Академией, но в ее судьбе каждый оставил добрый след.

В. Г. Орлов покровительствовал наукам, особенно географии и натуральной истории. Поэтому неудивительно, что при нем членом Академии наук стал ученый-энциклопедист Пётр Симон Паллас (1741—1811), один из крупнейших естествоиспытателей XVIII в. В родной Германии он прославился как зоолог, а Россия открыла в нем еще и таланты ботаника, геолога, географа, историка, этнографа, лингвиста. Этому во многом способствовало участие в одной из академических экспедиций, организованных при В. Г. Орлове. В 1769 г. академики, в благодарность за поощрение их экспедиционной деятельности, подарили своему директору коллекцию «натуралий» из дубликатов тех образцов флоры и фауны, которые были собраны во время путешествий.

А. А. Ржевский запомнился своим добросовестным отношением к директорским обязанностям: он аккуратно вел заседания Конференции, поддерживал ученую переписку, что уже немало, если вспомнить, какие страсти кипели в Академии прежде. При нем академические протоколы стали вести на французском языке, который в век Просвещения принял у латыни и немецкого эстафету «языка науки». (В середине XIX в. французский уступит место русскому языку, когда в составе Академии появится Отделение русского языка и словесности.)

С. Г. Домашнев, едва вступив в должность, заказал историографу

Г. Ф. Миллеру написать «Историю Академии наук». Работа была приурочена к 50-летию первого «ученого сообщества» России, и Г. Ф. Миллер, как никто другой, подходил для этой задачи — ведь он был не только историком, опытным публицистом и публикатором, но и участником событий, которые следовало описать. Он с готовностью взялся за поручение и рассказал о событиях первых лет Академии вплоть до своего отъезда в Камчатскую экспедицию в 1733 г., а также сообщил о самой экспедиции. Дальнейшее повествование по архивным документам довел до 1743 г. его помощник — адъютант по истории Иоганн Готгильф Штриттер (1740—1801). Сочинение пролежало в рукописи более 100 лет и только в 1890 г. увидело свет, но не в переводе, а в немецком оригинале с латинскими и французскими вставками в составе отдельного тома «Материалов для истории Императорской академии наук». Этот труд упрекают порой за субъективность в оценках, излишнюю подробность в изложении незначительных сюжетов и обидную краткость в более важных случаях. И все же рассказ очевидца многого стоит, даже если упреки читателей последующих времен справедливы.

Е. Р. Дашкова всецело поддерживала просветительскую деятельность Академии наук. По ее инициативе академики возродили публичные лекции, прекращенные прежним директором. В летние каникулярные месяцы все любители наук приглашались в Академию на читавшиеся по-русски курсы: С. К. Котельников рассказывал об алгебре, геометрии, механике, Н. Я. Озерцовский — о естественной истории, Н. П. Соколов и Я. Д. Захаров — о хи-

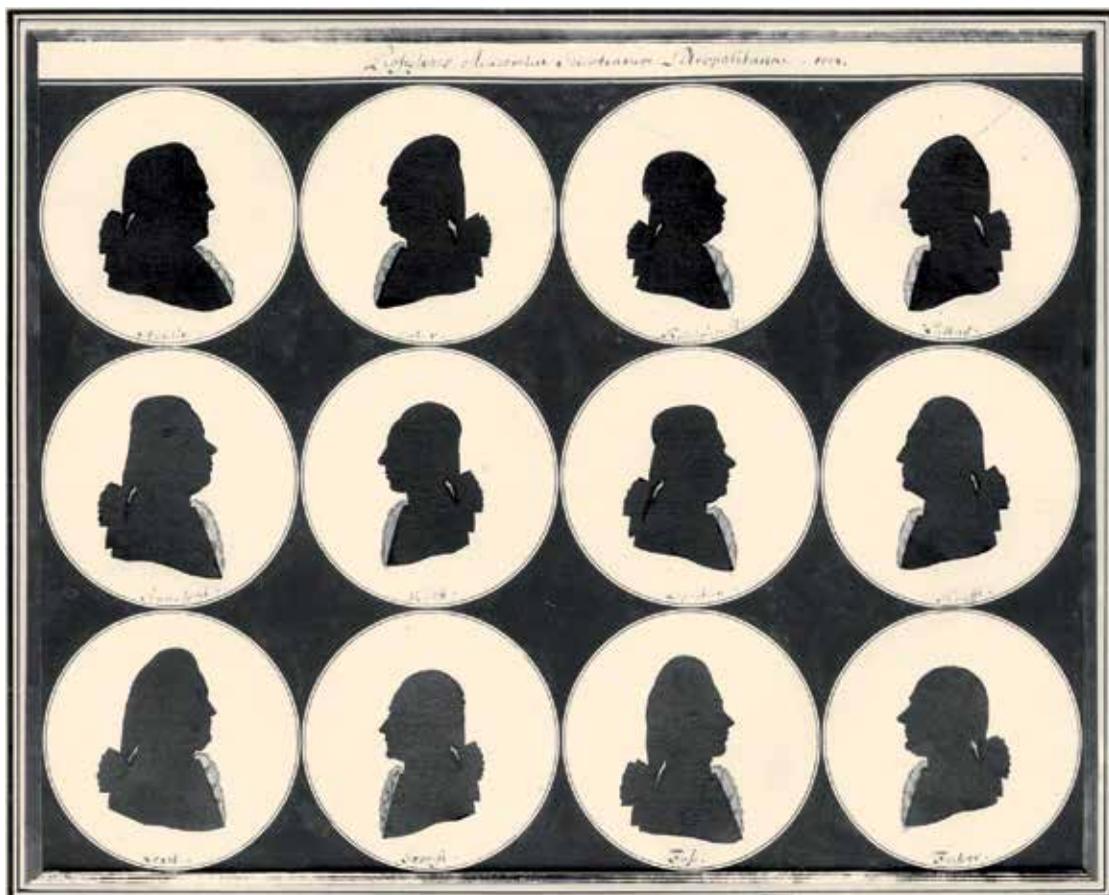
мии, А. К. Кононов и С. Е. Гурьев — о физике, В. М. Севергин — о минералогии и т. д. Эти лекции имели такой большой успех у публики, что в академическом зале не всегда хватало места для желающих их послушать. Директор Е. Р. Дашкова оказалась рачительной хозяйкой. Она открыла банковские счета, проценты с которых приносили «сущую для отечества пользу»: с них оплачивались лекторы и учителя (в первую очередь те, что преподавали на русском языке), финансировалась академическая гимназия, пополнялся пенсионный фонд Академии. В 1783 г. Е. Р. Дашкова возглавила также Императорскую Российскую академию, созданную для изучения отечественных языка и словесности. Это намере-

С. Г. Домашнев. Гравюра А. Я. Колпашникова с портрета маслом Ф. С. Рокотова.

Не позднее 1783 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Д. Д. 3. Л. 2

Профессора Петербургской академии наук.

*Силуэты работы Ф. Антинга. 1784 г.
Слева направо: 1-й ряд — Я. Я. Штелин,
И. А. Эйлер, С. К. Котельников,
П. С. Паллас;
2-й ряд — С. Я. Румовский, К. Ф. Вольф,
И. И. Лепёхин, Л. Ю. Крафт;
3-й ряд — А. И. Лексель, И. И. Георги,
Н. И. Фус, И. Я. Фербер
СПбФ АРАН. Р. XII. Оп. 2. Д. 4. Л. 1*

*Е. Р. Дашкова.
Литография А. О. Мошарского
по рисунку А. М. Калашникова. 1835 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Д. Д. 7. Л. 2*

Бронзовый жетон Российской академии.
Изготавливался по указанию Екатерины II,
раздавался членам Академии за участие в заседаниях. 1783 г.
СПбФ АРАН. Р. XIII. Оп. 1. Д. 98

Словарь Академии Российской. Т. I (А—Г). СПб., 1789. Обложка
СПбФ АРАН. Ф. 8. Оп. 4. Д. 1

ние было отражено в самой символике новой Академии: в ее эмблему вошли книга, глобус, сова, лира и ключ как знаки мудрости и красноречия. Главной заслугой Российской академии стал выпуск многотомного толкового словаря русского языка, зафиксировавшего 43257 слов.

П. П. Бакунин также пробовал свои силы в просвещении. На его счету — попытка реформировать академическую гимназию по образцу Штутгартского кадетского корпуса, в котором он сам учился когда-то, и возобновление журнала «Новые ежемесячные сочинения», нацеленного на популяризацию

научных знаний и сочинений русских и зарубежных авторов в переводе.

В апреле 1798 г. император Павел I (1796—1801) отменил директорскую практику управления Академией наук, уволил ее формального президента К. Г. Разумовского и назначил руководителем барона Г. Л. Николаи, с которым Академия вступила в новую пору своего развития.

Подводя итог, можно сказать, что XVIII в. был для Петербургской академии наук непростым и очень важным периодом, поскольку на него пришлось ее создание и утверждение в славном звании, данном ей при рождении: «Первейшее ученое сословие России». Окрепнув, Академия наук смогла отмести все сомнения в своей актуальности и необходимости. Она доказала это верностью поставленным целям: совершенствовать науки и готовить национальные кадры ученых. Первую задачу ей удалось решить довольно быстро; во многом благодаря тому, что в Академии теория всегда шла в ногу с практикой, даже в гуманитарных областях. Кроме того, петербургские академики умели обращаться в научный эксперимент даже монаршие капризы, а военный поход — в научную экспедицию. Все сведения о научных достижениях Академии наук и о ее текущей деятельности накапливались в Академическом архиве, который сохранил в себе также документы Аптекарской канцелярии доакадемического периода, и, таким образом, оказался на 17 лет старше самой Академии.

Со второй задачей — подготовить отечественных ученых, справиться ока-

залось непросто. Созданные для этого академические гимназия и университет нуждались в постоянной заботе государства, а оно, в свою очередь, было заинтересовано в развитии не всеобщего образования (которого придерживалась Академия), а сословного, рассчитанного на дворян. В результате, когда в начале 1740-х гг. Академию покинули ведущие ученые-иностранцы, она столкнулась с серьезными кадровыми проблемами, которые удалось решить не сразу. Как и предсказывал когда-то президент И. А. Корф, сравнивший науку с алоэ, ее цветов действительно пришлось ждать долго.

Почти с самого основания Академия наук приняла на себя ряд функций, которые не были прописаны в петровском Проекте 1724 г. Она вела картографические работы, организовывала экспедиции, готовила художников и мастеров, выпускала календари, газеты, журналы, учебные, научные и художественные книги. Особая заслуга Петербургской академии — «усовершенствование русского языка», которым она занималась как национальный научный центр. И здесь достижения ее членов неоспоримы: они внесли исправления в русскую орфографию, создали словари и учебники, провели реформу стихосложения, выработали политическую и научную терминологию. Благодаря пройденным испытаниям Академия наук закалилась, не заостенела и оказалась готова к переменам. «Академическая метаморфоза» не закончилась с веком XVIII, впереди ее ждал следующий — XIX век.

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИИ НАУК

Восемнадцатый век можно смело назвать «веком России», в тот период она открывалась не только европейцам, но и самим россиянам. Открытия эти происходили благодаря экспедициям, организатором или участником которых была Петербургская академия наук. На протяжении столетия она вдохновляла всех познающих Россию: ставила задачи, намечала маршруты, находила людей и научные средства, а взамен получала бесценные знания, которые развивала и применяла к славе государства Российского. Рассмотрим наиболее яркие примеры экспедиционной деятельности Академии наук в XVIII в.

ЭКСПЕДИЦИЯ ДАНИЭЛЯ ГОТЛИБА МЕССЕРШМИДТА (1719—1727)

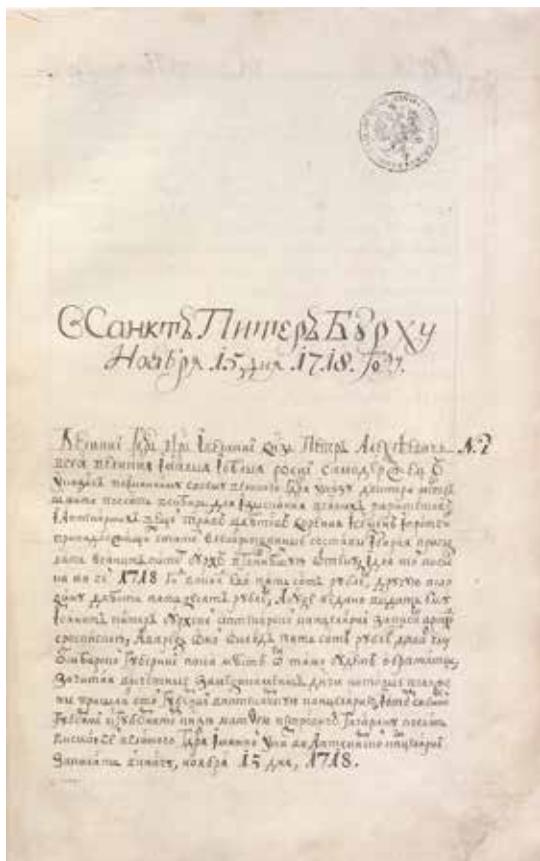
Строго говоря, сибирская экспедиция немецкого врача и естествоиспытателя Д. Г. Мессершмидта не относится напрямую к деятельности Петербургской академии наук: последняя начала работу, когда путешествие уже шло к концу, но из его результатов поднялись молодые победы будущих научных достижений Академии, да и сам ученый — яркий пример тех отчаянных смельчаков, европейских интеллектуалов, что покидали надежные стены родных университетов и библиотек ради долгих и опасных предприятий в дале-

кой стране. Судя по самоотверженности, с которой они шли к поставленной цели, ими двигали не только карьерные интересы, но и жажда знаний, стремление расширить кабинетный мир науки.

Даниэль Готлиб Мессершмидт (1685—1735) отправился в Сибирь по именному указу Петра Великого и провел в путешествии восемь лет (1719—1727)²⁸. Из путевых дневников ученого видно, насколько он был увлечен исследованиями, как захватила его открывающаяся удивительная страна, которую ему так хотелось изучить. Мир Сибири не только восхищал и поражал, но воздействовал на разум и чувства путешественника.

Первый отрезок пути, до сибирской столицы — Тобольска, Д. Г. Мессершмидт проделал в компании китайского посольства во главе с Л. В. Измайловым, а потому пребывал в комфортном окружении образованных людей, свободно изъяснявшихся на родном для него немецком языке. Эти благоприятные условия сохранились и в Тобольске, где с конца декабря 1719 г. по конец февраля 1721 г. Д. Г. Мессершмидт вращался среди интеллектуалов-исследователей из числа «каролинов» — так называли пленных шведской армии Карла XII, отбывавших сибирскую ссылку в Тобольске. Это были в основном этнические немцы и шведы, поэтому Д. Г. Мессершмидт легко знакомился и общался

²⁸ *Lehfeldt W. Daniel Gottlieb Messerschmidt. 1685—1735. Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen großen Wissenschaftler / unter Mitwirkung von L. D. Bondar und M. Knüppel. Göttingen, 2023 (Abhandlungen der Niedersächsischen Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Neue Folge; Bd. 54).*

Указ Петра I о направлении доктора Д. Г. Мессершмидта в Сибирь «для изыскания всяких раритетных и аптекарских вещей». 15 ноября 1718 г. Писцовая копия СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 2

с ними. Именно от «каролинов» доктор медицины из Данцига получил первые знания о восточных российских землях. Первый год путешествия (до конца мая 1722 г.) Д. Г. Мессершмидта даже сопровождали два «каролина» — умудренный жизненным опытом капитан шведской армии Филипп Иоганн Табберт (фон Страленберг, 1676—1747) и юный рисовальщик Карл Густав фон Шульман (1702—1765), с которыми путешественник мог на родном языке вести научные беседы, строить гипотезы, делиться своими впечатлениями от местных обычаев и нравов. Но когда эти спутники, получив разрешение вер-

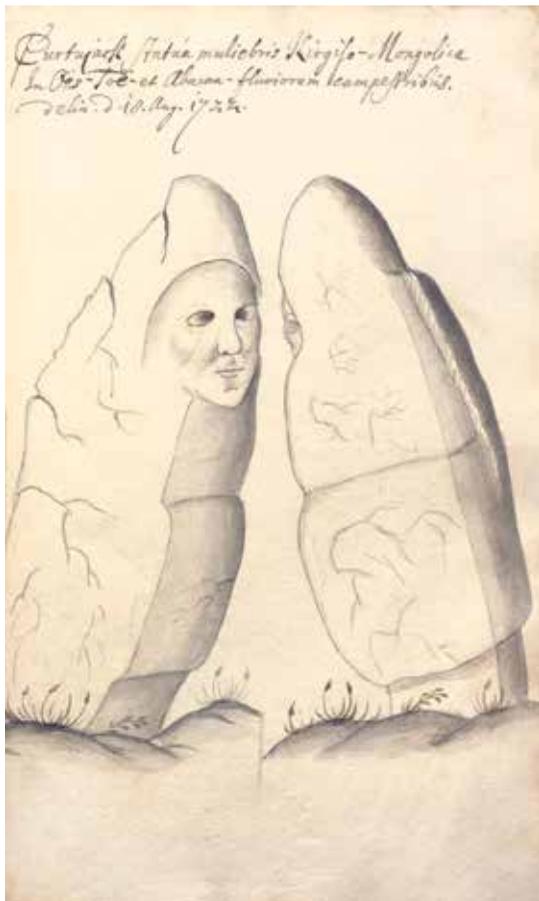
нуться на родину, покинули Д. Г. Мессершмидта, тогда началось для него по-настоящему полное погружение в окружающую действительность. Отныне его немецкими собеседниками были лишь слуги из его небольшого экспедиционного отряда, со всеми остальными приходилось общаться через переводчиков. Поэтому на протяжении последующих пяти лет для Д. Г. Мессершмидта были яркими отрадными вспышками дни, проведенные в обществе европейских интеллектуалов: польского ссыльного Михала Воло-

Карагана древовидная (Caragana Davurica). Рисунок из рукописи Д. Г. Мессершмидта «Описание Сибири» («Sibiria perlustrata»). 1727 г. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 191

ховича в Иркутске зимой 1723—1724 гг. или прежнего знакомого Лоренца Ланге (1684—1752), с которым судьба свела его вновь весной 1724 г. в Селенгинске. Все остальное пространство и время были заполнены только наукой.

Листая страницы путевого дневника Д. Г. Мессершмидта, можно увидеть, как с каждым шагом по сибирской земле из практикующего врача и наблюдателя он превращался в теоретика и систематизатора науки. Располагая лишь сведениями, которые он мог почерпнуть из книг своей скромной

Каменное изваяние окуневской культуры Куртуяк-таш, открытое в Усть-Абаканской степи 18 августа 1722 г. Рисунок из рукописи Д. Г. Мессершмидта «Описание Сибири» («Sibiria perlustrata»). 1727 г.

СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 351.

Голова барана с четырьмя рогами. Рисунок из рукописи Д. Г. Мессершмидта «Описание Сибири» («Sibiria perlustrata»). 1727 г.

СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 247

походной библиотеки, и не имея возможности обратиться к коллегам, путешественник составил исчерпывающие описания встретившихся на пути новых видов растений, животных и минералов, предложил собственные классификации и систематизации в тех областях, в которых не нашел готовых удовлетворительных решений. Не пасуя перед авторитетами, Д. Г. Мессершмидт, в общем-то начинающий тогда исследователь, спорил с устоявшимися теориями и часто оказывался прав, например в определении родства слона с мамонтом, чьи костные останки он изучил и зарисовал. Рост Д. Г. Мес-

Д. Г. Мессершмидт. Рукопись «Сибирская орнитология» («*Ornithologicon Sibiriae*»).

Том 1. Обложка

СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 8

сершмидта как ученого за время его сибирского путешествия колоссален; можно сказать, что, расширив свой научный кругозор, он сделал прорыв в целом ряде научных направлений, превзойдя в объеме знаний и потенциале теоретизирования многих своих европейских предшественников.

При жизни Д. Г. Мессершмидту не повезло с обнародованием собственных научных открытий, в XVIII в. миру была приоткрыта лишь малая их часть, зато его маршрутами, используя дневники путешественника, двигались другие исследователи. Первыми, кто пошел вслед за Д. Г. Мессершмидтом, стали члены академического отряда Второй Камчатской экспедиции.

ВТОРАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1733—1743)

Вторая Камчатская экспедиция стала важным этапом в освоении русскими Восточной Сибири, знакомстве с ее коренными народами, исследовании ее природных богатств, картографировании побережья Северного Ледовитого и Тихого океанов. Эта экспедиция — вклад России в открытие Америки и Японии для европейцев. Материалы путешествия по-прежнему актуальны, далеко не все они известны, прочитаны, осмыслены, исследование наследия экспедиции продолжается по сей день. Вот почему специалисты чаще называют ее «Великой Северной экспедицией». Ее организаторы, конечно, не ставили перед участниками таких эпохальных задач, а сами путешественники не предполагали, что уезжают так надолго. Как написал потом один из участников, профессор Г. Ф. Миллер: «Если бы мне тогда сказали, что путешествие будет длиться 10 лет, я бы вряд ли на него решился»²⁹.

Руководители экспедиции определились практически сразу, еще на стадии замысла — ими стали те же люди, что проводили Первую Камчатскую экспедицию (1725—1730): капитан-командор Витус Беринг (1681—1741) и капитаны Мартин Шпанберг (?—1761) и Алексей Ильич Чириков (1703—1748). В первом своем путешествии они выполняли наказ Петра I добраться сухим путем до Камчатки, построить там суда и на них идти вдоль берега «на норд» до тех пор, пока Азиатский континент не перейдет в Американский. В то время считалось, что материи соединены друг с другом хотя бы тонким

²⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 249. Ч. 1. Л. 50.

перешейком, и Первая Камчатская экспедиция должна была это подтвердить либо опровергнуть. Команда В. Беринга проделала огромный и тяжелый путь по суше, сибирским рекам и морям до самого восточного побережья Камчатского полуострова. Здесь они поставили верфь, со штапелей которой спустили на воду два бота. На одном из них — «Св. Гаврииле» в 1728 г. путешественники вышли в море и следовали намеченным северо-восточным курсом в поисках загадочного перешейка до тех пор, пока зима не заставила их повернуть назад. В. Беринг вместе с товарищами перезимовал на Камчатке, а летом 1729 г. попытался пересечь пролив, названный потом в его честь, но из-за штормов и туманов вынужден был отступить.

Первая Камчатская экспедиция была чисто морским предприятием и не преследовала научных целей, однако карты, донесения и особенно «Журнал бытности Камчатской экспедиции», ее своеобразная летопись, которую вели капитан А. И. Чириков и гардемарин Пётр Авраамович Чаплин (1699—1765), дали материал для последующих географических и картографических работ Академии наук. Кроме того, на одной из карт маршрута 1729 г. П. А. Чаплин изобразил местных жителей с их традиционными атрибутами: самоеда на снегоступах и с гарпуном в руках, тунгуса верхом на олене, чукчу с хищной птицей и т. д. Рисунки сумели отразить характерные черты аборигенов, их пристрастия, обитавших рядом животных. В суровом морском походе нашлось место и этнографическим заметкам, хотя,

конечно, о полноценных исследованиях говорить было рано — экспедиции не хватало ученых.

В. Беринг принял это в расчет при составлении плана следующего путешествия: к его организации была привлечена Академия наук. В поступившем Академии 19 июня 1732 г. сенатском указе говорилось о включении в состав новой экспедиции одного профессора и двух русских студентов. На них возлагалось проведение астрономических и картографических работ и сочинение «верного описания о тамошних народах, обычаях, о плодах земных, чего поныне ни от кого не учинено»³⁰. Академия наук с готовностью согласилась, выдвинув от себя ряд предложений. В ее ответе Сенату прежде всего отмечалось, что «такое дело не есть одного человека», но двух: профессора астрономии для проведения астрономических, географических и магнитных наблюдений и профессора натуральной истории для изучения природы и местного населения. Чтобы выполнить поставленные задачи, профессорам требовалось больше помощников, сведущих как в теории, так и в практике, и несколько искусных художников, которые зафиксируют на бумаге всю научную «добычу». И, наконец, участие в экспедиции — дело сугубо добровольное и высокооплачиваемое, чтобы ни у кого даже мысли не возникло уклониться от своих обязанностей.

От себя Академия сразу рекомендовала двух профессоров: астронома Людовика Делиль де ла Кройера и естествоиспытателя Иоганна Георга Гмелина. В январе 1733 г. у экспе-

³⁰ Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках / сост. В. Ф. Гнучева. М.; Л., 1940. С. 40.

*Л. Делиль де ла Кройер. Литография с гравюры
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Д. Д. 1. Л. 1*

диции появился еще и официальный историограф — профессор истории Герард Фридрих Миллер (1705—1783), взявший на себя всю историческую часть исследований. Так сформировалось научное ядро академического отряда Второй Камчатской экспедиции, в котором оказались представлены все три класса Академии: математический, физический и гуманитарный. К профессорам прикрепили шесть студентов Славяно-греко-латинской академии, обучавшихся тогда в Академическом университете: Степана Крашенинникова, Фёдора Попова, Андрея Леонтьева, Василия Третьякова, Илью Яхонтова и Алексея Горланова, двух последних — в качестве переводчиков. Рисовальщиков нашли среди «своих», ими стали академические служители: художник Иоганн Христиан Беркхан

(? — после 1750) и учитель чистописания академической гимназии Иоганн Вильгельм Люрсениус (1704—1771). Для студентов экспедиция стала частью их учебы, буквально «с колес» они получали в ней необходимые знания, некоторые из них смогли вести самостоятельные исследования. Художники экспедиции, природные немцы, пустились в столь опасное путешествие в далекие, чужие края, возможно, не только из любопытства, жажды славы и подвигов, но и из желания поправить свое материальное положение. И. Х. Беркхан был сыном служки при евангелической церкви Св. Петра, И. Х. Люрсениус, хотя и приходился племянником влиятельному академику Х. Гольдбаху,

*И. Г. Гмелин. Гравюра И. Я. Хайда.
Не ранее 1748 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 74. Л. 1*

сам содержал мать и младшего брата. Как бы там ни было, оба художника оказались людьми добросовестными, а их живописные и карандашные рисунки — наглядными подтверждениями успехов экспедиции. В академический отряд вошли также наблюдатели, переписчики, слуги и для защиты — казаки под командой бравого капрала. Вторая Камчатская экспедиция, включавшая в себя помимо академического, еще три морских отряда, насчитывала без малого три тысячи человек — это было самое масштабное научное предприятие для изучения страны за всю ее историю.

С июня 1732 г. подготовительный этап экспедиции вошел в свою завершающую стадию. Он был заполнен рутинными заботами, без которых не обходится ни одно путешествие: писались окончательные инструкции, выверялись маршруты, подготавливались участники. Из-за стратегической ценности возможных открытий их решили заранее засекретить, да и сами исследования постарались всячески скрыть. Будущим путешественникам рекомендовали не привлекать лишнего внимание к своим работам на Камчатке и в Тихом океане, чтобы не вызвать любопытство других морских держав. Перед самым отъездом профессора поклялись «под угрозой жестокого наказания не объявлять никому ни письменно, ни словесно, ни прямо, ни косвенно что-либо из учиненных в сей экспедиции изобретений»³¹. С этого начиналась и данная им от Академии генеральная инструкция, в ней, правда, уточнялось, что запрет будет снят после пу-

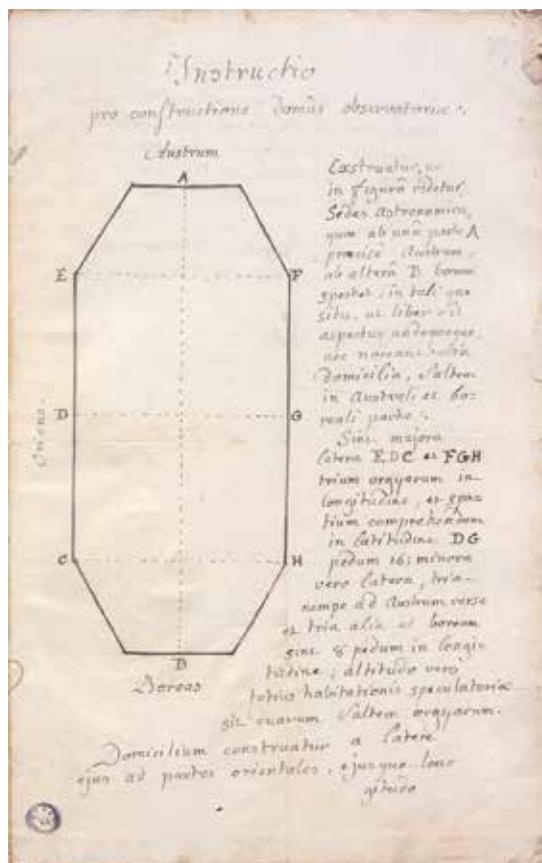

Обязательство профессора истории Г. Ф. Миллера об исполнении своих обязанностей во время Второй Камчатской экспедиции и неразглашении добытых в ходе нее сведений. 7 июля 1733 г.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 115. Л. 40

бликации результатов исследований в России. Капитанов снабдили двумя инструкциями: фальшивой и подлинной. Согласно первой, экспедиция носила исключительно научно-географический характер, она должна была установить, есть ли перешеек между Азией и Америкой. По второй, настоящей инструкции, морякам предстояло найти выход к Китаю через северные моря, обследовать и нанести на карту северо-западное побережье Америки и, по возможности, все острова между Азией и Америкой (вроде ми-

³¹ Пётр Великий и основание Петербургской академии наук. Документы и материалы: в 2-х ч. Ч. 2 / ред.-сост. Е. Ю. Басаргина. СПб., 2022. С. 20.

А. Делиль де ла Кройер. Инструкция по строительству дома для обсерватории. 5 июля 1737 г. СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 13. Д. 11. Л. 74

фической земли Хуана да Гама, которую вот уже 100 лет безуспешно искали европейские мореплаватели), закартографировать арктическое побережье России и установить морской путь через Охотское море к устью Амура, ученым — вести исследования на суше. Автором этого плана считается обер-секретарь Сената Иван Кириллович Кирилов — «великий патриот и любитель географических и статистических сведений»³². По просьбе В. Беринга И.К. Кирилов составил тог-

да подробную записку о выгодах, которые Россия может извлечь из подобного предприятия, а в Академии ее перевели на немецкий для фаворита Анны Иоанновны И.Э. Бирона, чтобы он проникся симпатией к задуманному и содействовал успеху экспедиции.

Весь последний год в Академии шла интенсивная подготовка: остававшиеся дома профессора писали инструкции для отъезжающих, а те, в свою очередь, изучали накопленные к тому времени сведения о Сибири и, прежде всего, хранившиеся в Кунсткамере и Библиотеке с 1728 г. естественноисторические, этнографические и археологические коллекции, путевые журналы и рукописи Д.Г. Мессершмидта. Предметы из его собрания служили также для обучения студентов естествознанию и рисованию, «дабы от них в означенном путешествии польза была»³³.

Численность Второй Камчатской экспедиции была столь велика, что ее участники покидали Санкт-Петербург в несколько этапов: первым в феврале 1733 г. ушел морской отряд под командой М. Шпанберга, следующих увел с собой в апреле В. Беринг, ученые тронулись в путь в августе. Общий план был таков: основные партии пойдут сухим путем через Тобольск (ворота Сибири) на Томск, Иркутск, Якутск и Охотск. Небольшие группы будут спускаться по трем крупным сибирским рекам: Оби, Енисею и Лене до их низовий, а затем разделятся на западное и восточное направления, чтобы как можно полнее исследовать северное побережье края и описать все его природные бо-

³² Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870. С. 320.

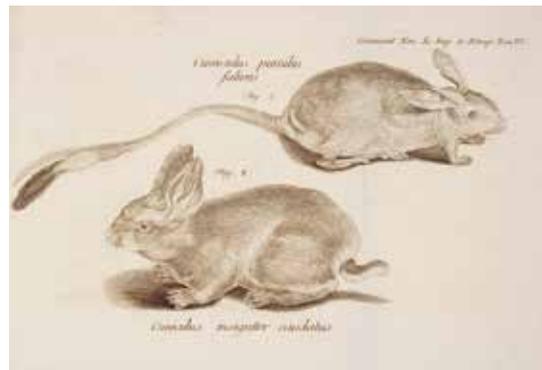
³³ Пётр Великий и основание Петербургской академии наук. Документы и материалы: в 2-х ч. Ч. 1 / ред.-сост. Е. Ю. Басаргина. СПб., 2022. С. 117—118.

гатства, способные доставить пользу государству и славу науке. В Охотске следовало построить суда, чтобы на них добраться до Америки.

В действительности, Вторая Камчатская экспедиция сделала гораздо больше, чем планировала, и во многом благодаря академической группе, участники которой, судя по их инструкциям, с самого начала ставили перед собой высокие цели. Так, Г. Ф. Миллер собирался выяснить происхождение и границы расселения «тех самых народов, через которых предводитель сего путешествия Берингий в своем камчатском походе проходить будет», их древнюю и новую историю, обычаи, религию, культуру, политическое устройство, язык (для образца следовало перевести их основные молитвы, числительные, самые употребительные существительные и личные имена), записать названия рек и населенных пунктов и, если возможно, указать их этимологию, а также зарисовать одежду, предметы культа и быта и несколько их образцов обязательно привезти в Санкт-Петербург. Л. Делиль де ла Кройер планировал писать руководства для строительства обсерваторий на всем пути следования и вести астрономические, географические и гидрографические наблюдения. И. Г. Гмелин намеревался заняться минералами, растениями и животными, исследовать анатомию, места обитания и повадки зверей. И это в стране, которая, по словам самого И. Г. Гмелина, «слыла под именем Татарии, все народы, в ней обитавшие, почитались за татар; не знали даже, как далеко на восток тянется

суша, и продолжается ли она до Америки или отделяется от нее морем»³⁴.

Ученым не терпелось начать работу, поэтому они приступили к ней, не дожидаясь, когда на горизонте появится Сибирь. Уже во время остановки в Казани Г. Ф. Миллер собрал сведения о проживавших там черемисах, чувашах, вотяках и пополнял их всю дорогу до Тобольска. Путешественники, по-видимому, добрались до столицы Сибири без приключений, а местная администрация, как ей и было предписано царским указом, встретила отряд гостеприимно. 16 мая 1734 г. Л. Делиль де ла Кройер написал сестре во Францию: «И на протяжении всего пути, что я уже проделал, и во время моего пребывания в Тобольске, где я нахожусь вот уже четыре месяца, я не заметил, что я не в Петербурге. В Сибири живется дешево и при этом просто по-царски, здесь тучный скот, прекрас-

Новые виды животных, описанных И. Г. Гмелиным. Кролик карликовый, прыгающий (*Cuniculus pumilio saliens*). Кролик необыкновенно хвостатый (*Cuniculus insigniter caudatus*). Гравюра из статьи И. Г. Гмелина «Описание некоторых четвероногих животных» (1760)

³⁴ Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири // Г. Ф. Миллер. История Сибири: в 2-х т. Т. I / под ред. А. И. Андреева. М.; Л., 1937. С. 5.

Платье чувашки. Гравюра из книги:
Миллер Г. Ф. Описание живущих
в Казанской губернии языческих народов.
СПб., 1791

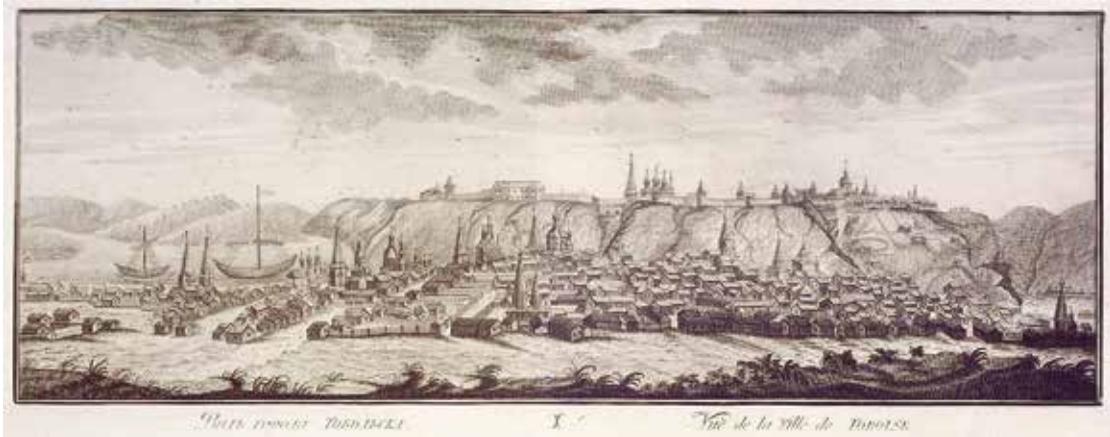
ная рыба, в изобилии всякой дичи, и почти даровой хлеб»³⁵. Возможно, он спешил успокоить родственников и несколько преувеличил свои впечатления, но его спутники также не скрывали своего восхищения краем и нетерпение с ним познакомиться. Все их испытания были еще впереди, а пока... «В то время были мы еще в первом жару, — вспоминал Г. Ф. Миллер плавание по р. Иртышу в 1734 г., — ибо беспокойствия, недостатки и опасности затрудить нас еще не могли. Мы заехали в такие страны, которые от природы сво-

ими преимуществами многие другие весьма превосходят, и для нас почти все, что мы ни видели, новое было. Мы подлинно зашли в наполненный цветами вертоград, где по большей части растут неизвестные травы; в зверинец, где мы самых редких азиатских зверей в великом множестве пред собою видели; в кабинет древних языческих кладбищ и там хранящихся разных достопамятных монументов. Словом, мы находились в такой стране, где прежде нас еще никто не бывал, который бы

Платье вотячки. Гравюра из книги:
Миллер Г. Ф. Описание живущих
в Казанской губернии языческих народов.
СПб., 1791

³⁵ Пётр Великий и основание Петербургской академии наук. Документы и материалы: в 2-х ч. Ч. 2 / ред.-сост. Е. Ю. Басаргина. СПб., 2022. С. 44–45.

В. П. Соколов. Вид города Тобольска. 1770. Гравюра по рисунку И. Х. Беркхана 1733 г.
СПбФ АРАН. Р. XII. Оп. 2. Д. 32. Л. 1

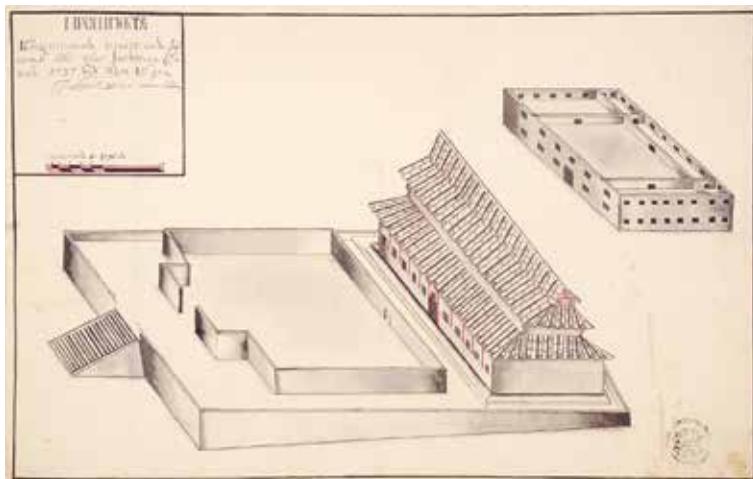
А. Я. Колпашиников. Вид города Красноярска. 1770. Гравюра по рисунку И. В. Люрсениуса 1734 г.
СПбФ АРАН. Р. XII. Оп. 2. Д. 32. Л. 4

о сих местах свету известие сообщить мог. А сей повод к произведению новых испытаний и изобретений в науках служил нам неинако как с крайнею приятностью»³⁶.

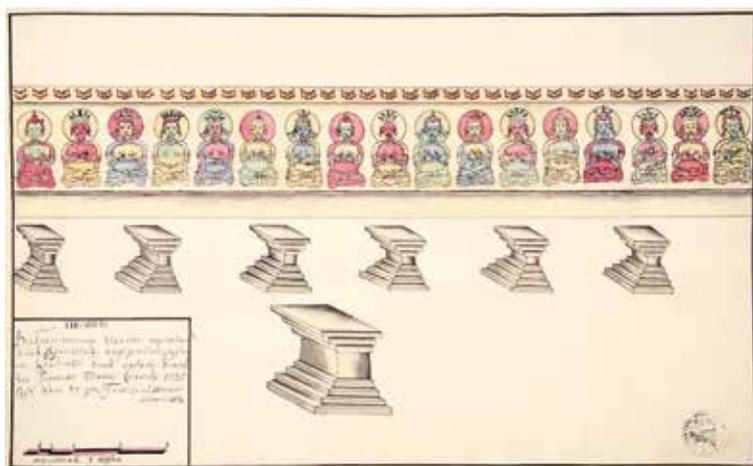
В 1734 г. в Тобольске академический отряд впервые разделился, чтобы охватить исследованиями как можно большую территорию, и впоследствии это стало для его участников правилом. И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер посетили города Тару и Омск, возникшие на месте казацких острогов XVI—XVII вв.,

и новые сторожевые крепости Иртышской линии: Железинскую, Ямышевскую, Семипалатную, Усть-Каменогорскую, дошли до Красноярска, где оставались почти два месяца, «не имея там никакой скуки»: выспрашивали у купцов, идущих караванами в Бухару и калмыцкие улусы, «разные чужестранные известия» по своим наукам, добывали в канцеляриях и в архивах сведения об окрестных поселениях и их обитателях; одним словом, набирались опыта, который «в таких

³⁶ Пекарский П. П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870. С. 323—324.

В. М. Шишков.
План монастыря
Аблай-хит. 25 июня 1737 г.
СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 9.
Д. 163. Л. 18

В. М. Шишков.
Монастырь Аблай-хит.
Роспись северной стены
монастырского храма.
25 июня 1737 г.
СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 9.
Д. 163. Л. 16

случаях есть наилучший учитель»³⁷. В августе 1734 г. Г. Ф. Миллер отрядил на разведку в прииртышские степи казаков из охраны Академического отряда, чтобы они осмотрели развалины заброшенного буддийского монастыря Аблай-хита (Аблайкита). Несколько монастырских рукописей на тангутском (тибетском) языке еще при Петре I были отправлены за границу для прочтения. Следовало осмотреть и измерить монастырские строения и, главное, привезти оттуда все, что можно было взять с собой. Все предприятие заняло три дня, а собранный материал

несметно обогатил мировую историю. В Санкт-Петербург из Аблайкита привезли два сундука с тибетскими и монгольскими текстами и среди них — более двухсот листов черной бумаги с золотыми и серебряными письменами. По мнению современных ученых, это фрагменты неизвестной рукописной версии тибетского буддийского канона.

Год 1735-й ученые посвятили изучению региона оз. Байкал. Невзирая на враждебность к себе тогдашнего вице-губернатора Сибири А.Г. Плещеева, профессора дважды наведались

³⁷ Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870. С. 323.

А. Г. Рудаков. Вид города Иркутска. 1770. Гравюра по рисунку И. В. Люрсениуса [1735 г.]
СПбФ АРАН. Р. XII. Оп. 2. Д. 32. Л. 2

А. Г. Рудаков. Вид города Якутска. 1770. Гравюра по рисунку И. В. Люрсениуса [1736 г.]
СПбФ АРАН. Р. XII. Оп. 2. Д. 32. Л. 2

в Иркутск, чтобы поработать в его архивах и собрать образцы удивительной забайкальской природы. Все чаще их научные интересы совпадали с практическими целями различных государственных ведомств. Например, для нужд Сибирской горной канцелярии И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер посетили Аргунские серебряные промыслы: первый взял там пробы руд, другой искал по архивам сведения о традициях горной добычи в этих краях. По заданию Коллегии иностранных дел оба ученых побывали в пограничных с Китаем приамурских землях. В это же вре-

мя Л. Делиль де ла Кройер в плавании по р. Лене исполнял, по его словам, все, что могло «содействовать наукам и служить к выгоде воеводы»³⁸.

На исходе 1736 г. все члены академического отряда оказались одновременно в Якутске, чтобы потом расстаться уже навсегда: Л. Делиль де ла Кройер отправится дальше на Камчатку вместе с В. Берингом, И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер останутся в Якутске, пожелав сохранить самостоятельность. Этот год, вообще, оказался переломным для всего хода экспедиции и для судеб ее участников. Все еще были

³⁸ Там же. С. 437.

С. П. Крашенинников. Гравюра пунктиром работы А. А. Оситова (1801)

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 14. Л. 2

в Якутске, когда ни с чем вернулось судно, отправленное по р. Лене к морю, чтобы по нему идти на Камчатку. Как ни хотелось В. Берингу, но обстоятельства вынуждали его признать свое поражение и отказаться от дальнейших попыток найти такой путь. В раздумьях он обратился к ученым. Г. Ф. Миллер вспоминал потом: «Поскольку господин капитан-командор от Сената приказ имел в сомнительных и важных случаях с нами советоваться, то пожелал узнать наше мнение на предмет, следует ли удовлетвориться первой попыткой и смириться с данными препятствиями или же отправить судно в новое плавание»³⁹. К тому времени Г. Ф. Миллер разыскал в архивах документы, свидетельствовавшие о многих удачных плаваниях

по северным морям, в том числе вокруг самых дальних чукотских земель. «Так, — заключал он, — представился мне случай полезнейшим образом воспользоваться архивными бумагами, коих я великое множество обнаружил в Якутске»⁴⁰. В результате В. Беринг решил попытать счастье еще раз, а в свое оправдание отправил в Сенат подробное объяснение, составленное на основе добытых Г. Ф. Миллером сведений. Однажды, во время одного такого совещания у капитан-командора, на квартире И. Г. Гмелина случился пожар. Огонь уничтожил снаряжение и научную добычу путешественников: чучела, рисунки, рукописи новых работ, путевые дневники, протоколы и зарисовки наблюдений. Потери были страшные, а главное, практически безвозвратные. По просьбе И. Г. Гмелина Сенат и Академия наук поспешили восполнить хотя бы утрату книг и инструментов, а сам ученый утешился тем, что впереди его ждут еще большие находки. В отличие от него, Г. Ф. Миллер с трудом пережил случившееся и, в конце концов, «от многих бывших в сем городе противностей» заболел «тяжкой ипохондрической болезнью», которая проявлялась у него в учащенном сердцебиении и приступах панического страха, доводивших его до обмороков. Благодаря заботам и уходу И. Г. Гмелина он понемногу пришел в себя, но путешествие на Камчатку пришлось отложить до лучших времен. К тому же не удалось собрать припасов и снаряжения для целого отряда, а потому профессора отправили туда студента Степана Петровича Крашенинникова. И. Г. Гмелин снабдил его инстру-

³⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 249. Ч. 1. Л. 51 об.

⁴⁰ Там же.

ментами и инструкциями, Г. Ф. Миллер — рукописью, в которую внес все, что смог узнать о крае. Профессора надеялись отправиться на Камчатку, как только окрепнет Г. Ф. Миллер, поэтому просили С. П. Крашенинникова строить там «хоромы» и для них.

Экспедиция С. П. Крашенинникова началась с приключений: судно, на котором он плыл к вожделенной земле, потерпело крушение и чуть не утонуло, при этом пропали все его личные вещи и часть семян, взятых для разведения, а он сам едва не скончался от жестокой морской болезни. Камчатская одиссея С. П. Крашенинникова длилась с октября 1737 по март 1741 г. За это время ему удалось собрать уникальный и весьма разнообразный материал о природе и коренных жителях края. Они не всегда были расположены к чужакам, но с С. П. Крашенинниковым ладили и даже, чувствуя его искренний интерес к себе, устраивали специально для него «показательные» шаманские обряды. Природа, в отличие от людей, была не столь сговорчива и часто нарушала планы путешественника, губя непогодой посевы и мешая поиску трав. Эти трудных, но интересные камчатские годы дали С. П. Крашенинникову достаточно материала для знаменитого «Описания земли Камчатки» (1755), изданного в год смерти автора. В 1760—1770-х гг. книга была переведена на английский, французский, голландский и немецкий языки, которые олицетворяли тогда научный прогресс и деловую активность. По мнению специалистов, и по сей день это лучшее, что когда-либо писали о Камчатке. Академик В. И. Вернадский даже

назвал 1737 г., когда С. П. Крашенинников отправился в свое камчатское путешествие, «памятным годом в истории русской культуры»: «Это было первое начало самостоятельной научной работы русского общества»⁴¹. В честь С. П. Крашенинникова было названо растение, обнаруженное в волжских степях в ходе «физической» экспедиции 1768—1775 гг. Его первооткрыватель, доктор И. А. Гюльденштедт, так пояснил свой выбор: «Я дал определение этому растению и описал его под названием “Крашенинниковья” в память о покойном профессоре Крашенинникове. Почти всем ботаникам, имевшим в прошлом заслуги в изучении русской флоры, посвящен какой-нибудь род растений. Мне кажется, будет справедливо воздвигнуть такой же памятник и этому заслуженному человеку, который к тому же вошел в историю науки как первый ботаник из русского народа»⁴².

С. П. Крашенинников был не единственным членом академического отряда, работавшим на Камчатке и описавшим ее. Кроме него там побывал Георг Вильгельм Стеллер (1709—1746), адъютант Академии с февраля 1737 г. и помощник И. Г. Гмелина с января 1739 г. По словам знавших его людей, это был неутомимый исследователь, готовый жертвовать собой ради науки, активный и жизнерадостный человек, легко парирующий все выпады судьбы и смелый до безрассудства. В конце 1737 г. вместе с художником Иоганном Корнелиусом Деккером, которого в России звали Иваном Корниловичем, Г. В. Стеллер покинул Санкт-Петербург и через год нагнал

⁴¹ Вернадский В. И. Первые годы Академии наук // Природа. 1973. № 9. С. 63.

⁴² Копелевич Ю. Х. Иоганн Антон Гильденштедт. 1745—1781. М., 1997. С. 29.

«Камчадалы, достающие огонь из дерева».

Гравюра из книги: Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. СПб., 1755
СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 1. Д. 205/К-18. Л. 20

И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера в Енисейске. Еще год спустя, в феврале 1739 г., он уже был готов к самостоятельным исследованиям. Как позднее признавался И. Г. Гмелин: «Мы очень обрадовались, что этот даровитый человек после краткого пребывания здесь, достаточно показал, что он был в силах совершить такое великое дело и добровольно сам предложил себя к выполнению его»⁴³. Видя, что Г. В. Стеллер имеет все необходимые навыки и горит желанием работать, профессора позволили ему действо-

вать самостоятельно, выдав инструкцию для занятий этнографией и натуральной историей.

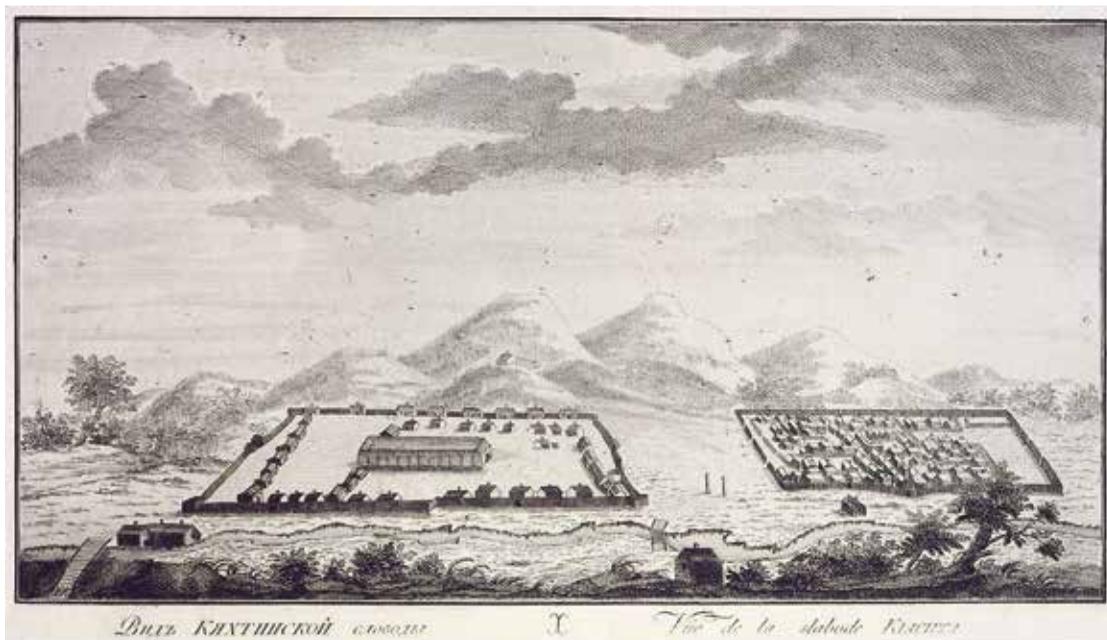
Исследовав за 1739—1740 гг. район Иркутска и Забайкалья, Г. В. Стеллер отправился в Кяхту, тогдашний центр русско-китайской торговли, для закупки особой китайской бумаги, необходимой для хранения образцов растений. Страстный ботаник, он собрал к тому времени обширные коллекции, послужившие материалом для его основного труда — «Flora Irkutensis», в котором собраны опи-

⁴³ Пётр Великий и основание Петербургской академии наук. Документы и материалы: в 2-х ч. Ч. 2 / ред.-сост. Е. Ю. Басаргина. СПб., 2022. С. 64.

сания 1152 видов растений. В марте 1740 г. Г. В. Стеллер в сопровождении художника И. Х. Беркхана и студента А. П. Горланова покинул Иркутск, в августе он уже был в Охотске, в сентябре высадился на Камчатке. Здесь, согласно инструкции, он принял под свое начало С. П. Крашенинникова и забрал у него наблюдения, которые тот вел с 1737 г., чтобы самому составить порученное ему от профессоров «генеральное описание» края. Своей главной базой Г. В. Стеллер сделал Большерецк на западном берегу Камчатки, откуда отправлялся на сбор сведений о флоре и фауне, географии и этнографии полуострова и близлежащих островов.

В 1741 г. он принял приглашение В. Беринга сопровождать его в походе к американскому берегу и в июне покинул Камчатку, а 20 июля путешественники высадились на острове Каяк вблизи Аляски. Г. В. Стеллер стал первым европейским ученым, ступившим

на эти земли. Из-за плохих метеословий ему выделили всего шесть часов на исследование острова, за которые он успел собрать 160 видов растений и обнаружить артефакты, указывавшие на родство жителей Аляски и Камчатки. К сожалению, плавание, которое, по словам Г. В. Стеллера, началось «как легкое и веселое предприятие», закончилось настоящей трагедией. В ноябре 1741 г. командорский пакетбот «Св. Пётр» разбился о скалы, и его команда высадилась на зимовку на необитаемый остров, который они вначале приняли за Камчатку. Здесь в нужде и страданиях скончалось 30 человек, в том числе 8 декабря 1741 г. — капитан-командор В. Беринг, но Г. В. Стеллер, благодаря своему знанию природы и навыкам выживания, уцелел. Вместе со своим товарищем — Ф. Плениснером, топографом и художником отряда В. Беринга, он построил хижину из разбросанных по берегу молевых бревен,

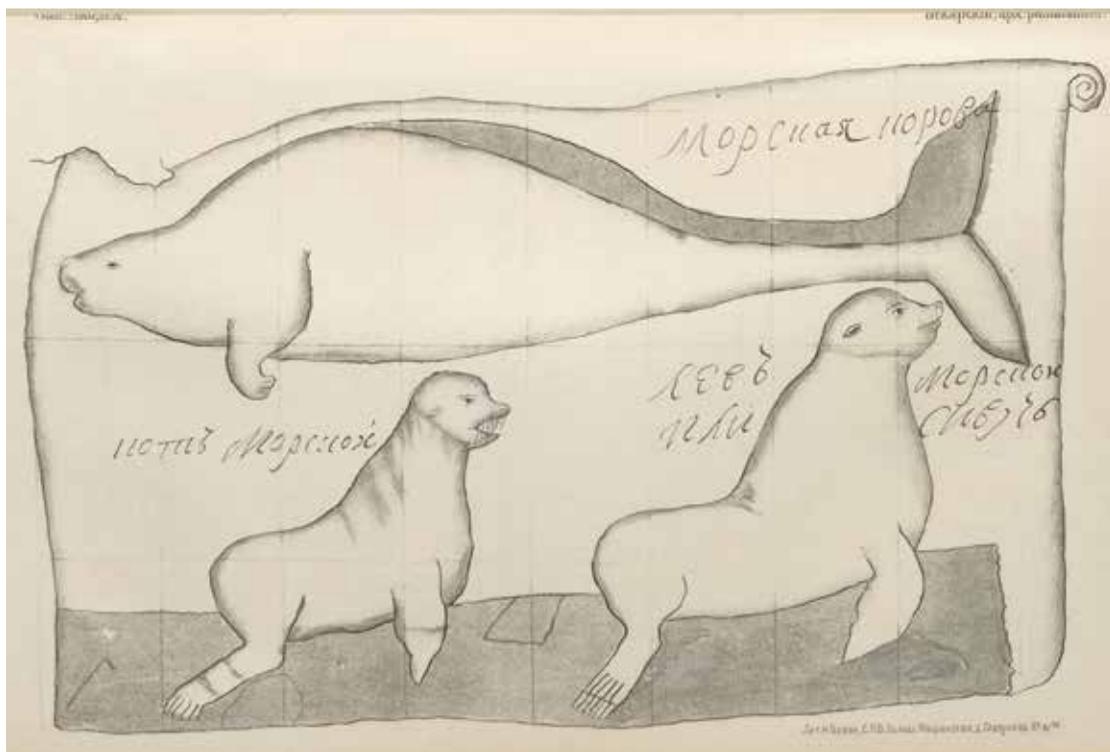

А. М. Шухин. Вид Кяхтинской слободы. 1770. Гравюра по рисунку И. В. Люрсениуса [1735 г.]

СПбФ АРАН. Р. XII. Оп. 2. Д. 32. Л. 8

И. Х. Беркхан. Малина арктическая, или княженица обыкновенная (*Rubus arcticus*). Акварель. Прибайкалье. Июнь 1739 г. СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 20. Д. 25. Л. 10

Морская корова, кот морской, лев морской, или сивуч. Литография Н. Брезе из книги: Пекарский П.П. Архивные разыскания об изображении несуществующего ныне животного *Rhytina borealis* (со снимком старинного изображения *Rhytina borealis*) (Записки Императорской Академии наук. 1869. Т. XV. Прил. № 1)

а главное, «привел себя в нормальное состояние», подав пример остальным. Он лечил своих спутников от цинги травяными настоями, состав которых знал еще с Камчатки, вел постоянные наблюдения за местными морскими и наземными животными, птицами и рыбами, собирал растения и первым дал их научные описания. Одно из гигантских млекопитающих того острова даже назвали в его честь «Стеллеровой коровой». Через 30 лет после путешествия Г. В. Стеллера это животное было полностью истреблено людьми, все, что от него осталось, — несколько неполных скелетов в музеях мира и рассказы Г. В. Стеллера. Весной 1742 г. оставшиеся в живых мореходы построили из обломков своего бывшего корабля небольшое судно и в конце августа добрались, наконец, до Камчатки. На ней ученый оставался еще два года и, похоже, ничуть не тяготился суровыми условиями жизни, поглощенный работой. По крайней мере в письме к И. Г. Гмелину от 4 ноября 1742 г., после красочного описания своих американских приключений, он поделился планами на будущее: «За эту зиму все мои наблюдения будут переписаны набело, и следующей весной я отошлю их, летом же намереваюсь отправиться в Нижний Острог, а зимой — в Анадырь. Но если меня оставят здесь, я и этому буду рад»⁴⁴.

Однако уже в сентябре 1743 г. Сенат потребовал от ученого завершить исследования и вернуться в Санкт-Петербург. В январе 1744 г. указ достиг камчатских берегов, и в августе того же года Г. В. Стеллер вместе с И. Х. Беркханом и А. П. Горлановым тронулся

в обратный путь, увозя с собой 16 ящиков научного багажа экспедиции. Была в нем и доля Алексея Петровича Горланова (?—1759): пока Г. В. Стеллер находился в американском плавании, он был его заместителем на Камчатке и за это время собрал и каталогизировал травы из региона Петропавловской гавани; составил словарь диалектных говоров ительменов, коряков, айнов, подготовил этнографические сообщения о них; сделал физико-географическое описание полуострова. По дороге домой А. П. Горланов помогал Г. В. Стеллеру в наблюдениях, в частности в Пермском крае; однако их совместная работа оборвалась неожиданной смертью Г. В. Стеллера. Он скончался в Тюмени в ноябре 1746 г., как предполагают, от пневмонии, которую мог подхватить из-за долгих транспортных задержек, чинимых ему местными властями. Г. В. Стеллер вызывал у них раздражение своими вечными попытками защитить коренное население от чиновного произвола. В упоминавшемся уже письме И. Г. Гмелину он так и написал: «Я отстаиваю честь товарищей, моей службы и, самое малое, интересы казны, и самым своим большим богатством я почитаю то, что, возвратившись, я не оставляю по себе в Сибири ни стонов, ни долгов, ни единого худого слова или обвинения»⁴⁵.

Домой не вернулся и еще один ученый академического отряда — Л. Делиль де ла Кройер. Как и Г. В. Стеллер, он принял участие в последнем плавании В. Беринга, только на пакетботе «Св. Павел», которым командовал А. И. Чириков. Ученый увидел берег Америки, но сойти на него не смог из-

⁴⁴ Пётр Великий и основание Петербургской академии наук. Документы и материалы: в 2-х ч. Ч. 2 / ред.-сост. Е. Ю. Басаргина. СПб., 2022. С. 69.

⁴⁵ Там же.

за поразившей его цинги. Л. Делиль де ла Кройер умер 10 октября 1741 г. у самых берегов Камчатки, когда корабль уже входил в Авачинскую бухту. В Санкт-Петербурге об этом узнали не сразу и еще долго слали ему инструкции и распоряжения. В 1747 г. геодезист экспедиции лейтенант Андрей Дмитриевич Красильников доставил бумаги Л. Делиль де ла Кройера в Академию наук.

И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер тем временем продолжали трудиться на континенте, несмотря на плохое самочувствие последнего. Еще в 1737 г. при первых приступах болезни Г. Ф. Миллер просил Сенат и Академию отозвать его домой, прислав кого-нибудь на замену. Решения дела пришлось ждать почти два года, которые прошли далеко не в праздности. И. Г. Гмелин так пояснял их тогдашнюю активность: «Охота видеть много нового побудила нас к этому дальнему и трудному путешествию. Мы были в таких летах, что могли надеяться выдержать соединенные с тем неприятности. Охота еще не пропала, сил было, по крайней мере у меня, достаточно»⁴⁶. Им хватило сил на то, чтобы изучить быт бурятов и тунгусов в Прибайкалье, осмотреть небольшие частные и казенные железодельные производства в Приангарье (некоторые были заведены специально для обеспечения экспедиции металлом), посетить Иркутск, Енисейск, Мангазею, Красноярск. Именно в Красноярске в 1739 г. их нашел долгожданный правительственный рескрипт, который и обрадовал, и расстроил одновременно. Согласно Сенатскому

указу, Г. Ф. Миллер мог возвращаться в Санкт-Петербург, И. Г. Гмелин же направлялся на Камчатку. По словам последнего, это решение сразу обратило путешествие в ссылку. В общем своем ходатайстве в Академию профессора просили отпустить И. Г. Гмелина тоже: «Путешествие с трудными поездками в такой земле должно по собственной охоте и от доброй воли... без всякого принуждения быть, а ежели того нет, то и наукам надежды не будет. Печаль день ото дня прибывает, а с нею уныние с расслаблением час от часу натуральным образом и так умножается, что их без надежды скорого возвращения ничем прогнать и излечить невозможно»⁴⁷. Быстрого ответа ждать не приходилось, тем более Сибирь постоянно одаривала путешественников новыми открытиями, так что у них просто не было времени на уныние. И. Г. Гмелин рассказывал: «Мне уже было много радости от новых растений, которые случалось встречать ежедневно, и я прежде отправки моего прошения часто помышлял о том, чтобы взять его обратно, потому что при виде нового растения у меня тотчас являлось опасение, что эта моя радость может быть легко сокращена скорым разрешением моего ходатайства»⁴⁸.

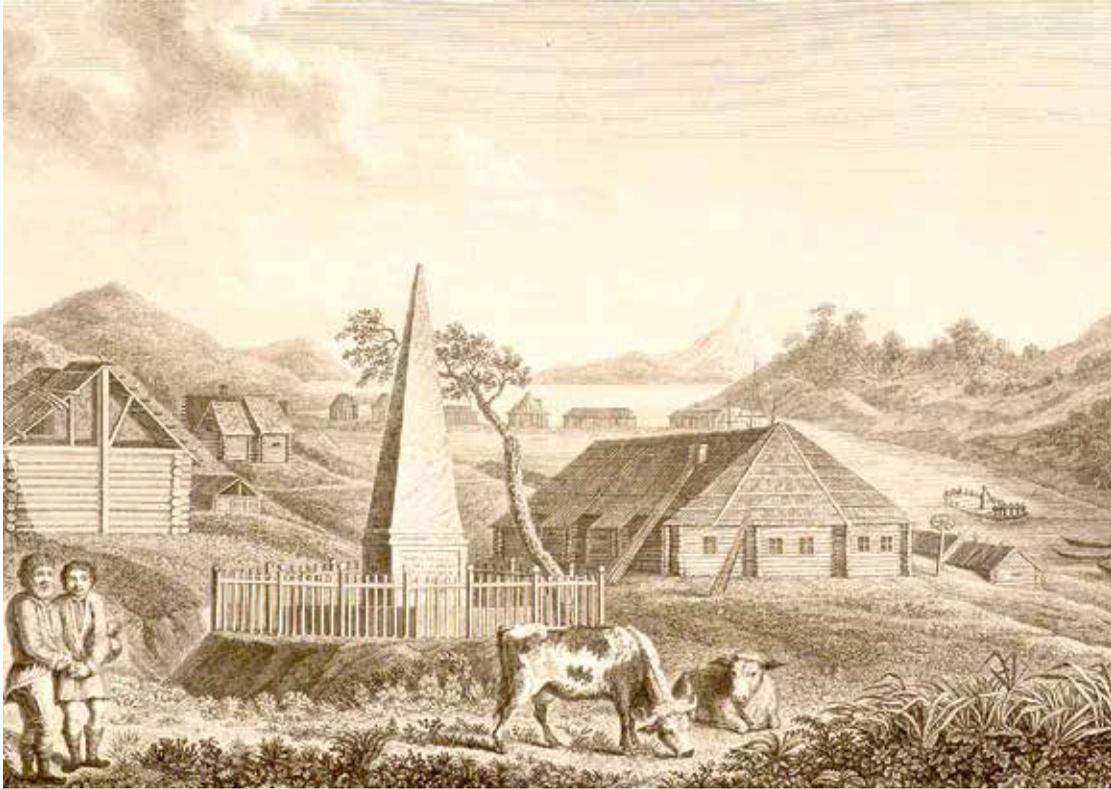
На смену Г. Ф. Миллеру Академия предложила адъюнкта истории, ректора академической гимназии Иоганна Эбергарда Фишера (1697–1771), в марте 1739 г. Сенат утвердил его кандидатуру, и в октябре того же года новый член экспедиции с женой и малолетними детьми тронулся в путь. Зимой 1740 г. началось его сибирское путеше-

---

⁴⁶ Пекарский П. П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870. С. 438.

⁴⁷ Там же. С. 328.

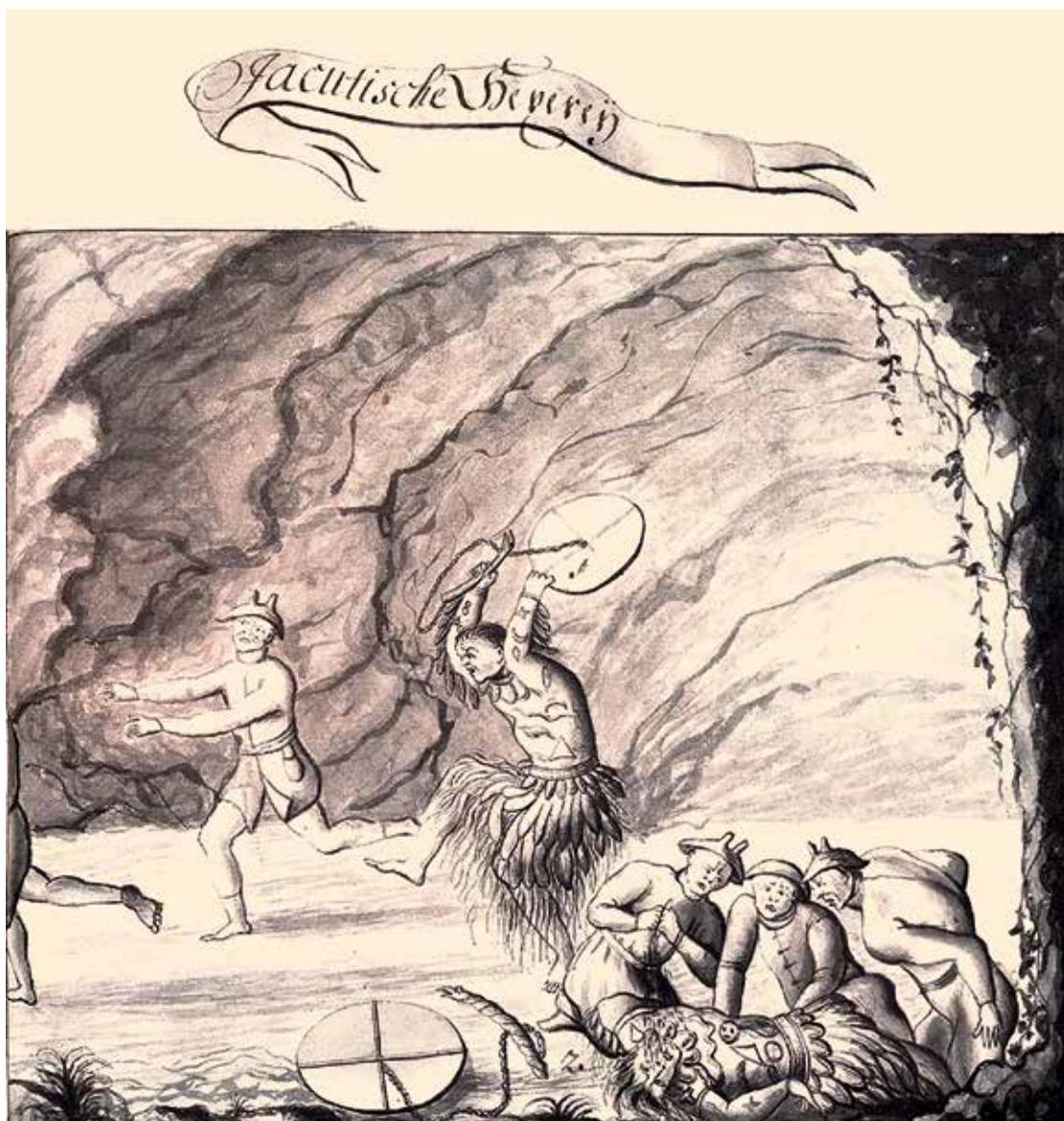
⁴⁸ Там же. С. 439.

И. В. Ческий, В. Г. Тилезиус фон Тиленау. «Памятник, сооруженный нами капитану Клерку и Делилю де ла Кроэру в Петропавловской гавани». Гравюра из «Атласа к Путешествию вокруг света капитана Крузенштерна» (СПб., 1813. Табл. XXIX)

ствие, которое длилось до 1747 г. Первоначально И. Э. Фишер предполагал оставить семью в Иркутске, а самому зимним путем поспешить на Камчатку, чтобы быть там не позднее октября 1741 г. Однако на месте оказалось, что он совсем не способен на самостоятельные исследования. Человек высокообразованный, по характеру он был вспыльчив и утомительно дотошен, требовал, чтобы ему подробно разъясняли не только то, что надо выполнить, но и как, и почему это надо делать. При этом его чрезвычайно обидела инструкция Г. Ф. Миллера на 111 листах, на исполнение которой, по его словам, потребовалось бы объехать всю Сибирь и иметь при себе человек 30 помощников. В свое оправдание Г. Ф. Миллер говорил, что писал это

руководство, исходя из собственного, кровью и потом добытого опыта, и он почел бы за счастье, если бы кто-нибудь в свое время предложил ему подобное. Надо сказать, что инструкция, действительно, получилась громоздкая, но она была написана с полным знанием дела, содержала массу полезных указаний, актуальных и ныне, особенно по части архивной работы, этнографических, лингвистических и археологических исследований. Многие ученые, в том числе и Г. Ф. Миллер, невысоко оценивают вклад И. Э. Фишера в общий труд Второй Камчатской экспедиции, и все же не стоит так уж пренебрегать им. За семь лет жизни в Сибири И. Э. Фишер (часто вместе с домочадцами) побывал в Соликамске, Тобольске, Сургуте, Томске,

Неизвестный художник. Якутское колдовство. Акварель. 1740-е гг.
«После того как шаман некоторое время сидел, он встает и покачиваясь ходит вокруг, пока не упадет в обморок. В это время подсакивают другие, чтобы его поднять, а один из них высекает над ним огонь, после чего шаман приходит в себя и, как прежде, поет и бьет в бубен». Текст из книги: Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан, 1983 г.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 59. Л. 159

Красноярске, Иркутске, Якутске, Охотске. Это огромная территория от Предуралья до Охотского моря. Среди его научных трофеев есть записи путевых наблюдений и копии документов из местных архивов. Это 28 сочи-

нений, в основном на немецком языке: «История Казанская» и «Сибирская история», списанные в Тобольске, географические и исторические описания земель по течению Иртыша, Оби, Томи и земель между городами

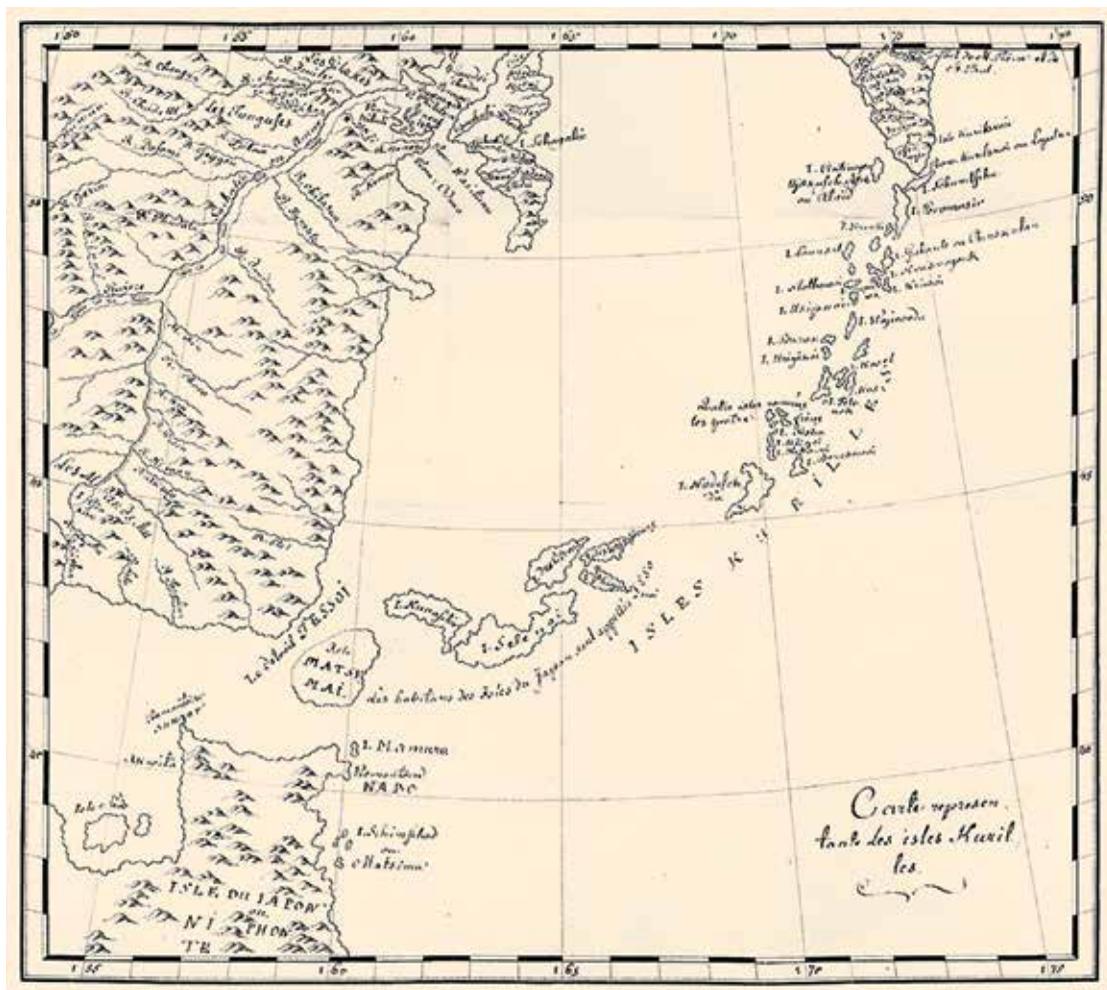
Томском и Иркутском, «ведомости» о нравах и языках местного населения, описания различных маршрутов, географический «лексикон» и крайне интересный сравнительно-лингвистический труд — «Vocabularium Sibiricum».

И. Э. Фишер не говорил по-русски или, как тогда говорили, «мало успел» в русском языке, поэтому еще в Санкт-Петербурге ему нашли помощника. Им стал академический переводчик с немецкого и латинского языков Яков Иванович Линденау. Такое имя получил в России природный швед и москвич по рождению Якоб Йохан Линденау (1700/1710—1795). До службы в Академии он был и бухгалтером в лифляндском г. Пернове, и учителем в Санкт-Петербурге, и переводчиком в канцелярии Сената, и вот теперь, в июле 1739 г. изъявил желание поехать в Сибирь. В экспедицию Я. Линденау взяли на должность копииста со званием переводчика, но со временем стали доверять самостоятельные исследования. Он был неутомим в походе, терпелив и внимателен в архиве, смиренно сносил трудности походной жизни, часто в трудных обстоятельствах тратил свои средства и терял личное имущество. «Был в разных нужных местах, — рапортовал Я. Линденау в Академию в 1746 г., — отчего моей ревности принял многие смертельные случаи и голод, от которых неотменных беспокойств, голоду и лыжной ходьбы, отчего и здоровья лишился»⁴⁹. Несмотря на все лишения, он стремился к новым знаниям, не довольствуясь формальным выполнением данных ему поручений. Например, получив от Г. Ф. Мил-

лера задание скопировать программу, которую тот составил для И. Э. Фишера, он позднее использовал ее для написания собственных исследований о коряках, якутах, бурятах, барабинских татарах и юкагирах. Творческое наследие Я. Линденау — 18 описаний путешествий, треть из них — специальные историко-этнографические труды; его с полным правом можно причислить к ученому составу академического отряда.

Вторая Камчатская экспедиция значительно обогатила мировую науку, закрепила за Россией новооткрытые земли, дала толчок к промышленному развитию обширной азиатской территории страны. За десять лет, что длилось это путешествие, было проведено систематическое исследование Сибири и Тихого океана, изучены северо-запад Америки, Алеутские и Курильские острова, повторно открыт Берингов пролив, доказано отсутствие перешейка между Америкой и Азией, развеян миф об островах в северном регионе Тихого океана, нанесены на карту большая часть севера Сибири, Камчатки, Охотского моря и Японии, описаны сибирские растения, животные, минералы и, конечно, живущие там люди. Важным результатом экспедиции стало расширение российского влияния на северный тихоокеанский регион и освоение Сибири и Аляски. Таким образом, участники экспедиции не только выполнили поставленные перед ними геополитические задачи, выразив свои успехи языком картографии, но и собрали богатый научный урожай. Каждый из них внес в общий

⁴⁹ Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем., подгот. текста, прим. и предисл. З. Д. Титовой. Магадан, 1983. С. 9.

Карта Курильских островов. [1754—1755]

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 177. Л. 81

багаж свою, хотя бы малую лепту, некоторые ценой жизни.

Современники, однако, не оценили эти достижения и затраченные на них усилия по-настоящему. В 1743 г. Сенат решил свернуть Вторую Камчатскую экспедицию по причине ее бесполезности. Когда в феврале того же года И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер прибыли в Санкт-Петербург, им отказали в обещанном вознаграждении, а Г. Ф. Миллера напрямую обвинили в пустой трате государственных средств, поскольку, по мнению чиновников, от его архивных занятий не было никакого прока.

Все это, конечно, не соответствовало действительности. Реальное значение историко-географических изысканий Г. Ф. Миллера наглядно иллюстрирует тот факт, что, еще находясь в Сибири, он получил именной указ императрицы Анны Иоанновны от 1 февраля 1740 г., по которому должен был составить очерк об Амуре и представить его иркутскому вице-губернатору Лоренцу Ланге «в пользу его негоциации с китайским двором». Эта работа Г. Ф. Миллера понадобилась для составления договора о границах с Китаем. Ученый дал точное описание са-

мого Амура и впадающих в него рек, а также подчеркнул, на что следует обратить особое внимание при заключении такого рода договора. Г. Ф. Миллер считал, что так он исполняет свой гражданский долг перед Россией, поэтому в том же очерке перечислил и экономические выгоды региона. В 1763 г. правительство, уже по «секретному поручению» Екатерины II, вновь обратилось к Г. Ф. Миллеру с просьбой составить записку о российско-китайских границах в случае войны с восточным соседом, а в 1764 г. — уже для отправки мирного посольства в Китай. Таким образом, научная архивная деятельность Г. Ф. Миллера имела прямую практическую пользу.

Большой объем коллекций привел к тому, что экспедиционный материал обрабатывался крайне медленно, хотя путешественники взялись за дело сразу, едва прибыли в Санкт-Петербург. Г. Ф. Миллер тогда практически полностью сосредоточился на составлении «Истории Сибири», и все равно ее первый том, озаглавленный «Описание Сибирского царства», появился лишь в 1750 г. Через два года по его просьбе И. Э. Фишер взялся кратко переработать содержание тома и написать его продолжение. Эта работа была опубликована в 1768 г. на немецком языке, в 1774 г. — на русском. Параллельно на страницах академического журнала «Sammlung Russischer Geschichte» («Собрание российской истории») появлялись и другие их сочинения, посвященные Сибири.

И. Г. Гмелин, вернувшись из экспедиции, посвятил себя обработке собранных ботанических коллекций и написанию обобщающего труда по ним. Но при жизни он успел издать лишь два тома своей «Florae Sibiricae»

(«Сибирской флоры»), третий и четвертый тома вышли уже после смерти ученого под редакцией его племянника — Самуила Готлиба Гмелина, который по стопам дяди стал натуралистом и путешественником. Пятый том «Сибирской флоры» так и остался в рукописи. Во время экспедиции И. Г. Гмелин вел дневник, который издал в 1751—1752 гг. в Гёттингене. Он рассказал о быте сибиряков, их городах, промыслах, торговле, сумев подметить даже мелкие, но характерные детали, которые были интересны европейцам. Книга была написана ярко и остроумно, но, по мнению российской цензуры, слишком вольно, поэтому наш читатель так ее и не увидел.

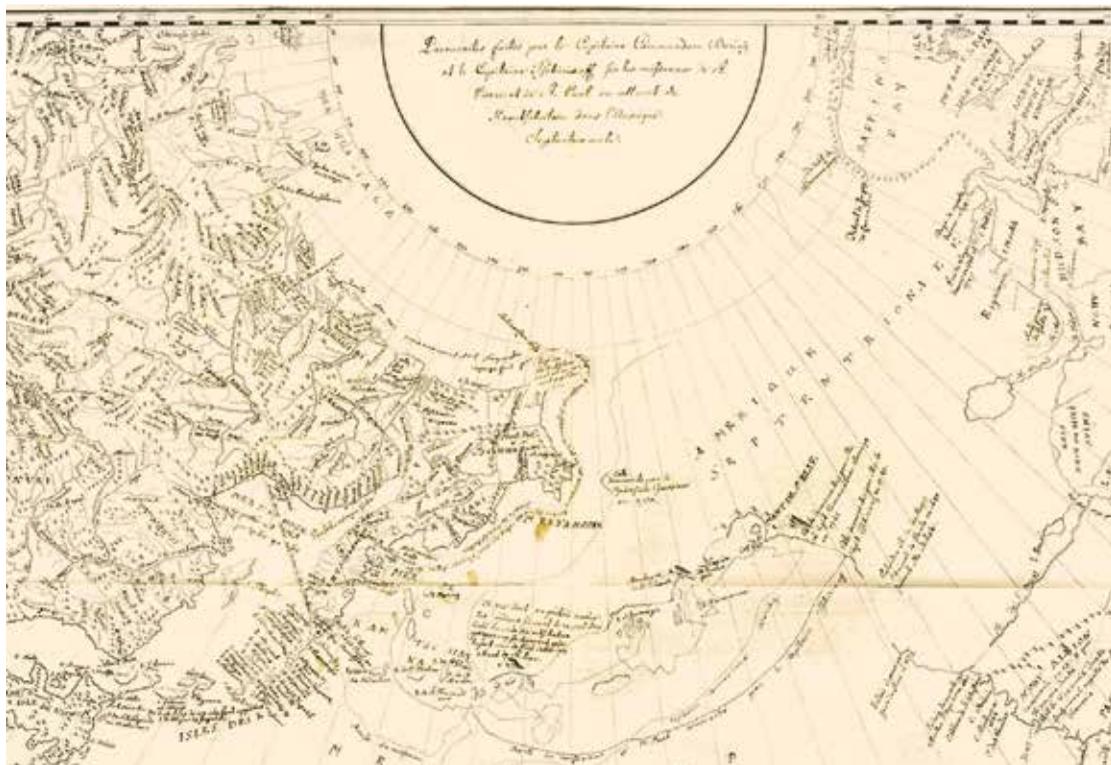
«Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова вышло, когда автора уже не было в живых. Такая же судьба постигла и камчатское сочинение Г. В. Стеллера — оно появилось почти через 20 лет после смерти автора, в 1774 г. Во многом это произошло из-за той секретности, которая с самого начала окружала деятельность Второй Камчатской экспедиции. По той же причине все картографические работы и географические описания к ним сначала осели в Сенате и в Канцелярии Академии наук, а затем (по именному императорскому указу от 7 апреля 1746 г.) оказались в личной канцелярии Елизаветы Петровны и были запрещены к печати. Лишь когда во Франции в сентябре 1752 г. появилась книга бывшего профессора астрономии Петербургской академии наук Ж. Н. Делиля о географических открытиях на Востоке, в которой он пообещал выпустить новые карты России и рассказать об ошибках русских картографов, Академии позволили выгравировать карту Сибири с учетом данных экспедиции.

Лилия даурская (*Lilium pensyloanicum*).
Рисунок И. Х. Беркхана для работы
И. Г. Гмелина «Сибирская флора»
(«*Flora Sibirica*»). Акварель. [1738—1739]
СПбФ АРАН. Р. 1. Оп. 105. Д. 22. Л. 32

Карта вышла в свет в 1758 г. под названием «Географические открытия, сделанные капитаном-командором Берингом и капитаном Чириковым на кораблях “Св. Пётр” и “Св. Павел” во время плавания от Камчатки к Северной Америке».

Конечно, с тех пор солидная часть научного наследия Второй Камчатской экспедиции уже опубликована, ее материалами активно пользуются современные исследователи, но еще в XVIII в. они пригодились путешественникам следующего поколения петербургских академиков.

Карта географических открытий капитан-командора В. Беринга и капитана А. И. Чирикова во время плавания от Камчатки к Северной Америке. 1754 г.

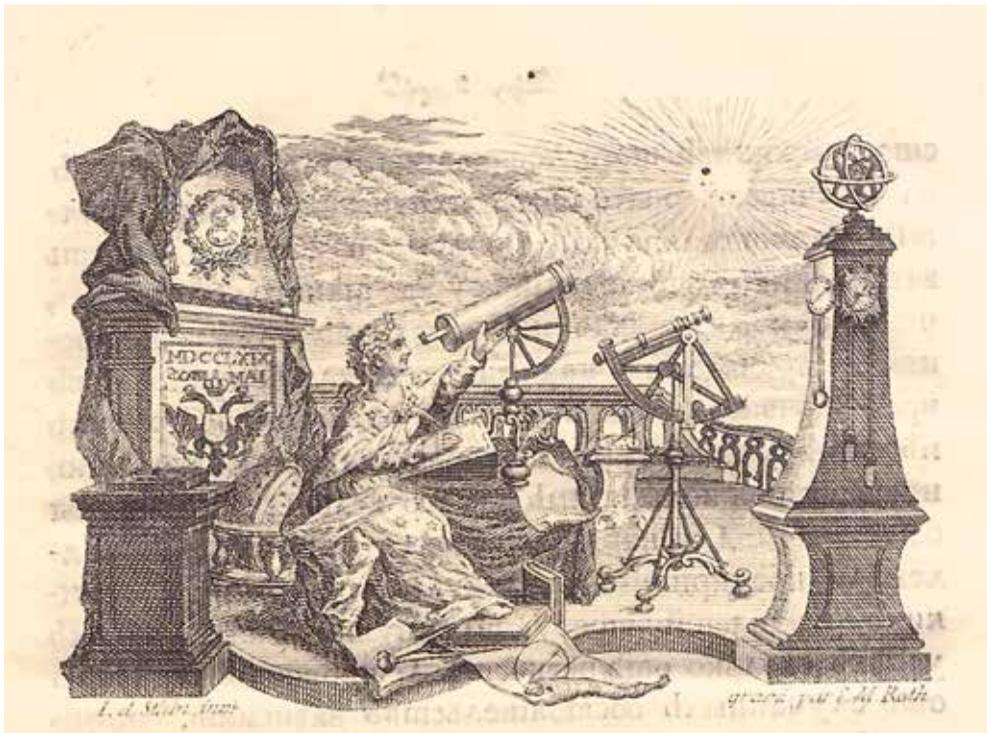
СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 177. Л. 82

«ФИЗИЧЕСКИЕ» ЭКСПЕДИЦИИ (1768—1775)

«Физические» экспедиции — особое явление в отечественной истории. Так в XVIII в. называли научные путешествия, изучавшие разные царства природы в исследуемой местности (от греч. φύσις — «природа»). Однако «физические» экспедиции исследовали не только растительное, звериное и минеральное царства природы, но и живущих среди этих естественных красот людей. Их участники, в отличие от своих предшественников, воспринимали мир как единую систему, все детали которой взаимосвязаны друг с другом, поэтому и изучать их следовало в совокупности. Именно системным подходом, а не соображениями экономии диктовалась универсаль-

ность ученого-путешественника, хотя, конечно, у каждого была специальность и свои научные пристрастия. Путешественники подмечали и собирали все самое «особливое», самое редкое, самое достопамятное, т.е. все, что могло привлечь и развить научный интерес публики.

«Физические» экспедиции 1768—1775 гг. стали дополнением к астрономическим, организованным Петербургской академией наук для наблюдения прохождения Венеры по диску Солнца в мае 1769 г. Весь ученый мир с нетерпением ждал этого редкого природного явления и заранее к нему готовился. Однако Петербургская академия решила не ограничиваться астрономией, а провести комплексное, всестороннее изучение производительных сил стра-

Виньетка для книги «Наблюдения явления Венеры в Солнце в Российской империи в 1769 году: Учиненные с историческим предуведомлением, сочиненным Степаном Румовским, Академии наук членом» (СПб., 1771)

СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 1. Д. 454/P-15. Л. 5

ны. Подобного Россия еще не знала! Для реализации этого смелого плана Академия и сформировала свои «физические» экспедиции. Они состояли из двух астраханских и трех оренбургских отрядов, названных так по городам, откуда начинались их основные маршруты.

Путешественники тронулись в путь в июне 1768 г., имея на руках инструкции не только от Академии наук, но и от государственных учреждений и научных организаций — Вольного экономического общества, Медицинской, Коммерц- и Берг-коллегий; в результате требовалось изучить множество научных и экономических нюансов. В частности, Медицинская коллегия и Вольное экономическое общество предписывали обращать внимание на сельскохозяйственные культуры и породы скота, особенно на их болезни, на используемые орудия труда, характерные промыслы, имеющиеся водоемы, в том числе целебные источники, быт местного населения и пр. Берг- и Коммерц-коллегии хотели знать о рудниках, промышленных предприятиях, торговле и т.д. В инструкции Академии наук, разработанной П. С. Палласом и С. Г. Гмелиным, оговаривались условия зимовок, к выбору которых необходимо было подходить осознанно и находить такие места, «где бы надеяться могли препроводить оное время с пользою». В зимнее время можно было проводить исследования и изучать «рудные горы, заводы, пещеры, всякия остатки древностей и проч.», «но как скоро удобное к изысканию зверей и трав время наступит, то должно им зимняя свои квартиры оставить...»

Академическая инструкция предписывала конкретные объекты и пред-

меты исследований. Научные наблюдения имели самый широкий спектр: географические, метеорологические, ботанические, зоологические, этнографические. Руководитель отряда должен был обеспечить присылку в Академию наук соответствующих коллекций и регулярных рапортов, причем рукописи путешественникам разрешалось оставлять при себе вплоть до окончания экспедиции. Экспедиция должна была обследовать экономические ресурсы изучаемых территорий, которыми признавались «естества земли и вод», в том числе «необработанная земля и ненаселенное место» с точки зрения того, как «с пользою назначено быть может к хлебопашеству, ... к сенокосам». Нужно было произвести учет лесным угодьям, растениям, «на краску употребляемым или на пищу годным», присмотреться к местам, подходящим «к заведению винограда, хмелю, льну или табаку и пр.» Предписывалось осуществлять разведку полезных ископаемых, солей, «каменных угольев», торфа, руд, минеральных вод; обследовать «рудники и перерабатывающие заводы (медные, солеварные, пороховые)». Отдельного внимания требовали «населенные места», которые следовало описать с точки зрения «их недостатков, выгод и особых обстоятельств». Рекомендовалось наблюдать за «местными нравами и светскими и духовными обрядами». Чтобы добыть эти сведения, путникам следовало сворачивать с больших дорог, интересоваться «древними повестями» и все узнанное, и увиденное тщательно записывать в дневнике. При этнографических наблюдениях необходимо было держать в поле зрения хозяйственные и охотничьи приспособления и инструменты, с которых предписывалось

снимать точные рисунки или изготовить их модели; требовалось фиксировать особенности животноводческого хозяйства («особливо для шерсти»), пчеловодства, изготовления шелка, описывать способы звериного и рыбного промысла. Актуальными были вопросы медицины, в связи с чем нужно было осуществлять описание «особливых болезней», «скотских падежей», «какие в тамошних местах против оных употребляют средства», выявить лекарственные травы, «полезные» не только в медицине и хозяйстве, но и могущие стать объектом торговли. Таким образом, не оставалось фактически ни одной области науки и практики, которую путешественники имели право проигнорировать. Такие задачи стояли перед всеми отрядами.

Отдельную инструкцию академики составили назначенным в физические экспедиции академическим гимназистам и студентам. Перед ними ставилась задача обучения «натуральной истории вообще, а именно, зоологии, ботанике и минералогии», чтобы они «со временем могли себя показать в сей науке и при академии определены быть с пользою». Этот документ обещал гимназистам ежегодное жалование в 144 руб., а также годовую «премию» в 20 руб. за ответственное исполнение своих обязанностей и предписывал начальникам отрядов предоставлять соответствующие отчеты. Отдельное поощрение полагалось за ведение собственных журналов, поэтому некоторые молодые ученые выполнили эту рекомендацию. Студентам надлежало аккуратно исполнять все распоряжения начальника экспедиции, «собирать и приготовить

Начертание пути на нынешнее лето первой Оренбургской экспедиции, расположенного господином академиком Палласом. Прибавление к № 59 Московских ведомостей. В пятницу 1 июля 24 дня 1769 года СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 82. Л. 3

натуральные вещи, сушить травы, копировать журналы, описания и других ученых дела, также при случаях переводить и справлять особливья малья посылки»⁵⁰. Начальник отряда обязывался следить за своими подчиненными, а те, в свою очередь, должны были прилежно всему у него учиться, добросовестно исполнять его поручения, бережно тратить свое жалованье.

Передвижение по российским просторам было сопряжено с многочисленными организационными заботами: необходимо было заблаговременно предупредить губернаторов о времени прибытия для подготовки жилья и обеспечения условий для работы; от губернатора, в свою очередь, нужно

⁵⁰ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 35. Д. 1. Л. 8—10 об., 13—16.

было востребовать необходимое число повозок и лошадей. Руководитель отряда должен был ежедневно вести журнал с указанием проезжаемых мест и т.п. Читающая русская публика живо интересовалась деятельностью экспедиций, поэтому их состав, и планы, и годовое содержание печатались в газетах, а свежие путевые отчеты — в академических изданиях.

**Астраханский отряд Самуила
Готлиба Гмелина (1768—1774):
Астраханский край, Кавказ
и Персия**

Самуил Готлиб Гмелин прожил короткую жизнь — всего 30 лет, из них последние семь — в России. За это время он исследовал природные богатства ее степного юга, Поволжья и Придонья, Азовского и Каспийского морей, подготовил карты этих районов, описал нравы и обычаи местных жителей.

С. Г. Гмелин родился в 1744 г. (по другим данным — в 1745 г.) в старинном немецком городе Тюбингене. Род Гмелиных подарил миру несколько известных ученых, но ни один из них не смог достичь славы Иоганна Георга Гмелина, профессора химии и естественной истории Петербургской академии наук и участника Второй Камчатской экспедиции. С. Г. Гмелин приходился племянником славному петербургскому профессору и также был одарен от природы. В свое время, как и дядя, молодой человек поступил на медицинский факультет Тюбингенского университета и в 1763 г. совсем юным получил в нем докторскую степень. В отличие от знаменитого родственника, который сразу после окончания учебы уехал в Россию, С. Г. Гмелин для совершенствования знаний отправился в путешествие по университет-

ским городам Франции и Голландии, славившимся естественнонаучными кафедрами. В Европе он так заинтересовался ботаническими и биологическими коллекциями, что в конце концов сам увлекся собиранием, особенно морских водорослей. В 1765 г. С. Г. Гмелин вернулся домой и занялся преподаванием ботаники, когда вдруг в его жизни произошло событие, нарушившее его привычный и размеренный ход. В 1767 г. Петербургская академия наук пригласила молодого ученого в Россию для изучения сибирских флоры и фауны (чем когда-то занимался его прославленный родственник). Предложение было принято, и с 4 апреля 1767 г. С. Г. Гмелин стал профессором ботаники Академии наук. На следующий год родной университет удостоил его того же звания, поскольку герцог Вюртембергский, в чьих землях находился Тюбинген, не хотел расставаться с перспективным молодым ученым и надеялся таким образом вернуть его обратно. Но, погрузившись в дела, С. Г. Гмелин даже не помышлял о возвращении. Он хлопотал об устройстве на новом месте Ботанического сада, читал доклады в заседаниях Конференции, занимался изданием собственных монографий (в том числе о любимых водорослях), готовил к печати третью и четвертую части «Сибирской флоры» своего дяди И. Г. Гмелина. И наконец, в июне 1768 г. ученый отправился в собственную экспедицию, только не в Сибирь, а на юг России.

При отъезде из столицы небольшой отряд С. Г. Гмелина состоял из четырех академических студентов: Якова Ключарева, Николая Крашенинникова, Ивана Михайлова и Сергея Маслова, аптекаря И. Д. Луте, художника Ивана Борисова, чучельника Михаила Ко-

това и «достаточной команды» солдат. По инструкции, полученной в Академии наук, путешественникам предстояло провести множество разнообразных наблюдений. Сам С.Г. Гмелин характеризовал их так: «Намерение мое состояло в том, чтобы описать те страны, по которым я ехал, показать их выгоды и недостатки, исследовать со вниманием все попадающиеся мне особливые предметы, сколько обстоятельства допустят, также примечать за домостроительством, узнать нравы и обыкновения народов; словом, все снести вместе, что только достойно примечания»⁵¹.

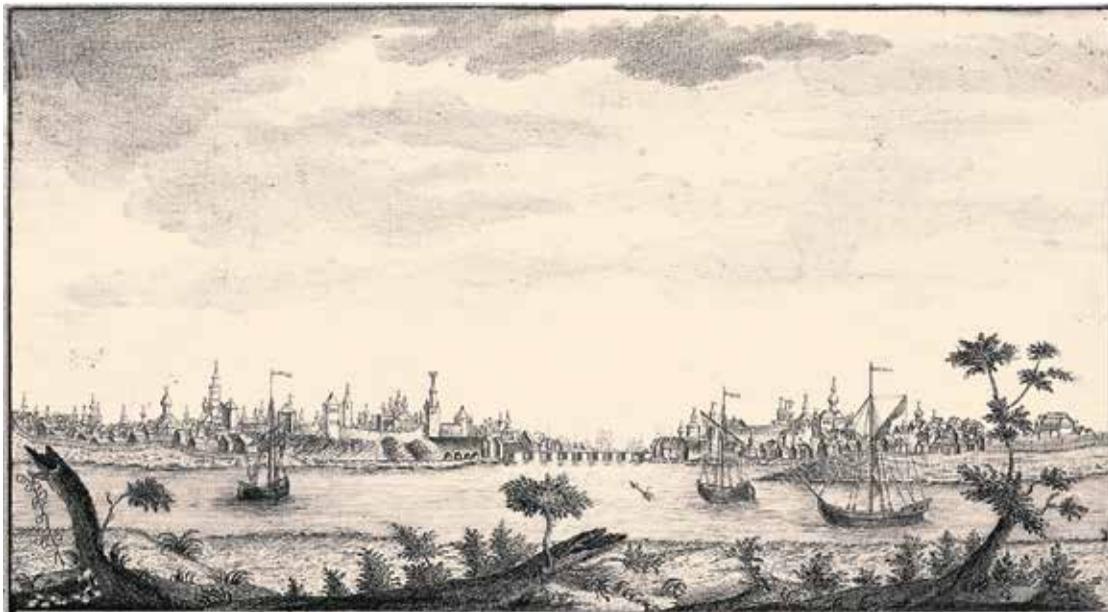
Первыми на пути лежали старинные города Новгород и Старая Русса. По дороге к ним С. Г. Гмелин отметил большие залежи известняка вокруг, посчитав их наиболее примечательной характеристикой района. Рассуждая о протяженности и разнообразии местного известкового камня, он указал, между прочим, что из него сложены берега реки Чудовой, и пояснил, что она дала название близлежащему селу. О Новгороде С.Г. Гмелин сообщил немного, лишь то, что приехал 27 июня поутру около 11 часов и пробыл в нем два дня «для осмотра достопамятных вещей». Он счел «за ненужное» говорить о городе, о котором и так много написано. Так же, без подробностей, С. Г. Гмелин описал Старую Руссу и ее окрестности, объяснив свою краткость тем, что ему не терпелось поскорее отправиться к Валдайским горам, чтобы проверить, сообщаются ли с ними здешние соляные ключи. Поэтому он рассказал лишь об извест-

ных со времен Ивана Грозного соляных промыслах и перечислил рыб, которые водятся в местных реках.

Торопясь к Валдаю, путешественник не удержался от замечаний о плохих местных дорогах, сообщив при этом и важную информацию: «В сих местах иметь порядочно намощенную проезжую дорогу необходимо нужно, понеже лежащие в сторону за Новгородом места, даже до Старой Руссы, столь болотисты, что и летом там никогда не просыхают»⁵². Подобный принцип «полезного знания» С. Г. Гмелин исповедовал на протяжении всей экспедиции. Например, рассказывая о геологическом строении Валдайских гор, вспомнил о докладе академика Я.Я. Штелина «О приискании каменного угля в Российской империи, а особливо в Новгородской губернии», прочтенном на одном из заседаний Вольного экономического общества в 1768 г. Дело в том, что в 1765 г. в Берг-коллегию поступили образцы новгородского угля. Географическое положение такого месторождения было экономически выгодно, поэтому Общество объявило премию в 1 000 руб. тому, кто первый найдет залежи угля в Новгородской губернии. С. Г. Гмелин поделился своими предположениями о месте, где уголь наверняка мог быть. Несмотря на краткость, рассказ С. Г. Гмелина о путешествии по Новгородчине будет интересен не только для краеведов, но и для ученых-медиевистов, занимающихся историей Новгородской республики, или тех, кто интересуется экономической историей XVIII в.

⁵¹ Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. I: Путешествие от Санкт-Петербурга до Черкасска, главного города донских казаков в 1768 и 1769 годах. СПб., 1771. С. [1].

⁵² Там же. С. 2—3.

Вид Новгорода. Гравюра. 1770-е гг.
СПбФ АРАН. Р. XII. Оп. 2. Д. 32. Л. 9

Через Вышний Волочёк, Торжок, Тверь отряд С. Г. Гмелина вышел к Волге, которую из-за сильного ветра преодолел «с великой опасностью». Путники восхитились волжской природой, добротными дорогами и тучными нивами, на которых шла дружная жатва, исследовали местную почву на предмет угля и глины и 15 августа въехали в «великолепный город» Москву. Из-за недостатка времени путешественники отвели себе на осмотр московских

достопримечательностей лишь полторы недели, а 27 августа уже «приутоновились» к отъезду. Подмосковные Подольск и Серпухов, переправа через Оку оставили у С. Г. Гмелина хорошие воспоминания своей ухоженностью, а Тула задержала его на некоторое время месторождениями железной руды. Путевая часть первого года экспедиции завершилась в Воронеже, куда отряд прибыл 1 октября 1768 г., чтобы остаться здесь на зимовку.

Земляной заяц «бабук».
Гравюра из книги:
Гмелин С. Г. Путешествие
по России для исследования трех
царств естества: в 3-х ч. Ч. I.
СПб., 1771
СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 1.
Д. 101/Г-10. Л. 143

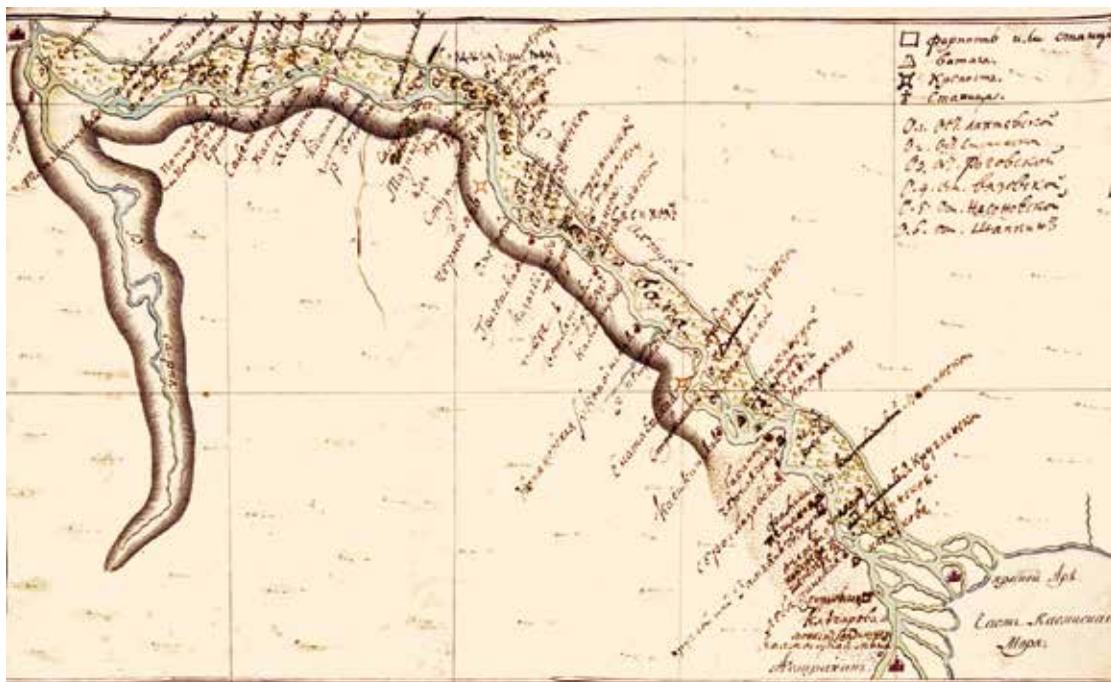
Пока не пришла зима, С. Г. Гмелин поспешил осмотреть окрестности Дона, мечтая отыскать в его песчаных берегах целый скелет мамонта, но находил лишь отдельные кости. Ему удалось наблюдать некоторых местных животных: земляного зайца, которого здесь называли «бабук», выхухоль, сурка, восточного хомяка, ежа, белку. Все экспедиционные трофеи были тщательно зарисованы и описаны им и его спутниками. Чтобы увлечь будущих читателей, С. Г. Гмелин нарочно вставлял в свои научные записи интересные детали: рассказывая, что воронежцы держат у себя в домах ежей вместо кошек, автор заметил, что вряд ли этот зверь своими острыми иголками может быть приятен женскому полу.

Зимовье на Воронежской земле затянулось до лета, поскольку с приходом весны у путешественников появилась наконец возможность исследовать богатый растительный мир Черноземья, видеть вернувшихся с юга птиц, среди которых их особо заинтересовали птицы-рыболовы. Обилие рыбы восхищало С. Г. Гмелина, удивляла низкая цена на карасей, плотву, карпов, щук, которые «в реке Воронеже и на Дону водятся в преужасном множестве, велики и тяжелы». Помимо природы, его занимала также история края: сам Воронеж, в котором царь Пётр строил первый русский флот, липецкие целебные источники, водами которых он лечился, донские крепости, оставшиеся от времен завоевания Азова, Дивногорский монастырь, поразивший своими чудесами. Интересовался он и современными событиями: встречался с местными старообрядцами, посетил только что основанную немецкую колонию Рибенсдорф, несколько промышленных предприятий. За исключением страш-

ного урагана, который изрядно потрепал путников в степи и посек их градом и дождем, путешествие, в целом, протекало без особых приключений. В ходе экспедиции у С. Г. Гмелина появились новые подчиненные: студент Московского университета Карл Габлиц (1752—1821) и художник Фёдор (Христиан Фридрих) Бауэр, которые оказались полезными сотрудниками и верными товарищами.

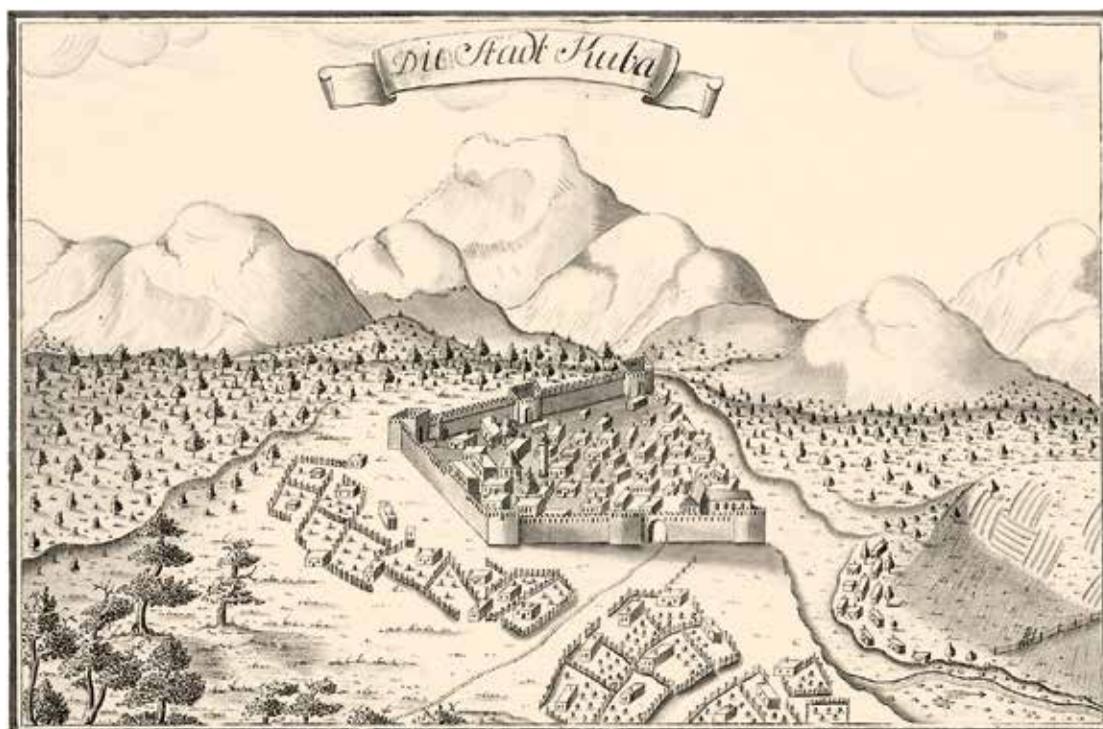
С зимы 1769—1770 гг. основной базой для отряда С. Г. Гмелина стала Астрахань. Здесь, полные впечатлений, путешественники обрабатывали собранный в пути материал и составляли маршруты новых странствий. Во время таких астраханских «сидений» были подготовлены к публикации и отправлены в Академию наук начальные страницы путевого дневника, повествовавшие о путешествии от Санкт-Петербурга до Черкаска, сведены вместе гидрографические данные бассейна р. Волги, которые экспедиции удалось уточнить, нанесены на карту и описаны соляные озера вокруг Астрахани, заливы Каспийского моря и населенные пункты на его побережье.

Желая узнать «естественные произведения» западного Прикаспия, С. Г. Гмелин в июне 1770 г. добрался морем до Баку, чтобы оттуда пройти сушей в сторону Большого Кавказа, несильно удаляясь от моря, которое казалось менее опасным, чем местные воинственные князья. Отряду предстояло работать в землях, где то и дело вспыхивали вооруженные конфликты, поэтому астраханский губернатор А. Н. Бекетов снабдил столичного ученого рекомендательными письмами ко всем правителям, чьи владения он намеревался посетить, дал знающего переводчика и команду солдат.

Карта маршрута С. Г. Гмелина по Волге от Царицына до Астрахани. [1769—1770]

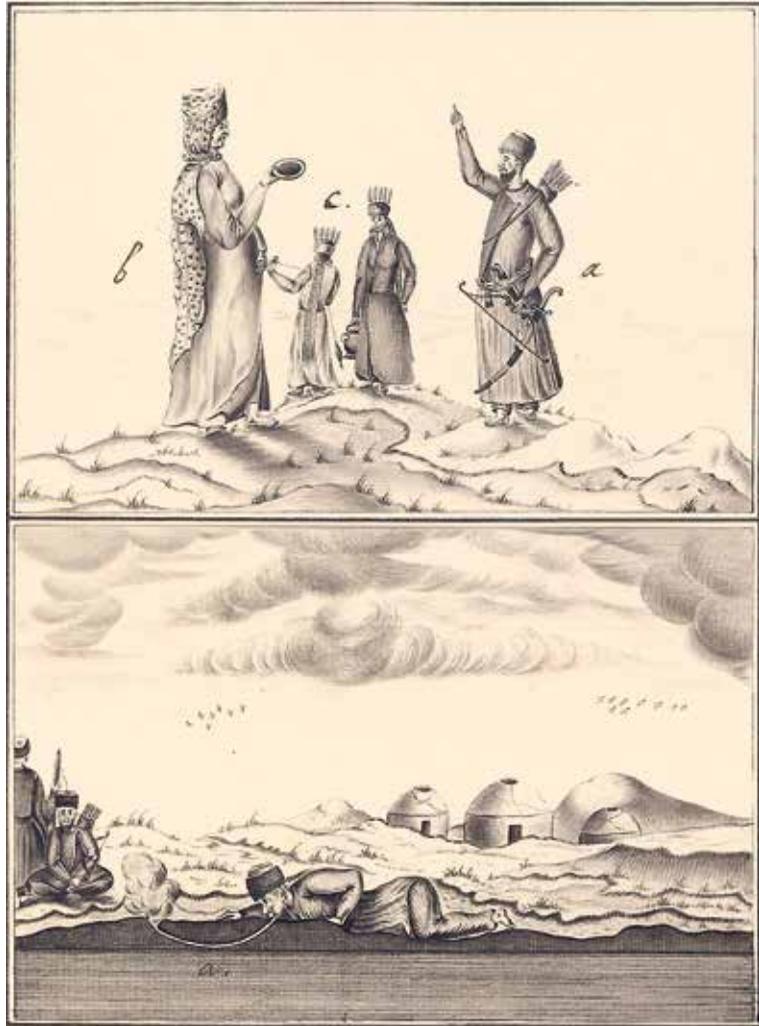
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 102. Д. 20. Л. 130

Карта города Куба. Гравюра по рисунку [Х. Ф. Бауэра] из книги: Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества: в 3-х ч. Ч. III. СПб., 1785

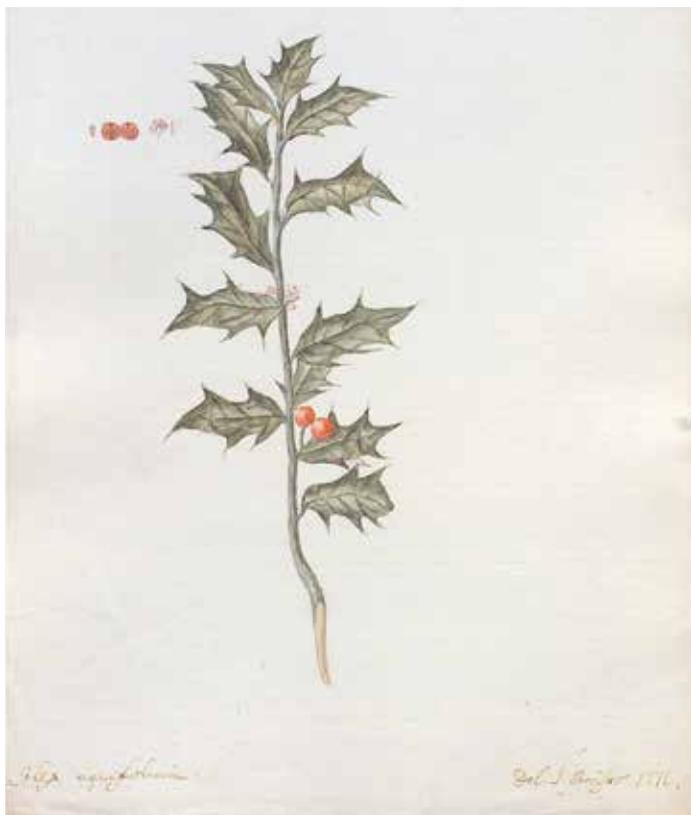
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 102. Д. 26. Л. 13

Этнографические зарисовки.
Гравюра по рисунку
[Х. Ф. Бауэра] из книги:
Гмелин С. Г. Путешествие
по России для исследования
трех царств естества:
в 3-х ч. Ч. III. СПб., 1785
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 102.
Д. 26. Л. 7

В планах у С. Г. Гмелина было увидеть древние, богатые историей города Закавказья. Однако уже в Баку выяснилось, что вряд ли удастся исполнить все задуманное. Незваные гости, желавшие объехать местность, показались Бакинскому хану шпионами, не помогли ни письма, ни переводчик. Крепя сердце, он позволил им остаться в городе на несколько дней и осмотреть окрестности. Больше всего С. Г. Гмелина потрясла здесь внешне сухая, выжженная солнцем, каменистая земля, в недрах которой «жила» нефть. Этому природному богатству он посвятил несколько страниц, описав и сорта глины, встреченные в бакинских пред-

местьях, и земляные ямы, которые выкапывали местные жители, когда хотели раздобыть огонь и приготовить на нем пищу, и колодцы белой нефти, и прочий нефтяной колорит. Его также заинтересовали памятники самобытной восточной культуры: жилища огнепоклонников, кварталы древнего Баку. Не менее интересно было и в других местах, куда перебрались путники: расположенные в предгорьях Большого Кавказа Шемаха и Сальяны, портовый город Энзели, живописный Решт. Здесь в сентябре 1770 г., на обратном пути в Астрахань, отряд С. Г. Гмелина был пленен одним местным ханом, потребовавшим вылечить его брата

И. Борисов. Падуб остролистный
(*Ilex aquifolium*). Акварель. 1771 г.
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 102. Д. 24. Л. 21

от болезни глаз. Как вспоминал С. Г. Гмелин, у него не было с собой никаких нужных инструментов и лекарств, но хан угрожал путникам смертью в случае отказа, поэтому пришлось испробовать на больном все имевшиеся средства: внутри слабительные, а снаружи «чистительные». К радости страдальца и его родных и к большому удивлению доктора, пациент поправился. Но и тогда пленники не получили обещанной свободы. Лишь в начале ноября 1770 г. хан отпустил узников, и они морем вернулись в Астрахань. Их вынужденный плен усугублял местный климат, непривычный и губительный для европейцев. Как следствие, все они слегли в горячке, от ко-

План селения Сарпинского. Гравюра из книги: Гмелин С. Г. Путешествие по России
для исследования трех царств естества: в 3-х ч. Ч. II. СПб., 1777

СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 1. Д. 102/Г-10. Л. 183

торой скончались рисовальщик И. Борисов и несколько матросов из команды сопровождения.

Потрясения этого похода и болезни подорвали здоровье путешественников, но никому и в голову не приходило возвращаться в Санкт-Петербург, ведь далеко не все было выполнено. Больше всего С. Г. Гмелину хотелось доверить исследование побережья Каспийского моря, контуры которого на картах того времени были показаны с ошибками. Но в 1771 г. он повел отряд более спокойным маршрутом, щадя силы своих товарищей. Они поднялись по р. Волге до Царицына и посетили расположенную рядом немецкую колонию Сарепту, которую вот уже несколько лет обживали члены религиозного братства лютеран-гернгутеров, потом дошли до «ворот Кавказа» — г. Моздока и от него по р. Терек и степью вернулись в Астрахань.

Только в июне 1772 г. С. Г. Гмелин нашел силы возобновить исследование Каспийского моря, теперь его главной целью было самое неизученное восточное побережье, так называемый «Трухменский берег». В путь он вышел с надежным сопровождением из 14 солдат-пехотинцев, 6 гусар и 6 артиллеристов, вооруженных тремя пушками. В этот раз были осмотрены и измерены Астрабадский залив и залив Энзели. В порту последнего С. Г. Гмелин оставил зимовать большую часть отряда во главе с К. Габлицем, которому поручил исследования будущего года, а сам с небольшой группой двинулся к Астрахани по суше из-за невозможности в зимнее время идти морем. Дело в том, что в Астрахани С. Г. Гмелин женился, его супругой стала дочь

астраханского купца Николая Рентеля, и город из временного пристанища стал для него домом, где ждали и куда хотелось поскорее вернуться. При этом дела тоже не отпускали ученого: он должен был нанести на карту береговые линии западного побережья Каспия, которые не успел зарисовать во время своего первого путешествия, в 1770 г. Теперь там было беспокойно, но кизлярский комендант И. И. фон Штендер обещал дать в провожатые терских казаков.

Несмотря на все предосторожности, в дороге из Кизляра в Дербент С. Г. Гмелин и его спутники были захвачены в плен одним из владетелей Дагестана — воинственным кайтагским ханом Усмей Амир-Амзой. Освободить ученых никак не получалось, поскольку хан постоянно менял условия: то требовал вернуть ему семьи перебежчиков, ушедших от него под покровительство России несколько десятков лет назад, то просил за пленников выкуп в 30000 руб. серебром. К переговорам привлекали других горских князей, пытались задобрить Усмея подарками, грозили оружием, но все напрасно. Обеспокоенные судьбой молодого коллеги академики попросили о помощи саму императрицу, тогдашний директор Академии наук гр. В. Г. Орлов пытался воспользоваться личными связями и писал: «Несчастье, случившееся с г. Гмелиным, меня глубоко опечалило. Употреблю самые действенные средства, чтобы вызволить его оттуда»⁵³. Через статсекретаря С. М. Козмина 2 июня 1774 г. члены Академии получили заверение в скором «бессомнительном» освобождении пленника: «...об нем, г. Гмелине,

⁵³ СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 102. Д. 17. Л. 22.

Самуила Георга Гмелина, доктора врачебной науки, Императорской академии наук, Лондонского, Гарлемского и Вольного экономического обществ члена путешествие по России для исследования трех царств естества. Переведено с немецкого. Часть первая. Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкасса, главного города донских казаков в 1768 и 1769 годах. СПб., 1771

СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 1. Д. 101/Г-10. Л. 1

из Иностранной коллегии, куда надлежит, уже писано...»⁵⁴ 20 июня 1774 г. узник написал в Академию наук личное письмо профессору Г. Ф. Миллеру и приложил к нему копии рапортов о плене и предшествовавших ему событиях, письмо же закончил словами: «Буду ли я свободен и когда, то Богу ведомо. Из Петербурга нет ни весточки, несмотря на мои обстоятельства...»⁵⁵

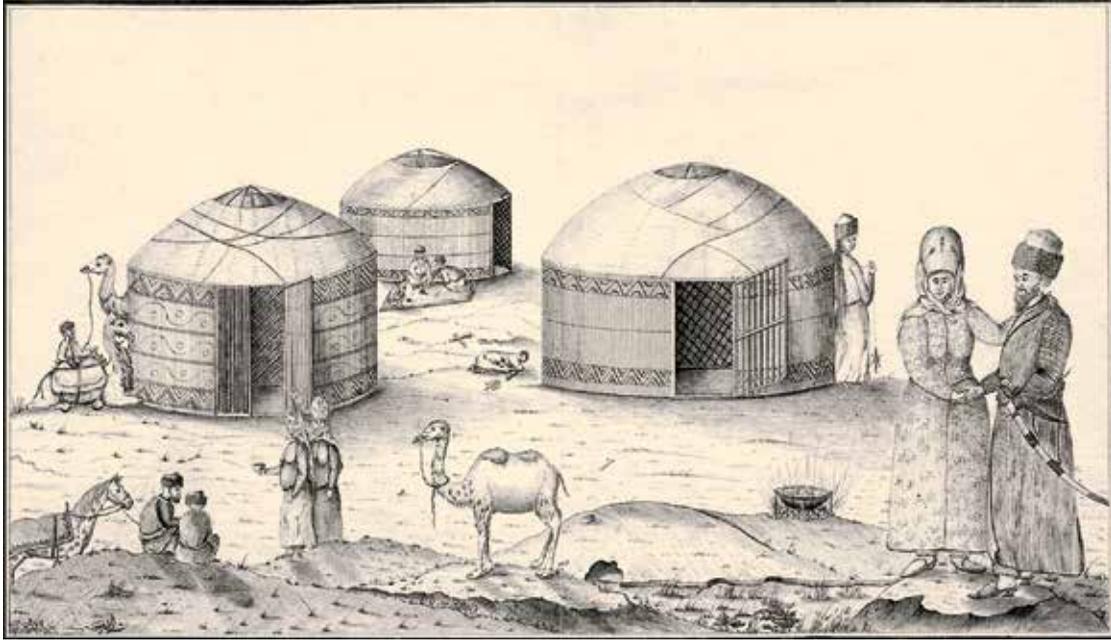
⁵⁴ СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 102. Д. 17. Л. 20.

⁵⁵ Там же. Л. 45.

Через неделю, 27 июня, С. Г. Гмелин скончался от лихорадки и истощения, так и не дождавшись помощи.

К счастью, научные работы С. Г. Гмелина не пропали с его смертью: их спасли и доставили в Академию наук отпущенные из плена студент И. Михайлов и рисовальщик Ф. Бауэр. Наблюдения С. Г. Гмелина были опубликованы в четырех томах, первый вышел еще при жизни ученого в 1771 г. как путевой дневник. Этот литературный жанр набирал тогда популярность, и в Академии рассудили, что таким образом «физические» экспедиции смогут по-настоящему проявить свой просветительский характер. Во введении к первому тому сам ученый написал, что, будь его воля, он не стал бы ничего печатать, пока путешествие не закончится, и он не вернется в Санкт-Петербург. В тиши кабинета он спокойно разобрал бы экспедиционный материал, отредактировал дорожные записи и лишь тогда отважился бы представить их вниманию читателей. Труд С. Г. Гмелина, несмотря на все его сомнения, был с интересом встречен образованной российской публикой, тем более последующие тома готовил к печати П. С. Паллас — большой знаток природы и товарищ С. Г. Гмелина еще с доакадемических времен.

Опубликованные результаты работы астраханского отряда С. Г. Гмелина — это огромный труд в тысячу с лишним страниц, текст которых проиллюстрирован не одной сотней рисунков и таблиц. В нем — ценные сведения по географии, геологии, ботанике, зоологии, этнографии, экономике центральных и южных областей

*Кочующие калмыки. Рисунок Х. Ф. Бауэра. 1773 г.
 Оригинал для гравюры к книге: Гмелин С. Г. Путешествие по России
 для исследования трех царств естества: в 3-х ч. Ч. III. СПб., 1785
 СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 102. Д. 26. Л. 5*

России, Кавказа и Персии. Однако многие экспедиционные материалы, представляющие научный и исторический интерес, до сих пор неизвестны широкому кругу читателей; например, о прошлом и настоящем калмыков, об условиях, благоприятствующих торговле на Каспийском море и об экономических перспективах края вообще, о способах развития торговых отношений с Персией и об экономических возможностях Астраханского края. Нужно сказать, что некоторые наблюдения С. Г. Гмелина были востребованы практически сразу. Например, его информация об Астрабадском заливе пригодилась экспедиции М. И. Войновича, который в 1781 г. получил приказ основать там военное укрепление для защиты русских судов на Каспии. Знающий этот регион К. Габлиц сопровождал М. И. Войновича в походе. Волжские

исследования С. Г. Гмелина также способствовали уточнению топографии бассейна реки и составлению подробной карты региона. Немало было сделано и для ботаники, особенно во время поездок по югу России и Кавказу: С. Г. Гмелин и его верный помощник К. Габлиц описали почти 100 видов растений, позднее в честь последнего один из видов кавказских многолетних трав был назван «Габлицией». Экспедиция много сделала и в области зоологии: наблюдения за насекомыми, рыбами, птицами и млекопитающими разных регионов и в разное время года позволили собрать о них сведения, представляющие большой научный интерес, а описание диких лошадей тарпанов, которые были полностью истреблены в XIX в., имеют теперь и историческую ценность. С. Г. Гмелин оставил нам первые описания таких животных, как

И. Борисов. Ушастый еж (*Erinaceus auritus*).
Акварель. 1770 г.

СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 102. Д 25. Л. 113

ушастый ёж, персидская белка, азиатский муфлон, дал подробную характеристику сайгаку, который до этого был мало известен.

После смерти С. Г. Гмелина коллеги назвали его «мучеником науки», имея в виду страдания и гибель во время научной экспедиции. Но он был им и при жизни, поскольку наука неотступно волновала и тревожила его, и жажда знаний всегда звала в путь, не давая покоя.

Астраханский отряд Иоганна Антона Гюльденштедта (1768—1775): Астраханский край, Кавказ, Новороссия, Малороссия

Участие в «физической» экспедиции Академии наук стало переломным моментом в жизни молодого естествоиспытателя и врача Иоганна Антона Гюльденштедта (1745—1781). Благодаря этому путешествию он приобрел навыки исследователя, заслужил славу первооткрывателя, получил звание академика. Ученый и сам считал семь экспедиционных лет подарком судьбы, от которой не ожидал особых сюрпризов.

И. А. Гюльденштедт (Гильденштедт) родился в г. Риге в семье судейского чиновника. Отец сам занимался начальным образованием Иоганна Антона и подготовил его к поступлению в высший класс Рижского императорского лицея — учебного заведения, выпускников которого ожидала карьера служащего или академического ученого. К тому времени, когда И. А. Гюльденштедт окончил лицей, его родителей уже не было в живых, предоставленный самому себе молодой человек решил стать врачом. В июле 1763 г. он определился в медико-хирургическую школу при берлинском госпитале «Шарите». Это было одно из первых учебных заведений Пруссии, созданное специально для оказания квалифицированной медицинской помощи простым людям. Однако выпускники хирургических школ могли работать в полную силу лишь на войне, а в мирное время их служба была весьма ограничена. Хирург, занимавшийся «рукодеятельными практиками», по тогдашним меркам не считался истинным медиком, поэтому, чтобы стать «настоящим» врачом, И. А. Гюльденштедт поступил в старейший немецкий университет «Виадрина» во Франкфурте-на-Одере. Годы его учебы пришлись на период кардинальных реформ в этой образовательной сфере, направленных на то, чтобы студенты-медики уже в университете обучались азам практической медицины, и при выпуске проходили бы не только теоретические, но и практические испытания. Как следствие, университетский диплом получали молодые специалисты, нацеленные на самостоятельную работу.

И. А. Гюльденштедт, защитив в конце 1767 г. диссертацию, собирался посетить Англию и Голландию, страны

с самой передовой в то время врачебной практикой. Однако от запланированной поездки он отказался в пользу заманчивого предложения, поступившего из России: Петербургская академия наук по рекомендации своих иностранных корреспондентов пригласила начинающего доктора принять участие в научной экспедиции. И. А. Гюльденштедт ответил согласием и весной 1768 г. приехал в Россию, а совсем скоро ему доверили один из «физических» отрядов. Остальные отряды возглавляли профессора или адъюнкты, и лишь И. А. Гюльденштедт не имел никакого академического звания и вообще мало успел в науках — случай из ряда вон выходящий... За него ручался сам Леонард Эйлер, к мнению которого прислушивался весь ученый мир, и, как показали дальнейшие события, такого доверия он заслуживал. Правда, сначала в Академии решили подстраховаться: по сравнению с руководителями других отрядов И. А. Гюльденштедту положили меньшее жалованье (360 руб. против 800 руб. у П. С. Палласа, С. Г. Гмелина и И. П. Фалька) и назначили идти вслед другому астраханскому отряду.

В конце июня 1768 г. И. А. Гюльденштедт и его помощники: академические студенты Сергей Мошков, Борис Зряковский, Алексей Беляев, рисовальщик Григорий Белой и чучельник Семён Гарбаев покинули Санкт-Петербург и через Порхов — Старую Руссу — Торопец — Осташков — Ржев — Можайск — Москву дошли до Воронежа, где их уже ожидал отряд С. Г. Гмелина. Ученые быстро сдружились и оказались единомышленниками, им было комфортно работать вместе, поэтому

воронежская зимовка 1768—1769 гг. растянулась почти до конца весны. Они с увлечением изучали перелетных птиц, раскапывали кости мамонта, искали причины падежа скота, наблюдали, как местные крестьяне жгут степь для «утучнения» и без того плодородной почвы, общались с колонистами. Во время одной такой беседы швед-трубочник продемонстрировал столичным гостям курительные трубки, изготовленные из местной глины. И. А. Гюльденштедта так восхитили качество и экономичность их производства, что он загорелся наладить выпуск этих трубок на Московском фарфоровом заводе, увидев в том немалую практическую пользу. Но больше предпринимательства его влекла наука ботаника, занятия которой с приходом весны превратились в настоящий праздник. «Теперь я снова оживаю вместе с природой, — писал молодой ученый своему доброму гению и старшему товарищу Л. Эйлеру. — О, какое это божественное наслаждение видеть, как растения раскрывают почки и насекомые, эти шедевры природы, вылупляются из личинок во всей своей красе!»⁵⁶ В подтверждение своих восторженных слов он слал в Академию наук коллекции растений и насекомых, чучела животных, рапорты с подробными их описаниями. Кстати, именно дуплеты из таких посылок от И. А. Гюльденштедта и его товарищей — П. С. Палласа и С. Г. Гмелина — составили коллекцию, которую академики преподнесли своему директору гр. В. Г. Орлову.

В мае 1769 г. отряд И. А. Гюльденштедта покинул Воронеж для самостоятельных исследований в окрест-

⁵⁶ Копелевич Ю. Х. Иоганн Антон Гильденштедт. 1745—1781. М., 1997. С. 21.

Г. Белой. Донской казак. Акварель. 1776 г.
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 100. Д. 32. Л. 47

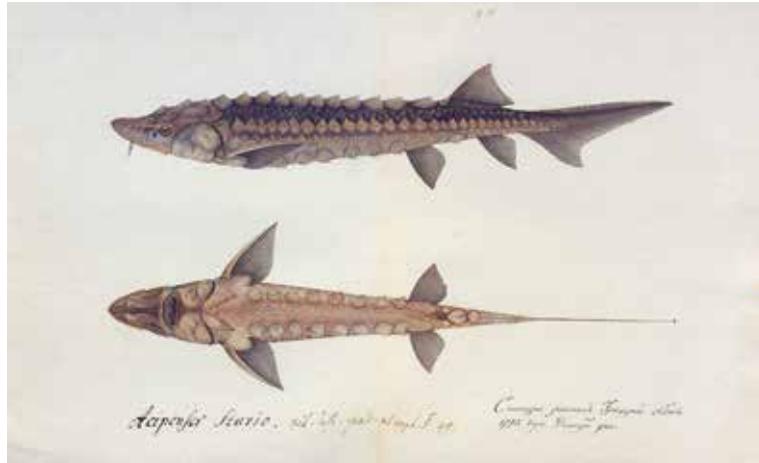

Г. Белой. Слепыш обыкновенный
(*Sorex microphthalmus*). Акварель. 1769 г.
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 100. Д. 32. Л. 63

ностях Тамбова, Новохопёрской крепости, вдоль Дона и Волги и их притоков до Царицына. На этом маршруте отряд перешел невидимую границу между Великороссией и землями донских казаков, которые начались после Новохопёрска. Европейец до мозга костей, И. А. Гюльденштедт с удовольствием знакомился с колоритным бытом казаков. Он в подробностях заносил в дневник сведения об их хозяйственном укладе, взаимоотношениях в семье, питании, здоровье, внешнем виде. Ему повезло увидеть сходку казаков на майдане, понять их независимый боевой характер. Впечатлений было много, и каждое событие могло послужить поводом для размышлений. Как-то на дороге, которая вилась мимо пашен, озер, фруктовых садов, путешественников нагнал шедший на войну казачий отряд. При виде него И. А. Гюльденштедту пришло в голову, что богиня войны Беллона редко соседствует с богиней цветов Флорой, — как правило, дым сражений застит поле науки. Ученый с ностальгией вспоминал потом те долгие переходы степью, которая своим необозримым простором напоминала ему море, ночевки «по-казачьи» под открытым небом, рыбалку в местных реках и еще... купленную для отряда корову, следовавшую за ними по пятам, как собачка.

В отчетах для Академии наук И. А. Гюльденштедт сообщал о казачьих поселениях (120 станиц только по рекам Хопру, Бузудуку, Медведице и Дону) и ботанических наблюдениях (между Воронежем и Тамбовом им было описано около 400 видов растений, между реками Хопром и Доном — более 500). К этим отчетам он прилагал образцы почв, анализ реч-

Г. Белой. Осетр русский
(*Acipenser sturio*). Акварель.
Декабрь 1773 г.
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 100.
Д. 32. Л. 194

ной воды (донскую он проверил с помощью 12 реагентов и охарактеризовал как «очень чистую и здоровую»), чучела птиц, грызунов и черепах (как-то послал даже живых сурков), анатомические описания животных (например, крапчатого суслика, практически исчезнувшего ныне). А в степи под Новохопёрском ему удалось отловить зверька, нигде больше не обитавшего и ставшего одним из открытий экспедиции. И. А. Гюльденштедт дал ему название «слепец», или «слепыш», и послал его описание в Академию наук. Профессора К.Ф. Вольф и И. Гертнер отозвались об этой работе как о «замечательном и превосходно написанном сочинении, заслуживающем во всех отношениях похвалы самых больших знатоков»⁵⁷. Всецело доверяя мнению специалистов, директор Академии гр. В. Г. Орлов предложил произвести доктора И. А. Гюльденштедта в адъюнкты, за что проголосовали единодушно все академики. Узнав об этом избрании, его товарищ и коллега С. Г. Гмелин заметил, что такая должность слишком скромна для столь достойного и ученого человека.

Несколько дней октября 1769 г. отряд И. А. Гюльденштедта провел в Царицыне. На Волге нельзя было не заинтересоваться рыболовством, тем более, выяснилось, что почти вся местная рыба представлена в литературе нечетко, а для стерляди, которая водилась только в России, вообще не существовало немецкого названия. Кроме того, И. А. Гюльденштедт первым дал научное описание «осетра русского», что отразилось в видовом названии этой рыбы. В Царицыне путешественники смотрели и сравнивали, как живут местные казаки, калмыки, русские. Для этого они объезжали близлежащие селенья, говорили с жителями, участвовали в праздничных церемониях. Во время одного такого визита в русскую крестьянскую семью И. А. Гюльденштедт оказался на крестинах. Здесь его позабавил обычай кормить отца ребенка рисовой кашей, сверху посыпанной сахарной, но с солью и перцем внутри. Гостю объяснили, что это символизирует судьбу матери — сначала ей было сладко, а потом солоно и горько.

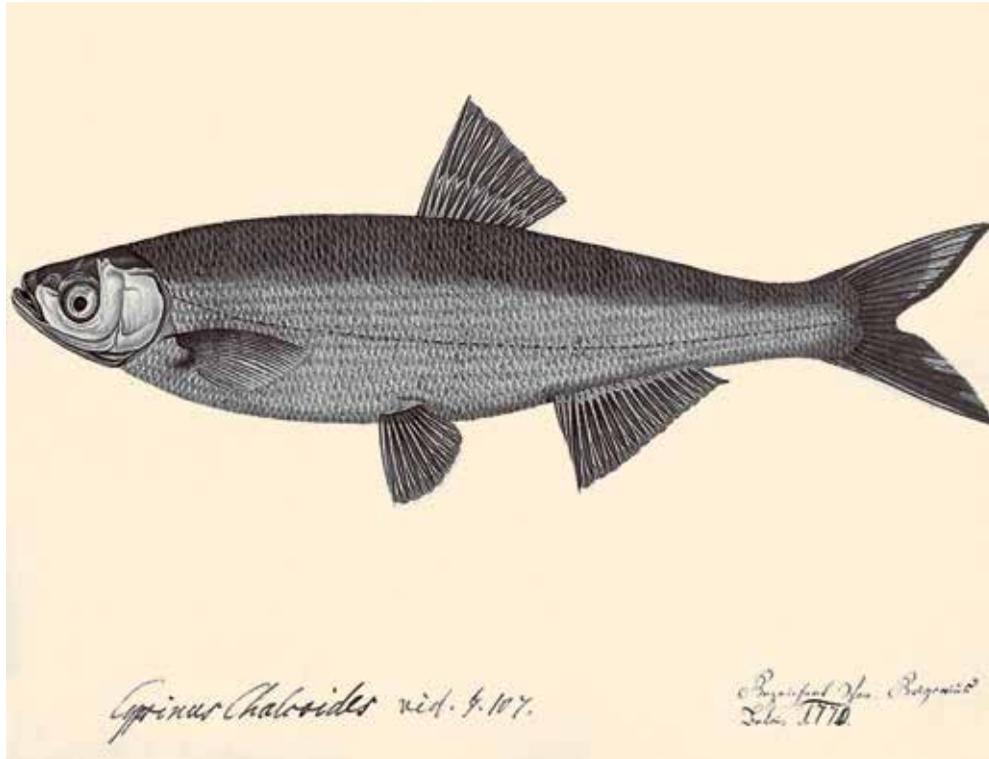
По дороге из Царицына в Астрахань, в степи, изобиловавшей жаво-

⁵⁷ Копелевич Ю. Х. Иоганн Антон Гильденштедт. 1745—1781. М., 1997. С. 27.

ронками, И. А. Гюльденштедт обнаружил один их вид, неизвестный науке. Он дал ему название *Alauda atra*, в описании же отметил, что, по словам местных жителей, птица появляется вместе со снегом, отчего ее прозвали «зимником», на нее охотятся с помощью силков и употребляют в пищу. Ему также довелось увидеть, как сетями ловят осетров, как заготавливают рыбу и икру, как живет казак в сухой соленой степи. Так, в непрерывных наблюдениях отряд к началу декабря 1769 г. добрался до Астрахани, куда еще раньше прибыл С. Г. Гмелин. Прощаясь в Воронеже в мае, они условились поработать совместно в степях между Астраханью и Царицыным. Однако теперь и тому и другому было ясно, что план этот никуда не годен, поскольку оба отряда выдавали одинаковые результаты. И хотя это нисколько не умаляло их значимости, было решено разделиться, тем более, оба были полностью готовы к самостоятельным исследованиям. Как писал по этому поводу С. Г. Гмелин: «...мы ни о чем другом и не помышляли, как только, чтоб, выехав из российских пределов за Терек, одному — следовать в Грузию, а другому — в Персию... Оставалось нам только еще иметь попечение о нашей безопасности». Академия одобрила новые маршруты астраханских отрядов, но посоветовала их руководителям не геройствовать, а соблюдать предельную осторожность.

В 1770 г. путешественников действительно поджидали настоящие опасности: С. Г. Гмелину следовало остерегаться стычек воинственных местных князей, И. А. Гюльденштедт же опасался попасть в зону боевых действий начавшейся в 1768 г. русско-турецкой войны. Поэтому уже в Астрахани,

не полагаясь на одних только казаков, И. А. Гюльденштедт присоединился к воинской команде, направлявшейся в Грузию, и в январе 1770 г. покинул гостеприимный волжский город. Идти пришлось в страшную, небывалую для тех мест стужу, от которой путников не спасали ни войлочная калмыцкая юрта, ни костер. От ледяных, снежных ветров все члены экспедиции мучились от боли в груди, но тяжелее других пришлось чучельнику С. Тарбаеву, который давно уже страдал от цинги, а тут еще отморозил ноги и сказал об этом, когда уже началась гангрена (И. А. Гюльденштедт срочно прооперировал его). Но, несмотря ни на что, экспедиция продолжалась и даже вынужденную стоянку в одном ингушском селении И. А. Гюльденштедт использовал для сбора этнографического и лингвистического материала. Открывавшаяся самобытная культура поражала воображение ученого, поэтому, узнав о затерянном в горах старом храме, где жил ингушский жрец «циантаг», он попытался добраться и туда, и лишь снежные заносы на дорогах охладили его пыл. И. А. Гюльденштедт потом долго жалел, что так и не увидел храмовые статуи, настенную роспись, а также редкие минералы, образцы которых ему принесли из тех мест: свинцовый блеск, медную лазурь и медную синь с вкраплениями. Но при виде оживающей после зимних холодов природы его печали отступили прочь, особенно когда удалось отыскать неизвестных ранее ее представителей, например, так называемую «кизлярскую селедку». В р. Терек эта рыба даже зимой водилась в таком количестве, что для местных жителей она была самой обычной, а для науки оказалась со-

Г. Белой. Каспийская шемая («Кизлярская селедка») (*Cyprinus chalcoides*). Акварель. 1770 г.
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 100. Д. 32. Л. 182

вершенно неведомой. Даже рядовые, казалось бы, вещи, привлекали внимание И. А. Гюльденштедта, когда он смотрел на них хозяйским глазом. Например, местные растения-красители — шелковица и виноград — навели его на мысли об экономических возможностях края, и он поспешил поделиться информацией о них с местными властями. В результате моздокский комендант полковник И. В. Неймч добился разрешения на переселение 950 семей волжских и донских казаков в район Моздока, чтобы они развивали здесь хлебопашество, виноделие и шелководство.

В марте 1770 г. И. А. Гюльденштедт получил разрешение двигаться дальше в Грузию. И хотя в письмах он уверял

взволнованных друзей, что «опасности на пути не страшные и трудности не тяжкие», все же постоянные и повсеместные набеги горцев требовали от путников предельной осторожности. Нельзя было доверять даже местным правителям, присягнувшим на верность. И. А. Гюльденштедт по этому поводу записал в дневнике: «Князь, который вчера торжественно перешел под власть России, завтра начнет плести интриги, а послезавтра станет открытым врагом»⁵⁸. Из соображений безопасности путешественники старались держаться частей регулярной армии. Кроме того, И. А. Гюльденштедт дополнительно нанял для охраны отставных гусар, поскольку казаки отказывались уходить слишком далеко

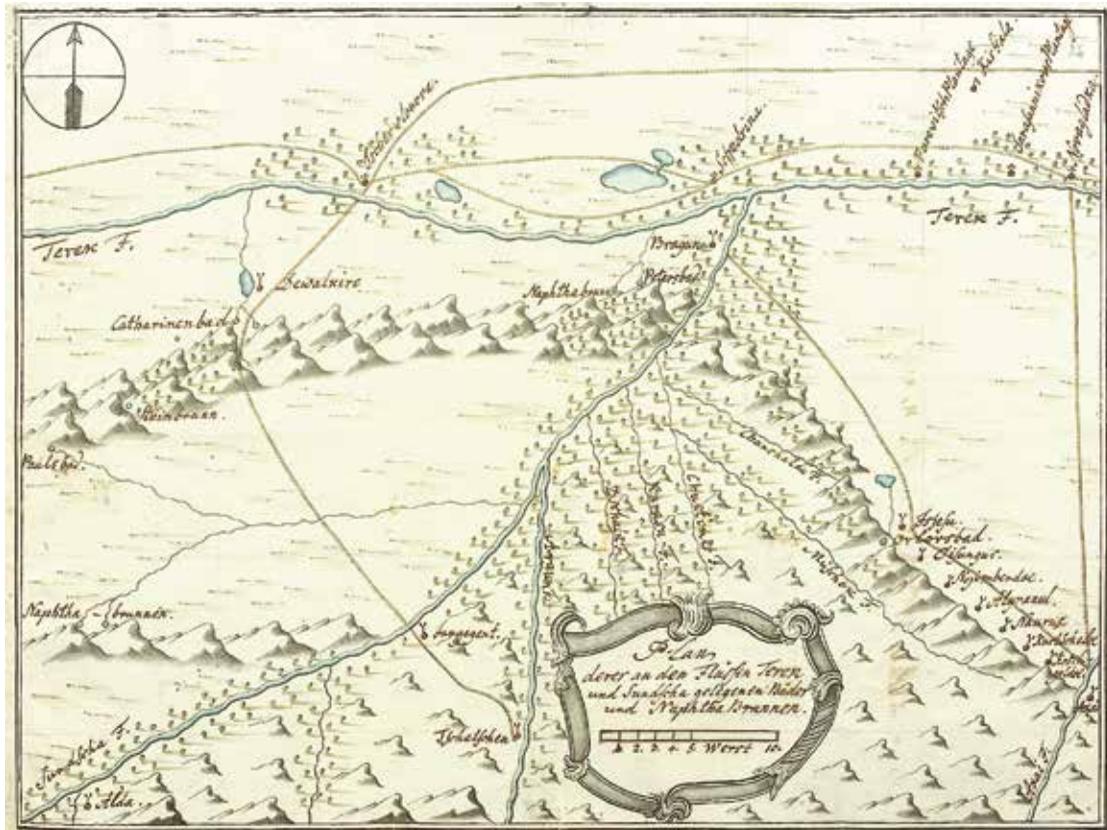
⁵⁸ Копелевич Ю. Х. Иоганн Антон Гильденштедт. 1745—1781. М., 1997. С. 37.

от дома, за пределы России. Но, находясь под прикрытием солдат, отряд попадал вместе с ними под огонь противника. Однажды ученый и его спутники, следуя за начальником Моздокской линии генерал-майором И. фон Медемом, пережили ночной набег чеченцев, отбиться от которых удалось лишь благодаря артиллерии. К военным тревогам прибавлялись болезни: по-прежнему был слаб чучельник С. Тарбаев, сам И. А. Гюльденштедт вдруг слег от внезапной «холодной лихорадки», которая дала осложнение пневмонией, от холода гибли солдаты сопровождения. К тому же прошел слух, что в Тифлисе, куда так стремился ученый, свирепствовал тиф. В результате поход туда пришлось отложить до весны 1771 г., тем более что и в окрестностях Кизляра нашлось, чем заняться. Едва поправившись, И. А. Гюльденштедт исследовал там нефтяные и минеральные источники, осмотрел казачьи станицы петровских времен, изучил геологическое строение гор и их растительный мир.

Несмотря на намерения быть осмотрительным, как только представилась возможность пройти по р. Терек, И. А. Гюльденштедт тут же ею воспользовался. Ранней весной 1771 г. он присоединился к выступившему против воинственных осетин корпусу И. фон Медема. За месяц этого похода, презрев всякую осторожность, ученый много раз бывал в горах, посещал осетинские села, картографировал объекты. Результаты выполненных им работ зафиксировал отчет, отправленный в Академию наук 26 марта 1771 г. Он содержал описание самого похода и сведения о живущих вдоль р. Терек людях, рассказ о старинном пещерном погребении и развалинах культовых

сооружений на р. Сунже. В нем также были предложения по развитию виноградарства на р. Терек и сообщения о находках железной руды и условиях ее промышленной разработки. Однажды, когда опасность все-таки удержала ученого от полевых исследований, образовавшийся перерыв в работе он провел с пользой для здоровья, занявшись изучением природных источников на р. Терек. Их действие И. А. Гюльденштедт проверил на себе, на пациентах кизлярского госпиталя и установил, что кавказские минеральные воды помогают при артрите, ревматизме, лихорадке, цинге, застарелых ранах. Об их целебной силе он сразу же написал подробное латинское сочинение для Медицинской коллегии (в 1778 г. его прочтут в «Месяцеслове историческом и географическом» русские читатели, в 1782 г. в «Новом Санкт-Петербургском журнале» — знающие немецкий язык). В апреле 1771 г. Академия оценила высокие познания и заслуги И. А. Гюльденштедта перед наукой и единогласно избрала его профессором натуральной истории. Так, начав экспедицию молодым врачом без научной степени, за три неполных года он достиг высшего академического звания.

За это время И. А. Гюльденштедт успел сделать многое, но пока ему не удавалось исследовать природу и жителей Закавказья, о котором тогда было мало что известно. И вот в сентябре 1771 г. его отряд преодолел, наконец, Кавказский хребет и взял путь на Тифлис, где правил тогда царь-реформатор Ираклий II. Зная расположенность царя к России, И. А. Гюльденштедт рассчитывал на то, что ему позволят осмотреть не только столицу и ее предместья, но и провинции.

И. А. Гюльденштедт. План минеральных вод, расположенных на берегах рек Терек и Сунджа, а также нефтяных источников. Из 17-го отчета И. А. Гюльденштедта в Академию наук от 29 декабря 1771 г.
СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. Д. 5. Л. 82

На это ученый отвел себе минимум год, и все, в целом, случилось так, как он задумывал.

Царь Ираклий с самого начала содействовал работе путешественников: по его приказу для экспедиции отлавливали животных, присылали растения и минералы. Благодаря этому И. А. Гюльденштедт получил образцы соли из горных ущелий, на поверку оказавшиеся чистой глауберовой солью, рыб, выловленных в р. Куре (две из рода карповых не были известны науке), описал местные виды шакала и джейрана. Сам правитель подолгу беседовал с ученым, отвечал на его

вопросы о стране и своих подданных и даже посвящал его в военные планы. И хотя гость порой подшучивал над отсутствием дисциплины и субординации в царском войске, больше похожем на крестьянский сход, чем на регулярную армию, он искренне восхищался хозяевами: «Разве это было бы не грешно относиться к такой стране без должного уважения?! Мне эта страна по душе, и я радуюсь при мысли, что проведу в ней год»⁵⁹. Первые полгода в Грузии ученый постоянно был подле царя, успевая совершать экскурсии в горы и прогулки по столице. В одну из таких вылазок

⁵⁹ Копелевич Ю. X. Иоганн Антон Гильденштедт. 1745—1781. М., 1997. С. 43.

Г. Белой. Шакал, или Золотой волк (*Felis Caracaloides*). Акварель. 1771 г. СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 100. Д. 32. Л. 61

Г. Белой. Грузин. Акварель. [1775] СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 100. Д. 32. Л. 24

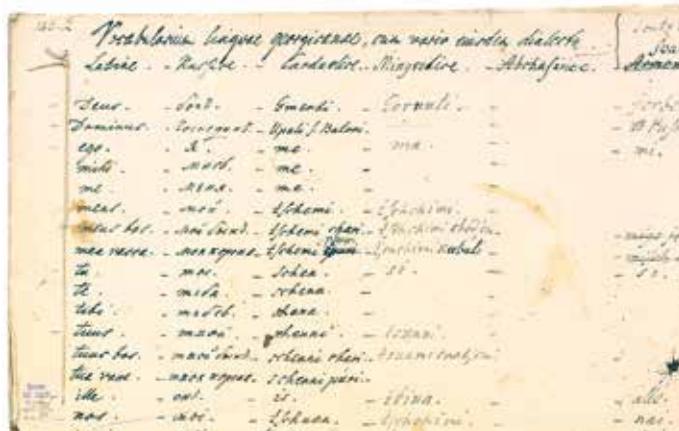
ему удалось осмотреть серные источники на правом берегу р. Куры, которые издревле использовались для купания. И. А. Гюльденштедт, изучив химический состав воды, нашел источники целебными для больных желтухой или ревматизмом. Репутация врача всегда помогала ему в общении с местными жителями, которые, как он заметил, очень любили лечиться и принимать лекарства, тем более доктор И. А. Гюльденштедт никому не отказывал в помощи.

Но самостоятельные поездки по окрестностям были опасны, поэтому в феврале 1772 г. ученый охотно откликнулся на предложение царя отправиться с ним в Кахетию. Это путешествие принесло И. А. Гюльденштедту и богатую научную добычу, и незабываемые воспоминания об овеянных легендами монастырях и церквях, о селах, то уютящихся у подножия гор, то раскинувшихся среди яблоневых садов, об их гостеприимных жителях, о природных богатствах края. Он совершил горную поездку к крепости Ахмета, увидел лучший в Кахетии виноград, почти месяц потратил на окрестности Алхагори, где взял пробы из нефтяных и серных источников, с любопытством осмотрел множество небольших мельниц, которые привлекали внимание необыкновенно прочными жерновами, служившими, как его уверили местные жители, по 20 лет. Сообщая Академии об этом походе, И. А. Гюльденштедт рассказал также о своих геологических работах. Дело в том, что, следуя инструкции, геологией он вначале занимался скрытно, но, заметив заинтересованность в ней Ираклия II, выяснил, что тот считает поиск руд главной миссией И. А. Гюльденштедта в Грузии. И поскольку царь

сам принялся указывать ученому, где могут быть рудные залежи, их разведка пошла быстрее. Так, в одном из отчетов ученый перечислил свои находки за месяц: железная руда с примесью цинка, медная зелень и медная синь в отрогах Арарата, медная руда с примесью серебра в районе Ахталы, пласт свинцового блеска с белой серебряной рудой, медной лазурью и медным колчеданом возле одной нежилой деревни. Тогда же он сообщил об обещании царя построить крепость для защиты русских горняков, если Россия их пришлет. Но, как считал сам И. А. Гюльденштедт, крепостные стены не спасут от набегов немирных горцев, потребуется еще не менее тысячи солдат охраны. К этому отчету ученый приложил свои рекомендации по организации горных работ.

Куда бы И. А. Гюльденштедт ни отправлялся, в любом уголке Грузии он находил новые виды растений и животных, порой казалось, что для этого не нужно далеко идти, достаточно просто осмотреться. Так, однажды, когда ученому стало плохо в дороге, его уложили под сенью дерева, которое местные называли «сельква», забыв про болезнь, он тут же занялся изучением дерева и установил, что оно не имеет научного описания.

Но, как бы ни была удивительна и гостеприимна Грузия, путешественники бесконечно устали от трудных горных маршрутов, непривычной пищи, не всегда здорового для них климата. В начале сентября 1772 г. И. А. Гюльденштедт и почти все его спутники заболели лихорадкой, которая сопровождалась невыносимыми головными болями и нарывами на теле. Лошади также были измучены и истощены. Пора было возвращаться

И. А. Гюльденштедт.
Латинско-русский-грузинский
словарь с диалектами. [1775]

СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 100.

Д. 20. Л. 109

домой. 1 октября 1772 г. отряд двинулся в обратный путь к русской границе. Возвращение растянулось на два месяца из-за проблем с горными переправами, за которые с путников требовали высокой платы и даже не раз угрожали их жизни. Возле одной такой переправы И. А. Гюльденштедт, заподозрив неладное, предпочел сделать остановку в последнем на пути грузинском селе Степанциминда. Именно во время этой вынужденной стоянки, в голоде и холоде, И. А. Гюльденштедт составил полное географическое и политическое описание Грузии, которое через 40 лет вошло в состав двухтомного «Путешествия по Кавказу и Грузии» академика-востоковеда Г. Ю. Клапрота.

Оглядываясь назад, в дневнике 1773 г. И. А. Гюльденштедт написал: «После стольких перенесенных опасностей мой дух теперь рвался обратно в пределы России. Я верил, что в какой-то мере выполнил свою задачу — познакомился с природой и населением этих малоизвестных миру земель. Я сделал это во славу творца, во славу императрицы, для пользы Академии и для приращения наук. И я преисполнился невыразимым чувством

благодарности судьбе, так распорядившейся мною»⁶⁰. Прощание с Кавказом он завершил работами о языке, верованиях и национальных особенностях местных народов: лезгин, осетин, чеченцев, абхазов, черкесов, которые отослал Г. Ф. Миллеру, чтобы тот дополнил ими свои материалы о народах Сибири. Преемственность и пратическая польза научных исследований — к этому всегда стремился И. А. Гюльденштедт. Обдумывая экономические возможности Кавказского региона, он пришел к выводу, что устройство курортов на целебных источниках оздоровит не только людей, но и саму территорию: поселения, которые вырастут рядом, разовьют земледелие, шелководство, виноделие, кожевенное и суконное производства. Кроме того, ученый присмотрел места, удобные для устройства гарнизонов и станиц вдоль Моздокской оборонительной линии: с лесами, плодородными почвами, прудами для разведения рыбы, чистой питьевой водой. Проведенные им изыскательские работы имели уже не просто экономическое, но и стратегическое значение. Все свои соображения на этот счет он изложил в дневнике,

⁶⁰ Копелевич Ю. Х. Иоганн Антон Гильденштедт. 1745—1781. М., 1997. С. 56.

литературный вариант которого с картой был опубликован в «Месяцеслове» за 1779 г.

Осень 1773 г. застала И. А. Гюльденштедта еще в пути, но уже на территории донских казаков. Он был здесь в самом начале путешествия и, наверное, мог бы не вести никаких новых исследований, а сбросить силы для ожидающего его впереди полуострова Крым. Но его хозяйский глаз подмечал то одну, то другую деталь, требующую улучшения. Например, он не мог не заметить, что Черкасск и ряд станций необходимо перенести в другую, более здоровую местность, в сторону от р. Аксая. Дело в том, что большую часть года река представляла собой множество озер и больших луж, отчего местные жители без конца страдали от лихорадки. Привлекли его внимание и степи севернее р. Донец, без всякого деревца, с сухими балками и пересохими руслами рек. Разглядывая унылый пейзаж, ученый думал о том, что на самом деле это плодородные почвы, богатые родниковой и колодезной водой. Если их распахать под пашни и виноградники, засадить балки лесом, пустыня обратится в цветущий сад, который станет снабжать продуктами и Таганрог, и крепость Дмитрия Ростовского (Ростов-на-Дону), тогда как сейчас их с великими трудностями и расходами везли из центра страны. В другой раз, уже на Азовском побережье, И. А. Гюльденштедту пришла мысль о необходимости очистить Бердянский лиман и соединить его с морем каналом, в результате чего получится превосходная гавань для судов Таганрогского флота, которые вынуждены входить в опасную из-за ветров гавань против Петровской крепости на р. Берде. За четыре дня, что отряд

провел в этой крепости, на их глазах разбилось десять транспортных судов с провиантом. Эту идею И. А. Гюльденштедта через полсотни лет осуществит Новороссийский генерал-губернатор гр. М. С. Воронцов, когда по его приказу возведут порт и город Бердянск.

В Академии наук уже давно не сомневались в И. А. Гюльденштедте, поэтому в 1774 и 1775 гг. позволили действовать самостоятельно и самому составить маршрут обратного пути. Тогда ученый решил удлинить его и повернул в сторону Крыма, в пути он снова искал во всем научную и практическую пользу. Так, исследуя природные условия Елизаветградской провинции, он пришел к выводу, что край можно использовать для опытного сельского хозяйства, поэтому в отчете для Академии перечислил меры по охране и посадке лесов, улучшению состава луговых трав, развитию земледелия. По мнению И. А. Гюльденштедта, целесообразнее было постепенно переводить оттуда польских малороссов, валахов и молдаван на пустые земли между Днестром и Волгой, чтобы освобождалось место для новых переселенцев с запада. Он также заметил, что среди местного населения было больше мужчин, поэтому предложил ввести демографический учет и поощрительные меры по образцу Швеции для установления равновесия и целенаправленной миграции.

И. А. Гюльденштедт осмотрел источники и солеварни вокруг города Тора (Славянск). Когда-то местное соляное производство было важной статьей государственного дохода, но ученый нашел его уже запустелым и малоприбыльным. Он осмотрел колодцы, подъемные машины и варницы, устроенные здесь лет 40 назад про-

фессором Г. Ф. В. Юнкером, который был инспектором солеварен в Торе и соседнем Бахмуте в конце 1730-х — начале 1740-х гг. Теперь старое, юнкеровских времен оборудование было брошено, хотя И. А. Гюльденштедт нашел его превосходным. На его взгляд, местное солеварение следует вести более рачительно: сократить расход топлива, уменьшить число работников, сам город перенести ниже по р. Торец, запретить селиться возле озер и колодцев всем, кроме солеваров, чтобы избежать отравлений гнилыми испарениями и некачественной водой. И. А. Гюльденштедт планировал сравнить малороссийские и крымские соляные запасы и производства, но, не доехав до Крыма самую малость, получил приказ возвращаться.

29 ноября 1774 г. астраханский отряд И. А. Гюльденштедта миновал шлагбаум между слободами Есмань и Толстодубова, который означал границу между Малороссией и Великороссией, и двинулся по московскому тракту к старой столице. Казалось, конец путешествия близок, но на пути снова встала неожиданная преграда: в округе началась эпидемия чумы, и отряд встал на карантин в Севске. Очередной вынужденный простой ученый привычно использовал для написания отчета. Он изложил в нем весь свой путь, не забыв, как всегда, указать рельеф, реки, почвы, растения, животных и минералы, которые наблюдал в дороге. В целом И. А. Гюльденштедт был доволен увиденным, но счел нужным указать, что полному расцвету края мешают малообразованность знати и недобросовестность простолюдинов, плохое ведение хозяйства и неразвитость торговли,

слабая медицинская помощь и пагубность самогоноварения.

20 декабря 1774 г. путники, наконец, прибыли в Москву и сразу отправились в Немецкую слободу, где для них приготовили жилье. В этот день ученый записал в дневнике, что благодарен судьбе за счастливое возвращение домой. К этому времени он уже знал, что трое его коллег не вернулись из «физических» экспедиций.

И. А. Гюльденштедт приехал в Санкт-Петербург 25 марта 1775 г., а через два дня впервые присутствовал в заседании академической Конференции как полноправный ее член и бывалый путешественник. Он сказал тогда: «Я завершил путешествие, продолжавшееся почти семь лет и совершенное по приказу Императорской академии наук. День моего прибытия в Петербург после столь многих трудностей и опасностей был для меня большим праздником, но еще более праздничный для меня сегодняшний день, когда я, милостивые государи, вступаю в ваше собрание, уважаемое всем просвещенным миром»⁶¹. Поблагодарив Академию за поддержку, И. А. Гюльденштедт выразил готовность и дальше служить на благо науки и страны. Судьба отвела ему на это ровно семь лет — столько же, сколько длились его странствия. Он успел передать Академии собранные натуралистические коллекции: семена в Ботанический сад, чучела, гербарии и прочее — в соответствующие разделы Кунсткамеры, опубликовал в академических изданиях описания открытых им растений и животных и, отложив в сторону материалы собственной экспедиции, занялся разбором и изданием путевых

---

⁶¹ Копелевич Ю. Х. Иоганн Антон Гильденштедт. 1745—1781. М., 1997. С. 98.

наблюдений своего товарища и коллеги С. Г. Гмелина. «По наследству» к И. А. Гюльденштедту перешло и руководство студентами С. Г. Гмелина — А. Соколовым и К. Габлицем. По достоинству оценив научный потенциал этих молодых людей, он рекомендовал Академии послать их на учебу за границу: К. Габлица в Гёттинген, А. Соколова, не знавшего латыни, — в какой-нибудь университет Голландии. Однако оба отказались от поездки, решив вернуться обратно в Астрахань, которая за время экспедиции стала для них настоящим университетом. Академия наук одобрила благородный порыв начинающих ученых и поручила И. А. Гюльденштедту составить для них инструкции. По ним А. Соколов разводил плантации шелковицы на р. Терек, а К. Габлиц занялся Ботаническим садом в Астрахани. С обоими И. А. Гюльденштедт поддерживал переписку, интересуясь экономическими успехами этих регионов. Не желая отказываться от поездки в Крым, он представил вниманию Академии проект экспедиционных исследований на юге России. В нем ученый говорил о важности как для империи, так и для науки знаний о географии местностей возле устья р. Днепр и в Крыму, природе Черного моря и Крымских гор, истории населяющих полуостров народностей. В 1779 г. он подал проект экспедиции в Восточную Сибирь, которая была важна, по его мнению, как для физической географии и натуральной истории, так и для развития торговли России. Однако всем этим планам не суждено было сбыться: И. А. Гюль-

Путешествие по России и на Кавказ доктора Иоганна Антона Гюльденштедта, академика Российской императорской академии и профессора естественной истории, члена курфюршества Майнцского и Берлинского научных обществ и Санкт-Петербургского экономического общества. По приказу Российской императорской академии наук издано П. С. Палласом. Ч. 2. СПб., 1791
СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 2. Д. 105/G-5. Л. 1а

денштедт умер 23 марта 1781 г., спасая больных во время эпидемии гнилой лихорадки (тиф), по другим сведениям — гриппа⁶².

Путевые дневники И. А. Гюльденштедта после его смерти обработал и издал академик П. С. Паллас в 1787 и 1791 гг. В эти две публикации он не включил естественнонаучные наблюдения, поскольку собирался напечатать

⁶² Иодко О. В. Опыты И. А. Гюльденштедта по лечению больных с применением минеральных вод теплых источников на р. Терек // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII—XX вв.). Биографический аспект. Вып. 4. СПб., 2008. С. 33.

Новая карта Кавказа, составленная по большей части по рукописному наследию Гюльденштедта.
Гравюра из книги: Путешествие по России и на Кавказ
доктора Иоганна Антона Гюльденштедта. Ч. 1. СПб., 1787
СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 2. Д. 104/G-5. Л. 525

их отдельно, но намерение свое так и не исполнил. Таким образом, многие материалы И. А. Гюльденштедта оказались не введены в научный оборот, да и те, что были известны, без перевода на русский язык теряли читателей. Чего не скажешь о картографических работах И. А. Гюльденштедта, особенно об уникальных кавказских картах, которые сразу стали востребованы. Его исследования о народах и природе Кавказа считаются началом отечественного кавказоведения. Другое важное достижение экспедиции И. А. Гюльденштедта — исправление генерального атласа Российской империи: на картах появились новые объекты и получили уточнение уже имевшиеся в низовье р. Волги, течения р. Аксай, на пути из Кизляра в Черкасск и т.д. Значительная протяженность маршрута позволила И. А. Гюльденштедту собрать богатейший гербарий из нескольких

сотен видов растений, многим из которых он первый дал научное описание. Его зоологические наблюдения были настолько любопытны, что Академия опубликовала их, не дожидаясь окончания экспедиции. Так, в 1769—1772 гг. увидели свет статьи И. А. Гюльденштедта о неизвестных науке видах суслика, утки, шакала и пр. Всего же им впервые было описано или уточнено описание 20 видов животных. Научные сочинения И. А. Гюльденштедта нередко содержали рекомендации хозяйственного характера. Конечно, собранные им экономические сведения о разных регионах России и сопредельных территорий ныне утратили практический смысл, но их историческое значение возросло в разы.

Широта научных интересов И. А. Гюльденштедта сделала его своим для представителей разных областей знаний. Например, академик ботани-

ки Ф. И. Рупрехт считал дневник путешествий И. А. Гюльденштедта и его ботанические наблюдения важнейшим подспорьем для своих работ; академик зоологии Ф. Ф. Брандт признал путешественника «самым усердным и выдающимся зоологом» Петербургской академии наук; увлеченный идеей прикладного знания академик В. И. Вернадский отметил его вклад в изучение производительных сил России. Академия же, когда прощалась с И. А. Гюльденштедтом, назвала его «искренним другом добродетели и гуманности».

**Оренбургский отряд
Ивана Ивановича Лепёхина
(1768—1772): Волга, Урал,
север Европейской России,
Ледовитый океан**

Среди плеяды блистательных имен петербургских академиков XVIII в. редко встретишь русское имя; тем дороже для истории эти жемчужины, которые, зачастую нанизываясь на одну нить, создавали замечательное ожерелье русской науки. Иван Иванович Лепёхин (1740—1802) был одним из них.

Иван Лепёхин родился в семье младшего офицера, ему был открыт путь к образованию, и юноша оказался в числе учащихся академической гимназии, которая фактически открывала перед своими воспитанниками путь в науку: в академический университет. В те годы (1758—1765) гимназией руководил самый яркий тогда представитель русского ученого мира — Михаил Васильевич Ломоносов, не жалевший усилий для формирования отечественной науки. Смысленых и старательных гимназистов ждали в университете. И. И. Лепёхин пошел этим путем, и ему посчастливилось оказаться под опекой другого выдающегося настав-

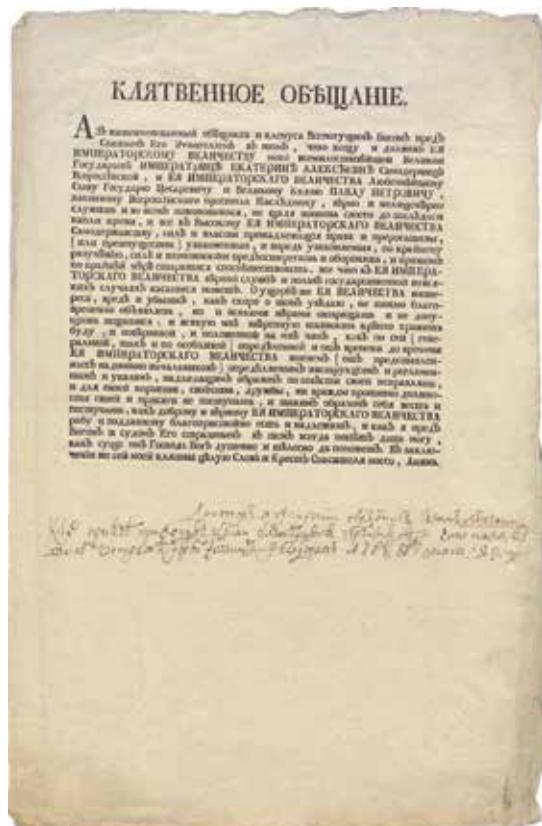
ника, русского академика, прошедшего грандиозную экспедиционную школу, — Степана Петровича Крашенинникова.

В свое время сам С. П. Крашенинников был «прислан» в академический университет для подготовки ко Второй Камчатской экспедиции и вместе с двумя другими студентами (А. П. Горлановым и Ф. Поповым) имел счастье пройти научную школу самого высокого класса. Блистательное окружение немецких профессоров должно было восхищать студентов и формировать их устремления к новым открытиям, одновременно оно привило уважение к иноземной культуре и знание немецкого языка (это было важным требованием, предъявляемым к гимназистам и студентам университета, где обучение велось преимущественно на немецком). Уже будучи ректором

И. И. Лепёхин. Литография А. О. Мошарского (1841) с портрета работы М. А. Кашенцева (1830-е гг.)

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Л. Д. 4

Присяга И. И. Лепёхина
при избрании адъюнктом
Петербургской академии наук. 1768 г.
СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Л. Д. 20. Л. 20

академического университета и давая характеристику рекомендуемым в университет студентам, С. П. Крашенинников писал в 1753 г.: «Они столько знают по-немецки, что могут разумеать книгу и разговаривать». И. И. Лепёхин был из числа таких выпускников гимназии и мог понимать любой университетский урок. Еще в 1748 г. С. П. Крашенинникову, после возвращения из Второй Камчатской экспедиции, был поручен курс «истории натуральной и ботаники». Вместе с этими естественнонаучными знаниями И. И. Лепё-

хин, безусловно, воспринял от учителя и экспедиционный опыт.

После завершения университетского курса И. И. Лепёхин отправился изучать медицину в Страсбург, затем в Лейден, а вернувшись в Санкт-Петербург со степенью доктора медицины в 1767 г., уже на следующий год был избран адъюнктом и почти сразу же отправлен в научное путешествие во главе отряда «физических» экспедиций⁶³. Состав отряда И. И. Лепёхина хорошо известен благодаря сохранившейся «Ведомости отправляющимся от академии в экспедиции для натуральной истории профессорам и прочим при них будущим...» Спутниками адъюнкта стали студенты: Андрей Лебедев, Тимофей Мальгин (будущий член Российской академии, 1791) и Николай Озерецковский (будущий академик, 1782). Экспедиции XVIII в. не могли обходиться без обязательных сотрудников, которым надлежало брать на себя заботу о подготовке экспонатов для академических коллекций и визуальной фиксации увиденного; помощниками в этих вопросах стали рисовальщик Михаил Шалауров, чучельник Филипп Федотьев и егерь (охотник), имя которого нам неизвестно и который должен был добывать зоологические образцы⁶⁴.

Отряд И. И. Лепёхина вошел в число так называемых Оренбургских экспедиций, которым надлежало обратить особое внимание на сибирские территории, однако в глубь Сибири он не зашел, ограничившись Предуральем и Уралом. Выехав из Санкт-Петербурга 8 июля в сторону Оренбурга, отряд прошел, минуя Москву, по северу

⁶³ См.: Фрадкин Н. Г. Академик И. И. Лепёхин и его путешествия по России в 1768—1773 гг. 2-е изд. М., 1953.

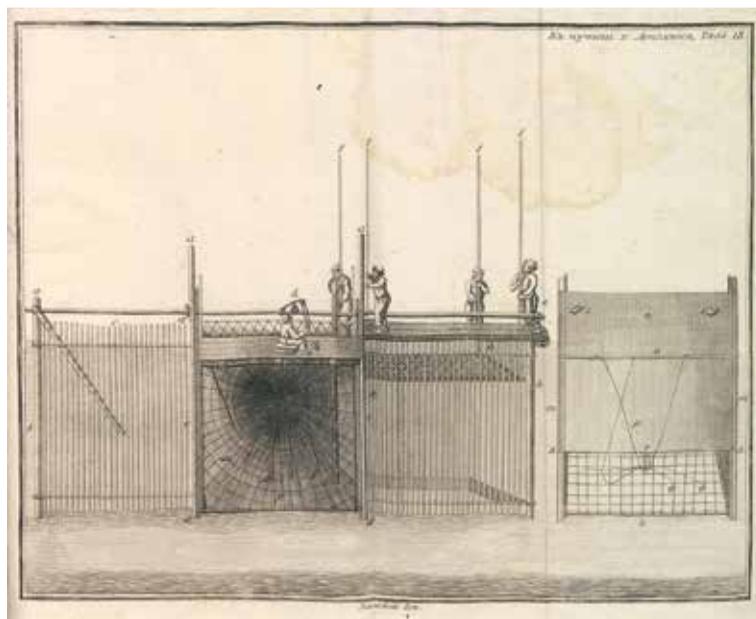
⁶⁴ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 539 Л. 147.

Приволжской возвышенности (Москва, Владимир, Арзамас, Симбирск), осмотрел Поволжье и Заволжье (Сызрань, Саратов, Царицын, Астрахань, Красный Яр), Северный Казахстан (Гурьев) и в 1769 г. достиг Южного Урала — Оренбурга, отправив 17 сентября 1769 г. в Академию очередной доклад о ходе путешествия. Доклад был зачитан на одном из октябрьских заседаний Конференции; секретарю собрания поручили ответить, что рапорты И. И. Лепёхина содержат интересные открытия.

В Поволжье внимание путешественника привлек рыбный промысел и уникальная волжская рыба, которую ловили при помощи сооружения, закрепленного на речном дне и названного «городьба». Тогда И. И. Лепёхин смог изучить трех представителей семейства осетровых — стерлядь, севрюгу и белугу, превышающую «величиною всех волжских рыб». Михаил Шалауров точно зарисовал виды рыб, а И. И. Лепёхин детально описал их внешний вид. Позднее у путешественника была возможность сравнить волжские сооружения для рыбной ловли с камскими. На Волге можно было наблюдать и селящихся у воды животных: норку, выхухоля с перепончатыми лапами, водоплавающих птиц, например, перелетную красную утку, которую удалось застать на Волге в летнее время. Одним из результатов изучения местной флоры

стало описание растения, закрепившее имя И. И. Лепёхина в международной ботанической номенклатуре. Это окопник жесткий.

3 октября 1769 г. отряд И. И. Лепёхина покинул Оренбург и стал продвигаться на северо-восток, изучая экономически важные промыслы и ремесла местного населения. Двинувшись на зимовку в Табынск (ныне с. Табынское в Башкортостане), он несколько раз сворачивал с прямого пути, «заезжал в сторону и осматривал вблизи» медные рудники и заводы, осмотрел соленые источники, знаменитое озеро Эльтон, откуда в XVIII в. соль поставлялась в центральные российские губернии: Пензенскую, Костромскую, Тульскую, Тамбовскую, Саратовскую, Ярославскую, Рязанскую, Воронежскую, Симбирскую, Казанскую, Курскую, Орловскую, Харьковскую, частично Киевскую, Черниговскую, Новгородскую-Северскую.

*Приспособление для ловли рыбы на Каме. Гравюра из книги:
Лепёхин И. И. Дневные записки путешествия
по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 году
Ч. 1. СПб., 1771. Табл. 18*

Там же путешественники обнаружили несколько растений, из которых можно было получать соду. Заезжал отряд и «на глиняные ямы, где разноцветная и весьма вязкая добывается глина на печное от жителей употребление»; образцы этой глины И. И. Лепёхин отправил в Академию наук, предлагая высказать мнение о других возможностях ее применения.

Ориентироваться в незнакомых землях путешественникам помогали проводники из местных жителей, услуги которых оплачивала Академия. И. И. Лепёхину удалось осмотреть пещеры в окрестных горах. Одну из них, в 46-ти верстах от Табынска, он описал отдельно: «Она соединяется с другими пространными в горе пещерами и самой зад оных составляет. Природа в ней не так подземное обиталище, как велико[ле]пные чертоги представить хотела: разные фигуры и украшения состоят из прозрачного слоистого гипса, который при входе со свечами (ибо она темна) ясной издает блеск, пленяющей зрение». Далее он делает предложение практического характера: «Такого гипса specimen [образец] при сем посылав, мне кажется, что по недостатку в здешних местах стеклянных заводов можно его употреблять на окончины [оконное стекло]...»⁶⁵

Во время всего путешествия И. И. Лепёхин помнил важную задачу, стоящую перед «физическими» экспедициями: разведка природных ресурсов российских территорий и изучение их экономического потенциала. Отправившись из Табынска в мае 1770 г., отряд весь оставшийся год провел в путешествии по Южному и Централь-

ному Уралу. Исследователи осмотрели соленые ключи близ р. Усолки (приток р. Белой), серные источники Башкирии, нефтяной ключик. В рапортах в Академию И. И. Лепёхин перечислил встретившиеся по пути местные минералы: марказит («мнимое золото»), руды, слюду, каменный уголь. Ученый отметил важность находки каменного угля: «Хотя сия находка должна была нас побуждать к совершенному разработыванию сего места, однако недостаток орудий и людей принудили нас отстать от такого предприятия и довольствоваться одними признаками, которые мы видели в четырех небольших шурфах, нами прокопанных, в которых уголь показывался толщиной около аршина». Это определило одно из направлений дальнейшей изыскательской деятельности в губернии: И. И. Лепёхин обратился к оренбургскому генерал-губернатору Иоганну Генриху (Ивану Андреевичу) Рейнсдорпу (1730—1782) с просьбой направить в это место людей для разработки месторождения, на что губернатор дал свое согласие.

Экспедиция обследовала местные промышленные предприятия (медные и железоделательные уральские заводы); всего за время путешествия было осмотрено три десятка заводов. К июлю 1770 г. отряд достиг Екатеринбурга, где оставался до середины сентября, а коллекция И. И. Лепёхина пополнилась многочисленными образцами руд, которые путешественник смог собрать по берегам уральских рек или получить в рудниках. Изучая верховья уральских рек (Яик, Миас, Ая, Уя), И. И. Лепёхин осмотрел рудники, описанные как золотые и серебряные,

---

⁶⁵ Цитаты И. И. Лепёхина взяты из его рапортов в Петербургскую академию наук, хранящихся в академическом архиве: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 30. Д. 9.

образцы из которых он поспешил отправить в Академию наук. Путешественник не мог миновать и знаменитый Березовский золотой рудник и сделал следующие наблюдения: «Рассматривая разные роды ископаемых, содержащих в себе золото, я... приметил, что в некоторых родах золото так мелко бывает раздроблено, что от малейшего движения на поверхности воды всплывает; и, следовательно, при обыкновенной промывке немало такого золота потрачено быть может; поему неотменно нужно делать таки рудам отменный разбор и употреблять другой род добывания из них золота...»

Из Екатеринбурга И.И. Лепёхин предпринял экскурсию в знаменитую Кунгурскую ледяную пещеру, которая по сей день привлекает потоки любопытствующих — ее карта имелась в Академии еще со времен экспедиции Д. Г. Мессершмидта. Пещера, конечно, не была самоцелью, И. И. Лепёхин делал в этой местности сборы, о которых сообщал: «Кроме прибавки поздних трав в башкирскую флору и собрания семян в разных местах Урала, обыскали признаки разных руд, которые в скором времени с описанием небольшого числа животных Императорской академии наук покорнейше представляю». Он сообщил о пересечении с маршрутом отряда П. С. Палласа: «Немалая часть пермских заводов определена для осмотру... капитану [Н. П.] Рычкову (участник экспедиции П. С. Палласа. — *Авт.*); а важнейшие заводы, как то Егосихинские и пр., уже осмотрены... профессором Палласом. И так, я за лучшее признаю осмотреть оставшейся клочок между Екатеринбургом и Тюменем, и где я свободен буду от всяких присвоительных прав и остальное осеннее время, может, препровожу небезполез-

но...» И. И. Лепёхин во время путешествия состоял в переписке с П. С. Палласом, ученые имели возможность обмениваться мнениями по поводу увиденного и давать друг другу советы относительно посещения тех или иных достойных внимания мест.

14 сентября 1770 г. отряд И. И. Лепёхина выдвинулся в Тюмень на зимовку. Зимнее время в тяжелых условиях Урала и Западной Сибири мало способствовало научным исследованиям: изучать растения не было возможности, фауна заметно оскудела, минералы покоились под толщей снега; исследовательский потенциал был ограничен расспросами информантов и приведением в порядок собранных за летнее время коллекций. Но, благодаря находчивости руководителя отряда, коллекции тоже удалось пополнить: И. И. Лепёхин обратился в воеводскую канцелярию Тюмени с тем, чтобы населению предложили доставлять образцы добытых местными жителями «птиц и зверьков, обещая за каждую годную птичку давать по 5-ти копеек, а за зверьков настоящую цену». Благодаря этому тюменская коллекция птиц, чучела которой были изготовлены И. И. Лепёхиным вместе с М. Шаларовым, насчитывала 60 единиц.

И. И. Лепёхин оказался в этих краях в удачное время, поскольку получил возможность посетить знаменитую Ирбитскую ярмарку, проводившуюся в Ирбитской слободе (ныне г. Ирбит Свердловской обл.) в полтораста километрах от Тюмени. Здесь встречались товары, привозимые с Востока и Запада, поэтому ярмарка собирала известнейших купцов со всей России. Во времена «физических» экспедиций Академии наук ярмарка проводилась с 27 января и до начала Масленицы, так

Карта Кунгурской пещеры из IV рапорта Д. Г. Мессершмидта в Медицинскую канцелярию. 1720 г. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. Л. 53–54

что в рапорте в академию за 20 февраля 1771 г. И. И. Лепёхин смог изложить свои впечатления об увиденном.

Отряд планировал отъезд из Тюмени в начале весны, но капризы погоды диктовали свои условия: в Тюмени путешественникам пришлось задержаться почти до конца марта. Объясняя причину задержки непогодой («разлившиеся весенние воды, ветры и стужа»), И. И. Лепёхин сообщал, что он отправил вперед по маршруту экспедиционного студента Т. С. Мальгина, чтобы не упустить время сбора весенних трав. Следующей целью экспедиции был Соликамск, а Т. С. Мальгин должен был собирать растения в горах между Соликамском и Верхотурьем.

Отряд выдвинулся из Тюмени 20 марта. В середине июня 1771 г. путешественники оказались в горной местности около Верхотурья, природа которой вызвала удивление и позволила сделать новые наблюдения: «Хотя я на сих камнях был уже в половине июня месяца, однако на верхушках оных еще великопостная являлась погода, и глубокие лежали снега. Сие высочайшие каменных гор утесы научили меня познавать, что и вечным снегом покрытые горы металлом изобилуют могут...» В результате из этой части Уральских гор в академию были направлены образцы минералов. Посещение И. И. Лепёхиным этих мест запечатлено в топонимике:

одна из вершин Северного Урала носит название гора Лепёхина; она расположена в относительной близости (4 км) от горы Гумбольдта, названной в честь другого великого путешественника, посетившего уральские края через полвека с небольшим, — Александра фон Гумбольдта (1769—1859).

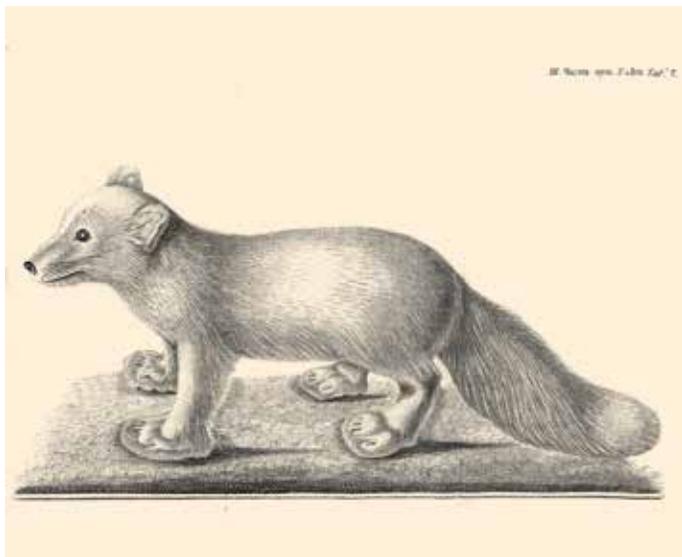
Экспедиция не смогла избежать неудобств, вызванных качеством российских дорог: «Впрочем дорога от Епанчина [ныне г. Туринск Свердловской обл.] до Соликамска так запущена и попорчена, что летним временем с великою трудностью проезжать надлежит. Главное дорога была причиною, что я в каждом городе дня по три жить принужденным находил, естественно, для починки повосков».

В Соликамске особым объектом внимания экспедиции стали солеварни, так как город в ту эпоху являлся настоящей соляной столицей Российской империи. Самым крупным поставщиком соли, снабжавшим в том числе и обе столицы, была в екатерининское время Пермская губерния. Оказавшийся в этих местах несколькими годами позже горный инженер Иван Филиппович Герман (1755—1815) собрал наглядную статистику по добыче соли в этом районе. Пермская губерния, обеспечивавшая один из двух казенных промыслов империи, имела соляные предприятия только в Соликамском уезде. По данным статистики, работавшие здесь 120 солеварен произвели за 1792 г. 5 039 759 пудов соли, т.е. 80 636 144 кг⁶⁶. Не менее интересной была для И. И. Лепёхина встреча с наследием Григория Акинфиевича Демидова (1715—1761) — правнука основателя знаменитой династии ураль-

ских промышленников. Несмотря на то что Г. А. Демидов был успешным предпринимателем, владеющим железоделательными и медными заводами, а также почти четвертью всех солеварен в Соликамске, в историю он вошел и как ботаник-любитель, корреспондент Карла Линнея, основатель первого частного ботанического сада. Ко времени посещения Соликамска И. И. Лепёхиным самого Г. А. Демидова уже не было в живых, но «всякого любопытства достойной сад господ Демидовых» по-прежнему являлся местной достопримечательностью.

Хотя сам Г. А. Демидов оставался в науке любителем и основательное европейское образование смог предоставить лишь своим сыновьям, при организации сада он старался придерживаться научного подхода, заслужив в свое время благосклонную оценку участников Второй Камчатской экспедиции Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина, которые две недели пребывали в Соликамске в декабре 1742 г. И. Г. Гмелин с уважением отзывался о семье Демидовых, об уровне образования его детей и восторгался садом: «Господин Демидов <...> большой любитель естественных наук, особенно науки о растениях, большое количество которых он не только сушит в бумагах, но и содержит изящный сад, который стоит ему немалых расходов и в котором для этой страны есть поистине королевская оранжерея. Многим местным жителям это непонятно. Но он сумел вырваться из предрассудков, и его не беспокоит мнение ни единого человека, кто бы сказал ему: к чему такие расходы? Какой от этого получается доход?» Профессиональные отношения связывали

⁶⁶ СПбФ АРАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 128. Л. 40.

Песец. Гравюра из книги:
Лепёхин И. И. Продолжение
дневных записок путешествия
по разным провинциям
Российского государства в 1771 г.
Ч. 3. СПб., 1780. Табл. 7

Г. А. Демидова с другим участником Второй Камчатской экспедиции — Г. В. Стеллером, для живой коллекции растений которого соликамский сад стал последним прибежищем. Г. В. Стеллер, прибыв в Соликамск весной 1746 г., должен был высадить образцы деревьев и кустарников, которые он вез в замороженном виде, для чего сад Г. А. Демидова оказался исключительно подходящим. Однако забрать свои растения из этого сада Г. В. Стел-

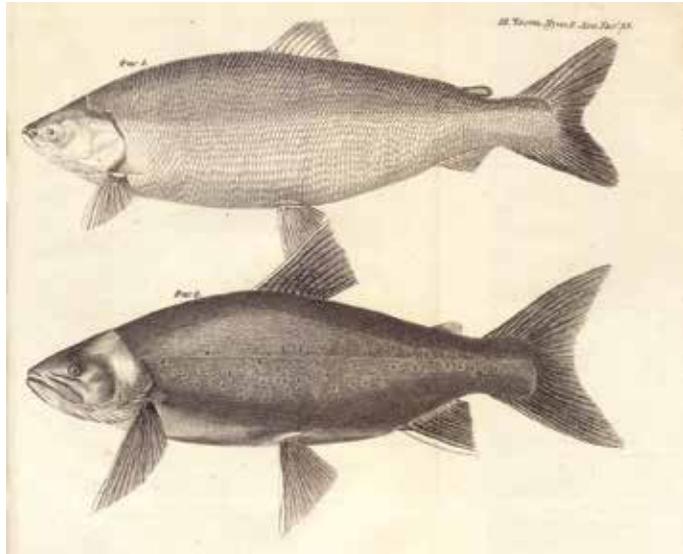
леру уже было не суждено. В 1747 г. Г. А. Демидов переехал в Санкт-Петербург, однако его сад продолжал свое полноценное существование при его сыне Александре, пока в 1772 г. не был продан вместе с имением промышленнику А. Ф. Турчанинову. И. И. Лепёхин посетил сад незадолго до его продажи и составил его каталог, включавший 524 позиции.

Следующая зимовка отряда И. И. Лепёхина была намечена в Ар-

Средняя казарка
(*Anas Canadensis*).
Гравюра из книги:
Лепёхин И. И. Продолжение
дневных записок путешествия
по разным провинциям
Российского государства в 1771 г.
Ч. 3. СПб., 1780. Табл. 10

Омуль и палья.
Гравюра из книги:
Лепёхин И.И. Продолжение
дневных записок путешествия
по разным провинциям
Российского государства в 1771 г.
Ч. 3. СПб., 1780. Табл. 15

хангельске, поэтому экспедиция не могла долго задерживаться в Предуралье и в конце июня выдвинулась на северо-запад. Посетив Вятку (Хлынов) и Великий Устюг, по Северной Двине к концу сентября отряд достиг Архангельска. Суровые приморские районы впечатлили путешественников своей природой. В Архангельской губернии И. И. Лепёхин с удивлением обнаружил песца, который считался преимущественно сибирским животным; для изучения он поселил зверьков в «анбаре» возле своего жилища и констатировал факт возможности их приручения.

Там же были изучены морские птицы. В отсутствие егеря и чучельника, отправившихся с особым отрядом, единственным способом фиксации оставался рисунок, с чем Михаил Шалауров безукоризненно справился. Удивительным показался вид чаек, названный К. Линнеем *Larus parasiticus*, а у И. И. Лепёхина представленный как «Чайка Повар или Разбойник или Фомка». Это проворные и быстролетающие чайки, которые из-за особенности строения клюва не имеют воз-

можности охотиться за рыбой в воде и добывают себе пищу, «обкрадывая» чаек другого вида. Ученый мог наблюдать летних перелетных «гостей»: савку, названную им «утка каумбак», канадскую казарку и чернеть; название последней ученый записал на местном архангельском говоре — «утка каголка», обратив особое внимание на вкусовые качества ее мяса.

Отряд изучил рыбный промысел в Архангельской губернии, графически зафиксировал ценные промысловые пресноводные виды: сига — пелядь, чир, омуль; палья из семейства лососевых. Более экзотичными казались путешественникам такие образцы морской фауны, как губка, которую И. И. Лепёхин назвал норвежской (*Spongia Norvegica*), поскольку близ Архангельска она не водилась, но была привезена рыбаками из норвежских заливов. Из тех же мест привозили «каменное морское деревце» (*Gordonia Reseda*), о котором путешественник писал: «...в городе Архангельске нет ни одного почти дома, в коем бы оно не составляло украшения. По твердости его основания названо оно каменным морским

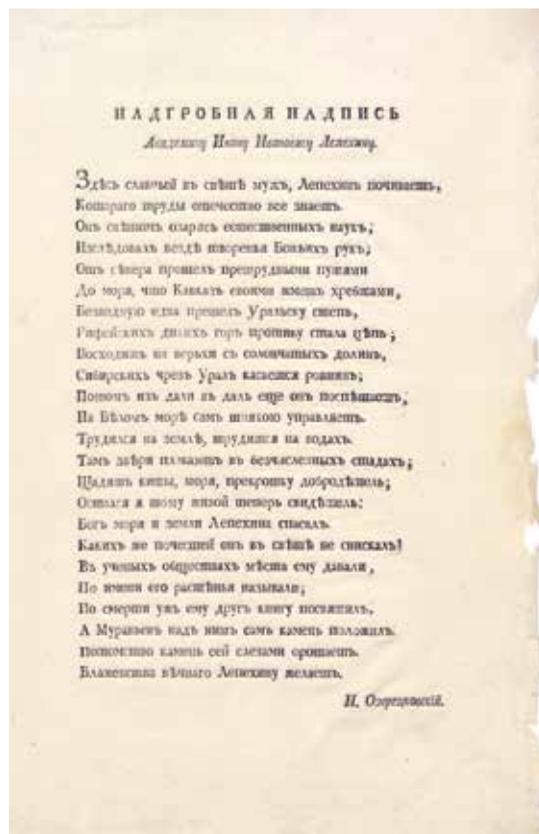
Норвежская губка (*Spongia Norvegica*).
Гравюра из книги: Лепёхин И.И. Продолжение
дневных записок путешествия по разным
провинциям Российского государства в 1771 г.
Ч. 3. СПб., 1780. Табл. 16

деревцом несправедливо, потому что оно не к произрастениям, но к обиталищу бесчисленного множества животных от испытателей естества относится».

Осмотрев берега и острова Белого моря, 25 декабря 1772 г. экспедиция в полном составе вернулась в Санкт-Петербург. Для обеспечения безопасности пути Архангельская губернская канцелярия предоставила экспедиции в сопровождение четырех солдат, о возвращении которых обратно позаботилась уже Академия наук, выплатив

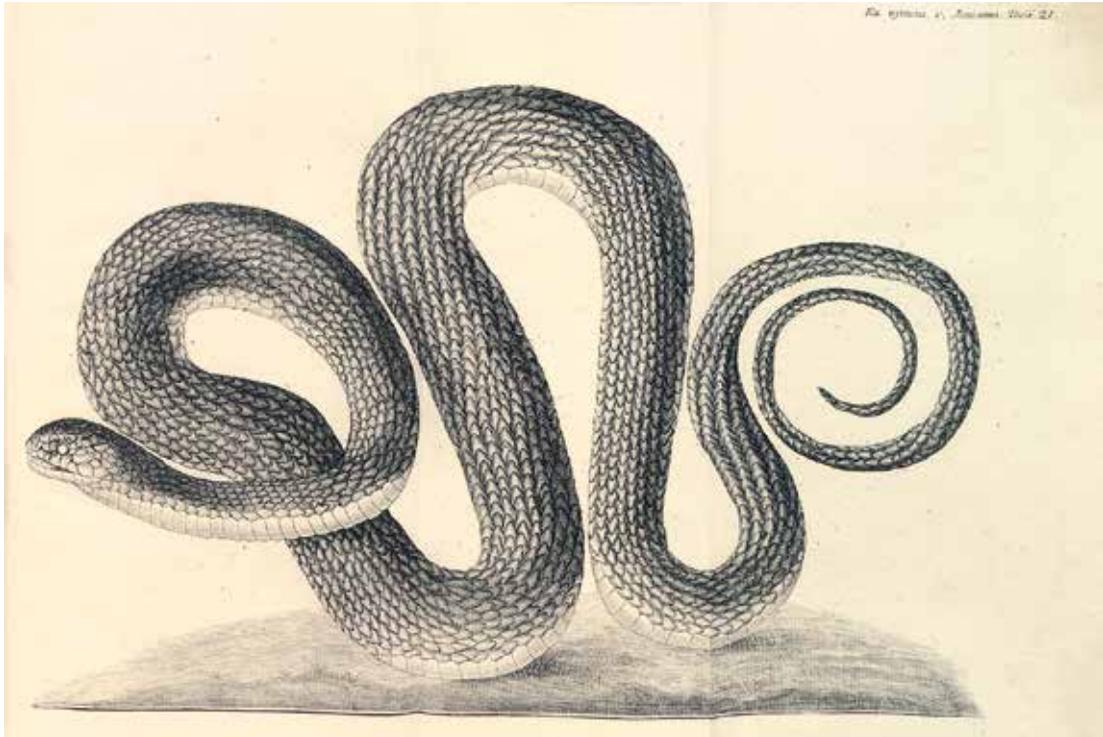
солдатам, помимо прогонных, вознаграждение в размере 2 руб. на каждого. Подробное описание всего маршрута содержалось в экспедиционном дневнике, на его основе И. И. Лепёхин подготовил свой труд, издание которого началось еще во время путешествия автора⁶⁷.

В ходе этого путешествия возшла еще одна звезда на небосклоне русской науки. Состоявшему при экспедиции студенту Николаю Яковлевичу Озерецковскому (1750—1827) руководитель отряда дважды поручал самостоятельные научные путешествия. Первое было совершено еще в начале пути, весной 1769 г., когда после симбирской зимовки молодой ученый

Н. Я. Озерецковский. Надгробная надпись
академику Ивану Ивановичу Лепёхину
СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-А. Д. 20. Л. 108

⁶⁷ Лепёхин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям российского государства. Т. 1—4. СПб., 1771—1805.

Желтопузик (*Coluber*). Гравюра из книги: Лепёхин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 году Ч. 1. СПб., 1771. Табл. 21

в сопровождении охотника и чучельника был отослан в Саратов и на Дон для собирания весенних трав и изготовления орнитологических экспонатов. Опыт оказался удачным, поэтому весной 1771 г., когда отряд И. И. Лепёхина был фактически блокирован в Тюмени, для экономии времени руководитель снарядил в короткую экспедицию не только Тимофея Мальгина, но и в далекий путь Николая Озерецковского с его прежними помощниками, отправив его в Поморье для изучения Белого моря, его флоры и фауны. Небольшой самостоятельный отряд Н. Я. Озерецковского пробыл в этом районе больше года и собрал массу сведений о животном и растительном мире, а также о местных промыслах и населении. Итогом стало несколько работ, в ко-

торых начинающий ученый-путешественник изложил свои наблюдения: «О гагачьем пухе» (1773), «Описание моржового промысла» (1781), «Описание города Колы» (1796). В путешествии Н. Я. Озерецковский сформировался как исследователь. Впереди у него были научное признание, академические звания и самостоятельные экспедиции, но тогда, вернувшись домой, помимо колоссального объема впечатлений и новых знаний, молодой ученый привез с собой глубокое уважение к своему наставнику, поверившему в юный талант. Это уважение не затуманили годы и, публикуя в 1805 г. после смерти И. И. Лепёхина завершающий том «Дневных записок путешествия», ученый поместил посвящение: «Гуманнейшему гению Учителя».

Путешествие И.И. Лепёхина обогатило науку новыми открытиями, а Академию — новыми коллекциями. Сохранилось 17 каталогов направленных в Академию наук экспонатов: животных (четвероногих и птиц), насекомых, растений и минералов. Было описано около 300 видов животных, огромное число насекомых: бабочек, мух, кузнечиков, пчел, разнообразных жуков и «козявок».

**Оренбургский отряд Иоганна
Петера Фалька (1768—1773):
Астраханский и Оренбургский
край, Западная Сибирь, Южный
Урал, Казань**

Другой оренбургский отряд, продвинувшийся на восток чуть дальше отряда И.И. Лепёхина, возглавил швед, доктор медицины Иоганн (Юхан) Петер Фальк (1727—1774), который был приглашен в Россию по рекомендации Карла Линнея. Знаменитый шведский естествоиспытатель был учителем И.П. Фалька по Упсальскому университету, где юный Юхан изучал медицину. И.П. Фалька связывали с К. Линнеем тесные отношения, начавшиеся с того времени, когда Юхану-студенту, наряду с другими его сотоварищами, была доверена опека первого сына К. Линнея — Карла Линнея младшего, будущего ботаника, который начал курс университетского образования в возрасте десяти лет.

В 1761 г. Дания снарядила большую комплексную экспедицию в Египет, Аравию и Сирию, в которую К. Линней планировал отправить и И.П. Фалька, однако в штат экспедиции его не включили, после чего

К. Линней стал хлопотать о месте для него в России. Это не в последнюю очередь отвечало и собственным интересам К. Линнея: И.П. Фальк входил в круг «апостолов Линнея» — так называли его учеников, принимавших участие в экспедициях в самые разные части света и присылавших учителю семена, гербарные образцы, зоологические препараты. Ученики часто работали по планам, составленным самим К. Линнеем. Шведский ученый был осведомлен об экспедиционной деятельности Петербургской академии наук и о планировавшихся ею научных путешествиях по различным регионам Российской империи.

Прибыв в Россию в 1763 г., И.П. Фальк занял должность директора Кабинета естественной истории, а через два года стал смотрителем Аптекарского сада при Медицинской коллегии, благодаря чему был установлен обмен живыми растениями и семенами между садом и К. Линнеем⁶⁸.

Отряд И.П. Фалька в составе Оренбургских экспедиций отправился в путь последним, 5 сентября 1768 г. Примерно за месяц до этого, 14 августа, в Академии наук была создана комиссия для рассмотрения экспедиционных вопросов, решением которой профессору И.П. Фальку и его отряду было назначено и выдано жалование на год вперед, затем экспедиция должна была получать нужные суммы по требованию руководителя отряда из губернской провинциальной или воеводской канцелярии. Штат экспедиционного отряда был утвержден в традиционном составе. В научных работах должны были помогать сту-

---

⁶⁸ Носкова О.Н. Иоганн Петер Фальк — последователь Карла Линнея в России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9. № 4. С. 1104.

[И. П. Фальк]. Упражнение в записи имени кириллицей
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 99. Д. 14. Л. 80 об. (фрагмент)

денты; имена трех известны — Михаил Лебедев, Иван Быков, Степан Кашкарев (в отряде И. П. Фалька он слышным студентом, работы и знания которого впоследствии оценил сам П. С. Паллас⁶⁹). В качестве рисовальщика к отряду был прикомандирован Пётр Григорьев, чучельником назначили Христофора Барданеса.

Перед отправкой отряды получали от Академии наук специальные инструкции. И. П. Фальк со спутниками должен был проделать путь «вдоль по Волге, а потом по Оренбургской губернии и некоторой части Сибири», при этом «всевозможные стараться изыскания свои согласовать точно с тем намерением, с которым оная экспедиция отправляется, то есть полагая единственным предметом пользу общую государства и распространение наук». Специальный документ определял «главные места, в которых

оная экспедиция во время своей поездки неотменно заезжать будет». Отправившись из Петербурга 5 сентября 1768 г., отряд И. П. Фалька за «полевой» период дошел до Сызрани, там перезимовал, с весны и до зимы 1769 г. путешествовал по Поволжью; на следующую зимовку остановился в Царицыне. Дальше была Астрахань, к августу 1770 г. И. П. Фальк добрался до Оренбурга. Этот город стал местом зимовки и отправной точкой отдельных экскурсий.

В Оренбурге произошли изменения в составе экспедиционного отряда. Напряженная программа путешествия, ответственность и организационные трудности отрицательно сказались на психическом состоянии И. П. Фалька. Академия, озабоченная судьбой экспедиции и ее руководителя, направила ему в компаньоны коллегу-единомышленника с медицинскими зна-

⁶⁹ Сытин А. К. Ботаник Петр Симон Паллас. М., 2014. С. 93—95.

ниями. Им стал будущий академик, аптекарь и ученик К. Линнея Иван Иванович Георги (1729—1802), который прибыл в отряд И. П. Фалька 4 июля 1770 г. Перед отъездом И. И. Георги получил собственную инструкцию о пути до Оренбурга, где поступал под начало И. П. Фалька, и имел строгий наказ ничего без его согласия, «что будет касаться до экспедиции, самому собою не предпринимать»⁷⁰.

В Оренбурге И. П. Фальк увидел возможность для изучения Калмыцких степей. В 1771 г. они стали ареной крупной миграции — так называемого Торгутского побега, когда несколько десятков тысяч волжских калмыков перекочевали в Китай, на историческую родину в Джунгарию. Правительство Екатерины II пыталось военными силами противодействовать этому переселению, и И. П. Фальк посчитал необходимым воспользоваться ситуацией, чтобы под надежной охраной дислоцировавшихся там военных осуществить изучение этого района. Оренбургский губернатор, датчанин Иоганн Генрих Рейнсдорп, состоявший на русской службе с 1746 г., оказал всестороннюю поддержку экспедиции и помог начальнику отряда. И. П. Фальк смог 19 апреля 1771 г. снарядить в степь своего чучельника Х. Барданеса. Некий татарский солдат должен был служить ему проводником и переводчиком. Он доставил Х. Барданеса в место расположения военных, откуда путешественник начал поездки в степь под их надежной защитой. Перед отправкой И. П. Фальк снабдил своего подчиненного «наставлением для примечания и собирания всех примечания достойных вещей и привел его в состояние,

чтобы он мог то исполнить». Х. Барданес преодолел немалый маршрут по Южному Уралу, Северному Казахстану и Юго-Западной Сибири. Собранный им материал поступил в Академию наук и позднее был опубликован. Извиняясь перед Академией наук за самовольно принятое решение, И. П. Фальк пояснял: «Ибо времени не доставало испросить на то позволения; покоренную же российской державою Киргизскую степь должно по возможности описать, и случай к тому, чтобы быть в ней безопасну, весьма редко бывает». Место Х. Барданеса в экспедиции занял «толмач и чучельник» Карл Клейн.

Летом 1771 г. отряд И. П. Фалька через Тобольск отправился в Омск, куда прибыл уже в июле, намереваясь посетить знаменитые Колывано-Воскресенские заводы. Но перед отъездом на Алтай И. П. Фальк решил послать часть своего отряда самостоятельным маршрутом в Томск, который должен был стать следующим пунктом экспедиции. Именно о таком маршруте И. П. Фальк условился в свое время с П. С. Палласом. «Как оба путешествующие, — пояснял И. П. Фальк в письме в Академию, — имеют почти путь параллельной, то мы постараемся так распространиться, чтобы все достопамятности наивозможнейше могли быть наблюдательны, не останавливаясь, однако, при бесполезных предметах, что помощью уговоров и взаимной переписки легко отвратить будет можно».

В Томск с соответствующими наставлениями в сопровождении солдат были отправлены два студента — Иван Быков и Степан Кашкарев. Вводные пред-

---

⁷⁰ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 35. Д. 1. Л. 11—11 об.; 35.

писания позволяют понять, что «психологическая атмосфера в коллективе» была важнейшим вопросом. Юным коллегам предписывалось не ссориться, сохранять дружбу и поступать «честно и разумно». Необходимо было считаться с неопытностью и возможным легкомыслием, свойственным молодым людям, а потому наставник продолжал: «Сверх сего прилежно надсматривайте, чтоб вещи, с вами отправленные, не потерялись или повредились. <...> Вещи, с вами посланные, ежедневно наблюдайте и пересчитайте, когда в Томск приедете, и канцелярии, взяв от ней расписку, отдайте». Меры предосторожности оговаривали: «Никто из вас никуда не должен отойти или отъехать прежде, нежели своему товарищу объявит, куда итти и которое время возвратиться». В научном отношении каждому предписывалось вести свой журнал и делать записи по географии, естественной истории, этнографии и пр., а чтобы молодые исследователи осознавали всю полноту ответственности, начальник отряда их предупредил, что по возвращении журналы должны быть вручены ему лично. Сам И.П. Фальк прибыл в Томск в 1772 г.

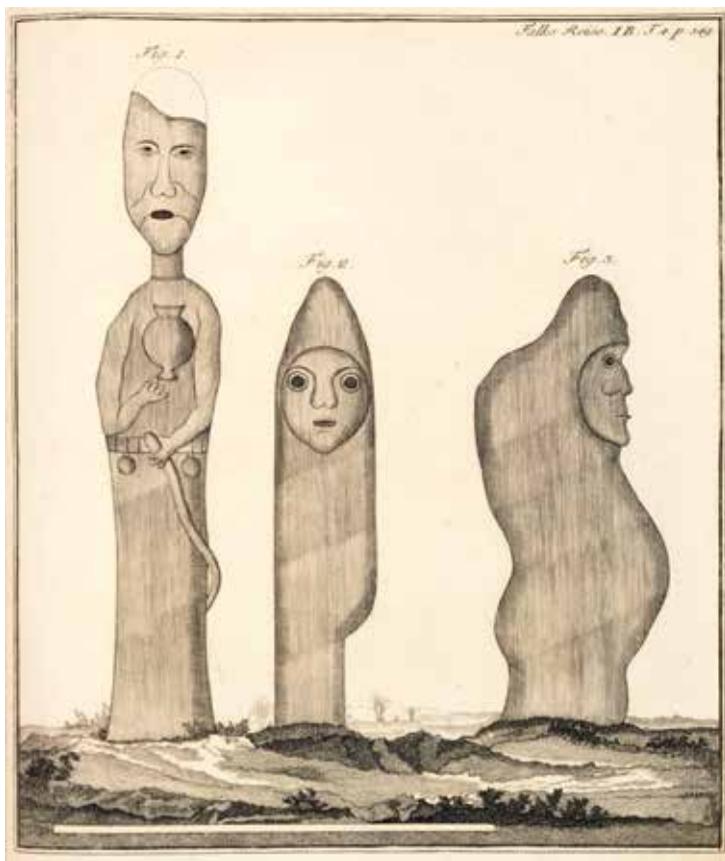
Как того требовала инструкция, И.П. Фальк исправно направлял в Академию наук письма и рапорты, а также коллекционные образцы. Первая посылка была сделана из Поволжья осенью 1769 г. — три ящика естественнонаучных коллекций: один из Сызрани, два из Саратова. В Поволжье И.П. Фальк собрал большую коллекцию семян, опись которой занимает 16 листов. Затем стали поступать коллекции животных, растений

и минералов, состав которых легко реконструировать по сохранившимся каталогам. Использовались любые возможности для пересылки материала в столицу: одна из посылок была сделана с солдатом, который сопровождал в Оренбург И.И. Георги, а затем вернулся в Санкт-Петербург. Коллекции отправлялись и через Москву посредством Г.Ф. Миллера. К своим посылкам И.П. Фальк присоединял также материалы, оставленные ему П.С. Палласом.

И.П. Фальк осознавал, что выполнение столь обширной программы исследований не под силу одному человеку, поэтому не боялся разделять ответственность с членами своего отряда, поручая им самостоятельные наблюдения. По примеру своего учителя К. Линнея, он старался максимально расширить круг своих информантов и составил некий опросник (практика, которая к тому времени уже была известна в Академии наук), при помощи которого была собрана информация о географии, топографии, полезных ископаемых, фауне, флоре, промышленном производстве целого ряда европейских, уральских и сибирских городов Российской империи: Коломна, Рязань, Казань, Приволжск, Царицын, Чебоксары, Вятка, Оренбург, Исетская провинция (с центром в то время в Челябинской крепости), Пермь, Кунгур, Екатеринбург, Тобольск, Тара, Томск, Красноярск, Барабинск, Кузнецк, Барнаул⁷¹.

Экспедиционный отряд собрал огромный материал. И.П. Фальк был аккуратен в записях деталей и мельчайших подробностей. Рисовальщик Пётр Григорьев был мастером своего дела

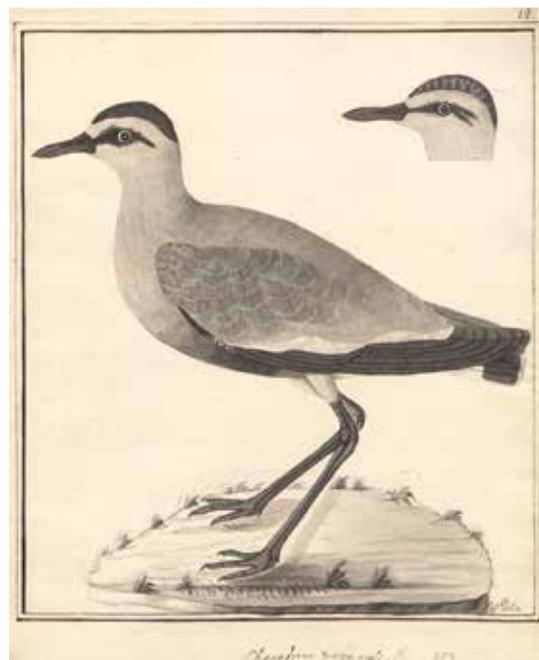
⁷¹ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 35. Д. 33. 514 л.

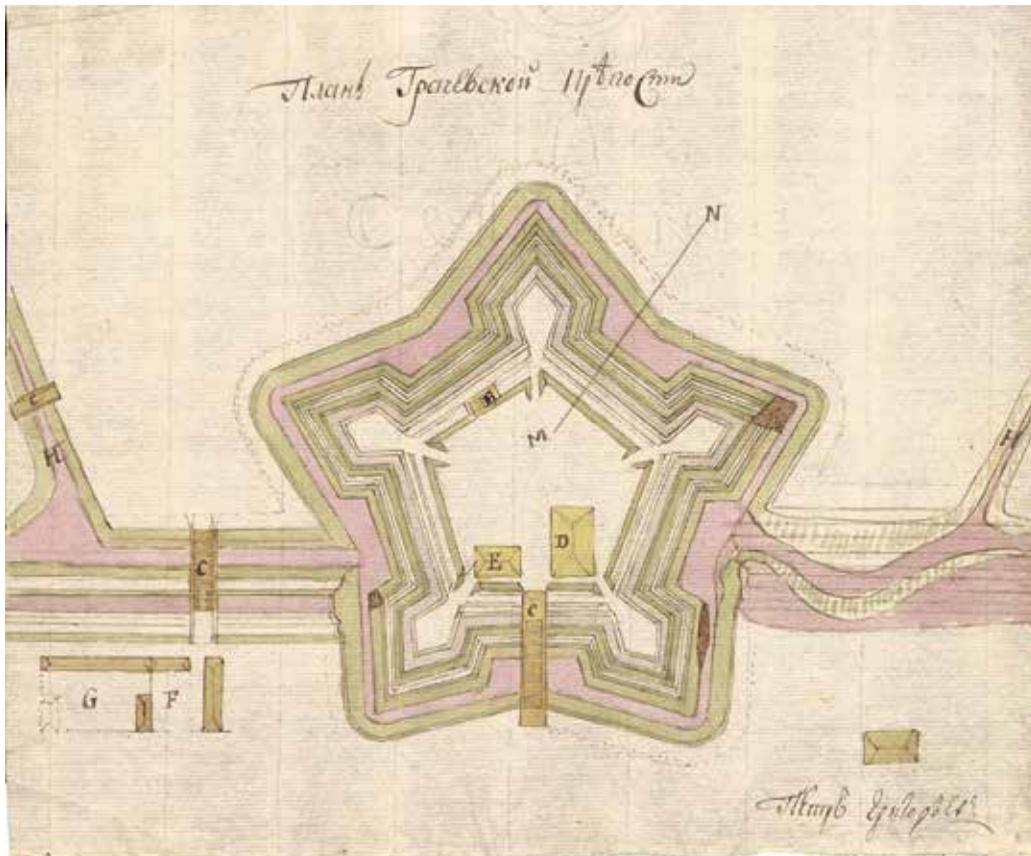
Каменные изваяния, впервые описанные Д. Г. Мессершмидтом. Гравюра из книги: Falk J. P. Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. Bd. 1. SPb., 1785. Tab. 4

«Cornus» (Дерен белый — *Cornus alba* L.).
Рисунок П. Григорьева
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 99. Д. 57. Л. 3

Креçётка (*Charadrius gregarius*).
Рисунок П. Григорьева
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 99. Д. 53. Л. 1

План Грачевской крепости (Царицынская сторожевая линия). Рисунок П. Григорьева
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 99. Д. 63. Л. 4

и оставил прекрасные рисунки, одновременно художественные и точные. Несколько оригинальных акварелей сохранились в академическом архиве, 26 гравюр с его рисунков напечатаны в книге «Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs» (1785—1787), подготовленной по запискам И. П. Фалька после его смерти и изданной в трех томах в Санкт-Петербурге.

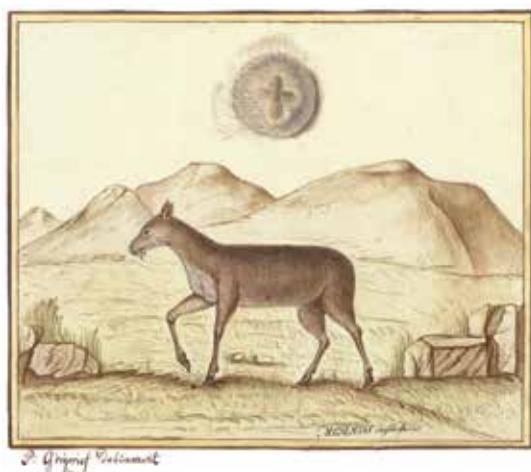
Путешественники досконально изучили флору и фауну степей Поволжья и Приуралья, Южного Урала, Юго-Западной Сибири. Рисунки П. Григорьева (сохранившиеся не только в гравюрах, но и в акварели) наполнены местным колоритом, а научные детали оказываются очень ненавязчивыми. Так, изображая корсака, художник

в соответствии со своей геодезической подготовкой фактически сделал «топографическую привязку», показав на горизонте горы. Солнце на его рисунке кабарги определенно представлено под влиянием этнических мотивов. Следуя предписаниям академической инструкции, экспедиция фиксировала этнографические детали. Гравюры П. Григорьева изображают народные одеяния в мельчайших подробностях, а хозяйственные приспособления и инструменты вычерчены с инженерной точностью. Статистические сведения из области экономики были отражены не менее детально. Например, по Кольваново-Воскресенскому округу были собраны подробнейшие сведения о расположенных там городах, ре-

Корсак (*Canis Korschakovi*). Рисунок П. Григорьева
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 99. Д. 52. Л. 1

ках, деревнях, расписанных по уездам, с указанием их отдаленности и количества домов. Подготовлена сводная таблица со сведениями о количестве плавильных печей, объемах выплавки, расходах угля, времени работы печей и т.д. По отдельным провинциям есть сведения по поставкам соли, плодородности земель, хлебопашестве и урожайности, поголовье и видах домашнего скота, местной торговле, болезнях и местных лечебных травах; данные о количестве и рангах служащих

Кабарга (*Moschus moschiferus*).
Рисунок П. Григорьева
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 99. Д. 52. Л. 2

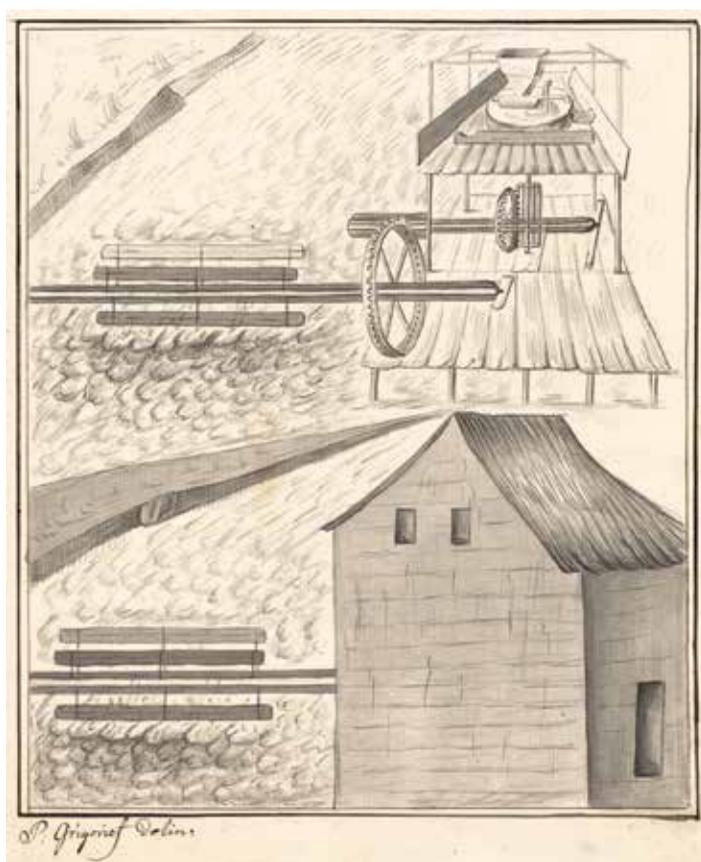
в заводских управлениях, о количестве приказчиков, мастеров, «работных людей»; представлены ведомости церковных объектов. Словом, требования академической инструкции исполнялись самым тщательным образом.

К сожалению, состояние И. П. Фалька ухудшалось. Еще в апреле 1771 г., находясь в Челябинске и готовясь к дальнейшему путешествию в Сибирь, он отправил в академию письмо с описанием своего здоровья: «Едва кто из путешествующих ныне писал даже, как я, да и никто из них не имеет столько причин к извинению, сколько я имею; ибо прошедшей зимы чувствовал лом в голове, обморок, судорогу и лом в костях то попеременно, то все вдруг. Когда казалось, что я выздоровел, то тогда же принимался писать, но опять возвращались все припадки немедленно, и сколько раз я делать это ни начинал, то всегда приключалась мне болезнь...» Это состояние продолжалось два месяца и не давало отправиться дальше в путь. 23 июня 1771 г. И. П. Фальк еще находился в Челябинске: «Продолжительная лихорадка по сие время задержала меня в Челябе, и недавно миновалась. <...> Во время лихорадки моей упражнялся я в собирании и описывании здешних стадовых и других птиц и в примечании весенних трав. Когда мне рассказывали нечто, примечания достойное, то посылаю я [господина] Георгия в небольшие поездки. Он всегда исполнял порученную ему должность с прилежанием и с таким искусством, какого академия от него ожидает».

В 1772 г., когда экспедиция находилась уже в Томске, И. П. Фальк и И. И. Георги получили отдельные распоряжения от Академии наук: И. П. Фальк со своим отрядом должен

Охотничьи силки. Рисунок П. Григорьева
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 99. Д. 58. Л. 7

Мельница. Рисунок П. Григорьева
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 99. Д. 58. Л. 9

был прекратить путешествие и вернуться в Санкт-Петербург (хотя в соответствии с согласованными с П. С. Палласом планами он намеревался доехать до Енисейска). В Сибири оставался только И. И. Георги с предписанием отправиться к П. С. Палласу, который определил ему свою область исследований на 1772 г., — район озера Байкал.

В соответствии с распоряжением в марте 1772 г. И. П. Фальк двинулся в обратный путь. Он добрался до Казани, остановился там на зимовку, а летом-осенью 1773 г. предпринял путешествие до Астрахани и обратно и решил переждать в Казани еще одну зиму. Но зима выдалась непростой, болезнь усиливалась, и финал жизни И. П. Фалька оказался трагическим: 31 марта 1774 г., находясь в Казани, в приступе болезни он покончил жизнь самоубийством. В это время его спутник И. И. Георги также прибыл в Казань. В письме к И. А. Эйлеру И. И. Георги так описывал состояние своего товарища в последние дни его жизни: «В Казани нашел я, к моему сожалению, господина профессора Фалька в бедственном состоянии. С нового году мучим он был сухим и мокрым почечуем, мучился также животом, имел жестокую в голове боль и одержим был ломной боли припадками. С нового году почти ничего не ел. С неделю времени лежал он в постеле с лихорадкою и так высох, что одни кости остались. Глаза так страшны были, что я ужаснулся; но люди сказали, что это уже давно так... Ни один человек не приходил уж к нему более, приметив в том его неудовольствие. Меня он мог терпеть, держивал меня за полночь и весьма просил посещать его почаще.

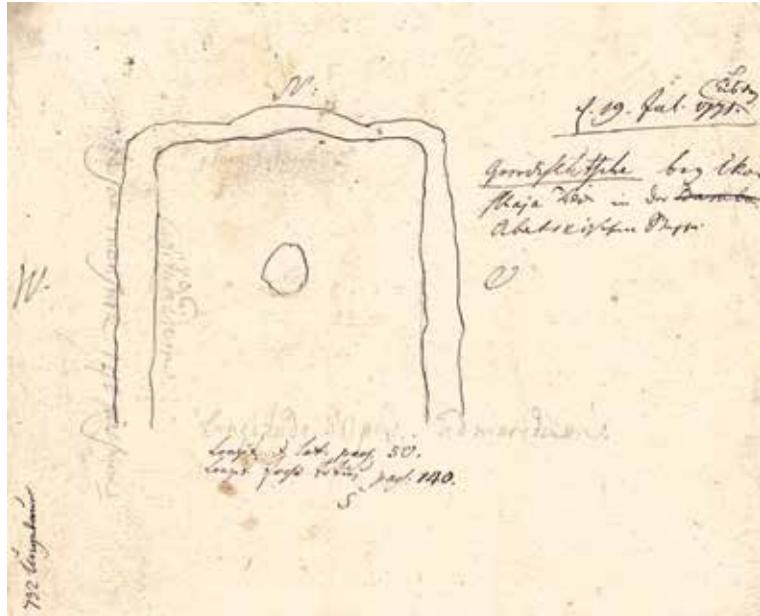
30-го марта был я в третьей раз у него до 11 часов вечера... Он мыл ноги, жаловался на все свои телесныя страдания... <...> После меня был у него егерь до 1 часу. Он ходил взад и вперед и дельным образом принуждал егера итти домой. <...> 31 числа, поутру в 9 часов призвали меня к господину профессору... А вскоре потом прибежал студент Барданис с плачем, объявляя, что он умер, и тем больше достойно сожаления, что он застрелился. <...> ...Как принесла девка чайную воду, то застала своего господина, что он, стоя у кровати, упал на стул и из него идет кровь и он совсем без дыхания. Никто не слышал выстрелу. Под ним лежала бритва, которою он резал себе с одной стороны шею, и пагубный пистолет, а подле его с фунт пороху...»

И. И. Георги добился опечатывания вещей И. П. Фалька, составил их опись, занялся их продажей и подготовкой к отправке в Санкт-Петербург того, что принадлежало Академии наук. Он стоял на врачебном освидетельствовании и узнал от лекаря, «что сей несчастный долгое время был в ипохондрии». Замечание о «наследстве» И. П. Фалька гласило: «Трудно бы кому другому сделать так мало наружных приутовлений к своей смерти, как Фальк сделал. Все до последней вещи было, как обыкновенно»⁷². Бумаги и имущество И. П. Фалька, оставшиеся в беспорядке, и внезапный финал экспедиции потребовали принятия специальных мер. И. И. Георги начал заниматься оставшимся имуществом И. П. Фалька (экспедиционные деньги, научные материалы и пр.), в то время как П. С. Паллас позаботился о судьбе участников экспедиции К. Клейна и С. М. Кашкарева.

---

⁷² СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 35. Д. 16. Л. 110—112, 113—117.

И. П. Фальк.
Путевые записи
с градусными измерениями
и схемой. 1771 г.
СПбФ АРАН. Р. 1. Оп. 99.
Д. 20. Л. 1

Опись и передача принадлежавшего умершему имуществу и научного наследия продолжалась до 1775 г. Дело И. П. Фалька было под надзором Казанской губернской канцелярии, одновременно в Академии наук была создана специальная комиссия. И. И. Георги лично составил «Реестр от г[осподина] профессора И. П. Фалька оставшихся академических вещей...», которые на четырех повозках он отправил из Казани в Москву к Г. Ф. Миллеру, а затем уже в Санкт-Петербург: всего 19 ящиков (сундуков и коробок) с минералами (в том числе один ящик с коллекцией П. С. Палласа из Сибири), чучелами, спиртовыми препаратами, гербариями, семенами, один сундук с рукописями; вместе с тем был отправлен ящик с коллекциями самого И. И. Георги и «сундучок» от С. М. Кашкарева. Часть доставленного груза была передана в Кабинет натуральной истории и Ботанический сад, другая часть (письма, книги, карты и пр.) — в академическую Комиссию.

Вопрос принятия и обработки архива И. П. Фалька комиссия первоначально поручила еще одному известному путешественнику, не так давно вернувшемуся в Санкт-Петербург — академику Эрику Густаву (Кириллу Густавовичу) Лаксману (1737—1796), но И. И. Георги стремился сам заняться этим делом, поскольку «между теми бумагами находятся многие письма, касающиеся до путешествий, которые он предпринимал под предводительством покойного профессора», в том числе сделанные им самим записи и переданные в свое время И. П. Фальку. Комиссия поддержала его просьбу и постановила доставленный из Казани ящик с записями И. П. Фалька передать в архив Конференции, чтобы после отбора официальной корреспонденции отдать остальные записки И. И. Георги.

После И. П. Фалька осталось огромное количество разрозненных записей на шведском, немецком и латинском языках. Работа по их прочтению и систематизации, которую вызвался взять

на себя И. И. Георги, потребовала длительного труда, но в итоге результаты экспедиционных исследований были им опубликованы на немецком языке на средства Петербургской академии наук⁷³. На русском языке «Записки путешествия академика Фалька» были изданы значительно позже⁷⁴. Так, история второго оренбургского отряда явила пример товарищества и истинной научной солидарности.

Оренбургский отряд Петра Симона Палласа (1768—1774): Оренбургский край, Сибирь

Пётр Симон Паллас был центральной фигурой «физических» экспедиций Петербургской академии наук. «...В юности он стремился в далекие и неизученные области Земли, — писал биограф ученого А. К. Сытин, — и мечтал увидеть мыс Доброй Надежды и Индию. Однако ему было суждено измерять пройденный путь не морскими милями, а российскими верстами»⁷⁵. Гений П. С. Палласа рано обратил на себя внимание петербургских академиков: к началу «физических» экспедиций ему было только 26 лет.

Стремительный научный рост молодого ученого, уроженца Берлина, был определен фундаментальным образованием. Отец П. С. Палласа, профессор берлинской Медико-хирургической коллегии, обеспечил сыну прекрасную классическую подготовку в домашних условиях. Затем юноша получил разностороннее медицинское

П. С. Паллас. С гравированного портрета работы К. Гейслера (1802 г.). Рисовальщик Г. Глушков; резчик по дереву И. Матюшин. Из статьи: А. Сонцов. Паллас в Крыму // Древняя и новая Россия. 1876. Т. 1. № 3. Между с. 288 и 289

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-П. Д. 17

и естественнонаучное образование в Медико-хирургической коллегии, а позже в университетах Галле, Гёттингена и Лейдена. Итогом в 1760 г. стала диссертация доктора медицины, посвященная кишечным паразитам. 18-летний Паллас в своем докторском сочинении решительно дискутировал с европейской знаменитостью, самим Карлом Линнеем. «Остепененный» молодой ученый приступил к работе с естественнонаучными коллекциями: сначала в Лейдене, затем в Англии и Голландии. Вскоре имя П. С. Палласа

⁷³ Falk J. P. Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. Bd. 1—3. SPb., 1785—1786.

⁷⁴ Записки путешествия академика Фалька / пер. П. Петрова. СПб., 1824 (Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою академиею наук по предложению ее президента. Т. 6); Дополнительные статьи к запискам путешествия академика Фалька / Пер. [П. Петрова]. СПб., 1825 (Там же. Т. 7).

⁷⁵ Сытин А. К. Петр Симон Паллас — ботаник. М., 1997. С. 4.

получило известность среди европейских ученых, в 1764 г. он был избран членом Лондонского королевского общества, а также Римской академии естествоиспытателей.

Обсуждая проект «физических» экспедиций, Петербургская академия наук проводила подбор кандидатур европейских ученых, которые могли бы возглавить естественнонаучные отряды. Профессор из Лейпцига К.Г. Людвиг рекомендовал молодого немецкого ученого П. С. Палласа, у которого к тому времени в Гааге вышли два зоологических труда («Elenchus zoophytorum», «Miscellanea zoologica»); ту же кандидатуру поддержал почетный член Петербургской академии наук, берлинский философ И. Г. С. Формей. В конце 1766 г. П. С. Паллас получил приглашение на работу в России, и в июле 1767 г. он с молодой супругой и дочкой прибыл в столицу империи, где стал профессором естественной истории. Академия определила ему солидное жалование 800 руб. в год и назначила куратором Натурального кабинета Кунсткамеры⁷⁶. Уже через год ученый отправился в составе «физических» экспедиций в свое шестилетнее путешествие в Сибирь.

Участием в «физических» экспедициях не ограничились странствия П. С. Палласа по российским просторам; вторую половину жизни он с вдохновением изучал Северный Кавказ, Новороссию и Тавриду: сначала в ходе короткого путешествия (1793—1794), затем на протяжении 15 лет постоянного пребывания в Крыму (1795—1810). В 1810 г. П. С. Паллас вернулся на роди-

ну, в Берлин, где скончался в сентябре 1811 г., не дожив двух недель до своего 70-летия.

В 1767 г. Академия наук смогла убедить не только в выдающемся исследовательском таланте молодого ученого, но и в его прекрасных организационных способностях, в результате чего он стал одной из центральных фигур в подготовке «физических» экспедиций, ставивших своей целью комплексное изучение территорий Российской империи. «Для проведения столь широких организационных мероприятий по подготовке и снаряжению экспедиций и руководства ими, — подчеркивал В. И. Осипов, — требовались молодые, энергичные и в то же время компетентные специалисты. П. С. Паллас, как никто другой, соответствовал этим критериям»⁷⁷.

П. С. Паллас стал фактическим куратором трех оренбургских отрядов, составив для каждого из них детальный путевой план, хотя в дальнейшем маршруты приходилось корректировать, уступая капризам погоды или стремясь расширить площадь охваченной территории. В начале путешествия П. С. Паллас встречался с руководителями других отрядов при пересечении их маршрутов: в 1768 г. с И. И. Лепёхиным в Москве и Владимире, в 1769 г. с обоими отрядами в Новодевичьем и с И. И. Лепёхиным в Гурьеве; в Великом Новгороде П. С. Палласу удалось застать И. А. Гюльденштедта. Он и в дальнейшем поддерживал связь с коллегами с помощью переписки. Письма отправляли в канцелярии тех городов, куда должны были прибыть

⁷⁶ Абайдулова А.Г. Петр Симон Паллас и Натуральный кабинет академической Кунсткамеры последней трети XVIII века: к 280-летию ученого // Кунсткамера. 2021. № 4(14). С. 222—234.

⁷⁷ Научное наследие П. С. Палласа (Письма. 1768—1771 гг.) / сост. В. И. Осипов. СПб., 1993. С. 8.

другие отряды; а если отряды находились неподалеку, посылали нарочного.

В отряд П. С. Палласа (первый и основной) вошли три студента: Антон Вальтер и два будущих академика — Василий Фёдорович Зуев (1754—1794) и Никита Петрович Соколов (1748—1795). Рисовальщиком был Николай Дмитриев, чучельником — Павел Шумский. Начальную часть пути стрелка в отряде не было, некоторых животных и рыб добывал Павел Шумский. С отрядом из Санкт-Петербурга выехал Николай Петрович Рычков (1746—1786), сын члена-корреспондента Петербургской академии наук Петра Ивановича Рычкова (1712—1777), который совершал самостоятельные поездки и затем издал их результаты: «Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства» (1770—1772), «Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкую степь в 1771 г.» (1772). В 1772 г. он возглавил Ахтубский шелковый завод.

Из северной столицы отряд П. С. Палласа выдвинулся 21 июня 1768 г. и до наступления зимы прошел через Великий Новгород, Тверь, Москву, Владимир, Арзамас и Пензу, став на зимовку в Симбирске. Первые несколько дней до Новгорода П. С. Паллас ехал спешно, останавливаясь только для того, «чтобы сменить лошадей и починить очень ветхие экипажи. <...> Из-за жары все экипажи так разошлись, что в них уже не осталось ничего прочного, а оси горели всякий раз, как только мы прибавляли немного ходу»⁷⁸. Изучение окрестностей началось уже в Новгороде со сбора гербария совмест-

но с И. А. Гюльденштедтом. Исследовательские работы проводились постоянно, а первая посылка в Академию наук минералогических образцов была осуществлена уже в июле из Москвы. В Москве П. С. Паллас встретился с Г. Ф. Миллером и получил от него как опытного путешественника и организатора экспедиционных работ ценные наставления; в дальнейшем во время путешествия между ними происходил обмен письмами, которые были важны для П. С. Палласа ценными советами и поддержкой знатока академических нравов.

Дорога до Москвы была наполнена небольшими открытиями. Так, в селе Медное П. С. Паллас мог наблюдать «маленькую достопримечательность физического свойства» — ледяную прослойку под водой на болотистом выгоне, которая сохраняется все лето, несмотря на то что этот участок ничем не затенен. Не всегда, однако, перегоны давали удовлетворяющую научное любопытство информацию. Так, дорога от Москвы до Владимира разочаровала путешественника, предоставив мало возможностей для ботанических сборов: леса по дороге были редки, началось время покосов. Другая ситуация оказалась за Владимиром — европейского ученого потрясли привычные для русской деревни обычаи: «Глаз, привыкший к экономному отношению к дереву в лесах за рубежом, не может без огорчения смотреть на то, как здесь бездарно опустошают лес, и всякий, бескорыстно радеющий о благе страны, несомненно бы пожелал, чтобы, по крайней мере, запретили повсеместно исключительно вредное и пагубное выжигание деревьев».

---

⁷⁸ Цитаты из рапортов и писем П. С. Палласа представлены в переводе Г. И. Фёдоровой и В. И. Осипова, опубликованном в кн.: Научное наследие П. С. Палласа...

«*Onosma horrida*», «*Onosma longiflora*».
Гербарий с аннотацией П. С. Палласа
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 121. Д. 15. Л. 72

Интересы П.С. Палласа в дороге не ограничивались естественнонаучными объектами. Прибыв в Касимов, бывший в XV—XVII вв. центром Касимовского ханства, путешественник познакомился с татарскими памятниками и крайне встревожился, поспешив отослать раньше запланированного времени рапорт в Академию наук: «Им в ближайшее время грозит полное уничтожение, ежели не будет оказана высокая протекция нашего Сиятельного шефа, на которую я надеюсь, зная о его любви к наукам».

Вскоре сбор трав стал практически невозможен — при приближении к Арзамасу испортилась погода, аномально упала температура: «Не-

бывалый мороз, ударивший в ночь с 8 на 9 августа, покрыл инеем все поля и ледяными иглами воду, так что гречиха, спельта и ячмень большей частью померзли, поле же совсем пожелтело, а цветущие травы все погибли». 13 сентября, когда путешественник был в Пензе, и вовсе пошел снег; в последующие дни по дороге в Симбирск отряд сопровождала непогода, «когда мороз чередовался со снегом, бурей и дождем». Единственное, чего было в избытке из-за прошедших дождей, — грибы, которые по распоряжению П. С. Палласа были зарисованы.

На всем протяжении пути были внимательно осмотрены достойные внимания предприятия: горные и металлургические заводы, рудники

Вьюнок узколистный (*Convolvulus lineatus*).
Рисунок с элементами гербария
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 121. Д. 15. Л. 89

Сибирская косуля
(*Cervus pygargus*, *Capreolus sibiricus*). Рисунок к труду
П. С. Палласа «*Novae species quadrupedum e glirium ordine*» (1778)

СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 121.
Д. 18. Л. 4

и карьеры, мыльный, юфтяной, красильный заводы, поташные фабрики, конный завод и т.д.; путешественник делал многочисленные наблюдения над почвой и минералами. Из живших в Поволжье народов наибольший интерес у П. С. Палласа вызвала мордва — он помнил, что в Кунсткамере одежда мордовских женщин еще не была представлена. Ученый был рад, когда для музея удалось купить «за бесценок мордовский женский праздничный наряд со всеми принадлежащими к нему украшениями и побрякушками». Уже тогда он стал осуществлять языковые наблюдения, которые впоследствии составили существенную часть его научных исследований и принесли ученому

славу редактора многоязычного словаря, изданного по указу Екатерины II⁷⁹.

Когда в середине октября 1768 г. отряд добрался до Симбирска, погода наладилась, и П. С. Паллас, не желая терять времени, решил осмотреть близлежащие районы. Путешественника совершенно очаровали достопримечательности реки Сок — у ее притока речки Байтуган П. С. Паллас обнаружил довольно мощный нефтяной ключ, который он основательно изучил, удивляясь тому, что «теперь, когда все ручьи и реки покрыты толстым слоем льда, на ключе не заметно и следа обледенения». Удивил его и способ использования нефти местным населением (чувашами и татарами), приме-

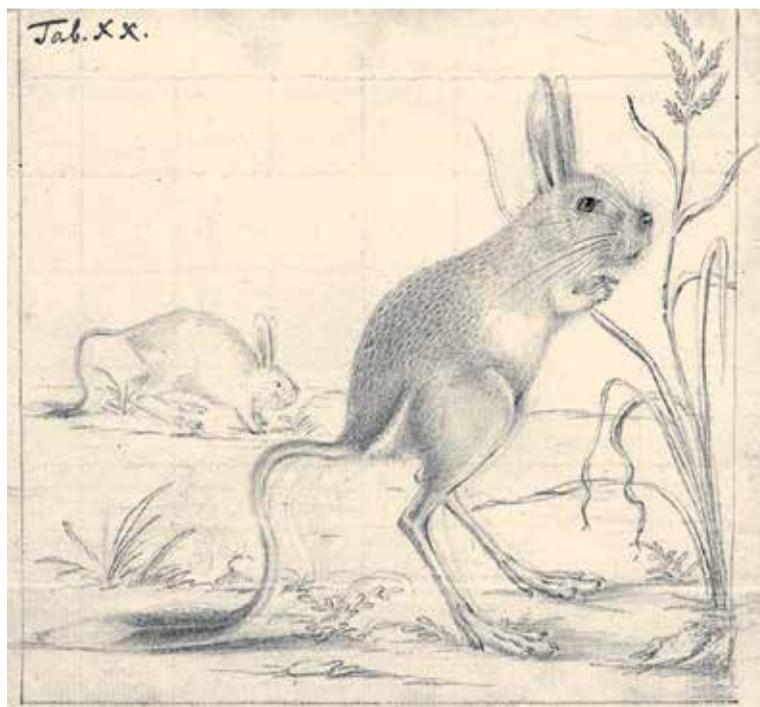
⁷⁹ Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. СПб., 1787—1789.

нявшими это средство против колик, «когда они варят полную ложку смолы в молоке, которое становится от этого, как сливки, и пьют его, благодаря чему должны испытывать довольно сильное опьянение». Путешественник встретил и Молочную речку, сказочность ее названия объяснялась просто: река вытекала из сернистого озера и приобретала белый цвет, который образовывался «от осадочного известнякового вещества, высвобожденного серой», создававшего желеобразную белую оболочку воды.

Зимовка в Симбирске прошла не без научных открытий. Чучельник Павел Шумский был отправлен в Казань «раздобыть кое-каких животных», а на обратном пути открыл залежи угля в горе, на которой стояла деревня Городище. Об угле не знал даже полковник, которому принадлежала деревня. П. С. Паллас высоко оценил горючие качества угля, выяснил, что он может применяться для изготовления

масляных красок, подготовил образцы для Академии и с удовольствием констатировал факт, что сотрудник его отряда стал первооткрывателем этого месторождения. Той же зимой путешественник добыл редкий зоологический экземпляр: губернатор Казани подарил П. С. Палласу «черного, как смоль, зайца». Время и средства были потрачены на покупку антикварных вещиц, монет и пр., также были обнаружены и переправлены в Академию наук удивительные окаменелости.

По мере удаления от столицы П. С. Паллас проявлял тревогу за судьбу экспедиции. 28 декабря 1768 г., отправляя в Санкт-Петербург очередной рапорт, путешественник высказал свою озабоченность: «Прошло вот уже почти шесть месяцев, я отправил в Императорскую академию пять рапортов, но не получил от нее никаких вестей, ни даже ответа на те вопросы, по которым я испрашивал совета и решения. Естественно, меня это приводит в неко-

Тушканчик
(*Mus jaculus*). Рисунок
к труду П. С. Палласа
«*Novae species quadrupedum
e glirium ordine*» (1778)
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 121.
Д. 18. Л. 34

торое замешательство, и я довольно-таки часто впадаю в ипохондрию, опасаясь, что на большем расстоянии обо мне будут вспоминать еще реже. Такая перспектива отнюдь не вдохновляет».

Следующей весной был намечен путь на Уфу, по дороге обследовано Нижнее Поволжье с посещением Самары и Сызрани, Южный Урал и Прикаспий с заездом в Бузулук, Оренбург, Орск, Гурьев; на зимовку отряд остановился в Уфе. Весеннее время при отправке из Симбирска было крайне благоприятно для наблюдений и сборов. Уже первые дни принесли открытия: под Самарой в талых водах П. С. Паллас обнаружил так называемого русского тарантула, которого он считал ядовитыми — до экспедиции такие пауки были известны только в Южной Европе. Собирая образцы, ученый на собственном опыте установил, что их укус, «по крайней мере, сейчас, в весеннюю пору», не опасен, но П. С. Паллас намеревался переслать в академию живые экземпляры, предлагая позже провести с ними опыты «жарким летом, продержав этих пауков долгое время без пищи» и проверить «на животных или на каком-либо преступнике те опасные и вредные свойства, которые им приписывают».

Для путешествия второго года П. С. Палласу удалось нанять себе егеря, и в то лето он подготовил для отправки в Академию чучела животных, а также живые экземпляры. Так, на Яике ему удалось купить несколько сайгаков, которых он отправил живьем для императорского зверинца (в столице этих животных еще не видели). Вместе с ними — «редкого киргизского барана с пятью рогами», описанного в свое время еще Д. Г. Мессершмидтом.

В Гурьеве организованность и дисциплинированность П. С. Палласа были несколько уязвлены. Неожиданно для себя он застал там И. И. Лепёхина, хотя планировал путешествие так, чтобы их маршруты не пересекались. Этим было задето исследовательское самолюбие: «Нет ничего более неприятного, как поделить в конце утомительного путешествия его плоды, а именно, наблюдения и собранные достопримечательности, с кем-то другим, либо же обнаружить, что самое лучшее кто-то себе уже зарезервировал». Вопросы дисциплины казались немецкому ученому не менее важными: «Мне все же сдается, что... благопристойность требует, чтобы господин адъютант составлял свой план не совсем произвольно и не без нашего ведома, я уж не говорю — одобрения. В противном случае всякое старшинство и субординация в Академии теряют силу». Следует отметить, что Академия поддержала недовольство П. С. Палласа, а И. И. Лепёхин позднее признал свою неправоту.

Экспедиционные занятия П. С. Палласа не ограничивались только сборанием и наблюдениями. Южный Урал был крайне интересен руководителям всех трех оренбургских отрядов своими многочисленными соляными источниками и озерами. Кроме того, П. С. Паллас нашел интересные для себя минералы: возле Индерского соляного озера он обнаружил «квасцовые земли» и тут же испытал их качество, поставив опыты сам, а также убедив губернатора отдать распоряжение о проведении исследований оренбургскому аптекарю Данненхауеру. Исследования показали, что из этой земли получают прекрасные квасцы простым способом выщелачивания и выпаривания.

Район Прикаспия был беспокойным местом; собираясь в середине зимы посетить Каспийское море и Яик «для ведения наблюдений во время зимнего лова рыбы», П. С. Паллас был «намерен оставить в этих краях самого толкового из <...> студентов, чтобы в мае месяце, когда на Индерском озере часто бывают казаки и можно спокойно, не опасаясь киргизов, путешествовать вдоль берегов по многу дней, он объехал бы его вокруг» (этим студентом стал Никита Соколов). Осенью следующего года в письме Г. Ф. Миллеру ситуация была описана еще драматичнее: «Что касается киргизских волнений, то в наших краях положение вовсе не так опасно. Степь Средней орды совершенно опустела, все ушли в гористую местность между Ишимом и Иртышом <...>. Гораздо более беспокойно на Оренбургской линии и у яицких казаков. Там Малая орда, сильно потрепанная прошлым летом калмыками, бесчеловечно грабит и убивает, так что яицкие казаки всерьез полагают, что настал их судный день». Еще более тревожные известия посылал П. С. Паллас весной 1771 г. из Челябинска, когда относительно близко столкнулся с Торгутским побегом калмыков.

Другого рода неприятности были связаны с поездками в осеннюю непогоду: «Как раз в день моего отъезда из Яицкого городка, 22 сентября, еще до сих пор державшаяся сносная погода сменилась сильной грозой, сопровождаемой настоящим ливнем. После этого ударил крепкий мороз со снегом и инеем, который стоял до моего приезда в Уфу 2 октября. Чередясь с еще более неприятной оттепелью, он, наряду с осенней хворью, вызванной неласковой погодой, послужил причиной того, что я изо всех сил

стремился как можно быстрее сюда добраться. <...> Когда же я совершил небольшую поездку по ту сторону Белой в Воскресенскую медеплавильню, то подвергся многим опасностям из-за разлившихся горных рек <...> и едва смог вернуться назад». Неудивительно, что через три недели после прибытия в Уфу П. С. Паллас все еще был болен и должен был оставаться дома.

В феврале 1770 г. П. С. Паллас все более беспокоился о состоянии И. П. Фалька, отправил сообщение о нем в Академию и писал Г. Ф. Миллеру: «Бедный господин Фальк <...> в настоящее время в Царицыне и пребывает в таком унынии, что полученное мною от него письмо пробудило бы сострадание у кого угодно, не говоря уж о друге. Я прилагаю все усилия, чтобы привезти его к нам в Оренбургскую губернию и прогнать владевшую им грусть и ипохондрию. Какой бы получился разительный контраст, если бы собрали вместе деятельного... профессора Ловица, веселого господина Гмелина и беднягу Фалька!»

Из Уфы П. С. Паллас намеревался отправиться в Тобольск или Тару через Екатеринбург, однако сильный весенний паводок изменил его планы, и с места зимовки он мог выдвинуться лишь в мае. П. С. Паллас поехал в Челябинск, откуда совершил поездку по уральским заводам и рудникам (по территории нынешней Свердловской обл.) и к сентябрю вернулся обратно. В Челябинске путешественнику удалось наблюдать явление, которое он описал как северное сияние; оно было зафиксировано 6 сентября, после чего установилась «необыкновенно приятная погода». Однако насладиться ею в полной мере П. С. Палласу не удалось, так как весь сентябрь он не мог

Робиния древовидная (*Robinia ferox*).
Рисунок к труду П. С. Палласа
«Reise durch verschiedene Provinzen
des Russischen Reichs» (1801)
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 121. Д. 23. Л. 4

выйти на улицу из-за болезни глаз. Свое недомогание он компенсировал за счет энергичных спутников: вернувшийся с берегов Яика и Каспийского моря Никита Соколов, исследованиями которого ученый остался исключительно доволен, был откомандирован для описания соляных озер между Исетью и Уем. Это задание он вновь выполнил со всей ответственностью. П. С. Паллас не упускал случая, чтобы «наилучшим образом засвидетельствовать Императорской академии наук усердие и прилежание студента Никиты Соколова».

В Челябинске самостоятельное поручение получил и второй студент, будущий адъютант по натуральной истории (1779), затем профессор (1787) Петербургской академии наук Василий Фё-

дорович Зуев (1754—1794), которого руководитель отряда отправил с немногочисленным сопровождением в г. Березов. П. С. Паллас дал своему ученику «наставления и на тот случай, если он сочтет возможным за время летнего путешествия дойти до Ледовитого моря, которого еще не видел ни один естествоиспытатель». Там же, в южноуральском городе, П. С. Палласа застало известие о смерти отца. Он признавался, что был уже готов к этому, хотя и безвременному, уходу. Это была чувствительная потеря для путешественника, и он был близок к тому, чтобы вернуться из экспедиции, пока была жива его мать (мать П. С. Палласа скончалась в 1790 г., когда он уже жил в Санкт-Петербурге).

Из Челябинска П. С. Паллас совершил поездку в Тобольск, чтобы получить жалованье, а по дороге осмотреть местность: «Я был в Тобольске и видел придворную жизнь сибирского губернатора. Поскольку я не люблю писать ничего, кроме правды, а о людях охотно пишу только хорошее, то позвольте <...> промолчать о Тобольске».

Сибирские планы П. С. Палласа были поначалу относительно скромными, хотя сам путешественник и считал их достаточно широкими: он планировал дойти до верховий Енисея и оттуда через Пермь и Казань вернуться в Санкт-Петербург. Сибирское путешествие ученый готовил заранее и тщательно, еще в первый год своей поездки попросив Академию наук выслать ему опубликованные труды участников Второй Камчатской экспедиции, а также третий и четвертый тома рукописных дневников Д. Г. Мессершмидта, где описано его путешествие 1724 и 1725 гг. от Иркутска до Нерчинска и обратно вплоть до Самарова Яма (ныне Ханты-Мансийск). Очевидно, П. С. Пал-

лас рассматривал и возможность более дальнего маршрута. В письме Г. Ф. Миллеру он сетовал, что Академия не присылает ему сибирские описания Э. Г. Лаксмана, который, находясь на Колыванских заводах в 1764—1769 гг. в статусе члена-корреспондента Петербургской академии наук, осуществлял естественнонаучные наблюдения: «Быть может, опасаются, что тогда я поумнею и с большей пользой употреблю время в верховье Иртыша и в местах, где бывал г. Л[аксман], и полагают, что этого не случится, ежели я не прочитаю его труда». В письмах к Г. Ф. Миллеру младший коллега был откровенен и делился, например, своими мечтами осуществить по примеру Г. В. Стеллера путешествие на Камчатку и прославить эти края на весь мир. В планы П. С. Палласа продвинуться вглубь Сибири вмешалась Академия наук, которая в начале 1771 г. выразила желание о продлении пути как минимум до Иркутска, и с «благословения» Г. Ф. Миллера путешественник решил на это.

Одновременно П. С. Паллас озвучил Академии то, о чем мечтал еще первый сибирский путешественник Д. Г. Мессершмидт, предложив план корректировки маршрута: «В новых соглашениях предусмотрена... отправка ежегодных караванов в китайскую столицу Пекин, и Императорская Академия наук лучше меня понимает, какую важную и разнообразную пользу для науки и Империи может принести внимательный и сведущий путешественник, сопровождающий эти караваны». Им был представлен план возможного китайского путешествия. Но П. С. Паллас в Китай не попал, ему предстояло пройти далее по Сибири практически тем же маршрутом, что и Д. Г. Мессершмидту. Точкой пересече-

чения маршрутов явился Красноярск, куда П. С. Паллас прибыл в конце сезона 1771 г., ровно через 50 лет после прибытия в этот город Д. Г. Мессершмидта.

До отъезда из Челябинска П. С. Палласа ждал приятный сюрприз, в марте 1771 г. он поделился с Г. Ф. Миллером своей радостью: «Позавчера сюда прибыл на радость мне и к ужасу моей ипохондрии господин Георги, которого профессор Фальк несколько дней тому назад отправил в путь по почтовому тракту. Этот славный человек <...> заслуживает самой высокой похвалы; и, если бы я всем сердцем не желал, чтобы он состоял при бедняге Фальке, то я был бы не прочь и сам иметь такого компаньона. Если бы он не источал вокруг себя атмосферу радости, то и тогда он был бы для меня бесценен,

Спирея алтайская (*Spirea altaica*).
Рисунок к труду П. С. Палласа
«Reise durch verschiedene Provinzen
des Russischen Reichs» (1801)
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 121. Д. 23. Л. 2

ибо я опять получил возможность говорить о науке».

За полевой сезон 1771 г. отряд П. С. Палласа дошел до Красноярска, но на старте нового путешествия не обошлось без потерь. Весь экспедиционный отряд с середины апреля занемог; чучельник Павел Шумский еще зимой заболел цингой, болезнь в дороге усугубилась, и по дороге в Омск он умер в Суерском остроге «от воспаления в животе». Заменить его в экспедиции смогла его вдова, которая оказалась искусной мастерицей в изготовлении чучел, поэтому П. С. Паллас хлопотал о сохранении за ней жалования умершего мужа. Прошедшая зима выдалась нелегкой и для самого руководителя отряда, который мучился долго не заживающим нарывом на руке, не позволявшем ему работать и делать записи в необходимом объеме.

Из Омска экспедиции приходилось выбирать путь в обход опасных районов, где бесчинствовали «киргизы из Средней орды». Пройдя через крепости Иртышской оборонительной линии, отряд посетил Змеиногорск и Барнаул. В последнем городе П. С. Палласу наконец удалось встретиться с совершенно больным И. П. Фальком, прибывшим туда незадолго до приезда немецкого коллеги. Здесь П. С. Паллас вручил И. П. Фальку письмо Академии наук с требованием вернуться в Санкт-Петербург, и одновременно дал совет, которому шведский путешественник последовал: снять зимнюю квартиру в Томске, чтобы выезжать в сторону дома уже весной, по последнему санному пути. И. И. Георги получил приказ перейти в отряд П. С. Палласа, однако изъявил желание остаться на зиму с И. П. Фальком; студенты отправились в путь с П. С. Палласом.

Следующим пунктом был Томск, а оттуда путешествие продолжилось в сторону Абаканского острога, в котором ученый собирался перезимовать, но не нашел подходящей квартиры, а потому продолжил путь до Красноярска, куда в отсутствие проезжей дороги вдоль Енисея должен был сплавиться на плотах. Это путешествие обострило все недомогания П. С. Палласа, накопленные за время долгого и сложного пути. Ко времени сплава по Енисею молодому естествоиспытателю исполнилось 30 лет, однако он жаловался на свое плохое самочувствие своему доверенному лицу — Г. Ф. Миллеру: «...тамошняя погода подействовала на меня так, что я опять разболелся и у меня сильные ревматические приступы. Из-за головной боли, болей в плечах и спине я нередко целыми днями не могу написать ни строчки. Плечи мои онемели, а правой рукой я не в силах поднять пяти фунтов. Одним словом, я стал средоточием всех недугов...»

Из Красноярска ученый планировал дальнейшее путешествие в Иркутск, а затем по «монгольской степи, хотя бы только до Аргунска». В Нерчинск и Аргунскую степь через Селенгинск П. С. Паллас планировал отправить и Никиту Соколова, чьими способностями он все больше восхищался и без чьей помощи не мыслил своих исследований. В то же время П. С. Паллас мечтал вернуться в степи Яика и Волги, так как понимал, что может там найти для себя еще много интересного.

В целом, его планы реализовались. В течение 1772 г. П. С. Паллас совершил путешествие по Восточной Сибири; пройдя Иркутск и Листвянку, изучив окрестности Байкала и перейдя по его весеннему, но еще абсолютно на-

Монгольская юрта. Гравюра из книги: Pallas P. S. *Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolische Völkerschaften*. SPb., 1776. Т 1. Tab. II

дежному льду до Нижнеудинска, посетил Селенгинск и Кяхту, а затем дошел до практически неизведанной Даурии, исследовал окрестности Читы, важнейшие забайкальские реки Селенгу, Чикой, Хилок, Онон, Или, Туру (приток Ингоды). К зиме через Саяны, Минусинск и Абаканский острог он вернулся в Красноярск, где вновь задержался до весны. Именно это сибирское путешествие стало тем «фирменным знаком», который отличает исследования его команды по сравнению с другими отрядами «физических» экспедиций. Путешественник оказался в тех местах, где до него ученые бывали лишь дважды: полвека назад — Д. Г. Мессершмидт, три десятилетия назад — участники Второй Камчатской экспедиции.

Как и на прочих этапах путешествия, исследования в Забайкалье носили комплексный характер. Помимо природы ученому были интересны история и хозяйство края, он встретился с новыми народами, их традициями и занятиями, знакомился с их языками. Оказавшись в девственных местах, П. С. Паллас впервые географически описал Яблоневый хребет, определив его значение как часть мирового водораздела, изучил озера Арахлей, Шакша и Иргень, долины забайкальских рек. Именно забайкальские материалы были положены в основу разработанной им новой для того времени, но признанной сегодня науки — зоогеографии⁸⁰.

В самом начале 1773 г. путешественник отправился в Поволжье, куда так

⁸⁰ Юргенсон Г. А. П. С. Паллас — ученый энциклопедист // П. С. Паллас и его вклад в познание России. Чита, 2011. С. 5—11.

Буддийские статуэтки. Гравюра из книги: Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб., 1773. Табл. Ха

стремился вернуться. Эта поездка ознаменовалась встречей П. С. Палласа с поволжским немцем Иоганном Иеригом (1747—1795). Тот в 1769 г. прибыл в немецкую колонию Сарепту, но был изгнан из общины за тесные связи с местным калмыцким населением, поскольку строгие в своих нравах сарептяне-гернгутеры старательно ограждали себя от влияния поволжских язычников. Живя в поволжской степи, И. Иериг прекрасно изучил

не только быт местных народов, но и их языки; в этих знаниях П. С. Паллас оказался крайне заинтересован, поэтому включил молодого человека в свой отряд и ходатайствовал перед Академией наук о принятии его на службу в качестве переводчика. По заданию Академии и иркутского генерал-губернатора И. Иериг предпринял ряд поездок, побывал в Забайкалье, описал путь от Тобольска до Кяхты, от Селенги до Иркутска, изучал бурят и при-

роду Забайкалья, приобретал книги и рукописи для академической библиотеки и т.д. Этот самоучка не получил научного признания в Академии наук, но внес важный вклад в изучение монгольских и тибетского языков и монголоведения вообще. П. С. Паллас в своем сочинении «Собрание исторических известий о монгольских народах», изданном на немецком (1776, 1801) и русском (1778) языках, опирался на материалы своего протеже⁸¹. Благодаря своей драматичной судьбе и жизни, наполненной приключениями и открытиями, И. Иериг стал прототипом героя романа К. Швейцера «Johann Jährig» (2008).

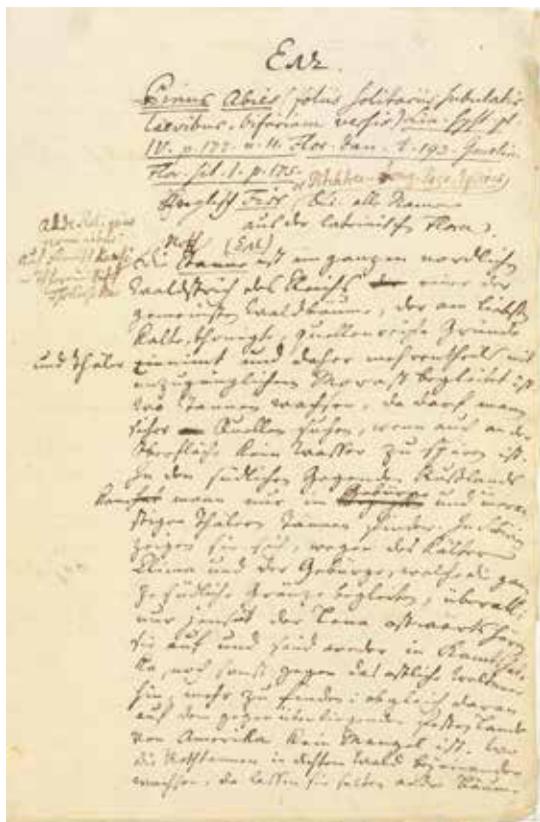
В итоговых работах П. С. Палласа нашли отражение и материалы его студентов. Никита Соколов завершил свои экспедиционные поездки по Сибири в Забайкалье, дойдя до районов рек Аргунь, Нижняя и Средняя Борзя; в Селенгинске он встретился с Иваном Быковым, прикомандированным к П. С. Палласу из отряда И. П. Фалька, с которым в начале следующего года отправился в Поволжье. Василий Зуев, как и планировал П. С. Паллас, в 1771 г. продвинулся далеко на север, дойдя до Карской губы. Из этой экспедиции студент вернулся с большой поклажей, привезя ботанические, орнитологические, ихтиологические коллекции, ископаемые кости и раковины и даже живого белого медвежонка. Затем он провел самостоятельную поездку вниз по Енисею. Другой студент из отряда И. П. Фалька, отправленный к П. С. Палласу и затем прикомандированный к И. И. Георги, Степан

Кашкарев, весной и летом 1772 г. занимался ботаническими сборами в районе Красноярска и верховьях Енисея. В Санкт-Петербург С. М. Кашкарев возвращаться не стал, он остался в Сибири и занимался врачеванием местных народов.

Что касается будущего академика И. И. Георги, то он проводил самостоятельные исследования. Когда И. П. Фальк отправился из Томска в обратную дорогу, И. Г. Георги и подштурман Алексей Пушкарев сформировали самостоятельный отряд, организационно подчинявшийся П. С. Палласу. Отряд проводил свои исследования в течение трех лет: в 1772 г. это был район Байкала, где А. Пушкаревым была составлена новая точная карта Байкала; в 1773 г. И. И. Георги изучал экономику Тары, Тобольска и вел наблюдения по уральской реке Чусовой; в 1774 г. он был в Поволжье, где и узнал о смерти И. П. Фалька. Результаты его исследований впечатляют не меньше, а коллекция минералов (почти 400 образцов) стала ядром музея кафедры минералогии Санкт-Петербургского университета. Благодаря И. И. Георги существует карта академических экспедиций XVIII в., которую он опубликовал в издании материалов И. П. Фалька⁸². Большой популярностью пользовался этнографический материал И. И. Георги из опубликованного им иллюстрированного труда «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамят-

⁸¹ Дюльденко А.А. Иоганн Иериг: исторический портрет представителя российской академической науки второй половины XVIII века. Ставрополь, 2017.

⁸² Falk J.P. Beiträge zur topographischen Kenntniß des Rußischen Reichs. Bd. 1. SPb., 1785.

П. С. Паллас. Страница рукописи
«Флора России» («Flora Rossica»)
СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 121. Д. 5. Л. 12

Д. Р. Ничманн. Виньетка для титульного
листа труда П. С. Палласа
«Zoographia Rosso-Asiatica». Акварель.
Не позднее 1783 г.
СПФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1. Д. 140. Л. 15

ностей», который вышел на русском, французском и немецком языках.

Экспедиционный отряд П. С. Палласа вернулся в столицу последним, 30 июля 1774 г. Полученный им материал был впечатляющ и имел огромный научный потенциал. Богатейшие путевые наблюдения П. С. Палласа легли в основу его сочинений⁸³, вскоре получивших мировую известность. Ими и по сей день пользуются специалисты разных областей знаний. Не будет преувеличением сказать, что П. С. Паллас

и сегодня входит в число наиболее цитируемых авторов XVIII в.

Сам П. С. Паллас с большим вниманием изучал труды предшественников, scrupulously цитировал их описание и стал первым, кто обнаружил фрагменты дневников Д. Г. Мессершмидта. П. С. Паллас принял участие в подготовке к публикации материалов погибших в экспедициях И. П. Фалька и С. Г. Гмелина, а также рано ушедшего из жизни И. А. Гюльденштедта. После окончания «физических» экспедиций П. С. Паллас фактически продолжил научное руководство своими оренбургскими отрядами в части обнаружения полученных ими научных результатов.

⁸³ Кёппен Ф. П. Ученые труды П. С. Палласа. СПб., 1895.

ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

ОТ АЛЕКСАНДРА I ДО НИКОЛАЯ I

С последним дворцовым переворотом ушел в прошлое век «осмнадцатый». Утром 12 марта 1801 г. столица узнала о смерти императора Павла I. Вместе со всей страной Академия наук вступила в полувековую эпоху правления сыновей Павла — Александра, взявшего Париж, и Николая, проигравшего Крымскую войну. С восшествием на престол Александра I (1801—1825) во всех сферах жизни начались серьезные перемены. Затронули они и государственную политику в области науки и образования. На Александра смотрели как на «всероссийского протектора наук». Президентом Академии в это время был барон Генрих Людвиг (Андрей Львович) фон Николаи (1737—1820). Один из образованнейших людей своего времени, он был воспитателем и библиотекарем Павла I. Поэтому после воцарения Александра I его отставка была предreshена.

В 1802 г. в ходе общей реформы органов управления было создано Министерство народного просвещения. Вскоре началась масштабная учебная реформа, была введена единая система образования, учреждены новые университеты, которые становились ядром учебных округов во главе с попечителями. Стратегию реформы определяло

А. Л. фон Николаи. Фотокопия портрета маслом, скопированного академиком живописи И. А. Тюриным в 1884 г. с оригинала И. Б. Лампи СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Н. Д. 90. Л. 1

Главное правление училищ, где Академию наук представляли ее конференц-секретарь Николай Иванович Фус (1755—1825) и академик Николай Яковлевич Озерецковский (1750—1827). Фус имел веские основания утверждать: «Все новые регламенты от Академии до приходских школ — по большей

Н. Н. Новосильцев. Фотокопия с портрета
маслом С. С. Щукина (1808)
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Н. Д. 89. Л. 1

части моя работа»⁸⁴. Озерецковский тоже стал крупным деятелем реформы народного образования и имел влиятельный голос в Министерстве народного просвещения.

Попечителем Санкт-Петербургского учебного округа стал статс-секретарь императора, член Негласного комитета Николай Николаевич Новосильцев (1761—1838) — наиболее способный из «молодых друзей» Александра I. Для удобства управления попечитель округа становился президентом Академии наук (до создания Санкт-Петербургского университета во главе столичного учебного округа находилась Академия наук).

14 февраля 1803 г. Новосильцев получил назначение президентом Акаде-

мии наук, которая в то время находилась в глубоком кризисе. В плачевном состоянии пребывали академические учреждения, заметно сократилась научно-исследовательская работа, замерла экспедиционная деятельность, были запутаны финансовые дела. Академия «неприметным образом истаивала» и едва сохраняла слабую тень своей прежней славы. Как нередко бывает в кризисное время, опору и оправдание своего существования Академия наук искала в своем прошлом. Едва ли не единственным научным предприятием было издание научного наследия Леонарда Эйлера под редакцией его ученика и зятя Н. И. Фуса, который своей деятельностью поддерживал затухающую жизнь Академии.

25 июля 1803 г. император утвердил новый Регламент (устав) и Примерный штат Академии наук: она вошла в состав Министерства народного просвещения и получила новое устройство. Академия по-прежнему именовалась «Императорской». Император лично назначал ее президента, что являлось особой привилегией. Однако власть президента была ограничена: он утратил право личного обращения к императору, доклады обо всех важнейших академических делах он представлял через министра народного просвещения.

Регламент объявил Академию наук «первым ученым обществом в империи». Круг ее деятельности, необыкновенно широкий и разнообразный в XVIII в., был существенно ограничен. Академия освобождалась от педагогических функций, не имела ни собственного университета, ни гимназии и в результате утратила прежний вес

⁸⁴ Письмо Н.И. Фуса родителям от 24 января 1803 г. Цит. по: *Мументалер Р.* Швейцарские ученые в Санкт-Петербургской академии наук. XVIII век / отв. ред. Л. И. Брылевская. СПб., 2009. С. 150.

в государственной политике в области образования. Единственной прерогативой Академии осталось воспитание своей научной смены, что выразилось в развитии института академических воспитанников, или элевов. Вспомогательные ремесленные мастерские, или «художества», тоже отошли от Академии наук. Регламент ограничивал деятельность Академии научной сферой и обязывал ее совершенствовать науки, применять результаты своих исследований к практике и обращать «труды свои в пользу России». В круг академических дисциплин вернулись гуманитарные науки.

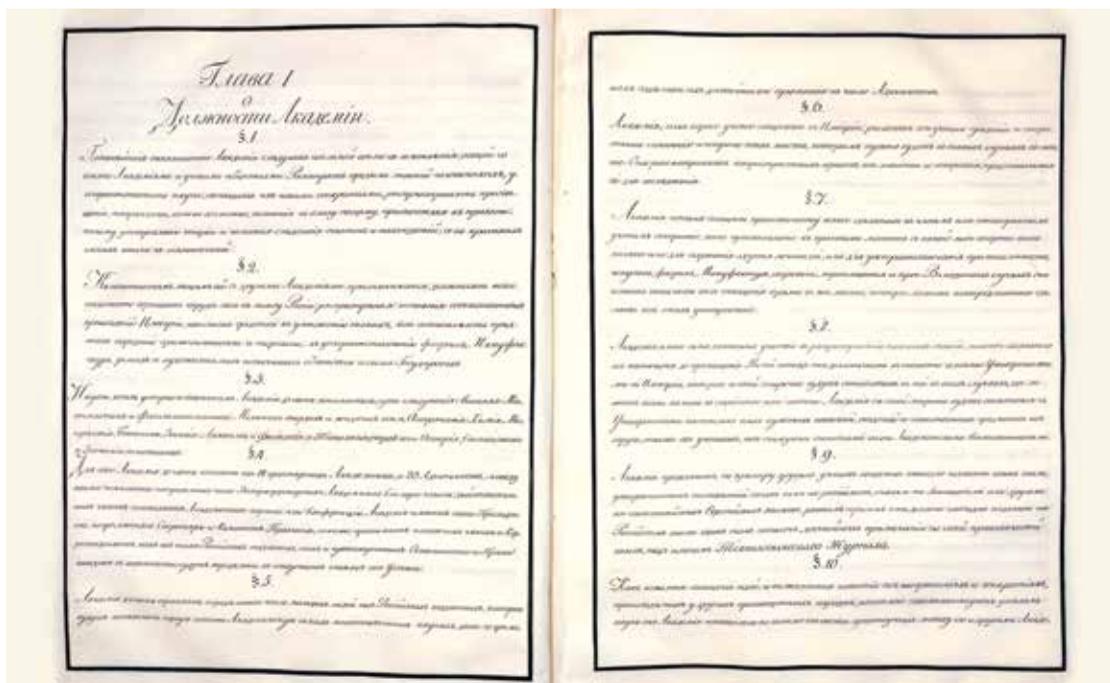
Регламент впервые закрепил конкурсный принцип замещения ученых должностей. Число действительных

Регламент Императорской академии наук. Бархатный красный переплет с золотым и серебряным шитьем и вензелем, с государственной печатью в латунном ковчеге.

Глава 1 «О должностях Академии».

Подлинник. Пергамен. 25 июля 1803 г.

СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 4. Д. 4. Переплет; Л. 2 об. — 3

С. С. Уваров. Литография Ж.П. Поль-Пети.
Не ранее 1849 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-У. Д. 8

членов увеличилось до 38. Сверх того Академии полагалось 20 воспитанников, лучшие из которых со временем могли стать адъюнктами. Академические ученые впервые получили статус государственных служащих и гарантии личного дворянства. Академический бюджет был увеличен.

С утверждением Регламента Н.Н. Новосильцев считал свои обязанности по отношению к Академии наук выполненными и редко появлялся в ней. В это время Академия организовала несколько экспедиций для изучения географии, геологии, флоры и фауны различных областей Российской империи: в 1803 г. — Петербургской, Псковской, Новгородской, Олонецкой и Архангельской губерний, в 1804 г. — Финляндии, в 1807—1808 гг. — Кавказа.

В 1805 г. Академия наук приняла участие в посольстве в Китай, организованном российским правительством.

В качестве статс-секретаря Н. Н. Новосильцев сопровождал Александра I в поездках по стране и за границу. В конце 1809 г. он попал в опалу и уволился ото всех дел, но жалованье президента ему выплачивалось, и должность президента не считалась вакантной. Почти 10 лет Академия наук жила без президента и перешла в прямое управление министра народного просвещения А. К. Разумовского, который жертвовал интересами Академии в пользу других учреждений и в целях экономии бюджетных средств «оптимизировал» ее деятельность. Положение изменилось, когда в начале 1818 г. должность президента занял его зять Сергей Семёнович Уваров (1786—1855).

Большая часть жизни С. С. Уварова была связана с Министерством народного просвещения: он начал свою административную карьеру в 24-летнем возрасте попечителем Петербургского учебного округа (1811—1821), а в 32 года возглавил высшее научное учреждение страны. Главным событием в его деятельности попечителем стало открытие в 1819 г. Санкт-Петербургского университета. Закономерным этапом в карьере С. С. Уварова стало назначение его министром народного просвещения в 1833 г. Вплоть до 1849 г. он считался «царем» просвещения в России и успешно совмещал должность министра и президента Академии наук.

Как государственный деятель С. С. Уваров придавал большое значение культурной близости России с европейским Западом. В молодые годы он исповедовал идеалы неогуманиз-

ма и проникся убеждением, что только постижение античной культуры может открыть путь к утверждению культуры национальной. Современников он удивлял «своим многоязычием и разнообразием всякой всячины, которую знал» (А. И. Герцен). Уваров был не чужд научной деятельности и практиковался в антиковедении, а его наставником в древних языках был лучший в Санкт-Петербурге того времени филолог-классик Х. Ф. Грефе (1780—1851), свободно писавший стихи на древнегреческом языке. В 1850 г., когда С. С. Уваров уже был отстранен от должности министра, Х. Ф. Грефе будто бы сказал ему: «Как это жаль, что вы были министром. Без этого Вы были бы превосходным эллинистом». Затем, понизив голос, прибавил: «Если бы, впрочем, Вы захотели побольше заняться изучением грамматики, которую Вы не довольно уважаете»⁸⁵.

С. С. Уваров верил в образовательный идеал античности, и классические дисциплины заняли почетное место в гимназической и университетской программе. В 1820 г. С. С. Уваров провел в Академию своего ученого друга Х. Ф. Грефе, являвшегося профессором Петербургского университета. Звание «архитектора классического образования» придавало европейский лоск и блеск должности министра. Во имя сохранения благосостояния и могущества России он старался соединить общее европейское просвещение с его ориентацией на античные образцы и российский народный дух. С. С. Уваров стал выразителем госу-

дарственной идеологии и придал ей чеканную форму: «Православие. Самодержавие. Народность» (эти слова он поместил на фамильном гербе, когда в 1846 г. удостоился графского титула). Впоследствии уваровская триединая формула стала краеугольным камнем «теории официальной народности». Революционные потрясения в Европе 1848—1849 гг. привели к ужесточению внутривластного курса и отставке С. С. Уварова.

Несмотря на перипетии своей карьеры, С. С. Уваров был связан с Академией наук в течение 37 лет и стал долгожителем среди ее президентов. Почитатель наук, он находил здесь отдохновение и отраду, чувствовал себя в кругу ученых своим человеком, *primus inter pares* (первым среди равных). Президент искренне любил Академию, был предан ее интересам и использовал во благо ей свое служебное положение в министерстве.

Став президентом, С. С. Уваров застал Академию наук в полном запустении и решительно взялся за ее возрождение. Первым делом он позаботился о том, чтобы вернуть Академии хотя бы внешний благопристойный вид: здание Кунсткамеры, вмещавшее коллекции академического музея, библиотеку и астрономическую обсерваторию, было капитально отремонтировано. Главное здание Академии наук, построенное в 1780-е гг. по проекту Дж. Кваренги, С. С. Уваров застал необитаемым, в большом конференц-зале даже не было пола. Еще недостроенное, оно уже «обращалось в развалины». Президент позаботился

⁸⁵ Уваров С. С. Воспоминание об академике Фр. Грефе. Письмо президента Императорской Академии наук (Читано в заседании 6 февраля 1852 г.) // Ученые записки Императорской Академии наук по первому и третьему отделениям. СПб., 1852. Т. 1. Вып. 1. С. 50.

И. Кармин. Императорская Академия наук в Петербурге. Главное здание, Кунсткамера, бывший Дворец Прасковьи Фёдоровны (Академический дом). Раскрашенная гравюра. Аугсбург (Бавария). Начало XIX в.

СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 3. Д. 22. Л. 1

о внутренней отделке здания. Ветхий деревянный дворец Прасковьи Фёдоровны, где размещалась типография, после наводнения 1824 г. пошел под снос. Место, где стоял развалившийся дом, С. С. Уваров уступил Министерству финансов. Взамен для Академии был построен флигель во дворе Главного здания, где разместились музейные коллекции. Для академической типографии Уваров исхитрился получить еще один дом (на 9-й линии Васильевского острова).

Усилия С. С. Уварова были с лихвой вознаграждены во время празднования 100-летнего юбилея Академии наук,

которое пришлось на начало правления Николая I (1825—1855). Манифест 13 июля 1826 г., извещавший Россию о завершении суда над декабристами, приписывал мятежный дух «не просвещению, но праздности ума», «пагубной роскоши полупознаний». Заявление монарха о готовности принять с благоволением «всякое скромное желание к лучшему», «всякую мысль» «к расширению истинного просвещения»⁸⁶, без сомнения, ободрило членов Академии наук и ее президента и дало надежду на перемены.

29 декабря 1826 г. Академия наук приветствовала блестящее собрание

⁸⁶ ПСЗ. 2-е Собр. Т. 1. С. 773—774. № 465. 13 июля 1826 г. Манифест. О совершении приговора

Бронзовая медаль, посвященная 100-летию Петербургской Академии наук.
 Медальер Ф.П. Толстой. Аверс и реверс. 1826 г.
 СПбФ АРАН. Р. XIII. Оп. 1. Д. 58

августейших особ во главе с императором. С. С. Уваров постарался с блеском представить вверенное ему учреждение. Кульминацией праздника стало подношение именитым гостям юбилейной медали, изготовленной медальером Ф.П. Толстым. С помощью аллегорий медаль указывала на давние глубокие связи Академии наук и императорского дома. Академик Х.Ф. ГрEFE сочинил большую поэму и звучным эллинским стихом вознес похвалы новому императору и президенту Академии. После 1826 г. торжественные собрания Академии наук, проводившиеся ежегодно 29 декабря, стали обязательной формой

над государственными преступниками.

Собрание актов торжественного заседания
 Императорской Санктпетербургской Академии наук,
 бывшего по случаю празднования ее столетнего юбилея
 29 декабря 1826 г. Титульный лист
 СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 3. Д. 1479в / IV-138. Л. 1

публичности. Юбилей послужил активной пропаганде работ Академии наук и повышению интереса образованных людей к ее делам.

Увеличению авторитета Академии в научном мире служили широкая рассылка периодических академических изданий («Ученые труды Академии наук» и научно-популярный «Технологический журнал»), книгообмен с высшими научными и учебными заведениями России и Европы. Для популяризации результатов академических трудов было важно начатое в 1818 г. по предложению президента издание «Полного собрания ученых путешествий по России», которое представляло собой публикацию результатов научных экспедиций за весь период существования Академии.

Юбилей послужил толчком к реформе и увеличению бюджетных средств Академии. В конце 1827 г. С. С. Уваров объявил, что «осыпанная благодеяниями» Академия наук отныне «имеет все способы возбуждать в сердцах соотечественников порыв к ученой жизни». Через прессу он оповестил научное сообщество о том, что Академии предоставлены средства «присоединять к себе мужей, отличившихся на поприще наук и призывать таковых из дальних стран»⁸⁷. Однако русско-турецкая война отдала реальный отпуск сумм, новый Штат был утвержден только 30 января 1830 г.⁸⁸ Одновременно со Штатом были утверждены «Дополнительные пункты к Регламенту Академии наук», касавшиеся ее научного состава.

Численность ординарных академиков увеличилась с 18 до 21: три были прибавлены «особыми Высочайшими докладами».

8 января 1836 г. император Николай I утвердил Устав Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Этот устав действовал почти 90 лет и доказал свою жизнеспособность даже после смены политического строя. Устав провозгласил Академию наук «первенствующим ученым сословием» (*corps savant*) Российской империи, т. е. высшим научным учреждением страны. Академия была призвана выполнять три главные задачи, состоящие в научно-исследовательской работе, распространении просвещения и применении результатов своих исследований к практике.

Произошло окончательное разграничение сфер компетенции Академии и университетов: за Академией были закреплены исключительно научные обязанности, что нашло выражение в упразднении класса воспитанников и в изменении статуса адъюнктов. В противоположность Регламенту 1803 г. адъюнкты рассматривались в Уставе 1836 г. как самостоятельные молодые ученые с правом голоса во время выборов. «Охранению и управлению» Академии вверялся целый ряд учреждений, в том числе библиотека, Физический кабинет, Химическая лаборатория и музеи: Минералогический, Ботанический, Зоологический и Зоотомический, Азиатский, Нумизматический и Этнографический кабинеты.

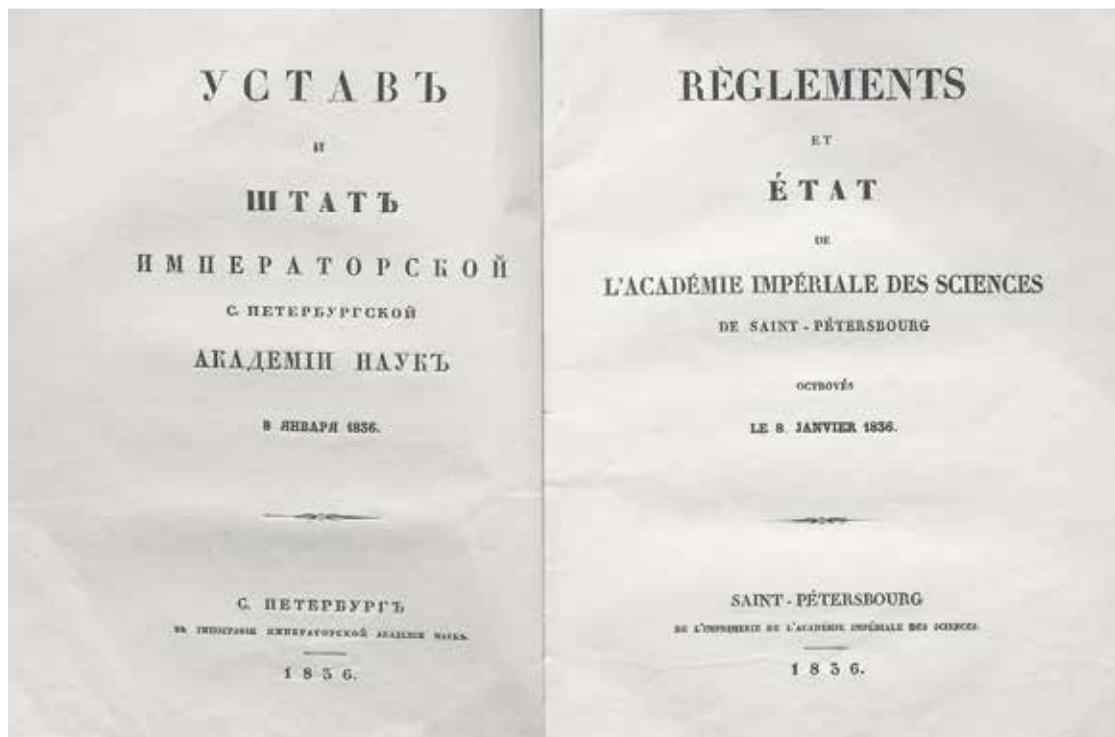
⁸⁷ Речь г. президента Императорской Академии наук, произнесенная в публичном собрании Академии 29 декабря 1827 года // Прибавление к Санктпетербургским ведомостям. 1828, 3 января. № 1. С. 1—4.

⁸⁸ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 5 (1830). Ч. 1. Законы. С. 103—104. № 3453; Штаты и табели. С. 7.

Именной указ Николая I об утверждении
«Дополнительных пунктов к Регламенту
Императорской Академии наук».
30 января 1830 г.
СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1832. Д. 2. Л. 5

Устав Императорской Санктпетербургской
Академии наук. 1836 г.
СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 4а. Д. 6. Л. 1 об.—2

П. Н. Фус

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ф. Д. 9. Л. 1

Академии наук были дарованы важные привилегии, что для того времени было знаком большого доверия и благоволения к ней. Научные труды академиков и выписываемые Академией научные издания и журналы освобождались от цензуры. Академия могла получать из-за границы любые книги, инструменты, материалы без уплаты

таможенных пошлин. Наконец, она пользовалась правом бесплатной рассылки своей корреспонденции внутри страны; все адресованные ей письма и посылки (до пуда весом) также принимались на почтамтах без оплаты; академическая библиотека получала обязательный экземпляр всех выходящих в стране изданий.

Руководство Академии наук осуществляли президент, вице-президент и непреременный секретарь. Если президент назначался императором и был представителем Комитета министров, то непреременный секретарь пожизненно избирался академической корпорацией (поэтому он и назывался непреременным, т.е. постоянным — *perpétuel*) и выражал ее интересы. Он отвечал за делопроизводство, осуществлял всю официальную переписку, вел протоколы заседаний, составлял годовые отчеты, вел архив, следил за ходом издания трудов Академии и курировал работу типографии. В должности непреременного секретаря с 1826 г. по 1855 г. состоял Павел Николаевич Фус (1798—1855).

Порядок замещения и обязанности вице-президента в Уставе не были четко прописаны. На практике выборы вице-президента не устраивались, он назначался императором по представлению президента. Поначалу он даже

Бронзовая медаль, посвященная 50-летию Императорской Российской академии. Медальер А. И. Губе. 1833 г. Аверс и реверс
СПбФ АРАН. Р. XIII.
Оп. 1. Д. 59

не был действительным членом Академии и просто замещал президента во время его отсутствия. С. С. Уварова, например, вполне устраивал далекий от Академии кн. М. А. Дондуков-Корсаков. Позже президенты начали подбирать себе помощников в академической среде, и вице-президент стал правой рукой президента.

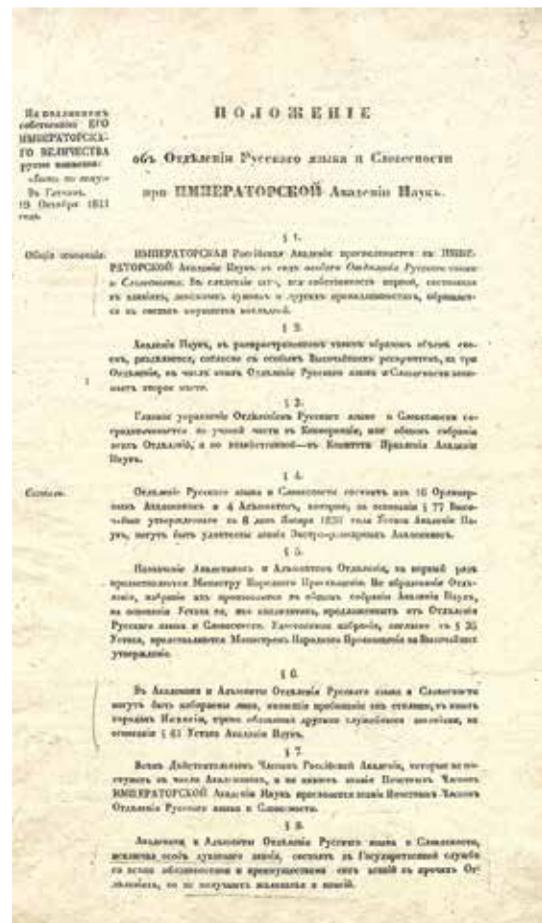
Вместе с Уставом Академия получила новый Штат, который вдвое увеличил ее средства по сравнению со штатом 1803 г. В 1841 г. была проведена реформа Академии наук, в результате которой изменились ее структура и личный состав. Волей императора Николая I были объединены две академии — Академия наук и Российская академия. Это был первый в истории случай слияния двух академий.

Российскую академию создала Екатерина II в 1783 г. по образцу Французской академии как национальный центр исследований в области русистики и славяноведения. Российская академия много потрудились для охраны «нравственности, целомудрия и чистоты» родного языка, а составленный ею «Толковый», или «академический», словарь был основополагающим трудом в создании отечественного литературного и научного языка.

Ради централизации управления наукой император Николай Павлович росчерком пера соединил две академии воедино. «Пора кончать с делом академии. Я все жду», — такими словами, написанными на представленном ему докладе, Николай I поторапливал президента С. С. Уварова провести реформу. Тот был в ужасе от предстоящей ломки выпестованной им академии и все медлил с преобразованием. Дело о Российской академии было кончено 19 октября 1841 г. Она вошла в со-

став Академии наук в виде Отделения русского языка и словесности (ОРЯС, или II отделение). С тех пор гуманитарные науки заняли в Академии наук доминирующее положение. Отделение русского языка и словесности получило особое Положение и Штат, имело собственное председательствующего.

С созданием ОРЯС численность академической корпорации увеличилась на 20 человек. Первоначальный состав Отделения был укомплектован лично С. С. Уваровым. Из 60 действительных членов Российской академии он наме-

Положение об Отделении русского языка и словесности при Императорской академии наук. 1841 г.

СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 4а. Д. 8. Л. 3

П. А. Ширинский-Шихматов. Портрет работы неизвестного художника. Не позднее 1853 г.

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Ш. Д. 66

тил в ординарные академики 16 человек, добавив к ним еще четырех человек со стороны. Неожиданно для себя в академики попали В. А. Жуковский, И. А. Крылов, П. А. Вяземский, митрополит Филарет, ректор Петербургского университета П. А. Плетнев. Первые 50 лет члены ОРЯС не получали ни жалованья, ни пенсий. Взамен этого им была назначена плата за каждое заседание, в котором они участвовали, и гонорар за издаваемые труды. Поэтому очень немногие принимали участие в жизни Отделения.

Поначалу ОРЯС служило своего рода резервным фондом кадров высшей администрации. Первый предсе-

дательствующий в отделении — Платон Александрович Ширинский-Шихматов (1790—1853) был товарищем министра народного просвещения С. С. Уварова, а после его увольнения в 1849 г. занял его место. Назначение П. А. Ширинского-Шихматова общество восприняло как не только «шах», но и «мат» российскому просвещению, ведь в основу образования новый министр положил религиозное воспитание. Вскоре он заслужил нелестную характеристику «гасильника всякого света». В 1853 г. П. А. Ширинского-Шихматова сменил академик по ОРЯС А. С. Норов (1795—1869) — герой войны 1812 г., потерявший ногу в Бородинском сражении. Ученый-путешественник, он совершил паломничество по святым местам, за что был наречен А. И. Герценом «ветхозаветным министром». В должности министра А. С. Норов пытался отстаивать необходимость благоразумной свободы для науки и литературы, но делал это с переменным успехом.

Возникновение нового подразделения привело к изменению всей структуры Академии наук. Прежде единая Конференция (общее собрание всех действительных членов) разделилась на три отделения: Физико-математическое отделение (ФМО, или I отделение), Отделение русского языка и словесности (ОРЯС, или II отделение) и Историко-филологическое отделение (ИФО, или III отделение). Навязанная «оптимизация» стала для Академии наук потрясением, и потребовалось немало времени для того, чтобы работа вошла в привычное русло.

ОТ АЛЕКСАНДРА II ДО НИКОЛАЯ II

Год 1855-й был особенным в истории России и Академии наук. В разгар тяжелых поражений в Крыму умер Николай I, на престол вступил Александр II (1855—1881). После заключения унижительного Парижского мира последовала знаменательная эпоха обновления России. Но за коротким периодом реформ наступила полоса контрреформ, и затем антиномия между необходимостью модернизации и сохранением стабильности привела к революционному хаосу 1917 г.

Вместе с тем вторая половина «долгого» XIX века отмечена расцветом научной деятельности, блестящими открытиями отечественных ученых в естествознании. Эти успехи сопровождались возросшим общественным интересом к вопросам науки. Русское общество в период подготовки и проведения Великих реформ 1860-х гг. переживало небывалый культурный подъем.

Серьезные перемены переживала и Академия наук. В январе 1855 г. умер непреременный секретарь П. Н. Фус, а в начале сентября того же года скончался С. С. Уваров — преданный рыцарь Николая I. Когда открылась вакансия президента Академии наук, Александр II сказал министру народного просвещения А. С. Норову: «Я дам ей президента, которым она будет довольна», и указом 26-го ноября 1855 г. назначил Д. Н. Блудова.

Племянник Г. Р. Державина и друг Н. М. Карамзина, Дмитрий Николаевич Блудов (1785—1864) в молодые годы вместе с С. С. Уваровым стоял у истоков литературного общества

«Арзамас». Как и С. С. Уваров, он принадлежал к числу тех «арзамасских гусей», которые не отдались литературной деятельности, а посвятили себя государственной службе. Когда Д. Н. Блудов в возрасте 70 лет занял должность президента Академии наук, он был одним из самых влиятельных государственных сановников империи. Бывший министр внутренних дел и юстиции, в 1861—1863 гг. он был председателем Государственного совета.

Д. Н. Блудов уважал науку и признавал, что она имеет свои права, и ей должна быть предоставлена «свобода развиваться соответственно этим правам», без какого-либо внешнего

Д. Н. Блудов. Литография П. Бореля. 1861 г.
СПФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 46

Ф. П. Литке. Не позднее 1882 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-А. Д. 44. Л. 1

вмешательства или контроля, «кроме контроля самой истины, служащей ей оправданием, также как и целью». Свою задачу он видел в том, чтобы не мешать степенному ходу научной работы академиков и ограждать «права и достоинства науки от вредных случайностей и препятствий, мешающих ее процветанию»⁸⁹. Поначалу президент сделал попытку свести воедино Устав Академии и Положение об Отделении русского языка и словесности, но, встретив серьезный

камень преткновения — финансы, отказался от своего намерения. Коренную же реформу Академии наук он считал ненужной, потому что «вся жизнь Академии заключается в ученых трудах ее членов, чему нынешний устав не препятствует».

В начале 1864 г. преемником Д. Н. Блудова стал географ и мореплаватель, совершивший кругосветное путешествие, воспитатель вел. кн. Константина Николаевича адмирал Фёдор Петрович Литке (1797—1882). В Академии все знали, что это была креатура министра народного просвещения А. В. Головнина. Либеральный министр мечтал «сверху» преобразовать Академию наук и «помыкал старым адмиралом безо всякой церемонии»⁹⁰. Тот сразу уступил настойчивым требованиям министра заняться подготовкой нового устава.

Обсуждение проекта академической реформы обнаружило немало наболевших проблем, ожидавших своего решения. Одновременно на страницах периодических изданий начались выпады против Академии. Критики утверждали, что Академия имела «вид ученого сочинения, написанного на латинском языке»⁹¹, не приносила стране особенной чести. А. И. Герцен образно назвал ее «академическим скитом на Васильевском острове». В глазах просвещенной общественности Академия наук перестала играть роль «первенствующего ученого сословия» в отечественной науке и утратила главенствующее положение в государственной науч-

⁸⁹ Никитенко А. В. Воспоминание о бывшем президенте Императорской Академии наук, графе Д. Н. Блудове // Записки Императорской Академии наук. 1864. Т. 5. С. 115.

⁹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 42. Л. 60 об.

⁹¹ Жемчужников А. М. Еще один вопрос: что такое наша Академия наук?... // Отечественные запи-

ной политике, уступив университетам и научным обществам инициативу во многих областях знания.

В 1866 г. после выстрела студента Д. В. Каракозова в Александра II последовала отставка А. В. Головнина. Новый министр граф Д. А. Толстой все проекты предшественника «положил под сукно», и вопрос об академической реформе отпал сам собой.

Ф. П. Литке, укрепляя связь Академии с российским обществом, поддержал традицию проведения торжественных заседаний в честь выдающихся отечественных ученых и государственных деятелей: Академия наук отметила юбилеи М. В. Ломоносова в 1865 г., Н. М. Карамзина в 1866 г., Петра I в 1872 г. и др.

Происхождением Ф. П. Литке был связан с остзейским дворянством и поэтому был горячим почитателем немецкой науки. По отзыву академика Я. К. Грота, в его глазах Академию наук составляли только Физико-математическое и Историко-филологическое отделения, и он постоянно участвовал в их еженедельных заседаниях, никогда не присутствуя в Отделении русского языка и словесности. «По какому-то непонятному предубеждению, — недоумевал Я. К. Грот, — которое, конечно, было ему внушено, он считал занятия русской и славянской филологией менее дельным и почтительным, чем занятия какой бы то ни было другой отраслью языкознания»⁹². В Академии Ф. П. Литке не пользовался всеобщим уважением, потому что «слишком явно высказывал свое предпочтение одним и свою слишком решительную

антипатию другим». Те академики, к которым он выказывал неприязнь, платили ему тем же, а за недостаток светских манер называли его «матросом»⁹³.

В 1882 г. кресло президента занял граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823—1889) — один из вершителей судеб России во второй половине XIX в. Деятельность бывшего министра народного просвещения (1866—1880) и министра внутренних дел (1882—1889) была отмечена ужесточением административного режима и подавлением разгула террора в стране. Академией наук он тоже руководил «железной рукой в бархатной перчатке», считая своей главной обязанностью поддержание в ней спокойствия и нормального ритма научной работы. Свободные от бюрократической волокиты часы Д. А. Тол-

Д. А. Толстой. [Портрет кисти И. Н. Крамского. Авторская копия с оригинала 1884 г.]

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Т. Д. 18

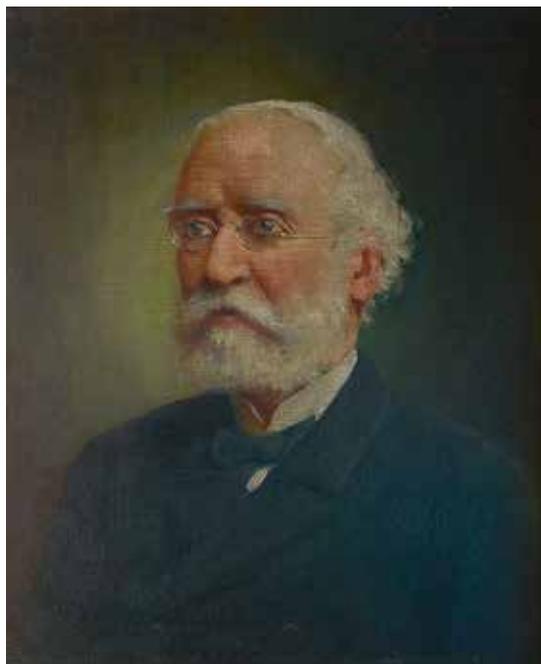
ски. 1861. Т. 137. № 7—8. С. 27.

⁹² СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2. Д. 3. Л. 15—15 об.

⁹³ СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 42. Л. 66 об.—67.

А. Ф. Миддендорф
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-М. Д. 228

К. С. Веселовский. Портрет маслом
неустановленного художника
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-В. Д. 27

стой посвящал научной работе. В ученых кругах он был известен своими трудами по истории русского просвещения в XVIII в. Став президентом, Д. А. Толстой посчитал своим долгом обратиться к прошлому вверенного ему учреждения и на основе архивов Академии написал очерки по истории академических гимназии и университета. Убедившись в ценности документов академического архива, президент инициировал издание архивных материалов по истории Академии наук и содействовал расширению археографических занятий Историко-филологического отделения.

Во второй половине XIX в. за «связи с общественностью» отвечал непреременный секретарь. Ежегодно 29 декабря он выступал на публичном собрании Академии наук с отчетом о ее работах и, отвечая на вызовы времени, излагал позицию академических ученых по ключевым вопросам научной жизни. Отчеты нередко предварялись общими рассуждениями о значении науки для общества, предназначении Академии наук и той пользе, которую она приносит российскому просвещению.

Александр Фёдорович Миддендорф (1815—1894), непреременный секретарь в 1855—1857 гг., не раз говорил с высокой трибуны о приоритете фундаментальных наук и возражал тем, кто отдавал предпочтение прикладным исследованиям, обеспечивающим сиюминутную прибыль. Он предупреждал об опасности увлечения практикой и выполнением государственных поручений, которые год от года множатся и усложняются; в противном случае «научный дух академии непременно рассеется, и она неизбежно превратит-

ся в обычную государственную канцелярию»⁹⁴.

Влиятельный голос в дискурсе Академии наук с властью и обществом имел преемник А. Ф. Миддендорфа Константин Степанович Веселовский (1819—1901). При К. С. Веселовском сменилось три президента — Д. Н. Блудов, Ф. П. Литке, Д. А. Толстой. «Мудрый Улисс», как называли коллеги К. С. Веселовского, более 30 лет, с 1857 по 1890 г., определял вектор развития Академии наук. В его глазах Академия была единственным в стране святилищем «чистой» науки, он настаивал на четком размежевании функций Академии и университетов и последовательно отстаивал принцип интернациональности в науке. Созданное журналистами выражение «русская наука» он считал «решительно лишеным всякого смысла», потому что по своему характеру «наука является космополитом». К. С. Веселовский использовал это выражение как доказательство «младенчества у нас науки»⁹⁵. Административные таланты К. С. Веселовского затмевали скромные деловые качества математика Виктора Яковлевича Буняковского (1804—1889), который 25 лет был вице-президентом (1864—1889), и все это время оставался в тени неперемного секретаря.

В 1889 г. впервые в истории Академии ее президентом был назначен член царской фамилии — вел. кн. Константин Константинович (1858—1915) — внук Николая I и сын участника великих реформ 1860-х гг. вел. кн. Константина Николаевича. Худо-

В. Я. Буняковский. Литография
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 12. Л. 1

жественные таланты великого князя, вошедшего в историю культуры как поэт К. Р., сыграли, несомненно, решающую роль при его назначении на должность президента. Новое назначение очень польстило самолюбию великого князя. Ради Академии он нередко пользовался своим исключительным правом напрямую обращаться к императору, минуя министра народного просвещения, и тем в немалой степени содействовал быстрому и успешному решению того или иного академического дела, будь то вопрос о новых академических штатах или научное предприятие.

⁹⁴ [Middendorff A.] Discours du secrétaire perpétuel. 29 décembre 1856 // Compte rendu de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. SPb., 1856. P. 44.

⁹⁵ Веселовский К. С. Воспоминания. Время президентства гр. Д. Н. Блудова в Академии наук. 1855—1864 // Русская старина. 1901. № 12. С. 505.

Вел. кн. Константин Константинович.
Фотопортрет Е.Л. Мрозовской с автографом
великого князя. Санкт-Петербург. 1903 г.
СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 41. Л. 1

Свое же главное предназначение как президента Академии наук великий князь видел в том, чтобы поднять ее престиж в глазах общества. Главными предметами его забот было увеличение финансирования академической науки, обновление личного состава и преобразование близкого ему по духу Отделения русского языка и словесности (ОРЯС).

Отделение русского языка и словесности имело особенную причину приветствовать великого князя во главе Академии наук: «Кому неизвестно, что русская литература, составляющая предмет занятий Второго отделения, дорога Вам не как любителю только,

Президент Императорской Академии наук вел. кн. Константин Константинович (в центре) и академики (слева направо): А. А. Шахматов, М. И. Сухомлинов, А. Ф. Бычков, Л. Н. Майков, А. Н. Веселовский, А. Н. Пытин. [Ноябрь 1898 г. — март 1899 г.]

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 2. Д. 106. Л. 1

Я. К. Грот

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 7

Л. Н. Майков

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-М. Д. 20. Л. 1

но как одному из ее деятелей...»⁹⁶ В 1887 г., за два года до назначения президентом, Академия наук избрала великого князя своим почетным членом именно по представлению Отделения. Среди членов ОРЯС были его старые добрые знакомые — Яков Карлович Грот (1812—1893), которого он знал как преподавателя вел. кн. Николая Александровича и императора Александра III, и брат поэтического кумира великого князя Аполлона Майкова — Леонид Николаевич Майков (1839—1900). Именно они впоследствии занимали должность вице-президента и были ближайшими помощниками президента по управлению Академией.

В 1900 г., после смерти Л. Н. Майкова, вел. кн. Константин Константи-

нович остановил свой выбор на академике по классической филологии и археологии Петре Васильевиче Никитине (1849—1916), который имел большое влияние на ход академической жизни. На должность постоянного секретаря в 1904 г. был избран востоковед Сергей Фёдорович Ольденбург (1863—1934). Прирожденный руководитель, он оставался на этом посту 25 лет, до 1929 г. С. Ф. Ольденбург был известен своими либеральными взглядами и популярен среди академиков, но президент не одобрял его активную общественную деятельность.

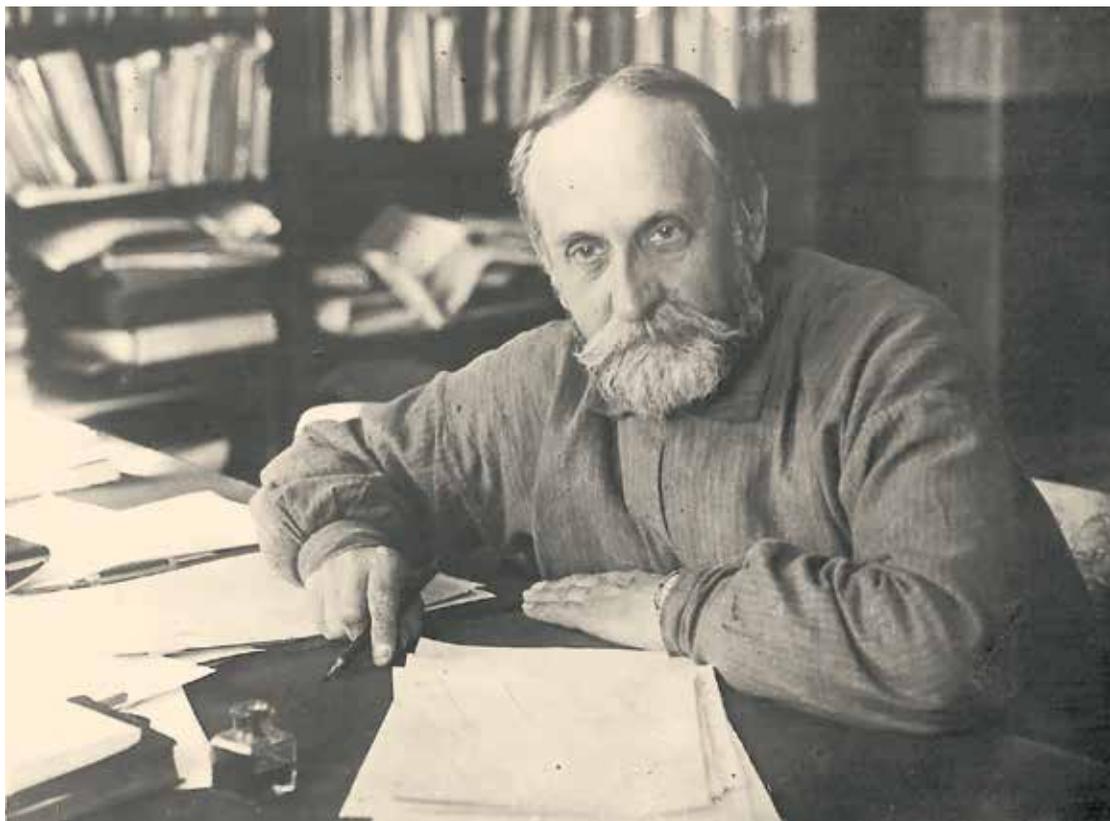
Вел. кн. Константин Константинович был одним из инициаторов всенародного чествования А. С. Пушкина и возглавил специальную комиссию по проведению юбилейных торжеств

⁹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1—1889. Д. 187. Л. 30 (Протокол заседания Общего собрания 13 мая 1889).

П. В. Никитин
СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 92. Л. 17

в 1899 г. К 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина был объявлен конкурс на лучшую кантату в честь великого поэта. Стоит ли говорить, что лучшими были признаны стихи К. Р. В том же году при ближайшем участии президента в составе Отделения русского языка и словесности был создан Разряд изящной словесности. Учреждением нового разряда великий князь мечтал возродить Российскую академию, членом которой был А. С. Пушкин, и установить связь с живыми силами современной литературы. Хотя это нововведение не вызвало сочувствия в академической среде, деятельность отделения существенно расширилась. Литераторы были выделены в особую группу и получили наименование почетных

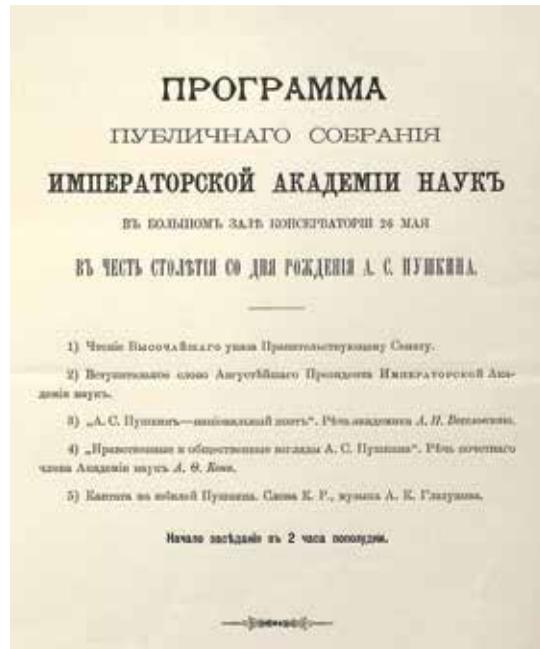
С. Ф. Ольденбург. 1920-е гг.
СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 2. Д. 44. Л. 1

академиков. Первым почетным академиком в 1900 г. стал К. Р.

Участие вел. кн. Константина Константиновича в жизни Академии наук в качестве ее президента, почетного члена и почетного академика ломало привычные представления о том, что «великие князья, занимающие ответственные должности, в сущности делом не занимаются, в дело не вникают и им не интересуются, а служат лишь каким-то „украшением“, „цацами“ подведомственного им учреждения»⁹⁷.

С конца XIX в. в жизнь Академии наук все настойчивее стала вторгаться политика, все труднее было оградить Академию от обсуждения злободневных вопросов жизни страны. В тяжелое для страны время здравый смысл и строгая беспристрастность вице-президента не раз удерживали Академию от нежелательных потрясений. П. В. Никитин последовательно отстаивал принцип невмешательства Академии наук в политику при полной свободе политической и общественной деятельности ее членов как частных лиц.

В конце 1905 г. С. Ф. Ольденбург предложил теорию, согласно которой Академия наук как ученое учреждение лишь «медленно поспешает» за жизнью и совсем не обязана идти с ней в ногу, а тем более впереди. Выступая на годовом собрании с отчетом за 1905 г., С. Ф. Ольденбург объяснял, оправдывая пассивность Академии: «На первый взгляд может казаться, что Академия недостаточно ярко и сильно откликнулась на запросы обновля-

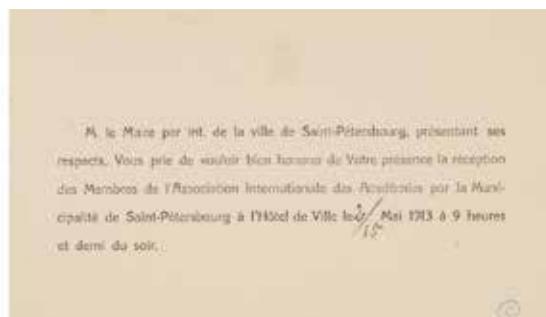
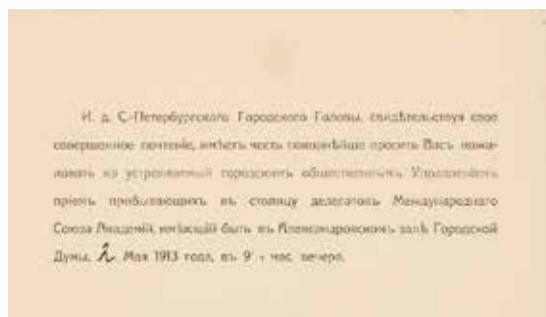
Программа публичного собрания Академии наук в честь 100-летия А. С. Пушкина. Май 1899 г.
СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 15. Л. 29

шейся родины, но такое заключение не будет справедливым, ибо Академия наук, как учреждение чисто научное, всегда только до известной степени может непосредственно отзываться на явления текущей жизни. Между наукой и жизнью всегда будет известная грань, преступить которую без ущерба для себя не могут ни жизни, ни наука...»⁹⁸

На рубеже XIX—XX вв. усилилась интеграция академической науки в западноевропейскую. Академия наук была непрременной участницей международных конгрессов и совместных научных проектов. В это время наметилась тенденция к объединению усилий не только отдельных ученых, но целых научных учреждений раз-

⁹⁷ В. А. Рышков и его «Дневник» / публ. В. П. Степанова // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 131.

⁹⁸ Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1905 год, составленный непрременным секретарем академиком

Приглашение делегата Международной ассоциации академий на прием в Александровский зал Городской думы 2 мая 1913 г. На рус. и фр. яз.

СПбФ АРАН. Ф. 173. Оп. 1. Д. 122. Л. 1, 2

ных стран. Свидетельством «глобализации» научной деятельности стало создание в 1899 г. Международной ассоциации академий (МАО), в которой каждая академия представляла науку своей страны. Ассоциация приняла под свое покровительство ряд эпохальных проектов по естественнонаучным дисциплинам, истории и филологии. Под эгидой МАО и при участии нашей Академии наук велась подготовка полного издания сочинений Г. В. Лейбница, собрания сочинений Л. Эйлера, критического издания текста Махабхараты, энциклопедии Ислама, собрания древнегреческих и латинских медицинских текстов и др.

28 апреля — 5 мая 1913 г. в Санкт-Петербурге собрался очередной, пятый, съезд МАО, объединивший представителей 22 ученых корпораций (весь состав ассоциации к этому времени). В целом съезд прошел благополучно, как по части научной программы, так и по части развлечений. «У наших гостей едва доставало времени, что-

бы пользоваться всеми приглашениями», — посмеивался П. В. Никитин⁹⁹. Провести намеченное на 1916 г. общее собрание в Берлине помешала Первая мировая война.

Создание МАО подтолкнуло к объединению и славянские академии. Первым шагом в этом направлении стал созданный в 1903 г. в Санкт-Петербурге предварительный съезд русских филологов и историков. Кульминационным моментом в объединении славистов было создание Союза славянских академий в 1912 г., причем предполагаемая внутренняя организация Союза была аналогична структуре МАО. Однако Балканские войны и Первая мировая война не позволили Союзу развернуть свою деятельность. Тем не менее представительство в крупных международных организациях стало новой важной функцией Академии наук. Начавшаяся 1 августа 1914 г. Первая мировая война отразилась и на развитии Академии наук, вызвав почти полный распад научных связей.

С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1905 года. СПб., 1905. С. 5.

⁹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 30 (Письмо П. В. Никитина вел. кн. Константину Константиновичу от 22 мая 1913 г.).

ФИНАНСИРОВАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК

Государственные расходы на содержание Академии наук увеличивались крайне медленно, как и затраты на науку и образование в целом. Хотя к 1914 г. расходы на просвещение возросли до 5% от общегосударственного бюджета, наука и образование финансировались по остаточному принципу на протяжении всего XIX в.

Штат, т.е. бюджет, дарованный Академии наук в 1803 г. вместе с Регламентом, составлял 120000 руб. Бюджетные средства покрывали расходы на личный состав, содержание академических учреждений и основные нужды Академии. Президенту полагалось жалование 3000 руб. в год, 18 ординарным академикам — по 2200 руб., 20 адъюнктам — по 1000 руб. в год; экстраординарные академики получали прибавку к жалованию адъюнкта по 400 руб. в год. Но вскоре инфляция, вызванная войной с Наполеоном, обесценила установленные оклады. Академики сравнивали свою службу с работой «за бутерброд» и даже высказывались за временный отказ от избрания новых членов, так как на привлечение именитых ученых нельзя было рассчитывать.

В 1830 г. материальное положение действительных членов существенно улучшилось. По новому штату жалование ординарного академика возросло до 5000 руб. в год и сравнялось с окладом профессора Дерптского университета. Адъюнкт стал получать 2500 руб. в год; за звание экстраординарного академика полагалась доплата в размере 1000 руб. в год. Прочие же расходы Академии наук остались на прежнем уровне. Штат 1836 г. увеличил средства

Академии до 239400 руб. в год, но жалование действительных членов осталось на уровне 1830 г. и выдавалось раз в четыре месяца, по истечении каждой трети года.

В результате денежной реформы, проведенной министром финансов Е. Ф. Канкриным в 1839—1843 гг., в стране вводилась единая валюта — серебряный рубль. В 1839 г. закон установил официальный курс: 1 серебряный руб. равнялся 3,50 руб. ассигнациями. С 1 января 1841 г. вступил в силу новый штат Академии наук, где были зафиксированы произошедшие изменения. После перерасчета жалование академика составило 1429 руб. 60 коп., экстраординарного академика — 1000 руб. 72 коп., адъюнкта — 714 руб. 80 коп. в год.

С возникновением в 1841 г. Отделения русского языка и словесности общеакадемический штат был дополнен штатом отделения. Члены ОРЯС получали вознаграждение за участие в заседаниях (8 руб. за заседание) и за каждый печатный лист подготовленных ими трудов (30 руб. за печатный лист, с 1862 г. — 60 руб. за лист). С двумя штатами Академия наук существовала до 1912 г.

До 1863 г. кроме штатных сумм Академия располагала внебюджетными средствами (так называемые экономические суммы) — доходами от типографии, издания газет, календарной монополии, продажи книг, а также арендные доходы. Эти средства Академии составляли «неприкосновенную ее собственность» и предоставлялись в ее распоряжение. Президент Д. Н. Блудов твердо пресе-

Бюджет на 1803 г.

Положительный Штат Императорской Академии Наук.

Президенту	2000
Ординарному Академикому	1000
Прибавки прослужившим более 50 лет	1000
Адъюнктов	1000
Прибавки получившим степень Экстра-Ординарному Академикому	1000
Секретарю Конференции	1000
Архивариусу	1000
Канцелярских Служителей	1000
На Иллюстрацию версификации и другие издержки Библиотечкарей	1000
Помощников Библиотечкарей	1000
Канцелярской Служитель	1000
Надзираемому Музею	1000
Канцелярской Служитель	1000
Академиком Членом Комитета Правления	1000
прибавки к жалованью Академика	1000
Совещников	1000
Секретаря	1000
Кассира	1000
Протоколисту-Переводчику	1000
Бухгалтера	1000
Помощника Бухгалтера	1000
Архивариуса	1000
Экзекутора	1000
На Канцелярских Служителей и Канцелярские расходы	1000
Секретаря при Президенте	1000

Штат Императорской Академии наук. 25 июля 1803 г. Подписи-автографы императора Александра I и министра народного просвещения гр. П. В. Завадовского СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 4. Д. 4. Л. 14 об.

Штат Императорской Академии наук. 30 января 1830 г. Типогр. экз. СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1832. Д. 2. Л. 11—11 об.

На подлинном подписано собственноручно ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою:

«Быть по сему» **НИКОЛАЙ.**

С. Петербурга.
30 Января 1830.

**ШТАТЪ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ**

	Число	Итъ въ годъ жалованья.	
		Рубль.	Копейки.
Президентъ	1	5,000	100,000
Ординарному Академикому	6	1,000	6,000
Прибавки прослужившимъ более 50 лѣтъ	10	2,500	25,000
Адъюнктовъ	3	1,000	3,000
Прибавки получившимъ степень Экстра-Ординарному Академикому	1	2,000	2,000
Секретаря Конференціи, прибавки къ жалованью Академика	1	1,000	1,000
Архивариусъ	1	1,000	1,000
Переводчикъ Конференціи	1	1,000	1,000
Канцелярскихъ Служителей	2	300	600
На Иллюстрацію версификаціи и другія издержки Библиотечкарей	2	1,000	2,000
Помощниковъ Библиотечкарей	2	700	1,400
Канцелярской Служитель	1	300	300
Надзираемому Музею	1	1,000	1,000
Канцелярской Служитель	1	300	300
Академикомъ Членомъ Комитета Правленія, прибавки къ жалованью Академика	2	800	1,600
Совѣтниковъ	2	2,500	5,000
Секретаря	1	1,500	1,500
Кассиръ	1	1,200	1,200
Протоколисту-Переводчикъ	1	500	500
Бухгалтеръ	1	1,800	1,800
Помощникъ Бухгалтера	1	800	800
Архивариусъ	1	600	600
Экзекуторъ	1	600	600
На Канцелярскихъ Служителей и Канцелярскіе расходы	—	—	6,000
Секретаря при Президентѣ	1	1,000	1,000

На содержаніе Библиотекы и Монетнаго Кабинета	—	—	3,000
Музея	—	—	1,200
Обсерваторіи	—	—	1,000
Кабинета Физики и Моделей	—	—	1,000
двухъ Лабораторій и Лабораторовъ	—	—	1,500
Собранія сухихъ растений	—	—	1,000
Мастеръ инструментаріи Математическихъ, Физическихъ и Метеорологическихъ	1	1,000	1,000
Расовальщикъ и Метеорологическихъ	1	500	500
Аккаръ	1	600	600
Архитекторъ	1	1,000	1,000
Прибавки къ процентамъ капитала семидесяти тысячъ рубль на выдачу пенсіонеровъ	—	—	15,000
На Дрова	—	—	10,000
Итого	—	—	206,100

Подлинной подписанъ Предсѣдатель Государственнаго Совета *Гроубъ В. Кокубовъ.*

7800
7200
15000

кал посягательства на средства Академии наук. Когда министр народного просвещения А. С. Норов распорядился изъять из экономической кассы Академии деньги на нужды научных обществ, Д. Н. Блудов решительно в такой выдаче отказал. Министр негодовал: «Видано ли это, — говорил он, я министр, и не могу распорядиться в подведомой мне академии! На что это похоже!»¹⁰⁰ Однако пойти наперекор такому государственному «тяжеловесу», каким был Д. Н. Блудов, министр не решился. В 1863 г. был издан закон, по которому все внебюджетные средства государственных учреждений обращались в казну, и Академия лишилась важного финансового подспорья. Государственное финансирование Академии наук не поспевало за ростом ее потребностей, в результате личный состав и учреждения Академии постоянно испытывали недостаток средств.

В том же 1863 г. были приняты новый устав и штаты российских университетов. Профессор университета стал получать в год 3000 руб., а оклад ординарного академика составлял всего 1429 руб. 60 коп. Вследствие этого профессора университетов неохотно соглашались баллотироваться в Академию наук. Тогда Д. Н. Блудов подал в Министерство народного просвещения ходатайство об уравнивании штата Академии наук со штатом университетов. «Обеспечение средств существования ученых по призванию, — писал президент, — не в меньшей степени, как и преподавателей университетских, должно озабочивать правительство. Для успеха умственных трудов, как тех, так и других,

На ведомость
Соборному Его
ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ
Ученому классу
«Велико императорскому»
Въ Петербургѣ,
22 Октября 1841
года.

Ш Т А Т Ъ
Отделения Русского языка
и Словесности.

	Средств.	
	Рубл.	К.
Предназначенному	1,429	60
На иностранные Академики	3,000	—
— на чужие города Академики	4,000	—
— стипендиальныя и пенсионныя выплаты ученыхъ и на другія сими рѣдъ издержки	1,000	—
— книги и академическія материалы	340	10
	11,778	70

Полный секретъ: Министру Народнаго Просвѣщенія Гершю Барону.

1841
1577-20
554 30
1863

1871-78
17115-58

1877-78

Штат Отделения русского языка и словесности. 1841 г.

СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 4. Д. 8. Л. 5

необходимо, чтобы материальные заботы не отвлекали от занятий. Академик, продвигающий науку вперед, углубляясь в какую-либо специальность, посвящающий все свои досуги предмету своих ученых исследований, не имеет он те же права на обеспечение, как и профессор, следящий за наукой и передающий ее слушателям? <...> Для мыслящего человека необходимость Академии не может быть предметом сомнения или вопроса. Отсутствие первенствующего ученого учреждения, равно как и университетов невозможно в государстве просвещенном. Оба учреждения в равной степени необходимы, и кажется справедливым уравнивать права их дея-

¹⁰⁰ Веселовский К. С. Время президентства графа Д. Н. Блудова в Академии наук 1855—1864 // Русская старина. 1901. Т. 4. № 12. С. 501.

телей»¹⁰¹. Однако это ходатайство никаких изменений не повлекло.

В 1869 г. Ф.П. Литке, наконец, добился увеличения оплаты труда действительных членов Академии. В своем резком ходатайстве он писал, что «посвящающему себя академическим трудам не представляется возможности обеспечить свое состояние: жалованья экстраординарного академика (1000 руб.) и ординарного академика (1428 руб.) в год суть такие оклады, при которых семейному человеку в здешней столице можно только не умереть с голода»¹⁰². Обращение возымело действие, и оклады ординарных академиков сравнивали с содержанием ординарных профессоров университета (3000 руб.); соответственно оклады экстраординарных академиков были уравнены с окладами экстраординарных профессоров (2000 руб.), адъюнктов — с окладами доцентов (1200 руб.). Однако члены Отделения русского языка и словесности не были приняты Ф.П. Литке в расчет и по-прежнему не получали жалованья.

Дискриминация членов ОРЯС продолжалась более 50 лет, вплоть до того времени, когда благоволивший к Отделению вел. кн. Константин Константинович не выхлопотал новое штатное расписание для всей Конференции (т.е. членов всех отделений без каких-либо изъятий), служащих библиотеки и канцелярии. По штатному расписанию 1894 г. ординарному академику было назначено ежегодное жалование 4200 руб.; экстраординарному академику и адъюнкту — 3000 руб.

Ограниченность средств приводила к тому, что Академии приходилось ежегодно обращаться к правительству за сверхштатными ассигнованиями и «умилительно-убедительными представлениями доказывать безусловную необходимость новых и новых подачек для Академии»¹⁰³. Так, в 1875 г. вступил в силу новый штат для целой категории учреждений — академических музеев и библиотеки; общее число служащих в них возросло с 19 до 25 человек (обновление штата музеев прошло и в период 1895—1901 гг.). Академия наук постоянно получала крупные единовременные и специальные средства на ученые предприятия и издания. За 1890 — начало 1900-х гг. эти ассигнования составили более 1 млн руб. Со временем планирование расходов становилось все более громоздким, и ежегодные сметы имели «характер починок и подпорок давно не отремонтированного здания»¹⁰⁴.

Академия наук имела в своем ведении большой объем благотворительных капиталов, но не могла ими распоряжаться и тратить их на свои нужды. В Академию поступали частные пожертвования и капиталы от учреждений, предназначавшиеся на премии и награды за выдающиеся научные результаты. Первым спонсором науки стал крупный промышленник П. Н. Демидов. На его средства в 1831 г. была учреждена денежная премия за лучшие сочинения по разным отраслям науки, названная по имени жертвователя Демидовской премией. После окончания

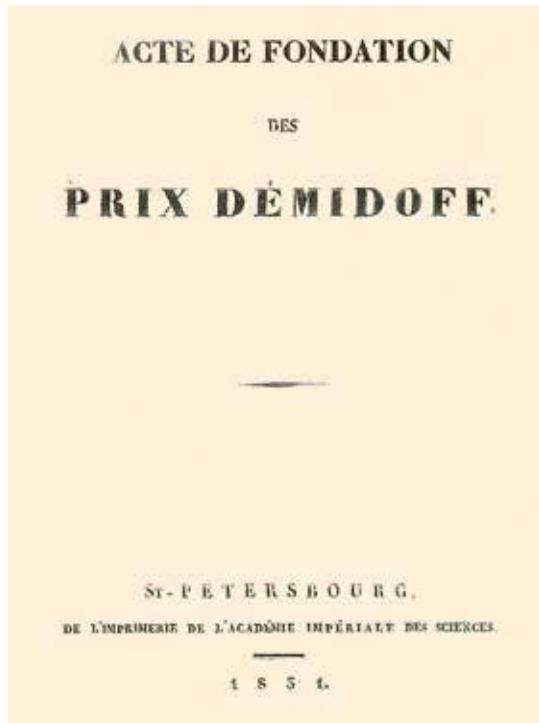
---

¹⁰¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 80. Л. 1—2 об. (Письмо Д.Н. Блудова А.В. Головнину от 10 декабря 1863 г.).

¹⁰² СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1868. Д. 1. Л. 1—1 об.

¹⁰³ СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 311. Л. 24. (Письмо П.В. Никитина В.Р. Розену от 22 мая 1903 г.).

¹⁰⁴ Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. 3. Стлб. 2725.

*Положение о Демидовской премии
Петербургской Академии наук.
17 апреля 1831 г.
СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1831. Д. 1. Л. 2*

*Положение об академических премиях
в память С. С. Уварова, утвержденное
императором Александром II. 17 января 1857 г.
Титульный лист
СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1856. Д. 2. Л. 34*

действия премии в 1865 г. была учреждена Ломоносовская премия — первая в России государственная премия за ученую деятельность. Кроме нее наиболее престижными считались премия имени К. М. Бэра, митрополита Макария, С. С. Уварова, Д. А. Толстого и др. К 1 декабря 1917 г. в распоряжении Академии наук находились 59 премиальных фондов. Академия наук выступала арбитром в научных состязаниях и своим участием в присуждении премий действовала во имя общих интересов научного сообщества России. Премии играли важную роль в выявлении научного потенциала страны, укрепляли авторитет Академии наук в глазах общества. Однако премиальные капиталы лежали

мертвым грузом и не приносили Академии никакой пользы.

С появлением в России парламента изменился порядок формирования государственного бюджета. Сметы доходов и расходов министерств сначала получали одобрение Государственной думы и Государственного совета, а затем утверждались императором. В 1907 г. при рассмотрении сметы Министерства народного просвещения Государственная дума обратила внимание на крайнюю скудость штатных средств Академии; эти суммы были названы неприличными для учреждения, стоявшего во главе всего русского научного дела¹⁰⁵. Академии наук велели подготовить проект нового шта-

¹⁰⁵ Там же.

Телеграмма
непрерывного секретаря
С. Ф. Ольденбурга вел.
кн. Константину
Константиновичу
в Павловск: «Прямо
из Государственного совета.
Законопроект пошел 66
против 25». 22 июня 1912 г.
СПбФ АРАН. Ф. 6.
Оп. 1. Д. 35. Л. 49

та — общего бюджета, который мог обеспечить все ее нужды и избавить «от нехозяйственной привычки — ежегодно испрашивать сравнительно небольшие суммы для починки прорех и пробелов в ее сложном хозяйстве»¹⁰⁶.

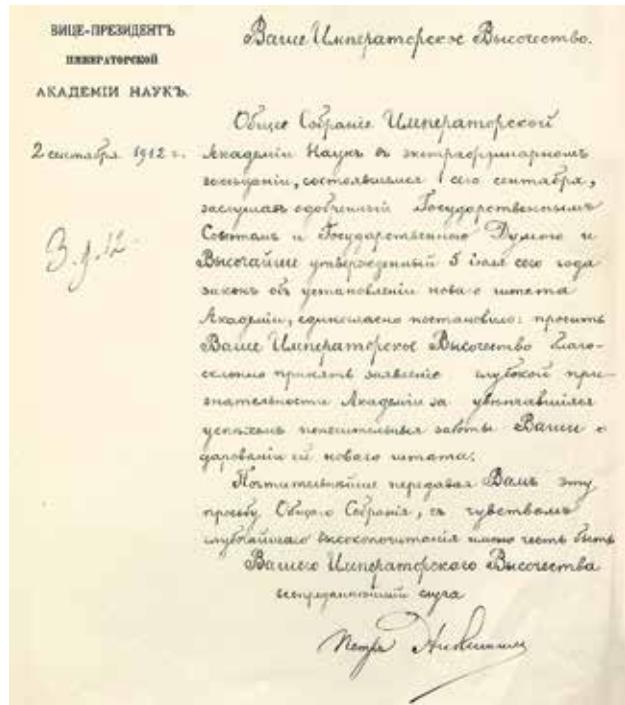
В мае 1908 г. проект общеакадемического штата, который предусматривал существенное увеличение финансирования Академии наук и ее учреждений, был готов. Академия использовала влиятельный голос своего президента вел. кн. Константина Константиновича, чтобы ускорить прохождение законопроекта по высшим инстанциям. Но на последнем этапе Государственная дума внесла в законопроект положение, допускавшее в Академию наук наравне с мужчинами женщин, которые могли занимать в ней должности

вплоть до директоров научных учреждений. Финансовая комиссия Государственного совета (в пике Думе) внесла поправку, исключающую пункт о праве женщин занимать административные должности, признавая это за чрезмерный феминизм. Дело принимало неприятный для Академии наук оборот. Если бы злополучная поправка была принята, законодательная волокита затянулась бы еще надолго. Своим своевременным вмешательством президент спас положение, и поправка исчезла из законопроекта. Вице-президент П. В. Никитин поздравил вел. кн. Константина Константиновича с великим успехом его забот об Академии, для которой его «заступничество в самый критический момент было истинным спасением»¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Доклад бюджетной комиссии по смете расходов Министерства народного просвещения на 1909 г. // Государственная Дума. Доклады бюджетной комиссии. Третий созыв. Сессия вторая. 1908—1909 гг. Т. III. С. 19.

¹⁰⁷ СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 51. (Письмо П. В. Никитина к вел. кн. Константину Константиновичу от 25 июня 1912 г.).

Письмо вице-президента
П. В. Никитина
вел. кн. Константину
Константиновичу с выражением
признательности
Общего собрания за его заботы
об утверждении нового штата
Академии наук.
2 сентября 1912 г.
СПбФ АРАН. Ф. 6.
Оп. 1. Д. 35. Л. 69.

Новый штат Академии наук был утвержден 5 июля 1912 г.¹⁰⁸ Бюджет Академии был доведен до 1 007 159 руб. и предусматривал усиление личного состава, увеличение расходов на научные предприятия, удовлетворение потребностей научных и вспомогательных учреждений. Число штатных единиц было определено в 153, из них 43 ординарных академика. Штат провозгласил принцип равенства всех действительных членов Академии. Содержание ординарных академиков возросло до 6 000 руб. в год, с прибавкой 600 руб. «по званию академика».

Уже в конце 1912 г. Академия наук могла похвастаться результатами перемен. «Заканчивая академический год, —

сообщал вице-президент П. В. Никитин вел. кн. Константину Константиновичу, — Правление Академии оказалось ныне в таком благоприятном положении, какого давно не испытывало: мы смогли уплатить без остатка, без переноса на следующий год, все расходы общего хозяйства Академии, допустили даже маленькую роскошь: купили ковер, покрывавший в день акта всю длину нашей парадной лестницы, и после этого все еще осталось в сбережении несколько тысяч в помощь нашим ученым учреждениям»¹⁰⁹. Хотя за пять лет проволоочки штат успел устареть, он стал важной вехой в истории Академии наук и, пусть на короткий срок, обеспечил ей достойное существование.

¹⁰⁸ Закон об установлении нового штата Императорской Академии наук и Положения о Типографии той же Академии // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 5 июля 1912 г. № 162. Ст. 1484. С. 3049—3066.

¹⁰⁹ СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 1 об. (Письмо П. В. Никитина вел. кн. Константину Константиновичу от 30 декабря 1912 г.).

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ XIX ВЕКА В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

По сравнению с нынешней академией Императорская Академия наук выглядела скромным учреждением. В XIX в. она включала состоявших на государственной службе действительных членов (ординарных академиков, экстраординарных академиков и адъюнктов), а также отечественных и иностранных почетных членов и членов-корреспондентов. Большая их часть находилась на государственной службе и получала жалованье. Остальные были «бессребренниками» — для них академическое звание было почетным титулом, выражением признания их научных заслуг.

Главной обязанностью ординарного академика была исследовательская работа в области той науки, представителем которой он являлся в Академии. Академик не мог отказаться от выполнения любого поручения, возложенного на него Академией, в рамках его научной специальности. Предметом занятий академиков были точные, естественные и гуманитарные науки. Хотя круг конкретных дисциплин был ограничен, допускалось его расширение присоединением новой науки, если Академия находила это выгодным. На данном основании в 1820-е гг. к предметам занятий академиков были присоединены классическая филология и востоковедение. После 1841 г. все действительные члены распределялись по трем отделениям: физико-математическому (I отделение, ФМО), русского языка и словесности (II отделение,

ОРЯС) и историко-филологическому (III отделение, ИФО).

Штатная численность академической корпорации была небольшой и за столетие увеличилась с 38 до 55 человек. Штат 1803 г. включал 18 ординарных академиков и 20 адъюнктов, а штат 1836 г. был и того меньше — всего 31 человек: 21 ординарный академик и 10 адъюнктов. Экстраординарные академики в расчет не принимались; это звание предназначалась исключительно для поощрения адъюнктов, поэтому вакансий экстраординарных академиков не было. Небольшое увеличение числа академиков в 1836 г. произошло за счет адъюнктов, которые в ту пору по-прежнему считались учениками и подмастерьями академиков. Президент С.С. Уваров вдвое урезал количество адъюнктов, будучи убежден в том, что «Академия не должна с младенчества приуготовлять себе сотрудников, но избирать их в зрелости лет и таланта, умевших приобрести себе имя в ученом свете»¹¹⁰.

В 1894 г. общее число академиков и адъюнктов увеличилось до 41 человека. В состав I отделения входили 17 ординарных академиков и 4 экстраординарных академика и адъюнкта; II отделения — 7 ординарных академиков; III отделения — 8 ординарных академиков и 5 экстраординарных академиков и адъюнктов. В отношении членов ОРЯС было ликвидировано различие академических степеней и оставлено одно звание ординарно-

¹¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 307. Л. 15. (Доклад С.С. Уварова А.С. Шишкову. 22 февраля 1827 г.).

«Академику Генриху Ивановичу Вильду в день 25-летия трудов его по метеорологии и климатологии России от его товарищей-сослуживцев. 10 мая 1893 г.»
 Академический корпус в 1893 г. Слева направо: нижний ряд — А. П. Карпинский, К. Г. Залеман, А. А. Марков, Н. Ф. Дубровин, П. В. Никитин, Ф. Д. Плеске, С. И. Коржинский; второй ряд — Ф. Ф. Бейльштейн, Н. Н. Бекетов, Н. А. Бунге, Ф. А. Бредихин, А. С. Фаминцын, Л. Н. Майков; третий ряд — О. А. Баклунд, В. В. Радлов, Г. И. Вильд, Ф. Б. Шмидт, В. П. Васильев; верхний ряд — А. Н. Веселовский, Ф. В. Овсянников, А. А. Штраух, вел. кн. Константин Константинович, Я. К. Грот, К. С. Веселовский, Л. И. Шренк
 СПбФ АРАН. Ф. 210. Оп. 2. Д. 159. Л. 1

го академика. Штат 1912 г. уничтожил звания экстраординарного академика и адъюнкта для всей корпорации и увеличил число ординарных академиков до 43 (22 — в ФМО, 6 — в ОРЯС и 15 — в ИФО).

После того как в 1803 г. Академия наук вошла в состав Министерства народного просвещения, впервые оформился правовой статус ее действительных членов. В прежние времена ученые не имели чинов, что в бюрократизированном государстве делало их положение весьма неопределенным. По-

этому Леонард Эйлер при вторичном вступлении в Академию наук просил для себя чина. Просьбу ученого Екатерины II элегантно отклонила со словами: «Я бы дала ему, когда он хочет, чин, если бы не опасалась, что этот чин сравняет его со множеством людей, которые не стоят Эйлера. Поистине, его известность лучше чина для оказания ему должного уважения».

По Регламенту 1803 г. академиком давался чин коллежских советников (VI класс), экстраординарным — надворных советников (VII класс), адъюн-

Комплект предметов для голосования: урна для тайного голосования «Голос», с выдвижным ящичком; урна для тайного голосования, с выдвижным ящичком; серебряные тарелочки для голосования с белыми и черными шарами

СПбФ АРАН. Р. XIV. Оп. 1. Д. 3; 4; 5; 6

ктам — коллежских ассессоров (VIII класс). По университетскому уставу 1835 г. ординарный профессор состоял в VII классе, т.е. ординарный академик стоял одной ступенью выше профессора университета. Устав 1836 г. закрепил высокое положение академических ученых в российском обществе. По штатному расписанию 1894 г. статус действительных членов повысился: ординарный академик был отнесен к IV классу (действительный статский советник), экстраординарный академик и адъюнкт — к VI классу (коллежский советник). По штату 1912 г. класс ординарных академиков оставался прежним — IV.

С 1803 г. Академия наук стала пользоваться правом избрания новых членов, с последующим утверждением их императором по представлению министра народного просвещения. Право

выдвижения кандидатов в действительные члены целиком принадлежало Академии. Звание академика давалось пожизненно, и пожизненное членство ограничивало способы пополнения Академии. Замещение академической кафедры было возможно только после ее освобождения, которое происходило обычно со смертью академика.

Для вступления в академическую корпорацию не нужно было ни ученой степени, ни даже свидетельства о среднем или высшем образовании. Академический устав запрещал в то время «вносить в список кандидатов людей неизвестных и посредственных». Выборам предшествовало келейное обсуждение подходящих кандидатур на частных совещаниях, где академики, как правило, приходили к соглашению или компромиссу. Если мнения академиков расходились относительно до-

стоинств кандидатов, кафедра могла оставаться вакантной несколько лет. К намеченному кандидату (редко их бывало больше одного) академики обращались за согласием баллотироваться, и в случае его согласия составлялась мотивированная записка о научных заслугах кандидата. Каждая рекомендация подписывалась тремя академиками. По Регламенту 1803 г. в выборах участвовали только академики, Устав 1836 г. давал такое же право адъюнктам. После разделения в 1841 г. Конференции (Общего собрания) на три отделения процедура проходила в два этапа — сначала на заседании отделения, а потом на Конференции закрытой баллотировкой.

Баллотирование производилось белыми и черными шарами. В зале устанавливали две урны: справа — урна с надписью «Голось», слева — урна без надписи. Если академик голосовал за предлагаемого кандидата, он бросал белый шар в урну с надписью «Голось», а оставшийся у него черный шар — в другую урну; если он голосовал про-

тив кандидата, то в урну «Голось» он клал «черняка» (так в академическом обиходе называли черный шар). Процедуру голосования на академическом языке можно было описать и так: «положить направо» — проголосовать «за», «положить налево» — проголосовать «против» кандидата. Кандидат считался избранным, если получал не менее двух третей голосов.

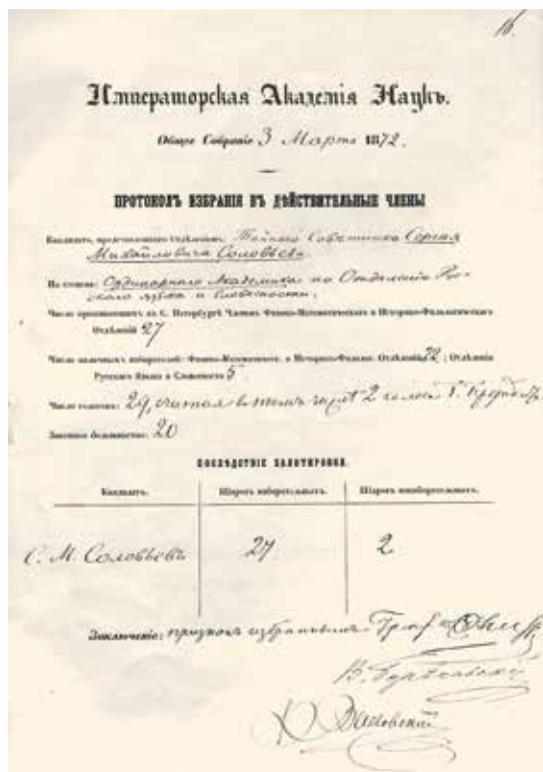
Уставные документы требовали отдавать предпочтение отечественным ученым, но не исключали возможности приглашения ученых из-за рубежа. В начале XIX в. тон в Академии наук задавали ученые русского происхождения, своим образованием и карьерой целиком обязанные Академии. Они прошли через академическую гимназию и университет, побывали на стажировке в Европе, а по возвращении в академическом собрании выдержали испытание и в награду получили сначала звание адъюнкта, а потом и академика. Неудивительно, что некоторые из них считали себя солью земли и искренне думали, что их судьба явля-

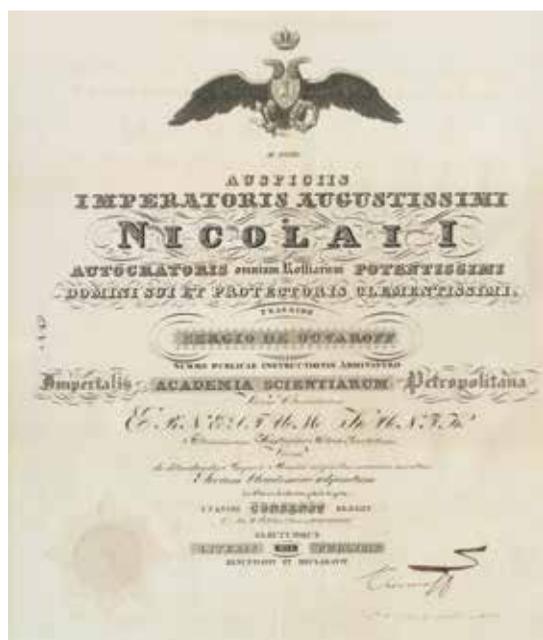
Тарелочка «День» для белых шаров
СПбФ АРАН. Р. XIV. Оп. 1. Д. 5

Тарелочка «Ночь» для черных шаров
СПбФ АРАН. Р. XIV. Оп. 1. Д. 6

Протокол избрания С. М. Соловьёва в ординарные академики. 3 марта 1872 г. СПбФ АРАН. Ф. 27. Оп. 17. Д. 47а. Л. 16

Диплом об избрании А. А. Куника в адъютанты Академии наук. 1844 г. СПбФ АРАН. Ф. 95. Оп. 3. Д. 3. Л. 1

лась исполнением замысла великого основателя Академии, мечтавшего о том, что со временем ее наполнят отечественные ученые, выпестованные иностранцами. Среди сторонников подобного курса выделялся своей запальчивостью натуралист Н. Я. Озерцовский. Непременный секретарь Н. И. Фус, швейцарец по происхождению, напротив, находил такой подход отсталым и недостойным научного общества. Оба оппонента имели влиятельный голос в Главном правлении училищ, которое занималось учебной реформой, и на высшем уровне отстаивали свою позицию.

Разногласия противоборствующих сторон обнаруживались и во время обсуждения кандидатур на вакантные кафедры: одни настаивали на том, чтобы в академики избирались ученые с прочной репутацией, другие же требовали учитывать в первую очередь национальный фактор. И все же, несмотря на расхождения ученых во взглядах, Академия строго придерживалась принципа избирать в ординарные академики только таких ученых, которые были «известны в ученом свете своими сочинениями и полезными открытиями», как того требовал Регламент. Ученых русского происхождения, получивших всеобщее признание и поэтому достойных быть избранными в Академию наук, в то время было совсем немного.

Когда президентом стал С. С. Уваров, то в поисках кандидатов, достойных занять академические кафедры, он обратился к лучшему в то время российскому университету — Дерптскому. Благодаря возможности привлекать известных ученых из Германии Дерптский университет представлял собой центр немецкой науки в пределах Рос-

сийской империи. В нем наибольших высот достигли естественные и точные науки, а сам он служил своеобразным культурным мостом, связывавшим Российскую империю с Западной Европой.

Ключевой фигурой в истории Академии наук второй четверти XIX века был бывший ректор и заслуженный профессор Дерптского университета Георг Фридрих Паррот (1767—1852). Пылкостью речи и преданностью идеям Просвещения профессор обратил на себя внимание императора Александра I. Между ними завязалась переписка, и ученый прослыл «личным другом» императора. Пользуясь высоким покровительством, Г. Ф. Паррот доставил Дерптскому университету важные привилегии. В память о брате Николай I тоже оказывал Г. Ф. Парроту знаки внимания. Неудивительно, что С. С. Уваров был счастлив принять в Академию наук естествоиспытателя с европейской известностью и общественного деятеля, обласканного властью.

Г. Ф. Паррот оказал российскому просвещению важную услугу, предложив создать в Дерпте Профессорский институт и готовить в нем «национальные кадры» для российских университетов. На протяжении 10 лет (1828—1838) здесь обучались будущие русские профессора, прежде чем выехать за границу для завершения образования. Professor-Embryonen (профессора в зародыше, или зародыши профессора) — так в шутку называли в Дерпте молодых людей, присланных в Профессорский институт¹¹¹. Через эту школу прошло два десятка молодых ученых, которые позже составили костяк российских университетов.

Избрание Г. Ф. Паррота в Академию наук состоялось в начале 1826 г. Вскоре при его посредничестве и благодаря умелым административным действиям С. С. Уварова в Академии собрались лучшие представители дерптской школы: математик и физик Георг Паррот, физик Генрих Ленц, зоолог Карл Бэр, химик Герман Гесс, минералог Адольф Купфер, астроном Фридрих фон Струве. Своей многолетней деятельностью эти блестящие ученые превратили Академию наук в крупный научный центр и подняли ее до уровня ведущих академий мира. В последующие годы через Дерптский университет прошли академики: зоологи Ф. Ф. Брандт, А. А. Штраух и Л. И. Шренк, ботаник К. И. Максимович, геолог Ф. Б. Шмидт.

Некоторая часть российского общества считала профессоров и воспитанников Дерптского университета «русскими иностранцами» и представителями немецкой науки. Недоброжелательное отношение к ним усилилось в период расцвета славнофильства и смены вектора государственной национальной политики. Программа форсированной русификации Прибалтийского края встретила сопротивление прибалтийских немцев и привела к серьезным расхождениям между балтийской и российской общественностью. В 1860-е гг. академики немецкого происхождения оказались под огнем критики, а вместе с ними досталось и учреждению в целом. Академию открыто обвиняли в пристрастии к немецким ученым, которые публикуют свои труды на иностранных языках и занимаются исследованием теоретических проблем, далеких от практических нужд.

¹¹¹ Пирогов Н. И. Дневник старого врача // Пирогов Н. И. Сочинения. Т. 2. Киев, 1916. Стлб. 448.

Русофильские настроения в это время проявлялись и в самой Академии наук, они подогревались в Отделении русского языка и словесности, которое академики между собой называли «Русским отделением». Члены «национального» отделения полагали, что их труды в большей степени, чем занятия двух других отделений, служили национальным интересам страны. По иронии судьбы единственным настоящим филологом в ОРЯС был уроженец Прибалтики Александр Христофорович Востоков (1781—1864). Он один стоил целого отделения и своими трудами заложил основы славянской филологии. В свое время любовь к русскому языку заставила его сменить родную фамилию Остенек на Востоков. И все же с возникновением ОРЯС общее соотношение ученых иностранного и русского происхождения изменилось.

В 1856 г. непреременный секретарь А. Ф. Миддендорф признал, что принципы избрания новых членов не всегда безупречны, потому что «число имеющих право быть избранными нередко превышает число избранных». Тогда он пенял на то, что скромный размер жалованья не позволял привлекать в Академию европейских знаменитостей. Академия находилась перед выбором: набирать «своих рекрутов» из числа молодых европейских ученых, и в этом случае «брать на себя перед лицом всей нации безраздельную ответственность за будущие успехи» этих зарождающихся гениев, или же довольствоваться ветеранами из местных ученых, заслуги которых, по мнению А. Ф. Миддендорфа, «соотечественники склонны преувеличивать»¹¹².

При выдвижении нового кандидата в Академию во внимание принимались не только его научные достижения. На действительных членов налагался ряд обязательств: курирование крупных научных проектов, редактирование академических изданий, руководство многочисленными «учеными принадлежностями» — музеями, лабораториями, обсерваториями. Поэтому отечественную Академию называли «академией труда», в отличие от западных «академий почета». Для выполнения обязанностей директора музея или лаборатории требовались не только талант исследователя, но также административные способности и специальные знания.

В последней трети XIX в. благодаря деятельности самой Академии и других учреждений отечественная наука окрепла уже настолько, что появилось немало достойных кандидатов на академическое кресло из природных русских. Российские университеты превратились в крупные научные центры страны и обеспечивали Академию свежими научными силами. Наметила отчетливая тенденция перехода интернациональной по своему составу Академии наук в национальную. Приглашения иностранных ученых стали редкостью, хотя их выбор полностью себя оправдал. «Ученые с немецкими фамилиями», будь то иностранцы, обрусевшие уроженцы России или выходцы из дерптской школы, сделали все, чтобы обеспечить наступление «русского периода» в истории Академии наук. Академия могла гордиться трудами историка А. А. Куника, филолога-классика А. К. Наука, геофизика

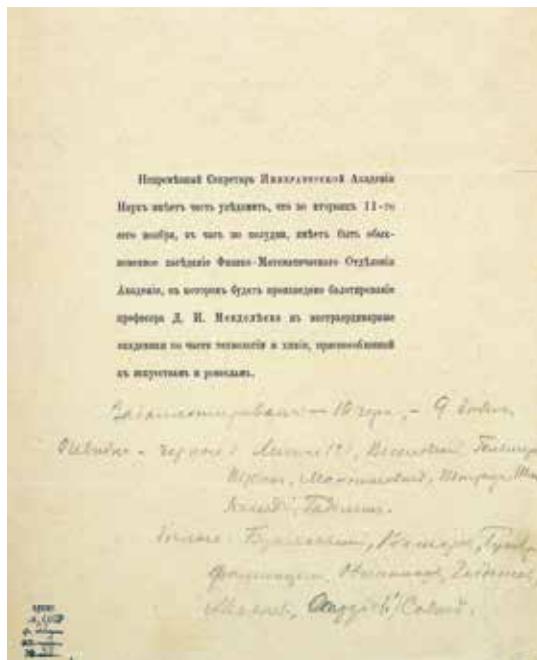
---

¹¹² [Middendorff A.] Discours du secrétaire perpétuel. 29 décembre 1856 // Compte rendu de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. SPb., 1856. P. 27.

Г. И. Вильда, астронома О. А. Баклунда. Последним «иностранцем» в Академии наук был тюрколог В. В. Радлов, избранный ординарным академиком в 1884 г.

Академик А. М. Бутлеров, горячий русский патриот, даже в своей «анти-немецкой» статье «Русская или только Императорская Академия наук в С.-Петербурге?» отдал дань уважения немецким ученым. «В своем научном развитии, — писал он, — я многим обязан западноевропейской науке и привык относиться к ней с должным уважением. С другой стороны, с прошедшим нашей Академии связаны столь блестящие имена, чужие по звуку, но родные нам по великим заслугам пред Россией, что нельзя не преклоняться пред ними с полным уважением»¹¹³.

Противопоставление немцев с русскими иногда становилось тактическим приемом, когда к объективным трудностям выбора подходящего кандидата присоединялись другие мотивы. В таких случаях разногласия могли принимать форму противостояния. Так, действием «темных» сил «немецкой партии» газеты объясняли провал кандидатуры Д. И. Менделеева в 1874 и 1880 гг., вопреки заявлению представителя химии в Академии А. М. Бутлерова. «Русскую» нишу химия занимала в Академии с 1855 г., когда она открыла свои двери для Н. Н. Зинина, главы первой научной химической школы в России. Через 15 лет академического звания удостоился его ученик, ставший к тому времени профессором Петербургского университета, А. М. Бутлеров — уче-

Приглашение на заседание
Физико-математического отделения,
«в котором будет произведено
баллотирование профессора Д. И. Менделеева
в экстраординарные академики по части
технологии и химии, приспособленной
к искусствам и ремеслам».

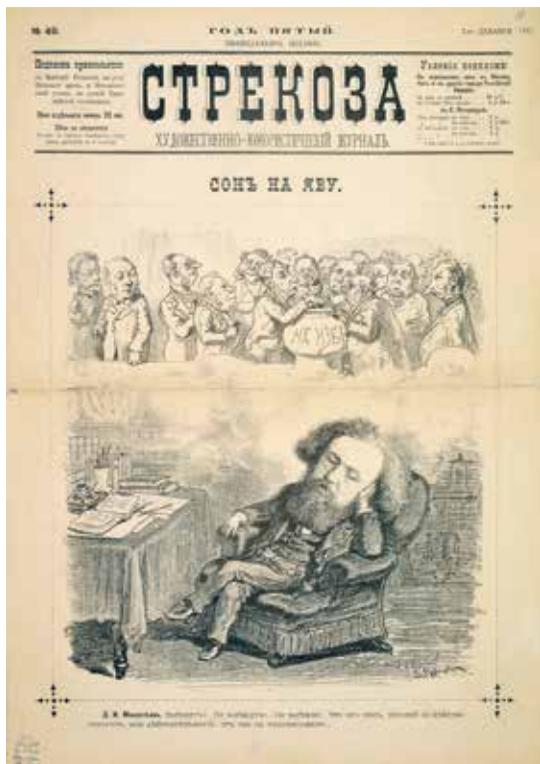
Запись карандашом:

«Забаллотирован: — 10 черн., 9 белых.
Очевидно — черные: Литке (2), Веселовский,
Гельмерсен, Шренк, Максимович, Штраух,
Шмидт, Вильд, Гадолин. Белые: Буняковский,
Кокшаров, Бутлеров, Фаминцын, Овсянников,
Чебышёв, Бекетов, Струве, Савич»

СПбФ АРАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 38. Л. 1

ный с европейским именем, глава школы химиков-органиков. Он горячо ратовал за избрание в Академию своего коллеги по университету Д. И. Менделеева, ведь академическое звание могло считаться своего рода билетом в химическую элиту. Однако научные заслуги Д. И. Менделеева в то время не были общепризнанными, а его главное достижение, Периодический

¹¹³ Бутлеров А. М. Русская или только Императорская Академия наук в С.-Петербурге? // Бутлеров А. М. Сочинения. Т. III. М., 1958. С. 118.

*«Сон наяву. Д. И. Менделеев. Выберут? Не выберут? Не выбрали! Что это: сон, похожий на действительность, или действительность, от сна не отличающаяся?»
Карикатура в газете «Стрекоза».
7 декабря 1880 г.*

СПбФ АРАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 38. Л. 10

закон, пока не был воспринят большинством химиков. Увы, от подобных досадных ошибок не в силах уберечься ни одно научное сообщество (Французская академия, например, только со второго раза избрала П. Кюри).

Превращение Академии наук в национальную академию было предопределено набиравшим силу по всей стране процессом «разнемечивания».

Впрочем, эта тенденция прослеживается на протяжении всего 200-летнего развития Академии: статистика говорит о том, что за два века иностранцы составляли около 40% всего числа действительных членов, но если в XVIII в. немцы составляли 68,2% личного состава, то в XIX в. — 26,4%, а в начале XX в. — всего 10,5%¹¹⁴.

Закономерный процесс «обрусения» Академии наук ускорился при императоре Александре III (1881—1894), приверженце национальных традиций. Уже в 1882 г. вступил в силу закон об избрании в адъюнкты Академии наук исключительно русских ученых. Академия пополнилась новыми действительными членами — профессорами университетов и других учебных заведений России, труды которых получили широкую известность. В 1886 г. в Академию были избраны химик Н. Н. Бекетов, китаист В. П. Васильев, геолог А. П. Карпинский, математик А. А. Марков, в 1887 г. — историк Н. Ф. Дубровин, в 1888 г. — филолог-классик П. В. Никитин.

Состав Академии наук значительно изменился во время президентства вел. кн. Константина Константиновича. Кандидатами на выборах выступали уже только российские подданные, о приглашении иностранных ученых не было и речи. Более того, президент нередко влиял на исход академических выборов, отдавая свои два голоса русским кандидатам и обеспечивая им победу на выборах, так как, по его собственному признанию, «немец ме-

¹¹⁴ Янжул И. И. Национальность и продолжительность жизни (долголетие) наших академиков // Известия ИАН. 1913. № 6. С. 288; Романовский С. И. «Обрусение» российской науки как национальная проблема // ВИЕТ. 1999. № 3. С. 43—56; Старостин Б. А. Петербургская Академия наук в поисках национальной самоидентификации // Российская Академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 259—321.

нее желателен в видах обрусения Академии»¹¹⁵.

На рубеже веков Академия пополнилась новыми для нее членами. Во время подготовки празднования 100-летнего юбилея А. С. Пушкина вел. кн. Константин Константинович добился создания Разряда изящной словесности (Пушкинского отделения, как он его называл). Указ о создании нового разряда вышел 29 апреля 1899 г.¹¹⁶ Отделение русского языка и словесности получило шесть новых кафедр ординарных академиков, которые наряду с учеными могли занимать литераторы. Это нововведение, однако, не вызвало сочувствия в академической среде. Мысль об отличии академика от писателя выразил историк отечественного просвещения академик М. И. Сухомлинов: «Писатель в сочинении судит красоту мыслей, академик красоту и правдивость. Писатель читает, академик толкует. <...> Писатель гремит, блестит, поражает, удивляет, академик учит. Писатель горяч, академик хладнокровен. Академик в Академии хозяин, писатель гость»¹¹⁷.

Члены Отделения предложили выделить вновь избираемых литераторов в особую группу и дать им наименование почетных академиков. Первым почетным академиком в 1900 г. стал К. Р. В разряд вошли многие видные русские писатели, удостоенные звания почетного академика — Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, И. А. Бунин. В 1902 г. прошли очередные выбо-

ры почетных академиков. Избран был А. М. Горький, но его избрание было отменено императором Николаем II (1894—1917), в знак протеста А. П. Чехов и В. Г. Короленко покинули Академию наук.

В 1912 г. непреременный секретарь Академии С. Ф. Ольденбург поздравил вел. кн. Константина Константиновича с тем, что за 23 года его президентства «Академия стала Русской Академией, и самые злые ее недоброжелатели этого не решатся отрицать»¹¹⁸.

Академия пользовалась приоритетным правом издания результатов научных исследований своих действительных членов. Только после публикации в академических изданиях им дозволялось поместить свою работу в зарубежных журналах. Труды академиков печатались небольшими тиражами — по 300—400 экземпляров. Живой летописью трудов Академии являлись ее периодические издания — «Записки Императорской Академии наук» («Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences des St. Pétersbourg») и «Известия Императорской Академии наук» («Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences des St. Pétersbourg»). «Известия» предназначались для публикации небольших работ, обширные исследования печатались в «Записках». Отделение русского языка и словесности издавало «Сборник ОРЯС».

Отделение русского языка и словесности последовательно отстаивало права русского языка в академических

¹¹⁵ Оубл.: К. Р. Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. С. 182. Запись 17.08.1891.

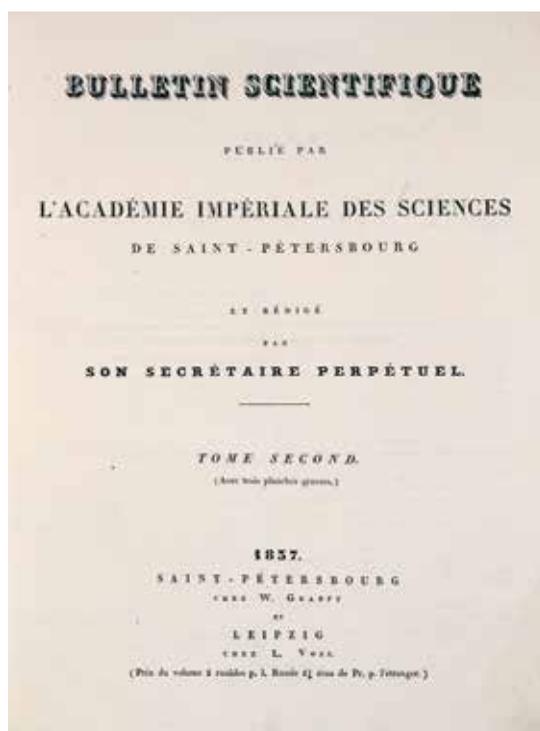
¹¹⁶ ПСЗ. Собр. 3-е. СПб., 1902. Т. XIX. С. 375—376.

¹¹⁷ СПбФА АРАН. Ф. 101. Оп. 1. Д. 58. Л. 2. (Сухомлинов М. И. О разности между академиком и писателем).

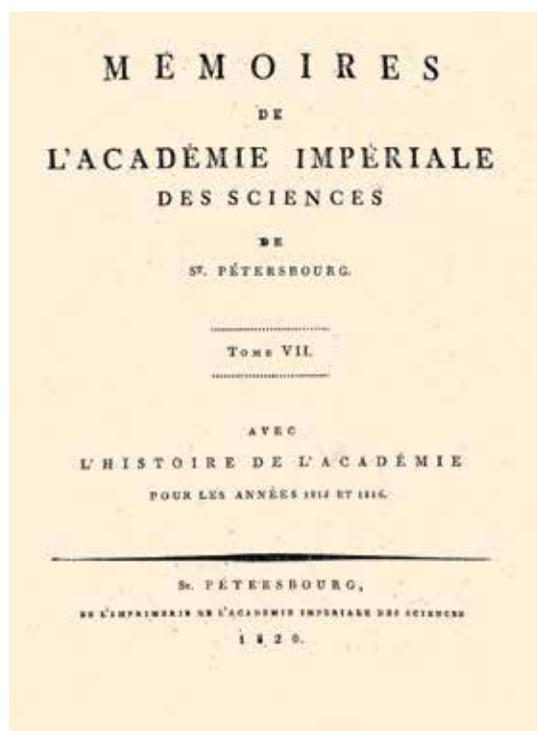
¹¹⁸ СПбФА АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 79 об.— 80. (Письмо С. Ф. Ольденбурга Константину Константиновичу от 16 октября 1912 г.).

Полка с академическими изданиями в СПбФ АРАН

Записки Императорской Академии наук. 1820.
Т. VII. Титульный лист
СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 4. Д. 1744 / IV-53. Л. 1

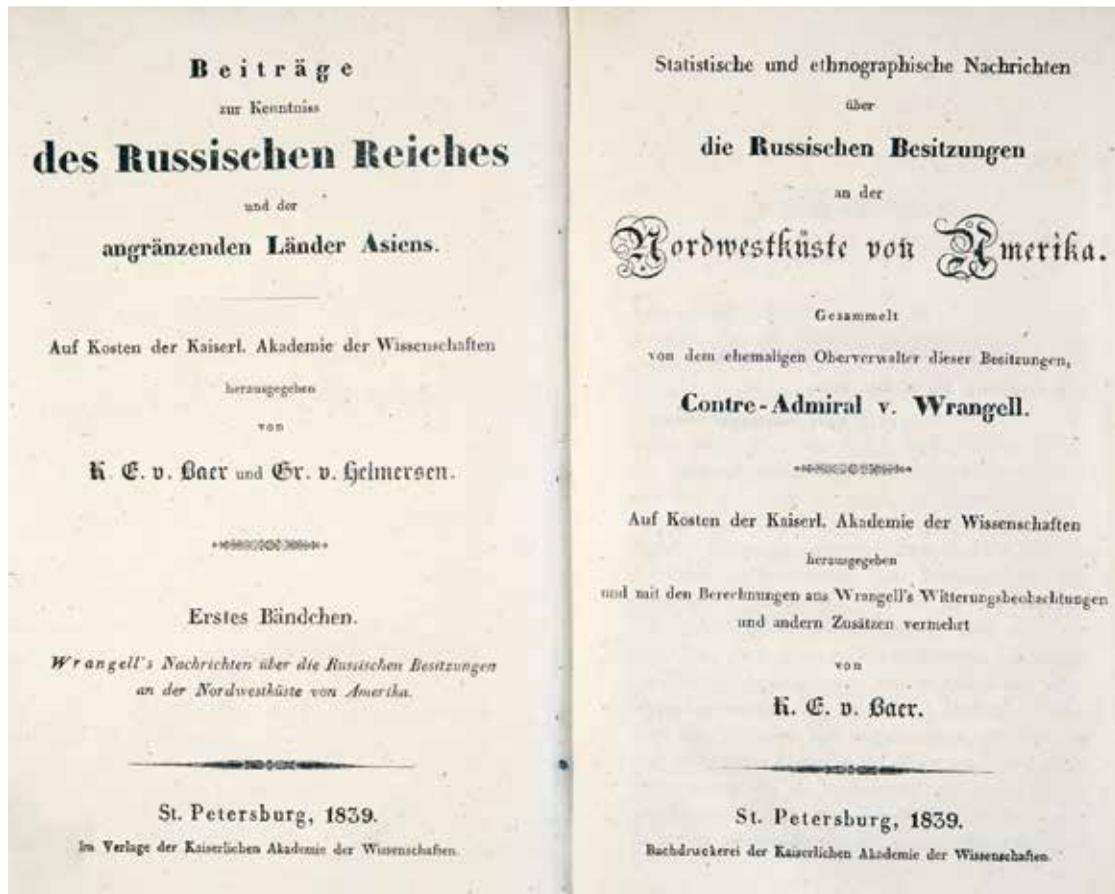
Известия Императорской Академии наук.
1837. Т. 2. Титульный лист
СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 4. Д. 1827 / IV-57. Л. 2

Известия Императорской Академии наук
по Отделению русского языка и словесности.
1852. Т. 1. Титульный лист
СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 3. Д. 3017 / II-319. Л. 2

Вклад в познание Российской Империи
и соседних стран Азии. Т. 1. СПб., 1839.
Титульный лист

СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 4. Д. 1690 / IV-49. Л. 1 об. — 2

изданиях. За рамки научной дискуссии вышел вопрос об издании санскритского словаря, подготовленного академиком О. Н. Бётлингом. Когда в 1852 г. он представил для публикации первый выпуск словаря, некоторые члены ОРЯС стали настаивать на необходимости печатать его с переводом санскритских слов на русский, а не на немецкий язык. Причиной возражений стали не только национальные амбиции, но и лоббирование интересов русскоязычного автора К. А. Коссовича, работавшего в то время над русским санскритским словарем. В ответ на этот демарш С. С. Уваров потребовал приступить к печатанию словаря в том виде, в каком он был уже сделан. Президент выбрал академиков по ОРЯС за их «незрелый порыв», который привел к «бесплодной распре», предосудительной для Академии и «противной ее пользе и славе»¹¹⁹. Словарь составил эпоху в изучении санскрита и в течение столетия служил основой европейской индологии, увековечив имя О. Н. Бётлинга. В знак уважения к Академии наук созданные ученым санскритские словари, полный (совместно с Рудольфом Ротом) и краткий, называли просто «Петербургскими словарями».

«Лексикографический» инцидент вызвал в Академии наук дискуссию о языке академических изданий. Члены ОРЯС печатали свои труды исключительно на русском языке и сожалели о том, что их коллеги не проявляют языкового патриотизма. Иностранцы ученые постепенно осваивали язык страны, которая для многих из них стала второй родиной, но предпочитали писать свои труды на латинском, немецком и французском языках. Той же

языковой практики придерживались и русские члены ФМО и ИФО, чтобы не обречь себя на полную безвестность в европейском научном сообществе.

Академическая корпорация твердо стояла на том, что Академия наук в России не может развиваться обособленно от научного мира, напротив, она является частью международного научного сообщества и должна поддерживать с ним постоянное общение и взаимный обмен трудами, исследований и открытий. В то же время часть изданий Академии выходила на русском языке. С 1857 г. академические отчеты, публиковавшиеся ранее на французском языке, стали печататься по-русски. С 1862 г. на русском языке стал выходить новый журнал «Записки Императорской Академии наук», но русская публика проявляла к нему мало интереса, за первые четыре года было куплено всего 250 экземпляров. Причину непопулярности в России своих изданий академики видели не в языке, на котором они написаны, а в том, что они являются учеными трудами. Только в конце XIX в. некоторые русские ученые гуманитарных специальностей взяли себе за правило писать работы только по-русски, полагая, что при упорном проведении этого принципа западноевропейские коллеги вынуждены будут ввести в свой научный обиход русский язык. Делали они это по принципиальным соображениям, отстаивая право русской науки на самостоятельное существование.

Непременным условием академической деятельности было участие академиков в академических собраниях. Собрания были трех родов: торже-

---

¹¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1852. Д. 2. Л. 37.

*Большой конференц-зал в главном здании Академии наук в Санкт-Петербурге. Начало XX в.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 27. Л. 6*

ственные, экстраординарные и обыкновенные. Академия наук приглашала на свои торжественные собрания своих действительных и почетных членов, членов-корреспондентов и всех любителей наук. В эти дни члены Академии надевали парадные мундиры темно-синего сукна. По заведенному обычаю торжественное собрание проходило ежегодно 29 декабря в день празднования основания Академии. На собрании Академия наук отчитывалась о своих трудах за прошедший год, объявляла имена избранных в течение года почетных членов и членов-корреспондентов, а также имена ученых, получивших премии. Завершалось мероприятие праздничным банкетом. Для проведения торжественных заседаний предназначался парадный двусветный

большой конференц-зал, занимавший почти половину главного здания на берегу Невы.

В малом конференц-зале проходили общие собрания академиков и заседания отделений. Собрания экстраординарные мог созывать только президент Академии в случаях, требующих скорого решения. 18—20 марта 1906 г. на трех заседаниях проходили выборы выборщиков в Государственный совет по академической курии. После долгих споров большинство решило, чтобы не нарушить буквы закона, назначить выборы на четверть первого часа утра 20 марта. Несмотря на опасения, что собрание окажется слишком малочисленным, на ночное заседание собралось 25 человек, и выборы состоялись (они закончились победой кадетов).

*Малый конференц-зал в главном здании Академии наук в Санкт-Петербурге. Начало XX в.
СПбФ АРАН. Ф. 18. Оп. 3. Д. 4996. Л. 67*

После 1905 г. политика все настойчивее вторгалась в академическую жизнь. В Академии наметилось либерально-оппозиционное движение, члены конституционно-демократической партии играли ведущую роль, определяя общественное лицо учреждения (поэтому Академию иногда называли «кадетским корпусом»). В первом ряду кадетов стояли академики молодого поколения: А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Ольденбург, А. А. Шахматов, В. И. Вернадский. Несколько человек (П. В. Никитин, В. Р. Розен, К. Г. Залеман) вступили в «Союз 17 октября». Четкой правительственной ориентации придерживались академики, занимавшие высокие государственные посты — попечитель Петербурго-

го учебного округа Н. Я. Сонин и директор Историко-филологического института В. В. Латышев; А. И. Соболевский стал вице-председателем черносотенного «Союза русского народа»; А. А. Марков причислял себя к левым.

В целом академики были сдержанны в выражении своих политических пристрастий в стенах Академии и избегали политически окрашенных выступлений. Академия не поддавалась действию раскаленной политической атмосферы, полагая, что она «до тех только пор и компетентна, пока остается в области вопросов, поставленных отвлеченно, пока остается верна чистой, отвлеченной науке. <...> В Академию выбирают не за политическую мудрость, а за ученые работы, по боль-

шей части ничего общего с политикой не имеющие»¹²⁰.

Обсуждению исключительно научных вопросов посвящались обыкновенные общие собрания, созывавшиеся один раз в месяц. Два раза в месяц академики заседали по отделениям. Время академических вакансий, в продолжение которых не было заседаний, колебалось от одного до полутора месяцев.

Во время заседаний нередко происходили горячие прения. Так, на одном из заседаний Физико-математического отделения зашел разговор об определении вида одного чучела обезьяны из коллекции Зоологического музея: одни причисляли его к *anthropopithecus Tschego*, т.е. гориллы, другие — к *anthropopithecus troglodytes*, т.е. шимпанзе. Чтобы окончательно решить этот вопрос, на заседание из музея доставили спорный экземпляр обезьяны. Кроме скупой протокольной записи сохранился живой рассказ об этом ученом собрании П. В. Никитина: «Театральным жестом простирая руку к этому чудищу, директор музея В. В. Заленский просил своего многоуважаемого оппонента “указать, где он находит признаки, по которым считает возможным определять эту обезьяну как *anthropopithecus Tschego*, а не как *anthropopithecus troglodytes*”. Многоуважаемый, конечно, молчал, а торжествующий Заленский при помощи книг и рисунков разъяснял нам, что мы видим перед собой несомненного, но несколько от старости сильно об-

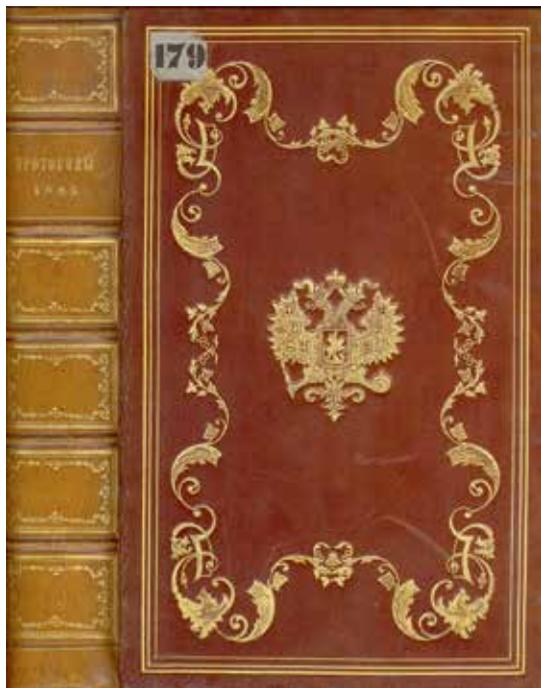
лысело *anthropopithecus troglodytes*. Речь была так убедительна, что не возражал даже Марков»¹²¹. Имя гениального математика А. А. Маркова упомянуто здесь не случайно: заядлый спорщик, он редко уступал чьему-либо мнению.

Необходимость присутствовать на заседаниях за редким исключением влекла за собой требование проживания в Санкт-Петербурге. Многие академики пользовались квартирами в ведомственном доме на 7-й линии и в других академических зданиях. Квартир на всех не хватало, и тогда в качестве компенсации академики получали «квартирные деньги», которые полностью или частично погашали их расходы на съемную квартиру. Распределением квартир и управлением всем академическим хозяйством занималось Правление. Здесь составляли квартирные списки, в которые академики вносили по старшинству их избрания. Когда квартира освобождалась, об этом сообщалось академикам, а те могли заявить о своем желании получить освободившуюся квартиру. Квартира предоставлялась Президентом старшему академику из числа подавших заявление. Вне очереди получали освободившуюся квартиру вице-президент, непрременный секретарь, директора музеев, лабораторий и обоих отделений библиотеки.

Академики не были полностью отстранены от решения хозяйственных вопросов, они делегировали в Правление своих представителей. В состав Правления входили президент, ви-

¹²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 29. Л. 73—73 об. (Письмо П. В. Никитина вел. кн. Константину Константиновичу от 2 ноября 1907 г.).

¹²¹ СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 311. Л. 17 об. (Письмо П. В. Никитина В. Р. Розену от 16 апреля 1903 г.).

Обложка подписных протоколов заседаний
Конференции (Общего собрания). 1885 г.
СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179

це-президент, правитель Канцелярии и три академика, которые избирались по одному от каждого отделения на трехлетний срок. Правление отвечало за сохранность денежной казны и коллекций; следило за содержанием и ремонтом зданий, отоплением и освещением; распоряжалось приходом и расходом денежных средств, в его ведении находились типография, финансирование изданий и ученых предприятий Академии наук. Вице-президент П. В. Никитин в шутку говорил, что в Академии наук он в основном занимается заготовкой дров и осматривает зубы лошадей, имея в виду свои повседневные заботы в Правлении Академии.

В ведении Правления находились наградные списки и пенсионные дела. В 1893 г. академики были уравнены в отношении пенсий и единовремен-

ных пособий с профессорами университетов. В случае болезни академикам предоставлялся длительный (до полугода) отпуск и пособие на лечение в размере 1000 руб. Пенсии полагались в случае неизлечимой болезни и последующей отставки. Семье умершего члена Академии полагалась наряду с единовременной выдачей годового жалования пенсия от четверти до половины штатного содержания.

Составление представлений о наградах в Академии наук было делом деликатным, необходимо было взвесить и учесть все обстоятельства, в том числе и пожелания претендентов. Нельзя было забывать и о том, что за ордена производились вычеты, и сумма, которую необходимо было уплатить, была довольно значительной, более месячного оклада академического жалования. Поэтому не для всех орден был наградой приятной. Академик А. А. Марков, например, заявил о своем нежелании получать награды.

Помимо действительных членов Академия наук имела в своем составе почетных академиков и членов-корреспондентов, на которых не возлагали определенных обязанностей, и они не получали содержания. Почетные члены и члены-корреспонденты могли быть как русские, так и иностранные. Согласно Уставу, почетные члены избирались из «знаменитых особ, известных своими познаниями и любовью к наукам» и из ученых, «приобретших особенную славу сочинениями, относящимися к какой-нибудь из наук, которыми Академия занимается». Звание члена-корреспондента служило выражением признания научных заслуг ученого. Возводя в эти звания того или другого из выдающихся иностранных ученых, Академия нередко руководи-

лась чувством благодарности за услуги, оказанные или ей самой, или вообще русской науке.

Когда начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война обнажила хрупкость главных ценностей на земле — человеческой жизни и культуры, Академия наук доказала прочность своих моральных принципов и устоев. Академии ставили в упрек обилие немецких имен в списках почетных членов и членов-корреспондентов (свыше 25%), обвиняли в атрофии патриотических чувств и гражданственности. Антинемецкую волну подстегнуло опубликованное 4 октября 1914 г. обращение 93 немецких ученых «К культурному миру!», которое содержало несправедливые обвинения против России и русской науки. Среди подписей были имена девяти почетных членов и членов-корреспондентов Академии наук.

31 октября 1914 г. Совет министров принял постановление исключить подданных воюющих с Россией держав из состава научных учреждений и других организаций. В университетах пошла «цепная реакция» исключений, однако Академия наук долгое время обходила это постановление, ссылаясь

на опасность смешения науки и политики. «Предоставление званий почетного члена и члена-корреспондента не есть привлечение в состав Академии или к участию в ее деятельности, а есть такое выражение признания услуг, оказанных науке, которое, раз состоявшись, не может по самому своему смыслу быть взято обратно», — разъяснял суть дела вице-президент П. В. Никитин¹²². Экстраординарное общее собрание, состоявшееся 14 марта 1915 г., отклонило огульное исключение из списков Академии «неприятельских» подданных как «затруднительное или в точности даже неисполнимое и неудобное по своим последствиям». Под давлением обстоятельств 6 февраля 1916 г. Общее собрание все же выполнило постановление правительства, но без указания имен исключенных членов. А 6 ноября 1920 г. Общее собрание Российской академии наук вновь включило в списки всех исключенных во время Первой мировой войны. Таким образом Академия наук примиряла в своей деятельности национальные интересы служения России с интернациональными задачами развития единой науки.

¹²² СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 37. Л. 73 об.–75. Письмо П.В. Никитина вел. кн. Константину Константиновичу от 10.12.1914.

ВЕК ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ

«Василеостровский Ватикан» — так называли Императорскую Академию наук на рубеже XIX—XX вв., когда хотели подчеркнуть, с одной стороны, ее непререкаемый авторитет в вопросах науки, а с другой — некоторую отчужденность от внешнего мира.

По мере развития науки, изменения ее задач и условий времени менялись и организационные формы академической науки. Если в XVIII в. от Академии наряду с научной деятельностью требовались экспедиционные изыскания, широкая просветительная работа в университете и гимназии, то в XIX в. с появлением множества университетов и гимназий Академия могла всецело посвятить себя науке: наступил период интенсивной личной научной деятельности.

С ростом и усложнением научных задач ускорился процесс институционализации академической науки. Откликаясь на новые запросы жизни, Академия создала целый ряд научных организаций. По словам неперменного секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга, «мерило общего настроения научной деятельности» академиков и самой Академии «следует искать в деятельности академических лабораторий, библиотек, музеев, обсерваторий, комиссий»¹²³.

Одно из существенных отличий Императорской Академии наук от западноевропейских состояло в том, что на ее попечении находилась целая сеть

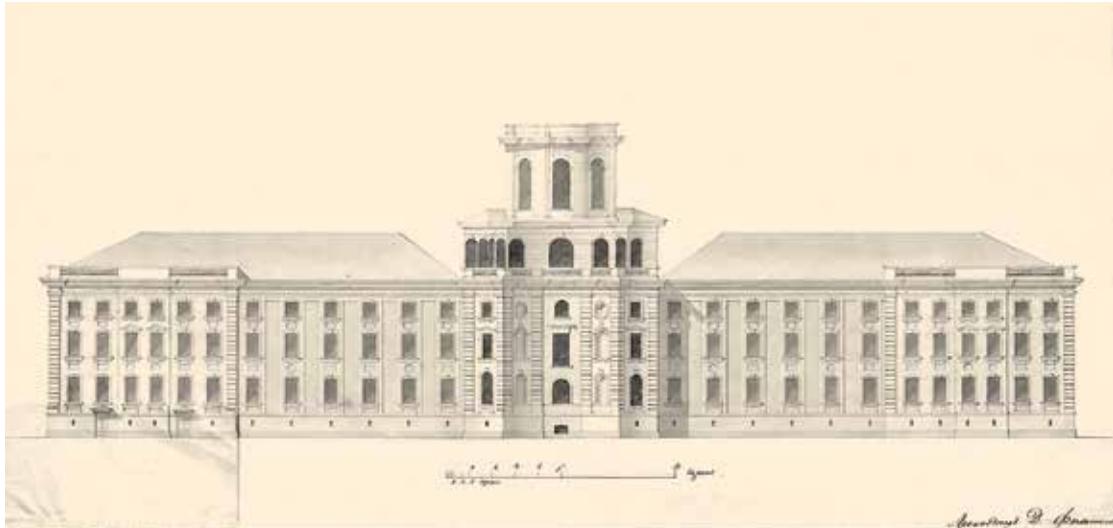
научных учреждений. В ранний период истории западноевропейских академий в их распоряжении были такие учреждения, как библиотека, астрономическая обсерватория, архив, ботанический сад, кабинеты физики и химии, музеи, но в XIX в. академии передали их государственным ведомствам, а свои лабораторные исследования перенесли в университетские лаборатории или научно-исследовательские институты.

Императорская Академия наук, напротив, не утратила собственных научных учреждений и на протяжении XIX в. продолжала расширять их сеть. Забота об «ученых принадлежностях» (как названы в уставе научные учреждения) составляла прямую обязанность академиков. Правительство доверяло кураторству Академии вновь возникавшие научные учреждения, некоторые из которых благодаря ее покровительству получили статус центральных учреждений Российской империи.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ МУЗЕИ: ОТ СКРОМНЫХ ХРАНИЛИЩ ДО ЦЕНТРАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Первая половина XIX в. стала временем возникновения специализированных академических музеев. Своё происхождение они ведут от созданных в 1714 г. коллекций Кунсткамеры и библиотеки Кунсткамеры, каждый музей получил частицу хранившихся в них петровских коллекций.

¹²³ Отчет о деятельности императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1904 год, составленный и читанный неперменным секретарем акад. С. Ф. Ольденбургом в публичном заседании 29-го декабря 1904 года. СПб., 1904. С. 5.

Д. Е. Филиппов. Фасад здания Кунсткамеры. [1828 г.]

СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 22. Д. 13. Л. 15

На начальном этапе своего развития музей и библиотека составляли единое целое и имели одного главного хранителя — библиотекаря. Кунсткамера располагала уникальными для своего времени коллекциями по естественным наукам и этнографии. Важную часть Кунсткамеры составлял Императорский кабинет — коллекция личных вещей Петра Великого, поступившая в музей после его смерти. Мемориальная экспозиция занимала два зала — «портретный» и «токарный». К кабинету Петра Великого примыкала коллекция редкостей, где находились ценные археологические находки — Сибирская коллекция Петра I, «могильные вещи», привезенные из академических экспедиций, а также этнографическое собрание — большое количество артефактов, домашней утвари и предметов материальной культуры разных народов.

В библиотеке Кунсткамеры хранилась личная библиотека Петра I, книж-

ные и рукописные коллекции, редкие картографические материалы, собрание монет и медалей; здесь же находилась коллекция физических и астрономических инструментов. Многие жители Санкт-Петербурга знали о существовании Академии наук именно благодаря собранию различных «диких» предметов в Кунсткамере.

По мере развития и дифференциации научного знания Кунсткамера как музей универсального типа стала себя изживать. В конце XVIII в. началось обособление ее отделов и деление на специальные кабинеты. Происходившее в недрах Кунсткамеры формирование тематических музеев было длительным процессом. Регламент 1803 г. зафиксировал разделение прежде единого учреждения на Музей ботаники, зоологии и минералогии (*Musée de Botanique, de Zoologie et de Minéralogie*) и Кабинет медалей и редкостей (*Cabinet de curiosités et de médailles*)¹²⁴. Управление ими поруча-

¹²⁴ Регламент Императорской Академии наук, 1803 г. § 111 // Уставы Российской Академии наук. 1724—2009. М., 2009. С. 104.

Н. Я. Озерецковский. Литография с портрета работы М. А. Кашенцева. 1830-е гг. СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-О. Д. 3. Л. 1

лось двум академикам — надзирателю музея и библиотекарю.

Наблюдение за Кабинетом естественной истории было поручено академику Н. Я. Озерецковскому. Опытный и преданный своему делу натуралист, он в своих многочисленных сочинениях дал подробное и точное описание природных богатств северной и средней России. Хорошо знал он и состав музея, в особенности его зоологические коллекции. На протяжении многих лет Н. Я. Озерецковский читал в музее публичные лекции по зоологии, сопровождая их демонстрацией экспонатов.

Заведование библиотекой с Минц-кабинетом и находившейся при библиотеке коллекцией физических и астрономических инструментов передавалось Ф. И. Шуберту. Математик и астроном Фёдор Иванович Шуберт

(1758—1825) славился своей универсальной ученостью и охотно взялся за новое дело, которое не было для него совершенно новым: ему уже приходилось заниматься инвентаризацией библиотеки и Минц-кабинета, инструментами он пользовался в своей исследовательской работе. Одновременно усилился процесс обособления отделов внутри музея: в 1804 г. был создан Минералогический кабинет, весной 1806 г. началось вычленение Ботанического и Анатомического кабинетов, ядром естественнонаучного собрания оставались зоологические коллекции.

С назначением в 1818 г. президентом Академии С. С. Уварова началось дальнейшее перемещение коллекций и обособление гуманитарных собраний, хранившихся в библиотеке. Толчком к переменам послужила ревизия библиотеки, проведенная министром народного просвещения и духовных дел кн. А. Н. Голицыным. При посещении Академии летом 1818 г. министр обратил внимание на беспорядок в академической библиотеке, между тем как она, по его словам, «составляет важный предмет любопытства не только для отечественных ученых, но и для приезжающих иностранцев». Тотчас поступило распоряжение принять меры «к приведению оной в то состояние, в каком ей быть следует для чести Академии»¹²⁵. В ответ на порицание министра С. С. Уваров приступил к реорганизации библиотеки. Отныне она переходила в непосредственное подчинение президента и была разделена на две части: русскую и иностранную. Из иностранной части С. С. Уваров распорядился выделить все восточные материалы в отдельное помещение под названием Вос-

¹²⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 185. Л. 3—3 об.

точного кабинета; это распоряжение от 11 (23) ноября 1818 г. считается датой создания Азиатского музея, как стали называть Восточный кабинет. В апреле 1819 г. С. С. Уваров предложил отделить управление библиотекой от управления Минц-кабинетом.

Академический музей был популярен среди горожан и гостей столицы и входил в число достопримечательностей, которые посещали высочайшие особы. В январе 1809 г. его осмотрели император Александр I и прусский король Фридрих Вильгельм III. Сопровождавший их управляющий музеем Н. Я. Озерецковский составил отчет об этом визите, дающий представление о расположении экспозиции в то время: «Сего января 14 дня Императорская Академия наук обрадована была вождеденнейшим посещением все милостивейшего своего Государя императора с его величеством Фридрихом III, королем Прусским и их высочеством Августом и Вильгельмом, принцами прусскими. Встречены были при дверях музея академии министром народного просвещения графом П. В. Завадовским, президентом академии Н. Н. Новосильцевым и всеми членами академии, которые имели счастье представлены быть его Королевскому величеству самим Государем императором. В музее их величества изволили обращать взор свой на все достопамятнейшие редкости.

Начав с минеральных кабинетов и пройдя весь средний этаж, в котором хранятся звери и птицы, вошли в кабинет Петра Великого, к изображению которого приблизились с открытыми глазами и рассматривали все вещи, которые самим Петром или сделаны или

были употребляемы. Из среднего этажа прошли в верхний, где находится собрание раковин, монгольских идолов и где стоят восковые истуканы разных азиатских народов в их собственных одеждах, которых в оном же этаже хранится немалое количество. Из верхнего этажа угодно было их величествам взойти на обсерваторию, с которой, сойдя в тот же этаж, в Библиотеке изволили смотреть китайские книги. Потом, проходя нижним этажом, изволили обозреть модели мостов, собрание анатомических препаратов, кабинет медалей и монет, и, наконец, лепную комнату, в которой хранятся кораллы и тяжелый слиток самородного железа. Осмотря все редкости музея, их величества изволили отбыть уже в третьем часу пополудни. Достопамятный сей день пребудет для академии незабвенным навеки»¹²⁶.

Поток рядовых посетителей музея регулировался при помощи бесплатных входных билетов, одновременно впускалось не более 50 человек.

В 1812 г. в связи с быстрым продвижением по России французской армии музейные собрания пережили спешную эвакуацию. В сентябре 1812 г. началась укладка в ящики и погрузка на суда всех собраний кабинета Петра I, иностранных редкостей и рукописей, драгоценных вещей, дорогих астрономических инструментов и других предметов. По окончании войны с Наполеоном эти предметы были возвращены в музей и библиотеку, но спешная эвакуация в значительной мере повлияла на беспорядочное состояние музейных коллекций.

Из-за тесноты экспонаты отдельных кабинетов были перемешаны с этногра-

¹²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1805. Д. 1. Л. 29—30.

«Билет для входу в Кунсткамеру Императорской Академии наук» с подписью Н. Я. Озерецковского. [Не позднее 1826 г.] СПбФ АРАН. Р. XII. Оп. 2. Д. 47. Л. 1

фическими и другими материалами. По словам К. М. Бэра, впервые переступившего порог Кунсткамеры в конце 1829 г., «Зоологический музей, расположенный в двух больших залах в здании старой Кунсткамеры, как ее называли, все еще производил впечатление прежнего кабинета редкостей. Огромные змеи и другие твари, прикрепленные к стенам и потолку, как будто бы ползали по ним, поражая посетителей. <...> Моя первая мысль при осмотре кунсткамеры была такова: убрать отсюда зоологические коллекции, так как здесь слишком глубоко укоренился тип старинного учреждения»¹²⁷.

В 1820-е гг. необходимость коренных перемен ощущалась всеми академиками и самим президентом. Главный смотритель музея академик Н. Я. Озерецковский был уже в преклонном возрасте, его академический стаж составлял более 45 лет. В последние годы своей жизни он много болел, неохотно посещал заседания Конференции и почти не бывал в музее. В феврале 1827 г. Н. Я. Озерецковский умер, но преемник ему назначен не был. Бо-

лее того, С. С. Уваров воспользовался возникшим безначалием и принял меры, чтобы реорганизовать Академический музей и сформировать на его основе самостоятельные тематические музеи. К этому шагу его подталкивали и другие важные обстоятельства: Академия наук находилась на пороге грядущих изменений штата и устава, кроме того, полным ходом шло строительство нового академического здания. Вопрос о статусе и структуре музеев нуждался в более глубокой проработке.

Для начала С. С. Уваров распорядился перейти от сводного годового отчета по музею к отчетам по каждому кабинету. С 1828 г. представление отчетов о состоянии отдельных подразделений-кабинетов стало обычной практикой. Ведение отдельной отчетности предполагало персональную ответственность кураторов за сохранность, пополнение и каталогизацию вверенных им коллекций. С 1829 г. начался учет расходов на содержание каждого кабинета в отдельности. Уход за коллекциями требовал увеличения коли-

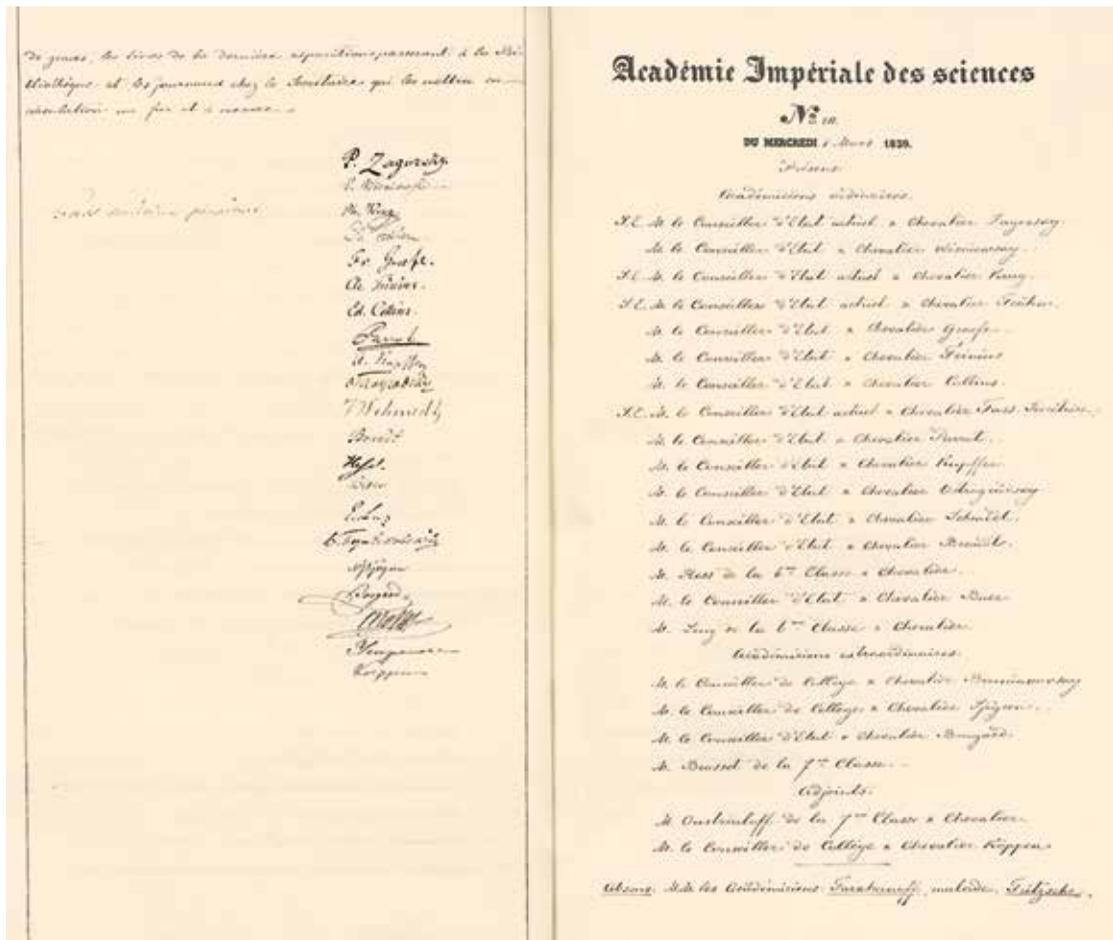
¹²⁷ Бэр К. М. Автобиография / пер. и комм. Б. Е. Райкова. Л., 1950. С. 354—355.

чества сотрудников. В 1830 г. все музеи получили приращение штата, академики-хранители стали называться директорами, а их помощники стали хранителями.

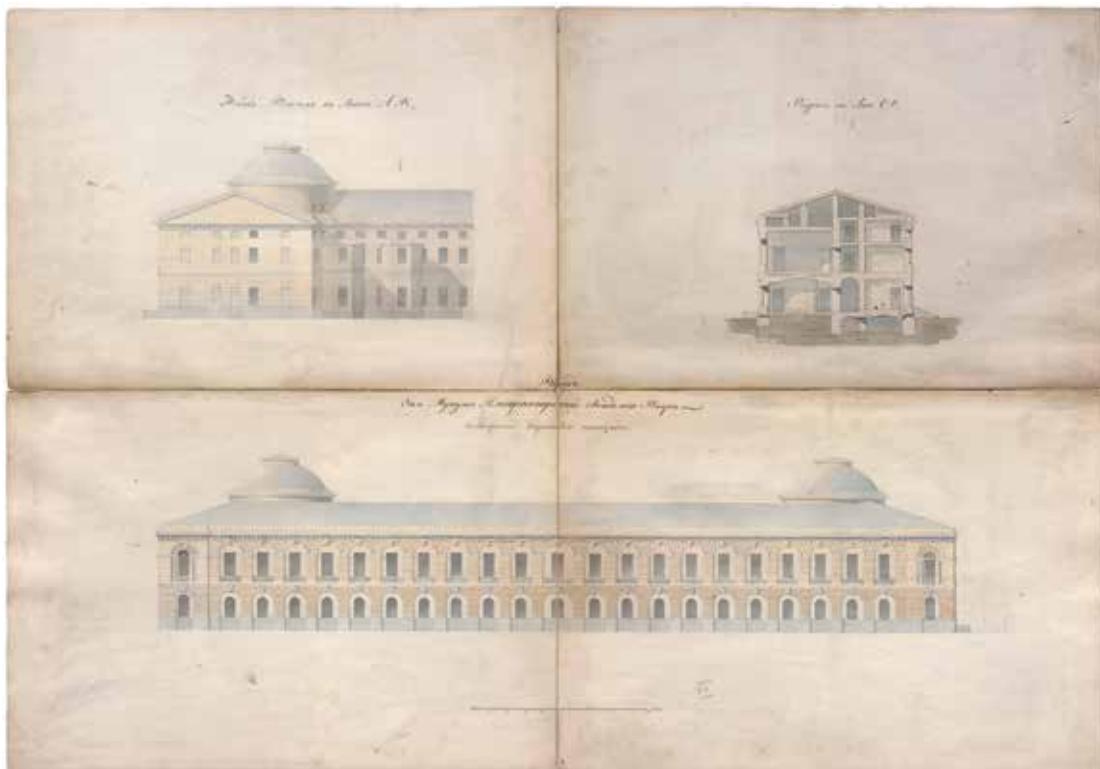
В конце 1830 — начале 1831 гг. особая комиссия составила «Доклад о действительном состоянии ученых принадлежностей Императорской Санкт-Петербургской Академии наук и о том, как поднять их до уровня первых институтов Европы». В нем были объявлены амбициозные планы каждого из отраслевых музеев достичь положения «центральных институ-

тов» в своей области знания. Для этого требовались крупные финансовые вливания. К началу 1830-х гг. средства, затрачиваемые на содержание и пополнение фондов, превосходили бюджетные ассигнования в 20 раз: так, в 1829 г. академия потратила на коллекции сверх полагавшейся по штату суммы 1200 руб. дополнительно около 25000 руб. из экономической кассы. Академики подготовили проект бюджета музеев, но их предложение осталось без ответа.

Рост академических коллекций был столь интенсивным, что здание

Доклад о действительном состоянии ученых принадлежностей Императорской Санкт-Петербургской Академии наук и о том, как поднять их до уровня первых институтов Европы. 1831 г. Подписи-автографы присутствовавших на заседании академиков

Музейный флигель. «Фасад зал музея Императорской Академии наук со стороны Биржевой площади», «Фасад флигеля по линии АВ», «Разрез по линии CD»
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 22. Д. 7. Л. 54

Музейный флигель. 1925 г.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 25. Л. 2

Кунсткамеры уже не могло вместить в себя все новые поступления. Президент С.С. Уваров сокрушался: «Старинное строение, так называемая Кунсткамера в течение 15 лет было мною под разными формами и видами приноравливаемо к сему назначению, но сии опыты оказываются тщетными, судя по начальному неудобству сего здания и по невозможности оное отапливать с надлежащей осторожностью <...> Библиотека в 80 тыс. томов, обширные коллекции минералов, Восточный и Китайский кабинеты, анатомическое собрание, все сии драгоценности стеснены в бывшей Кунсткамере и едва ли возможно ими пользоваться — даже и обозреть оные весьма трудно для любопытного посетителя»¹²⁸.

К разделению энциклопедического собрания Кунсткамеры на несколько тематических музеев привели, прежде всего, стремительное развитие науки и углублявшаяся специализация научного знания. Вместе с тем формирование самостоятельных музеев ускорило благодаря переводу коллекций в новое помещение. Для размещения и хранения коллекций был отдан примыкавший к главному зданию Академии наук дворовый флигель, получивший название Музейный флигель.

В 1831—1834 гг. здесь расположились музеи Зоологический, Минералогический, Ботанический и Азиатский. Остальные коллекции остались в здании Кунсткамеры. Переезд коллекций в новое помещение и размещение в нем обновленной экспозиции положили начало новой жизни академических музеев.

Юридически появление самостоятельных музеев было оформлено

в Уставе Императорской Санкт-Петербургской Академии наук 1836 г. Согласно Уставу в число «ученых принадлежностей», которые вверялись «охранению и управлению Академии», входили «кабинет Петра Великого, <...> музеи: Минералогический, Ботанический, Зоологический и Зоотомический с их лабораториями, <...> Нумизматический кабинет, Собрание азиатских и египетских древностей и Этнографический кабинет» (§ 100).

Устав зафиксировал текущее состояние ряда музеев и анонсировал планы создания Этнографического кабинета, который в то время не имел научного куратора из числа академиков и существовал только в проекте. Название Зоологического музея было расширено, хотя зоология и зоотомия составляли в то время одно целое; сделано это было для того, чтобы подчеркнуть значение преобладающего тогда сравнительно-анатомического направления. Каждый специализированный музей в 1836 г. получил свой бюджет и штат. Штат музеев был мизерным — как правило, 1—2 служащих для каждого учреждения; скромными были средства на содержание музеев и их комплектование. Таким образом, *de iure* момент зарождения самостоятельных музеев был зафиксирован в Уставе 1836 г., но *de facto* это произошло раньше, когда музей остался без главного смотрителя, и явственно обозначились центробежные тенденции.

Благодаря произошедшим переменам музеи стали интенсивно пополняться новыми экспонатами, поступавшими из академических и внеакадемических экспедиций, а так-

¹²⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 464. Л. 2—4. (Уваров С.С. Записка о зданиях Императорской Академии наук. 1834 г.).

же путем покупки и обмена с другими учреждениями, увеличилось поступление частных пожертвований.

Коллекции академических музеев служили для многих поколений ученых источником научных исследований. Изучение специалистами академических коллекций способствовало формированию новых направлений в этнографии, нумизматике, антропологии и т. д. По своему внутреннему содержанию и устройству академические музеи не были похожи на другие аналогичные музеи, которые были связаны с учебными заведениями, не все они могли играть большой роли в общей педагогической работе музеев России.

Для обычных посетителей академические музеи были малодоступны. Посещение музеев публикой в 1840—1850 гг. разрешалось лишь в летние месяцы один раз в неделю с 11 до 3-х часов дня по понедельникам, по особым билетам, не более чем пяти лицам одновременно. В период реформ 1860-х гг. в печати начали звучать недоуменные вопросы, например, учрежден ли Зоологический музей «с исключительной целью служить вспомогательным средством почтенным академикам для сохранения в их памяти наружного вида многочисленных представителей царства животных», или «прямое назначение его — служить наглядным способом образования для всего народа»¹²⁹. Критика возымела действие, и с 1864 г. Зоологический музей стал доступен для публики в течение всего года, он был открыт для посетителей один раз в неделю по понедельникам.

В 1860-е гг. намечалось провести грандиозное преобразование академических музеев. Поводом послужил пожар в Химической лаборатории, располагавшейся в Музейном флигеле по соседству с Азиатским музеем. Хотя пламя пощадило ценные восточные коллекции, это происшествие заставило задуматься о строительстве нового музейного здания в стороне от опасных лабораторий. Новые площади нужны были еще и потому, что в Кунсткамере и Музейном флигеле не хватало места для обработки, хранения и экспонирования возраставших с каждым годом коллекций.

В 1864 г. директора музеев благосклонно отнеслись к предложению министра народного просвещения А. В. Головнина объединить значительную часть музеев в один под крышей дома, примыкавшего к зданию Министерства народного просвещения по Чернышёву переулку. Плану создания Центрального публичного музея, в котором были бы сосредоточены и доступны для публики академические естественнонаучные и этнографические коллекции¹³⁰, не суждено было осуществиться только потому, что предложенное помещение не удовлетворило Академию.

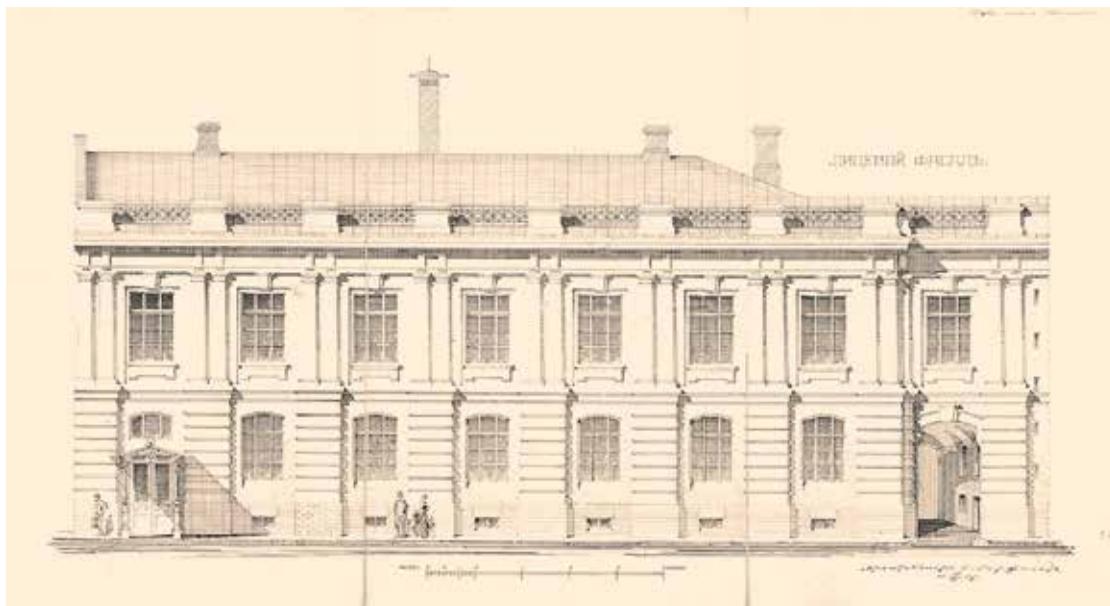
Усилившийся интерес к музеям со стороны власти побудил директоров обратиться к истории своих музеев, рассказать об их прошлом и современном состоянии¹³¹. Президент Академии наук Ф. П. Литке сделал общий вывод о том, что «музеи в настоящее время перешли за пределы, при

---

¹²⁹ Северная пчела. 12 июля 1862 г. № 186. С. 1.

¹³⁰ По вопросу о том, в какой мере можно сделать музеи Академии более доступными для публики // Записки Императорской Академии наук. 1863. Т. 3. С. 56—75.

¹³¹ Очерк истории музеев Императорской Академии наук. СПб., 1865.

Двухэтажное здание Музея антропологии и этнографии, изначально предназначавшееся для Библиотеки Академии наук

СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 22. Д. 15. Л. 3

которых они необходимы лишь как пособие для трудов академиков, и достигли такого развития, при котором они более и более приближаются к значению отдельных самостоятельных заведений, имеющих свои особые цели и задачи»¹³².

Совместное обсуждение директорами музеев проблем сохранения и пополнения академических коллекций продолжалось и в последующие годы, а через 10 лет принесло первые плоды. В 1874 г. были утверждены новые штаты, увеличившие средства на содержание музеев и их личный состав. Общее количество служащих музеев и библиотеки возросло с 19 до 25 человек¹³³. Зоологический музей превосходил все другие академические музеи по численности своего личного состава:

по штату 1874 г. численность научного и технического персонала составляла 10 человек.

Штаты 1874 г. действовали вплоть до середины 1890-х гг. За это время в Академии наук был создан новый музей: прежние Музей этнографии и Анатомический кабинет в 1879 г. были соединены в общий Музей по антропологии и этнографии преимущественно России. В 1887 г. музею было передано двухэтажное здание в Таможенном переулке, построенное вплотную к Кунсткамере и первоначально предназначавшееся для библиотеки.

Новый этап развития академических музеев был связан с расширением их помещений, произошедшим в 1880-е гг. благодаря переводу порта и портовых служб со стрелки Васильевского острова

¹³² СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1861. Д. 15. Л. 142.

¹³³ Расписание расходов по библиотеке и музеям Императорской Академии наук // Сборник постановлений и распоряжений, относящихся до Императорской Академии наук и подведомственных ей ученых учреждений. СПб., 1889. С. 37.

на Гутуевский остров. В 1891 г. Академия наук при посредничестве своего президента вел. кн. Константина Константиновича получила в распоряжение здание южного пакгауза, которое почти 10 лет перестраивалось и оборудовалось для нужд Зоологического музея. В связи с этими работами с 1893 г. музеи, располагавшиеся в Музейном флигеле, были закрыты на реконструкцию в ожидании переезда Зоологического музея. В 1900 г. он, наконец, переехал и в начале 1901 г. открыл свои двери для посетителей. Освободившиеся в Музейном флигеле площади были перераспределены между остальными музеями.

Расширение экспозиционных площадей академических музеев повлекло за собой другие благоприятные перемены. Сначала Зоологический музей, а следом за ним и все остальные музеи в период 1895—1901 гг. получили новые штаты, увеличившие средства на оплату труда персонала и содержание музеев. Численность научного персонала музеев составляла 1—2 человека, самый же крупный из музеев — Зоологический — получил в свое распоряжение 7 зоологов. Новые штаты музеев повысили статус научного персонала: вместо прежних должностей консерваторов и хранителей были введены новые научные должности — старших и младших зоологов в Зоологическом музее, старшего и младшего этнографа в Музее по антропологии и этнографии, ученых хранителей во всех остальных музеях; должность библиотекаря. Труд сотрудников всех музеев оплачивался одинаково скромно, соразмерными были и суммы, выделявшиеся на пополнение коллекций и содержание музеев.

Одновременно академические музеи стремились стать центральными учреждениями в своей области знания. В 1895 г. Зоологический музей был возведен в ранг «центрального учреждения в Империи для познания животного царства, преимущественно России». Таким образом, по характеру и значению своей деятельности Зоологический музей был поставлен в один ряд с центральными государственными учреждениями по астрономии (Пулковской обсерваторией), геофизике (Главной физической обсерваторией), ботанике (Санкт-Петербургским Ботаническим садом) и геологии (Геологическим комитетом).

Существенные перемены в финансировании музеев произошли в 1912 г., когда все академические музеи получили общий с другими академическими учреждениями штат. Штат предусматривал усиление личного состава музеев, увеличение расходов на комплектование коллекций, ученые предприятия и прочие нужды. Научный и технический персонал Зоологического музея увеличился до 20 человек, Геологического музея (преобразованного в Геологический и Минералогический музей имени Петра Великого) — до 15, Музея антропологии и этнографии имени императора Петра Великого — до 7, Ботанического музея — до 6, Азиатского музея — до 3 человек.

В истории академических музеев период XIX — первой четверти XX в. стал временем научной обработки накопленного конкретного знания и дальнейшего, систематического и целенаправленного сбора коллекционного материала, обеспечивающего планомерный научный рост каждого собрания.

МУЗЕИ — ЦЕНТРЫ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

Зоологический музей родился из коллекции животных, которая в начале XIX в. была основой академического Музея и заполняла почти все выставочное пространство в здании Кунсткамеры. Из-за тесноты помещений экспонаты размещались без определенной системы, хотя в целом следовали по порядку от высших животных к низшим. Трудно было даже отделить зоологические коллекции от других отделов. Старинные чучела были изготовлены довольно примитивно, нередко чучельник не имел ни малейшего представления об облике живого зверя, чучело которого он изготовил.

Куратором зоологического кабинета в начале XIX в. был главный смотритель естественного музея Н. Я. Озерецковский. Еще в апреле 1802 г. он представил доклад о нуждах кабинета. По его словам, кабинет почти истребила моль, так что пришлось выбросить много сгнивших чучел животных и птиц ради того, чтобы сохранить остальную коллекцию¹³⁴. Понесенные утраты частично восполнялись новыми, главным образом экспедиционными, материалами.

В 1806 г. настоящей сенсацией стала находка шерстистого мамонта на берегах Лены, сделанная адъютантом Михаилом Ивановичем Адамсом (1780—1832). Он участвовал в академической экспедиции, сопровождавшей посольство в Китай. Остатки мамонта М. И. Адамс доставил в Санкт-Петербург на свои средства и объявил их своей собственностью, хотя во все времена академики и адъютанты, совершавшие

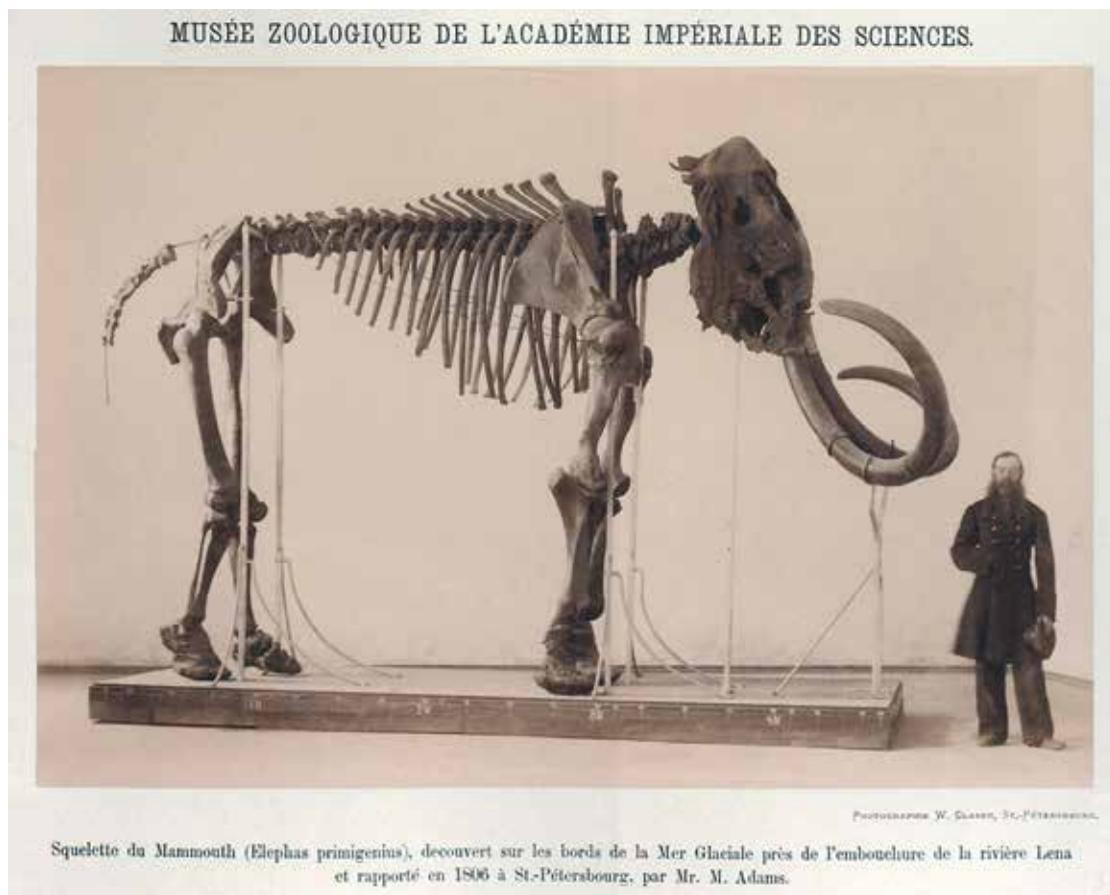
путешествия по распоряжению Академии и за ее счет, передавали в академический музей все открытые ими достопримечательности и собранные коллекции. В Академии М. И. Адамсу рекомендовали воздержаться от присвоения этих находок, но он упорствовал. Смотреть на мамонта на квартиру ученого приходили император и члены императорской семьи. В конце концов, император Александр I распорядился приобрести мамонта за 8600 руб. для академического музея. Вскоре после этого по настоянию президента Н. Н. Новосильцева М. И. Адамс представил прошение об увольнении, и Конференция не стала его удерживать. Мамонт был выставлен в музее в 1808 г.

О популярности зоологических коллекций академического музея свидетельствует басня И. А. Крылова «Любопытный» (1814) с рассказом о незадачливом посетителе Кунсткамеры, который не заметил слона, но видел множество других диких животных:

Уж подлинно, что там чудес палата!
Куда на выдумки природа таровата!
Каких зверей, каких там птиц я не видал!
Какие бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Одни, как изумруд, другие, как коралл!
Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки!

В 1820-е гг. в музей партиями поступали собрания животных из Бразилии. Их присылал академик Г. И. Лангсдорф, который в 1812 г. принял назначение российским генеральным консулом в Рио-де-Жанейро и посвятил себя

¹³⁴ Протокол заседания Конференции с 1725 по 1803 г. Т. 4. СПб., 1911. С. 986—987. (Заседание 4 апреля 1802 г. § 110).

*Первый из полных скелетов мамонта,
доставленный адъютантом М. И. Адамсом с берега р. Лены в 1806 г. [1890-е гг.]
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 34. Л. 1*

изучению экзотической природы Латинской Америки.

В начале 1830-х гг. музей готовился к переезду в Музейный флигель. 4 июля 1832 г. новый директор музея Фёдор Фёдорович Брандт (1802—1879) продемонстрировал коллегам экспозицию первых трех залов, составленную из уцелевших экспонатов Кунсткамеры. Этот день считается датой основания Зоологического музея. Однако большая часть прежних выставочных коллекций Кунсткамеры к этому времени была испорчена и не годилась для новой экс-

*Ф. Ф. Брандт. Фотолитография
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 40. Л. 1*

позиции. К тому же в прежние годы обогащение зоологических коллекций производилось без определенной системы, что привело к тому, что музей имел «почти полное собрание бразильских животных» и нуждался «в самых обыкновенных видах отечественной фауны»¹³⁵. Директору музея пришлось заново собирать коллекцию отечественных птиц и млекопитающих.

Музей начал интенсивно пополнять свои коллекции, которые поступали из зверинцев, из экспедиций по России и другим странам, путем покупки, обмена с другими учреждениями и пожертвований от отдельных лиц. Важные находки принесли экспедиция К. М. Бэра на Новую Землю и в Русскую Лапландию; путешествие препаратора Зоологического музея И. Г. Вознесенского по Дальнему Востоку и русским владениям в Северной Америке; путешествие А. Ф. Миддендорфа в Восточную Сибирь; экспедиция Л. И. Шренка по Амурскому краю и на Сахалин; путешествие Н. А. Северцова к Аральскому морю.

Все собрание было разделено на систематическую, зоотомическую и палеонтологическую части¹³⁶. В размещении экспонатов Ф. Ф. Брандт придерживался системы основателя сравнительной анатомии и палеонтологии Жоржа Кювье. Систематические коллекции размещались в порядке, который сохранялся более 50 лет. Посетитель входил в музей с Университетской линии, поднимался на второй этаж и попадал в круглый зал, где находились «остатки допотопных мле-

Каталог экспонатов Зоологического музея Императорской Академии наук в 1831 г. с указанием источника поступления
СПбФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3. Д. 50. Л. 278

копитающих, несколько больших толстокожих животных (мамонта, слона), некоторые неполные скелеты и черепа позвоночных животных, и в двух других чучела млекопитающих. Потом три зала заняты чучелами птиц и один зал раковинами, кораллами и другими низшими животными. В следующих двух залах находились низшие животные, амфибии и рыбы. Последняя комната и круглый зал, в котором стоял еще Готторпский исполинский глобус,

¹³⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 8. Л. 168.

¹³⁶ Подробнее см.: Сленкова Н. В. Зоологический музей Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге в XIX веке. Принципы экспонирования // Историко-биологические исследования. 2016. Т. 8. № 1. С. 29–65.

А. А. Штраух

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ш. Д. 30. Л. 1

помещены раки, иглокожие животные и птичьи яйца. Собрание насекомых находилось отчасти в одной из птичьих комнат, отчасти в энтомологическом кабинете»¹³⁷.

Зоотомический (сравнительно-анатомический, или остеологический) отдел давал представление о внутреннем строении животных. Палеонтологическое собрание состояло из ископаемых млекопитающих, в их числе были мамонт, найденный М. И. Адамсом, двурогий носорог, мастодонт, эласмотерий и т. д.

Все выставочные помещения были без печей, потому что считалось, что холод полезен для сохранности экспонатов. Заниматься в холодное время в музее было невозможно, поэтому все

работы по перестановке и уплотнению экспонатов проводились в летние месяцы, когда музей был закрыт для посетителей на проветривание.

Во второй половине XIX в. Зоологический музей был самым крупным и популярным из академических музеев, с огромной коллекцией экспонатов. За полстолетия (1832—1882) объем коллекций музея вырос примерно в 20 раз. В 32 залах было выставлено 40 тыс. экспонатов. Своим богатством музей был обязан, прежде всего, тому обстоятельству, что многие годы он обладал монополией на приобретение коллекций животных в России, которая давала ему возможность путем обмена с зарубежными музеями обогащать свои коллекции. С расширением исследований России и увеличением числа российских коллекций животных музей уже не имел финансовых возможностей приобретать все предлагаемые коллекции и был вынужден отказываться даже от весьма выгодных предложений, которые через частных торговцев попадали в зарубежные музеи. Для восстановления монополии на русский материал требовалось существенное увеличение средств. Однако в этом отношении не происходило никаких перемен, и в начале 1889 г. директор музея академик Александр Александрович Штраух (1832—1893) объявил президенту Академии наук Д. А. Толстому, что в развитии музея «наступил застой, равнозначный в данном случае регрессу»¹³⁸.

Решительные шаги по реорганизации Зоологического музея были сдела-

¹³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1862. Д. 8. Л. 45—45 об. (О том, в какой мере музеи Академии можно сделать более доступными для публики).

¹³⁸ Штраух А. А. Зоологический музей Императорской Академии наук. Пятидесятилетие его существования. СПб., 1889. С. 372.

ны при новом президенте вел. кн. Константине Константиновиче и новом директоре музея экстраординарном академике Ф. Д. Плеске (1858—1932). При посредничестве президента Академия наук получила в свое распоряжение здание южного пакгауза, которое почти 10 лет перестраивалось и оборудовалось для нужд Зоологического музея. Ф. Д. Плеске не щадил сил ради «образцового устройства Зоологического музея» и использовал для пользы дела свои связи в правительственных кругах: его брат Э. Д. Плеске с 1894 г. был управляющим Государственным банком.

Еще до завершения строительных работ, 13 марта 1895 г., музей был объявлен центральным учреждением в империи для познания животного царства, преимущественно России; были утверждены «Положение о Зоо-

логическом музее Императорской Академии наук» и его штат. Штат музея вырос с 10 до 13 человек, не считая директора; бюджет Зоологического музея был обособлен в сметах расходов Министерства народного просвещения от бюджета Академии наук и других ее учреждений.

В феврале 1901 г. экспозиция Зоологического музея в новом здании была открыта для публики, хотя многое еще требовало доработки. Новая экспозиция принципиально отличалась от старой: она была просторна и состояла главным образом из биологических групп. В числе новых поступлений было много систематических коллекций, составленных и обработанных специалистами. В 1900 г. вел. кн. Николай Михайлович пожертвовал музею свою коллекцию бабочек (более 110 тыс. экземпляров); в 1899 г. была приобретена коллекция

*Новое здание Зоологического музея у Дворцового моста
СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 4. Д. 9. Л. 18*

Экспозиция Зоологического музея, открытая в 1901 г. Биологические группы. Волки
СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 4. Д. 9. Л. 20

птиц Туркестанского края Н. А. Северцова; в 1912—1913 гг. — коллекция птиц России М. А. Мензбира; в музей поступил «семёновский фонд» насекомых — энтомологическая коллекция П. П. Семёнова-Тян-Шанского и т. д. Большим событием в жизни Зоологического музея стала находка останков мамонта в обвале р. Берёзовой. Обогащению коллекций из полярных областей способствовали снаряженные Академией наук Шпицбергенская и Русская Полярная экспедиции под начальством Э. В. Толля. В музей поступали также многие сборы экспедиций Русского географического общества (в 1891 г. экспедиции братьев Г. Е. и М. Е. Грум-Гржимайло в Восточный Туркестан, экспедиций П. К. Козлова в Центральную Азию в 1896, 1900—1902, 1909 гг.) и др.

По богатству своих коллекций Зоологический музей встал в ряд

с лучшими музеями Западной Европы и заметно выделялся среди них своими материалами, собранными в Европейской России, Сибири, Средней Азии и сопредельных странах. Число поступлений в год колебалось от 72000 до 255000 экземпляров. Ценность коллекций Зоологического музея возрастала оттого, что в них имелось огромное количество типовых экземпляров, по которым были сделаны первоописания. Зоологический музей разрабатывал вопросы зоологической систематики и фаунистические проблемы. Серия «Фауна России и сопредельных стран, преимущественно по коллекциям Зоологического музея Императорской Академии наук» (1911—1933. Т. 1—13) представляла собой ряд монографий, составленных по единому плану, и служила справочником для целого поколения исследователей.

Минералогический музей является одним из старейших собраний в мире. В 1804 г. курировать минералогические коллекции начал академик Василий Михайлович Севергин (1765—1826), с именем которого связано зарождение геологических знаний в России.

В кабинете хранились коллекции минералов, горных пород, а также окаменелые остатки животных и растений. Минералогические коллекции включали в себя образцы, собранные во время их путешествий по Российской империи, а также коллекции из разных уголков Европы и Азии. Среди поступлений из академических экспедиций выделялось знаменитое «Палласово железо» — железоканальная глыба массой 687 кг, найденная в Енисейской тайге и доставленная в 1772 г. П. С. Палласом в Кунсткамеру. В последней четверти XVIII в. этот образец «сибирского железа» был едва ли не самым обсуждаемым в европейской литературе экспонатом. Немецкий ученый Э. Ф. Хладни, изучивший в 1794 г. эту глыбу, впервые установил отличия в ее составе от всех известных земных образований и обосновал идею о ее внеземном происхождении.

В. М. Севергин начал работу по переустройству минералогической экспозиции в соответствии с последними достижениями науки того времени. В 1814 г. он опубликовал описание кабинета, где высказал свой взгляд на его предназначение. «Каждый минеральный кабинет, — писал академик, — есть собрание первоначальных литер, извлеченных из той великой книги Природы, коей содержание скрыто

в недрах земного нашего шара. Цель его есть чтоб по оному подобно как по азбуке добираться до истолкования смысла оных книги. Истинную пользу же приносит он тогда, когда вещи к оному принадлежащие собраны, приурочены и расположены так, чтоб мы в сей азбуке могли уразуметь все те отличительные знаки, кои природа в них напечатала»¹³⁹.

В. М. Севергин был последователем французского минералога Р. Ж. Гаюи (1743—1822), родоначальника научной кристаллографии, и реорганизовал экспозицию, построив ее на новых принципах. В результате появились

В. М. Севергин. Литография с портрета неустановленного художника. Середина XIX в. СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-С. Д. 4. Л. 1

¹³⁹ Севергин В. М. Обозрение Минерального кабинета Императорской Академии наук // Технологический журнал. 1814. Т. 11. Ч. 1. С. 27.

*Отдел подделочного камня и месторождений Минералогического музея в Музейном флигеле. 1925 г.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 25. Л. 22*

*Зал систематической коллекции Минералогического музея в Музейном флигеле. 1925 г.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 25. Л. 23*

кабинет русских минералов, кабинет иностранных минералов, кабинет для изучения наружных признаков минералов, учебный кабинет, кабинет геогнозии и кабинет географический, в котором минералы были распределены по губерниям. Учебный кабинет был построен на основе изучения структуры кристаллов по системе Р. Ж. Гаюи. Иностранные минералы были расположены по системе оппонента Р. Ж. Гаюи — немецкого минералога А. Г. Вернера (1750—1817), создателя описательного метода в минералогии, исходившего из внешних признаков минералов. Сочетание в одном музее двух подходов к изучению минералов позволяло посетителям, по мнению В. М. Севергина, «обозреть как бы единым взглядом цель и разность каждой из сих систем»¹⁴⁰.

В 1820 г. Минералогический кабинет был открыт для публики. Для облегчения знакомства с экспозицией В. М. Севергин составил «Краткую опись минеральному кабинету», которая свидетельствует о превращении кабинета из собрания раритетов в исследовательское учреждение научного характера.

В 1830 г. император Николай II потратил крупную сумму (50000 руб.) на приобретение для Минералогического музея исключительной по богатству коллекции минералов российского посланника в Гамбурге Г. Х. Г. Струве (1772—1851). Коллекция состояла из 6570 предметов и включала в себя множество редких образцов¹⁴¹.

С 1831 г. Минералогический музей располагался в двух больших залах Му-

Железный метеорит, упавший 18 октября 1916 г. в д. Богуславке в Сибири. Минералогический музей СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 25. Л. 24

зейного флигеля. Вплоть до 1898 г. он довольствовался штатом, утвержденным 4 июля 1874 г. в 1550 руб., из которых 1050 руб. шло на вознаграждение единственному ученому хранителю, и лишь 500 руб. — на пополнение и содержание минералогических коллекций. Развитие этого музея в большей степени, чем остальных академических музеев, определяли научные интересы его руководителей. В 1875—1900 гг., когда директором музея был Фёдор Богданович Шмидт (1832—1908), один из родоначальников стратиграфической палеонтологии, центр интере-

¹⁴⁰ Севергин В. М. Краткая опись Минеральному кабинету Императорской Академии наук, по новому онаго расположению в 1820 году. СПб., 1821. С. IV—V.

¹⁴¹ Коллекция Струве из собрания Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана РАН / ред. Н. А. Мохова. М., 2005.

Ф. Б. Шмидт

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ш. Д. 34. Л. 1

сов музея начал перемещаться в область геологии и палеонтологии. Когда в 1889 г. хранителем музея стал единомышленник Ф. Б. Шмидта барон Эдуард Васильевич Толль (1860—1902), «все интересы персонала музея переносятся на геологические и палеонтологические коллекции, тогда как минералы, занимающие все еще лучшее место в музее, иногда рассматриваются прямо как помеха»¹⁴².

В 1893 г. Минералогический музей почти на 10 лет закрылся на реконструкцию. Значительная часть музея превратилась в кладовую, где стояли не распакованными целые груды ящиков с минералогическими коллек-

циями. Многие палеонтологические коллекции Ф. Б. Шмидт унес к себе на квартиру, которая располагалась здесь же на первом этаже, и занимался их изучением вместе с приглашенными им учеными, в том числе иностранными специалистами.

В 1897 г. Академия наук вместе с Геологическим комитетом принимала в Санкт-Петербурге Международный геологический конгресс, собравший более 300 участников. Во время конгресса Ф. Б. Шмидт устроил палеонтологическую выставку, имевшую большой успех. После конгресса признанием расширения задач музея стало его переименование в 1898 г. в Геологический музей.

В 1900 г. Ф. Б. Шмидта сменил Феодосий Николаевич Чернышёв (1856—1914) — крупный геолог и организатор науки, возглавлявший Геологический комитет, являвшийся центром геологических работ в России. Он был одним из руководителей экспедиции по производству градусных измерений на Шпицбергене в 1899—1901 гг. Многие ученые, в разное время являвшиеся сотрудниками музея (Э. В. Толль, И. П. Толмачёв, К. А. Волосович, О. О. Баклунд, В. И. Воробьев, В. И. Крыжановский, К. А. Ненадкевич, А. Е. Ферсман, П. В. Виттенбург), приняли участие в разных экспедициях, которые имели большое значение для изучения природных ресурсов нашей страны, освоения Северного морского пути.

В 1903 г., в год 200-летия основания Санкт-Петербурга, обновленный музей получил имя основателя города и был переименован в «Геологический музей имени императора

¹⁴² Геологический и минералогический музей имени императора Петра Великого. Л., 1925. С. 111.

Петра Великого». С 1907 г. стали ежегодно выходить «Труды» музея, в которых помещались научные работы, основанные, главным образом, на музейном материале, и ежегодные отчеты об экспедициях; тогда же был учрежден попечительный совет музея. В музее начался период приведения в порядок огромного материала, накопившегося почти за 200 лет. Произошло разделение музея на два отделения: минералогические и петрографические коллекции вместе с собранием метеоритов составили особое минералогическое отделение; все палеонтологические коллекции, материалы по стратиграфии и динамической геологии вошли в геологическое отделение.

В 1906 г. заведование минералогическим отделением перешло в руки Владимира Ивановича Вернадского

Ф. Н. Чернышёв
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ч. Д. 4. Л. 1

Здание Зоологического музея во время проведения
VII Международного геологического конгресса. 1897 г.

СПбФ АРАН. Ф. 265. Оп. 4. Д. 361. Л. 1

В. И. Вернадский

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-В. Д. 133. Л. 1

(1863—1945), который своими трудами содействовал становлению геохимии и заложил основы особого раздела этой науки — биогеохимии. Ф. Н. Чернышёв и В. И. Вернадский поставили перед собой цель превратить академический музей в национальный геологический и минералогический музей с широкими возможностями для исследовательской работы. В 1907 г. они предложили проект Соединенного Геологического и Минералогического музея имени Петра Великого Императорской Академии наук. Ф. Н. Чернышёв добился решения о строительстве нового здания музея, но Первая мировая война помешала осуществить эти планы.

После смерти Ф. Н. Чернышёва в 1914 г. директором музея стал В. И. Вернадский, который усилил

имевшие большое практическое значение исследования радиоактивных минералов. Еще в 1912 г. при музее начала функционировать Минералогическая лаборатория для работ с радиоактивными минералами, а в 1914 г. Академия наук получила на три года большие средства на организацию экспедиций для исследования месторождений радиоактивных минералов. Благодаря этому работа продолжалась, несмотря на военное время.

В 1912 г. корректировка задач музея нашла отражение в его названии: он был переименован в Геологический и Минералогический музей имени Петра Великого. Углублявшаяся специализация и обособление геологического и минералогического отделов музея привели к тому, что в 1920-е гг. музей распался на несколько частей.

Количество ежегодно поступавших в музей коллекций постоянно росло: если в 1900 г. их было 5, то в 1913 — 152. В 1910-е гг. коллекция минералов насчитывала более 100000 экземпляров, не считая обширных собраний по петрографии и метеоритам. Ценными приобретениями минералогического отделения стали собрания уральских минералов В. В. Редикорцева и К. А. Шишковского, сибирские коллекции Я. С. Эдельштейна. В 1912 г. в собственность музея перешла (за 20000 руб.) коллекция горного инженера И. Н. Крыжановского (отца В. И. Крыжановского) — более 4500 образцов русских минералов. Наиболее крупным приобретением музея за его 200-летнюю историю стало собрание почетного члена Академии наук П. А. Кочубея, приобретенное правительством в 1913 г. Это собрание, состоявшее из 3000 образцов, заключало в себе совершенно исключительный

подбор русских и иностранных минералов и поставило академический музей на уровень лучших музеев Европы и Америки.

Крупным приращением геологического отделения стала коллекция позвоночных ископаемых эпохи мезозоя из раскопок на Северной Двине, проведенных профессором В. П. Амалицким в 1898—1899 гг. О ценности этих находок можно было судить уже по тому, что в Британском музее имелся только один скелет парейазавра, а в коллекции В. П. Амалицкого было 10 полных скелетов. Эти коллекции справедливо считаются национальным богатством. Договоренность о передаче коллекции в Геологический музей была достигнута в 1908 г., сами же коллекции перевезли из Варшавы несколькими эшелонами с 1908 по 1915 г. Уже в 1911 г. они заняли более трети всего помещения музея. Остатки коллекции перешли в Академию наук только по окончании Гражданской войны (ныне они украшают Палеонтологический музей имени Ю. А. Орлова в Москве).

В музей попали сборы по третичным позвоночным, добытые раскопками в Бессарабии (здесь были собраны кости, принадлежавшие ископаемой лошади, черепа носорогов и свиньи). Особенно большой интерес представляло собрание костяков, сделанное в Казахстане, в том числе кости самого крупного наземного млекопитающего, когда-либо жившего на Земле, превосходившего размерами мамонта и похожего по своему строению на носорога. Это животное описал А. А. Борисяк и назвал его индрикотерий в честь «индрика-зверя» из старинных русских сказаний. Геологическое отделение обладало и несколькими иностранными коллекциями.

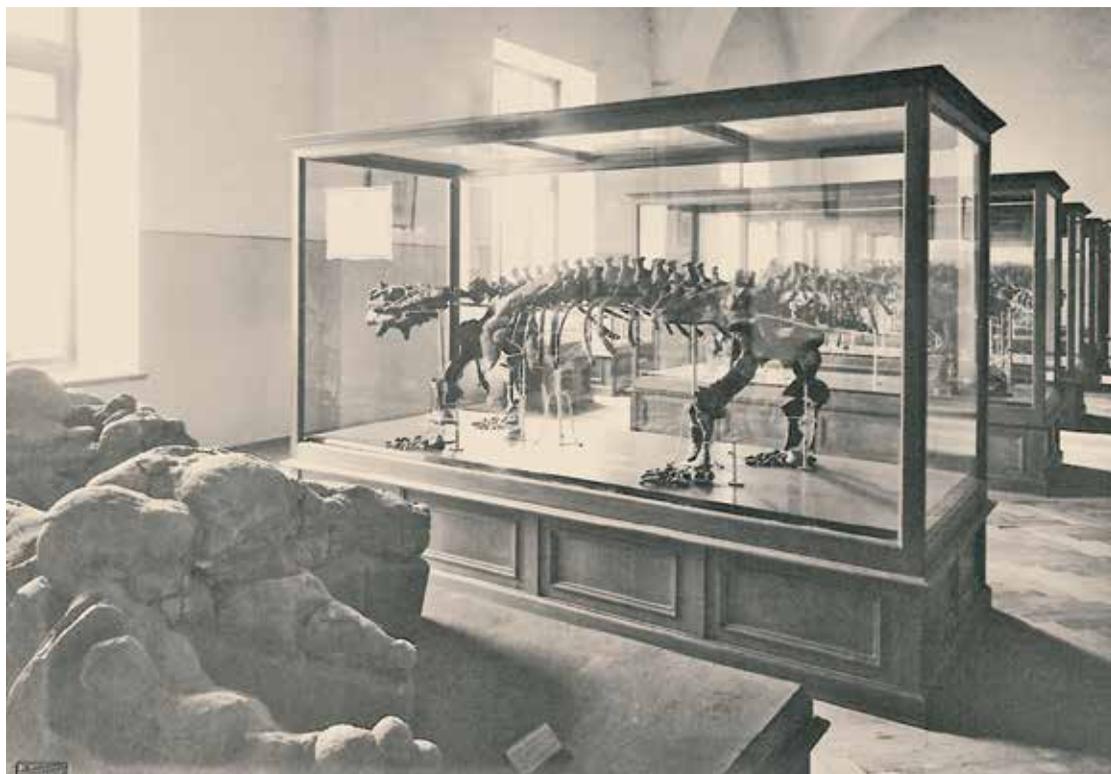
В 1909 г. Николай II передал музею слепок огромного ящера диплодока из Северной Америки, поднесенного ему в дар Э. Карнеги. Подарок имел столь внушительные размеры, что не поместился ни в одном из помещений музея, его установили в большом конференц-зале в главном здании Академии наук.

В 1922 г. музей, наконец, получил новое здание, по площади во много раз превосходящее прежнее, на Тучковой набережной. Здесь впервые за 200 лет музей смог широко развернуть свои коллекции. Дальнейшее обособление геологического и минералогического отделов привели к тому, что в 1925 г. музей разделился на части: Геологическое отделение получило статус Геологического музея; Минералогическое отделение трансформировалось в Ми-

В. П. Амалицкий

СПбФ АРАН. Ф. 347. Оп. 4. Д. 50. Л. 1

Геологический музей.
Северо-Двинская галерея.
Скелет парейазавра. 1925 г.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 25. Л. 17

Геологический музей.
Северо-Двинская галерея.
Скелет индрикотерия. 1925 г.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 25. Л. 20

Препараторская Геологического музея. [1925 г.]

СПбФ АРАН. Ф. 265. Оп. 4. Д. 362. Л. 9

нералогический музей. В 1934 г. Минералогический музей был переведен в Москву; на базе коллекций Геологического музея возникли три музея — Геологический, Палеозоологический и Петрографический.

Ботанический музей изначально состоял из гербариев и специальной библиотеки. В начале XIX в. преимущественное внимание ботаники стали уделять гербарным сборам, привезенным из академических экспедиций. Ботанический сад, где некогда выращивали растения, собранные в разных уголках России, приходил в упадок и в 1809 г. был ликвидирован. В последующие годы интересы музея были сосредоточены на изучении флоры России и систематике растений. Музей занимался сбором и обработкой мате-

риала, организацией работ по содержанию гербариев, обменивался коллекциями с зарубежными партнерами, поддерживал контакты с зарубежными ботаниками.

В 1806 г. надзор за гербариями и составление их каталога были поручены ординарному академику по ботанике Ивану Яковлевичу Рудольфу (1754—1809), но его академическая деятельность была слишком краткой, чтобы дать сколько-нибудь ощутимые плоды. После его смерти ботанические коллекции лежали заброшенными, потому что в Академии 10 лет не было ботаника. Когда в 1822 г. член-корреспондент Академии наук Карл Антонович Триниус (1778—1844) предложил свои услуги по приведению в порядок гербариев, ему был предоставлен свободный

К. А. Триниус. Литография с гравюры
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Т. Д. 8. Л. 2

доступ в музей. Уже через год, в 1823 г., К. А. Триниус был избран ординарным академиком по ботанике и стал полновластным хозяином ботанического кабинета. Впоследствии он вспоминал, как сильно был разочарован, когда впервые познакомился с гербариями, состоявшими из 16000 растений. «При вступлении моем в академию, — говорил он в своей речи в Конференции в 1827 г., — не было и следа, чтобы когда-либо рука натуралиста, образованного по учению Линнея, касалась сих растений, весьма любопытных, но истлевших от времени и преданных на жертву враждебным насекомым»¹⁴³.

К. А. Триниус потратил много времени и сил, чтобы привести гербарий

в надлежащее состояние. В 1823 г. Академия поощрила его усердие, избрав на место академика по ботанике. Уже через год он разобрал собрания растений, и отобранные им несколько тысяч образцов составили ядро Ботанического музея. Остатки коллекции К. А. Триниус перенес в сухое отапливаемое помещение в здании Кунсткамеры. Растения были размещены согласно научным требованиям в 30 шкафах; одновременно было положено начало коллекции автографов, предназначенной для сличения почерков на ярлыках.

После того как были приведены в порядок старые коллекции, в музей начали поступать целые гербарии, среди которых были собрания образцов местных растений и флоры разных стран. В 1825 г. была приобретена ценная коллекция бывшего министра народного просвещения гр. А. К. Разумовского (1748—1822), который увлекался изучением ботаники и в своей подмосковной усадьбе Горенки устроил ботанический сад, где собрал сокровища природы из всех стран света. По поводу его назначения министром в 1810 г. современники шутили, что «от любезных ему теплиц оторвали его, чтобы поручить ему рассадники наук; казалось, право, что русское юношество считали принадлежащим к царству прозябаемых»¹⁴⁴. Предмет гордости графа — Herbarium Gorenkianum — состоял из 10000 видов растений.

Академическое собрание пополнилось и другими ценными приобретениями — гербарием Маршала фон Би-

¹⁴³ Триниус К. А. Речь о предполагаемых академиею ученых путешествиях для исследования естественных произведений России // Recueil des actes de la séance publique de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg tenue le 29 Décembre 1827. SPb., 1828. P. 95.

¹⁴⁴ Вигель Ф. Ф. Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Ч. 3. М., 1891. С. 84.

берштейна, включавшим около 10000 образцов растений, собранных на юге России, на Кавказе и в Крыму; коллекциями, привезенными А. Шамиссо и А. К. Мертенсом из кругосветных путешествий; гербарием кавказских растений К. А. Мейера и т.д.

В 1893 г. заведование музеем перешло к Сергею Ивановичу Коржинскому (1861—1900) — крупному систематику и неутомимому собирателю ботанических коллекций. Он был одним из создателей фитоценологии (учения о растительных сообществах), развивал географо-морфологический метод в систематике и метод исторического анализа флор, ввел понятие «расы» как основной таксономической категории растений. Независимо от голландского ботаника Гуго де Фриза С.И. Коржинский обосновал в 1899 г. мутационную теорию о скачкообразной изменчивости организмов (теорию гетерогенеза), противопоставив ее дарвинизму. Увлеченный идеей всеобъемлющего изучения и издания всей отечественной флоры, С.И. Коржинский решил преобразовать коллекцию академического музея и основать гербарий русской флоры, куда должны были войти растения из всех коллекций, собранных в пределах Российской империи. Одновременно он приступил к изданию общими силами ученых и местных флористов «Гербария Русской Флоры».

С.И. Коржинский задумал масштабный проект — труд «Флора России». План этого крупного издания был разработан им в 1900 г. совместно с главноуправляющим собственной его Императорского величества Канцелярией А.С. Танеевым, большим любителем ботаники и почетным членом Академии наук. Проект был пред-

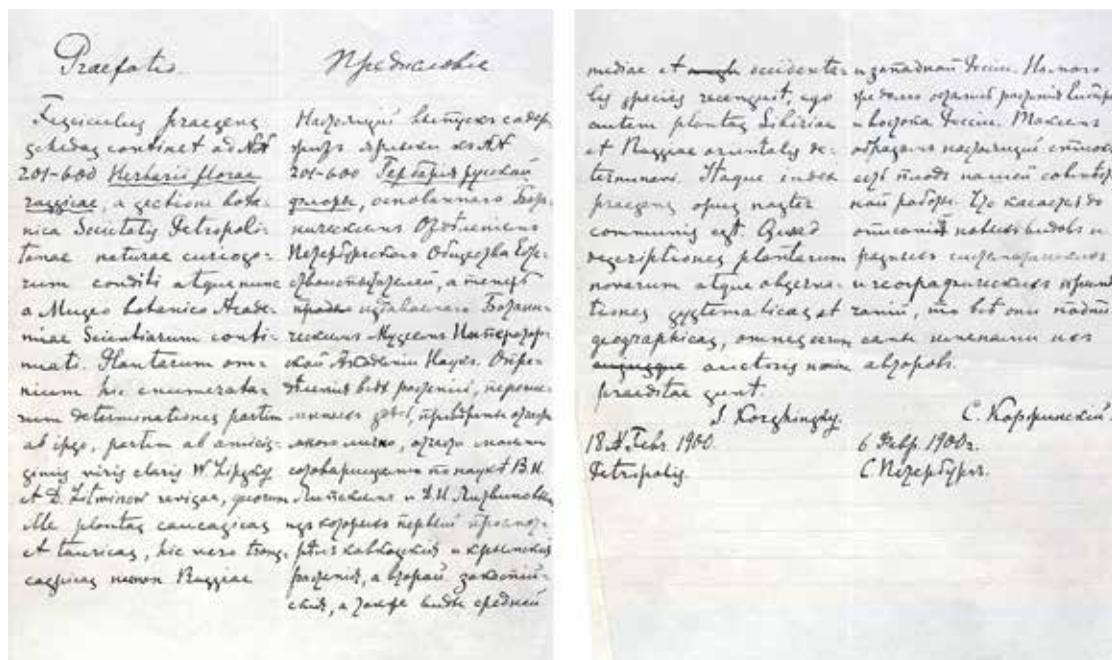
ставлен императору Николаю II, который из собственных средств ассигновал С.И. Коржинскому 21400 руб. «на обработку и издание флоры Сибири, как первого из намеченных отделов флоры Российской империи». Ранняя смерть не позволила ученому завершить начатый труд.

Окончание этой работы и заведование музеем были поручены Ивану Парфеньевичу Бородину (1847—1930), соединившему в своих исследованиях экспериментальную физиологию растений с экологией и эволюционной теорией. И.П. Бородин стоял у истоков движения за охрану памятников природы и создал школу ботаников-лесоведов. Он создал общий план работы над «Флорой Сибири», в которой уча-

С. И. Коржинский

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 220. Л. 1

Предисловие к работе С. И. Коржинского «Гербарий русской флоры». 18 февраля 1900 г.

Рукопись на лат. и рус. яз.

СПбФ АРАН. Ф. 67. Оп. 1. Д. 15. Л. 1, 2

И. П. Бородин

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 144. Л. 1

ствовавали ботаники, краеведы, лесничие и просто любители растений Сибири. В 1913 г. вышел первый выпуск монументального издания «Флора Сибири и Дальнего Востока, издаваемая Ботаническим музеем Императорской Академии наук» («Flora Sibiriae et Orientis extremi a Museo Botanico Academiae Imperialis Scientiarum edita»).

Пополнение коллекций Ботанического музея в этот период шло не только из Сибири. География новых поступлений была обширна — Кавказ, Крым, Полярный Урал, Крайний Север, Манчжурия; в 1913 г. число поступивших коллекций превысило 800. И. П. Бородин занялся капитальным переустройством гербария и образовал вместо одного общего отдельные гербарии Европейской России, сибирский, крымско-кавказский, среднеазиатский (туркестанский), западноевропейский и гербарий внеевропейских

стран, а также ранее выделенный гербарий споровых. Так к XX в. Ботанический музей из склада для хранения коллекций превратился в «научную лабораторию по вопросам флористики и систематики растений»¹⁴⁵.

В 1902 г. музей начал ежегодно издавать «Труды Ботанического Музея Императорской Академии наук». В них публиковались флористические исследования, описания новых видов и форм растений, сведения о коллекциях музея и отчеты о его деятельности. До 1931 г. вышло 23 выпуска «Трудов».

Анатомический кабинет возник на базе собрания Академического музея, ядром которого была приобретенная Петром I коллекция голландского анатома Ф. Рюйша, разработавшего особый способ консервации мертвого тела. В XVIII в. к быстрому росту тератологической коллекции привело «собирачество» аномалий среди животных и людей, предписанное указом Петра. В курьезном и уродливом царь искал не только развлечения или подтверждений тому, что природа своенравно распределяет свои дары. Одна из целей коллекционирования состояла в преодолении предрассудков и страхов, внушенных невежеством, о причастности дьявольских сил к появлению уродств у человека и животных. Ставились и медико-биологические задачи.

В 1806 г. курирование Анатомического кабинета было доверено адъютанту П. А. Загорскому, с поручением дополнить анатомические и тератологические коллекции новыми препаратами. Ученый использовал коллекции кабинета, чтобы детально исследовать

различные виды уродств. Он привел кабинет в порядок и каталогизировал тератологическую коллекцию. Однако П. А. Загорский не особенно заботился о ее пополнении новыми экспонатами, а как профессор Медико-хирургической академии предпочитал заниматься исследовательской работой в лаборатории.

В 1842 г. Анатомический кабинет возглавил Карл Максимович Бэр (1792—1876). Он занимался аномалиями развития животных и человека с точки зрения эмбриологии и полагал, что случаи отдельных отклонений помогут понять общие законы развития зародышей. К. М. Бэр заботился о пополнении не только тератологического собрания, но также антропологической (или краниологической) коллекции, которая, благодаря его усилиям, значительно пополнилась и содержала образцы черепов многочисленных народностей России. На материале краниологической коллекции разрабатывались методы краниометрии и антропологического анализа, шло формирование нового научного направления — сравнительной антропологии. В 1879 г. Анатомический кабинет соединился с Этнографическим кабинетом (Музеем этнографии) в общий музей.

Этнографический кабинет, включавший в себя предметы материальной культуры разных народов, собранные несколькими поколениями исследователей, вплоть до 1830-х гг. не имел куратора. В Кабинете редкостей хранились коллекции одежды, мемориальная экспозиция личных вещей Петра Великого, поступивших в Кунсткамеру после

¹⁴⁵ Комаров В. Л. И. П. Бородин — президент Русского Ботанического общества // Природа. 1917. № 2. С. 233.

его смерти, археологические собрания — Сибирская коллекция Петра I и «могильные вещи», привезенные из академических экспедиций, а также Кабинет искусственных вещей.

Юридическое оформление Этнографического музея получило по Уставу 1836 г., который зафиксировал разделение Кабинета редкостей на три отдела: Этнографический музей, Кабинет искусственных вещей и Кабинет Петра Великого. Сначала у Этнографического музея не было директора, так как ни один из российских академиков не занимался этнографией, а хранителем музея по академическому уставу мог быть только академик. На первых порах новым музеем занималась специальная комиссия. Музею были переданы этнографические коллекции бывшего Адмиралтейского департамента, а также утварь азиатских на-

родов, изъятая в 1818 г. из музейного фонда в пользу Азиатского музея.

В 1840-е гг. Этнографический музей пополнялся стараниями Андрея Михайловича Шёгрена (1794—1855), который в 1844 г. был избран в академию. Основатель российского и европейского финно-угроведения как комплексной научной дисциплины, он одновременно проложил путь к знакомству с кавказскими языками. Во время своих путешествий ученый приобретал коллекции для Этнографического музея. В 1844 г. А. М. Шёгрэн был избран первым директором Этнографического музея. В это время экспонировалась только часть коллекций, которые были разобщены и находились в двух зданиях. «Китайские и другие азиатские вещи из Азиатского музея» (ок. 400 предметов) были выставлены в Музейном флигеле. «Лучшие предметы этнографической коллекции, хранившиеся в бывшей Кунсткамере» до 1837 г., в том числе замечательные коллекции из экспедиций Ф. П. Литке, В. М. Головнина, Ю. Ф. Лисянского, А. К. Мертенса, находились без разбору в закрытых шкафах в непроветриваемом помещении; и «все пострадало более или менее от неудобств помещения и недостатка присмотра»: меховые изделия истребляла моль, многие вещи пострадали от сырости, ткани и ковры покрывал слой плесени. «Значительные приобретения», поступившие после 1837 г., хранились в нераспакованном виде в кладовой: бразильские коллекции Г. И. Лангсдорфа, коллекции по культуре эскимосов, алеутов, тлинкитов от И. Г. Вознесенского, якутские вещи от А. Ф. Миддендорфа, сибирские коллекции М. А. Кастрена и т. д.

В 1858 г. музей выехал из Музейного флигеля и вновь обосновался в здании Кунсткамеры. Новые помещения

А. М. Шёгрэн

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ш. Д. 8. Л. 2

Этнографического музея были неудобны, не было комнаты для временного хранения вновь поступавших коллекций и неэкспонируемых вещей. Отсутствие преданного музею директора и мизерность средств на пополнение собраний не позволяли даже думать о том, чтобы собрать достойную коллекцию для изучения всех народов Земного шара. Трудно было представить себе «что-нибудь более забытое и плачевное, чем наш этнографический музей», который «не заслуживает этого названия и справедливо может быть назван только временным складом или кладовой для хранения этнографической коллекции»¹⁴⁶, — такова была оценка академической комиссии в 1887 г., когда обсуждался вопрос об использовании только что отстроенного двухэтажного флигеля, примыкавшего к Кунсткамере.

В 1879 г. Музей этнографии был соединен с Анатомическим кабинетом в общий Музей по антропологии и этнографии преимущественно России. Возглавил музей Леопольд Иванович Шренк (1826—1894) — натуралист и этнограф, исследователь Сибири и Дальнего Востока.

Положение в корне изменилось с приходом энергичного, преданного музею директора Василия Васильевича Радлова (1837—1918). Его научные интересы лежали в области исследования языка и культуры тюркских народов. В. В. Радлов возглавлял музей с 1894 по 1918 г. и сыграл решающую роль в превращении его в подлинное научное учреждение. Усилия директора привели к стремительному

Мундуруку. Коллекция Г. И. Лангсдорфа. Шапка с наматыльником из черных, красных и желтых перьев, надеваемая мужчинами во время танцев. Вид сзади. [1916 г.]

СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 645. Л. 163

росту коллекций, развитию полевых исследований и формированию экспозиции по национально-географическому принципу. Радлова недаром называли подлинным «ловцом людей»¹⁴⁷: он объединил вокруг музея свежие научные силы в области этнографии и археологии. При подборе сотрудников он принимал в расчет только их профессиональные качества, закрывая глаза на политическое прошлое. Для музея работали даже бывшие по-

¹⁴⁶ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1882. Д. 14. Л. 41—41 об.

¹⁴⁷ Штернберг Л. Я. Двухвековой юбилей русской этнографии и этнографических музеев // Природа. 1925. № 7—9. Стлб. 59.

В. В. Радлов. Фототипия

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Р. Д. 40. Л. 1

литические ссыльные, которые стали хорошими знатоками этнографии тех народов, среди которых им пришлось жить долгие годы: Д. А. Клеменц, Л. Я. Штернберг, Э. К. Пекарский.

Радлов был предприимчивым администратором со связями в правительственных и деловых кругах, которыми он постоянно пользовался на благо своего музея. Государственные средства на содержание музея ограничивались строгими рамками бюджетных ассигнований и не поспевали за темпами его роста. В таком же положении находились и другие академические музеи. Поэтому в 1906 г. была создана комиссия директоров академических музеев

Здание Музея антропологии и этнографии с надстроенным третьим этажом

СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 4. Д. 9. Л. 4

ев, которая обсудила проект В. В. Радлова по организации помощи музеям и привлечению к их благоустройству просвещенных меценатов путем создания попечительных советов.

В 1908 г. министр народного просвещения А. Н. Шварц утвердил «Положение о попечительных советах при музеях и других учреждениях Императорской Академии наук». Попечительный совет был создан только при Музее по антропологии и этнографии, и его деятельность показала перспективность сотрудничества музеев с представителями деловых кругов: музей получил дополнительные средства на покупку экспонатов, расширение помещений, экспедиции для сбора материалов.

В 1909 г. был надстроен третий этаж здания музея, где в 1912 г. была откры-

та Галерея императора Петра I. Средства на строительные работы, и немалые — 70000 руб., были предоставлены первым почетным членом попечительного совета Ф. Ю. Шотлендером. По ходатайству попечительного совета в качестве вознаграждения он получил чин действительного статского советника и потомственное дворянство.

Более двух третей всех новых коллекций, и притом наиболее ценных, поступали в музей благодаря содействию членов совета. Благодаря щедрым субсидиям попечителей музей смог не только пополнить свои фонды, но даже создать новые отделы. Например, помощь совета позволила осуществить экспедицию по странам Южной и Юго-Восточной Азии: в 1914—1918 гг. супруги А. М. и Л. А. Мерварты обследо-

Галерея шаманов в Музее антропологии и этнографии. 1925 г.

СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 25. Л. 26

довали значительные территории Индии, Цейлона (Шри Ланка), посетили Сингапур и Индонезию. Собранные ими уникальные коллекции предметов материальной культуры и народного искусства легли в основу особого музейного отдела по культурам Индии.

С некоторыми предпринимателями В. В. Радлов заключал частные соглашения о совместном устройстве экспедиций, по которому музей передавал своему партнеру часть собранных во время экспедиции коллекций. Именно таким образом в 1906 г. была организована экспедиция А. В. Журавского (1882—1914) для сбора самоедской коллекции. Судьба этой коллекции показала, что широкое привлечение частных капиталов в музей имело и свои теневые стороны: некоторые ценные предметы были утрачены не только для музея, но и для России.

Этнографический музей стал одним из любимых и наиболее посещаемых (наряду с Эрмитажем и Зоологическим музеем) музеев города. Для публики он был открыт четыре дня в неделю, из них два дня — бесплатно. С. Ф. Ольденбург, подводя итог 24-летнего «пламенного труда» В. В. Радлова в музее, констатировал, что благодаря своему директору музей превратился в «большой научный институт»¹⁴⁸.

Азиатский музей был создан 11 ноября 1818 г. распоряжением президента С. С. Уварова, который велел изъять все восточные материалы из библиотеки, музея и архива Конференции и сосредоточить их в отдельном помещении под названием Восточного кабинета,

или Азиатского музея. Поводом к созданию музея стало приобретение российским правительством рукописной коллекции французского дипломата Ж.-Б. Л. Ж. Руссо (1780—1831). Это был внушительный комплекс сочинений на арабском, персидском и тюркских языках с редкими и великолепными по оформлению экземплярами.

Разбор и описание всех восточных коллекций были поручены арабисту Христиану Даниловичу Френу (1782—1851), с именем которого связано возникновение научного востоковедения в России. Х. Д. Френ заложил научные основы восточной нумизматики, разработав классификацию монет на основе историко-географических и типологических принципов. В общей сложности через его руки прошло около трех миллионов монет.

В первой половине XIX в. определяющими в деятельности Азиатского музея были собирательские задачи. Постоянно пополнялось собрание монет, поступали новые рукописные памятники и книги. Основное время Х. Д. Френ посвящал составлению научных каталогов собраний музея: «Приняв в основание идею, что литература известного народа есть картина его умственной жизни, ученый академик считал каталог Библиотеки рамой этой картины»¹⁴⁹. Он составил научный каталог нумизматического собрания, а к обработке год от года разрастающихся коллекций письменных памятников привлекал вновь избранных адъюнктов по восточным языкам и древностям. Со временем появились описание тибетских рукописей

---

¹⁴⁸ Ольденбург С. Ф. Василий Васильевич Радлов // Азиатский сборник. Пг., 1918. С. 123.

¹⁴⁹ Отчет экстраординарного академика Броссе о китайской библиотеке Азиатского музея Императорской Академии наук // ЖМНП. 1841. Ч. XXX. Отд. III. С. 14.

и ксилографов, опись индийских рукописей, каталог китайских коллекций.

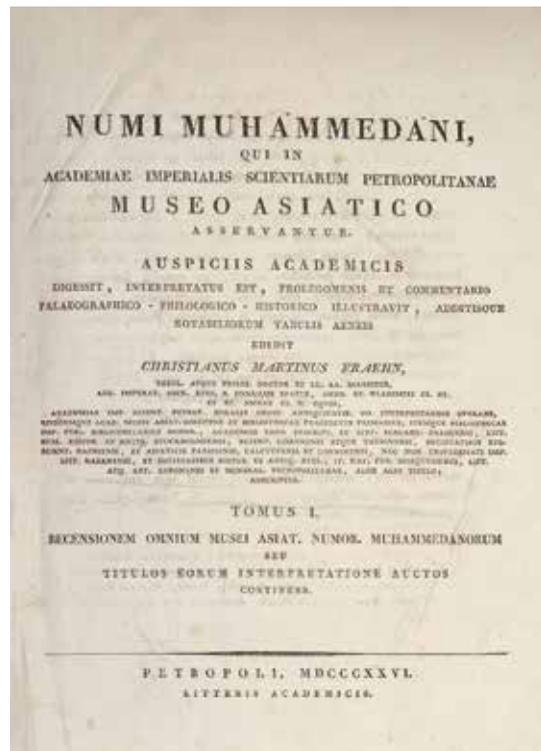
Отечественные ученые беспрепятственно пользовались собраниями музея, а в 1837 г. музей получил разрешение предоставлять рукописи в распоряжение и зарубежных ученых, занятых исследованием или критическим изданием текстов, причем не было случая, чтобы отправленная за границу рукопись не вернулась в музей.

Х. Д. Френ руководил музеем 25 лет, вплоть до 1842 г. К этому времени Азиатский музей стал важным научным центром востоковедения в России, где были сосредоточены научные пособия по многим отраслям этой науки. По словам С. С. Уварова, сказанным им в 1843 г., «Азиатский музей, постепенно обогащавшийся значительными приобретениями то от щедрот правительства, то на счет собственных средств академии, принадлежит уже к лучшим учреждениям этого рода, представляя самые обильные материалы для ученых изысканий о народах Востока. <...> Иностранные ученые, еще недавно обвинявшие Россию и втайне, и гласно в недостатке основательных изысканий о Востоке, ей сопредельном и подвластном, теперь единогласно и с изумлением прославляют учреждения правительства русского и услуги, оказанные учеными России по этой части в такое короткое время и с таким несомненным успехом»¹⁵⁰.

Преемником Х. Д. Френа стал иранист Борис Андреевич Дорн (1805—1881), выполнивший в Азиатском музее первые работы по иранскому языкознанию и древнеиранской фи-

Х. Д. Френ. Литография
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ф. Д. 2. Л. 1

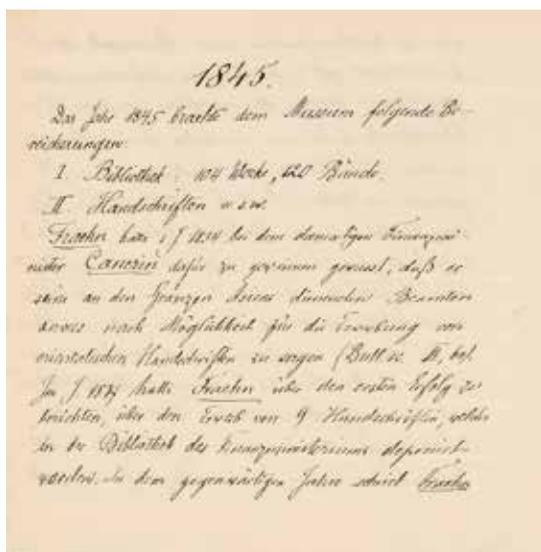

Каталог нумизматического собрания Азиатского музея, составленный Х. Д. Френом
СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 1. Д. 38. Л. 13

¹⁵⁰ [Уваров С. С.] Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833—1843. СПб., 1864. С. 26—27.

Б. А. Дорн
СПбФ АРАН. Ф. 95. Оп. 3. Д. 19а. Л. 7

Отчет Б. А. Дорна о пополнении
Азиатского музея в 1845 г.
СПбФ АРАН. Ф. 776. Оп. 1. Д. 88. Л. 37

логии. Б. А. Дорн продолжил нача-
тые Х. Д. Френом труды по комплек-
тованию музея новыми коллекциями.
Зимой, не покладая рук, он занимал-
ся каталогизацией и описанием по-
ступавших в музей рукописей, монет,
книг, а летом ездил за границу для из-
учения европейских собраний восточ-
ных рукописей и обмена опытом по их
систематизации и хранению. благода-
ря Б. А. Дорну собрание персидских
рукописей Азиатского музея с 1842
по 1881 г. выросло в три раза. Одновре-
менно резко увеличился приток книг,
напечатанных на Востоке.

После открытия в 1855 г. факуль-
тета восточных языков Санкт-Пе-
тербургского университета начали
пополняться ряды молодых помощ-
ников Азиатского музея. После смер-
ти Б. А. Дорна в 1881 г. сменилось не-
сколько директоров, наконец, в 1890 г.
директором стал иранист Карл Гер-
манович Залеман (1849—1916). Он
был одновременно директором Ази-
атского музея и иностранного отдела
библиотеки, комплектование фондов
от такого «совместительства» только
выигрывало, полностью исключалось
дублирование заказов.

Музей довольствовался очень скром-
ными средствами; личный состав его
до 1912 г. оставался в пределах, установ-
ленных еще в 1874 г., и состоял из ди-
ректора и ученого хранителя. В 1912 г.
количество сотрудников увеличилось
до трех; заметно вырос и ежегодный
бюджет музея.

Азиатский музей поддерживал
деловые связи с десятками книго-
торговых фирм, книгоиздательств
и антиквариатов многих стран мира.
Интенсивно пополняли коллекции
музея экспедиции в Центральную
Азию. В 1910 г. в музей поступило

ценнейшее собрание книг и ксилографов на тангутском и китайском языках из экспедиции путешественника П. К. Козлова, который в 1908—1909 гг. провел раскопки мертвого города Хара-Хото — одного из центров тангутского государства, существовавшего в 982—1227 гг. в самом центре Азии. Благодаря этим находкам тангутский фонд Азиатского музея, насчитывающий около 8000 единиц хранения, имеет мировое значение. В 1915 г. в Петроград прибыла коллекция китайских рукописей V—XI вв. из Дуньхуана, собранная С. Ф. Ольденбургем во время Второй русско-туркестанской экспедиции 1914—1915 гг., составившая основу так называемого «Дуньхуанского фонда» (18000 единиц).

Комплектование библиотеки Азиатского музея происходило как путем покупки, так и обмена периодическими изданиями по востоковедению с западными научными учреждениями и обществами. В музей поступило несколько мемориальных библиотек, в том числе библиотеки Л. П. Фридланда, Д. А. Хвольсона, К. Г. Залемана, О. Э. Лемма.

Главной заботой директора и ученого хранителя была обработка, классификация и каталогизация поступившего научного материала. С 1902 г. списки наиболее крупных и важных поступлений печатали в «Записках Петербургского Азиатского музея» (*Musei Asiatici Petropolitani Notitiae curante C. Salemann*), которые публиковались в «Известиях Императорской Академии наук».

Должность ученого хранителя Азиатского музея почти 35 лет (1883—1918) занимал коптолог О. Э. Лемм (1856—1918), член-корреспондент Академии наук с 1906 г. На нем лежала основная

К. Г. Залеман

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-3. Д. 18. Л. 1

тяжесть обработки новых поступлений: он вел алфавитный каталог и составлял систематические карточки для всего многотысячного отдела книг на европейских языках.

Несмотря на подвижнический труд К. Г. Залемана и О. Э. фон Лемма в начале XX в. два человека уже не могли охватить все востоковедение. Если до 1900 г. мизерные средства музея позволяли лишь изредка приглашать сторонних специалистов, то с введением нового штата в 1900 г. музей получил особую сумму на оплату услуг сотрудников, «работающих по найму», которые занимались составлением каталогов и описанием коллекций музея. Значительный шаг вперед был сделан в 1912 г., когда количество сотрудников увеличилось до трех.

В 1887 г. для приведения в порядок еврейского отдела в музей был приглашен библиограф С. Е. Винер (1860—1929). Благодаря его посредничеству музей получил в дар библио-

теку Л. П. Фридланда (10000 томов). Она была присоединена к еврейскому отделу под названием «*Bibliotheca Friedlandiana*», подробный каталог который составил и опубликовал С. Е. Винер. В 1902 г. к составлению каталогов и описей китайской коллекции приступил будущий академик В. М. Алексеев (1881—1951), благодаря его усилиям китайский отдел музея превратился в «лабораторию» китаиста. В 1902 г. К. Г. Залеман пригласил для занятий в музее своего ученика ираниста Ф. А. Розенберга (1867—1934). С 1918 г. и до 1930 г. он был фактическим руководителем всей повседневной внутренней жизни Азиатского музея, а в 1923 г. был избран в члены-корреспонденты Академии наук.

«Залемановский» период составил целую эпоху в истории Азиатского музея, который превратился в одно из крупнейших хранилищ памятников письменной культуры народов Востока. Трудями сотрудников музея был возведен прочный фундамент, на котором до сих пор развивается отечественное востоковедение. С конца 1916 г. Азиатский музей, а после его преобразования в 1930 г. — Институт востоковедения Академии наук СССР, возглавлял С. Ф. Ольденбург.

Кроме музеев академические коллекции хранились в библиотеке и архиве Конференции.

Библиотека Академии наук являлась старейшим и одним из главных вспомогательных учреждений Академии, обслуживая как ее членов и все ее научные учреждения, так и ученых и учащуюся молодежь города.

Библиотека состояла из двух отделений — русского и иностранного. После С. С. Уварова библиотека не имела единого директора, каждым отделе-

нием заведовал библиотекарь (с 1893 г. он стал называться директором). Русское отделение возглавляли П. И. Соколов, Я. И. Бередников, М. А. Коркунов, А. А. Куник и А. А. Шахматов; иностранное отделение — Х. Д. Френ, В. А. Эртель, А. М. Шёгрэн, К. М. Бэр, А. А. Шифнер, А. А. Штраух, К. Г. Залеман, М. А. Дьяконов.

Русское отделение состояло из пяти отделов: книжного русского, журнального и газетного русского, славянского, рукописного и дублетного. Рост этого собрания находился в прямой зависимости от печатной производительности России, потому что библиотека получала по одному обязательному экземпляру всей печатной продукции в России на русском, малорусском и польском языках. Иностранное отделение делилось на три отдела: книжное, журнальное и рукописное. Главным источником роста фондов этого отделения были покупка и обмен изданий Академии на издания иностранных академий, университетов и научных обществ. В отношении обмена изданиями Библиотека Академии наук занимала первое место в России. Кроме того, фонды пополнялись частными библиотеками, и рукописными собраниями. В одном из залов библиотеки находился не имевший собственного помещения и штата Русский нумизматический кабинет (в 1908 г. он утратил самостоятельность и был официально присоединен к библиотеке).

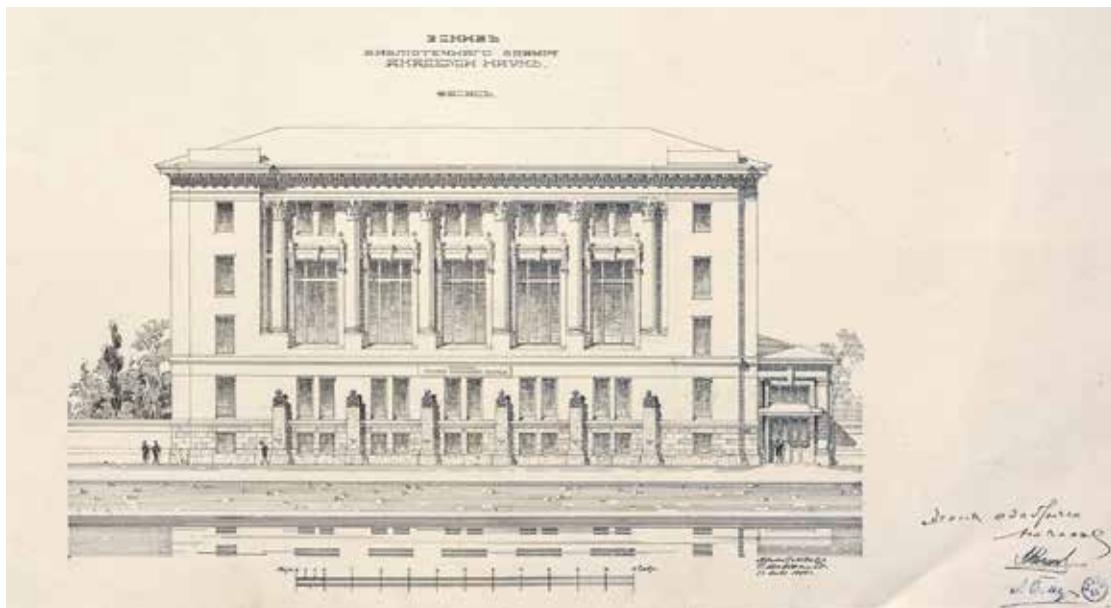
В конце 1880-х гг. нарушилось равновесие между вместимостью библиотечного помещения, количеством рабочих рук и денежными средствами, с одной стороны, и постоянно возрастающим числом новых поступлений, с другой. В 1893 г. штат библиотеки был увели-

Отчет Ф. И. Шуберта
о составе Библиотеки
Академии наук в 1818 г.
СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 1.
Д. 41. Л. 67, 67 об., 69 об.

	Nombre des		Ouvrages				Total des ouvr.		
	de Biblioth. ancienne	de Biblioth. nouvelle	Total	de Biblioth. ancienne	de Biblioth. nouvelle	Total			
XXVI. <i>Gramm. de l'allemand</i>	24	69	96	189	39	68	73	180	369
XXVII. <i>Gramm. de l'italien</i>	25	62	62	149	11	29	20	60	209
XXVIII. <i>Gramm. de l'espagnol</i>	13	52	30	95	6	8	3	15	116
XXIX. <i>Gramm. de l'anglais</i>	21	49	52	152	53	109	38	200	322
XXX. <i>Gramm. de l'allemand</i>	8	12	17	37	5	4	-	9	46
XXXI. <i>Gramm. de l'allemand</i>	20	34	56	110	55	27	36	48	208
XXXII. <i>Gramm. de l'allemand</i>	51	27	58	128	57	31	30	118	246
XXXIII. <i>Gramm. de l'allemand</i>	128	168	165	461	17	36	42	95	556
XXXIV. <i>Economie</i>	49	107	251	407	16	32	47	95	502
XXXV. <i>Politique</i>	56	222	773	1051	17	46	173	280	1537
XXXVI. <i>Politique & Histoire</i>	34	91	350	455	16	39	117	172	627
XXXVII. <i>Gramm. & Dictionnaire</i>	68	118	355	541	15	18	123	156	697
XXXVIII. <i>Romans</i>	-	-	186	186	-	-	209	209	395
XXXIX. <i>Cours de lecture</i>	-	-	70	70	-	-	-	-	70
XL. <i>Exercices</i>	8	20	18	46	2	15	6	23	69
XLI. <i>Zoologie</i>	200	109	42	351	81	9	4	74	445
XLII. <i>Math.</i>	152	27	37	196	27	2	2	33	229
XLIII. <i>Manuels</i>	-	-	-	534	-	-	-	-	534
XLIV. <i>Cours de lecture</i>	-	-	-	258	-	-	-	-	258
XLV. <i>Cours de lecture</i>	-	-	-	21	-	-	-	-	21
XLVI. <i>Cours de lecture</i>	-	-	-	200	-	-	-	-	200
<i>En langue Russe & Polonoise</i>									
I. <i>Cours complets</i>									
1. <i>Cours complets de l'allemand</i> . . . . . 593 212 . . . . . 805 805									
2. <i>autres livres</i> 178 399 1842 2419 2419									
II. <i>Manuels</i>									
1. <i>Exercices de l'allemand</i> . . . . . 224 19 . . . . . 243 243									
2. <i>qui regardent l'histoire de Russie</i> . . . . . 144 75 . . . . . 219 219									
Somme totale des ouvrages en langue Russe & Polonoise 771 611 1842 3224 3224									
1) en langue Russe 2849 5251 10259 18109 1379 2255 4775 8409 2678									
2) en d'autres langues . . . . . 459 . . . . . 459 459									
Somme totale des manuels en langue Russe & Polonoise . . . . . 368 94 . . . . . 462 462									
1) en langue Russe . . . . . 368 94 . . . . . 462 462									
2) en d'autres langues . . . . . 534 . . . . . 534 534									
Somme totale des ouvrages en langue Russe & Polonoise . . . . . 21792 . . . . . 8409 30201									
Somme totale des manuels en langue Russe & Polonoise 996 996									

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК				
О ПОЛУЧЕНИИ КНИГ ИЗ РУССКАГО ОТДЕЛЕНИЯ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУКЪ.				
1 декабря 1859 года.				
Вступит. нумеръ	ЗАГЛАВІЕ.	Форматъ	Число страницъ.	Особые примечанія.
764	Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ и древне- славянскаго языка въ М. 1855.	8'	1	
765	Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ и древне- славянскаго языка въ М. 1855.	8'	1	
Туринъ.				

Расписка академик
И. Х. Гамеля в получении
книг из I отделения
Библиотеки Академии наук
от 1 декабря 1859 г.
СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 2.
Д. 61. Л. 3 об.

*Р. Р. Марфельд. Первый проект нового здания Библиотеки Академии наук. 1909 г.
СПбФ АРАН. Ф. 71. Оп. 2. Д. 2. Л. 30*

*Библиотека Академии наук в период строительства. Облицовка фасада. Начало 1920-х гг.
СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 4. Д. 9. Л. 26*

чен до восьми человек (не считая директоров), в 1912 г. он удвоился.

Вплоть до 1924 г. библиотека размещалась в здании Кунсткамеры, и постоянно растущие фонды просто не умещались в нем. Вновь поступав-

шие книги складывали в ящики, которые сотнями хранились на лестницах, загораживая проходы, или ютились в амбарах. Помещение Кунсткамеры не отвечало требованиям пожарной безопасности. 8 января 1901 г. в Би-

Виды здания, хранилища и читального зала Библиотеки Академии наук. 1930-е гг.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 26. Л. 24

библиотеке Академии наук произошел пожар, во время которого пострадали серии иностранных академий, которые полностью так и не были восстановлены. Еще в 1884—1886 гг. вплотную к Кунсткамере было построено двухэтажное здание, предназначавшееся для русского отдела библиотеки. Однако решением академической комиссии оно было передано Музею антропологии и этнографии.

В начале XX в. Академия наук прежде всего нуждалась в специально приспособленном здании для библиотеки, которая насчитывала к тому времени более двух миллионов книг. В 1903 г. Академия наук получила часть территории предназначавшегося на слом старого Гостиного двора. В 1912 г. на этом участке было начато строительство нового здания библиотеки, оно было в целом завершено к началу Первой мировой войны. Однако около 10 лет здание не использовалось по назначению: в нем находился госпиталь, только в 1924 г. библиотека переехала в него из Кунсткамеры.

Архив Конференции, основанный одновременно с самой Академией, хранил богатейшие, единственные в своем роде рукописные материалы по истории отечественной науки от момента ее зарождения в Петровское время¹⁵¹.

С середины XIX в. велась систематическая работа по выявлению и публикации архивных документов, которой много занимались академики А. А. Кунник, П. С. Билярский, П. П. Пекарский, М. И. Сухомлинов, К. С. Веселовский.

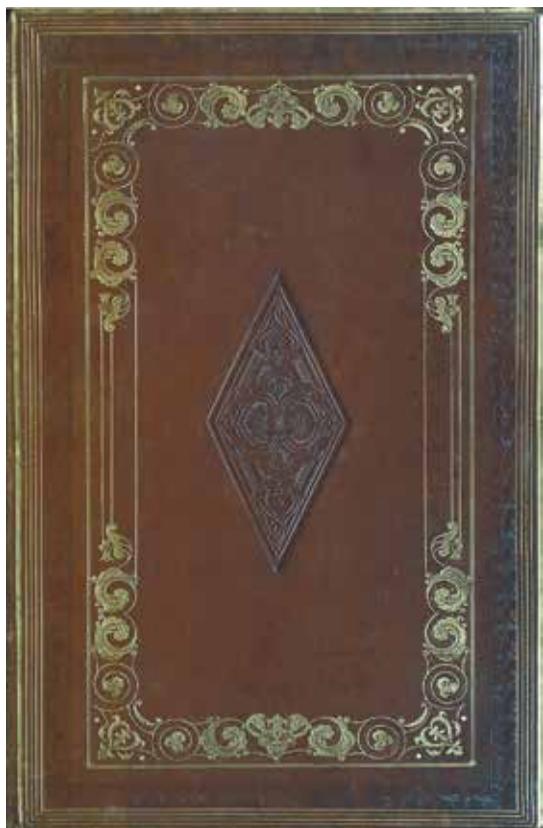
В 1883 г. была начата подготовка издания «Протоколов заседаний Конференции Императорской Академии наук». Первая серия протоколов в 4 томах, охватывавшая период 1725—1803 гг., была закончена в 1911 г.¹⁵² В 1908 г. по поручению Конференции Б. Л. Модзалевский составил «Список членов Императорской Академии наук, 1725—1907» (1908), участвовал в подготовительных работах для устройства выставки «Ломоносов и Елизаветинское время». В Архиве сосредоточились работы по составлению исторического очерка деятельности Академии за период с 1889 по 1914 г. Таким образом, архив превратился в центр изучения истории Академии наук.

Архив находился под непосредственным наблюдением непрямого секретаря, его единственным помощником был архивариус, который по штату 1893 г. совмещал эту должность с заведованием книжным складом. Долгое время Архив Конференции не имел ни достойного помещения, ни самостоятельного бюджета; в течение ряда лет он кочевал из одного помещения главного здания в другое. В 1912 г. с введением в действие новых штатов была учреждена особая должность заведующего Архивом Конференции, на которую был избран Б. Л. Модзалевский. Тогда же архив получил скромные бюджетные средства на ежегодные расходы по переплетам и другие нужды. В конце 1917 г. архив был частично эвакуирован и до 1921 г. функционировал слабо; 2 декабря

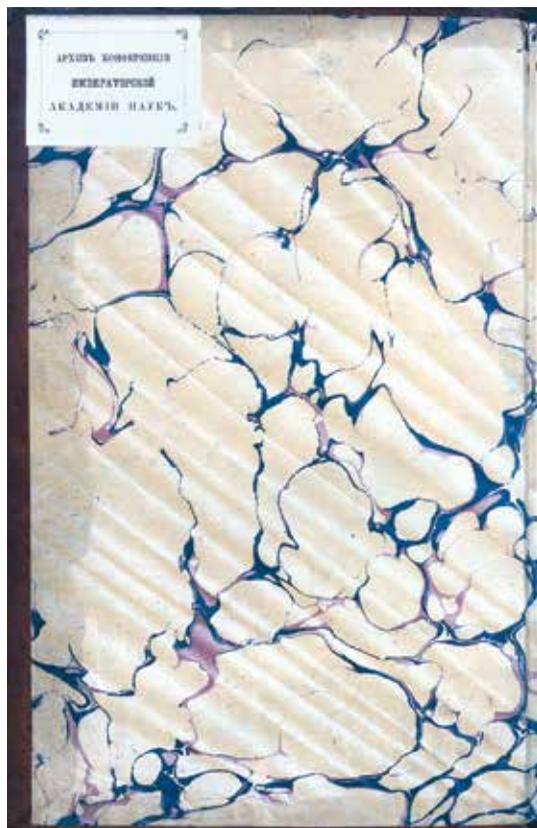
¹⁵¹ Тункина И. В. Хранители академической памяти (XVIII — первая треть XX вв.): Очерки истории Санкт-Петербургского академического архива. СПб., 2016 (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 8).

¹⁵² Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 г. Т. 1—4. СПб., 1897—1911.

Обложка протоколов заседаний Конференции
(Общего собрания)

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 109

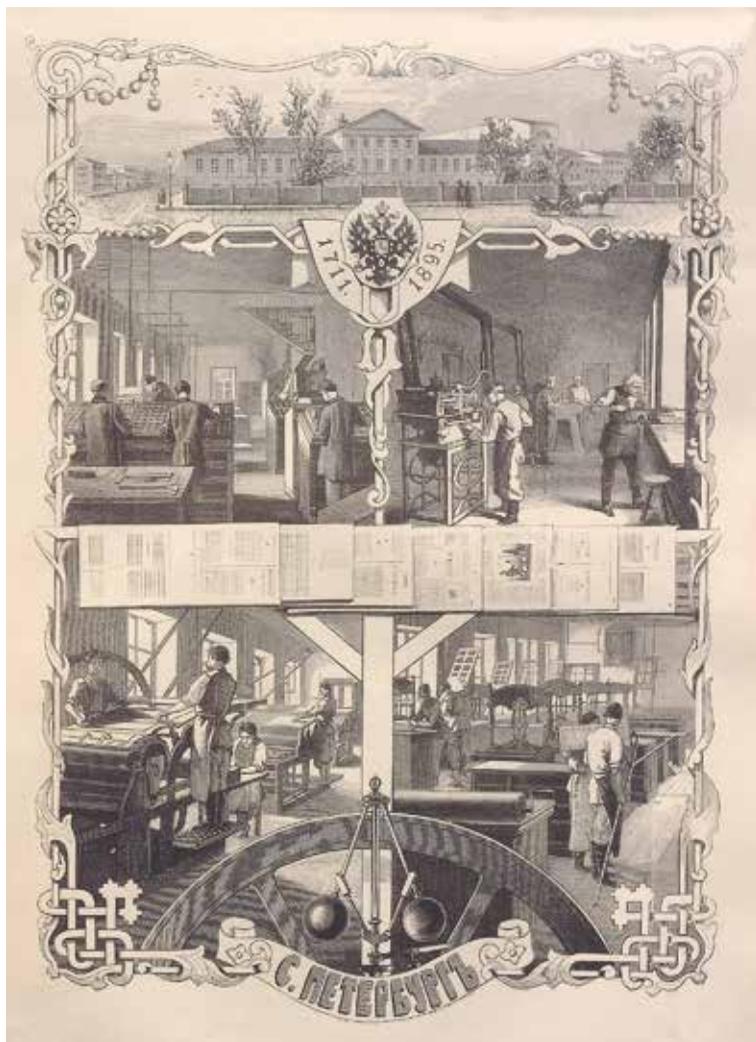
Оборот обложки с экслибрисом Архива
Конференции Императорской академии наук

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 84

Расписка Ф.И. Круга в получении из Архива Конференции своей рукописи
«Über den Novgorodschen Gostomysl» во временное пользование. 7 мая 1828 г.

СПбФ АРАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 2

Плакат типографии Академии наук к первой Всероссийской выставке печатного дела в Санкт-Петербурге. 1895 г. СПбФ АРАН. Ф. 49. Оп. 1. Д. 385. Л. 2

1922 г. он был преобразован в Архив Российской академии наук, а в 1927 г. получил здание бывшего Архива Горного департамента, где находился вплоть до 2021 г.

В начале XX в. музеи Академии выросли из рамок приакадемических и могли стать общегосударственными учреждениями; их авторитет был столь высок, что даже некоторые музеи за пределами Санкт-Петербурга искали покровительства Академии наук. В 1903 г. она приняла под свою опеку Кавказский музей в Тифлисе. В 1909 г. московский коллекционер А. А. Бахрушин попросил Академию наук при-

нять в дар созданный им литературно-театральный музей. В 1913 г. музей перешел в государственную собственность и был открыт как Литературно-театральный музей Императорской академии наук имени А. Бахрушина в Москве. В настоящее время это Центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина. В 1913 г. по соглашению с Министерством внутренних дел Академия наук взяла под свой патронат Минусинский городской Мартыновский музей в Красноярском крае; в 1918 г. — приняла под свою опеку Толстовский музей, созданный в 1911 г. на частные средства. Толстовский му-

зей вошел в состав рукописного отдела Библиотеки Академии наук как особое учреждение и сохранял свой статус до 1926 г.

За 100 с лишним лет (XIX — начало XX в.) академические музеи проделали большой путь развития от простых хранилищ предметов до центральных музеев России, их коллекции приобретали все больший вес в развитии фундаментальных исследований и сегодня справедливо считаются национальным богатством. Хотя каждый музей в своей области знания был уникален, вместе они представляли собой единый научно-просветительный комплекс. В этот период в истории академических коллекций наступил этап научной обработки накопленного конкретного знания и дальнейшего систематического и целенаправленного сбора коллекционного материала, обеспечивающего планомерный научный рост каждого собрания. Музеи превратились в крупные научные центры: Зоологический и Ботанический музеи проводили фундаментальные исследования по систематике и предприняли сводные описания флоры и фауны страны; Минералогический музей организовал изучение радиоактивных минералов; вокруг Музея по антропологии и этнографии консолидировались научные силы в области изучения культуры всех народов и истории развития человека; Азиатский музей превратился в международный центр востоковедения. Даже типография, обслуживавшая научные нужды Академии и печатавшая ее издания, являлась своего рода полиграфическим музеем: она обладала редкой коллекцией шрифтов (ок. 800), в том числе для набора почти на всех восточных языках.

ОБСЕРВАТОРИИ

Расцвет астрономической деятельности Академии наук начался с избрания ординарным академиком в 1832 г. ученого мирового масштаба — Василия Яковлевича Струве (1793—1864). Одновременно он был назначен директором еще только проектируемой новой астрономической обсерватории. Прежняя обсерватория, ютившаяся в башне Кунсткамеры, в центре быстро растущего города, в окружении чадивших труб, была непригодна для проведения астрономических наблюдений и стояла заброшенной. Старания академиков перенести обсерваторию за город на более высокое и спокойное место увенчались успехом благодаря подарку императора Николая I, который передал под строительство обсерватории большой участок земли

В. Я. Струве. Литография Г. Д. Митрейтера с портрета работы Ф. Йентцена. 1844 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-С. Д. 9. Л. 1

на Пулковском холме, принадлежавшей к императорским владениям Царского Села.

Николаевская главная астрономическая обсерватория (Пулковская обсерватория) была построена по проекту А. П. Брюллова. Здание напоминало античный храм: расположенное в направлении с востока на запад, оно состояло из трех каменных частей, увенчанных круглыми башнями и соединенных деревянными галереями (меридианными залами). Все здесь было сделано для удобства ученых: кабинеты для научных занятий сообщались с залами для наблюдения и с жилыми помещениями.

Обсерватория была оснащена по тому времени самым лучшим оборудованием. Инструменты были изготовлены по тщательно разработанным заказам В. Я. Струве в лучших мастер-

Проект медали по случаю закладки обсерватории в Пулково. Высочайше одобрен 25 апреля 1835 г.

СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 22. Д. 79. Л. 8

А. П. Брюллов. Проект фасада обсерватории, высочайше утвержденный 4 апреля 1834 г. Подпись-автограф: Архитектор А. Брюллов. Марта 9 1834

СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 22. Д. 79. Л. 2

Главное здание Пулковской обсерватории. Конец XIX в.

СПбФ АРАН. Ф. 69. Оп. 2. Д. 148. Л. 13

ских Германии: 15-дюймовый рефрактор для измерения координат двойных звезд и расстояний до звезд (гордость обсерватории); гелиометр для измерения диаметра Солнца и взаимных угловых расстояний между светилами; большой пассажный инструмент для определения абсолютных прямых восхождений звезд; большой вертикаль-

ный круг для определения склонений звезд. Со всеми предосторожностями приборы были доставлены в Пулково.

19 июня 1838 г. Николай I утвердил Устав и Штат Главной астрономической обсерватории. По Уставу обсерватория находилась в ведении Академии наук и являлась «центральным в империи заведением сего рода».

*15-дюймовый рефрактор
Пулковской обсерватории
СПбФ АРАН. Ф. 703. Оп. 8.
Д. 43. Л. 84*

Цель обсерватории состояла в «производстве постоянных и, сколь можно, совершеннейших наблюдений, клонящихся к преуспейанию астрономии; производстве соответствующих наблюдений, необходимых для географических предприятий в империи и для совершаемых ученых путешествий; сверх того, она должна всеми мерами содействовать усовершенствованию практической астрономии, в приспособлении ее к географии и мореходству, и доставлять возможность к практическим упражнениям в географическом определении мест»¹⁵³.

Торжественное открытие обсерватории состоялось 7 августа 1839 г. в присутствии всех астрономов России, этот день традиционно считается датой основания обсерватории. Государь не смог присутствовать на открытии, но позже не раз бывал в Пулковке. Сохранился анекдот о том, как однажды «император Николай Павлович посетил Пулковскую обсерваторию. Не предупрежденный о посещении высокого гостя, начальник ее, Струве, в первую минуту смутился и спрятался за телескоп. — Что с ним? — спросил император у сопровождавшего его А. С. Меншикова. — Вероятно, испугался, Ваше величество, увидев столько звезд не на своем месте»¹⁵⁴.

В 1855 г., после смерти своего покровителя, обсерватория получила имя «Николаевская главная астрономическая обсерватория» (НГАО). По месту своего расположения обсерватория больше известна как Пулковская. «Пул-

ковская обсерватория есть осуществление ясно сознанный научной идеи, в таком совершенстве, какое только было возможно при неограниченных средствах, дарованных высоким ее основателем», — так В. Я. Струве в 1845 г. охарактеризовал значение ее учреждения¹⁵⁵.

Основное направление работ Пулковской обсерватории состояло в определении координат звезд и получении каталогов их точных положений. Высокая широта Пулкова являлась весьма выгодной для подобных наблюдений. В. Я. Струве полагал, что «трудолюбие является хорошей приправой к жизни», и наметил программу систематических наблюдений на десятилетия вперед. По намеченному им плану положение так называемых главных Пулковских звезд определялось каждые 20 лет. Самые точные в мире Пулковские фундаментальные каталоги звездных положений (на 1845 и 1865 гг.) составили эпоху в астрономии и принесли обсерватории мировую известность, на долгие годы за ней утвердился титул «астрономической столицы мира». Имя Струве-старшего стало едва ли не нарицательным для астрономов. По миру о нем шла такая молва: «Знаменитый астроном, бывший Пулкова властитель, небо знал он — как свой дом, а планеты — как их житель»¹⁵⁶.

Без участия Пулкова не обходилась ни одна более или менее значительная геодезическая работа. Пулковский меридиан, проходящий через центр главного здания обсерватории, был точкой отсчета для всех географических

---

¹⁵³ Устав и Штат Главной астрономической обсерватории (на Пулковской горе) 19 июня 1838. СПб., 1838.

¹⁵⁴ Пыляев М. И. Замечательные чудачки и оригиналы. М., 1898. С. 182.

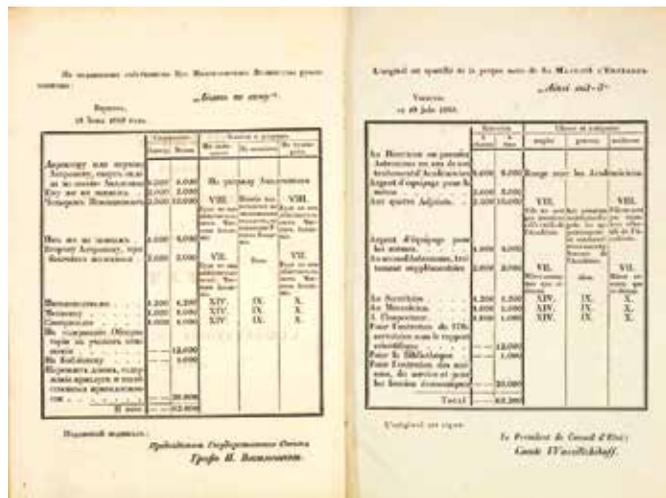
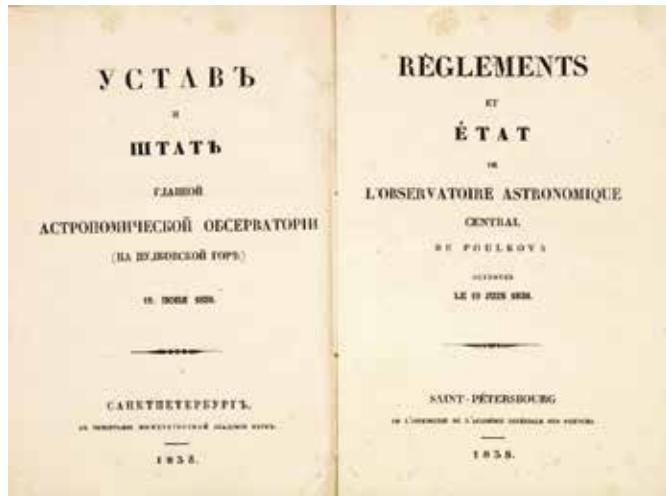
¹⁵⁵ *Struve W.* Description de l'observatoire central de Poulkova. SPb., 1845. P. 293.

¹⁵⁶ Мартыанов П. К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX века в силуэтах, кратких характеристиках, надписях к портретам и эпитафиях. СПб., 1890. С. 202.

карт России. Широко известны триангуляционные работы В. Я. Струве по большому русско-скандинавскому градусному измерению, производившемуся в течение 40 лет общими усилиями ученых России, Швеции и Норвегии. Геодезическая дуга, названная именем руководителя работ «дугой Струве», протянулась от дельты Дуная до берегов Северного Ледовитого океана вдоль 25-градусного меридиана восточной долготы. Измерение помогло установить, что форма нашей планеты не круглая, а сплюснута у полюсов.

Первые 50 лет руководство обсерваторией находилось в руках семьи Струве. Примечательным символом принадлежности к астрономической династии была «шапочка для наблюдений». По традиции шапочку из красного бархата для будущего супруга-астронома шила его невеста, украшая ее золотой нитью-позументом, число нитей означало место астронома в династии. Так, *pater familias* В. Я. Струве носил шапочку, обшитую одной нитью, шапочку его сына О. В. Струве украшали две нити и т. д.

Отто Васильевич Струве (1819—1905) был ближайшим сотрудником своего отца. Он прошел у него отличную школу, как в научном, так и в административном отношении, открыл свыше 500 двойных звезд, измерил параллаксы нескольких звезд,

Устав и штат Главной астрономической обсерватории, утвержденные императором Николаем I. 19 июня 1838 г.

СПбФ АРАН. Ф. 703. Оп. 1 до 1918. Д. 32.
Л. 7 об. — 8, 11 об. — 12, 21 об. — 22

О. В. Струве
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-С. Д. 29. Л. 1

30-дюймовый рефрактор Пулковской
обсерватории. 1889 г.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 34. Л. 3

вел наблюдения планет и их спутников, комет и туманностей. Независимо от других ученых и почти одновременно с ними открыл темное внутреннее кольцо Сатурна, один из спутников Урана. С 1845 г. управление обсерваторией постепенно переходило в руки Струве-младшего.

В 1862 г. О. В. Струве был назначен директором и руководил обсерваторией почти 30 лет. В первый же год его директорства изменился статус обсерватории. 14 августа 1862 г. был утвержден устав НГАО, согласно которому обсерватория вышла из состава Академии наук и заняла в Министерстве народного просвещения равное с Академией положение. НГАО получила административную самостоятельность, но ее директором непременно был академик по астрономии, а ее связь с Академией наук проводилась через Комитет НГАО под председательством президента Академии наук.

Струве-младший, как и его отец, заботился о высокой точности наблюдений и сохранил приверженность к астрометрии; вместе с тем при нем появились и такие новые направления, как небесная механика, фотометрия звезд, была установлена телеграфная связь при определении долгот, начала развиваться астрофизика — наука о физическом и химическом строении небесных светил.

В 1885 г. в обсерватории был установлен крупнейший в то время в мире 30-дюймовый (76-см) рефрактор. Наблюдения на новом рефракторе были поручены сыну О. В. Струве — адъюнкт-астроному Герману Оттовичу Струве (1854—1920), который произвел с его помощью много измерений двойных звезд, исследовал системы Сатурна, его спутников и колец. В распо-

Поздравительный адрес Николаевской главной астрономической обсерватории с 50-летием от Императорской академии наук в кожаном бьюаре. 7 августа 1889 г.
СПбФ АРАН. Ф. 703. Оп. 1 до 1918. Д. 111. Л. 1

ряжение ученого был отдан и второй по значимости инструмент — 15-дюймовый рефрактор.

В конце 1880-х гг. директор О. В. Струве начал тяготиться зависимостью от Академии наук и добивался признания полной самостоятельности обсерватории, однако его устремления вызывали неодобрение академиков. О. В. Струве был так обижен на Академию, что даже не известил ее о готовящемся праздновании 50-летнего юбилея обсерватории¹⁵⁷. Торжество состоялось 7 августа 1889 г., Академия

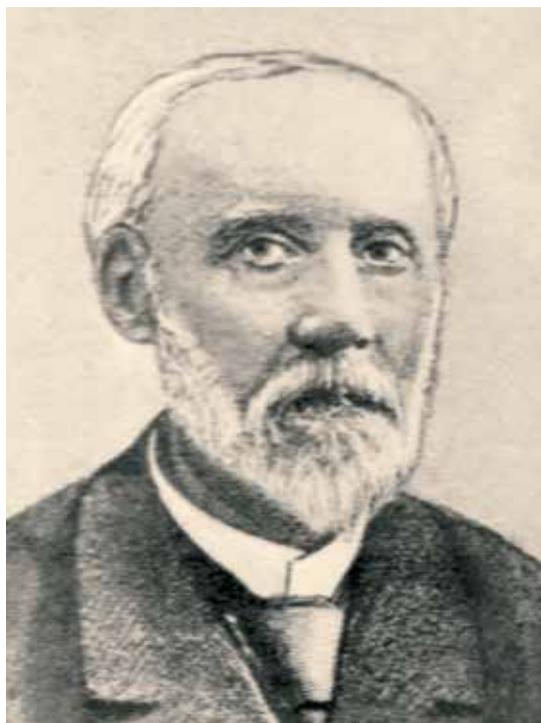

Пригласительный билет на торжество 50-летия Николаевской главной астрономической обсерватории. 7 августа 1889 г.
СПбФ АРАН. Ф. 703. Оп. 1-до 1917 г. Д. 113. Л. 2

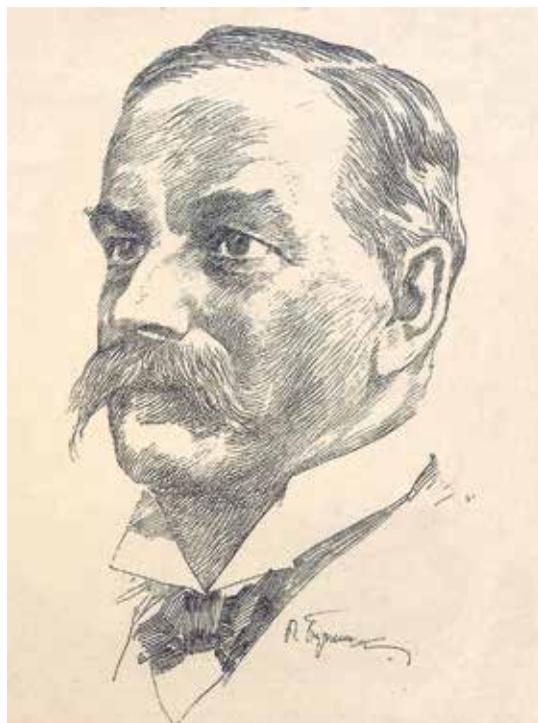

Меню торжественного обеда по случаю 50-летия Николаевской главной астрономической обсерватории. 1889 г.
СПбФ АРАН. Ф. 703. Оп. 1-до 1917 г. Д. 113. Л. 3

¹⁵⁷ К пятидесятилетию Николаевской главной астрономической обсерватории. Описание 30-дюймового рефрактора и астрофизической лаборатории. СПб., 1889. 130 с.

Ф. А. Бредихин
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 252. Л. 1

О. А. Баклунд. С рисунка художника
П. Д. Бучкина
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 260. Л. 1

направила Пулковской обсерватории поздравительный адрес и сдержанно приветствовала ее как «величественный памятник щедрот и попечений наших великих монархов на пользу науки»¹⁵⁸.

В конце 1889 г. Комитет по делам Пулковской обсерватории провел ее обследование и дал отрицательный отзыв о ее деятельности. В числе недостатков были названы нерешительность в исследованиях по астрофизике, отсутствие связи с другими русскими обсерваториями. Директор обсерватории О. В. Струве вышел в отставку, его сменил в 1890 г. Фёдор Александрович Бредихин (1831—1904). Ф. А. Бредихин заложил основы астрофизических исследований Солнца, комет и метеоро-

ров и создал наиболее полную теорию кометных форм, которая принесла ему мировую известность. Обсерватория обязана ему расширением работ по астрофизике и астрометрии, оживлением отношений с русскими университетскими обсерваториями. В 1894 г. Ф. А. Бредихин вышел в отставку.

Директором обсерватории стал выпускник Упсальского университета Оскар Андреевич Баклунд (1846—1916), научные интересы которого лежали в области небесной механики. За заслуги в исследовании кометы Энке Академия наук приняла решение именовать ее в своих изданиях кометой Энке-Баклунда. О. А. Баклунд был талантливым администратором и на протяжении 21 года очень успешно управлял

¹⁵⁸ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 187. Л. 34 об.—35 об. (Чрезвычайное заседание 24 июля 1889 г.).

обсерваторией. При нем Пулковская обсерватория обогатилась новыми отделениями на юге России — в Николаеве и Симеизе, где были самые благоприятные условия для исследований Солнца, которое становилось предметом особого внимания астрономов.

Пулковская обсерватория обладала по тем временам довольно большим штатом (8 старших астрономов и адъюнкт-астрономов, с 1909 г. — 9, с 1912 г. — 13) и дополнительно привлекала к работам трех — четырех сверхштатных астрономов и трех вычислительниц.

По мере сил и средств обсерватория разрабатывала все отрасли астрономии и принимала участие во многих международных проектах. Здесь ши-

роко развернулись астрофизические исследования по фотографированию и спектральным наблюдениям Солнца и наблюдениям солнечных затмений. После того как в 1904 г. был создан Международный союз для исследования Солнца, Академия наук при участии обсерватории образовала его Русское отделение. В 1912 г. отделение в Симеизе включилось в международную программу наблюдений малых планет. Накануне Первой мировой войны обсерватория приняла участие в работах по преобразованию службы времени.

Пулкову принадлежала большая роль в подготовке геодезистов и топографов в России. Хотя с 1881 г. все геодезические и математико-геогра-

*А. А. Белопольский
за наблюдениями
на 30-дюймовом
рефракторе в Пулковской
обсерватории
СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Б.
Д. 451. Л. 1*

фические работы были сосредоточены в Военно-топографическом отделе Генерального штаба, практическое обучение геодезистов продолжалось в Пулковке вплоть до 1917 г. Сотрудники Пулковской обсерватории участвовали в экспедиции на Шпицберген в 1899—1902 гг., чтобы провести геодезические измерения совместно со Шведской академией наук.

Результаты деятельности обсерватории публиковались в обширных «Трудах Николаевской главной обсерватории в Пулковке», к 1916 г. было напечатано 30 томов. Помимо систематических «Трудов», выходили «Известия Николаевской главной астрономической обсерватории» по более частным вопросам астрономии. К 1916 г. были опубликованы 78 номеров, включавших около 200 работ.

В августе 1914 г. предполагалось отпраздновать 75-летний юбилей обсерватории. К этой дате было приурочено проведение в Санкт-Петербурге и Пулковке международного съезда Астрономического общества, однако Первая мировая война помешала осуществить эти планы.

В конце 1916 г. директором обсерватории стал Аристарх Аполлонович Белопольский (1854—1934), один из основоположников современной астрофизики, осуществивший обширную программу наблюдений лучевых скоростей звезд, Солнца, планет и комет. Ученый тяготился директорскими обязанностями и в 1919 г. подал заявление о снятии своей кандидатуры на должность директора, которая к тому времени стала выборной. Директором

был избран Александр Александрович Иванов (1867—1939), который занимал эту должность до 1930 г.

Главная физическая обсерватория (ГФО) была создана в 1849 г. усилиями академика Адольфа Яковлевича Купфера (1799—1866), который первым начал проводить систематические метеорологические и магнитные наблюдения в России. Первоначально обсерватория была в составе Горного ведомства Министерства финансов, в 1866 г. она была передана в Министерство народного просвещения и вошла в состав Академии наук.

В 1868 г. в Академию наук из Швейцарии был приглашен геофизик Генрих Иванович Вильд (1833—1902) специально для того, чтобы он стал директором ГФО. Главнейшей задачей своей деятельности Г. И. Вильд считал организацию в России четко работающей сети станций как фундамента для метеорологического изучения страны. В 1871 г. он добился для обсерватории устава и статуса «центрального учреждения для исследования России в физическом отношении»¹⁵⁹.

Благодаря деятельности Г. И. Вильда Россия покрылась густой сетью метеостанций с магнитными и метеорологическими обсерваториями в Екатеринбурге, Иркутске и Тифлисе; он же разработал единую методику производства наблюдений. Для единообразия наблюдений ГФО централизованно снабжала станции необходимыми инструментами, причем Г. И. Вильд сам сконструировал ряд новых приборов. Ученый уделял большое внимание публикации материалов наблюдений

---

¹⁵⁹ Устав Главной Физической обсерватории (1871) // Сб. постановлений и распоряжений, относящихся до Императорской академии наук и подведомственных ей учреждений. СПб., 1907. С. 165.

А. Я. Купфер. Фототипия
СПбФ АРАН. Р. X. Оп.1-К. Д. 49. Л. 1

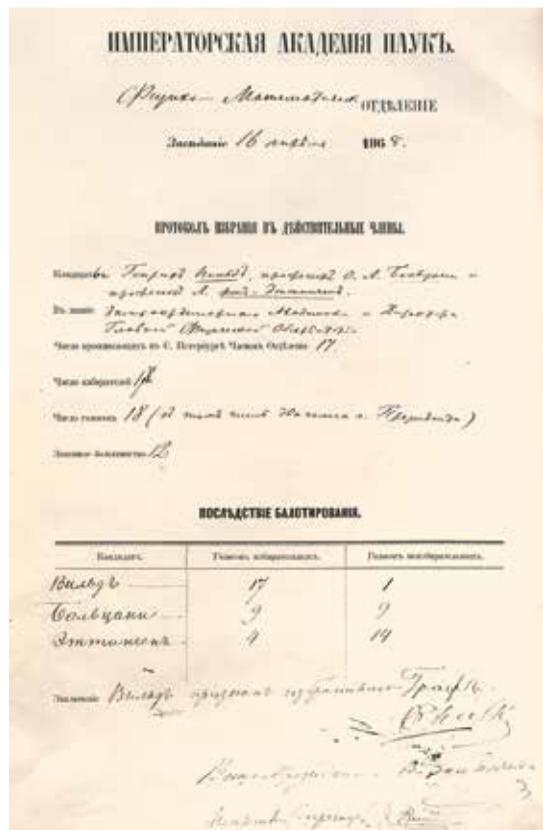

Г. И. Вильд. Фототипия
СПбФ АРАН. Р. X. Оп.1-В. Д. 21. Л. 1

в «Летописях Главной Физической обсерватории», которые вскоре приобрели ту форму, которая впоследствии стала международной. Для обработки климатических данных о России в 1870 г. по инициативе Г. И. Вильда и под его редакцией возник «Метеорологический сборник» (с 1870 по 1894 г. вышли 23 тома этого издания). В 1872 г. началось издание «Ежедневного метеорологического бюллетеня».

Г. И. Вильд возглавлял обсерваторию 27 лет, за это время она превратилась в образцовый научно-исследовательский институт со значительным по тем временам штатом (11 сотруд-

Протокол Физико-математического
отделения об избрании Г. Вильда
в экстраординарные академики
и директором Главной физической
обсерватории. 16 апреля 1868 г.
СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 42. Л. 31

Здание Главной физической обсерватории на набережной Масляного канала в Санкт-Петербурге
СПбФ АРАН. Ф. 337. Оп. 1. Д. 168а. Л. 5

ников, в том числе 6 человек научного персонала) и приличным финансированием. Г. И. Вильд был превосходным организатором и неутомимым работником, требуя такого же труда от подчиненных. Дисциплина в обсерватории была почти военная, директор лично следил за работой служащих и требовал от них ежедневно вести дневник. Академик А. Н. Крылов, будущий директор ГФО, вспоминал: «Каждый служащий должен был заносить в соответствующую графу то, что делал, но догадлив наш брат моряк. Служил в обсерватории при Вильде лейтенант И. Б. Шпиндлер... Так, он в Вильдовский дневник вписывал по-немецки: "Habe Humboldts «Kosmos» studiert und darüber nachgedacht", т.е. "Изучал «Космос» Гумбольдта и размыш-

лял над этим", или: "Изучал теорию земного магнетизма Гаусса и размышлял по этому поводу", или "Изучал сегодняшнее предсказание погоды и размышлял по этому поводу" и т.д. и везде стояла одобрительная птичка Вильда. Так как размышление никаких видимых знаков не оставляет, то, конечно, при всей учености, Вильд не мог установить, о чем Шпиндлер размышлял, а знавшие Шпиндлера могли с уверенностью сказать, что размышлял он не о Гумбольдте и Гауссе, а о том, как он назначил малый шлем в бубнах и остался без пяти»¹⁶⁰.

Большой заслугой Г. И. Вильда была организация в 1875 г. Павловской магнитно-метеорологической обсерватории, которую называли «Меккой ученых всего мира». Необходимость перенести

¹⁶⁰ Крылов А. Н. Назначение директором Главной физической обсерватории // Крылов А. Н. Воспоминания и очерки. М., 1956. С. 249—250.

часть наблюдений за город диктовалась тем, что ГФО, располагавшаяся на 23 линии Васильевского острова, в 1870-е гг. очутилась внутри промышленного квартала, так что посторонние шумы и помехи стали оказывать сильное влияние на показания приборов для наблюдений за земным магнетизмом.

В память вел. кн. Константина Николаевича, который уступил для нее земельный участок в своем парке и принял близкое участие в ее создании, Павловская обсерватория в 1892 г. получила название Константиновской. В тишине Павловского парка проводились тонкие магнитные наблюдения, гордостью обсерватории был подземный павильон для вариационных приборов. Однако в 1895 г. Г. И. Вильду пришлось пережить великое потрясение: в течение получаса на его глазах обсерватория сгорела. Как рассказывает М. А. Рыкачев, Г. И. Вильд, человек с железными нервами, спустя годы не мог без слез вспоминать о разрушении значительной части работ, составлявших цель его жизни. Вскоре после пожара директор подал в отставку и уехал на родину. К этому шагу его подтолкнуло отчаяние доказать на правительственном уровне преимущества централизации метеонаблюдений: он считал недопустимым вторжение нарождавшихся местных и ведомственных сетей в общегосударственную сеть, о которой он так заботился и которой так гордился.

Уже после отъезда Г. И. Вильда, 15 декабря 1898 г., Государственный совет все-таки принял закон об объединении метеорологических наблюдений

М. А. Рыкачев

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Р. Д. 121. Л. 1

в России, который подтвердил руководящую роль Главной физической обсерватории. Право на жизнь получили и местные сети, которые были обязаны вести общие наблюдения по инструкциям Академии наук.

Перед отъездом Г. И. Вильд предложил на свое место кандидатуру старейшего сотрудника обсерватории и ее вице-директора генерал-майора Михаила Александровича Рыкачева (1840—1919). Он был опытным метеорологом, внес существенный вклад в организацию метеорологической сети России и стал директором в 1896 г. Через год после своего назначения М. А. Рыкачев добился увеличения личного состава обсерватории и ее финансирования¹⁶¹.

¹⁶¹ Высочайше утвержденный, 17 ноября 1897 г., Штат Главной Физической обсерватории // Сб. постановлений и распоряжений, относящихся до ИАН и подведомственных ей учреждений. СПб., 1907. С. 172—174.

Основной сферой деятельности Главной физической обсерватории на рубеже веков по-прежнему оставалось обеспечение точности массовых метеорологических наблюдений и их статистической обработки. М. А. Рыкачев сохранил стиль работы метеорологической сети Главной физической обсерватории без изменений и лишь принимал меры к ее расширению. Однако простое накопление материала наблюдений уже не отвечало общей тенденции развития метеорологии, стремившейся к математизации этой науки и созданию обобщающих теорий. Кроме того, возросла потребность в надежной метеорологической информации, особенно в связи с интенсивным развитием сельского хозяйства, однако выполнение этих задач оказалось ГФО не по силам.

В 1899 г. Главная физическая обсерватория отпраздновала свой 50-летний юбилей и получила название Николаевской. К юбилею сотрудники обсерватории подготовили «Климатологический атлас Российской империи» (1900), который содержал большое число показателей для отдельных метеорологических элементов. По обширности и тщательности исполнения в то время атлас не имел себе равных и получил высшую награду на Всемирной выставке в Париже. Изданием атласа и реорганизацией метеорологической службы в Сибири Главная физическая обсерватория подытожила свою 50-летнюю работу и в известной мере исчерпа-

ла намеченную еще Г. И. Вильдом программу.

Новую обширную программу развития метеорологического дела в России определил Первый метеорологический съезд, состоявшийся в начале 1900 г. На съезде обсуждались задачи сельскохозяйственной метеорологии, был выдвинут вопрос об изучении причин наводнений, солнечной радиации, проведении систематических аэрологических наблюдений и т. д. Насколько позволяли финансовые возможности обсерватории, М. А. Рыкачев старался выполнить пожелания съезда. Он ввел новые виды наблюдений, такие как фиксация времени вскрытия и замерзания рек, толщины снежного покрова; расширил наблюдения над солнечной радиацией и аэрологические наблюдения; для Санкт-Петербурга была важна работа по предсказанию наводнений.

Новые перспективы в развитии обсерватории открыл штат 1912 г., увеличивший ее бюджет и научный персонал с 37 до 87 человек¹⁶². С этого времени обсерватория переходила из ведения Академии наук в непосредственное подчинение Министерства народного просвещения. Директором обсерватории непременно должен был быть действительный член Академии наук. Для общего руководства работами обсерватории и всей метеорологической службой страны при Академии наук был создан Комитет Николаевской главной физической обсерватории. Академия наук приветствовала произошедшую перемену: обсерватории

---

¹⁶² Закон был утвержден 24 декабря 1912 г.: Одобренный Государственным советом и Государственной думой и высочайше утвержденный закон 81. Закон об установлении уставов и штатов Николаевской главной физической обсерватории и подведомственных ей учреждений // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 16 января 1913 г. № 14. С. 185—231.

была предоставлена большая свобода действий, а Академия освобождалась от обсуждения целого ряда вопросов, представляющих лишь специальный интерес для обсерватории.

Добившись нового штата, в мае 1913 г. М. А. Рыкачев ушел с поста директора. Его преемником стал Борис Борисович Голицын (1862—1916), который усилил теоретическое направление исследований и укрепил связи с практическими запросами страны. Б. Б. Голицын предполагал провести коренное преобразование метеорологической службы страны и в 1914 г. получил поддержку Государственной думы. В военное время важным стало предсказание погоды и составление климатических очерков для районов действующих армий.

После смерти Б. Б. Голицына 4 мая 1916 г. руководство обсерваторией было возложено на Алексея Николаевича Крылова (1863—1945). Специалист по теории корабля, А. Н. Крылов рассматривал свое назначение директором обсерватории как «военно-административное поручение» и чувствовал себя «в довольно странном положении человека, заведомо не знающего того дела, во главе которого он поставлен»¹⁶³. Он скептически оценивал возможности метеорологии, а его первое знакомство с положением обсерватории выявило целый ряд недостатков в ее деятельности в предыдущий период. Впоследствии в своих воспоминаниях А. Н. Крылов писал, что ученые обсерватории, вероятно, смотрели на него, «как щедринские жители города Глупова смотрели на своего го-

А. Н. Крылов. Ок. 1914 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 476. Л. 1

родничего Угрюм-Бурчева, который въехал в город на белом коне и все науки упразднил»¹⁶⁴. В конце 1917 г. А. Н. Крылов оставил свой пост, связь обсерватории с Академией наук с этого времени прекратилась.

КАБИНЕТЫ, ЛАБОРАТОРИИ, СТАНЦИИ

Императорская академия наук, как и другие академии Европы, была исторически тесно связана с научной опытной работой, которая проводилась в ее Физическом кабинете и Химической лаборатории — старейших лабораториях страны.

Физический кабинет (с 1912 г. Физическая лаборатория) был старейшим в России центром экспериментальной науки и предназначался для личных работ академика по физике. История

¹⁶³ Крылов А. Н. Назначение директором Главной физической обсерватории // Мои воспоминания. СПб., 2003. С. 227.

¹⁶⁴ Крылов А. Н. Воспоминания и очерки. М., 1956. С. 250.

Г. Ф. Паррот. Фотокопия с портрета маслом работы Г. фон Кюгельгена (1803)
СПбФ АРАН. Фототека

возникновения Физического кабинета неразрывно связана с историей Кунсткамеры, где сформировалась коллекция научных приборов и инструментов, необходимых для работы ученых; действовавшие модели использовались для демонстрации публике простейших опытов. Академический Регламент 1803 г. узаконил самостоятельное существование «кабинета физики и моделей». В то время в нем находились «токмо некоторые расстроенные орудия», а сам кабинет располагался в бывшем конференц-зале дворца Прасковьи Фёдоровны, потолок которого грозил обвалиться каждую минуту. Распоряжался кабинетом Логин Юрьевич Крафт (1743—1814), при этом он был воспита-

телем детей Павла I и не имел времени заниматься кабинетом.

В 1807 г. Л. Ю. Крафт передал ключи от кабинета Василию Владимировичу Петрову (1761—1834), который успешно занимался проблемами электричества и открыл явление электрической дуги. Полновластным хозяином академического кабинета В. В. Петров стал уже после смерти Л. Ю. Крафта. По мере сил В. В. Петров благоустраивал кабинет, но так и не смог наладить в нем свою экспериментальную работу, так что даже скудная «сумма, назначенная на его содержание, оставалась без употребления»¹⁶⁵.

Возрождение академического Физического кабинета связано с именем Георга Фридриха Паррота (1767—1852) — крупного организатора науки. Вскоре после переезда в Санкт-Петербург в 1826 г. Г. Ф. Паррот взялся за благоустройство академического Физического кабинета и переоборудовал его по последнему слову науки. Министерство ассигновало на покупку новых приборов 25000 руб. Было приобретено оборудование, необходимое для изучения статики и механики, проведения экспериментальных работ по теплофизике, химической физике, электричеству и электромагнетизму, для геофизических наблюдений, а также разнообразные метрические инструменты. В 1828 г. обновленный кабинет занял западное крыло главного здания. «В сущности, с этого времени кабинет становится физической лабораторией в современном смысле слова», — писал через 100 лет академик С. И. Вавилов¹⁶⁶.

¹⁶⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 359. Л. 1.

¹⁶⁶ Вавилов С. И. Физический кабинет — Физическая лаборатория — Физический институт Академии наук СССР за 220 лет // Успехи физических наук. 1946. Т. 28. Вып. 1. С. 23.

Расцвет Физического кабинета связан с именами всемирно известных физиков Э. Х. Ленца и Б. С. Якоби, последовательно возглавлявших кабинет после увольнения из Академии Г. Ф. Паррота в 1841 г.

Эмилий Христианович Ленц (1804—1865) проводил в кабинете исследования электромагнитных явлений и сделал фундаментальные открытия в области электродинамики, навсегда вписавшие его имя в историю науки.

Борис Семёнович Якоби (1801—1874), изобретатель гальванопластики, конструктор первого электродвигателя, новатор в области электромагнитной телеграфии, получил кабинет в свое единоличное распоряжение в последние годы жизни (1865—1874).

Затем развитие кабинета приостановилось. Аксель Вильгельмович Гадолин (1828—1892), сменивший Б. С. Якоби на кафедре физики, наотрез отказался от заведования Физическим кабинетом: основная научно-организационная деятельность генерал-лейтенанта артиллерии протекала в Артиллерийском ведомстве. Так как кабинет не мог оставаться бесхозным, его директором был избран метеоролог Г. И. Вильд. Однако сам он никогда не работал в Физическом кабинете, потому что все силы безраздельно отдавал своим любимым детищам — Главной физической и Константиновской обсерваториям, и даже все инструменты, приобретенные в это время на средства Физического кабинета, были метеорологическими, они предназначались для Главной Физической обсерватории и передавались туда.

Жизнь Физического кабинета замерла именно в то время, когда физика стремительно развивалась и требова-

Э. Х. Ленц. Литография
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-А. Д. 6. Л. 2

Б. С. Якоби. Литография
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Я. Д. 14. Л. 1

ла непрерывного пополнения экспериментальной базы. В академическом кабинете отсутствовала даже электропроводка, а для опытов с электричеством использовались гальванические батареи. Поэтому ключевой период формирования российской физики был связан не с Академией наук, а с университетами, где экспериментальные исследования были поставлены на должную высоту¹⁶⁷.

Развитие кабинета оживилось с приходом в 1893 г. нового директора — Б. Б. Голицына — талантливого представителя экспериментальной Страсбургской физической школы (из нее одновременно вышел и его друг П. Н. Лебедев). Б. Б. Голицын занялся преобразованием кабинета в лабораторию, соответствующую уровню физической науки конца XIX в. Здесь впервые в России он провел исследование свойств рентгеновских лучей.

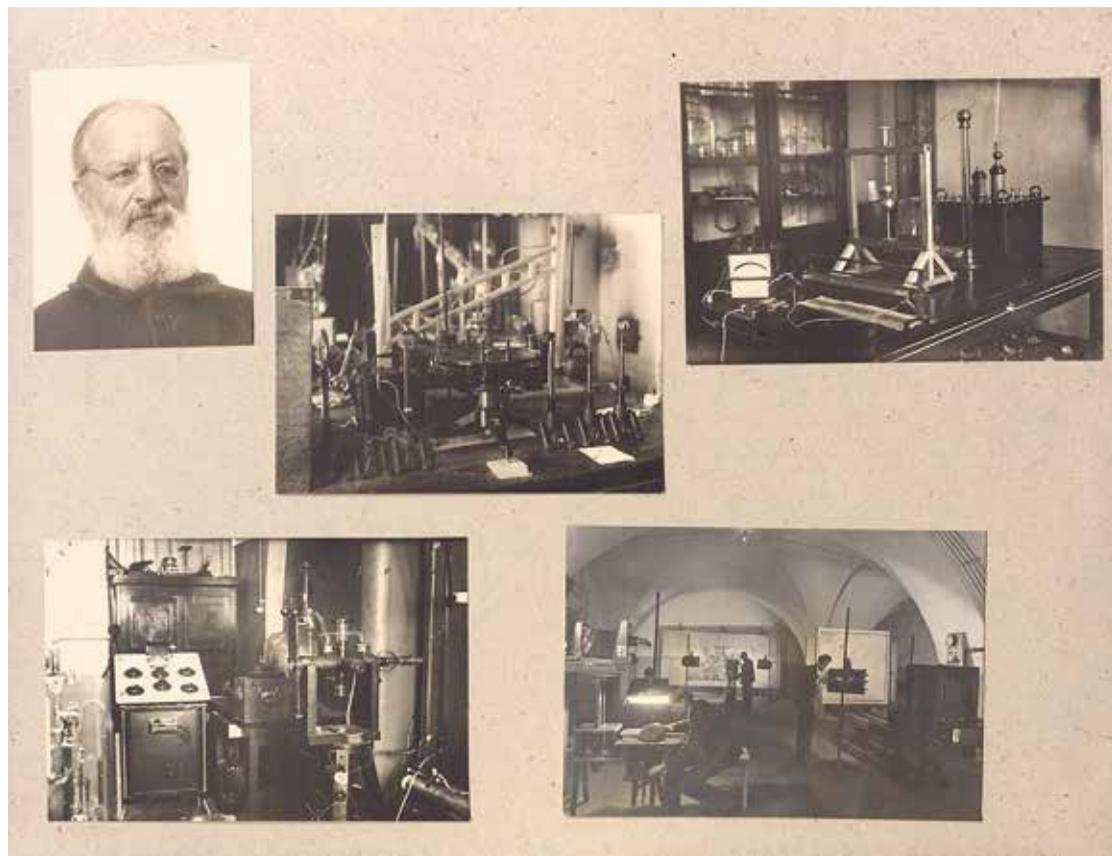
Хотя благодаря Б. Б. Голицыну в Физическом кабинете проводились новаторские исследования, сама организация физических работ в Академии перестала к этому времени удовлетворять развитие науки: требовались большие финансовые вложения, постоянное обновление технической базы, коллективная работа специалистов. Б. Б. Голицын добился увеличения в два раза средств на содержание кабинета, и его бюджет сравнялся с бюджетами других учреждений, однако этих средств все равно не хватало. От многих исследований пришлось отказаться только потому, что некуда было поставить приборы. Скромный статус кабинета не позволял ему даже выпускать собственное научное издание.

Понимая, что Физический кабинет не мог тягаться ни с университетами, ни тем более со вновь создаваемыми крупными лабораториями, Б. Б. Голицын, в поисках новых возможностей развития кабинета, направил его деятельность в русло зарождавшейся научной дисциплины — сейсмологии, которая получила в это время большую финансовую поддержку со стороны государства. Физический кабинет был тесным образом связан с Постоянной центральной сейсмической комиссией и в основном обслуживал ее научные потребности. По сути развитие лаборатории шло только в этом направлении.

В 1912 г. на базе кабинета была организована Физическая лаборатория, преобразованная в советское время сначала в Физико-математический, а потом в Физический институт. Все они оставались в том же крыле главного здания, вплоть до переезда Академии наук в Москву в 1934 г. Академик Т. П. Кравец вспоминал: «Директор А. Н. Крылов, для которого в вопросах архитектуры на первом плане стояла категория полезности, придумал, как расширить помещение Физико-математического института. Со своим предложением он пришел к зав. секретариату Академии наук Б. Н. Моласу, человеку исключительно культурному. “Как же Вы хотите это сделать?” — “А знаете, во втором этаже потолки непомерно высоки. Нужно разделить все комнаты по высоте пополам”. — “Это уже пробовали сделать в другом крыле здания. Выходит плохо: в верхней половине помещения темно, так как туда выходит толь-

---

¹⁶⁷ Визгин В. П. Роль Академии наук в развитии физики // Российская академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 446.

А. Н. Крылов; интерьеры бывшей Физической лаборатории в главном здании Академии наук СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 36. Л. 4 об.

ко один квадрат окна, да и то у самого пола". — "Ничего, мы еще прорубим окна". — "Алексей Николаевич, кто же это позволит? Ведь это здание Гваренги!" А. Н. Крылов приходит в негодование: "Какой-то... Гваренги построил нелепое здание, а я не имею права его перестроить!"»¹⁶⁸.

В отличие от академий Западной Европы, где экспериментальные работы, как правило, проводились в лабораториях университетов, Академия наук была лишена такой возможности. Между тем в России университетская физика развивалась быстрыми темпами: в 1903 г. в Московском университете было завершено строительство

Физического института, который позволил П. Н. Лебедеву широко поставить экспериментальные работы и создать большую школу физиков (ок. 30 человек), работавшую по единому плану. К этому времени относится начало деятельности Д. С. Рождественского в Санкт-Петербургском университете и А. Ф. Иоффе в Политехническом институте; появились хорошие физические школы в Казани, Киеве, Томске, Одессе и других городах. По уровню развития чисто физических работ Академия наук так и не смогла сравняться с университетами.

Химическая лаборатория в начале XIX в. существовала только на бумаге

¹⁶⁸ Кравец Т.П. От Ньютона до Вавилова. Очерки и воспоминания. Л., 1967. С. 353 — 354.

и 30 лет пребывала в положении «будущей» лаборатории, несмотря на то, что Регламент 1803 г. объявил: Академия имеет «две химические лаборатории». Прежняя, Ломоносовская, лаборатория была ликвидирована еще в 1793 г. в связи с продажей Бонова двора на 2-й линии Васильевского острова, где она располагалась вместе с Ботаническим садом. Длительное отсутствие специально оборудованной лаборатории негативно отражалось на результатах экспериментальной работы академических химиков и привело к снижению роли Академии наук в области химии. Наряду с появлением новых центров работ по химии в университетах и правительственных учреждениях, академические химики продолжали работать в своих квартирах, досаждая домочадцам и соседям.

Ю. Ф. Фритцше

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Ф. Д. 68. Л. 1

В домашних условиях Константин Сигизмундович Кирхгоф (1764—1833) разработал способ получения сахара из «естественных домашних произведений». В связи с этим открытием возникло много споров. Даже в Академии звучали скептические голоса по поводу полученного продукта. К. С. Кирхгоф, огорченный таким отношением к своему открытию, подал в отставку. Прошло совсем немного времени, и значение этого открытия каталитической реакции гидролиза крахмала было признано всем научным сообществом.

У себя на кухне Герман Иванович Гесс (1802—1850) ставил смелые опыты с открытым им в Старорусском источнике бромом, очень токсичным веществом. В 1830 г. он наконец получил в свое распоряжение специальную лабораторию: Академия отвела для нее три отдельные комнаты в Музейном флигеле, рядом с лабораторией поселился Г. И. Гесс с семейством. Ученый стал основателем современной термохимии: в 1840 г. он сформулировал «закон постоянства сумм тепла», а в 1842 г. — закон термонеutrальности. При этом этажом выше располагался Азиатский музей, и такое соседство нарушало все правила пожарной безопасности.

В 1850 г. преемником рано умершего Г. И. Гесса стал химик-органик, академик и одновременно предприимчивый директор завода искусственных минеральных вод в Санкт-Петербурге Юлий Фёдорович Фрицше (1808—1871). В 1840 г. он получил анилин из органической краски индиго, а через два года в Казани в университетской лаборатории Николаю Николаевичу Зинину (1812—1880) впервые удалось синтезировать это вещество из нитробензола, которое он назвал «бензидам».

Ю. Ф. Фрицше сразу признал в бензидаме анилин и приветствовал открытие казанского коллеги. По сей день на «реакции Зинина» основано производство лекарств, красящих и взрывчатых веществ. В 1855 г. Ю. Ф. Фрицше был в числе тех, кто открыл Н. Н. Зинину двери в Академию наук.

Ю. Ф. Фрицше оставил след в истории Академии наук не только как один из творцов органической химии, но, увы, и как виновник гибели Химической лаборатории. В 1859 г. по его недосмотру в лаборатории возник пожар, и она полностью сгорела. Вот как описал эту трагедию непреходящий секретарь К. С. Веселовский: «1859 год отмечен большим пожаром, истребившим 16-го февраля химическую лабораторию Академии, помещавшуюся в то время в первом этаже здания, обращенном окнами к университету, там, где теперь находится физиологическая лаборатория; а над нею, во втором этаже, помещался Азиатский музей. Пожар произошел по неосторожности академика Ю. Ф. Фрицше, который производил в лаборатории перегонку каменноугольного масла и, не окончив ее, уехал куда-то на званый обед, не погасив огня в печи и не отставя реторты от огня. В его отсутствие реторта лопнула, содержимое ее вспыхнуло и разлилось, и как лаборатория была в это время заперта, и в ней никого не было, то огонь имел достаточно времени похозяйничать на просторе в помещении, в котором находилась масса каменноугольных продуктов, бывших предметом специальных исследова-

Н. Н. Зинин

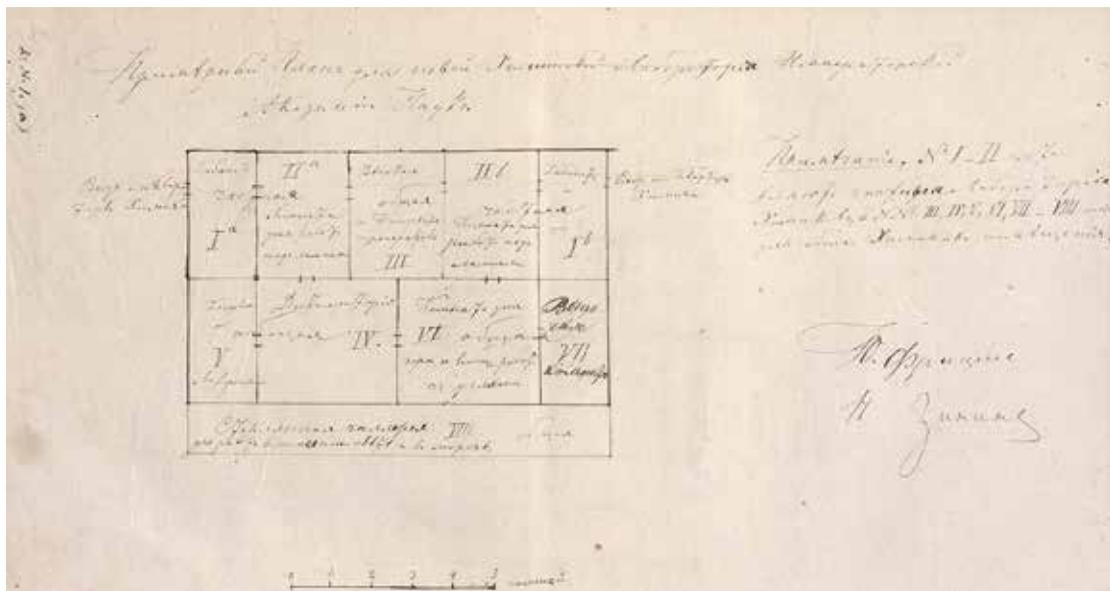
СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Г. Д. 20. Л. 2

ний Фрицше. Огонь был очень силен; громадные огненные языки, вырывавшиеся из окон, лизали стены до второго этажа, представляя опасность и для Азиатского музея, и только энергичным действиям пожарной команды должно приписать, что этот музей не пострадал»¹⁶⁹.

Едва потушили пожар в лаборатории, как в академическом собрании разгорелись жаркие споры о том, как оградить музей от опасного соседа. Решили построить для Химической лаборатории отдельное здание. Поэтому с 1859 г. и до окончания строительства в Академии наук вообще не было химической лаборатории.

Химическая лаборатория возродилась в 1867 г. и разместилась в особом доме на Васильевском острове по адре-

¹⁶⁹ Веселовский К. С. Время президентства графа Д. Н. Блудова в Академии наук (1855—1864) // Веселовский К. С. Отголоски старой памяти: воспоминания и записки непреходящего секретаря Императорской Академии наук / сост. Е. Ю. Басаргина. СПб., 2017 (Серия: «Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки». Вып. 10). С. 180—181.

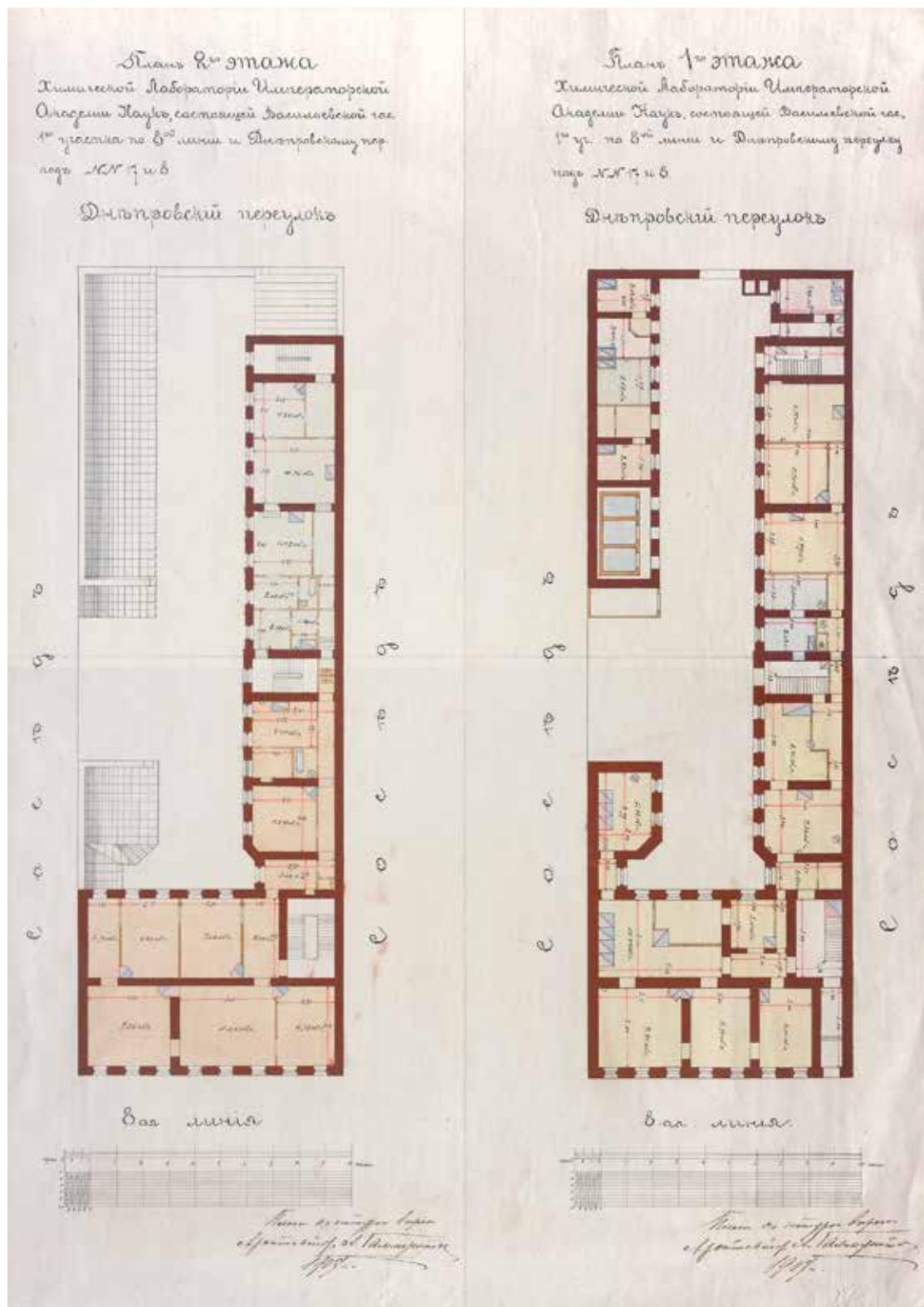
Примерный план новой Химической лаборатории. 1860 г.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1859. Д. 16. Л. 30

су 8-я линия, дом 17; здесь же находились квартиры академиков-химиков. Средства на строительство изыскал президент Академии наук Д. Н. Блудов, не в последнюю очередь благодаря своему положению председателя Государственного совета. Усилиями академиков Ю. Ф. Фрицше и Н. Н. Зинина лаборатория была обустроена; с 1872 г. она получила достойное ежегодное финансирование. Химическая лаборатория вполне соответствовала всем требованиям науки, но была тесна для работы в ней двух академиков-химиков.

Ю. Ф. Фрицше не довелось поработать в новой лаборатории, Н. Н. Зинин был первым, кто перенес туда свои исследования. До этого он вынужден был производить эксперименты в своей маленькой домашней лаборатории. Описание этой лаборатории дает живую картину условий работы академических химиков и в предыдущий период: «Это была крохотная комнатка при его частной квартире на Петербургской стороне. Уставленная разнокалиберны-

ми простыми столиками, она была загромождена сверху донизу. Чего только тут не было? Все углы, пол, столы, окна завалены были, по обыкновению, книгами, журналами, образцами товаров, минералами, бутылками, кирпичами, битыми оконными стеклами, канцелярскими бумагами и пр. Все столы были уставлены сплошь примитивной химической посудой всякого рода, с обрывочками цедильной бумаги под нею; на таких обрывочках Н. Н. имел обыкновение записывать карандашом свои заметки и результаты опытов. Тут же стояли разные самодельные приборы, составленные из всевозможных трубочек, шнурочков, пробочек, аптекарских баночек и коробочек — импровизированные штативы и, как контраст, необходимые предметы научной роскоши: Эрлинговские весы, микроскоп Шика, спиртовая печь Гесса для органического анализа, золипил, заменявший собою паяльный стол. <...> Роль тягового шкафа исполняла обыкновенная голландская печь и, нужно сказать правду,

План 1-го и 2-го этажей Химической лаборатории
на 8-й линии Васильевского острова. 1907 г.

СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 22. Д. 58. Л. 43

А. М. Бутлеров
СПбФ АРАН. Ф. 347. Оп. 4. Д. 53. Л. 1

исполняла плохо. <...> И в такой-то архаической обстановке покойный делал те изящные и поразительно точные исследования, которые открыли ему с почетом двери в европейские академии и поставили его имя наряду с крупнейшими именами западных химиков»¹⁷⁰.

В 1870 г. в Академию наук вступил ученик и друг Н. Н. Зинина Александр Михайлович Бутлеров (1828—1886), творец теории химического строения органических соединений. Как раз в это время он обустроивал лабораторию в университете, где одновременно могли работать 12 студентов-практикантов. «Лаборатория не отличалась ни особенными удобствами помещения, ни богатством оборудования. Она была дорога для всех, когда-либо в ней работавших, научным духом, который

в ней царил, и обаятельной личностью ее руководителя»¹⁷¹. По сравнению с университетской лабораторией, где проводились коллективные исследования и формировалась научная школа, академическая лаборатория по-прежнему оставалась личным кабинетом ученого. Тиши академического кабинета А. М. Бутлеров предпочитал живую атмосферу учебной лаборатории; в академическую лабораторию он перенес свои занятия уже в последние годы жизни, после того как по выслуге лет оставил профессорскую службу.

В 1880-х гг. успехи химии и физики послужили основой для становления физической химии; органическая химия сохраняла свое значение, но утратила роль лидера химических дисциплин. Дифференциация химической науки сказалась и на составе академиков: после смерти А. М. Бутлерова в Академию наук вошли представители и того, и другого направления. Николай Николаевич Бекетов (1827—1911) занимался физической химией и своими трудами содействовал ее превращению в самостоятельную научную дисциплину. Фёдор Фёдорович Бейльштейн (1838—1906) был химиком-органиком, исследователем ароматических соединений и автором справочника по органической химии.

Ф. Ф. Бейльштейн первое время не нуждался в академической лаборатории: до 1896 г. он проводил свои химические работы в лаборатории Технологического института, где оставался профессором, был окружен многочисленными ассистентами и учениками и имел под рукой все необходимое. В академической лаборато-

¹⁷⁰ Журнал Русского физико-химического общества. 1880. Т. 12. С. 236.

¹⁷¹ Тищенко В. Е. А. М. Бутлеров // А. М. Бутлеров. 1828—1928. Л., 1929. С. 31.

рии Ф. Ф. Бейльштейн закончил третье издание фундаментального справочника по органической химии «*Handbuch der organischen Chemie*». Этот труд имеет непреходящее значение, по словам П. И. Вальдена, «„Beilstein“ — это ведь название самого труда, название, одинаково употребляемое и известное у химиков-теоретиков и практиков всех направлений и наречий»¹⁷². Отдавая все свои силы справочнику, Ф. Ф. Бейльштейн не имел времени экспериментировать, хотя и предвкушал возможность, по его словам, «работать спустя рукава, только чтобы доставить себе удовольствие»¹⁷³.

Химическая лаборатория переживала не лучшие времена: финансирование ее сохранялось на уровне 1872 г., скромные помещения находились в неудовлетворительном состоянии, а техническое оснащение не отвечало требованиям времени. Все это парализовало энергию 60-летнего Н. Н. Бекетова, которому пришлось заняться ее коренной реорганизацией. В том виде, в каком он застал лабораторию после своего предшественника, химика-органика А. М. Бутлерова, она была плохо приспособлена для занятий физической химией. В 1895 г., вскоре после восшествия Николая II на престол, Н. Н. Бекетов получил крупное единовременное пособие на расширение и оборудование Химической лаборатории. Такая щедрость не в последнюю очередь объяснялась тем, что Н. Н. Бекетов преподавал императору химию, когда тот был еще наследником цесаревичем, и ученик таким способом

отблагодарил своего учителя. После смерти Ф. Ф. Бейльштейна в 1906 г. Химическая лаборатория вновь оказалась целиком в распоряжении 80-летнего Н. Н. Бекетова, который уже не в силах был проводить в ней работы, а обрабатывал некоторые теоретические вопросы, опираясь на свои прежние исследования.

После смерти Н. Н. Бекетова в 1911 г. директором лаборатории стал Павел Иванович (Пауль) Вальден (1863—1957). «Вальденовское обращение» (способ анализа химических веществ на основе соотношения строения и конфигурации соединений с их вращательной способностью) и другие научные результаты П. И. Вальдена вошли в учебники по физической химии и стереохимии. С разрешения Академии наук ученый жил в Риге и оставался профессором Рижского Политехнического института, где в его распоряжении была большая лаборатория. В Санкт-Петербурге П. И. Вальден бывал наездами и в академической лаборатории не работал, хотя и заглядывал в нее. Первое посещение лаборатории произвело на него удручающее впечатление. Впоследствии он вспоминал: «Когда я впервые посетил мое будущее место работы, мне представилось, что я нахожусь в заброшенной кухне алхимика. Все было старым-престарым». По его мнению, здесь не удалось бы достичь многого ни новыми приобретениями, ни усовершенствованиями, потому что всю лабораторию нужно было коренным образом перестраивать. Состояние лаборатории действовало, «подобно отрицательному

¹⁷² Вальден П. И. Бейльштейн, Фёдор Фёдорович // Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пг., 1915. Ч. 1. С. 27.

¹⁷³ Цит. по: Шмулевич Л. А., Мусабеков Ю. С. Фёдор Фёдорович Бейльштейн: 1838—1906. М., 1971. С. 60.

Ломоносовский институт. Проект. [1915 г.]

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1911. Д. 42. Л. 118

катализатору, на скорость предпринятых исследований»¹⁷⁴.

Чтобы спасти Химическую лабораторию от упадка, а вместе с ней помочь Физическому кабинету и лаборатории Геологического музея, также лишенным возможности поднять свою работу на уровень современных научных требований, в 1908 г. было решено объединить их в один институт и назвать его именем М. В. Ломоносова. «Лишь при организации Ломоносовского института Академия наук может правильно исполнять свои функции в области опытных наук, поставленные ей еще преобразователем России — Петром Великим, — заверяли академики правительство. — Старые учреждения Академии — создания XVIII столетия — получали в нем то, чего им не-

доставало для живой работы в XX веке: помещение и оборудование научной работы»¹⁷⁵. Одновременно институт «мог бы явиться достойным памятником великому русскому ученому»¹⁷⁶.

В июле 1913 г. Петербургская городская дума отвела под институт и музей участок земли между Большим и Средним проспектами Васильевского острова. Строительство должно было начаться в 1915 г., были разработаны проекты зданий института и Геологического музея. Согласно проекту, Ломоносовский институт представлял собой комплексное научно-исследовательское учреждение с тремя отделами — химическим, физическим и минералогическим. На этот проект было потрачено много времени и сил, но он так и не был осуществлен.

¹⁷⁴ Химическая лаборатория // Материалы для истории академических учреждений за 1889—1914 гг. Пг., 1917. Ч. 1. С. 94.

¹⁷⁵ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1911. Д. 42. Л. 3.

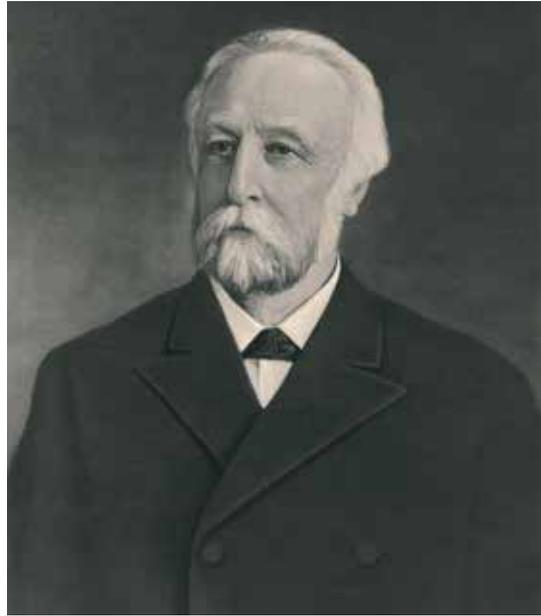
¹⁷⁶ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 155.

В биологии во второй половине XIX в. сформировалась новая дисциплина — эволюционная морфология, которая ставила и решала кардинальные вопросы науки. В Академии наук новое научное направление получило развитие не в Зоологическом и Ботаническом музеях, которые занимались вопросами систематики, а в специальных лабораториях, которые создавались для исследований вновь избранных в Академию наук биологов.

Физиологическая лаборатория возникла в 1864 г., ее создатель — Филипп Васильевич Овсянников (1827—1906) — стоял у истоков отечественной гистологии и сравнительной физиологии нервной системы. Он был убежденным сторонником экспериментального метода в физиологии, исследовал ведущую роль нервной системы в регуляции функций организма, открыл главный сосудодвигательный центр и определил его локализацию в продолговатом мозге.

До 1879 г. лаборатория существовала при Анатомическом музее Академии, пока не получила самостоятельности. Лаборатория имела хорошее оборудование, в ней можно было проводить даже сложные эксперименты. Тематика научных исследований отличалась пестротой и определялась интересами ее научного персонала, директора и лаборанта, переименованного в 1901 г. в физиолога. Физиологические исследования соседствовали с гистологическими и общебиологическими.

1 декабря 1907 г. одновременно с избранием в ординарные академики по сравнительной анатомии и физиологии должность директора Физиоло-

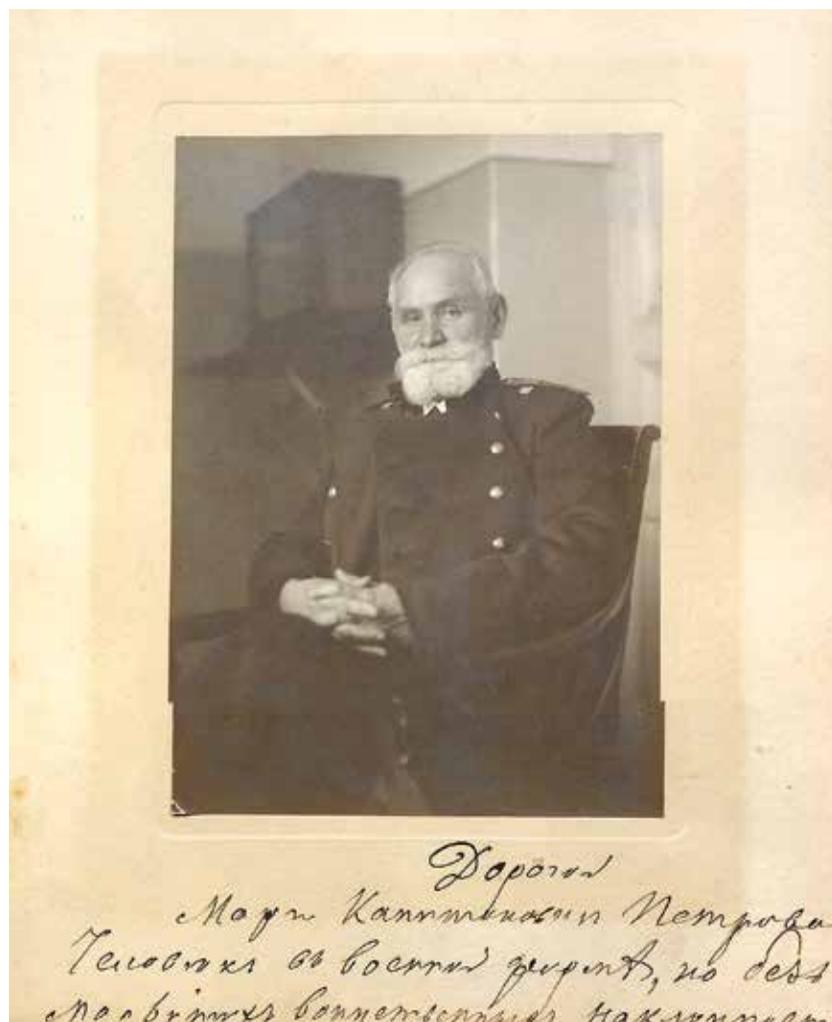
Ф. В. Овсянников

СПбФ АРАН. Ф. 18. Оп. 3. Д. 4996. Л. 61

гической лаборатории занял Иван Петрович Павлов (1849—1936). В то время уже лауреат Нобелевской премии, И. П. Павлов принял предложение о вступлении в Академию наук после долгих колебаний. По словам Л. А. Орбели, он чувствовал, что, «вступив в ряды академиков на общих основаниях, он заживо похоронит себя и свои научные перспективы»¹⁷⁷, потому что форма, в которой протекали работы академиков, не соответствовала размаху его работ.

Основные работы И. П. Павлова в области физиологии пищеварения, удостоенные в 1904 г. Нобелевской премии, были выполнены в физиологическом отделе Института экспериментальной медицины и в лаборатории при кафедре физиологии Военно-медицинской академии, где он был ординарным профессором. Здесь же под

¹⁷⁷ Орбели Л. А. Физиологический институт им. акад. И. П. Павлова // Вестник АН СССР. 1937. № 10—11. С. 211—217.

И. П. Павлов в мундире Военно-медицинской академии. 1911 г.
С дарственной надписью И. П. Павлова: «Дорогой Марии Капитоновне Петровой.
Человек в военной форме, но без малейших воинственных наклонностей»
СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 8. Д. 4. Л. 1

его руководством в 1904 г. были начаты исследования в области условных рефлексов, предопределившие создание нового раздела физиологии — физиологии и патологии высшей нервной деятельности. Научные идеи И. П. Павлова развивались здесь по определенному плану силами двух ассистентов и многочисленных практикантов под его ежедневным руководством. Все чувствовали себя участниками и членами единого коллектива, вошедшего в историю как «школа Павлова».

Когда И. П. Павлов был единогласно избран ординарным академиком, он поставил условием вступления в Академию сохранение за ним прежних должностей и согласие создать должность второго помощника за счет его академического содержания. Условия были приняты, И. П. Павлов получил в свое распоряжение третью лабораторию, что позволило ему еще шире развернуть работу.

Исследования по условным рефлексам проводились в основном помощ-

ником И. П. Павлова Н. П. Зелёным (1878—1951)¹⁷⁸. В 1912 г. с утверждением нового академического штата должность физиолога была упразднена и учреждены должности старшего и младшего физиолога. Кроме постоянных сотрудников, в лаборатории проводили исследования практиканты И. П. Павлова из Института экспериментальной медицины. Как это было принято в лабораториях ученого, основные силы коллектива были сосредоточены на разработке преимущественно одной проблемы, и каждый работник был исполнителем общего плана. В 1925 г. лаборатория преобразовалась в Физиологический институт Академии наук СССР.

Исследования в области экспериментальной физиологии и биохимии растений проводил Андрей Сергеевич Фаминцын (1835—1918). Его выводы о влиянии света на растения (1869) привели к созданию промышленных теплиц с искусственным освещением. Представления А. С. Фаминцына об эволюционном значении симбиогенеза сохраняют актуальность и в наши дни.

Лаборатория по анатомии и физиологии растений была создана в 1890 г. для личных занятий А. С. Фаминцына, сначала она называлась Ботанической лабораторией. А. С. Фаминцын был ее директором до своей смерти в 1918 г.; под его идейным влиянием здесь возникли новые научные направления, которые впоследствии сформировались в самостоятельные разделы физиологии растений. Заслугой ученого была организация первого в России периодического издания по физиологии растений «Труды ботанической лаборатории Академии наук».

А. С. Фаминцын

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ф. Д. 182. Л. 1

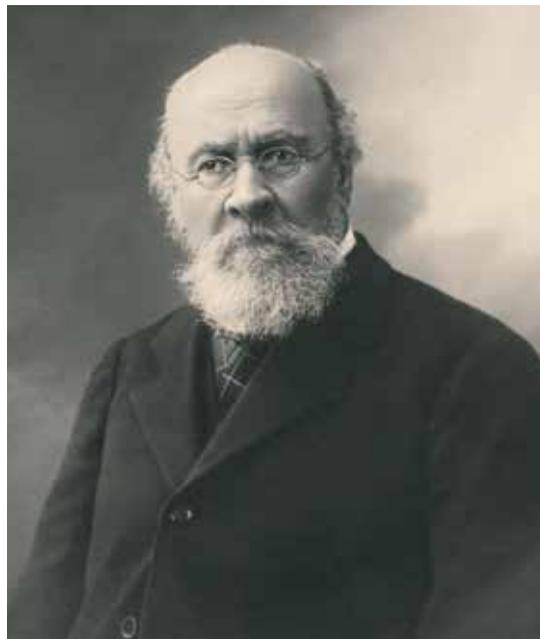
В последней трети XIX в. усилилось внимание к тем исследованиям, которые демонстрировали единство закономерностей эмбрионального развития позвоночных и беспозвоночных животных и доказывали существование кровного родства между различными группами организмов. Экспериментальные исследования проводились в двух зоологических учреждениях Академии наук: на Севастопольской биологической станции и в Особой зоологической лаборатории.

Севастопольская биологическая станция, основанная в 1868 г., была первой морской биологической станцией в России и новой оригинальной формой академического учреждения. До 1892 г. она находилась

¹⁷⁸ Рукописные материалы И. П. Павлова в Архиве Академии наук СССР. М.; Л., 1949. С. 105.

А. О. Ковалевский
СПбФ АРАН. Ф. 300. Оп. 1. Д. 130. Л. 2

В. В. Заленский
СПбФ АРАН. Ф. 18. Оп. 3. Д. 4996. Л. 84

в ведении Новороссийского общества естествоиспытателей в Одессе. По словам И. И. Мечникова, это учреждение «вело незаметную и вялую жизнь, и в него нужно было вдохнуть душу. Никто не был более для этого способен, как Ковалевский»¹⁷⁹. Александр Онуфриевич Ковалевский (1840—1901), один из основоположников эволюционной эмбриологии и физиологии, чуть ли не половину жизни провел за работой на берегу моря и как никто другой понимал значение для науки биологической морской станции. Будучи профессором Новороссийского университета, он стал директором Севастопольской станции в 1889 г.

В 1890 г. А. О. Ковалевский был избран в Академию наук, а в 1892 г. благодаря его усилиям Севастопольская биологическая станция перешла в руки Академии. Ее обустройство почти все-

цело было обязано трудам А. О. Ковалевского, который ежегодно часть времени проводил в Крыму. В 1897 г. станция получила собственное помещение, выстроенное отчасти на казенные средства, отчасти на добровольные пожертвования. Работы по строительству станции шли под непосредственным наблюдением А. О. Ковалевского, который за свое неумеренное рвение заслужил прозвище «Суета». До последнего дня ученый хлопотал о благополучии станции (смертельное кровоизлияние в мозг произошло во время его визита в Министерство народного просвещения по вопросу об увеличении штата станции, который был утвержден вскоре после его смерти).

После смерти А. О. Ковалевского в 1901 г. директором станции (до 1918 г.) стал академик Владимир Владимирович Заленский (1847—1918),

¹⁷⁹ Мечников И. И. Страницы воспоминаний. Сборник автобиографических статей. М., 1946. С. 40.

который тоже был эволюционистом и стоял у истоков создания станции.

Севастопольская биологическая станция служила надежным подспорьем для естественноисторического изучения юга России, здесь добывали и изучали живой материал. На станции ежегодно работали до 40 исследователей, среди них было немало женщин. Станция доставляла материалы для изысканий ученых и для практических занятий студентов в другие научные центры страны. Севастопольская станция стала центром исследования флоры и фауны Черного и Мраморного морей, на ней велись работы по систематике, морфологии и эмбриологии морских животных, проводились опыты по их акклиматизации и наблюдения за движением и сменой фауны, попутно решались и практические вопросы, связанные с использованием морских ресурсов. В изучении фауны Черного моря была отчетливо выражена экологическая направленность.

Одной из заслуг А. О. Ковалевского перед биологической наукой является создание при Академии наук первоклассной лаборатории, предназначенной для разработки морфологических вопросов и проблем начинавшего господствовать в науке экспериментально-физиологического направления. Когда в 1890 г. А. О. Ковалевский был избран академиком и переехал из Одессы в Санкт-Петербург, он хотел обставить свою работу таким образом, чтобы, по его словам, и вдали от южных морей «не оставаться бездельником»¹⁸⁰.

Особая зоологическая лаборатория была создана в 1893 г. по ходатайству А. О. Ковалевского. Вся его научная деятельность последних лет жизни

была связана с лабораторией, где он проводил исследования по эмбриологии и морфологии беспозвоночных и простейших. После смерти А. О. Ковалевского в 1901 г. директором лаборатории стал В. В. Заленский, при котором жизнь лаборатории протекала по проложенному А. О. Ковалевским руслу. Начиная с 1903 г. работы, произведенные на Севастопольской станции и в Особой зоологической лаборатории, печатались вместе, что являлось наглядным подтверждением того, что оба учреждения ставили перед собой сходные научные задачи.

По мере возможностей зоологическая лаборатория выполняла роль школы молодых ученых. В 1900-е гг. в лаборатории ежегодно занимались от 4 до 10 человек. Материал для исследований доставлялся главным образом с Севастопольской биологической станции. Привезенные живые организмы жили в морских аквариумах лаборатории.

Особая зоологическая лаборатория Академии наук была первым и на протяжении многих лет единственным российским центром экспериментальных зоологических исследований, однако в силу объективных причин она не могла расширить рамки своей научной деятельности в той мере, в какой этого требовал возобладавший в зоологии экспериментальный метод. В Санкт-Петербурге биологические науки в академических учреждениях находились в таком же удручающем положении в техническом отношении, как физическая и химическая лаборатории. Поэтому в 1916 г. по аналогии с Ломоносовским институтом предполагалось создать Биологический ин-

¹⁸⁰ Давыдов К. Н. А. О. Ковалевский как человек и ученый // Труды ИИЕТ. 1960. Т. 31. Вып. 6. С. 350.

ститут, который должен был объединить все биологические лаборатории и дать новый стимул для их развития. Особая комиссия даже наметила план постройки здания института, но война помешала осуществлению этого проекта¹⁸¹. Только после разрушительного наводнения 1924 г. все биологические лаборатории перебрались в дом 2а по Тучковой набережной (ныне наб. Макарова).

Таким образом, приспособление к новым потребностям науки не вызвало коренной ломки традиционных форм организации академической науки, а шло преимущественно по пути приращения новых структурных элементов. В лабораториях наметился переход от индивидуальных методов работы к коллективным, происходила консолидация научных сил.

КОМИССИИ

Изначально академические лаборатории, предназначавшиеся для личной работы академиков и оборудованные под конкретные научные задачи, несли на себе отчетливый отпечаток индивидуальности каждого ученого и не предполагали разноплановой коллективной работы. По мере развития науки совершенствовались давно сложившиеся формы организации научных исследований, одновременно шел поиск новых форм работы.

Большой мобильностью обладали комиссии, издавна создававшиеся в Академии наук для оперативного выполнения конкретных организационных задач и для исполнения государственных или ведомственных заказов. Испокон века временные комиссии, состоявшие из академиков близких

специальностей, занимались подбором подходящих кандидатов на вакантные академические кафедры. Академики, представлявшие разные науки, объединялись в комиссии и составляли проекты нормативных документов. Директоры музеев сообща обсуждали, как им повысить статус своих учреждений, расширить экспозиционные площади и увеличить финансирование и т. д.

Академические комиссии создавались и для решения конкретных научных и практических задач; к работе таких комиссий привлекали и сторонних специалистов. Таковы, например, комиссии по присуждению многочисленных академических премий (к 1917 г. их было более 50).

В начале XX в. появились разнообразные комиссии научно-прикладного назначения. Обладая относительной финансовой самостоятельностью, комиссии либо примыкали к одному из опорных академических учреждений, либо самостоятельно разворачивали свою деятельность при активном участии в их работе членов Академии наук. Несколько комиссий возникло при Главной физической обсерватории. В 1902 г. при ней была создана Комиссия по водомерным измерениям (впоследствии она стала называться Постоянной водомерной комиссией), которая координировала работы различных ведомств по изучению водного режима рек, озер и морей, а в 1908 г. организовала изучение необычно высокого половодья в центральной полосе Европейской России. Изучение земного магнетизма проводилось в рамках специальной академической Магнитной комиссии, созданной в 1908 г. под председательством М. А. Рыкачева. Ко-

---

¹⁸¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1916. Д. 40. Л. 2—3.

миссия составила и частично осуществила проект магнитной съемки России, но развернуть работы помешала война.

На рубеже XIX—XX вв. стали создаваться специальные комиссии, где могли бы развиваться новые разделы знания, возникавшие на границе традиционных дисциплин.

Примером такой комиссии является **Постоянная центральная сейсмическая комиссия** (далее — Сейсмическая комиссия), имевшая, помимо научной цели, ясное практическое назначение. Сейсмическая комиссия находилась под руководством Академии наук и служила для нее базой научных исследований в новой области физики.

Сейсмология, раздел геофизики, изучающий землетрясения, их причины, последствия и меры защиты сооружений, как самостоятельная наука стала развиваться во второй половине XIX в. В России, как и во многих других странах, которые страдали от землетрясений, разрабатывали методы их регистрации и создавали сейсмические станции.

25 января 1900 г. указом Николая II при Императорской академии наук была учреждена Постоянная центральная сейсмическая комиссия. Председателем комиссии император назначил директора Пулковской обсерватории О. А. Баклунда. В состав комиссии вошли несколько членов Академии наук — А. П. Карпинский, М. А. Рыкачев, Ф. Н. Чернышёв, Б. Б. Голицын, а также представители других учреждений.

Сейсмическая комиссия выполняла функцию координатора сейсмической службы в масштабах всей страны. Главные ее задачи состояли в организации сейсмических наблюдений,

Б. Б. Голицын

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 269. Л. 1

устройстве и содержании станций, проводивших непрерывные наблюдения за колебаниями почвы, обработке и публикации результатов наблюдений. Специальные суммы на нужды Сейсмической комиссии отпускались из государственных средств. В 1902 г. комиссия начала издавать «Известия» и «Бюллетень», а с 1912 г. — «Еженедельный бюллетень центральной сейсмической станции в Пулкове» — один из самых подробных журналов сейсмических наблюдений. В 1903 г. возникла Международная сейсмологическая ассоциация, и Россия вступила в нее.

Сейсмическая комиссия не была удовлетворена имевшимися типами сейсмических приборов, которые к тому же приходилось заказывать в Германии. Созданием новой, более совершенной аппаратуры занялся Б. Б. Голицын. Ему принадлежит разработка теории и конструкции

Сейсмографы, сконструированные Б. Б. Голицыным
СПбФ АРАН. Ф. 69. Оп. 2.
Д. 148. Л. 6

электродинамических сейсмографов и введение их в практику. В 1902 г. он предложил новый способ записи сейсмических колебаний — гальванометрический. Приборы Б.Б. Голицына отличались простотой и в то же время большой точностью измерений.

В ноябре 1906 г. была оборудована сейсмическая станция в Пулковской обсерватории (позже она стала центральной), проведенные там специальные испытания убедительно доказали, что сейсмограф Б. Б. Голицына — первоклассный прибор. Вся русская сейс-

«Царскосельская юбилейная выставка. Свидетельство на большую золотую медаль князю Б. Б. Голицыну за экспонированные им сейсмографы, представляющие выдающееся научное изобретение, уже достаточно оцененное Европейской наукой и получившее значительное распространение не только в России, но и за границей». 5 октября 1911 г.
СПбФ АРАН. Ф. 69. Оп. 2. Д. 151. Л. 1

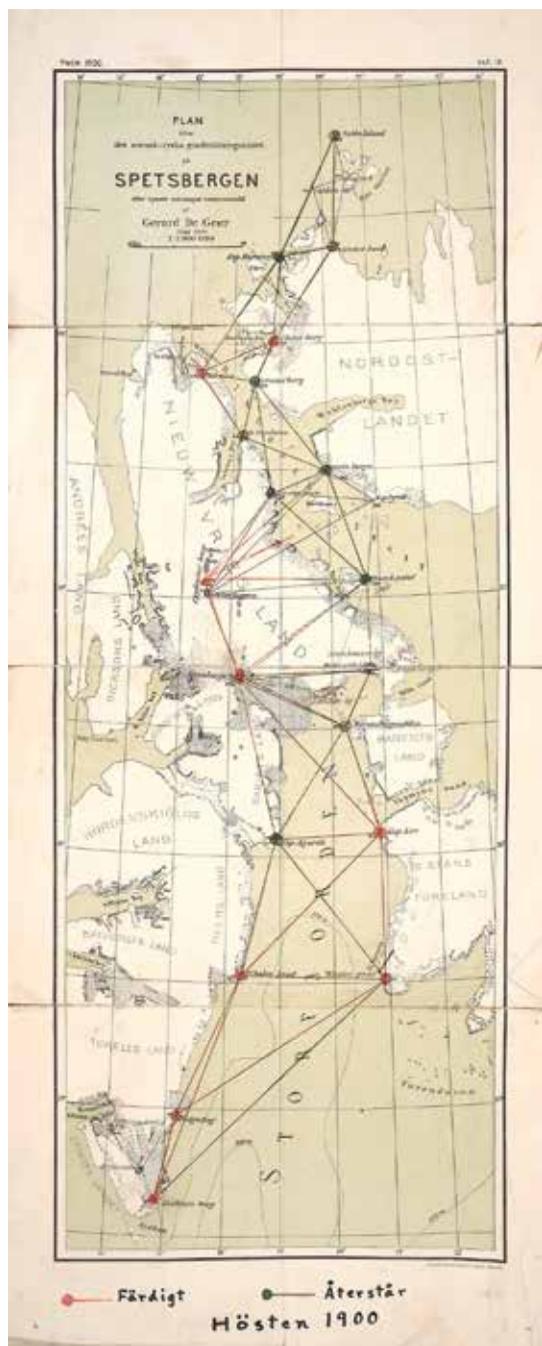
Центральная сейсмическая станция в Пулкове, созданная в 1906 г. под непосредственным руководством Б. Б. Голицына и по его указаниям

СПбФ АРАН. Ф. 69. Оп. 2. Д. 148. Л. 12

мическая сеть снабжалась созданными Б. Б. Голицыным приборами и вела наблюдения по разработанной им системе. Благодаря деятельности комиссии и поддержке некоторых государственных учреждений и частных лиц сеть сейсмических станций стала быстро расти. В нее входили станции первого разряда, или телесеизмические станции, и станции второго разряда, создававшиеся в сейсмически активных районах. В 1910 г. комиссия получила значительные средства на реорганизацию сейсмической службы в России, на оборудование сейсмических станций, изготовление сейсмографов. И в последующие годы государство не жалело денег на развитие сейсмической службы страны.

Успехи сейсмометрии в России привлекли внимание западноевропейских специалистов, и приборами Б. Б. Голицына были снабжены сейсмические

станции в Париже, Брюсселе, Франкфурте, а также станция при бюро международной сейсмологической ассоциации в Страсбурге. Благодаря этим приборам стало возможно изучение строения земной коры. Именно Б.Б. Голицыну инструментальная сейсмометрия обязана своим превращением в количественную науку. Международное признание работ русского ученого нашло свое выражение, в частности, в том, что в 1912 г. на Международном сейсмологическом конгрессе в Манчестере Б.Б. Голицын был избран председателем постоянной комиссии Международной сейсмологической ассоциации. С 18 по 24 августа 1914 г. в здании Академии наук был намечен съезд делегатов ассоциации, но начавшаяся Первая мировая война сорвала это мероприятие. Смерть Б.Б. Голицына в мае 1916 г. на долгое время задержала развитие сейсмометрии в России.

Г. де Гир. План шведско-русского градусного измерения Шпицбергена. 1900 г. Типогр. экз. СПбФ АРАН. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1. Л. 1

Конец XIX — начало XX в. были отмечены для России активным освоением Севера.

В 1898 г. при Физико-математическом отделении Академии возникла

Комиссия по градусному измерению на островах Шпицбергена под председательством президента Академии наук вел. кн. Константина Константиновича. Для России это учреждение имело еще и политическое значение, так как международный статут Шпицбергена в то время не был определен (он считался «ничьей землей»), а между тем с развитием флота северные острова стали привлекательной территорией для северных европейских держав. Главной целью организованной Комиссией экспедиции были астрономо-геодезические работы, важные для окончательного решения вопроса о форме и размерах земли. Основы для такого определения можно было получить, имея точные данные о линейной величине дуги меридиана в разных широтах. Еще в 1830-е гг. академиком В. Я. Струве совместно со скандинавскими учеными было произведено градусное измерение от Дуная до Ледовитого океана. Но для уточнения размеров земного эллипсоида и величины его сжатия недоставало измерений на более высоких широтах, где разница в величине градусов должна быть более ощутимой.

Работы по градусному измерению на островах Шпицбергена проводились совместно со Шведской Академией наук. Измеренная русскими и шведскими учеными дуга меридиана в четыре градуса позволила с высокой степенью точности определить величину сжатия Земли (1:297,2). При распределении работы русские исследователи приняли на себя измерения на южной части архипелага; русское измерение покрывало 274 км, шведское — 195 км дуги меридиана.

Академик О. А. Баклунд руководил всеми астрономо-геодезическими ра-

Группа участников экспедиции на Шпицберген. 1900 г.

СПбФ АРАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 10. Л. 3

ботами, общее руководство экспедицией осуществлял академик Ф. Н. Чернышёв. Помимо градусного измерения, экспедиция выяснила многие природные особенности Шпицбергена, хотя и не уделила должного внимания его каменноугольным богатствам. Экспедиция провела на Шпицбергене в 1899—1901 гг. три летних сезона и две зимовки. Работать приходилось в тяжелейших условиях полярной ночи, в окружении белых медведей, снежных бурь, которые бушуют там круглый год, так что до места наблюдений зачастую приходилось пробираться ползком. И при таких условиях наблюдения не прерывались; более того, группа участников экспедиции поднялась на высшую точку архипелага гору Ньютона и установила там триангуляционный знак. Благодаря

этому удалось связать в одну систему северную и южную часть триангуляционной сети.

Шпицбергенская комиссия взялась за публикацию результатов экспедиции, но их полная обработка и издание продвигались медленно и завершились к 1925 г. С 1904 по 1925 г. выходило серийное издание на французском языке «Научная экспедиция по градусному измерению на Шпицбергена в 1899—1901 гг.»

В 1920 г. конвенцией Парижской мирной конференцией Шпицберген был передан под суверенитет Норвегии. Конвенция вступила в силу в 1925 г., после того, как Советский Союз установил с Норвегией торговые и дипломатические отношения и признал ее суверенитет над Шпицбергеном.

Барон Э.В. Толль в кают-компании яхты «Заря». Западный Таймыр. 1900—1901 гг.
СПбФ АРАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 85. Л. 1

Академия наук выступила организатором крупной полярной исследовательской экспедиции, отправившейся на поиски загадочной Земли Санникова, для изучения Северного Ледовитого

океана и освоения морского пути вдоль берегов Сибири.

Начальником экспедиции был назначен опытный полярник, сотрудник Геологического музея барон Э.В. Толль. Ученый-романтик, фанатично веривший в существование «Санниковой земли», он сумел заинтересовать своим проектом норвежского полярного исследователя Ф. Нансена и президента Академии наук вел. кн. Константина Константиновича. Ф. Нансен помог приобрести для экспедиции моторно-парусное судно, получившее имя «Заря»; как выяснилось уже во время путешествия, шхуна не была приспособлена к плаванию в полярных условиях.

Вел. кн. Константин Константинович принял экспедицию под свое покровительство и в 1899 г. возглавил высочайше учрежденную **Комиссию для снаряжения Русской полярной экспедиции (Полярную комиссию)**. Командиром «Зари» был назначен лейтенант Н. Н. Коломейцев. Руководитель экспедиции Э.В. Толль взял на себя обязанности геолога. Кроме него в ее состав вошли геодезист и метеоролог Ф. Ф. Матисен, астроном и магнитолог Ф. Г. Зееберг, океанограф

Гидрографические измерения выполняет А. В. Колчак. 1900 г.
СПбФ АРАН. Ф. 14. Оп. 2.
Д. 9. Л. 1

*Астрономический пункт на острове
Наблюдений и медная доска с надписью.*

Западный Таймыр. 1900—1901 гг.

СПбФ АРАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 101. Л. 1; Д. 140. Л. 1

и помощник магнитолога, будущий адмирал А. В. Колчак, зоолог А. А. Бялыницкий-Бируля, врач и бактериолог Г. Э. Вальтер.

8 июня 1900 г. шхуна «Заря» отчалила из Санкт-Петербурга, преодолела Карское море и достигла Таймырского полуострова. В 1900—1901 гг. экспедиция зимовала вблизи западного берега Таймыра, в 1901—1902 гг. — у о. Котельного, самого большого острова в архипелаге Новосибирских островов.

Во время путешествия и зимовок участники экспедиции выполнили

множество гидрографических, физико-географических и геологических исследований, собрали богатый зоологический и ботанический материал. Вспомогательная санная экспедиция во главе с К. А. Воллосовичем позже приехала в Сибирь, специально для геологических исследований на Новосибирских островах.

Условия работы экспедиции были очень тяжелыми. На первом же этапе запасов угля оказалось недостаточно, и в Академии опасались, что его доставка на Новосибирские острова

Скопление снега у бортов «Зари».
Западный Таймыр. 18 мая 1901 г.
СПбФ АРАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 99. Л. 1

обойдется дороже самой «Зари». Поэтому в мае 1902 г. президент Академии наук отдал приказ экспедиции вернуться. Но Э.В.Толль поклялся во что бы то ни стало найти Землю Санникова и не подчинился приказу. Вместе с Ф. Г. Зеебергом он отправился на свой страх и риск на поиски обетованной земли. По словам А. В. Колчака, «предприятие его было чрезвычайно рискованное. Шансов было очень мало, но барон Толль был человеком, верившим в свою звезду, и в то, что ему все сойдет»¹⁸².

От Э.В.Толля не поступало никаких известий, и его судьба чрезвы-

чайно встревожила Академию наук. Следующим летом была организована спасательная экспедиция во главе с А. В. Колчаком, которая убедилась в том, что Э.В.Толль и его спутники погибли. Остальные участники экспедиции вернулись в Санкт-Петербург.

В конце 1904 г. неперемный секретарь С. Ф. Ольденбург сообщил: «Увы, сегодня я от лица Полярной комиссии должен заявить, что исчезла последняя надежда на возвращение отважных путешественников. Барон Толль и его спутники погибли во мраке полярной ночи на переходе по вечно движущемуся, прерванному широкими полыньями и загроможденному высокими торосами ледяному покрову океана. <...> Они не сделали того, что хотели сделать, но жизнь их не исчезла бесследно; после них остались разнообразные и ценные научные материалы, которые, надо надеяться, будут скоро изданы и станут лучшим памятником тому, кто отдал жизнь свою за науку»¹⁸³.

В самом деле, как ни печален был конец экспедиции, тотчас после ее завершения комиссия приступила к обработке результатов исследований. Значительным вкладом явились картографические работы экспедиции. К. А. Воллосович составил первую общую геологическую карту Новосибирских островов. Материалы экспедиции легли в основу составленной А. В. Колчаком карты западной части Таймырского полуострова и карты некоторых участков Карского моря. Новые названия на карте Таймыра увековечили имена русских академиков: залив Мид-

¹⁸² Допрос Колчака. Стенограммы. Л., 1925.

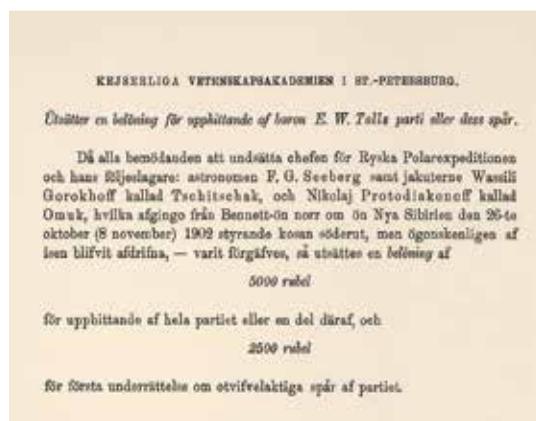
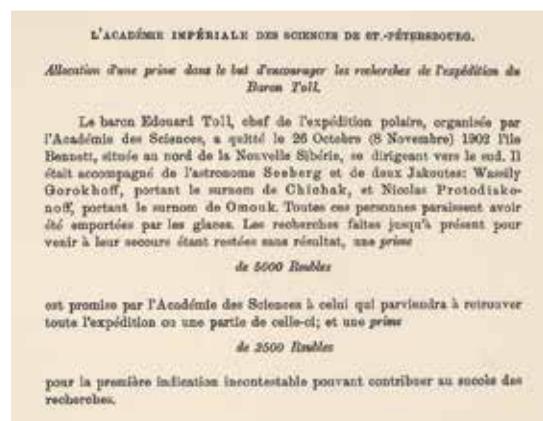
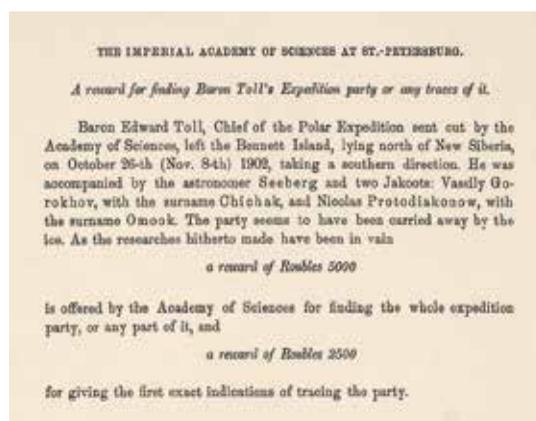
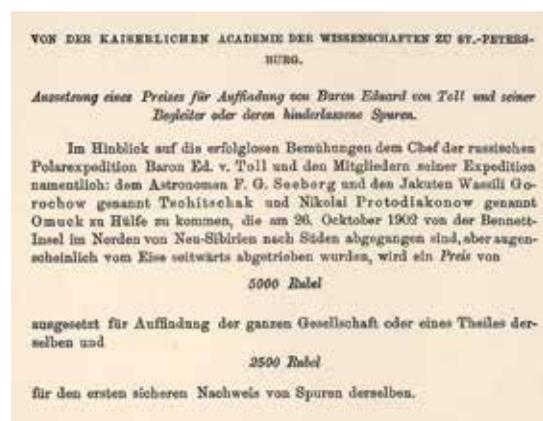
¹⁸³ Отчет Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1904 г. / составленный и читанный неперемным секретарем акад. С. Ф. Ольденбургом в публичном заседании 29 дек. 1904 г. СПб., 1904. С. 9—10.

дендорфа, гавань Веселовского, острова Баклунда и Рыкачева.

В течение многих лет в «Записках Императорской Академии наук по Физико-математическому отделению» публиковались «Научные результаты Русской полярной экспедиции 1900—1903 гг. под начальством Э. В. Толля», всего до 1917 г. было издано 42 выпуска. Выпуски включали материалы по геологии, гляциологии, ботанике, зоологии. Исследования участников экспедиции имели большое значение для последующего изучения возможностей плавания в Ледовитом океане.

Район местонахождения гипотетической Земли Санникова в 1913 г. обследо-

вала экспедиция Б. А. Вилькицкого, но не обнаружила ее следов. Та же экспедиция сделала крупные географические открытия: у Сибирских берегов были найдены Северная Земля, получившая в то время название Земля императора Николая II, остров, названный именем Вилькицкого, острова Малый Таймыр и Старокадомского (цесаревича Алексея). Вскоре было признано желательным, чтобы именно Академия наук взяла в свои руки полное естественнонаучное исследование новооткрытых земель. Созданная в 1914 г. Постоянная полярная комиссия поставила своей целью планомерное систематическое исследование Арктики, но Первая ми-

Объявление «О назначении премии за нахождение партии барона Э. В. Толля или ее следов». На русском, немецком, английском, французском, шведском языках

СПбФ АРАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 41. Л. 15—19

ровая война сделала невозможным снаряжение научной экспедиции. Морской поход на Северную Землю состоялся только в 1930 г.; благодаря работе североземельской экспедиции Г. А. Ушакова в 1930—1932 гг. Северная Земля была закреплена в составе арктических территорий СССР.

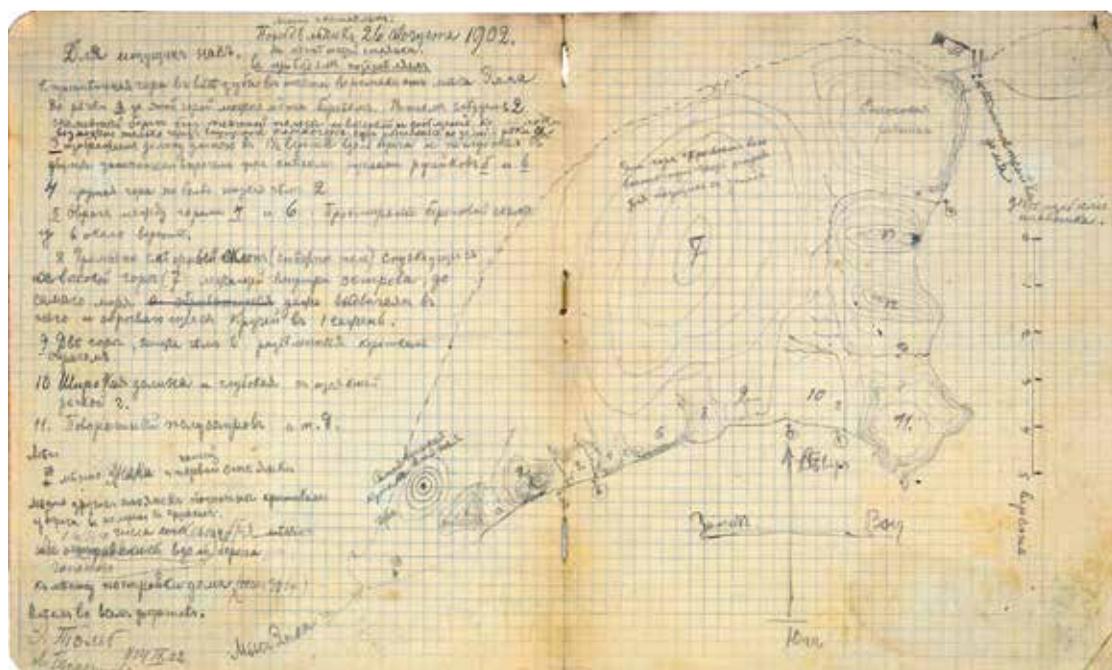
В 1919 г. три академические комиссии, занимавшиеся полярными исследованиями, — Постоянная полярная, по градусному измерению на островах Шпицбергена и для снаряжения Русской полярной экспедиции — были объединены в одну **Постоянную полярную комиссию**, которая вплоть до 1936 г. занималась координацией исследований полярных областей.

Хотя в конце XIX и начале XX в. возможности для систематических ледовых исследований оставались весьма ограниченными, работы академических экспедиций заложили фундамент для современных представлений

о природе Арктики, облегчили разработку научных основ для дальнейшего развития арктического мореплавания и освоения Северного морского пути.

Большой объем гуманитарных исследований, требовавших объединения усилий нескольких специалистов, проводился в академических и приакадемических комиссиях, созданных при Отделении русского языка и словесности, Историко-филологическом отделении.

При ОРЯС временные коллективы создавались для обсуждения вопросов лингвистики и подготовки изданий памятников литературы. Особое место среди академических изданий занимает собрание сочинений А. С. Пушкина. Оно задумывалось как научное, основанное на тщательном изучении рукописей А. С. Пушкина и прижизненных изданий его произведений, должно было включать в себя как законченные произведения, так и черновые наброски. Идея подготовки полного

Записка Э. В. Толля «Для ищущих нас...» с планом острова Беннетта. 26 августа 1902 г.

СПбФ АРАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 73. Л. 1—2 об.

собрания сочинений поэта принадлежала президенту Академии наук вел. кн. Константину Константиновичу. Этот огромный труд взял на себя Л. Н. Майков, и первый том сочинений А. С. Пушкина вышел в свет в юбилейный 1899 г. под редакцией Л. Н. Майкова с обширными комментариями. В апреле 1900 г. ученый умер, в том же году была создана **Комиссия по изданию сочинений А. С. Пушкина** для завершения начатого проекта.

Комиссия положила в основу издания принцип полноты, предполагавший учет всех вариантов текста и исчерпывающее привлечение беловых и черновых рукописей. В толковании приемов издания было много неясного, например, не был решен краеугольный вопрос о том, что считать основным источником пушкинского текста: прижизненный печатный текст или беловую рукопись. По оценке пушкинистов следующего поколения, «академическая комиссия по существу оказалась беспомощной в установлении принципов и методов издания. И эта беспомощность отражала состояние текстологии того времени»¹⁸⁴. Тома собрания сочинений выходили с перерывами в несколько лет, и издание осталось незавершенным¹⁸⁵.

Из комиссии, организованной для подготовки всенародного чествования 100-летнего юбилея А. С. Пушкина и постройки памятника поэту в Санкт-Петербурге (по подписке), вырос **Пушкинский Дом**. В 1905 г. оформилась мысль о том, что увековечить память А. С. Пушкина может создание

Вел. кн. Константин Константинович
(поэт К. Р.).

Фотопортрет Е. Л. Мрозовской
СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 41. Л. 2

особого учреждения — «Дом имени Пушкина» — своего рода литературного мавзолея, в котором могли бы храниться реликвии не только Пушкина, но и других деятелей русской словесности XIX века»¹⁸⁶. 15 декабря 1905 г. комиссия приняла решение прекратить подписку на памятник, а последующую подписку проводить на строительство музея. Этот день принято считать датой основания Пушкинского Дома. В 1907 г. было утверждено Положение о Пушкинском Доме, он был принят в ведение Академии наук. В Положении говорилось: «Дом Пушкина учреждается в благоговейную память

¹⁸⁴ Измайлов Н. В. Академическое издание сочинений Пушкина // Известия АН СССР. Сер. литерат. и яз. 1974. Т. 33. № 3. С. 254.

¹⁸⁵ Сочинения Пушкина: Издание ИАН. СПб., 1899—1929. Т. 1—4, 9, 11.

¹⁸⁶ Временник Пушкинского Дома. СПб., 1913. С. XI.

Экспозиция Пушкинского Дома
на лестнице главного здания
Академии наук

Из книги «Временник Пушкинского Дома»
(1913. Вып. 1)

о великом русском поэте Александре Сергеевиче Пушкине, для собирания в нем всего того, что касается Пушкина как писателя, человека и гражданина».

Деятельностью Пушкинского Дома на первом этапе его существования руководила учредившая его комиссия, главными организаторами были архивист и знаток пушкинской эпохи Б. Л. Модзалевский (1874—1928) и делопроизводитель В. А. Рышков (1865—1938).

Своими дарами музей поддержали многие писатели и потомки писателей, ученые, художники, государственные деятели, петербургские и московские архивы. Хотя от идеи собрать в Пушкинском Доме все реликвии А. С. Пушкина вскоре пришлось отказаться, коллекции обогатились ценными приношениями. У внука поэта А. А. Пушкина была приобретена библиотека А. С. Пушкина. В Пушкинский Дом перешла часть ценной коллекции книг библиографа П. А. Ефремова (1830—1908), равной которой не было в России. Крупным приобретением было и книжно-рукописное собрание редак-

тора «Современника» П. А. Плетнёва. В музей поступили семейные портреты, хранившиеся в селе Болдине, вся библиотека села Тригорского, пожертвованная баронессой С. Б. Вревской. За счет казны был куплен музей собирателя реликвий А. С. Пушкина А. Ф. Онегина (1845—1925) в Париже (сам хозяин скромно называл свои сокровища «музейчиком»). По условиям договора бывшему владельцу предоставлялось пожизненное право пользоваться своей коллекцией, более того, он получал от Академии наук пожизненную пенсию, которую использовал на пополнение собрания. В 1927 г. коллекция А. Ф. Онегина поступила в Пушкинский Дом. К 1 января 1916 г. в библиотеке Пушкинского Дома насчитывалось 30000 томов, в рукописном отделении — 10000 рукописей.

В самой Академии отношение к собирательской деятельности Пушкинского Дома было неоднозначным. Например, В. А. Стеклов, будущий вице-президент, весьма скептически отзывался о коллекционировании таких реликвий, как «старые башмаки, обрывки эпозет,

*Экспозиция Пушкинского Дома в аванзалах
главного здания Академии наук
Из книги «Временник Пушкинского Дома»
(1913. Вып. 1)*

перстни, поломанные ручки, лоскуточки бумаги и т.д., в которых когда-то ходили, которые носили, которые писали, хотя бы и великие поэты и художники вроде самого Пушкина и Гоголя». Математик ехидно отзывался об изысканиях того, «в каких штанах ходил Дантес, у какого портного заказывал себе сюр-

туки, где покупал подштанники и за какую цену, хотя бы сам Толстой»¹⁸⁷.

С 1913 г. комиссия издавала «Временник Пушкинского Дома», знакомивший широкие круги русского общества с его идеями и задачами. Подробные сведения о Пушкинском Доме появлялись в отчетах Академии и в периодической

¹⁸⁷ Стеклов В.А. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Л., 1991. (Научное наследство. Т. 17). С. 298.

печати. На протяжении нескольких лет все поступавшие в музей рукописные и книжные богатства хранились в сундуках и ящиках и были недоступны ни исследователям, ни публике. В 1913 г. Академия наук предоставила в распоряжение музея три комнаты в главном здании. Здесь были выставлены рукописи, книги, реликвии А. С. Пушкина и многих других русских писателей, так Пушкинский Дом встретил первых посетителей. Здесь застал Пушкинский Дом А. А. Блок, посвятивший в 1921 г. ему свое стихотворение-приветствие. Пушкинский Дом несколько раз переезжал, пока наконец в 1927 г. не получил помещение в здании Таможни на Тучковой набережной (ныне наб. Макарова), где и располагается в настоящее время.

Несмотря на то что Пушкинский Дом находился в ведении Академии наук и пользовался ее гостеприимством, он не был полноправным академическим учреждением вплоть до 1918 г.,

Епископ Порфирий (Успенский).
С портрета маслом. Не позднее 1885 г.
СПбФ АРАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 197. Л. 1

когда было принято новое Положение о Пушкинском Доме, по которому он вместе с библиотекой, музеем и рукописным собранием вошел в состав академических учреждений.

В Академии наук действовал целый ряд издательских комиссий. В 1891 г. была создана **Комиссия по изданию трудов епископа Порфирия**, или, как ее часто называли сами академики, Порфирьевская комиссия. Константин Александрович (в монашестве Порфирий) Успенский (1804—1885), коллекционер и палеограф, был первым начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме (1848—1854). Он много путешествовал по святым местам и вывез из своих странствий колоссальную коллекцию рукописей, которая была приобретена Публичной библиотекой. Жемчужиной этого собрания был Синайский кодекс Библии IV в., впоследствии проданный советским правительством Британскому музею.

Епископ Порфирий Успенский пожертвовал Академии наук внушительную сумму (24 000 руб.) на публикацию своих сочинений и завещал ей свой обширный архив. Комиссия издала значительную часть его наследия — ученые труды, дневники и научные материалы (отчасти законченные, отчасти в отрывочных заметках), частную и служебную переписку.

Опыт Порфирьевской комиссии был использован другой комиссией, взявшейся издать труды профессора археологии и истории искусств Московского университета, исследователя Северного Причерноморья Карла Карловича Гёрца (1820—1883). На эти цели был получен капитал в 7000 руб. В 1895 г. была образована **Комиссия для заведования капиталом имени профессора К. К. Гёрца**. Вскоре

вышло полное собрание его сочинений и биографический очерк ученого. В дальнейшем завещанный Академии капитал мог быть использован на учреждение премии имени К. К. Гёрца, предназначенной для поощрения ученых трудов по классической археологии, однако война и революция не позволили осуществить эти планы.

Комиссия по изданию сочинений академика В. Г. Васильевского, созданная сразу после смерти ученого в 1899 г., осуществила частичное издание его собрания сочинений, приступив к переизданию в первую очередь его работ по истории Византии и ее отношений с Россией и славянами. Издание, рассчитанное на шесть томов, не было доведено до конца¹⁸⁸.

Созданная в 1905 г. **Комиссия по изданию архива Тургеневых** занималась публикацией богатого материала по истории духовной культуры России из переданного в академическую библиотеку архива братьев Тургеневых (Николая, Александра, Сергея и бумаги их отца Ивана Петровича). К этой талантливой семье сходились нити со всех концов России: ее корреспондентами были Н. И. Новиков, Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский и др. Значение архива увеличивали личные бумаги Тургеневых, которые на протяжении нескольких поколений сохраняли привычку заносить в дневник все интересное и писать обстоятельные письма. Богатое содержание личных бумаг делало архив не только семейным, но и национальным сокровищем. Комиссия подготовила шесть выпусков издания «Архив братьев Тургеневых», 7-й выпуск вышел в 2017 г.

В. Г. Васильевский
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-В. Д. 9

Комиссия по изданию «Академической библиотеки русских писателей» была организована в 1908 г. для издания собраний сочинений крупнейших русских писателей, предназначенных для широкого круга читателей.

В рамках созданной в 1908 г. **Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы** А. А. Шахматов подготовил такие издания, как «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» и «Повесть временных лет».

Главной задачей учрежденной в 1903 г. **Постоянной исторической комиссии** была издательская деятельность и курирование работы ученого корреспондента в Риме. Душой комиссии и инициатором ее создания был А. С. Лаппо-Данилевский. Бессменный ученый корреспондент в Риме Евгений Францевич Шмурло (1853—1934) занимался разработкой хранящихся

¹⁸⁸ Труды В. Г. Васильевского. СПб., 1908. Т. I; 1912. Т. II; Пг., 1915. Т. III; Л., 1930. Т. IV.

Ф. Ф. Фортунатов

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ф. Д. 66. Л. 1

А. А. Шахматов

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ш. Д. 46. Л. 1

ся в итальянских архивах материалов по истории России. В 1926 г. Постоянная историческая комиссия слилась с Археографической комиссией и получила название Историко-археографическая комиссия.

В течение долгого времени Академию наук занимал животрепещущий вопрос о реформе орфографии. Еще в 1885 г. по поручению ОРЯС Я. К. Грот составил руководство «Русское правописание». Эта книга содействовала установлению единообразия письма, но она не затронула основ правописания и не упростила его.

В начале XX в. в Академию наук все чаще стали поступать обращения по вопросам правописания от различных учебных ведомств и учреждений, которые и послужили для ОРЯС по-

водом к созданию в 1904 г. особой **Комиссии по вопросу о русском правописании** под председательством президента Академии наук вел. кн. Константина Константиновича. Его ближайшими помощниками были академики Филипп Фёдорович Фортунатов (1848—1914) и Алексей Александрович Шахматов (1864—1920).

Первое и единственное заседание комиссии с участием представителей учебных ведомств и учреждений состоялось 12 апреля 1904 г. и положило начало практическому проведению реформы орфографии. На этом заседании Ф. Ф. Фортунатов заявил, что Академия наук не признает правописание, рекомендованное академиком Я. К. Гротом, «своим, академическим правописанием»¹⁸⁹. Комиссия единогласно призна-

¹⁸⁹ Протокол первого заседания Комиссии по вопросу о русском правописании, состоявшегося 12 апреля 1904 г. СПб., 1905. С. 5—7.

ла необходимость реформы и исключения из алфавита лишних букв (ѣ, ъ, ѳ, і). На заседании была избрана Орфографическая подкомиссия под председательством Ф. Ф. Фортунатова. Вскоре подкомиссия выпустила в свет «Предварительное сообщение» — проект упрощения орфографии.

Работа подкомиссии вызвала резкую критику со стороны правой печати, обвинявшей Академию наук в посягательстве на основы русского языка. В результате этих нападок реформа не была принята правительством, работы по ее подготовке были временно прекращены. Орфографическая подкомиссия возобновила свою деятельность в декабре 1910 г. и в мае 1912 г. опубликовала окончательный проект реформы¹⁹⁰.

Новые правила оставили за буквой «ъ» только функцию отделительного знака, употребление буквы «ё» сделали желательным, но не обязательным; предписывалось опускать букву «ь» в конце слов после шипящих и «т», передавать звук «о» в ударном слоге после шипящих и «ц». Таким образом, по-фортунатовски следовало писать: «рож, плещ, даш, ходищ, ноч, вещь; шол, ещо, пчолка, лжот» и т. д. Однако проведение реформы снова затянулось из-за опасения официальных сфер вызвать раскол в обществе.

В 1917 г. Академия образовала новую Комиссию по пересмотру вопроса об изменении русского правописания под председательством А. А. Шахматова, убежденного сторонника основатель-

ного и последовательного упрощения русского правописания. По его словам, русские люди, «чутко относящиеся к родной речи, поймут, что не искажена эта речь, а освобождена от уродливых наростов, путем письма проникающих и в произношение». На этот раз комиссия довела реформу до конца; в правила, подготовленные в 1912 г., были внесены две поправки: остались без изменений правила употребления букв «о» и «е» после шипящих и «ц», сохранилась буква «ь» в конце слов.

Реформа правописания была принята сначала Временным правительством. Циркулярным распоряжением от 17 мая 1917 г. Министерство народного просвещения предложило ввести ее безотлагательно, с начала будущего учебного года. «Петроградские ведомости» 21 июня 1917 г. сообщали: «Министерство народного просвещения приступило к практическому осуществлению своего циркуляра по реформе правописания. Товарищ министра А. П. Герасимов отдал распоряжение, написанное уже по новой орфографии, о том, чтобы с 1 июля вся переписка по департаменту народного просвещения велась с новой транскрипцией»¹⁹¹.

Реформа стала обязательной после Октябрьской революции. Советская власть узаконила реформу орфографии своими декретами 23 декабря 1917 г. и 10 октября 1918 г. о введении нового правописания¹⁹², которым мы пользуемся до сих пор.

¹⁹⁰ Постановления Орфографической подкомиссии. СПб., 1912.

¹⁹¹ Петроградские ведомости. 21 июня 1917. № 89.

¹⁹² Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. № 12. С. 176; Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 23 декабря 1917 г. № 40; Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 13 октября 1918 г. № 223.

ВЕК ДВАДЦАТЫЙ (1917—1934)

ОТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ДО АКАДЕМИИ НАУК СССР

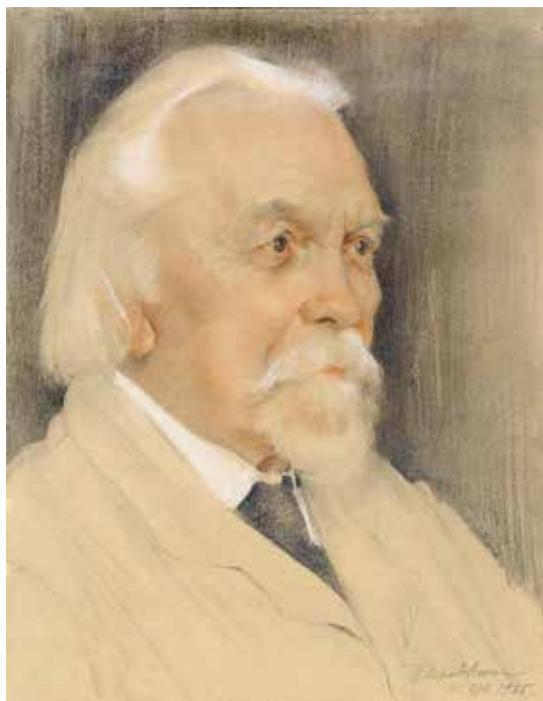
Политические события 1917 г. оказались стремительны и в значительной степени непредсказуемы. Февральская революция привела к крушению монархии. Члены и сотрудники Академии наук падение самодержавия восприняли позитивно, многие даже с воодушевлением. Так, надеясь на помощь революционной власти в осуществлении проекта постройки здания для мемориального музея Пушкинского Дома, Б. Л. Модзалевский в феврале 1917 г. писал: «В Питере волнения, забастовка трамваев, по улицам патрули и казаки, толпы рабочих и манифестантов, нет хлеба, все злые и мрачные, а я „пою“ о Пушкинском Доме! <...> Мне и самому совестно, да любовь к захватившей меня идее берет верх даже над не совсем сытым желудком»¹⁹³.

Программа Временного правительства была опубликована 3 марта, а на следующий день Академия наук направила ему обращение, в котором выразила решимость работать на пользу и укрепление нового строя. Уже весной в Академии наук начались реформы: были пересмотрены некоторые статьи Устава, дававшие ей автономию,

в том числе отмену обязательного проживания академика в Петрограде. Академия получила право выбирать президента и вице-президента, академики сами установили срок избрания — пять лет. Временное правительство утвердило соответствующие поправки к Уставу и назначило президенту жалование в размере 5000 руб. 15 мая 1917 г. 27 академиков собрались на заседание Общего собрания и впервые в истории избрали себе президента. Этой чести удостоился Александр Петрович Карпинский (1847—1936) — один из старейших академиков, геолог с мировым именем. Тогда же должны были состояться выборы вице-президента, но они были сорваны математиком А. А. Марковым, который в этот момент покинул зал заседаний. Из-за его ухода не набралось необходимых двух третей общего состава академиков. Временное исполнение обязанностей вице-президента было возложено на ботаника И. П. Бородину. В 1919 г. вице-президентом был избран математик Владимир Андреевич Стеклов (1863—1926). Бремя обязанностей неперменного секретаря продолжал нести С. Ф. Ольденбург.

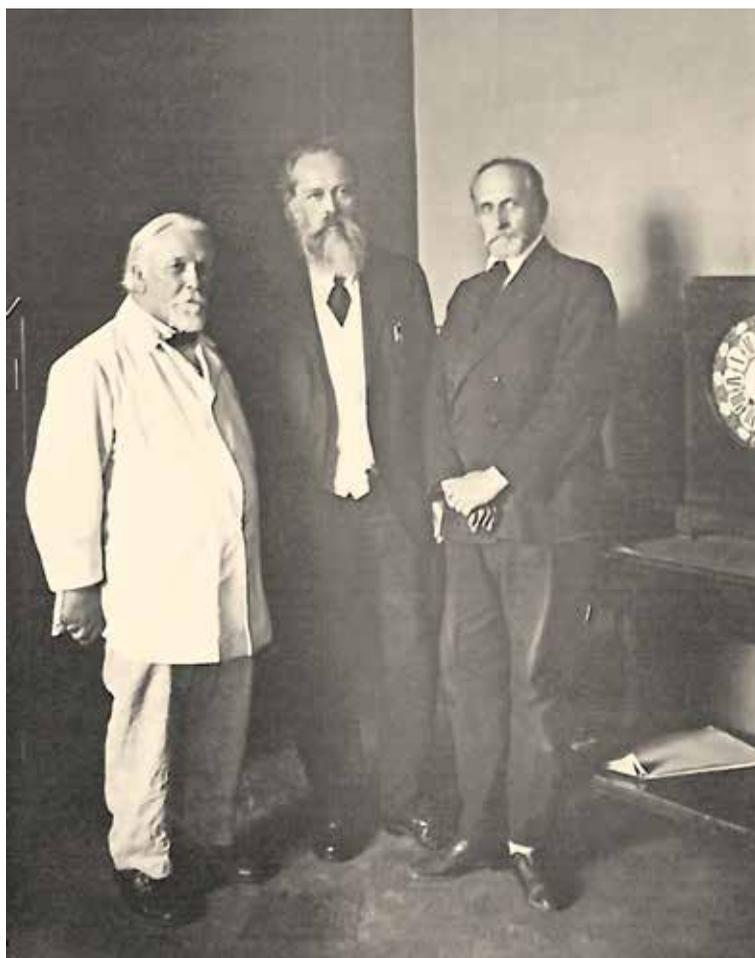
---

¹⁹³ Иванова Т. Г. Рукописный отдел Пушкинского Дома в 1917—1922 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 6.

А. П. Карпинский.
Художник П. И. Нерадовский. 1925 г.
СПбФ АРАН. Р. X Оп. 1-К. Д. 92. Л. 1

В 1917 г. Академия наук объединяла 44 академика; общая численность научных и технических сотрудников Академии наук достигла 220. Некоторые академики вошли в состав новых правительственных органов: А. С. Лаппо-Данилевский работал в совещании для подготовки положения об Учредительном собрании, С. Ф. Ольденбург и В. И. Вернадский заняли во Временном правительстве посты министра и товарища министра народного просвещения, П. Б. Струве входил в Экономический совет. 11 июля 1917 г. поста-

А. П. Карпинский,
В. А. Стеклов,
С. Ф. Ольденбург.
Не позднее 1925 г.
СПбФ АРАН. Ф. 265. Оп. 4.
Д. 377. Л. 1

Циркуляр на бланке
непрерывного секретаря РАН
с извещением о переименовании
Академии наук и утверждении
А. П. Карпинского президентом
Российской академии наук
на пять лет постановлением
Временного правительства.
Петроград. 2 августа 1917 г.
СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1917.
Д. 4. Л. 25

новлением Временного правительства Императорская академия наук была переименована в Российскую академию наук.

В горниле Первой мировой войны прекратили свое существование заграничные академические учреждения — Русский археологический институт в Константинополе и Постоянная историческая комиссия в Риме. Но в революционном году в Тифлисе по инициативе Н. Я. Марра был создан первый научно-исследовательский институт в структуре Академии наук — Кавказский историко-археологический институт. Летом 1917 г., находясь на Кавказе, Н. Я. Марр провел подготовительную работу по его организации. В Записке, представленной в Академию, говоря об изучении Кавказа в России и Западной Европе, он

подчеркнул недостаточный научный уровень отечественных исследований. Институт задумывался как «форпост русской науки для систематических изысканий на древнем культурном Востоке, прилегающем непосредственно к Кавказу с юго-востока, юга и юго-запада». Устав и программа работы Кавказского историко-археологического института были составлены совместно с Армянским этнографическим и Грузинским историко-этнографическим обществами. Проект Н. Я. Марра поддержало Временное правительство и документы об организации института были утверждены 6 сентября 1917 г. на заседании Отделения истории и филологии Российской академии наук.

В конце августа 1917 г. Верховный главнокомандующий русской армии генерал Л. Г. Корнилов начал наступле-

ние на Петроград. Общим собранием Академии 2 сентября было принято решение об эвакуации уникальных книг и рукописей Архива Конференции, Библиотеки, Пушкинского Дома, Азиатского музея в Саратов, откуда они вернулись только в 1920 г. Оставшиеся документы находились под неусыпным надзором сотрудников Академии, старавшихся сохранить академическое наследие.

Октябрьская революция 1917 г. и Гражданская война раскололи как страну, так и научное сообщество. Советскую власть большинство ученых Академии наук не приняли. В ноябре 1917 г. делегация академиков даже посетила Смольный с протестом против ареста министров Временного правительства. 29 декабря 1917 г. на ежегодном торжественном заседании С. Ф. Ольденбург заявил, что «Россия стала на край гибели», но даже в «такое беспримерно тяжелое время» Российская академия наук продолжала работать для родины и науки. «Люди науки не могут не сознавать, что без их работы немислимы просвещение и культура, а без этих последних никакое достойное человеческое существование». Президент Академии наук А. П. Карпинский и неперемный секретарь С. Ф. Ольденбург звали к властям принять меры, «дабы не гнила русская наука и не гибли напрасно русские ученые»¹⁹⁴. Не все ученые были настроены пессимистично. Например, выдающийся математик В. А. Стеклов призывал отказаться от политических протестов, а военный химик В. Н. Ипатьев отмечал, что «и при царском режиме многие

из нас не сочувствовали самодержавному правлению, но это не мешало нам честно выполнять наш долг перед страной и продуктивно работать»¹⁹⁵.

Тем не менее не все согласились сотрудничать с новой властью и массовой реакцией стала эмиграция. В разные годы под предлогом заграничной командировки или политической эмиграции страну навсегда покинули математик Я. В. Успенский, геолог Н. И. Андрусов, химики П. И. Вальден, В. Н. Ипатьев, А. Е. Чичибабин, историк искусства Н. П. Кондаков, историк-медиевист П. Г. Виноградов (в 1918 г. принял английское подданство), историк античности М. И. Ростовцев (в 1928 г. принял подданство США), экономист П. Б. Струве, славяновед В. А. Францев и др.

Среди оставшихся не все пережили тяготы и лишения Гражданской войны и военного коммунизма, репрессии против интеллигенции, обвинения в контрреволюционной деятельности, люмпенизацию быта. В 1918–1920 гг. скончались 12 академиков: математик А. М. Ляпунов, минералог Е. С. Фёдоров, ботаник А. С. Фаминцын, зоолог В. В. Заленский, геофизик М. А. Рыкачев, историки М. А. Дьяконов и А. С. Лаппо-Данилевский, востоковеды В. В. Радлов и Б. А. Тураев, историк искусства Я. И. Смирнов, филолог А. А. Шахматов, историк-славист И. С. Пальмов, в 1921 г. ушли из жизни филологи-классики и эпиграфисты В. В. Латышев и А. В. Никитский. Гнетущее впечатление на всех русских филологов произвела смерть некогда полного сил А. А. Шахматова, который не выдержал истощения и непосиль-

¹⁹⁴ Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925 гг. / сост. В. А. Тряпкина. Л., 1986. С. 174.

¹⁹⁵ Академик В. Н. Ипатьев: В 2-х кн. / сост. В. Д. Кальнер. М., 2011. Кн. 2. С. 41.

В. А. Стеклов. Рисунок Н.И. Кравченко. 1925 г.
СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 4. Д. 2. Л. 5

ных тяжестей быта. Исключительное чувство долга перед Академией удерживало ученого в голодном Петрограде в 1919 г., когда он отказывался от всех предложений уехать в более сытую провинцию или за границу. Принятое им решение держаться до последней возможности, не оставлять Академию в тот момент, когда ее учреждения и особенно Библиотека, которой он заведовал, нуждались в его заботе — это был настоящий акт самопожертвования.

Некоторые из тех ученых, с кем власть не смогла договориться, в 1922 г. были высланы на так называемом «философском пароходе». На двух рейсах немецких пассажирских судов «Обер-бургомистр Хакен» и «Пруссия» осенью 1922 г. в Германию были отправлены видные представители российской научной и творческой ин-

теллигенции, которых посчитали противниками советской власти (всего 195 человек). За годы «лихолетья» Академия потеряла около половины состава своих академиков, числившихся на 25 октября 1917 г., а также десятки ученых среди почетных членов и членов-корреспондентов.

В январе 1918 г. Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) РСФСР направил своего представителя Л. Г. Шапиро на встречу с неперменным секретарем Академии наук С. Ф. Ольденбургом для обсуждения вопросов о возможной научной работе Академии по различным государственным задачам, которые были подробно описаны в «Положении к проекту мобилизации науки для нужд государственного строительства», так называемой «записке Шапиро». В конце февраля Российская академия наук дала ответ: «Академия всегда готова по требованию жизни и государства приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых

С. Ф. Ольденбург.
Рисунок Н.И. Кравченко. 1925 г.
СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 4. Д. 2. Л. 6

нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром»¹⁹⁶. Начало сотрудничеству советской власти и фундаментальной науки было положено.

Советская власть ввела календарную реформу, подготовленную Академией наук в конце XIX в. Декретом Совета народных комиссаров (Совнаркома) РСФСР от 24 января 1918 г. вводилась поправка на 13 суток: после 31 января 1918 г. наступило не 1, а сразу 14 февраля. Страна и Академия наук начали жизнь «по новому стилю». В феврале 1918 г. академики обсудили свои предложения по проекту «мобилизации науки для нужд государственного строительства». Весной 1918 г. председатель Совнаркома В.И. Ленин написал «Набросок плана научно-технических работ», где наметил участие ученых Академии наук в реорганизации промышленности и подъеме экономики Советской России. В апреле Совнарком РСФСР принял решение о бюджетном финансировании работ Академии наук. Академия вошла в подчинение Наркомпроса РСФСР, заменившего собой прежнее Министерство народного просвещения, однако когда в марте 1918 г. советское правительство переехало из Петрограда в Москву, Академия наук осталась в Петрограде.

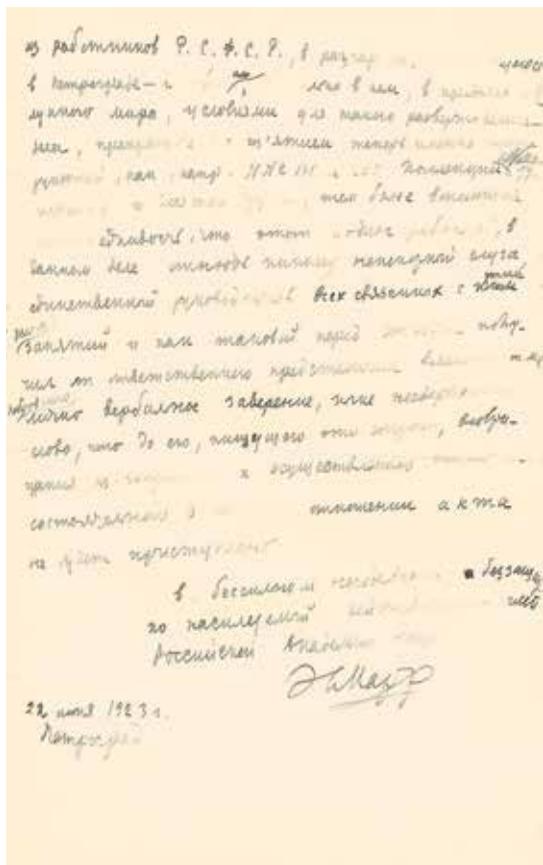
Власти пытались принять меры для сохранения основных кадров Академии и обеспечить продолжение ее научной деятельности. Облегчить участь ученых старался А. М. Горький, которому сразу после Февральской революции было возвращено звание почетного академика. При его участии в 1919 г. была образована Пе-

троградская комиссия по улучшению быта ученых, для ограниченной группы научных работников были введены усиленные пайки, получившие название академических. В январе 1921 г. было принято постановление о создании условий, обеспечивающих научную работу Нобелевского лауреата академика И. П. Павлова и его сотрудников. Организованная осенью 1921 г. Центральная комиссия по улучшению быта ученых увеличила масштабы помощи, теперь академическими пайками могли воспользоваться 7000 человек.

В 1919 г., когда после долгого перерыва начали восстанавливаться международные связи, возник целый ряд проектов создания отечественных институтов за рубежом. В ответ на упреки Наркомпроса в том, что Академия имела узкую сферу влияния, РАН предложила организовать сеть своих научных представительств за границей. Были намечены девять крупных центров мировой культуры, в которых предполагалось создать так называемые общие институты, которые могли охватить в своей работе все отрасли научного знания: Лондон, Париж, Берлин, Каир, Вашингтон, Буэнос-Айрес, Мадрас, Пекин и Сидней. Наряду с общими допускалось существование и специальных научно-исследовательских институтов, например, Русского культурно-исторического института в Риме. Эти грандиозные планы не были претворены в жизнь из-за экономической разрухи.

Не прекращались академические выборы. В 1918–1925 гг. были избраны 23 новых академика, в том числе геолог Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, физик

¹⁹⁶ Документы по истории Академии наук СССР: 1917–1925. Л., 1986. С. 29.

Письмо Н. Я. Марра неперменному секретарю С. Ф. Ольденбургу с протестом против передачи грузинских рукописей из Азиатского музея РАН в Тбилиси. 22 июня 1923 г.
СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1923. Д. 9. Л. 76

А. Ф. Иоффе, зоолог А. Н. Северцов, историки С. Ф. Платонов и В. П. Бузескул, востоковеды Ф. И. Щербатской и И. Ю. Крачковский. К 1926 г. число действительных членов достигло 43, почетных членов — 25, членов-корреспондентов — 273. Возросло и число академических научных учреждений: к 1925 г. их было 42. Количество научных работников по всем академиче-

ским учреждениям увеличилось с 154 человек в 1917 г. до 413 в 1925 г.

С образованием в 1922 г. СССР вопросы организации науки и культуры отошли в ведение союзных республик. Вскоре от представителей некоторых республик последовали предложения о разделе академических собраний, созданных в течение 200 лет, и передаче части национальных документов в республиканские центры. Больше других в этом преуспела Грузия благодаря сильному лоббированию на государственном уровне. В 1923 г. недавно образовавшаяся Советская республика в качестве «братской помощи» получила 88 ценных рукописей, хранившихся в Азиатском музее. Изъятие части из некогда единого рукописного собрания разрушало возможности дальнейшей работы по изучению накопленных петроградскими учеными кавказских материалов и вызвало протест академических ученых-востоковедов. Несмотря на это, рукописи не только из Азиатского музея, но и из Публичной библиотеки (308 из 700) были переданы в Тбилиси.

В то время как создавались региональные научные центры, Академия наук по-прежнему оставалась в подчинении Наркомпроса РСФСР, между тем ее деятельность охватывала уже весь Союз. Возросший авторитет Академии наук в союзном государстве не соответствовал ее скромному положению учреждения федерального уровня. И вскоре изменение статуса было зафиксировано официально.

ОТ АКАДЕМИЧЕСКИХ ДЕЛ ДО «ДЕЛА АКАДЕМИКОВ»

Год 1925-й ознаменовался празднованием 200-летнего юбилея Академии наук. В 1925 г. в составе Российской академии наук числились 42 научных учреждения, количество научных сотрудников возросло до 924. Российская наука продолжала развиваться, пополнялась национальными учеными учреждениями, но все еще оставалась в международной изоляции. На юбилей Академии наук возлагались определенные надежды в отношении возобновления внешних научных связей.

Вице-президент Академии наук В. А. Стеклов предложил «широкую программу празднования в международном масштабе с приглашением иностранных ученых. Указал как на научное, так и политическое значение такого празднества, предложив его в то же время сделать национальным праздником»¹⁹⁷. Юбилей готовили как большой интернациональный форум. Гражданам СССР он должен был продемонстрировать «единение науки и труда», а международному сообществу представить советское государство как центр современной науки. Тщательно были продуманы и подготовлены спи-

ски иностранных гостей — ведущих ученых со всего мира. По рекомендации Наркоминдела были расширены списки представителей азиатских стран — Монголии, Японии, Индии. Приглашения заблаговременно получили все иностранные почетные члены Академии наук, более 300 видных ученых из 31 страны и еще 319 научных учреждений из 47 стран¹⁹⁸.

Юбилейные торжества, продолжавшиеся 11 дней, начались в Ленинграде 5 сентября 1925 г. В главном здании Академии наук на Васильевском острове происходил прием делегаций. Торжественное заседание с участием

Выписка из протокола заседания Совета народных комиссаров СССР о создании комиссии для празднования 200-летнего юбилея Академии наук. 6 мая 1925 г.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 273. Л. 71

¹⁹⁷ Стеклов В. А. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Л., 1991. С. 297. (Научное наследство. Т. 17).

¹⁹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 11. Л. 117—118. 141—147.

Приветственный адрес ученой комиссии «Старая Москва» к 200-летию Академии наук. 1925 г.

СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 2. Д. 343. Л. 1

председателя ВЦИК М. И. Калинина состоялось на следующий день в Большом зале филармонии. В последующие дни гости, разделившись по интересам, осматривали научные учреждения Академии наук, музеи, лаборатории, а по вечерам могли посетить Академический театр оперы и балета. В один из дней, 9 сентября, состоялось торжественное открытие нового здания Библиотеки Академии наук, сопровождавшееся разнообразными книжными выставками. Затем торжества переместились в Москву, где гостей принимал Моссовет во главе с Л. Б. Каменевым. Кроме научных заседаний устраивались приемы на правительственном уровне, митинги рабочих, экскурсии по учреждениям. Праздничные события широко освещались в советской прессе, два популярных журнала — «Огонек» и «Природа» — подготовили внеочередные номера, целиком посвященные юбилею, было сделано большое число фотографий, снят кинофильм, выпущены юбилейные марки. Некоторые делегаты после завершения праздника задержались в СССР и посетили другие города России, побывали на Украине, в Закавказье, встреча-

Приветственный адрес Наркомпроса Узбекской ССР к 200-летию Академии наук. На араб. яз. 1925 г.

СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 2. Д. 377. Л. 1

Торжественное заседание в Большом зале Ленинградской филармонии. На трибуне выступает председатель ВЦИК М. И. Калинин, за столом президиума сидит А. В. Луначарский, стоит А. П. Карпинский. Рис. худ. Н. И. Кравченко. 6 сентября 1925 г. СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 4. Д. 2. Л. 12

Торжественное заседание Ленинградского совета и делегаций по случаю 200-летия Академии наук во дворце Урицкого (Таврическом). Сентябрь 1925 г. СПбФ АРАН. Ф. 779. Оп. 3. Д. 27. Л. 2

Открытие нового здания Библиотеки АН СССР в Ленинграде. Главный читальный зал. В первом ряду слева направо сидят: С. Ф. Ольденбург, А. П. Карпинский, В. А. Стеклов. 9 сентября 1925 г. Из журнала «Красная панорама» (1925. № 38) СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 5. Д. 4. Л. 25

Почтовая марка,
выпущенная к 200-летию
Академии наук СССР. 1925 г.
СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 4. Д. 17. Л. 1

Иностранцы гости на праздновании
200-летнего юбилея Академии наук.
Обложка журнала «Огонёк»
(1925. № 38 (129))
СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 5. Д. 34. Л. 11

лись с советскими государственными деятелями.

Подведение итогов началось еще во время празднования. Иностранцев делегатов оказалось неожиданно мало — приехали всего 98 ученых из 24 стран¹⁹⁹. Многие почетные члены Академии наук от поездки отказались, французские и американские ученые фактически проигнорировали юбилей. Отсутствие делегатов восполнялось большим числом приветственных адресов и поздравлений — их было получено более 2000. Самой представительной (28 человек) оказалась делегация из Германии, с которой в рабочем

порядке была проведена двусторонняя встреча, заложившая основу научных контактов на ближайшие годы. Немецкие ученые Веймарской республики после Версальского мира, как и российские, оказавшиеся в политической изоляции, охотно пошли на сотрудничество, которое могло повлиять на международное положение обеих стран. В приветствии правительства СССР Академии наук подчеркивалось, что оно «готово будет поддержать все шаги, направленные к беспрепятственному и широкому интернациональному общению научных деятелей»²⁰⁰. Однако этот призыв не получил за границей

¹⁹⁹ Документы по истории Академии наук СССР: 1917—1925 / сост. В. А. Тряскина. Л., 1986. С. 328.

²⁰⁰ Символично, что нарком просвещения А. В. Луначарский на юбилейном заседании обратился к зарубежным ученым на их языках. По свидетельству современника, он «начал свою речь по-русски, продолжал по-немецки, по-французски, по-итальянски, по-шведски, по-норвежски, по-гречески и закончил великолепной кованой латынью Вергилия» (Литовский О. Так и было: Очерки. Воспоминания. Встречи. М., 1958. С. 47).

желаемого резонанса. Кроме Германии лишь семь стран заявили о готовности возобновить научные связи (Франция, Италия, Дания, США, Япония, Китай, Монголия), но предложения были по преимуществу скромными. Для закрепления контактов советских и зарубежных ученых в сентябре — октябре 1925 г. управляющий делами Совета народных комиссаров (СНК) СССР Н. П. Горбунов выезжал в Берлин и Париж, где встречался со многими учеными, чтобы «облечь в плоть и кровь то, что в общей форме явилось результатом юбилейного съезда ученых, и дать импульсы для начала организационной работы в отдельных странах»²⁰¹.

Если ожидания в отношении международного сотрудничества реализовались лишь частично, то в отношении самой Академии наук 1925 год стал знаковым. Опираясь на многолетнюю совместную работу ученых с государственными учреждениями и организациями, руководству Академии удалось «убедить представителей государственной власти в действительной важности такого учреждения, как Российская академия наук... и заставить... понять, что поддерживая Академию наук, они тем самым действительно помогают ее нарушенной экономической мощи, без которой существование никакого государства немислимо»²⁰². Летом 1925 г. был принят ряд постановлений, значительно изменивших положение Академии наук в системе учреждений страны. 8 июля 1925 г. последовало решение Политбюро ЦК ВКП(б):

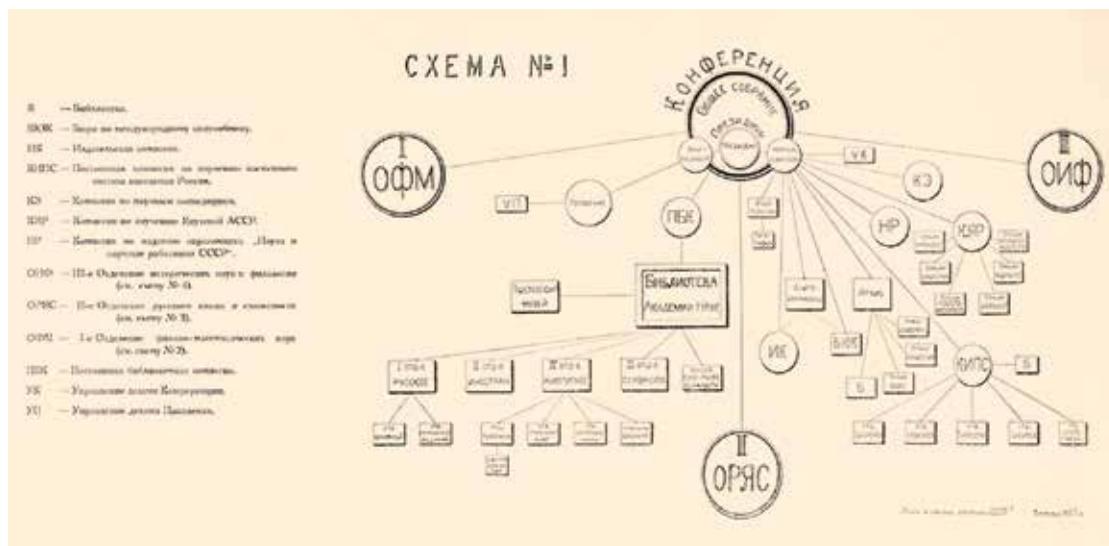
Приветственный адрес
Прусской академии наук в связи с 200-летием
Академии наук СССР. 1925 г.
СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 3. Д. 9. Л. 2

«Ввиду того, что Академия наук обслуживала до сего времени только Великобританию, и для того, чтобы сделать ее орудием поднятия науки и культуры всех, особенно отсталых наций, признать необходимым преобразование ее во Всесоюзную, обеспечив в ней сотрудничество всех национальных республик»²⁰³. Следующий шаг был за правительством. 27 июля 1925 г. СНК СССР и ЦИК СССР приняли совместное постановление «О признании Российской Академии наук высшим

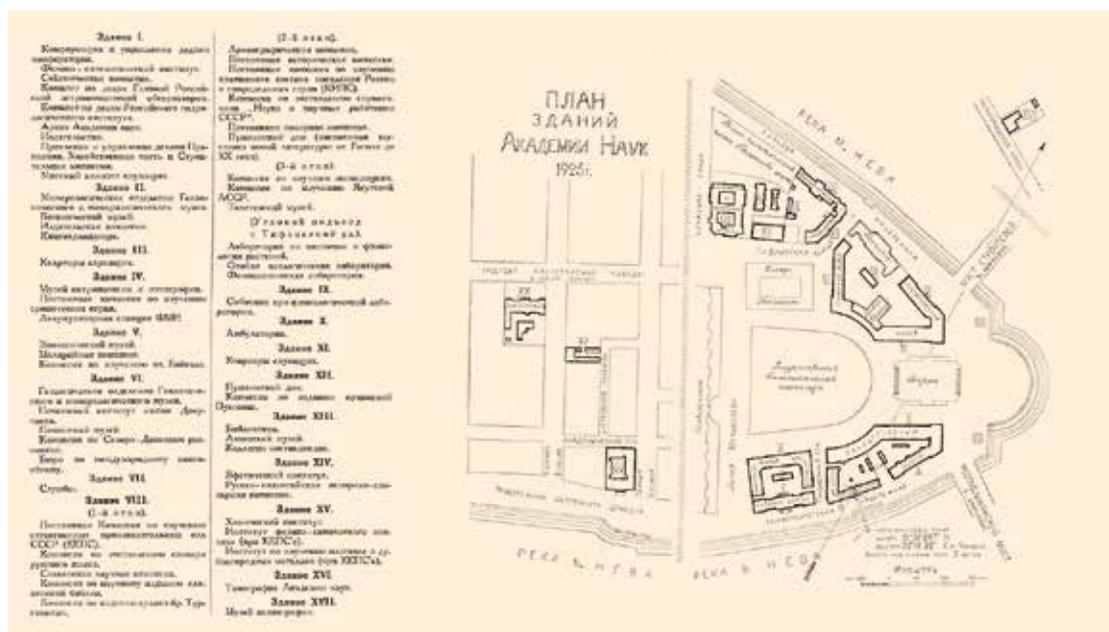
²⁰¹ Цит. по: Кольцов А. В. Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. 1926—1932. Л., 1982. С. 125.

²⁰² Стеклов В. А. Воспоминания. Л., 1991. С. 294. (Научное наследство. Т. XVII.)

²⁰³ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС 1922—1991. Т. 1. 1922—1952. М., 2000. С. 37.

Структура Академии наук в 1925 г.
СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 6. Д. 42. Л. 20

План зданий Академии наук. 1925 г.
СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 6. Д. 42. Л. 25

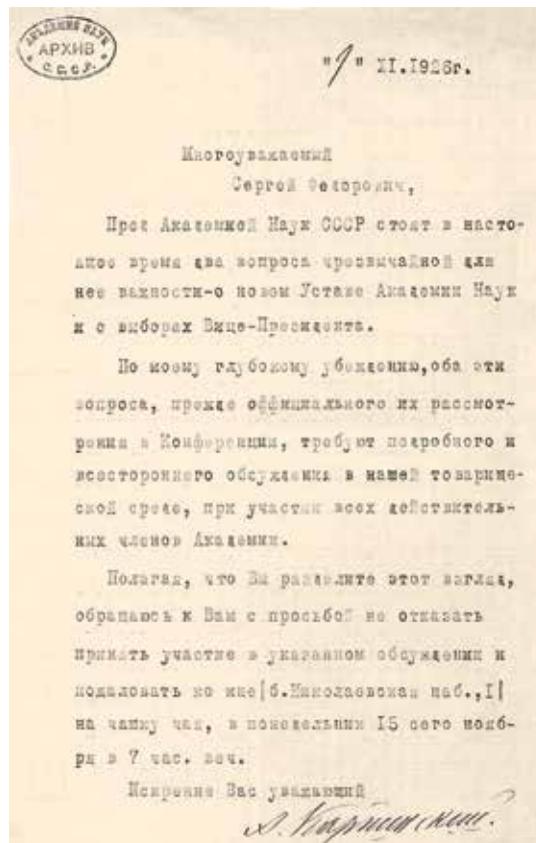
ученым учреждением Союза ССР». Изменен был не только статус, но и наименование, которое отныне звучало как «Академия наук СССР». Академия перешла из Наркомпроса РСФСР в непосредственное ведение СНК СССР и оказалась единственным ученым уч-

реждением, уравненным в бюджетных правах с Наркоматом, что резко увеличило ее ассигнования и штаты.

Изменение отношения власти к Академии и ее членам было логично: государство не могло обойтись без ученых. Правительство стреми-

лось использовать науку для создания мощного военно-промышленного потенциала, реорганизации сельского хозяйства, идеологического оправдания проводимой внутренней и внешней политики и повышения международного престижа советского государства. При этом для получения возможности влиять на науку и руководить ею власть сочла необходимым кардинально реформировать Академию наук, ее структуру и состав. 28 июля 1925 г. СНК СССР создал комиссию для разработки нового академического устава, проект которого планировалось подготовить к декабрю²⁰⁴.

Текст Устава подготовил В. А. Стеклов. Многие статьи встретили в Академии противодействие, на обсуждение проекта устава понадобилось полтора года. 31 мая 1927 г. Совнарком СССР утвердил устав, который в ряде пунктов не совпадал с мнением большинства академиков. Первейшей задачей Академии наук СССР значилось «развивать и усовершенствовать научные дисциплины, входящие в круг ее ведения», но определение границ «круга ведения» было исключено из ее компетенции. Академии вменялось в обязанность «изучать естественные производительные силы страны и содействовать их использованию». Предписание «приспособлять» научные результаты к практическому применению в промышленности и культурно-экономическом строительстве Союза ССР наметило поворот от фундаментальной науки к прикладному знанию. Центр тяжести в работе Академии смещался с гуманитарных наук (которые в ней доминировали с 1841 г.) в сторону точных наук и естество-

*Письмо президента А. П. Карпинского
непрерывному секретарю С. Ф. Ольденбургу
с приглашением обсудить проект первого
советского Устава и кандидатуры
на должность вице-президента. 9 ноября 1926 г.
Машинопись, подпись-автограф
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 256. Л. 26*

знания. Перемены нашли отражение в новой структуре Академии наук, где вместо трех прежних отделений создавалось два — Отделение физико-математических наук (ОФМ) и Отделение гуманитарных наук (ОГН). Отделение русского языка и словесности (ОРЯС) слилось с бывшим Историко-филологическим отделением (ИФО).

Устав вводил коллегиальное управление Академией, создав президиум в составе президента, двух вице-президентов, постоянного секретаря и ака-

²⁰⁴ Документы по истории Академии наук СССР: 1917–1925. С. 306.

С. А. Жебелёв. 1929 г.
СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1.
Д. 86. Л. 23

демиков-секретарей обоих отделений. За президиумом закреплялось право «в экстренных случаях, не терпящих отлагательств», решать и приводить в исполнение дела в обход Общего собрания и отделений²⁰⁵.

Устанавливался новый порядок выборов действительных членов (академиком). Если раньше Академия сама намечала кандидатов на вакантное место, то теперь целый ряд учреждений и организаций получал право предлагать кандидатов. Хотя окончательное решение принимала Академия, Политбюро ЦК ВКП(б) прежде утверждало наиболее приемлемые кандидатуры. Число академиков увеличивалось до 70 человек. Политбюро ЦК ВКП(б) внесло в Устав пункт об исключении из Академии наук СССР действительного члена, «если его деятельность направлена явным образом во вред Союзу ССР» (§ 22); оценивать «вред» должны были карательные органы. Руководителей Академии, выбранных Общим собранием, должны были утверждать в Совнаркоме СССР. Устав 1927 г. нужен был правительству

для предстоящей выборной кампании с целью избрания в Академию наук коммунистов и переформатирования основ ее деятельности и структуры для нужд социалистического строительства в целях решения задач первой пятилетки.

Накануне первых выборов по Уставу 1927 г., в ноябре 1928 г., была проведена «акция устрашения» и организовано «дело Жебелёва». Мишенью для идеологической атаки на Академию наук стал историк античности С. А. Жебелёв (1867—1941). Поводом послужило его участие в пражском сборнике «Seminarium Kondakovianum», вокруг которого объединились разбросанные по миру и оставшиеся в СССР российские ученые, а также дружеские отношения с академиком-эмигрантом М. И. Ростовцевым, который был объявлен злейшим врагом СССР. В газетах появились требования лишить С. А. Жебелёва звания академика. Ученый был сломлен, по настоянию С. Ф. Ольденбурга написал покаянное письмо в Президиум Академии наук СССР и публично отрекся от своего

²⁰⁵ Устав Академии наук Союза Советских Социалистических Республик. 1927 г. // Уставы Российской академии наук. 1724—2009. М., 2009. С. 148—149.

друга. С беспощадной честностью напишет он в «Автонекрологе» (1932): «...отрекся, конечно, вынужденно, в силу сложившихся, но несколько не оправдывающих меня обстоятельств и соображений, не делающих чести моему мужеству и являющихся в моих глазах одним из самых мрачных эпизодов моей жизни»²⁰⁶. В 1932–1934 гг., в эпоху перевода «советской» истории древности на марксистские рельсы, С. А. Жебелёв написал статью о рабочем восстании в Боспорском царстве, объявленную официальной историографией свидетельством «первого революционного восстания на территории СССР». Принятое в апреле 1928 г. решение об удвоении числа академиков (с 45 до 85) имело целью провести в Академию большую группу коммунистов и добиться ее советизации.

Под давлением властей Общее собрание Академии наук СССР 15 декабря 1928 г. исключило из Академии ученых-эмигрантов, «утративших связь с Академией наук ввиду выезда за границу». Справедливость была восстановлена Общим собранием Академии наук СССР 22 марта 1930 г. — в число членов Академии посмертно были возвращены М. И. Ростовцев, В. Н. Ипатьев, П. Б. Струве, М. Н. Сперанский, Я. В. Успенский, В. А. Францев, члены-корреспонденты А. А. Васильев, Н. Н. Глубоковский, А. А. Кизеветтер, С. М. Кульбакин, Е. Ф. Шмурло, почетные члены И. А. Бунин, П. Н. Игнатьев и многие другие.

12 января 1929 г. состоялись выборы академиков по новым правилам. Из более чем 200 кандидатов предстояло выбрать 42 человека, проведя двухмесячное широкое гласное обсуждение

Вырезки из газет с требованием исключить С. А. Жебелёва из состава Академии наук. 23 ноября 1928 г. СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 201. Л. 136–138

²⁰⁶ Жебелёв С. А. Автонекролог (1932) // Вестник древней истории. 1993. № 2. С. 172–201.

*А. А. Борисьяк, Д. С. Рождественский, В. Л. Комаров, А. П. Карпинский, А. В. Луначарский
в главном здании Академии наук. На стене — силуэты академиков работы
Ф. Антинга (1784 г.). 1930 г.*

СПбФ АРАН. Ф. 18. Оп. 3. Д. 3593. Л. 31

выдвинутых кандидатур. В числе избранных было много крупных ученых: математики Н. Н. Лузин, И. М. Виноградов, С. Н. Бернштейн, химики Н. Д. Зелинский, А. Е. Фаворский, А. Е. Чичибабин, физики Л. И. Мандельштам и Д. С. Рождественский, геологи И. М. Губкин и В. А. Обручев, палеонтолог А. А. Борисьяк, востоковеды В. М. Алексеев, Б. Я. Владимирцов, А. Н. Самойлович, историк Д. М. Петрушевский, филолог-классик М. М. Покровский, филолог П. Н. Сакулин и др. Результаты выборов ученых были впечатляющими. По словам В. И. Вернадского, «признанный

принцип: научное значение кандидатов на первом и исключительном месте, в общем, победил. Включив в себя огромную часть выдающихся людей страны, связанных фактически со всей государственной машиной, Академия приобрела такой реальный вес, какого никто не ожидал и которого она сама еще не учитывает»²⁰⁷.

Но выборы 1929 г. преподнесли и другой, куда менее приятный сюрприз: полной неожиданностью для власти и руководства Академии стал провал трех кандидатов-коммунистов (из баллотировавших 16). Вопреки уставу, по согласованию с Политбюро

²⁰⁷ Янишина Ф. Т. Неизвестный Вернадский // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 9. С. 825.

ЦК ВКП(б) «неувязка» была устранена путем довыборов.

Идеологическое давление на науку началось с апреля 1929 г., когда в печати М. Н. Покровский заявил, что период «мирного сожительства с буржуазией» завершен и необходимо переходить в наступление на всех научных фронтах. В Москве на XVI партийной конференции Е. М. Ярославским была представлена программа «чистки» советских учреждений. Целью «чистки» было, прежде всего, избавиться от специалистов старой школы и заменить их новым поколением исследователей — идеологически выдержанной «марксистской молодежью». М. Н. Покровский утверждал, что за 12 лет советской власти в Комкадемии, Институте красной профессуры и подобных заведениях, уже

выращены новые кадры, способные заменить старых, «нанятых» советской властью лишь на время. Встал вопрос об организации аспирантуры при Академии наук СССР. На заседании Президиума Академии наук было определено общее количество аспирантов — 100 человек, которых предполагалось разделить между отделениями физико-математических и гуманитарных наук в соотношении 3 : 1, особо отмечалось, что в такой же пропорции между отделениями должны были быть распределены и 40 аспирантов — членов ВКП(б).

Власть диктовала науке новые правила «сотрудничества». Комиссия по проверке аппарата Академии наук СССР выясняла лояльность академических служащих. В 1929 г. в академических и государственных научных уч-

«Советские ученые за работой». [1925 г.] Газетная вырезка
СПбФ АРАН. Ф. 265. Оп. 1. Д. 203. Л. 1 об. — 2

реждениях были проведены «чистки», повлекшие увольнения «идеологического балласта». «Чистка» затронула всех сотрудников академических учреждений, кроме академиков. К началу декабря 1929 г. из 960 штатных сотрудников были уволены 128 человек, из 836 внештатных — 520 человек.

Вскоре последовали аресты. Формальным поводом к началу политического процесса над учеными стало «обнаружение» в Пушкинском Доме и Библиотеке Академии наук СССР якобы неучтенных архивных материалов, среди которых были подлинники отречения Николая II и его брата Михаила, документы партии кадетов и эсеров. О том, что они хранятся в Академии, было известно и раньше, но это не помешало возбудить дело об укрывательстве документов, имевших важное историко-политическое значение. Было сфабриковано «академическое дело», к которому оказалось привлечено более 150 человек. В тюрьме Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) оказались четыре академика (С. Ф. Платонов как директор библиотеки и Пушкинского Дома, Е. Н. Тарле, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский) и девять членов-корреспондентов Академии наук СССР. Напрасно А. П. Карпинский заверял И. В. Сталина, что вина Платонова — «служебный промах, а не злой умысел»; никакого результата его обращение не имело²⁰⁸.

Согласно обвинению, эти лица создали организацию «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», в которой вели контрреволюционную деятельность с целью свержения советской власти и восстановления монархии²⁰⁹.

Громкие политические дела, такие как «академическое дело» (1929—1930), «дело Промпартии» (1930-е гг.), «дело Российской национальной партии» (1933—1934), привели к отстранению от науки, а в ряде случаев и к физическому уничтожению большого количества видных отечественных ученых — историков, филологов-славистов, этнографов, археологов, востоковедов; обвинению во «вредительстве» и устранению от руководящих должностей представителей научно-технической интеллигенции. Был отстранен от должности неприменный секретарь с 1904 г. С. Ф. Ольденбург. Под прикрытием «скандальных» разоблачений партийные власти переформировали руководство Президиума Академии наук СССР, впервые в истории Академии директивно назначив ей руководящих лидеров с численным перевесом членов ВКП(б). Президентом был оставлен А. П. Карпинский, вице-президентами утверждены академики В. Л. Комаров и Г. М. Кржижановский, неприменным секретарем стал В. П. Волгин.

В мае 1930 г. на Общем собрании Академии наук был принят и утвержден Президиумом ЦИК СССР новый,

---

²⁰⁸ «Его вина — служебный промах, а не злой умысел» // Источник. 1997. № 2. С. 125.

²⁰⁹ Осужденные по «Академическому делу» после процесса заявляли, что под давлением следствия давали ложные показания. Несмотря на это, пересмотр материалов дела начался лишь в 1950-е гг., а полная реабилитация прошла только в 1966—1967 гг. Подробнее см.: Ашнин Ф. Д., Аллатов В. М. Дело славистов: 30-е годы. М., 1994; Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1—2, 9. СПб., 1993—1998, 2015. Биографии репрессированных востоковедов см.: Васильков Я. В., Сорокина М. Ю. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917—1991). СПб., 2003.

переработанный устав, а через полгода, 2 февраля 1931 г., состоялось закрытое чрезвычайное Общее собрание Академии наук СССР. На нем был поставлен вопрос об исключении из состава Академии четырех арестованных академиков. Один А. П. Карпинский поднял голос в их защиту и при общем молчании имел мужество возразить: «Понятно, если кто-нибудь участвует в каком-нибудь заговоре, то он не может оставаться в Академии, но я ничего о заговоре не знаю». Единогласно исключив из состава Академии наук С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачева и М. К. Любавского, академики до суда признали их вину как заговорщиков и своим решением санкционировали будущий приговор над ними органов ОГПУ.

Выступление А. П. Карпинского было объявлено в печати «контрреволюционной вылазкой», но после его протеста, адресованного И. В. Сталину, газетные обвинения против него признали ошибкой. Исключением четырех академиков было положено начало череде исключений действительных членов, почетных членов и членов-корреспондентов.

Устав 1930 г. ликвидировал остатки академической автономии. В связи с внедрением в исследовательскую работу плановых начал, при Президиуме Академии наук СССР была образована Планово-организационная комиссия, в которую вошли представители Госплана СССР и ВСНХ. Комиссия составила первый план научной работы на 1931 г., а также перспективный план на вторую пятилетку, связанный с экономическим освоением произво-

дительных сил и природных ресурсов страны. Одновременно Академии был обозначен курс на перестройку научных исследований на основе марксистско-ленинской методологии.

В Уставе Академии наук СССР 1930 г. была новая статья о создании института аспирантуры. Руководство аспирантурой было поручено Комиссии по аспирантам, реорганизованной в 1930 г. в Комитет по подготовке кадров. Фактически в академическую аспирантуру в 1929 г. поступили 69 человек, в 1930 г. — 97, в 1931 г. — 207 человек. В 1931 г. состоялся первый выпуск 13 аспирантов. Таким образом, смена кадрового состава учреждений науки проходила не только путем чисток, но и с помощью постепенного растворения дореволюционных научных сил в массе новых сотрудников, как правило, коммунистов, комсомольцев и лиц, лояльных советской власти.

Произошли существенные изменения и в системе подведомственности Академии наук — Постановлением ЦИК СССР от 14 декабря 1933 г. Академия была передана в ведение СНК СССР. Таким образом Академия наук была инкорпорирована в государственную систему и, хотя считалась научным сообществом, имеющим свой устав, членство и формальное самоуправление, фактически стала учреждением, полностью подконтрольным СНК СССР. «Осоветизировавшись», она получила государственную поддержку, результатом которой было создание широкой сети академических институтов, региональных филиалов и баз²¹⁰, увеличение штатного состава и бюд-

²¹⁰ Общее количество академических институтов и их филиалов к тому времени увеличилось до 28, а всех научных учреждений в целом — до 89.

жета, улучшение материального положения и повышение престижа профессии ученого.

25 апреля 1934 г. Совнарком СССР принял постановление о переводе Академии наук СССР из Ленинграда в Москву, с целью «дальнейшего приближения всей работы Академии наук к научному обслуживанию социалистического строительства». На тот момент в Ленинграде работали 84 академика; научный персонал состоял из 1380 человек. Многие академики очень неохотно соглашались на переезд. Когда А. П. Карпинского спросили, где бы он хотел жить в Москве, он ответил, что ему все равно, лишь бы из окон открывался вид на Неву.

26 июня 1934 г. в Доме ученых под председательством президента акаде-

мика А. П. Карпинского состоялось первое заседание Президиума Академии наук СССР в Москве. В столицу были переведены преимущественно физико-математические и естественнонаучные институты, а гуманитарные учреждения, «отягощенные» музеями, архивами и библиотеками, в большинстве своем остались в Ленинграде. Вместе с научными учреждениями в столицу переехали около 300 высококвалифицированных специалистов, в том числе такие крупные ученые, как А. А. Борисяк, С. И. Вавилов, В. И. Вернадский, И. М. Виноградов, В. А. Кистяковский, Н. С. Курнаков, Г. А. Надсон, В. А. Обручев, А. А. Рихтер, А. Е. Ферман и др.²¹¹.

Академия наук вступала в новый период своей истории.

---

²¹¹ Есаков В. Д. Переезд Академии наук в Москву // Москва научная. М., 1997. С. 452—467.

РОЖДЕНИЕ ИНСТИТУТОВ И КРУПНЫХ НАУЧНЫХ ПРОЕКТОВ

В годы революционного кризиса Академия наук всеми силами старалась сохранить традиции и достижения дореволюционной культуры. В 1918 — начале 1920-х гг. учеными были спасены многие памятники историко-культурного наследия Петрограда. Так, был вынесен из горящего здания Департамента полиции бесценный для истории архив III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Тогда же были спасены от разграбления и фактической ликвидации Пушкинский музей при Александровском лицее и Лермонтовский музей при Николаевском кавалерийском училище, коллекции которых практически в полном объеме были приняты в академические учреждения. 20 апреля 1918 г. на Общем собрании решался вопрос о включении Пушкинского Дома и его коллекции в состав Академии наряду с Азиатским, Ботаническим и Геологическим музеями. 8 марта 1919 г. было принято Положение о Пушкинском Доме: учреждение объявлялось официальной частью Академии наук по Отделению русского языка и словесности. В 1922 г. литературоведы приняли под свое научное руководство Пушкинский заповедник в Псковской губернии, учрежденный декретом Совнаркома, и старались способствовать возрождению мемориальных усадеб в Михайловском и Тригорском (в 1934 г. заповедник был присоединен к Пушкинскому Дому).

Когда в Ботанический сад Петра Великого, где находилась одна из крупнейших в мире гербарных коллекций, пришла делегация расположенного

вблизи пулеметного полка с намерением занять здание, навстречу вышли научные сотрудники. После их объяснений, для чего нужен гербарий, солдаты вынесли резолюцию: «Это учреждение представляет собой сокровищницу, которую нужно хранить и беречь, как достояние народа». В 1918 г. сад стал именоваться Главным ботаническим садом РСФСР, в 1930 г. перешел в ведение Академии наук СССР.

В столь многонациональной стране как Россия невозможно было не учитывать «национальный вопрос». **Музею антропологии и этнографии** удалось сохранить свои богатейшие коллекции, расширить штат сотрудников, заинтересованных в экспедиционной работе во всех уголках страны. Старшим этнографом музея был крупный ученый Л. Я. Штернберг, на должность заведующего отделом Средней и Южной Америки в 1918 г. был приглашен В. Г. Богораз-Тан. Они и их коллеги старались расширять тематику экспозиций музея и одновременно готовили профессиональные кадры этнографов — в университете и в Географическом институте, где открылся первый в истории этнографический факультет.

Внешняя политика России и деятельность Коминтерна в 1920-е гг. подтолкнули к установлению контактов со странами Востока, что предполагало изучение истории, традиций и языков народов Востока для понимания специфики их развития. Это способствовало становлению ряда направлений советского востоковедения. В **Азиатском музее** под руководством выдающихся

*Литературный музей Академии наук.
Зал «А. С. Пушкин и его современники». Ленинград. 1925 г.
СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 4. Д. 9. Л. 35*

*Библиотека и архив Азиатского музея. Ленинград. 1925 г.
СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 4. Д. 9. Л. 29*

арабистов В. В. Бартольда и И. Ю. Крачковского, индологов Ф. И. Щербатского и С. Ф. Ольденбурга была начата работа по составлению словарей восточных языков, объединившая петроградских востоковедов. Рукописные и книжные фонды музея в 1920-е гг. продолжали пополняться, он превращался в востоковедный центр широкого профиля, работой которого руководила Коллегия востоковедов.

Значительные изменения произошли в деятельности Геологического музея Академии наук. Он получил дополнительные площади под экспозиции: в 1921 г. в обширное здание бывшего Таможенного ведомства были перевезены геологические и палеонтологические коллекции. Оставшаяся в музейном флигеле минералогическая экспозиция тоже расширилась, заняв освободившиеся помещения. Наличие двух музейных площадок предопределило то, что в 1925 г. музей разделился на два самостоятельных учреждения — **Геологический и Минералогический музеи Академии наук СССР**.

Создание сети учреждений и их разнообразие были обусловлены запросами естественнонаучного знания и гуманитарной науки. Научные учреждения возникали (или переживали новый расцвет) часто благодаря инициативе крупных ученых, имевших научный авторитет и административные способности. Так, под руководством Н. С. Курнакова в Химической лаборатории Академии еще с 1914 г. начали разворачиваться новые исследования в области прикладной и аналитической химии, В. Н. Ипатьев в 1920-е гг. организовал **Лабораторию высоких давлений**, которая стала школой новых химиков. Осенью 1918 г. профессор А. Ф. Иоффе и М. И. Неменов создали при Наркомате просвещения

РСФСР Государственный рентгенологический и радиологический институт. А. Ф. Иоффе возглавил один из его ведущих отделов — физико-технический, который через три года выделился в самостоятельный Физико-технический институт. В том же 1918 г. был создан **Государственный оптический институт**, который возглавил его идеолог профессор Д. С. Рождественский. К 1923 г. институт стал одним из передовых по оснащению в мире и быстро наращивал международные научные контакты.

В 1919 г. было организовано крупное научное учреждение, ставшее правопреемником ликвидированной Российской государственной археологической комиссии (бывшей Императорской археологической комиссии), — Российская (с 1926 г. — Государственная) академия истории материальной культуры, призванная заниматься изучением конкретных исторических вопросов на основе данных археологии, этнографии, фольклора и лингвистики. По организационной форме учреждение представляло собой крупный научно-исследовательский институт в системе Наркомпроса, первым его председателем стал академик Н. Я. Марр. В 1937 г. академия была преобразована в **Институт истории материальной культуры**, включенный в состав Академии наук СССР.

По инициативе Н. Я. Марра в структуре Академии наук в 1921 г. был создан лингвистический институт для изучения языков первоначального населения Европы — **Институт яфетидологических исследований** (с 1931 г. — Институт языка и мышления). Рассматривая все языки мира как результат человеческого творчества, результат скрещения множества слоев, ученый считал, что

*Н. Я. Марр в рабочем кабинете. Ленинград. 1925 г.
СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 8. Д. 12. Л. 14. Фото 43*

*Н. Я. Марр на занятиях с аспирантами Института языка
и мышления Академии наук СССР. На стене карта с указанием языков,
вовлеченных в сферу научных исследований. Ленинград. 1931 г.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 26. Л. 14. Фото 113*

*Рукописи и книги средневековой Европы. Экспонаты из коллекции Н. П. Лихачева
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 26. Л. 23об. Фото 192*

нахождение места каждого из этих слов (а не языков) по силам не одиночке, а только большому организованному коллективу. Институт быстро разрастался за счет отделов, изучавших как живые языки (кавказские, европейские, азиатские и пр.), так и мертвые (идеографические, клинописные и др.)²¹².

Нельзя не упомянуть о необычном учреждении, возникшем на основе коллекций Палеографического кабинета, созданного для разработки вспомогательных исторических дисциплин. В 1925 г. собиратель и владелец уникальной коллекции, академик Н. П. Лихачев передал ее Академии наук, где она получила статус музея. В экспозиции была представлена письменная культура многих народов и времен: от клинописных глиняных табли-

чек и текстов на папирусе до листовок Великой Французской революции. **Палеографический музей** быстро стал одной из достопримечательностей города, популярной у публики.

Среди вновь создаваемых академических учреждений преобладали комиссии, благо эта форма организации науки хорошо себя зарекомендовала в прежние годы, позволяя соединять задачи исследовательской и организационной работы. Вокруг академика-руководителя объединялись специалисты из разных ведомств и сообща выполняли крупные научные проекты. В ходе их реализации стали формироваться и оформляться новые институты — научно-исследовательские, идея которых была разработана еще в годы Первой мировой войны.

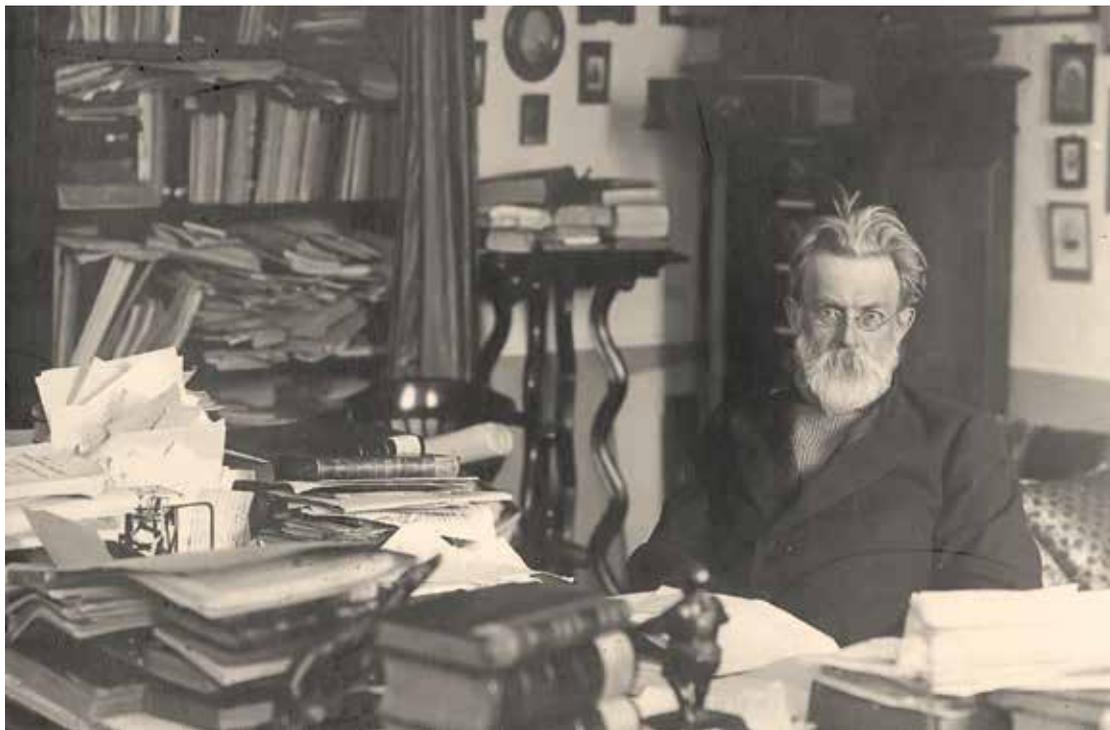
²¹² См.: Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921—1937 и 1941—1945 гг.). СПб., 2021. С. 12—15.

КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

Крупнейшим научно-исследовательским проектом середины 1910-х — начала 1930-х гг. стало изучение производительных сил России, которое возглавляла академическая Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС). Она была создана вскоре после начала Первой мировой войны, когда страна ощутила жесткий товарный и сырьевой кризис, после чего был взят курс на изучение и освоение внутренних ресурсов. Комиссия стала ярким примером одной из форм организации коллективной научной работы. Над решением общей задачи трудились как научные организации, так и частные исследователи, ученые-теоретики и техники-практики, естествоиспытатели и производственные

предприятия. Главным инициатором организации КЕПС и ее председателем стал В. И. Вернадский, научным секретарем был избран А. Е. Ферсман. Финансовую поддержку КЕПС оказывали правительственные учреждения, заинтересованные в результатах исследований. Деятельности Комиссии помогали различные краеведческие общества и организации на местах, а Академия со своей стороны поддерживала их научные работы; в 1921 г. при Российской академии наук было образовано **Центральное бюро краеведения**.

Продолжая начатую еще в 1915—1917 гг. работу по сбору информации о природных богатствах страны, КЕПС восстанавливала разрушенные революцией и войной научные связи, организовывала экспедиции в отдаленные районы. В условиях Гражданской войны удалось создать первые крупные

*В. И. Вернадский. 1921 г.
РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 116. Л. 1*

отделения Комиссии: в 1918 г. — Московское, а в 1920 г. — Крымское. Оценивая скудость сведений о производительных силах одной из крупнейших стран мира, В. И. Вернадский отмечал: «Мы живем в нищете среди сказочных возможностей, голодаем и нищенствуем среди величайших богатств. Мы этих богатств в доброй мере и не знаем и не можем быстро и точно узнать благодаря той же обстановке бедности. Средств и условий, необходимых для этой работы, в достаточной мере никогда не было: их нет и в настоящее время»²¹³. Однако организованная кампания по научно-практическому освоению России год от года набирала силы, вовлекая в работу все большее число сотрудников. К началу 1920-х гг. КЕПС уже имела разветвленную структуру и превращалась в координирующий центр исследований по изучению и освоению страны. Правительство обращалось за консультативно-экспертной помощью и оказывало содействие ее работам.

Масштабная деятельность Академии требовала и соответствующей научно-организационной сети. Проект новых исследовательских учреждений начал вызревать в академической среде еще в годы Первой мировой войны. Оптимальной формой были признаны научно-исследовательские институты с лабораториями и испытательными станциями, которые были ориентированы на решение не только научных вопросов, но и на широкий спектр народно-хозяйственных задач, совмещали

в одном коллективе фундаментальные исследования и прикладные разработки. В декабре 1916 г. В. И. Вернадский на заседании КЕПС подчеркивал, что должна быть создана целая сеть научно-исследовательских институтов²¹⁴. По мнению Академии, такие институты, работая на интересы государства, должны были получать от него материальное обеспечение, но во всех вопросах, кроме бюджета, сохранять автономию.

В 1918 г. начали работу первые академические научно-исследовательские институты, созданные на базе двух отделов КЕПС — Институт физико-химического анализа под руководством Н. С. Курнакова и Институт по изучению платины и других благородных металлов (Платиновый) под руководством Л. А. Чугаева. Оба института в первые годы не имели собственных помещений, их сотрудники использовали лаборатории Академии наук и петроградских вузов.

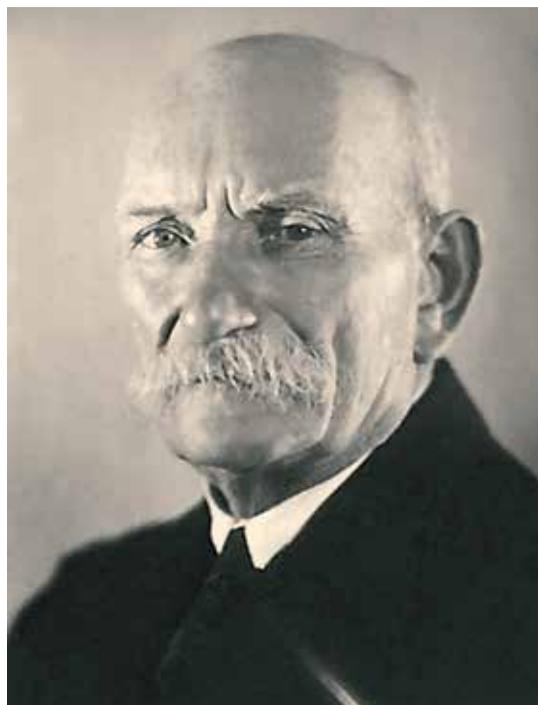
Деятельность **Института физико-химического анализа** предполагала два основных направления: изучение соляных и органических систем и изучение сплавов. Потребность страны в отыскании новых источников сырья и переработке ископаемых материалов привлекла внимание химиков к исследованию соляных озер, заливов и лиманов как природных химических лабораторий. В них были обнаружены соли магния, калия, глауберова соль, йод. Анализ бокситовых пород и их практической пригодности стал пер-

²¹³ Вернадский В. И. Очередная задача в изучении естественных производительных сил // Научный работник. 1926. № 7–8. С. 4.

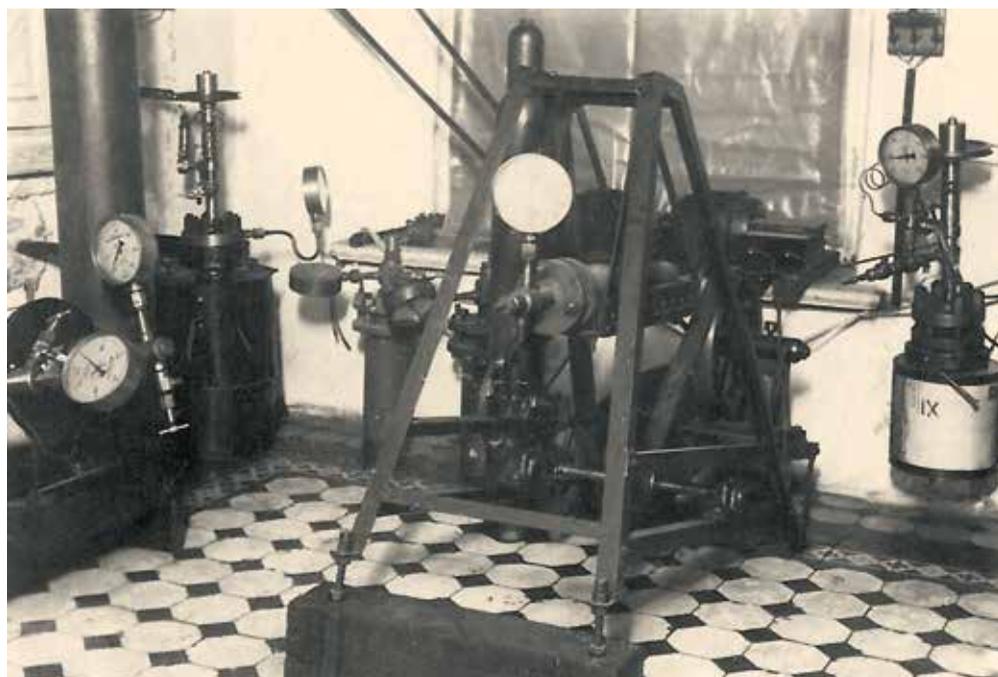
²¹⁴ Отчет о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России. Пг., 1917. № 8. С. 156–161. (Речь В. И. Вернадского «О государственной сети исследовательских институтов».)

Первый сборник «Известий Института физико-химического анализа». 1921 г.
Титульный лист

Н. С. Курнаков. Начало 1930-х гг.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 26. Л. 6. Фото 51

Аппаратура высоких давлений для изучения вопросов ожигения угля,
синтеза качественного моторного топлива из газов коксовых печей.
Институт физико-химического анализа Академии наук СССР. Начало 1930-х гг.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 26. Л. 7. Фото 59

вым шагом по пути создания российской алюминиевой промышленности. Актуальным становилось изучение свойств новых металлов и сплавов, которые все шире применялись в технике, медицине, военном деле. В основу работ по изучению соотношения между составом и свойством равновесных химических систем был положен метод, разработанный академиком Н. С. Курнаковым. Полученные результаты исследований широко использовались в минералогии, геологии, металлургии, прикладной и строительной механике, в добывающей и перерабатывающей отраслях.

Основной задачей **Платинового института** было освоение промышленного аффинажа (очистки) платины и ее спутников — редких металлов (иридия, родия, осмия, палладия). Уникальные химико-физические свой-

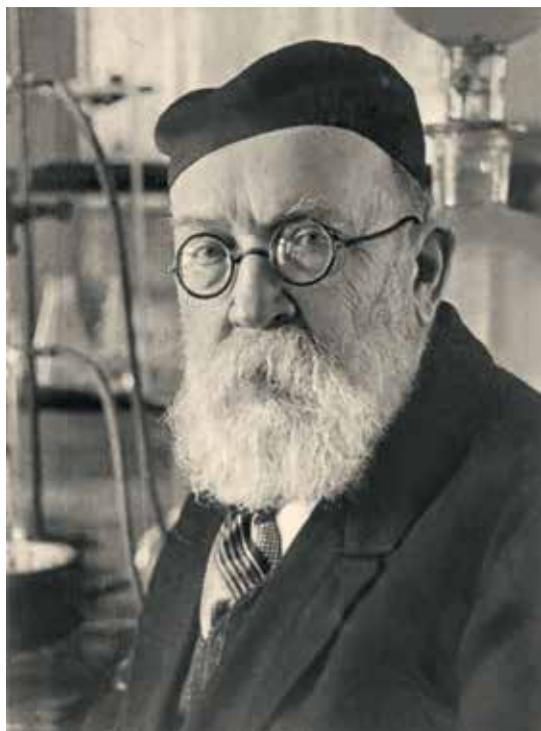

Первый сборник «Известий Института по изучению платины». 1921 г.
Титульный лист

Высококачественная печь с установкой для плавки платиновых металлов.
Платиновый институт Академии наук СССР. Начало 1930-х гг.

СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 26. Л. 7об. Фото 65

*А. Е. Фаворский. Начало 1930-х гг.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ф. Д. 82. Л. 1*

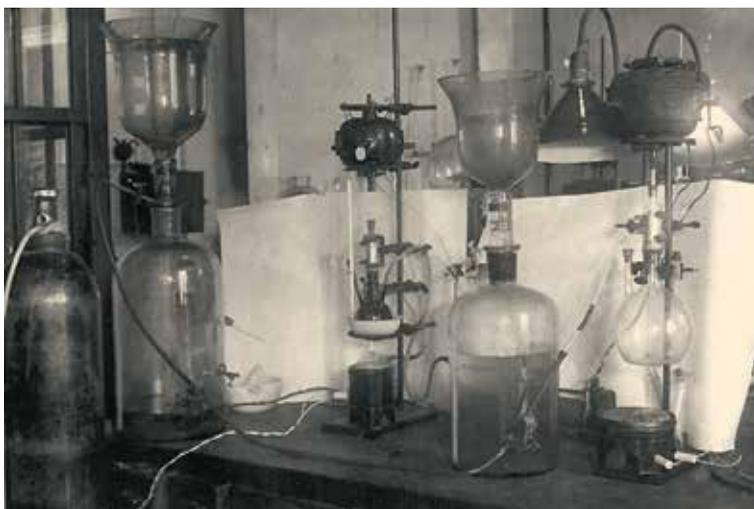
ства платины делали ее широко используемой в химии, медицине и технике как в чистом виде, так и в составе различных сплавов. Метод получения чистой платины был разработан Платиновым институтом и успешно прошел проверку в заводском масштабе.

Одновременно ученые решали задачу, можно ли получить платину из тех месторождений и пород, из которых она до сих пор не получалась. Другим направлением работ института было изучение комплексных соединений платины, металлов ее группы, а также таких ценных металлов, как золото и серебро.

Упомянутые два института были пионерами, но уже в 1918–1919 гг. — за очень короткий промежуток времени — было создано 33 подобных учреждения, к 1923 г. их число достигло 56, а к 1929 г. — 406. Научно-исследовательские институты находились в ведении Наркомпроса, но в научном отношении подчинялись Академии наук. Так в 1918 г. был образован Оптический институт, в 1919 г. — Гидрологический и Керамический институты, в 1922 г. — Радиевый институт, в 1924 г. — Химический, в 1925 г. — Почвенный, Физиологический и др.

В **Оптическом институте** велись научные работы в области теоретической и экспериментальной оптики в целях развития российской оптической промышленности. В годы послевоенной разрухи ученым и инженерам удалось получить независимость

*Установка для получения
синтетического каучука,
прибор для конденсации
ацетона с ацетиленом
и прибор для гидрирования.
Лаборатория
органического синтеза
Академии наук СССР.
Начало 1930-х гг.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5.
Д. 26. Л. 8. Фото 67*

от иностранных производителей в области оптического стекловарения. В лабораториях института рассчитывались все более сложные системы по заданиям оптико-механической промышленности и военного ведомства: бинокли, телескопы, перископы, прожекторная и маячная оптика, фотообъективы. Исследования оптиков в области анализа атомных спектров стали важной частью изучения строения атома.

В задачи **Керамического института** входило всестороннее исследование глин как керамического, стекольного и цементного сырья, оценка глиняных месторождений, изучение заводских процессов и усовершенствование методов керамического производства. Институт разрабатывал технологию изготовления российского кварцевого стекла и изделий из него, участвовал в создании изоляторов для токов высокого напряжения.

Усилия **Гидрологического института** были направлены на систематизацию имеющихся данных по изучению вод и водных ресурсов страны и продолжение дальнейшего комплексного изучения так называемого «белого угля». Институтом были составлены полные гидрографические описания и карты России, осуществлялось руководство систематическими водными исследованиями на всей территории страны, разрабатывались практические инструкции по водопользованию, организована служба предсказаний (например, наводнений, вскрытия рек), обслуживающая нужды транспорта, земледелия.

В **Радиовом институте** под руководством В. И. Вернадского и В. Г. Хло-

пина велось изучение недавно открытого и очень перспективного вида энергии — атомной. Еще в 1910 г., выступая перед Академией наук, В. И. Вернадский говорил: перед наукой «открылись источники энергии, перед которыми по силе и значению бледнеют сила пара, сила электричества, сила взрывчатых химических про-

В. Г. Хлопин. 1930-е гг.

Из книги: *Письма В. Г. Хлопина к В. И. Вернадскому (1916–1934) / отв. ред. Г. А. Князев. М.; Л., 1961*

цессов <...> теперь перед нами открываются в явлениях радиоактивности источники энергии, в миллионы раз превышающие все те источники сил, какие рисовались человеческому воображению»²¹⁵. Поиски месторождений

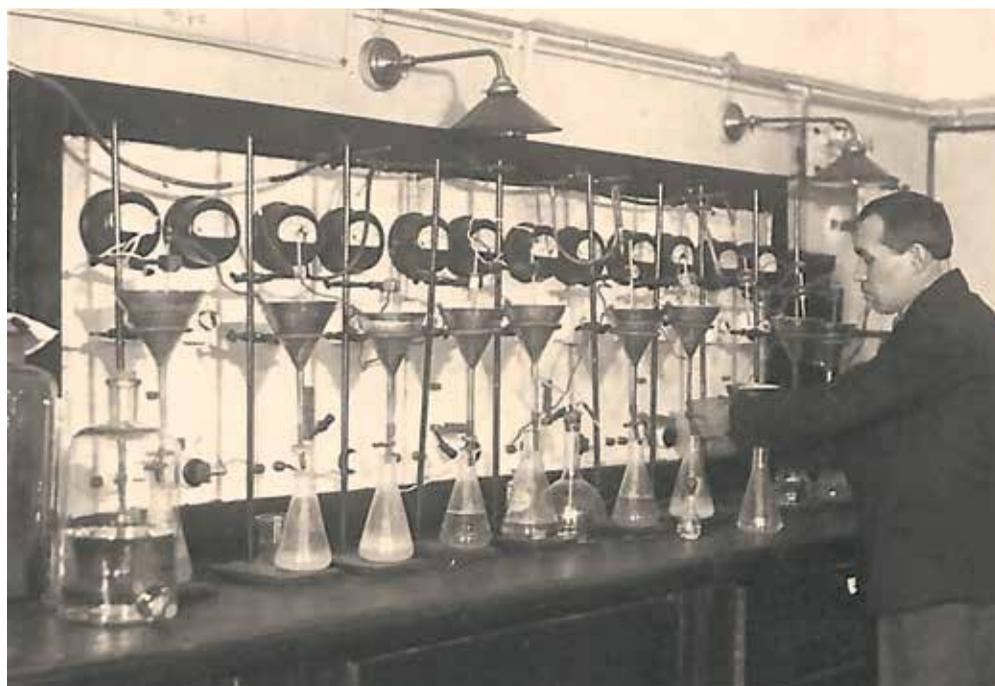
²¹⁵ *Вернадский В. И.* Задача дня в области радия // *Известия Имп. Академии наук.* VI серия. 1911. Т. 5. Вып. 1. С. 66.

Ф. Ю. Левинсон-Лессинг. Начало 1930-х гг.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 26. Л. 9об. Фото 78

урановых руд в России активизировались в 1920-е гг., ученые начали изучать свойства лучистой энергии, возможности ее применения в энергетике, технике и медицине. Уже первые исследователи указывали на необходимость взвешенно подходить к покорению атомной энергии, дабы не потерять над ней контроль и не обратить против человека.

Почвенный отдел КЕПС стал продолжателем исследований почв, проводившихся русскими учеными с конца XIX в. На основе накопленных данных была подготовлена общая сводка материалов по анализу почв, разработана их единая классификация, составлены почвенные карты европейской и азиатской территорий России. В отделе проводились лабораторные исследования, выполнявшиеся также и по заказам других учреждений — сельскохозяй-

Почвенный институт Академии наук СССР. Отдел химии почв.
Установка для электролиза почв. Начало 1930-х гг.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 26. Л. 10об. Фото 88

*Первое Всесоюзное минералогическое совещание в Академии наук СССР. Ленинград. Январь 1927 г.
Сидят за столом: 2-й справа — А. П. Карпинский, 4-й — А. Е. Ферсман,
в торце стола — Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, В. И. Вернадский
АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 133. Л. 3*

ственных, инженерно-строительных, добывающих. Велись крупные экспедиционные работы, обследования почв в связи с организацией колхозов и совхозов, разрабатывались проекты ирригации, мелиорации, хлопководства. Масштаб деятельности почвоведов под руководством К. Д. Глинки и Ф. Ю. Левинсона-Лессинга обусловили преобразование отдела в научно-исследовательский институт при КЕПС, а в 1927 г. и в самостоятельный академический **Почвенный институт** имени В. В. Докучаева.

Из всего богатства полезных ископаемых внимание КЕПС привлекали прежде всего такие, которые были связаны с той или иной важной отраслью промышленности, имелись в России в надежных количествах, но по раз-

ным причинам были еще не изучены и не использовались. Именно в отделах КЕПС впервые развернулись работы по исследованию залегающих асбеста, талька, графита, кварцевого песка и т. д. К освоению природных ископаемых следует отнести и изучение Курской магнитной аномалии под руководством академика П. П. Лазарева и И. М. Губкина. Тщательная съемка и пробное бурение скважин, проведенные в начале 1920-х гг., привели к открытию богатых залежей железной руды.

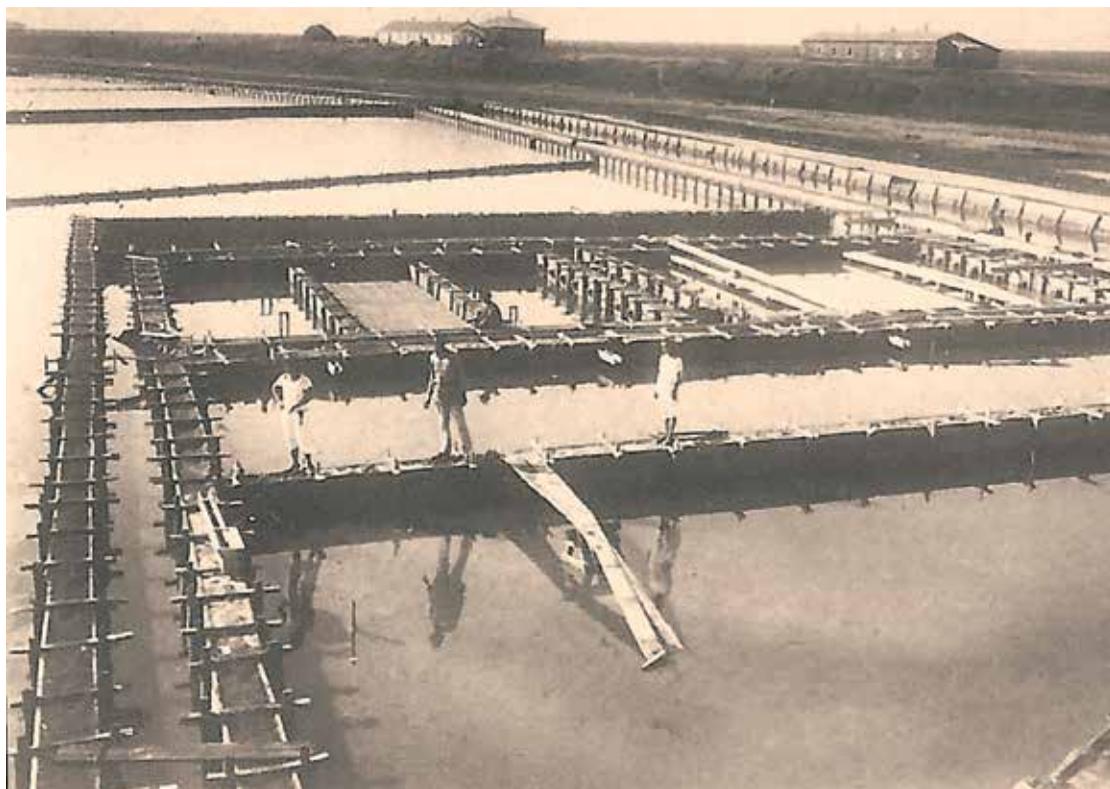
Одним из важнейших направлений работ КЕПС было энергетическое. К началу Первой мировой войны Россия значительно уступала европейским странам в производстве электроэнергии. За последующие годы

это отставание усугубилось. Но без электрификации страны невозможно было преодолеть разруху, восстановить народное хозяйство и обеспечить дальнейшее экономическое развитие. В начале 1920-х гг. был принят знаменитый план ГОЭЛРО — Государственный план электрификации России. В реализации этого важнейшего государственного проекта немалая роль принадлежала КЕПС. На результаты исследований Комиссии опирались при определении направлений работ, при организации экспедиций. Специально по заказу ГОЭЛРО учеными-гидроэнергетиками был составлен обзор «Водные силы России», посвященный оценке изученности гидроресурсов. Этот кадастр позволял определять наиболее выгодные участки для строительства гидроэлектростанций. Не меньшее значение имели систематизированные энергетическим отделом КЕПС сведения по учету других источников энергии: классических — угля, торфа, сланца — и новых, ранее неизвестных. К числу последних, например, относились сапропели — многослойные отложения, скапливающиеся на дне пресных водоемов, включающие остатки живых организмов, почвы, отмерших водных растений. Физико-химические свойства сапропелей начали изучать лишь в начале XX в. Прежде всего их оценили как природное органическое удобрение, богатое полезными веществами и витаминами. Некоторые грязи нашли применение в медицине. В начале 1920-х гг. интерес к сапропелям возрос, когда по результатам лабораторных анализов в них увидели новый вид энергетического и технического сырья. В 1919 г. в составе КЕПС был создан Сапропелевый комитет для всестороннего из-

учения природного сырья и способов его использования, разведки ресурсов. Исследования под руководством Н. С. Курнакова показали, что из сапропелей можно производить моторное топливо, различные виды технических масел, метиловый спирт, изоляционные материалы и пр.

Поскольку перед КЕПС стояла задача «инвентаризации» природных богатств страны, важной составляющей деятельности Комиссии стали экспедиции и командировки специалистов в разные регионы России. Полевые работы давали новые сведения о наличии полезных ископаемых, состоянии почв, вод, лесов, флоре и фауне. В тесном сотрудничестве с КЕПС получили продолжение работы разных академических организаций, еще с дореволюционных лет занимавшихся изучением Русского Севера, — Полярной комиссии, Комиссии по градусному измерению на островах Шпицбергена и Комиссии по снаряжению Русской полярной экспедиции. Перед Северным отделом КЕПС и Полярной комиссией Академии наук после 1917 г. были поставлены задачи вести исследования природных богатств Севера, имеющих промысловое значение, консультировать учреждения по вопросам работ на Севере, способствовать организации научно-технических изысканий, которые дали бы практическую возможность для развития производительных сил за полярным кругом.

В июле 1918 г. в составе КЕПС был создан Промышленно-географический отдел, задачей которого стало экономическое изучение районов страны с целью рационального использования их природных ресурсов. Когда юг и восток России еще были охвачены Гражданской войной, на Коль-

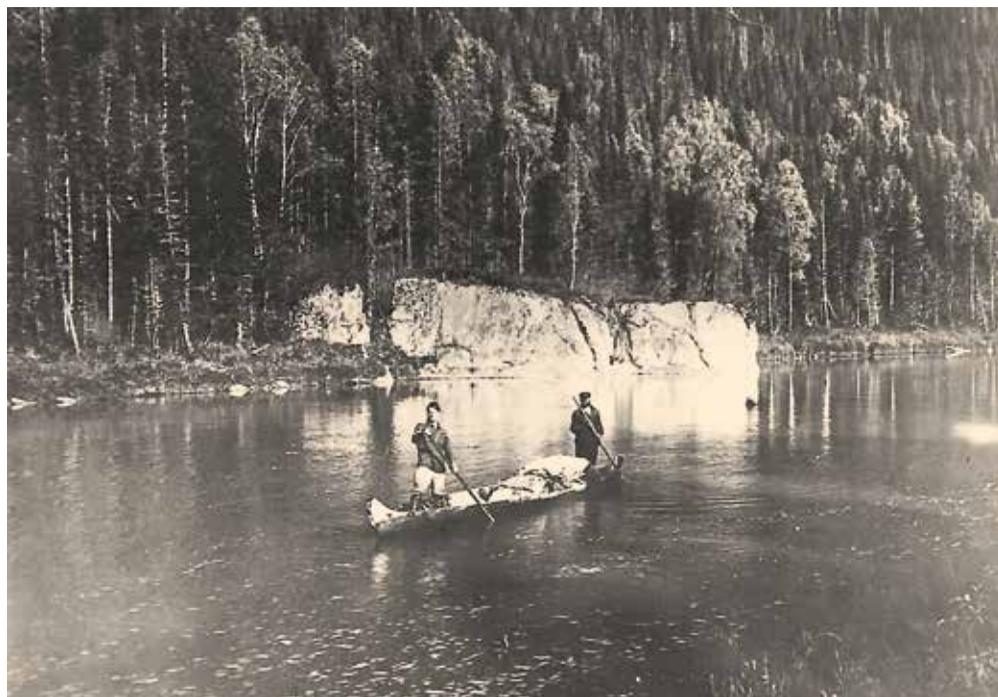

*Опытные соляные бассейны Крымской научно-исследовательской
Соляной станции в Саках. Начало 1930-х гг.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 26. Л. 11. Фото 89*

ском полуострове, на Северном Урале, в Тихвинском районе уже велись сезонные научные исследования. С начала 1920-х гг. возобновилось изучение гравитации Курской магнитной аномалии, калийных солей в Пермском крае и соленого озера Кара-Бугаз на Каспии; началось гидрологическое и географическое изучение Онежского края. В 1923 г. КЕПС проводила на южном Урале и в Белорецком округе географо-экономические исследования по изучению «белого угля» и лесного хозяйства. Как только стало возможно, развернулись работы в районе Черного моря и на Дальнем Востоке.

В 1925 г. по просьбе правительства Якутской АССР началось научное освоение северо-восточной Сибири по программе, рассчитанной на пять лет.

Руководила работами специально созданная академическая **Комиссия по изучению Якутской республики** (КЯР) с участием представителей самой республики. Структуру комплексной Якутской экспедиции, работавшей в 1925—1930 гг., составляли 10 специализированных отрядов (в том числе геоморфологический, гидрологический, аэрометеорологический, охотничье-промысловый, агрономический, статистико-экономический, медико-санитарный и др.), которые имели 24 подотряда. Вестороннее исследование естественных производительных сил региона обеспечило базу для дальнейшего хозяйственного строительства: были созданы первые промышленные предприятия (рыбный консервный завод и завод по производству строитель-

*На лодке по рекам Якутии. Якутская экспедиция Академии наук СССР. 1920-е гг.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 26. Л. 19. Фото 153*

*Якутская аэростанция, подготовка к пуску шаров-пилотов для производства наблюдений
над высокими слоями атмосферы. Якутская экспедиция Академии наук СССР. 1920-е гг.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 26. Л. 19. Фото 155*

ных материалов — кирпича и цемента), первые энергетические установки для их обслуживания, организовывались заповедники для увеличения популяции пушных зверей, началось транспортное освоение рек Якутии, благодаря развитию речного пароходства значительно возросла доступность удаленных районов республики, были составлены подробные карты территории — географическая, экономическая, водного бассейна и др. Результаты исследований КЯР позволили разработать рекомендации по оптимизации сельскохозяйственных работ и развитию лесного хозяйства, заложить основы изменений в социальной сфере: разработать новый тип жилых поселков (на смену традиционным юртам), в крупных населенных пунктах создать медицинские учреждения, организовать детские и взрослые школы, библиотеки. Якутская экспедиция стала первым масштабным комплексным плановым изучением производительных сил целой республики.

Во второй половине 1920-х гг. с просьбами о содействии в изучении и освоении природных объектов в Академию наук начали обращаться и другие автономные и союзные республики. Широта задач потребовала привлечения к работам целого ряда неакадемических научно-исследовательских учреждений. Для планирования и руководства экспедициями Академия наук в 1926 г. создала **Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР)**, организовавший широкие обследования Казахской, Туркменской, Таджикской, Бурят-Монгольской, Чувашской,

Карельской, Закавказских республик, Чукотки. По результатам экспедиций составлялись рекомендации по использованию природных ресурсов в хозяйственной практике. Одновременно на местах создавались культурные и научные центры — библиотеки, краеведческие и естественнонаучные музеи.

Чтобы результаты исследовательской работы всех отделов и институтов КЕПС стали доступными, использовались разные возможности — конференции, совещания, консультации, переписка, но особое внимание уделялось издательской деятельности. Комиссия выпускала отчеты о проводимых работах, брошюры, карты, тематические библиографические указатели, сборники статей, монографии ученых по отдельным вопросам. В ведении КЕПС находился научно-популярный журнал «Природа». Продолжалось и издание серий, начатых еще в годы Первой мировой войны: «Материалы для изучения естественных производительных сил России/СССР» (за 1919—1925 гг. вышло 37 книг); «Естественные производительные силы СССР» (5 томов); «Богатства России» (1920—1923). Всего за 1915—1925 гг. КЕПС выпустила 220 наименований трудов, еще через пять лет это число возросло до 356²¹⁶. Специальный Отдел распространения научных изданий занимался отправкой печатной продукции в регионы, организацией обмена изданиями с научными и производственными учреждениями и организациями как в СССР, так и за рубежом. В столицах и на местах сотрудники КЕПС читали лекции и научные доклады, проводили консультации, организовывали выставки.

²¹⁶ Кольцов А. В. Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915—1930 гг. СПб., 1999. С. 6, 100.

Туркменская пустынная экспедиция. Нефтяной амбар, 1933 г. В этой пустыне был основан город Нефтедаг (Нефтяная гора)
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5.
Д. 26. Л. 17. Фото 138

Хребет Черского.
Транспорт в пути.
Якутская экспедиция
Академии наук СССР. 1920-е гг.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5.
Д. 26. Л. 19. Фото 156

Палеонтологическая экспедиция Академии наук СССР. Раскопки скелета мастодонта. Начало 1930-х гг.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5.
Д. 26. Л. 17 об. Фото 144

Разрастание и структурное усложнение КЕПС, а также ее активное участие в разработке практических вопросов хозяйствования вызывали критику, в том числе и со стороны самих ученых. Так, академик А. Н. Крылов считал, что в состав Академии наук должны входить «те и только те учреждения, в коих совершается исключительно творческая работа. Всем же учреждениям, где идет валовая текущая работа, в составе академии не место <...>; нет, они должны быть, должны развиваться, но как учреждения самостоятельные»²¹⁷. А. Ф. Иоффе предлагал передать научно-практическую деятельность профильным научно-исследовательским институтам, сохранив в Академии лишь руководящий совет КЕПС и те отделы, которые находятся под руководством академиков, ведущих свои исследования по линии этих отделов. Идею передачи ряда отделов другим учреждениям разделял и А. Е. Ферсман. С мнением коллег категорически не соглашался В. И. Вернадский, которого поддерживали Н. С. Курнаков, А. Е. Чичибабин, П. П. Лазарев и др., выступавшие за необходимость продолжения и расширения работы Комиссии.

Дискуссия о дальнейшей судьбе КЕПС пришлось на конец 1920-х гг., когда Академия переживала тяжелые времена и на нее обрушились обвинения в нелояльности по отношению к советской власти, «чистки», массовые увольнения, аресты сотрудников. В 1930 г. в Академии наук прошла коренная перестройка, в результате ко-

торой на базе Комиссии был создан **Совет по изучению производительных сил (СОПС)**²¹⁸. Основой его деятельности стало проведение теоретических, методических и прикладных исследований на основе экспедиционных работ, создание академических и межведомственных комиссий по крупным проблемам, публикация научных трудов.

КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПЛЕМЕННОГО СОСТАВА РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН

Еще одним масштабным академическим проектом, развернувшимся после 1917 г., стало изучение производительных сил страны — народов, ее населяющих. Для этой цели при Академии наук была создана Комиссия по изучению племенного состава России и сопредельных стран (КИПС).

Катализатором создания Комиссии стала Первая мировая война, затронувшая жизнь и интересы многих государств и вызвавшая обострение национального вопроса. Вдоль западных и южных границ России отмечалось усиление проявлений национализма и сепаратизма. Население прифронтовых областей, непосредственно контактировавшее с воюющими армиями, часто вставало перед выбором, какую сторону поддержать. Особенно это было характерно для таких территорий, как Финляндия, Прибалтика, Польша, Западная Украина.

Задачу выяснения и учета этнографических особенностей и националь-

²¹⁷ Переписка А. Н. Крылова с неперменным секретарем АН СССР академиком С. Ф. Ольденбургом / публ. В. Я. Френкеля // ВИЕТ. 1982. № 1. С. 100.

²¹⁸ СОПС до 1960 г. находился в составе АН СССР, затем был передан в Госплан СССР, а с 1992 г. подчинен Министерству экономики Российской Федерации.

Инструкция по составлению племенных карт (Труды КИПС. Вып. 1. Пг., 1917)

ных интересов народностей приграничных областей осознавали обе воюющие стороны. Германия строила планы дальнейшей колонизации оккупированных территорий западных губерний России, для чего проводила переписи и картографировала этнический состав населения. Признавая, что национальный вопрос имеет важное значение, Академия наук предложила российскому правительству свою помощь в исследовании приграничных областей для выяснения их племенного состава. На Общем собрании Академии наук 4 февраля 1917 г. С. Ф. Ольденбург выступил с заявлением, в котором

подчеркнул, что в послевоенном мире «громадное значение будет иметь ясное представление о племенном составе особенно тех частей страны, которые лежат по обе стороны наших границ — европейских и азиатских, там, где они соприкасаются с землями наших противников»²¹⁹. Он призывал пойти навстречу необходимости и немедленно организовать научные силы страны для проведения этнографического исследования приграничных областей России, соприкасающихся с Европой и Азией. Академия в тот же день постановила образовать для этих целей Особую комиссию под председательством непряменного секретаря и включить в нее представителей гуманитарных отделений. Первыми в комиссию вошли академики А. А. Шахматов, М. А. Дьяконов, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, В. Н. Перетц и Е. Ф. Карский.

Призыв Академии поддержали научные общества: Русское антропологическое, Русское географическое, Неофилологическое. Они направили своих представителей для работы в составе новой комиссии, приоритетными задачами которой были намечены: выяснение границ расселения различных племен в Литве, Польше, Галиции, Буковине, а затем — в приграничной части Малой Азии, Азербайджане и Северной Персии²²⁰. В апреле 1917 г. состоялось официальное учреждение КИПС, однако практическую деятельность значительно затрудняли продолжавшиеся военные действия и начавшаяся революция. Исходя из реальных возможностей было решено подготовить и издать

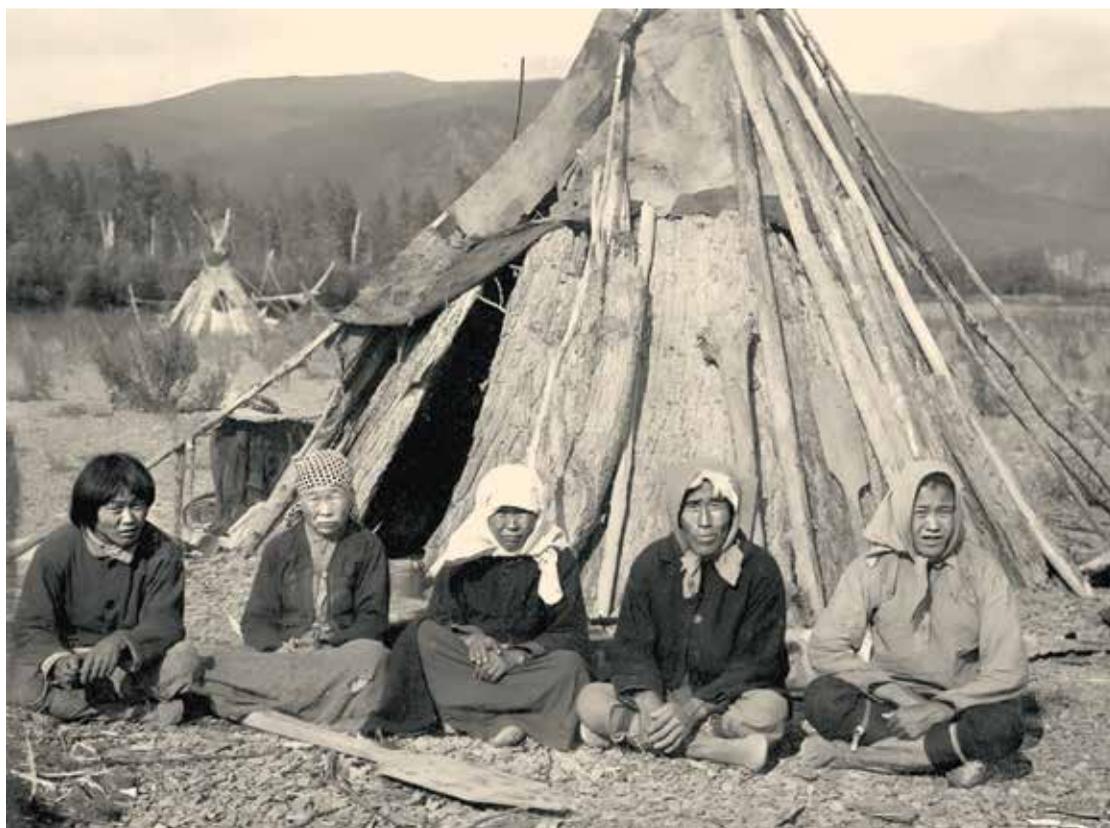
²¹⁹ Цит. по: Золотарёв Д. А. Постоянная Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС) // Природа. 1925. № 7—9. С. 202.

²²⁰ Постоянная Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран. Л., 1925. С. 1.

этнографическую карту или серию карт с объяснительными записками к ним. В качестве основной информации использовали данные всеобщей переписи 1897 г. и локальные статистические материалы. Поскольку в XIX в. население Российской империи классифицировалось в основном по родному языку и вероисповеданию, следовало дополнить анкеты и другими параметрами: бытовыми особенностями, антропологическими данными и др. На основе всей полученной информации КИПС рассчитывала начать составление племенных карт России и очерков о народах, проживающих в стране.

В первый же год работы была разработана подробная «Инструкция к составлению племенных карт населения России» (1917). Для сбора информации

на местах рекомендовали использовать любые источники: списки населенных мест, статистические материалы, труды экспедиций, сведения из местных архивов, метрические записи и иные церковные ведомости. Все источники с их критикой и сравнительной оценкой должны были быть рассмотрены в объяснительной записке к карте. Для картографирования рекомендовали использовать определенные масштабы и передачу информации цветом. Позднее Комиссия разработала и единую шкалу цветов и оттенков для обозначения различных народов на этнических картах. Дело составления племенных карт быстро развивалось, расширялась и сфера деятельности Комиссии. В годы Гражданской войны сотрудники КИПС начали выезжать в нестабильные реги-

Чукчи местности Столбовой. Колымская экспедиция. 1920-е гг.

СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 5. Д. 9. Л. 38

*Список народностей СССР
(Труды КИПС. Вып. 13. Л., 1927)*

оны, чтобы изучать их население и географию, картографировать территорию по маршруту и беседовать с местным населением, руководствуясь разработанными вопросниками. Вопросы касались названий местных географических объектов, населенных пунктов, национальностей, языков, самоназваний этнических групп, родственных связей, религий. Со временем Комиссия численно выросла, а в ее составе выделились отделы — Европейский, Кавказский, Сибирский, Туркестанский и собственно Картографический.

Принимавшие участие в работах КИПС специалисты использовали ранее накопленные ими сведения о народах и регионах, которые позволили в первые же годы подготовить несколько изданий, в частности: «Этнографи-

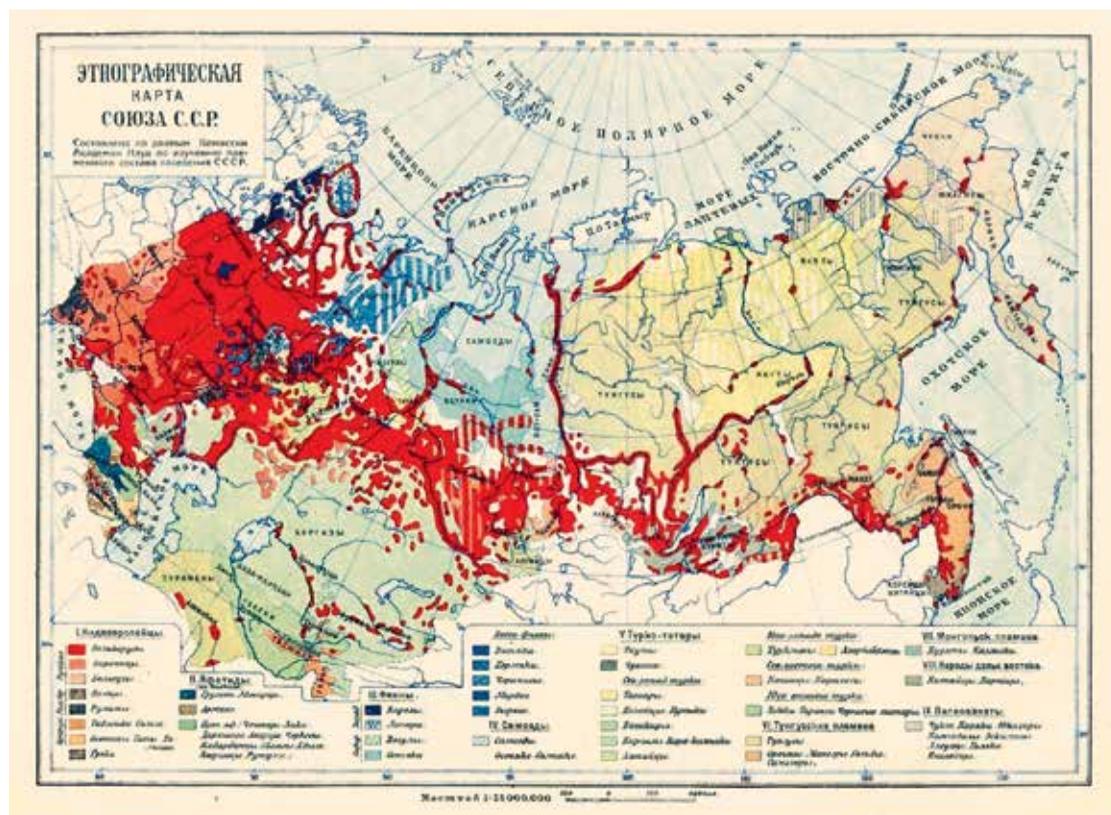
ческая карта белорусского племени» Е. Ф. Карского (1917), «Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа» (1920) и «Кавказские племенные названия и местные параллели» Н. Я. Марра (1922), «Этнографическая карта сельского населения Бессарабии (по данным 1907 года)» Л. С. Берга (1920, 1923). Неоценимы, по мнению самих членов КИПС, были участие и советы статистика С. К. Патканова, много лет занимавшегося составлением племенной карты Сибири. Его труд «Список народностей Сибири» (1923), основанный на анализе переписи 1897 г., также стал одним из первых изданий Комиссии.

В 1923 г. в стране началась подготовка к проведению первой советской всеобщей переписи населения. В КИПС была образована специальная подкомиссия, которая занималась составлением подробных положений и инструкции о проведении демографической переписи. Прежде всего требовалось определить понятие национальности и выработать формулу для переписной регистрации. Рекомендации для опроса населения КИПС (совместно с Центральным статистическим управлением) разрабатывала почти два года. Для каждого региона они содержали ряд особенностей, учитывающих полиэтничность населения — прежде всего трудности ожидалось в Закавказье, Туркестане, Поволжье. Перепись была проведена в 1926 г., а в 1927 г. уже был опубликован итоговый список народностей СССР и разработана методика учета этнической принадлежности индивида на основе его ответов в ходе переписи. По результатам обработки переписных листов были составлены этнические карты для различных районов страны и СССР в целом.

К середине 1920-х гг. были составлены, и в значительной части отпечатаны, карты расселения племен и народов Европейской части страны, Сибири и Дальнего Востока, Кавказа и Закавказья, Киргизского края и Туркестана. На складе КИПС имелось около 300 карт разных названий, скопилась значительная библиотека по статистике населения СССР. Сотрудники Комиссии часто выступали консультантами по национальным вопросам: советские учреждения опирались на их рекомендации при подборе партийных эмиссаров для работы в регионах; правительство запрашивало экспертное мнение для обоснования претензий на спорные приграничные территории или при оценке запросов местных народов о предоставлении им

национально-территориального статуса, о решении судебных вымиравших народностей.

В 1927–1930 гг. КИПС приняла участие в широкомасштабном антрополого-этнографическом исследовании производительных сил СССР. Под руководством антропологов, врачей, биологов и генетиков собирался материал для изучения рас, выявления законов наследственности у разных народов, экспериментов евгенического характера. Для установления соотношения между национальностью и расовыми признаками населения в различных регионах собиралась разнообразная информация: группы крови, морфологические данные (размеры головы, рост, цвет волос и глаз), фотофиксация этнических типов. Однако евгенику

Этнографическая карта СССР. Составлена по данным КИПС. Втор. пол. 1920-х гг.

Географический атлас / под ред. Ю. М. Шокальского. Изд. 9-е. Л., 1930. Табл. 13

в начале 1930-х гг. признали «буржуазной» наукой и все исследования были свернуты, а позднее даже послужили основой для обвинений ученых в увлечении расовой теорией.

В период политических чисток и реорганизаций академических учреждений в конце 1920-х гг. традиционная деятельность КИПС была подвергнута критике. Комиссии ставились в упрек проявления «великодержавного шовинизма» и одновременно содействие укреплению «местного национализма», отсутствие плана работ и противодействие прогрессу, стремление к изучению надстройки в отрыве от производственного базиса. В ходе советизации Академии наук в 1930 г. КИПС была реорганизована в **Институт по изучению народов СССР** (ИПИН), который возглавил академик Н. Я. Марр.

КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ НАУКИ В РОССИИ

К юбилейному, десятому, году советской власти Академия наук СССР подходила, имея в своем составе четыре научных института (Физико-математический, Химический, Физиологический, Яфетический), один институт вне Ленинграда (Кавказский историко-археологический в Тифлисе), одну биологическую станцию в Севастополе, две самостоятельные естественнонаучные лаборатории, восемь музеев со вспомогательными учреждениями (Геологический, Минералогический, Зоологический, Ботанический, Музей антропологии

и этнографии, Азиатский, Пушкинский Дом, Палеографический), 15 академических и приакадемических комиссий и три института, состоявшие в административно-научной связи с Академией (Государственная Российская Пулковская обсерватория, Государственный гидрологический институт, Государственный радиевый институт)²²¹.

В число институций входили как старые научные учреждения, начало деятельности которых восходит к XVIII в., так и новые, возникшие уже в советскую эпоху. В число множества академических комиссий, помимо крупных, рассмотренных выше, входили и более локальные, такие как Словарная, Диалектологическая, по изучению озера Байкал, Русско-Византийская, Историко-археологическая и др. Рассмотрим подробнее две комиссии с похожими названиями: «Русская наука» и «Наука в России». Каждая из них по-своему занималась подведением итогов и оценкой состояния научной работы в Академии и стране в целом.

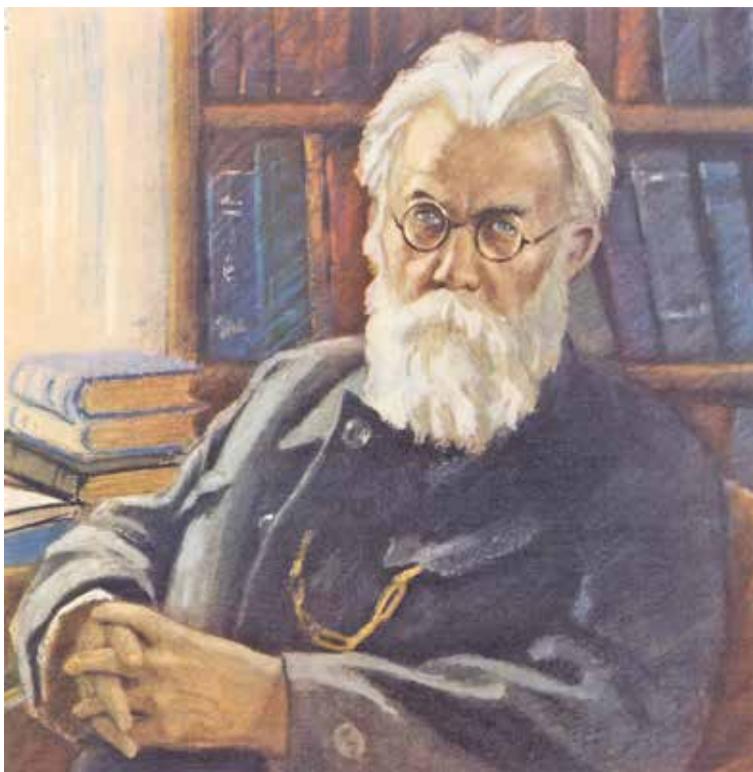
История создания **Комиссии «Русская наука»** восходит к 1915 г., когда во Франции вышел сборник статей «Французская наука» (*La Science Française*), наглядно характеризующий вклад французских ученых в мировую науку. В России сразу родилась идея подготовить аналогичное издание, чтобы показать развитие и современное состояние разных отраслей русской науки²²². В условиях наметившегося разрыва прежних

---

²²¹ Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1926 год, составленный Непременным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 2 февраля 1927 г. Ч. I: Общій отчет. Л., 1927.

²²² Тункина И. В. К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний. 1921—1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: Сборник документов / сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина. СПб., 2003. С. 640—641.

В. И. Вернадский.
С портрета маслом.
Вырезка из журнала
СПбФ АРАН. Ф. 929. Оп. 1.
Д. 276. Л. 54

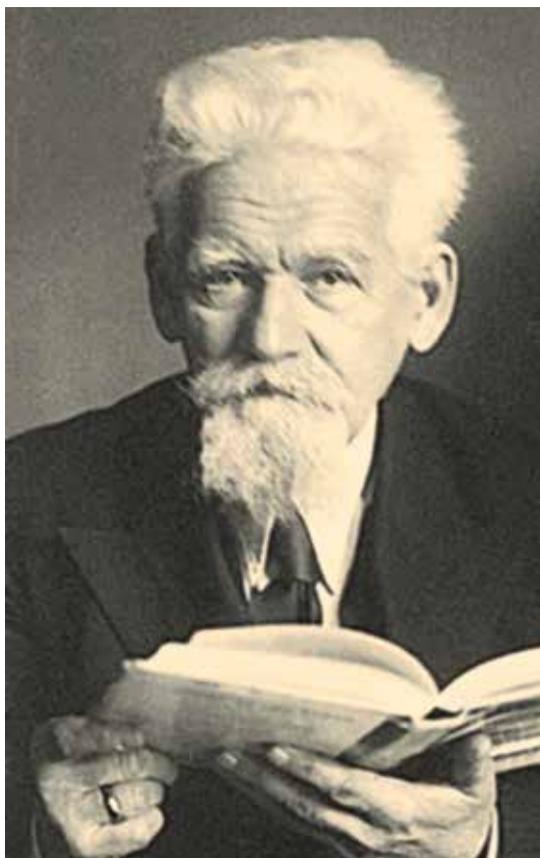

международных связей и сближения России со странами Антанты такой сборник был бы очень полезен. В результате обсуждения инициативной группы, в которую входили В. Н. Бенешевич, А. С. Лаппо-Данилевский, В. И. Вернадский, М. А. Дьяконов, М. И. Ростовцев и др., в конце 1916 г. родился план большого научного проекта: подготовить серию очерков по трем разделам: богословские и философские науки, физико-математические и гуманитарные науки. Каждый очерк раскрывал бы развитие и успехи какой-то одной специальности, писать историю которой должны были специалисты по этим отраслям знания.

Проект получил поддержку: была создана академическая Комиссия по подготовке издания «Русская наука», председателем которой стал А. С. Лаппо-Данилевский. Началась

предварительная работа по уточнению содержания и подбору авторского коллектива. К концу 1917 г. был готов окончательный план сборника, который должен был состоять из 68 очерков, достигнуты договоренности с 57 будущими авторами. Несмотря на все трудности времени, к концу 1918 г. редакция получила 22 готовых очерка и рассматривала возможность приступить к их печатанию на русском и на французском языках. Но дело двигалось очень медленно и вовсе замерло после скоропостижной смерти А. С. Лаппо-Данилевского в марте 1919 г.

В. И. Вернадский считал, что «издание исторических очерков имело в виду не только интересы преходящего момента — пробуждение народного самосознания в эпоху кризиса — оно впервые должно было подвести итоги глубокому историческому процессу — росту, углублению и расши-

Л. С. Берг
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 412. Л. 1

П. П. Лазарев
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Л. Д. 176. Л. 1

С. Ф. Платонов
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-П. Д. 129. Л. 1

рению научной мысли в среде нашего народа»²²³. В 1921 г. он предпринял попытку дать проекту «Русская наука» новую жизнь. В. И. Вернадский предложил Академии организовать новую комиссию — по изучению истории науки, философии и техники, которая бы содействовала изучению истории научной мысли и научного творчества. Вскоре родилась новая академическая Комиссия по истории науки, переименованная затем в **Комиссию по истории знаний** (КИЗ). На первом заседании был избран председателем (В. И. Вернадский) и определена программа действий. Ее основными направлениями должны были стать разработка истории знаний в целом и истории научной деятельности самой Академии наук. Особой задачей стало издание несостоявшегося в 1918—1919 гг. сборника «Русская наука».

Новый план издания готовился с участием значительно расширенного авторского коллектива и с добавлением новых очерков по истории прикладного естествознания. Реальная работа началась в 1926 г., но прорыва в подготовке сборника не произошло: многие статьи из написанных ранее были возвращены авторам для их переработки и так и остались в рукописях, некоторые авторы передали свои труды в другие издания.

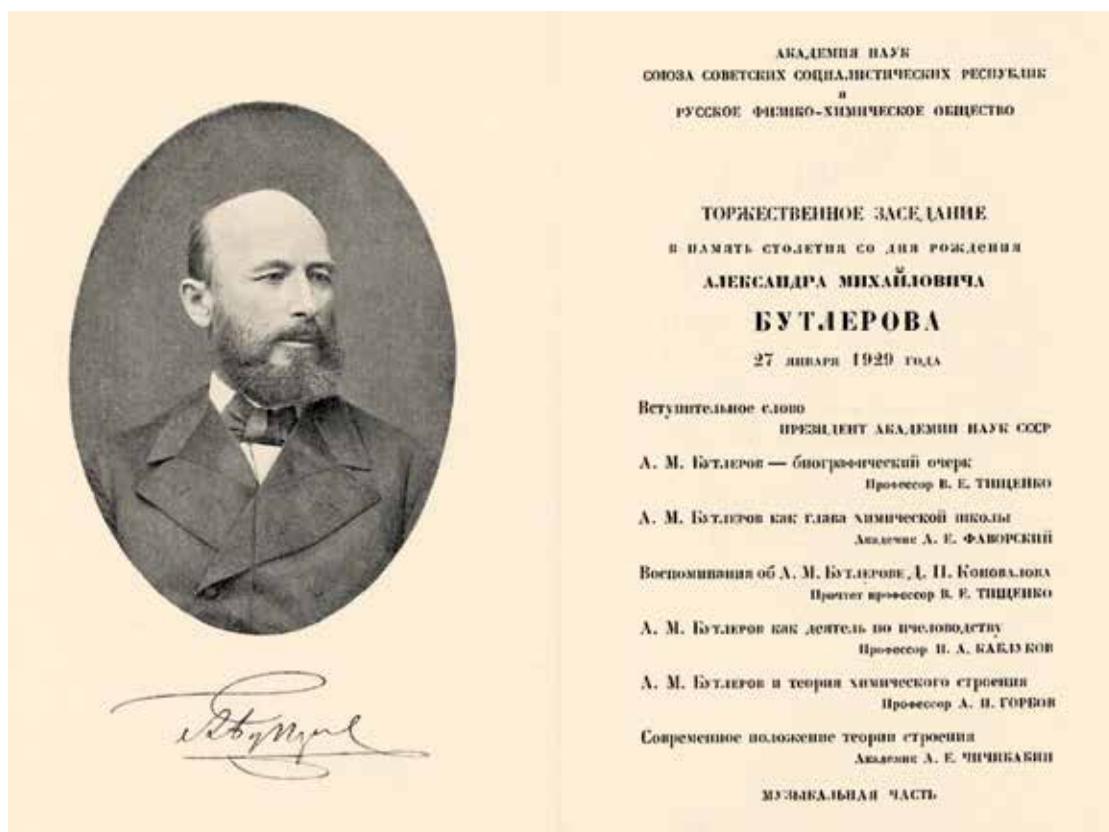
Вместе с тем Комиссия по истории знаний активно работала: видные ученые выступали с историко-научными докладами, рассказывали о современном состоянии наук. Многие из этих

докладов печатались в академических изданиях. Важной стороной работы Комиссии была организация различных юбилейных собраний, например, посвященных 100-летию со дня рождения П. П. Семёнова-Тян-Шанского и А. М. Бутлерова, памятных заседаний, посвященных Исааку Ньютону, Д. И. Менделееву, А. С. Лаппо-Данилевскому, особыми заседаниями отмечались и важные события мировой науки, такие как открытие М. Фарадемом электромагнитной индукции или деятельность Камчатской экспедиции (отряда Витуса Беринга). Комиссией уделялось большое внимание исследованию прошлого русской науки, наследию таких гигантов, как М. В. Ломоносов, Л. Эйлер, К. М. Бэр. Устраивались развернутые выставки документов. В. И. Вернадский считал обязанностью Академии наук публиковать собрания сочинений крупных русских ученых и писателей, КИЗ продолжила работу по изданию полного собрания сочинений М. В. Ломоносова, начатую еще в конце XIX в.²²⁴

К концу 1920-х гг. КИЗ уже играла заметную роль в жизни Академии. Занимаясь междисциплинарными исследованиями, она объединяла усилия ученых — представителей самых разных наук, специалистов, работавших и в Физико-математическом, и в Гуманитарном отделениях Академии наук. Комиссия была готова еще более расширить свою деятельность за счет издания специального журнала. В. И. Вернадский указывал также на необходимость создания историко-науч-

²²³ Вернадский В. И. Работы по истории знаний // Академия наук СССР за 10 лет. 1917—1927. Л., 1927. С. 159.

²²⁴ Последний, завершающий, том собрания вышел уже после Великой Отечественной войны, в 1948 г.

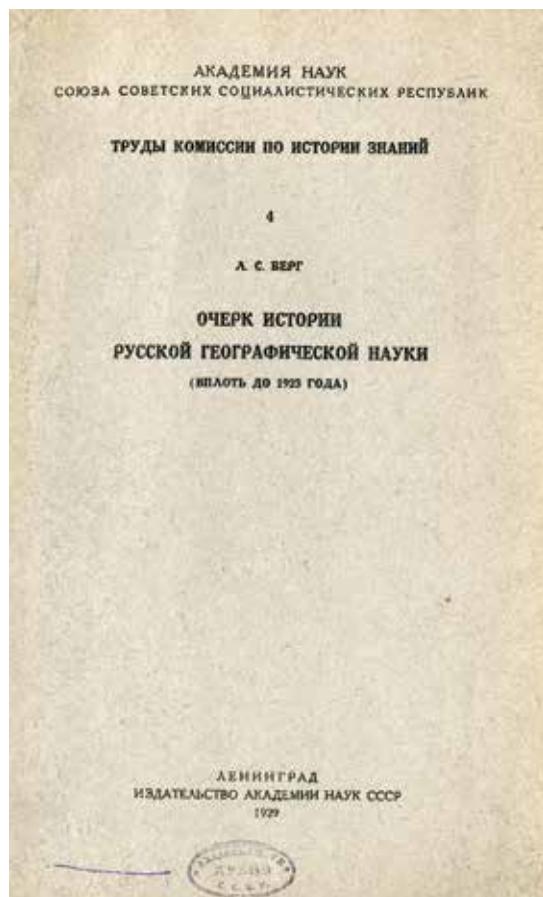

*Программа торжественного заседания
в память 100-летия со дня рождения
А. М. Бутлерова. 27 января 1929 г.
СПбФ АРАН. Ф. 154. Оп. 1. Д. 10. Л. 3 об. — 4*

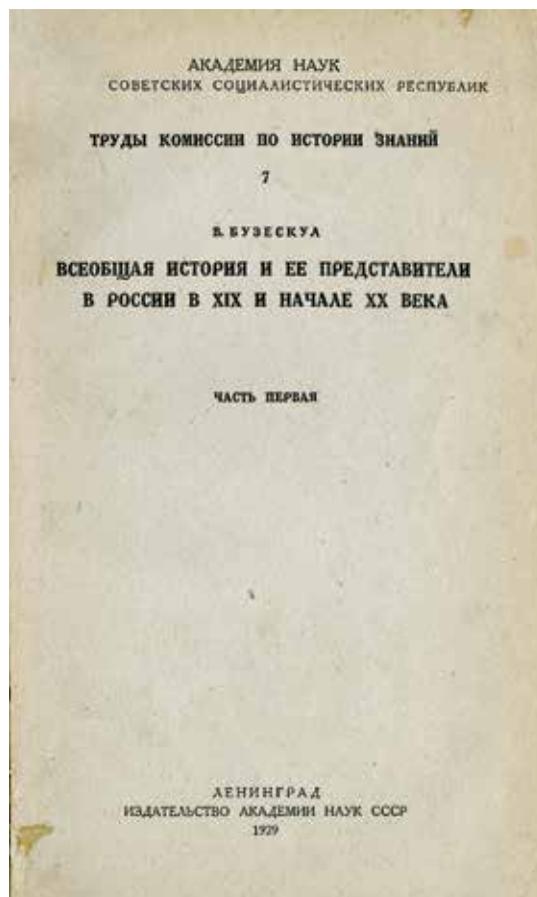
ного музея. Если план музея реализовать не удалось, то периодических печатных органов у Комиссии появилось в 1927 г. даже два — «Труды КИЗ», публиковавшие монографические исследования, и сборники статей с общим названием «Очерки по истории знаний», выходившие под редакцией С. Ф. Ольденбурга. Но этими изданиями отнюдь не исчерпывалась публикационная активность членов КИЗ.

В 1929 г. руководители Комиссии поднимали вопрос о постепенном

*Программа заседания КИЗ памяти
А. С. Лапко-Данилевского. 28 февраля 1929 г.
СПбФ АРАН. Ф. 154. Оп. 1. Д. 10. Л. 9*

Берг А.С. Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 года). Л., 1929. Обложка

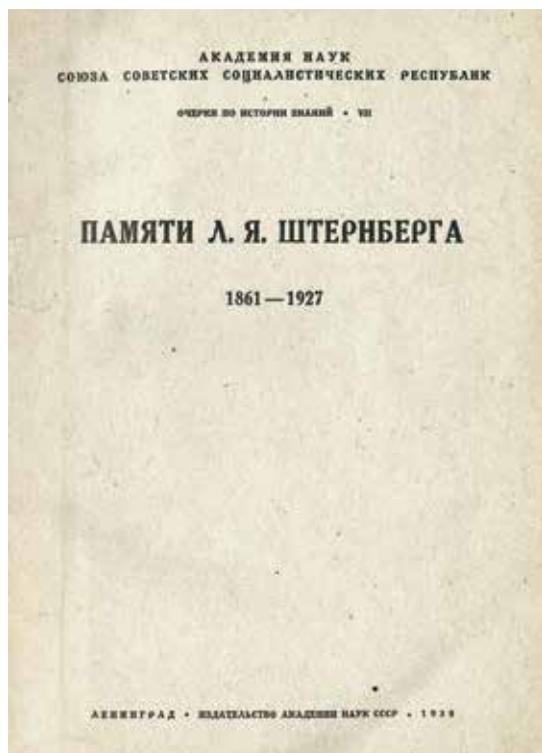

Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. 1. Л., 1929. Обложка

превращении КИЗ в большую организацию — Научно-исследовательский институт с рядом отделов. Вопрос о дальнейшей судьбе Комиссии вызвал споры. В. П. Волгин и А. Н. Крылов считали, что в Академии нет достаточного количества ученых, способных и желающих заниматься историко-научными исследованиями. С. Ф. Ольденбург возражал, что каждый специалист должен знать историю своей науки. Некоторые критики утверждали, что работы КИЗ — это всего лишь пестрые биографии ученых, а не история знаний. Дискуссия завершилась утверждением Общим собранием 2 октября 1930 г. нового положения о Комиссии:

«КИЗ имеет задачей изучение истории развития науки и техники с древнейших времен и до последнего времени». В. И. Вернадский, отстояв Комиссию, отказался от дальнейшего руководства ею, и новым председателем КИЗ стал Н. И. Бухарин. В 1932 г. ему удалось добиться реорганизации КИЗ и создания на ее базе **Института истории науки и техники Академии наук СССР**.

Еще одна академическая комиссия, «**Наука в России**», тоже имеет давнюю историю. Еще в 1910-е гг. Академия наук пришла к мнению, что важно систематизировать имеющуюся информацию не только о развитии наук и научных достижениях,

Памяти Л. Я. Штернберга. 1861—1927. Л., 1930 (сборник статей). Обложка

Наука в России. Справочный ежегодник. Вып. 1: Петроград. Пб., 1920. Обложка

но также и о научных силах — тех людях, чьими усилиями обеспечивается развитие науки. В 1908 г. трудами Б. Л. Модзалевского был составлен и издан «Список членов Императорской Академии наук. 1725—1907», включавший всех академиков почти за 200 лет. Через несколько лет Академия издала двухтомник «Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук»²²⁵. После проведенной таким образом «инвентаризации академиков» было решено осуществить учет «низшего персонала» Академии и рядовых научных сил страны. Для этой цели в конце 1916 г. Общее собрание Академии наук учредило специальную комиссию, названную

«Наука в России». Возглавил ее непреходящий секретарь С. Ф. Ольденбург.

В декабре 1914 г. начался сбор информации: по всей стране рассылались анкеты, научные сотрудники, заполнив, должны были вернуть их в Петроград. Важную роль в сборе сведений играл журнал «Природа», принимавший активное участие в распространении анкет и общении с читателями. Одновременно проводилось анкетирование научных учреждений и учебных заведений как в столицах, так и в регионах. Получаемые сведения должны были войти в справочные издания. Политические катаклизмы 1917 г., экономические и финансовые трудности последующих лет сильно тормозили работу. Помимо анкетных данных

²²⁵ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Ч. 1—2. Пг., 1915—1917.

о научных работниках, издания «Наука в России» включали и сведения об учреждениях. Первый справочник, обобщивший имеющуюся информацию (на 1 января 1918 г.) по Петрограду, вышел только в 1920 г., такой же справочник по Москве — в 1922 г.

Но издательская деятельность набирала темп и это отразилось даже на названии самой Комиссии: в 1924 г. ее переименовали в Комиссию по изданию справочника «Наука и ее работники в пределах СССР». Нужно отметить, что цели, поставленные перед Комиссией, были весьма значительны: «...широкая информация о состоянии науки и научных учреждений в России в настоящее время, для чего... производится учет всех научных сил страны, всех научно-культурных учреждений, высших учебных заведений, обществ, музеев и пр.»²²⁶ По мере поступления и обработки новых материалов справочники дополнялись и переиздавались. Вышедшая в 1928 г. шестая книга серии содержала сведения об 11197 научных работниках всего СССР (без Москвы и Ленинграда). Выполнению такой широкомасштабной работы способствовало то, что академическая комиссия работала в контакте с научными учреждениями и общественными организациями.

К 200-летию юбилею Академии наук вышел особый (юбилейный) справочник «Академия наук СССР. Ее задачи, разделение и состав» (1925). В нем была подробно расписана структура Академии, все входящие в нее учреждения с краткими историческими данными, перечислением академиков

Научные работники Ленинграда. Справочник. Л., 1934. Титульный лист

и всего научного состава. Справочник был дополнен перечнями серий и периодических изданий Академии, а также литературы о ней. К концу 1920-х гг. аналогичные справочники стали готовиться не только в Академии наук: несколько информативных изданий вышли в союзных республиках и отдельных регионах²²⁷.

Накопленные таким образом данные позволяли выполнять аналитические наблюдения. Например, наглядно подтверждалась диспропорция в размещении научных сил, их консолидация преимущественно в крупных городах. На основе материалов справочников проводились статистические и цифровые исследования, составля-

²²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 155. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.

²²⁷ Например, на Украине, в Белоруссии, Грузии, Азербайджане, а также в Иркутске, Казани, Воронеж, Омске, Крыму.

лись схемы, таблицы и диаграммы. В Комиссию обращались за различного рода справками, причем не только из разных уголков СССР, но и из-за рубежа, где издания серий «Наука в России» и «Наука и научные работники СССР» также привлекли внимание научной общественности.

Реформы Академии наук начала 1930-х гг. не обошли и эту Комиссию, она была преобразована в «Комитет учета и изучения научных сил СССР» (КУИНС). Он несколько лет работал, пока в 1934 г. не было принято решение о его ликвидации. Учет и оценка интеллектуальных сил общества с тех пор продолжались другими, уже правительственными учреждениями.

«ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ» СОВЕТСКОЙ НАУКИ

Появление и быстрый рост в 1920-х гг. новых научных учреждений — научно-исследовательских институтов, лабораторий, музеев, опытных станций, расширение экспедиционного движения, изучение природных ресурсов и национального состава республик требовали быстрого увеличения обученных кадров. По этой причине в стране массово открывались общеобразовательные и прикладные учебные заведения разных уровней и начинала складываться сеть учебных заведений, обучение в которых государство строило с опорой на идеологические позиции марксизма.

Для подготовки будущих научных сотрудников-«марксистов» основными учебными центрами в 1920-е гг. стали Коммунистическая академия, Институт Маркса-Энгельса, Институт Ленина, Институт красной профессуры и Российская ассоциация научно-исследовательских институтов об-

щественных наук (РАНИОН). С целью поднятия уровня исследовательской работы в области истории, пропаганды марксистской исторической концепции и борьбы с немарксистскими историческими концепциями 1 июня 1925 г. в составе Коммунистической академии было образовано Общество историков-марксистов, председателем которого стал историк М. Н. Покровский. Для популяризации знаний Общество начало издавать журнал «Историк-марксист».

На протяжении 1920-х гг. все эти учреждения соседствовали с традиционными учебными заведениями, продолжавшими готовить научные кадры, но правящая партия ставила перед ними задачу занять лидирующее положение, как в организационном, так и в теоретическом становлении новой советской науки, а в перспективе воспитать новые научные кадры на замену старорежимным специалистам.

В начале 1930-х гг. последовала обширная реорганизация Академии наук, принципиально менявшая ее структуру. Статус институтов получили академические музеи, которые еще в дореволюционное время превратились в крупные центры научной работы. В ходе реформы они объединялись с другими профильными структурами. Ботанический музей вместе с бывшим Императорским Ботаническим садом образовали Ботанический институт (1931). Институт востоковедения возник путем объединения Азиатского музея с Институтом буддийской культуры, Тюркологическим кабинетом и Коллегией востоковедов (1930). Пушкинский Дом, Толстовский музей и Комиссия по изданию сочинений А. С. Пушкина составили Институт новой русской литературы (1930, с 1931 г. — Институт

А. Е. Ферсман (слева) и минералог
В. И. Крыжановский за разбором
каменного материала
в Минералогическом музее
Академии наук СССР.
Ленинград. Втор. пол. 1920-х гг.
СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 5. Д. 31. Л. 6

Заседание группы востоковедов
на Чрезвычайной сессии
Академии наук СССР.
Ленинград. 23 ноября 1931 г.
Слева направо: С. Ф. Ольденбург,
И. Ю. Крачковский, В. М. Алексеев,
Ф. И. Щербатской,
А. Н. Самойлович, Н. Я. Марр
ФО НА ИИМК РАН. Отп. О. 1068-17

*Экспозиция Музея истории религии в Казанском соборе. Ленинград. Начало 1930-х гг.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 26. Л. 23. Фото 188*

*Академики на заводе у мартеновской печи во время выездной сессии на Урале. Июнь 1932 г.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 26. Л. 3 об. Фото 32*

русской литературы). Музей антропологии и этнографии вместе с Институтом по изучению народов СССР (возникшим на основе КИПС) вошел в состав Института антропологии, археологии и этнографии (1933). Коллекции Музея палеографии стали Институтом книги, документа и письма (1931). Из антирелигиозной выставки, созданной сотрудниками Академии наук в залах Зимнего дворца, вырос Музей истории религии (1930).

Одновременно с центристским движением действовали центробежные силы, и продолжалось углубление дифференциации. В результате усилившейся специализации отделов Геологического музея на свет появились три самостоятельных института: Геологический, Петрографический и Палеозоологический. Физико-математический институт, созданный вскоре после революции на базе Физической лаборатории, Сейсмической комиссии и Математического кабинета имени П.Л. Чебышёва, дал жизнь новым самостоятельным учреждениям. Первым отпочковался сейсмологический отдел, позже в формате самостоятельных возникли институты Физический и Математический.

В 1930 г. путем слияния КИПС и Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР) был организован Совет по изучению производительных сил СССР (СОПС). На протяжении трех последующих десятилетий своего существования Совет занимался комплексным изучением природных ресурсов страны. Он отработывал механизмы внешнего взаимодействия с заказчиками исследовательских работ в лице крупных ведомств и региональных властей, а также внутреннего взаимодействия с руководством Академии наук и другими академическими учреждениями.

Изменялся не только внутренний строй высшего научного учреждения, но и вектор его развития. Если в прежнее время в центре Академии наук находилась творческая личность, то теперь доминирующее положение занял коллектив, работающий по плану на основе марксистско-ленинской методологии. Характер работ академических учреждений коренным образом изменился — от частных научных проблем институты перешли к решению крупных народнохозяйственных задач.

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИИ НАУК

Академия наук на протяжении всего времени существования одну из основных своих задач видела в познании России, ее территории, природы, многообразия флоры и фауны, культуры и национальных особенностей населения. Изучение страны расширялось благодаря экспедициям. В XX в. экспедиции должны были не только описывать увиденное, но и помогать искать пути рационального использования природных богатств. Такая задача не могла оставаться академической монополией — народно-хозяйственное освоение страны становилось коллективным, всеобщим делом, в котором наряду с Академией наук активно участвовали другие учреждения: государственные и общественные организации, научно-исследовательские институты, промышленные предприятия, учебные заведения.

Большинство экспедиционных проектов в 1920-е гг. проходило в сфере деятельности КЕПС и было направлено на решение экономико-хозяйственных проблем страны. Академия наук в отношении экспедиций выступала научным консультантом, экспертом и куратором, определяла перспективы и направления исследований, намечала малоизученные, но обладающие экономическим потенциалом регионы. Для проверки таких недостатков или совершенно не исследованных районов ежегодно направлялись специальные экспедиции, полученные ими результаты изучались, оценивался экономический потенциал природных ресурсов и принималось решение, планировать промышленное освоение ре-

гиона или смещать вектор дальнейшего поиска природных богатств.

Экспедиционная работа в конце 1910-х — начале 1920-х гг. велась преимущественно в области разведки полезных ископаемых и природных богатств, по изучению национального состава населения различных регионов страны. После временной приостановки в 1918—1919 гг. академические полевые практики начали быстро активизироваться. География поездок была весьма широкой: центральные области России, Русский Север, Урал, Сибирь. После завершения Гражданской войны к ним добавились национальные окраины — Средняя Азия, Закавказье, Крым, Украина и Белоруссия. В целях расширения полевых работ по изучению природных ресурсов была создана **Комиссия по научным экспедициям Академии наук** (1921) во главе с С. Ф. Ольденбургом.

Во второй половине 1920-х гг. перед исследователями ставились конкретные узкоспециальные задачи, что определяло и названия экспедиций: по исследованию серных месторождений в Кара-Кумах (1925—1927), Крымская малярийная (1926), Южно-Уссурийская ботаническая (1927), по изучению речной фауны Юго-Восточной Сибири (1927), Забайкальская минералогическая (1927), по исследованию бассейна озера Севан (1927—1930), Тунгусская метеоритная (1928—1929), для изучения соляных озер в Дагестане, Туралинске, Кара-Бугазе, Павлодаре (1928—1930), Среднеазиатская сейсмическая (1928—1929), геоморфологическая на Колыму (1929) и многие другие.

В качестве примера научного освоения отдельных районов приведем изучение Кольского полуострова. В 1918 г. первой направилась на Баренцево море геологическая Лапландская экспедиция П. В. Виттенбурга. Исследования значительно развернулись после ухода войск интервентов с полуострова в 1920 г. Отряды биологов и гидрологов были отправлены на Мурманскую станцию, минералогические экспедиции направились в Хибинский горный массив. Исследование геологической структуры Хибин инициировали академики А. П. Карпинский и А. Е. Ферсман. В горах были обнаружены ценные геологические породы (почти 2/3 известных на то время химических веществ) и богатые апатитовые россыпи — как впоследствии оказалось, крупнейшее в мире месторождение. После оценки перспектив использования залежей апатита был создан горно-промышленный трест «Апатит», который в конце 1920-х гг. начал разработку апатито-нефелиновых руд, а на карте страны появился новый город — Хибиногорск²²⁸.

Жизнь, языки и обычаи коренного населения полуострова изучали этнографы и лингвисты. Неоднократно в разные районы Мурманской области выезжали так называемые «лопарские экспедиции» под руководством этнографа Д. А. Золотарёва. Ими был собран богатый материал по культуре саамов, лопарей, ижемцев.

С годами Кольский полуостров становился важным центром и других исследований — изучения вечной мерзлоты, тектоники, геологической истории. Край вошел в сферу интересов созданной в 1929 г. академиче-

А. Е. Ферсман после 1,5 месяцев пребывания в экспедиции в Хибинах. Август 1923 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 2. Д. 30. Л. 44а

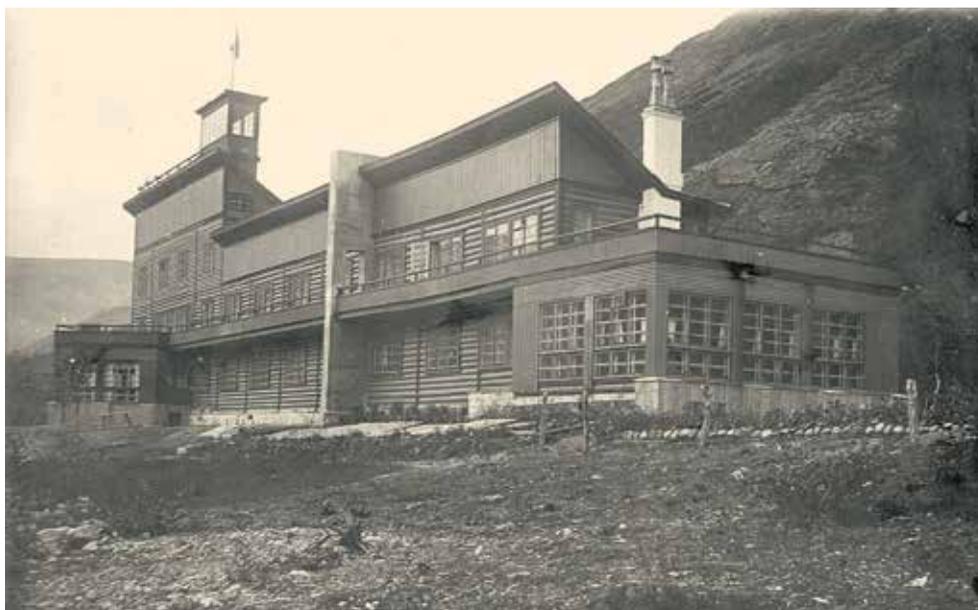
ской Комиссии по изучению вечной мерзлоты, работу которой возглавляли В. А. Обручев и М. И. Сумгин. Изучением радиоактивных минералов Кольского полуострова в 1930-е гг. занимался Радиевый институт Академии наук СССР под руководством В. Г. Хлопина. В 1932 г. для всестороннего изучения недр Кольского полуострова была создана Хибинская горная станция Академии наук СССР.

К середине 1920-х гг. накопленный экспедиционный опыт, приток новых кадров и участие научно-исследовательских институтов позволили постепенно перейти от работы небольших специальных партий и отрядов к более глубокому комплексному изучению целых регионов, осуществляемому сра-

²²⁸ С 1934 г. — город Кировск Мурманской области.

Карта «Хибинских тундр» и апатито-нефелиновых месторождений, составленная по результатам экспедиций В. Рамзая и А. Е. Ферсмана. Начало 1930-х гг.
СПбФ АРАН. Ф. 18. Оп. 3. Д. 1717. Л. 59

Здание Горной станции Академии наук СССР в Хибинах. 1932 г.
СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 5. Д. 17. Л. 85

зу по нескольким направлениям. Одно из крупных комплексных обследований в 1925—1930 гг. проводилось под руководством КЕПС в Якутии.

В составе Академии наук существовали особые комиссии, занимавшиеся организацией и координацией исследований в обширных районах или целых регионах. Такими были, например, Полярная и Монгольская комиссии Академии наук СССР.

Начало научного освоения Севера (территории выше 60° с.ш.) относится еще к XIX в., но в начале XX в. его темпы значительно возросли. В 1914—1915 гг. при Академии наук была организована **Полярная комиссия**, в состав которой входили академики А. П. Карпинский, В. И. Вернадский. О. А. Баклунд, сотрудники Академии П. В. Виттенбург, И. П. Толмачёв, Н. И. Андрусов, Ю. М. Шокальский и др. Деятельность комиссии продолжалась и после революции, приобретя еще бóльшую актуальность. В исследованиях Севера, Арктики и освоении Северного морского пути Академия наук тесно сотрудничала с Высшим советом народного хозяйства РСФСР, а именно с организованной в 1920 г. Северной научно-промысловой экспедицией (Севэкспедицией)²²⁹. В ученый совет Севэкспедиции входили академики А. П. Карпинский (председатель), А. Е. Ферсман (зам. председателя), ученые Н. М. Книпович, К. М. Дерюгин, Л. С. Берг и др. На его заседаниях решались вопросы планирования и координации всех научно-практических работ на огромной территории — от Кольского полу-

острова до Берингова пролива. Главной целью Комиссии было «практическое использование Русского Севера», т.е. исследование и развитие производительных сил, таких как пушной и рыбный промыслы, оленеводство, горнозаводское производство. Накопленные знания позволили бы оказывать консультативную помощь в деле освоения Севера, подготовить руководства по географии и путям сообщения, составить и издать карты. Только в 1921 г. Севэкспедиция снарядила 23 экспедиции общей численностью в 400 человек²³⁰.

Отряды Полярной комиссии Академии наук и Севэкспедиции работали на Северном Урале, на севере Западной Сибири (в бассейне р. Обь, на Гыданском п-ве) и Красноярского края (на р. Хатанге и Нижней Тунгуске), в водах Баренцева, Белого и Карского морей, в Якутии (совместно с Комиссией по изучению Якутской АССР). В их задачи входили съемка местности и течений рек для составления карт, сбор геологического и ботанического материала, установление границ расселения фауны, изучение почвенного покрова, распространения многолетне-мерзлых пород, установление рациональных приемов ведения хозяйства. Север оказался богат такими полезными ресурсами, как медь, асбест, гипс, нефть, свинец, цинк, горный хрусталь и пр. Экономическое освоение тундры и побережья Северного Ледовитого океана привело к индустриализации ранее глухих уголков страны и развитию транспортной сети — речной и железнодорожной.

²²⁹ В 1925 г. Севэкспедиция преобразована в Институт по изучению Севера, в 1930 г. — во Всесоюзный арктический институт.

²³⁰ Дерюгин К. К. Советские океанографические экспедиции. Л., 1968. С. 53.

Пароход «Ставрополь», совершавший каботажные грузовые рейсы по северному побережью Якутии и Чукотки. Вторая половина 1920-х гг.

СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 5. Д. 3. Л. 4

В 1920-е гг. началось изучение островов Новой Земли, Северной Земли, острова Вайгач, проливов Маточкин и Югорский Шар, полуострова Ямал и других участков Ледовитого океана в геологическом, метеорологическом, гидрологическом, промысловом и биологическом отношениях. К концу 1920-х гг. за полярным кругом насчитывалось уже более 20 постоянно действующих метеорологических станций. Постепенное завоевание Арктики закономерно привело к тому, что в 1932 г. был со-

вершен первый в истории проход Северного морского пути в одну навигацию — от Архангельска до Берингова пролива²³¹. Обеспечение безопасности и надежности такого плавания было необходимо не только в военном отношении, но и в целях развития экономики и торговли.

В 1933 г. в Коми АССР начала систематические разведывательные и изыскательные работы Печорская бригада Полярной комиссии Академии наук СССР²³² под руководством А. И. Тол-

²³¹ Повторный поход, предпринятый в 1933 г. пароходом «Челюскин», оказался неудачным: льды раздавили корабль почти у самого финиша. Эпопея спасения оказавшихся на льду челюскинцев хорошо известна. В те трудные дни на дрейфующем корабле, а затем и в ледовом лагере члены команды капитана О. Ю. Шмидта продолжали вести научные наблюдения.

²³² Особенностью северного региона было то, что работы здесь велись преимущественно структурами, аффилированными с ГУЛАГ НКВД СССР. Научные и академические отряды были допущены до обследования края, когда его природные ресурсы, «лежавшие на поверхности» (древесина, каменный уголь и др.), в значительной степени уже были освоены трудом десятков тысяч заключенных и спецпоселенцев.

Гидросамолет «Юнкерс» Ю-13, выполнявший первые надводные полеты у побережья Северного Ледовитого океана. Бухта Тикси. Июль 1927 г.

СПбФ АРАН. Ф, 75. Оп. 5. Д. 3. Л. 31

мачёва. На следующий год в крае развернула деятельность межотраслевая комплексная Печорская экспедиция. Однако деятельность самой Полярной комиссии была прервана в 1936 г.: число научных комиссий было сокращено, Полярную комиссию поглотил Всесоюзный арктический институт.

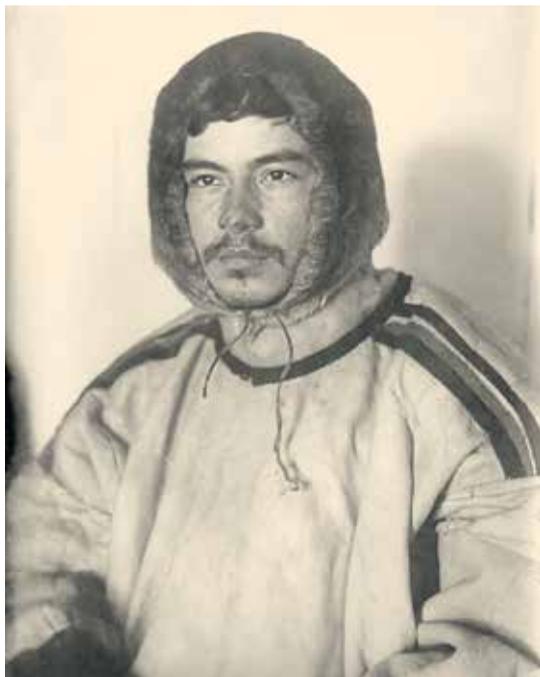
В 1920-е гг. Академия наук включилась в комплексное обследование и изучение территории Монголии и Тувы

*Основание первой советской научной полярной станции на архипелаге Земля Франца-Иосифа. Водружение железного флага СССР на мысе Флора. 30 июля 1929 г. Крайний слева — О. Ю. Шмидт
СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 5. Д. 2. Л. 1*

Океанолог В.Ю. Визе проводит метеорологические наблюдения на борту ледокола «А. Сибиряков» во время первого сквозного плавания по Северному морскому пути за одну навигацию. 1932 г. СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 5. Д. 31. Л. 1

А. И. Толмачёв
СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 5. Д. 31. Л. 9

(Урянхайского края). После образования в 1921 г. Монгольской Народной Республики между ней и Советской Россией установились дружествен-

ные отношения, в том числе и научные. Новые экспедиции должны были укрепить экономические и культурные связи, возникшие еще в XIX в. Знаменитый путешественник-востоковед П. К. Козлов предложил проект трехлетней экспедиции в Монголию, имевшую богатую историю и практически не изученную в экономическом отношении. Идея всестороннего изучения Монголии и прилегающих российских территорий получила поддержку, и в 1925 г. при Совнаркомом СССР была создана **Комиссия по научному исследованию Монголии, Таннугуvinской народной республики и Бурят-Монгольской АССР**²³³. На восток направлялись десятки специалистов для изучения почв, климата, минералогических богатств, флоры и фауны, для составления топографической карты региона, проведения археологических и палеонтологических раскопок, изучения народного эпоса, быта и религии. В результате экспе-

²³³ В 1927 г. комиссия перешла из Совнаркома в состав Академии наук и получила название Монгольская комиссия Академии наук СССР.

*Рабочее заседание первой сессии Международной комиссии по проведению II Международного полярного года в Малом конференц-зале Академии наук СССР. В центре сидит А. П. Карпинский. Ленинград. Август 1930 г.
СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 5. Д. 140. Л. 8*

диций были обнаружены залежи каменного угля, пегматитовые жилы, месторождения топазов, кварца. Одним из громких открытий стало обнаружение археологами могильников востителей хунну, относившихся к I в. н.э.

В 1928 г. состоялась первая международная экспедиция Академии наук

СССР и Чрезвычайной ассоциации германской науки на Памир, в самый его центр — область Танымас. В состав экспедиции входили топографы, астрономы, географы, геологи, минералогии, биологи, лингвисты. Работа осложнялась тем, что требовала применения альпинистских навыков.

*Германский пассажирский дирижабль «Граф Цепеллин» с участием советских специалистов-полярников совершает полет над советской Арктикой. 1931 г.
Рисунок Н.Д. Травина
СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 5. Д. 34. Л. 1*

Впервые были составлены карты региона, в который ранее не ступала нога человека, исследован Заалайский хребет, измерен самый длинный ледник за пределами полярного круга — ледник Федченко, одному из памирских хребтов присвоено имя Академии наук, установлена самая высокая гора Советского Союза, которую называли пиком Сталина (в 1962 г. она была переименована в пик Коммунизма).

В 1920—1930-е гг. возросло число археологических, этнографических и лингвистических экспедиций, работавших параллельно с КИПС. Например, картографические отряды в Поволжье (1924—1926), по созданию монгольской племенной карты (1925), экспедиция для изучения иранских народов в Средней Азии (1925), Карельская антропологическая (1926), Средне-Азиатская этнологическая (1926—1927), для изучения языка удин (в Азербайджане) (1927), Алтайская этнографическая (1927—1928), Туркменская этнографическая и диалектная (1927), Енисейская для изучения племени кетов (1928—1929), Кольская антро-

полого-этнографическая (1929), и многие другие.

В ходе научно-исследовательских и изыскательских работ в изучаемых районах создавались опорные базы, станции, лаборатории, которые позволяли развернуть круглогодичные научные наблюдения. К началу 1930-х гг. работали лимнологическая станция на Байкале, Каракумская метеорологическая, Хибинская горная станции и др. Со временем некоторые из них становились научными центрами академической сети на местах: Кольская, Казахская, Таджикская, Свердловская, Иркутская базы, а отдельные вырастали в территориальные филиалы Академии наук, такие как Уральский, Дальневосточный, Закавказский, Архангельский, Новосибирский, Хабаровский.

Комиссия по научным экспедициям Академии наук СССР в 1926 г. была преобразована в Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР), а в 1928 г. — в Комиссию экспедиционных исследований (КЭИ).

* * *

Итак, принятая Академией наук в 1917 г. стратегия конструктивного сотрудничества с государственной властью успешно работала вплоть до 1929 г. и позволяла Академии по возможности сохранить научный потенциал дореволюционной России и оставаться относительно независимым учреждением. С «великим переломом» завершился период взаимных уступок, изменилась схема взаимоотношений академического сообщества и государства. Смысл проведенной реформы заключался в советизации Академии наук, ограничении ее автономии и установлении политиче-

ского контроля власти над наукой. К моменту перевода Академии наук СССР в Москву в 1934 г. ее деятельность была полностью перестроена под практические нужды государства — Союза Советских Социалистических Республик. Ученый ареопаг превратился в «генеральный штаб» советской науки с разветвленной сетью отделений, филиалов и баз на всем пространстве СССР. Героическими усилиями академических ученых была сохранена преемственность научных традиций и реализовано лучшее, что было создано в отечественной науке в XX в.

СТАНОВЛЕНИЕ НАУКИ: ЛИЧНОСТИ, ШКОЛЫ, ОТКРЫТИЯ

УЧЕННЫЕ-ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ XVIII ВЕКА

ЛЕОНАРД ЭЙЛЕР (1707 – 1783)

Леонард Эйлер родился 15 апреля 1707 г. в Базеле в семье пастора. Детство Леонарда прошло в деревеньке Рихен в предместье Базеля. Его отец, Пауль Эйлер, увлекался математикой. В период обучения в Базельском университете он слушал лекции Якоба Бернулли и защитил диссертацию по теории отношений и пропорций. Благодаря Паулю Эйлеру математика стала любимым занятием сына, причем влияние отца во многом было определяющим в его жизни. Полученное в детстве начальное образование и воспитание в духе христианского благочестия составили фундамент для формирования мировоззрения и научных интересов Л. Эйлера. Затем, переехав к бабушке, Леонард пошел в базельскую латинскую школу. Поскольку математика и естественные науки тогда не входили в программу латинской гимназии, отец Эйлера пригласил преподавателя математики И. Буркхарта для дополнительных занятий, чтобы содействовать развитию явных способностей своего сына.

*Л. Эйлер. Фотокопия с портрета маслом
СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Э. Д. 5. Л. 3*

В 1720 г. юный Л. Эйлер поступил на философский факультет Базельского университета, на котором в то время преподавал выдающийся математик Иоганн Бернулли. Однако в университете, согласно учебной программе,

*Д. Бернулли. Гелиогравиюра
второй половины XIX в.*

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 14. Л. 2

Бернулли преподавал только элементарную математику и астрономию. Познакомиться с новыми методами исчисления бесконечно малых, интегральным исчислением, методами решения дифференциальных уравнений и задач механики можно было только на частных уроках мэтра. Ученый сразу заметил одаренного студента, но наотрез отказал ему в частных уроках, сославшись на занятость. Тем не менее он согласился руководить самостоятельными занятиями юного Леонарда. В своей автобиографии Л. Эйлер писал, что Бернулли дал ему совет, «чтобы я взял сам несколько более трудных книг по математике и проработал их со всем тщанием, а если же мне встретятся препятствие или затруднение, то мне было позволено запросто являться к нему по субботам пополудни, и он был на-

столько добр, что объяснял мне накопившиеся трудности»¹. Так Л. Эйлер получил счастливую возможность обсуждать задачи, передовые для математики того времени, с профессором, который после кончины Г. В. Лейбница был назван «наставником Европы». Л. Эйлер вспоминал, что такой метод занятий как нельзя лучше подходил ему и позволил достичь значительных успехов. В доме профессора Леонард познакомился со многими родственниками ученого, прежде всего с его сыновьями, Николаем II и Даниилом Бернулли, которым суждено было сыграть важную роль в судьбе Л. Эйлера.

В 1722 г. за прочитанную речь в похвалу умеренности Л. Эйлер получил степень бакалавра. В 1723 г. он окончил философский факультет (факультет свободных искусств) и на годичном университетском акте 8 июня 1724 г. произнес речь о сравнении картезианской и ньютоновской философии, получив звание магистра. Пауль Эйлер хотел, чтобы сын пошел по его стопам, поэтому, следуя желанию отца, Леонард поступил на теологический факультет. Однако интерес к математике взял верх. Л. Эйлер продолжал заниматься под руководством И. Бернулли и уже приступил к самостоятельным исследованиям. Отец не стал противиться стремлению сына к занятиям математикой, и Эйлер младший всецело посвятил себя науке.

Изначально научные интересы Л. Эйлера были близки тематике исследований семьи Бернулли. В первых двух его заметках, опубликованных в журнале «Труды ученых» (*Acta eruditorum*) в 1726—1727 гг., исследова-

¹ *Нагель Ф.* Базельские корни Леонарда Эйлера // Леонард Эйлер: К 300-летию со дня рождения. Сборник статей. СПб., 2008. С. 28—29.

на задача об изохронах в сопротивляющейся среде и специальный случай задачи об отыскании траекторий данного однопараметрического семейства плоских кривых. Этими вопросами занимались несколько членов семьи Бернулли. До приезда в Санкт-Петербург Л. Эйлер принял участие в конкурсе Парижской академии наук на написание сочинения о наиболее целесообразной оснастке кораблей мачтами. Швейцария не является морской державой, Л. Эйлер, не выезжавший за пределы своей страны, никогда не видел больших морских кораблей и не мог проверить на практике полученные им теоретические результаты. Однако он считал, что без этого можно обойтись, поскольку в своих изысканиях основывался на бесспорных законах механики. Л. Эйлер не был удостоен премии, но его работа произвела столь благоприятное впечатление на членов конкурсной комиссии, что она была издана в Париже в 1728 г.

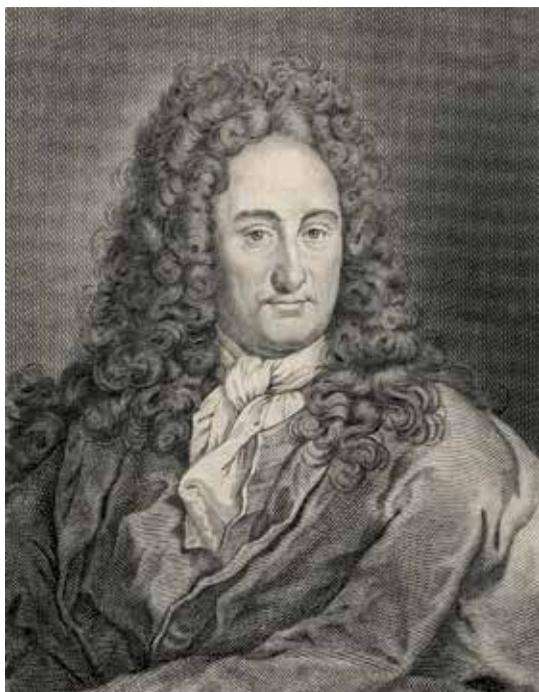
В 1726 г. очень строгий в оценках чужих успехов И. Бернулли, рассматривая результаты своего ученика, отметил: «...счастливейшего дарования юноша Леонард Эйлер, от пронизательности и остроты ума которого мы ожидаем самых больших успехов после ознакомления с той легкостью и изобретательностью, с которой он проник под нашим руководством в сокровенные глубины высшей математики»².

В Швейцарии получить место, особенно профессора математики или физики, молодому ученому было практически невозможно. Следовало надеяться на появление вакансии за рубежом. Сначала случай улыбнулся братьям Ни-

колаю II и Даниилу Бернулли, которые получили очень выгодное приглашение в открывающуюся Императорскую академию наук в Санкт-Петербурге. Их отец, И. Бернулли, благословил сыновей на эту поездку, отметив, что лучше несколько потерпеть от сурового климата страны льдов, в которой приветствуют муз, чем умереть от голода в стране с умеренным климатом, в которой муз обижают и презирают. В 1725 г. перед отъездом в Россию братья Бернулли обещали исколотать место в Петербургской академии и для Л. Эйлера. Свое обещание они смогли выполнить к осени 1726 г., когда в Академии появилась вакансия по физиологии, поэтому время до отъезда Л. Эйлер решил потратить на изучение этой науки. В апреле 1727 г. он отбыл из Базеля и через 50 дней пути, 24 мая 1727 г., прибыл в «рай для ученых», как писал о Санкт-Петербурге Х. Вольф в напутственном письме Л. Эйлеру.

Петербургская академия наук предоставляла исключительные возможности ученым для раскрытия своего научного потенциала. Академия не создавала никаких ограничений научной работе, была хорошо оснащена научными инструментами для проведения исследований, имела свою типографию и библиотеку, хорошо обеспечивала материально. Средний возраст ее членов составлял 35 лет. Академия наук имела наиболее сильный состав математиков и механиков, поскольку подбором кадров для нее занимались известные математики Г. В. Лейбниц и Х. Вольф. К приезду Л. Эйлера в Академии работали математики Я. Герман, Х. Гольдбах, Ф. Х. Майер, Д. Бер-

² Михайлов Г. К. Леонард Эйлер (к 300-летию со дня рождения) // Леонард Эйлер: К 300-летию со дня рождения. Сборник статей. СПб., 2008. С. 9.

Г. В. Лейбниц. Гравюра
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-А. Д. 80. Л. 1

нулли, а также математик, физик и метеоролог Г. В. Крафт, физик и механик Г. Б. Бюльфингер, оптик и механик И. Г. Лейтман. Даниил Бернулли полагал, что Л. Эйлер будет назначен при нем адъюнктом по физиологии, но тот практически сразу был приписан к математическому классу.

Л. Эйлер довольно легко приспособился к условиям жизни в российской столице и сразу принял активное участие в многообразной деятельности Академии наук. Еще в Базеле он начал вести записные книжки³, в которые, помимо бытовых моментов, записывал решения задач, громоздкие выкладки, доказательства теорем, требующие осмысления идеи и гипотезы, планы будущих сочинений. Из записей вид-

³ Записные книжки Эйлера хранятся в академическом архиве в Санкт-Петербурге: СПбФ АРАН. Ф. 136. Оп. 1.

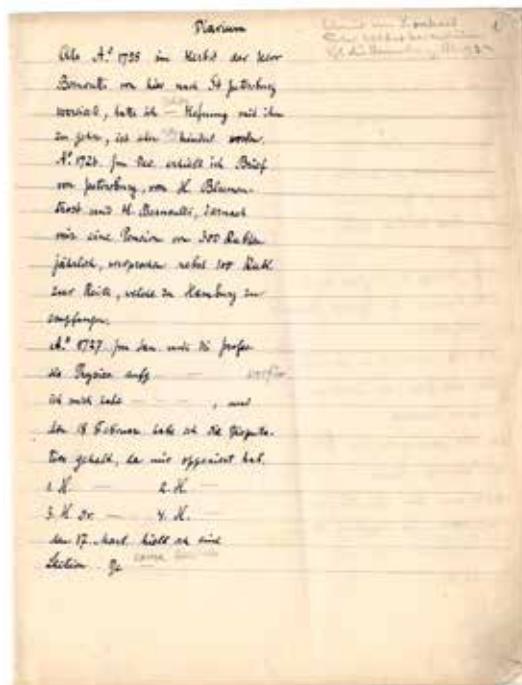
но, что в Санкт-Петербург Л. Эйлер приехал с солидным багажом научных идей, которые собирался реализовать в Академии. Часть этих планов быстро воплотилась в жизнь, реализация других растянулась на десятилетия, а от некоторых ученый нашел в себе благородство отказаться. Так, он отказался от написания большого сочинения по гидравлике, когда Д. Бернулли сообщил ему о подготовке своей книги «Гидродинамика», которая вышла в свет в 1738 г. в Страсбурге. Следует отметить, что запас собственных идей Л. Эйлера был столь велик, что он легко ими делился и не завидовал тем, кому удалось опередить его в каком-либо научном открытии.

Х. Вольф. Гравюра И. Я. Хайда. 1777 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-В. Д. 56. Л. 1

Л. Эйлер всегда удивлял своей невероятной работоспособностью. Он с головой ушел в научную работу, и в 1730-х гг. его сообщения в Конференции Академии наук часто составляли не менее трети от общего количества докладов, запланированных на год. Большое количество докладов по математике и ее приложениям привело к тому, что с августа 1735 по январь 1736 г. было решено проводить отдельные заседания Конференции для математиков, но эта практика не прижилась⁴. В 8 томах академического ежегодника «Комментарии» за 1730—1740 гг. Л. Эйлер опубликовал 58 работ. Даже потеря зрения на правый глаз⁵ осенью 1738 г. никак не сказалась на результативности его деятельности.

В 1731 г. Л. Эйлер получил место профессора теоретической и экспериментальной физики, а в 1733 г. занял кафедру высшей математики. Научный авторитет ученого быстро рос, к 1740 г. он стал одним из наиболее известных математиков Европы. Энциклопедическая широта его научных интересов поражает, за 14 лет первого петербургского периода он проводил исследования в различных областях алгебры, теории чисел, геометрии, математического анализа, механики, физики. Под влиянием Ж. Н. Делиля, опытного астронома-наблюдателя и глубокого теоретика, Л. Эйлер начал активно заниматься астрономией. Он обратился к небес-

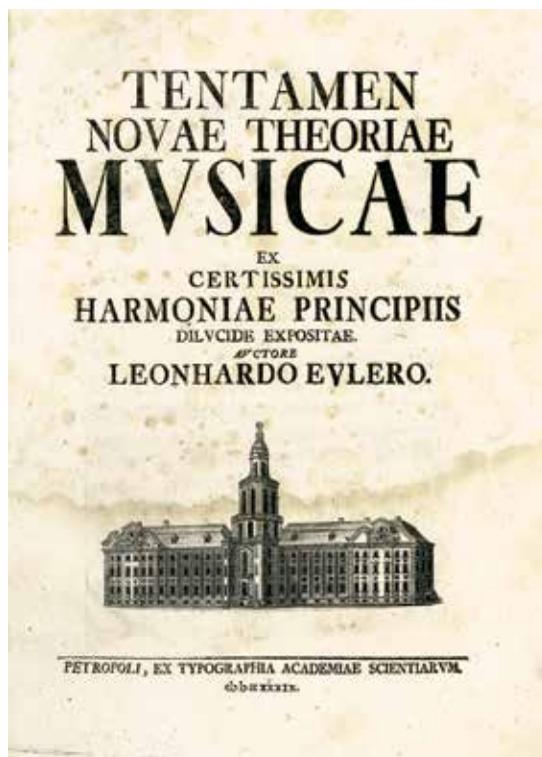
Записная книжка Л. Эйлера «*Diarium*»
(1725—1727). Рукописная копия
СПбФ АРАН. Ф. 136. Оп. 1. Д. 165. Л. 1

ной механике, изучал движение планет и комет, исследовал пятна на Солнце, в 1733—1741 гг. ежедневно утром и вечером проводил наблюдения в астрономической обсерватории Академии наук. Его занимали и вопросы теории музыки, в этот же период он опубликовал «Опыт новой теории музыки, ясно изложенный в соответствии с непреложными принципами гармонии» (*Tentamen novae theoriae musicae ex certissimis harmoniae principiis dilucide expositae*. SPb., 1739). Каталог книг⁶ би-

⁴ Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. С. 149—150.

⁵ Л. Эйлер ослеп на правый глаз в результате абсцесса, развившегося во время болезни, причиной которой стала слишком напряженная работа в Географическом департаменте Академии наук. Н. И. Фус так объясняет причину случившегося: «В 1738 году надо было сделать срочные вычисления, на проведение которых разные академики просили несколько месяцев, а он выполнил их за три дня». И далее: «Работа на силу устойчивости привычки стала для него потребностью, так что из-за нее он часто забывал даже о первейших потребностях человека, еде и сне». См.: Мументалер Р. Швейцарские ученые в Санкт-Петербургской академии наук. XVIII век. СПб., 2009. С. 68—69.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 136. Оп. 1. Д. 134. Л. 192—201 об.

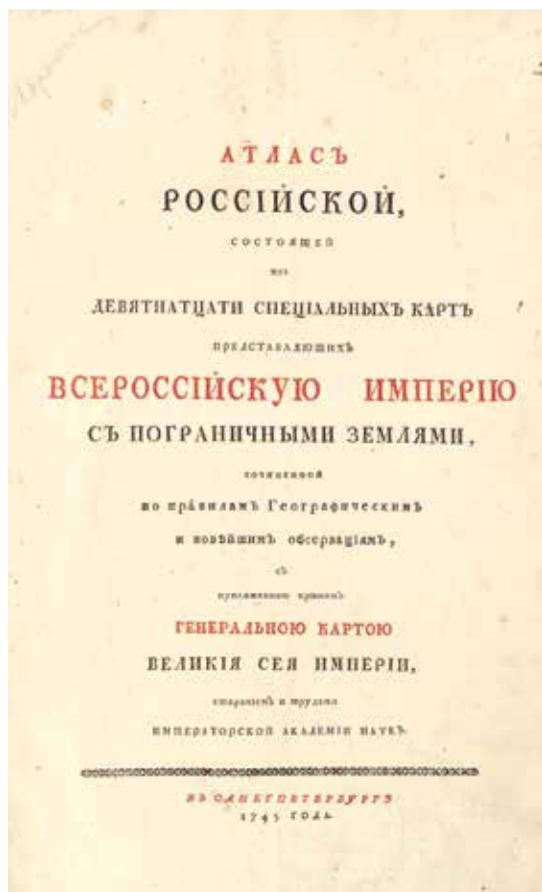

Эйлер Л. Попытка новой теории музыки с лучшими принципами гармонии, разъясненными Леонардом Эйлером (СПб., 1739). Титульный лист

СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 2. Д. 82/Е-16. Л. 1

блиотеки ученого, содержащийся в записной книжке за 1749—1755 гг., свидетельствует о его интересе к истории, классической литературе, богословию, философии, музыке, древним языкам, технике, медицине, естествознанию.

Л. Эйлер охотно участвовал в выполнении различных поручений, которые Академия наук получала от правительственных учреждений. Так, одни из первых его работ были посвящены исследованию наводнений на Неве. В 1730-е гг. Л. Эйлер проделал колоссальную работу по проекту создания Генеральной карты России. В то время эталоном могли служить карты Франции, однако построение общей карты России было сопряжено с целым рядом трудностей, связанных со значительной протяженностью территории страны. Необходимо было разработать такую проекцию соответствующего участка поверхности Земли на плоскость, чтобы все части территории России были отображены адекватно. Л. Эйлер блестяще справился с этой задачей — итогом его работы стало создание «Атласа Российского», изданного в 1745 г.

«Атлас Российской, состоящей из девятнадцати специальных карт представляющих Российскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною притом генеральною картою великия сея империи, старанием и трудами Императорской Академии наук» (СПб., 1745).

Титульный лист

СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 1. Д. 715/А-14. Л. 1

Л. Эйлер обращался к вопросам, имеющим общественный интерес. Он писал рецензии на разнообразные проекты, направлявшиеся в Академию наук на экспертизу: принимал участие в обсуждении проекта подъема большого кремлевского колокола в Москве, в испытаниях и оценке изобретенного А. К. Нартовым пожарного насоса, в проверке весов Инструментальной палаты, Коммерц-коллегии и Петербургской таможни, исследовал различные конструкции карет и т. д.

В число обязанностей Академии наук входило знакомство широкой публики с достижениями науки, издание научно-популярных статей и пособий для учебных заведений. Помимо научной работы, Л. Эйлер читал публичные лекции по физике, математике, логике. Он написал несколько статей для научно-популярного журнала «Примечания» к газете «Санктпетербургские ведомости», например, «О часах с висячим маятником» (1728), «О внешнем виде Земли» (1738), «О том, как должно примечать прилив и отлив» (1740). Эйлер довольно быстро выучил русский язык, свободно изъяснялся и писал по-русски. Это давало ему преимущества по сравнению с другими академиками-иностранцами.

Непростая обстановка в стране в 1730-е гг. привела к сокращению финансирования Академии наук, что подталкивало академиков искать дополнительные заработки. И государство предоставляло им довольно выгодные возможности. В эти годы с Л. Эйлером заключили на очень выгодных для него условиях контракт на написание учебника по теории корабля. Он подгото-

вил первую часть двухтомного труда «Морская наука, или трактат о кораблестроении и кораблевождении»⁷, опубликованную в 1749 г. уже после его отъезда из Санкт-Петербурга. Им также был написан двухтомный труд «Механика, или Наука о движении, изложенная аналитически»⁸ и две части «Руководства к арифметике для употребления в гимназии при Императорской академии наук» (1740). Л. Эйлер читал лекции для воспитанников академической гимназии и университета, преподавал в Кадетском корпусе, что давало стабильную прибавку к жалованию в 400 руб. в год, экзаменовал мастеров и геодезистов, претендовавших на работу в Академии наук.

Казалось, жизнь Л. Эйлера в столице Российской империи складывалась весьма благополучно, молодой ученый пользовался большим уважением и авторитетом. Он был человеком неконфликтным, глубоко верующим, сторонящимся интриг и скандалов, в общении отличался простотой и отходчивой вспыльчивостью, избегал столичных развлечений, в свободное время любил играть на клавесине. В январе 1734 г. Л. Эйлер женился на швейцарке Катарине Гзель, дочери академического художника и учителя рисования гимназии Г. Гзеля. В том же году у четы Л. Эйлеров родился первенец Иоганн Альбрехт, а в 1740 г. — второй сын Карл. Брак был удачным, надежный тыл и размеренная семейная жизнь были необходимы Л. Эйлеру для плодотворной научной деятельности. Перед женитьбой он купил недалеко от здания Академии наук земельный участок, на котором для

⁷ Euler L. Scientia navalis seu tractatus de construendis ac dirigendis navibus. SPb., 1749.

⁸ Euler L. Mechanica sive motus scientia analytice exposita. SPb., 1736.

*Фридрих II Великий, король Пруссии
(1712—1786), почетный член
Императорской академии наук с 1776 г.
С портрета маслом А. Графа (1781)
СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Ф. Д. 194. Л. 1*

семьи был построен просторный деревянный дом. Материально Л. Эйлер был хорошо обеспечен. Начав свою деятельность в Академии в 1727 г. качестве «елева»⁹ (ученика) с жалованием в 300 руб. в год с дополнительными субсидиями на оплату квартиры, дров и свечей, к 1740 г. всеми уважаемый профессор, академик Л. Эйлер имел доход в 1200 руб. в год. Условия работы в Санкт-Петербурге его вполне устраивали.

Но все изменилось после кончины императрицы Анны Иоанновны в октябре 1740 г. На российский престол в возрасте двух месяцев всту-

пил Иоанн VI Антонович, регентом при котором был утвержден герцог Курляндский Э.И. Бирон, выступавший покровителем Академии наук. Вскоре он был свергнут гвардейцами по обвинению в заговоре и осужден на четвертование, замененное пожизненной ссылкой. В Санкт-Петербурге складывалась тревожная обстановка, в столичном дворянстве и гвардии набирало силу недовольство засильем иностранцев во власти. Опасаясь серьезных общественно-политических потрясений, Л. Эйлер принял приглашение прусского короля Фридриха II переехать с семьей в Берлин для работы в создававшейся в то время Берлинской академии наук и словесности. В Санкт-Петербурге не хотели расторгать подписанный незадолго до того контракт, для получения отставки Л. Эйлеру пришлось сослаться на проблемы со здоровьем. После увольнения в мае 1741 г., учитывая большие заслуги перед Академией наук, ему было присвоено звание иностранного почетного члена (1742) и назначена пенсия. 19 июня 1741 г. Эйлер покинул Санкт-Петербург и 25 июля 1741 г. прибыл в Берлин. Так закончился первый петербургский период жизни Л. Эйлера.

Петербургская академия наук дала возможность талантам ученого раскрыться в полной мере, здесь он сформировался как ученый мирового уровня. Уже уехав из Санкт-Петербурга, в 1749 г. в письме к И. Д. Шумахеру Л. Эйлер писал: «Такому вожделенному случаю не только доктор Гмелин обязан всем, что сделало известным его имя, но и я, и все прочие, имевшие счастье состоять некоторое время при

⁹ Название должности «адъюнкт» стало употребляться с 1728 г. См.: *Копелевич Ю. Х. Указ. соч. С. 140.*

русской Императорской академии. Мы должны сознаться, сколько обязаны благоприятным обстоятельствам, в которых только там находились. Что собственно до меня касается, то в случае неимения такого превосходного случая, я бы вынужден был главнейше прилежать к другим наукам, от которых, по всем признакам, я бы отупел только. Его королевское величество недавно меня спрашивал: где я изучал то, что знаю? Я, согласно истине, отвечал, что всем обязан моему пребыванию в Петербургской академии наук»¹⁰.

Претендовавший на роль просвещенного монарха король Пруссии Фридрих II решил создать в Берлине блестящую Академию наук, пригласив в нее крупнейших ученых Европы. Украшением Академии, безусловно, стал Л. Эйлер. Однако Фридрих не считал его подходящей кандидатурой на должность президента Академии наук, поскольку Л. Эйлер всю жизнь оставался простым, лишенным светского лоска базельским бюргером, всецело сосредоточенным на занятиях наукой. Фридриху нужен был придворный философ, обладающий светскими манерами и владеющий салонным остроумием. Прусский король был поклонником французской культуры и сделал французский официальным языком своей Академии. В 1745 г. президентом Берлинской Академии наук он назначил французского физика П. Л. Моро де Мопертюи, незадолго до этого возглавившего знаменитую экспедицию по измерению длины дуги одного градуса меридиана в Лапландии. 3 февраля 1746 г. Л. Эйлер был назначен директором математического класса Академии. Между двумя

учеными установились теплые отношения, чего нельзя было сказать об отношениях Л. Эйлера с Фридрихом II.

Л. Эйлеру приходилось часто замещать президента Академии наук, который из-за плохого состояния здоровья подолгу жил во Франции. Так, число обязанностей ученого заметно увеличилось, но благодаря своей невероятной работоспособности и умению разумно распределить время он смог, несмотря на большую административную работу, еще более интенсивно проводить научные исследования.

Особенно много Л. Эйлер сделал в области гидротехники и гидромеханики: консультировал работу по проведению Финов-канала между Одером и Гавелем, занимался водоснабжением фонтанов королевской резиденции в Потсдаме, вопросами разработки гидравлических машин. Созданная им теория послужила основой для современного гидротурбиностроения. По контракту, заключенному еще в Санкт-Петербурге, Л. Эйлер завершил работу над «Морской наукой» — это сочинение вместе с «Механикой» (1736) составило одну из основ фундамента рациональной механики. Он продолжил занятия вопросами артиллерии, баллистики, изучал технологию солеварения, рассматривал проекты лотерей, вопросы страхования и многое другое.

В этот период Л. Эйлер продолжил занятия оптикой, в частности, исследовал явление хроматической аберрации. Он пришел к заключению о возможности изготовления ахроматических линз любой силы, составленных из материалов с различными показателями, что было важно для изготовления телеско-

¹⁰ Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 265.

П. Л. М. де Мопертюи.
Гравюра Ж. Долле. 1741 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-М. Д. 65. Л. 1

пов. Итоги своих исследований в этом направлении он изложил в трехтомной «Диоптрике» (*Dioptrica*), изданной уже по возвращении в Санкт-Петербург в 1769 — 1771 гг.

На протяжении 25 лет жизни в Берлине Л. Эйлер постоянно поддерживал тесные научные связи с Петербургской академией наук. За этот период он опубликовал в изданиях Академии наук около 100 научных статей, продолжал работать над монографиями, издававшимися в России. Ученый принимал у себя пансионеров из России — молодых ученых, которые при-

езжали к нему на стажировку и жили у него на полном пансионе, оплачивавшемся Петербургской академией наук. Он занимался с русскими учениками, всячески поддерживал своими благоприятными отзывами первые научные опыты молодых ученых. Среди его пансионеров были В. Е. Адодуров, С. К. Котельников, С. Я. Румовский, Г. Н. Теплов, М. Софронов, Б. А. Волков, М. Е. Головин, племянник М. В. Ломоносова, будущий президент Академии наук К. Г. Разумовский. Л. Эйлер закупал для Академии наук инструменты и книги, редактировал математический отдел ее «Записок», писал отзывы на научные работы, предлагал темы для международных конкурсов Петербургской Академии и привлекался к решению сложных научных и организационных вопросов. Так, Л. Эйлер дал похвальный отзыв на сочинения М. В. Ломоносова, защитив его от нападок И. Д. Шумахера. В 1760 г. Л. Эйлер писал: «Я до сих пор работал для Императорской академии, не как отсутствующий член, но наверно так же много, как бы я состоял там на лицо»¹¹.

Ученый занимался и подбором кадров для Петербургской академии, в том числе технического персонала. Он высоко ценил мастеров, работавших в академических мастерских. Когда И. Д. Шумахер обратился к ученому с просьбой подыскать для Петербургской академии механика, Л. Эйлер посоветовал отправить в Берлин какого-нибудь русского юношу, интересующегося математикой и механикой для обучения у него и у И. Н. Либеркюна. Отметив, что немец редко умеет сделать что-то, чему не был обучен,

¹¹ Пекарский П. П. Указ. соч. С. 279.

в то время как самые простые русские люди берутся за все и как правило справляются с поставленной задачей¹².

Л. Эйлер и Фридрих II были полными антиподами, «король-просветитель» не раз позволял себе довольно грубо подшучивать над ученым, не желавшим примкнуть к шумной толпе придворных льстецов. Положение Л. Эйлера ухудшилось уже в 1747 г., когда он выступил против модных при дворе атеистических идей, опубликовав свое сочинение «Спасение Божественного Откровения от упреков вольнодумцев»¹³. Ученый выступил против положений философии Х. Вольфа, весьма популярных при дворе. Напряжение в отношениях между Л. Эйлером и Фридрихом II постепенно нарастало. Переговоры с Петербургской академией о возможности возвращения начались в 1763 г. После того, как в 1764—1765 гг. у Эйлера возник конфликт по поводу ведения финансовых дел Академии, он принял окончательное решение покинуть Берлин. 2 февраля 1766 г. Л. Эйлер обратился к королю с просьбой об увольнении: потребовалось вмешательство Екатерины II, чтобы математик смог со всей семьей вернуться в Санкт-Петербург.

Возвращение ученого было триумфальным. По приглашению польского короля он провел 10 дней в Варшаве, затем несколько дней в Митаве у герцога Курляндского, а 28 июля 1766 г. был принят с большими почестями в Санкт-Петербурге. Екатерина II удовлетворила просьбу Л. Эйлера, назначив ему оклад в 3000 руб. в год и предоставив место профессора фи-

зики Академии его сыну Иоганну Альбрехту с жалованием в 1000 руб. в год. Императрица велела выделить значительную сумму на переезд семьи Эйлера и на покупку собственного дома в Санкт-Петербурге. Екатерина II предоставила Эйлеру аудиенцию, на которой он высказал свое мнение об улучшении организации работы Академии наук. В результате была создана Комиссия по реорганизации всех академических департаментов под руководством графа В. Г. Орлова. Однако Екатерина II вскоре утратила интерес к предложениям Л. Эйлера.

Осенью 1766 г. Л. Эйлер тяжело заболел, в результате чего он потерял зрение на остававшийся невредимым левый глаз. Почти полностью лишившись зрения, он мог лишь различать крупные буквы, написанные мелом на большой грифельной доске. Как ни парадоксально, но это трагическое обстоятельство не отразилось на его работоспособности, наоборот, количество работ только возросло. Ученый обладал феноменальной памятью и мог выполнять сложные выкладки в уме, не ошибался и получал результат быстрее коллег, пользовавшихся бумагой. Однако для плодотворной работы ему нужны были помощники-секретари, среди которых был его сын Иоганн Альбрехт, Л. Ю. Крафт, А. И. Лексель, М. Е. Головин и, наконец, Н. И. Фус, которого Д. Бернулли подыскал Эйлеру в качестве постоянного секретаря. Помощники читали Л. Эйлеру необходимые статьи, вели переписку, он диктовал им свои сочинения, насколько это было возможно, и поручал им окон-

¹² Мументалер Р. Указ. соч. С. 70.

¹³ Euler L. Rettung der göttlichen Offenbahrung gegen die Einwürfe der Freygeister // Leonhardi Euleri Opera Omnia. Ser. 3. Vol. 12. P. 1—265.

чательное оформление работ. В 1771 г. известный окулист фон Венцель провел Л. Эйлеру операцию по удалению катаракты с левого глаза, но это привело лишь к кратковременному улучшению зрения. Несмотря на проблемы со зрением, Л. Эйлер продолжал привлекать к обсуждению проектов и проведению экспертиз. Так, в 1776 г. он изучал проект моста через Неву, предложенный И. П. Кулибиным, и вел переписку с Д. Бернулли по этому поводу.

Тяжелым испытанием для семьи Эйлера стал пожар, случившийся в 1771 г., уничтоживший дом и большую часть имущества. Слепому Л. Эйлеру из горящего дома вынесли на руках. Сгорела библиотека ученого, но его рукописи удалось спасти. Материальный ущерб был частично компенсирован императрицей, был построен большой новый дом¹⁴, Л. Эйлеру пришлось учиться ориентироваться в нем. В 1773 г. он потерял супругу, с которой счастливо прожил более 40 лет. В 1776 г. ученый вторично женился на ее родной сестре С. А. Гзель.

Второй петербургский период жизни Л. Эйлера связан со многими его крупными сочинениями. Ученый привез из Берлина множество рукописей, которые не смог или не успел там закончить. К их числу относятся три тома «Писем о разных физических и философических предметах писанных к одной немецкой принцессе», адресованные двум сестрам, племянницам Фридриха II и изданные в Санкт-Петербурге в 1768—1774 гг. Это издание можно считать небольшой научной энциклопедией, содержащей популяр-

ное изложение основ естествознания и философии того времени в трактовке Л. Эйлера. Оно было многократно переиздано на разных европейских языках. Особое место среди работ занимает начатый еще в Берлине трехтомный труд «Интегральное исчисление» (*Institutiones calculi integralis*. SPb., 1768—1770), который объединяет в себе не только интегральное исчисление как таковое, но и теорию обыкновенных дифференциальных уравнений и уравнений с частными производными и вариационное исчисление. Данный труд, наряду с первым томом «Введения в анализ бесконечных» (1748) и «Дифференциальным исчислением» (1755), составлял, по замечанию А. П. Юшкевича¹⁵, аналитическую трилогию Л. Эйлера. В этих сочинениях собраны основные результаты ученого, существенно обогатившие математический анализ. Большое значение для преподавания математики имел двухтомник «Универсальная арифметика» (1768—1769), который служил образцом для написания руководств по алгебре для средних учебных заведений вплоть до начала XX в. Согласно преданию, для написания этого сочинения ослепший Л. Эйлер привлек юного слугу, который помогал на кухне и умел лишь читать и писать. Ученый хотел выяснить, действительно ли его алгебра будет достаточно понятна. Эксперимент оказался столь удачным, что юноша увлекся математикой.

Это кажется невероятным, но из примерно 560 опубликованных при жизни работ Л. Эйлера примерно половина была издана именно во второй петербургский период, т.е. на протяжении

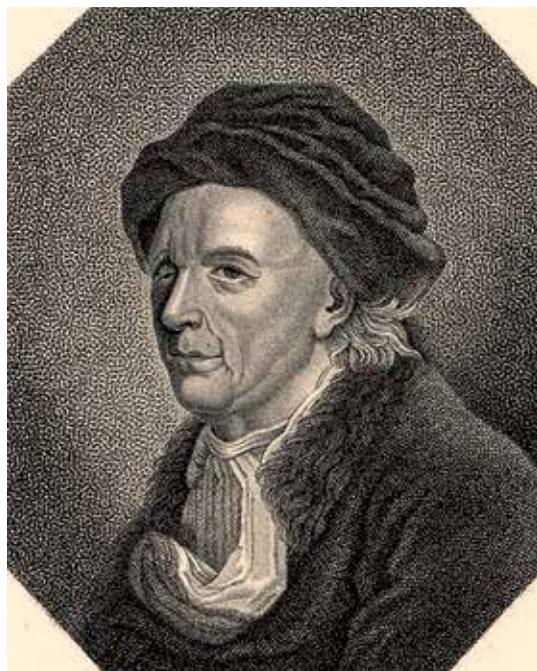
---

¹⁴ Этот дом сохранился до наших дней: наб. Лейтенанта Шмидта, д. 15.

¹⁵ Юшкевич А. П. Леонард Эйлер. М., 1982. С. 33—45.

последних 17 лет его жизни. Научное наследие Л. Эйлера необозримо¹⁶, оно охватывает практически все разделы чистой и прикладной математики, механики, физики, астрономии того времени, а также теорию музыки и философию.

Для науки XVIII в. актуальной была необходимость перехода от поисков искусных приемов решения отдельных задач в той или иной области чистой или прикладной математики к развитию систематически построенной общей теории. Решению этой задачи с использованием широчайших возможностей математического анализа и было посвящено, в своей значительной части, творчество Л. Эйлера. Кроме того, он обладал поразительным умением обращения любой практической задачи в красивую математическую теорию, что открывало широкие возможности использования математического аппарата в сугубо инженерных и технических задачах. Научная мысль ученого на столетия опережала время. Глубина его интуиции и суждений, например, связанных с использованием расходящихся рядов или понятием функции, подвергавшихся острой критике современников, в своей полноте раскрылась только в наше время. Л. Эйлер предложил научному сообществу существенно иной стиль изложения теоретического материала, более легкий и понятный. Академик М. В. Остроградский писал в XIX в.: «Эйлер увлек за собой после-

Л. Эйлер. Гравюра С. Т. Риделя (первая половина XIX в.) по портрету И. Ф. Дарбеса (1778)
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Э. Д. 2. Л. 1

дующие поколения и научил их думать и писать так, как думал и писал он сам»¹⁷.

Под конец жизни Л. Эйлер перестал ездить на заседания Академии наук, причем не только по состоянию здоровья, но и из-за расхождений с директором Академии С. Г. Домашневым. Назначение директором княгини Е. Р. Дашковой, проявлявшей глубокое уважение к Л. Эйлеру и другим академикам, давало надежды на позитивные изменения в работе Академии наук. Но эти изменения Эйлеру уже не суждено было увидеть. 18 сентября 1783 г. Л. Эйлер «прекратил вычислять и жить».

¹⁶ «Opera omnia» Л. Эйлера публиковалось под эгидой Швейцарского общества естествоиспытателей более ста лет, вплоть до начала XXI в. Не считая обширной переписки ученого, собрание сочинений содержит 72 тома общим объемом около 30000 страниц.

¹⁷ Остроградский М. В. Педагогическое наследие, документы о жизни и деятельности. М., 1961. С. 308.

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ (1711—1765)

*М. В. Ломоносов. Литография с портрета
А. С. Миропольского (1787),
копии портрета Г. Преннера (1755)
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Л. Д. 49. Л. 1*

Имя Михаила Васильевича Ломоносова неотделимо от Академии наук восемнадцатого столетия. Вся многогранная творческая и общественная деятельность М. В. Ломоносова, длившаяся почти четверть века, была неразрывно связана с Петербургской академией наук (по Регламенту 1747 г. Императорской академией наук и художеств в Санкт-Петербурге). Русский гений сам себя не мыслил вне стен Академии, где сумел реализоваться в полной мере, где приобрел известность и признание. Красноречивым подтверждением этому служит эпизод из исторических анекдотов о М. В. Ломоносове. По воспоминаниям современников, когда на одной из его встреч

со своим меценатом, царедворцем Иваном Ивановичем Шуваловым, во время беседы они заспорили, рассерженный покровитель ученого в запальчивости пообещал отставить его от Академии, М. В. Ломоносов же гордо парировал со словами: «Нет, разве Академию от меня отставят».

При учреждении Академии Пётр I на начальном этапе пригласил в Россию талантливых иностранных ученых. Они своей научной активностью способствовали становлению Академии на пользу российскому государству, но языковые и конфессиональные барьеры отделяли небольшое научное сообщество от русской среды. В те времена научные диспуты вели преиму-

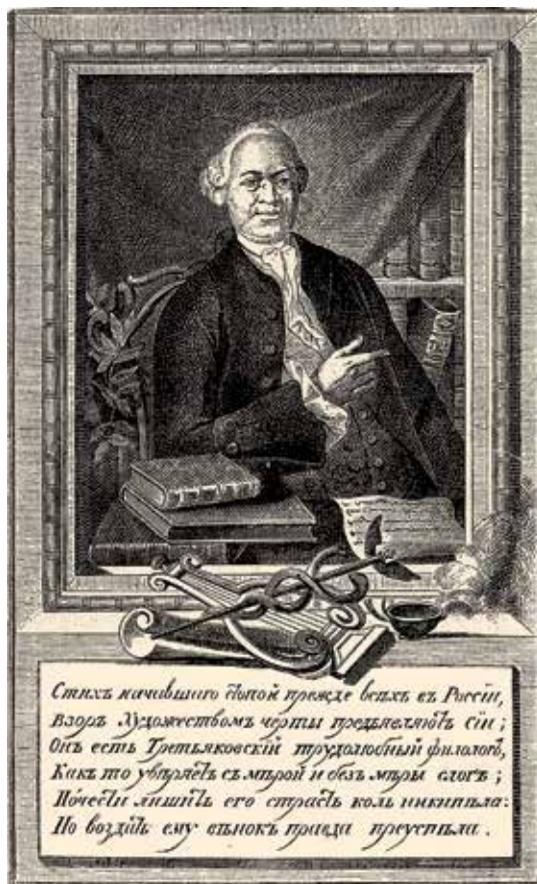

*И. И. Шувалов. Литография с портрета маслом
работы М. А. Э. Виже-Лебрэн (1797)
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ш. Д. 25. Л. 1*

щественно на латинском языке, на нем публиковали и академические труды. Публичные же лекции проводили на немецком или французском языках. В результате научные достижения были малодоступны для большей части русской аудитории.

К началу 1740-х гг., моменту появления в Академии наук М. В. Ломоносова, в академическом научном сообществе уже трудились первые отечественные ученые: В. Е. Аодуров, С. П. Крашенинников, Н. И. Попов, В. К. Тредиаковский. Каждый из них внес свой вклад в развитие науки в России, в пробуждение интереса к образованию, научным занятиям в русском обществе, но наиболее заметную роль в этом процессе сыграл именно М. В. Ломоносов. Обладая государственным складом ума, он рассматривал науку как важную составляющую государственного устройства и, заложив основы русского не только литературного, но и научного языка, сумел сломать основные препятствия на пути приобщения русских людей к занятиям наукой.

Родившийся в разгар петровских реформ, М. В. Ломоносов был истинным «птенцом гнезда Петрова». Сын черносошного крестьянина-помора, обладая дерзким умом, поморской «упрямкой», неустрашимым характером, сумел получить лучшее по тем временам образование в России и Европе, а благодаря выдающимся способностям, широте мировоззрения, масштабу научных изысканий, амбициям и смелости в отстаивании своих взглядов добился высокого положения в Академии, стал академиком, советником Канцелярии, руководителем всех научных подразделений, куратором гимназии и университета, получил признание в обществе.

В. К. Тредиаковский. Копия с гравюры
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Т. Д. 13. Л. 1

Академия наук при создании не имела статуса в Табели о рангах, где был установлен порядок прохождения службы и получения чинов. Это ущемляло права академических служащих, в большинстве выходцев из бесправного в то время «третьего сословия», и побуждало их искать себе покровителей (далеко не всем это удавалось). М. В. Ломоносову покровительствовали наиболее влиятельные особы при дворе — И. И. Шувалов, М. Л. Воронцов, Г. Г. Орлов. К нему благоволила императрица Елизавета Петровна, одарившая ученого званием, чином, землями. Сам М. В. Ломоносов с большим пиететом относился к дочери Петра I как продолжательнице петров-

ских начинаний, проявлявшей заботу об Академии наук. Это нашло отражение в «торжественных» высокопарных одах, в первом ораторском произведении М. В. Ломоносова «Слово похвальное Ея Величеству Государыне Императрице Елизавете Петровны...» (1749) и других сочинениях, ей посвященных. Ученый не раз бывал на приемах у императрицы. Знаковой для него стала поездка в Царское село в августе 1750 г. по приглашению И. И. Шувалова, где состоялась высочайшая аудиенция и где Ломоносову удалось затронуть тему практической пользы науки для государства, сообщить о результатах своих опытов по созданию цветного стекла. Он посвятил этому событию восторженную «Оду, в которой Ея Величеству благодарение от сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость в Сарском селе августа 27 дня 1750 года» (1750). Через полгода М. В. Ломоносову «за отличное в науках искусство» был пожалован чин коллежского советника, который давал право на потомственное дворянство.

Воодушевленный царственной поддержкой, ученый с неутомимой энергией занимался разносторонней деятельностью в Академии наук, налаживал производство цветного стекла на созданной им фабрике, выполнял различные заказы своих благодетелей. На царствование Елизаветы Петровны пришелся самый плодотворный период его научного, поэтического, художественного творчества. Закономерно, что в «печальную комиссию», организованную для погребения императрицы в Петропавловском соборе,

М. В. Ломоносов был назначен «маршалом при корпусе Академии наук, Московского университета, Академии художеств и членом, профессором и служителей не ниже секретаря»¹⁸.

Отношения М. В. Ломоносова с Екатериной II были сложнее. В начале своего царствования императрица подписала указ об отставке ученого, но чуть позже отменила свое решение, а впоследствии в знак признания заслуг М. В. Ломоносова присвоила ему чин статского советника (1763). По представленному академиком проекту поиска прохода Северным океаном на Камчатку императрица издала секретный указ для Адмиралтейств-коллегии о подготовке при его непосредственном участии к северной морской экспедиции. Мечта М. В. Ломоносова о пользе науки для государства воплотилась в жизнь. Он до последних дней отдавал много времени и сил этому грандиозному проекту. 7 июня 1764 г. Екатерина II удостоила академика особой монаршей милости, посетив его в собственном доме на Мойке. После смерти М. В. Ломоносова императрица приказала его «казенные долги» простить.

С одобрения Екатерины II учебники Ломоносова, его исторические труды, поэтические произведения были включены в программу обучения наследников престола. Наставник великого князя Павла Петровича С. А. Порошин, обучая 10-летнего воспитанника, пресекал колкие высказывания царственного отрока в адрес ученого, прививал уважение к его заслугам. «Ломоносов имеет много завистников. Но сие самое доказывает его достоинство. Ве-

---

¹⁸ Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова / ред. А. В. Топчиев, Н. А. Фигуровский, В. Л. Ченакал. М.: Л., 1961. С. 373.

Жалованная грамота
М. В. Ломоносову
на владение участком
в Усть-Рудице
для устройства фабрики
«цветных стекол».
Титульный лист.
2 сентября 1756 г.
СПбФ АРАН. Ф. 20. Оп. 2.
Д. 8. Л. 1

ликие дарования всегда возбуждают зависть»¹⁹. Увещевания С.А. Порошина не прошли бесследно. Став императором, Павел I в 1798 г. издал указ, по которому «Во уважение памяти и полезных знаний знаменитого Санкт-петербургской Академии наук профессора статского советника Ломоносова» все поколения его крестьянской родни по линии сестры по отцу исключались из подушного оклада и освобождались от рекрутского набора. Сам М.В. Ломоносов был исключен из подушного оклада только в 1747 г.

Для России XVIII столетия М. В. Ломоносов, выходец из низкого, «подлого» сословия, попавший в число избранных, был некой загадкой. Понять феномен его личности пытались как почитатели ученого, так и его недоброжелатели. Практически все отмечали выдающиеся способности Ломоносова, тягу к знаниям. Отмечали также его физическую силу, твердость характера, предприимчивость, веселый нрав и остроумие, щедрость и добродушие, но одновременно обостренное самолюбие, умение постоять за себя, го-

¹⁹ Порошин С.А. Из «Записок, служащих к истории... великого князя Павла Петровича» // Михаил Ломоносов глазами современников: Документы. Письма. Записки. Статьи. Эпитафии и панегирики. Надписи / сост. Г. Г. Мартынов, ред. Б. А. Градова. М., 2011. С. 187.

рячность и вспыльчивость. Сам о себе М. В. Ломоносов писал, что «не лишен дарования и прилежания в учении», но главное, имел «терпение и благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий к распространению наук в отечестве». Введенное им в обиход слово «упрямка» вобрало в себя такие качества характера, как упорство, способность противостоять и настоять на своем, что и проявлял М. В. Ломоносов в жизни — «упрямка славная была ему судьбина» (Из «Разговора с Анакреонтом»)²⁰.

Особенности его характера отражались и в личной жизни. Известно, что ученый особенно ни с кем не сближался, друзей у него практически не было, о семье он заботился, но, по воспоминаниям современников, с родными был достаточно суров. Не исключено, что М. В. Ломоносов выстроил отношения в семье, следуя поморским традициям, в которых он воспитывался сам. В поморских семьях отец был беспрекословным главой, молчаливое послушание всех домочадцев и соблюдение тишины в доме было обязательным. М. В. Ломоносов не раз писал своему покровителю И. И. Шувалову, что вместо светских развлечений и пустых разговоров он предпочитает уединенный образ жизни в семейном кругу с женой и дочерью в тишине, заполняя досуг научными исследованиями.

О себе и своей личной жизни, наполненной романскими сюжетами, М. В. Ломоносов сообщал лаконично. Записанные с его слов факты биографии нередко противоречили друг другу, начиная с происхождения, даты рождения, но наиболее противоре-

чивыми были свидетельства о насыщенных приключениями юношеских годах. Не случайно уже при жизни ученого вокруг его имени сложилось немало легенд.

Официальная дата рождения Ломоносова 8 (19) ноября 1711 г. утвердилась с 1896 г., на протяжении XVIII в. лаконично сообщалось, что Михайло родился в 1711 г. в Куростровской волости, близ Холмогор в семье черносошного крестьянина-помора Василия Дорофеевича Ломоносова и Елены Ивановны Сивковой, дочери дьякона села Мятигоры, обученной грамоте (в отличие от мужа). Мать знакомила Михайлу с азами грамотности, но ее не стало, когда сыну было 10 лет. Воспоминаний о ней он не оставил, зато упоминал о «злой и завистливой» мачехе, которая настраивала против него отца, «по натуре доброго человека, крепкого хозяина».

Василий Дорофеевич занимался в основном рыбным промыслом. Предприимчивый по натуре, он одним из первых среди поморов построил «новоманерное» судно «с корабельной оснасткою» — гукор, занялся перевозкой грузов и торговлей. Юный Михайло на этом судне вместе с отцом уходил на промысел в Белое и Баренцево моря, доходил до Колы и Северного Ледовитого океана, доставлял грузы из Архангельска до Мурман (Мурманска), в Соловецкий монастырь, к берегам Лапландии. Он помогал необученному грамоте отцу в торговых делах, уже с 13 лет писал за него расписки.

Чтению и письму с согласия отца Михайло обучался у соседа, крестьянина Ивана Шубного (отца скульпто-

---

²⁰ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Изд. 2-е испр., доп. Т. 10. М.; СПб., 2012. С. 457; Т. 8. С. 694.

ра Ф. И. Шубина) и дьячка Сабельникова, с книгами познакомился в доме Христофора Дудина, сына холмогорского священника. После его смерти юный М. В. Ломоносов получил в дар от семьи «Арифметику» Леонтия Магницкого, «Граматику» Мелентия Смотрицкого и «Псалтырь» Симеона Полоцкого, которые впоследствии назвал «вратами своей учености».

С раннего возраста М. В. Ломоносов проявлял удивительную наблюдательность и любознательность, отмечал природные явления северного края, присматривался к жизни коренных народов, населявших прибрежные земли — лопарей (саамов), самоедов (ненцев), с которыми общался на протяжении нескольких лет. Ученый в своих научных трудах неоднократно использовал приобретенный в юности практический опыт и наблюдения. Так, собирая материалы для «Истории Российской империи» Вольтера, М. В. Ломоносов в своих комментариях отметил, что «лопари отнюдь не черны», а лопарки «своей белизной» «самую свежую треску превосходят»²¹.

Жизнь юного помора была наполнена разнообразными впечатлениями, проходила в окружении различных культурных традиций, в многоязычной среде. Он часто бывал в Архангельске, главном торговом порту конца XVII — начала XVIII вв., куда заходили иностранные морские суда с различными товарами (их складировали в «немецкой части» Гостиного двора рядом с «немецкой слободой»), где жили иностранцы, сохранявшие свой уклад жиз-

ни, вероисповедание, язык. Прибывали на торги и московские купцы, говорившие на московском диалекте, заметно отличавшемся от поморского, родного для М. В. Ломоносова. Основой «поморской говоря» был новгородский диалект, вобравший много слов и терминов из языков соседних народов. Неудивительно, что М. В. Ломоносов, обладая феноменальной памятью, с юных лет впитывая многоязычный говор, быстро усваивал иностранные языки. Современников, не знавших среду, в которой вырос М. В. Ломоносов, поражала его восприимчивость к языкам. «Начав учиться иностранным языкам в таких уже летах, в коих многие за невозможность почитают в них упражняться, достиг он до великого совершенства. Ломоносов вел переписку на немецком языке, писал и говорил, как почти на своем природном; латинский знал очень хорошо и писал на нем; французский и греческий разумел не худо; а в знании российского языка, яко его природного и им много вычищенного и обогащенного, почитался он в свое время в числе первых»²². По различным сведениям, М. В. Ломоносов владел на разном уровне 10—20 языками.

Соприкосновение с отличными от поморских культурными традициями, чтение книг пробудили в молодом М. В. Ломоносове стремление познать окружающий мир и найти свое место в нем. Жажда знаний привела его сначала к старообрядцам, а затем побудила 19-летнего юношу тайком от отца навсегда покинуть родные места, уйти с рыбным обозом в Москву, где он по-

²¹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Изд. 2-е испр., доп. Т. 6. М.; СПб., 2012. С. 224.

²² Новиков Н. И. Из «Опыта исторического словаря о российских писателях» // Михаил Ломоносов глазами современников: Документы. Письма. Записки. Статьи. Эпитафии и панегирики. Надписи / сост. Г. Г. Мартынов, ред. Б. А. Градова. М., 2011. С. 31, 32.

ступил в Славяно-греко-латинскую академию (Спасские школы) — первое высшее учебное заведение в стране, основанное в 1685 г. учеными греками братьями Лихудами. Академия давала обширные знания в области гуманитарных наук, была ориентирована на подготовку священнослужителей, но Пётр I частично реорганизовал ее с целью подготовки специалистов для государственных нужд. Здесь обучали красноречию, риторике, логике, греческому языку, латыни. Из стен Академии, наряду с М. В. Ломоносовым, вышли многие яркие деятели культуры и науки XVIII в.

Первоначально Академия была всесословной, но с 1728 г. в нее было запрещено принимать детей «подлого» сословия. Это не остановило поморского юношу в 1731 г., когда он пришел в Москву. При поступлении он скрыл свое крестьянское происхождение и выдал себя за сына холмогорского дворянина. Подлог обнаружился через три года, когда М. В. Ломоносов назвал поповичем, решив стать священником, чтобы отправиться в Оренбургскую экспедицию с обер-секретарем Сената И. К. Кириловым. Сурового наказания удалось избежать благодаря заступничеству Феофана Прокоповича, оценившего талантливого и трудоспособного ученика, на тот момент закончившего за три года шестилетний курс обучения. М. В. Ломоносов покался перед Синодальным управлением и на некоторое время покинул Москву. Почти год он провел в Киево-Могилянской академии, затем вернулся и продолжил учебу в Спасских школах, передумав принимать священный чин. В это время открылись новые перспек-

тивы, связанные с Петербургской академией наук, куда регулярно отбирали лучших выпускников.

Закончить обучение в Славяно-греко-латинской академии могли далеко не все поступавшие: жизненные условия и сама система преподавания были настолько трудными, что многие бросали учебу. Иногородним учащимся негде было жить, они либо искали ночлега в городе, либо ютились в коридорах и сенях, куда их пускали монахи за небольшую плату или различные услуги. Учащимся платили весьма маленькое жалованье, на которое они кормились, одевались, покупали бумагу, свечи, постоянно пребывая в нужде.

М. В. Ломоносов, несмотря на трудности, благодаря поморской «упрямке» смог преодолеть все препятствия и за пять лет получил обстоятельное гуманитарное образование. Своим упорством и стремлением к знанию он сумел выделиться из числа сокурсников и в числе 12 учащихся был отобран для продолжения обучения в университете Академии наук.

1 января 1736 г. ученики Спасских школ прибыли в Санкт-Петербург и были зачислены в академический университет. Для «студизов», приехавших «для обучения вышних наук», было нанято жилье, приобретены мебель, одежда, обувь. М. В. Ломоносову, в числе других, «выдали по паре простых смазных сапогов и башмаков, шерстяных и гарусных чулок, полотна на рубахи, редкий и частый гребень и кусок сапожной ваксы. “Пропитание” также шло за казенный счет»²³. Студентов обучали математике, риторике, истории, географии, латинскому и немецкому языкам и танцам. Заня-

---

²³ Никифорова Л. Р. Родина русского фарфора. Л., 1979. С. 22.

тия должны были проводиться ежедневно. Лекции читали молодой адъюнкт Василий Адодуров и академик Георг Вильгельм Крафт — профессор физики, руководитель Физического кабинета, автор ряда учебников по географии и физике. Ломоносову довелось присутствовать на его уроках физики, где он не только впервые узнал об экспериментальной науке, учебных пособиях, но и смог познакомиться с научными инструментами. Помимо лекций Крафта, Ломоносов мог бывть на публичных лекциях астронома Ж. Н. Делия, физиолога И. Вейтбехта, естествоиспытателя И. Г. Гмелина, математика Л. Эйлера — ученых, уже получивших признание в научном мире, сыгравших заметную роль в становлении Петербургской Академии наук. Общался ли студент М. В. Ломоносов с профессором Л. Эйлером в этот период, трудно сказать, но на протяжении многих лет русский ученый переписывался с выдающимся швейцарским математиком, жившим в это время в Пруссии. Л. Эйлер был одним из первых, кто высоко оценил способности и научную интуицию Ломоносова, по его мнению, «одарованному счастливым остроумием», обладающему «счастливейшим гением для открытий феноменов физики и химии», «делающего своими знаниями честь не только Императорской академии, но и всему народу»²⁴.

Став студентом Академии наук, М. В. Ломоносов понял, что нашел свой путь к знаниям. За короткий, как вскоре оказалось, период студенчества он активно пользовался предоставленной возможностью бывать во всех науч-

Тредиаковский В.К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий. СПб., 1735. Титульный лист

ных учреждениях, входивших в первый академический комплекс, — в Физическом кабинете, обсерватории, Анатомическом театре, Кунсткамере — первом публичном универсальном музее России, бесплатно пользоваться два раза в неделю блестящей по подбору библиотекой. Позже, с момента службы в Академии, он станет постоянным читателем академической библиотеки, будет активно пользоваться книжным собранием в своей работе, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки в его трудах.

В период студенчества М. В. Ломоносов начал формировать личную библиотеку, к концу его жизни насчитывающую свыше 3000 томов. С первой своей академической стипендии он приобрел в академической книжной

²⁴ Михаил Ломоносов глазами современников: Документы. Письма. Записки. Статьи. Эпитафии и панегирики. Надписи / сост. Г. Г. Мартынов, ред. Б. А. Градова. М., 2011. С. 195—196.

лавке экземпляр книги В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определением до сего надлежащих званий», которая служила для него начальным пособием к разработке своих «правил русского стихотворства».

Обучение М. В. Ломоносова в академическом университете было недолгим. В том же 1736 г. он с двумя сотоварищами — Дмитрием Виноградовым и Георгом Ульрихом Райзером был направлен на обучение в Германию. Поездке придавалось большое значение, для нее выделялись средства из Статс-канцелярии, ведавшей всеми государственными расходами. Это была первая государственная стипендия для академических студентов, которые должны были заниматься химической наукой, горным делом, естественной историей, физикой, геометрией, тригонометрией, механикой, гидравликой и гидротехникой, свободно владеть языками и уметь рисовать. Для теоретической и общетехнической подготовки и освоения немецкого языка молодые люди направлялись в Марбургский университет к знаменитому философу, ученому-энциклопедисту Христиану Вольфу, затем во Фрайберг (Фрейберг) к известному химику Иоганну Фридриху Генкелю, а после завершения образования в Германии планировалось ознакомительное путешествие во Францию, Голландию и Англию для знакомства с лучшими химическими лабораториями. Правда, жизнь постоянно вносила свои коррективы в намеченные планы. Сначала отъезд задержался на полгода из-за академической канцелярии, израсходовавшей полученные деньги на другие цели, в дальнейшем изменения в программе обучения происходили из-за действий самих студентов.

Осенью 1736 г. М. В. Ломоносов с двумя сокурсниками прибыл в Марбург под патронат Х. Вольфа. Студенты были зачислены на медицинский факультет, где преподавали естественные науки. Вначале им пришлось освоить немецкий язык, лишь после этого они приступили к систематическим занятиям по запланированному курсу. Университетские лекции читались на латинском и немецком языках. Студенты писали «специмены» — отчеты с выводами о прослушанных лекциях (студенческие диссертации) и пересылали их в Академию наук. В 1738 г. Ломоносов отправил свою первую студенческую диссертацию на латинском языке «Работа по физике о превращении твердого тела в жидкое в зависимости от движения предшествующей жидкости». В диссертации он показал, что усвоил из лекций Х. Вольфа принцип механического взаимодействия физических тел, которого в дальнейшем сам придерживался, кроме того, включил множество ссылок на труды европейских ученых, продемонстрировав тем самым, что разносторонне изучил проблему. Эту работу он отправил вместе со своим переводом оды Ф. Фенелона. Через год была подготовлена «Физическая диссертация о различии смешанных тел, состоящих в сцеплении корпускул», где студент продолжил систематизировать полученные знания из лекций и трудов Х. Вольфа, дал определения ряда терминов и обратил внимание на теорию строения вещества, которая впоследствии станет основной его темой в области физики. Обе студенческие работы М. В. Ломоносова послужили основанием для будущего зачисления его в штат Академии наук.

Х. Вольф, регулярно отправляя отчеты в Петербургскую академию наук

Вид г. Марбурга время пребывания там Ломоносова. С немецкой гравюры первой половины XVIII ст.

Вид Марбурга. Литография с гравюры XVIII в.

СПбФ АРАН. Ф. 57. Оп. 2. Д. 34. Л. 1

о своих подопечных, сразу выделил М. В. Ломоносова, высоко оценив его способности к занятиям наукой. Русский студент всегда с благодарностью вспоминал своего наставника. Огромное влияние на М. В. Ломоносова оказали философские воззрения Х. Вольфа, которые носили отчетливо рационалистический характер, а также ряд его общенаучных и методологических идей. Вслед за Х. Вольфом Ломоносов считал науку средством воспитания и образования, воспринял его основную идею о самостоятельном применении разума, основанном на широком познании в различных областях. Прослушанный курс лекций в Марбургском университете дал М. В. Ломоносову разнообразные знания в естественных и точных науках, кроме того, расширил познания в области гуманитарных наук, которые

он изучал в Славяно-греко-латинской академии.

По окончании обучения в Марбургском университете летом 1739 г. М. В. Ломоносов с товарищами отправились в центр горнорудной промышленности Фрайберг к горному советнику И. Ф. Генкелю — металлургу-практику, знатоку горного дела, минералогу и химику. Звание горного советника И. Ф. Генкель получил от саксонского курфюрста за химические эксперименты, принесшие «особую пользу» фарфоровому заводу в Мейсене. Он сумел добиться средств на организацию первой государственной химической лаборатории (учебной и экспериментальной) для исследования минералов, руд и металлургических процессов. На занятия к известному горному советнику стре-

мились попасть студенты из разных стран, но он соглашался принять далеко не всех.

Русские студенты начали обучаться у И. Ф. Генкеля металлургии, химии, минералогии, слушали его лекции и выполняли практические работы. Педантичность горного академика раздражала свободолюбивого М. В. Ломоносова, но на первых порах ему удавалось уйти от обострения отношений, погружаясь в любимое занятие — чтение книг. Он познакомился с творениями деятелей раннего немецкого Просвещения и на основе немецкой системы стихосложения разработал свою систему, отправив в Петербургскую академию наук «Письмо о Правилах Российского стихотворства» (1739) вместе с написанной им «Одой на взятие Хотина» (1739).

И. Ф. Генкель, пунктуально выполняя распоряжение Петербургской академии наук, жестко регламентировал жизнь российских студентов и их расходы (Академия вдвое сократила средства после непомерных трат молодыми людьми в Марбурге и оставленных там долгов). Недовольство студентов их наставником приводило к ссорам. Особенно не ладил с И. Ф. Генкелем гордый и вспыльчивый Ломоносов. Однажды после очередной ссоры он покинул Фрайберг.

Много лет спустя М. В. Ломоносов пересмотрел свое отношение к горному советнику и полученным у него знаниям. Став профессором химии, М. В. Ломоносов добился строительства первой в России научно-образовательной химической лаборатории по образцу фрайбергской, где в 1752 г. он «показывал студентам химические опыты тем курсом, как сам учился у Генкеля».

Покинув Фрайберг, М. В. Ломоносов окольными путями добрался до Марбурга, где вскоре женился на Елизавете-Христине Цильх, юной дочери квартирной хозяйки. Достаточно быстро он осознал, что из-за самовольного ухода от И. Ф. Генкеля его фрайбергский период обучения вместо двух запланированных лет продлился менее года, в результате его может ждать наказание в Петербургской академии наук. В свое оправдание он написал в Санкт-Петербург, что, покинув Фрайберг, занимался самообразованием. Вскоре после свадьбы под видом немецкого студента он в течение полугода (с июня до середины октября 1740 г.) совершал пешие путешествия по Германии и Голландии, посещал рудники, лаборатории, аптеки. Отчитываясь в письмах в Академию о своих занятиях, он умолчал о своей женитьбе, а также о неприятной истории, в которую попал и из которой ему удалось выбраться. Однажды во время ночлега по пути из Лейдена в Дюссельдорф М. В. Ломоносов был завербован в прусскую армию и отправлен в крепость Везель, откуда не сразу, но сумел бежать и вернуться в Марбург, спустя некоторое время он отправился в Россию.

В июне 1741 г. М. В. Ломоносов вернулся в Санкт-Петербург, в Академию наук, где еще числился студентом. Академия выделила 50 руб. на обустройство и предоставила ему две комнаты и одну для слуги в принадлежавшем ей так называемом «Боновом доме», расположенном на территории академического Ботанического сада. Первым заданием для М. В. Ломоносова стала работа под руководством академика Иоганна Аммана по изучению и описанию коллекции минералов Кунсткамеры, составлению Минерального ка-

Вид Фрайберга. Копия с гравюры 1740 г.

СПбФ АРАН. Ф. 57. Оп. 2. Д. 36. Л. 2

талога. Молодой ученый впервые дал подробное описание янтаря. Впоследствии материалы Минерального каталога, изданного в 1745 г., были использованы им в трудах «Первые основания металлургии, или рудных дел», с прибавлением «О слоях земных» (1763), которые легли в основу проекта по составлению «Российской минералогии» и многих наработок в области минералогии, металлургии и горных дел.

В начальный период своей службы в Академии, помимо изучения минералов, М. В. Ломоносов занимался переводами научных статей и художественных произведений с немецкого и французского языков, в частности переводил на русский язык статьи Г. В. Крафта для научно-популярного журнала «Примечания к ведомостям» и главы его работы «Описание разных машин».

Став адъюнктом по физике 8 января 1742 г., М. В. Ломоносов под руководством академика Г. В. Крафта присту-

пил к работе в Физическом кабинете, проводил оптические опыты в камере-обскуре, изучал «разные свойства света и цветов» и свойства «твердости разных тел», занимался усовершенствованием и созданием научных приборов, начал читать лекции студентам и всем желающим, но вскоре активная работа в Физическом кабинете приостановилась.

Горячий и вспыльчивый М. В. Ломоносов после ряда непочтительных поступков по отношению к академикам и академическим служащим несколько месяцев провел под арестом. По-видимому, это время стало поворотным в его академической биографии. Именно тогда к нему пришло осознание и четкое понимание своего места в Академии наук, начался период творческого подъема, за которым последовало признание в обществе.

Размышляя в изоляции, М. В. Ломоносов составил «276 заметок по физике и корпускулярной теории», которые

стали подготовительным материалом для первой в России научной программы, выполненной после 1743 г. почти в полном объеме. Он подготовил сразу три диссертации на латинском языке — «Опыт теории о нечувствительных частицах тел и вообще о причинах частных качеств», «О сцеплении и расположении физических монад», «О составляющих природные тела нечувствительных физических частицах, в которых заключается достаточное основание частных качеств» (1743), изложив в них свою атомно-молекулярную теорию вещества, теорию теплоты. Тогда же ученый написал первое «Краткое руководство к риторике, на пользу любителей словесности», создал такие произведения, как «Предложение псалма 143» и стихотворения «Утреннее размышление о Божием величестве», «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» (1743), которые упрочили его поэтическую славу.

Стихотворение «Вечернее размышление...» было связано с началом систематического изучения М. В. Ломоносовым северных сияний, наблюдавшихся в Санкт-Петербурге. Практически до конца жизни он изучал их, постоянно сравнивал с теми, что видел в юности на Севере. Историю своих наблюдений, начиная с детства, М. В. Ломоносов описал в первой части незавершенной работы «Испытание причины северного сияния и других подобных явлений», в которой он собирался подробно изложить свою теорию электрической природы северных сияний и схожих явлений. Изучением атмосферного электричества М. В. Ломоносов занимался вместе со своим другом, профессором Г. В. Рихманом, 26 июля 1753 г. погибшим от молнии у себя дома во время

наблюдения за грозовыми разрядами. После гибели друга М. В. Ломоносову пришлось приложить немало усилий для официального представления в ноябре 1753 г. отчетов и выводов по результатам наблюдений, суммированных в «Слове о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», в «Изъяснениях, надлежащих к “Слову о электрических воздушных явлениях”», «Сообщении о наблюдениях, подтверждающих электрическую природу северного сияния» (1753).

25 июля 1745 г. определением Правительствующего Сената М. В. Ломоносов был «произведен в профессора химии» Петербургской Академии наук. Одновременно академиком стал поэт, переводчик В. К. Тредиаковский, произведенный в профессора элоквенции (словесности), но в историю как первый «природный» русский академик вошел именно М. В. Ломоносов.

М. В. Ломоносов первым начал читать публичные лекции на русском языке. В 1746 г. ученый предложил программу публичных лекций по экспериментальной физике на русском языке с демонстрацией опытов. Летом того же года, 20 июня, профессор прочитал свою первую публичную лекцию в присутствии президента академии К. Г. Разумовского и «знатных персон». Ученый готовился к ней почти год, предварительно перевел с латинского на русский язык краткое изложение Людвигом Тюммигом учебника Христиана Вольфа, озаглавив его «Вольфианская экспериментальная физика». Работая над переводом, М. В. Ломоносов создал русскую научную терминологию по физике, заложил основы русского научного языка.

Для перевода М. В. Ломоносов целенаправленно выбрал главу с описанием опытов, для которых можно

Диплом М. В. Ломоносова
на звание профессора
химии. Март 1751 г.

СПбФ АРАН. Ф. 20. Оп. 2.

Д. 6. Л. 1

было использовать приборы Физического кабинета, чтобы наглядно знакомить публику с основами физики и прививать в русском обществе интерес к науке. После публикации книги была утверждена программа лекций, время и место их проведения, на которые Академия призывала приходиться всех желающих. Таким образом, программа М. В. Ломоносова стала первой просветительско-образовательной программой для русской публики, а «Вольфианская экспериментальная физика» (1745) — первым учебником экспериментальной физики на русском языке, одним из наиболее популярных для нескольких поколений.

Одновременно с учебным пособием М. В. Ломоносов подготовил диссертацию «Размышления о причинах теплоты и холода» (1749) — одну из основных его работ в области физики. Став профессором химии, он попытался соединить физические эксперименты

с химическими, создать химию, как фундаментальную науку, основанную «на положениях и опытах физики». Свои взгляды на химическую науку он изложил во «Введении в истинную физическую химию» (1752). В 1751 г. М. В. Ломоносов произнес в Публичном собрании Академии наук «Слово о пользе химии» (1751). Это было первое публичное выступление, в котором ученый обосновал необходимость распространения естественнонаучных знаний в Российском государстве. «Слово» он подготовил на русском языке. За несколько лет до этого М. В. Ломоносов получил поддержку в создании по своему проекту научно-исследовательской и учебной Химической лаборатории. Лаборатория была выстроена на территории академического Ботанического сада рядом с «Боновым домом», где тогда жил М. В. Ломоносов. Он проводил там химические исследования, а в учебном классе лаборатории в 1752—1753 гг. прочел студен-

там академического университета курс физической химии. Чтобы экспериментально подтвердить свою теорию света и цвета, М. В. Ломоносов разработал рецептуру создания стекол различной окраски. Проведя свыше четырех тысяч опытов, ученый получил более двух тысяч оттенков цветных стекол и научился изготавливать их не только прозрачными, но и непрозрачными (смальты). Результаты экспериментов и теоретические выводы он изложил в «Слове о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее» (1757). Полученные смальты использовались им для мозаичных картин. В лаборатории были набраны первые мозаики, в частности портрет Петра I.

В 1753 г. М. В. Ломоносов получил в свое распоряжение в окрестностях Ораниенбаума, в 100 км от Санкт-Петербурга, почти 40 км² земли, крестьян, а также правительственную ссуду для создания фабрики цветного стекла. На фабрике он впервые в России внедрял научные разработки в производство. Цветные стекла создавались по его собственным рецептам красителей, для соблюдения технологии в стеклоделии он ввел целевую подготовку мастеров всех специальностей. Для развития фабрики ученый просил освободить предприятие на несколько лет от налогов и пошлин, предоставить монополию на производство на 30 лет, запретить импорт аналогичных товаров, что и было утверждено указом Сената. Стеклорус и смальты, изготовленные на фабрике, использовались для отделки интерьеров Стеклорусного кабинета Китайского дворца в Ораниенбауме, а также для создания мозаичных картин и портретов. Самая большая мозаичная картина, задуманная как часть монументального надгробия Петру I в Петропавловском

соборе, — «Полтавская баталия» площадью около 30 м² — украшает в настоящее время парадную лестницу исторического здания Российской академии наук в Санкт-Петербурге.

Художественное творчество М. В. Ломоносова не ограничивалось изготовлением мозаик. Им были задуманы три грандиозных памятника императорским особам: Петру I, Елизавете Петровне и Екатерине II. Памятник Петру I, перед личностью которого М. В. Ломоносов преклонялся, он предлагал установить по центру большого моста через Неву. Кроме того, ученый создавал проекты фейерверков и иллюминаций, памятных медалей, картуши и заставки к своим произведениям, к раке Александра Невского.

Наряду с «Вольфианской экспериментальной физикой» М. В. Ломоносов написал несколько учебных пособий по различным отраслям знаний. Среди них «Первые основания металлургии или рудных дел» с прибавлением очерка «О слоях земных» (1763), который являлся блестящим достижением геологической науки того времени. Помимо занятий естественными науками, М. В. Ломоносов не оставлял и гуманитарные. В 1747 г. он подготовил «Краткое руководство к красноречию» (1748), пользовавшееся большим успехом среди образованной публики. Занимаясь созданием стройной системы русского языка, ученый написал два учебника — «Российскую грамматику» (1754—1755) и «Риторику» (1747—1748). Взятся он и за написание трудов по русской истории — «Краткий Российский летописец с родословием» (1760—1761) и «Древняя российская история» (1766). Не прекращал М. В. Ломоносов и поэтическую деятельность, став автором многочисленных од и поэм.

Мозаика мастерской М. В. Ломоносова «Полтавская баталия». Цветная фотография
СПбФ АРАН. Ф. 20. Оп. 12. Д. 12. Л. 1

В 1757 г. М. В. Ломоносов возглавил Географический департамент, начал разработку географических карт для нового издания академического атласа Российской империи (1745), наметив с этой целью маршруты ряда экспедиций по стране, которые были осуществлены значительно позже его преемниками и учениками. Мечтая о мореплавании Северным морским путем, М. В. Ломоносов исследовал историю поисков прохода из Атлантического океана в Тихий через Северный Ледовитый океан, разрабатывал маршрут северной морской экспедиции. В конце жизни он подготовил «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (1763) — первый на русском языке сводный труд по истории морских путешествий

по Северному Ледовитому океану и практически первая государственная программа освоения Арктики.

В круг интересов М. В. Ломоносова входила и астрономия. Немало времени проводил он в академической обсерватории, находившейся в башне здания Кунсткамеры, принимая участие в наблюдениях за планетами, кометами, северными сияниями. Пользуясь типичными для того времени научными приборами и инструментами обсерватории, он стремился к их усовершенствованию и созданию новых. За первым его проектом по улучшению конструкции анемометра последовала серия изобретений различных научных инструментов. М. В. Ломоносов внес коррективы в устройство зрительных труб и телескопов, которые позволяли «применять их с большей пользой». Подтверждением служит одно из зна-

*Надгробие М. В. Ломоносова
на кладбище Александро-Невской лавры.*

Фотография К. К. Буллы

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-А. Д. 49. Л. 2

чимых открытий ученого — обнаружение атмосферы на Венере при наблюдении прохождения этой планеты по диску Солнца в 1761 г. Наблюдения ученый проводил в своей домашней обсерватории, «употребив зрительную трубу о двух стеклах длиною в 4 ½ фута»²⁵, изготовленную по его проекту. Еще в 1757 г. М. В. Ломоносов с семьей переехал в собственный дом на набережной р. Мойки. На территории, прилегающей к дому, по его проекту были выстроены домашняя обсерватория, химическая лаборатория, мозаичная мастерская²⁶.

Трудно охватить полный объем научно-организационной деятельности М. В. Ломоносова: кураторство над академической гимназией и университетом, организация университета в Москве, редактирование научных журналов, выполнение обязанностей секретаря Конференции. Он первым из русских ученых получил известность и признание за рубежом. Сочинения М. В. Ломоносова уже при жизни переводились на иностранные языки: немецкий и французский. Некоторые работы он переводил сам или изначально писал на латинском, немецком, французском языках. Менее чем за четверть века М. В. Ломоносов занял в научном мире влиятельное положение, к концу жизни был членом двух иностранных академий — Болонской и Шведской Королевской, стал почетным членом Академии трех знатнейших художеств в Санкт-Петербурге.

Умер М. В. Ломоносов в собственном доме на Мойке 4 апреля 1765 г., был похоронен «при большом скоплении народа» на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры «императорским иждевением», что свидетельствовало об официальном признании его заслуг. На его могиле на средства канцлера М. И. Воронцова, покровителя и почитателя ученого, был установлен памятник из каррарского мрамора с эпитафией, составленной Я. фон Штелиным в память русского гения: «Разумом и науками превосходному. Знатным украшению Отечеству послужившему».

²⁵ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Изд. 2-е испр., доп. Т. 4. М.; СПб., 2011. С. 223.

²⁶ В биографиях М. В. Ломоносова сказано, что его жена с дочерью Екатериной и братом Иоганном Цильхом приехала в Санкт-Петербург в октябре 1743 г., но по уточненным в ФРГ архивным данным, дата приезда семьи в столицу Российской империи — начало 1748 г., что в большей степени соответствует событиям личной жизни ученого (переезд в более просторную квартиру в Боновом доме и рождение в феврале 1749 г. дочери Елены).

МАТЕМАТИКА

МАТЕМАТИКА В XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

XIX в. стал одним из ключевых этапов развития отечественной математики. Именно в этот период в Российской империи проводится системная реформа высшего и среднего математического образования, формируется отечественная математическая школа и создается мощный фундамент развития отечественной математики в целом. Успешное развитие этих процессов было немислимо без активного участия в них Императорской академии наук.

*Л. Эйлер. Рисунок пером P. L.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1—Э. Д. 1. Л. 1*

Первые ростки отечественной математической школы в основном связаны с деятельностью академика Леонарда Эйлера, который внес неоценимый вклад в подготовку молодых математиков. Л. Эйлера отличали невероятная широта научных интересов и замечательный дар, позволявший ему любую практическую задачу переложить на язык математики и обратить в красивую математическую теорию. Эти качества, с одной стороны, воспитывали широту научных интересов наиболее талантливых его учеников, а с другой — прививали им вкус к приложению математики к решению практических задач, что со временем стало отличительной чертой петербургской математической школы. К числу непосредственных учеников Л. Эйлера можно отнести адъюнктов В. Е. Адодурова и М. Е. Головина, академиков С. К. Котельникова, С. Я. Румовского, талантливых математиков М. Софронова и Б. А. Волкова. Влияние идей ученого распространялось и на его коллег по Академии, и на тех, кто был воспитан на его учебниках и научных трудах, среди них академики Н. И. Фус, П. Б. Иноходцев, Ф. И. Шуберт, С. Е. Гурьев, В. И. Висковатов, А. К. Кононов и др.

Влияние Л. Эйлера на последующее развитие математики в нашей стране не-

С. К. Котельников. Силуэтный портрет работы Ф. Антинга. 1784 г.

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1—К. Д. 273. Л. 1

оспоримо. Однако ученый не смог оставить после себя крепкую научную школу. В то время круг лиц, занимавшихся наукой в России, был весьма ограничен. Для подготовки ученых, активно занимающихся математикой и различными ее приложениями в хозяйственных отраслях, на государственной службе, в военном деле был необходим достаточно широкий слой специалистов с высоким уровнем математического образования. Высшие учебные заведения Санкт-Петербурга и Москвы в XVIII в. этого обеспечить не могли. Хотя, справедливости ради следует отметить, что благодаря деятельности Л. Эйлера и М. В. Ломоносова, большинство воспитанников, подготовленных академической гим-

назией и университетом, получили хорошую физико-математическую подготовку. Девять из непосредственных учеников Л. Эйлера стали членами Императорской академии наук по разным кафедрам.

Направленные на совершенствование системы образования мероприятия, предпринятые в период правления Екатерины II и Александра I, дали ощутимые результаты. В последние годы XVIII в. и в самом начале XIX в. в военных и технических учебных заведениях наметился рост уровня математической подготовки, среди выпускников военно-инженерных и инженерно-технических специальностей появились люди, проявляющие интерес к научной работе в области математики и ее приложений.

Изменения коснулись и Императорской академии наук. Если прежде ее математический класс пополнялся за счет приглашенных иностранных ученых и выпускников академической гимназии и университета, то в самом начале XIX в. в Академию впервые были избраны воспитанники Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса С. Е. Гурьев и В. И. Висковатов. С их именами связан подъем математической культуры в России начала XIX в. С. Е. Гурьеву Академия наук обязана появлением новых идей в области математического анализа и его приложений в геометрии²⁷. По своим взглядам он был близок французской математической и методической школе.

В начале XIX в., на фоне некоторого спада научной активности²⁸, по-

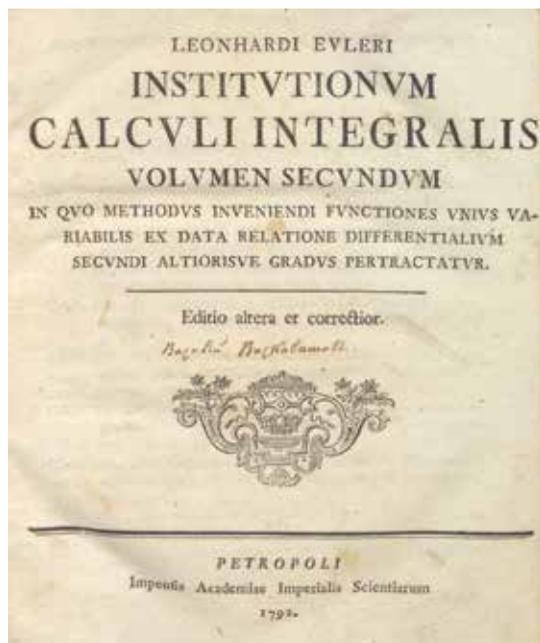
²⁷ Ожигова Е. П. Математика в Петербургской академии наук в конце XVIII — первой половине XIX в. Л., 1980. С. 33—34.

²⁸ К началу XIX в. первые ученики Л. Эйлера почти полностью отошли от математических исследований.

степенно происходила смена поколений петербургских математиков. Математические науки в Академии наук в то время были представлены трудами академиков Н. И. Фуса, Ф. И. Шуберта, С. Е. Гурьева, В. И. Висковатова, Э. Д. Коллинса и П. Н. Фуса. Некоторые из них продолжали работать в русле эйлеровского наследия, других все более привлекали новые идеи и методы, развивавшиеся в трудах французских математиков, таких как П. С. Лаплас, О. Л. Коши, Ж. Б. Фурье, С. Д. Пуассон, Л. Навье и др. В этот период столицей математического мира стал Париж, именно там формировался математический аппарат классического анализа, теории распространения тепла, теории упругости, математической теории электричества и магнетизма, теории распространения волн.

С. Я. Румовский.
Литография А. О. Мошарского (1841)
с портрета работы М. А. Кашенцева (1830-е гг.)
СПбФ АРАН. Ф. 101. Оп. 1. Д. 98. Л. 6

Эйлер Л. Основы интегрального
исчисления. Т. 2. СПб., 1792.
Титульный лист
СПбФ АРАН. Ф. 136. Оп. 3. Д. 18. Л. 1

М. В. Остроградский.
Литография А. Мюнстера с рисованного
портрета П. Бореля
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 10. Д. 10. Л. 2

Проводниками новой математики в столице Российской империи являлись прежде всего академики М. В. Остроградский и В. Я. Буняковский. Оба математика получили образование в высших учебных заведениях французской столицы и по возвращении в Россию в 1828 г. были избраны адъюнктами, а в 1830 г. экстраординарными академиками. Основными направлениями научной работы В. Я. Буняковского были теория чисел и теория вероятностей, исследования М. В. Остроградского в основном относились к математической физике, аналитической механике и математическому анализу. Он был первым русским ученым, снискавшим известность в Европе, его работы по теоретической механике получили весьма лестные отзывы таких корифеев, как О. Л. Коши и Ж. Б. Фурье. М. В. Остроградский заложил основы отечественной школы теоретической механики, сыгравшей большую роль в развитии этой науки²⁹.

Во второй четверти XIX в. реформа образования вступила в новый этап, благодаря чему математике стали уделять особое внимание. Учитывая опыт своих предшественников, император Николай I придал реформе образования системный характер, пришло понимание того, что без продуманных структурных изменений, касающихся всех аспектов системы образования, невозможно в короткий срок достичь результатов, к которым европейские страны шли столетиями. Наряду с классическими языками, математика

стала ведущей дисциплиной системы образования, средством для «изоощрения умственных способностей» и развития интеллектуальной культуры³⁰.

В процессе реформирования образования Императорская академия наук играла важнейшую роль. В частности, к разработке реформ математического образования были привлечены академики В. Я. Буняковский и М. В. Остроградский. Ими была проведена титаническая работа по разработке подробных программ по математическим дисциплинам для высших учебных заведений, по унификации учебных программ для учебных заведений всех типов, по обеспечению их необходимыми руководствами и пособиями³¹.

Подготовка учебных пособий к изданию потребовала унификации математической терминологии, которая в России того времени была еще весьма неполной и неоднородной. Наведением порядка в математической терминологии занялся академик В. Я. Буняковский. В 1839 г. вышел в свет первый том его «Лексикона чистой и прикладной математики», являвшегося краткой математической энциклопедией. К сожалению, остальные тома этой книги так и не были опубликованы, но в результате осуществления реформы математического образования терминология, разработанная ученым, прочно закрепилась в математической литературе и вошла в научный язык.

В этот период связь развития математики в высших и специальных

---

²⁹ История отечественной математики (1801—1917). Т. 2. Киев, 1967. С. 52—54.

³⁰ Лалаев М. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению от основания в России военных школ до исхода первого двадцатипятилетия благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1700—1880). СПб., 1880. С. 68.

³¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. I. СПб., 1864. С. 23.

учебных заведениях с исследованиями по математике, проводившимися в Академии наук, стала более тесной. Академики М. В. Остроградский и В. Я. Буняковский были наделены достаточно широкими полномочиями и в короткий срок смогли подготовить значительное количество научных и преподавательских кадров. Академики совмещали научную работу с преподаванием и контролем за преподаванием математики практически во всех высших учебных заведениях, что поощрялось правительством.

Одной из важных составляющих работы математиков считался поиск талантливой молодежи и подготовка ее к научной и преподавательской деятельности, в этом направлении многое было сделано В. Я. Буняковским, профессором университета В. А. Анкудовичем и особенно М. В. Остроградским. Среди юбилейных сборников учебных заведений, где работал М. В. Остроградский, едва ли найдется хоть один, в котором не было бы воспоминаний о нем. Он оставил неизгладимый след в сердцах своих воспитанников. На способных учеников, обладавших острым и пытливым умом, ученый обращал особое внимание, в них он старался развить склонность к самостоятельным занятиям наукой. Результат этой работы был ошеломляющим: в довольно короткий промежуток времени удалось подготовить целую плеяду молодых исследователей в разных областях знания.

Математика становилась популярной в широких слоях общества, решение математических задач и обсуждение тонких вопросов теории и методологии математики являлись своеобразной формой проведения досуга в светских салонах Санкт-Пе-

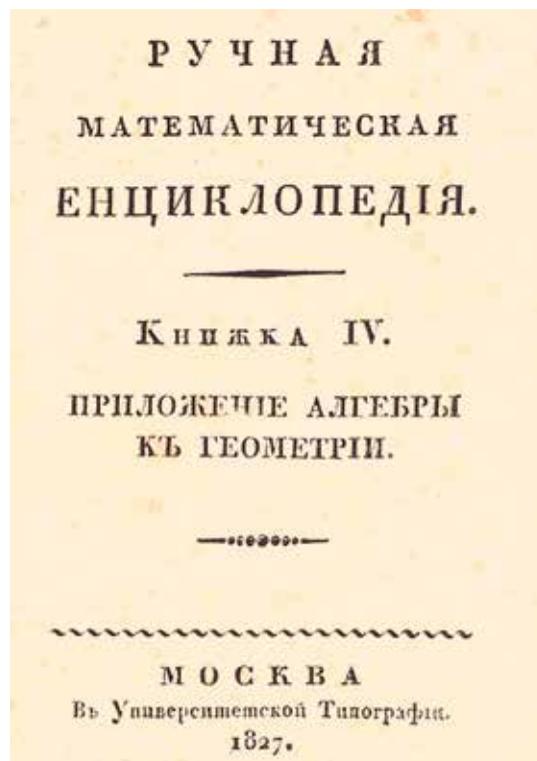

В. Я. Буняковский. Литография с гравюры
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1—Б. Д. 12. Л. 1

тербурга со второй четверти XIX в. В подобные обсуждения оказывались вовлечены люди весьма далекие от математики по роду своей основной деятельности. Известно, что А. С. Пушкин, не проявлявший особых способностей к изучению математики в годы учебы в Царскосельском лицее, интересовался серьезной математической литературой, в частности, по теории вероятностей. Его увлекала история математики: им была предложена, пусть впоследствии и не нашедшая подтверждения, весьма оригинальная гипотеза появления обозначений для «арабских» цифр. Известно, что интерес к математике проявляли Н. В. Гоголь, А. С. Грибоедов, Ф. М. Достоевский. Академик М. В. Остроградский поддерживал увлечение математикой

Буняковский В. Я. Лексикон чистой и прикладной математики. Т. 1. СПб., 1839. Титульный лист

Первошиков Д. М. Ручная математическая энциклопедия. Кн. IV. М., 1827. Титульный лист

и физикой княгини Е. И. Голицыной и с похвалой отзывался о ее сочинении «Об анализе сил».

Издатели некоторых журналов пытались объединить «физиков и лириков», публикуя, помимо литературных и поэтических произведений, статьи по математике и ее приложениям. Например, по заказу того же А. С. Пушкина князь П. Б. Козловский, дипломат и талантливый популяризатор науки, написал для двух номеров «Современника» статьи о достижениях математики того времени. Особо обращает на себя внимание его статья «О надежде»³², в которой дано простое и увлекательное изложение основных понятий теории вероятностей. В разделе

«Новые книги» различных томов «Современника» упомянуты все новинки математической литературы того времени, изданные на русском языке: «Лекции алгебраического и трансцендентного анализа, читанные в морском кадетском корпусе академиком Остроградским», «Ручная математическая энциклопедия» Д. М. Первошикова, «Курс аналитической геометрии» Н. Д. Брашмана и многое другое.

Внимание к математическим вопросам не было пустым проявлением моды, в обществе формировалось осознание значения математики как инструмента решения важных инженерно-технических и хозяйственных задач, видение этой науки как сред-

³² Современник. 1836. Т. 3. С. 23—47.

ства познания и преобразования мира. Разумеется, подобное отношение к науке в XIX в. было характерно не только для России, но в нашей стране оно стало возможно благодаря работе по реформированию математического образования, предпринятой в том числе и Академией наук, что привело к появлению в обществе достаточно широкого круга лиц, получивших превосходное образование в области математики. Тем самым была создана богатая питательная среда для бурного развития отечественной математики, о чем Н. Д. Брашман с удовлетворением заметил: «...судя по деятельности русских университетов и других учебных заведений, можем впредь надеяться, что и наша очередь придет, что полюбопытствуют читать не только русских поэтов, но также геометров»³³.

В Физико-математическом отделении Императорской академии наук математики одними из первых смогли отказаться от приглашения зарубежных специалистов на замещение вакантных мест. В XIX в. математический класс Академии пополнялся исключительно отечественными учеными, а с середины XIX в. — учеными, получившими математическое образование именно в России, в то время как другие кафедры ФМО продолжали приглашать иностранных специалистов на вакантные должности до конца XIX в. К примеру, в 1868 г. на место экстраординарного академика по физике

и метеорологии и директора Главной физической обсерватории был приглашен швейцарский ученый Г. И. Вильд, а в 1883 г. ординарным академиком стал шведский астроном О. А. Баклунд.

Во второй половине XIX в. среди высших учебных заведений Санкт-Петербургский Императорский университет имел самые прочные контакты с Академией наук, поскольку академики, как правило, совмещали научную работу с педагогической и преподавали в университете. В Императорском Московском университете высокий уровень преподавания дисциплин физико-математического цикла был обеспечен благодаря трудам Н. Д. Брашмана, начавшего свою педагогическую деятельность под руководством Н. И. Лобачевского в Казанском университете, и выпускника Московского университета Н. Е. Зернова. В Санкт-Петербургском университете положение дел с подготовкой молодых специалистов существенно улучшилось с приходом туда академика В. Я. Буняковского и воспитанников Московского университета, будущих академиков О. И. Сомова, П. Л. Чебышёва и А. Н. Савича, учившихся у Н. Е. Зернова и Н. Д. Брашмана.

Получившая мировое признание петербургская математическая школа³⁴ не случайно сформировалась именно во второй половине XIX в., в это время были созданы все предпосылки для плодотворной научной и пе-

³³ Брашман Н. Д. О влиянии математических наук на развитие умственных способностей. (Речь, произнесенная 17 июня 1841 г.) М., 1841. С. 24.

³⁴ Под петербургской математической школой второй половины XIX в. обычно подразумевают школу во главе с академиком П. Л. Чебышёвым. Хотя нельзя отождествлять чебышёвскую математическую школу с математикой в Санкт-Петербурге вообще, поскольку работы последователей и учеников П. Л. Чебышёва не исчерпывали всего спектра научных исследований, проводившихся в Санкт-Петербурге, именно эта группа математиков на долгое время во многом определила характер и направления научных исследований в столице.

Группа профессоров физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета.
Сидят: А. В. Советов, П. Л. Чебышёв, К. Ф. Кесслер, А. Н. Савич, П. А. Пузыревский,
Ф. В. Овсянников, А. Н. Бекетов; стоят: Р. Лени, Н. А. Меншуткин, А. С. Фаминцын,
О. И. Сомов, Ф. Ф. Петрушевский, Д. И. Менделеев, А. Н. Коркин. 1868 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 2. Д. 89. Л. 1

дагогической деятельности. Эту школу возглавил академик П. Л. Чебышёв, тематика ее исследований в значительной степени определялась научными интересами ученого — это прежде всего теория чисел, теория вероятностей, теория ортогональных многочленов, теория наилучшего приближения функций многочленами, приближенные вычисления, теория механизмов, математический анализ, мини-максимные задачи.

Для П. Л. Чебышёва практическая целесообразность являлась основным критерием выбора тематики научных исследований. Академик А. М. Ляпунов

О. И. Сомов. С портрета карандашом
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1—С. Д. 246. Л. 1

так охарактеризовал основные принципы этой научной школы: «Детальная разработка вопросов, особенно важных с точки зрения приложений и в то же время представляющих особенные теоретические трудности, требующие изобретения новых методов и восхождения к принципам науки, затем обобщение полученных выводов и создание этим путем более или менее общей теории — таково направление большинства работ П. Л. Чебышёва и ученых, усвоивших его взгляды»³⁵.

Во второй половине XIX — начале XX в. Академию наук, помимо П. Л. Чебышёва, представляли такие выдающиеся математики, как А. А. Марков, Н. Я. Сонин, А. М. Ляпунов, В. А. Стеклов, А. Н. Крылов, Е. И. Золотарёв. П. Л. Чебышёв был не только ярким, талантливым ученым, но и выдающимся педагогом, воспитавшим целую плеяду одаренных математиков. Ученики П. Л. Чебышёва начинали с задач, близких к его исследованиям, а затем прибавляли к этим направлениям свои. Например, отталкиваясь от поставленных П. Л. Чебышёвым задач, Е. И. Золотарёв разработал теорию делимости целых алгебраических чисел, составившую основу общей теории алгебраических чисел. Он расширил методологию школы П. Л. Чебышёва, рассматривая абстрактные задачи и обобщения, не ограничивая круг своих научных интересов приложениями к практике. А. М. Ляпунов создал теорию устойчивости механических систем, без которой в настоящее время немислимы строительство, машиностроение, судостроение, авиастроение и многие другие области науки, техники и промышленных техноло-

П. Л. Чебышёв. Литография с гравюры
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1—Ч. Д. 32. Л. 1

гий. Начав с обсуждения поставленных П. Л. Чебышёвым задач теории вероятностей, А. А. Марков пришел к созданию фундамента современной теории стохастических процессов, в мировую науку вошли такие понятия, как «цепь Маркова», «марковский процесс». Исследования Е. И. Золотарёва, А. М. Ляпунова, А. А. Маркова изменили облик современной им математики и принесли мировую славу петербургской математической школе, самыми плодотворными для которой были годы с середины XIX в. до 1890-х гг.

После кончины П. Л. Чебышёва (1894) развитие отдельных направлений петербургской математической школы шло неравномерно: некоторые направления, такие как теория квад-

³⁵ Ляпунов А. М. Пафнутий Львович Чебышёв. СПб., 1894. С. 19—20.

Группа членов Ученого комитета Министерства народного просвещения. Сидят (слева направо):
О. Д. Хвольсон, В. И. Шимкевич, неизвестный, Н. Я. Сонин, С. Ф. Платонов, Э. Л. Радлов,
неизвестный; стоят: Н. М. Каринский, В. И. Палладин (?), С. В. Рождественский, К. В. Фохт,
Б. А. Тураев, Б. М. Коялович, А. С. Догель. 1912 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 2. Д. 88. Л. 1

ратичных форм, теория вероятностей и др., продолжали развиваться; исследования в других областях, таких как теория наилучшего приближения функций многочленами, интегрирование алгебраических функций в конечном виде, почти совсем прекратились. Работы по алгебраической теории чисел, блестяще начатые в трудах Е. И. Золотарёва в 1870-е гг. и продолженные А. А. Марковым, И. И. Ивановым, Ю. В. Сохоцким в 1880—1890-х гг., в Санкт-Петербурге конца XIX — начала XX в. почти иссякли.

Период конца XIX — начала XX в. стал временем смены поколений математиков. Часть математиков завершала свою научную деятельность, а та-

лантливая молодежь в большинстве своем покидала Санкт-Петербург в поисках мест в провинциальных университетах, что было связано с введением университетского устава 1884 г. В это время в России формировались новые математические центры в других городах. В Харькове работал А. М. Ляпунов (выпускник Санкт-Петербургского университета 1880 г.). С его приездом среди студентов университета сразу возник интерес к вопросам математической физики. В Киеве преподавал Д. А. Граве (выпускник 1885 г.), ученик А. Н. Коркина и А. А. Маркова. В эти годы он занимался традиционной для петербургской школы тематикой: теорией дифференциальных

А. А. Марков

СПбФ АРАН. Ф. 173. Оп. 1. Д. 93 Л. 3

А. М. Ляпунов

СПбФ АРАН. Ф. 257. Оп. 2. Д. 17 Л. 5

уравнений, теорией чисел, вопросами наилучшего приближения функций, а позднее заинтересовался новой алгеброй, создав в Киеве первую в России алгебраическую школу. В Варшаве трудился Г. Ф. Вороной (выпускник Санкт-Петербургского университета 1889 г.), продолживший исследования Е. И. Золотарёва, А. Н. Коркина и А. А. Маркова по теории квадратичных форм и ставший, наряду с Г. Минковским, основателем геометрической теории чисел. Он же развил исследования П. Г. Л. Дирихле по аналитической теории чисел и занимался теорией расходящихся рядов.

В городах, отдаленных от столицы, ограниченность среды для професси-

А. Н. Коркин

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1—К. Д. 468. Л. 1

В. А. Стеклов
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1—С. Д. 70. Л. 1

С. Н. Бернштейн
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1—Б. Д. 294. Л. 4

онального научного общения молодые ученые могли компенсировать изучением математической литературы, поездками за границу на конгрессы, съезды, в научные командировки, которые предоставляли им возможности для освоения новых течений математической науки и общения с известными математиками. Таким образом происходил синтез новых идей и научных теорий с традиционными направлениями и принципами петербургской математической школы, приведший к самым благоприятным результатам. Поэтому едва ли уместно говорить об угасании петербургской математической школы в начале XX в., она не исчезла, а скорее распространилась на всю Россию.

Испытанием Академии наук на прочность стали революционные годы. Научная работа математиков с 1917 г. на протяжении Гражданской войны была очень нестабильной. К 1917 г. в Академии наук оставалось четыре академика-математика — А. А. Марков, А. Н. Крылов, А. М. Ляпунов и его ученик В. А. Стеклов, ставший в 1918 г. вице-президентом Академии наук. Петербургские математики понесли тяжелые потери — в 1918 г. в Одессе трагически погиб академик А. М. Ляпунов, в 1921 г. на его место был избран Я. В. Успенский, продолжатель исследований Г. Ф. Вороного и Г. Минковского, работавший в области теории чисел. В 1922 г. в результате болезни, вызванной истощением, умер академик А. А. Марков, а в 1926 г. скончался академик В. А. Стеклов. Условия жизни и работы были очень тяжелыми, тем не менее ученые продолжали заниматься наукой. В. А. Стеклов, несмотря на загруженность административной работой, подготовил к изданию две части «Основных задач математиче-

ской физики»³⁶ и не оставлял занятий наукой. А. Н. Крылов активно занимался прикладными вопросами математической физики, теорией дифференциальных уравнений и рядами Фурье. А. А. Марков, несмотря на тяжелое состояние, продолжал заниматься вопросами теории вероятностей. В. А. Стеклову принадлежит идея издания трудов выдающихся ученых — математиками Петрограда (Ленинграда) были подготовлены первые книги серии «Классики науки». Академики принимали участие в крупных международных научных мероприятиях, таких как Международный математический съезд в Торонто и 200-летний юбилей Академии наук, возобновляли контакты с зарубежными академиями наук.

После решения академика Я. В. Успенского остаться в США и его исключения из числа советских академиков (1930) академиками Академии наук СССР были избраны математики: С. Н. Бернштейн, один из основоположников конструктивной теории функций, активно занимавшийся в то время теорией вероятностей и ее приложениями; И. М. Виноградов, основные работы которого были посвя-

щены аналитической теории чисел; Н. М. Крылов, занимавшийся приближенным интегрированием уравнений математической физики; Н. Н. Лузин, один из основоположников дескриптивной теории множеств и функций, создатель московской математической школы.

К началу 1930-х гг., несмотря на репрессии и гонения в отношении целого ряда математиков Москвы и Ленинграда, формируется советская математическая школа, достигшая выдающихся успехов в самых разных областях математики: в топологии, теории множеств, теории меры, функциональном анализе, теории функций комплексной переменной, математической физике, теории вероятностей, линейном программировании и во многих других. В науку пришла большая группа талантливейших математиков, среди которых Д. К. Фаддеев, В. И. Смирнов, Б. Н. Делоне, Р. О. Кузьмин, С. Л. Соболев, Л. В. Канторович, Ю. В. Линик, Н. Е. Кочин, П. Я. Полубаринова-Кочина, А. Н. Колмогоров, П. С. Александров, М. А. Лаврентьев, А. М. Ляпунов, П. С. Новиков др., составившая славу отечественной математики.

³⁶ Стеклов В. А. Основные задачи математической физики. Ч. 1—2. Пг., 1922—1923.

ПАФНУТИЙ ЛЬВОВИЧ ЧЕБЫШЁВ (1821—1894)

*П. Л. Чебышёв, адъютант Академии наук.
Литография А. Мюнстера с рисунка
Н. Г. Ванифантьева. 1853 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1—Ч. Д. 5. Л. 1*

4 мая 1821 г. в семье помещика Льва Паловича и Аграфены Ивановны Чебышёвых в селе Окатово Боровского уезда Калужской губернии родился сын. Довольно редкое имя Пафнутий родители выбрали по святцам, преподающий Пафнутий был близок семье своим происхождением³⁷, а Окатово располагалось в 20 км от Боровского Пафнутьева монастыря. В семье было пятеро сыновей и четыре дочери.

Все детство мальчик провел в Окатово, его родители жили в своем имении практически безвыездно. С детства одна нога мальчика была сведена, Пафнутий хромотал и ходил с тростью и потому не мог продолжить семейную традицию — стать офицером, что расстраивало родителей. Хромота вынуждала мальчика чураться детских игр и забав, он много времени проводил дома за изготовлением механических приборов. В дальнейшем это детское увлечение переросло в профессиональный интерес и принесло ему мировую славу.

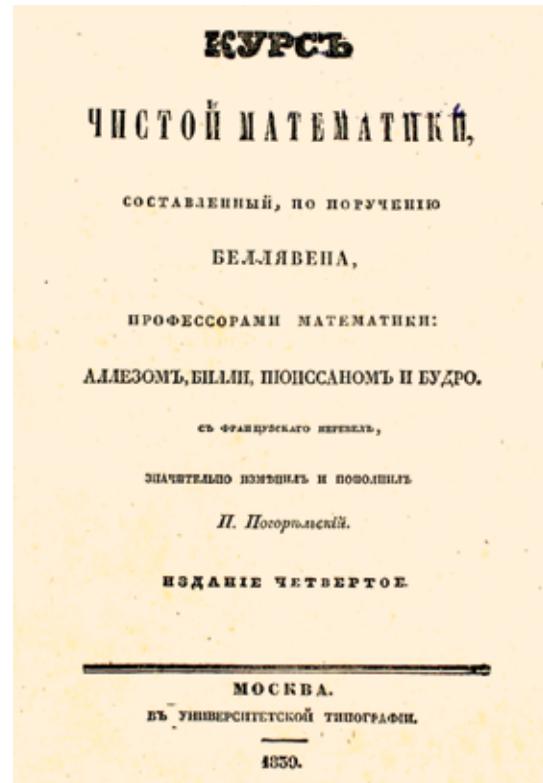
П. Л. Чебышёв навсегда сохранил благодарность людям, принесшим в его жизнь что-то полезное в интеллектуальном или духовном плане. Начальное образование Пафнутий получил дома. Мать обучила его грамоте, а французским языком и арифметикой с ним занималась двоюродная сестра А. К. Сухарева, сыгравшая важную роль в его воспитании. Ее портрет ученый хранил до конца жизни. Д. И. Менделеев вспоминал, что П. Л. Чебышёв с благодарностью говорил о своей учительнице музыки, которая приучила его детский ум к точности и анализу.

В 1832 г. семья Чебышёвых переехала в Москву, чтобы подготовить к поступлению в университет двух своих старших сыновей — Пафнутия и Павла. Лев Павлович, будучи человеком образованным и обладавшим значительными средствами, решил дать детям домашнее образование, пригласив

³⁷ Преп. Пафнутий Боровский был сыном тугарина, а согласно «Родословной книге князей и дворян российских и выезжих» (Ч. 2. М., 1787) Чебышёвы получили свою фамилию от предка-кочевника по прозвищу Чабыш.

лучших московских педагогов. Среди учителей П. Л. Чебышёва выделялся магистр Императорского Московского университета П. Н. Погорельский, в начале 1830-х гг. считавшийся одним из лучших учителей математики и физики в Москве. Он был очень жестким и педантичным педагогом, обладал способностью держать весь класс в постоянном напряжении и излагать свой предмет в доступной форме. Его отношение к преподаванию характеризует такой факт: не найдя учебника на русском языке, удовлетворяющего его педагогическим требованиям, он перевел с французского «Курс чистой математики»³⁸, доведя его до совершенства с помощью многочисленных дополнений (что всячески приветствовалось правительством в то время). Этот учебник пользовался огромной популярностью и выдержал несколько изданий, по нему изучал элементарную математику и П. Л. Чебышёв. Увлеченность математикой передалась ученикам П. Н. Погорельского, многие из них в дальнейшем не расставались с этой наукой.

П. Л. Чебышёв успешно сдал вступительные экзамены в Московский университет по всем предметам и в 1837 г. был зачислен своекоштным студентом 2-го отделения (физико-математического) философского факультета. Помощь родителей позволила ему уйти в учебу с головой, он жил в родительском доме в Москве и был обеспечен деньгами. Юноша аккуратно посещал занятия, выделялся отличными успехами по всем предметам и достойным поведением. Особенно он увлекался

«Курс чистой математики» под редакцией П. Погорельского. М., 1839. Титульный лист

чистой и прикладной математикой, физикой, астрономией и, несколько позже, — практической механикой. Выработанная, благодаря требовательности П. Н. Погорельского, привычка четко организовывать свое время и усердно заниматься, а также незаурядные способности дали результат.

На успехи П. Л. Чебышёва в математике обратил внимание профессор Н. Д. Брашман, который взял на себя труд руководить первыми научными опытами талантливого студента. Профессор отдельно занимался с одаренными студентами, и так усердно, что его занятия выдерживали далеко не все. Он был примером беззаветного служе-

³⁸ Курс чистой математики, составленный, по поручению Беллявена, профессорами математики: Аллезом, Билли, Пюиссаном и Бурдо / с фр. со многими доп., пер. П. Погорельский. Т. 1—3. М., 1832—1834.

Брашман Н.Д. Курс аналитической геометрии. М., 1836. Титульный лист

ния науке и внимательного отношения к запросам и требованиям своего времени. Будучи по образованию инженером и математиком, он обращал особое внимание на прикладные аспекты математики и механики, стремясь использовать науку в развитии промышленных и хозяйственных отраслей. Н. Д. Брашман одним из первых понял, что в соединении практического направления с теоретическим — залог будущего успеха университетского образования.

Учителями П. Л. Чебышёва в Московском университете были также известные в то время профессора Н. Е. Зернов, Д. М. Перовицков и А. С. Ершов. Под руководством профессора Н. Е. Зернова, блестящего педагога и поклонника творчества О. Л. Коши, П. Л. Чебышёв изучал чистую математику. Он прошел довольно суровую школу, ознакомил-

ся с достижениями современной ему науки, и этот опыт составил фундамент его собственных научных исследований. Н. Е. Зернов к тому же был талантливым изобретателем, что нашло отклик в душе одаренного юноши. Д. М. Перовицков, человек феноменальной математической эрудиции и невероятной трудоспособности, преподавал в Московском университете сначала математику, затем астрономию. Будучи автором фундаментальных научных трудов, популярнейших учебников по различным разделам математики и научно-популярных статей по различным отраслям знания, Д. М. Перовицков обладал способностью очень просто и ясно излагать самые сложные вопросы теории и приучал к этому своих студентов. Преподаватель практической механики А. С. Ершов стажировался в Париже, где слушал лекции Ж. В. Понселе, А. Ж. Морена и Ж. Б. Беланже. Он познакомил П. Л. Чебышёва с достижениями французской школы практической механики. Детское увлечение П. Л. Чебышёва созданием различных механизмов, дополненное общением с Д. М. Брашманом, Н. Е. Зерновым и А. С. Ершовым, послужили толчком к самостоятельным исследованиям в области практической механики.

В 1840—1841 учебном году П. Л. Чебышёв участвовал в конкурсе на тему «О числовом решении алгебраических уравнений высших степеней» и получил за сочинение серебряную медаль. Он окончил Московский университет в 1841 г. «отличнейшим из студентов» физико-математического отделения философского факультета. Об успехах одаренного студента было даже сообщено министру народного просвещения.

Наиболее значительное влияние на формирование научных интересов

молодого ученого оказал профессор Н. Д. Брашман, именно он советовал П. Л. Чебышёву выбрать для себя математическую стезю. Решение посвятить жизнь математике далось нелегко, поскольку в 1841 г. из-за неурожая расстроились дела в имении отца, родители Чебышёва переехали в деревню. Он остался жить в семейном доме на Пречистенке, но родители уже не могли оказывать финансовую поддержку, поэтому его материальное положение стало очень стесненным. Перед ним были две возможности: либо устроиться на службу и обеспечить себя материально, либо заняться любимым делом и терпеть лишения. П. Л. Чебышёв выбрал второе, он доверился совету своего учителя и после окончания университета в течение пяти лет под руководством Н. Д. Брашмана занимался наукой, несмотря на постоянное безденежье. П. Л. Чебышёв всегда с благодарностью вспоминал о своем учителе, поддерживал с ним переписку, делился своими успехами.

П. Л. Чебышёв пригласил к себе двух своих братьев и двух их приятелей, готовившихся к поступлению в университет. Он пытался давать им уроки математики, но первый педагогический опыт оказался неудачным: он был слишком несдержан и резок со своими учениками. Чебышёв оставил преподавание и занялся научной работой, сдачей магистерского экзамена и написанием магистерской диссертации «Опыт элементарного анализа теории вероятностей», которую он представил в 1845 г. и блестяще защитил в 1846 г.

Диссертация получила высокую оценку и была рекомендована к публикации, однако, несмотря на это, П. Л. Чебышёв не был оставлен в Московском университете для дальнейшей научной и педагогической деятельности.

В 1845 и 1847 гг. П. Л. Чебышёв приезжал в Санкт-Петербург с целью устроить в Артиллерийское училище своих младших братьев Николая и Владимира. В 1847 г. он получил место адъюнкта в Санкт-Петербургском Императорском университете и окончательно переехал в северную столицу. За год до П. Л. Чебышёва в университет пришел академик В. Я. Буняковский. Появление в стенах Петербургского университета этих двух замечательных математиков существенно изменило положение дел с преподаванием математики и научной работой. В том же году после защиты диссертации на право чтения лекций «Об интегрировании с помощью логарифмов» П. Л. Чебышёв получил право преподавания математики в Петербургском университете и был избран адъюнкт-профессором. Посещавший его лекции по высшей алгебре и теории чисел В. Я. Буняковский очень высоко оценил педагогические способности молодого коллеги. С первых шагов своей работы в университете П. Л. Чебышёв проявил себя как замечательный лектор и выдающийся ученый, результаты работы которого скоро стали известны в Санкт-Петербурге и за рубежом.

Преподавателем Петербургского университета П. Л. Чебышёв проработал 35 лет³⁹: с 1847 по 1882 г. Он

³⁹ Согласно действовавшему в то время университетскому уставу, после 25 лет преподавательской деятельности профессор освобождался от занимаемой должности. После того как в 1872 г. исполнилось 25 лет преподавательской деятельности ученого, Совет университета дважды ходатайствовал перед Министерством народного просвещения о продлении срока его работы на 5 лет и готов был сделать это и в третий раз в 1882 г., но П. Л. Чебышёв попросил удовлетворить его просьбу об отставке. Ученый был избран почетным членом Петербургского университета.

В. Я. Буняковский

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1—Б. Д. 112. Л. 1

читал аналитическую геометрию, высшую алгебру, теорию чисел, интегральное исчисление, теорию вероятностей, теорию конечных разностей и определенных интегралов. Лекции П. Л. Чебышёва отличались живым и увлекательным изложением, давали новый ракурс рассмотрения теории, содержали новые результаты исследований как отечественных, так и зарубежных математиков. Профессор раскрывал значение и важность тех или иных научных результатов и методов. Лекции П. Л. Чебышёва не издавались, но студенты легко усваивали лекционный материал — провалить экзамен по его предметам считалось

большим позором. «Мне несколько раз удалось послушать в университете Буняковского и Чебышёва — какое это наслаждение», — писал один из его студентов⁴⁰.

Уже в 1849 г. П. Л. Чебышёв защитил докторскую диссертацию «Теория сравнений»⁴¹ (оппонентами выступали академики В. Я. Буняковский, А. Н. Савич и О. И. Сомов, профессор С. С. Куторга), получил степень доктора математики и астрономии и был избран экстраординарным профессором. «Теория сравнений» П. Л. Чебышёва получила половинную Демидовскую премию за высокие научные и методические достоинства⁴². Это сочинение стало событием для отечественной математики, так как содержало важные научные результаты и представляло собой первое систематическое изложение теории чисел на русском языке, соответствующее требованиям науки того времени. Эта книга долго оставалась единственным руководством по теории чисел в России, выдержала три издания и была переведена на иностранные языки.

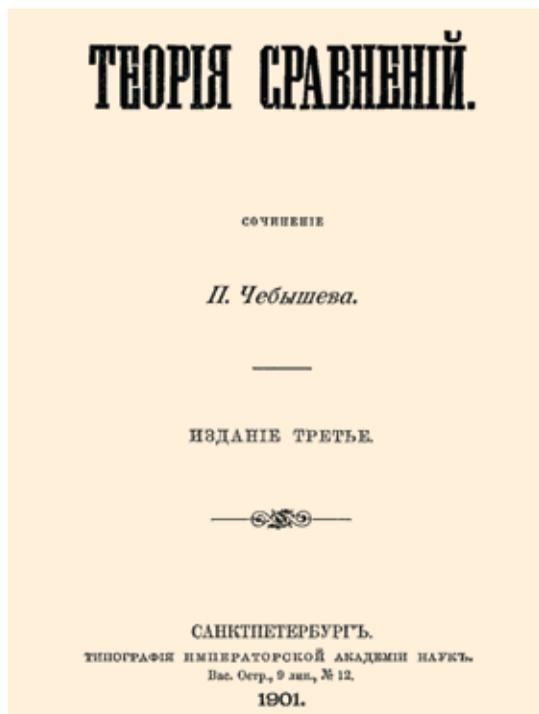
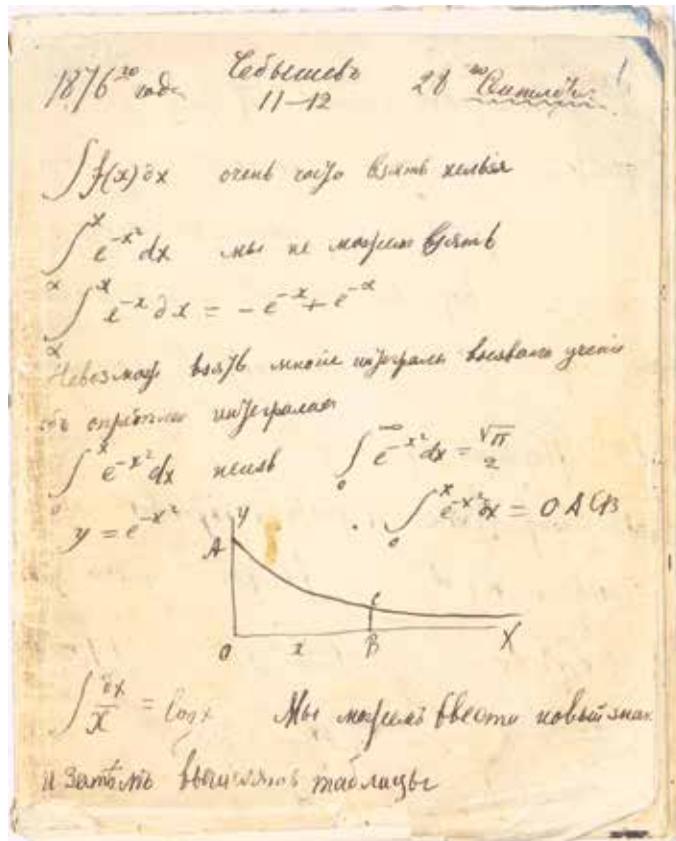
По представлению академиков П. Н. Фуса, В. Я. Струве, Б. С. Якоби, В. Я. Буняковского в 1853 г. ученый был избран адъюнктом Академии наук по прикладной механике, в 1856 г. за работы по теории приближения функций и теории шарнирных параллелограммов — экстраординарным академиком по прикладной математике. В 1850-е гг., благодаря трудам по теории чисел, интегральному исчислению, теории интерполирования, теории машин и механизмов, бал-

⁴⁰ Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. М.; Л., 1934. С. 127.

⁴¹ Чебышёв П. Л. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.; Л., 1944. С. 10—172.

⁴² Отзыв о сочинении написали В. Я. Буняковский и П. Н. Фус; см.: Восемнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1849. С. 49—56.

Лекции П.Л. Чебышёва,
записанные А. А. Марковым.
1876 г.
СПбФ АРАН. Ф. 173. Оп. 1.
Д. 105. Л. 1

Чебышёв П.Л. Теория сравнений. СПб., 1901.
Титульный лист

листике, П. Л. Чебышёв вошел в число крупнейших математиков мира и в 1859 г. стал ординарным академиком Императорской академии наук. В 1874 г. он был избран иностранным членом Парижской академии наук.

Академик В.Я. Буняковский привлек П. Л. Чебышёва к изучению теоретико-числовых рукописей Л. Эйлера, организованному Академией наук, — ими был составлен подробный систематический указатель к трудам великого математика по теории чисел⁴³.

П. Л. Чебышёв сыграл неоценимую роль в истории развития отечественной математики как создатель знаменитой петербургской математической школы. Эту школу составляли и про-

⁴³ Указатель был опубликован: Leonhardi Euleri commentationes arithmeticae collectae. T. 1. SPb., 1849.

Группа ученых. Сидят (слева направо): А. М. Ляпунов, Н. Е. Жуковский (4-й), В. А. Стеклов (6-й), Н. Я. Сонин (7-й); стоят: А. П. Котельников (5-й слева). [1900-е гг.]

СПбФ АРАН. Ф. 257. Оп. 2. Д. 19. Л. 2

А. Н. Крылов

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1—К. Д. 475. Л. 1

славили своими трудами ученики и коллеги П. Л. Чебышёва: академики А. А. Марков, А. М. Ляпунов, В. А. Стеклов, Е. И. Золотарёв, А. Н. Крылов, Н. Я. Сонин и другие выпускники Петербургского университета.

Созданию математической школы весьма способствовали и личные качества П. Л. Чебышёва — способность щедро делиться своими научными идеями не только с учениками, но и с самой широкой аудиторией, — качество, которым обладал и великий Л. Эйлер. Раз в неделю у П. Л. Чебышёва был приемный день, когда двери его квартиры были открыты для всех, кто интересовался математикой. Как вспоминал академик А. Н. Крылов: «Одной из незабвенных заслуг Чебышёва как учителя русских математиков было то, что он своими работами и указаниями в ученых беседах наво-

дил своих учеников на плодотворные темы для собственных изысканий и обращал их внимание на такие вопросы, занятия которыми всегда приводили к более или менее ценным результатам»⁴⁴. По мнению Е. И. Золотарёва: «В математике найти и верно поставить вопрос несравненно труднее, чем его решить; как скоро вопрос поставлен и поставлен верно, решение его так или иначе отыщется. Пафнутий Львович отличался изумительной способностью и умением ставить новые вопросы в математике. Это умение ученого математика служит несомненным признаком его гениальности»⁴⁵.

Известности П. Л. Чебышёва и петербургской математической школы способствовали зарубежные поездки и личные контакты ученого с такими известными математиками и специалистами по практической механике того времени, как Дж. Сильвестр, Ж. Лиувиль, Ш. Эрмит, О. Л. Коши, Ж. А. Серре, И. Ж. Бьенеме и др. Он полагал, что с новыми теориями лучше всего знакомиться, беседуя с их создателями.

П. Л. Чебышёв неоднократно командировался за границу, где посещал технические музеи, лаборатории, различные производства: начиная с ветряных мельниц и льнопрядильных фабрик и заканчивая металлургическими заводами. Прежде всего его интересовали паровые и водяные двигатели, проблема синтеза механизмов, преобразующих один вид движения в другой. Сведения, полученные за время поездок 1852 и 1856 гг., были полезны для разработки курса практической механики

для университета и Александровского лицея, в котором он преподавал с 1852 по 1858 г. Кроме того, ученый получал задания различных ведомств, например, Академии наук, артиллерийского отделения Военно-ученого комитета Главного штаба и др.

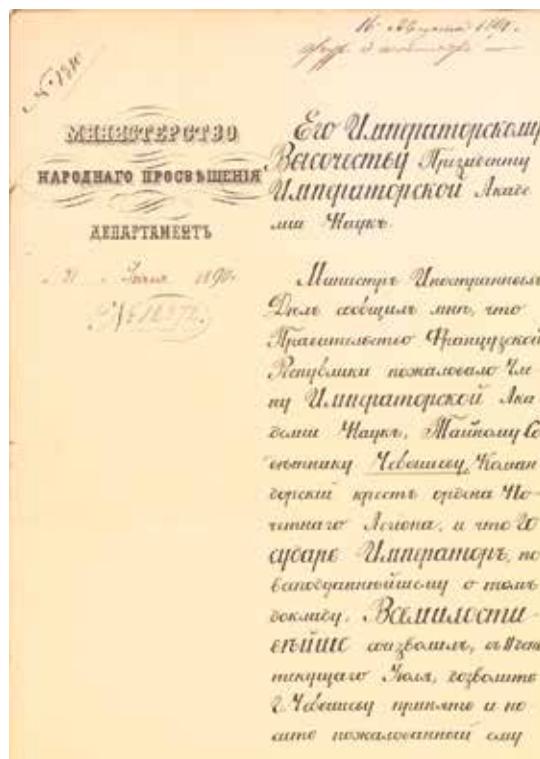
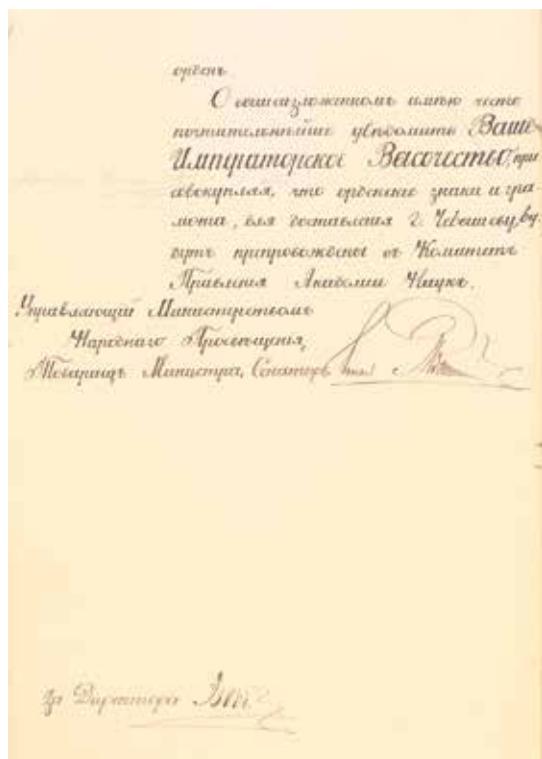
П. Л. Чебышёв любил ездить во Францию, с 1873 г. посещал сессии Французской ассоциации содействия преуспеваю наукам, делал на них оригинальные доклады на самые разные темы: «О предельных значениях интегралов», «О новом центробежном уравнителе», «Новые дачи вариационного исчисления», «Об одном преобразовании числовых рядов», «О кройке одежды» и многие другие; большое число докладов по практической механике вызывали неизменный интерес публики. Навещал он и своих французских друзей: французские математики отмечали большую значимость работ П. Л. Чебышёва для развития математических исследований во Франции⁴⁶. Ученый принимал участие в различных выставках, например, в Выставке приборов и принадлежностей, используемых в преподавании физических, математических и естественных наук в Лондоне (1875), Всемирной выставке в Филадельфии (1876), Международной выставке в Чикаго (1893), на которых его приборы и механизмы вызывали большой интерес и отмечались наградами.

П. Л. Чебышёв был не только гениальным ученым, но и выдающимся деятелем в области народного просвещения, много сил и времени посвятил развитию народного образования. Вслед за своими старшими коллегами по Ака-

⁴⁴ Крылов А. Н. Пафнутий Львович Чебышёв. М.; Л., 1944. С. 6.

⁴⁵ Цит. по: Ожигова Е. П. Егор Иванович Золотарёв. 1847—1878. М.; Л., 1966. С. 25.

⁴⁶ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 1873. № 6. С. 78—79.

Письмо товарища министра народного просвещения князя М. С. Волконского президенту Императорской Академии наук вел. кн. Константину Константиновичу о награждении П. Л. Чебышёва Командорским крестом ордена Почетного легиона и о разрешении государя императора принять награду от 31 июля 1890 г.

СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 637. Л. 173—173 об.

демии наук — М. В. Остроградским и В. Я. Буняковским — он принял участие в разработке и проведении школьной реформы, в 1856 г. был избран в Ученый комитет Министерства народного просвещения и в комитет при Главном управлении военно-учебных заведений⁴⁷, им были составлены учебные планы и программы по математике, каталоги учебных руководств по математике для гимназий, уездных училищ и других учебных заведений, разработан проект реальных курсов при уездных училищах, написаны многочисленные рецензии на математические учебники для средних и военных учебных заведе-

ний и многое другое. Усилия академика П. Л. Чебышёва в этой области были высоко оценены — он первым получил звание почетного члена Ученого комитета Министерства народного просвещения, специально для него учрежденное по ходатайству министра Д. А. Толстого.

П. Л. Чебышёв оказывал поддержку всем, в ком обнаруживал математические способности и склонность к занятиям наукой. Так, он старался поддерживать С. В. Ковалевскую в ее занятиях математикой. Она познакомилась с Чебышёвым в Санкт-Петербурге конце 1874 г. «Русские математики встретили Софью Васильевну недружелюбно

⁴⁷ К исполнению своих обязанностей П. Л. Чебышёв приступил только в начале 1857 г., поскольку в 1856 г. находился в длительной командировке за рубежом.

С. В. Ковалевская.
Фототипия

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1—К. Д. 84. Л. 1

О. И. Сомов.

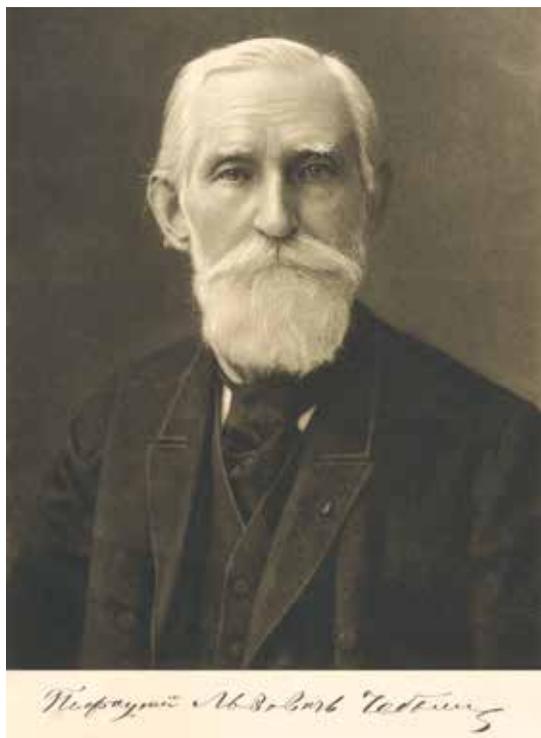
Литография А. Мюнстера с фотографии

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1—С. Д. 11. Л. 1

и одно время не хотели ее признавать. Это обусловилось до некоторой степени антипатией к немецкому направлению в математике. Ласковый прием и оценку своего таланта Ковалевская сперва нашла только в нашем знаменитом математике П. Л. Чебышёве»⁴⁸. Между ними завязалась переписка. По настоянию академика С. В. Ковалевская приняла участие в работе VI и VII Съездов русских естествоиспытателей и врачей, в которых и он сам принимал участие. Осенью 1889 г., благодаря выдвижению ее кандидатуры П. Л. Чебышёвым вместе с академиком В. Г. Имшенецким и В. Я. Буняковским, С. В. Ковалевская была избрана членом-корреспондентом Императорской академии наук.

Пафнутий Львович не имел семьи, жил один. Любил навещать семью старшей сестры Елизаветы, с удовольствием общался с ее внуками. Ближе всех из родственников П. Л. Чебышёву был младший брат Владимир, который тоже занимался наукой. В Академии наук ученый поддерживал близкие отношения с В. Я. Буняковским, О. И. Сомовым, Н. В. Ханьковым. Будучи академиком, профессором университета и участвуя в дополнительных работах по поручению различных ведомств, он получал весьма высокое жалование. При этом он умножал свой доход, поручая управляющему заниматься перепродажей земельных участков. Хотя П. Л. Чебышёв был очень богат, жил он скромно — не имел собствен-

⁴⁸ Литвинова Е. Ф. С. В. Ковалевская. Ее жизнь и ученая деятельность. СПб., 1894. С. 43.

П. Л. Чебышёв в последние годы жизни.
Фототипия

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1—Ч. Д. 27. Л. 1

ного дома, ездил на извозчике (извозчики Васильевского острова считали его скрягой, поскольку он не упускал случая поторговаться о цене). В его квартире только гостиная, в которой он принимал посетителей, была весьма хорошо обставлена, а комнаты, предназначенные для работы и отдыха, были очень просты. Он не устраивал приемов, его гостями были люди, приходившие побеседовать с ним о математике. П. Л. Чебышёв дома занимался наукой или собственноручным изготовлением моделей механизмов, поэтому одна из комнат была похожа на столярную мастерскую. Часть его моделей сохранилась в музее и на математико-механическом факультете Санкт-Петербургского университе-

та. Он многие вещи умел сделать сам, даже залить порвавшиеся галоши.

Возможно, причиной жесточайшей экономии стали прошедшие годы финансовой неустроенности, после которых П. Л. Чебышёв хотел обеспечить себя настолько, чтобы не думать о деньгах. Он был бережлив, но не скуп. Ученый не жалел денег, когда речь шла об оплате обучения племянника или о материалах для изготовления моделей разработанных им машин и механизмов, на любое дело, которое он считал нужным и полезным. Когда, например, П. Л. Чебышёв узнал, что его управляющий дешево выкупил имение малолетних Горяиновых, которое было продано за долг опекуному совету, и сироты остались без средств, то, не задумываясь, вернул имение детям.

В 1894 г. ученый, не восприняв всерьез легкую форму гриппа, продолжал работать, несмотря на неважное самочувствие. Интенсивного ритма жизни не выдержало сердце. 26 ноября 1894 г. Пафнутий Львович Чебышёв скончался.

В память о выдающемся русском ученом Академией наук было принято решение об издании полного собрания сочинений П. Л. Чебышёва. Первое двухтомное собрание сочинений вышло одновременно на русском и французском языках в 1899 и 1907 гг.⁴⁹ при финансовой поддержке В. Л. Чебышёва. В работе по редактированию и переводу приняли участие его коллеги и ученики: А. А. Марков, Н. Я. Сонин, А. М. Ляпунов, Н. М. Гюнтер, И. И. Иванов, М. И. Трихомандрицкий. Выход в свет этого издания вызвал целый поток работ отечественных и зарубежных математиков, вдохновленных результатами академика.

⁴⁹ Сочинения П. Л. Чебышёва, изданные под редакцией А. А. Маркова и Н. Я. Сонины, ординарных академиков Академии наук. Т. 1—2. СПб., 1899—1907.

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ МАРКОВ (СТАРШИЙ) (1856—1922)

А. А. Марков родился 2 июня 1856 г. в семье выпускника Рязанской духовной семинарии, коллежского секретаря Андрея Григорьевича и Надежды Петровны Марковых. В начале 1860-х гг. семья Марковых переселилась из Рязани в Санкт-Петербург. Здесь А. Г. Марков устроился управляющим в имение вдовы Е. А. Вальватъевой, дочь которой Мария Ивановна впоследствии стала женой А. А. Маркова.

В детстве у Андрея обнаружился костный туберкулез, одна нога не разгибалась в колене, и мальчик ходил на костылях. Несмотря на недуг, он был резвым ребенком, научился обходиться без костылей, прыгая на одной ноге, и так принимал участие в подвижных играх сверстников. Благодаря операции, выполненной хирургом Э. Кадэ, мальчик стал ходить, но легкая хромота осталась на всю жизнь.

Беззаботное детство кончилось, когда в 1866 г. 10-летнего Андрея отдали в Пятую Санкт-Петербургскую гимназию. Среди окончивших это учебное заведение были известные физики и математики, например, физик М. П. Авенариус, выдающийся математик адъютант Петербургской академии наук Е. И. Золотарёв, профессор Казанского университета А. В. Васильев. Многие из выпускников гимназии сохранили о ней теплые воспоминания, чего нельзя сказать об Андрее Маркове.

В 1868—1869 учебном году гимназия окончательно стала классической, основной упор в обучении был сделан на древние языки — латынь и древнегреческий, на которые отводилось суммарно 11 уроков в неделю. Мальчика

невероятно раздражала необходимость постоянной зубрежки большого числа правил и исключений из них. Среднемесячный балл юного Маркова по всем предметам колебался в течение года между 3,5 и 4. Успеваемость портили тройки и двойки по латыни, немецкому языку и рисованию, немногим лучше дело шло на уроках греческого и географии. По русскому языку, истории и Закону Божьему он учился на «хорошо», и лишь по математике у него всегда был высший балл.

Гимназия давала право поступления на любое отделение университета, поэтому отец мальчика не хотел менять сыну учебное заведение, несмотря на его явное нежелание зани-

А. А. Марков (старший). [1880-е гг.]
СПбФ АРАН. Ф. 173. Оп. 1. Д. 93 л. 15

П. Л. Чебышёв. Литография с гравюры
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1—Ч. Д. 36. Л. 1

маться чем-либо, кроме математики. А. А. Марков не просто увлекался школьной алгеброй и геометрией, он самостоятельно занимался сложными задачами аналитической геометрии, кратными интегралами, дифференциальными уравнениями, задачами математического анализа. Мальчик знал себе цену и не страдал излишней скромностью. В 1873 г. Андрею показалось, что он изобрел новый метод интегрирования линейных дифференциальных уравнений с постоянными коэффициентами. Об этом открытии он сообщил известным математикам того времени — академику В. Я. Буняковскому, профессорам А. Н. Коркину и Е. И. Золотарёву, которые с большим вниманием отнеслись к работе гимназиста. Метод, предложенный А. А. Марковым, не был нов и содержал определенные изъяны, но рецензенты постарались поддержать первый научный опыт

юного дарования⁵⁰. А. Н. Коркин даже пригласил его в гости, так завязалось знакомство А. А. Маркова с профессорами математики Петербургского университета А. Н. Коркиным и Е. И. Золотарёвым.

Еще в гимназические годы у А. А. Маркова появился острый интерес к явлениям общественной жизни. Он зачитывался статьями революционеров-демократов Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, под влиянием которых в значительной степени сформировались мировоззрение юноши и его манера поведения. С максималистским рвением он пытался проводить «прогрессивные идеи» в жизнь, что, к сожалению, не способствовало улучшению его успеваемости и положения в гимназии. Так, после прочтения сочинения А. А. Маркова о «Евгении Онегине» в духе статьи Д. И. Писарева «Пушкин и Белинский» учитель словесности не без раздражения отметил: «Вы начитались борзописцев, отрицающих чувство прекрасного»⁵¹. В результате в Пятой гимназии он обучался восемь лет вместо семи, так как пробыл два года в 8-м классе.

В 1874 г. А. А. Марков поступил на физико-математический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. Это было золотое время петербургской математической школы, в этот период в университете академик П. Л. Чебышёв читал теорию чисел и теорию вероятностей, О. И. Сомов — аналитическую механику, адъюнкт Академии наук Е. И. Золотарёв — интегральное исчисление и теорию эллиптических функций,

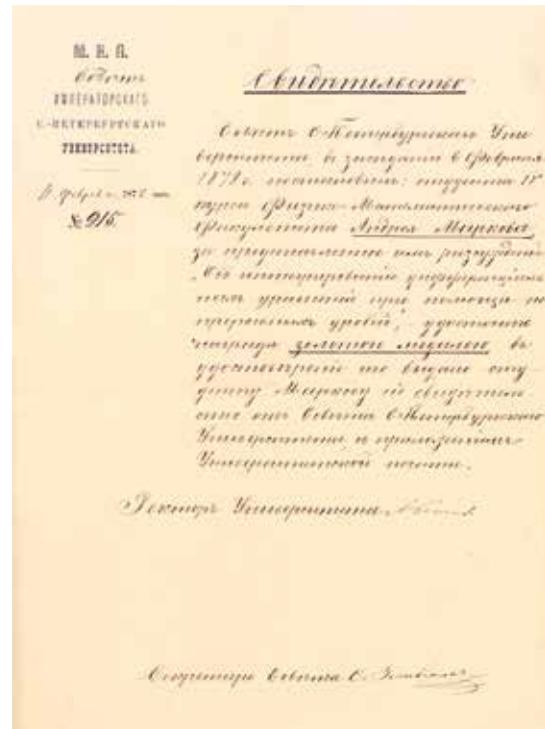
⁵⁰ СПбФ АРАН. Ф. 173. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; Д. 9. Л. 2.

⁵¹ Гродзенский С. Я. Андрей Андреевич Марков, 1856—1922. М., 1987. С. 24.

профессор А. Н. Коркин читал курс теории дифференциальных уравнений, Ю. В. Сохоцкий — дифференциальное исчисление. В университете А. А. Марков много работал самостоятельно. На формирование его научных интересов значительно повлияли П. Л. Чебышёв, Е. И. Золотарёв и в особенности А. Н. Коркин, беседы с которым дали толчок многим самостоятельным исследованиям талантливого студента.

В Петербургском университете А. А. Марков учился очень хорошо. В 1875—1876 учебном году ему была назначена одна из императорских стипендий, а на старших курсах за особые успехи в учебе присуждена именная стипендия Дыммана. В 1877 г. Марков выиграл объявленный в университете конкурс написание самостоятельного исследования по интегрированию дифференциальных уравнений при помощи непрерывных дробей и был награжден золотой медалью. За весь период обучения в университете у него было всего две четверки, и обе они не по математике. Если в гимназии его успехи были более чем скромными, то в университете он нашел благоприятную для себя среду и стал одним из наиболее способных студентов.

В 1878 г. А. А. Марков блестяще окончил университет со степенью кандидата по разряду математических наук. В числе шести лучших выпускников он был оставлен при университете. 13 апреля 1880 г. А. А. Марков защитил магистерскую диссертацию «О бинарных квадратичных формах положительного определителя»⁵²,

Свидетельство Санкт-Петербургского университета о награждении студента А. Маркова золотой медалью за исследование «Об интегрировании дифференциальных уравнений при помощи непрерывных дробей» от 11 февраля 1878 г.

СПбФ АРАН. Ф. 173. Оп. 1. Д. 63. Л. 1

близкую работам Е. И. Золотарёва и А. Н. Коркина. Краткое сообщение о защите появилось в «Санкт-Петербургских ведомостях», работа получила высокую оценку специалистов, отметивших искусство А. А. Маркова в использовании непрерывных дробей. Факультет признал диссертацию достойной публикации на специальные средства университета. Перевод этой работы на французский язык был опубликован в «Mathematische Annalen» в 1879—1880 гг.⁵³ Член-кор-

⁵² Марков А. А. О бинарных квадратичных формах положительного определителя: Рассуждение. СПб., 1880.

⁵³ Markoff A. Sur les forms quadratiques binaires indéfinies. Pt. 1—2 // Mathematische Annalen. 1879. Bd. 15. S. 381—406; 1880. Bd. 17. S. 379—399.

А. А. Марков
и Б. М. Коялович за игрой
в шахматы. [1890-е гг.]
СПбФ АРАН. Ф. 173. Оп. 1.
Д. 93. Л. 28

респондент Академии наук СССР Б. Н. Делоне так охарактеризовал работу А. А. Маркова: «эта работа, весьма высоко оцененная Чебышёвым, принадлежит к числу самых острых достижений петербургской школы теории чисел да, пожалуй, и всей русской математики»⁵⁴.

А. А. Марков начал преподавательскую работу в Петербургском университете в должности приват-доцента в 1880 г. и продолжал ее с небольшими перерывами вплоть до своей кончины. Ученый читал различные курсы: теорию чисел, теорию непрерывных дробей, высшую алгебру, введение в анализ, дифференциальное и интегральное исчисление, сферическую тригонометрию и пр. После того как в 1882 г. П. Л. Чебышёв прекратил чтение лекций в университете, А. А. Марков стал ежегодно до 1921 г. читать курс теории вероятностей.

В 1883 г. А. А. Марков женился на М. И. Вальватъевой. В семье долго не было детей, и супруги взяли на воспитание трех дальних родственников Маркова, в детстве потерявших роди-

телей. В 1903 г. родился их единственный сын Андрей, впоследствии ставший математиком и преумноживший славу своего отца.

А. А. Марков любил длительные пешие прогулки. Его страстным увлечением с гимназических лет были шахматы, он был первоклассным шахматистом. Ученый переписывался с основоположником отечественной шахматной школы М. И. Чигориным и многими другими шахматистами, проводил матчи по переписке.

Докторская диссертация А. А. Маркова «О некоторых приложениях алгебраических непрерывных дробей» содержала приложения аппарата непрерывных дробей к анализу, в ней он развил идеи П. Л. Чебышёва о предельных величинах интегралов. Диссертация послужила основой для целой серии работ А. А. Маркова по теории моментов, ставшей важным средством исследования в теории вероятностей, а также по интерполированию и наилучшему приближению функций. В январе 1885 г. ученому была присуждена степень доктора математики.

⁵⁴ Делоне Б. Н. Петербургская школа теории чисел. М.; Л., 1947. С. 144.

Диплом о присвоении А. А. Маркову
звания Почетного члена
Петроградского университета.
25 мая 1917 г.

СПбФ АРАН. Ф. 173. Оп. 1.
Д. 63. Л. 17 об.

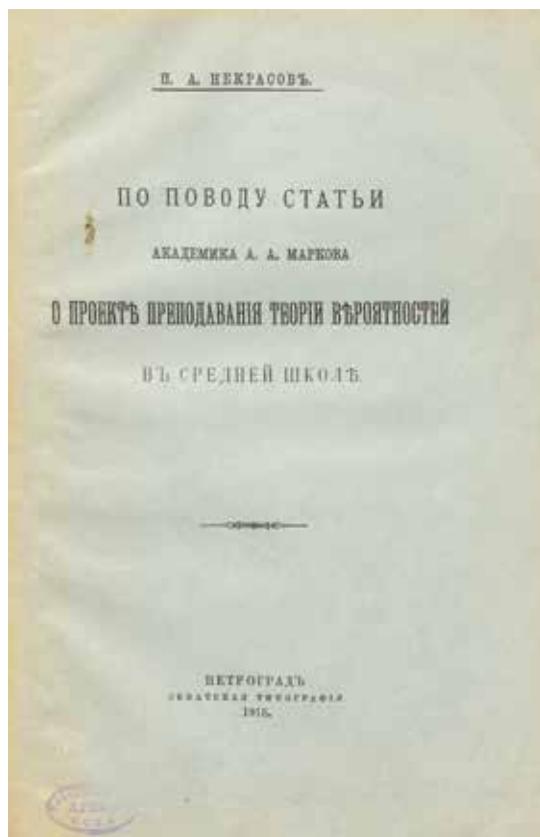

В 1886 г. А. А. Марков был утвержден экстраординарным профессором по кафедре чистой математики, в 1893 г. — ординарным профессором, а в 1905 г. ученый получил звание заслуженного профессора Императорского Санкт-Петербургского университета и вскоре по собственному желанию ушел в отставку, но продолжал читать курс по теории вероятностей и другим интересовавшим его специальными вопросам. В 1886 г. началась и академическая деятельность профессора А. А. Маркова: 13 декабря по представлению академиков В. Я. Буняковского, П. Л. Чебышёва и В. Г. Имшенецкого он был избран адъюнктом Императорской Санкт-Петербургской академии наук, в марте 1890 г. стал экстраординарным академиком, а в марте 1896 г. — ординарным академиком.

В 1888 г. А. А. Марков был избран членом-корреспондентом Харьковского математического общества, в 1892 г. — членом Московского математического общества, в 1898 г. — членом Физико-математического общества при Казанском университете.

Как педагога, А. А. Маркова отличало умение излагать свои мысли с филигранной строгостью и ясностью, теорию он иллюстрировал мастерски подобранными примерами. Профессор Б. П. Вейнберг в своих воспоминаниях об университете отметил: «Некоторые из нас увлекались способом изложения А. А. Маркова, каждым словом как бы заколачивавшего гвоздь за гвоздем по одной прямой линии, с которой он не давал сходить истине»⁵⁵. По материалам своих лекций ученый подготовил замечательные учебные пособия, из которых прежде всего следует отметить «Исчисление вероятностей» (1900), выдержавшее несколько изданий и переведенное на иностранные языки. Некоторые курсы лекций А. А. Маркова — введение в анализ, дифференциальное исчисление и др. — были литографированы. Кроме того, он принимал участие в магистерских экзаменах, просматривал диссертации, долгое время был одним из руководителей студенческого математического кружка. А. А. Марков уделял большое внимание вопросам

⁵⁵ Вейнберг Б. П. Из воспоминаний о Дмитрие Ивановиче Менделееве как лекторе. Томск, 1910. С. 1.

Некрасов П. А. По поводу статьи академика А. А. Маркова «О проекте преподавания теории вероятностей в средней школе». Пг., 1915. Титульный лист

преподавания математики в средней школе, полемизировал с П. А. Некрасовым по вопросу введения теории вероятностей в школьную программу.

Ученый занимал весьма активную общественную позицию, стараясь вникать во все нюансы дел Академии наук и Петербургского университета, он очень ответственно относился к своим обязанностям. Его общественная и организационная деятельность также были многогранны. А. А. Марков 17 лет был депутатом при попечительском Совете университета; работал в комиссии по вопросу реформы календаря в России; принял участие в расчетах вероятных оборотов эмеритальной кассы Министерства юсти-

ции; в работе комиссии, обсуждавшей вопрос об увеличении кредита на обработку и издание метеорологических наблюдений; обсуждал вопрос о возможности с помощью статистического анализа найти критерии, отделяющие плагиат от истинного авторства; входил в состав комиссии по рассмотрению сочинений, представленных на соискание премии В. Я. Буняковского и т. д. После революции 1917 г., несмотря на проблемы со здоровьем, он был избран представителем Академии в Совете по делам статистики Центрального статистического управления в Москве и представлял Академию в Петроградском совете по делам статистики, входил в Комитет по делам Главной астрономической обсерватории, был членом комиссии по изучению научного наследия Л. Эйлера и изданию его сочинений.

Однако работать с А. А. Марковым было непросто, поскольку по характеру он был вспыльчив и неуравновешен, не терпел компромиссов, старался находиться в центре внимания. По словам вице-президента Академии П. В. Никитина, он обладал болезненной уверенностью в своей всегдашней правоте и не признавал никаких авторитетов. Член-корреспондент Академии наук Н. М. Гюнтер вспоминал, как А. А. Марков однажды дал такой ответ на вопрос о том, что такое математика: «Математика — это то, чем занимаются Гаусс, Чебышёв, Ляпунов, Стеклов и я». К коллегам академиком-математикам он относился с уважением, но и с ними нередко возникали столкновения. Он был своего рода *enfant terrible* (трудное дитя) Академии наук и университета. Среди его предложений по университету и Академии было немало дельных, но часто замечания касались

формального соблюдения регламента, уставов, положений и т.д. Обсуждение этих формальных вопросов отнимало у собрания много времени и зачастую ни к чему не приводило. Учитывая огромные научные заслуги А. А. Маркова, коллеги терпеливо и внимательно относились к особенностям великого математика. Академик В. А. Стеклов, с которым у А. А. Маркова были дружеские отношения, писал: «Ну что же делать, если ход его мышления и свойства его на редкость прямой души были настолько своеобразны, что не укладывались в обычных рамках; к этим особенностям, может быть не всегда приятным, все же можно относиться только с уважением»⁵⁶.

Когда в ноябре 1889 г. академик П. Л. Чебышёв выступил на заседании Физико-математического отделения с представлением в члены-корреспонденты Академии наук кандидатуры С. В. Ковалевской, А. А. Марков отреагировал резким протестом по этому поводу, заявив, что ее мемуар содержит ошибки. Возникла крайне неловкая ситуация, так как кандидатуру С. В. Ковалевской обсуждали, не уведомив ее об этом. Из архивных документов видно, что на момент обсуждения оба оппонента не были достаточно знакомы с работами С. В. Ковалевской. П. Л. Чебышёв доверился авторитету Ш. Эрмита и К. Вейерштрасса, А. А. Марков же полагал, что в любой научной работе при желании можно найти изъяны⁵⁷.

Несмотря на всю «прогрессивность» своих взглядов, А. А. Марков не мог допустить присутствия женщины в Академии наук.

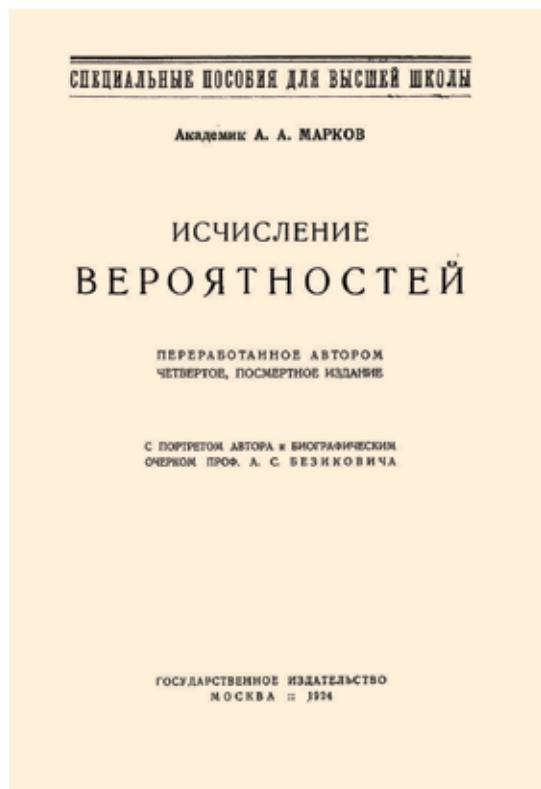
А. А. Марков всегда с благодарностью вспоминал своих учителей. Свою работу «О целых числах, зависящих от корня кубического из целого рационального числа» он посвятил памяти рано ушедшего из жизни Е. И. Золотарёва, который по-отечески заботливо относился к нему, хотя разница в возрасте между ними была всего 7 лет. После кончины П. Л. Чебышёва академики А. А. Марков и Н. Я. Сонин взяли на себя подготовку двухтомного труда «Сочинения П. Л. Чебышёва»⁵⁸ и написание его биографического очерка.

В начале XX в. интерес А. А. Маркова к общественно-политической жизни страны резко возрос, он стал своего рода «медийным лицом», его имя часто встречалось на страницах газет. Он подавал протесты на распоряжения и циркуляры правительства, министра народного просвещения, публиковал в газетах открытые письма по разным вопросам. В частности, в 1902 г. А. А. Марков резко выступил против кассации выборов М. Горького в почетные члены Академии наук. В 1905 г. он присоединился к известной «Записке 342 ученых» о помощи отечественному просвещению. В период Первой мировой войны А. А. Марков решительно выступил против предложения об ис-

⁵⁶ Стеклов В. А. Андрей Андреевич Марков: Некрологический очерк // Известия РАН. Сер. 6. 1922. № 1/18. С. 182.

⁵⁷ См., напр., письмо акад. А. С. Фамницына А. А. Маркову от 25 ноября 1889 г.: СПбФ АРАН. Ф. 173. Оп. 1. Д. 62. Л. 2—4 об.

⁵⁸ *Markov A.* Sur les nombres entiers dépendant d'une racine cubique d'un nombre entier ordinaire: A la mémoire de G. Zolotareff // Mémoires de l'Académie imp. des Sciences de St.-Petersbourg. Sér. 7. 1892. Т. 38. № 9; Сочинения П. Л. Чебышёва, изданные под редакцией А. А. Маркова и Н. Я. Сониной, ординарных академиков Академии наук. Т 1—2. СПб., 1899—1907.

Марков А. А. Исчисление вероятностей. Переработанное автором четвертое, посмертное издание. М., 1924. Титульный лист

ключении из списка членов Академии наук подданных воюющих с Россией государств. Ученый был рад грядущим социальным переменам, ратовал за свержение самодержавия, приветствовал участие студентов в революционных беспорядках.

Октябрьскую революцию семья Марковых встретила в Зарайске, куда она переехала в сентябре 1917 г. Ситуация с продовольствием там была лучше, чем в столице. А. А. Марков-младший продолжил обучение в Зарайском реальном училище, А. А. Марков-старший предложил безвозмездно свои услуги в качестве преподавателя математики в том же училище. Одна-

ко трудности быта того времени они ощутили на себе в полной мере, о чем свидетельствуют письма А. А. Маркова академику В. А. Стеклову⁵⁹. Чтобы спастись от голода, ученому приходилось выкапывать ломом камни на общественном огороде. Он жаловался на то, что комиссаром народного образования в Зарайске является недоучившийся студент, а решающий голос имеет не педагогический совет Реального училища, а Ученический совет, в который входил и А. А. Марков-младший, ставший в результате более значительным лицом в Зарайске, чем его отец-академик.

Переезд в Петроград осенью 1918 г. облегчил положение А. А. Маркова в том, что вице-президент Академии наук В. А. Стеклов старался всячески помочь его семье, обеспечив самым необходимым (продуктами и дровами), но ситуация оставалась очень сложной. Известно обращение А. А. Маркова в Академию наук в марте 1921 г. с заявлением о том, что он лишен возможности посещать заседания ввиду отсутствия обуви. А. А. Марков и его супруга, Мария Ивановна, были людьми, совершенно не приспособленными к столь сложным условиям жизни. Постоянный стресс истощил душевные, интеллектуальные и физические силы ученого и пагубным образом сказался на его здоровье. В 1920—1921 учебном году А. А. Маркову-младшему пришлось водить отца на занятия в университет под руку. В это время ученый работал над четвертым изданием знаменитого «Исчисления вероятностей», которое было опубликовано уже после его кончины. А. А. Маркова не стало 20 июля 1922 г.

⁵⁹ СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 2. Д. 266. Л. 42—44 об.

Научное наследие академика А. А. Маркова весьма разнообразно, он занимался теорией чисел, теорией непрерывных дробей и ее приложениями, исчислением конечных разностей, теорией интерполирования функций, теорией функций, наименее уклоняющихся от нуля, дифференциальными уравнениями, проблемой моментов, экстремальными задачами в функциональных пространствах и другими вопросами. Мировую славу А. А. Маркову принесли прежде всего его труды по теории вероятностей, изменившие облик математической науки. Именно в них был исследован широкий класс стохастических процессов, носящих ныне имя

ученого, именно они явились фундаментом для дальнейшего бурного развития общей теории стохастических процессов, в наше время получившей многочисленные приложения в разных областях знания. В этих работах раскрылась во всей полноте разносторонность и сила дарования ученого. Академик Я. В. Успенский отмечал, что А. А. Марков являлся последним прямым носителем традиций петербургской математической школы, возглавляемой П. Л. Чебышёвым, с кончиной ученого завершился один из самых блестящих периодов русской математики.

АСТРОНОМИЯ

РАЗВИТИЕ АСТРОНОМИИ В АКАДЕМИИ НАУК В XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

РОССИЙСКАЯ АСТРОНОМИЯ В «ДОПУЛКОВСКИЙ» ПЕРИОД

Астрономия как наука начала развиваться в России после создания в 1724 г. Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. До этого астрономическими наблюдениями всерьез занимался лишь один из ближайших сподвижников Петра Великого — Я. В. Брюс, оборудовавший в 1700 г. в Сухаревой башне в Москве астрономическую обсерваторию для Школы математических и навигацких наук. В 1726 г. в Санкт-Петербурге при Академии наук открылась астрономическая обсерватория, по свидетельству очевидцев «одна из наиболее великолепных в Европе». В обсерватории, расположенной в здании Кунсткамеры, работали Ж. Н. Делиль, М. В. Ломоносов, Л. Эйлер. Но обсерватория находилась в центре растущего столичного города, поэтому астрономы начали поиск места, более удобного для астрономических наблюдений⁶⁰.

Пулковская гора под Санкт-Петербургом как новое место расположения академической обсерватории была впервые предложена в 1790 г., когда по поручению Екатерины II архитектором Дж. Кваренги был разработан проект астрономической обсерватории с корпусами апартаментов императрицы и ее свиты, однако из-за кончины государыни строительство новой обсерватории в Пулкове было отложено.

К началу XIX в. главными задачами астрономии стали создание точной небесной системы координат, определение и уточнение фундаментальных астрономических постоянных, изучение закономерностей звездной вселенной и Солнечной системы, изучение поля силы тяжести и формы Земли, развитие и внедрение астрономических методов в морской навигации⁶¹. В России, помимо академической обсерватории в Санкт-Петербурге, работали еще несколько астрономических обсерваторий. В 1810 г. в Дерпте (Юрьев, ныне Тарту) ректором

---

⁶⁰ Абалакин В. К., Карпеев Э. П., Положенцев Д. Д. 300 лет астрономии в Санкт-Петербурге. СПб., 2000.

⁶¹ Абалакин В. К., Пинигин Г. И., Эраль С. Ф. Многолетнее плодотворное сотрудничество астрономических династий Струве и Кнорре // Известия Главной астрономической обсерватории в Пулкове. 2013. № 220. С. 555.

В. Я. Струве. Литография А. Мюнстера
с фотографии Левицкого
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-С. Д. 13. Л. 1

Дерптского университета Г. Ф. Парротом была основана астрономическая обсерватория, которой более 20 лет руководил Василий Яковлевич Струве (1793—1864), оснастивший ее первоклассными по тому времени астрометрическими инструментами. В 1804 г. на крыше главного здания Императорского Московского университета на Моховой была построена обсерватория, которая сгорела во время пожара 1812 г. Новую обсерваторию возвели на одном из холмов Пресненской возвышенности (1831). В 1814 г. Йозеф Иоганн фон Литров (1781—1840) в небольшой обсерватории Императорского Казанского университета начал наблюдения комет и метеоров, в которых участвовали его ученики Н. И. Ло-

бачевский и И. М. Симонов. С 1819 г. работала обсерватория в Турку, спроектированная К. Л. Энгелем. После пожара в Турку (1827) император Николай I решил перенести обсерваторию в Гельсингфорс (Хельсинки), она была открыта в 1834 г. Главный командир Черноморского флота и портов адмирал Алексей Самуилович Грейг (1775—1845) основал в Николаеве морскую обсерваторию (1821) для обеспечения Черноморского флота службой точного времени, мореходными картами и для обучения морских офицеров астрономическим методам ориентирования. Эти небольшие по европейским меркам обсерватории уже не соответствовали задачам России в астрономо-геодезическом обеспечении огромной территории и развивающегося морского флота. Поэтому назрел вопрос о создании крупной современной обсерватории.

ГЛАВНАЯ (ПУЛКОВСКАЯ) АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ (ГАО) АКАДЕМИИ НАУК

В 1827 г. Императорская академия наук приняла решение о создании новой астрономической обсерватории⁶², поручив академику Г. Ф. Парроту составление проекта и финансовой сметы на строительство загородной астрономической обсерватории близ Царского Села. Для реализации проекта был приглашен директор Дерптской обсерватории В. Я. Струве, избранный почетным членом Академии наук (1826) и в том же году коман-

⁶² Подробнее об истории обсерватории см.: 150 лет Пулковской обсерватории: [сборник статей] / отв. ред. В. К. Абалакин. Л., 1989; Главная астрономическая обсерватория в Пулково, 1839—1917: сборник документов / сост. А. Н. Дадаев, Н. Я. Московченко, В. И. Осипов, И. В. Тункина; отв. ред. В. К. Абалакин. СПб., 1994.

Г. Ф. Паррот. Проект астрономической обсерватории в С.-Петербурге.
Разрез и фасад. 1832—1833 гг. Подпись-автограф Г. Ф. Паррота

СПбФ АРАН. Ф. 703. Оп. 8. Д. 1. Л. 1

дированный в Западную Европу для ознакомления с работой известных зарубежных астрономических обсерваторий и заказа астрономических инструментов. Вернувшись в Россию, В. Я. Струве доложил императору Николаю I о научных результатах своей заграничной поездки и представил «самый откровенный и правдивый от-

чет» о незавидном состоянии академической обсерватории. Последствия этой аудиенции оказались более чем неожиданными: наряду с распоряжением о четырехкратном увеличении годового бюджета Дерптской обсерватории, император приказал начать подготовку к строительству новой обсерватории близ Санкт-Петербурга.

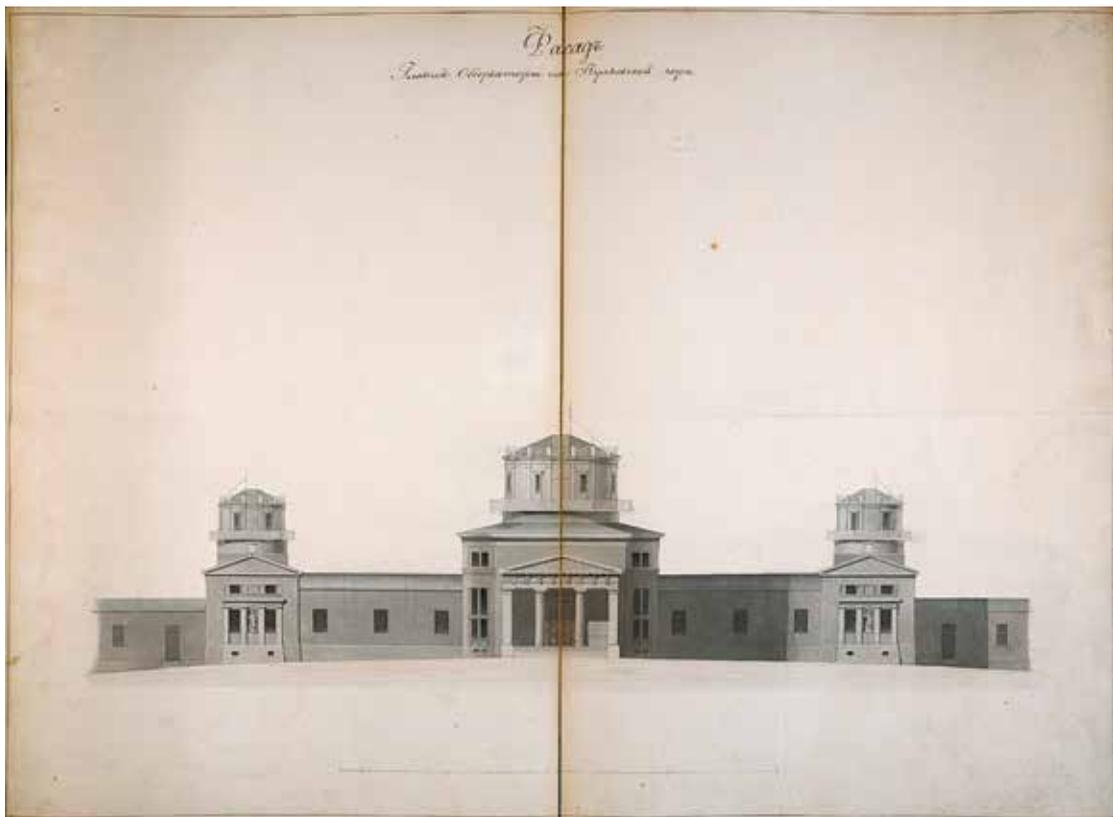
В. Я. Струве было поручено заказать инструменты «по своим идеям» у лучших мастеров в Германии.

Комиссия, назначенная в 1833 г. министром народного просвещения графом С. С. Уваровым, рекомендовала рассмотреть для размещения обсерватории Пулковскую гору. «Из возвышенностей около Санкт-Петербурга наивыгоднейшая для сего предмета была бы вершина Пулковской горы по причине обширного горизонта, коим она владеет». В 1834 г. комиссия, изучив проекты, представленные известными архитекторами К. А. Тоном и А. П. Брюлловым, отдала предпочтение проекту А. П. Брюллова, более функциональному по мнению астрономов. В. Я. Струве получил от Ни-

Ф. О. Будкин. Портрет архитектора
А. П. Брюллова. 1841 г.

Музей ГАО РАН. П-10 ИН 28566

А. П. Брюллов. Проект обсерватории на Пулковской горе (Северный фасад),
высочайше утвержденный 4 апреля 1834 г.

СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 22. Д. 79. Л. 8

Южный фасад главного здания Пулковской обсерватории. Литография 1840-х гг.

СПбФ АРАН. Ф. 18. Оп. 3. Д. 4996. Л. 14

колая I une carte blanche⁶³ в щедром финансировании решения главных задач обсерватории, закрепленных в ее уставе и сводящихся к производству: «а) постоянных и сколь можно совершеннейших наблюдений, клонящихся к преуспеянию астрономии, и б) соответствующих наблюдений, необходимых для географических предприятий в империи, и для совершаемых ученых путешествий. Сверх того, она должна содействовать всеми мерами к усовершенствованию практической астрономии, в приспособлениях ее к географии и мореходству, и доставлять случай к практическим упражнениям в географическом определении мест».

19 августа 1839 г. на Пулковских высотах была открыта Главная астрономическая обсерватория, оснащенная наиболее совершенными к тому времени инструментами. Основное направ-

ление работ Пулковской обсерватории состояло в определениях координат звезд и астрономических постоянных⁶⁴. Здесь были созданы первоклассные по точности каталоги звездных положений, которые принесли обсерватории мировую известность и славу «астрономической столицы мира». Разработанная В.Я. Струве методика астрометрических наблюдений для определения точных положений звезд позволила повысить точность позиционных наблюдений в Пулкове в 3—5 раз по сравнению с достигнутой в то время ведущими обсерваториями мира — Гринвичской и Парижской. Под руководством В. Я. Струве была определена система астрономических постоянных, получившая всемирное признание и использовавшаяся в течение 50 лет. С помощью построенного по его собственной разработке пассажного ин-

---

⁶³ Свобода действий (*фр.*).

⁶⁴ *Struve F. G. W. Description de l'Observatoire Astronomique Central de Poulkova. SPb., 1845.*

*Большой вертикальный круг Эртеля-Струве для определения склонений звезд
СПбФ АРАН. Ф. 703. Оп. 8. Д. 39. Л. 5*

*Меридианный круг Репсольда, установленный в первом вертикале, для определения астрономических постоянных — абберрации и нутации
СПбФ АРАН. Ф. 703. Оп. 8. Д. 39. Л. 7*

*15-дюймовый рефрактор с объективом Мерца
СПбФ АРАН. Ф. 703. Оп. 8. Д. 39. Л. 12*

О. В. Струве

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-С. Д. 31. Л. 1

струмента В. Я. Струве определил постоянную аберрацию света. В 1840 г. он высказал предположение о поглощении света в межзвездном пространстве, которое в дальнейшем подтвердилось им же после глубокого анализа видимого распределения звезд.

Работы обсерватории также были связаны с географическим изучением территории России и развитием мореплавания. Обсерватория принимала активное участие в международном градусном измерении дуги меридиана — дуги Струве, от Дуная (с. Старая Некрасовка вблизи Измаила) до города Фугленес в Норвегии. Работа, необходимая для определения фигуры Земли, велась 40 лет (1816—1855). Ма-

териальным свидетельством этой выдающейся работы является Малый Пулковский базис. Центр Круглого зала Пулковской обсерватории до сих пор является начальной нулевой точкой триангуляции России, а Пулковский меридиан до 1917 г. был принят за исходный для всех отечественных географических карт. Именно в Пулкове были разработаны методы определения долгот, получившие имена их создателей: В. К. Дёллена, Н. Я. Цингера и М. В. Певцова. С момента основания обсерватория являлась ведущим государственным организационным, учебно-методическим и научно-исследовательским центром в области геодезии и топографии: здесь проходили стажировку военные геодезисты и флотские штурманы, причем обучение геодезистов в Пулкове продолжалось до 1928 г.

Сын В. Я. Струве, Отто Васильевич Струве⁶⁵ (1819—1905), руководивший Пулковской обсерваторией 27 лет (1862—1889), обогатил ее инструментальную базу приобретением самого большого в мире 30-дюймового телескопа-рефрактора (1885), объектив которого был изготовлен в США фирмой Кларк. Уже тогда стали проводиться систематические измерения яркости звезд, а также спектроскопические исследования небесных тел. Академик О. В. Струве открыл свыше 500 двойных звезд, измерил положение звезд в газопылевой туманности в созвездии Ориона, вел наблюдения планет и их спутников, колец Сатурна, комет и туманностей, на основе анализа полного солнечного затмения (1851) сделал заключение о принадлежности протуберанцев Солнцу.

⁶⁵ О нем см.: Колчинский И. Г., Корсунь А. А., Родригес М. Г. *Астрономы: Биографический справочник*. Киев, 1977. С. 237.

С назначением в 1890 г. Фёдора Александровича Бредихина⁶⁶ (1831—1904) директором Пулковской обсерватории, избранного в том же году академиком Императорской Санкт-Петербургской академии наук, началось интенсивное развитие астрофизики и нового периода пулковской астрометрии. С его приходом более половины времени 30-дюймового рефрактора выделялась для спектральных наблюдений. Значительное место в научной деятельности Ф. А. Бредихина занимали также исследования комет и метеоров. Он объяснил явление образования хвостов у комет при приближении к Солнцу. В 1891 г. Ф. А. Бредихин организовал Русское астрономическое общество и стал его первым председателем.

С именем выдающегося российско-го астрофизика, академика Аристарха Аполлоновича Белопольского⁶⁷ (1854—1934) связаны проверка принципа Доплера в области светового излучения и развитие принципиально нового метода наблюдения звезд — астроспектроскопического. А. А. Белопольский положил начало пулковским исследованиям планет: определил скорости вращения различных зон на Юпитере, нашел скорость вращения экваториальной зоны Сатурна и его кольца, получил спектрограммы Венеры и Марса. При исследовании особого класса звезд — цефеид — установил периодичность изменения лучевых скоростей, происходящих параллельно с изменением их блеска. На основе работ А. А. Белополь-

Ф. А. Бредихин

СПбФ АРАН. Ф. 18. Оп. 3. Д. 4996. Л. 72

ского возникло общепринятое ныне представление о том, что причиной изменения блеска цефеид являются их периодические пульсации. В настоящее время наиболее престижные премии Российской академии наук в области астрономии носят имена Ф. А. Бредихина и А. А. Белопольского.

В 1909 г. пулковский астроном Гавриил Адрианович Тихов (1875—1960)⁶⁸ начал наблюдать планеты в спектральных полосах со светофильтрами. По результатам наблюдений Г. А. Тихова, избранного членом-корреспон-

⁶⁶ О нем см.: Финкельштейн А. М., Медведев Ю. Д. Фёдор Бредихин (1831—1904) // Российская наука в лицах. Вып. 5 / под ред. акад. Ю. С. Осипова; сост. В. А. Попов. М., 2009. С. 26—38.

⁶⁷ Еремеева А. И. Аристарх Белопольский (1854—1934) // Российская наука в лицах. Вып. 5 / под ред. акад. Ю. С. Осипова; сост. В. А. Попов. М., 2009. С. 64—80.

⁶⁸ О нем см.: Колчинский И. Г., Корсунь А. А., Родригес М. Г. Астрономы: Биографический справочник. Киев, 1977. С. 244—246.

Бредихинский астрограф.
У инструмента Г. А. Тихов
СПбФ АРАН. Ф. 703. Оп. 8. Д. 39. Л. 19

А. А. Белопольский
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 34. Л. 1

дентом АН СССР (1927), на Марсе были открыты атмосфера и полярные шапки. Для наблюдений объектов южного неба, невидимых на широте Пулковской обсерватории (1895—1916) Оскар Андреевич Баклунд⁶⁹ (1846—1916) инициировал создание южных отделений в Одессе (1898), Крыму (подаренная любителем астрономии меценатом Н. С. Мальцовым обсерватория в Симеизе, 1908) и Николаеве (обсерватория морского ведомства, 1912). При нем была создана Российская комиссия по исследованию Солнца (1904). Стоит отметить роль Пулковской обсерватории в профессиональном высшем женском образовании в России. Академик О. А. Баклунд, будучи также профессором Высших женских (Бестужевских) курсов, впервые стал с 1895 г. приглашать на вычислительную работу женщин из числа окончивших курсы по математическому отделению. С 1897 г. труды пулковских сотрудниц начали публиковаться в «Известиях Николаевской Главной астрономической обсерватории».

После кончины О. А. Баклунда руководство обсерватории перешло к А. А. Белопольскому, а в 1919 г. директором Пулковской обсерватории был избран ректор Петроградского университета, член-корреспондент Академии наук (1925) Александр Александрович Иванов (1867—1939). В круг его научных интересов входили исследования резонансных случаев движения малых планет под влиянием гравитационного поля Юпитера, прецессии Земли под воздействием притяжения Луны и Солнца. А. А. Иванов определил

⁶⁹ Онем см.: Колчинский И. Г., Корсунь А. А., Родригес М. Г. Астрономы: Биографический справочник. Киев, 1977. С. 22—23.

*О. А. Баклунд. Портрет работы
Н. П. Богданова-Бельского. 1900 г.
Музей ГАО РАН. П-23 ИН 28567*

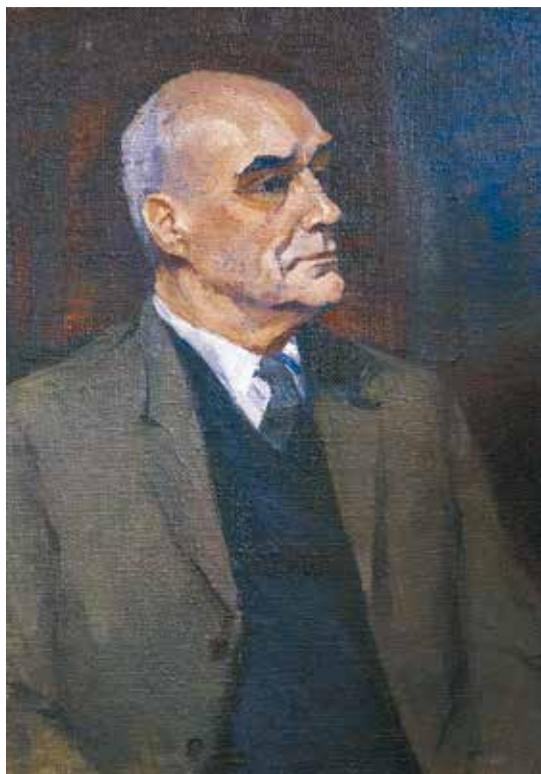
*Б. П. Герасимович. Портрет работы
Н. Г. Ломакина. 1957 г.
Музей ГАО РАН. П-26 ИН 12301*

величину сжатия Земли, близкую к современному значению, усовершенствовал национальную службу времени. А. А. Иванов руководил обсерваторией до 1931 г. Заведуя одновременно кафедрой астрономии в университете, он широко привлекал пулковских астрофизиков для чтения лекций.

В послереволюционный период в Пулкове возникли и приобрели значительный размах астрономические службы: служба времени, служба широты, служба Солнца. Был создан великолепный «Каталог геодезических звезд» Н. В. Циммермана (1890—1942)⁷⁰. В 1930-е гг. появились и серьезные исследования по теоретической астрофизике. Борис Петрович Герасимович (1889—1937), Виктор Ама-

заспович Амбарцумян (1908—1996) и Николай Александрович Козырев (1908—1983) выполнили выдающиеся работы по теории звездных атмосфер, внутреннему строению звезд и звездной статистике. Б. П. Герасимович, директор обсерватории в 1933—1937 гг., был пионером в изучении планетарных туманностей, создал оригинальный метод определения межзвездного поглощения с помощью цефеид, предложил рассматривать процесс высвобождения внутризвездной энергии в терминах статистической механики. Научные интересы ученика А. А. Белопольского В. А. Амбарцумяна охватывали физику звезд и газовых туманностей, статистическую механику звездных систем, внегалактическую

⁷⁰ Посмертно опубликован пулковскими астрономами в 1948 г.

Н. А. Козырев. Портрет кисти
М. А. Пискаревой. 1964 г.
Музей ГАО РАН. П-37 ИН 6534

астрономию и космогонию. Он разработал основы теории ионизации и возбуждения в оболочках, возникающих при вспышках новых и сверхновых звезд. В. А. Амбарцумян — основатель Бюраканской астрофизической обсерватории. Н. А. Козырев разработал теорию протяженных атмосфер и установил свойства исходящего из них излучения (теория Козырева — Чандрасекара), разрабатывал оригинальную гипотезу о воздействии текущего времени на энергию космических тел.

В 1934 г. Академию наук СССР перевели из Ленинграда в Москву. 1936—1937 гг. стали трагичным периодом в истории Пулковской обсерватории. По ложным обвинениям были арестованы ученые, составлявшие цвет отечественной и мировой астрономии. Директор обсерватории Б. П. Герасимович был обвинен во вредительской деятельности в деле изучения солнечных затмений и расстрелян в 1937 г. Н. А. Козырев, прошедший испытания Норильлага, был реабилитирован в 1958 г. «Пулковское дело» коснулось не только астрономов, но и геологов, геофизиков, геодезистов и математиков ряда научных и учебных заведений Ленинграда, Москвы, Киева, Харькова, Днепропетровска, Ташкента и других городов⁷¹. В 1996 г. на Пулковском мемориальном кладбище был открыт кенотаф в память о двенадцати пулковских астрономах — жертвах политических репрессий. Великая Отечественная война и блокада Ленинграда стали еще одним страшным испытанием для сотрудников Главной астрономической обсерватории⁷².

Несмотря на крутые повороты истории, Пулковская обсерватория выстояла. Ныне Главная (Пулковская) астрономическая обсерватория Российской академии наук (ГАО РАН) представляет собой академический поселок⁷³. Помимо ГАО РАН, на территории обсерватории расположены сейсмостанция геофизической службы РАН, основанная академиком

⁷¹ Жуков В. Ю. «Пулковское дело»: Репрессированные геологи. М.; СПб., 1999.

⁷² Астрономия на крутых поворотах XX века. По материалам научно-мемориальной конференции к 50-летию Победы в Великой отечественной войне, 1995 / ред.-сост. А. И. Еремеева. Пулково; Дубна, 1997.

⁷³ Степанов А. В., Абалакин В. К., Толбин С. В., Николаева Т. И., Семёнова Г. В. 175 лет Главной (Пулковской) астрономической обсерватории Российской академии наук. СПб., 2016.

*Общий вид Пулковской обсерватории с южной стороны. 1936 г.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 34. Л. 4*

*Северный фасад главного здания Пулковской обсерватории
СПбФ АРАН. Ф. 706. Оп. 5. Д. 14. Л. 29*

князем Б. Б. Голицыным более 100 лет назад, филиал Специальной астрофизической обсерватории РАН с Большим пулковским радиотелескопом, лаборатория Института прикладной астрономии РАН, геодезическое предприятие. В 1990 г. ансамбль Пулковской обсерватории был внесен в перечень объектов, охраняемых ЮНЕСКО, а в 1995 г. объявлен памятником истории и культуры федерального значения. Указом Президента Российской Федерации № 275 от 2 апреля 1997 г.

ГАО РАН включена в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

Как говорил замечательный французский ученый и философ Анри Пуанкаре: «Сколько раз физики могли пасть духом от множества испытанных неудач, если бы в них не поддерживал веры блестящий пример успеха астрономии. Мало того. Астрономия научила нас, что законы природы непреложны, что идти против них невозможно».

ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ СТРУВЕ (1793—1864)

Путь Василия Яковлевича (Фридриха Георга Вильгельма) Струве в астрономию был весьма необычен⁷⁴. Уроженец г. Альтона близ Гамбурга, сын математика, директора гимназии *Christianeum*, в 1808 г. из-за наполеоновских войн он вынужден был перебраться в Дерпт, где поступил в университет. Первоначально юноша изучал древнегреческую филологию и написал выпускное сочинение на степень кандидата филологии «О занятии критикой и филологией у александрийцев» (1810), удостоенное золотой медали. Однако под влиянием ректора Г. Ф. Паррота, усмотревшего в Вильгельме Струве недюжинные способности к естественным наукам, юноша обратил свои интересы к изучению физики, математики и астрономии, параллельно занимаясь в астрономической обсерватории университета.

Уже в 1813 г. В. Струве сдал магистерские экзамены по математике и астрономии и представил к защите в Дерптский университет диссертацию на степень «магистра и доктора» математики и астрономии «О географическом положении Дерптской обсерватории», используя собственные

В. Я. Струве.
Портрет кисти К. А. Йенсена. 1840 г.
Музей ГАО РАН. П-48 ИН 28585

астрономические наблюдения и геодезические измерения на 10-дюймовом Траутоновском секстанте. Ученый сделал быструю служебную карьеру в университете как астроном-наблюдатель (1813), в 20-летнем возрасте стал экстраординарным (1813), затем ординарным (1820) профессором впервые открытой

⁷⁴ Подробнее о нем см.: *Литвинова Е. Ф.* В. Я. Струве, его жизнь и научная деятельность: Биографический очерк. С портретом Струве и видом Пулковской обсерватории. СПб., 1893. Переизд.: СПб., 1993 (с предисл. В. К. Абалакина); *Левицкий Г. В.* Струве, Фридрих Георг Вильгельм // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802—1902) / ред. Г. В. Левицкий. Юрьев, 1902. Т. 1. С. 303—315; *Василий Яковлевич Струве (1793—1864): Сборник статей и материалов к 100-летию со дня смерти* / под ред. акад. А. А. Михайлова. М., 1964; *Колчинский И. Г., Корсунь А. А., Родригес М. Г.* Астрономы: Биографический справочник. Киев, 1977. С. 234—236; *Абалакин В. К.* Главной (Пулковской) астрономической обсерватории Академии наук СССР — полтора века: к истории основания // 150 лет Пулковской обсерватории / отв. ред. В. К. Абалакин. Л., 1989. С. 5—15; *Абалакин В. К., Карпеев Э. П., Положенцев Д. Д.* 300 лет астрономии в Санкт-Петербурге. СПб., 2000.

Г. Ф. Паррот. Литография
Музей ГАО РАН

в университете кафедры астрономии и фактически возглавлял университетскую обсерваторию в Дерпте (1819—1837). Именно В. Я. Струве начал преподавание университетских курсов высшей математики, сферической и практической астрономии, геодезии, сумев увлечь астрономией будущих ученых К. Ф. Кнорре, Э. В. Прейса, Б. Ф. Лемма, Е. Е. Саблера, В. К. Дёллена, О. В. Струве, А. П. Шидловского и др. Его астрономо-геодезическую школу прошли прикомандированные к Дерптскому университету офицеры русской армии и флота, что положило начало военно-геодезическому образованию в России.

В 1814—1815 гг. В. Я. Струве посетил Германию для совершенствования в астрономии и телескопостроении. Благодаря его усилиям Дерптскую обсерваторию оснастили наиболее совершенными к тому времени инструментами — меридианным кругом

Рейхенбаха (1822), нитяным микрометром Фраунгофера (1821), 9-дюймовым рефрактором Фраунгофера (1824) и гелиометром фирмы Репсольд. К концу пребывания В. Я. Струве в Дерпте в обсерватории числилось 126 номеров новейших приборов и инструментов.

Научные интересы В. Я. Струве в Дерпте сфокусировались на систематических меридианных наблюдениях на пассажном инструменте (с 1814 г.) и микрометрических измерениях двойных и кратных звезд на телескопе Траутона (с 1818 г.) — уже к 1820 г. ученый составил каталог 795 двойных звезд. Он определил координаты и разность прямых восхождений компонентов двойной звезды, постоянную абберации света, выполнил первые измерения параллакс звезд, провел измерения системы колец Сатурна, наблюдал кометы Галлея, Энке и Биэлы. В «Observationes» Дерптской обсерватории были опубликованы результаты первых меридианных измерений (1817), а точнейшие каталоги положений двойных и кратных звезд, сделавшие его имя широко известным, вышли через десятилетия наблюдений — «Catalogus novus stellarum duplicium et multiplicium etc.» (1827), «Doppelsterne, nach den 1824 bis 1837 angestellten Micromettermessungen» (1837) и др. Если ранее было известно несколько сотен двойных звезд, то благодаря исследованиям В. Я. Струве их число увеличилось до 3112, учтенных в «Новом каталоге» (1827), причем 2343 были открыты им самим. На основе собственных микрометрических измерений В. Я. Струве нашел годичный параллакс звезды Веги в созвездии Лиры (1837), что стало первым в истории астрономии успешным определением параллакса звезды. Его книги 1827

и 1837 гг. были отмечены медалями Лондонского астрономического общества и прославили его имя как одного из основоположников звездной астрономии.

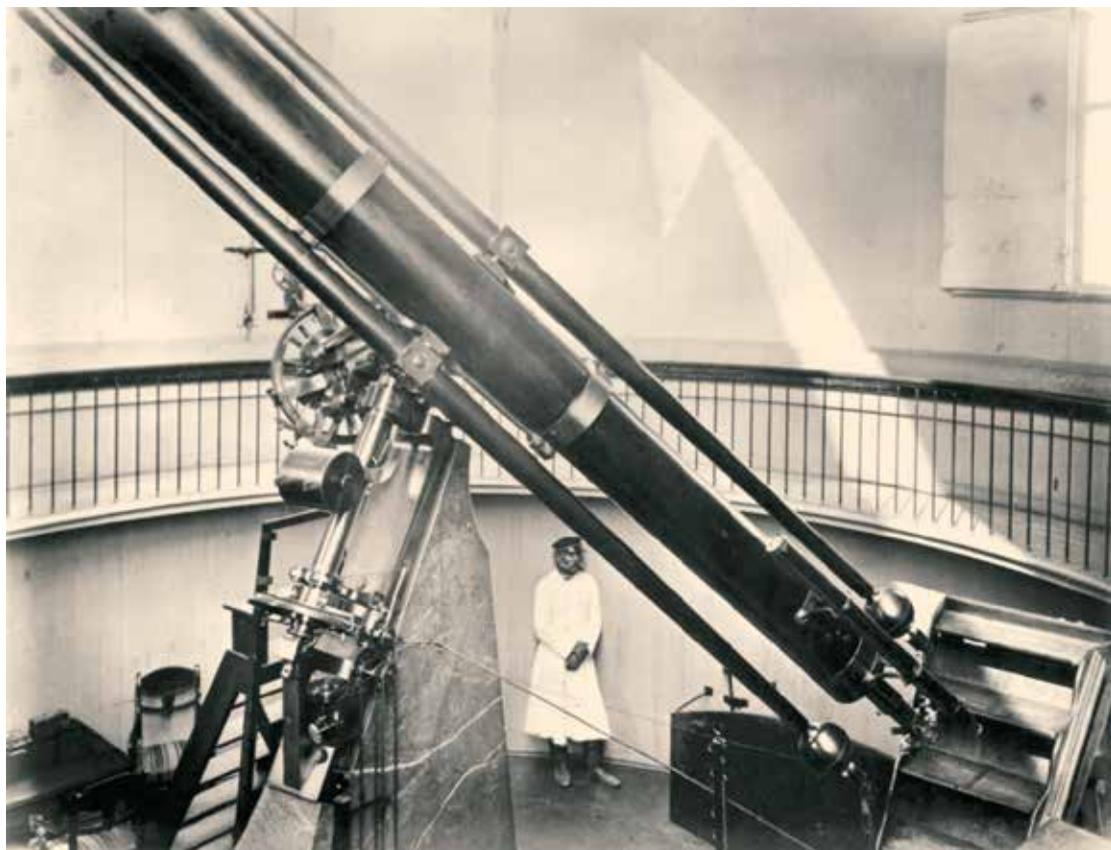
Одновременно В. Я. Струве занимался полевой геодезической съемкой Лифляндии (1816—1819) с целью создания точной карты губернии на математической и астрономической основе, планируя в будущем использовать съемку для градусных измерений дуги меридиана с целью определения параметров Земли, ее формы и размера. Благодаря содействию попечителя Дерптского учебного округа князя К. А. Ливена во время летних вакаций с 1821 по 1827 гг. В. Я. Струве систематически проводил градусные измерения прибалтийских провинций, результаты которых издал на немецком языке (1831). Проект впоследствии расширился на Гродненскую, Виленскую и Курляндскую губернии.

В. Я. Струве, избранный членом-корреспондентом (1822), затем почетным членом (1826—1832) и ординарным академиком по астрономии (1832—1861) Академии наук, был назначен членом комиссии под руководством адмирала А. С. Грейга по проектированию и постройке Пулковской обсерватории (1833). В том же году вместе с А. фон Гумбольдтом дерптский астроном принял участие в Большой хронометрической экспедиции Балтийского моря под руководством директора Военно-топографического депо Главного штаба генерала Ф. Ф. Шуберта. Но главным делом ученого стало претворение в жизнь плана создания новой обсерватории в Санкт-Петербурге. По итогам аудиенции у императора Николая I весной 1834 г. В. Я. Струве был назначен первым директором

Пулковской обсерватории с оставлением на службе в Дерптском университете до окончания строительства.

Торжественное открытие 19 августа 1839 г. на Пулковском холме близ Санкт-Петербурга Главной астрономической обсерватории, оказавшей неопределимое влияние на развитие астрономической и геодезической науки, ознаменовало выдающееся событие в жизни не только России и Санкт-Петербурга, но и мировой науки. В. Я. Струве разработал обширную программу исследовательских задач нового астрономического учреждения, прежде всего в области практической астрономии «в приспособлениях ее к географии и мореходству» для «совершаемых ученых путешествий», т. е. определения координат звезд и астрономических постоянных, а также исследований в области математической географии и геодезии.

Первый директор отдал много сил подбору и заказу для Пулково первоклассных инструментов, в том числе новой конструкции. К 1839 г. в обсерватории был установлен крупнейший в мире телескоп-рефрактор Мерца и Малера для измерения координат двойных звезд и определения их тригонометрических параллакс, меридианный круг Репсоляда для определения координат светил относительным методом и пассажный инструмент Репсоляда, установленный в первом вертикале, для определения постоянных aberrаций и нутации, гелиометр для измерения относительно больших взаимных расстояний между светилами и измерения диаметра Солнца. В. Я. Струве сам сконструировал большой вертикальный круг для определения склонений звезд и планет абсолютным методом

*Большой телескоп-рефрактор Мерца и Малера в Пулковской обсерватории
Музей ГАО РАН*

и большой пассажный инструмент в первом вертикале для определения прямых восхождений звезд и планет абсолютным методом, носящие имена Эртеля-Струве. Именно усилиями В. Я. Струве началась новая эра в практике астрономических определений благодаря использованию наиболее совершенных на то время инструментов, так как он сумел объединить технические достижения с талантом искусных астрономов-наблюдателей, вышедших из его школы⁷⁵.

Изучение Млечного Пути В. Я. Струве связывал с пониманием устройства Вселенной. Он открыл реальное

сгущение звезд к центральным частям Галактики и увеличение числа звезд в единице объема по мере приближения к плоскости Млечного Пути. Являясь одним из пионеров астрофизики, он в 1840 г. высказал предположение о поглощении света в межзвездном пространстве, которое в дальнейшем подтвердилось им же после глубокого анализа видимого распределения звезд. В монографии «*Études d'Astronomie Stellaire*» (1847) В. Я. Струве писал: «...убывание числа звезд при удалении от наблюдателя вызывается поглощением света темной материей в космическом про-

⁷⁵ Степанов А. В., Абалакин В. К., Толбин С. В. и др. 175 лет Главной (Пулковской) астрономической обсерватории Российской академии наук. СПб., 2016. С. 16–30.

странстве». Открытием межзвездного поглощения, вызывающего ослабление блеска звезд и галактик, В. Я. Струве опередил современную ему науку на три четверти столетия. Эта работа имела решающее значение в важном для космологии и философии разрешении фотометрического парадокса Ольберса, сформулированного в 1826 г. Также В. Я. Струве продолжил фундаментальную работу по обнаружению и определению точных положений двойных и кратных звезд в каталоге «*Stellarum fixarum, imprimis duplicium et multiplicium posiciones mediae*» (1852).

К важным результатам В. Я. Струве следует отнести и определение земной рефракции, влияющей на точный вывод положения звезд, а также наблюдения планет земной группы, их спутников и комет. В. Я. Струве принадлежит определение размеров поперечника колец Сатурна и их положения относительно эклиптики.

В Пулкове была разработана использующаяся и сегодня методика многолетних астрометрических наблюдений для определения точных положений звезд, что повысило точность позиционных наблюдений в 3–5 раз. В Пулкове определялись астрономические постоянные: прецессия, нутация, абберрация, рефракция, причем по замыслу В. Я. Струве повторение всех наблюдений проводилось раз в 20 лет. Создание первоклассных по точности абсолютных каталогов звездных положений (в годы директорства В. Я. Струве на эпоху 1845.0) принесли Пулковской обсерватории мировую известность и славу «астрономической столицы мира» (выражение американского астронома XIX в. Б. Гулда). Пулковские каталоги легли в основу всех

создаваемых в XIX—XX вв. фундаментальных координатных астрометрических систем.

В. Я. Струве и его сотрудники продолжили начатое ученым в Дерпте геодезическое изучение территории России и Северного полушария земного шара. Проект вылился в грандиозное предприятие русско-скандинавского градусного измерения от Дуная в Российской империи на север до берегов Северного Ледовитого океана. В измерениях с одобрения короля Оскара I Шведского приняли участие геодезисты Шведско-Норвежской унии. Результатом стала дуга Струве (*Struve Geodetic Arc*) — геодезическая сеть, построенная методом триангуляции из 258 треугольников, имеющих общую сторону с соседними, которая была измерена по инициативе и под

О. В. Струве

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-С. Д. 78. Л. 1

Н. А. Тютрюмов. Портрет В. Я. Струве. 1864 г.
Музей ГАО РАН. П-36 ИН 28586

И. Н. Крамской. Портрет О. В. Струве. 1886 г.
Музей ГАО РАН. П-9 ИН 28587

руководством В. Я. Струве в 1816—1855 гг. Ее длина составила $25^{\circ}20'8''$, что сделало ее самой протяженной из всех градусных измерений XIX в. Сегодня дуга Струве включена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО (2005). Сеть состоит из 265 геодезических пунктов в вершинах треугольников (13 из них астрономо-геодезические), протянулась на 2820 км от юга современной Украины (Старо-Некрасовка близ г. Измаил) до севера Норвегии (г. Фугленес), пересекает 10 стран и покрывает 1/14 окружности Земли. Точность измерений дуги Струве была подтверждена в XX в. спутниковыми методами. Из почти 300 пунктов со-

хранилось только 34, причем в России находится два пункта между северным и южным звеном геодезической сети⁷⁶. Итоговые научные результаты измерений были изданы В. Я. Струве в первом томе труда «Arc du Méridien de $25^{\circ} 20'$ etc.» (1857). Из-за болезни автора второй том книги был завершён его сыном, вторым директором Пулковской обсерватории академиком О. В. Струве и учеником В. Я. Струве В. К. Дёлленом⁷⁷. В. Я. Струве, один из членов-учредителей Императорского Русского географического общества, в 1862 г. был награжден Константиновской медалью РГО за измерение дуги меридиана. Ученый являлся членом многих

⁷⁶ Капцюг В. Б. 1) «Дуга Струве» — прошлое и настоящее // Геопрофи. 2009. № 1. С. 63—67; 2) Геодезическая дуга Струве. Продолжение исследований // Геопрофи. 2016. № 2. С. 46—50.

⁷⁷ Рус. перевод: Струве В. Я. 1) Дуга меридиана в $25^{\circ}20'$ между Дунаем и Ледовитым морем, измеренная с 1816 по 1855 год под руководством К. Теннера, Генерального штаба генерала от инфантерии, Н. Х. Зеландера, директора Королевской обсерватории в Стокгольме [и др.] / По различ. материалам сост. и обраб. Ф. Г. В. Струве. Т. 1—2. СПб., 1861; 2) Дуга меридиана (избранные главы) / под ред. С. Г. Судакова. М., 1957.

иностранных академий и научных обществ, почетным членом всех российских университетов.

С весны 1850 г. под руководством В. Я. Струве проводилось практическое обучение геодезистов триангуляционным и нивелирным работам для градусного измерения Русско-скандинавской дуги меридиана, а с 1856 г. — обучение для слушателей курса практической астрономии и геодезии офицеров армии и флота в специально построенной учебной обсерватории и на так называемом Малом Пулковском базисе длиной около 300 м. Малый Пулковский базис впоследствии стал исходным пунктом новой триангуляции Санкт-Петербургской губернии, а затем единой астрономо-геодезической сети страны.

Измерение дуги меридиана подтолкнуло В. Я. Струве к мысли измерить дуги параллели. Во время заграничной командировки (1857) в Германию, Францию, Бельгию, Великобританию он убедил коллег в необходимости измерения дуги 52-й параллели, но это

градусное измерение было закончено уже после смерти ученого.

По состоянию здоровья В. Я. Струве не удалось самому издать результаты последних наблюдений. В конце 1861 г. он сложил с себя звание академика и директора Пулковской обсерватории, передав бразды правления сыну, Оттону Васильевичу Струве (1819—1905), вновь став почетным членом Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1861—1864).

Первый директор Главной астрономической обсерватории в Пулкове В. Я. Струве превратил ее в первоклассный научный центр мирового научного значения не только в области астрономии, но и математической географии и геодезии, доказав практическую пользу фундаментальной науки не только для государства Российского, но и всего человечества. Он основал пулковскую школу астрометрии и определил дальнейший стиль научных работ академической обсерватории, до сих пор отличающийся высочайшей точностью и надежностью результатов.

ФИЗИКА

ФИЗИКА В АКАДЕМИИ НАУК ЗА ПЕРВЫЕ 200 ЛЕТ

Кафедра физики в молодой Петербургской академии наук входила в класс естественнонаучных специальностей. В XVIII в. строгого деления между науками еще не существовало, ученые отличались весьма широкими интересами и имели энциклопедические познания, позволявшие им

Г. В. Крафт. Гравюра И. Я. Хайда с портрета В. Д. Майера. 1750 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 159. Л. 1

на академических заседаниях заслушивать сообщения на любые научные темы и активно участвовать в их обсуждении, переходить с одной кафедры на другую (так, например, Л. Эйлер, будучи приглашен адъюнктом на кафедру физиологии, стал в Академии сначала профессором физики, а затем математики). Формальная принадлежность к кафедре обязывала академиков отдавать приоритет своей науке, но вместе с тем они вели исследования и в пограничных областях, а нередко даже «на территории» своих коллег.

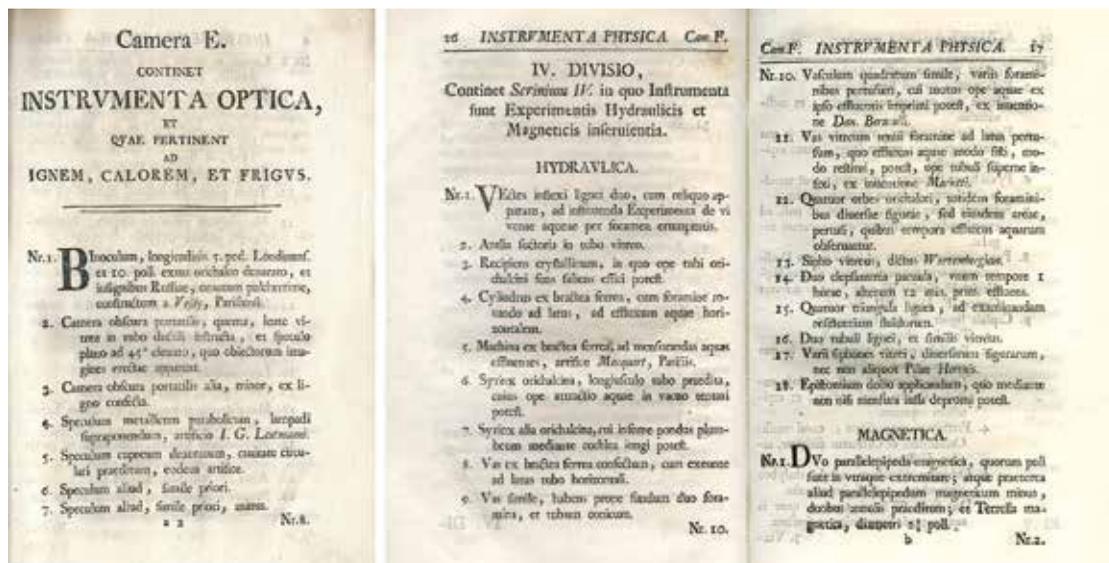
В российскую столицу были приглашены европейские специалисты — уже зарекомендовавшие себя профессора и молодые, подающие надежды выпускники университетов. Первые 20 лет работы Академии наук физику в ней представляли Г. Б. Бильфингер (1726—1730) и Г. В. Крафт (1733—1744), а также некоторое время Л. Эйлер (1731—1733). Именно их усилиями была создана первая в России научная физическая лаборатория, начаты систематические метеорологические наблюдения и составление календарей, читались публичные лекции по физике, сопровождавшиеся демонстрацией опытов.

Весь XVIII в. — это период упорных опытных исканий в области электро-

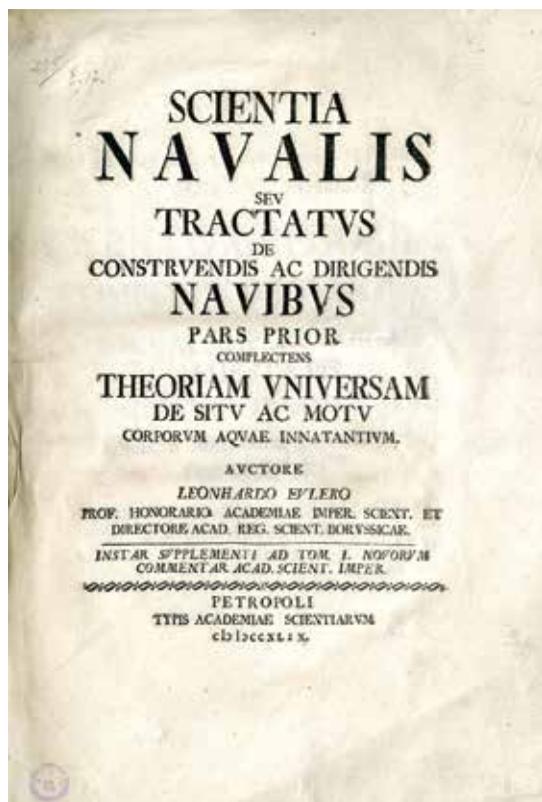
статики и теплоты, развития аналитических методов в физике, в первую очередь в механике. Нужно отметить, что «просвещенный век», не воспринимая еще физику как серьезную науку, на практике широко использовал ее знания и способствовал постановке новых научных задач. Труды физиков и математиков в области механики, гидравлики, оптики, баллистики были востребованы в морском деле и в армии. Положив начало разработке теории корабля, академик Д. Бернулли создал капитальный труд по гидродинамике, Л. Эйлер написал книгу «Scientia Navalis» — «Морская наука, или Трактат о строении кораблей и управлении ими». Частые придворные праздники с иллюминациями и фейерверками, музыкой и пением привлекали ученых к исследованию света и звука, акустики и люминесценции. Даже традиционные русские зимние забавы оказались в поле зрения физика Г. В. Крафта, изучавшего свойства льда (при его участии был выстро-

Л. Эйлер.
Гравюра неизвестного художника. XVIII в.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Э. Д. 6. Л. 1

Страницы каталога физических инструментов: разделы оптики, гидравлики, магнитных экспериментов. СПб., 1741
СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 2. Д. 236/М-5. Л. 4, 10 об. — 11

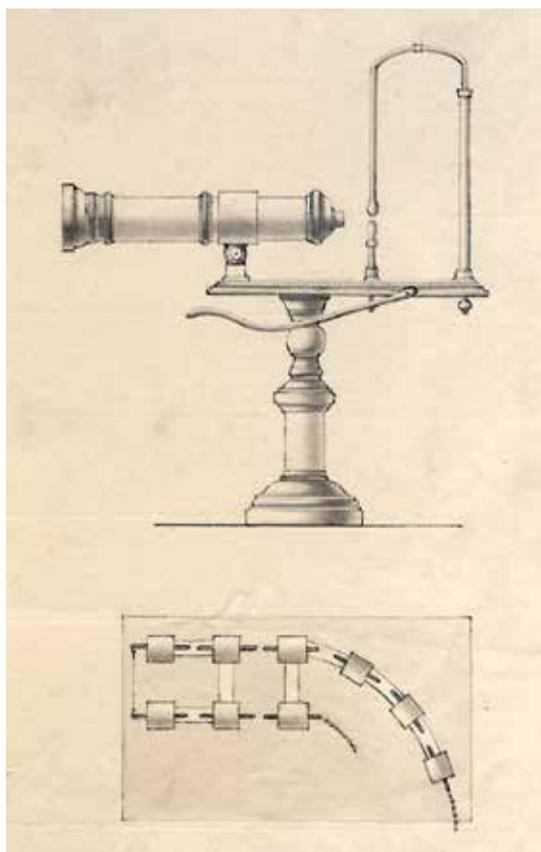
Эйлер Л. Морская наука, или трактат о строении кораблей и управлении ими. СПб., 1749. Титульный лист

СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 2. Д. 83/Е-17. Л. 1

ен для императрицы Анны Иоанновны знаменитый Ледяной дом).

С физикой тесно сотрудничали и переплетались механика и астрономия. В механических мастерских создавали точные приборы для экспериментов, часы и хронометры, шлифовали оптические стекла, линзы, изготавливали термометры, термоскопы, барометры и пр. Астрономические и метеорологические наблюдения помогали предсказывать петербургские наводнения, по Солнцу служба времени сверяла точность хода часовых механизмов. Физический кабинет Академии наук в 1740-е гг. по своему научному оснащению был одним из самых богатых в Европе.

Натурфилософы XVIII в., создавая научную картину мира, горячо спорили по поводу физического механизма взаимодействия сил и явлений в окружающем мире, вплоть до небесных тел и Земли. Участники дискуссий относили себя к картезианцам или ньютонианцам в зависимости от того, чья теория (Р. Декарта или И. Ньютона) казалась им более справедливой. Споры проникли и в Россию: это обнаружилось на первом же заседании Академии наук 13 ноября 1725 г., когда беседа коснулась вопроса объяснения формы Земли. Тогда большинство петербургских академиков поддержало картезианцев. Но спор себя не исчерпал, и впоследствии к дискуссии возвращались снова и снова.

Электрический прибор. Рисунок неизвестного художника. 1730-е гг.

СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 623. Л. 1

Благодаря научной работе академиков-иностранцев, их публикационной активности (рефераты о своих исследованиях они регулярно печатали в академическом издании «Commentarii») и контактам с соотечественниками Петербургская Академия наук быстро приобрела известность в Европе. К середине XVIII в. начали приносить первые плоды усилия, направленные на подготовку своих, российских, специалистов, которые должны были прийти на смену приглашенным ученым. Первые студенты, направленные в 1730-е гг. в Европу для обучения, возвращались в отечество. Так, на кафедре физики Г. В. Крафта в 1744 г. сменил молодой профессор Г. В. Рихман (1711–1753), уроженец русской Лифляндии, а кафедру химии вскоре занял М. В. Ломоносов (1711–1765).

Мировую известность Г. В. Рихману принесли работы по калориметрии — измерению теплоты, сопровождающей физические процессы. Ему же принадлежит честь создания первого в мире электроизмерительного прибора, так называемого «электрического указателя». Когда до России в начале 1750-х гг. дошло известие об опытах Б. Франклина над атмосферным электричеством, Г. В. Рихман и М. В. Ломоносов приступили к аналогичным экспериментам и, наблюдая за грозами, доказали электрическую природу молнии.

М. В. Ломоносов, будучи весьма разносторонним ученым, внес свою лепту в развитие целого ряда наук: химии, физики, астрономии, минералогии, истории. Опираясь на эксперименты, он создал теорию атомо-молекулярного строения вещества (теория «корпускул»), молекулярно-кинетическую теорию тепла, которая в корне про-

тиворечила принятой тогда в ученом мире теории «теплорода», открыл закон сохранения вещества (закон Ломоносова — Лавуазье). Занятия оптикой привели его к созданию «ночезрительной трубы» — особого телескопа для наблюдений в сумеречное или темное время суток. М. В. Ломоносов первым «увидел» и доказал наличие атмосферы у Венеры, он поддерживал зародившуюся в то время волновую теорию

*Г. В. Рихман. Фотогравюра. Не ранее 1867 г.
с оригинала И. Штеллинга
и Е. Федосеева (середина XVIII в.)
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Р. Д. 1. Л. 3*

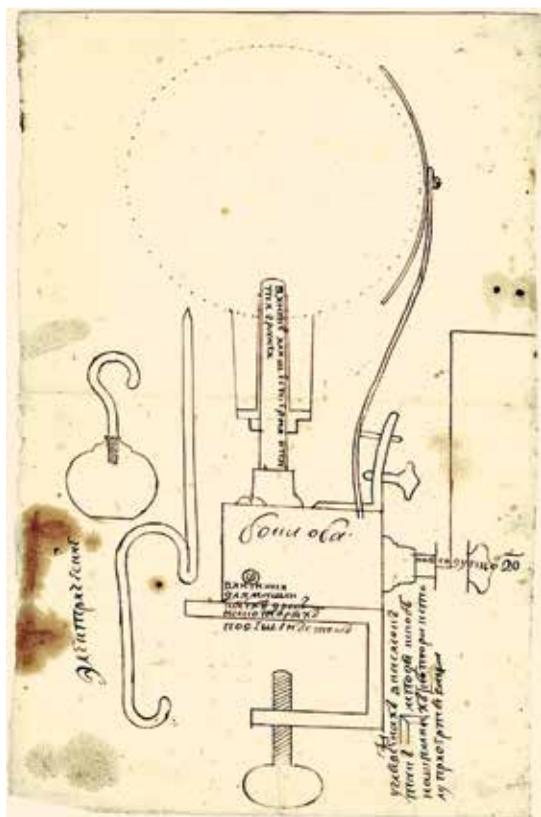
света. Эти и другие научные открытия и гипотезы русского академика основывались на его материалистическом мировоззрении, что часто шло вразрез с господствовавшими представлениями о мире. В ученой среде взгляды М. В. Ломоносова разделяли далеко не все современники. Великий Л. Эйлер на протяжении ряда лет состоял в переписке с русским коллегой и следил за его трудами, но не во всем

М. В. Ломоносов. Литография А. И. Лебедева с гравюры N.N. [1869]
СПбФ АРАН. Ф. 20. Оп. 11. Д. 9. Л. 1

И. П. Кулибин. С портрета маслом неизвестного художника. Начало XIX в.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 169. Л. 1

с ними соглашался. Тем бóльшую ценность имеет мнение Л. Эйлера, считавшего, что М. В. Ломоносов — гениальный мыслитель и великий ученый, открывающий новые пути в науке, знания которого «делают честь Императорской академии и всему народу».

Во второй половине XVIII в. внимание натуралистов все больше привлекали электрические явления. В этот период физику в Петербургской академии наук представляли Ф. У. Т. Эпинус (1756—1771), затем В. Л. Крафт-сын (1771—1810). Они шли в ногу со временем и занимались исследованиями электрической индукции, проводимости, электрофореза. Техническую под-

Рабочий чертеж металлических деталей шаровой переносной электрической машины И. П. Кулибина
СПбФ АРАН. Ф. 296. Оп. 1. Д. 708. Л. 1

держку их экспериментам оказывал талантливый механик И. П. Кулибин, возглавлявший академические инструментальные мастерские и сделавший множество физических приборов и изобретений, в число которых входят электростатическая машина, электрофор, сплав для зеркал и телескопов, микроскопы и подзорные трубы.

Значительным событием в области электромагнетизма стало открытие в 1802 г. петербургским профессором В. В. Петровым (1761—1834) электрической дуги. На мощной «гальвани-вольтовой батарее» собственной конструкции ученый проводил исследования электрического тока, электролиза и электропроводности различных жидких и твердых тел. Блестящий экспериментатор, он занимал академическую кафедру физики (1810—1828) и сделал множество наблюдений, впоследствии получивших развитие и нашедших практическое применение (например, лампа накаливания, электросварка металлов).

Эстафету открытий в исследовании электричества подхватил пришедший в Академию в 1828 г. молодой адъюнкт Г. Ф. Э. Ленц (1804—1865). Уже через пять лет им было открыто правило направления индукционного тока, еще через 10 лет — закон теплового действия электрического тока (закон Джоуля — Ленца). Эти и другие работы обеспечили ему прочный научный авторитет в Европе. Весьма плодотворным стало сотрудничество Г. Ф. Э. Ленца и М. Г. Якоби (1801—1874)⁷⁸. Последний в 1837 г. прибыл в Россию с целью создания электродвигателя для судоходства и нашел в лице академика энергичного помощника.

«Портрет молодого ученого (с электрической машиной)» (В. В. Петров). Фотокопия с портрета неизвестного художника. 1780-е гг. СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-П. Д. 292. Л. 1

Совместно учеными проводились разнообразные эксперименты по электромагнетизму, в результате которых был предложен метод расчета электромагнитов, установлено наличие в электрических машинах так называемой «реакции якоря», исследовано намагничивание железа. Всемирную известность М. Г. Якоби принесло его изобретение гальванопластики, сделанное в 1838 г. Позже, уже будучи академиком, он применял свой конструкторский талант, находя все новые способы использования электрического тока в совершенствовании электронного телеграфа, изобретенного П. А. Шиллингом в 1818 г., во взрывном деле, создании оригинальных электро- и измерительных приборов.

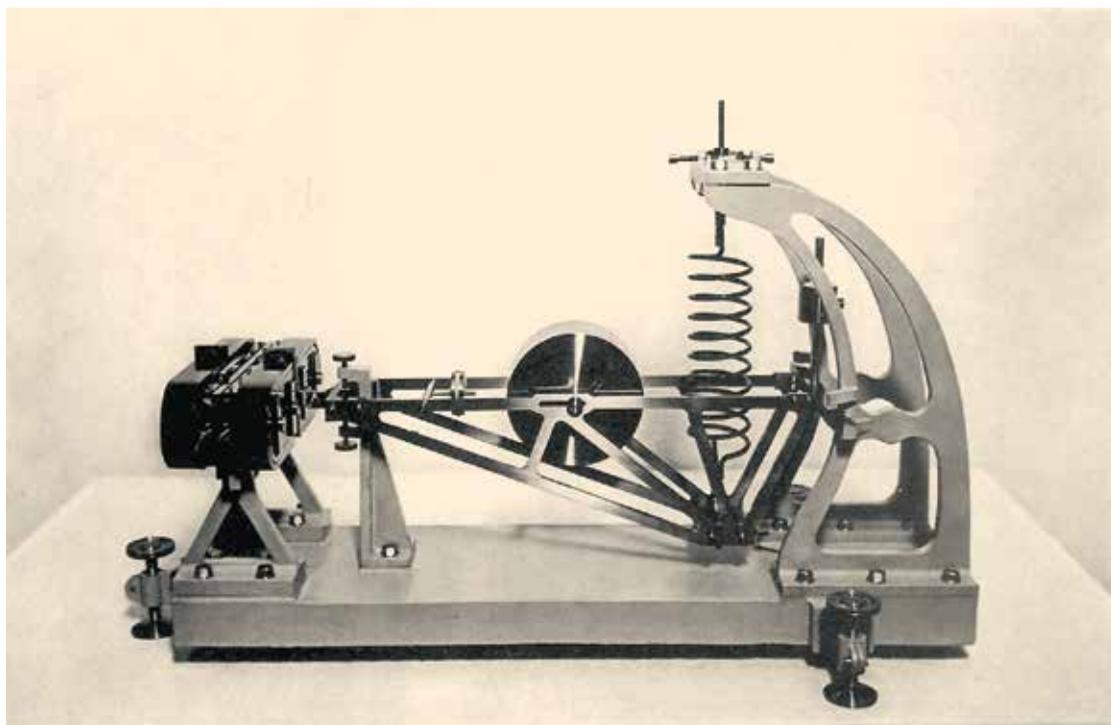
⁷⁸ В России ученых звали на русский манер: Эмилий Христианович Ленц и Борис Семёнович Якоби.

Б. Б. Голицын. Около 1908 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 270. Л. 1

XIX в. стал триумфом русской научной мысли в области электромагнетизма. Начиная с В. В. Петрова академические физики выдвинулись в первые ряды мировой науки, не говоря о практических приложениях сделанных ими открытий и изобретений.

После М. Г. Якоби академическую кафедру физики принял Г. И. Вильд (1874—1893). Будучи основателем русской метеорологической службы, он отдавал приоритет исследованиям по земному магнетизму, содействовал созданию приборов для измерения геомагнитного поля. Его преемник, молодой физик Б. Б. Голицын (1894—1916), начал с модернизации академической лаборатории и привлечения свежих сил для постановки экспериментов в самых разных областях физики, но главной научной темой кафедры при нем стали сейсмология и сейсмо-

Сейсмограф системы Б. Б. Голицына
СПбФ АРАН. Ф. 69. Оп. 1. Д. 249. Л. 166

метрия. Благодаря Б.Б. Голицыну сейсмология превратилась в точную науку: разработанные им наблюдательные приборы — электродинамические сейсмографы — получили высокую оценку научного сообщества и широко применялись во всем мире. Были решены и некоторые теоретические задачи, в частности, об определении очага землетрясения по данным одной сейсмической станции, о скорости распространения сейсмических волн на разных глубинах Земли и др.

Собственно физические исследования в начале XX в. в Академии наук почти прекратились, переместившись в лаборатории высших учебных заведений. Работой двух таких лабораторий в Петербурге/Петрограде руководили будущие советские академики Д. С. Рождественский (в университете) и А. Ф. Иоффе (в Политехническом институте). Ими уже в 1920-е гг. были созданы научные школы и самостоятельные научно-исследовательские институты — Оптический и Физико-технический. Чтобы идти в ногу со временем, Академия наук в 1921 г. провела реформу и объединила свою физическую лабораторию с математическим кабинетом и Сейсмической комиссией в Физико-математический институт. Но лишь к началу 1930-х гг. физический отдел института преодолел период застоя, пополнился новейшим оборудованием, перспективными сотрудниками и начал осваивать

С. И. Вавилов. 1933 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-В. Д. 120. Л. 2

новую физику. Академик С.И. Вавилов (1891—1951) возглавил работы по ряду актуальных научных тем: изучению свойств только что открытых нейтронов, свечению жидкостей под действием ионизирующей радиации, проблеме окрашивания кристаллов, микроструктуры жидкостей и др.

В апреле 1934 г. по результатам успешной работы отдела было принято решение о создании на его основе Физического института Академии наук СССР. В том же году институт переехал в Москву.

ЭМИЛИЙ ХРИСТИАНОВИЧ ЛЕНЦ (1804—1865)

Изучая жизненный путь выдающихся ученых и изобретателей (а каждый ученый-физик был и тем и другим, особенно в области электромагнетизма и электротехники), мы находим яркие примеры инженерного поиска, логики творческой мысли и методологии исследователя. Биографии выдающихся деятелей науки и техники свидетельствуют об умении предвидеть будущее из мало заметных ростков настоящего.

Одной из важнейших закономерностей развития техники является историческая обусловленность важнейших открытий и изобретений: они часто делались почти одновременно и независимо разными учеными. При этом можно говорить о неизбежном их сотрудничестве и одновременно соперничестве. Иногда рождавшиеся в творческом процессе идеи намного опережали свое время и оставались нереализованными. Авторы этих идей смогли увидеть то, что было не по силам другим. Отсюда и множество легенд о случайности открытия: подпрыгивающей крышки кипящего чайника Уатта, электромагнитной индукции Фарадея, принципа двухфазного двигателя Тесла, звонкового реле в радиоприемнике А. С. Попова, создании электрической «свечи» П. Н. Яблочкова и т.д. На самом деле им предшествовали тысячи экспериментов и долгие размышления. Одним из таких ученых-первооткрывателей является Э. Х. Ленц.

Эмилий Христианович Ленц родился в 1804 г. в семье обер-секретаря

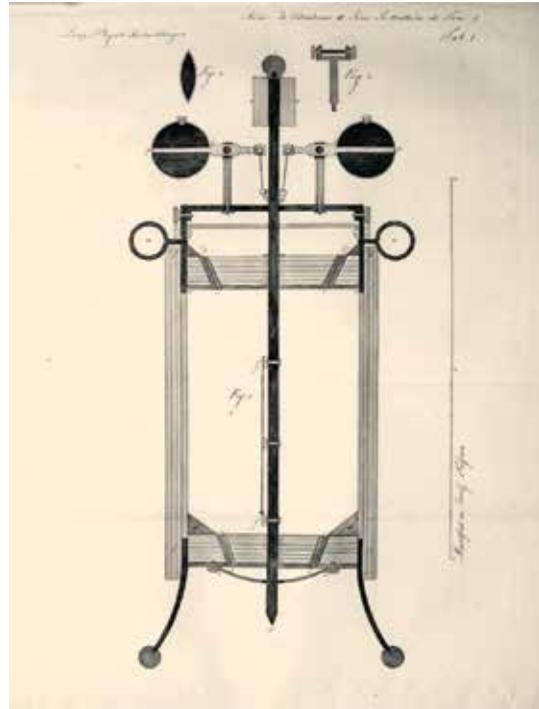
дерптского⁷⁹ городского магистрата. В 1820 г. он окончил гимназию и поступил в Дерптский университет сначала на естественно-научный факультет, а затем стал студентом богословского факультета. Ректором университета в то время был профессор физики Георг Фридрих (Егор Иванович) Паррот (1767—1852), создавший при университете превосходный физический кабинет и учивший студентов обращаться с приборами и ставить эксперименты. По его рекомендации Э. Х. Ленц, окончивший лишь два курса, стал участником кругосветного путешествия (1823—1826) на шлюпе «Предприятие» под руководством известного отечественного мореплавателя Отто Коцебу, в которое набирали молодых людей для ведения различных наблюдений.

Перед экспедицией были поставлены задачи научного исследования Берингова пролива и части Тихого океана, но вскоре приоритетными стали интересы и нужды Русско-американской торговой компании. Во время путешествия Э. Х. Ленц начал изучать свойства морской воды и атмосферные явления, фактически заложив основы точных измерений для современной океанографии. Еще во время подготовки экспедиции вместе с Г. Ф. Парротом они сконструировали батометр с теплоизолирующими стенками для взятия проб воды и замера температур на разных глубинах и глубомер, отмечаящий точные глубины до 2000 м. На основе наблюдений Э. Х. Ленц впервые установил связь солености

⁷⁹ Дерпт — ныне г. Тарту в Эстонии.

воды с излучением Солнца и силой ветра: наименьшая соленость оказалась на экваторе, так как там ощущается наибольшее влияние солнечного излучения, а воздух малоподвижен (отсюда и название Тихий океан). Э. Х. Ленц первым отметил влияние образующегося над поверхностью воды в результате испарения слоя, состоящего из капелек воды, экранирующего это излучение. Молодой ученый разработал теорию морских течений, апробированную в дальнейшем мировой океанографией. Э. Х. Ленц по праву считается и одним из первых исследователей Камчатки, составившим описание берегов, рельефа, геологии, внутренних вод и почв восточной Камчатки (западная Камчатка исследовалась уже в советское время).

За три года, проведенные на борту «Предприятия», Э. Х. Ленц из студента превратился в настоящего ученого-практика. По результатам своих океанографических исследований он в 1827 г. защитил в Гейдельбергском университете диссертацию на степень доктора физики. За полтора года обработав и обобщив все наблюдения, он представил свой доклад Императорской академии наук. Г. Ф. Паррот, ставший к тому времени академиком (1826), оказывал поддержку своему бывшему студенту, но работы последнего произвели настолько хорошее впечатление, что молодой исследователь в протекции не нуждался. В 1828 г. Э. Х. Ленц был единогласно избран в адъюнкты Академии наук по физике, то есть поднялся на первую ступень академической карьеры, в 1830 г. он стал экстраординарным, а в 1834 г. — ординарным академиком. Такому стремительному карьерному взлету во многом способствовали и новые экс-

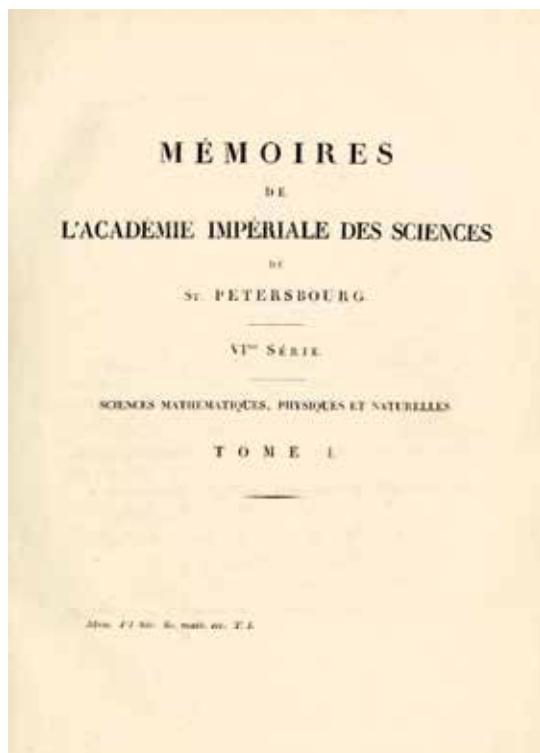

Барометр Паррота — Ленца. Иллюстрация к статье Э. Ленца в журнале «Записки Императорской Академии наук» (1830. Т. 1)

педиции, в которых ученый принял участие.

Тяга к путешествиям привела Э. Х. Ленца в первую научную экспедицию под руководством генерала Г. А. Эммануэля на недавно завоеванный Кавказ для изучения окрестностей Эльбруса. В состав экспедиции входили и другие выдающиеся ученые, в том числе физик А. Я. Купфер (1799—1865) и зоолог Э. П. Менетрие (1802—1861). Э. Х. Ленц выполнял физические и метеорологические наблюдения, рассчитал высоту вершины Эльбруса барометрическим способом, а также стал единственным ученым, участвовавшим в восхождении, и почти дошел до вершины. Покорить гору не удалось из-за недостатка кислорода, что Э. Х. Ленц впоследствии описал.

В ходе дальнейших академических командировок Э. Х. Ленц участвовал

Титульный лист журнала «Записки Императорской Академии наук» и начало статьи Э. Ленца «Физические наблюдения, сделанные во время кругосветного путешествия под командованием капитана Отто фон Коцебу в 1823, 1824, 1825 и 1826 годах» (ЗАН. 1831. Т. 1. С. 221)

в измерении силы тяжести в Николаевской обсерватории, проводил наблюдения над уровнем Каспийского моря и сравнивал его с Черным морем. Ученый сам обеспечивал себя необходимыми инструментами — изобрел магнитный теодолит, усовершенствовал ряд геофизических приборов. Среди других его занятий были изучение магнитных явлений в обсерватории на Кавказе, выхода горючих газов в районе Баку, сбор образцов бакинской нефти.

Вернувшись из экспедиции в 1830 г., Э. Х. Ленц вскоре переехал из Дерпта в Санкт-Петербург, так как стал академиком. Больших поездок он больше не совершал, но сохранил интерес к путешествиям и изучению новых стран, был активным членом Русского географического общества с самого дня его основания в 1845 г.

В Санкт-Петербурге Э. Х. Ленц принял руководство физическим кабинетом Академии наук и продолжил пополнять его новейшими приборами и оборудованием. Его исследовательская деятельность в 1830-е гг. была связана с подъемом всеобщего интереса ученых и многих самоучек к магнитным и электрическим явлениям и их законам, о чем свидетельствуют экспериментальные открытия М. Фарадея, Г. С. Ома, А.-М. Ампера и многочисленные попытки создания вначале подходящего источника тока, а затем электромашин на его основе. Используя метод крутильных весов Кулона, в 1832 г. Э. Х. Ленц экспериментально проверил закон Ома, а для подтверждения открытий других ученых разработал метод баллистических измерений, давший количественную

оценку законов индукции. Его метод и сейчас изучают студенты, приобретая навыки точных измерений с помощью оптической трубы и зеркала (так называемого баллистического гальванометра). Э. Х. Ленц наблюдал, что катушка проводов, по которым пропускался ток, «отрывалась» от магнита, причем возбуждаемая сила была пропорциональна количеству витков и составляла сумму электродвижущих сил на каждом витке — это основные параметры электромагнитной индукции. Данные исследования были представлены ученым в 1833 г. на заседании Императорской академии наук. Фактически Э. Х. Ленц представил и обосновал свой закон, названный потом «правилом Ленца», в котором утверждалось, что электромагнитному явлению соответствует механическая энергия. Оставался шаг до открытия закона сохранения и превращения энергии, сформулированного Р. Майером (1847). Э. Х. Ленц показал, что одно и то же устройство может выступать в качестве генератора (т. е. источника тока) и быть электродвигателем (так называемый принцип обратимости). Ученому принадлежат открытия и других явлений в различных веществах, подвергавшихся влиянию магнитного поля.

Но наибольший вклад в науку составил закон Ленца, устанавливающий выделение тепла в проводнике с проходящим по нему током. В 1833 г. путем экспериментальных наблюдений Э. Х. Ленц установил связь между электропроводностью металла и его нагревом. Для того чтобы изучить это явление и сформулировать обоснованный вывод, ему потребовалось почти 10 лет исследований. Параллельно к тем же выводам, независимо от петербургского физика, пришел английский

пивовар Джеймс Джоуль: количество теплоты, выделяемой в проводнике, прямо пропорционально его сопротивлению, квадрату силы тока и времени прохождения тока по проводнику. В честь обоих открывателей эта связь называется законом Джоуля — Ленца.

В те же годы Э. Х. Ленц разрабатывал и другие научные темы, в частности, в тесном сотрудничестве с Б. С. Якоби ставил эксперименты по намагничиванию железа. Академик сыграл далеко не последнюю роль в признании трудов и изобретений своего коллеги. В физической лаборатории Дерптского университета Б. С. Якоби выполнял опыты с полыми трубками из мягкого железа, намагниченными электрическим током, стараясь уменьшить вес своего электродвигателя. Отчет об этих

Начало совместной статьи М. Якоби и Э. Ленца «О законах электромагнитов» в сборнике «Научный вестник Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге» (1838. Т. IV. № 22—23. С. 337—338)

Вид с Невы на здание Санкт-Петербургского университета. XIX в.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 2. Д. 96. Л. 12

исследованиях был отправлен им в Императорскую Санкт-Петербургскую академию наук, где был представлен Э. Х. Ленцем 20 января 1837 г. После переезда Б. С. Якоби в столицу ученые уже вместе продолжили исследования различных электромагнитов и о результатах доложили 6 июля 1838 г. специально образованной академической комиссии, а 26 октября 1838 г. — на заседании Академии наук.

В Санкт-Петербурге Б. С. Якоби продолжил опыты с гальваническими элементами, выяснив главную причину нестабильной работы гальванического элемента — гальваническую поляризацию электродов. Желая получить более стабильный элемент, он разработал собственную оригинальную конструкцию медно-цинкового элемента с депо-

ляризацией. Он обратился к Э. Х. Ленцу, описав сконструированный им гальванический элемент. Содержание этого письма было доложено на заседании Императорской Санкт-Петербургской академии наук 2 февраля 1837 г. и вскоре опубликовано⁸⁰.

Нельзя не упомянуть о педагогической деятельности Э. Х. Ленца. В 1834 г. он был инспектором воспитательных заведений и частных пансионов Санкт-Петербурга. Ученый преподавал в Михайловской артиллерийской академии и в Главном Педагогическом институте, где среди его учеников был Д. И. Менделеев. Однако программы курса физики в учебных заведениях Э. Х. Ленца не удовлетворяли: он хотел популяризировать результаты своих работ, привлекать к эксперимен-

---

⁸⁰ Extrait d'une lettre de M. le professeur Jacobi à Dorpat a M. Lenz // Bulletin scientifique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. 1837. T. 2. Col. 60—64.

там талантливую молодежь и готовить будущих ученых. Такую перспективу мог обеспечить только университет. Но по сложившейся традиции петербургские академики избегали сотрудничать с университетом, что отрицательно сказывалось на преподавании ряда предметов, в том числе и физики. Э. Х. Ленц стал первым академиком, принявшим приглашение декана физико-математического факультета Петербургского университета руководить занятиями студентов по физике. Придя в 1835 г. в университет, он за несколько лет перестроил существовавшую систему преподавания по своему предмету: значительно расширил объем курса, переоборудовал учебную лабораторию, обогатив ее новыми приборами. Ученый блестяще читал курсы лекций по общей физике, теории света, физической географии, электричеству и магнетизму, на которых знакомил студентов с новейшими достижениями и гипотезами науки. Он не пользовался чужими учебниками, а опирался на «собственные записки» и сопровождал изложение постановкой экспериментов. Профессор вовлекал студентов в самостоятельную научную работу, основанную на многократно повторенном опыте. Став одним из авторитетнейших преподавателей, Э. Х. Ленц в 1840 г. возглавил физико-математический факультет Петербургского университета, а в 1863 г. был избран его ректором.

Страдая от болезни глаз, Э. Х. Ленц отправился в Италию для лечения, но скоропостижно скончался 29 января

Э. Ленц. 1850—1860-е гг.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Л. Д. 41. Л. 1

1865 г. в Риме и был похоронен на одном из городских кладбищ. Когда новость достигла Санкт-Петербурга, она потрясла и Академию, и университет. Последующие события были лаконично отмечены Б. С. Якоби на страницах его дневника.

Запись 31 января 1865 г.: «Известие о смерти Ленца в Риме от удара».

5 февраля 1865 г.: «Панихида по Ленцу».

2 марта 1865 г.: «Заседание отделения. Формально назначен заведующим кабинетом» [физическим кабинетом Академии].

27 мая 1865 г.: «Заседание отделения <...>» [на нем было принято решение о переводе Б. С. Якоби на место Э. Х. Ленца].

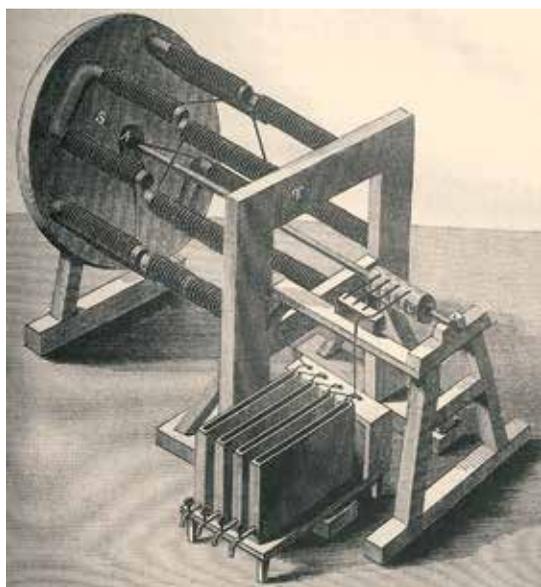
БОРИС СЕМЁНОВИЧ ЯКОБИ (1801—1874)

Борис Семёнович Якоби родился в 1801 г. в Потсдаме. Его отец, Симон Якоби, был личным банкиром короля Пруссии Фридриха Вильгельма III. Юноша начинал учебу в Берлинском университете, закончил Гёттингенский университет, получив специальность архитектора, и работал до 1833 г. в строительном департаменте Пруссии. В 1834 г. он переехал в Кёнигсберг, где в университете преподавал его младший брат математик Карл Якоби.

Занятия физикой привели Б. С. Якоби к изобретению первого в мире электродвигателя с непосредственным вращением рабочего вала. До этого изобретения существовали электротехнические устройства с возвратно-поступательным или качательным движением якоря, как у паровой машины, но ученый решал задачу создания электродвигателя с целью его практического применения. В 1834 г.

Б. С. Якоби создал свой первый электродвигатель, основанный на принципе притяжения и отталкивания между электромагнитами. Двигатель состоял из двух групп магнитов: четыре неподвижных были установлены на раме, а остальные — на вращающемся роторе. Для попеременного изменения полярности подвижных электромагнитов служил придуманный ученым коммутатор, принцип устройства которого используется до настоящего времени в тяговых электродвигателях. Двигатель мощностью около 15 Вт (в современных единицах) работал от гальванических батарей, имел частоту вращения ротора 80—120 оборотов в минуту. В том же году Б. С. Якоби направил рукопись с описанием своей работы в Парижскую Академию наук. Изобретение было рассмотрено на заседании Академии и практически сразу опубликовано.

В 1834 г. Кёнигсбергский университет посетили два российских академика — К. М. Бэр и В. Я. Струве, которых весьма заинтересовала деятельность Б. С. Якоби. Возвратившись в Россию, В. Я. Струве написал ему письмо с предложением занять место профессора гражданской архитектуры и строительства в Дерптском университе-

Электродвигатель Якоби. Из книги: Dr. Julius Dub. Die Anwendung des Elektromagnetismus, mit besonderer Berücksichtigung der neueren Telegraphie und den in der deutschen Telegraphenverwaltung bestehenden technischen Einrichtungen. Berlin, 1873. P. 827.

те⁸¹. Б. С. Якоби принял предложение, и уже в 1835 г. стал профессором. В том же году он опубликовал «Мемуар о применении электромагнетизма для движения машин», получивший широкую известность.

Научные эксперименты нашли отражение в переписке Б. С. Якоби с ведущими учеными-современниками, в том числе с петербургским академиком Э. Х. Ленцем. С его помощью Б. С. Якоби представил правительству России свой проект «применения электромагнетизма для движения машин» (1837) и получил приглашение приехать в Санкт-Петербург для практического применения изобретенного электродвигателя. К тому времени отечественные ученые и изобретатели В. В. Петров, Э. Х. Ленц, К. А. Шилдер, П. Л. Шиллинг уже добились значительных успехов в создании гальванических источников тока и их приложений: электрического телеграфа, гальванических мин и снарядов. Поэтому проект Б. С. Якоби и его работы в данной области, опубликованные в Англии, Германии и Франции, нашли в России благоприятный отклик.

В Санкт-Петербурге известный изобретатель, член-корреспондент Академии наук П. Л. Шиллинг пригласил Б. С. Якоби к себе на квартиру в широко известный в столице дом у Марсова поля и познакомил с собственными работами по созданию электрического телеграфа, успешно им демонстрируемого с 1832 г. После неожиданной кончины П. Л. Шиллинга (1837) молодой немецкий ученый фактически стал продолжателем его работ.

Б. С. Якоби. Фото с портрета маслом работы А. Йебенса. 1849 г.

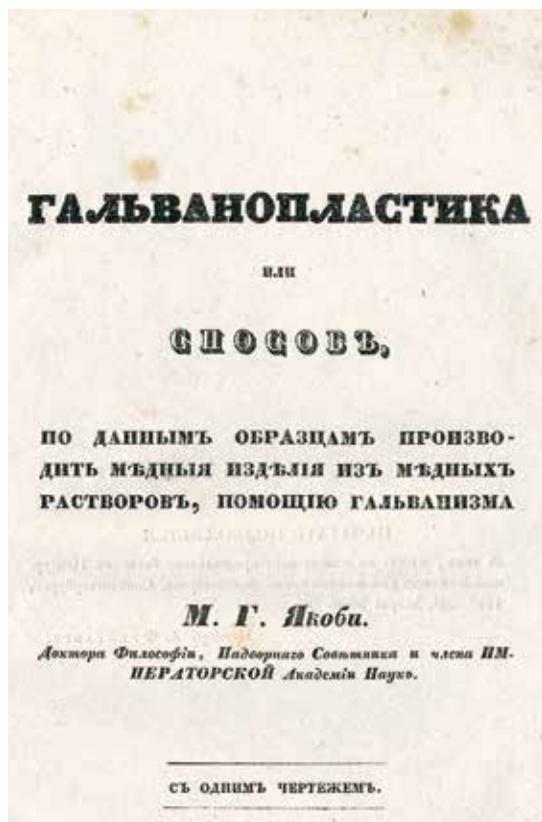
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Я. Д. 14. Л. 1

П. Л. Шиллинг

СПбФ АРАН. Ф.187. Оп. 1. Д. 356. Л. 48

⁸¹ Дерпт — современный г. Тарту в Эстонии, тогда университетский город в Лифляндской губернии Российской империи.

Якоби М.Г. Гальванопластика. Титульный лист первого издания. 1840 г.

СПбФ АРАН. Ф. 187. Оп. 1. Д. 5. Л. 2

В первые годы своего пребывания в столице наибольшее внимание он уделял разработке конструкции электродвигателя по предложенному проекту. Детали электродвигателя и необходимое оборудование изготавливались на Ижорском заводе, а полигоном испытаний стала река Нева прямо в черте города: по ней с сентября 1838 г. лодка-электроход ходила с пассажирами и командой против течения и против ветра, преодолевая до 7 верст по водной глади и вызывая восторг собиравшихся зрителей. Другим не менее успешным изобретением Б. С. Якоби стала тележка с электродвигателем,

которая ходила по рельсам и могла везти одного человека. Но оба «транспортных средства» остались лишь опытными образцами.

Научную известность и признание Б. С. Якоби принесло другое открытие. В поисках источников электрического тока для своих самодвижущихся машин ученый много экспериментировал с разными гальваническими элементами и изучал на практике законы электролиза. Еще в 1837 г. он сделал случайное наблюдение, которое его заинтересовало. Когда на электроде оседала медь, она покрывала его тонким ровным слоем, воспроизводившим все неровности поверхности. Этот медный листочек становился точной копией исходного предмета, которыми на этапе экспериментов были монеты, камеи, некрупные барельефы. Свое открытие Б. С. Якоби назвал гальванопластикой. 5 октября 1838 г. в заседании Академии наук была зачитана его записка об изобретении им способа получения металлических копий с объемных изображений гальваническим путем. В декабре сообщение об этом открытии появилось в «Санкт-Петербургских ведомостях»⁸² и в ближайшие месяцы обошло едва ли не все европейские газеты.

Научные учреждения высоко оценили изобретение гальванопластики: автор ее получил от Петербургской академии наук почетную Демидовскую премию, а от французской Академии наук большую золотую медаль. По воле императора Николая I Б. С. Якоби был награжден 25000 руб. за обязательство не патентовать свое

⁸² О новом открытии, сделанном профессором Якоби // Санкт-Петербургские ведомости. 1838, 24 декабря. № 291. С. 1319.

изобретение, предоставив его для «всеобщего обнародования»⁸³.

В 1838 г. Академия наук избрала ученого экспериментатора своим членом-корреспондентом по физико-математическому разряду Физико-математического отделения, а в конце 1839 г., после демонстраций опытов с электродвигателями, — адъюнктом по кафедре практической механики и теории машин.

Новый гальванический метод сразу был замечен — его стали осваивать полиграфисты. Первое промышленное применение электрохимическая технология Б. С. Якоби получила в Экспедиции заготовления государственных бумаг, где в 1839 г. была создана гальванопластическая мастерская для изготовления медных стереотипов — клише для печати денежных знаков. Проводимая в России денежная реформа нуждалась в создании депозитных билетов, которые было бы невозможно подделать, и новые технологии открывали в этом направлении широкие перспективы. Другой опыт применения гальванопластики был поставлен в Военно-топографическом депо Главного штаба, где печатались военные и гражданские карты. Однако в этой области от новой технологии отказались.

Самым очевидным было создание копий художественных произведений. Повторить подобные эксперименты было несложно в небольших мастерских и даже в домашних условиях. Любительская гальванопластика быстро приобрела популярность и вошла в моду. Однако и в России, и в Европе продолжались серьезные опыты

по совершенствованию метода. Так, значительные успехи были достигнуты в гальванографии, позволяющей получить оттиск слабовыпуклого изображения, например, гравюры. Вскоре мастера научились делать и копии трехмерных фигур. Новые технологии позволили производить объемные изделия в большом количестве. В 1845 г. в столице появилось «Санкт-Петербургское гальванопластическое и художественной бронзы заведение», организованное зятем императора герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, всерьез увлекшимся гальванопластикой. На этой фабрике были изготовлены настенные барельефы и скульптуры Эрмитажа и Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге, Большого театра в Москве, парадные двери здания Главного штаба на углу Невского проспекта и Дворцовой площади. Специалисты разработали и внедрили также метод гальванического золочения, позволивший покрыть тонким, но надежным слоем позолоты купола Храма Христа Спасителя, шпиля Петропавловского собора и других памятников архитектуры.

Академическая карьера Б. С. Якоби благодаря его научным достижениям продолжала успешно развиваться. 7 мая 1842 г. общее собрание Академии избрало его экстраординарным академиком по прикладной математике, 6 марта 1847 г. — ординарным академиком по технологии и прикладной химии (здесь сказалась его ведущая роль в открытии гальванопластики). Когда в 1865 г. умер Э. Х. Ленц, в сентябре того же года было проведено избрание Б. С. Якоби в ординарные

⁸³ В 1840 г. подробное руководство по гальванопластике было издано на трех языках: русском, немецком и французском.

Портрет мальчика. Оригинальная гравюра (слева) и ее гальванокония (справа)

СПбФ АРАН. Ф.187. Оп. 1. Д. 37. Л. 2, 3

академики Физико-математического отделения по физике.

В 1840 г. изобретатель успешно попробовал себя на педагогическом поприще: Б. С. Якоби фактически положил начало электротехническому образованию в России, создав в Кронштадте учебную команду лейб-гвардии саперного батальона, где офицеры и нижние чины обучались «употреблению гальванизма в военном деле».

Много времени и сил Б. С. Якоби посвятил развитию минного дела. Его предшественник П. Л. Шиллинг разработал подводную мину для разрушения мостов и переправ, которая была принята на вооружение сухопутных частей русской армии в начале 1830-х гг. Еще тогда предполагалось, что подводная мина может сыграть не менее важную роль и на морском театре. В июле 1839 г. Б. С. Якоби получил через президента Императорской Санкт-Петербургской академии наук распоряжение императора Николая I

разработать «гальванический снаряд для воспламенения мин». Был создан «Комитет о подводных опытах», в который вошел и Б. С. Якоби. В Петропавловской крепости оборудовали восемь казематов для производства мин и их демонстрации. Акватория Невы стала полигоном — в июне 1842 г. на Малом Невском фарватере за Елагиным островом ученый впервые продемонстрировал подрыв не отдельных мин, а целого минного поля. Впоследствии такие испытания было решено перенести в акваторию Финского залива. После демонстрации 15 июля 1847 г. в гавани Ораниенбаума (ныне г. Ломоносов) и летних учений в 1852 г. на рейде Ревеля (ныне г. Таллин в Эстонии) мины Б. С. Якоби получили статус оружия. Во время Крымской войны мастерские под руководством академика заработали в полную силу, и к марту 1854 г. мины были размещены у Кронштадта перед фортами Павел и Александр согласно его плану обороны и минных

заграждений, утвержденному императором, с которым Б. С. Якоби часто встречался в это напряженное время. В форту Александр была оборудована главная минная база, на Северном морском фарватере развернута еще одна минная позиция между Ораниенбаумской гаванью и Кронштадским рейдом. В редуте на мысе Лисий Нос были устроены наблюдательный пункт и «гальванический пост». В дневнике Б. С. Якоби того времени все эти обстоятельства отражены достаточно подробно, включая его поездки на пароходе с Васильевского острова в Кронштадт (одна такая поездка в то время занимала час с четвертью) и в Петер-

гоф, где на протяжении несколько лет летом он с семьей жил на даче, чтобы быть ближе к «месту событий».

Довольно щедрое материальное и финансовое обеспечение изобретателя и его исследований свидетельствовали о признании самодержцем успешности работ академика. Понятно и требование строгой секретности исследований ученого, причем не только по минному делу, а также при разработке им телеграфных аппаратов и телеграфной связи. С этой целью отдавалось предпочтение прокладке подземных, а не воздушных линий телеграфа, как в свое время предлагал П. Л. Шиллинг. Под лич-

*Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге. Литография Ф. Бенуа по рисунку О. Монфerrана. Наружная скульптура собора была изготовлена методом гальванопластики. Из альбома: *Église cathédrale de Saint-Isaac, description architecturale, pittoresque et historique de ce monument ouvrage dédié a sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies* par A. Ricard de Montferrand. SPb., 1845*

Описание употребления электромагнитного телеграфа, устроенного академиком Якоби. Титульный лист. 1847 г.

СПбФ АРАН. Ф. 187. Оп. 3. Д. 176. Л. 1

ным контролем Николая I Б. С. Якоби обеспечил такой связью резиденцию императора — Зимний дворец: в 1841 г. он построил телеграфную линию между дворцом и Главным штабом в Санкт-Петербурге, оборудовав ее оригинальными пишущими аппаратами собственной конструкции. В 1842 г. подобная линия была проложена от Зимнего дворца до Главного управления путей сообщения и общественных зданий в Санкт-Петербурге (на набережной р. Фонтанки). В следующем году введена в строй еще одна линия значительно большей протяженности — до императорской загородной резиденции в Царском Селе.

Научные знания и интуиция Б. С. Якоби позволили ему многого достичь и сделать немало открытий. Однако о значительной их части современники даже не слышали, так как многие работы были засекречены. Самого изобретателя огорчало, что политические и военные интересы приводили к потере им научного и технического приоритета в бурно развивающейся области электротехники. Хотя ученый был щедро вознагражден императором: в 1864 г. семья академика получила потомственное дворянство и собственный герб.

Работы Б. С. Якоби по электромагнетизму и его технические изобретения хорошо известны. Правда, ученый весьма критично относился к некоторым собственным достижениям — электродвижущемуся ботику, подземной телеграфной связи. Ряд идей Б. С. Якоби получил свое воплощение не толь-

Б. С. Якоби. Гелиографюра с фотографии. 1870-е гг.

СПбФ АРАН. Ф. 187. Оп. 1. Д. 361. Л. 3

ко при его жизни, но и много позднее. Это гальванопластика, обратимость электродвигателя и электрогенератора (которую автор по праву разделил с М. Фарадеем, высоко ценившим труды российского коллеги), ранняя идея о расчете зубчатых передач, реализованная в промышленности (шаровые мельницы), корабельный звонокый телеграф, контрбатареи для компенсации утечек в кабеле.

Среди проектов Б. С. Якоби можно назвать и такую передовую по тому времени идею, как городское электрическое освещение. Для этого предполагалось использовать прожектора на башне Адмиралтейства, освещающие в ночное время три выходящие на башню главные магистрали города, включая Невский проспект. По расчетам изобретателя, тогдашние технические возможности позволяли добиться освещения проспекта в вечернее и ночное время вплоть до набережной Фонтанки.

Наконец, имеется целый блок работ, отражающих активную деятельность Б. С. Якоби по обоснованию и внедрению метрической системы и стандартизации (еще до Д. И. Менделеева). Это такие важные для экономики области, как монетное производство и обращение монет, включая хождение в России платиновых денег, измерение крепости спиртных напитков, электроизмерения и эталоны мер, весов и электрического тока.

Не чуждался Б. С. Якоби и светской жизни, например, очень гордился членством в столичном шахматном клубе, где среди его партнеров был один из сильнейших шахматистов России того времени князь Д. С. Урусов; в 1863 г. ученый сделал обзор работ другого известного шахматиста — Кар-

Мемориальная доска Б. С. Якоби на ДOME академиков

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 2. Д. 73. Л. 14 об. (фрагмент)

Надгробный памятник на могиле Б. С. Якоби (в настоящее время утрачен)

СПбФ АРАН. Ф. 187. Оп. 1. Д. 361. Л. 1

ла Яниша. Академик был членом престижного Английского клуба.

Б. С. Якоби скончался 27 февраля 1874 г., никаких достойных его имени и заслуг сбережений у него и его семьи не было. Академия наук установила памятник на его могиле на Смоленском лютеранском кладбище в Санкт-Петербурге: бюст на нешироком постаменте высотой в человеческий рост. Ныне сохранился лишь постамент с полустертой надписью: «Борисъ Семёновичъ Якоби. Род. 21 сент. 1801. Сконч. 27 февраля 1874». Но память об ученом жива в Санкт-Петербурге, ставшем его второй родиной, и в Академии наук, где он проработал половину жизни. Одна из 29 мемориальных досок на знаменитом Доме академиков на набережной Невы на углу 7-й линии

Васильевского острова свидетельствует: «Здесь жил академик Борис Семёнович Якоби. 1801—1874. Выдающийся физик и электротехник. Изобретатель гальванопластики, электрического телеграфа, электрических моторных лодок, электрических мин».

Как отметил известный исследователь творчества Б. С. Якоби М. И. Радовский, деятельность ученого и его широкие интересы, нашедшие выражение не только в научных трудах по электричеству, но и в работах по различным вопросам общественной роли науки и техники, в его переписке с выдающимися учеными-современниками, в личном дневнике, который он вел на протяжении многих лет, недостаточно изучены и еще требуют работы целого коллектива исследователей⁸⁴.

---

⁸⁴ Радовский М. И. Академик Б. С. Якоби о своей научной и практической деятельности // Успехи физических наук. 1948. Вып. 4. С. 582.

БОРИС БОРИСОВИЧ ГОЛИЦЫН (1862—1916)

Избранию Б.Б. Голицына в Академию наук предшествовала любопытная история. В начале 1893 г. в Академии наук открылась вакансия по кафедре физики. Александр Григорьевич Столетов⁸⁵ считался единственным кандидатом, академики рекомендовали его как «ученого, выдающегося в настоящее время своими самостоятельными исследованиями между другими русскими физиками». Баллотировка в Академии наук была назначена на 14 апреля 1893 г. и шла предвыборная подготовка. Именно в это время на рассмотрение кафедры физики Московского университета, которой заведовал А. Г. Столетов, приват-доцент Б. Б. Голицын представил свою магистерскую диссертацию «Исследования по математической физике». Во второй части работы, посвященной изучению общих свойств лучистой энергии, автор ввел понятие температуры теплового излучения и сделал некоторые важные выводы. А. Г. Столетов как рецензент считал, что диссертация содержит ошибки и в ней отсутствуют доказательства, в частности, положения «о теплоте лучистой энергии». Б. Б. Голицын, оставив свои выводы, отказался вносить исправления, и его работе по традиции был назначен второй рецензент — профессор А. П. Соколов, который также дал отрицательный отзыв. Мнения членов Ученого совета университета в отношении спорных пунктов рабо-

Б. Б. Голицын. 1880-е гг.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 272. Л. 1

ты разделились, защита не состоялась. Б. Б. Голицын забрал свою диссертацию и ушел из Московского университета. Но раздосадованные упорством магистранта рецензенты создали ему «затруднения» в других университетах, лишив дискуссию научного характера. По удивительному совпадению заседание Ученого совета факультета происходило в тот же день, на который были назначены и выборы А. Г. Столетова в Академию наук. Баллотировка кандидата, оказавшегося в эпицентре громкого скандала, по решению президента Академии была отменена.

⁸⁵ Физик А. Г. Столетов (1839—1896) в 1888—1890 гг., занимаясь исследованием явления внешнего фотоэффекта, установил его количественные закономерности и сформулировал так называемые «законы Столетова», принесшие ему мировую известность.

Через полгода, в октябре 1893 г., снова обсуждался вопрос о все еще незанятой вакансии, и выбор академиков остановился на... Б. Б. Голицыне, которого они посчитали «молодой и свежей силой». Великий князь Константин Константинович, знавший его по военной службе, выбор поддержал, хотя Б. Б. Голицын еще не имел прочной научной репутации. По воспоминаниям академика А. Н. Крылова, президент «сумел убедить своих сочленов в высокой талантливости молодого ученого, которого репутация казалась столь жестоко поколебленной, и князь Борис Борисович был избран в адъюнкты академии по кафедре физики»⁸⁶.

Б. Б. Голицын происходил из семьи, принадлежавшей к высшей российской аристократии. Он окончил Морской кадетский корпус и Николаевскую морскую академию в Санкт-Петербурге, но в 1887 г. отказался от военной службы и продолжил образование в Страсбургском университете. В течение трех лет юноша прошел курс физико-математического факультета, дополнительно занимаясь физикой в лабораториях Физического института под руководством профессора А. Кундта. К тому времени относится появление первых печатных работ начинающего ученого. В 1890 г. по окончании обучения Б. Б. Голицын сдал экзамены, представил диссертацию по молекулярной физике «О законе Дальтона» и получил степень доктора философии «*summa cum laude*» (с высшим отличием). Поскольку европейские дипломы в Российской империи не давали прав для официальной ученой и преподавательской деятельности,

он по возвращении на родину сдал полный цикл экзаменов за курс университета и подготовил магистерскую диссертацию.

К моменту избрания Б. Б. Голицына в Академию наук он имел непродолжительный опыт преподавания в Московском и Юрьевском университетах и хорошие навыки экспериментальной работы, приобретенные в Страсбурге. Первым поручением Академии наук в 1894 г. стало заведование ее Физическим кабинетом, который к тому времени опустел и пришел в упадок. С приходом Б. Б. Голицына началось постепенное преобразование кабинета в лабораторию, соответствующую уровню современной для того времени физической науки. Благоустройство кабинета ученый начал с самого необходимого — провел электрическое освещение, организовал спектральную лабораторию, фотолаборатории и механические мастерские. Эти мероприятия позволили уже в середине 1890-х гг. возобновить экспериментальные работы, в которых самое непосредственное участие принимал и заведующий: вместе с И. И. Вилипом он изучал критическую температуру тел, совместно с А. Н. Карножицким впервые в России провел исследование свойств рентгеновских лучей. В лаборатории проводились работы в области оптики и спектроскопии. По словам С. И. Вавилова, «старинный Физический кабинет, в котором академики в XVIII и XIX веках обычно в одиночестве или только с ассистентом вели свои эксперименты, превращается в оживленную лабораторию с небольшим постоянным штатом

---

⁸⁶ Крылов А. Н. Памяти князя Б. Б. Голицына // Мои воспоминания. Л., 1979. С. 389.

Участники экспедиции на Новую Землю. Б. Б. Голицын в нижнем ряду крайний справа, в центре — О. А. Баклунд. 1896 г.

СПбФ АРАН. Ф. 69. Оп. 2. Д. 156. Л. 1

и с большим числом работников-добровольцев»⁸⁷.

В 1896 г. Академия в рамках программы полярных исследований организовала экспедицию на Новую Землю для наблюдения солнечного затмения 9 августа, а также для производства астрономических и физико-метеорологических исследований. В состав экспедиции вошли астрономы, физики, геодезисты, зоологи. Научным руководителем поездки был астроном академик О. А. Баклунд, Б. Б. Голицын занимался фактическим руководством, заботился о снаряжении, приборах и провианте. Уже после наблюдения затмения было проведено рекогносцировочное обследование внутренней ча-

сти острова, произведены магнитные, метеорологические, топографические и другие наблюдения. Богатые и разнообразные результаты экспедиции были собраны, обработаны и под редакцией Б. Б. Голицына опубликованы в академических изданиях (1897—1899).

В конце 1898 г. Б. Б. Голицын был избран экстраординарным академиком. За несколько лет он приобрел в Академии авторитет и признание не только как научный работник, но и как хороший организатор и администратор. Всегда энергичный и деятельный, Б. Б. Голицын уже с первых лет службы, несмотря на то что был лишь адъюнктом, избирался членом ее Правления Академии и даже замещал

⁸⁷ Вавилов С. И. Физический кабинет — Физическая лаборатория — Физический институт Академии наук за 220 лет // Успехи физических наук. М.; Л., 1946. Т. 28. Вып. 1. С. 34.

Б. Б. Голицын — управляющий Экспедицией заготовления государственных бумаг. Фототипия с фотографии Левицкого. Начало XX в.

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Г. Д. 5. Л. 1

в периоды отсутствия неперменного секретаря.

Однако его деятельность не замыкалась в стенах научного учреждения. Академик был приглашен министром финансов С. Ю. Витте на пост товарища (заместителя) управляющего Экспедицией заготовления государственных бумаг — единственного предприятия, выпускавшего бумажные денежные знаки, облигации, гербовую бумагу и другую защищенную продукцию в Российской империи. Поняв, что появился надежный преемник, руководивший Экспедицией уже 10 лет Р. Э. Ленц (сын академика Э. Х. Ленца) подал в отставку, и Б. Б. Голицын уже весной 1899 г. был назначен

на пост управляющего. За шесть лет своего руководства он провел административно-хозяйственные реформы, результатами которых стали увеличение финансовой устойчивости и прибыльности предприятия, техническая модернизация оборудования, улучшение условий труда и жизни рабочих и их семей. При Б. Б. Голицыне было расширено граверное отделение и налажен широкий выпуск качественной полиграфической продукции, в частности художественных альбомов и репродукций. Период его управления называют «серебряным веком» Экспедиции. Однако напряженная административная работа отнимала много сил, совмещать ее с научной деятельностью было трудно и в 1905 г., когда в условиях революции был утрачен прежний контакт с рабочими (они примкнули к забастовщикам), Б. Б. Голицын сложил с себя полномочия управляющего.

Все эти годы ученый не прерывал преподавание в Морской академии, где с 1894 г. читал будущим офицерам лекции по физике. Там же преподавал и известный кораблестроитель А. Н. Крылов, который вспоминал: «Князь Голицын предъявлял своим слушателям в Морской академии весьма серьезные требования, и, излагая термодинамику и теоретический курс электричества, он не стеснялся в математическом их развитии, требуя от слушателей как отчетливого понимания принципов, так и умения прилагать анализ»⁸⁸. В то же время Б. Б. Голицын успешно вел занятия по физике и в совершенно иной аудитории: в 1890-е гг. он преподавал в столичном Женском медицинском институте, а с 1909 г.

⁸⁸ Крылов А. Н. Памяти князя Б. Б. Голицына // Мои воспоминания. Л., 1979. С. 390.

*Б. Б. Голицын в группе преподавателей и курсантов Морской академии.
Сидят: 3-й слева — Б. Б. Голицын, 2-й слева — А. Н. Крылов. Начало XX в.
СПбФ АРАН. Ф. 69. Оп. 2. Д. 154. Л. 1*

ежегодно читал курс лекций по термодинамике на Высших женских (Бестужевских) курсах. Будучи поборником высшего женского образования, ученый и на практике привлекал к работе в своих проектах и учреждениях женщин, в том числе своих бывших студенток.

В начале XX в. научные интересы Б. Б. Голицына стали смещаться в сторону новой дисциплины — сейсмологии. Это был раздел геофизики, посвященный землетрясениям, их причинам, последствиям и мерам защиты сооружений. Как самостоятельная наука, сейсмология начала развиваться во второй половине XIX в. В России, как и многих других странах, которые страдали от землетрясений, разрабатывались методы их регистрации и создавались сейсмические стан-

ции. После разрушительного землетрясения в 1887 г. в г. Верном (ныне Алма-Ата) была создана сейсмическая комиссия Русского Географического общества (1888) для организации наблюдений над землетрясениями. В конце 1890-х гг. Академия наук получила предложение сейсмологического комитета при Британской ассоциации содействия развитию науки принять участие в наблюдениях над колебаниями почвы, происходящими от отдаленных землетрясений. Члены Физико-математического отделения признали необходимым объединить все сейсмические наблюдения в стране, а для руководства ими учредить при Академии наук Постоянную центральную сейсмическую комиссию с участием представителей всех заинтересован-

*Б. Б. Голицын со слушательницами Бестужевских курсов. Начало XX в.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 163. Л. 1*

ных учреждений. Такая Сейсмическая комиссия была учреждена в январе 1900 г., от Императорской академии наук в нее вошли О. А. Баклунд (председатель), А. П. Карпинский, М. А. Рыкачёв, Ф. Н. Чернышёв и Б. Б. Голицын.

В 1903 г. возникла Международная сейсмологическая ассоциация, в которую вступила Россия. Непрерывные наблюдения за колебаниями почвы должны были развиваться централизованно и на государственные средства. Академии наук отпускались специальные суммы на нужды Сейсмической комиссии. С первого года ее работы главным действующим лицом стал Б. Б. Голицын, который сделал научной базой комиссии академический Физический кабинет и сам занялся созданием новой, более совершенной аппаратуры. Ему принадлежит разработка теории и конструкции электродина-

мических сейсмографов и введение их в практику. Изобретатель стремился усовершенствовать как само устройство приборов, так и способы записи их показаний. Б. Б. Голицын первым предложил метод регистрации сейсмических волн, где фиксируемые механические перемещения датчиков преобразовывались в электрический сигнал. В 1902 г. он ввел в маятник сейсмического прибора электромагнитное затухание вместо применявшегося воздушного, в 1906 г. сконструировал электромагнитный сейсмограф, послуживший образцом для всех сейсмических станций.

В том же 1906 г. под непосредственным руководством Б. Б. Голицына и по его указаниям была создана сейсмическая станция в местечке Пулково, удаленном от города с его шумом и постоянным движением. На стан-

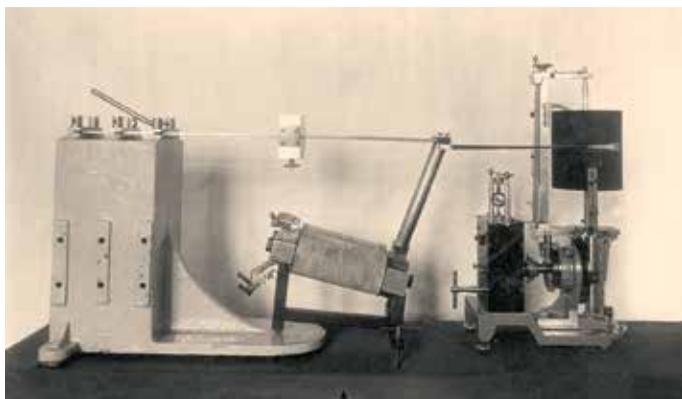

*Сейсмическая станция в Пулково, наземная часть
СПбФ АРАН. Ф. 69. Оп. 2. Д. 148. Л. 11*

ции были проведены специальные испытания сейсмографа Б. Б. Голицына, результаты которых доказали, что его прибор первоклассный, лучший из существующих. Сейсмографы этой системы начали внедрять на всех русских сейсмических станциях, наблюдения на них велись по авторской системе. Скоро приборы Б. Б. Голицына «перешагнули» границы Европы: их использовали сейсмические станции в Париже, Брюсселе, Франкфурте, при бюро Международной сейсмологической ассоциации в Страсбурге. Благодаря этим приборам стало возможным изучение строения земной коры. Инструментальная сейсмометрия обязана им своим превращением в количественную науку. А. Н. Крылов заметил, что «Б. Б. Голицын не патентовал своих приборов и не извлекал никаких выгод из своих изобретений, а считал их чи-

сто научными и предоставлял их в общее пользование», за несколько лет их выпуск освоили и европейские фирмы.

Кроме научных измерений и совершенствования их методов, Б. Б. Голицын разработал в сейсмологии теорию горизонтального маятника с учетом шести компонент движения почвы (доложена на заседании Академии наук 16 января 1902 г.), оригинальным методом решил задачу определения эпицентра землетрясения по данным одной станции (эта же задача была решена им и по записям двух станций). Среди открытий ученого следует назвать обнаружение и исследование явления поляризации сейсмических волн. Он разработал метод определения энергии землетрясения по сейсмограмме, апробированный на примере мощного Сарезского землетрясения 1911 г. в России. Энергия землетрясения оценивалась по плот-

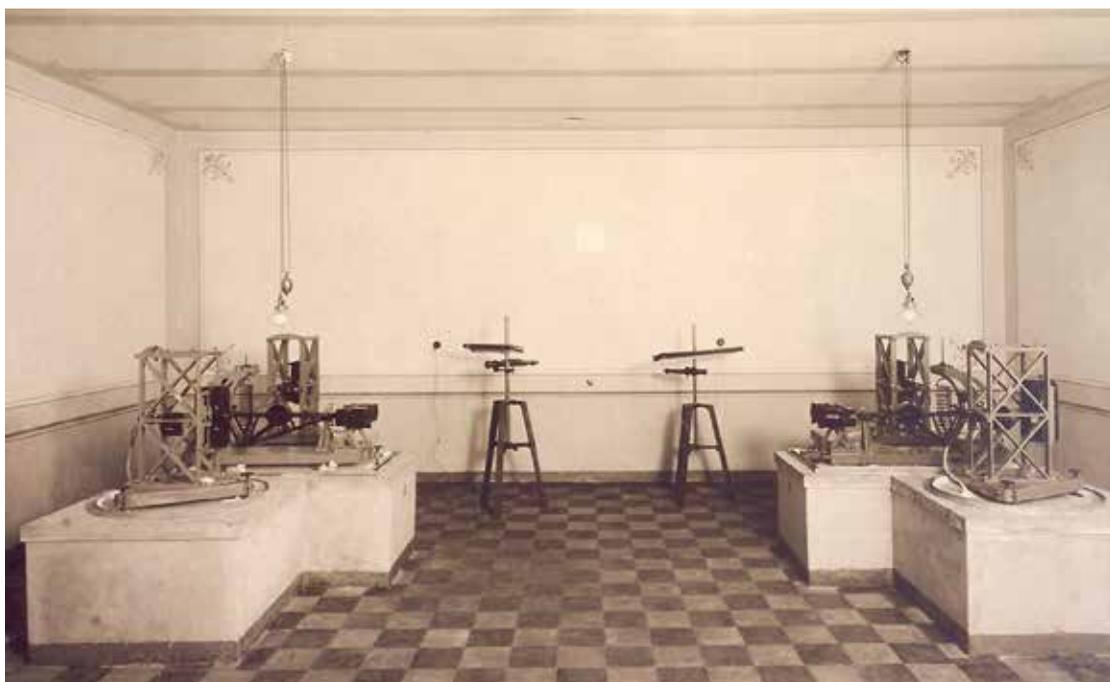

Один из приборов системы
Б. Б. Голицына

СПбФ АРАН. Ф. 69. Оп. 2. Д. 148. Л. 1

ности энергии колебаний в удаленной от эпицентра точке, пропорциональной отношению амплитуды колебаний к их периоду. По этому методу сейчас классифицируются магнитуды землетрясений. Б. Б. Голицын предложил метод определения внутреннего строения Земли по значению угла выхода продольных волн на дневную поверхность и по данным Пулковской обсерватории выявил слои изменения внутреннего строения Земли уже более полно

(на глубинах 106, 232, 492 и 1444 км). Академик разработал сейсмическую шкалу, в которой сила землетрясения определялась по опрокидыванию параллелепипедов разных размеров. Методы ученого послужили основой для оценки сейсмостойчивости строений и зданий еще на этапе их проектирования. В связи с этим отдельные его исследования были посвящены прогнозам землетрясений. Основной физической причиной землетрясений Б. Б. Голицын

Аппаратный зал Сейсмической станции в Пулково

СПбФ АРАН. Ф. 69. Оп. 2. Д. 148. Л. 8

считал накопление в горных породах Земли упругих напряжений. Среди разработанных им моделей предвестников землетрясений — возможность так называемых триггерных эффектов. По его проекту в стране создавалась сеть сейсмических станций, разрабатывались типовые сейсмические приборы для них, издавалась соответствующая литература и инструкции, автором большинства которых был сам Б. Б. Голицын. Благодаря его кипучей энергии отечественная сейсмическая служба стала наиболее передовой в мире.

Однако научные теории Б. Б. Голицына не сразу получили признание ученой корпорации: в 1903 г. его кандидатура была выдвинута на избрание ординарным академиком, но ее забаллотировали из-за критических отзывов математиков А. А. Маркова и А. М. Ляпунова о некоторых трудах ученого в Общем собрании Академии. Через пять лет А. А. Марков, признав свою критику ошибочной, сам подписал представление к избранию Б. Б. Голицына ординарным академиком, которое благополучно состоялось в 1908 г.

Считая, что для развития сейсмологии необходимо создать строгую сеть сейсмических станций, организованных по единому принципу, Б. Б. Голицын разработал и представил план полной реорганизации сейсмической службы в России. Идея его заключалась в том, что лучше иметь небольшое число первоклассных станций, оснащенных по последнему слову науки, чем много устаревших и технически слабых. Благодаря настойчивости ученого в 1910 г. комиссия получила средства на реорганизацию сейсмической службы в России: новый годовой бюджет, значительные суммы на оборудование станций, изготовление сейс-

мографов. В результате к 1916 г. в России действовала сеть станций первого разряда: Центральная сейсмическая станция в Пулково, регистрировавшая около 600 землетрясений в год, станции в Тифлисе, Иркутске, Ташкенте, Юрьеве (Гарту), Баку, Екатеринбурге и Владивостоке; сеть станций второго разряда в сейсмически активных районах — на Кавказе, Туркестане, на Байкале, Алтае, Сахалине и Камчатке.

В одном из помещений Физического кабинета в Академии наук располагалось вычислительное бюро Сейсмической комиссии. Всеми практическими работами сотрудниц бюро (в его составе преобладали женщины, их аккуратности Б. Б. Голицын особенно доверял) руководили помощники академика — И. И. Вилип и П. М. Никифоров, секретарь комиссии, отвечавший за деятельность русской сейсмической сети. Все поступающие на службу в Сейсмическую комиссию были обязаны под их руководством познакомиться с теоретическими основами сейсмометрии.

Б. Б. Голицын активно участвовал в деятельности Международной сейсмологической ассоциации: представлял Россию на съездах и собраниях, выступал с докладами, регулярно печатал свои труды в научных журналах. На съезде в Манчестере (1911) его единогласно избрали президентом ассоциации на три года. Следующее собрание должно было состояться в Петербурге в 1914 г.

В 1913 г. академик Б. Б. Голицын был избран на пост директора Главной физической обсерватории (ГФО), что открывало перед ним новые перспективы: он поставил цель превратить обсерваторию в геофизический институт, который должен изучать все физические явления на земле и в атмосфере.

Б. Б. Голицын — начальник Главного военно-метеорологического управления. 1915 г.

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Г. Д. 55. Л. 3

Им были определены очередные задачи — исследования по таким вопросам геофизики, как атмосферное электричество, атмосферная оптика и акустика, сейсмология, аэрология и др., но начавшаяся война перечеркнула все планы.

В годы Первой мировой войны Б. Б. Голицын проявил себя как организатор и руководитель сотрудничества науки с действующей армией. Сейсмические приборы стали использовать для замера сотрясений морских судов во время стрельбы из бортовых орудий. Специфические нужды авиации и артиллерии требовали более надежных прогнозов погоды и учета особенностей местного климата. Именно организация метеослужбы и предсказание погоды стали главной задачей ГФО. К концу 1916 г. сотрудниками было подготовлено и выпущено 36 климатических обзоров районов северного, западного и южного фронтов. Под

руководством Б. Б. Голицына в 1915 г. было организовано Главное военно-метеорологическое управление (Главмет). Работами по метеорологическому и шаропилотному наблюдению руководил М. М. Рыкачёв, аэрологической и аэронавигационной службой при авиации — А. А. Фридман. Фронтная метеослужба не только прогнозировала температуру воздуха и осадки, но изучала распределение ветров на различных уровнях, высоту и форму облаков, туман и прочие атмосферные условия, влияющие на прохождение полетов, ведение артобстрелов, а позднее и на результативность проведения и отражения газовых атак. По инициативе Б. Б. Голицына в Пулкове была устроена инструментальная мастерская для изготовления и ремонта метеорологических приборов по заказам военных частей, организована поверка часов и точных приборов — термометров, компасов, анемометров и др.

Такая разносторонняя деятельность и достигнутые успехи характеризуют Б. Б. Голицына как настоящего «князя от науки» и патриота России. Все годы академической службы ученого отмечены не только научной, но и активной общественной работой. Несколько лет он состоял членом правления Академии наук, принимал участие в работах Международного союза академий, являлся членом Русского географического общества, председателем Российского физико-химического и Минералогического обществ, одним из руководителей Комиссии по изучению полярных стран, входил в состав Комиссии по изучению естественных производительных сил России. Б. Б. Голицын участвовал и в научно-просветительских проектах (таких как издание трудов Л. Эйлера, подготовка к юби-

лею М. В. Ломоносова), входил в состав комиссий по строительству академических зданий (Зоологического, Геологического и Минералогического музеев, Ломоносовского института). Неоспоримы и его заслуги в деле создания отечественного воздушного флота, включая постройку аэропланов на Русско-Балтийском вагонном заводе (академик входил в состав Совета завода) под руководством известного русского авиаконструктора И. И. Сикорского.

Ученый не увлекался политикой, но работал в органах местного самоуправления. В годы управления Экспедицией заготовления государственных бумаг Б. Б. Голицын был избран в Городскую думу от Нарвской части и три года состоял ее гласным, принимая деятельное участие в заседаниях и обсуждениях насущных вопросов.

Научные заслуги Б. Б. Голицына получили высокую оценку не только в России, но и за рубежом. Русский академик стал почетным доктором Манчестерского университета, почетным членом Франкфуртского физического общества и Швейцарского общества естественных наук, членом-корреспондентом Гёттингенской академии наук; Лондонское физическое общество избрало его в число своих 12 почетных членов.

По свидетельствам современников, Б. Б. Голицын был честным, принципиальным, искренним, сердечным человеком, остроумным собеседником, любителем и знатоком музыки и живописи, страстно любил охоту. Весной 1916 г. он сильно простудился, но, невзирая на это, продолжал работать, скоро простуда осложнилась воспалением легких, с которым организм уже не справился.

Диплом Гёттингенского научного общества об избрании Б. Б. Голицына членом-корреспондентом физико-математического класса. Декабрь 1913 г.

СПбФ АРАН. Ф. 69. Оп. 2. Д. 21. Л. 4

Энергичный и деловитый Б. Б. Голицын, где бы он ни появлялся, «давал импульс к жизни», оказывал на все благотворное влияние. Как справедливо утверждал А. Н. Крылов, «невозможно очертить деятельность человека такой кипучей энергии, такой работоспособности и производительности во всех поприщах»⁸⁹. В истории русской науки имя Б. Б. Голицына всегда будет связано с созданием сейсмологии и сейсмометрии. Сконцентрировав усилия на решении одной крупной научной задачи, имевшей большое практическое значение, он сумел достичь выдающихся результатов и поднял авторитет Академии в области экспериментальных и прикладных наук.

⁸⁹ Крылов А. Н. Памяти князя Б. Б. Голицына... С. 385.

ХИМИЯ

ХИМИЯ В АКАДЕМИИ НАУК В XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Европейский XVIII в. был богат выдающимися химическими достижениями, но Россия к началу XIX столетия не входила в число лидеров научных исследований в области химии. Создание первой российской научно-учебной химической лаборатории М. В. Ломоносовым (1711—1765), открытие адсорбционных свойств угля (1785) академиком Т. Е. Ловицем (1757—1804), разработка академиком Э. Г. Лаксманом (1737—1796) новой технологии получения стекла с использованием вместо сравнительно дорогого поташа природной глауберовой соли (1784), исследования соединений платины и хрома (1797—1805) почетным членом Императорской академии наук графом А. А. Мусиным-Пушкиным (1760—1805), составление академиком В. М. Севергиным (1765—1826) четырехтомного «Химического словаря» (переработанный перевод с французского) и другие достижения российских химиков способствовали созданию почвы для появления в дальнейшем научных химических школ, профессионализации химических исследований и развитию отечественной химической науки. Однако в целом, если сравнивать уровень развития отечественной химии на рубе-

же XVIII—XIX вв. с химическими достижениями в странах Западной Европы, то сравнение будет не в пользу России.

Вместе с тем «химическая революция», осуществленная А. Лавуазье в последней трети XVIII столетия, создала на рубеже XVIII—XIX вв. принципиально новую ситуацию — перед лицом «новой системы химических знаний» практически все представители европейского химического сообщества оказались примерно в одинаковых стартовых условиях. Дальнейшее зависело от глубины и адекватности восприятия новых идей, от наличия материальной базы и действия социокультурных факторов.

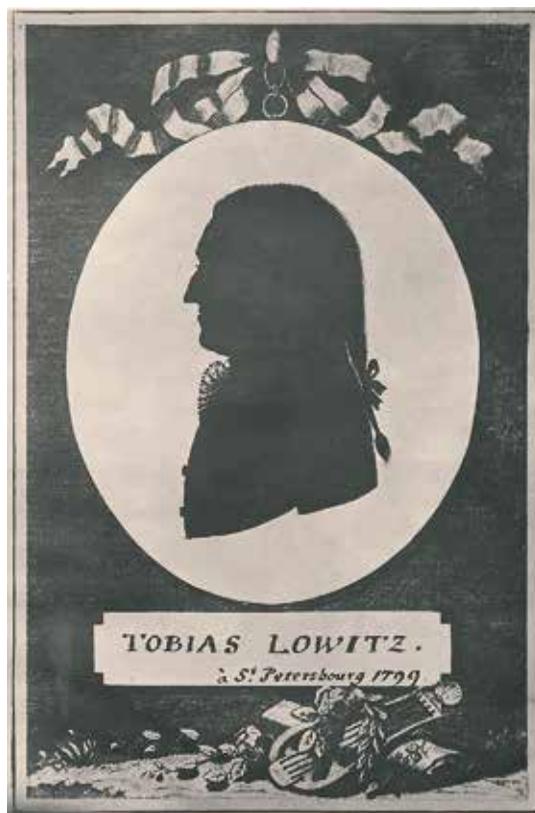
В Санкт-Петербурге «новую химию» восприняли довольно хорошо, главная заслуга в этом принадлежала профессору экспериментальной физики Академии наук Л. Ю. Крафту (1743—1814), ординарным академиком Я. Д. Захарову (1765—1836) и В. В. Петрову (1761—1834). Однако в целом, как заметил академик П. И. Вальден, «процесс проникновения взглядов Лавуазье во все области химии... не встречал в России ни активных борцов, ни видимого сопротивления»⁹⁰.

---

⁹⁰ Вальден П. И. Очерк истории химии в России // А. Ладенбург. Лекции по истории развития химии от Лавуазье до нашего времени. Одесса, 1917. С. 410.

С открытием и воссозданием в начале XIX в. ряда университетов начинается новый период становления химических исследований в России — университетский, причем академические ученые также внесли свой вклад в развитие этой науки. Университеты стали базовым ресурсом для пополнения рядов Академии, в том числе и высококвалифицированными отечественными химиками. Правда, в глазах власти российский ученый (он же — госслужащий) должен был быть не столько служителем «чистой науки», сколько тружеником просвещения вообще. Ученым приходилось, отвлекаясь от научных исследований, много времени уделять просветительской и экспертной деятельности, а также, особенно после войны 1812 г., прикладным вопросам. Но это обстоятельство имело и свою положительную сторону: стали издаваться новые научные журналы, в частности, с 1804 г. — «Технологический журнал» под редакцией академика В. М. Севергина; с 1825 г. — «Горный журнал» с обширным химическим отделом. Наряду с переводными руководствами начали появляться отечественные учебники химии, среди которых особо следует отметить «Основания чистой химии» академика Г. И. Гесса (1831).

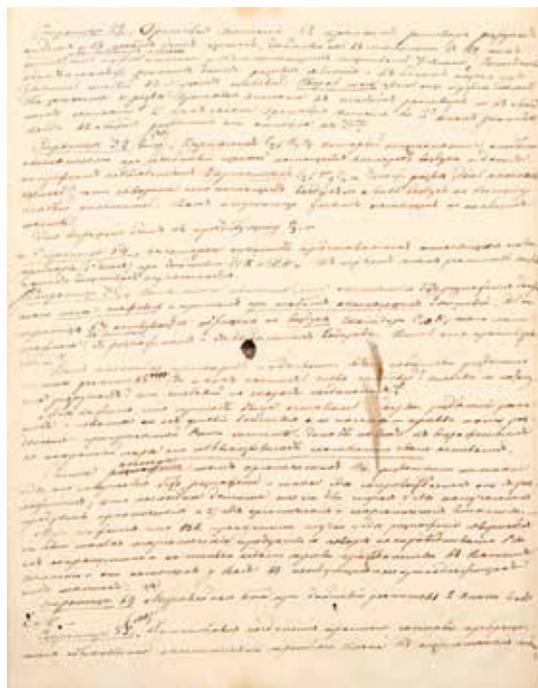
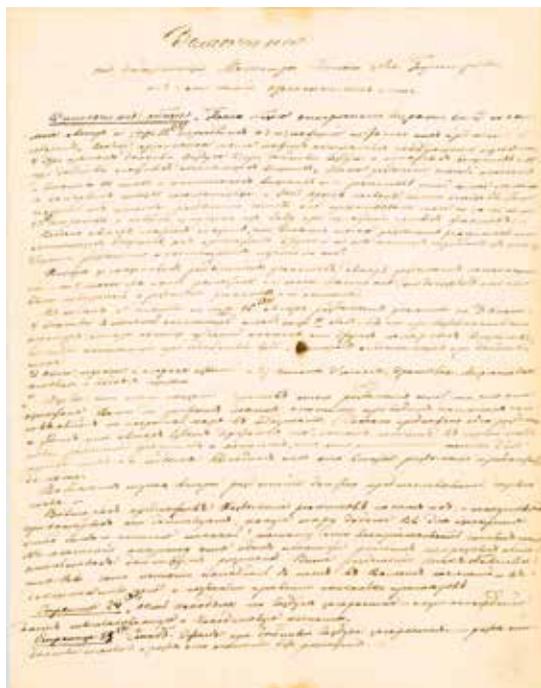
К 1840-м гг. в России сформировалось несколько химических центров, самыми крупными из которых были петербургский, московский и казанский. Успешное развитие химии в Казани, где стараниями ректора университета (1827—1845) Н. И. Лобачевского была создана едва ли не лучшая в то время химическая лаборатория России, связано в первую очередь с деятельностью Н. Н. Зинина (1812—1880). Хотя в Казанском университете

Т. Е. Ловиц. Силуэтный портрет. 1799 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Л. Д. 110. Л. 1

исследования по органической химии преобладали, там трудились и такие известные химики-неорганики, как М. Я. Киттары (1825—1880) и член-корреспондент Академии наук К. К. Клаус (1796—1864), один из основоположников химии платины, предложивший способы разделения и получения в чистом виде платиновых металлов и открывший в 1844 г. новый химический элемент — рутений.

Российские ученые внесли существенный вклад практически в каждую из физико-химических дисциплин. Так, термохимия берет свое начало в работах 1840-х гг. ординарного академика по прикладной химии Г. И. Гесса (1802—1850). Еще в первой половине XIX в. в России важные электрохимические исследования были выполне-

«Замечания на диссертацию магистра химии Александра Бутлерова об окислении органических тел» профессора Императорского Казанского университета М. Я. Киттары. 1851 г.

СПбФ АРАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 4 об.

К. К. Клаус. Фототипия
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 132. Л. 2

ны членом-корреспондентом (1802), затем адъюнктом по экспериментальной физике (1807), экстраординарным (1809) и ординарным (1815) академиком В. В. Петровым, который с помощью разработанного им химического источника тока создал электрическую дугу (1802). Член-корреспондент Академии наук (1805) Ф. Ф. Рейсс (1778—1852) опубликовал статью «О новом действии гальванического электричества» (1809), в которой описал ранее неизвестное явление, получившее впоследствии название электроосмоса — движение жидкости через капилляры или пористые диафрагмы при наложении внешнего электрического поля. Кроме того, Ф. Ф. Рейссом и физиком П. И. Страховым (1757—1813), также членом-корреспондентом Академии (1803), было открыто явление электрофореза — перемещения частиц (коллоидных или

белковых растворов) в жидкой или газообразной среде под действием внешнего электрического поля.

Б. С. Якоби (1801—1874) разработал метод гальванопластики (1837—1838), позволявший получать копии металлических деталей очень сложной формы и ставший важным направлением прикладной электрохимии. Наибольшее распространение гальванопластика получила при изготовлении точных художественных копий небольших скульптур, ювелирных и технических изделий. Кроме того, электродвигатель, изобретенный Б. С. Якоби (1834), работал на токе от химического источника.

НОВЫЕ ИДЕИ И МЕТОДЫ: ХИМИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Во второй половине XIX в. химия в России получила новый импульс к развитию; на первый план вышли работы фундаментального характера. Главнейшими открытиями, совершенными в ту эпоху, стали открытие в 1869 г. Д. И. Менделеевым (1834—1907) Периодического закона химических элементов и разработка в 1861—1870 гг. А. М. Бутлеровым (1828—1886) теории химического строения. К сожалению, в силу комплекса причин, Д. И. Менделеев не стал ни академиком Императорской Санкт-Петербургской академии наук, ни лауреатом Ломоносовской премии: ученый был избран только членом-корреспондентом Академии по разряду физических наук (химия) Физико-математического отделения (1876).

Из трех основных отраслей химии, сформировавшихся ко второй половине XIX в. — неорганической, органической и физической — лидирующее положение по объему изучаемого

материала, как в России, так и за рубежом, заняла органическая химия. Уже в первой половине столетия стала осознаваться необходимость создания как научной классификации органических соединений, которых тогда было известно много больше, чем неорганических, так и теории, объяснявшей их необычайное разнообразие при крайне ограниченном составе (большинство органических соединений включало три—четыре элемента: углерод, водород, кислород и азот).

Теория химического строения академика А. М. Бутлерова позволила расшифровать структуру органических соединений различных классов и наметить пути их синтеза. Достижения отечественной химии второй половины XIX в. во многом обусловлены трудами петербургских ученых, работавших в Академии наук, Петербург-

Д. И. Менделеев

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-М. Д. 51. Л. 1

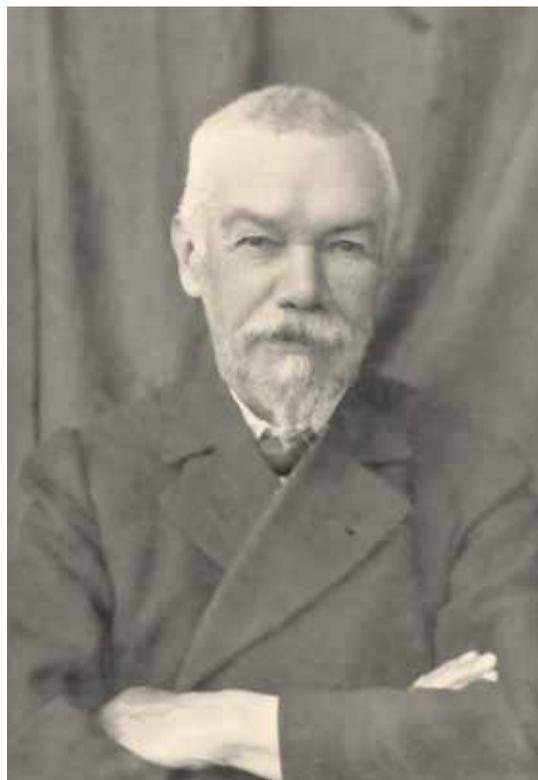
М. И. Коновалов. С фотографии
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 634. Л. 1

ском университете, Горном институте, Медико-хирургической академии и др. В этих учреждениях сложились школы химиков, во главе которых стояли такие выдающиеся ученые (как правило, члены Академии наук), как А. М. Бутлеров, А. А. Воскресенский, Н. Н. Зинин, А. Е. Фаворский и др.

Опираясь на теорию химического строения, ученики А. М. Бутлерова синтезировали множество новых органических соединений: предельные и непредельные углеводороды, что стало впоследствии фундаментом развития нефтехимии; открыли реакцию алкилирования ароматических углеводородов в присутствии хлористого алюминия. М. И. Коновалов (1858—1906) создал один из наиболее надежных методов определения структуры парафиновых углеводоро-

Е. Е. Вагнер. Фототипия
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-В. Д. 294. Л. 1

А. М. Зайцев. Не позднее 1910 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-З. Д. 45. Л. 1

дов — реакцией нитрования парафинов слабой азотной кислотой; ученик А. М. Бутлерова Е. Е. Вагнер (1849—1903) разработал эффективный метод окисления этиленовых углеводов и спиртов разбавленным раствором перманганата калия (1875), что позволило получать гликоли из углеводов и глицерины из спиртов; позднее Е. Е. Вагнер открыл реакцию окисления органических соединений, содержащих двойную связь (1888), и применил ее для изучения структуры терпенов. Другой ученик А. М. Бутлерова, член-корреспондент (1885) А. М. Зайцев (1841—1910), кроме многих других замечательных исследований, осуществил синтезы ряда предельных и непредельных спиртов через цинкоорганические галоидные соединения (1870—1875). Этот метод позднее (1900) усовершенствовал французский химик Ф. Гриньяр, заменивший цинк магнием. По справедливому замечанию П. И. Вальдена, «гриньярская реакция должна быть названа реакцией Зайцева — Гриньяра, так как Зайцев первый создал всю совокупность этих реакций и даже объяснение механизма»⁹¹. В 1881 г. Ф. Ф. Бейльштейн издал в Лейпциге на немецком языке уникальный двухтомный справочник «Handbuch der organischen Chemie», содержащий основные сведения о 1500 органических соединений. По словам П. И. Вальдена, «Бейльштейн создал труд, значение и слава которого переживут многие поколения химиков, труд, сделавшийся прототипом для других отделов химической науки»⁹².

Ф. Ф. Бейльштейн

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Б. Д. 15. Л. 1

С тех пор справочник постоянно дополнялся и переиздавался.

К концу 1880-х гг. окончательно сформировался новый самостоятельный раздел химической науки — физическая химия. Она представляла собой некий «конгломерат» тесно связанных друг с другом отдельных дисциплин — электрохимии, термохимии, учения о растворах, учения о катализе и химической кинетике и др., опиравшихся на достаточно строгие теоретические представления физики и соответствующий математический аппарат.

«Всплеск» интереса к электрохимии в России связан с работами члена-корреспондента Академии наук Р. Э. Ленца (1811—1903), сына известного физика академика Э. Х. Ленца, который

⁹¹ Вальден П. И. Очерк истории химии в России // А. Ладенбург. Лекции по истории развития химии от Лавуазье до нашего времени. Одесса, 1917. С. 490.

⁹² Там же. С. 421.

Сванте Август Аррениус. Фототипия
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-А. Д. 40. Л. 1

изучал электропроводность растворов. Результаты, полученные Р. Э. Ленцем в 1870-х гг., стали одной из основ для разработки С. А. Аррениусом теории электролитической диссоциации и установления пропорциональности между скоростью химических реакций и электропроводностью кислот и оснований.

Российские ученые внесли существенный вклад в развитие химической кинетики. Следует упомянуть работы Николая Александровича Меншуткина (1842—1907). Этот разносторонний исследователь начинал свою деятельность как химик-органик, написал классический учебник «Аналитическая химия» (1871) и одним из первых применил принципы структурной органической химии для установления строения неорганических соединений. В 1887 г. Н. А. Меншуткин начал цикл работ по изучению влияния изомерии спиртов и органических кислот на ско-

Н. А. Меншуткин. 1912 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-М. Д. 139. Л. 1

Д. П. Коновалов
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 145. Л. 1

рость реакции этерификации. По словам П. И. Вальдена, Н. А. Меншуткин «самостоятельно создал как предмет, так и метод своих экспериментальных исследований; обработанная им область — органическая химия, метод — физический, цель — определение строения тел динамическими способами, а именно по скорости реакции их с другими соединениями... Меншуткин должен считаться одним из реформаторов органической химии: он расширил цели последней, поставив на место препаративной органической химии — измерительную и количественную»⁹³. Н. А. Меншуткин был одним из основателей Русского химического общества (РХО) (1868), в котором исполнял должность делопроизводителя (1868—1891), а также редактора «Журнала РХО» (1869—1900). В марте 1869 г. на заседании РХО ученый сделал сообщение от имени Д. И. Менделеева об открытии Периодического закона. К сожалению, несмотря на огромный вклад в мировую химию, Н. А. Меншуткин не стал членом-корреспондентом Академии наук.

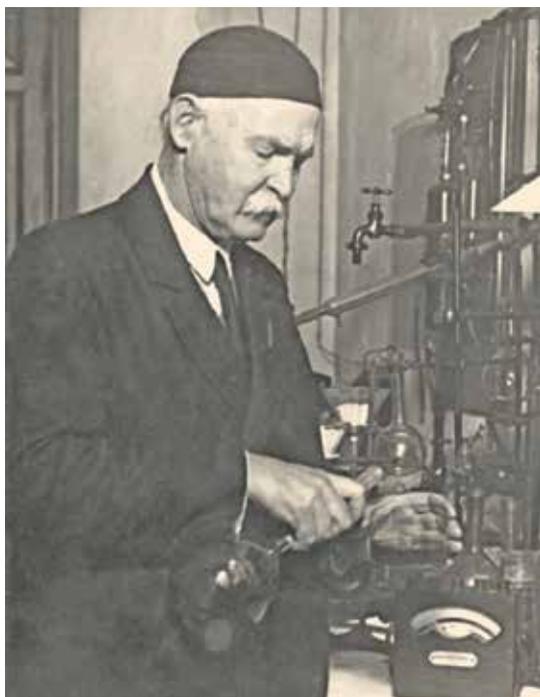
Можно привести и другие примеры вклада отечественных ученых в развитие физической химии. В 1881—1884 гг. Дмитрий Петрович Коновалов (1856—1929) открыл законы, устанавливающие зависимость относительного состава компонентов в газовой и жидкой фазах растворов от давления пара и температуры кипения двойных жидких систем. На основании этих законов им была создана теория перегонки жидких смесей и развиты представления о критическом состоянии в системах жидкость—жидкость. Д. П. Коновалов сформули-

ровал представления об автокатализе, вывел уравнение для скорости автокаталитических реакций (1887) и впервые ввел понятие активной поверхности гетерогенных катализаторов (1885). Возможно, Д. П. Коновалов сделал бы еще больше в науке, если бы его, как, впрочем, и многих его выдающихся коллег, не отвлекали административные обязанности — он, в частности, был директором Горного института, а также заместителем министра торговли и промышленности. Уже в советское время ученый был избран членом-корреспондентом по физическому разряду Отделения физико-математических наук (1921), а вскоре стал академиком (1923) по тому же отделению (химия).

Во второй половине 1880-х гг. Владимир Александрович Кистяковский (1865—1952) не только сумел «объединить» химическую теорию растворов Д. И. Менделеева с физической теорией электролитической диссоциации С. Аррениуса, но и создал новое направление в науке — коллоидную электрохимию, развил первые электрохимические представления о коррозии металлов, ставшие основой для разработки мер защиты металлов от коррозии. Ученый был избран членом-корреспондентом (1924), затем действительным членом (1929) Академии наук.

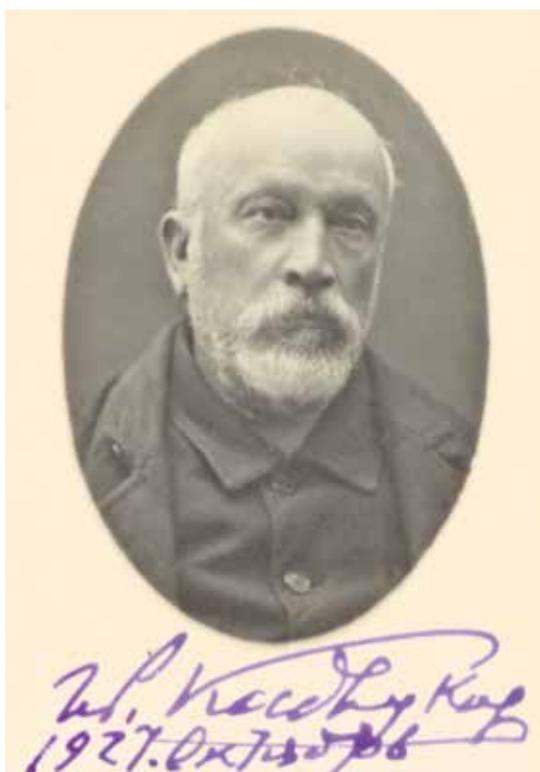
Особо следует отметить вклад в развитие химии Ивана Алексеевича Каблукова (1857—1942), в советское время ставшего членом-корреспондентом (1928) и почетным членом (1942) Академии наук СССР. Он открыл ряд важных закономерностей в области химии неводных растворов, установил аномальную электропроводность элек-

⁹³ Вальден П. И. Очерк истории химии в России // А. Ладенбург. Лекции по истории развития химии от Лавуазье до нашего времени. Одесса, 1917. С. 638.

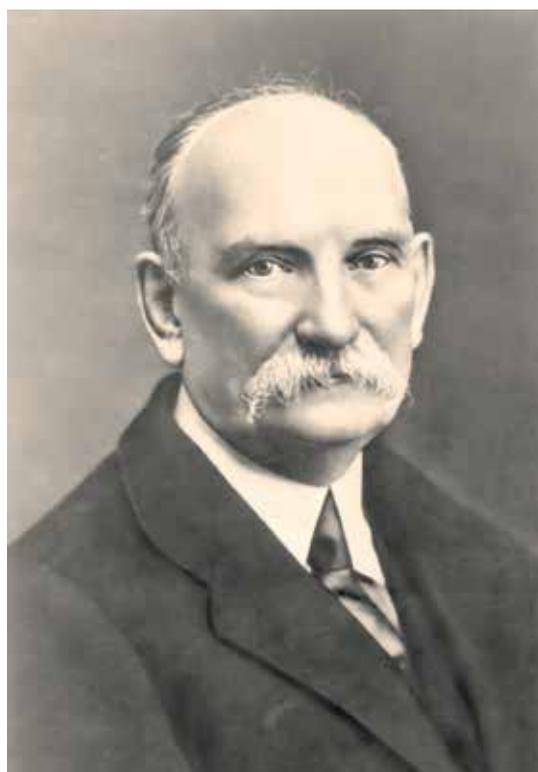

В. А. Кистяковский
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 99. Л. 1

тролитов в органических растворителях, независимо от В. А. Кистяковского ввел представление о сольватации ионов, изучал фазовые превращения расплавленных солей, многое сделал для сближения физической и химической теорий растворов. Работы И. А. Каблукова подготовили почву для будущих систематических термодимических исследований. Кстати, о И. А. Каблукове ходило множество анекдотов (отчасти, отражавших реальные события), а его высказывания и характерные словечки (например, «Мендельшуткин», т.е. «Менделеев и Меншуткин») передавались из поколения в поколение химиков. Кроме того, ученый славился своей рассеянностью. Последним обстоятельством воспользовался С. Я. Маршак, написав в 1930 г. известное стихотворение «Вот какой рассеянный».

И. А. Каблуков. Октябрь 1927 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 623. Л. 1

Н. С. Курнаков
АРАН. Ф. 701. Оп. 2. Д. 44а. Л. 1

Когда говорят о достижениях отечественных химиков XIX столетия, в первую очередь упоминают об открытии Периодического закона. Однако учение о периодичности, включавшее в себя множество данных, накопленных неорганической химией, в России XIX в. не получило широкого развития. Изучение свойств отдельных элементов и их соединений носило сугубо эпизодический характер. К примеру, в конце 1880-х гг. будущий академик (1913) Николай Семёнович Курнаков (1860—1941) приступил к изучению комплексных соединений платиновых металлов, тем самым продолжив исследования этих металлов, начатые еще К. К. Клаусом. Между тем необходимость глубокого развития неорганической химии осознавалась многими исследователями. Ситуация начала меняться только в XX столетии.

РАЗВИТИЕ ХИМИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

На рубеже XIX—XX столетий развитие химической науки в России стало приобретать новые черты. Конец XIX в. ознаменовался многими фундаментальными открытиями в разных областях естествознания, особенно в физике. Обнаружение рентгеновских лучей (1895), открытия явления радиоактивности (1896) и электрона (1897), выделение из воздуха пяти благородных газов (1894—1898) и другие достижения прямо способствовали формированию новой физической картины мира и оказали существенное влияние на прогресс химии. Можно сказать, что на рубеже столетий начался процесс «физикализации химии», в частности, стали предлагаться электронные модели химических соединений. Но главное — химические исследова-

ния заметно расширили свою тематику. Возникла координационная химия, началось стремительное развитие методов органического синтеза, в том числе и металлоорганических производных. Впечатляющие успехи были достигнуты в химии белка и природных соединений. Многие разделы физической химии (изучение растворов, каталитические процессы, кинетические представления), ранее имевшие по преимуществу эмпирический характер, получили основательную физическую трактовку.

Однако, несмотря на то, что отечественная химия рубежа XIX—XX вв. имела в своем активе множество впечатляющих результатов и открытий первостепенного значения, а в сфере преподавания химии Россия фактически избавилась от дефицита оригинальных отечественных учебников и пособий, она еще не могла идти вровень со стремительным прогрессом мировых исследований. Исследования проводились в лабораториях университетов и других учебных заведений Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Харькова, Дерпта, Риги, Киева, Одессы, Варшавы и ряда других городов, но в составе учебных заведений еще не было специализированных химических факультетов. Существовали только кафедры по различным областям химии (общей, неорганической, органической, физической, аналитической) и химической технологии. Что же касается Академии наук, то она не располагала исследовательскими институтами, да и число академиков-химиков было крайне ограничено, многие ученые (И. А. Каблуков, Д. П. Коновалов и др.) стали академиками только в советское время. В России XIX в. были созданы замечательные научные химические

школы (например, школы А. М. Бутлорова, В. В. Марковникова, Д. П. Коновалова и др.), но их число было весьма ограниченным, и существенную роль продолжали играть отдельные выдающиеся ученые.

В начале XX в. отечественная химия обогатилась многими достижениями. Укажем наиболее важные из них.

Еще в 1903 г. М. С. Цвет (1872—1919), приват-доцент Варшавского университета, предложил метод разделения и анализа смеси веществ, основанный на различной сорбции компонентов смеси определенными сорбентами. Этот метод впоследствии стали называть хроматографией, которая получила широкое признание с начала 1930-х гг. Хроматография позволила отделять, идентифицировать и анализировать вещества, близкие по свой-

ствам, например, пигменты, витамины, ферменты, гормоны, аминокислоты и др. К сожалению, ранняя смерть ученого и позднее признание важности предложенного им метода помешали ему получить академические звания, хотя он стал лауреатом академической Ахматовской премии (1911) за докторскую диссертацию «Хромофиллы в растительном и животном мире».

В 1905 г. Алексей Евграфович Фаворский (1860—1945), продолжая исследования ацетиленовых углеводородов, начатые еще в 1880-е гг., открыл реакцию получения третичных ацетиленовых спиртов, которая ныне носит его имя, а в 1906 г. он разработал метод синтеза диоксана, одного из важнейших органических растворителей, и впервые правильно установил его строение. Ученый был избран академиком в советское время (1929).

В 1910—1914 гг. Н. С. Курнаков заложил основы новой дисциплины — физико-химического анализа, целью которого было изучение различных равновесных систем, образованных двумя или большим числом компонентов, с помощью физических и геометрических методов. Н. С. Курнаков доказал существование так называемых бертоллидов, т.е. твердых фаз переменного состава, которые проявляют резкие изменения физико-химических свойств, но не могут быть отнесены к определенным химическим соединениям. Метод физико-химического анализа нашел широкое применение при изучении природных соединений и искусственно полученных веществ.

Чрезвычайным тематическим многообразием отличались научные исследования Николая Дмитриевича Зелинского (1861—1953). Предметом его изучения стали органические со-

Н. Д. Зелинский

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-3. Д. 24. Л. 1

единения самых разных классов: алициклические и гетероциклические соединения, аминокислоты и белки. Кроме того, он успешно занимался проблемами гетерогенного органического катализа. Период с 1901 по 1917 г. был весьма плодотворным в его деятельности. Н. Д. Зелинский синтезировал много новых углеводов, содержащих в циклах от трех до девяти атомов углерода; эти работы стали основой искусственного моделирования состава различных нефтей и нефтяных фракций. В 1910 г. ученый открыл очень важный каталитический процесс — дегидрогенизационный катализ. Н. Д. Зелинский занимался изучением адсорбции газов на активированных углях, что привело к созданию им совместно с технологом завода «Треугольник» Э. Куммантом угольного противогаса (1915), который, после успешных испытаний, был принят на вооружение русской армии. Ученый был избран сначала членом-корреспондентом (1924), затем академиком (1929) высшего научного учреждения страны.

Одним из самых ярких фигур в российской химии начала XX столетия стал Владимир Николаевич Ипатьев (1867—1952). Его зарубежный биограф писал: «Россия за три столетия выдвинула трех замечательных химиков: в XVIII в. — Ломоносова, в XIX в. — Менделеева, а в XX в. — Ипатьева». В. Н. Ипатьев внес поистине революционный вклад в науку своими работами, посвященными катализу при высоких температурах и давлениях. Он был пионером гетерогенно-каталитического органического синтеза, который позволяет проводить вместо многостадийных процессов прямые, одноступенчатые. При этом стало возможным применять в качестве

В. Н. Ипатьев. Чикаго (США), 1936 г.
СПбФ АРАН. Ф. 941. Оп. 1. Д. 29. Л. 4

исходных веществ предельные углеводороды, которые по причине их химической «инертности» называли «химическими мертвецами». В 1904 г. В. Н. Ипатьев сконструировал специальный прибор («бомба Ипатьева»), ставший прообразом современных автоклавов. В 1901—1905 гг. он открыл каталитическое действие цинка, алюминия, железа и других металлов в реакциях гидро- и дегидрогенизации. Ученый впервые установил принципиальную возможность получения в одну стадию дивинила из этилового спирта (1909), открыл принцип совместного действия двух- и многокомпонентных катализаторов, способных совмещать окислительно-восстановительные и кислотно-основные функции (1911). Практическим следствием этих открытий стал синтез академиком (1932) С. В. Лебедевым (1874—1934) дивинила и решение проблемы синтеза

НА ПУТЯХ СОВЕТСКОЙ ХИМИИ

Очерк старшего химика Академии Наук СССР

проф. А. Г. Бергмана.

Пока еще мы привыкли сравнивать все стороны нашей жизни с довоенным уровнем.

Как с химией?—Перешагнули и быстро идем вверх. Условил времени и нового строительства, могучая потребность страны в химии, жажда знаний—вызвали бурный рост отдельных участков химического фронта.

Крупную и руководящую роль взяли на себя созданные революцией научные институты, до войны отсутствовавшие у нас почти совершенно. В Москве создается химический институт имени Карпова, роскошно обставленный институт частых химических реактивов, научно-химико-фармацевтический институт, институт по удобрениям и др.; в Ленинграде в Академии Наук расширяется химический институт, при нем создается и развивается институт физико-химического анализа и институт по изучению платины и др. благородных металлов. Из вузов Академия Наук выходит ныне самостоятельный рязанский институт. Все возрастающее значение приобретает государственной институт прикладной химии с его опытным заводом. На Украине успешно работает институт прикладной химии в Харьковском институте физической химии в Днепрпетровском и др.

Рационализация промышленности и плановое хозяйство вызвали усложнившийся рост сети заводских лабораторий, лабораторий трестов и синдикатов; некоторые из них вполне могут быть названы институтами.

С каждым годом расширяется деятельность Особнякхимиа, широко пропагандирующего химические познания и создающего новые лаборатории с новыми задачами и кадрами химиков, снабжающего и поддерживающего ряд лабораторий вузов. Повышенный интерес к химии широких масс создает наряду учащейся молодежи и химические вузы в лабораториях.—смена идет бодро и энергично; нам нужно и дальше продвигаться, дабы отсутствие достаточных кадров не подорвало все разнородные темпы развития химии и химической промышленности. Все возрастающая интенсивность развития физики и химии с толчком окружающей быстротой расширяет тайны строения вещества, создает новые методы исследования, новые области знания. О возникновении некоторых из них узнали спустя несколько лет, только после войны благодаря общим усилиям и возникновению научных институтов, почти все области химии пережиты и явились у нас в Союзе, а ныне работы русских ученых в заметной степени участвуют в общей разработке этих вопросов.

Несомненно глубоко проникающих и веществ рентгеновых лучей для изучения строения вещества и для ряда технических целей возмучило широкое применение в нескольких лабораториях. В физико-техническом институте в Ленинграде Н. Я. Сельковичем и Л. Б. Струтинским совместно с „Красным Путиловцем“ и другими заводами и учреждениями, как Геологам, изучаются строение специальных сталей, порошки стали при их отливке и обработке, строение огнеупорных глин, бокситов.

Безусловные попытки акад. В. И. Вернадского пробудить интерес к созданию радиевой промышленности до войны—ныне увенчались созданием государственного радиевого завода и гос. радиевого института. Под руководством акад. В. И. Вернадского и проф. В. Г. Хлопина ведется промышленная добыча этого ценнейшего и замечательнейшего из всех химических элементов и раз-

рабатывается химия радиоактивных элементов.

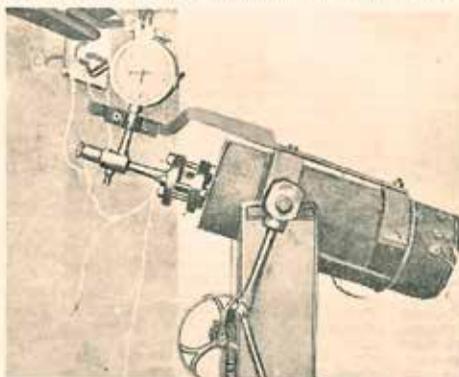
Исследования комплексных соединений платиновых металлов акад. Н. С. Курнакова, и особенно ныне покойного проф. Л. А. Чу-

Сейчас в исследовании изучением реакций, протекающих при высоких давлениях и температурах, и также над органическими соединениями и сплавами металлов.

А. Г. Бергман

гаева—подготовили почву для создания гаджа химиков, в настоящий момент объединенных в платиновый институт Академии Наук, руководимом академиком Н. С. Курнаковым. В то время как до войны процент добываемой платиновой руды у нас доходил до 0,5% от мировой добычи, процент ее переработки равнялся нулю, так как все руда вывозилась за границу. Разработанные за последнее время платиновым институтом методы анализа и аффинажа сырой платиновой руды в контакте с трестом Уралхим и его аффинажным заводом в Свердловске—широко применяются для переработки руды и получения чистых платиновых металлов: платины, палладия, осмия,

Прибор высокого давления и температур—«бомба Ипатьева».

палладия, родия, рутения. В настоящее время СССР снова стоит на первом месте по добыче руды, при чем вся руда перерабатывается у нас. Последствием этого явилось сильное падение цен на платину на мировом рынке.

Изучение сплавов платиновых металлов между собою и с другими металлами, спла-

вов цветных и черных металлов—оставляет одну из задач института физико-химического анализа Академии Наук. Задача эта была облегчена благодаря созданию акад. П. С. Курнаковым особого регистрирующего пирометра. Плановые и систематические работы по созданию равновесия привели к установлению правильного бассейнового хозяйства соевых промыслов, к бассейновому способу обезжелезивания глауберовой соли, неимевшим историческую которой в мировом масштабе является Карабугалский завод Каспийского моря.

В прошлом году был открыт новый 25-летний юбилей выдающейся деятельности акад. В. Н. Ипатьева в области аналитической химии. Эти замечательные работы производятся в приборах высокого давления и температур—„бомбах Ипатьева“, полученных широкое распространение и признательности и лабораторных даже за пределами границ СССР. Из последних работ следует указать на получение из тяжелого каменноугольного масла и соевых нефтей, при этом известных ограничений применение и сгущившихся, ценных легкая ароматических углеводородов бензола, толуола, нафталина и др., составляющих главные исходные продукты для красителей, парфюмерии и др. веществ, также выделяет большого значения последние работы по вытеснению металлов из солей водородом под давлением и получение искусственным путем ряда металлов и кристаллическом виде.

Пятьдесят лет тому назад в Днепрпетровске проф. Л. В. Писаревский была создана школа химиков, разрабатывавших новый отдел химии—электронную химию. Молекулярному состоянию веществ посвящены исследования проф. В. А. Кистинского и систематические классические работы проф. М. С. Вренского и его сотрудников в Ленинграде. Вопросы аэроионии и диффузии электролитов разрабатывает в Москве школа проф. Н. А. Шильда и химии института им. Карпова, по главе с проф. А. И. Бахом и А. Фруншиным.

Молодому поколению химии Л. К. Горюнову удалось получить впервые соединения восьмивалентного железа, титано-размещаемых во времени создания периодической системы Д. И. Менделеева в 1869 г.

В июне месяце этого года на V Менделеевском съезде химиков в Казани будет отмечено 100-летие со дня рождения бессмертного А. М. Бутлерова, деятельности которого обязаны своим возникновением многочисленные крупные школы химиков-органиков, создавшие прочную славу русской химии. Громадная работа успешно развивается, вновь и вновь расширяется в химии нефти, научная, алмазодов, красок, лакокрасочных и др. веществ, а также в обширную сложнейшую соединительно-синтетической работы растительного и животного организма. Из последних работ выделим исследования Марии Н. Довренко по изомеризации диалкилических соединений, проф. И. Д. Зелинского и Б. А. Кочешкова по синтезу ациматального диалкилического углеводорода—бипинодилоксана, и акад. С. П. Костычева, внесенного новое представление о химизме брожения.

Созданию за последнее время большого количества новых химических методов, и большей части только что разрабатываемых свою работу, дает основание в ближайшем году ждать бурного развития и больших успехов химии в СССР.

Проф. А. Бергман.

Очерк научного сотрудника Института общей и неорганической химии АН СССР, профессора А. Г. Бергмана «На путях советской химии». На вырезке — фотопортрет В. Н. Ипатьева, его автограф и фотография «бомбы Ипатьева». 1930-е гг.

СПбФ АРАН. Ф. 265. Оп. 1. Д. 203. Л. 2а

С. В. Лебедев со студентами лаборатории химической переработки нефти и каменного угля в саду Ленинградского государственного университета. [1927—1928 гг.]

СПбФ АРАН. Ф. 788. Оп. 4. Д. 26. Л. 2

каучуков (1925—1927). В 1913 г. В. Н. Ипатьев впервые провел процесс полимеризации этилена. За выдающиеся научные заслуги в 1916 г. генерал В. Н. Ипатьев был избран действительным членом Академии наук.

Фундаментальные работы единокровного брата В. Н. Ипатьева Льва Александровича Чугаева (1873—1922) по химии координационных соединений внесли большой вклад в эту область науки. Первые его крупные исследования были посвящены изучению органических соединений — терпенов. Он открыл реакцию, названную его именем (1899), — дегидратация спиртов в олефины путем термического разложения их ксантогенатов. Однако вскоре ученый резко поменял сферу своих научных исследований и в 1906 г. защитил докторскую диссертацию, посвященную ком-

плексным (координационным) соединениям. В частности, им была открыта закономерность, получившая название «правило Чугаева»: наиболее устойчивые из комплексных соединений содержат во внутренней сфере пяти- или шестичленные циклы. В 1915 г. Л. А. Чугаев получил первый карбеновый металлоорганический комплекс, правильная структура которого была раскрыта только в 1970-х гг. Он также впервые синтезировал (1920) предсказанные теорией пентаминовые соединения 4-валентной платины, так называемые «соли Чугаева». Им были открыты чувствительные аналитические реакции на никель (1905) и осмий (1918). В 1913 г. Л. А. Чугаев издал монографию «Периодическая система химических элементов», которая стала первой фундаментальной работой,

Патентная грамота
ВСНХ СССР № 9268,
врученная В. Н. Ипатьеву
по случаю изобретения им
способа получения
хлористой серы, серы
и фосгена из сульфатов.
31 мая 1929 г.
СПбФ АРАН. Ф. 941. Оп. 1.
Д. 27. Л. 2

посвященной состоянию учения о периодичности накануне его физического обоснования. В 1918 г. ученый основал Институт по изучению платины и других благородных металлов при Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), который в 1934 г. вошел в состав Института общей и неорганической химии Академии наук СССР. К сожалению, Л. А. Чугаев, по словам В. Н. Ипатьева, ученый «крупный и незаменимый», не был избран в Академию наук, что, впрочем, не помешало

последней учредить в 1969 г. премию имени Л. А. Чугаева за выдающиеся работы в области химии комплексных соединений.

В первые годы XX в. началась творческая деятельность академика (1942) Александра Ерминингельдовича Арбузова (1877—1968), одного из крупнейших отечественных химиков-органиков. Главным направлением работы ученого были синтез и изучение фосфорорганических соединений. В 1914 г. им была открыта важнейшая реакция, получившая название «перегрупп-

пировка Арбузова» (каталитическая изомеризация эфиров фосфористой кислоты в эфиры алкил-фосфорных кислот). Тем самым был получен универсальный способ синтеза органических производных фосфора.

Открытие явления радиоактивности (1896) А. Беккерелем и получение радиоактивных элементов — полония и радия — П. и М. Кюри (1898) положили начало возникновению новой химической дисциплины — радиохимии. Однако в России исследования радиоактивности поначалу были немногочисленными и в основном сводились к измерениям радиоактивных излучений и оценке их действия на различные вещества. Ситуация изменилась в середине 1920-х гг. благодаря главным образом усилиям Владимира Ивановича Вернадского (1863—1945) и Виталия Григорьевича Хлопина (1890—1950).

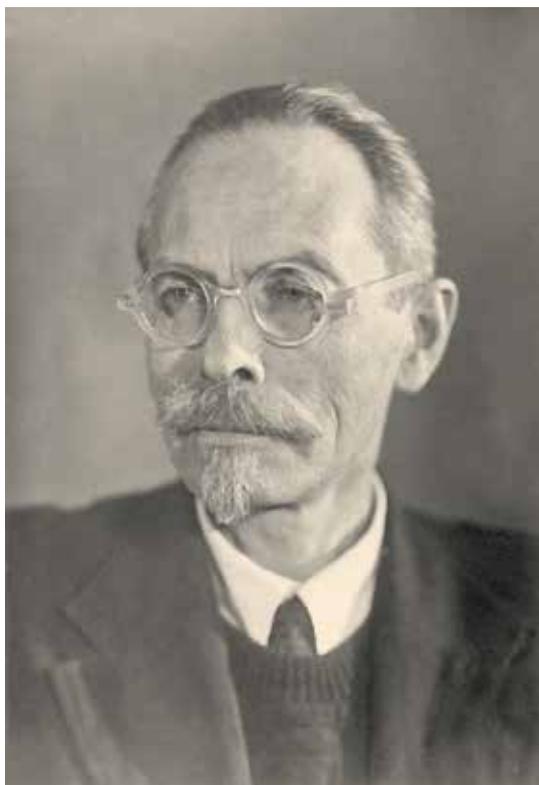
А. Е. Арбузов

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-А. Д. 70. Л. 1

П. Кюри и М. Склодовская-Кюри

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 199. Л. 1; Д. 200. Л. 1

В. Г. Хлопин

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Х. Д. 21. Л. 1

Первые исследования В. Г. Хлопина были посвящены действию ультрафиолетовых лучей на компоненты воздуха (1911). После окончания Гёттинггенского университета он служил в Санкт-Петербургском клиническом институте великой княжны Елены Павловны. Ученый показал, что в атмосферном воздухе под действием ультрафиолетовых лучей образуются не только перекись водорода и озон, но и оксиды азота. В начале своего научного пути (1911—1917) В. Г. Хлопин в основном занимался проблемами неорганической и аналитической химии. В 1913 г. совместно с Л. А. Чугаевым он осуществил синтез комплексных соединений платонитрита с дитиоэфирами, создал новый метод получения различных производных одновалентного никеля, а также метод получения теллуристого и селенистого натрия и т. д.

Первая мировая война существенно повлияла на развитие научных исследований в воюющих странах: ученым пришлось переключиться на военную тематику. Многие химические продукты, необходимые для армии (взрывчатые вещества, лекарства, некоторые виды топлива), в России либо вообще не производились, либо производились в недостаточных количествах. Устранение дефицита требовало неотложных и решительных мер. Поэтому в феврале 1915 г. при Главном артиллерийском управлении (ГАУ) Военного министерства Российской империи была создана Комиссия по заготовке взрывчатых веществ, которую возгла-

В. Е. Тищенко

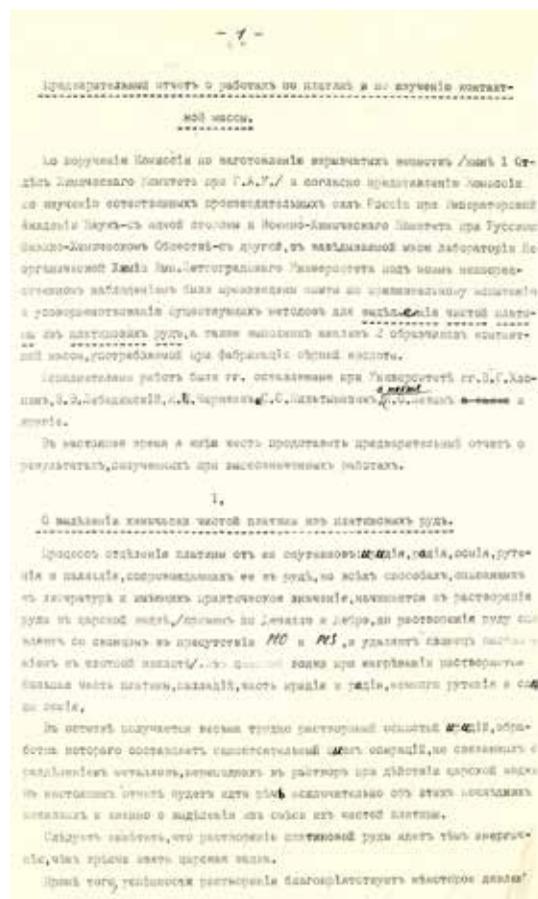
СПбФ АРАН. Ф. 978. Оп. 5. Д. 6. Л. 1

вил академик В. Н. Ипатьев, а 2 октября 1915 г. был учрежден специальный Военно-химический комитет, который должен был объединить усилия русских химиков для совместной и планомерной работы по вопросам, связанным с нуждами государственной обороны. Его председателем стал Н. С. Курнаков, а в состав вошли такие видные ученые, как В. Н. Ипатьев, Л. А. Чугаев, А. Е. Фаворский, В. Е. Тищенко и ряд других. В апреле 1916 г. был организован также Химический комитет при ГАУ во главе с В. Н. Ипатьевым. Комитет занимался организацией производства взрывчатых веществ, удушающих средств, зажигательных средств, огнеметов и противогазов. В. Н. Ипатьев контролировал производство взрывчатых веществ и горюче-смазочных материалов. А. Е. Чичибабин ведал получением алкалоидов и аминосоединений, необходимых для изготовления лекарственных препаратов. Благодаря энергичной деятельности академиков В. Н. Ипатьева, Н. Д. Зелинского, Н. А. Шилова и других ведущих российских химиков в годы Первой мировой войны был достигнут огромный прогресс в развитии военно-химической промышленности страны.

В годы войны по заданию Химического комитета Главного артиллерийского управления В. Г. Хлопин разработал методику получения чистой платины из отечественного сырья. Кроме того, он участвовал в нескольких экспедициях, нацеленных на выявление природных ресурсов России.

В. И. Вернадский в 1909 г. возглавил исследования явлений радиоактивности, по его инициативе была организована Радиевая комиссия под эгидой Академии наук и основана Радиологи-

ческая лаборатория. В 1915 г. по приглашению В. И. Вернадского В. Г. Хлопин начал работать в Радиологической лаборатории Академии наук, которая размещалась в бывшей мастерской А. И. Куинджи на Васильевском острове. Для проведения систематических исследований радиоактивности требовались препараты отечественного радия. В 1917 г. выявилась практическая перспектива использования радия в военных целях — военное ведомство, оборонные организации получили информацию о том, что радий применя-

Предварительный отчет о работах по платине и по изучению контактной массы, представленный Л. А. Чугаевым в Химический комитет при Главном артиллерийском управлении. 1916—1917 гг.

СПбФ АРАН. Ф. 326. Оп. 3. Д. 15. Л. 10

ется для производства светосоставов. Назрела необходимость добычи радия из отечественного сырья. Основные месторождения минералов и руд, содержащих этот элемент, уже были известны. В.Г. Хлопин со своими сотрудниками начал изучать геохимию и аналитическую химию радиоактивных элементов.

В октябре 1917 г. состоялся Съезд по технической обороне государства, который принял решение об организации специального радиевого завода под непосредственным контролем Академии наук, но после революции вопрос был снят с повестки дня. В январе 1918 г. В.Г. Хлопин опубликовал статью, в которой доказывал перспективность использования радия в военно-стратегических целях. Его усилия дали свои плоды — на Академию наук правительством была возложена задача создать завод по добыче радия из отечественных уранованадиевых руд. К началу 1920-х гг. исследования сосредоточились на четырех основных направлениях: 1) технология радия; 2) химия радиоэлементов и прикладная радиохимия; 3) геохимия радиоэлементов и благородных газов; 4) аналитическая химия.

Наряду с В.И. Вернадским, А.Е. Ферманом (1883—1945) и другими специалистами В.Г. Хлопин, избранный академиком в 1939 г., активно участвовал в создании советской радиевой промышленности и в изучении радия. В частности, ученый разработал методику механического обогащения руды для повышения качества сырых сульфатов бария—радия. Кроме того, В.Г. Хлопиным были созданы методы дробной кристаллизации солей бария — радия (1921). В 1924 г. им была предложена общая теория процесса

дробной кристаллизации, значительно облегчавшая расчет технологического процесса.

Работы В.Г. Хлопина затрагивали широкий круг проблем: изучение распределения и миграции радионуклидов в земной коре, изучение природных вод, содержащих радий, изучение распределения благородных газов (гелия и аргона) в природных минералах и газах, поиск источников стратегического сырья, изотопная геохронология (в том числе разработка калий-аргонового метода определения абсолютно-го возраста геологических формаций). Ученый внес значительный вклад в создание отечественной гелиевой промышленности.

Важные исследования в области химии гетероциклических азотсодержащих соединений, в первую очередь пиридина, были в начале XX в. выполнены Алексеем Евгеньевичем Чичибабиным (1871—1945). В 1906 г. он открыл получившую его имя реакцию циклоконденсации альдегидов с аммиаком, ведущую к образованию гомологов пиридина. Позднее (1914) ученый разработал метод синтеза аминопиридина действием амида натрия на пиридин. Кроме того, в своих исследованиях А.Е. Чичибабин очень близко подошел к проблеме свободных радикалов. В 1907 г. он синтезировал «бирадикальный» углеводород, позднее названный «углеводородом Чичибабина».

А.Е. Чичибабин, как и В.Н. Ипатьев, внутренне не приняли новую власть. Поначалу они не собирались уезжать из Советской России, надеясь и дальше служить своей родине, хотя невежество чиновников сильно мешало их работе. 7 января 1922 г. А.Е. Чичибабин писал В.Н. Ипатьеву, в то время начальнику Главхима ВСНХ СССР, по поводу бед-

ственного состояния лаборатории алкалоидов: «Можно с полным правом утверждать, что издержки по работам в лаборатории были ничтожны сравнительно с ценностью алкалоидов, подаренных России моими трудами и трудами моих учеников. Можно также с уверенностью сказать, что ни в одной культурной стране не только не могло бы быть речи о прекращении работы лаборатории, но что эта работа была бы гордостью страны, ...она была бы бережно охраняема, и были бы приняты все возможные меры, чтобы обеспечить спокойное продолжение и всестороннее развитие ее. Но в России никогда не дорожили тем немногим хорошим, что у нее было...»⁹⁴

В 1930 г. академик (с 1929 г.) А. Е. Чичибабин (отчасти по семейным обстоятельствам) получил отпуск и уехал в Париж. Во Франции он возглавил исследовательскую лабораторию концерна «Etablissements Kuhlmann», был ведущим консультантом известной международной фармацевтической компании «Schering» и американской компании «Roosevelt & Co», с 1931 г. преподавал в Коллеж де Франс. Отвечая на настойчивые предложения вернуться в СССР, А. Е. Чичибабин писал Г. М. Кржижановскому (16.01.1936): «...какой смысл желать моего возвращения, если по возвращении я попаду в обстановку, в которой я не буду иметь возможности работать. А при моем теперешнем здоровье я смогу плодотворно работать лишь при полном душевном спокойствии. Здесь я такую обстановку имею: у меня остается время для моей научной работы по моей инициативе, и я вскоре пришлю в Ака-

А. Е. Ферсман

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 2. Д. 30. Л. 18

демию для напечатания ряд новых работ. Я хотел бы работать в полную меру остатка моих сил для СССР, работая здесь, ...т. к. там при сложившихся для меня обстоятельствах, я должен растрчивать свои силы на преодоление всяких “бесполезных сопротивлений”»⁹⁵. 29 декабря 1936 г. А. Е. Чичибабин, а также В. Н. Ипатьев, отказавшийся вернуться на родину из-за опасности репрессий, решением Общего собрания Академии наук СССР были лишены звания действительных членов Академии, а 5 января 1937 г. они были лишены советского гражданства. 22 марта 1990 г. Общее собрание Академии наук СССР восстановило членство В. Н. Ипатьева и А. Е. Чичибабина в составе Академии наук СССР.

⁹⁴ РГАЭ. Ф. 3106. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

⁹⁵ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 8. Л. 8.

Председателя Президиума Верховного Совета СССР
Клименту Ефремовичу Ворошилову.

Постановлением Президиума ЦК, а от 5/1-1937 г. мой отец Ипатьев Владимир Иванович был лишен гражданства Союза ССР, мне отложено было исполнить свое долге перед родиной и ему запрещено был въезд в пределы Союза Советских Социалистических Республик.

10/11-1930 г. Ипатьев В.И. вместе с Чичибабиним А.Е. были командированы на энергетический конгресс в Берлин; вместе с отцом поехала моя мать Варвара Дмитриевна Ипатьева. После окончания командировки Ипатьеву В.И. был разрешен отпуск до ноября 1931 г. ввиду тяжелого заболевания моей матери и операции глаза. По рекомендации врачей Ипатьев В.И. переезжает моя мать в США в г. Чикаго, где он прожил до ноября своего жизни продолжая вести научную работу.

Находясь на чужбине Ипатьев В.И. не прекращает связи с Институтом Химии Лавелли, находящегося в г. Ленинграде, директором которого он состоял, давая все время свои консультации и советы в работе и присылал на свои средства промышленную аппаратуру и химические реактивы.

Одновременно Ипатьев В.И. осуществляет свою давнюю мечту — это написание книги "Каталитическое решение при высоких давлениях и температурах", которая содержит все работы автора и его учеников, сделанные в продолжении 23 лет / с 1900 по 1933 г. / преимущественно в СССР.

Эта книга была издана в г. Чикаго на английском языке и в нашем Союзе по распоряжению Академии Наук СССР в апреле 1936 г. на русском языке.

В октябре 1936 г. от имени Академии Наук СССР Ипатьеву В.И. было предложено немедленно возвратиться на родину и

Ходатайство дочери академика
В. Н. Ипатьева, А. В. Ипатьевой,
перед Президиумом
Верховного Совета СССР
о посмертном восстановлении
ее отца в правах гражданства СССР.
10 октября 1957 г.

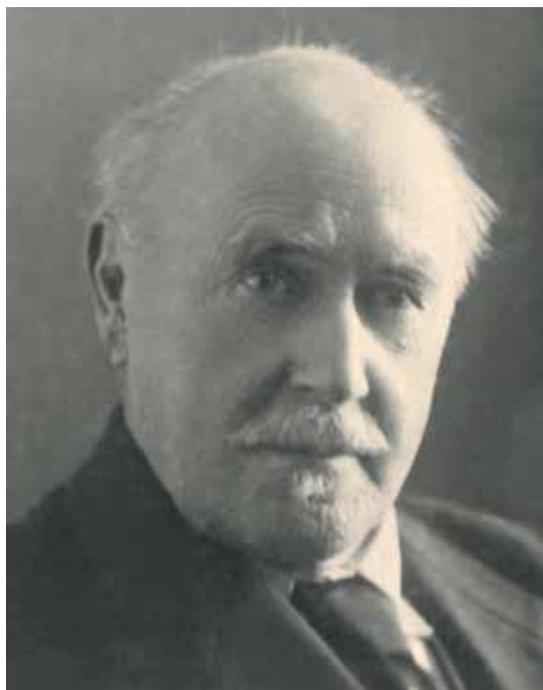
СПбФ АРАН. Ф. 941. Оп. 1. Д. 42. Л. 2, 6.

После Октябрьской революции 1917 г. отечественная химическая наука сохраняла видное место в мировой химии, которое она заняла в конце XIX — начале XX вв. По оценке Д. Н. Трифонова, «те российские химики, которые "делали погоду" в начале XX столетия, — В. Н. Ипатьев, Н. Д. Зелинский, Л. А. Чугаев, Н. С. Курнаков, И. А. Каблуков, В. А. Кистяковский, А. Е. Чичибабин, А. Е. Фаворский, Д. П. Коновалов, Н. Я. Демьянов и другие, — продолжали свою деятельность, и с их именами связаны многие важные научные

достижения. К ним присоединились другие талантливые исследователи: В. Г. Хлопин, И. Я. Башилов, А. Н. Фрумкин, И. И. Черняев, а несколько позже — А. А. Баландин, А. Н. Несмеянов, П. А. Ребиндер. В этом "созвездии" особое место занимает Н. Н. Семёнов — единственный из отечественных химиков, удостоенный (в 1956 г.) Нобелевской премии (вместе с С. Хиншелвудом) "за исследования в области механизма цепных реакций"⁹⁶.

Химические исследования, проводившиеся в 1920-х — начале 1930-х гг.

⁹⁶ Трифонов Д. Н. Развитие исследований по химии в 1918—1941 гг. // [http://www.chem.msu.ru/rus/journals/xr/istor20\(III\).html](http://www.chem.msu.ru/rus/journals/xr/istor20(III).html)

Н. Я. Демьянов

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Д. Д. 55. Л. 1

П. А. Ребиндер

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Р. Д. 180. Л. 1

в академических институтах, охватывали самую широкую тематику. Так, И. В. Гребенщиков (1887—1953) стал основателем школы химии и физики силикатных систем. И. И. Черняев (1893—1966), открывший в 1926 г. закономерность транс-влияния («правило Черняева»), создал школу химиков-неоргаников в области изучения координационных соединений. В области химии металлоорганических соединений мировую известность получила школа А. Н. Несмеянова (1899—1980). А. Н. Фрумкин (1895—1976), основоположником химической кинетики, была создана мощная научная школа в области электрохимии. В рамках созданной Н. С. Курнаковым школы металлургов и металлургов были решены многие актуальные проблемы, связанные с производством необходимых для оборонной промышленности легких авиа-

А. А. Баландин

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Б. Д. 414. Л. 2

*Академик Н.Н. Семёнов и композитор Д. Д. Шостакович
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 2. Д. 114. Л. 1.*

*И. В. Гребенцов
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 219. Л. 1*

*И. И. Черняев
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ч. Д. 56. Л. 1*

А. Н. Несмеянов

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Н. Д. 142. Л. 1

А. Н. Фрумкин

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Ф. Д. 180. Л. 1

ционных, сверхпрочных, жаростойких и других специальных сплавов.

В 1933 г. Н. Д. Зелинским, Б. А. Казанским и А. Ф. Платэ были детально изучены реакции С5- и С6-дегидроциклизации алканов в соответствующие циклопентановые и ароматические углеводороды. Эти реакции наряду с дегидрогенизационным катализом Н. Д. Зелинского стали важнейшим звеном в процессах риформинга, в промышленном синтезе бензола и других индивидуальных ароматических углеводородов.

Работы школы А. Е. Фаворского в области изомерных превращений ацетиленовых углеводородов, начавшиеся еще с 1880-х гг. и продолжавшиеся более полувека, позволили установить взаимные переходы между ацетиленовыми, алленовыми и диеновыми соединениями, определить условия их

Б. А. Казанский

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-К. Д. 691. Л. 1

Академик В.А. Фок с учеными-физиками: профессором С. П. Капицей, академиком П. Л. Капицей, членом-корреспондентом Л. А. Вайнштейном, Д. Б. Диатроповым и др. 1960-е гг.

СПбФ АРАН. Ф. 1034. Оп. 2. Д. 56. Л. 1

Я. К. Сыркин

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-С. Д. 195. Л. 1

устойчивости, изучить механизм изомеризации и полимеризации диенов, найти структурные закономерности, относящиеся к внутримолекулярным перегруппировкам.

Следует также упомянуть о работах академика В. А. Кистяковского, его учеников и сотрудников, посвященных изучению коррозии металлов. Эти исследования имели не только чисто научное, но и практическое значение, поскольку промышленность СССР столкнулась с резким ростом аварийности на производстве, одной из причин которой была коррозия металлов. Поэтому руководство страны поставило задачу изучить природу коррозии и разработать эффективные методы борьбы с ней.

В конце 1920-х гг. во многих странах, прежде всего в Германии, Велико-

британии и США, стали проводиться исследования в области новой химической дисциплины, получившей название квантовая химия. В СССР в довоенные годы квантово-химические исследования не приняли широкого размаха. Однако именно в нашей стране была создана теория, которая стала фундаментом дальнейшего развития квантовой химии. Речь идет о теории самосогласованного поля или методе Хартри — Фока. В основу этой теории легла работа будущего академика В. А. Фока (1898—1974), впервые доложенная им 17 декабря 1929 г. на заседании Русского физико-химического общества и опубликованная в немецком журнале (1930) и повторно в отечественном издании (1931).

Кроме того, интерес к квантовой теории молекул и твердых тел проявили и другие советские ученые, в частности, академик (1964) Я. К. Сыркин (1894—1974), возглавивший в 1933 г. теоретическую группу лаборатории строения вещества в Физико-химичес-

ком институте в Москве, Ю. Б. Румер и Г. Гельман, эмигрировавший из фашистской Германии в Советский Союз (1933) и написавший первый в мире учебник по квантовой химии (1937).

Точную характеристику развития отечественной химии в 1920—1930-х гг. дал Д. Н. Трифонов: «Примечательной особенностью этого времени стала широкая разработка проблем, относящихся к прикладной химии, химической технологии и химической отрасли промышленности. Годы лихолетья привели к острой нехватке многих практически необходимых материалов и соединений. Поэтому требовалось осваивать новые эффективные методы переработки полезных ископаемых; совершенствовать технологические процессы получения металлов, сплавов, топлива; налаживать производство тех продуктов, которые раньше импортировались. Это, конечно, сказывалось на темпах развития фундаментальных химических исследований, но таковы уж были обстоятельства»⁹⁷.

⁹⁷ Трифонов Д. Н. Развитие исследований по химии в 1918—1941 гг. // [http://www.chem.msu.ru/rus/journals/xr/istor20\(III\).html](http://www.chem.msu.ru/rus/journals/xr/istor20(III).html)

ГЕРМАН ИВАНОВИЧ ГЕСС (1802—1850)

В XVIII столетии химию в России можно было изучать только по иностранным учебникам. Однако к началу XIX в., когда число университетов стало расти, появилась потребность в русскоязычном учебнике химии, причем учебнике современном. А поскольку химия развивалась весьма быстро, то писать учебник становилось все труднее. Недаром Й.Я. Берцелиус как-то в сердцах заметил: «Пусть дьявол пишет учебники по химии, ибо все меняется через короткий срок». Наиболее успешным руководством, сочетавшим современность содержания с относительной компактностью и доступностью формы изложения, стал вышедший в 1831 г. учебник Г. И. Гесса

Г. И. Гесс. Литография
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 14. Л. 1

«Основания чистой химии», который служил основным учебным пособием для высших учебных заведений России до середины 1860-х гг. и по которому учились (или пользовались в преподавании) Д. И. Менделеев, А. М. Бутлеров, Н. Н. Зинин и А. А. Воскресенский. Учебник Г. И. Гесса с 1831 по 1849 г. выдержал семь изданий.

Г. И. Гесс родился 26 июля 1802 г. в Женеве. По-французски его имя звучало как Жермен Анри, а по-немецки — Герман Генрих. В России он поначалу именовался Германом Генриховичем, а затем Германом Ивановичем. Его отец, Жан Франсуа Гесс, уроженец Швейцарии, был художником и скульптором. В 1805 г. он переехал в Россию, где получил место гувернера в богатом русском семействе, проживавшем под Москвой. Видимо он был неплохим живописцем, поскольку получил некоторую известность при императорском дворе. Вскоре к нему приехала жена Луиза (урожд. Мулинье) вместе с трехлетним Германом.

В детстве Г. И. Гесс получил неплохое образование: мальчик в совершенстве овладел несколькими языками и приобрел некоторые знания в области естественных и гуманитарных наук. После смерти отца Г. И. Гесс в 1817 г. по совету матери (а возможно вместе с ней) переехал в Дерпт (ныне г. Тарту, Эстония), где два года учился в частной школе, а затем поступил в гимназию, которую успешно окончил в 1822 г. Осенью того же года он был зачислен студентом медицинского факультета Дерптского университета, пользовавшегося репутацией

первоклассного высшего учебного заведения. На медицинском факультете среди других естественных наук студенты изучали теоретическую и опытную химию. С 1814 по 1821 г. ее преподавал Ф. Гизе. Но «крестным отцом» Г. И. Гесса в этой науке стал профессор Г. В. Озанн, преподававший в Дерпте (1823—1828). Высокоэрудированный ученый, Г. В. Озанн был, судя по всему, неплохим педагогом. Так, он опубликовал первый том своего «Руководства по теоретической химии» (1827), в котором использовал атомистические химические уравнения, необходимые, по его словам, для «пояснения химического процесса формулами», а также для решения стехиометрических задач.

Хотя Г. И. Гесс был студентом-медиком, он больше интересовался не чистой медициной, а вспомогательными предметами, особенно физикой, минералогией, геогнозией (так называлась наука о составе и внутреннем строении земной коры) и аналитической химией. По окончании университета Г. И. Гесс получил золотую медаль за латинскую диссертацию на степень доктора медицины «Нечто о целебных источниках, особенно находящихся в России» (1825). Благодаря блестящей защите диссертации «человеколюбивейший и ученейший муж, женевец» (так сказано о нем в его докторском дипломе) Г. И. Гесс получил возможность пройти стажировку в Стокгольмском университете в лаборатории Й. Я. Берцелиуса, там он пробыл около двух месяцев, и мэтр был им чрезвычайно доволен.

Вернувшись в январе 1826 г. в Дерпт, Г. И. Гесс вскоре получил назначение на службу врачом, и не куда-нибудь, а в далекую Сибирь, в Иркутск. Он прибыл в туда в августе 1826 г., попутно приняв участие в уральской

*А. А. Воскресенский. Фототипия
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-В. Д. 111. Л. 1*

*Й. Я. Берцелиус. Фототипия
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 276. Л. 1*

экспедиции М. Ф. фон Энгельгардта (1779—1842), дерптского профессора минералогии и геологии.

Впечатления ученого от Сибири были ошеломляющими. Из далекого Туркинска на Байкале Г.И. Гесс писал 1 марта 1827 г. Й. Я. Берцелиусу: «Я работаю в Сибири на горячих источниках Байкала... В России мне дали такие представления о Сибири, что не удивительно, если в других странах считают невозможным для человека приспособить свою жизнь к суровым условиям природы. Для меня к этому присоединилась еще та мысль, что эта пустынная страна населена только преступниками. Насколько же отлично от составленного представления то, что находишь на деле. Путешествие, может быть из-за прекрасной организации почтового дела, нигде не обставлено так хорошо, как здесь. Расстояние в 100 километров легко преодолевается за 24 часа, что делает большие пространства не такими уж страшными... Длинные обозы, которые постоянно встречаешь по дороге, являются живым свидетельством торговли и говорят путешественнику о том, что он находится не в таких уж пустынных местах, как он, может быть, думал... Напрасно я искал в Иркутске следы азиатского города, нет никаких признаков того, что находишься в другой части света»⁹⁸.

В Иркутске Г.И. Гесс столкнулся с заразной глазной болезнью, принявшей форму эпидемии. Он тщательно проанализировал добывавшуюся в Иркутской губернии поваренную соль и выяснил, что низкое качество соли вызвано присутствием посторонних

солей кальция, магния и алюминия. Такие примеси резко повышали гигроскопичность соли и оказывали вредное влияние на здоровье населения. Ученый предложил способ химической очистки соли и способ контроля режима ее кристаллизации из рассола.

Неизвестно, как сложилась бы его дальнейшая жизнь, но совершенно неожиданно для Г. И. Гесса Конференция Императорской академии наук на заседании 29 октября 1828 г. избрала его адъюнктом по химии. Это открывало новые перспективы. Ученый выехал из Иркутска 5 марта 1829 г. и в начале апреля прибыл в Санкт-Петербург. 21 июня 1831 г. Министерство финансов назначило Г. И. Гесса инспектором классов при Технологическом институте. В сентябре он писал Й. Я. Берцелиусу: «Я недавно женился (на дочери статского советника Женни Богдановне Эне. — Авт.) и, оставив всяческие развлечения, принялся за работу... У Академии нет недостатка ни в средствах, ни в интересе к моему делу, и мне дают все, о чем я только прошу»⁹⁹. 11 августа 1830 г. Г. И. Гесс был избран экстраординарным, а 14 мая 1834 г. — ординарным академиком по прикладной химии. Кроме того, в конце 1820-х — начале 1830-х гг. он обучал основам химических знаний цесаревича Александра, будущего императора Александра II.

Много времени и сил Г. И. Гесс уделял химической лаборатории Академии наук. Первоначально он приспособил под лабораторию одну из комнат своей квартиры в академическом доме на 7-й линии Васильевского острова,

---

⁹⁸ Цит. по: Соловьёв Ю. И. История химии в России: научные центры и основные направления исследований. М., 1985. С. 14—16.

⁹⁹ Там же. С. 22.

а затем лаборатория переехала в дом рядом с главным зданием Академии наук.

Все свое время Г. И. Гесс посвящал исследованиям, написанию научных трудов и преподаванию. В 1830—1834 гг. он открыл четыре новых минерала, один из которых назвал в честь президента Академии наук С. С. Уварова (уваровит), другой, теллурид серебра, был впоследствии назван его именем (гессит). В 1835 г. Г. И. Гесс работал в Комиссии по снабжению Санкт-Петербурга невской водой; в 1830-х гг. исследовал бакинскую нефть, определил ее состав и нашел, что она содержит два ряда углеводов, которые по их отношению к концентрированной серной кислоте назвал «пассивными» и «активными» (предельные и непредельные углеводороды, по современной терминологии). Г. И. Гесс установил, что нефть состоит в основном из предельных углеводов, что позже было подтверждено работами русских и зарубежных химиков. В 1837 г. им была открыта сахарная кислота и обнаружена способность молочного сахара к брожению.

Важной, но не оцененной должным образом работой Г. И. Гесса стала его статья «О свойстве весьма мало раздробленной платины способствовать соединению кислорода с водородом и о плотности платины» (1831), посвященная изучению явления катализа. После работы К. С. Кирхгофа (1812) это была вторая экспериментальная работа по катализу, выполненная в России.

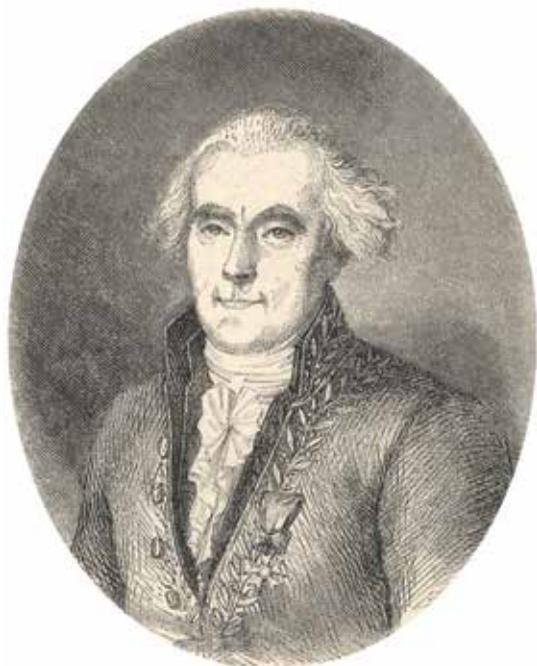
Из Санкт-Петербурга Г. И. Гесс почти не выезжал. Только летом 1838 г. он совершил небольшое путешествие по Германии, Швейцарии и Франции, познакомился со многими выдающимися европейскими учеными —

Р. В. Бунзен. Гелиогравиюра
СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Б. Д. 175. Л. 1

Р. Бунзеном, Ф. Вёлером, Ю. Либихом, Ж.-Б. Дюма и др.

Г. И. Гессу зачастую приходилось решать различные технические вопросы. К примеру, он опубликовал брошюру «Правила употребления спиртометров по системе Траллеса» (1843), Академией наук была издана его книга «Учет спиртов» (1847), эта работа выполнялась по поручению Министерства финансов. Г. И. Гесс разработал методы, таблицы и прибор для определения крепости вина и спирта. Монография «Учет спиртов» предназначалась для винокуров, откупщиков и чиновников казенных учреждений. В ней излагались правила пользования спиртомером и были даны таблицы, необходимые для определения крепости и разведения спиртов в разных пропорциях. Г. И. Гесс создал

П. С. де Лаплас. Литография с гравюры
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-А. Д. 77. Л. 3

Д. Ф. Ж. Араго. Литография
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-А. Д. 7. Л. 1

свой спиртометр, одобренный правительством и ставший важным инструментом для контроля производства «крепкий питей», которое, как подметил непрременный секретарь Академии наук П. Н. Фус, «составляет один из главнейших источников государственных доходов»¹⁰⁰.

При всей важности проведенных Г. И. Гессом исследований наиболее значимыми для развития химии стали его работы по термохимии. Собственно, именно Г. И. Гесс стал основателем этой химической дисциплины.

Тепловые явления, сопровождающие химические реакции, исследовали многие ученые: Дж. Блэк, А. Лавуазье, П. С. де Лаплас, В. Румфорд, Г. Дэви, Дж. Дальтон, М. В. Ломоносов, Г. Рих-

ман и др. Экспериментальных данных к началу 1830-х гг. было накоплено немало, но систематических исследований тепловых эффектов химических процессов не проводилось. Свои термохимические исследования Г. И. Гесс начал в 1830 г., а с 1838 г. он посвятил им большую часть своего времени. Заслуга ученого состояла главным образом в том, что он сформулировал два фундаментальных закона термохимии. В перспективе развития химии особенно важен первый из них¹⁰¹, согласно которому тепловой эффект химического превращения определяется лишь начальным и конечным состоянием системы и не зависит от ее промежуточных состояний. Этот закон ученый огласил в докладе на Конфе-

¹⁰⁰ Цит. по: Ильенков П. А. Курс химической технологии. СПб., 1851. С. 10. См. также: Бондаренко Л. Б. Из истории русской спиртометрии // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 184–204.

¹⁰¹ Гесс Г. И. Термохимические исследования / ред. и статья А. Ф. Капустинского. М., 1958. С. 7.

ренции Академии наук 27 марта 1840 г. Как впоследствии стало ясно, первый закон Г. И. Гесса — одна из форм закона сохранения энергии применительно к химическим процессам.

Термохимические работы Г. И. Гесса публиковались на немецком и французском языках, кроме того, он регулярно сообщал о своих результатах Й. Я. Берцелиусу и Д. Ф. Ж. Араго (на русский язык эти работы были переведены в 1950-х гг.).

Г. И. Гесс прожил недолгую жизнь, он скончался в возрасте 48 лет в ночь с 30 ноября на 1 декабря 1850 г. В некрологе П. Н. Фус писал: «Гесс имел характер прямой и благородный, душу, открытую для возвышеннейших человеческих наклонностей... Будучи слишком восприимчив и скор в своих суждениях, Гесс легко предавался всему, что казалось ему добрым и благородным, с увлечением столь же пылким, как ненависть, с которой он преследовал порок и которая была чистосердечна и непреклонна, но эти благородные порывы иногда были умеряемы припадками нрава неровного и надменного. Гесс имел от природы колкий ум и пылкий темперамент...»¹⁰²

По словам академика П. И. Вальдена, «Гесс должен быть признан одним из крупнейших русских химиков; измеряя его научные заслуги международным масштабом, необходимо считать его великим химиком, имя которого занимает почетное место в истории химии». Вместе с тем П. И. Вальден вынужден был констатировать (возможно, не без преувеличения): «Гесс

П. И. Вальден

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-В. Д. 121. Л. 2

и его законы представляют поучительный пример умственной инертности исследователей; в то время, когда они были опубликованы, химики и физики не были в состоянии оценить все значение этих трудов; впоследствии, когда термохимические исследования вошли в моду.., интересы дня были отведены в совершенно другое русло, и в конце концов оказалось, что через несколько десятилетий совсем забыли об этих законах»¹⁰³.

По-настоящему значение термохимических работ Г. И. Гесса было оценено только в конце XIX столетия во многом благодаря В. Ф. Оствальду, который писал, что эти исследования Г. И. Гесса «отмечены печатью гения, мы видим общий план целого развития совре-

¹⁰² Фус П.Н. Г.И. Гесс: Некролог // Журнал Министерства народного просвещения. 1851. Ч. 70. № 4—6. Отд. III. С. 4.

¹⁰³ Вальден П.И. Очерк истории химии в России // А. Ладенбург. Лекции по истории развития химии от Лавуазье до нашего времени. Одесса, 1917. С. 469.

В. Ф. Оствальд

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-О. Д. 25. Л. 1

Н. Н. Бекетов

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 23. Л. 1

менной термохимии; последующие исследования должны осуществить программу, намеченную здесь»¹⁰⁴.

В России систематические термохимические исследования (после отдельных работ П. П. Сокальского, Д. Н. Абашева, Н. Н. Бекетова и некоторых других химиков), начали возрождаться в 1891 г. благодаря В. Ф. Лугину, который по возвращении из-за границы организовал при Московском

университете (1891) термохимическую лабораторию.

В 1948 г. было опубликовано двухтомное издание «Люди русской науки». Но среди химиков, которым посвящались статьи данного издания, не было Г. И. Гесса. Лишь в середине 1950-х гг. его термохимические работы были переведены на русский язык и вышли в свет в академической серии «Классики науки».

---

¹⁰⁴ Ostwald W. Lehrbuch der allgemeinen Chemie. Leipzig, 1893. Bd. 2. S. 54.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ЗИНИН (1812—1880)

Н. Н. Зинин родился в 1812 г. в Нагорном Карабахе¹⁰⁵, в Шуше, в семье обер-офицера Николая Ивановича Зинина, отправленного в Закавказье с дипломатическим поручением к местному властителю. Зинин-старший прибыл в Шушу с двумя дочерьми от первого брака и со второй женой, о которой ничего неизвестно. В юном возрасте мальчик остался сиротой — его родители, а за ними и его сводные сестры умерли, вероятно, от чумы. Другой родни было немного — дядя в Саратове да старшая замужняя сестра в Пензе. В итоге мальчик попал к дяде, который окружил его искренней заботой. В восемь лет Н. Н. Зинин был отдан в Саратовскую гимназию, где проявил большие способности к математике и языкам, особенно древним. Кроме того, юноша отличался незаурядной физической силой и любил заниматься гимнастикой. Его бывшие соученики вспоминали, что он ухитрялся перепрыгнуть забор высотой в добрых три аршина. Они свидетельствовали также, что юноша во всех науках был первым. В отличие от многих гимназистов, Н. Н. Зинин любил латынь и прекрасно владел ею. С одноклассниками отношения у него были хорошие, потому что он никогда, ни в гимназические годы, ни позднее, не кичился своими знаниями, но охотно помогал другим.

По мере того, как приближалось время окончания гимназии, нужно было думать о дальнейшем обучении.

Н. Н. Зинин

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-3. Д. 7. Л. 1

Выбор был невелик. Среди учащихся и их родителей весьма почитался Санкт-Петербургский институт Корпуса инженеров путей сообщения. Н. Н. Зинин решил было поступать в этот институт, но тут его дядюшка внезапно скончался. Пришлось выбрать Казанский университет, наиболее близкий к Саратову. В 1830 г. юноша был принят на физико-математическое отделение философского факультета, получил темно-синий мундир, треуголку, шпагу и место в пансионе для казеннокоштных студентов¹⁰⁶. Вскоре

¹⁰⁵ Карабахское ханство с 1805 г. находилось де-факто под контролем России.

¹⁰⁶ Такие студенты жили в университете и получали все содержание от казны, за что обязаны были по окончании вуза прослужить по назначению начальства два года за каждый год обучения.

на Н. Н. Зинина, который увлекся изучением математики, обратил внимание ректор университета Н. И. Лобачевский (1792—1856), а также профессор астрономии И. М. Симонов (1794—1855). Прямитель студента и тогдашний попечитель Казанского учебного округа Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1795—1862), пригласив молодого человека давать уроки своим детям.

Химию в университете читал бывший семинарист И. И. Дунаев (1788—1843). Хотя химическими экспериментами И. И. Дунаев никогда не занимался (и практикума по химии в университете до 1832 г. не было), но курс его отвечал уровню знаний того времени. Одновременно он преподавал латынь, заведовал университетской типографией и выполнял мно-

го других обязанностей. Что касается Н. Н. Зинина, то он упорно занимался математикой, и его исследование, написанное при переходе на третий курс, удостоенное золотой медали, было чисто математическим (тему подсказал Н. И. Лобачевский).

Н. Н. Зинин окончил университетский курс (тогда трехгодичный) 24 июня 1833 г. со степенью кандидата математики и со второй золотой медалью за сочинение «О пертурбациях эллиптического движения планет». Руководство и профессора университета решили оставить его для подготовки к профессорскому званию, и 9 сентября 1833 г. он был определен на должность репетитора при кафедре физики. В марте следующего года Н. Н. Зинин начал читать лекции по аналитической механике, гидростатике и гидравлике, затем курсы астрономии и физики, а с 1835 г. — химии.

Вместе с тем Н. Н. Зинину нужно было думать о будущем, а именно о приобретении первой ученой степени — магистерской. В апреле — мае 1835 г. он успешно сдал магистерские экзамены, что было отнюдь не просто: только на устном испытании по чистой математике ему было предложено 18 вопросов. Но он все преодолел с полным успехом. Между тем, университету был необходим сильный профессор химии (И. И. Дунаев к числу таковых не принадлежал, хотя много сделал для создания химической лаборатории, здание которой было заложено 19 сентября 1834 г.). Поэтому университетское начальство предложило Н. Н. Зинину готовиться к экзаменам по химии, которые он успешно выдержал.

Магистерскую диссертацию Н. Н. Зинин написал и защитил в октябре 1836 г. на химическую тему, правда,

Н. И. Лобачевский

СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1 т. 1. Д. 642. Л. 8

не экспериментальную. Тема «О явлениях химического сродства и о превосходстве теории Берцелиуса о постоянных химических пропорциях перед химическою статикою Бертолле» была выбрана советом факультета. Полный текст работы не сохранился, но выводы Н. Н. Зинина, знакомого с химией исключительно по книгам, вкратце могут быть сформулированы так: обе указанные в заглавии теории неудовлетворительны. Защита (диспут) прошла успешно, и молодому ученому присудили степень магистра физико-математических наук (степени по химии тогда не существовали).

Незадолго до защиты, 12 августа 1835 г., Н. Н. Зинину было поручено преподавать чистую химию «в помощь Дунаеву». Ученому пришлось изменить свои научные предпочтения и всерьез заняться химическими исследованиями. С этой целью в сентябре 1837 г. адъюнкт Н. Н. Зинин¹⁰⁷ на казенном возке отправился за границу, чтобы в течении двух лет завершить свое образование, или, как было сказано в официальных документах, «для усовершенствования в химии».

Прежде всего Н. Н. Зинин направился в Берлин, где в 1837/38 учебном году слушал лекции по математике и теоретической химии. Что касается химических курсов, которые читали Э. Митчерлих и Г. Розе, то они не вызвали восторга у Н. Н. Зинина. «Химия, — писал он в отчете, — в здешнем университете преподается только в самых первых началах, она читается большею частью для фармацевтов, лаборатории

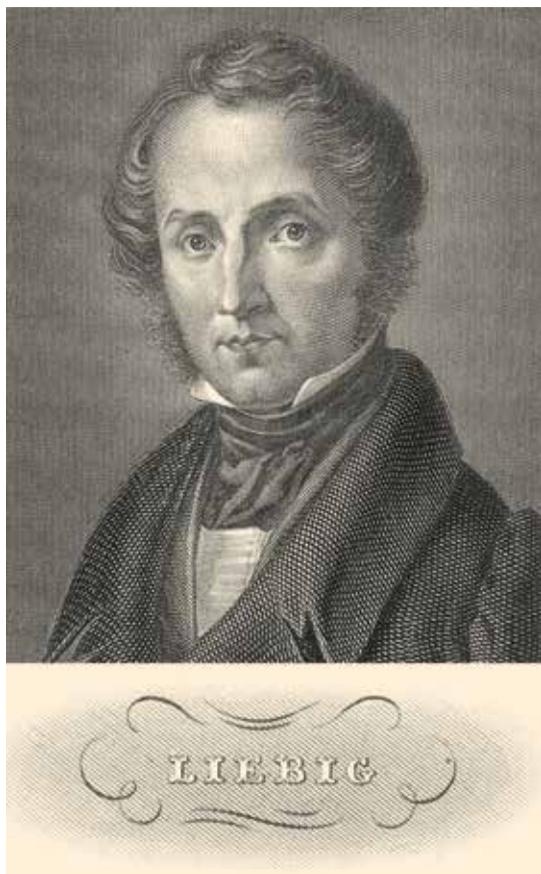
Э. Митчерлих. Гелиограюра
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-М. Д. 89. Л. 1

здесь только частные, каждый профессор имеет свою. Опыты делаются те, которые попроще, подешевле стоят, не требуют особенных снарядов...»¹⁰⁸ Как правило, молодые ученые из России приезжали в Европу после окончания университетов или институтов и имели вполне приличную научную подготовку. Единственное, чего не хватало российской молодежи, в том числе и Н. Н. Зинину, — это навыков экспериментальной работы, поскольку в отечественных вузах лабораторная база была в большинстве случаев крайне слаба.

Весной 1838 г. Н. Н. Зинин отправился в поездку по Германии и Ав-

¹⁰⁷ Звание адъюнкта было ему присвоено 12 декабря 1836 г., а 4 января 1837 г. он был утвержден адъюнктом по кафедре химии.

¹⁰⁸ Цит. по: *Фигуровский Н.А., Соловьёв Ю.И.* Николай Николаевич Зинин: Биографический очерк. М., 1957. С. 35.

И. Юстус, барон фон Либих.
Гравюра с рисунка К. Барта
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-А. Д. 119. Л. 1

Ж. Л. Гей-Люссак. Гравюра
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 118. Л. 1

стрии, где осматривал рудники, фабрики, заводы, лаборатории и вообще все «мануфактурные заведения». Он также планировал посетить Швейцарию, Францию и Англию. Но в итоге надолго, более года, задержался в Гисене у И. Ю. Либиха. Причину изменения планов он изложил так: «Самостоятельных работ нигде в Германии с таким успехом и в таком числе не производят, как здесь, да и нигде нельзя с равным удобством производить их»¹⁰⁹.

В сентябре 1839 г. Н. Н. Зинин прервал работу у И. Ю. Либиха, чтобы ос-

мотреть близлежащие рудники, а затем отправился в Париж, где слушал лекции Ж. Л. Гей-Люссака и Ж. Б. А. Дюма по органической химии. В Париже он работал в химической лаборатории Т. Ж. Пелуза. В конце 1839 г. в «Annalen der Chemie und Pharmacies», журнале, издаваемом И. Ю. фон Либихом, была напечатана первая работа Н. Н. Зинина по химии «Нечто о бензоиловой кислоте и солях ее».

Еще в 1832 г. была опубликована работа И. Ю. Либиха и Ф. Вёлера «О радикале бензойной кислоты». Авторы показали, что при разнообразных пре-

¹⁰⁹ Цит. по: *Фигуровский Н.А., Соловьёв Ю.И. Николай Николаевич Зинин: Биографический очерк.* М., 1957. С. 35–36.

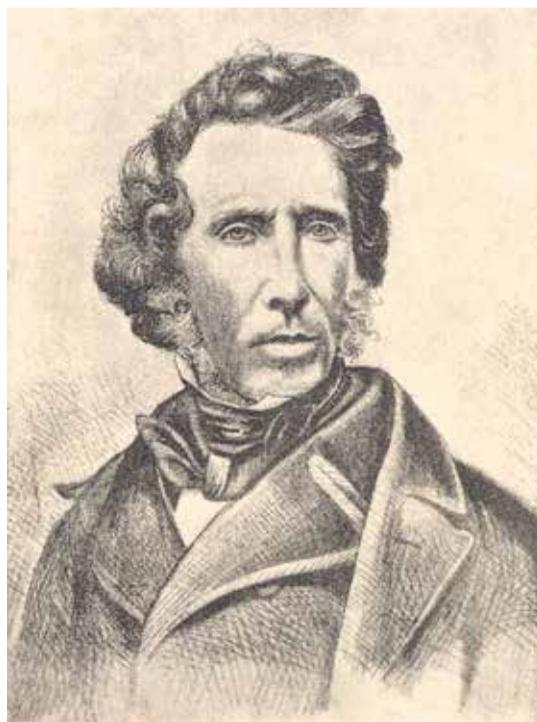
вращениях горькоминдального масла и получаемых из него соединений, содержащих хлор и бром, радикал (группа атомов) состава C_7H_5O остается неизменным. Они назвали его бензоилом. Основная мысль теории сложных радикалов о существовании сложных устойчивых группировок атомов получила широкое признание в конце 1830-х гг. Эта интересная область исследования захватила и Н. Н. Зинина, который серьезно занялся изучением производных бензоила. Результаты этой работы послужили ему материалом для докторской диссертации.

В июне 1840 г. Н. Н. Зинин отправился в Лондон, где пробыл около трех недель, а оттуда через Бельгию, Голландию и Германию возвратился в сентябре в Россию. Как пронзительно заметил биограф Н. Н. Зинина, «кончились в его жизни передвижения от перекрестка к перекрестку, на каждом из которых дальнейшее направление зависело и от удачи, и от прихоти начальства, и от советов друзей. Ехал в Россию не просто образованный человек, а профессиональный химик»¹¹⁰.

Вернувшись на родину, Н. Н. Зинин, прежде чем отправиться в Казань заехал в Санкт-Петербург, где решил держать экзамен на степень доктора естественных наук в Петербургском университете. Защита, состоявшаяся 30 января 1841 г., прошла блестяще, после чего диссертант решил занять вакантную на тот момент кафедру химии в Харьковском университете, о чем и отправил прошение в Министерство народного просвещения. Однако его желанию не суждено было исполниться. Узнав о намерении Н. Н. Зинина, М. Н. Мусин-Пушкин отправил

Ж. Б. А. Дюма.
С гравюры Флюгеля по фотографии
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Д. Д. 48. Л. 1

Ф. Вёлер. Фототипия с рисунка
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-В. Д. 109. Л. 2

¹¹⁰ Полищук В. Р. Чувство вещества. М., 1981. С. 58.

А. В. фон Гофман. Гелиография. 1846 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 106. Л. 1

министру С. С. Уварову гневное послание: Казанский университет финансировал заграничную командировку Н. Н. Зинина, кроме того, учился он в университете за казенный счет, а по-сему «по возвращении в Отечество ему оставалось только трудиться на том поприще, которое начальство откроет и укажет для его дальнейшей деятельности»¹¹¹. В итоге Н. Н. Зинин не был допущен к участию в конкурсе в Харькове и ему пришлось ехать в Казань, где 5 июня 1841 г. новоиспеченный доктор наук был утвержден экстраординарным профессором по кафедре технологии, так как кафедра «чистой химии» была занята К. К. Клаусом.

Но Н. Н. Зинин уже не был тем покладистым юношей, готовым подчи-

няться чужой воле, каким его знали до отъезда за границу. Прикладная химия его не привлекала. И когда ему пришлось возглавить в Казанском университете кафедру технологии, он занялся научными исследованиями в области органической, а не технической химии. Продолжать исследования, начатые в Гисене, Н. Н. Зинин не мог, поскольку ввоз в Россию масла горького миндаля по причине его ядовитости был запрещен таможенными правилами. Пришлось менять тему. Он обратился к изучению нитропроизводных бензола и нафталина. Эти работы привели его к открытию новых соединений — нафталидама и бензидама, как их назвал Н. Н. Зинин. Сообщение об открытиях казанского профессора вскоре дошло до Санкт-Петербурга. 21 июля 1842 г. оно было зачитано на заседании Академии наук. И тут выступил академик Ю. Ф. Фрицше (1808—1871), заявив, что бензидам Н. Н. Зинина тождествен полученному им (Фрицше) еще весной 1840 г. анилину. Окончательное экспериментальное тождество полученных разными исследователями «анилинов» было доказано А. В. Гофманом.

Именно открытие Н. Н. Зининым реакции восстановления ароматических нитросоединений позволило организовать производство анилиновых красителей. А в 1845 г. ученый открыл новую важную реакцию — так называемую «бензидиновую перегруппировку».

По примеру И. Ю. Либиха Н. Н. Зинин работал со студентами, знакомил их с ходом своих научных занятий, обучал искусству эксперимента. Из воспо-

¹¹¹ Фигуровский Н. А., Соловьёв Ю. И. Николай Николаевич Зинин: Биографический очерк. М., 1957. С. 181—183.

минаний А. М. Бутлерова: «В лаборатории Николай Николаевич держал себя с руководимыми им практикантами совсем по-товарищески. К тем из них, к которым был особенно расположен, он зачастую обращался с патриархальной бесцеремонностью, на “ты”; но это обращение никто никогда не считал унижительным, в нем слышалось не начальническое пренебрежение, а родственная теплота. И теплота искренних отношений, действительно, несомненно, связывала профессора с учениками. Иногда и доставалось молодежи от Николая Николаевича, когда она того заслуживала, доставалось подчас не на одних словах — полусутоливая брань сопровождалась колотушкой»¹¹².

1847 г. стал для Н. Н. Зинина тяжелым и переломным. Внезапно умерла жена, его самочувствие ухудшилось, да и работа не приносила удовлетворения: «...занятия по кафедре технологии отвлекают меня особенно от практических занятий химией, которые более сродны с моими познаниями и способностями», — писал он ректору университета¹¹³. Узнав о вакансии, открывшейся на кафедре химии Санкт-Петербургской медико-хирургической академии (МХА), Н. Н. Зинин немедленно начал хлопотать о переводе в столицу. Отпускать его из Казани не хотели ни местная профессура, ни университетское начальство, ни министр С. С. Уваров. Тем не менее ученый сумел преодолеть все препоны. 19 января 1848 г. попе-

читель МХА подписал доклад на имя военного министра об утверждении статского советника Н. Н. Зинина ординарным профессором химии и физики.

Активный и талантливый человек, попав на службу в столицу Н. Н. Зинин постепенно начал выполнять множество разнообразных обязанностей: его избрали членом Мануфактурного совета при Министерстве финансов (1848), действительным членом Общества русских врачей (1851), ученым секретарем МХА (1852), членом комиссии по постройке Исаакиевского собора (1853); ввели в состав Военно-медицинского ученого комитета (1855), в Комитет по пересмотру военно-медицинских каталогов (1856), комитет акклиматизации животных (1857), комитет по составлению новой военной фармакопеи (1858) и т. д. «Я превращен в истого подъячего, пишу и день и ночь какие-то дела все, а о чем и сам редко знаю», — жаловался он А. М. Бутлерову¹¹⁴. Академия наук избрала его адъюнктом (1855), год спустя он стал академиком МХА, затем экстраординарным (1858) и ординарным (1865) академиком по технологии и прикладной химии.

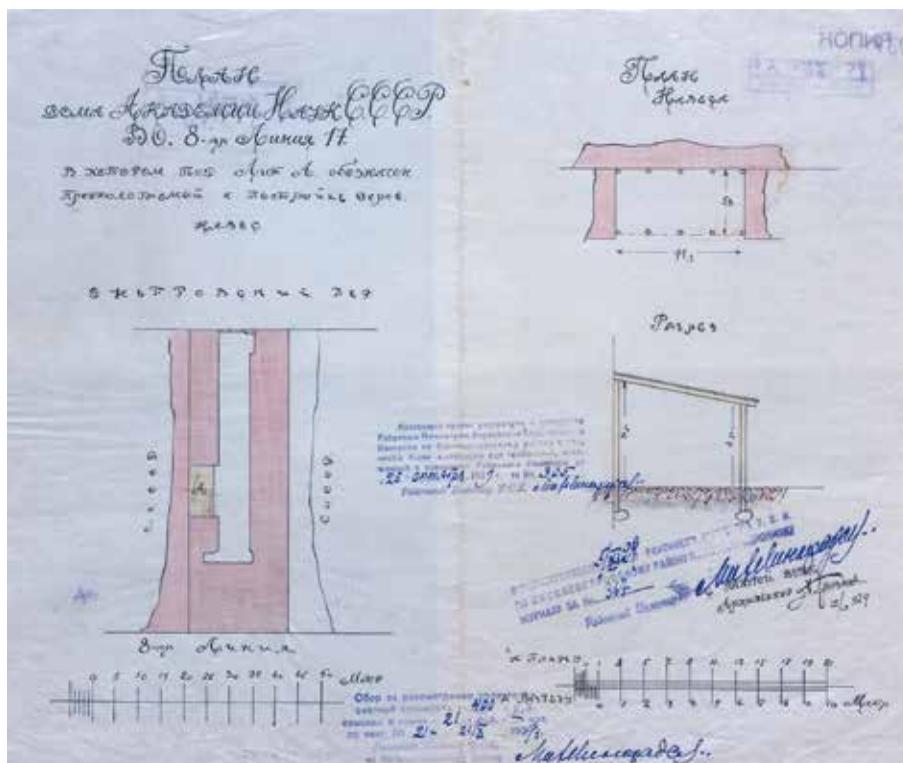
В 1868 г. вместе с Д. И. Менделеевым, Н. А. Меншуткиным и другими химиками Н. Н. Зинин выступил организатором Русского химического общества и в течение десяти лет являлся его президентом.

Как член Академии наук Н. Н. Зинин участвовал в различных экспертных комиссиях, выполнял правительственные задания. Так, с начала

¹¹² Бородин А. П., Бутлеров А. М. Николай Николаевич Зинин. Воспоминания о нем и биографический очерк // Журнал Русского физико-химического общества. Отд. хим. 1880. Т. 12. Вып. 5. С. 225.

¹¹³ Цит. по: Фигуровский Н. А., Соловьёв Ю. И. Николай Николаевич Зинин: Биографический очерк. М., 1957. С. 58.

¹¹⁴ Цит. по: Полищук В. Р. Чувство вещества. М., 1981. С. 108.

«План дома Академии Наук СССР. В. О. 8-я линия 17».
В этом здании с 1867 г. располагалась спроектированная Н. Н. Зининым
и Ю. Ф. Фрицше Химическая лаборатория Академии наук. 1929 г.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 22. Д. 58. Л. 26

Крымской войны (1853) по заданию военного ведомства совместно с артиллеристом В. Ф. Петрушевским он занимался разработкой способа применения нитроглицерина в ручных гранатах. Этими экспериментами заинтересовался А. Нобель, будущий изобретатель динамита. По заданию Академии наук Н. Н. Зинин участвовал в экспедициях, в частности на Урал, для осмотра заводов (1866), был командирован в Париж на Всемирную выставку (1867), где подробно ознакомился с производством анилиновых красок, основанном на открытой им реакции.

Вскоре после переезда в Санкт-Петербург Н. Н. Зинин женился вторично. Его супруга, Елизавета Александровна, происходила из семьи московских текстильных фабрикантов Медынцевых. В этом браке родились четверо детей. Но впоследствии супруги жили отдельно.

В последние годы жизни Н. Н. Зинин тяжело болел. С. П. Боткин (1832—1889) определил у него опухоль почки. 6 февраля 1880 г. в полдень, как записано в воспоминаниях А. П. Бородин, «под влиянием сильных болей слабые мускулы ожирелого сердца прекратили свою деятельность»¹¹⁵.

¹¹⁵ Бородин А. П., Бутлеров А. М. Николай Николаевич Зинин. Воспоминания о нем и биографический очерк // Журнал Русского физико-химического общества. Отд. хим. 1880. Т. 12. Вып. 5. С. 240.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ БУТЛЕРОВ (1828—1886)

А. М. Бутлеров родился в 1828 г. в городе Чистополе Казанской губернии. Его мать, Софья Михайловна, умерла спустя 11 дней после родов, и мальчика взяла на воспитание семья деда по материнской линии, но когда ребенок немного подрос, он часто бывал у отца, отставного подполковника Михаила Васильевича Бутлерова, безвыездно жившего в своей деревне Бутлеровка, человека образованного и любознательного.

Первоначальное образование мальчик получил в Казани в частном пансионе для благородных юношей. Видимо, обстановка в пансионе была для него настолько тяжела, что в 12 лет он решил писать мемуары. О времени, проведенном в пансионе, в них было сказано кратко, но выразительно: «Вдруг меня вздумали везти в пансион в Казань учиться. Вот это-то уже было для меня совершенно громовым ударом; ...там я сначала очень плакал, а потом привык, слезы мои перестали литься, и я стал более думать об учении»¹¹⁶. Его первым увлечением стало рисование, а позднее — химия. Как-то за пристрастие к химическим опытам и устроенный оглушительный взрыв на кухне он был наказан карцером и ношением на груди черной доски с надписью «Великий химик». В августе 1842 г. после пожара пансион закрыли, А. М. Бутлеров был переведен в Первую казанскую гимназию, которую он благополучно

А. М. Бутлеров

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 130. Л. 1

закончил в 1844 г. и поступил в Казанский университет.

По свидетельству его друзей, А. М. Бутлеров был человеком «добродушным, неизменно ровным, всегда довольным собою и всем светом»¹¹⁷. Как и его будущий учитель Н. Н. Зинин, он отличался физической силой. Заходя к своему приятелю, впоследствии известному зоологу и писателю Н. П. Вагнеру, он сгибал кочергу в букву Б и оставлял ее в таком виде вместо

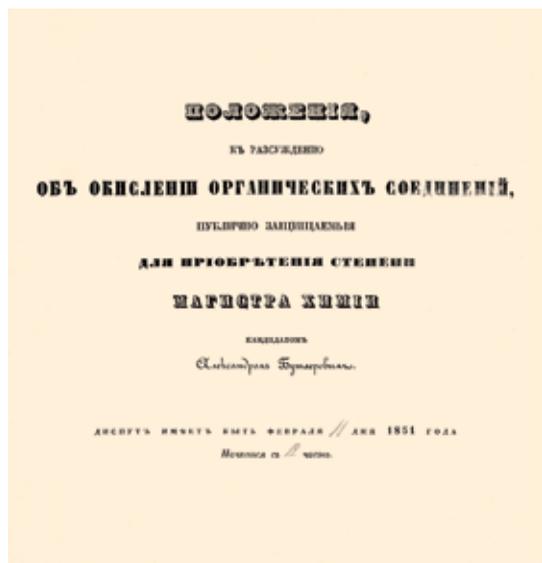
¹¹⁶ Цит. по: Быков Г. В. Александр Михайлович Бутлеров. Очерк жизни и деятельности. М., 1961. С. 6.

¹¹⁷ Назарьев В. Н. Жизнь и люди былого времени. I: А. М. Бутлеров // Исторический вестник. 1890. Т. 42. С. 428.

Н. П. Вагнер

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-В. Д. 296. Л. 1

«Положения, к рассуждению об окислении органических соединений, публично защищаемые для приобретения степени магистра химии кандидатом Александром Бутлеровым». Титульный лист. 1851 г.
СПбФ АРАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 1

визитной карточки. В целом он был, по словам Н. П. Вагнера, «тяжел, неуклюж и неловок» и потому никогда не танцевал.

Учителями А. М. Бутлерова в университете стали К. К. Клаус и Н. Н. Зинин. Возможно, уход Н. Н. Зинина из университета в 1847 г. был одной из причин, по которой А. М. Бутлеров представил в качестве кандидатской (выпускной) диссертации не работу по химии, а статью «Дневные бабочки Волго-Уральской фауны».

По окончании университета А. М. Бутлеров остался там преподавать. Его хвалили за знание дела и усердие, в том числе Н. И. Лобачевский, тогда помощник попечителя. В феврале 1851 г. А. М. Бутлеров успешно защитил магистерскую диссертацию «Об окислении органических соединений», получил звание адъюнкта химии. В том же году он женился на Надежде Михайловне Глумилиной, племяннице писателя С. Т. Аксакова. «Мои развлечения, — писал он “милому дяденьке” С. Т. Аксакову, — более сухие, но тем не менее приятные: химия и цветоводство. Диссертацию (речь идет уже о докторской диссертации “Об эфирных маслах”. — *Авт.*) я кончил и подал к прочтению, надеюсь, что ей будут довольны, и думаю в этом месяце приступить к экзаменам, а к лету уже быть доктором»¹¹⁸.

Однако с докторской диссертацией А. М. Бутлерова, которая, как и его магистерская работа носила не экспериментальный, а литературно-обобщающий характер, возникли трудности. Он получил два отзыва на нее, один

¹¹⁸ Цит. по: Быков Г. В. Александр Михайлович Бутлеров. Очерк жизни и деятельности. М., 1961. С. 23.

из которых был отрицательным, критика носила в целом обоснованный характер, что позднее признал и сам ученый. Факультет большинством голосов решил поставить перед Советом университета вопрос о передаче докторской диссертации А. М. Бутлерова в какой-нибудь другой университет.

Выбор был невелик: Москва, Санкт-Петербург, Дерпт. Критерий выбора прост: защищать там, где проще, т.е. где меньше требований. В итоге 4 марта 1854 г. А. М. Бутлеров успешно защитил несколько улучшенный вариант докторской диссертации в Московском университете — автором были добавлены результаты опытов с одним из эфирных масел мяты. Вскоре после защиты он был избран в Казани экстраординарным, а в марте 1857 г. — ординарным профессором химии. А. М. Бутлеров был превосходным лектором, собственными экспериментальными исследованиями занимался мало, а о новейших теориях имел самое туманное представление. Правда, во время отпуска для защиты докторской диссертации он в 1854 г. съездил в Санкт-Петербург повидаться с Н. Н. Зининым, и тот указал на только что появившиеся труды О. Лорана и Ш. Жерара, что, по признанию А. М. Бутлерова, «стало эпохой в моем научном развитии...»¹¹⁹ Взгляды профессора полностью изменила его заграничная командировка в 1857—1858 гг.

Как писал его ученик В. В. Марковников, «...самый определенный, резкий поворот в работах и идеях Бутлерова произошел под влиянием его

В. В. Марковников. Фототипия
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-М. Д. 263. Л. 1

поездки за границу в 1857—1858 гг. Случай этот... имеет еще... значение как наглядный пример того, к каким результатам в науке приводила существовавшая перед тем отчужденность России от общего течения культурной жизни в Европе»¹²⁰. То была отчасти научная, отчасти туристическая, семейная поездка: А. М. Бутлеров путешествовал с женой. Они посетили Германию, Швейцарию, Италию, Францию, Англию. А. М. Бутлеров познакомился со многими европейскими учеными (особое значение для него имели знакомство с А. Кекуле и Ш. Вюрцем), послушал лекции некоторых из них,

¹¹⁹ Там же. С. 41.

¹²⁰ Марковников В. В. Московская речь о Бутлерове (под редакцией и с примечаниями Ю. С. Мусабекова) // Труды Института истории естествознания и техники. 1956. Т. 12. С. 145.

поработал два месяца в лаборатории Ш. Вюрца в Медицинской школе в Париже, изучая производные метилена.

По возвращении в Казань А. М. Бутлеров обустроил лабораторию в соответствии с современными требованиями и продолжил начатые за границей исследования, привлекая к ним студентов-химиков. В 1861 г. на 36-м Съезде немецких естествоиспытателей и врачей в Шпейере (Германия) он сделал доклад, в котором изложил основные положения теории химического строения. Это выступление стало одним из важнейших событий в его жизни, хотя никакого живого отклика оно тогда не вызвало. Подавляющее число присутствовавших просто не поняли, о чем идет речь. Стало ясно — впереди большая работа по обоснованию и развитию предложенной теории, чему, однако, препятствовали некоторые обстоятельства. Дело в том, что с 1860 г. А. М. Бутлеров исполнял обязанности ректора Казанского университета. После нескольких столкновений с начальством и прошений об отставке он был освобожден от ректорской должности в 1863 г. Передав часть лекционного курса своим ученикам, А. М. Бутлеров наконец смог приступить к обширным исследованиям, имевшим целью экспериментальное доказательство его теории. Кроме того, на основе этой теории ученый в 1863—1866 гг. подготовил к печати и издал классическое руководство «Введение к полному изучению органической химии».

В 1867 г., находясь в Германии в связи с изданием «Введения» на немецком языке, он получил предложение

занять кафедру технической химии в Санкт-Петербургском университете, но, несмотря на давнее желание работать в столице, отказался, т. к. «был всегда чужд технической химии». В мае 1868 г., несмотря на интриги Д. И. Менделеева, Совет университета все же избрал А. М. Бутлерова профессором, учредив специально для него кафедру органической химии¹²¹. В Санкт-Петербурге, как и в Казани, ученый уделял много времени и сил организации лабораторных исследований и работе со студентами. Практическими занятиями студентов он руководил сам, работал рядом с ними, не скрывая от учеников ни идей, ни способов их осуществления. В лабораторию А. М. Бутлерова приезжали со всех концов России молодые химики, в частности Д. П. Коновалов, Ф. М. Флавицкий, Е. Е. Вагнер, И. А. Каблуков и др. Только петербургская школа А. М. Бутлерова насчитывает свыше 35 человек, а его ученики А. М. Зайцев (Казань) и А. Е. Фаворский (Санкт-Петербург) сами стали основателями крупных химических школ.

В марте 1880 г. А. М. Бутлеров известил физико-математический факультет об уходе из университета. В апреле он прочитал последнюю, как ему казалось, лекцию и попрощался с аудиторией. Однако 102 его студента и ученика прислали коллективное письмо с просьбой не покидать кафедру. К их просьбе присоединился факультет. В итоге А. М. Бутлеров остался еще на пять лет, однако по состоянию здоровья просил сократить объем преподавания. Завершая свою педагогиче-

---

¹²¹ Подр. см.: Дмитриев И. С. Скучная история (о неизбрании Д. И. Менделеева в Императорскую Академию наук в 1880 г.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 1—2. С. 231—280.

Грамота Императорского
Вольного экономического
общества о присуждении
А. М. Бутлерову большой
золотой медали за труды
по распространению
в России сведений
о пчеловодстве. 1876 г.
СПбФ АРАН. Ф. 22. Оп. 1.
Д. 70. Л. 2

скую деятельность, в 1883—1885 гг. он прочитал свой наиболее полный курс органической химии.

Научные работы А. М. Бутлерова после переезда в Санкт-Петербург были прямым продолжением его казанских исследований. С 1870 г. он изучал явления полимеризации органических веществ (одна из работ в этой области положена в основу промышленного получения этилового спирта из этилена), исследовал природные соединения (некоторые алкалоиды и др.). В 1868 г. Императорская Санкт-Петербургская академия наук присудила ему Ломоносовскую премию за работы по химическому строению. В 1870 г. он был

избран адъюнктом по химии, в 1871 г. экстраординарным, а в 1874 г. — ординарным академиком.

Избрание в Академию наук дало А. М. Бутлерову обеспеченное положение и возможность работать в академической лаборатории, хотя и уступавшей во многих отношениях университетской. С осени 1882 г., после реконструкции лаборатории, А. М. Бутлеров сконцентрировал в ней все свои исследования. В его обязанности как академика входило также рецензирование научных трудов, представленных в Академию, участие в различных комиссиях, составление экспертных заключений по самым

разным вопросам (о причинах пожара на лихтере с нефтью, стоявшем на Кронштадтском рейде; о замене воздуха в водолазных аппаратах смесью кислорода с водородом; об оценке качеств осветительного газа, применявшегося для освещения столицы, и т. д.). Кроме того, с 1870 г. в течение нескольких лет он читал лекции по органической химии на Владимирских женских курсах, а с 1879 г. и до конца жизни — на Высших женских (Бестужевских) курсах. По предложению А. М. Бутлерова и при его финансовой поддержке в подвальном помещении курсов была устроена временная химическая лаборатория. В период проектирования и строительства нового здания для Бестужевских курсов А. М. Бутлеров принимал участие в устройстве новой лаборатории, открывшейся в ноябре 1885 г. С 1869 г. он был членом Русского химического общества, с 1878 г. председателем Отделения химии, а в 1880—1882 гг. — президентом Русского физико-химического общества.

А. М. Бутлеров был известен в России не только как ученый-химик, но и как пчеловод и ботаник. В 1872 г. он был принят в члены Вольного экономического общества и организовал при нем отдел пчеловодства. По результатам десятилетних наблюдений и опытов над пчелами в своем имении в деревне Бутлеровка, где он отдыхал каждое лето, ученый написал книгу «Пчела, ее жизнь и главные правила толкового пчеловодства», которая с 1871 по 1912 г. выдержала 11 изданий. Вторая книга — «Как водить пчел» — с 1885 по 1930 г. была издана 12 раз. Его статьи по пчеловодству печатались не только в России, но и за границей. Из ботанических трудов А. М. Бутлерова следует упомянуть его опыты по приготовлению чая из листьев сумских чайных кустов.

Зимой 1886 г. А. М. Бутлеров серьезно заболел, уехал в свою деревню, где спустя несколько месяцев скончался. Он был похоронен на местном кладбище в семейном склепе.

ГЕОЛОГИЯ И МИНЕРАЛОГИЯ

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ И МИНЕРАЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (1800—1934)

Возможно, главным итогом начальных этапов геологического изучения территории России в XVIII в. стало осознание величия задач, стоящих перед русской наукой: «я знаю, что ничего не знаю» (Сократ). Геологическое строение Российской империи оказалось настолько обширным и разнообразным, что с трудом могло быть изучено незначительным числом специалистов-естествоиспытателей. Терминология геологии и минералогии в Европе еще не была в полной мере выработана, а имевшаяся не имела эквивалентов в русском языке.

В XIX в. исследования недр, геологии и минералогии в России проходили под эгидой Отделения физико-математических наук Императорской Академии наук. Деятельный век — время ученых-энциклопедистов, поэтому «геологи» оказывались одновременно географами-путешественниками, этнографами, зоологами, ботаниками. К членам Академии наук, решавшим геолого-минералогические задачи того времени, можно отнести более 20 ученых. Ключевые направления их работ:

региональная геология, поиски и изучение полезных ископаемых; минералогия и кристаллография; палеонтология и стратиграфия.

НОВЫЙ ЯЗЫК НАУКИ, ОБОБЩАЮЩИЕ ТРУДЫ И УЧЕБНИКИ

Члены Академии наук, завоевавшие авторитет в веке восемнадцатом, заложили основы развития науки. Василий Михайлович Севергин (1765—1826), еще в 1789 г. возведенный в звание адъюнкта, затем ординарного академика (1793) и профессора минералогии Академии наук, издал ставший знаменитым двухтомный труд «Первые основания минералогии, или естественной истории ископаемых тел»¹²². Ученый не только обобщил накопленный наукой опыт, но и предложил ряд новых понятий. Одним из них стала оригинальная классификация «гор», разделенных В. М. Севергиным на «первородные» (например, гранитные, т.е. кристаллические породы магматического или метаморфического генезиса), «второго происхождения» (глинистые,

---

¹²² Первые основания минералогии или естественной истории ископаемых тел: в двух книгах / Сочинения Василья Севергина, академика и профессора минералогии, императорской Российской академии, С. Петербургскаго, Лондонскаго и Лейпцигскаго экономических обществ члена, и Геттингскаго ученаго общества корреспондента. СПб., 1798.

А. Ф. Севастьянов.
Литография А. О. Мошарского (1841) с рисунка
М. А. Кашенцева (1830-е гг.)
СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-С. Д. 3. Л. 3.

слоистые), «третьего» (известковые, обычно с окаменелостями) и «четвертого» (песчаные). Это разделение явилось одновременно и генетическим, и историко-геологическим, как попытка отнесения типов геологических образований к различным эпохам. Новая классификация стала развитием идей Дж. Ардуино¹²³, первой в геологии схемы деления истории Земли на периоды. Но в отличие от местной, альпийской, последовательности осадочных и вулканических образований,

схема В. М. Севергина базировалась на более широком материале и отразила как самую стратиграфическую шкалу, так и геотектонический цикл формирования пород. Мы узнаем в ней последовательность: породы древнего фундамента → немые (в палеонтологическом смысле) толщи (например, глубоководных глин, в частности, метаморфизованных) → мелководные карбонатные отложения с фауной → современные четвертичные, как правило, рыхлые отложения. В своей монографии В. М. Севергин впервые использовал термин «горная порода» в его современном понимании и изложил русскую номенклатуру горных пород.

В минералогии след В. М. Севергина наиболее ярок — и в вопросах генезиса, и в вопросах систематики. Он предложил понятие «смежности» минералов, т.е. склонности определенных минеральных видов сопутствовать друг другу, сегодня оно звучит как «минеральный парагенезис». В. М. Севергин подчеркивал близость химии и минералогии, ввел понятие «окисление», обобщил принципы химического анализа руд, создал русскую химическую номенклатуру и предложил систему обозначений физических свойств минералов (блеск, черта и пр.), используемую и поныне¹²⁴. Его перевод сочинений Плиния Старшего¹²⁵ является неоценимым подспорьем для корректного понимания сочинений минералогов

¹²³ *Ell Th., Oldroyd D. Two Letters of Signor Giovanni Arduino, Concerning His Natural Observations: First Full English Translation. Part 2 // Earth Sciences History. 2012. Vol. 31. No 2. P. 168—192.*

¹²⁴ *Севергин В. М. 1) Пробирное искусство или Руководство к химическому испытанию металлических руд и других ископаемых тел. СПб., 1801; 2) Подробный словарь минералогический, содержащий в себе подробное изъяснение всех в минералогии употребительных слов и названий, также все в науке сей учиненные новейшие открытия. В 2 т. СПб., 1807; 3) Новая система минералов, основанная на наружных отличительных признаках. СПб., 1816.*

¹²⁵ *Гай Плиний Старший. Естественная история ископаемых тел / пер. и прим. В. М. Севергина. СПб., 1819. 364 с.*

XVIII в., к примеру, трудов Д. Г. Мессершмидта, по поручению Петра Великого совершившего первую научную экспедицию в Сибирь (1719—1727)¹²⁶.

В числе создателей нового языка геологии был исследователь с широким кругом интересов, естествоиспытатель, поэт и переводчик Александр Фёдорович Севастьянов (1771—1824). Избранный адъютантом по естественной истории (1799), экстраординарным (1803), затем ординарным (1810) академиком по кафедре зоологии, он в ряду собственных переводов трудов европейских ученых издал на русском языке курс лекций одного из основоположников минералогии А. Г. Вернера, снабдив собственными комментариями. А. Ф. Севастьянов собрал критику нептунизма (возглавляемого А. Г. Вернером учения об океаническом происхождении горных пород) со стороны ученых того времени. В перевод сочинений О. Б. Соссюра по геологии А. Ф. Севастьянов добавил собственные заключения об особенностях труда геологов: «Из всего выше писанного видно, что учение геологии не прилично ни ленивым, ни лакомым людям; ибо геолог проводит жизнь свою, или в многотрудных и опасных путешествиях., или в различных и глубоко-мысленных упражнениях в своем кабинете»; «Сверх того, что еще реже встречается, он иметь должен ум освобожденный от предубеждения, страстно любить одну истину, и не иметь пу-

стого желания строить и опровергать системы...»¹²⁷ Стоит отметить, что этот перевод стал первым курсом геогнозии (бытовавшее в XVIII—XIX вв. объединительное название геологии и минералогии), изданным на русском языке. Но более важно, что данная работа стала первым и (более чем на век!) единственным русскоязычным руководством по полевой геологии¹²⁸. Фундаментальный курс по геогнозии Д. И. Соколова (1842) не содержал описание методики производства геологических работ; первые систематические руководства такого рода появились лишь в 1920-х гг.

А. Ф. Севастьянов, вместе с Н. Я. Озерцовским и С. Е. Гурьевым, был автором известного письма академиков императору Александру I с резкой критикой внутренних порядков Академии наук на рубеже веков. Ученые указали на недостаток средств на содержание как самих академиков, так и академического училища, заброшенность и бездействие лабораторий, отсутствие средств для пополнения библиотеки и коллекций, избыток «приказных лиц», т.е. чиновников. Академики требовали выборности президента, печатания научных трудов на русском языке. Письмо частично достигло цели — его результатом стало утверждение царем нового академического Регламента (устава) в 1803 г.

Первая четверть XIX в. ознаменовалась важными решениями по организа-

¹²⁶ Кургузова А. В. Мессершмидт как минералог // «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи / под ред. Л. Д. Бондарь, И. В. Тункиной. СПб., 2022. С. 206—227.

¹²⁷ Севастьянов А. Ф. Геогнозия или наука о горах и горных породах с присовокуплением наставлений путешествующему геологу, почерпнутых из 4-го тома путешествий г. Соссюра по Альпийским горам. СПб., 1810. С. 316.

¹²⁸ Резвой Д. И. О первом руководстве по полевой геологии на русском языке // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 5. М., 1956. С. 219—227.

ции минералогического дела в России, вдохновителем которых был В. М. Севергин. В 1814 г. Минеральный кабинет де-факто отделился от Кунсткамеры и стал самостоятельным музейным и исследовательским учреждением. В Санкт-Петербурге было основано Минералогическое общество (1817), среди 33 членов-учредителей которого существенную роль играли члены Академии наук В. М. Севергин и Д. И. Соколов¹²⁹.

Основание для самостоятельного развития геолого-минералогических наук в России было завершено трудами ученика В. М. Севергина Дмитрия Ивановича Соколова (1788—1852), почетного члена Академии по Отделению русского языка и словесности (1841). К моменту избрания в Академию Д. И. Соколов руководил геологической съемкой горных округов Урала и обосновал выделение красноцветных отложений Заволжья в самостоятельную геологическую систему, которая два года спустя получила название пермской и стала общепринятой частью мировой стратиграфической шкалы. Помимо работ по горному ведомству, как преподаватель Императорского Санкт-Петербургского университета Д. И. Соколов написал руководство по минералогии и первый, русского авторства, учебник геогнозии¹³⁰, отмеченные Демидовскими премиями в 1833 и 1842 гг.

ГЕОЛОГИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

На протяжении XIX в. стремительно росла доступность территорий России для исследователей. Доля времени, которую занимал этап транспортировки научных экспедиций в регионы работ, сократился от месяцев до недель, соответственно ускорился оборот научных данных, которые поступали от исследователей в научное сообщество, к государственным и промышленным заказчикам. Особенностью эпохи была комплексность экспедиций, которые объединяли весь спектр наук, изучающих территории, так как сложность и дороговизна мероприятий, их частую первопроходческий характер не допускали возможности узкой специализации. Первейшая задача исследователей состояла в организации систематического подхода к освоению новых земель, которыми прирастала в те годы Россия.

Члены Академии наук сыграли важнейшую роль в накоплении и обобщении знаний о геологии и минералогии всех регионов России. В. М. Севергин осуществил три путешествия: по западу Российской империи от окрестностей Санкт-Петербурга, по Финляндии и по Белоруссии¹³¹. Итогом этих поездок стали географические очерки территорий¹³², включающие описания

¹²⁹ Российское минералогическое общество: Справочник / сост. М. В. Морозов. СПб., 2019.

¹³⁰ Соколов Д. И. 1) Руководство к минералогии с присовокуплением статистических сведений о важнейших солях и металлах. Ч. 1—2. СПб., 1832; 2) Курс геогнозии. Ч. 1—3. СПб., 1839; 3) Руководство к геогнозии. Ч. 1—3. СПб., 1842.

¹³¹ Морозов М. В. Василий Михайлович Севергин — геолог-первопроходец русского Северо-Запада // Российское минералогическое общество глазами современников. СПб., 2015. С. 13—22.

¹³² Севергин В. М. 1) Записки путешествия по западным провинциям Российского государства, или минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда через оные в 1802—1803 гг. Ч. 1—2. СПб., 1803—1804; 2) Обзорение российской Финляндии, или Минералогические и другие примечания, учиненные во время путешествия по оной в 1804 году. СПб., 1805.

месторождений руд и природных солей, географические и даже этнографические материалы, в том числе русско-финский словарь топонимов.

Уроженец Берлина Герман Вильгельмович (Отто Вильгельм Герман) Абиx (1806—1866) по праву может быть назван отцом региональной геологии Кавказа. Впечатленный научным путем своего дяди Юлиуса Клапрота, крупного этнографа и специалиста по Азии и Кавказу, ученик выдающихся геологов-«вулканистов» А. фон Гумбольдта и Л. Буха, Г. В. Абиx в 1842 г. получил возможность переехать в Россию для работы в Дерптском (Тартуском) университете. Поощряемый рекомендательными письмами своих берлинских учителей, он в 1843 г. отправился в командировку на Арарат для изучения причин произошедшего в 1840 г. катастрофического схода с горы снежных и каменных масс. Зачисленный с разрешения Николая I в Корпус горных инженеров Г. В. Абиx до своей отставки в 1876 г. 33 года подряд оставался на Кавказе, где осуществил множество научных поездок и экспедиций и заслужил признание как «отец кавказской геологии». В этом качестве Г. В. Абиx был избран в ординарные академики (1853), а спустя девять лет стал почетным членом Императорской академии наук (1866). Его занятия включали литологические и стратиграфические исследования, инженерно-геологические и метеорологические изыскания. Особое внимание Г. В. Абиx неизменно уделял изучению полезных ископаемых региона: меди, серебросодержащих свинцовых руд, железа, каменного угля и нефти.

Г. В. Абиx. Фототипия

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-А. Д. 24. Л. 1

Своего рода квинтэссенцией экспедиционных работ русских геологов стало создание первой геологической карты Европейской части Российской империи¹³³. За этот труд Григорий Петрович фон Гельмерсен (1803—1885), осуществивший в 1830-х гг. целый ряд путешествий по России и зарубежным странам с целью изучения геологического строения и месторождений полезных ископаемых, был отмечен половиной Демидовской премией (1842). В 1844 г. Г. П. Гельмерсен был избран адъюнктом Императорской академии наук по кафедре геогнозии и палеонтологии (1844), экстраординарным (1847), затем ординарным (1850) академиком. За многие деся-

¹³³ Генеральная карта горных формаций Европейской России, с пояснительными примечаниями. СПб., 1841.

тилетия активной исследовательской работы он принимал участие в изучении регионов Урала, Алтая, Киргизии, Курляндии, Санкт-Петербургской и Олонецкой губерний, Подмосковья, Донбасса и Украины, Тамани и Крыма, окрестностей Пскова и янтароносного побережья Балтийского моря.

ПАЛЕОНТОЛОГИЯ

Двойная судьба науки об ископаемых организмах — открывать для ученых историю геологических отложений и играть роль «застывшей в камне биологии», источника знаний об эволюции живого. Долгий XIX в. стал временем рождения и золотой эпохой палеонтологии, давшей славу многим членам Академии наук. Осадочные толщи палеозойской эпохи, слагающие Балтийскую низменность, были идеальным природным музеем окаменелостей для ученых Петербургской Академии наук, воспитанников прибалтийских университетов.

Родившийся в Риге Христиан Иванович (Христиан Генрих) Пандер (1794—1865) получал образование в области медицины и зоологии в Дерптском, Берлинском и Гёттингенском университетах и вернулся в Россию в 1819 г. После ряда самостоятельных исследований и путешествия в Бухару в составе дипломатической миссии с 1826 г. Х. И. Пандер принялся приводить в порядок коллекцию Зоологического музея Императорской академии наук. Обнаружив полное отсутствие в них палеонтологических образцов из окрестностей Санкт-Петербурга, он в течение ряда лет произвел серию геологических поездок к югу от столицы, собирая соб-

ственную коллекцию, а также изучил частные палеонтологические собрания, включая музей Минералогического общества. Х. И. Пандер был избран адъюнктом по зоологии (1820), экстраординарным (1823), затем ординарным (1826) академиком Императорской академии наук. Однако в 1827 г. он подал в отставку в связи с отказом Академии взять на себя расходы по изданию монографии по геологии и палеонтологии окрестностей Санкт-Петербурга. Свой фундаментальный, богато иллюстрированный труд он издал на собственные средства, где впервые предложил стратиграфическую колонку осадочных отложений, развитых к югу от столицы, описал многочисленные виды окаменелостей. Продолжив работу в отцовском имении, Х. И. Пандер изучал геологию Прибалтики и обнаружил силурийские и девонские отложения богатые остатками ископаемых панцирных рыб. Им он посвятил три монографии, за одну из которых по изучению силурийских рыб Прибалтики¹³⁴ (1856) был награжден полной Демидовской премией (1857). Ученый впервые выделил и описал новый класс ископаемых хордовых, получивших название конодонты. В настоящее время доказано, что конодонты, в XIX в. известные лишь по остаткам челюстных аппаратов, описанных Х. И. Пандером, были морфологически близки миногам. Истинную роль данных ископаемых для науки трудно переоценить: с развитием в XX в. микропалеонтологии их остатки зачастую становились инструментом стратиграфической корреляции «немых» (бедных крупными окаменелостями) осадочных толщ

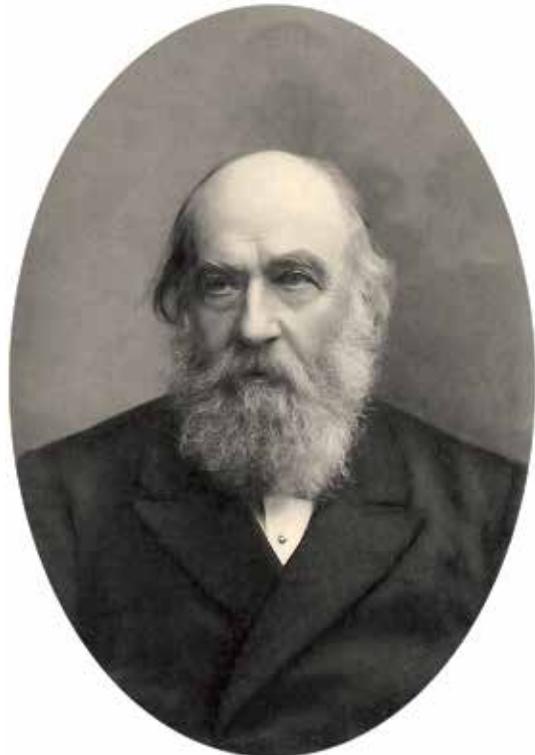
---

¹³⁴ Pander Ch. H. Monographie der fossilen Fische des silurischen Systems des Russisch-Baltischen Gouvernements. SPb., 1856.

Ф. Ф. Брандт

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 62. Л. 1

Ф. Б. Шмидт. Фототипия

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ш. Д. 32. Л. 1

крупных регионов, а в дальнейшем приобрели значение как индикаторы термической истории осадочных пород — важным показателем, применяемым при поисках месторождений нефти. Именем Х.И. Пандера впоследствии были названы многие виды ископаемых беспозвоночных.

Фёдор Фёдорович (Иоганн Фридрих) Брандт (1802—1879), саксонец, получивший образование в Виттенберге и работавший в университете Берлина, после отставки Х. И. Пандера был приглашен в Кунсткамеру по рекомендации А. фон Гумбольдта как адъюнкт по зоологии (1830). Превратив Зоологический музей Императорской ака-

демии наук в организованное по последнему слову науки XIX в. собрание коллекций животного мира России и зарубежных стран, Ф. Ф. Брандт был избран экстраординарным (1832), а затем ординарным (1833) академиком. Ученый полагал, что «только посредством больших собраний и тщательного сравнения по возможности большого числа ископаемых животных из длинного ряда различных творений можно будет, если только это вообще возможно, получить ответ на вопрос о том, изменялись ли виды или каждый из них представляет новый акт творения»¹³⁵. Большой персональный вклад Ф. Ф. Брандт внес в изучение ис-

¹³⁵ Брандт Ф. Ф., Гельмерсен Г. П. Предложение о производстве палеонтологических исследований в Южной России, сделанное гг. академиками Брандтом и Гельмерсеном Физико-математическому отделению Императорской Санкт-Петербургской академии наук // Горный журнал. 1860. № 6. С. 494—500.

Н. И. Андрусов

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-А. Д. 19. Л. 1

копаемых носорогов (эласмотериев), которым посвятил серию научных публикаций. Оригинал изученной им нижней ветви челюсти эласмотерия хранится ныне в Палеонтологическом музее РАН, а слепок — в собрании Геологического музея РАН.

Фёдор Богданович (Фридрих Карл) Шмидт (1832—1908), получивший степень магистра геологии в Дерптском университете, начал свои научные занятия с изучения силурийских отложений Прибалтики. Совершив экспедиции на Сахалин (1859—1862) и в низовья реки Енисей¹³⁶ (последнюю — по заданию Академии наук), он

продолжал исследования фауны силурийских отложений. За посвященную им монографию¹³⁷ Ф. Б. Шмидт был отмечен половинной Демидовской премией (1857). Ученый начал карьеру в Академии наук как адъюнкт по Физико-математическому отделению (палеонтология) (1872), долгие годы был директором Геологического музея Академии наук (1873—1900), стал экстраординарным (1874), а затем ординарным (1885) академиком.

С именем адъюнкта (1886), экстраординарного (1889), ординарного (1896) академика, исполняющего обязанности вице-президента (1916—1917), президента Академии наук (1917—1936) Александра Петровича Карпинского (1846/1847—1936) связаны знаковые работы по палеонтологии и геологии.

Выпускник Горного института Феодосий Николаевич Чернышёв (1856—1914) связал свою судьбу с Геологическим комитетом и в 1903 г. стал его директором (ныне Всероссийский научно-исследовательский геологический институт имени А. П. Карпинского — ВСЕГЕИ). В многочисленных экспедициях Ф. Н. Чернышёв изучил геологию и фауну Южного Урала (разработал стратиграфию его палеозойских отложений), Тимана, Донбасса, Новой Земли, Шпицбергена, Ферганы. Его научные заслуги были отмечены избранием в адъюнкты (1897) по Физико-математическому отделению (геология), экстраординарные (1899), ординарные (1909) академики (геогнозия и палеонтология).

¹³⁶ Kurguzova, A., Morozov M. The Innokenty Lopatin and Friedrich Schmidt 1866 Yenissei («Turukhansk») expedition: the first evidence of discovery of Norilsk-Talnakh Cu-Ni-PGE deposits // 2022. IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Evolution of Biosphere and Technogenesis (2nd EBT 2021), 30.08—2.09.2021, vol. 962012054. P. 1—5.

¹³⁷ Schmidt Fr. Untersuchungen über die silurische Formation von Ehstland, Nord-Livland und Oesel. Dorpat, 1857.

Выдающийся вклад в палеонтологию и стратиграфию внес Николай Иванович Андрусов (1861—1924). Как профессор Юрьевского (Дерптского) университета по кафедре минералогии, он работал над стратиграфией неогена Юга России на палеонтологической основе. За исследование ископаемых и живущих моллюсков семейства дрейссенсидов и полный свод сведений о неогеновых отложениях в южной России и Европе, имевших важное значение для изучения отложений кайнозойской группы, Н. И. Андрусову была присуждена академическая Ломоносовская премия (1898)¹³⁸. Он стал основателем метода детальных палеогеографических реконструкций, созданных с применением экологического анализа. Избранный сначала членом-корреспондентом (1910), затем ординарным академиком (1914) по Физико-математическому отделению (геогнозия и палеонтология), Н. И. Андрусов работал директором Геологического и минералогического музея имени Петра Великого Академии наук (1914—1918)¹³⁹. В 1916 г. Н. И. Андрусов вошел в число основателей Российского палеонтологического общества, которое отделилось от Минералогического общества накануне 100-летнего юбилея последнего¹⁴⁰.

Выпускник Московского университета, со студенческой скамьи посвятивший себя исследованиям аммонитов, Алексей Петрович Павлов (1854—1929) выполнял свои исследования и как профессор университета, и по задани-

ям Минералогического общества. Он был избран членом-корреспондентом (1905) по разряду физическому Физико-математического отделения, затем ординарным академиком (1916) по геологии Императорской академии наук.

ОТ ГИГАНТСКОГО К МАЛОМУ И ОБРАТНО: МИНЕРАЛОГИЯ — КРИСТАЛЛОГРАФИЯ — ГЕОХИМИЯ

Параллельно изучению геологического пространства России происходило погружение исследователей вглубь геологического «микромира» — в кристаллическое вещество минералов.

Адольф Яковлевич (Адольф Теодор) Купфер (1799—1865), начавший кристаллографические исследования в Гёттингенском университете, получил известность благодаря разработанной им методике гониометрических измерений (определения углов между гранями кристаллов), которую он осуществил на кристаллах минералов из месторождений России¹⁴¹. Ученый доказывал, что между формой кристалла, его химическим эквивалентом (молярной массой) и удельным весом есть закономерная связь. Труд был удостоен премии Королевской Академии наук в Берлине, а сам ученый, переехавший преподавать в Казанский университет (1823), в 1826 г. был избран членом-корреспондентом (1826), затем ординарным академиком по минералогии (1828) и физике (1841). Впоследствии А. Я. Купфер проводил геомагнитные измерения и сбор гео-

¹³⁸ Андрусов Н. И. Ископаемые и живущие Dreissensidae Евразии // Труды С.-Петербургского общества естествоиспытателей. Отделение геологии и минералогии. Т. 25. СПб., 1897.

¹³⁹ Воспоминания учеников и современников о Н. И. Андрусове. К 100-летию со дня рождения // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 14. М., 1965.

¹⁴⁰ Российское минералогическое общество: справочник / сост. М. В. Морозов. СПб., 2019. 178 с.

¹⁴¹ Kuppfer A. Preisschrift über genaue Messung der Winkel an Krystallen. Berlin, 1825.

Н. И. Кокшаров. Литография
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 268. Л. 1

лого-минералогической коллекции на Эльбрусе, основал в Санкт-Петербурге первую в мире метеорологическую службу.

Классическую описательную минералогию и кристаллографию прославили труды академиков Николая Ивановича Кокшарова (1818—1893) и Павла Владимировича Еремеева (1830—1899). Н. И. Кокшаров является автором более 150 научных публикаций, среди которых выделяется фундаментальный шеститомный труд «Материалы для минералогии России» (1852—1877). Еще до окончания издания этой работы она была удостоена половинной Демидовской премии (1854). Автор был избран адъюнктом (1855) по Отделению физико-математических наук

(кристаллографическая ориктогнозия), экстраординарным академиком по минералогии (1858), затем ординарным академиком (1866) Императорской академии наук. П. В. Еремеев, посвятивший свои первые работы геологии осадочных месторождений, в дальнейшем сконцентрировал усилия на кристаллографии и минералогии, опубликовав множество научных статей с описаниями минералов России. Он стал членом-корреспондентом (1875), затем экстраординарным академиком по минералогии (1894).

Необычным и ярким примером пути ученого является биография Акселя Вильгельмовича Гадолина (1828—1892), носящая отпечаток духовной преемственности с его дядей, финским химиком и исследователем руд и минералов, членом-корреспондентом Императорской академии наук Юханом Гадолиным (1760—1852). Получив образование военного артиллериста и инженера, А. В. Гадолин всю жизнь сочетал основную профессию с учеными трудами в области минералогии и кристаллографии. В 1856—1857 гг. были опубликованы его первые работы по кристаллографии, геогнозии Северного Приладожья и физическим свойствам минералов. Наибольший вклад А. В. Гадолина в науку относится к кристаллографии: в 1865 г. он, по характеристике В. И. Вернадского, «в замечательно стройной работе¹⁴² вывел вновь иным [т.е. оригинальным] путем основные явления симметрии и 32 класса кристаллов». За этот труд А. В. Гадолин был награжден Ломоносовской премией (1868). Он

¹⁴² Гадолин А. В. Вывод всех кристаллографических систем и их подразделений из одного общего начала // Записки Минералогического общества. 1867. 2-я сер. Ч. IV. М., 1954.

был избран членом-корреспондентом (1873), экстраординарным (1875), затем ординарным (1890) академиком Императорской академии наук, а также получил чин генерала от артиллерии.

Достижения А.В. Гадолина стали стимулом для другого прославленного члена Академии наук — Евграфа Степановича Фёдорова (1853—1919), который стремился к дальнейшему развитию науки о симметрии. Последняя была переведена им на атомарный уровень выводом пространственных групп симметрии и созданием кристаллохимического анализа.

Атомарный уровень минералогических и геологических исследований был изложен в качестве новой системы понятий великим ученым и мыслителем, одним из создателей новой науки — геохимии — Владимиром Ивановичем Вернадским (1863—1945). В своих работах знаменитый ученый объединил практически все направления наук, изучающих вещество Земли, стал первопроходцем минералогии и геохимии радиоактивных элементов, основателем биогеохимии, создателем учения о биосфере и ноосфере. Сначала адъюнкт по Физико-математическому отделению (минералогия) (1906), экстраординарный (1908), затем ординарный (1912) академик, В. И. Вернадский заслужил признание как инициатор исследования и поисков редких и радиоактивных элементов в Российской империи: после его доклада 1911 г. в Академии наук «Задачи дня в области радия» была создана Радиевая комиссия. Ученый возглавил Комитет по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), участвовал в создании Радиевого института.

НОВАЯ ЭПОХА

Наступление XX в. дало импульс рождению новых направлений геологии, которые возникли за счет ее синергии с точными науками, в первую очередь химией и физикой. С последней связано создание и развитие первых геофизических исследований недр Земли. Нельзя не упомянуть имя физика и метеоролога князя Бориса Борисовича Голицына (1862—1916), ставшего основоположником сейсмологии, создателем первого и лучшего в мире в ту эпоху электромагнитного сейсмографа (1906). Князь Б.Б. Голицын курировал создание первой в России сейсмической службы, был избран адъюнктом (1893), экстраординарным (1898), ординарным (1908) академиком по физике.

Каскадом перемен ознаменовалась послереволюционная жизнь Академии наук. Роль геолого-минералогических

Б. Б. Голицын. Литография
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 268. Л. 1

А. Е. Ферсман

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ф. Д. 84. Л. 1

наук в связи с необходимостью обеспечивать потребности военного времени, а затем и нового, социалистического хозяйства, возросла. А. П. Карпинский стал первым президентом Российской академии наук (1917), а А. Е. Ферсман (академик с 1919 г.) занял должность вице-президента. После переезда Академии наук в Москву был открыт Минералогический музей Академии наук. В период 1927—1938 гг. геологическими исследованиями руководило Отделение математических и естественных наук. Наступившая эпоха научно-технической революции дала миру имена выдающихся новаторов науки.

Александр Евгеньевич Ферсман (1883—1945), один из основоположни-

ков геохимии, увлекся минералогией с шести лет, в годы студенчества в Императорском Московском университете стал учеником В. И. Вернадского и посвятил свои первые работы минералогии. По итогам научной стажировки в Гейдельбергском университете (1907—1909) он опубликовал большую монографию об алмазах¹⁴³. С момента основания журнала «Природа» (1912) А. Е. Ферсман стал его редактором, являлся старшим хранителем Геологического и минералогического музея Академии наук. В 1919 г. по представлению академиков В. И. Вернадского, А. П. Карпинского и А. Н. Крылова был избран действительным членом Российской Академии наук. Главным итогом научной работы А. Е. Ферсмана стало окончательное становление геохимии как науки. Его можно назвать «отцом» поисковой геохимии как метода геологоразведки: А. Е. Ферсман был инициатором применения геохимических методов поисков полезных ископаемых и автором первого обобщающего труда по этому вопросу¹⁴⁴. За его плечами — руководство экспедиционными работами Академии наук, открытие месторождений медно-никелевых руд и апатита на Кольском полуострове, труды по геохимии и геологии регионов Российской Империи и СССР, неутомимая организаторская деятельность по освоению минеральных богатств недр страны в самые трудные годы¹⁴⁵.

Франц (Фёдор) Юльевич Левинсон-Лессинг (1861—1939) еще в сту-

¹⁴³ Fersmann A., Goldschmidt V. Der Diamant. Heidelberg, 1911 (Ферсман А. Е. Кристаллография алмаза. М., 1955).

¹⁴⁴ Ферсман А. Е. и др. Геохимические и минералогические методы поисков полезных ископаемых; Со статьями С. А. Боровика, Г. В. Горшкова, С. Д. Попова и А. Ф. Соседко. М., 1939.

¹⁴⁵ Ферсман А. Е. Война и стратегическое сырье. Л., 1942.

денческие годы начал работы по изучению минералов магматических горных пород и впоследствии выбрал петрографию в качестве своей специализации, работая в Санкт-Петербургском и Дерптском университетах. Он первым в России (1902) начал работы по каменному литью (петрургии), определению возраста изверженных пород, разработал их химическую классификацию. Ф. Ю. Левинсон-Лессинг принял участие в разработке международной петрографической номенклатуры и создал учение о дифференциации магмы, введя понятие о петрографической формации. Ученый был избран академиком Академии наук СССР (1925).

Владимир Афанасьевич Обручев (1863—1956), исследователь Сибири и Азии, в дальнейшем — выдающийся организатор и популяризатор географии и геологии¹⁴⁶, также был избран сначала членом-корреспондентом (1921), а затем академиком Академии наук СССР (1929). Этому предшествовали годы экспедиционной работы в Сибири, Центральной и Средней Азии, результаты которых В. А. Обручев свел в систему представления о геологии, геоморфологии, тектонике, металлогении и полезных ископаемых этих регионов. В дальнейшем он вел активную преподавательскую работу в вузах Томска, Симферополя, Москвы и в то же время выступал в качестве консультанта, проводя экспертизу золоторудных месторождений. Даже свое вынужденное бездействие в революционном 1917 г. В. А. Обручев смог эффективно использовать, изучая гео-

Ф. Ю. Левинсон-Лессинг

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-А. Д. 105. Л. 1

логические материалы предшественников, и по итогам работы, в частности, опубликовал вывод о наличии в Норильских горах месторождения меди, повторное открытие которого впоследствии стало одним из выдающихся событий XX в. Обобщением бесценного опыта ученого стали двухтомные книги «Рудные месторождения» (1928) и «Полевая геология» (1932), последняя сыграла роль практического учебника-справочника, единственного в своем роде. В. А. Обручев является одним из основателей науки мерзлотоведения, автором теории происхождения лёсса. Его единогласное избрание в члены Академии наук отражало эпоху коренных преобразований в СССР, в народном хозяйстве которого геологии отводилась особая роль.

¹⁴⁶ О нем см.: Ингирев З. Творческий путь В. А. Обручева. М.; Л., 1948; Очерки по истории геологических знаний. Вып. 12: К 100-летию со дня рождения В. А. Обручева. Л., 1963; Мурзаев Э. М., Обручев В. В., Рябухин Г. Е. Владимир Афанасьевич Обручев: 1863—1956. М., 1986.

Андрей Дмитриевич Архангельский (1879—1940), выпускник и преподаватель Московского университета, в 1918 г. был введен в состав Особой комиссии при Президиуме Высшего совета народного хозяйства по изучению Курской магнитной аномалии, связанной с крупнейшим на планете бассейном железных руд, и руководил геологической частью ее разведки. В дальнейшем он занимался геологией нерудных полезных ископаемых (фосфоритов, бокситов, нефти), его исследования способствовали открытию месторождений бокситов в разных регионах СССР. А. Д. Архангельский был избран членом-корреспондентом (1925) по разряду физических наук Отделения физико-математических наук, затем академиком (1929) по тому же отделению (геология), в дальнейшем он руководил геологическими институтами и комплексной экспедицией Академии по изучению Европейской равнины СССР.

Иван Михайлович Губкин (1871—1939), выходец из волжских крестьян,

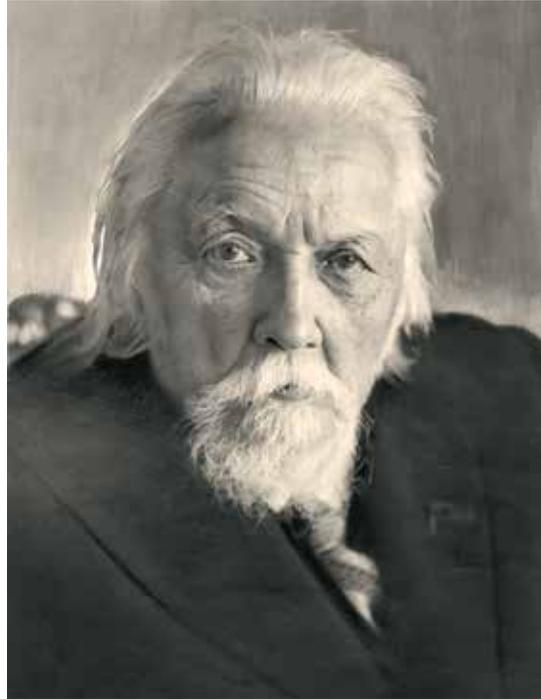
после работы сельским учителем отправился для продолжения образования в Санкт-Петербург, где закончил с отличием Горный институт (1910). Став сотрудником Геолкома, он изучал грязевые вулканы Азербайджана и нефтяные месторождения Северного Кавказа. После революции И. М. Губкин руководил Особой комиссией по изучению Курской магнитной аномалии, Московской горной академией, являлся членом Госплана СССР. Впоследствии И. М. Губкин организовал Институт горючих ископаемых Академии наук СССР (1934). Как специалист в области нефтяной геологии он был избран академиком (1929) и после кончины президента А. П. Карпинского стал одним из двух вице-президентов Академии наук СССР (1936—1939).

Первые десятилетия советской власти ознаменовались коренными изменениями в экономике, науке и образовании страны. Пришла новая эпоха развития геологии и минералогии в СССР.

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ КАРПИНСКИЙ (1846/1847—1936)

Имя Александра Петровича Карпинского¹⁴⁷ вписано золотыми буквами не только в историю геологии, но и в историю мировой академической науки. Казалось бы, ученые-энциклопедисты остались в XVIII в., однако А. П. Карпинского по праву можно считать таковым. При этом Карпинский вел еще и административную работу как директор Геологического комитета (1885—1903), президент Императорского Санкт-Петербургского/Российского минералогического общества (1899—1936) и, наконец, первый выборный президент Академии наук (1917—1936), которую он возглавлял почти два десятка лет.

Начав свой профессиональный путь 11-летним мальчиком со студенческой скамьи Института корпуса горных инженеров, объездив всю страну, А. П. Карпинский составил первые геологические карты Урала и Восточно-Европейской платформы, опубликовал более пяти сотен научных трудов. При Карпинском впервые Международный геологический конгресс проходил в России, предложенная российскими геологами номенклатура геологических карт была принята геологами всех стран мира, произошло становление институциональной структуры Академии наук СССР, разросшейся благода-

А. П. Карпинский

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 339. Л. 2

ря созданию профильных институтов и региональных отделений.

Научная карьера А. П. Карпинского складывалась в переломное время: он поступил в Институт корпуса горных инженеров при Александре II, Николаем II был назначен исполняющим обязанности вице-президента Академии наук (1916—1917), вел личную переписку с В. И. Лениным, а И. В. Сталин и В. М. Молотов несли почетный ка-

¹⁴⁷ О нем см.: Александр Петрович Карпинский (1846—1936). Библиографический сборник / сост. В. А. Фейдер. М.; Л., 1938; Личков Б. Л. Карпинский и современность. М.; Л., 1946; Бублейников Ф. Д. Александр Петрович Карпинский (биографический очерк) // А. П. Карпинский. Очерки геологического прошлого Европейской России / отв. ред. Д. И. Щербаков. М.; Л., 1947. С. 9—18; Косыгин Ю. А. Академик А. П. Карпинский — основатель школы русских геологов. М., 1950; Жемчужников Ю. А. Молодой Карпинский и его творческий метод. М., 1953; Кумок Я. Н. Карпинский. М., 1978; Романовский С. И. Александр Петрович Карпинский, 1847—1936. Л., 1981.

раул у гроба с прахом ученого. Эпохи и поколения сменялись, а Карпинский оставался «у руля» отечественной геологии, пользуясь неизменным авторитетом и признанием коллег-геологов.

А. П. Карпинский получил образование в Институте корпуса горных инженеров в Санкт-Петербурге как сын горного инженера, служившего на Богословском заводе Пермской губернии. Закончив институт с золотой медалью (1866), он отправился работать на свою малую родину — Урал, служил смотрителем Миасских золотых приисков, исследовал так называемые «коренные» горные породы, содержащие золото. Исследованиями горных пород занимается петрография, в то время еще не оформившаяся как отдельная ветвь геологии. Одним из первых в России А. П. Карпинский применил микроскоп при исследовании горных пород в Миасских приисках, встав у истоков российской петрографичес-

А. П. Карпинский. 1886 г.
СПбФ АРАН. Ф. 265. Оп. 4. Д. 3. Л. 3

кой школы. Помимо петрографических, А. П. Карпинский решал стратиграфические и палеонтологические задачи, пытаясь восстановить последовательность залегания осадочных горных пород (стратиграфия) по найденным в них остаткам флоры и фауны (палеонтология).

Спустя два года полевых работ он вернулся в свою альма-матер на пост адъюнкта. На преподавательской должности в Горном институте (Институт корпуса горных инженеров в 1866 г. был переименован в Горный институт) ученый прослужил 16 лет. Оставив Горный институт, А. П. Карпинский направил свою энергию на практическое освоение подземных недр, заняв сначала пост инженера Геологического комитета (Геолкома), а затем его директора (1885—1903). Про него говорили, что он был «формально третьим, а по существу первым директором Геологического комитета», ведь именно при нем началось эпохальное, масштабное геологическое картирование 1/6 суши Земли — территории России. Работы Геологического комитета были направлены на поиск полезных ископаемых по всей стране. Для решения таких задач требовалось планомерное изучение состава горных пород, содержащихся в них окаменелостей, тектоники и оруденения с составлением карт территорий. Столь масштабные комплексные работы выполнялись впервые, в результате были закартированы месторождения руд Урала, угленосные отложения Донецкого бассейна, нефти Кавказа, проводились поиски ископаемых в Сибири и на Дальнем Востоке, был определен возраст горных пород. Этот период стал переломным в российской геологии, ведь геологи впервые получили

в руки карту — главный инструмент для прогноза, поиска, и разведки полезных ископаемых. Даже в век цифровых технологий геологическая карта остается основой любых геологических изысканий. В должности директора Геологического комитета А. П. Карпинский прослужил 18 лет, покинув этот пост по собственной инициативе с получением звания почетного директора Геологического комитета. В настоящее время Геологический комитет — Всероссийский научно-исследовательский геологический институт имени А. П. Карпинского (ВСЕГЕИ, с 2023 г. — Институт Карпинского), в 2010 г. у входа в институт с 22 линии Васильевского острова ученому был установлен памятник.

Параллельно с прикладной геологической деятельностью А. П. Карпинский участвовал в научно-организационной работе Императорской академии наук, удостоившись в возрасте 40 лет звания адъюнкта (1886), затем экстраординарного (1889) и ординарного академика (1896) по Физико-математическому отделению (геология). В 1904 г. А. П. Карпинский полностью сосредоточил свою энергичную деятельность на работе Академии наук. Он принимал участие в деятельности многочисленных академических комиссий.

В 1917 г. А. П. Карпинский был единогласно избран президентом Российской академии наук. Выборы президента проводились впервые, а затем, вплоть до кончины в 1936 г., А. П. Карпинского переизбирали на этот пост каждые пять лет.

В период президентства А. П. Карпинского в Академии наук были соз-

А. П. Карпинский. 1900-е гг.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 58. Л. 1

даны многочисленные профильные исследовательские институты, республиканские и региональные филиалы, проводились активные исследования полезных ископаемых. Благодаря активной деятельности Академии к началу 1940-х гг. СССР вышел на первое место в мире по разведанным запасам полезных ископаемых¹⁴⁸.

Спектр научной деятельности А. П. Карпинского был чрезвычайно широк: палеонтология, петрография, стратиграфия, картография, учение о полезных ископаемых, региональная геология... Во всех этих геологических науках оставил свой след великий ученый. Впрочем, как верно было

¹⁴⁸ Соловьёв Ю. Я. Первый избранный президент Академии наук России и СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 2. С. 167—172.

Письмо неперменного секретаря С. Ф. Ольденбурга А. П. Карпинскому с сообщением о его избрании Общим собранием РАН президентом Академии наук сроком на пять лет. 26 мая 1922 г.
СПбФ АРАН. Ф. 265. Оп. 3. Д. 1. Л. 7

подмечено современниками, «геология дифференцировалась на глазах А. П. Карпинского»¹⁴⁹, имея в виду становление многих отраслей геологии в период его научного творчества.

Как палеонтолог, А. П. Карпинский впервые применил онтогенический подход, что позволило ему восстановить эволюцию («родословную») аммонитов артинского яруса (1891), названного по месту первого обнаружения и описания — поселка Арти Пермской губернии. Отложения этого периода известны не только на Урале, но и в Центральной Азии,

Северной Америке и других регионах. Возраст пород артинского яруса относится к Пермскому периоду и составляет 290—283 млн лет.

Кроме того, А. П. Карпинский впервые провел реконструкцию акулы геликоприон («артинская рыба»), обнаруженной местным краеведом А. Н. Бессоновым в отложениях Дивьей горы (г. Красноуфимск). Геликоприон относится к наиболее знаменитым «палеонтологическим тайнам», поскольку полный скелет не сохранился, — ученым приходится только догадываться об истинном облике вымершего животного. Для геликоприона характерна необычная, закрученная зубная спираль, предназначение которой остается загадкой для палеонтологов. По представлениям А. П. Карпинского, спираль располагалась на носу рыбы (1899), причем эта гипотеза оставалась ведущей до середины XX в. К настоящему времени палеонтологами предложено множество вариантов расположения зубной спирали геликоприона, исследования «артинской рыбы» остаются актуальными и по сей день¹⁵⁰.

Пытливый ум А. П. Карпинского не обошел стороной и палеоботанику. Несколько лет ученый посвятил исследованию загадочных «шариков» в известняке, обнаруженном горным инженером Марковым на Урале. Оказалось, что «шарики» ранее были описаны как трохилиски, но представления о том, к какому виду растений и какой части растения они относились, у палеонтологов не было. После публика-

¹⁴⁹ Борисьяк А. А. Александр Петрович Карпинский (1847—1936) // Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники / сост. и ред. И. В. Кузнецов. Т. 1. М.; Л., 1948. С. 411.

¹⁵⁰ Lebedev O. A. A new specimen of Helicoprion Karpinsky, 1899 from Kazakhstaniian Cisurals and a new reconstruction of its tooth whorl position and function // Acta Zoologica. 2009. Vol. 90. № 1. P. 171—182.

ции монографии А. П. Карпинского «О трохилисках» (1906), где они были отнесены к боковой ветви харовых, эти окаменелости стали находить по всему миру. Автор завязал переписку с обсуждением дискуссионных вопросов со многими палеонтологами, в итоге признавшими его правоту. Палеонтологические работы А. П. Карпинского были награждены премией Кювье в 1922 г.

На рубеже XIX—XX вв. появился метод микроскопического изучения горных пород с использованием поляризованного света. А. П. Карпинский вошел в число первых российских ученых, начавших исследования на петрографическом (поляризационном) микроскопе. Этот метод изучения горных пород остается ведущим по сей день. Помимо микроскопических исследований горных пород, А. П. Карпинский занимался вопросами их классификации и методик исследований. Диссертация А. П. Карпинского «Авгитовые породы деревни Мулдакаево и горы Качканар на Урале» (1869) посвящена петрографическим исследованиям, в ней впервые с помощью поляризационного микроскопа была изучена уральская метаморфическая порода, названная им мулдакаитом. Во время службы в Геологическом комитете А. П. Карпинский работал над геологической картой Восточного склона Урала, составил тектонические карты Урала и Европейской части России.

А. П. Карпинским было предсказано обнаружение нефти Урала и соли Бахмутской котловины. Работа по солевым отложениям Бахмута была первой

публикацией А. П. Карпинского, написанной им в возрасте 23 лет¹⁵¹. Спустя два года бурением был подтвержден его геологический прогноз; открытое бахмутовское солевое месторождение разрабатывается и в настоящее время (не путать с одноименным месторождением в Республике Чувашия). Сегодня оно носит название Артёмовского месторождения, расположено рядом с городом Бахмут Донецкой области и является крупнейшим соляным месторождением Европы.

Еще в конце XIX в. А. П. Карпинский ратовал за создание «международного плавучего института» для исследований океанов, упомянув о важности подобной организации в своей речи на закрытии Международного геологического конгресса в 1897 г. Такое учреждение — Плавучий морской научно-исследовательский институт — появилось лишь в 1921 г., открыв эру океанографии.

В 1902 г. А. П. Карпинский выступил с докладом на заседании Минералогического общества, высказавшись о возможности «определения элементов земного магнетизма в некоторых местах земной поверхности в давно минувшие времена». Для аудитории того времени заявление было совершенно ошеломляющим и немислимым, однако, спустя годы появилось учение о палеомагнетизме, позволившее реконструировать тектоническую историю планеты.

Одна из главнейших заслуг А. П. Карпинского, за которую он и получил звание «отца русской геологии» — постановка и решение задачи планомерного геологического карти-

¹⁵¹ Карпинский А. П. О возможности открытия залежей каменной соли в Харьковской губернии // Горный журнал. 1870. Т. 3. № 9. С. 449—466.

рования всей территории Российской империи, самой большой страны в мире. Свою цель А. П. Карпинский обозначил еще в 1900 г., задолго до своего избрания президентом Академии наук: «Геологу нужна вся Земля, и давно уже миновало время, когда считалось возможным делать общие выводы из изучения незначительных районов»¹⁵².

Разумеется, отдельные фрагменты геологического строения территорий были отображены на картах ранее, но, во-первых, как правило, подобное картирование затрагивало только горнопромышленные районы, с уже известными и разведанными полезными ископаемыми, а во-вторых, составлялись такие карты в разное время, разными учеными и не имели единой стилистики и правил оформления, что создавало сложности для объединения их в единую карту. Таким образом, помимо изобилия «белых пятен» на геологической изученности территории, была поставлена проблема единообразия и стандартизации геологических данных, выносимых на карту. В 1881 г. Россия присоединилась к созданию Международной геологической карты Европы, что накладывало обязательства на Геологический комитет и требовало составление карты в соответствии с международными стандартами.

Рьяно взявшись за работу, российские геологи во главе с А. П. Карпинским, отвечавшим за составление карты Урала, в 1892 г. продемонстрировали свои результаты на геологическом совещании Европейских

стран в Швейцарии. По сути это было первое представление работ отечественных геологов такого масштаба на международном уровне. А. П. Карпинский, представлявший труды Геологического комитета, писал следующее: «Комиссия решила предоставить русскому геологическому учреждению полную свободу относительно изменений и пополнения тех обозначений, которые этим учреждением будут признаны необходимыми. Вместе с тем комиссия единогласно постановила, что некоторые обозначения, приведенные на составленной Геологическим комитетом карте и относящиеся до геологических данных, общих России и Западной Европе (например, граница ледниковых отложений), должны быть приняты и для всей карты Европы»¹⁵³. Так был признан авторитет российских геологов, работавших под руководством А. П. Карпинского, а предложенная возглавляемым им коллективом номенклатура обозначения осадочных пород была принята Международным геологическим конгрессом и используется при составлении геологических карт по сей день. Благодаря единству обозначений на геологических картах разных стран стало возможным сопоставлять и «читать» карты других государств, геологи, наконец, «заговорили» на одном языке!

Велика роль А. П. Карпинского в проведении Международных геологических конгрессов: в 1897 г. он был избран президентом конгресса, проходившего в Санкт-Петербурге. Карпинский руководил экскурси-

---

¹⁵² Карпинский А. П. Речь об участии Горного ведомства в геологическом изучении России // Собр. соч. Т. 4. М.; Л., 1949. С. 405.

¹⁵³ Романовский С. И. Александр Петрович Карпинский, 1847—1936. Л., 1981. С. 148—149.

ей на Урал, организованной для участников конгресса. Количество делегатов было рекордным для XIX в. — 704 геолога. В следующий раз наша страна принимала подобный конгресс в 1937 г., почетным президентом должен был быть А. П. Карпинский, не доживший до этого события год. Таким образом, вклад А. П. Карпинского в репутацию российской геологии на международном уровне несомненен.

Весьма энергично А. П. Карпинский участвовал в жизни Академии наук, активно выступая как на заседаниях Физико-математического отделения, так и на Общих собраниях. Количество зафиксированных и опубликованных его выступлений в Академии впечатляет — 174.

В возрасте 69 лет в 1916 г. по поручению императора Николая II А. П. Карпинский был назначен исполняющим обязанности вице-президента Академии наук¹⁵⁴. Казалось бы, в такие лета должность будет занимаема им временно, однако, судьба распорядилась иначе, отведя Александру Петровичу два десятка лет «у руля» академической науки. Метко охарактеризовал этот период Я. Н. Кумок: «В тревожный, переломный в истории России 1917 год, был избран Карпинский президентом АН. Фактически, ему приходилось не столь регулировать академическую науку, сколь заниматься ее спасением и сохранением. “Тихий” ученый вознесен

А. П. Карпинский

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 128. Л. 1

¹⁵⁴ Роцевский М. П., Роцевская Л. П., Бровина А. А. Роль президента Академии наук СССР А. П. Карпинского в развитии научного потенциала страны в первой трети XX века: часть 2 // Вестник Института геологии Коми НЦ УО РАН. 2015. № 5. С. 25—28.

на высший в руководстве Академией пост — в момент наивысшего накала революционной бури! Да ему ли в эту-кую-то пору президентствовать? Тут нужен боец. Однако очень скоро со своей покойной мудростью Карпинский рассудил, что в том кроется огромная выгода для Академии; что он, чуждавшийся партий, политической борьбы и любых шумных акций, воплощает в себе чистоту науки, насколько она может быть чиста... Теперь не суть важно, что он, Карпинский, ученый с мировым именем. В русской Академии не мало ученых с мировыми именами. Он президент. Но небывалый президент. Он олицетворение Академии. Ее лик, ее слава, ее седины, которые невозможно обидеть или забрызгать грязью»¹⁵⁵.

До А.П. Карпинского на пост президента Академии назначались князья, графы, бароны, он был первым «без родословной». Примечателен инцидент, описанный Я.М. Черноусовым, когда ученый еще являлся вице-президентом и исполнял обязанности президента вместо умершего вел. кн. Константина Константиновича (1916): «В приемную президента вошел молодой брюнет в морской генеральской форме.

— Академик Крылов. Прошу доложить обо мне академику Карпинскому.

— Он у себя в кабинете. Пожалуйста, заходите без доклада.

Войдя в кабинет, Крылов вытянулся перед Карпинским по-военному, опустив руки по швам, и басом отрапортовал:

— Честь имею представиться Вашему высокопревосходительству по случаю утверждения моего избрания

в действительные члены Академии наук, флота генерал-лейтенант Крылов.

— Что Вы, голубчик, в таком параде? Да еще высокопревосходительством меня зачем-то величаете! Я — Александр Петрович, а Вы Алексей Николаевич. Мы здесь все равны, я только старший среди равных»¹⁵⁶.

Современники отмечали теплый, душевный характер А.П. Карпинского. Академик А.Е. Ферсман вспоминал о своей первой встрече с ним: «...приветливо, с подкупающей простотой, с мягкостью в голосе говорил он со столпившимися вокруг него учеными, быстрой подходкой направляясь к председательскому месту. Ничто в простом, бесхитростном разговоре не говорило нам ни о его огромных знаниях, ни о его мировом научном авторитете, ни о его высоких научных должностях»¹⁵⁷. А.П. Карпинский поддерживал дружеские отношения со многими академиками: известна его многолетняя дружба с Ф.Б. Шмидтом, теплые отношения с В.А. Стекловым, А.А. Шахматовым, И.П. Павловым. Весьма внимателен и чуток был А.П. Карпинский к выступлениям молодых ученых. В своих воспоминаниях А.П. Герасимов запечатлел атмосферу заседаний Минералогического общества: «Как председатель собраний Александр Петрович никогда не подавлял докладчика, в особенности молодого, ни своим авторитетом, ни высоким положением. Наоборот, он всегда старался подбодрить новичка и в председательском резюме обыкновенно отмечал положительные стороны доклада, мягко указывая на то, что

¹⁵⁵ Кумок Я.Н. Карпинский. М., 1978. С. 172—173.

¹⁵⁶ Черноусов Я.М. Академик А.П. Карпинский. Свердловск, 1962. С. 44.

¹⁵⁷ Ферсман А.Е. Большому человеку // Огонёк. 1928. № 6. С. 10.

он находил неправильным или недостаточно доказанным»¹⁵⁸.

Погруженный в административную работу на посту президента Академии наук, А. П. Карпинский находил возможность для участия в геологических экспедициях, став основателем нескольких регионов добычи полезных ископаемых. Хибинский массив, расположенный на Кольском полуострове, детально изученный академиком А. Е. Ферсманом, положил начало индустриальному развитию Кольского полуострова, строительству железной дороги Санкт-Петербург — Мурманск, созданию горнодобывающего предприятия Апатит (ныне «Фосагро»). У истоков этого начинания стоял и А. П. Карпинский, посетивший вместе с А. Е. Ферсманом Кольский полуостров в возрасте 74 лет (1920), когда академики собрали первую коллекцию ранее неизвестных кольских минералов. А. П. Карпинский возглавлял в Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС) Отдел по исследованию Севера.

В год празднования 200-летнего юбилея Академии наук произошло еще одно знаковое событие: Российская академия наук была признана имеющей всесоюзное значение, поэтому было принято решение о разработке нового устава (1927). Президенту Академии пришлось принимать в этой работе самое активное участие. Новый устав был не просто формальностью, с момента переименования в Академию наук СССР появилось множество структур: профильные институты, му-

зеи, региональные отделения, экспедиции. Требовалось решать научно-производственные задачи в масштабах огромной страны, и все это происходило под чутким руководством А. П. Карпинского.

Говоря о А. П. Карпинском, нельзя не упомянуть его выдающееся долголетие, ясность ума и энергичность, которые он сохранил до последних дней. Многочисленные выступления, популяризация науки, зарубежные поездки — лишь малая толика его публичной деятельности. В интервью журналу «Огонёк», данном на девятом десятке, А. П. Карпинский отметил: «На вопрос, чем я занимаюсь в настоящее время, легче бы ответить, чем я не занимаюсь. Между тем мне минуло уже 81 год, а научных долгов у меня много, т.е. много сделанных работ, удовлетворивших мои личные научные интересы, но не изложенных для опубликования»¹⁵⁹.

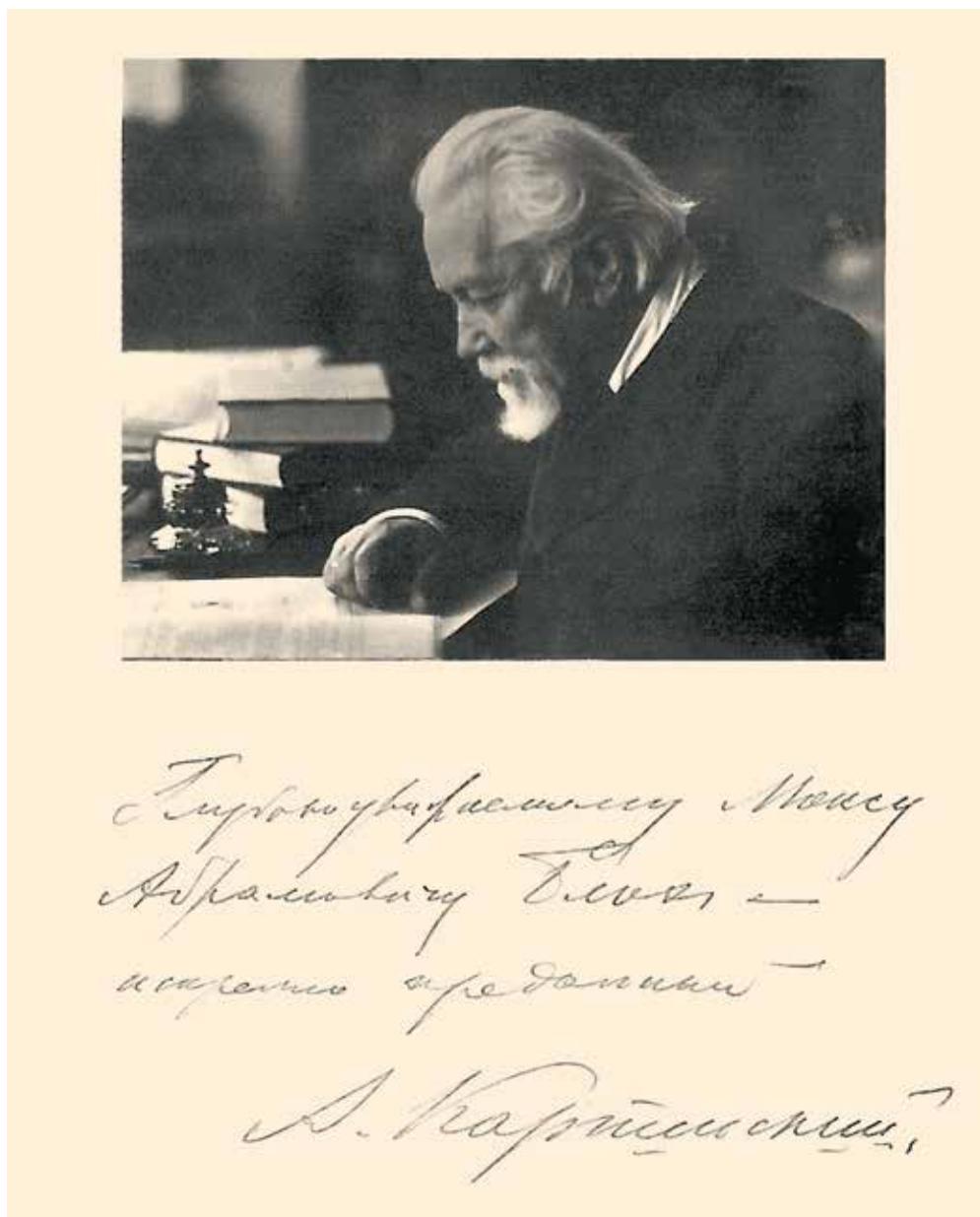
Поразительно, сколь единодушно переизбирался А. П. Карпинский руководителем не только во всевозможных научно-общественных организациях, но и в Академии наук. Президентом Академии наук СССР он был переизбран пять раз, в 1935 г. — единогласно, все 70 голосов!¹⁶⁰ На 1936 г. пришлось его юбилейная дата — полвека (с избрания на должность адъюнкта) в Академии наук.

А. П. Карпинского можно справедливо назвать самым известным и «популярным» президентом Академии, его знали и уважали далеко за пределами академической среды. Касатель-

¹⁵⁸ Герасимов А. П. Профессор Карпинский и Всероссийское минералогическое общество // Природа. 1936. № 10. С. 44—46.

¹⁵⁹ Ферсман А. Е. Большому человеку // Огонёк. 1928. № 6. С. 10.

¹⁶⁰ Романовский С. И. Александр Петрович Карпинский, 1847—1936. Л., 1981. С. 445.

А. П. Карпинский. Фотопортрет с дарственной надписью химику М. А. Блоху:
«Глубокоуважаемому Максиму Абрамовичу Блоху — искренне преданный А. Карпинский». 1930-е гг.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 338. Л. 1

но его известности примечательный случай описан А. А. Сауковым: Александра Петровича ожидали на заседании в Академии наук, обсуждая, какой легендарной и популярной «среди широких кругов населения» личностью является А. П. Карпинский. Припозднившийся президент на реплики о сво-

ей известности рассказал следующее: «Я тоже думал, что меня все знают, но вот сегодня, когда я шел сюда, убедился, что еще не все меня знают. Иду из дома по набережной Невы, подхожу к Академии, перехожу через трамвайный путь, его замело снегом, я по-стариковски замешкался. В это время

*А. П. Карпинский на борту парохода «Вождь» при подходе к Сыктывкару. 19 июня 1933 г.
Фотограф А.И. Толмачев (внук А. П. Карпинского, секретарь Полярной комиссии АН СССР)
СПбФ АРАН. Ф. 265. Оп. 4. Д. 39. Л. 32*

от моста идет трамвай, дает звонки, я тороплюсь, но не успеваю перейти. Трамвай останавливается, из него выходит вагоновожатый, подходит ко мне, берет за воротник, и говорит: «Ты что же, старый бездельник, по путям ходишь, мешаешь движению: раз не можешь ходить — сиди дома», — сказал и перевел меня на тротуар. Очевидно, он меня не узнал»¹⁶¹.

Современники отмечали небывалую энергичность «старика Карпинского». В 1930 г., в возрасте 84 лет, он отправился на V Международный конгресс по горному делу, металлургии и прикладной геологии, где планиро-

вал выступить с четырьмя докладами. Регламент позволил академику сделать лишь один доклад. Последнюю зарубежную поездку на празднование 100-летия геологического общества Великобритании он осуществил в 1935 г. (на тот момент ученому было 88 лет).

Занимая высокие административные посты, А. П. Карпинский оставался внимательным к людям, общаясь с ними на равных. Французский геолог Ш. Жакоб, приехавший на Всемирный геологический конгресс в СССР в 1937 г., вспоминал: «Когда я прибыл в СССР три года тому назад с французской делегацией, я с изумлением и бла-

¹⁶¹ Романовский С. И. Александр Петрович Карпинский, 1847—1936. Л., 1981. С. 17.

годарностью увидел на перроне вокзала в Ленинграде этого благородного старца, который ждал меня и пожелал сопровождать меня во всех моих посещениях»¹⁶². На момент этой памятной встречи (1934) А. П. Карпинскому было 87 лет.

Страсть и верность науке Карпинскому удалось пронести через всю свою долгую жизнь. «Как загорался этот старик с молодым сердцем, когда говорил о великом значении науки», — писал Г. М. Кржижановский. Молодость души А. П. Карпинский сохранил и на девятом десятке. Недаром во время академической поездки на север страны в 1933 г. в Сыктывкаре, в честь десятилетия пионерской организации, 86-летний Карпинский был избран почетным пионером Коми¹⁶³.

Его внук А. И. Толмачёв, сопровождавший академика, так вспоминает эту поездку: «Мы жили на пароходе, а обеды и ужины были организованы для нас в здании Детского дома... И когда машина, в которой приезжал Александр Петрович, останавливалась у калитки сада, веселые крики: “дедушка Карпинский, дедушка Карпинский” возвещали всем о прибытии человека, только что появившегося в городе, но так быстро завоевавшего симпатии его жителей. И Александр Петрович шел через сад веселый, неизменно в окружении шумной детворы». Последняя публикация, подготовленная Карпинским, была адресована молодому поколению. Академик завершил ее за несколько дней до своей кончины¹⁶⁴.

---

¹⁶² Романовский С. И. Александр Петрович Карпинский, 1847—1936. Л., 1981. С. 8.

¹⁶³ Там же. С. 434.

¹⁶⁴ Карпинский А. П. Как я разгадал одну загадку природы // Юный натуралист. 1936. № 8. С. 4—5.

ЕВГРАФ СТЕПАНОВИЧ ФЁДОРОВ (1853—1919)

Известный далеко за пределами своей отчизны российский кристаллограф Евграф Степанович Фёдоров¹⁶⁵ прошел тернистый и многогранный жизненный путь. Он попробовал себя в разных сферах (военная служба, медицина, технологическая химия), стал революционером (в его квартире печаталась народовольческая газета «Начало»), и только к 30 годам (весьма зрелый возраст для того времени) пришел к увековечившей его имя науке — кристаллографии.

Е. С. Фёдоров родился в Оренбурге 22(10) декабря 1853 г. в семье генерала-майора инженерных войск Степана Ивановича Фёдорова и Юлии Герасимовны, урожденной Ботвинко. Вскоре семья переехала в Санкт-Петербург, где под влиянием трудолюбивой и внимательной матери сформировался характер мальчика. Уже в семилетнем возрасте Евграф изучил учебник элементарной геометрии. В девять лет (1862) он был отдан родителями в Анненское реформатское училище (знаменитая «Анненшуде»), а затем за казенный счет, по причине скоропостижной смерти отца, был определен во Вторую военную гимназию (1867). Опередив гимназические программы благодаря самостоятельным занятиям, Е. С. Фёдоров не стал дожидаться окончания обучения и, блестяще сдав кон-

Е. С. Фёдоров

СПбФ АРАН. Ф. 831. Оп. 2. Д. 45. Л. 5

курсный экзамен, поступил в Инженерное училище (1869), по окончании которого в 1872 г. был направлен на военную службу в чине подпоручика саперного батальона в Белую Церковь на Украину. В мае следующего года Е. С. Фёдоров уволился со службы, чтобы поступить вольнослушателем в Медико-хирургическую академию (1874). Однако, вследствие издания циркуляра Министерства народного просвещения

¹⁶⁵ О нем см.: *Шафрановский И.И.* Е. С. Фёдоров — великий русский кристаллограф. М., 1945; *Рукописные материалы Е. С. Фёдорова в Архиве АН СССР: Научное описание, тексты // Труды Архива АН СССР; вып. 14 / сост. И. И. Шафрановский, Н. М. Раскин. М.; Л., 1957; Кумок Я.Н.* Евграф Фёдоров. М., 1971; *Евграф Степанович Фёдоров. Переписка. Неизданные и малоизвестные работы // Научное наследство. Т. 16 / сост. И. И. Шафрановский и др. Л., 1991; Фёдоров Е.С.* Очерки, воспоминания современников, материалы // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Сер. 1. Т. 93. СПб., 1999.

Эвграф Фёдоров. 1867 г.
СПбФ АРАН. Ф. 831. Оп. 2. Д. 45. Л. 1

Е. С. Фёдоров. 1873 г.
СПбФ АРАН. Ф. 831. Оп. 2. Д. 45. Л. 3

о необходимости представления при поступлении в академию аттестата зрелости, Е. С. Фёдоров, как не окончивший классической гимназии, перешел на второй курс Технологического института (1875). Он увлекся изучением химии и физики, в особенности электричества.

С 1872 г. в Технологическом институте преподавал профессор по кафедре механической технологии, будущий академик Аксель Вильгельмович Гадолин (1828—1892), прославившийся независимым выводом 32 точечных групп («видов симметрии») кристаллических форм (1865). В 1867 г. А. В. Гадолин, независимо от Ф. Гесселя и О. Бравэ, вывел из законов симметрии все гемиморфные формы кристаллов, которые характеризуются не столько наличием «половинного» числа граней, сколько закономерно асимметричными физическими свойствами (электризуемостью, пьезоэффектом), открывающими явную связь между внешним обликом кристаллов и их химическим строением. Именно в этом направлении спустя годы проявит свой гений ученик А. В. Гадолина, разрабатывая систему пространственных групп симметрии и кристаллохимический анализ.

Пора студенчества оставила глубокий отпечаток на мировоззрении Е. С. Фёдорова — он увлекся идеями народовольцев, бросил Технологический институт (1876) и как член революционной организации «Земля и Воля» в 1877 г. совершил поездку по Франции, Бельгии и Германии, а по возвращении организовал в своей квартире подпольную типографию. Осенью 1877 г. Е. С. Фёдоров женился на Людмиле Васильевне Панютиной (1851—1936), ставшей его музой и ангелом-хранителем, а впо-

Е. С. Фёдоров и Л. В. Фёдорова (урожд. Панютина)

СПбФ АРАН. Ф. 831. Оп. 2. Д. 58. Л. 11

следствии — автором бесценной книги воспоминаний¹⁶⁶.

Увлечение математическими многогранниками привело Е. С. Фёдорова к изучению многогранников природных — кристаллических. Для повышения уровня своих знаний в этой области он поступил в 1880 г., в возрасте 27 лет, на третий курс Горного института, который закончил в 1883 г. с занесением имени на почетную мраморную доску института.

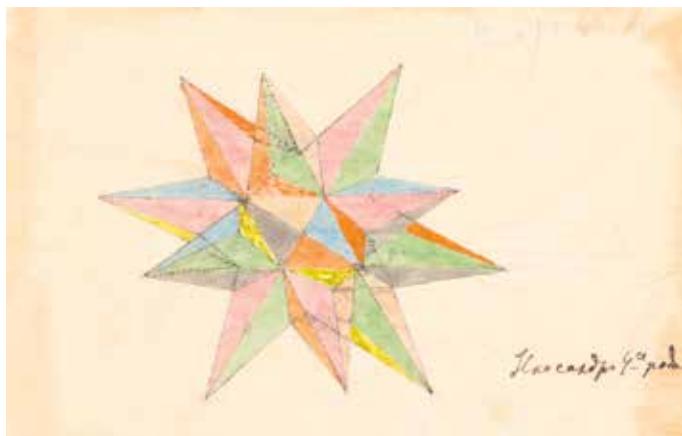
Нестандартные для современников и объективно сложные для понимания идеи Е. С. Фёдорова в области геометрии и кристаллографии с трудом находили дорогу к научной общественности. Так, труд «Начала учения о фигурах» (1879) был замечен лишь А. В. Гадолиным после докладов

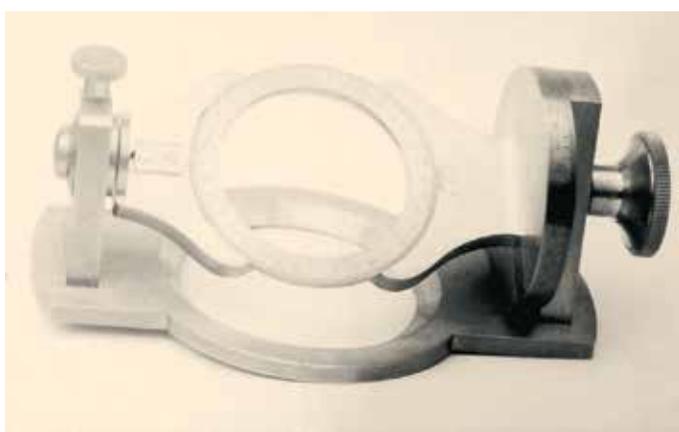
Е. С. Фёдоров

СПбФ АРАН. Ф. 831. Оп. 2. Д. 45. Л. 10

¹⁶⁶ Фёдорова Л. В. Наши будни, радости и горести: Воспоминания. М., 1992.

Икосаэдр 4-го рода.
Рисунок к труду Е. С. Фёдорова
«Начала учения о фигурах»
СПбФ АРАН. Ф. 831. Оп. 1. Д. 3. Л. 53

Теодолитный столик
Е. С. Фёдорова
(одна из первых конструкций)
СПбФ АРАН. Ф. 831. Оп. 1. Д. 21. Л. 1

Е. С. Фёдорова на заседаниях Минералогического общества и по настоянию Акселя Вильгельмовича издан в его «Записках» (1885).

В качестве преподавателя Горного института Е. С. Фёдоров вынужден был вести лишь практические занятия, так как он не был признан профессурой в качестве кристаллографа. Доход от занятий был минимальный, поэтому Е. С. Фёдоров принял предложение Горного департамента участвовать в экспедиционных работах на Северном Урале. В 1883 г. он поступил в качестве делопроизводителя и исполняющего обязанности консерватора в Геологический комитет и с 1884 по 1890 г. участвовал в составлении геологической карты Северного Урала, а вскоре вместе с семьей перебрался на Урал, где с 1894 г. руко-

водил разведочными работами на Турьинских рудниках.

Занимаясь по долгу службы вопросами региональной геологии и месторождениями полезных ископаемых, Е. С. Фёдоров не только не бросил увлечения геометрией и кристаллографией, а наоборот, достиг в этой области вершин творчества, которые спустя годы принесли ему всемирную славу. Он сделал два выдающихся изобретения: двукружный теодолитный гониометр (1889) — прибор для математически точного установления пространственного расположения граней кристалла, и универсальный столик (1891) — приставку к поляризационному оптическому микроскопу для микроскопических определений кристаллов минералов. Изобретения полу-

чили имя своего создателя и в качестве настольных прикладных инструментов распространились по геологическим лабораториям России. В возрасте 37 лет (1890) Е. С. Фёдоров осуществил строгий математический вывод 230-ти пространственных групп симметрии — всех возможных законов расположения элементарных строительных единиц кристалла — атомов или ионов. Спустя два десятилетия теоретическая система Е. С. Фёдорова была блестяще подтверждена в физических экспериментах по дифракции рентгеновских лучей в кристаллах¹⁶⁷. Теория пространственных групп стала главным итогом научного творчества Е. С. Фёдорова и эпохальным вкладом ученого в мировую кристаллографию, а затем — в материаловедение. По своей значимости для фундаментальной науки она близка к формулировке Д. И. Менделеевым периодического закона химических элементов.

В эти же годы Е. С. Фёдоров проявил себя как педагог: помимо монографии «Теодолитный метод» (1893) он выпустил пережившее несколько изданий краткое руководство по кристаллографии (1891). В 1895 г. ученый был избран профессором геологии в Московском сельскохозяйственном институте (знаменитой «Тимирязевке», ныне — Российский государственный аграрный университет), где преподавал вплоть до 1905 г. Живя в Москве, в 1896—1900 гг. Е. С. Фёдоров раз в неделю приезжал в северную столицу, где читал лекции в Горном институте. В 1901 г. по представлению В. И. Вернадского Московский университет присудил Е. С. Фёдорову степень почетного док-

тора минералогии и геогнозии honoris causa. В том же году ученый был избран адъюнктом Императорской академии наук по кафедре минералогии, которую покинул в 1905 г. из-за отсутствия поддержки членов Физико-математического отделения в вопросе создания Минералогического института.

После получения в 1905 г. рядом высших учебных заведений права самостоятельно выбирать себе ректоров, Е. С. Фёдоров принял приглашение совета Горного института и стал его ректором. По инициативе ученого был основан журнал «Записки Горного института», в первых томах которого Е. С. Фёдоров опубликовал множество своих работ. Он углубился в область проективной геометрии и прочитанный им в 1907 г. курс вышел в виде монографии «Новая геометрия как основа черчения». Одновременно как венец своих кристаллографических исследований Е. С. Фёдоров сформулировал новое направление в науке — «кристаллохимический анализ», суть которого состоит в предсказании химического состава и атомного строения кристаллов на основе симметричного анализа его внешних кристаллических форм.

В 1910 г. Е. С. Фёдоров покинул пост ректора, но остался профессором Горного института, параллельно он читал лекции в Институте Лесгафта и работал старшим петрографом в Геологическом комитете. До последних дней жизни, уже в тяжелые и голодные революционные годы, Е. С. Фёдоров оставался активным исследователем и участником научной жизни России. В память об ученом в 1920 г. в Горном институте был основан Фёдоровский

¹⁶⁷ Пауфлер П., Филатов С.К. Развитие Е.С. Фёдоровым российско-германских научных связей // Записки Российского минералогического общества. 2020. Ч. 149. № 5. С. 112—134.

институт кристаллографии, минералогии и петрографии. С 1944 г. Российское минералогическое общество проводит Фёдоровские сессии.

Е. С. Фёдоров не входит в число ученых, чьи имена связаны с развитием геологии рудных месторождений, однако и в этой сфере он оставил примечательный след. Академическая среда университетов и институтов в части геологии в ту эпоху во многом формировалась практическими потребностями прикладной науки. В течение шести лет, с 1894 г., Е. С. Фёдоров жил и работал в главном горном центре страны — на Урале, где принял активное участие в изучении Турьинских медных и железных рудников в качестве инженера-геолога. После возвращения с Урала, работая в Московском сельскохозяйственном институте и затем в Санкт-Петербурге, Е. С. Фёдоров продолжал поддерживать контакты с коллегами на Урале, принимая участие в научной обработке материалов по геологии и рудным месторождениям Богословского горного округа¹⁶⁸. Рудоносные скарны Богословского округа представляют собой геологические тела сложной формы, поскольку они возникли в процессе преобразования исходных горных пород под воздействием подвижного гидротермального флюида. Минимизация потерь при отработке таких руд требует сложного и тщательного картирования, систематического формирования коллекции образцов, относящихся к разным участкам рудных образований. Карта Богословского рудного района, выполненная Е. С. Фёдоровым и его коллегами в масштабе 1:1000 на 197 листах, является если не первым, то одним

из первых примеров точного геологического картирования месторождений в целях их эксплуатации.

За годы работы рудников был собран огромный каменный материал, который уже в 1909 г. насчитывал 25 тыс. изученных и описанных шлифов горных пород и руд. В 1894 г. Е. С. Фёдоровым был основан геологический музей, до сих пор действующий в г. Красноуральске. В коллекциях музея было собрано около 80 тыс. образцов горных пород, представляющих все разновидности пород района, разности руд его месторождений вплоть до отдельных участков. Образцы сопровождалась шлифотекой, готовой к микроскопическому изучению. Материалы исследований были обобщены Е. С. Фёдоровым в 14 статьях. Это небольшая доля среди всей массы опубликованных работ ученого (417 трудов), однако она содержит монографическое обобщение трудов автора и его сотрудников за пять лет работы. В дальнейшем на Турьинских рудниках продолжали исследования его ученики, сам Е. С. Фёдоров повторно посетил район в 1911 г.

Помимо уральских скарновых месторождений железа и меди, Е. С. Фёдоров занимался изучением осадочных месторождений: в 1894 г. он открыл Марсятское месторождение марганцевых руд. Интерес представляют также сравнительные исследования Е. С. Фёдоровым месторождений Среднего Урала с рудными объектами Забайкалья (Адун-Чилонское месторождение) и Закавказья (Кедабекский рудник), начатые им еще в 1902—1903 гг. В 1906 г. Е. С. Фёдоров посетил Малый Кавказ, результаты сравнительных наблюдений дали свои

---

¹⁶⁸ Смирнов В. И. Деятельность Е. С. Фёдорова в области геологии рудных месторождений // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 5. М., 1956. С. 239—247.

Приезд Е. С. Фёдорова (третий слева) в Турьинские рудники. 1911 г.

СПбФ АРАН. Ф. 831. Оп. 2. Д. 73. Л. 1

плоды: он открыл на Кедабеке вторичные кварциты (богатые кварцем гидротермально-измененные образования), ранее описанные им в Богословском рудном районе. Это привело к обнаружению новых рудных тел и оживлению постепенно сворачиваемых добычных работ. Не все результаты наблюдений, сделанные Е. С. Фёдоровым на рудных месторождениях, прошли проверку временем: его взгляды на способы образования руд были впоследствии опровергнуты. Но трудолюбие и планомерная систематическая работа геолога стали примером для его последователей. Недаром в 1965 г. именем Е. С. Фёдорова был назван новый минерал из группы слоистых силикатов — федорит (fedorite) $\text{KNa}_4\text{Ca}_4(\text{Al, Si})_{16}\text{O}_{36}(\text{OH, F})_4 \cdot 6(\text{H}_2\text{O})$, открытый в тонких прожилках фенитизированных песчаников на мысе Турьем (Кольский полуостров, Россия).

Развитие методов количественного химического анализа и химической термодинамики (правило фаз Гиббса, опу-

бликованное в 1876 г.) привело к всплеску интереса к проблеме химического состава горных пород. Вопрос был важен для специалистов, поскольку горные породы — природные агрегаты минералов — изначально было принято определять и классифицировать лишь по внешним признакам — минеральному составу и строению. Такой подход привел к ошибочному отнесению в один класс неродственных горных пород и к появлению многочисленных названий излишних их разновидностей. Требовалось приблизить критерии сходства или различия горных пород к принципам классификации минеральных видов, которая, как основанная на химических формулах, уже в то время была вполне строгой. На рубеже XIX—XX вв. ученые разных стран независимо друг от друга создали около десяти химических классификаций изверженных (магматических) пород. В числе их была и классификация Е. С. Фёдорова (1899). Несмотря на то, что она не по-

лучила всеобщего распространения, эта классификация, возможно, является одной из лучших характеристик Е. С. Фёдорова как ученого-мыслителя и яркой иллюстрацией как глубины его идей, так и сложного пути восприятия их научной общественностью.

Петрография с момента своего оформления в качестве науки была подвержена феноменологическому дуализму: на чем должно быть основано понимание горной породы — на ее физическом облике или же химическом составе? Разработка номенклатуры горных пород напрямую зависит от ответа на этот вопрос. Данной проблематике посвятил несколько работ и Е. С. Фёдоров. В 1899—1900 гг. он сформулировал общие выводы и рекомендации, в целом близкие к точкам зрения его коллег — А. П. Карпинского и Ф. Ю. Левинсон-Лессинга¹⁶⁹, также занимавшихся вопросами петрографической номенклатуры: «...[необходимо] чтобы названия [горных пород] брались не от собственных имен деревень и разных местностей, но чтобы по возможности в них отражался петрографический состав», «в основание классификации горных пород не только потому нельзя класть их элементарного химического состава, что состав этот весьма изменчив, по крайней мере, в некоторых случаях, что он не всегда неразрывно связан

с минералогическим составом, но и потому, что всякие дальнейшие, так называемые вторичные изменения пород слишком резко отражаются на этом составе, тогда как минералогическая и структурная характеристики породы сравнительно легко осуществляются даже для весьма измененных пород»¹⁷⁰.

В то же время Е. С. Фёдоров обратился к петрохимии, как к «естественному» критерию классификации изверженных горных пород. В двух статьях в «Записках Минералогического общества» он разработал «символизацию» их составов, основанную на атомных отношениях металлов пороодообразующих оксидов (автор назвал их «бариметрическими координатами» пород), которые разделил на четыре группы в соответствии с валентностью металлов¹⁷¹: $a - R^+$ (K или Na), $b - R^{2+}$ (Ca, Mg), $c - R^{3+}$ (Al или Fe), $d - R^{4+}$ (Si)¹⁷². Но составам пород, в отличие от имеющих фиксированные формулы минералов, соответствуют не дискретные значения отношений химических компонентов, а их непрерывные диапазоны. Поэтому Е. С. Фёдорову пришлось вернуться к вопросу классификации, чтобы разработать графический шаблон классификационной диаграммы, на котором можно обозначить границы составов пород. Эта работа была им выполнена в 1908 г.¹⁷³ В ней ярко раскрылся

¹⁶⁹ Куплетский Б. М. Классификация изверженных горных пород в России до 1917 года // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 5. М., 1956. С. 228—238.

¹⁷⁰ Фёдоров Е. С. О петрографической номенклатуре (записка, представленная в Бюро 7-го Международного геологического конгресса) // Известия Московского сельскохозяйственного института. 1899. Т. 5. Кн. 3. С. 400, 397.

¹⁷¹ Фёдоров Е. С. Естественная классификация и символизация химических составов изверженных горных пород // Записки Санкт-Петербургского минералогического общества. 1900. Ч. 38. С. 395—446.

¹⁷² Фёдоров Е. С. Об изучении химизма минералов и горных пород // Записки Санкт-Петербургского минералогического общества. 1899. Ч. 37. С. 269—310.

¹⁷³ Фёдоров Е. С. Химические отношения горных пород и их графическое изображение // Записки Горного института. 1908. Т. 1. Вып. 1. С. 1—19.

характер пространственного мышления ученого, сформированный годами размышлений над кристаллографическими концепциями. Составы изверженных пород Е. С. Фёдоров отразил на координатном тетраэдре, на котором оказалось удобным отмечать в специфические точки составов, соответствующие отдельным породообразующим минералам. Фактически своей работой Е. С. Фёдоров с опережением в несколько лет предложил принцип диаграмм минеральных парагенезисов, концепции которых в дальнейшем были разработаны в трудах В. М. Гольдшмидта (1911) и П. Эскола (1915).

Увы, исключительная способность Е. С. Фёдорова к пространственному мышлению в этот раз сыграла с ним злую шутку: трехмерные построения оказались слишком сложными для понимания коллег, и «метод тетраэдра» остался в истории лишь как иллюстрация недюжинного ума ученого, не найдя распространения в научных публикациях. Даже Д. С. Коржинский в предисловии к своей знаменитой работе «Теоретические основы анализа парагенезисов минералов»¹⁷⁴ упустил данный факт из виду, обратив внимание лишь на частную заметку Е. С. Фёдорова по химическому составу слюд, опубликованную им спустя много лет после разработки «метода бариметрических координат»¹⁷⁵.

Отношения Е. С. Фёдорова с Академией наук складывались весьма непросто. Дважды, в 1890 и 1892 гг. Е. С. Фёдоров представлял свои труды по кристаллографии на соискание пре-

мий Академии наук, оба раза неудачно. Его труды, как политически неблагонадежного лица, даже не были упомянуты в официальном списке номинантов.

Труды Е. С. Фёдорова получили широкое мировое признание. Почетный член Императорской академии наук Г. Чермак, Эдлер фон Зейзенег считал значительными гониометрические исследования русского ученого и в 1893 г. направил письмо А. П. Карпинскому в поддержку кандидатуры Е. С. Фёдорова для избрания действительным членом¹⁷⁶. В том же году два кристаллографа с мировым именем, уже упомянутый австрийский минералог Г. Чермак и немецкий кристаллограф П. Г. фон Грот подали обращение к президенту Академии вел. кн. Константину Константиновичу с предложением принять Е. С. Фёдорова в члены Академии: «Нижеподписавшиеся не сомневаются в том, что Россия имеет в лице Фёдорова авторитет на поприще кристаллографии, которому мы завидуем. Мы признаем Фёдорова за самого подходящего кандидата на кафедру кристаллографии и минералогии в Государственной Академии наук и считали бы его выбор за большое поощрение этим наукам в России». Однако кандидатура Е. С. Фёдорова тогда была отклонена.

Только в 1901 г., став к тому времени членом-корреспондентом Баварской академии наук, Е. С. Фёдоров был избран в члены Императорской Академии наук. В возрасте 48 лет профессор с мировой известностью получил звание адъюнкта, младшего по званию действительного члена. Скромное зва-

¹⁷⁴ Коржинский Д. С. Теоретические основы анализа парагенезисов минералов. М., 1973.

¹⁷⁵ Фёдоров Е. С. Приложение графических операций с тремя независимыми переменными к составу слюд // Известия РАН. Сер. 6. 1918. Т. 12. № 7. С. 625—630.

¹⁷⁶ Переписка Е. С. Фёдорова с П. Гротом // Кристаллография. 1955. Вып. 3. С. 212—213.

ние не огорчало его, Е. С. Фёдоров надеялся при помощи Академии реализовать свои научные идеи. Однако дважды поданные им предложения об организации при Академии наук минералогического института были проигнорированы, статус адъюнкта не обеспечивал средств для содержания семьи, вследствие чего Е. С. Фёдоров принял решение оставить свой пост в Академии. Текст его прошения, поданного вел. кн. Константину Константиновичу, был весьма красноречив:

«Ваше императорское высочество. Когда, накануне моего выбора в члены королевской Баварской Академии наук, поставленный в своем непреодолимом влечении к науке в безвыходное положение, но полный сил, имея весьма неправильное представление об Императорской Санкт-Петербургской академии, я обратился к ней за помощью, она меня грубо оттолкнула. Она пожелала меня привлечь в качестве “адъюнкта”, т.е. начинающего ученого, когда я стал инвалидом. Было так устроено, что, приняв выбор, я остался бы без средств к жизни. Конечно, зная теперь, что такое Академия, я должен был отказаться от этого выбора. Но, пока еще были остатки сил, мой отказ мог со стороны потомков вызвать справедливый упрек, что я не сделал попытки вынудить Академию оказать помощь делу русского просвещения устройством Минералогического института. Ваше императорское высочество изволили видеть, что моя попытка вызвала со стороны Академии обратную попытку запачкать мое имя, побудив

меня принять участие в противозаконном дележе казенного пирога. Такова пропасть в воззрениях, целях, задачах скромных людей науки, подобно мне, и господ академиков, важных представителей нашей бюрократии, которая, как своих выдающихся представителей, — выдвигала Биронов, Аракчеевых, Дмитрия Толстого, Плеве. Не могу допустить для себя чести принадлежать к этому сословию, почему и решаюсь всепокорнейше просить Ваше императорское высочество дать моему прошению об увольнении из Академии законный ход и считать меня окончательно выбывшим из числа академиков не только без оставления в какой-либо должности, но даже без всякого звания, которое могло бы напомнить мне об Академии и тем отравлять духовный покой, столь необходимый в последние годы научной деятельности. Если бы Академия действительно была рассадником просвещения, теперь с моей стороны было бы безнравственно занимать в ней место, так как при ослаблении сил я уже не мог бы быть на этом месте полезным деятелем и только заградил бы дорогу более тому пригодным. Вашего императорского высочества всепокорнейший слуга Е. Фёдоров. 7 января 1905 г., Петровско-Разумовское»¹⁷⁷.

Почти два десятка лет спустя Е. С. Фёдоров вернулся в уже Российскую академию наук. В феврале 1919 г. он был избран действительным членом, а в мае 1919 г., в возрасте 66 лет, скончался в голодном Петрограде. В память об ученом в 1944 г. Академия наук СССР учредила премию имени Е. С. Фёдорова.

---

¹⁷⁷ Цит. по: Шафрановский И.И. Евграф Степанович Фёдоров (1853—1819) // Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники / под ред. С. И. Вавилова. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 433—434.

БИОЛОГИЯ

БИОЛОГИЯ В АКАДЕМИИ НАУК В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В момент основания Петербургской Академии наук в 1724 г. в научном лексиконе еще не было слова «биология». Становление научной дисциплины с этим названием произошло только в начале XIX столетия. Однако в структуре петровской Академии науки о жизни занимали заметное место, что показывают уже самые ранние проекты по ее обустройству. Текст так и не утвержденный академический Регламент, составленный в сентябре 1725 г., предусматривал в составе Академии профессорские кафедры по анатомии, ботанике и естественной истории, а также «физиологии, к правилам математическим припряженной»¹⁷⁸. Поскольку Пётр Первый, как выразился библиотекарь Академии И. Д. Шумахер, имел «высокое намерение исследовать натуральную историю Российского государства и граничащих с ним стран»¹⁷⁹, одной из главных задач Академии наук в XVIII в. стало изучение и описание фауны и флоры России, в первую очередь ее азиатской части. Это вполне отвечало общему состоянию наук о жизни в век Просвещения, когда «естественная история», сосредоточенная на «инвентаризации»

и систематизации биологического разнообразия, была их главенствующим разделом.

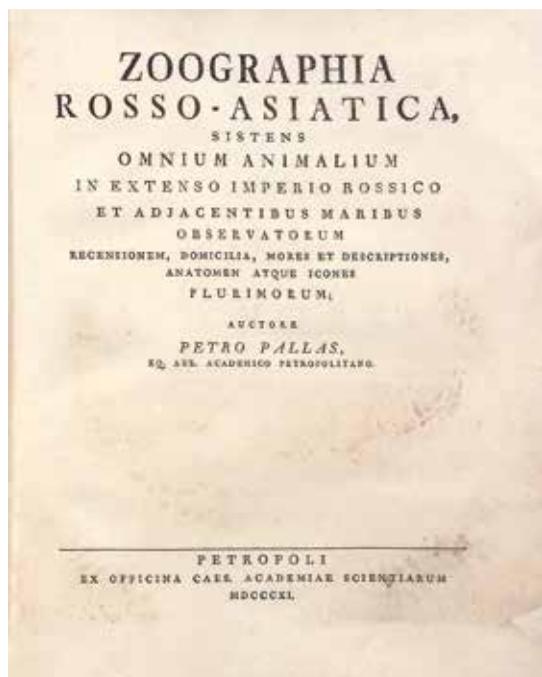
Изучением растительного и животного мира Российской империи в XVIII в. занимались несколько поколений академических натуралистов, среди которых особо выделяется масштабностью фигура Петра Симона Палласа (1741—1811). Издание трудов, созданных на основе собранных ими материалов, продолжалось и в первой половине XIX в. Большое значение имел трехтомный трактат П. С. Палласа «Русско-Азиатская Зоография», опубликованный посмертно в 1811—1814 гг. В нем были описаны 874 вида позвоночных, преимущественно из азиатской части Российской империи.

«Долгий» XIX в. ознаменовался не только оформлением биологии как особой науки, но и ее прогрессирующей дифференциацией, с разделением на «точные», экспериментальные дисциплины и традиционные «описательные», то есть те, что составляли в XVII—XVIII вв. содержание «естественной истории». С каждым десятилетием «удельный вес» первых увеличивался, в то время как роль и значение

---

¹⁷⁸ Котелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. С. 85.

¹⁷⁹ Там же. С. 72.

П. С. Паллас. «Русско-Азиатская зоография».
Титульный лист. 1811 г.
СПбФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1. Д. 132. Л. 3

Манул (*Otocolobus manul*). Рисунок,
подготовленный для монографии П. С. Палласа
«Русско-Азиатская зоография». Около 1780 г.
СПбФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1. Д. 761. Л. 19

вторых падали. На рубеже XIX—XX вв. «экспериментальные» направления, претендовавшие на большую объективность и точность, стали доминировать в области наук о жизни. От «кабинетов курьезов» и «кунст-камер» века Просвещения, давших начало естественнонаучным музеям, лидерство перешло к специализированным лабораториям, оснащенным сложной оптикой и оборудованием для проведения экспериментов. В течение XIX в. и в начале XX в. в качестве самостоятельных разделов биологии оформились цитология, эмбриология («механика развития»), физиология растений, генетика, а также экология, в рамках которой наблюдательный (то есть вполне дескриптивный) метод стал сочетаться с экспериментальными подходами и количественным анализом.

Важнейшие теоретические вопросы, которая решала биологическая наука в рассматриваемый период, это сущность и происхождение жизни, механизмы наследственности, структура и функционирование клетки, биохимические основы жизни, роль среды и наследственности в формировании признаков живых организмов, закономерности зародышевого развития. Венцом теоретических поисков в биологии XIX в. стала созданная иностранным членом-корреспондентом Императорской академии наук (1867) Чарльзом Дарвином (1809—1882) эволюционная теория, которая самим фактом своего опубликования в 1859 г. разделила всю историю биологии на два этапа: до и после «Происхождения видов». Конец XIX — начало XX в. — это время горячих дебатов о принципах эволюции живого и роли отдельных факторов в ней; эпоха, когда представители различных отраслей

биологии (сравнительная анатомия, эмбриология, систематика, палеонтология, генетика, зоопсихология) стали интерпретировать получаемые ими результаты в эволюционном контексте, либо дарвинистском, либо антидарвинистском. В конце рассматриваемого этапа наметились первые контуры того, что будет в середине XX в. названо «синтетической теорией эволюции» или неodarвинизмом. В роли «предтеч» и «архитекторов» эволюционного синтеза выступило сразу несколько отечественных ученых, включая академиков А. С. Фаминцына (1835—1918), Н. И. Вавилова (1887—1943), А. Н. Северцова (1866—1936), И. И. Шмальгаузена (1884—1963)¹⁸⁰.

Эти тенденции в полной мере отразились на деятельности биологов — членов Академии наук, выборе ими тем для исследований, а также в том вкладе, который они внесли в мировую науку. При этом четкая грань между академической и университетской наукой едва ли может быть проведена. В до-революционную эпоху в составе Академии наук было мало исследовательских учреждений в области биологии. Большая часть ординарных академиков по биологии и многих членов-корреспондентов начинали свою научную карьеру в качестве университетских преподавателей. Многие не прекращали связь с университетами и после избрания их членами Академии. Несколько крупных российских биологов, труды которых имели мировое значение, не были избраны действительными членами или адъюнктами Академии наук. Так, нобелевский ла-

уреат И. И. Мечников с 1887 г. работал во Франции и был избран почетным членом Академии наук только в 1902 г. Выдающийся палеонтолог-эволюционист В. О. Ковалевский также не был аффилирован ни с одним академическим учреждением.

Некоторые успешные направления академической биологии, в первую очередь экспериментальные, были многим обязаны усилиям ученых, работавших в университетах. Так, возникновение в начале XX в. физиологической школы И. П. Павлова было обусловлено высоким уровнем, которого достигла русская физиология во второй половине предшествующего столетия. Крупнейшим отечественным физиологом того времени был И. М. Сеченов (1829—1905), автор новаторских исследований о механизмах работы головного мозга. Он, как и другие выдающиеся физиологи — современники И. П. Павлова (Н. Е. Введенский, А. А. Ухтомский) — работал преимущественно в стенах различных российских университетов.

Достижения советской генетики, занимавшей в 1920—1930-е гг. лидирующие позиции в мире, были связаны не только с работами академической школы, возглавляемой Н. И. Вавиловым, но и с исследованиями школ Н. К. Кольцова и С. С. Четверикова в Москве, а также Ю. А. Филипченко в Ленинградском государственном университете.

Если сосредоточиться на развитии биологии в трудах членов Императорской Санкт-Петербургской академии наук, то наивысшие их достижения

¹⁸⁰ См. коллективную монографию под редакцией Э. И. Колчинского (Создатели современного эволюционного синтеза. СПб., 2012), в которой, в зависимости от их роли, указанные авторы помещены в категорию «предтеч» или «архитекторов» синтетической теории эволюции.

Диплом об избрании
А. О. Ковалевского членом
Лондонского Линнеевского
общества. На лат. яз. 1884 г.
СПбФ АРАН. Ф. 300. Оп. 1.
Д. 106. Л. 1

были связаны с разработкой проблем эволюционной биологии. Дарвиновская теория в ее оригинальной форме основывалась во многом на гипотетических предположениях и мысленных экспериментах, что признавал и сам ее автор. Многие биологи (включая К. Э. фон Бэра и А. Ф. Миддендорфа) критиковали дарвинизм за его «фантастический», спекулятивный характер. Проверка дарвиновской теории, поиск убедительных доказательств реальности эволюции органического мира стали одной из главных проблем биологии второй половины XIX в.

Большое значение для триумфа эволюционной идеи имели труды русско-

го эмбриолога Александра Онуфриевича Ковалевского (1840—1901), избранного ординарным академиком (зоология) Физико-математического отделения (1890), членом Лондонского Линнеевского общества (1884). Его исследования пролили новый свет на трудную проблему «переходных форм», связывающих между собой разные группы организмов непрерывной цепью родства. Теория Ч. Дарвина предсказывала, что такие формы должны были существовать в отдаленном прошлом. Однако палеонтология давала очень мало примеров их существования (самым знаменитым из них был археоптерикс, обнаруженный

в 1861 г.), что создавало немалые трудности для дарвинизма. А. О. Ковалевский показал, что обнаружить искомые переходные формы можно, изучая зародышевое развитие ныне живущих организмов. Уже в своей магистерской диссертации он установил родственную связь между примитивным хордовым, известным как ланцетник, и современными беспозвоночными. Оказалось, что развитие ланцетника, которого тогда считали очень примитивной рыбой, во многих деталях близко к развитию иглокожих, таких, как морские звезды. Изучая эмбриогенез асцидий, которых ранее относили к беспозвоночным, А. О. Ковалевский убедился, что их личиночное строение во многом сходно со строением хордовых животных, а сравнительно простое анатомическое строение взрослых асцидий объясняется регрессом, происходящим при переходе к неподвижному образу жизни.

Эти открытия позволили связать между собой две группы животных — позвоночных и беспозвоночных, которые со времен Ж. Б. Ламарка (1744—1829) рассматривались как два независимых, далеких друг от друга ствола развития животных. Работы А. О. Ковалевского дали одно из самых убедительных доказательств единства происхождения многоклеточных животных (Metazoa), наличия родственных взаимоотношений между группами, которое не могло быть выявлено классическими методами сравнительной анатомии. Ч. Дарвин высоко оценил результаты, полученные А. О. Ковалевским, и сослался на них

в своем труде «Происхождение человека» (1871). Он, в частности, отметил, что открытие молодого русского эмбриолога может оказаться открытием «величайшей важности» и, если оно верно, то «мы, наконец, получим ключ к источнику, откуда происходят позвоночные»¹⁸¹. Время подтвердило правоту основных выводов А. О. Ковалевского.

Еще одним направлением теоретической биологии, развивавшимся учеными Академии наук, была теория симбиогенеза, рассматривающая симбиотические отношения, т.е. тесное и взаимовыгодное взаимодействие организмов, относящихся к не близкородственным группам, как важный движущий фактор эволюционного развития. Еще в 1867 г. русские ботаники Андрей Сергеевич Фаминцын (адъюнкт по ботанике (1878), экстраординарный (1884), ординарный (1891) академик) и О. В. Баранецкий установили, что лишайники — крайне необычные организмы, возникающие как продукт симбиоза гриба и микроскопической водоросли. При этом водоросль, выделенная из состава лишайника, вполне способна жить и размножаться как самостоятельный организм. Позднее, в 1907 г. академик А. С. Фаминцын расценил собственное открытие как «первое неопровержимое фактическое доказательство теории эволюции организмов»¹⁸². Оно заставило его обратиться к углубленному изучению роли симбиоза в эволюции живых организмов. По его собственным словам, он стремился превратить дарвинизм в «недоступную возражениям истину», показать

¹⁸¹ Цит. по: Ковалевский А. О. Избранные работы. М.; Л., 1951. С. 572.

¹⁸² Создатели современного эволюционного синтеза / ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб., 2012. С. 69. См. также: Маноilenко К. В. Андрей Сергеевич Фаминцын. СПб., 2016.

А. Н. Северцов.

Фото М. С. Напельбаума. 1928 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-С. Д. 39. Л. 1

на фактах, как из относительно простых компонентов возникают сложные организмы. Уже в 1868 г. А. С. Фаминцын пришел к мысли о том, что сама живая клетка в ходе эволюции могла возникнуть путем симбиоза. Несмотря на то, что принципы симбиогенеза в дальнейшем развивались несколькими крупными учеными (в России это были ботаники К. С. Мережковский и Б. М. Козо-Полянский), эта концепция долгое время не имела широкой популярности среди биологов. Только в конце 1960-х гг., в первую очередь усилиями американской исследовательницы Линн Маргулис (1938—2011)

симбиогенез постепенно превратился в «респектабельную концепцию», и сегодня симбиотическая гипотеза возникновения эукариотической клетки имеет наибольшую популярность среди цитологов.

В начале XX в. крупнейшим отечественным эволюционистом был академик (1920) Алексей Николаевич Северцов (1866—1936), автор капитальных трудов о макроэволюции — разделе биологии, изучающем закономерности происхождения наивысших таксономических категорий — типов и классов. Ему принадлежит теория филэмбриогенеза, согласно которой крупные макроэволюционные преобразования происходят путем перестройки ранних (эмбриональных) стадий онтогенеза. Сама эта идея была сформулирована еще в эпоху Ч. Дарвина, но А. Н. Северцову удалось значительно углубить ее, развив до состояния полноценной научной теории. Доказательную базу для этой теории А. Н. Северцов собирал на зоологическом материале (преимущественно на позвоночных), однако позднее академик (1972) А. Л. Тахтаджян (1910—2009) показал, что концепция филэмбриогенеза применима и к эволюции растений¹⁸³.

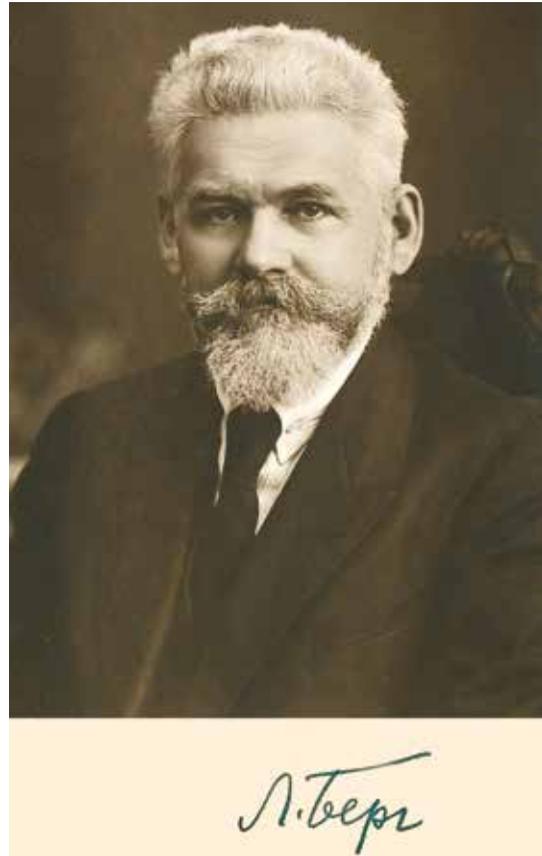
Еще одним достижением А. Н. Северцова стало учение о трех главных направлениях эволюционного процесса (ароморфоз, идиоадаптация, дегенерация), описывающее общие принципы адаптивной эволюции, а также понятие о биологическом прогрессе и его критериях. Академика А. Н. Северцова рассматривают как одного из основоположников эволюционной морфологии животных, внесшего большой вклад в развитие идей Ч. Дарвина.

¹⁸³ Создатели современного эволюционного синтеза. С. 87—92, 100—105.

Важно отметить, что нельзя ставить знак равенства между дарвинизмом и эволюционной теорией. Уже в то время большинство биологов признавало, что эволюция — это не гипотеза, а объективный факт, но далеко не все из них были готовы принять дарвинизм, то есть теорию эволюции путем естественного отбора. В конце XIX — начале XX в. возникло довольно много недарвиновских и антидарвиновских эволюционных теорий, две из которых заслуживают особого упоминания.

Адъюнкт по ботанике (1893), затем экстраординарный академик (1896) Сергей Иванович Коржинский (1861—1900), геоботаник по специальности, опубликовал первую часть своего главного теоретического труда «Гетерогенезис и эволюция» (1899), который ему не суждено было завершить (год спустя он умер от заражения крови). Книга вышла одновременно на русском и на немецком языках, получила известность за границей. Подобно некоторым другим биологам своего времени, русский ботаник доказывал, что новые виды появляются скачкообразно, путем спонтанных и резких изменений в строении растений, передаваемых по наследству. Это и есть «гетерогенезис» (по-гречески *heteros* — «другой», *genesis* — «происхождение»). Поэтому переходных форм нет и быть не может, а естественный отбор и борьба за существование никакой роли в эволюции не играют. Механизма, с помощью которого могут происходить эти скачки, С. И. Коржинский не знал, однако его догадка предвосхитила работы некоторых генетиков XX в., разрабатывавших теорию скачкообразной эволюции на основе мутаций.

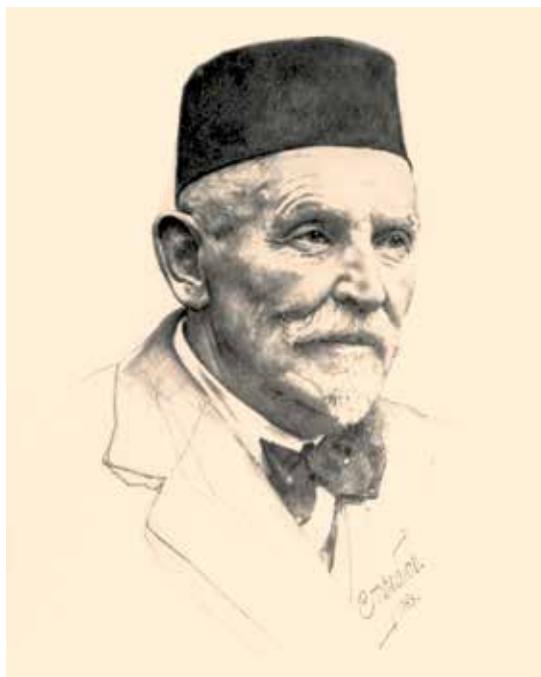
В 1922 г. другой российский ученый, ихтиолог и географ Лев Семёнович Берг

Л. С. Берг. 1929 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 283. Л. 1

(1876—1950), впоследствии член-корреспондент (1928), затем академик (1946) Академии наук СССР, обнародовал свою теорию «номогенеза» или эволюции, основанной на закономерности. Признавая великие заслуги Ч. Дарвина как ученого, Л. С. Берг отвергал эволюционное значение фактора естественного отбора, основанного, как ему представлялось, на чистой случайности. Л. С. Берг утверждал, что на самом деле в эволюции господствует некая закономерность, которая заставляет живые организмы развиваться в определенном направлении. Хотя ученый отказался рассуждать о природе этой закономерности даже гипотетически, собранный им фактический материал, по мне-

С. Г. Навашин.
Художник И. Б. Стреблов. 1928 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Н. Д. 114. Л. 1

нию самого автора, однозначно свидетельствовал о том, что в эволюции нет и не может быть случайного развития. В целом концепция номогенеза не нашла большой поддержки у специалистов, но она поставила острые вопросы и указала на слабые стороны классического дарвинизма, что способствовало дальнейшей разработке эволюционной теории. Об оригинальности и научном значении антидарвиновской теории Л. С. Берга говорит тот факт, что издание его труда за границей, в английском переводе (1926) было осуществлено при поддержке академика Н. И. Вавилова, одного из протагонистов «неодарвинистского» синтеза. Интерес к идеям Л. С. Берга возродился примерно полвека спустя, когда его труд вышел вторым изданием на английском (1969) и русском (1977) языках.

Из других направлений экспериментальной биологии, в развитии ко-

торых приняли участие члены Академии наук, можно назвать физиологию растений. Помимо упомянутого академика А. С. Фаминцына, важные работы в этой области были выполнены академиками Иваном Парфеньевичем Бородиным (1847—1930), Владимиром Ивановичем Палладиным (1859—1922) и Николаем Александровичем Максимовым (1880—1952). Последний, в частности, изучал различные аспекты засухоустойчивости и зимостойкости растений, некоторое время работал во Всесоюзном институте прикладной ботаники и новых культур, возглавляемым Н. И. Вавиловым.

Зародышевое развитие растений изучал академик Сергей Гаврилович Навашин (1857—1930), которому принадлежит открытие двойного оплодотворения у покрытосеменных (1898), а также ряд пионерских исследований в области цитогенетики и кариосистематики.

«Описательные» разделы биологии также не остались без внимания биологов — членов Академии наук, продолживших традиции академических путешествий XVIII в. Задача изучения и описания природных богатств России, поставленная перед Академией Петром Великим, не была и не могла быть полностью выполнена в XVIII в. Естественноисторическое обследование огромной территории империи продолжалось в XIX и в XX столетиях. Хотя таких масштабных предприятий, как академические экспедиции XVIII в., уже не предпринималось, Академия наук постоянно участвовала в организации и проведении экспедиций в отдаленные районы России. Это было тем более актуально, что в XIX в. в состав государства вошли новые, почти неизученные биологически, территории: Амурский край, Кавказ и За-

кавказье, Средняя Азия. До середины XIX в. продолжалось изучение Русской Америки. Благодаря этим полевым исследованиям, два академических музея биологического профиля — Ботанический и Зоологический — вошли в число крупнейших как по объему, так и по таксономическому охвату естественноисторических коллекций мира.

Одной из наиболее значительных экспедиций стало путешествие 1842—1845 гг. адъюнкта по зоологии (1845), затем экстраординарного (1850), ординарного (1852—1865) академика и почетного члена (1865) Академии наук Александра Фёдоровича Миддендорфа (1815—1894). Маршрут его пролегал по территориям Восточной Сибири и русского Дальнего Востока, многие районы которых (например, полуостров Таймыр) не посещались до тех пор ни одним натуралистом. Эта экспедиция имела комплексный характер: помимо большого количества экземпляров животных и растений А. Ф. Миддендорф привез в Санкт-Петербург богатые палеонтологические, геологические и этнографические коллекции, результаты полевых биогеографических и экологических наблюдений. Написанная им по итогам путешествия двухтомная «Фауна Сибири» (1867—1875) представляла собой первый энциклопедический справочник о животном мире Азиатской России (туда же были включены и этнографические материалы о коренных народах Сибири, которых А. Ф. Миддендорф также причислял к «аборигенной фауне»).

Путешествия в Амурский край с целью его естественноисторическо-

го описания совершили зоолог и этнограф, ординарный академик (1865) Л. И. Шренк (1826—1894) и ботаник, ординарный академик (1871) К. А. Максимович (1827—1891). На рубеже XIX—XX вв. изучение флоры русского Дальнего Востока и сопредельных территорий продолжили С. И. Коржинский и В. Л. Комаров (1869—1945), будущий президент Академии наук СССР. Экспедиции в Русский Туркестан осуществили А. Ф. Миддендорф (1878) и С. И. Коржинский (1895).

Начиная с 1870-х гг. Академия наук принимала активное участие в обработке коллекций по ботанике и зоологии, доставлявшихся русскими экспедициями по изучению стран Центральной Азии¹⁸⁴. Экспедиции под руководством почетного члена Академии наук (1878) Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова, Г. Н. Потанина, В. И. Роборовского и других исследователей не только обогатили фонды Ботанического и Зоологического музеев Академии, но и открыли ученому миру Европы живую природу Центральной Азии, ранее известную лишь фрагментарно. Хотя, ввиду недостатка отечественных специалистов, часть собранных материалов отправлялась зарубежным коллегам, сотрудники Петербургской Академии наук внесли большой вклад в обработку привезенных коллекций. Мировую известность получила открытая Н. М. Пржевальским монгольская дикая лошадь, описанная хранителем Зоологического музея И. С. Поляковым под названием «лошадь Пржевальского»¹⁸⁵.

¹⁸⁴ *Slepikova N. V., Yusupova T. I.* The Zoological Museum of the St. Petersburg Academy of Sciences, 1860s—1910: From an academic institute to a public museum // *Centaurus*. 2018. Vol. 60. P. 294—314.

¹⁸⁵ *Соколов В. Е., Шишкин В. С.* Развитие отечественной териологии в XIX веке. М., 2005. С. 284—285.

Палеонтологические исследования, проводившиеся Академией наук, были направлены в первую очередь на описание ископаемой фауны и флоры, а также на разработку биостратиграфических схем, позволяющих датировать слои земной коры на основе содержащихся в них остатков организмов. Большое значение для развития палеобиологии имели работы по ископаемым палеозойским рыбам Х. Г. Пандера (1794—1865), третичным млекопитающим А. А. Борисяка (1872—1944) и Ю. А. Орлова (1893—1966), третичным и четвертичным моллюскам Понто-Каспийского бассейна Н. И. Андрусова (1861—1924). Традиционным для российской палеонтологии направлением было исследование плейстоценовой «мамонтной фауны», богатые местонахождения которой располагаются на территории Сибири. Вечная мерзлота позволяет сохраниться не только костным остаткам вымерших животных, но даже их мягким тканям. Возможны находки практически неповрежденных замороженных экземпляров. Об этом натуралисты знали уже в эпоху П. С. Палласа, но только

в начале XX в. русским палеонтологам удалось исследовать хорошо сохранившегося мамонта, найденного на реке Берёзовке в заполярной Якутии. Этот уникальный объект поступил в коллекцию Зоологического музея Академии наук, его изучение позволило впервые установить не только внешний вид мамонта, но и строение его внутренних органов и кожного покрова, особенности питания животного.

Таким образом, в период 1800—1934 гг. Академия наук разрабатывала практически весь спектр биологических направлений, включая как традиционные описательные разделы наук о жизни, так и более современные, основанные на экспериментальном подходе. В некоторых из них сотрудникам Академии наук удалось добиться значительных успехов, имевших значение для прогресса биологии в мировом масштабе. Не были забыты и задачи, важные для развития России, в первую очередь изучение и описание ее природных богатств, включая исследование фауны и флоры, а также поиск полезных ископаемых с использованием методов биостратиграфии.

КАРЛ МАКСИМОВИЧ ФОН БЭР (1792—1876)

Карл Эрнст фон Бэр, или, как он именовался в России, Карл Максимович Бэр был крупнейшим отечественным исследователем XIX в., заслужившим огромный авторитет в мировом научном сообществе. Его часто называют «великим биологом», но это определение слишком узкое, правильнее было бы охарактеризовать К. М. Бэра как «великого натуралиста» в самом широком смысле этого понятия. Собственно биологические проблемы составляют лишь часть, хотя и очень важную, его научного наследия. По своей эрудиции и размаху научных интересов К. М. Бэр являлся подлинным энциклопедистом, с которым в истории российской науки могут сравниться лишь единицы.

Врач по образованию, К. М. Бэр первоначально специализировался в области эмбриологии животных, в которой и составил себе громкое имя, но за свою долгую жизнь в науке он профессионально работал в таких разных дисциплинах, как физическая география, гидрология и климатология, антропология, сравнительная анатомия, зоология, история естествознания, книговедение, археология и даже классическая филология. Как ученый-практик К. М. Бэр занимался вопросами медицинской статистики и эпидемиологии, борьбой с вредителями сельского хозяйства и организацией рационального рыболовства. Был

он и неутомимым путешественником, посетившим с научными целями много стран зарубежной Европы, а также Азовское, Чёрное и Каспийское моря, архипелаг Новая Земля, Чудское озеро, озеро Севан и др.

Огромная по объему историко-научная «бэриана» включает многие сотни публикаций, освещающих жизненный и творческий путь К. М. Бэра, его многообразную общественную, преподавательскую и просветительскую деятельность. Первой из посвященных ему монографий стала книга зоолога Людвиг Штиды, вышедшая двумя изданиями на немецком языке¹⁸⁶. Русскоязычному читателю доступны жизнеописания К. М. Бэра, принадлежащие крупным биологам и историкам естествознания Н. А. Холодковскому, Б. Е. Райкову, Е. Н. Павловскому¹⁸⁷. Издана в нескольких томах переписка К. М. Бэра с учеными и общественными деятелями его времени. Однако до сих пор не выпущено сколько-нибудь полное академическое издание сочинений ученого, подобное многотомным собраниям трудов М. В. Ломоносова, И. И. Мечникова, В. О. Ковалевского, В. В. Докучаева и других крупнейших естествоиспытателей России.

К. М. Бэр прожил долгую и плодотворную жизнь, которая была сравнительно бедна бурными событиями (за исключением, пожалуй, Отечественной войны 1812 г., в которой он

¹⁸⁶ Stieda L. Dr. Karl Ernst von Baer, eine biographische Skizze. Braunschweig, 1878; 2. Ausg. 1886.

¹⁸⁷ Холодковский Н. А. Карл Бэр. Его жизнь и научная деятельность. Берлин, 1923; Павловский Е. Н. К. М. Бэр и Медико-хирургическая академия. М.; Л., 1948; Райков Б. Е. Карл Бэр, его жизнь и труды. М.; Л., 1961.

участвовал в качестве медика и боролся с эпидемией тифа, вспыхнувшей в русских войсках) и может быть охарактеризована как успешная и спокойная карьера профессионального ученого. Но за этой относительной бессобытийностью кроется напряженная творческая жизнь и многогранная общественная деятельность великого ученого.

Уроженец Российской империи, К. М. Бэр родился 17 февраля 1792 г. в эстляндском местечке Пийб на территории современной Эстонии. По рождению он принадлежал к балтийским (остзейским) немцам, из числа которых вышло большое число ученых, путешественников, военных и административных деятелей того времени. В 1810 г. он поступил на медицинский факультет Дерптского (ныне Тартуского) университета, который успешно окончил в 1814 г. защитой диссертации «Об эндемичных болезнях эстонцев». Примечателен междисциплинарный характер этого квалификационного труда — на пересечении медицины и этнографии. Для усовершенствования в медицинских науках он направился в Австрию, где усердно занимался, пока не понял, что карьера практикующего врача его привлекает меньше, чем исследовательская деятельность. Кроме того, как пишет сам К. М. Бэр, его разочаровал дух соперничества и «взаимных злобных пересудов», с которыми он столкнулся в среде венских врачей¹⁸⁸.

Решение заняться естествознанием, в первую очередь сравнительной анатомией животных, привело К. М. Бэра в германский Вюрцбург, где работал

известный знаток этой дисциплины профессор И. Дёллингер. Поскольку в год прибытия К. М. Бэра И. Дёллингер не читал лекций по сравнительной анатомии, молодому ученому пришлось осваивать эту науку почти самостоятельно, пользуясь лишь консультациями профессора. К. М. Бэр изучал анатомию животных, начав с препарирования обычной пиявки, купленной им в аптеке. Уже в 1817 г. он получил приглашение занять место прозектора при кафедре анатомии и физиологии в Кёнигсбергском университете. Спустя два года получил звание экстраординарного профессора зоологии и читал курс сравнительной анатомии беспозвоночных. В 1826 г. К. М. Бэр был избран ординарным профессором и директором анатомического музея. Именно в Кёнигсберге, где ученый проработал 17 лет, выполнены его самые значительные работы по эмбриологии.

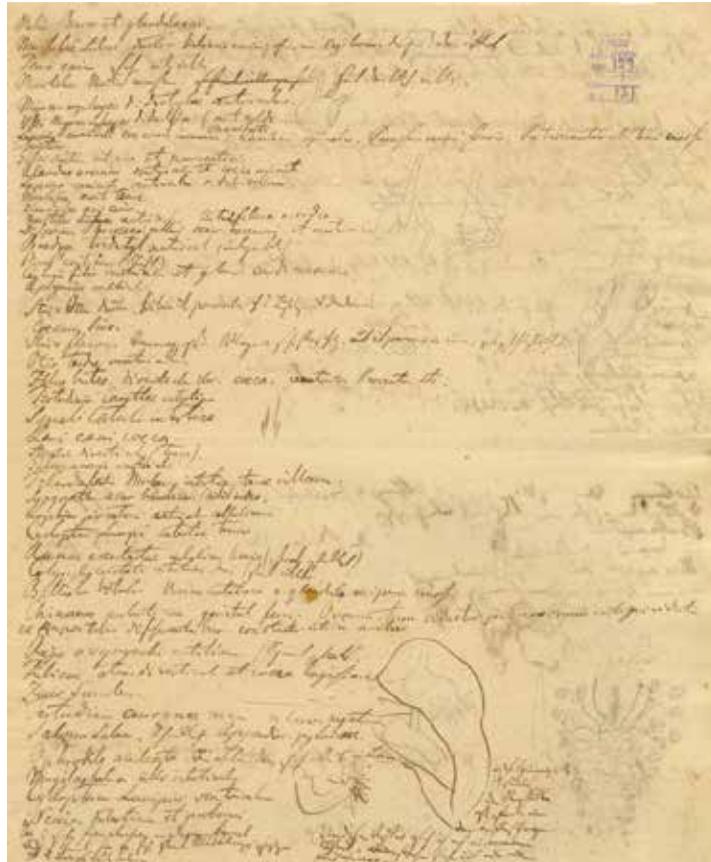
Период 1822—1826 гг. в жизни К. М. Бэра стал временем наиболее интенсивных исследований в этой области. Основным и традиционным для эмбриологии тех лет предметом было изучение развития зародыша в курином яйце, объекте одновременно легкодоступном и достаточно крупном, не требующем сложной микроскопической техники. Свои результаты К. М. Бэр изложил в классическом труде «Об истории развития животных: наблюдение и размышление». У этой книги была сложная и долгая издательская судьба. Первый ее том вышел в 1828 г., второй — в 1837 г., а завершающая часть увидела свет только в 1888 г., после смерти автора¹⁸⁹.

---

¹⁸⁸ Бэр К. М. Автобиография. М.; Л., 1950. С. 173—174.

¹⁸⁹ История издания монографии подробно изложена в кн.: Райков Б. Е. Карл Бэр, его жизнь и труды. М.; Л., 1961. С. 106—114.

К. М. Бэр. Материалы
к учению о типах животных.
Автограф. 1820 г.
СПбФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1.
Д. 131. Л. 18

В 1826 г. К. М. Бэр обнаружил яйцо (яйцеклетку) у млекопитающих, сначала в организме собаки, а потом и у других видов, включая человека. Это явилось заметным достижением биологии того времени. Молодому ученому удалось то, что до него не удавалось выдающимся авторитетам в области эмбриологии. Он описал свои открытия в небольшой брошюре, озаглавленной «О происхождении яйца млекопитающих и человека», адресованной Императорской Санкт-Петербургской академии наук, но опубликованной в Лейпциге. К. М. Бэр доказал, что яйцо млекопитающих сходно с яйцевыми клетками других позвоночных и развитие их идет по сходному типу. Тем самым блестяще подтвердился принцип «все живое происходит из яйца» (*vivunt omne ex ovo provenire*),

восходящий к трудам Уильяма Гарвея (середина XVII в.).

К. М. Бэр обнаружил, что зародыши наземных позвоночных имеют жаберные щели и жаберные сосуды, хотя все эти животные во взрослом состоянии дышат не жабрами, а легкими. Что еще более важно, он доказал, что эмбриональное развитие всех позвоночных сводится к некоему общему плану, основные элементы которого сохраняются независимо от частных вариаций, уникальных для отдельных классов и отрядов. Внешне это проявляется в удивительном сходстве зародышей различных позвоночных на первых стадиях их развития. Как писал сам К. М. Бэр, «у меня в спирту сохраняются два маленьких зародыша, которые я забыл пометить, и теперь я совершенно не в состоянии сказать, к какому

К. М. Бэр после возвращения из Германии.
Литография с гравюры.
Вторая половина 1830-х — начало 1840-х гг.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 159. Л. 1

классу они принадлежат. Может быть, это ящерицы, может быть — маленькие птицы, а может быть — и очень маленькие млекопитающие, до того велико сходство в устройстве головы и туловища у этих животных»¹⁹⁰. Ч. Дарвин назвал это «законом зародышевого сходства».

Так К. М. Бэр стал основателем новой отрасли знаний — сравнительной эмбриологии. Однако подобно большинству крупных натуралистов того времени, он не был узким специалистом. В кёнигсбергский период своей деятельности он публиковал статьи по вопросам палеонтологии, анатомии беспозвоночных, паразитологии, эпидемиологии.

Путь К. М. Бэра в Императорскую Санкт-Петербургскую академию наук оказался долгим и сложным. Еще

в 1826 г. Академия избрала его своим иностранным членом-корреспондентом, а 9 апреля 1828 г. он был избран на должность ординарного академика по зоологии. Это решение было утверждено императором Николаем I 31 октября того же года. Для К. М. Бэра избрание означало переезд в Санкт-Петербург, где, по уставу Академии, должны были жить и работать ее ординарные академики. Так К. М. Бэр, будучи уже зрелым человеком и состоявшимся ученым, вернулся на родину, поскольку, как он сам писал, такая возможность «пробудила мое патриотическое чувство». Одной из причин его долгого пребывания в Германии было отсутствие в России подходящего места работы, которое позволяло бы ему интенсивно проводить научные исследования и содержать многочисленное семейство (к 1828 г. К. М. Бэр был отцом пятерых детей).

Несмотря на то что в Санкт-Петербурге его приняли весьма «любезно и предупредительно», К. М. Бэр быстро понял, что в российской столице отсутствует подходящая научная инфраструктура, необходимая для его исследований. К тому же переезду в Россию решительно противилась его супруга, уроженка Пруссии. Он стал иностранным почетным членом Академии наук (1830). В итоге возвращение на родину состоялось лишь пять лет спустя, когда К. М. Бэра вторично избрали ординарным академиком (1834—1862) по зоологии (с 1846 г. он стал числиться по специальности «анатомия»). В декабре 1834 г. К. М. Бэр окончательно обосновался в Санкт-Петербурге и впервые участвовал в заседании Конференции Академии наук.

¹⁹⁰ Эту цитату из К. М. фон Бэра приводит Ч. Дарвин в 14 главе «Происхождения видов».

Переезд в Россию ознаменовался для ученого довольно заметным изменением в тематике проводимых исследований. К. М. Бэр практически перестал заниматься эмбриологией, переключившись на работы в области зоологии (как позвоночных, так и беспозвоночных); палеонтологии, антропологии и физической географии. Две последние области знаний привлекали его наибольшее внимание в «академический» период жизни.

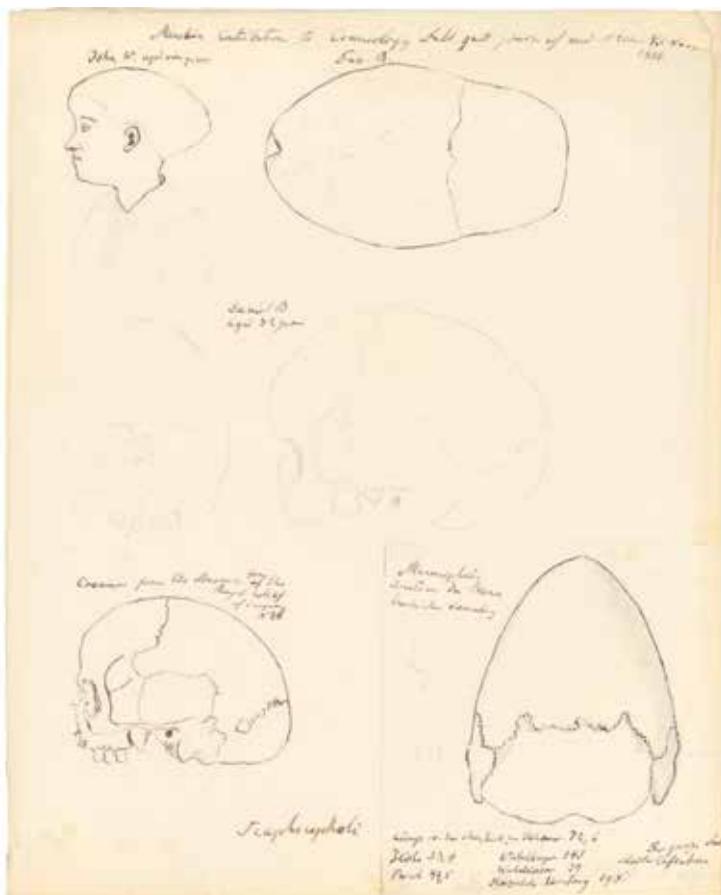
Работая в Академии, К. М. Бэр серьезно увлекся краниологией — наукой о строении черепа позвоночных животных и человека. Он заведовал краниологическим кабинетом, созданным при Академии, способствовал пополнению и изучению хранившихся там экземпляров. Одной из задач кабинета было создание коллекции черепов, принадлежащих разным расам и народностям, населявшим Российскую империю. С этим проектом были тесно связаны работы К. М. Бэра по этнографии (антропологической географии), причем он интересовался не только этнографией России, но и эк-

зотическими и почти неизвестными тогда этносами, такими как папуасы Новой Гвинеи. На основе своих работ К. М. Бэр пришел к выводу о видовом единстве человечества вопреки его заметному морфологическому разнообразию. Под влиянием идей К. М. Бэра к изучению папуасов и других народностей юго-восточной Азии и Океании обратился Н. Н. Миклухо-Маклай, для которого академик в 1870 г. составил программу краниологических исследований на «островах и побережье Тихого океана». Статья К. М. Бэра «О папуасах и альфурах» была у путешественника во время его пребывания на Берегу Маклая.

Служебные обязанности ученого в его «академический» период не ограничивались проведением исследований. В 1835 г. К. М. Бэр занял должность библиотекаря II (иностранного) отделения Библиотеки Академии наук и уже в 1836 г. представил на суд академиков отчет о переустройстве отделения, первый том «Систематической росписи» хранившихся книг и образец алфавитного каталога. К. М. Бэр актив-

Рисунки К. М. Бэра,
изображающие
беспозвоночных
Средиземного моря.
Триест, Италия. 1846 г.
СПбФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1.
Д. 195а. Л. 1

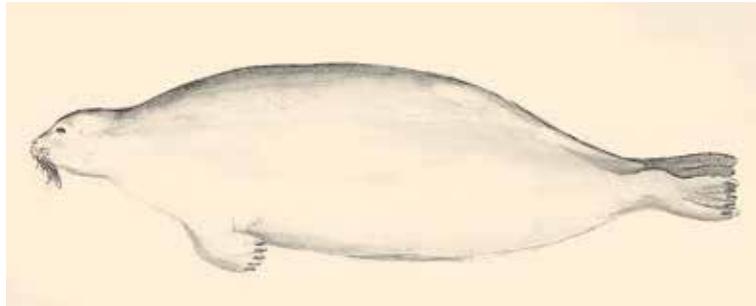
К. М. Бэр. Рисунки по краниологии. Середина XIX в. СПбФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1. Д. 257. Л. 83

Семья самоедов. Из материалов экспедиции на Новую Землю. Цветная литография. 1837 г. СПбФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1. Д. 361. Л. 6

Морской заяц, или лахтак
(*Erignathus barbatus*).

Рисунок из материалов
экспедиции К. М. Бэра
на Новую Землю. 1837 г.
СПбФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1.
Д. 390. Л. 1

но участвовал в подготовке научных экспедиций, снаряжаемых Академией, проявляя особый интерес к изучению северных регионов России. Один из таких проектов, проект экспедиции на Новую Землю для проведения съемки ее северо-восточного берега, был не только разработан им совместно с академиком Ф. Ф. Брандтом, но и лично реализован на практике. В 1837 г. К. М. Бэр побывал на Новой Земле, проработав на архипелаге в течение шести недель. По пути экспедиция работала также на севере Кольского полуострова, в так называемой Русской Лапландии¹⁹¹.

Большую роль сыграл К. М. Бэр в организации Императорского Русского географического общества, основанного в 1845 г. В 1860 г. он стал одним из учредителей и первым президентом Русского энтомологического общества.

Помимо перечисленных дел и обязанностей, К. М. Бэр неоднократно рецензировал книги и рукописи, поступавшие в Академию наук, состоял в комиссии по присуждению Демидовских премий, участвовал в работе Временного медицинского комитета при Министерстве народного просвещения и даже одно время занимал должность инспектора над частными пансионами

и училищами российской столицы. Он читал публичные лекции для широкой публики по разным вопросам (особую известность получила его речь «Взгляд на развитие наук» (1835)).

Преподавательская деятельность К. М. Бэра была сосредоточена в основном в столичной Медико-хирургической академии. 21 апреля 1841 г. он был избран ее ординарным профессором по кафедре сравнительной анатомии и физиологии и пробыв в составе преподавателей до 1852 г. В Академии он организовал Анатомический институт и Кабинет сравнительной анатомии, вложил много труда в усовершенствование учебного процесса, закупку оборудования, включая микроскопы новейших конструкций¹⁹².

С 1851 г., когда К. М. Бэр был введен в состав Комиссии для выяснения причин сокращения уловов рыбы в Балтийском море и в оз. Пейпус, началась его многолетняя работа в области рыбного хозяйства. В 1853 г. Николай I одобрил отчет Комиссии и повелел провести аналогичные исследования на нижней Волге и Каспийском море. Начальником Каспийской экспедиции был назначен К. М. Бэр, с 1853 по 1857 г. он четырежды посетил Каспий и низовья Волги. Под руковод-

¹⁹¹ Назаров А. Г., Цуцкин Е. В. Карл Максимович Бэр. М., 2008. С. 211—218.

¹⁹² Подробно о деятельности К. М. фон Бэра в Медико-хирургической академии см.: Павловский Е. Н. К. М. Бэр и Медико-хирургическая академия. М.; Л., 1948.

ством К. М. Бэра экспедиция провела комплексное обследование местной природы¹⁹³, это было одно из крупнейших предприятий такого рода в России середины XIX в. География работ экспедиции охватила также другие местности и водные объекты, например оз. Севан (Гокча) в Армении. Участники экспедиции собрали ценнейший материал не только по вопросам рыболовства и рациональной организации промысла, но также по гидрологии, гидрохимии, зоологии, ихтиологии, физической географии. Всем, кто бывал в низовьях Волги, памятны так называемые «бэровские бугры» — характерный и, к сожалению, быстро исчезающий элемент ландшафта Прикаспийской низменности. К. М. Бэр первым дал научное описание этих образований и выдвинул гипотезу о механизме их формирования (загадка образования «бэровских бугров» не решена по сей день).

В середине 1850-х гг. здоровье ученого было уже серьезно расстроено. В путевых дневниках, которые он вел во время своих поездок на Каспий, видны частые жалобы на плохое самочувствие¹⁹⁴. Каспийская экспедиция была признана успешной, и император Александр II захотел снарядить подобную экспедицию на Белое море. К. М. Бэр отказался от участия в ней по состоянию здоровья и ввиду необходимости закончить обработку материалов, собранных на Каспии. Тем не менее летом 1862 г. в возрасте 70 лет К. М. Бэр руководил экспедицией

на Азовское море, которая стала его последней крупной поездкой.

В октябре 1862 г. Александр II удовлетворил прошение К. М. Бэра об отставке с должности ординарного академика и, «в уважение заслуг, оказанных им науке и государству», произвел его в тайные советники по Министерству народного просвещения и назначил ежегодную пенсию размером в 3 000 рублей¹⁹⁵. К. М. Бэр был избран почетным академиком с правом присутствия и голоса на заседаниях Академии наук (1862). Он продолжал активно участвовать в академической жизни, посещал заседания Физико-математического отделения, делал доклады, выступал с рецензиями.

В 1867 г. К. М. Бэр покинул Санкт-Петербург и переселился в родную Эстляндию. Последние годы жизни он провел в Дерпте, где свободный от всяких служебных обязанностей занимался в основном проблемами истории и философии естествознания. В конце жизни он практически лишился зрения, но при помощи секретаря продолжал интенсивно работать. Вот несколько заглавий научных работ, опубликованных К. М. Бэром в этот период: «Об учении Дарвина», «Знакомство Гомера с северным берегом Черного моря», «Биография Кювье», «О цели в природных процессах», «Откуда добывалось олово, входящее в состав древнейшей бронзы?»

Научное наследство К. М. Бэра очень велико и разнообразно. Список его печатных работ превышает 415 на-

---

¹⁹³ Райков Б. Е. Карл Бэр, его жизнь и труды. М.; Л., 1961. С. 244—245.

¹⁹⁴ Каспийская экспедиция К. М. Бэра, 1853—1857 гг. Дневники и материалы / сост. Т. А. Лукина; отв. ред. С. Р. Микулинский. Л., 1984 (Научное наследство. Т. 9).

¹⁹⁵ Летопись Российской Академии наук / отв. ред. М. Ф. Хартанович. СПб., 2003. Т. III: 1861—1900. С. 39.

К. М. Бэр. Литография. 1859 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 25. Л. 1

К. М. Бэр. Фототипия. 1866 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 134. Л. 1

званий¹⁹⁶, среди которых не только научные статьи и трактаты, но и научно-популярные очерки, публичные речи, рецензии, некрологи и газетные статьи по самым разным вопросам естествознания и общественной жизни. Многие свои труды он печатал по-немецки, но часть их издана и в русском переводе. Помимо упомянутых трудов по эмбриологии, к числу важнейших сочинений К. М. Бэра относятся двухтомник «Исследования о состоянии рыболовства в России» (1860—1861), сборник статей «Каспийские исследования» (1859), монография «Человек в естественноисторическом отношении» (1851; опубликована в составе книги «Русская фауна» Юлиана Симашко), а также «Автобиография», вы-

шедшая в Санкт-Петербурге на немецком языке в 1865 г.¹⁹⁷ Избранные статьи и речи ученого по разным вопросам были изданы также на немецком языке, в трех томах (1864—1873).

В истории науки известны два «закона Бэра», относящиеся к двум совершенно разным областям знания. Географы знают «закон Бэра», объясняющий асимметрию строения речных русел. Обобщив огромный массив наблюдений, проведенных преимущественно на территории Европейской России, ученый доказал, что в реках Северного полушария под действием силы Кориолиса вода отстает в движении от суши и прижимается к правому берегу, размывая его, делая обрывистым и крутым. Левый берег,

¹⁹⁶ Folia Vaeriana, IV: Библиография Бэра / сост. В. Каавере, Х. Сааль. Таллин, 1983.

¹⁹⁷ Рус. перевод: Бэр К.М. Автобиография. М.; Л., 1950.

*Памятник К.М. Бэру в г. Тарту (Эстония).
Скульптор А.М. Опекушин. 1886 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 230. Л. 1*

от которого вода отстает, становится равнинным, плоским. По К.М. Бэру, сила действия воды на берег зависит от угла, составляемого направлением течения реки с меридианом. Позднее французский географ Жак Бабинье сформулировал этот закон в более общем виде: вращение Земли действует

на все реки, а не только текущие в меридиональном направлении¹⁹⁸.

В биологии «законом Бэра» именуется упомянутый выше закон зародышевого сходства. Сегодня он общеизвестен, поскольку, начиная с Ч. Дарвина, считается одним из доказательств биологической эволюции и представлен

---

¹⁹⁸ Назаров А.Г., Цуцкин Е.В. Карл Максимович Бэр. М., 2008. С. 276–279.

во всех школьных и университетских курсах общей биологии. Сам К. М. Бэр, однако, подобных выводов из своего закона не делал, да и его отношение к теории эволюции было неоднозначным.

В конце жизни ученому пришлось включиться в полемику вокруг дарвинизма. Живой классик, от которого ждали веского и авторитетного слова, К. М. Бэр долго отмалчивался, ссылаясь на то, что ему не хочется на старости лет лезть в «осиное гнездо»¹⁹⁹. Когда он, наконец, высказался, то его вердикт многих разочаровал. К. М. Бэр не отрицал, что в живой природе происходит эволюция, но с объяснением, предложенным Ч. Дарвином, не согласился. По его мнению, естественный отбор способен произвести какие-то мелкие изменения в строении организмов, но для объяснения всего эволюционного процесса он никак не годился. К. М. Бэр не мог примириться с тем, что дарвинизм отрицает существование в природе заданной свыше цели, и его категорически не устраива-

ла «случайность», на которой якобы основана теория Ч. Дарвина. Он называл дарвинизм интересной, но слабо обоснованной гипотезой, которая нуждается в проверке. А идею о животном происхождении человека К. М. Бэр вообще расценил как «величайшее безумие».

Академик К. М. Бэр ушел из жизни 28 ноября 1876 г. в почтенном возрасте 84 лет. В 1864 г. Императорская Санкт-Петербургская академия наук отчеканила медаль в его честь с надписью: «Начав с яйца, он показал человеку человека». Это прекрасное резюме биологических работ К. М. Бэра. Общий результат всей жизни великого ученого кратко суммировал выдающийся генетик Ю. А. Филипченко, писавший: «Не будучи русским по происхождению, он почти всю жизнь работал в России и для России и, хотя корифеи науки принадлежат в равном мере всему человечеству, мы вправе считать его одним из наших крупнейших ученых»²⁰⁰.

¹⁹⁹ Райков Б. Е. Карл Бэр, его жизнь и труды. М.; Л., 1961. С. 395, 403.

²⁰⁰ Филипченко Ю. А. От переводчика // К. М. Бэр. Избранные работы. Л., 1924. С. 7.

ИВАН ПЕТРОВИЧ ПАВЛОВ (1849—1936)²⁰¹

И. П. Павлов. 1880-е гг.
СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 8. Д. 2. Л. 1

И. П. Павлов был выдающимся представителем новой экспериментальной физиологии и механистического мировоззрения, возникших во второй половине XIX в. Страстный искатель научной истины и блестящий экспериментатор, он стал первым русским лауреатом Нобелевской премии (1904), патриархом русской физиологии и интернациональным символом науки XX в. Научный стиль и достижения И. П. Павлова были результатом слияния личного темперамента и опыта, образования и таланта, творческого развития европейских научных тради-

ций. Его деятельность осуществлялась в эпоху, когда «подлинной наукой» считался механистический детерминизм, и сама наука воспринималась как основной фактор прогресса человечества.

И. П. Павлов родился в семье священника в Рязани, учился в духовном училище и семинарии, не закончив которую уехал заниматься наукой в Санкт-Петербургский университет. Его любимым учителем в университете был И. Ф. Цион, протеже французского физиолога Клода Бернара. И. П. Павлов изучал медицину в Медико-хирургической академии, защитил докторскую диссертацию (1883), провел два года за границей в лабораториях Карла Людвиг и Рудольфа Гейденгайна. Он стал ассистентом профессора фармакологии (1890), затем профессором физиологии (1895) в Военно-медицинской академии и заведующим физиологическим отделом (1891) Императорского Института экспериментальной медицины (ИЭМ), где получил крупнейшую и наиболее оборудованную физиологическую лабораторию в стране. Еще одна небольшая лаборатория поступила в его завывание после избрания ординарным академиком по сравнительной анатомии и физиологии Физико-математического отделения Императорской академии наук (1907).

Отношение И. П. Павлова к большевикам было сложным и эволюционировало во времени — с 1921 г. его научные исследования сопровожда-

²⁰¹ Перевод с англ. Э. Н. Филипповой под ред. И. В. Тункиной.

*И. П. Павлов в группе врачей и преподавателей Медико-хирургической академии. 1880-е гг.
СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 8. Д. 73. Л. 1*

лись практически неограниченной поддержкой Советского государства. В знак протеста против исключения студентов, происходивших из духовного сословия, ученый покинул Военно-медицинскую академию. Однако в Российской академии наук маленькая лаборатория И. П. Павлова была преобразована в широкомасштабный Институт физиологии, при Институте экспериментальной медицины была построена знаменитая Башня Молчания, в Колтушах создан павловский научный городок с Институтом экспериментальной генетики высшей нервной деятельности.

*Экземпляр книги И. П. Павлова
«Центробежные нервы сердца» (1883)
с его дарственной надписью И. М. Сеченову
от 12 мая 1883 г.
СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 7. Д. 41. Л. 1*

*И. П. Павлов с сотрудниками в своей первой лаборатории при клинике профессора С. П. Боткина в Военно-медицинской академии. 1881 г.
СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 8. Д. 74. Л. 1*

*Башня Молчания. 1924 г.
СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 7. Д. 230. Л. 14*

Исследование И.П. Павловым пищеварительной системы и высшей нервной деятельности базировалось не только на его увлеченности, умениях и творческом подходе экспериментатора, но и на новаторском стиле

руководства лабораторией, что позволило обеспечить плодотворный исследовательский опыт сотрудникам-практикантам и использовать их труд для фокусировки собственного научного видения. Через лаборатории ученого

прошли многие поколения физиологов²⁰². И. П. Павлов не делал различия между «маленьким миром» лаборатории и большим миром за ее пределами: во всем он требовал строгой целесообразности и стремился заменить случайность («самое трудное, самое страшное в человеческой жизни») правильностью — законностью, регулярностью, предсказуемостью. Еще в детстве, получив серьезную травму и затяжную болезнь после неудачного падения с забора, будущий ученый научился от своего крестного, игумена близлежащего монастыря, строгому режиму, направленному на соблюдение баланса умственной и физической активности. Этого принципа он придерживался в течение всей своей жизни. «Подлинную свободу человека» и социальный прогресс И. П. Павлов рассматривал как контроль путем баланса и научного разума над часто разрушительными случайными силами в человеческой психике и общественном мире. И в своей научной работе он стремился подчинить «случайность» в физиологических и психологических процессах детерминизму научных законов²⁰³.

Под влиянием И. Ф. Циона И. П. Павлов стал исследовать физиологию органов — уровень достаточно «высокий», чтобы столкнуться с самыми существенными процессами, определяющими Науку Жизни, и достаточно «низкий», чтобы вскрыть детерминистские законы, необходимые любой научной дис-

циплине. Он стал ученым с мировым именем в физиологии органов, исследуя пищеварительную систему и высшую нервную деятельность.

С 1890 по 1903 г. И. П. Павлов руководил деятельностью около 100 сотрудников по исследованию системы пищеварения, которую он обобщил в «Лекциях о работе главных пищеварительных желез» (1897). Описывая работу пищеварительной системы, он пользовался метафорой «сложный химический завод», которому присущи те же качества, что и успешной деятельности человека: «Правильность, точность и целесообразность». И. П. Павлов изложил свою центральную идею ясно и метафорично: «Пищеварительный канал по своей задаче <...> есть сложный химический завод. Сырой материал, поступающий в него, проходит длинный ряд учреждений, в которых он подвергается известной механической и главным образом химической обработке и через бесчисленные боковые ворота переводится в магазины тела. Кроме этой основной линии учреждений, по которой движется сырой материал, имеется ряд боковых химических фабрик, которые готовят известные реактивы для соответственной обработки сырого материала». Его главные вопросы исходили из следующей концепции: «Какова деятельность завода в полном ходу, как и чем приводится он в движение, каким образом одна часть вступает в работу за другой, каким образом изме-

²⁰² Среди них П. К. Анохин, А. С. Асратян, Г. В. Анреп, Б. П. Бабкин, К. М. Быков, А. Г. Иванов-Смоленский, Ежи Конорский, Н. И. Красногорский, Л. А. Орбели, М. К. Петрова, Н. А. Рожанский, Ю. П. Фролов, Е. О. Шумова-Симановская и др. См.: Квасов Д. Г., Фёдорова-Грот А. К. Физиологическая школа И. П. Павлова. Л., 1967.

²⁰³ Тодес Д. «Что есть самое трудное, самое страшное в человеческой жизни?»: Правильность и Случайность в жизни и работе И. П. Павлова // Историко-биологические исследования. 2018. Т. 10. № 1. С. 23—41.

няется работа в зависимости от сорта сырого материала?»²⁰⁴

Чтобы исследовать нормальную деятельность «пищеварительного завода», И. П. Павлов создал хирургически модифицированных собак для «хронических экспериментов». Опыты начинались, когда животное полностью выздоравливало после хирургической операции, проведенной с целью открыть доступ к его физиологическим процессам. Для убежденного «нервиста» И. П. Павлова при таких операциях было необходимо сохранить основные нервные связи, которые контролировали физиологические процессы. Простейшей стандартной процедурой было наложение фистулы, через которую секреты слюнных, желудочных или панкреатической желез выводились к поверхности тела собаки для сбора и анализа. Другой стандартной операцией была эзофаготомия, которую в 1890—1891 гг. И. П. Павлов и Е. О. Шумова-Симановская впервые использовали в сочетании с желудочной фистулой для получения чистого желудочного сока целостной и функционирующей собаки. Эзофаготомия включала перерезку шейной части пищевода и приживание его изолированных концов к углам кожной раны. Еда, поглощаемая эзофаготомированной собакой, вместо того, чтобы поступать в пищеварительный тракт, вываливалась из отверстия в верхнем конце пищевода. Такое «мнимое кормление» давало экспериментатору доступ к желудочным секретиам,

производимым в самом процессе еды. Экспериментируя над эзофаготомированными собаками, И. П. Павлов продемонстрировал, что первоначальная фаза желудочной секреции производится «страстным желанием еды и наслаждением ею», т. е. психикой²⁰⁵.

Для исследования второй, нервно-химической фазы желудочной секреции (когда пища находилась в желудке), он разработал так называемый «изолированный желудок». Следовало создать изолированный мешочек из части желудка собаки и сделать это таким образом, чтобы после выздоровления животного весь желудок продолжал нормально работать, в то время как «малый желудок» мог изучаться отдельно. Так как изолированный желудок оставался чистым от еды и продуктов деятельности других желез, экспериментатор с помощью фистулы мог извлечь чистые секреты и анализировать секреторные реакции на различную пищу во время «нормального» пищеварительного процесса²⁰⁶.

В мастерски написанных «Лекциях о работе главных пищеварительных желез» И. П. Павлов живым неформальным языком описал результаты своих исследований. Раскрывая многие инновации в экспериментальной технике и технологии, а также множество открытий о химических продуктах и координированной деятельности желез, он выделил два главных принципа: 1) «пищеварительный завод», управляемый специфической возбудимостью нервов, производит специфические

---

²⁰⁴ Павлов И. П. Полное собрание сочинений: в 6 т. М.; Л., 1951. Т. II. Кн. 1. С. 250.

²⁰⁵ Там же. Кн. 2. С. 102.

²⁰⁶ Изолированный желудочек И. П. Павлова отличался от желудочка Р. Гейденгайна сохранением вагусной иннервации, что, в свою очередь, позволило наблюдать выделение психического сока при мнимом кормлении и раздражении пищей, и также секреторную реакцию на проглоченную пищу, которая независимо варьировалась в объеме и ферментирующей силе.

Нобелевский диплом И. П. Павлова (Стокгольм, 20 октября 1904 г.; на шведском языке) и пергаменный лист с переводом текста диплома на русский язык

СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 5. Д. 36. Л. 1, 2 об. — 3

секреторные реакции на мясо, хлеб и молоко (эти «стереотипные кривые» количества и ферментирующей силы желудочного и панкреатического сока доказывают целесообразную правильность пищеварительной системы); 2) психика играет всепроникающую роль, которую И. П. Павлов описал как одновременно закономерную и своеобразную. Психический сок закономерно выделялся в первоначальной реакции на каждый вид еды, но эта реакция была своего рода непредсказуемой, неправильной, различаясь в зависимости от личности и настроения собаки. Даже во второй, нервно-химической, фазе пищеварения «мысли о еде» собаки постоянно грозили отдать эксперименты «на произвол слу-

чайности» и, тем самым, произвести «совершенно искаженные результаты». Действительно, как заметил И. П. Павлов в «Лекциях», его «характерные секреторные кривые» не были идентичными у разных собак и в разные дни²⁰⁷.

«Лекции» И. П. Павлова получили широкое признание среди физиологов и врачей. В 1901 г. его кандидатура была выдвинута на Нобелевскую премию американским физиологом У. Г. Хауэллом из Университета Джонса Хопкинса, а также директором ИЭМ патофизиологом С. М. Лукьяновым, заведующим Химическим отделом ИЭМ М. В. Ненцким, начальником Императорской Военно-медицинской академии В. В. Пашутиным и тридцатью ее профессорами²⁰⁸.

²⁰⁷ Павлов И. П. Полное собрание сочинений: в 6 т. М.; Л., 1951. Т. II. Кн. 2. С. 42—43. Как К. Бернар и Р. Гейденгайн, И. П. Павлов признавал, что некоторые животные являются более способными к экспериментам по сравнению с другими, и что этим, в том числе, объясняется бесконтрольная вариантность результатов опытов. Поэтому считалось, что физиологи должны интерпретировать результаты опытов и выбирать из них лучшие. Секреторные кривые в «Лекциях», соответственно, выражали то, что И. П. Павлов считал лучшими в опытах с собаками Дружка (желудочные железы) и Жучку (панкреатическая железа).

²⁰⁸ Судьба кандидатуры И. П. Павлова прослеживается в отчетах за 1901—1904 гг. См.: P. M. Forsandelser och Betankanden in the Nobel Archives, Karolinska Institute, Stockholm, Sweden.

Нобелевский комитет отправил двух физиологов — Юхана Юханссона и Роберта Тигерштедта — в Санкт-Петербург, где в течение 10 дней И. П. Павлов демонстрировал и объяснял им эксперименты на собаках, рассмотренные в «Лекциях». Высоко оценив результаты исследований и оставшись под большим впечатлением от увиденного, иностранные коллеги подтвердили достоверность многих его выводов и были восхищены его методологическими инновациями. «Руководящей идеей» работы И. П. Павлова, по словам Р. Тигерштедта, являлось то, что «пищеварительные органы, путем многосторонней и чрезвычайно тонкой регуляции, координируются с целью завершить свою задачу». И. П. Павлов также доказал большую роль психики и продемонстрировал, что принцип специфического возбуждения нервов прилагается не только к органам чувств, но и к внутренним органам.

И. П. Павлов стал одним из четырех финалистов-номинантов в 1901 г., но премия в итоге была присуждена Р. Россу и Н. Финзену. Одной из «слабостей» кандидатуры И. П. Павлова была названа новая форма организации деятельности лаборатории, его постоянное упоминание, что открытия были «делом всей лаборатории», его обычная практика отдавать должное своим сотрудникам ссылкой на их публикации. Некоторые члены Нобелевского комитета пришли к заключению, что павловские «Лекции» были только «своего рода компиляцией лежащих в их основе экспериментальных диссертаций». Аргументы Ю. Юханссона и Р. Тигерштедта возобладали только в 1904 г.: «Все вышедшие из нее

(лаборатории И. П. Павлова. — Авт.) работы, поставлено или нет на них имя Павлова, по существу составляют его интеллектуальную собственность, так как он не только проводил все операции на животных, использовавшихся в экспериментах, но также был руководителем и организатором в планировании, развитии и осуществлении отдельных исследований».

В своей нобелевской речи И. П. Павлов говорил об исследовании пищеварения и новом направлении по изучению «экспериментальной психологии животных». Сосредоточившись на исследовании слюнных желез только после публикации «Лекций», он пришел к выводу, что психическая секреция слюнных желез предлагает метод исследования «фантома» в пищеварительной системе — психики.

Нобелевская премия значительно повысила престиж И. П. Павлова в России и за рубежом привлекла внимание к научным достижениям ученого и способствовала его избранию действительным членом Императорской академии наук (1907). К предложению зоологов В. В. Заленского и Н. В. Насонова избрать И. П. Павлова академиком присоединились ботаники И. П. Бородин и А. С. Фаминцын. Избрание было одобрено голосованием Физико-математического отделения (16—0), и затем Общим собранием (29—3)²⁰⁹.

С 1903 г. и до своей смерти в начале 1936 г. И. П. Павлов стремился к осуществлению своей цели — понять тайны человеческой психики, заключить кажущуюся стихийной психику в рамки утешительной правильности механистического закона. Психика для него стала «условным рефлексом» и в то же

---

²⁰⁹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 115. Л. 1—4.

время оставалась психикой. И. П. Павлов видел и в том, и в другой части одного процесса «высшей нервной деятельности». Он пытался не заменить одно другим, а, скорее, осуществить их «слитие» в единое целое — объективное с субъективным, физиологическое с психологическим. Чтобы понять исследовательский процесс ученого, обратимся к основным павловским концепциям.

Согласно учению И. П. Павлова, безусловные рефлексы возникают в подкорке головного мозга. Они являются врожденными, неизменными реакциями на основные потребности: еду, самозащиту и секс. Так, если кормишь голодную собаку, она выделяет слюну, чтобы проглотить еду. Условные рефлексы, напротив, образуются в коре мозга и являются закономерными реакциями, но на временные сигналы. Если много раз звонить в звонок и одновременно кормить собаку, она станет выделять слюну, услышав звонок. Подкорковый нерв возбуждается едой, и в то же время корковый нерв возбуждается звонком — между ними создается временная связь. Если затем несколько раз позвонить в звонок и не накормить собаку, она через некоторое время перестанет выделять слюну. Условия изменились, поэтому значение сигнала тоже изменилось. «Явления условного рефлекса... если их назвать психологическим термином, есть... ассоциации»²¹⁰. Для И. П. Павлова условный рефлекс был и феноменом и, что еще важнее, методом для анализа лежащих под ним механизмов психологического свойства, которые он давно связывал с психической секреци-

*И. П. Павлов в мантии почетного доктора
Кембриджского университета. 1912 г.
СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 7. Д. 69. Л. 38*

ей, и которые многие психологи относили к ассоциациям. «В сущности, — настаивал ученый, — нас интересует в жизни только одно — наше психическое содержание». «Полученные объективные данные... наука перенесет рано или поздно и на наш субъективный мир и тем сразу и ярко осветит нашу столь таинственную природу, уяснит механизм и жизненный смысл того, что занимает человека всего более — его сознание, муки его сознания»²¹¹.

Как эволюционист И. П. Павлов (как и Ч. Дарвин) верил, что сознание

²¹⁰ Павлов И. П. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 231.

²¹¹ Павлов И. П. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1951. Т. 3. Кн. 1. С. 63, 39.

И. П. Павлов в операционной Института экспериментальной медицины. Фото В. Седых. 1929 г.
СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 7. Д. 267. Л. 13

с мыслями и эмоциями у собаки в основном то же, что и у человека. Вера в это укрепилась с годами благодаря его опытам с «нормальными и счастливыми» собаками в лаборатории, которые все были «личностями». Неудивительно, что академик и его сотрудники часто использовали «субъективные» характеристики для лабораторных собак. Например, об одной из них, Пингеле, в лабораторной тетради И. П. Павлов написал следующее: «Наполеоновский тип. Когда свободен (т.е. не привязан к экспериментальному станку. — *Авт.*) — чрезвычайно подвижен и жаден. На станке — очень спокойный, не двигается, слабо выделяет слюну на еду. Приближается к еде демонстративно очень медленно. Потом ест жад-

но, облизывается очень долго, даже облизывает свои лапы»²¹². И. П. Павлов стремился выяснить, какие высшие нервные процессы происходят в этом жадном, агрессивном и коварном, «наполеоновского типа» животном.

Это полностью соответствовало тому, что И. П. Павлов понимал под «объективным исследованием». Он считал свой подход объективным потому, что исходил из конкретного, измеряемого, физиологического явления (слюноотделения) и переходил с помощью интерпретации с этого объективного феномена к субъективной сфере. Противоположным путем для ученого было бы начать с абстрактных, субъективных теорий или игнорировать внутренний психологический мир,

²¹² СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1. Д. 59/4. Л. 27.

что было бы «глупо». «На этой основе мы действуем, на этом складывается вся социальная и личная жизнь»²¹³.

Стратегия исследования И. П. Павлова включала три основные ступени: 1) экспериментально установить закономерности слюноотделения, выделяемого в ходе тысячных многовариантных опытов по условным рефлексам; 2) использовать эти закономерности для создания моделей невидимых процессов в мозгу, которые могли произвести их; 3) использовать эти модели для объяснения поведения, аффектов и личностей своих экспериментальных животных.

И. П. Павлов использовал эксперименты по условным рефлексам в углубленном анализе сенсорной способности собак (например, их способности различать временные интервалы) и для создания схемы высших нервных процессов, особенно динамики и взаимодействия торможения и возбуждения в коре головного мозга. Стремление установить, что баланс между возбуждением и торможением необходим для способности собаки правильно воспринимать и реагировать на внешнюю среду, и осознанное понимание варьирующихся результатов экспериментов над различными собаками — вызвали интерес ученого к «нервным типам» среди собак и людей. Всегда пытаюсь связать лабораторное исследование с клинической практикой, он перешел от исследования нервных типов к изучению «патологии и терапии высшей нервной деятельности».

И. П. Павлов был страстным и искренним искателем правды, и, вопреки его известной самоуверенности в публичных выступлениях, наедине

с собой он был мыслящим, сомневающимся ученым. Он постоянно осознавал противоречия в своих данных и остающиеся нераскрытыми тайны. Поэтому ему было очень тяжело завершить обобщающую монографию — вместо нее он опубликовал сборник статей и речей «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных» (1923). Когда же И. П. Павлов решился опубликовать монографию «Лекции о работе больших полушарий головного мозга» (1927), он изложил в ней убедительное общее видение, новаторские технологии и дискуссию по многим интригующим экспериментальным данным, но не синтетическое обобщение результатов своих опытов. Действительно, выводы в главах 3—10, в которых описывались его эксперименты и взгляды до 1921 г., часто противоречили более поздним данным и заключениям, указанным в главах 11—18. Это объясняется тем, что в 1920-х гг. И. П. Павлов, во-первых, заменил модель «борьба и столкновение» возбуждения и торможения диалектической моделью их «взаимной индукции», а во-вторых, тем, что в его лаборатории были проведены многочисленные исследования, установившие различные реакции собак с разными «нервными типами» в одних и тех же опытах.

И. П. Павлов закончил книгу не на триумфальной ноте, а следующим признанием: «Теперь мы окружены, нет, раздавлены, массой деталей, требующих объяснения». Когда его сотрудники собрались на празднование выхода в свет этой книги, он откровенно сказал: «Меня постоянно преследует зверь сомнения... Ныне, спустя двад-

²¹³ Павловские среды. Протоколы и стенограммы физиологических бесед. Л., 1949. Т. II. С. 415—416.

цать пять лет исследования, я надеюсь, что этот зверь отступится от меня»²¹⁴. «Зверь сомнения» так и не отступил, И. П. Павлов никогда больше не пытался синтезировать данные своих исследований в книге. Но он продолжал размышлять, ставить опыты и развивать предмет своих трудов, что отразилось в последующих, дополненных изданиях «Двадцатилетнего опыта».

В ходе борьбы со «зверем сомнения» анализ И. П. Павловым высшей нервной деятельности становился все сложнее. Например, выступая с докладом о нервных типах в Лондонском королевском обществе (1928), он выразил надежду, что его исследование будет способствовать «воспитанию и самовоспитанию людей», и добавил: «По крайней мере я, глядя на эти опыты, многое уяснил себе о себе». Он думал в тот момент об одной из собак — Гарсике, который проявлял себя в опытах по условным рефлексам как «сильный тип», но в реальной жизни вел себя как трус («тормозной слабый тип»). И. П. Павлов заключил, что объяснение лежало в тяжелых условиях лабораторного питомника, где Гарсик воспитывался. Врожденный «темперамент» Гарсика (что проявилось в опытах по условным рефлексам) отличался от его «конституции» (что проявлялось в его поведении), потому что его конституция стала результатом взаимодействия наследственности и жизненных обстоятельств.

Гарсик, по всей видимости, помог И. П. Павлову раскрыть тайну о самом себе: если правильное восприятие действительности зависит от устойчивого

баланса возбуждения и торможения, то как случилось, что такой неуравновешенный человек, как он сам, стал успешным ученым? Эмоционально вспыльчивый с детства и известный своим темпераментом, И. П. Павлов всегда признавал в себе врожденную тенденцию к перевозбуждаемости, отсутствию самоконтроля и депрессии, он поставил себе диагноз «безудержного холерика» и «типичного циклоида» («сильные люди, у которых нет уравновешенности между раздражительными и тормозными процессами»). Теперь он пришел к выводу, что его качества поведения, как и у Гарсика, объяснялись взаимодействием наследственности и жизненных обстоятельств. Первые трудные 40 лет жизни принудили ученого развить сильный тормозной процесс, который взаимодействовал с его врожденной возбудимостью. Это взаимодействие объясняло даже его научный стиль, в котором смелые гипотезы уравновешивались строгой фактической критикой.

Решение И. П. Павлова изучать отношения между наследственностью и жизненными обстоятельствами в формировании нервных типов стало научным обоснованием для создания Института экспериментальной генетики высшей нервной деятельности. Здесь в 1928 г. начались исследования по сравнению развития монопоходных собак, выращенных «на свободе» (живущих на воле на территории Института), с собаками, проводящими все время «в несвободе» (в питомнике), их скрещиванию в различных вариациях и изучению получающихся нервных типов.

---

²¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1. Д. 203; Павлов И. П. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1951. Т. IV. С. 433. Об истории создания и содержании монографии см.: *Todes D. P. Ivan Pavlov: A Russian Life in Science*. Oxford; New York, 2014. P. 510—528.

*Доклад И. П. Павлова на VI Скандинавском неврологическом конгрессе.
Копенгаген. 25 августа 1932 г.*

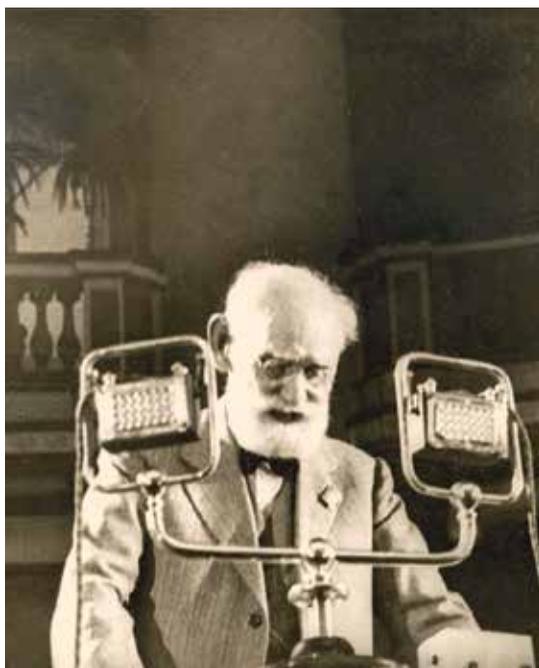
СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 8. Д. 165. Л. 5

На развитие идей И. П. Павлова повлияла популярная в то время гештальтпсихология, которую он считал «мистической». В 1933 г. сотрудник лаборатории П. К. Денисов привез в Колтуши неожиданный подарок: двух шимпанзе — Розу и Рафаэля. Ведущий теоретик гештальтпсихологии В. Кёлер в опытах на шимпанзе аргументировал гипотезу, что ум приматов воспринимает мир не путем накопления и сопоставления отдельных восприятий (как в условных рефлексах И. П. Павлова), а скорее, путем внезапного озарения целостной структуры. И. П. Павлов и П. К. Денисов решили повторить эксперименты В. Кёлера и затем разработали свои собственные.

Зимой 1935—1936 гг. И. П. Павлов, размышляя над этими опытами, написал свою последнюю научную статью «Психология как наука». Он заметил, что шимпанзе, в отличие от собаки на станке, вступает в отношения с окружающим миром, одновременно используя зрение, слух, обоняние и осязание, формируя множественные ассоциации, которые соединялись друг с другом во многих вариантах. Часть этих ассоциаций не подходила под его определение условного рефлекса — они не были временными сигналами, созданными путем установления связи между безусловными подкорковыми стимулами и нейтральными до этого корковыми

*П. К. Денисов с шимпанзе Розой и Рафаэлем в Колтушах. 1933 г.
СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 7. Д. 13. Л. 18*

*И. П. Павлов открывает 15-й Международный
конгресс физиологов в Ленинграде.
Август 1935 г.
СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 7. Д. 13. Л. 5*

центрами. Обдумывая разницу между этими ассоциациями, ученый пришел к ряду заключений. Созданием условного рефлекса животное узнает об «отношении объектов в окружающем мире к себе», например, звонок сигнализирует о возможности получить еду, а шевелящийся куст — об опасности появления хищника. С помощью ассоциаций, не являющихся условным рефлексом, животное приобретает знание об «отношении внешних объектов между собой». Например, шимпанзе, складывающий коробки, узнает, что зрительный образ коробок говорит об их стабильности. Теперь И. П. Павлов был готов исследовать природу и взаимодействие этих двух типов ассоциаций, и, таким образом, обратиться к восприятию взаимоотношения частей

Герберт Уэллс в гостях у И. П. Павлова в Колтушах. 1934 г.

СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 7. Д. 69. Л. 59

и целого, как например, восприятию музыкальных звуков и мелодий²¹⁵.

В свои 86 лет великий ученый, оставаясь верным своему мировоззрению и методологии, обладал замечательной способностью пересмотреть и изменить свои взгляды.

Ныне, спустя более 80 лет после смерти И. П. Павлова, значение его научных достижений в мировой науке сохраняется, и, судя по цитируемости, даже увеличивается. Ученые используют открытые им научные факты, проанализированные процессы и их взаимоотношения, его общие методы: проницательное понимание пластичности нервной системы, акцент на интегрированное исследование и не-

И. П. Павлов катается на лыжах.

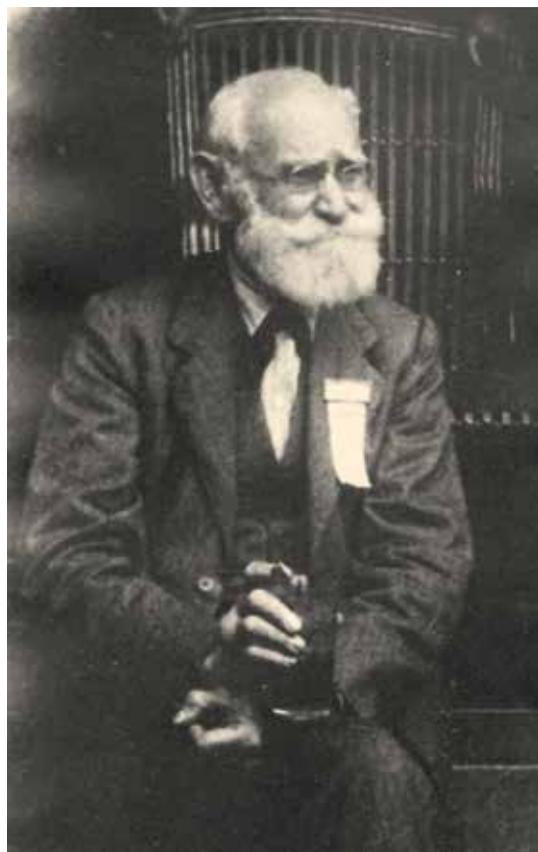
Подпись под фото: «Иван Петрович, навострил, наконец, лыжи». 1909—1910 гг.

СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 8. Д. 68. Л. 1

²¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1. Д. 52: Павлов И.П. Интеллект человекообразных обезьян; Д. 66: Павлов И.П. Психология как наука.

*И. П. Павлов на открытии памятника собаке.
7 августа 1935 г.
СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 6. Д. 30. Л. 1*

*И. П. Павлов. 1935 г.
СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 8. Д. 18. Л. 1*

обходимость взаимосвязи между физиологией, психологией и психиатрией. Особенно плодотворен павловский метод условных рефлексов. Он используется в исследованиях простого обучения; состояний страха, беспокойства и стресса; регуляции кровяного давления, температуры тела и иммунной системы человека; зависимости от наркотиков и алкоголя; изучении памяти и психопатологии. На смену механизмам и моделям павловского времени сегодня пришли компьютеры, в разы увеличивающие возможности по обработке информации. Но проблема

«слития» физиологических и психологических явлений остается не менее таинственной, чем в то далекое время.

И. П. Павлов был больше, чем великий ученый — он стал международным символом веры в научное знание как гарантию человеческого прогресса. Действительно, наука обеспечивает человечество средствами для облегчения страданий и увеличения жизненных сил, помогает понять поведение и настроение людей, но «муки нашего сознания», которые мотивировали жизненный и научный поиск И. П. Павлова, все еще с нами.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ (1887—1943)

Н. И. Вавилов — выдающийся биолог, растениевод, путешественник, один из самых известных в мире членов Российской академии наук (член-корреспондент с 1923 г., академик Академии наук СССР с 1929 г.)²¹⁶.

Н. И. Вавилов родился 13 ноября 1887 г. в семье выходца из крестьян, ставшего московским купцом 2-й гильдии и совладельцем торгового дома «Вавилов и Удалов». Будущий ученый окончил Московский сельскохозяйственный институт (МСХИ) (1911) и прошел практику в сельскохозяйственных опытных учреждениях Российской империи: на Полтавской опытной станции (1910), в Бюро по прикладной ботанике и Бюро по микологии и фитопатологии (1911—1912), на Селекционной станции МСХИ (1911—1912, 1914—1917). Он был оставлен в *alma mater* для подготовки к профессорской деятельности по кафедре частного земледелия, которой заведовал профессор Д. Н. Прянишников, а в 1912 г. командирован в Англию (работал у У. Бетсона), Францию и Германию. С началом Первой мировой войны магистрант вернулся на родину. В Москве он преподавал на Высших Голицынских сельскохозяйственных курсах для женщин, одновременно вел летний практикум по частному земледелию в МСХИ, где выдержал магистерский экзамен (1915).

В 1916 г. Н. И. Вавилов был командирован Министерством земледелия

Н. И. Вавилов. 1931 г.

СПбФ АРАН. Ф. 803. Оп. 5. Д. 1. Л. 40

в Персию для выяснения причин массового отравления русских солдат в войсках хлебом. Параллельно он начал систематическое изучение разнообразия культурных растений Сырдарьинской и Закаспийской областей, Персии и Памира.

С 1917 г. Н. И. Вавилов преподавал на Саратовских высших сельскохозяйственных курсах, реорганизованных в 1918 г. в Саратовский сельскохозяйственный институт, который вскоре был присоединен к местному университету в качестве агрономическо-

²¹⁶ Костычев С. П. Записка об ученых трудах проф. Н. И. Вавилова // Записки об ученых трудах действительных членов АН СССР по Отделению физико-математических наук, избранных 12 янв. 1929 г. Л., 1930. С. 34—40.

Н. И. Вавилов с матерью
Александрой Михайловной
и братом Сергеем (С. И. Вавилов,
будущий выдающийся физик,
президент Академии наук СССР,
1945—1951 гг.). 1896 г.

СПбФ АРАН. Ф. 803. Оп. 5. Д. 2. Л. 1

Н. И. Вавилов с матерью и братом С. И. Вавиловым. 1916 г.

СПбФ АРАН. Ф. 803. Оп. 5. Д. 2. Л. 3

го факультета. С 1921 г. ученый стал заведующим Отделом прикладной ботаники и селекции (ОПБиС) Сельскохозяйственного ученого комитета Народного комиссариата земледелия РСФСР в Петрограде, реорганизованного в 1925 г. во Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур (ВИПБиНК), а в 1930 г. — во Всесоюзный институт растениеводства (ВИР). Его директором Н. И. Вавилов оставался до ареста в 1940 г.

При ликвидации последствий голода в Поволжье, вызванного жесточайшей засухой, в 1921 г. в качестве эксперта правительственной закупочной комиссии и «комиссии Гувера» АРА (American Relief Administration) ученый участвовал в закупке продовольственного и семенного зерна в Канаде и США.

В советское время Н. И. Вавилов нес огромную научно-организационную нагрузку. Он стал первым президентом (1929—1935), затем вице-президентом (1935—1940) Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), стал основным докладчиком в дискуссиях на IV сессии ВАСХНИЛ (1936) и на совещании в редакции журнала «Под знаменем марксизма» (1939). С 1931 г. он являлся президентом Всесоюзного географического общества, был избран действительным членом Всеукраинской академии наук (1929). После смерти профессора Ю. А. Филипченко с 1930 г. руководил Лабораторией генетики Академии наук СССР в Ленинграде, реорганизованной в 1933 г. в Институт генетики Академии наук СССР. Н. И. Вавилов состоял членом

Центрального исполнительного комитета СССР (1926—1935), избирался членом Ленсовета, являлся членом комиссии Совета народных комиссаров СССР по научному исследованию Тунгу Тувы (1926), совместно с М. Г. Поповым руководил сельскохозяйственной бригадой Таджикской (1932) и ботанико-агрономической частью Северо-Кавказской комплексных экспедиций Академии наук СССР (1938), был председателем организационно-издательской (1929) и членом экспедиционной комиссий Академии. Параллельно он являлся научным руководителем Управления субтропического земледелия Народного комиссариата земледелия СССР, руководителем экспедиции по сельскохозяйственному обследованию Западной Украины и Западной Белоруссии (1940).

Международный авторитет Н. И. Вавилова был чрезвычайно высок: он стал иностранным членом лондонского королевского общества (1942), почетным членом Лондонского Линнеевского общества (1942), Национальной академии наук в Аллахабаде (Индия, 1942) и др.

В многогранной деятельности Н. И. Вавилова сложно выделить основные приоритеты²¹⁷. Не менее трудно переоценить пользу, которую принесли своей Родине он и его сотрудники прямым переносом (интродукцией) всего лучшего, что создала в результате многовековой селекции мировая практика сельского хозяйства. В настоящее время успешность такого использования биоразнообразия очевидна. Многочисленные экспедиции позволили собрать в ВИРе богатейшую коллекцию гермоплазмы сельскохозяйствен-

²¹⁷ Список трудов см.: Хронологический указатель трудов Николая Ивановича Вавилова / сост. И. В. Котёлкина // Н. П. Гончаров. Николай Иванович Вавилов. Новосибирск, 2014. С. 218—275.

Здание селекционной станции в Саратове, где Н. И. Вавилов трудился во время летних полевых работ в 1918—1920 гг. 1967 г.

СПбФ АРАН. Ф. 803. Оп. 5. Д. 20. Л. 7

ных растений, уже послужившую и способную послужить в будущем основой для создания новых сортов растений. Перед началом Великой Отечественной войны эта коллекция была не только самой значительной в мире, но и самой представительной по разнообразию видов, форм и сортов. До сих пор она входит в пятерку крупнейших — весь цивилизованный мир для удовлетворения все расширяющегося спектра потребностей своих граждан нуждается в ней все больше и больше.

Организатор и руководитель многочисленных экспедиций по сбору растительных ресурсов, Н. И. Вавилов занимает особое место среди ученых-путешественников как один

из самых успешных «охотников» за культурными растениями и их сородичами, открывший неожиданно большое их разнообразие. С минимальными средствами, с одним-двумя спутниками он отправлялся в труднодоступные и малоисследованные районы, преодолевал тяготы походной жизни и опасности пути. В результате были интродуцированы хинное дерево и камфорный лавр, организовано их успешное выращивание и производство хины и камфоры в промышленных масштабах; были собраны каучуконосы и организовано их возделывание в СССР. Его сборы диких длиннодневных видов картофеля в Эквадоре положили начало сортам, которые стали выращивать методом двуурожайной культуры. В результате интродукционной деятельности руководимых им учреждений были внедрены в производство ранее не культивируемые в СССР такие культуры, как зерновое сорго (*Sorghum bicolor*), африканское просо (*Penisetum americanicum*), суданская трава (*Sorghum × drummondii*), белый, или короткоплодный джут (*Corchorus capsularis*) и длинноплодный, или джут Тосса (*Corchorus olitorius*), бамия (*Abelmoschus esculentus*), ажгон (айован) (*Trachyspermum ammi*), батат (*Ipomoea batatas*) и целый ряд других, в том числе китайское тунговое дерево (*Vernicia fordii*). Н. И. Вавилов обобщил результаты этой деятельности в знаковой монографии «Проблема новых культур» (1932).

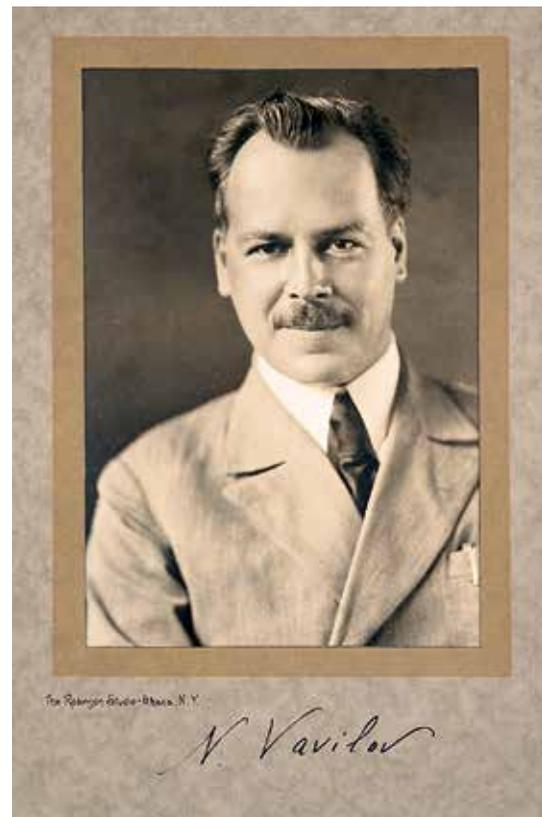
На первом этапе экспедиционной деятельности Н. И. Вавилова значительный успех «прямой» (без предварительной селекционной проработки или с минимальной селекцией образцов и культур) интродукции собранного материала обеспечивала огромная сеть опытных станций Государственно-

го института опытной агрономии (позже ВАСХНИЛ). Особенно заметен был выдающийся успех такой работы в национальных окраинах, где научная селекция до этого не велась. Следующим достижением было широкое внедрение в производство не только экзотических для сельского хозяйства СССР культур, но и малораспространенных в то время. Успеху способствовала широкая сеть географических посевов 1923—1927 гг., организованных под руководством Н. И. Вавилова. Ученый задействовал 115 пунктов, расположенных от Дотнавы (23°53' в.д.) на западе до Владивостока (131°57' в.д.) на востоке, от Заполярья (Хибины) (67°44' с.ш.) на севере до Иолатани (37° с.ш.) на юге, от субтропиков до заполярной тундры. Наблюдения велись по единой методике и на чистолинейном материале над 185 сортами 40 основных сельскохозяйственных видов. Результаты были значительны из-за масштабов и послужили прообразом экологических испытаний Госсортосети РСФСР (ныне Госсорткомиссия Министерства сельского хозяйства РФ), созданной членом-корреспондентом Академии наук СССР В. В. Талановым (1871—1936), самым выдающимся селекционером нашей страны, с середины 1920-х гг. работавшим у Н. И. Вавилова заместителем директора.

Не безосновательно считается, что памятники себе ученый ставит сам — своими книгами, идеями, трудами, памятники эти существуют до тех пор, пока к ним обращаются. Рассмотрим основные труды Н. И. Вавилова.

Исследования в области иммунитета растений, выполненные Н. И. Вавиловым в МСХИ и Институте садоводства (Мэртон, Англия), были обобщены в его первой монографии «Иммунитет растений к инфекционным заболева-

ниям» (1919). В ней он одним из первых пришел к заключению, что трактовку паразитизма как простого патологического явления необходимо заменить положением о взаимоотношениях двух живых организмов — растения-хозяина и гриба-паразита. В дальнейшем основное внимание ученый уделил проблеме естественного, или врожденного, иммунитета, играющего с его точки зрения огромную роль в формировании устойчивости у возделываемых растений. Он обосновал положение о том, что иммунитет растений к грибным болезням зависит не только от анатомических особенностей растений, но и от физиологических взаимоотношений между клетками растения-хозяина и грибом, и предложил его

Н. И. Вавилов во время пребывания в США.
1932 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-В. Д. 155. Л. 1

Доклад Н. И. Вавилова о законе гомологических рядов. 1920 г. Титульный лист
СПбФ АРАН. Ф. 803. Оп. 1. Д. 10. Л. 1

классификацию, выделив механический (пассивный) и физиологический (активный) иммунитеты. При этом физиологический, или активный иммунитет связан с функциональной деятельностью растения: его основу составляют защитные специфические реакции, развивающиеся в клетках растения-хозяина в ответ на раздражение, исходящее от патогена. Дальнейшее развитие эти положения получили в трудах отечественных и зарубежных исследователей.

Монография «К познанию мягких пшениц» занимает особое место в научном творчестве Н. И. Вавилова, являясь одним из его базовых исследований. В ней ученый не только представил результаты монографического изучения одной культуры во всем многообразии ее форм, но и показал, что нельзя под-

ходить к возделываемому растению как к «единому целому», предпринял попытку создания «естественной классификации» мягкой пшеницы. При этом каждый вид пшениц им делился на более низкие таксоны по комплексу не только морфологических, как ранее, но и экологических признаков с учетом географической приуроченности образцов.

Н. И. Вавилова занимал вопрос выяснения закономерностей в проявлении разнообразия и установлении классов этого разнообразия. Он обратил внимание на сходство сортовых рядов у значительного числа культур по самым разным признакам и установил наличие параллелизма в их наследственной изменчивости. Обработка обширного собственного экспедиционного материала и сборов своих ближайших сотрудников, идейное влияние А. И. Мальцева, знакомство с работами П. А. Саккардо, опубликованными в 14-м томе «*Sylloge Fungorum*», где излагалась система параллелизма признаков у грибов, и, вероятно, влияние гипотезы образования видов за счет новой перегруппировки уже имевшихся у родоначальных видов генов его учителя У. Бетсона, позволили Н. И. Вавилову сформулировать закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. Закон был публично представлен на 3-м Всероссийском съезде по селекции и семеноводству в Саратове в июне 1920 г. Н. И. Вавилов был не первым ученым, обратившим внимание на существование в растительном и животном мире параллельной изменчивости, однако ему принадлежит окончательная формулировка этого наблюдения в виде закона, бывшего до него только эмпирическим обобщением.

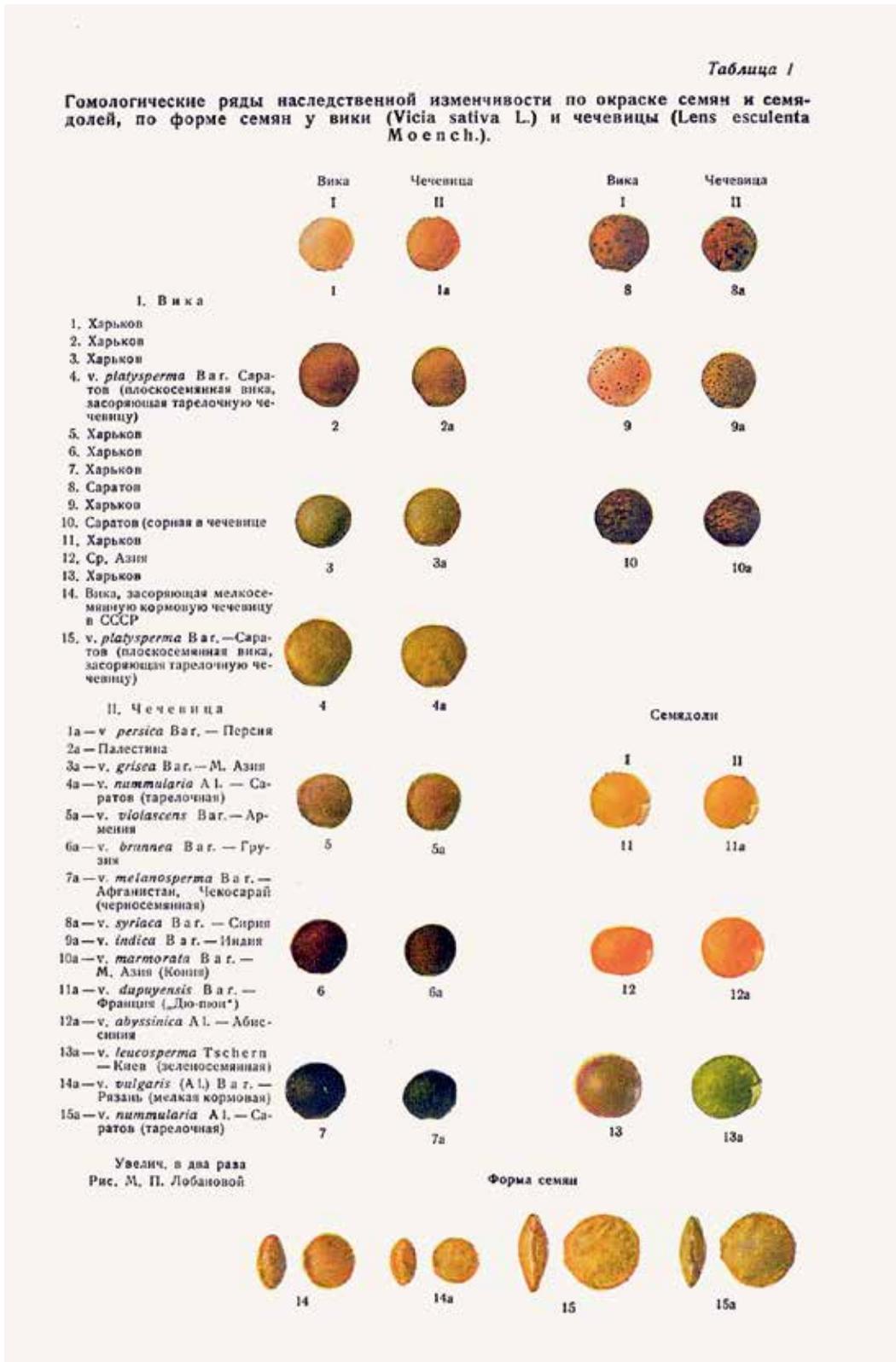

Иллюстрация к докладу Н. И. Вавилова о законе гомологических рядов. 1920 г.
 СПбФ АРАН. Ф. 803. Оп. 1. Д. 10. Л. 18

Закон позволил предсказывать существование в природе форм с определенными, часто ценными для селекции признаками. Кроме того, этот закон стал важным теоретическим обобщением, определившим на долгие годы всю систему взглядов самого Н. И. Вавилова и руководимого им коллектива на проблемы географической ботаники, эволюции культурных растений и их систематики.

Один из возможных путей увеличения изменчивости в пределах, определяемых законом гомологических рядов, — интрогрессия генов из другого (часто родственного) вида посредством естественной или искусственной гибридизации (способ был применен Е. Андерсеном на американских ирисах и подсолнечниках).

До настоящего времени никто лучше Ю. А. Филипченко не попытался дискуссии, связанную с данным законом: «Поскольку Вавилов включил в закон гомологических рядов случаи генотипического параллелизма (число которых в настоящее время увеличилось во много раз), он действительно чрезвычайно удачно сформулировал то, что является весьма характерным для явлений групповой (т.е. наследственной. — *Авт.*) изменчивости... Чрезвычайно большой заслугой именно Вавилова является то, что он обратил особое внимание на это явление и дал ему название закона гомологических рядов»²¹⁸. Дискуссия эта до сих пор не завершена. Известно, что у организмов могут быть три типа сходных свойств: родственные, параллельные и конвергентные. С какими из них име-

ет дело закон — неясно. Тем не менее уже в 1936 г. выдающийся немецкий селекционер Т. Рюмер²¹⁹ писал, что закон гомологических рядов является одним из четырех основных законов генетики того времени наряду с законом Г. Менделя о независимом комбинировании наследственных факторов, законом А. Кетле об индивидуальной изменчивости, варьирующей по кривой нормального распределения, и законом Т. Х. Моргана о линейном расположении генов в хромосомах.

Поиск мест происхождения культурных растений, а также проблема распространения уже доместичированных видов вызывают живейший интерес исследователей, по меньшей мере последние 200 лет. В 1805 г. один из создателей географии растений иностранный член Императорской Санкт-Петербургской академии наук А. фон Гумбольдт считал происхождение культурных растений «непроницаемой тайной». Терминология о центрах неустойчива: вначале Н. И. Вавилов писал о центрах происхождения, центрах формообразования и центрах разнообразия. Позже им был введен второй уровень деления — «очаги», и вслед за А. Декандолем он успешно развил гипотезу о вторичных центрах, отмечая, что это районы возникновения новых форм не от диких предков, а от предшествующих культурных, сосредоточенных в одном географическом месте, нередко далеко от их первичного центра. Гипотеза разрабатывалась не только на растениях, но и на животных. Однако в последнем случае она не была завершена.

---

²¹⁸ Филипченко Ю. А. Изменчивость и методы ее изучения. М.; Л., 1929. С. 20.

²¹⁹ Rümer T., Kleinschmidt O. Die Bedeutung des Gesetzes der Parallelvariationen für die Pflanzenzüchtung. Halle, 1936.

Географические закономерности в распределении генов культурных растений рассмотрены Н. И. Вавиловым в одноименной работе, опубликованной одновременно в «Трудах по прикладной ботанике...» и журнале «Природа». Ученый писал о преимущественном сосредоточении доминантных генов в центрах происхождения. Идея совпадала со взглядами И. В. Мичурина о более «сильном доминировании» признаков и свойств у более древних видов по сравнению с более молодыми. Рецессивные признаки, по мнению Н. И. Вавилова, чаще встречаются по краю ареала видов, на удалении от центра их происхождения, говоря современным языком, существуют клины распределения генов.

Тесным образом к проблеме центров происхождения примыкает проблема зарождения земледелия. Не существует никаких свидетельств, которые позволили бы точно определить время его появления. Считается, что оно возникло в неолите, когда произошла неолитическая революция, приведшая человечество от собирательства к становлению производящего хозяйства. Эта трансформация была настолько велика, что любая попытка указать точный момент ее возникновения, вероятно, всегда будет давать неточное представление о ее продолжительности.

В своей последней опубликованной при жизни работе «Новая систематика культурных растений Н. И. Вавилов сформулировал свое видение новых подходов в систематике возделываемых растений, основой которых

стала идея агроэкологической классификации внутривидового разнообразия в мировом масштабе. Разрабатываемые им и его сотрудниками агроботанические классификации таких растений не только не уменьшили ценность применения классических ботанических методов к их систематике, но и позволили создать новые. Тем не менее в систематике и эволюционной теории богатство идей Н. И. Вавилова о политипических видах и путях их эволюции слабо освоено. Хотя их использование дало в руки ботаников и селекционеров ключ для определения места каждой таксономической единицы в огромном разнообразии форм возделываемых растений и открыло новую главу в селекции — возможность познания исходного материала. XXI век стал веком глобального сокращения биоразнообразия. Человечество судорожно ищет пути его сохранения. Одним из первых, кто осознал эту проблему и наметил пути ее решения, был академик Н. И. Вавилов.

Не все теории великого ученого общеприняты в наши дни, но они лежат в русле тенденций развития агробиологии XX—XXI вв., стимулируя новые дискуссии и исследования. Сложно спрогнозировать, как будет развиваться его наследие. Например, к общеизвестным гомологическим рядам и центрам происхождения возделываемых растений западные коллеги добавили вавиловскую мимикрию²²⁰. Несомненно одно — такие личности, как Н. И. Вавилов, должны постоянно оставаться в культурном обиходе нации.

²²⁰ Процесс возникновения сходства между семенами сорных и культурных растений в результате их совместного произрастания и параллельной эволюции. Феномен впервые описан в 1909 г. отечественным ботаником Н. В. Цингером, получившим в 1928 г. за его открытие премию имени В. И. Ленина (посмертно).

РОССИЙСКАЯ СЛАВИСТИКА В XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

О возникновении научного славяноведения, в том числе славянского языкознания, в России следует говорить с начала XIX в. При этом интерес к славянскому миру в ученой среде восходит еще к петровскому времени, когда «в руки русских людей» попала записка о славянах, составленная по инициативе Петра I великим европейским просветителем Г. В. Лейбницем (1646—1716) и которую академик Владислав Петрович Бузескул (1858—1931) расценил как «первое научное сочинение по славянам»²²¹. Вместе с тем, по убеждению академика Александра Николаевича Пыпина (1833—1904), «в начале XIX столетия у нас не было человека (по крайней мере, нельзя указать этого в литературе), который был бы в состоянии перечислить правильно славянские племена»²²².

Идеи европейского романтизма начала XIX в. не могли остаться без отклика в среде русских ученых, подпитанной развитием национального движения в славянских землях Европы

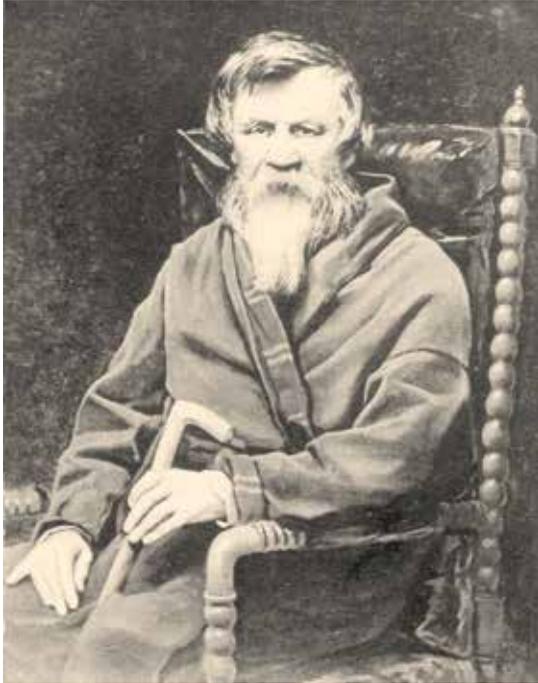
и вольнолюбивыми лозунгами в самом Российском государстве. Тогда в среде декабристов было создано Общество соединенных славян. В начале XIX в. внимание было обращено в первую очередь на русскую историю: в 1804 г. было основано первое российское «славянское» научное общество — Общество истории и древностей российских при Императорском Московском университете. Его председатель, ректор университета Х. А. Чеботарёв (1745/1746—1815) призвал искать доказательства родства славянских народов в их языках.

Европейская славистика к этому времени уже прошла значительный путь и имела существенные научные наработки. Развитие российской науки во многом определялось знакомством с европейскими теориями, а часто — личными контактами со славянскими учеными Европы. В этом отношении на первых этапах велика была заслуга историка Михаила Петровича Погодина (1800—1875), будущего редактора журнала славянофильской направлен-

---

²²¹ Здесь и далее мнение В. П. Бузескула приводится по кн.: Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. Ч. 1—3 / общ. ред., сост., вступит. ст., подг. текста, комм. и аннотир. указатель И. В. Тункиной. М., 2008.

²²² Пыпин А. Н. Русское славяноведение в XIX ст. // Вестник Европы. 1889. Т. 4. № 7. С. 238.

М. П. Погодин. Фототипия с портрета
маслом В. П. Перова. 1872 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-П. Д. 133. Л. 1

П. И. Кёппен.
Литография с фотографии Денъера
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 6. Л. 1

ности «Московитянин» (1841—1856). М. П. Погодин многократно бывал в Праге, благодаря чему фактически выступил посредником между российскими и европейскими славяноведами. Нельзя переоценить также вклад ученого немецкого происхождения Петра Ивановича Кёппена (1793—1864), будущего академика Императорской академии наук. Его посредническая роль определялась личным научным общением с европейскими патриархами славяноведения: чехами Йосефом Добровским (1753—1829) и Вацлавом Ганкой (1791—1861), словаком Павлом Шафариком (1795—1861), словенцем Варфоломеем Бартолом Копитаром (1780—1844) и реформатором сербского языка, создателем сербской кириллицы (вуковицы) Вуком Караджичем (1787—1864). Эти контакты были налажены во время пу-

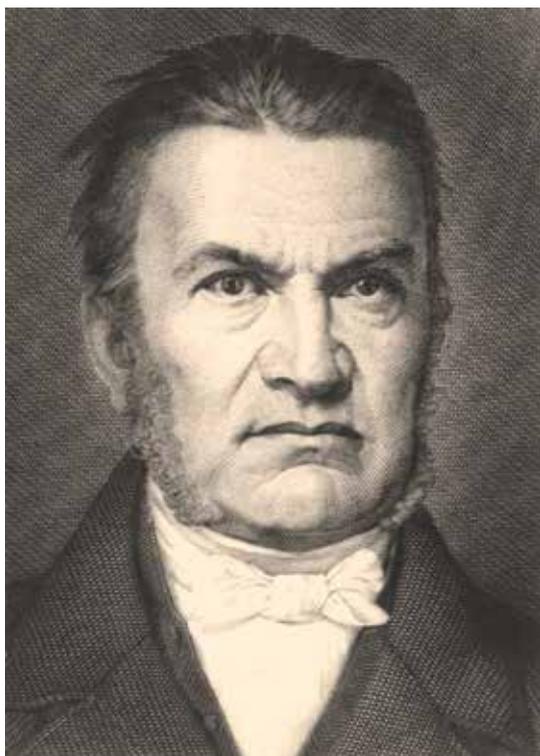
В. Ганка. 7 февраля 1862 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 60. Л. 1

Й. Добровский. Фотография с рисунка
О. А. Кипренского. 1823 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Д. Д. 135. Л.

«Библиографические листы».
Первый выпуск газеты, издававшейся
П. И. Кёппеном. 6 января 1825 г.

П. Й. Шафарик. Литография с гравюры
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ш. Д. 283. Л. 1

тешества П. И. Кёппена по Европе. По мнению Л. П. Лаптевой²²³, именно благодаря ему «в России начинается систематическое изучение славян; Кёппен как бы открыл дорогу к славянам также и другим ученым путешественникам». Важным результатом путешествия стало решение об издании «Библиографических листов» (1825—1826), одного из первых славистических журналов. П. И. Кёппен публиковал информацию не только обо всех выходивших в то время российских изданиях, но и о доступных ему научных новинках из славянских земель²²⁴.

²²³ Подробнее см.: Лаптева Л. П. 1) История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005; 2) История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. М., 2012.

²²⁴ Бернштейн С. Б. «Библиографические листы» П. И. Кёппена // Известия АН СССР. Сер. лит-ры и яз. 1982. № 1. С. 47—58.

«Я преимущественно старался знакомить соотечичей моих с литературою других словенских народов», — писал редактор о целях издания.

Альтернативным печатным органом в то время был «Вестник Европы» (1802—1830), первым издателем которого стал историк Николай Михайлович Карамзин (1766—1826), а вторым и фактически бессменным редактором (1805—1830) — будущий ректор Московского университета Михаил Трофимович Каченовский (1775—1842). В соответствии с интересами редактора журнал имел значительную научную составляющую, привлекал общеевропейский материал, однако собственно славистика была представлена в журнале слабо²²⁵. В научном отношении выделялся «Сын отечества» (1812—1852), единоличным редактором и издателем которого до 1825 г. был филолог и гимназический преподаватель словесности Николай Иванович Греч (1787—1867). Журнал позиционировал себя как «исторический, политический и литературный», однако в значительном объеме там публиковался также критический материал по русскому языку и словесности, но зарубежный славянский мир в журнале представлен практически не был.

Путешествия русских ученых по славянским землям имели огромное значение, в начале XIX в. они становились все более частым явлением. С материалами, собранными в путешествиях (включая сбор славянских рукописей), можно было познакомиться благода-

ря опубликованным запискам. Одним из результатов исследований стал труд русского филолога Андрея Сергеевича Кайсарова (1782—1813) «Опыт славянской мифологии», изданный в 1804 г. в Гёттингене на языке науки того времени — немецком («Versuch einer Slavischen Mythologie») и появившийся вскоре в русском переводе. Российский лингвист Сергей Константинович Булич (1859—1921) склонен считать А. С. Кайсарова «одним из первых российских славистов-языковедов»²²⁶.

Наука о славянах притягивала к себе меценатов, и на этом поприще блистал так называемый Румянцевский кружок. Граф Николай Петрович Румянцев (1754—1826), канцлер Российской империи, выйдя в 1813 г. в отставку, направил всю свою энергию на организацию в России научных исследований. Он щедро финансировал работу профессионалов и любителей по сбору древностей. Одним из выдающихся результатов этой деятельности стало создание знаменитого Румянцева музея (1828—1924), включившего редчайшее собрание славянских рукописей. В кружок Н. П. Румянцева входил обрусевший немец, выдающийся славист Александр Христофорович Востоков (1781—1864), по определению Е. Ю. Басаргиной, «единственный настоящий филолог» в первом составе Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук²²⁷, автор эпохального труда «Рассуждения о славянском языке» (1820). Великий словенский и австрийский славист

²²⁵ Гиттиус В. В. «Вестник Европы» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 1. Л., 1950. С. 177—193.

²²⁶ Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. Т. 1. С. 1143.

²²⁷ Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук за первые 50 лет его деятельности: 1841—1899: Сб. док-тов / сост. Е. Ю. Басаргина, О. А. Кирикова; отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2016.

А. Х. Востоков.
Фототипия. 17 апреля 1863 г.
СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-В. Д. 39. Л. 2

А. С. Шишков.
Литография с портрета Дж. Доу
СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Ш. Д. 20. Л. 1

Франц Миклошич (1813—1891) характеризовал А. Х. Востокова как самого трезвого из всех славянских филологов.

Интерес к славянским языкам в значительной степени укрепила Российская академия и лично ее президент (1813—1841) Александр Семёнович Шишков (1754—1841). Российская академия, созданная в 1783 г., в качестве главных задач ставила изучение русского языка и создание грамматик и словарей, однако А. С. Шишков, установивший контакты с Прагой, планировал расширить круг исследований до создания сравнительного словаря славянских языков. В этом он нашел поддержку у ведущих европейских славистов Й. Добровского, П. Шафарика, В. Караджича, поляка Самуила Линде (1771—1847), чехов Франтишека Челаковского (1799—1852) и Йосефа Юнгмана (1773—1847). Несмотря на проведен-

ные работы, при жизни А. С. Шишкова проект реализовать не удалось, а после его смерти мероприятие сошло «на нет». Вместе с тем, благодаря своей обширной деятельности, академия стала фактически международным славяноведческим центром.

Уже в первые десятилетия XIX в. были открыты две кафедры славянской словесности в Московском (1811) и Варшавском (1817) университетах, но первые опыты оказались недолговечны. «Узаконил» кафедры истории и литературы славянских наречий университетский устав 1835 г. Тогда для четырех университетов были подготовлены первые профессора, сформировавшие научные школы в лице своих выдающихся учеников.

Кафедру Московского университета занял славист украинского происхождения профессор Осип Максимо-

Варшава. Замковая площадь. 1963 г.
СПбФ АРАН. Ф. 978. Оп. 7. Д. 109. Л. 8 об.

Московский университет. Открытое письмо А. Н. Арсеньева Б. А. Федченко. 21 октября 1898 г.
СПбФ АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 40. Л. 43

О. М. Бодянский. Литография с гравюры.
Париж, 1878 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 77

вич Бодянский (1808—1877), первый российский ученый, получивший степень магистра по истории и литературе славянских наречий. Это внушило оптимизм М. П. Погодину: «Слава Богу, слава Богу! Цель наша достигнута. Славяноведение водворено в первopестольной, а через нее и в целой, даст Бог, России!» О. М. Бодянский был склонен к славянофильским идеям, в чем не был одинок. Западный романтизм и русофильское настроение в славянских землях Европы, вызванное не в последнюю очередь русско-турецкой войной 1806—1812 гг. и Заграничными походами русской армии против Наполеона, подпитывали идеи славянофильства и панславизма, которые в то время доминировали в славяноведческих кругах. В России на фоне подъема патриотических настроений

Харьков. Собор и университетская церковь. Медицинский факультет. II Женская гимназия.
Открытое письмо С. М. Кульбакина Б. М. Ляпунову. 23 декабря 1905 г.
СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 167. Л. 42

они находили живой отклик. О. М. Бодянский создал свою школу, в числе учеников которой были А. А. Майков, Е. П. Новиков, А. С. Клеванов.

В Санкт-Петербургском университете кафедру занял Пётр Иванович Прейс (1810—1846), один из немногих «резвых», по определению В. П. Бузескула, филологов, не зараженных идеями славянофильства. П. И. Прейс упрекал славянофилов из московских кругов, «что они не могут обойтись без новых святых, на роль которых определили Шафарика и Ганку».

Третьим университетом со славянской кафедрой стал Харьковский, куда в качестве профессора был определен Измаил Иванович Срезневский (1812—1880). Он произвел большое впечатление на ученые круги своим докладом «Как дошли до мысли, что должны изучать славянство». Вскоре И. И. Срезневский перешел в Санкт-Петербургский университет, где воспитал целую плеяду блестящих славистов. И. И. Срезневский — одна из ярчайших фигур отечественной славистики. Широта интересов ученого впечатлила выдающегося хорватского слависта, «патриарха славяноведения» (по определению В. П. Бузескула) Ватрослава (в России — Игнатия Викентьевича) Ягича (1838—1923), писавшего, что совокупность трудов И. И. Срезневского «представляет великолепную мозаику в древне-русском стиле»²²⁸.

В четвертом, Казанском университете кафедру занял Виктор Иванович Григорович (1815—1876), впоследствии преподававший в Московском и Новороссийском университетах. Акцентируя внимание на важности соединения

И. И. Срезневский

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-С. Д. 277. Л. 1

византиноведческих и славяноведческих исследований, В. И. Григорович написал ряд значимых сочинений, пользовавшихся авторитетом у европейских славистов, называвших его «русским Шафариком».

Деятельность учеников первых российских славистов пришлась на время подъема славистической науки. В 1860—1870-е гг. этому способствовала внутривосточная ситуация в государстве с либеральными реформами и цензурными послаблениями, коснувшиеся славянских народов события на Балканах и польское восстание 1863 г. Славянские вопросы стали объектами обсуждений на страницах новых журналов, что создало благоприятную почву для расцвета славянофильских концепций и симпатии

²²⁸ Высказывания В. Ягича приводятся по изданию: *Ягич И. В. История славянской филологии.* СПб., 1910.

Императорский Казанский университет. Открытое письмо профессора ботаники Б. А. Федченко к члену-корреспонденту Императорской академии наук О. А. Федченко. 30 октября 1899 г.

СПбФ АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 262. Л. 4 об.

В. И. Григорович.

Фотография портрета работы
Л. И. Срезневской с фотографии 1870-х гг.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 416. Л. 1

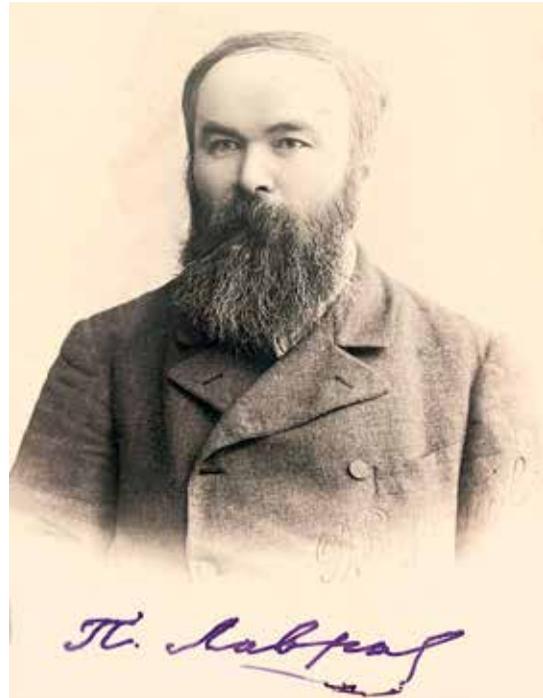
к славянам. В 1867 г. в Санкт-Петербурге и Москве прошла череда громких мероприятий, получивших название Славянский съезд. Тогда же Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии провело в Москве этнографическую выставку, куда приехали представители славянских народов. Славянский вопрос стал одним из широко дискутируемых.

Общественный подъем способствовал росту интереса к славянской тематике в академической среде: он подталкивал студентов к смене первоначально избранной профессиональной ориентации и обращению к науке о славянах. Так, в 1850-е гг. на фоне подъема южнославянского национального движения определилось «славистическое» будущее студента В. Ягича, видевшего изначально для себя путь филолога-классика. Петербургский славист Пётр

Алексеевич Лавров (1856—1929) предполагал заниматься древнеримской историей, но события на Балканах отодвинули его интересы в области антиковедения на задний план.

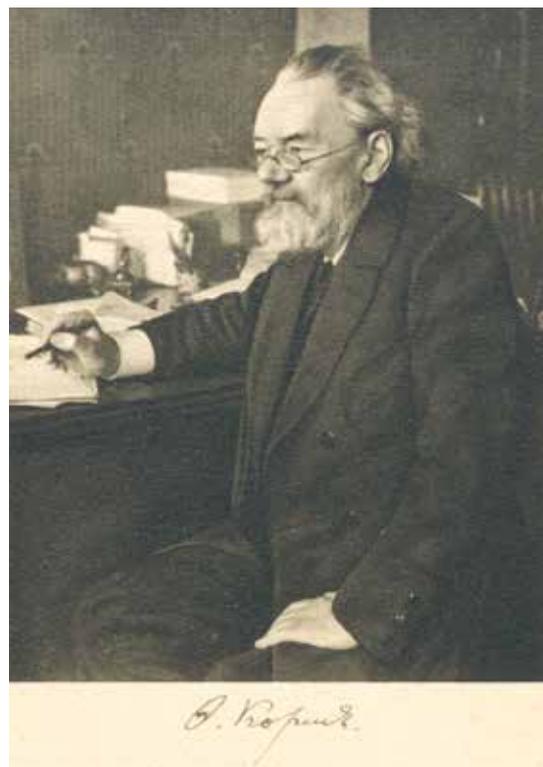
Согласно университетскому уставу 1863 г. при подготовке к профессорскому званию всем кандидатам полагалась двухгодичная командировка в Европу, что создавало благоприятные условия для восприятия европейских гуманитарных знаний. Молодые ученые получили доступ к европейским книго- и архивохранилищам и возможность личного общения с европейскими светилами. Если раньше лишь единицы могли познакомиться с языком, фольклором, бытом народов в аутентичной среде, то теперь это стало доступно практически всем начинающим исследователям. В результате русские слависты, помимо свободного владения классическими и основными европейскими языками, в совершенстве овладели славянскими языками. Так, особой эпистолярной «маркой» слависта и филолога-классика, академика Фёдора Евгеньевича Корша (1843—1915) были письма к российским коллегам, которые он составлял на многих славянских языках.

Мощным толчком к развитию российской славистики стали преобразования в Императорской академии наук, связанные с созданием в 1841 г. Отделения русского языка и словесности (ОРЯС), принявшего на себя функции упраздненной Российской академии. По словам Е. Ю. Басаргиной, «Отделение ясно осознавало свою национальную задачу и высоко оценивало значение своего существования как ученой корпорации, связанной единством духа, целей и интересов». Главными направлениями исследо-

П. А. Лавров

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Л. Д. 157. Л. 1

Ф. Е. Корш. Фототипия

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 8. Л. 1

А. Ф. Бычков и здание Публичной библиотеки.
Литография с гравюры. 1890 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 85. Л. 2.

ваний по-прежнему оставались изучение русского и других славянских языков. В число выдающихся проектов ОРЯС входят лексикографические работы, в том числе словари А. Х. Востокова и И. И. Срезневского, стоявших у истоков отечественной лексикографии. Фундаментальным проектом стал «Словарь русского языка», который начал издавать Яков Карлович Грот (1812—1893), председатель ОРЯС, сменивший на этом посту И. И. Срезневского. Именно Я. К. Грот сформулировал кодекс чести члена Отделе-

ния: «Действовать открыто и прямо, чуждаться всякой интриги, вести дела коллегиально, законно и беспристрастно, уважать свободу мнений и слова, идти навстречу всякому добросовестному труду, всякому справедливому желанию». После смерти Я. К. Грота работа над редакцией словаря перешла к следующим председателям в Отделении: Афанасию Фёдоровичу Бычкову (1818—1899) затем — Алексею Александровичу Шахматову (1864—1920). Крупномасштабными были диалектологические исследования, предполагавшие привлечение к сбору лексического материала самых широких научных и околонаучных кругов; для этого в отделении разрабатывались программы для собирания образцов языка различных регионов. Широко известный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля также был академическим изданием.

Неоценимую роль в развитии славистики и консолидации российских и европейских научных сил сыграли периодические издания ОРЯС. Появление и продуктивная работа первого из них обязаны научно-организационному таланту И. И. Срезневского. По его инициативе в 1852 г. были учреждены «Известия Императорской академии наук по Отделению русского языка и словесности». Вскоре параллельно под редакцией И. И. Срезневского стали издаваться «Ученые записки Второго отделения Императорской академии наук». Эти два издания были прекращены, когда в 1863 г. было принято решение о едином академическом органе — «Записках Императорской академии наук». Уже в 1867 г. Отделение вернуло себе самостоятельное издание, получившее название «Сборник

Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук / Российской академии наук» и издававшееся до ликвидации отделения в 1927 г. С 1896 г. возобновилось издание «Известий», редакторами которых были А. Ф. Бычков, А. А. Шахматов; последним редактором стал признанный основатель научного белорусоведения, академик Евфимий Фёдорович Карский (1860—1931).

Еще два крупных филологических журнала появились почти одновременно с «Известиями ОРЯС» вне академической среды: «Филологические записки» (1860—1917) в Воронеже и «Русский филологический вестник» (1879—1917) в Варшаве, затем в Москве и Казани. Последний во время редактирования его Е. Ф. Карским (1905—1917) превратился в настоящий международный орган, хотя и не сравнимый по масштабу охвата с «Archiv für slavische Philologie» В. Ягича.

Как подчеркнула Л. П. Лаптева, в 1860—1870-е гг. произошла смена поколений русских славистов, выработавших новые взгляды: «Не связанные личными знакомствами с зарубежными авторитетами, представители этого поколения были более независимы в своих суждениях, чем их предшественники, склонялись к корректировке прежних позиций».

Наиболее выдающиеся языковеды, будущие члены Императорской академии наук вышли из школы И. И. Срезневского, чему способствовал не только научный, но и педагогический талант ученого. Это Пётр Алексеевич Лавровский (1827—1886), ректор Варшавского университета, путешествовавший по славянским землям и убедивший перейти на работу в Варшаву чеха Осипа Осиповича (Иосифа Иосифовича) Пер-

Известия Императорской академии наук по Отделению русского языка и словесности. 1857. Титульный лист

Е. Ф. Карский. Февраль 1929 г. СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-К. Д. 88. Л. 1

В. И. Ламанский

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-А. Д. 72. Л. 1

вольфа (1841—1891). Увлеченный идеей славянской взаимности, О. О. Первольф получил острую характеристику В. Ягича: «Все те проявления мнимой солидарности славянской, за которыми автор ухаживал, точно влюбленный обожатель, не имели того реального значения в жизни славян, которое могло бы казаться по его изложению».

Во Владимире Ивановиче Ламанском (1833—1914) В. П. Бузескул видел самого крупного слависта — ученика И. И. Срезневского. Разделяя идеи славянофильства и панславизма, В. И. Ламанский воспринимал греко-славянский мир как единое целое, объявляя при этом, что «Европа есть собственно полуостров Азии». В русском языке он видел потенциал общеславянского органа, однако, будучи противником насилия, подчеркивал: «Для этого

нужно, чтобы русский язык стал носителем великих начал любви и свободы, необходимым деятелем общечеловеческого просвещения». В. И. Ламанский воспитал ряд выдающихся учеников, в числе которых Антон Семёнович Будилович (1846—1908) — крупный лингвист и вместе с тем воинствующий славист и русификатор. Эту роль он с успехом исполнял в должности профессора Нежинского института, Варшавского университета, ректора Юрьевского университета. Другие выдающиеся ученики И. И. Срезневского — К. Я. Грот, М. И. Соколов, поляк С. Л. Пташицкий, полурумын, полуукраинец П. А. Сырку, И. С. Пальмов, А. Л. Погодин.

Ученик О. М. Бодянского, профессор Харьковского университета, болгарин Марин Степанович Дринов (1838—1906) стал крупным деятелем болгарского возрождения. М. С. Дринов был знающим специалистом в славянской истории и языках, членом всех славянских академий, членом-корреспондентом Императорской академии наук; современники отмечали его обаяние, простоту и добродушный нрав; ему были чужды романтика и узкий национализм. О его высоком авторитете в Болгарии и его преданности науке свидетельствует тот факт, что на родине ученого была учреждена стипендия его имени для отправки студентов за границу в целях совершенствования в науке, существующая до сих пор. Во время турецкой оккупации Болгарии М. С. Дринов был министром народного просвещения; именно по его настоянию столицей была избрана София, а не Тырново. Ему предлагали пост министра и главы кабинета министров, затем — председателя Государственного совета, но М. С. Дринов от всего отказался

и предпочел оставаться профессором в России. На похороны ученого в Харьков прибыла болгарская делегация во главе с министром народного просвещения (через три года прах профессора был перевезен на родину); посмертно было издано полное собрание его сочинений (1909—1915).

На смену эпохе расцвета славянофильских концепций с ее пиком в 1850—1870-е гг. пришло время методологического позитивизма, реалистического представления о том, что славян объединяет языковое родство, в то время как национальный менталитет формируется совокупностью множества других факторов: климатические условия, соседи, особенности религии, национальной истории. Многие выдающиеся слависты — А. А. Шахматов, П. А. Лавров, И. А. Бодуэн де Куртенэ — сочетали занятия наукой с активной общественной деятельностью и публицистикой в духе славянской взаимности.

С последнего десятилетия XIX в., по оценке Л. П. Лаптевой, «в науке о славянах наступает новый этап. Достижения особенно были заметны в области славянского языкознания в связи с общим развитием науки о языке». Активизировалась работа ОРЯС: в число членов Отделения вошли сильные и энергичные слависты А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, В. И. Ламанский, В. Ягич. ОРЯС активно печатало труды и субсидировало поездки за границу не только своих членов, но и других ученых; содействовало исследованиям зарубежных коллег на территории Российской империи. Так, благодаря поддержке ОРЯС краковские диалектологи, профессора Ягеллонского университета, будущие иностранные члены Академии наук Ян Розвадовский

(1867—1935) и Казимеж Нитш (1874—1958), смогли совершить свои научные поездки по землям Царства Польского. ОРЯС активно поддерживало зарубежные контакты, его члены вели обширную научную переписку. Вплоть до своей ликвидации Отделение являлось настоящим центром объединения славяноведческих сил.

Крупнейшим событием, обозначившим координирующую роль ОРЯС, стал Предварительный съезд русских филологов-славистов в Санкт-Петербурге в 1903 г. Научный форум рассматривался как первый шаг на пути созыва международного съезда, необходимость в котором остро ощущали все европейские слависты, однако Первая мировая война разрушила эти планы.

Ягеллонский университет. Краков
СПбФ АРАН. Ф. 827. Оп. 6. Д. 21. Л. 4

Первый съезд славянских филологов и историков. Санкт-Петербург. 1903 г.

СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 204. Л. 1

Славяноведческие исследования проводило и единственное русское гуманитарное учреждение за границей — Русский археологический институт в Константинополе (РАИК), открытый в начале 1895 г. во главе с директором института, академиком Фёдором Ивановичем Успенским (1845—1928)²²⁹. К этому времени свои институты в Средиземноморье и на Балканах были у Германии, Франции, Англии, США, помимо научных они выполняли и политические задачи. Обозначив в качестве основной задачи изучение древностей всех территорий исторической Византии, Ф. И. Успенский включил в зону своих исследований территории славянских земель на Балканах. Археологический отряд РАИК стал первооткрывателем первой болгарской столицы Аобы-Плиски, сотрудники института исследовали архитектур-

но-археологические объекты, древнейшие славянские эпиграфические памятники, открыли и описали многие славянские рукописи. РАИК активно вовлекал в свою работу ученых из славянских стран, в число которых вошли чехи — основатель чешской балканологии и византистики, историк и славист Константин Иречек (1854—1918), братья Херман (1858—1923) и Карел (1859—1944) Шкорпилы, болгарин Васил Златарский (1866—1935) и др. РАИК продолжал свою работу до начала Первой мировой войны, представляя российскую науку за рубежом на высоком уровне и поддерживая взаимодействие со славянскими учеными Европы.

К 1914 г. европейская славистика находилась на пике своего развития. Российская наука о славянах стала неотъемлемой и органичной ее частью, а в отдельных областях занимала аван-

²²⁹ Басаргина Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе. СПб., 1998.

гардные позиции. Ситуацию изменила Первая мировая война, когда, по словам В. П. Бузескула, «между прошлым и настоящим исторической науки проведена борозда огромной глубины, можно сказать, целая бездна легла между ними». Война разрушила единство мировой науки, разорвала связи, восстанавливать которые приходилось затем с большим трудом. Показательной в этом отношении является судьба международных славистических периодических изданий: международная составляющая «Известий ОРЯС» и «Русского филологического вестника» фактически исчезла, как исчезли и имена российских славистов со страниц европейских филологических журналов. Даже В. Ягич, не утративший личных научных связей с Россией, в своем журнале публиковал только некрологи и рецензии на новые российские издания²³⁰.

Вместе с тем послевоенное время вызвало новый всплеск славистических исследований, подготовленных идеологией неославизма и проходивших на волне национального энтузиазма в связи с созданием суверенных славянских государств. Форпостом в формировании постимперского международного научного пространства стала Прага; не последнюю роль в этом сыграла русская научная эмиграция и российские/советские ученые-слависты, работавшие за границей в межвоенные годы: Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон, Н. Н. Дурново, В. А. Францев, Н. В. Ястребов, А. Л. Погодин, С. М. Кульбакин.

Внутриполитические события, обрушившиеся на Россию с 1917 г., фатальным образом отразились на отечественной славистической науке. По-

Ф. И. Успенский. Фототипия.
Константинополь. 1911 г.
СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Д. 26. Л. 1

мимо массовой эмиграции, охарактеризованной Л. П. Лаптевой как «исход русских славистов» (страну покинули и польские лингвисты, составлявшие неотъемлемую часть российской науки, — И. А. Бодуэн де Куртенэ, В. К. Поржезинский), потери были связаны с преждевременным уходом из жизни крупных ученых, не справившихся с суровым голодным и холодным бытом. В 1920—1921 гг. в Петрограде ушли из жизни А. А. Шахматов (56 лет), И. С. Пальмов (66 лет), в Москве — В. Н. Щепкин (57 лет), Р. Ф. Брандт (67 лет), в Каза-

²³⁰ Бондарь Л. Д. Славистическая наука в эпохи перемен: время взлетов и время падений // Судьбы ученых в эпоху перемен: Очерки и документы / под ред. Е. Н. Груздевой. СПб., 2021. С. 247—265.

Диплом В. И. Ламанского на звание почетного члена Русского археологического института в Константинополе. 1895 г. СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Д. 75. Л. 1

ни — Н. М. Петровский (46 лет). В 1919 г. в Киеве органами ВЧК был расстрелян Т. Д. Флоринский. Через полтора десятка лет последовала череда репрессий, известных как «Дело славистов»²³¹, вырвавших из отечественной науки блестящие умы, в числе которых: академики В. Н. Перетц и М. Н. Сперанский, вернувшийся из Праги член-корреспондент РАН Н. Н. Дурново, член-корреспондент РАН Г. А. Ильинский, член-корреспондент АН СССР А. М. Селищев, секретарь Института славяноведения В. Н. Кораблёв, первый председатель Института белорусской культуры С. М. Некрашевич, профессор Н. Л. Туницкий, П. А. Бузук и др.

Закрывание славистических журналов, обществ (научных и общественных организаций) и, наконец, ликвидация в 1927 г. ОРЯС окончательно обескровили отечественную славистику. Финальным действием, покончившим, по мнению Л. П. Лаптевой,

«со славяноведением как наукой» стало закрытие на фоне разворачивающегося «Дела славистов» в конце 1934 г. Института славяноведения Академии наук СССР в Ленинграде, который был создан тремя годами раньше поддерживавшим новую власть академиком Н. С. Державиным.

Отечественное славяноведение не скоро оправилось от катастрофического разгрома. Возродить науку пришлось на основе новой, марксистско-ленинской методологии. Научные сокровища, созданные в результате интенсивных исследований поколениями блестящих российских славистов XIX — начала XX в., сохранены в российских архивах и являются бесценной частью мировой науки. Они обладают мощным научным потенциалом, что обуславливает острую востребованность у современных ученых архивного наследия выдающихся российских славистов.

²³¹ Ашнин Ф. Д., Алтатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы / отв. ред. Н. И. Толстой. М., 1994.

ЯКОВ КАРЛОВИЧ ГРОТ (1812—1893)

Свою родословную российские Гроты возводили к началу XVIII в. О первом пращуре было известно лишь, что он был герцогским адвокатом в Голштинии. Более яркая судьба досталась его сыну Иоакиму Христиану Гроту (1744—1799). После учебы в Йенском университете он стал кандидатом в пасторы и домашним учителем. Его жизнь круто изменила Семилетняя война: в завоеванный Кёнигсберг российская императрица Елизавета Петровна назначила губернатором свое доверенное лицо — барона Н. А. Корфа, секретарем которого стал И. Х. Грот. Голштинiec быстро приобретал новые знакомства. Как человек образованный, владевший несколькими языками, он иногда заходил на лекции в университет, подружился со студентом-теологом Теодором Готтлибом, через него познакомился с университетским лектором Иммануилом Кантом, а по вечерам играл в бильярд с молодым русским поручиком Григорием Орловым. Через два года И. Х. Грот вместе с Н. А. Корфом переехал в Санкт-Петербург. В российской столице он предпочел религиозную деятельность: сначала был определен пастором к голштинскому полку, а в 1764 г. занял кафедру Екатерининской церкви на Васильевском острове — одного из крупнейших лютеранских приходов. Пастор И. Х. Грот был активным проповедником и писателем. Кроме проповедей чисто религиозного содержания он произносил речи, имевшие

политическое (против революционных движений, о пользе оспопрививания в России) и историческое значение (по истории евангелическо-лютеранских и вообще иноверческих церквей в России).

В Санкт-Петербурге И. Х. Грот женился на немке Кристине Сусанне Энгельгардт. Он сохранил кёнигсбергские связи и обзавелся новыми, петербургскими — сошелся с некоторыми немцами на русской службе, в том числе в Академии наук. Один из ученых, историк Август Шлёцер, упомянул его в своей автобиографии, другой — библиотекарь Академии наук И. Ф. Бакмейстер — в своем знаменитом описании академической библиотеки²³². С академиком Л. Эйлером отношения сложились столь сердечные, что дружба связала и оба семейства.

Сын И. Х. Грота Карл Ефимович (Иоакимович) Грот (1770—1818) получил хорошее образование в Петропавловском училище при лютеранском приходе («Петришуле»), окончил его первым учеником и даже был призван ко двору для практических упражнений в немецком языке двух старших великих князей — Александра и Константина Павловичей. Впоследствии он служил контролером в Департаменте государственных имуществ, получил дворянство, в браке с Каролиной Цизмер имел троих детей: дочь Розу и двух сыновей — Якова (1812—1893) и Константина (1815—1897).

²³² Бакмейстер И. Г. Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Императорской Академии наук: пер. с фр. / изд. И. Бакмейстером; пер. В. Костыковым. [СПб.], 1779.

Якову Гроту было всего шесть лет, когда умер отец. Воспитанием детей занималась мать, сумевшая привить им любовь к учебе и особенно языкам, к которым у всех оказались явные способности. И отец, и мать придерживались правила, что дети должны прежде всего хорошо выучиться говорить по-русски, и лишь во вторую очередь знать немецкий и французский. На практике все эти языки они усваивали одновременно и пользовались ими одинаково свободно.

По достижении 10 лет домашнее образование мальчика закончилось, его следовало определить на учебу в специальное заведение. Мать обратилась с прошением на имя императора Александра I и тот, вероятно, в память своего «друга по воспитанию» распорядился определить его сына в Царско-сельский лицейский пансион. Первые из пансионеров получали право стать воспитанниками самого привилегированного учебного заведения — Царско-сельского лицея, где Яков Грот все три года учебы считался одним из лучших.

К тому времени, когда он стал лицеистом, это учреждение уже мало походило на Лицей пушкинской поры: оно было передано военному ведомству, что сказалось на учебной программе и правилах внутреннего распорядка. Но предания и традиции первых (пушкинских) лет Лицея сохранялись учениками, ста-

равшимися быть достойными своих предшественников. Братья Гроты (Константин на три года позже также поступил в Лицей) за годы учебы впитали особое отношение к А. С. Пушкину. Им посчастливилось лично видеть знаменитого поэта, приехавшего в Царское Село, и память об этих встречах они сохранили на всю жизнь. Увлечшись историей пушкинского выпуска, Я. К. Грот стал одним из его историографов. Как и многие бывшие лицеисты, он на протяжении всей жизни собирал исторические материалы, автографы, публиковал документы и воспоминания, относившиеся к первым годам Лицея²³³.

В годы учебы молодой Я. К. Грот предпочитал географию, математику, историю, физику. Особенно его увлекали языки, еще в пансионе он начал учить латынь, а в Лицее самостоятельно освоил итальянский. На фоне изучения классических произведений воспитанники с живостью следили за современной литературой, сами делали первые шаги в сочинительстве. Я. К. Грот навсегда сохранил память о лицейской юности, тепло вспоминал своих наставников и товарищей. Бывшие лицеисты ежегодно проводили торжественные встречи — день Лицея — на которых Я. К. Грот был не только постоянным участником, но в 1860—1880-е гг. и бессменным секретарем, ведущим и хранившим протоколы собраний²³⁴.

---

²³³ Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: Несколько статей Я. Грота с присоединением и других материалов. СПб., 1887. В книге собраны все изданные ранее автором статьи о Пушкине и Лицее.

²³⁴ На одном из собраний бывшие лицеисты задались целью поставить в саду Царского Села памятник А. С. Пушкину. В специальный комитет для сооружения памятника вошли и братья Гроты. Члены комитета предложили пересмотреть место для установки памятника и перенести его в Москву. Идея вызвала споры, но в конечном итоге была поддержана. Император подвел итог, повелев поставить памятник в Москве, где поэт родился и «где монумент его получит вполне национальное значение». В 1880 г. на Тверском бульваре при большом стечении народа был открыт памятник поэту, ныне хорошо известный во всем мире.

Царскосельский лицей готовил своих воспитанников для поступления в высшие гражданские ведомства или в военную службу. В 1832 г. Я. К. Грот окончил Лицей с золотой медалью, что способствовало зачислению его на службу в канцелярию Комитета министров под начало барона М. А. Корфа, также бывшего лицеиста, причем первого пушкинского выпуска. Работа, сводившаяся к переписке бумаг, не могла увлечь молодого человека. Выполняя ежедневные обязанности почти механически, Я. К. Грот все чаще обращался к литературным и лингвистическим занятиям. Между делом он выучил английский язык, знание иностранных языков позволило обратиться к переводам. Первый его большой литературно-переводческий опыт оказался удачным и был опубликован в журнале «Современник»²³⁵.

Публикация байроновского «Мазепы» послужила поводом для знакомства с издателем журнала П. А. Плетнёвым, скоро переросшего в тесную дружбу. Я. К. Грот стал и одним из постоянных сотрудников «Современника» и постепенно вошел в круг столичных литераторов, познакомился с В. Ф. Одоевским, В. А. Жуковским, И. А. Крыловым, В. И. Далем. Все больше времени Я. К. Грот отдавал занятиям в области литературы. Лингвистические штудии он тоже не бросал, напротив, обратился к скандинавским языкам. Поводом к тому послужило знакомство с поэмой «Фритъоф» шведского поэта-романтика Э. Тегнёра. Это произведение, написанное по мотивам исландских саг, имело шумный литературный успех и было переве-

дено на многие европейские языки. Я. К. Грот прочел поэму на немецком языке, после чего решил перевести ее на русский. Так в его жизни начался новый период, связанный с изучением шведского языка, скандинавской истории и мифологии. Чтобы ближе познакомиться с жизнью носителей северной культуры, с 1837 г. он неоднократно ездил в Финляндию, которая входила в состав России как национальная автономия. Литературным языком в Финляндии был шведский. Во время своих поездок Я. К. Грот приобрел множество знакомств в литературных и научных кругах. Объехав большую часть страны, путешественник признавал: «Нравы и образ жизни в Финляндии, как и характер ее жителей... имели в моих глазах много привлекательного». Впечатления от поездок и переводы стихов шведских поэтов он печатал в журнале «Современник».

Все сильнее овладевавшая Я. К. Гротом тяга к литературной и научной деятельности заставляла его задумываться об уходе с канцелярской службы. Друзья порекомендовали его статсекретарю Великого княжества Финляндского Р. И. Ребиндеру, который предложил молодому человеку место чиновника особых поручений при своей персоне, пообещав вскоре должность инспектора финляндских училищ по преподаванию русского языка. Приняв это предложение, Я. К. Грот в июне 1840 г. оставил Санкт-Петербург, намереваясь продолжить изучение скандинавского севера.

Переезд в Гельсингфорс совпал со значительным событием в жизни города и страны: празднованием

²³⁵ Мазепа, поэма Байрона (перевод Я. Грота) // Современник. 1838. Т. 9. С. 94–128 (третья нумерация).

Дом, в котором Я. К. Грот жил в Гельсингфорсе
СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2.
Д. 20. Л. 5

200-летнего юбилея Александровского (Гельсингфорского) университета. По воспоминаниям одного из участников, «самым многозначительным и достойным упоминания эпизодом этих праздников было дружеское сближение между гостившими у нас русскими с финскими учеными и литераторами. Здесь первое место посредника и соединителя принадлежит бесспорно Я. К. Гроту. Совсем еще молодой человек, не достигший и тридцати лет, тонко образованный и в полном смысле джентльмен во всем своем существе, он рано познакомился с шведским языком и литературой <...> И так как он вполнину был у нас как дома, то и был особенно способен сблизить наших финских литераторов со своими соотечественниками»²³⁶. Я. К. Грот вскоре стал членом Финского литературного общества.

Юбилей дал повод для учреждения при Гельсингфорском университете кафедры русского языка, словесности и истории. П. А. Плетнёв²³⁷ порекомендовал для руководства кафедрой Я. К. Грота. Пока вопрос решался, последний печатал свой перевод саги о Фритьофе²³⁸. Фрагменты перевода еще в 1830-е гг. получили лестную оценку, и вот наконец работа была завершена. Книгу ждали, и она сразу получила ряд отзывов. В «Отечественных записках» вышла рецензия В. Г. Белинского, отметившего достоинства как самой поэмы, так и ее перевода: «...нельзя не отдать полной справедливости таланту г. Грота как переводчика. Он умел сохранить колорит скандинавской поэзии подлинника, и потому в его переводе есть жизнь»²³⁹.

В апреле 1841 г. был подписан рескрипт об определении Я. К. Грота

²³⁶ Цит. по: Грот Я. К. Автобиографические заметки // Я. К. Грот. Несколько данных к его биографии и характеристике. СПб., 1895. С. 33.

²³⁷ П. А. Плетнёв с 1832 г. был профессором, а в 1840—1861 гг. — ректором Санкт-Петербургского университета.

²³⁸ Фритиоф, скандинавский богатырь. Поэма Тегнера, в русском переводе Я. Грота. Гельсингфорс, 1841.

²³⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. / редкол.: Н. Ф. Бельчиков и др. Т. 5. Статьи и рецензии. 1841—1844. М., 1954. С. 286.

в должности ординарного профессора Александровского университета в Гельсингфорсе. Радость от долгожданного назначения омрачило то, что новый коллега был встречен университетской профессурой настороженно и прохладно. Я. К. Грот писал в Санкт-Петербург П. А. Плетнёву: «...моим назначением нарушены отчасти древние учреждения его (университета. — *Авт.*); сколько я замечаю, старики были чрезвычайно изумлены этою новостью; их возмущает не только совершенное в этом случае отстранение того тяжкого пути, каким они все достигли той же степени»²⁴⁰. То, что профессор, не знакомый с финляндскими законами и правилами, будет вместе со всеми заседать в консистории²⁴¹ и факультете, воспринималось с оскорблением и даже с подозрением. Не вызвало понимания и само учреждение кафедры русского языка и истории, не относившихся к популярным наукам ни у профессоров, ни у студентов. При господстве в Финляндии шведского языка большинство студентов, да и преподавателей русским владели плохо, читать лекции на русском языке было невозможно. Пришлось при составлении курса переводить его на шведский язык. П. А. Плетнёв на правах старшего и опытного преподавателя поддерживал и наставлял Я. К. Грота: «Во время преподавания на шведском мешай русские фразы, сравнивай языки, указывай на преимущества нашего и проч. и проч. Действуй как умный, тонкий и дальновидный политик. Ведь мы, стремясь выучить финляндцев по-русски, не гнетем их, не дурачим,

Я. К. Грот. Фототипия. [1840-е гг.]
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 8. Л. 1

а добавляем интерес их»²⁴². Я. К. Гроту пришлось бороться за большее распространение русского языка в среде учащихся, причем не только в стенах университета, но и в средних учебных заведениях, которые он должен был инспектировать по должности чиновника при статс-секретаре Великого княжества Финляндского. Постепенно он сумел преодолеть недоверие университетских коллег и завоевать их уважение.

Для освоения языка учащимся необходимы были соответствующие пособия и книги. С этих позиций

²⁴⁰ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетнёвым. Т. 1. СПб., 1896. С. 314.

²⁴¹ Совет университета.

²⁴² Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетнёвым. Т. 1. СПб., 1896. С. 323.

П. А. Плетнёв.
Литография с фотографии. 1850-е гг.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-П. Д. 85. Л. 1

Я. К. Грот оценил собрание книг в библиотеке университета и нашел, что русскоязычные издания находятся в большом беспорядке. Хотя с 1828 г. университет получал обязательный бесплатный экземпляр всей литературы, издаваемой в Российской империи, большого спроса на нее в Гельсингфорсе не было, и русские книги растворялись среди множества других. Я. К. Грот обратился в консисторию с сообщением о положении дел в библиотеке, предложил выделить русские книги в особую коллекцию и навести в ней порядок. Ему было поручено возглавить эту работу.

За несколько лет Я. К. Грот сумел организовать при университете самостоятельную Русскую библиотеку, вскоре ставшую известной и популярной. Для нее были выделены все книги на русском и славянских языках, ве-

ден строгий учет и контроль над всеми поступающими изданиями. Внутри библиотеки книги были разобраны и упорядочены, введена систематизация по наукам. Особое внимание уделялось тому, чтобы своевременно заказывать и приобретать новейшую научную и художественную литературу. Начиная с 1844 г. и до самого отъезда из Финляндии Я. К. Грот оставался заведующим Русской библиотекой, организацию которой считал едва ли не самым значительным результатом своей работы в Гельсингфорсе.

В то же время, благодаря переводам и многочисленным статьям, опубликованным в России, прежде всего в петербургском «Современнике», Я. К. Грот стал посредником между русской и скандинавской культурами. Благодаря ему русская читающая публика узнала о шведских и финских поэтах и литераторах, об эпосе «Калевала», познакомилась с событиями истории Финляндии, ее географией, современной культурой, традициями и нравами жителей. В то время как в университетских лекциях он старался дать слушателям представление о богатстве русской литературы и о российской истории.

Отсутствие в скандинавских странах пособий по изучению русского языка и истории побудило Я. К. Грота заняться созданием собственных учебников на шведском и финском языках. Им были составлены «Учебник русского языка для начинающих финляндцев», «Книга для чтения в прозе и стихах для финляндских училищ» со вспомогательным русско-шведским словариком. Я. К. Грот издал на шведском языке «Справочник по истории Российской империи», освещавший события до начала правления Петра Великого. Профессор был привлечен

и к составлению первого подробного шведско-русского словаря, который готовил к изданию служащий статс-секретариата О. Мерман. Надзор за печатанием словаря по воле императора был поручен Я. К. Гроту, проделавшему значительную работу по редактированию текста²⁴³. Работа над учебными пособиями и словарями дала ученому ценный филологический опыт.

С годами Я. К. Грот все больше чувствовал тягу к научной работе. Он долго решал, каким именно дисциплинам отдать предпочтение: «Тут были в споре: филология, история политическая, история литературы и статистика. Обнять все это разом невозможно...»²⁴⁴ Окончательный выбор был сделан в пользу филологии и истории литературы.

Первые опыты Я. К. Грота в области лингвистики относятся ко второй половине 1840-х гг. Способности и желание постоянно осваивать новые языки позволили ему за время жизни в Финляндии усовершенствоваться в шведском и латинском, познакомиться (по книгам) с другими скандинавскими языками, а также польским, греческим и санскритом. Он занимался и финским языком, на котором говорил простой народ, велись церковные службы в провинции, звучал народный эпос. По признанию самого Я. К. Грота, «таким-то образом... положено было твердое основание моим филологическим занятиям и сравнительному исследованию русского языка». Постепенно он все больше внимания уделял таким узким вопросам, как теория русских глаголов, особенности произношения некоторых звуков, лек-

сические взаимозаимствования в русском и скандинавских языках.

Как историка русской литературы его привлекал XVIII век. Для удобства в дальнейшей работе он даже составил «Указатель русской истории и литературы XVIII в.». Я. К. Грот с удивлением заметил, что несмотря на признанный в литературном мире авторитет Г. Р. Державина, до сих пор еще никто не составил хронологическое издание его сочинений. Для исполнения этой задачи ученый занялся тщательным изучением биографии и деятельности поэта, давших ключ к датировке многих стихотворений.

Труды Я. К. Грота из скандинавского и финского мира. СПб., 1898. Титульный лист

²⁴³ Шведско-русский словарь: ч. 1—2. Гельсингфорс, 1846—1847.

²⁴⁴ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетнёвым. Т. 2. СПб., 1896. С. 862.

Диплом Императорской Академии наук
Я. К. Гроту на звание
члена-корреспондента. 1852 г.
СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2. Д. 93

Несмотря на многообразие занятий в Гельсингфорсе, широкий круг друзей и частые путешествия по Финляндии и Швеции, Я. К. Грот все острее ощущал желание вернуться на родину. В 1850 г. он женился на Наталье Петровне Семёновой (1824—1899). Ее семья принадлежала к древнему дворянскому роду, представители которого были хорошо образованными и литературно одаренными людьми. Сама Наталья Петровна блестяще окончила столичный Екатерининский институт, много читала, занималась живописью. Детство и юность ее прошли в Санкт-Петербурге и российской провинции, привыкнуть к жизни в Гельсингфорсе молодой женщине было нелегко. В 1852 г. у супругов родился первенец — сын Николай; вскоре умерла мать Я. К. Грота, сопровождавшая сына весь финляндский период.

Причин задерживаться в Гельсингфорсе оставалось все меньше, но прежде чем возвращаться в Россию, нужно было найти новое место службы. Столичные друзья старались помочь в этих поисках.

По мере погружения в вопросы русской филологии Я. К. Грот обратил внимание и на труды Отделения русского языка и словесности (ОРЯС) Императорской академии наук. В начале 1850-х гг. в ОРЯС готовилось издание «Опыта областного великорусского словаря» — итог большой работы по собиранию слов, употребляемых в разных губерниях России. Академики, в свою очередь, обращались к Я. К. Гроту как к специалисту по скандинавским языкам за помощью в определении русских слов, заимствованных из финского и других северных языков. Ответы ученого, четкие и обстоятельные, произвели благоприятное впечатление, и Отделение пригласило его к участию в новом периодическом издании «Известия ОРЯС». Видя в гельсингфорском профессоре ценного научного сотрудника, Отделение избрало его в члены-корреспонденты Академии наук (1852). Сотрудничество с ОРЯС оказалось очень своевременным, чтобы поддержать Я. К. Грота в намерении обратиться к сравнительной филологии.

Осенью 1852 г. ученый получил предложение занять кафедру русской словесности в Царскосельском лицее. Вскоре П. А. Плетнёв сообщил, что великий князь Александр Николаевич ищет для своих сыновей наставника, и он рекомендовал ему Я. К. Грота. Поскольку на это предложение было получено согласие, П. А. Плетнёв убеждал друга не упустить такой шанс и поскорее решаться на переезд

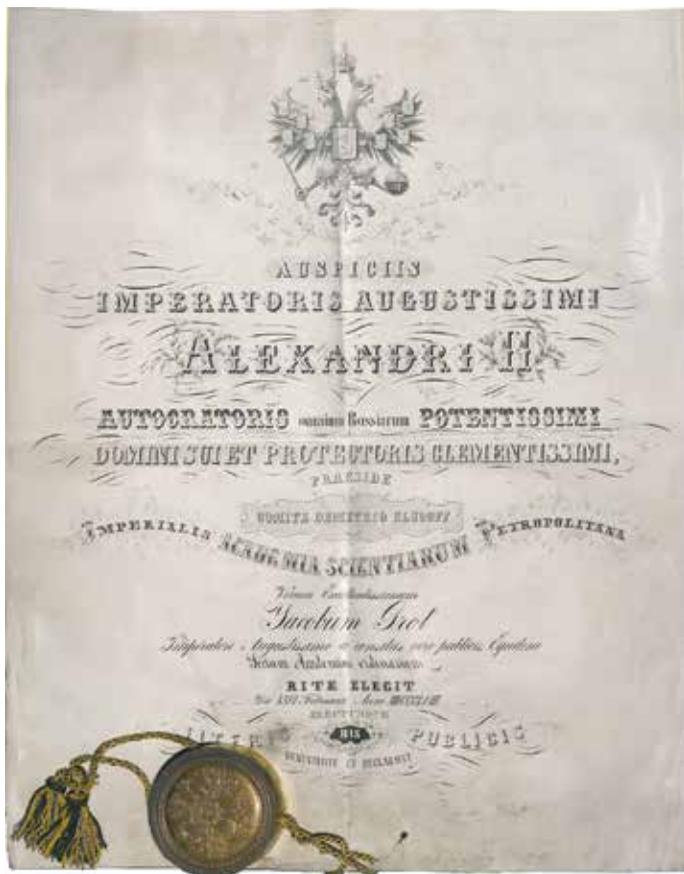
*Царское Село. Церковь Знамения,
Лицей и Лицейские ворота. 1880-е гг. Из книги:
Альбом московской Пушкинской выставки 1880 года.
М., 1887. Между с. 24 и 25*

в Санкт-Петербург. В начале 1853 г. Я. К. Грот покинул Гельсингфорс.

Дабы материально обеспечить семью, в которой росли уже двое сыновей, ему пришлось принять оба предложения: и профессорскую должность в Лицее, и службу при дворе. Поэтому первые несколько лет в столице были заполнены почти исключительно преподавательской деятельностью. Как наставник старших детей великого князя — Николая и Александра — Я. К. Грот должен был преподавать сразу несколько предметов: русский язык, всеобщую и русскую историю, географию и немецкий язык. Через три года он получил должность наблюдателя классов, которую исполнял до осени 1859 г. Одновременно Я. К. Грот читал и курс лекций по русской литературе в Лицее. Для научных занятий удавалось выкро-

ить совсем мало времени: его статьи изредка появлялись в «Известиях ОРЯС» и в «Журнале Министерства народного просвещения». Оставив придворную службу, ученый еще три года занимал кафедру в Царском Селе, пока не отказался от нее ради занятий наукой.

За несколько лет Я. К. Грот сделал стремительную карьеру в Академии наук: в 1855 г. был избран адъюнктом, в 1856 г. — экстраординарным академиком, а в 1858 г. — ординарным академиком. Начиная с 1862 г. он все свое время и силы отдавал научной, литературной и административной деятельности в Академии, став одним из активнейших членов ее II Отделения. Дважды он избирался на должность председательствующего ОРЯС (в 1865 и 1884 гг.), а в 1889—1893 гг. занимал пост вице-президента Императорской

Диплом Императорской академии наук Я. К. Гроту на звание ординарного академика. 1858 г. СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2. Д. 96

академии наук. Он состоял членом многих научных обществ, например, Русского исторического общества, Общества истории и древностей российских при Московском университете, Русского археологического общества; был избран почетным членом ряда российских и иностранных университетов и академий. На административном поприще Я. К. Грот заслужил всеобщее уважение и авторитет, ибо всегда старался «действовать открыто и прямо, чуждаться всякой интриги, вести дела коллегиально, законно и беспристрастно, уважать свободу мнений и слова, идти навстречу всякому добросовестному труду, <...> охранять честь учреждения, которому великий его Основатель завещал высокую

цель служить науке на пользу России и Русского народа»²⁴⁵.

Круг научных интересов Я. К. Грота был весьма широк и включал филологию, лингвистику, сравнительное языкознание, историю; он много работал с архивами, занимался публикацией источников — от отдельных документов до больших собраний переписки. В своих многочисленных историко-литературных исследованиях ученый обращался к деятельности Петра Великого, М. В. Ломоносова, Е. Р. Дашковой, Д. И. Фонвизина А. П. Сумарокова, И. И. Хемницера, Н. М. Карамзина, И. А. Крылова, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, П. А. Плетнёва и многих других. Его любимыми персонажами на протяжении десяти-

²⁴⁵ Сборник ОРЯС. Т. 31. СПб., 1883. С. 1 [Извлечения из протоколов ИАН].

тилетий оставались А. С. Пушкин, Г. Р. Державин и Екатерина II, которой академик посвятил множество статей: о воспитании будущей императрицы, ее литературной и публицистической деятельности, событиях Пугачёвского бунта, взаимоотношениях со Швецией, переписке с французскими и немецкими просветителями.

В 1859 г. Я. К. Грот выступил перед ОРЯС с предложением осуществить критическое издание сочинений Г. Р. Державина, для которого накопил уже немало материала. Академия наук проект поддержала, и Я. К. Грот вернулся к изучению жизни и творчества писателя. Итогом многолетней работы стало издание первого в России академического собрания сочинений Г. Р. Державина²⁴⁶, непревзойденное по полноте и в настоящее время. Особую ценность имеют подробные комментарии, основанные строго на документальных источниках, и обширный справочный аппарат.

Одновременно с историко-литературными трудами ученый продолжал исследования в области русской филологии, разрабатывал вопросы истории и этнологии языка, фонетики, акцентологии, грамматики. Труды на эти и другие темы были самым автором объединены в сборник «Филологические разыскания. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка», дополнявшийся при последующих переизданиях. Многие из этих публикаций и сегодня не теряют своей научной актуальности.

Наибольшую известность Я. К. Гроту принесли работы в области русско-

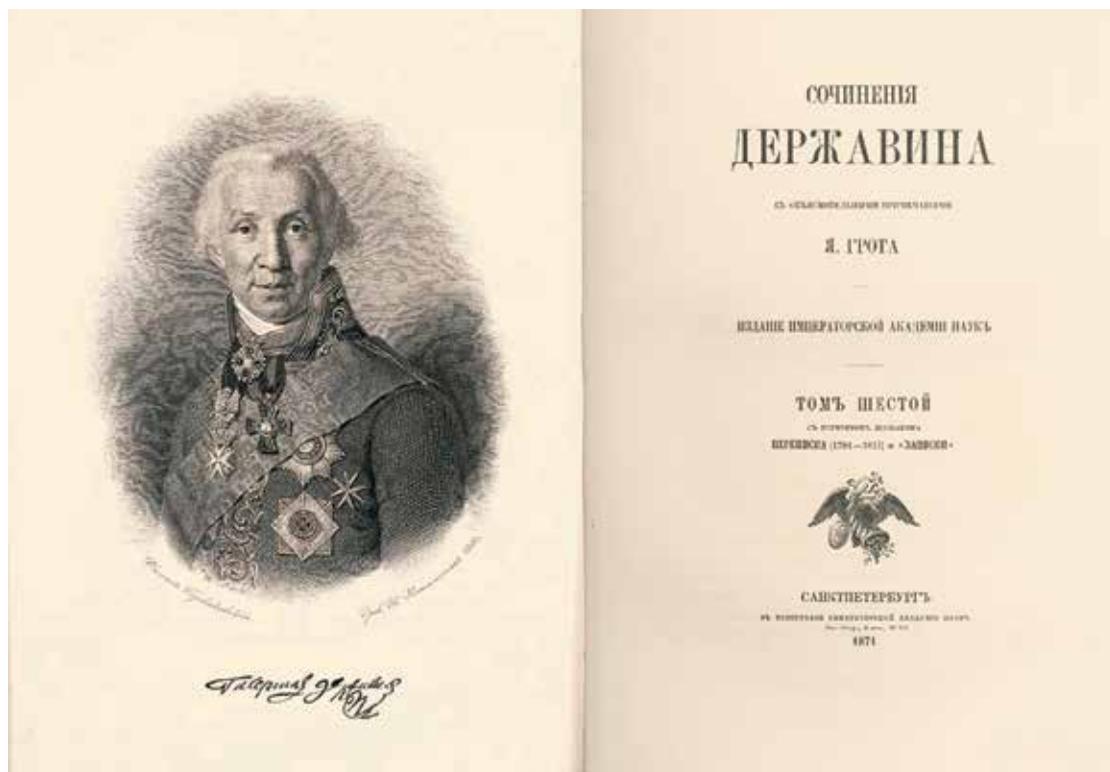

Я. К. Грот. [1860-е гг.]

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 7. Л. 1

го правописания. К середине XIX в. недостатки русского правописания, прежде всего отсутствие единых орфографических норм русского языка, признавались не только неудобными, но и тормозящими культурный прогресс. Первыми в поисках решения этой проблемы консолидировались педагоги, образовав в 1862 г. Комиссию по упрощению русского языка (Орфографическую комиссию). Хотя ее деятельность не имела практического результата, она активизировала общественную мысль. В числе от-

²⁴⁶ Сочинения Державина / С объясн. прим. [и предисл.] Я. Грота. Т. 1—9. СПб., 1864—1883. Отдельно были изданы материалы, связанные с биографией поэта: Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам, описанная Я. Гротом. Т. [1]—2. СПб., 1880—1883.

Сочинения Г.Р. Державина. (Т. 6. СПб., 1871). Титульный лист.
Издание, подготовленное Я. К. Гротом

кликнувшихся на призыв к реформе правописания был и Я. К. Грот. Начав с рассуждений о необходимости исключить из письма лишние буквы (ять, э, и, фита, ер), он через несколько лет опубликовал целое исследование «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доньне» (1873), в котором впервые дал систематическое описание русских орфографических теорий за полтора столетия. В последующие годы, продолжая размышлять о путях развития правописания, ученый пришел к выводу, что русское письмо имеет два начала — фонетическое (соответствие буквы звуку) и этимологическое (историческое). При любых изменениях письма необходимо, чтобы оно не противоречило выговору, но каждое слово должно иметь на письме определенную узнава-

емую форму. При этом нельзя не учитывать, что письмо, как и самый язык, живет, развивается, имеет свою историю, что обуславливает и некоторую подвижность орфографических норм и правил.

В 1885 г. вышло из печати первое издание книги «Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской академии наук академиком Я. К. Гротом». В ней автор предложил свод правил, которые при сохранении исторически устоявшихся орфографических норм позволяли ввести некоторое единообразие русского письма. Преимущественно правила касались употребления той или иной буквы, слитно-раздельного написания слов, правил переноса, использования прописных букв, удвоенных

согласных, а также знаков препинания. Я. К. Грот всегда подчеркивал необходимость коллективного обсуждения любых критических мнений для усовершенствования предложенного им руководства, почти в каждое последующее переиздание книги (а их при жизни ученого было 9) вносил изменения, принятые на основе замечаний, высказанных в педагогической литературе.

Орфографическая система Я. К. Грота вызвала бурную полемику. Противники критиковали ее за полумеры, набор противоречий, преклонение перед обычаем и обвиняли в увеличении путаницы. Сторонники отстаивали полезность предложенных мер, вносящих некий порядок в правописание. Министерство народного просвещения уже в 1885 г. ввело «Русское правописание» в качестве обязательного руководства для школ, на основе его стали создаваться учебные пособия и орфографические справочники. Несмотря на имеющиеся недостатки, гротовское руководство долгое время оставалось единственным, и вплоть до орфографической реформы 1917—1918 гг. официально правильным в России считалось письмо «по Гроту». Даже после принятия новых орфографических правил труд академика не утратил исторического значения. Именно «Русское правописание» Я. К. Грота положило начало официальной орфографии в России, сыграло важную роль «в истории государственной стандартизации русского письма», показало возможность «сознательного регулирования в развитии орфографии»²⁴⁷.

²⁴⁷ Виноградов В. В. Русская наука о русском языке // Ученые записки МГУ. 1946. Вып. 106. Т. 3. Кн. 1. С. 74—75.

Еще одним научным направлением, интересовавшим Я. К. Грота, были лексикология и лексикография. Словарную работу, начатую еще в Финляндии, ученый не оставлял и в последующие годы: изучал опыт коллег-лингвистов, оценивал сильные и слабые места российских и иностранных словарей, их структуру, подбор слов, содержание статей. После выхода в свет «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, которому Академия наук присудила Ломоносовскую премию, рецензию на это издание по поручению Академии составлял именно Я. К. Грот. Он дал подробный критический разбор словаря и высоко оценил труд В. И. Даля: «В современной русской лексикографии это без всякого

Грот Я. К. Русское правописание. СПб., 1885.
Титульный лист

сравнения самый полный и многообъемлющий словарь <...>, давно уже у нас не было такого обширного и веского по русскому языку сочинения»²⁴⁸. Самому Я.К. Гроту принадлежит оригинальный эксперимент — создание словаря отдельного писателя²⁴⁹.

Весь накопленный теоретический и практический опыт в области лексикографии был использован Я. К. Гротом в начале 1890-х гг., когда он возглавил в ОРЯС подготовку и издание толкового «Словаря русского языка». Необходимость создания нового нормативного словаря назревала давно: лексиконы 1847 и 1852 гг. уже не соответствовали ни современному языку, ни уровню филологической науки — требовалась их переработка. После долгого обсуждения, каким должен быть новый словарь, II Отделение разработало его программу. По мысли создателей, словарь должен был отразить общеупотребительную литературную и деловую лексику со времен

Ломоносова до конца XIX в. Я. К. Грот тщательно проработал и определил структуру самого словаря, словарной статьи, систему грамматических и стилистических помет. Ученый успел отредактировать первые три выпуска издания (буквы А—Д), которые признаются первой удачной попыткой создания толкового словаря нормативного типа (принципы, установленные Я.К. Гротом, стали руководящими для следующих поколений лексикографов).

Я. К. Грот скончался в 1893 г. Незадолго до этого, в дни 80-летнего юбилея, ученый выразил пожелание, чтобы коллеги и после кончины сохранили бы доброе о нем воспоминание, «как о товарище, который горячо любил Академию, который верой и правдой служил ее интересам и посвятил ей почти целую половину жизни»²⁵⁰.

Академия с благодарностью хранит память и научное наследие выдающегося филолога и педагога.

---

²⁴⁸ «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля: Записка академика Я. К. Грота // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. VII, № 10. СПб., 1870. С. 1—60.

²⁴⁹ Словарь к стихотворениям Державина // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 9. СПб., 1883. С. 356—444.

²⁵⁰ Я. К. Грот. Несколько данных к его биографии и характеристике. СПб., 1895. С. 170.

ИГНАТИЙ ВИКЕНТЬЕВИЧ ЯГИЧ (1838—1923)

Заслуги Игнатия Викентьевича (Ватрослава) Ягича в области славяноведения неоспоримы и очень рано получили научное признание. Не меньшего признания заслуживает его научно-организационная деятельность: В. Ягич стремился «к объединению всех живых славяноведческих сил», «выступал как посредник между славянским миром и германо-романским Западом»²⁵¹. Международный размах деятельности В. Ягича впечатлял современников и тем более заметен с высоты прошедшего времени. По сути, вся жизнь ученого проходила на пересечении различных культур: несколько государств могут с полным правом считать В. Ягича представителем своей национальной науки.

В. Ягич родился 6 июля 1838 г. в хорватском городе Вараждин, бывшем некоторое время (1756—1776) главным городом Хорватии (в те времена он был украшен многочисленными архитектурными шедеврами, принесшими ему славу музея барокко под открытым небом). Отец В. Ягича занимался сапожным делом и сельским хозяйством. Начальное образование Ватрослав получил в родном городе, обучаясь в Народной школе (1844—1847), а продолжил его в хорватской столице Загребе (Аграме), где в 1856 г. окончил епископскую гимназию. До 1853—1854 учебного года обучение в гимназии велось на хорватском языке, затем — на немецком. Поскольку

В. Ягич в рабочем кабинете
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Я. Д. 33. Л. 1

юноша не имел намерений стать католическим священником, он оставил обучение после шестого класса. В это время он зарабатывал себе на жизнь в качестве домашнего учителя у директора частной школы для девочек А. Штруппи, где познакомился со своей будущей женой Сидонией, на которой женился в 1862 г.

Университета в Загребе в то время не было, он будет основан лишь два десятилетия спустя (1874), поэтому выбор В. Ягича пал на Вену, где располагался один из старейших европейских университетов. В Венском университете В. Ягич, получивший го-

²⁵¹ Здесь и далее цитируется статья: *Виноградов В. В.* И. В. Ягич // Письма И. В. Ягича к русским ученым / изд. подгот. Г. П. Блок и Т. И. Лысенко; под ред. В. В. Виноградова и Г. П. Блока. М.; Л., 1963. С. 3—12.

Загреб. Вид на город. 1963 г.

СПбФ АРАН. Ф. 978. Оп. 7. Д. 162. Л. 1 об.

Ф. Миклошич

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-М. Д. 46. Л. 1

сударственную стипендию, приступил к изучению классической филологии под руководством замечательных немецких ученых, в числе которых были комментатор Платона и Аристотеля Г. Бониц (1814—1888), издатель и переводчик Аристотеля, Энния и пр. И. Вален (1830—1911), историк искусства Р. Айтельберг (1817—1885) и др.

На фоне подъема южнославянского национального движения хорватский студент с острым критическим умом не мог упустить появившуюся возможность: в 1849 г. в Венском университете была открыта уникальная для Европы того времени кафедра славянских языков, которую с момента основания занял выдающийся славист словенского происхождения и рыцарского звания Франц Миклошич (1813—1891). Как и В. Ягич, Ф. Миклошич в детстве некоторое время проживал и учился в гимназии в Вараждине. Благодаря эру-

дированности и высокому научному авторитету Ф. Миклошича интересы молодого В. Ягича все больше концентрировались на славяноведении, имена двух выдающихся славистов постепенно окажутся неразрывно связанными категориями «учитель» и «ученик».

Закончив учебу в университете и сдав государственный экзамен на право работы гимназическим учителем, В. Ягич вернулся в Загреб, где почти десять лет (1861—1870) проработал в классической гимназии. Несмотря на то, что предметом его гимназического преподавания были древние языки и лишь в последние два года — хорватский и древнецерковнославянский, научные интересы молодого ученого были всецело посвящены славянству. Первой научной работой, опубликованной им в Загребе в 1861 г. в приложении к годовому отчету гимназии, стала статья, посвященная сербской народной поэзии («Pabirci ro svieću našega narodnoga pjesništva»). Вскоре последовали крупные работы по старославянскому языку, сербохорватскому языку и литературе, пособия для гимназий, критические обзоры славяноведческих трудов, а также обширный очерк «Южные славяне» («Jihoslovane») в словаре («Slovník naučný»), изданном в Праге идеологом австрославизма Франтишком Ригером (1818—1903).

Уже в это время проявился организаторский талант В. Ягича. В 1860 г. он был избран секретарем литературно-научного общества Иллирийская матица (позднее — Хорватская матица) и оставался им до 1871 г. Вернувшись в Загреб, он начал сотрудничество с историком и католическим священником Франьо Рачки (1828—1894) и поддержал его усилия по ор-

Ф. Рачки

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Р. Д. 30. Л. 1

ганизации национальной академии наук. Югославянская академия наук и искусств (Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti; ныне — Хорватская академия наук и искусств) была создана в Загребе в 1866 г., Ф. Рачки стал ее первым президентом, а 28-летний В. Ягич был избран в число первых членов академии. К тому времени ими совместно было опубликовано Ассеманьево евангелие (1865), а еще раньше, вместе с хорватским естествоиспытателем и издателем Иосипом Торбаром (1824—1900), был основан журнал «Književnik», просуществовавший три года. С созданием Академии наук журнал уступил свое место академическим изданиям, в подготовке которых В. Ягич принял деятельное участие.

Загреб. Площадь Зриньс с Хорватской академией наук и искусств.
Открытое письмо Р. Ягича Б.М. Ляпунову. 1901 г.

СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 362. Л. 2

Имя ученого становилось все более известным, приобретало авторитет за пределами Загреба: в начале 1867 г. В. Ягич был избран членом Белградского общества сербской литературы, в сентябре следующего года — членом общества Сербская матица в Новом Саде. Российские ученые также признали заслуги молодого исследователя: в мае 1867 г. состоялось избрание В. Ягича в Московское археологическое общество, в конце 1868 г. он был избран иностранным членом-корреспондентом по Отделению русского языка и словесности (ОРЯС) Императорской академии наук. Вскоре в Казани появился перевод на русский язык его труда «История сербохорватской литературы» (1871). Имя В. Ягича поступательно входило в российские научные круги.

Однако с Россией В. Ягичу суждено было познакомиться гораздо ближе. Ученый был сторонником так на-

зываемого югославизма — движения за политическое, территориальное и государственное объединение южнославянских народов, будучи при этом противником радикальных идей и действий. Между тем, активная прославянская общественная деятельность не могла не вызывать недовольства австрийских властей, и в 1870 г. В. Ягич был уволен из гимназии с запретом учитывать годы педагогической работы в трудовой стаж.

1870-й год оказался для ученого богат на события: была подготовлена к публикации диссертация «Бытование корня *dê* в славянских языках» («Das Leben der Wurzel *dê* in den slavischen Sprachen»), которую В. Ягич защитил на степень доктора философии в Лейпцигском университете (1868), причем сам диплом был получен только в 1871 г. Сентябрем 1870 г. датировано написанное в Вараждине

предисловие к изданию, сама работа опубликована в Вене в 1871 г.; автор посвятил диссертацию своему учителю, «высокопочтимому господину профессору, д-ру Францу фон Миклошичу в знак благодарного почтения».

Когда российские коллеги узнали об увольнении В. Ягича, Санкт-Петербургский университет при поддержке разделявшего идеи панславизма академика Измаила Ивановича Срезневского (1812—1880), бывшего в то время деканом историко-филологического факультета, присвоил В. Ягичу звание почетного доктора славянской филологии (1870), что открывало молодому ученому дорогу в российские университеты. В тот год в недавно учрежденном Новороссийском университете в Одессе открылась кафедра санскритского языка и сравнительного языкознания, и университет предложил В. Ягичу занять должность экстраординарного профессора; хорватский ученый с благодарностью воспользовался «рукой помощи, доданной ему великодушно из России». Отзыв об ученых трудах кандидата на должность подготовил профессор университета, декан историко-филологического факультета, занимавший кафедру славянской филологии, член-корреспондент по ОРЯС Императорской академии наук Виктор Иванович Григорович (1815—1876). В начале 1871 г. университет избрал В. Ягича своим экстраординарным профессором.

Преподавание в Новороссийском университете началось с заграничной командировки: для совершенствования знаний в санскрите В. Ягич был направлен в Берлинский университет, где

И. И. Срезневский

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-С. Д. 48. Л. 1

стажировался у санскритолога, иностранного члена-корреспондента Императорской академии наук Альбрехта Вебера (1825—1901)²⁵². Эта стажировка стала одним из судьбоносных моментов в жизни ученого, определившим не только место его работы в будущем, но и место рождения «детища» В. Ягича — его знаменитого славистического журнала.

Лето 1871 г. В. Ягич провел в Загребе, затем с семьей выехал в Берлин, где интенсивно занимался до конца года, а в начале 1872 г. вместе с семьей переехал в Санкт-Петербург: ему была предоставлена возможность для усовершенствования русского языка, которым до того времени В. Ягич владел слабо; свою переписку он вел на сербохорватском. В Петербурге молодой

²⁵² Rösler H. Aus Vatroslav Jagićs Briefwechsel: Odessa—Berlin—Petersburg, 1872—1892. München, 1962. S. 11—13.

А. Вебер

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-В. Д. 316. Л. 1

А. А. Куник

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 310. Л. 1

хорватский ученый сошелся с именитыми русскими филологами и историками, среди которых были академики И. И. Срезневский, А. А. Шифнер, А. А. Куник, В. И. Ламанский, будущий академик А. Н. Пыпин и др. Особый интерес В. Ягича был направлен на церковнославянские письменные памятники — в тот год он начал работать над Зографским евангелием, найденным на Афоне в 1843 г. и опубликованным позднее именно В. Ягичем (1879).

Летом 1872 г. ученый с семьей покинул Санкт-Петербург и прибыл в Одессу. Там В. Ягич, получивший в России имя Игнатий Викентьевич, на протяжении нескольких семестров (1872—1874) читал курсы сравнительного языкознания и санскрита. Хорватский ученый был поначалу воодушевлен открывшейся ему перспективой и писал в воспоминаниях «Спомени мојега живота», посмертно опубликованных в Белграде в 1934 г.: «Начинается наконец господство славянского мира, здесь более не требуется скрывать славянский язык перед более могущественными иностранными господами: немецким, итальянским, венгерским, турецким и каким бы то ни было еще»²⁵³. Однако вскоре оптимизм сменился почти отчаянием: бытовые условия не соответствовали желаниям ученого и его семьи, преподавательская нагрузка в молодом университете, еще

²⁵³ Текст воспоминаний в переводе М. С. Ващенко, а также ссылки на его вступительную статью цитируются по изд.: Ващенко М. С. Ватрослав Ягич и его восприятие России (к 90-летию со дня смерти хорватского ученого) // Славянский мир в третьем тысячелетии. К 1150-летию славянской письменности / отв. ред. Е. С. Узенёва. Кн. 1. М., 2013. С. 111—123.

*А. Н. Пыпин в рабочем кабинете
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-П. Д. 48. Л. 1*

*Афон. Зографский монастырь. Открытка из коллекции академика Н. С. Державина
СПбФ АРАН. Ф. 827. Оп. 6. Д. 3. Л. 25 об.*

В. И. Ламанский

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Л. Д. 1. Л. 1

не укомплектованном штатом, была чрезмерной, а филологическая наука пребывала пока на скромном уровне. Неприятные впечатления усугубились тяжелым тифом, который перенес В. Ягич; тогда болезнь унесла в могилу его 10-летнюю дочь Йелку, а сам ученый впоследствии долго восстанавливал свое здоровье.

Во время пребывания в Одессе В. Ягич нашел поддержку в эпистолярном общении с петербургскими учеными. Среди них был академик Владимир Иванович Ламанский (1833—1914), высоко ценивший хорватского слависта.

В. И. Ламанскому в свое время В. Ягича «рекомендовал» сербский историк права Вальтазар Богишич (1834—1908), который также был причастен к приглашению В. Ягича в Одессу. В письме к И. А. Бодуэну де Куртенэ В. И. Ламанский позволил себе сравнить двух югославянских ученых: «Часто выдаюсь с Ягичем — человеком хорошим, умным и знающим. В нем Россия сделала несомненное приобретение. Он будет подельнее Богишича и полезнее его, за последним я признаю и дарование, и трудолюбие»²⁵⁴. С В. И. Ламанским В. Ягич мог быть откровенен в своей оценке Одессы, называя столицу Новороссии городом, ненавидящим науку, и вынося свой вердикт: «Лучше быть учителем в Загребе, чем ординарным профессором в Одессе». Но и тогда, и в дальнейшем оценка ученым официальной и неофициальной общественной среды различалась, и, покидая Одессу в 1874 г., В. Ягич писал И. И. Срезневскому, что именно в России он испытал «столь много добра, столь много дружеского расположения, столь много благодарений»²⁵⁵.

В. Ягич всей душой стремился выехать из Одессы, и такая возможность представилась в 1874 г. Весной 1873 г. в Берлинском университете была учреждена кафедра славянских языков и литератур, инициатива создания которой принадлежала, в том числе, самому В. Ягичу и его берлинскому наставнику А. Веберу. Университет обратился к Ф. Миклошичу с просьбой рекомендовать на это профес-

²⁵⁴ Хартанович М. Ф. Академик В. И. Ламанский и сербские ученые // Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX — первая половина XX в. / отв. ред. Э. Д. Колчинский и А. Петрович; ред.-сост. М. В. Лоскутова и М. Ф. Хартанович. СПб., 2009. С. 126—132.

²⁵⁵ Переписка В. Ягича частично опубликована: Письма И. В. Ягича к русским ученым / изд. подгот. Г. П. Блок и Т. И. Лысенко; под ред. В. В. Виноградова и Г. П. Блока. М.; Л., 1963; Korespondencija Vatroslava Jagića / uredn. P. Skok. Kn. 1—3. Zagreb, 1953—1983.

сорское место подходящую кандидатуру, в качестве которой был указан В. Ягич. В результате переписки В. Ягича с прусским министерством культуры, Ф. Миклошичем и А. Вебером²⁵⁶ вопрос был решен, и В. Ягич занял кафедру в Берлине. Одновременно в Загребе был основан собственный университет (1874). Несмотря на прежние разногласия с официальными кругами, В. Ягичу была предложена кафедра славянской филологии, но это предложение он отклонил, поскольку правительство отказалось аннулировать наказание и засчитать ему в стаж годы работы в загребской гимназии.

Все познается в сравнении, и берлинская перспектива оказалась не столь радужной, какой она виделась из Одессы. Впечатление могло быть снижено еще и тем, что А. Вебер во время проходивших выборов в Берлинскую академию наук предложил другую кандидатуру (хотя конфликт между учеными был сглажен и дружеские отношения вскоре восстановились). Положительное В. Ягич находил в том, что в Берлине его ничто не отвлекало от научных занятий: «Во всем остальном, — писал он А. Н. Пыпину, — я предпочитаю даже Одессу Берлину, а о немцах уже нечего говорить». Новороссийский университет вновь готов был протянуть руку помощи и в 1876 г. снова пригласил В. Ягича на работу в Одессу на кафедру, освободившуюся после ухода В. И. Григоровича на пенсию, но хорватский ученый отказался: несмотря на общую ситуацию в Берлине, в том числе в отношении панславистских идей, условия здесь по сравнению с Одессой все же были предпочтительнее. Однако слу-

шателей на берлинской кафедре были единицы, на некоторые курсы профессора и вовсе не было записано ни одного человека, а деятельная натура ученого требовала выхода. Совокупность этих обстоятельств сослужила в итоге великую службу славистической науке. Тогда в Берлине В. Ягич составил славянскую библиографию (1876). Но самый важный результат «бездействия» — появившаяся буквально в первый год его жизни в Берлине концепция ставшего быстро знаменитым и приобретшего международный масштаб и славу славистического журнала «Archiv für slavische Philologie», который по сути и духу продолжил традицию загребского «Književnik», причем ранний редакторский опыт В. Ягича оказался неопределимым. В 1876 г. в Берлине вышел первый номер журнала, бессменным издателем которого В. Ягич оставался до конца своих дней несмотря на то, что после 1880 г. в Берлине он больше не работал. Журнал продолжал выходить в этом городе, после ухода из жизни В. Ягича его возглавил немецкий лингвист Эрих Бернекер (1874—1937), очередной 38-й том был издан под его началом в 1923 г., затем появилось еще несколько томов; последний 42-й том вышел в 1929 г.

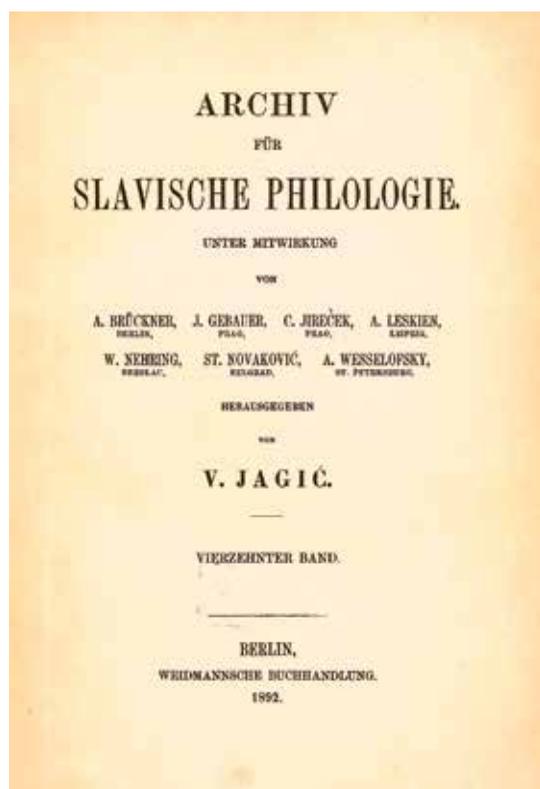
Сам В. Ягич называл свой журнал «панславистическим», и издание с первых шагов заявило о себе как о международном. В. Ягич состоял в переписке и часто в дружеских отношениях со всеми известными европейскими славистами, исследования которых он смог консолидировать в своем журнале. С первого номера в числе авторов были российские ученые, которых

²⁵⁶ Dokumente zur Geschichte der Slawistik in Deutschland / hrsg. von H. Rösel. Tl. 1: Die Universitäten Berlin und Breslau im 19. Jahrhundert. Berlin, 1957. S. 257—267.

Вид на Старый Берлин с островного моста. Фотооткрытка. 1910 г.

СПбФ АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 262. Л. 376

Журнал «Archiv für slavische Philologie» (1892. Т. 14). Титульный лист

В. Ягич активно привлекал к сотрудничеству, чтобы получить возможность обнародования материалов богатейших российских древлехранилищ, что для него имело особое значение на фоне бедности берлинских библиотек по части славянской литературы. Со временем имена российских ученых были вынесены на титульный лист в качестве соредакторов: с 14-го тома (1892) появилось имя академика Александра Николаевича Веселовского (1838—1906), а после его ухода из жизни, в 1906 г., оно сменилось именами академиком Филиппа Фёдоровича Фортунатова (1848—1914) и Алексея Ивановича Соболевского (1856—1929) (28-й том).

Тесное сотрудничество с российскими академиками было налажено в следующий период жизни В. Ягича — петербургский. Возможность работы в Санкт-Петербурге была связана с печальными событиями: в феврале 1880 г.

ушел из жизни И. И. Срезневский, в Санкт-Петербургском университете освободилась кафедра славистики, которую предложили занять В. Ягичу. М. С. Ващенко подчеркивал, что бытовые и материальные условия стояли у В. Ягича далеко не на последнем месте. Во многом это определило негативное восприятие им Одессы и удерживало в Берлине, однако В. Ягич был в первую очередь ученым, а потому свой выбор сделал в пользу науки, пренебрегнув гарантированной немецкой устроенностью быта: «однако ж желание увеличить и расширить круг ученых занятий... побудило и меня на сделанный мне предварительный запрос ответить изъявлением полной готовности и согласия».

Ф. Ф. Fortunatov. Фототипия
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ф. Д. 6. Л. 1

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
СЛАВЯНСКАЯ КОМИССИЯ

Во вторник 22 октября 1929 г. в Малом Конференц-Зале Академии Наук СССР состоится заседание Славянской Комиссии, посвященное памяти скончавшегося 24 мая 1929 года Председателя Комиссии академика:

АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА СОБОЛЕВСКОГО

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
РАБОТЫ Д. И. СОБОЛЕВСКОГО ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Академик **В. И. ВЕРЕТН**

ИССЛЕДОВАНИЯ Д. И. СОБОЛЕВСКОГО ПО ИСТОРИИ
ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ
Академик **Б. М. ЖИТОВ**

ТРУДЫ Д. И. СОБОЛЕВСКОГО В ОБЛАСТИ ПАЛЕОГРАФИИ И РУССКОЙ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ
Академик **Е. Ф. КАРСЕН**

ТРУДЫ Д. И. СОБОЛЕВСКОГО В ОБЛАСТИ СТАРО-СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА
И ПИСЬМЕННОСТИ
Профессор **М. Г. ДОБКО**

Д. И. СОБОЛЕВСКИЙ КАК ЭТНОГРАФ
Член-корреспондент Академик **Л. К. ЗЕЛЕН**

НАЧАЛО ЗАСЕДАНИЯ В 7¹/₂ ЧАС ВЕЧЕРА

A. Sobolevskiy

Приглашение на заседание славянской комиссии Академии наук СССР,
посвященное памяти академика А. И. Соболевского. 1929 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-С. Д. 110. Л. 2 об. — 3.

*Ленинград. Главное здание университета. 1929 г.
СПбФ АРАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 87. Л. 16 об.*

С уходом из жизни И. И. Срезневского появилась вакансия и в Императорской академии наук. Еще во время работы в Берлине В. Ягич был выдвинут в экстраординарные академики по ОРЯС (славянская филология), избран в начале мая 1880 г. и к началу учебного года в университете переехал в Санкт-Петербург. Через полтора года, в декабре 1881 г., он стал ординарным академиком.

В Санкт-Петербурге ученый действительно смог погрузиться в богатейшую научную среду. Помимо университета, он, как и многие его коллеги, преподавал на Высших женских (Бестужевских) курсах и в Археологическом институте. Одновременно В. Ягич работал в Академии наук, хотя последняя и не могла удовлетворить его материальные потребности: в соответствии с регламентом, в академии оплачивались только посещения заседаний и гонорары за публикации, кроме того,

члены ОРЯС не имели права на казенные квартиры. Но это было, по признанию самого ученого, единственным темным пятном в его работе в ОРЯС. С благодарностью ученый вспоминал и отзывчивую студенческую аудиторию, хотя административные университетские порядки критиковал не раз. В университете В. Ягич читал курсы грамматики церковно-славянского языка, исторической грамматики русского языка, славянской палеографии, «Энциклопедии и методологии славянской филологии», вел практические занятия по славянской литературе.

Несмотря на то, что в молодости В. Ягич отличался активной деятельностью в защиту славянства, а в Берлине критиковал местные газеты, которые «с пеною во рту проклинают панславизм», даже ему российская славистика казалась чрезмерно политизированной. Ученого не оставляли равнодушным проявления русской

общественной мысли, которые расценивались им не просто как сочувствие к положению европейского славянства, но как вмешательство «во внутренние вопросы славянских народов». В этом В. Ягич не был далек от истины: большинство петербургских славистов (как его поколения, так и более младшего) не только разделяли славянофильские и панславистские идеи, но и состояли в обществах, созданных в поддержку славянской идеи. Эта деятельность особенно активизировалась в начале XX в., в период обострения ситуации на Балканах²⁵⁷. Борясь с идеологизацией славяноведения, В. Ягич прилагал сознательные усилия, чтобы продемонстрировать студенческой аудитории «чисто научное основание» славистической науки. Но вскоре жизнь снова продемонстрировала ученому, что все познается в сравнении. После переезда из Санкт-Петербурга в Вену В. Ягич писал лингвисту-полиглоту Фёдору Евгеньевичу Коршу (1843—1915): «Жаль мне только моих хороших русских студентов: таких я здесь не найду. Здесь, к несчастью, все заражены политикой».

В целом, делая при отъезде из Берлина ставку на науку, В. Ягич не ошибся. ОРЯС вместе с его председательствующим академиком Я. К. Гротом (1812—1893) всецело поддерживало инициативы ученого, вдохновленного доступностью древних памятников, чего ему так не хватало в Берлине. Благодаря содействию академического руководства В. Ягичу была предоставлена возможность запрашивать и получать для работы рукописи из архивов не только Санкт-Петербурга

В. Ягич с женой Сидонией Петровной
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Я. Д. 2. Л. 1

и Москвы, но и Киева, и Одессы. Это позволило ученому осуществить целый ряд публикаций памятников церковнославянской письменности.

В Санкт-Петербурге В. Ягич смог развернуть широкую организационную деятельность, предпринимая крупные славистические проекты. Одним из них стало издание серии «Исследования по русскому языку», которая вызвала интерес и у представителей московской школы, определив взаимодействие В. Ягича с московскими учеными. Под его редакцией вышли работы М. М. Козловского о языке Остромирова евангелия и А. А. Шах-

²⁵⁷ Кирикова О. А. 1917 год в переписке ученых: письмо проф. П. А. Лаврова акад. А. А. Шахматову // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия / под ред. И. В. Тункиной. СПб., 2018. С. 575—584.

В. Ягич. Фотография с дарственной надписью
В. И. Ламанскому (на обороте).
Санкт-Петербург. 1886 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Я. Д. 10. Л. 1

матова о новгородских грамотах XIII—XIV вв. Что касается последнего, Г. П. Блок полагал, что встреча с 16-летним гимназистом Алексеем Шахматовым была для В. Ягича «одним из самых светлых и значительных эпизодов петербургской жизни». В талантливом юноше «взыскательный академик сразу же распознал глубоко-мысленного исследователя <...> которого с отеческой заботливостью вывел на общеевропейскую арену». Знакомство практически сразу же переросло в научное сотрудничество, а со временем — в прочную дружбу²⁵⁸.

В Санкт-Петербурге В. Ягич продолжал редактировать свой журнал, который выходил с прежней регулярностью, а сам ученый получал из Берлина жалование как сотрудник журнала. Привлекать русских ученых к сотрудничеству ему стало проще.

В бытовом отношении жизнь в Санкт-Петербурге для семьи В. Ягича шла не совсем гладко: «Принимая во внимание наше католическое вероисповедание, — вспоминал В. Ягич, — в России мы были чужды и православным русским, и протестантам немцам, хотя по образу жизни, принятому в нашей семье, мы были намного ближе немцам, чем русским». Между тем ученый и его семья не жили замкнуто: его жена свела дружбу с немецкой диаспорой, семьей они ходили в гости к коллегам и их знакомым, часто выезжали за границу. В. Ягич ездил в близлежащие города и гостил на даче у В. И. Ламанского, имея возможность сравнить русский и южнославянский деревенский быт, подчеркивая преимущества последнего.

Несмотря на насыщенную научную жизнь в Санкт-Петербурге, в мыслях В. Ягич не переставал обращаться к Европе. К переезду его подталкивала супруга, для которой в России все было чужим, и в конце концов ученый уступил ее желаниям. Отчасти ему и самому хотелось менее напряженной жизни: для того чтобы обеспечить семье приличное содержание, а детям достойное воспитание, приходилось читать «множество лекций в разных учебных заведениях». Такая ситуация не была исключительной. Другой великий польский

²⁵⁸ Макаров В.И., Амелина Л.В. «Мои симпатии всегда будут на стороне русских» (академик И. В. Ягич) // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. № 3. С. 112—119.

лингвист, много лет проработавший в России и часть времени в Санкт-Петербурге, Ян (Иван Александрович) Бодуэн де Куртенэ (1845—1929), испытывал аналогичные трудности, когда писал в ОРЯС: «Получая относительно скудное профессорское жалование <...> и не имея никаких других постоянных источников дохода, <...> я принужден искать заработка и тратить время на труды, отвлекающие меня от занятий моею специальностью <...>. Работая обыкновенно по 14 часов в сутки для того просто, чтобы как-нибудь просуществовать с семьею, я могу только постепенно убивать себя в физическом и умственном отношении <...>»²⁵⁹.

Постепенно желания семьи хорватского ученого взяли верх над его собственными убеждениями. В 1885 г. поступило предложение из Венского университета занять кафедру славянской филологии, освобождающуюся с уходом на пенсию Ф. Миклошича. В. Ягич покинул Санкт-Петербург и более 20 лет (1886—1908) состоял профессором Венского университета. Это было самое долгое пребывание ученого в стенах одного университета.

В Вену В. Ягич прибыл состоявшимся ученым с мировым именем и авторитетом. Это позволило ему еще больше укрепить позиции славяноведения в университете, а также в относительно молодой Императорской Венской академии наук (основана в 1847 г.), с новой силой и в новых масштабах развернуть свою научную деятельность. В университете В. Ягич основал славянский семинарий, в котором шла подготовка молодых научных сил Западной Европы, Балкан и даже Российской империи. В академии была создана Балканская

И. А. Бодуэн де Куртенэ
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 111. Л. 1

комиссия для изучения говоров Балканского полуострова, в которой В. Ягич осуществлял наблюдение над изданием ее трудов, привлек к исследованиям славистов разных стран (в их числе норвежского профессора О. Брока, болгарского Л. Милетича и др.). С прежней интенсивностью продолжалось издание его берлинского журнала. Он поддерживал деятельные связи с Югославянской академией и вновь созданной Сербской.

Переселившись в Вену, В. Ягич не прервал связей с Россией: живо интересовался всем происходящим и в науке, и в политике; поддерживал рабочие и дружеские отношения с российскими коллегами и неоднократно приезжал в страну. В Санкт-Петербург ученый не стремился, а вот Москву с ее богаты-

²⁵⁹ СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 771. Л. 12—13 об.

Вена. Памятник бургомистру Вены Либенбергу, университет, Ратуша.
Фотооткрытка. 1909 г.

СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 120. Л. 1

Т. Д. Флоринский

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ф. Д. 160. Л. 1

ми древлехранилищами посещал часто: «Я всегда с большим удовольствием приезжал в Москву, и если бы мне суждено было пробыть в России чуть дольше, то я постарался бы как можно чаще приезжать в Москву для того, чтобы вдоволь надышаться там настоящим русским духом». В 1903 г. В. Ягич был избран почетным профессором Московского университета.

В это время шла активная «проработка» идеи профессора Императорского университета Св. Владимира в Киеве Тимофея Дмитриевича Флоринского (1854—1919) о созыве съезда филологов, на который планировалось пригласить всех ведущих европейских специалистов. В 1903 г. В. Ягич и А. А. Шахматов (последний через три года займет пост председателя ОРЯС) сделали первый

шаг — созвали в Санкт-Петербурге Предварительный съезд русских филологов. К сожалению, дальнейшего развития эта идея не получила, но проведенный съезд имел свои консолидирующие следствия. Тогда перед авторитетной и многочисленной аудиторией (в работе съезда приняли участие более 100 филологов) А. А. Шахматов сделал доклад о концепции учреждения международной издательской серии, получившей название «Славянская энциклопедия» — идеи, родившейся у В. Ягича еще в 1890-х гг. Проект был успешно начат, в 1908 г. вышел первый выпуск серии, редактором «Энциклопедии» стал В. Ягич. Под его руководством в 1908—1915 гг. увидели свет восемь из двенадцати запланированных выпусков (одна часть четвертого выпуска вышла после смерти В. Ягича в 1929 г.)²⁶⁰. В серии вышли труды Л. Нидерле, П. А. Лаврова, Э. Калужняцкого, М. Н. Сперанского, О. Брока, С. М. Кульбакина, А. А. Шахматова, Е. Ф. Будде. Сам В. Ягич издал две работы: программный труд «История славянской филологии» (1910) и «Графика у славян» (1911).

Жизнь в Вене, которую всецело приняла семья В. Ягича, для самого ученого не была столь комфортна. Он вновь откровенно делился своими мыслями в письмах к В. И. Ламанскому: «Круглое невежество или надменное презрение со стороны немцев, мелкие расчеты и ребяческое самолюбие со стороны жалких славян — вот факторы, с кото-

рыми нужно будет на каждом шагу сталкиваться»²⁶¹. Ученый оказался отдален от материала, на котором были сосредоточены его главные научные интересы и которыми изобиловали российские архивы. «Жаль, жаль, что я не мог остаться в Петербурге», — писал он А. А. Шахматову.

С Россией В. Ягич был связан не только биографически или эмоционально. Деятельность хорватского ученого стала органичной составляющей российской славистики, а российская славистика прочно вошла в европейский контекст. В. Ягич, без сомнения, один из ярчайших представителей мировой славистики рубежа XIX—XX вв., выдающийся организатор науки, ученый широчайшей эрудиции. Венский профессор Ф. Б. Поляков характеризует В. Ягича как «прирожденного органического критика», о чем еще при жизни учителя писал его ученик Б. М. Ляпунов: «Он обладает огромной способностью разобраться в многочисленных текстах и критически свести варианты одного и того же произведения, не обременяя ими читателя»²⁶². В свое время академик М. Н. Сперанский охарактеризовал В. Ягича как ученого, «стоявшего в центре всей европейской славистики», отметив широту его научных взглядов²⁶³. «Его славяноведческие интересы были так разносторонни, — писал академик В. В. Виноградов, — что обозрение их даже в самых общих чертах очень затруднительно».

²⁶⁰ Арбузова И. В. Ватрослав Ягич и русская славистическая наука: из истории создания «Энциклопедии славянской филологии». Л., 1971.

²⁶¹ Цит. по: Ващенко М. С. Ватрослав Ягич и его восприятие России (к 90-летию со дня смерти хорватского ученого) // Славянский мир в третьем тысячелетии. К 1150-летию славянской письменности / отв. ред. Е. С. Узенёва. Кн. 1. М., 2013. С. 118.

²⁶² Ляпунов Б. М. Краткий очерк ученой деятельности академика Игнатия Викентьевича Ягича. Одесса, 1901.

²⁶³ Сперанский М. Н. Жизненный труд и историко-литературная деятельность И. В. Ягича. Пг., 1923.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШАХМАТОВ (1864—1920)

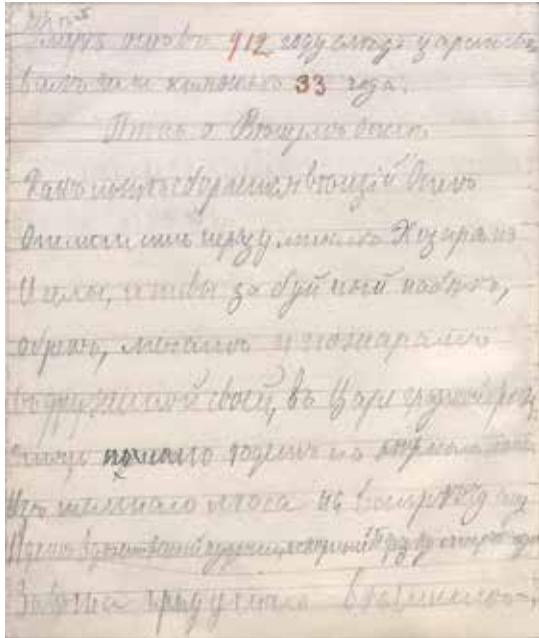
*А. А. Шахматов. 1 октября 1913 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ш. Д. 111. Л. 1*

Выдающийся филолог, исследователь русского языка и древнерусского летописания, историк Алексей Александрович Шахматов родился 5(17) июня 1864 г. в Нарве в семье юриста Александра Алексеевича Шахматова (1828—1871) и его супруги Марии Фёдоровны (1838—1870), жизнь которых оборвалась очень рано. Оставшихся круглыми сиротами 6-летнего Алешу и двух его сестер взял в свою семью Алексей Алексеевич Шахматов (1832—1880), младший брат их отца. До 12 лет Алексей жил в имении Губарёвка в Саратовской губернии, принадлежавшем дяде, и обучался на дому. Уже в юном возрасте он проявлял задатки учено-

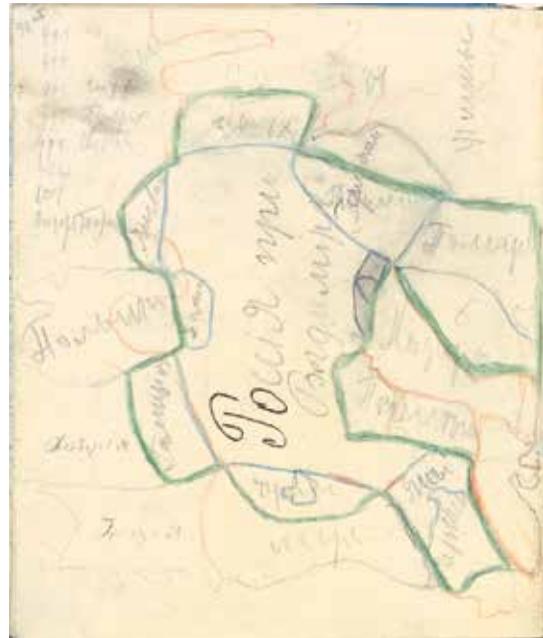
го-исследователя и неподдельный интерес к гуманитарным наукам. К апрелю 1874 г. относится его первое детское сочинение на 175 страницах, написанное карандашом в толстой тетради, на титуле которого значится: «Деревня Губаревка — Шахматовка. Книга I. До Ярослава I. Русская старина. 23 апреля 1874. Составил Ал[ексей] Алексан[дрович] Шахматов»²⁶⁴. Сочинение содержало не только текст, но и нарисованные рукой автора карты русских земель и сопредельных территорий.

В феврале 1875 г. мальчик был принят в Московскую частную гимназию Ф. И. Креймана, в которой учился, с некоторыми перерывами, связанными как со здоровьем, так и с временным отъездом семьи за границу, до 1878 г. В середине января 1879 г. он поступил в Московскую 4-ю гимназию, в которой полностью сосредоточился на филологии и собственных научных исследованиях в этой области. Примечательно, что уже в эти годы наука о словесности являлась для Алексея не просто увлечением, а делом, которому талантливый юноша намеревался посвятить свою жизнь. Так, подготовив самостоятельно небольшую научную работу о звуках и происхождении слов, начатую им еще во время учебы в гимназии Ф. И. Креймана, он мечтал показать ее кому-нибудь из специалистов-филологов. В феврале 1879 г. это сочинение попало в руки к литературоведу, профессору Московского университета Н. И. Стороженко, который был пора-

²⁶⁴ Рукопись сохранилась в фонде А. А. Шахматова в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 402.

«Песнь о Вещем Олеге». Фрагмент сочинения 9-летнего Алексея Шахматова «Русская старина». Апрель 1874 г.
СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 402. Л. 13 об.

Карты русских земель при князе Владимире. Иллюстрация к сочинению 9-летнего Алексея Шахматова «Русская старина». Апрель 1874 г.
СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 402. Л. 92 об.

жен лингвистическими способностями и знаниями гимназиста и направил его к языковеду В. Ф. Миллеру. Последний поспособствовал знакомству Алексея с лингвистом Ф. Ф. Фортунатовым, посчитав, что юному филологу необходимо как можно более наглядно обучаться из разговоров с профессорами. Ф. Ф. Фортунатов отнесся к нему «с отеческой любовью» и принял его всецело под свое руководство. Способности начинающего языковеда к критической оценке, его эрудиция и научная одаренность стали абсолютно очевидны широкому кругу специалистов 13 сентября 1882 г., когда А. А. Шахматов, будучи учеником 7-го класса гимназии, блестяще выступил оппонентом из публики на диспуте в Московском университете во время защиты славистом А. И. Соболевским магистерской диссертации.

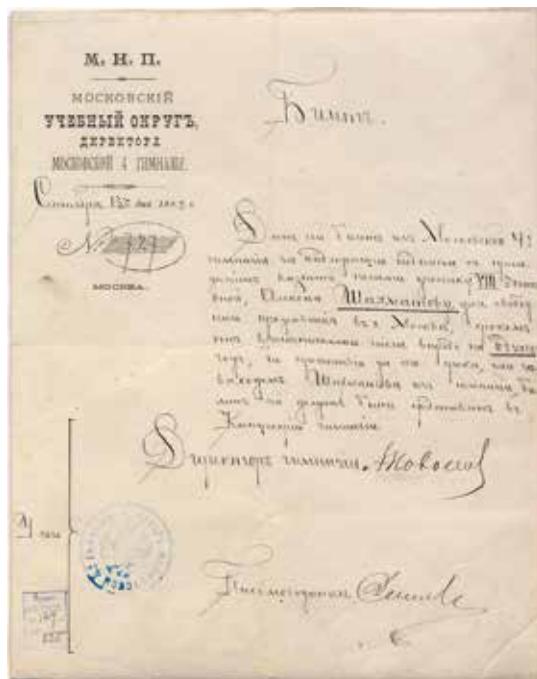

А. А. Шахматов — гимназист. 1883 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ш. Д. 113. Л. 1

В 1883 г. А. А. Шахматов окончил гимназию с серебряной медалью и, по его собственным словам, «с радостью» поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Там он получил возможность начать систематическую научную работу под руководством именитых филологов: Н. С. Тихонравова, Н. И. Стороженко, Ф. Е. Корша и, конечно, основателя и главы Московской лингвистической (или фортунаатовской) школы — направления в языкознании, сформировавшегося в последней трети XIX в. под влиянием научных трудов, а также преподавательской деятельности Ф. Ф. Фортунатова. Последователем этой школы, основными принципами которой яв-

А. А. Шахматов. 1887 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ш. Д. 110. Л. 1

Билет № 727 из Московской 4-й гимназии, выданный ученику 8-го класса Алексею Шахматову для свободного проживания в г. Москве сроком на один год. Москва. 13 сентября 1882 г.

СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 395. Л. 3

лялись стремление к максимально возможной точности и строгости в исследовании, опора на формальные свойства языка и изучение языка, исходя из фактов самой языковой системы, без обращения к внешним по отношению к языку категориям логики, психологии, истории и физиологии, стал и студент Шахматов.

В 1887 г., окончив курс историко-филологического факультета, А. А. Шахматов был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре русского языка и словесности. Осенью 1890 г., после назначения на должность приват-доцента, он начал читать лекции по истории русского языка студентам историко-филологического факультета. Однако в начале 1891 г. ученый поки-

нул университет и приступил к работе земским начальником в родной для себя Саратовской губернии. А. А. Шахматов, по его собственным словам, стал с увлечением изучать крестьянский быт и в течение нескольких лет принимал деятельное участие в хозяйственной жизни уезда, помогая его жителям в тяжелые годы неурожая и эпидемии холеры.

Несмотря на то, что земские дела отнимали много времени и сил, в 1892 г. А. А. Шахматов начал работу над магистерской диссертацией, в которой сосредоточился на исследовании русской фонетики. 12 марта 1894 г. в Московском университете состоялась ее публичная защита. Уровень подготовленной молодым ученым работы, несмотря на то, что он сам считал ее недостаточно продуманной и доработанной, был очень высок, поэтому по решению историко-филологического факультета Московского университета 29-летнему соискателю была присуждена степень доктора русского языка и словесности, минуя степень магистра.

В мае 1894 г. А. А. Шахматов получил официальное предложение от председательствующего в Отделении русского языка и словесности (ОРЯС) Императорской академии наук А. Ф. Бычкова занять место адъюнкта. Ученый ответил согласием. 12 ноября 1894 г. он был практически единогласно (29 голосов — за, 1 голос — против) избран Общим собранием Академии наук в адъюнкты по Отделению русского языка и словесности²⁶⁵.

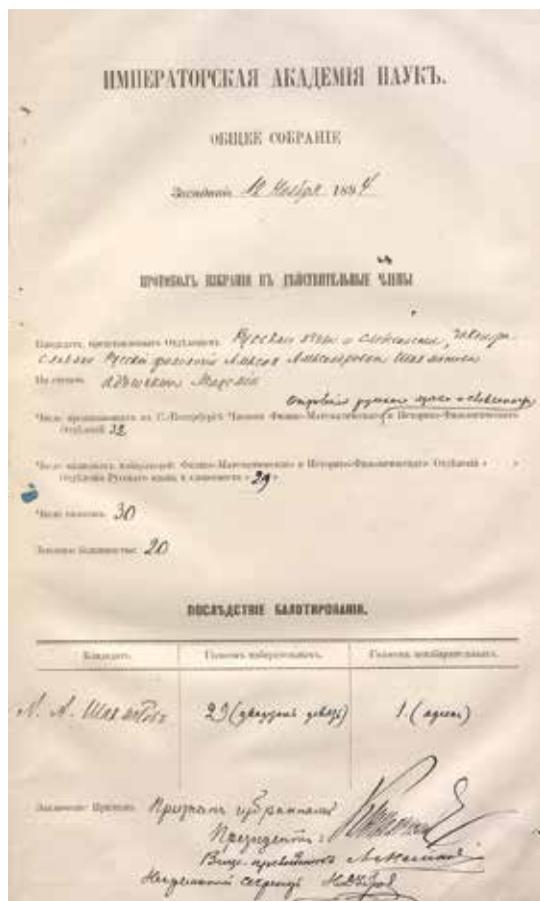
Избирая в свой состав А. А. Шахматова, ОРЯС предполагало поручить молодому и талантливому филологу редак-

тирование «Словаря русского языка», к чему тот незамедлительно приступил. Необычайно продуктивная и разносторонняя деятельность А. А. Шахматова в ОРЯС доказала, что надежды, возлагавшиеся на него Академией наук, он блестяще оправдал. Его заслуги были настолько очевидны и неоспоримы, что уже 3 мая 1897 г. ученого единогласно избрали экстраординарным академиком. А всего через два с половиной года, 4 декабря 1899 г., он был избран в ординарные академики, достигнув, таким образом, к 35 годам высшей академической степени.

В 1899 г. А. А. Шахматов был назначен на должность директора I (Русского) отделения Библиотеки Академии наук, а в 1919 г. возглавил также ее II (Иностранное) отделение. Руководителем академической библиотеки он оставался до своей кончины в 1920 г. За 20 с лишним лет его работы на этом посту в Русском отделении библиотеки произошел ряд значительных перемен. Одной из главных заслуг А. А. Шахматова стало создание новых отделов: картографического, нотного, иконографического и ряда других. Большие усилия были приложены ученым для организации при библиотеке специального Рукописного отделения, которое за достаточно короткий срок из малосистематизированного хранилища рукописей и старопечатных книг превратилось в активно развивающееся научное подразделение.

В ноябре 1906 г. А. А. Шахматов стал председательствующим в Отделении русского языка и словесности Академии наук. Его деятельность в качестве руководителя способствовала пополнению ОРЯС лучшими научными си-

²⁶⁵ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 84. Л. 1.

Протокол избрания А. А. Шахматова
адъюнктом по Отделению русского языка
и словесности Императорской академии наук.
Санкт-Петербург. 12 ноября 1894 г.
СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 84. Л. 1

лами, как российскими, так и зарубежными. Академик не только лично оказывал существенную помощь в исследовательских начинаниях многим ученым, но также поддерживал их в разных, не всегда благоприятных, жизненных обстоятельствах.

В октябре 1908 г. А. А. Шахматов приступил к чтению лекций на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. На протяжении 12 лет своей преподавательской деятельности в университете он читал несколько курсов: по истории русского языка, русской исторической диа-

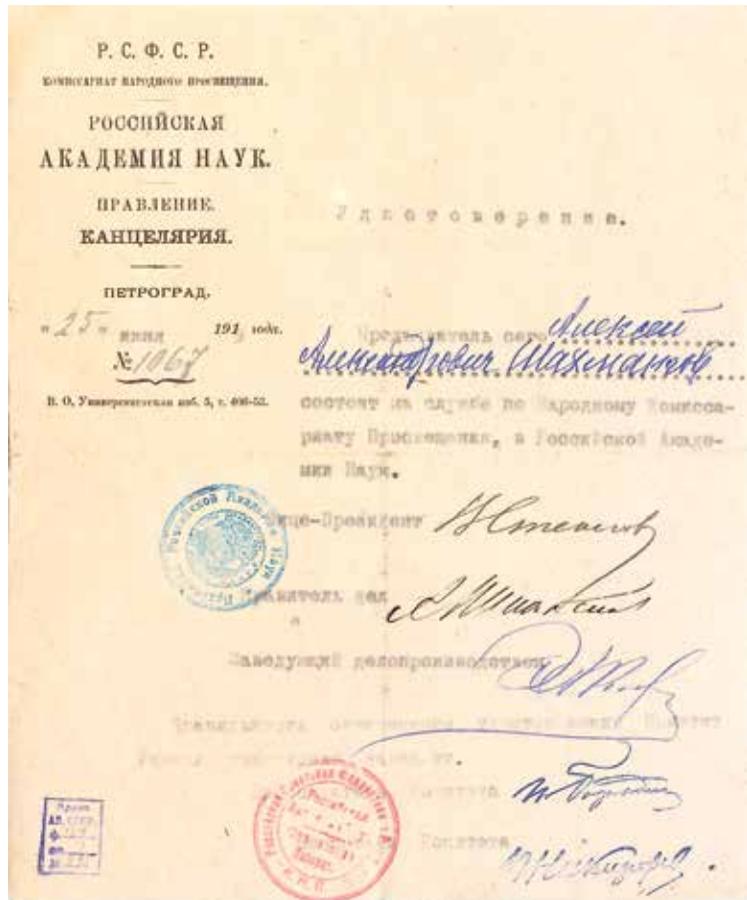
лектологии, сравнительной грамматике славянских языков и др.

В наступившее вскоре тяжелое для России время А. А. Шахматов предпочел остаться в Петрограде. Если к Февральской революции 1917 г. ученый поначалу отнесся с надеждой, то Октябрьскую революцию он встретил без энтузиазма. Моральные и психологические переживания академика по поводу происходящего в стране усугублялись трудностями бытового характера и проблемами, ранее совершенно несвойственными его жизни. Однако уехать куда-то в целях возможного улучшения своего материального положения А. А. Шахматову не позволяло его жертвенное служение науке. Он не видел для себя возможности покинуть город и Академию наук, так как ее учреждения нуждались в особой заботе, а на его попечении находилась академическая библиотека.

В последние месяцы жизни А. А. Шахматов занимался перевозкой в Академию наук книг из частных книжных собраний, чтобы спасти их от разграбления и гибели. Он лично участвовал в загрузке и разгрузке подвод, сам носил тяжелые тюки с книгами. 30 июля 1920 г. академик руководил перевозкой библиотеки А. И. Соболевского, что окончательно подорвало его силы. В начале августа 1920 г. консилиум врачей поставил ему неутешительный диагноз — инвагинация кишечника. Через несколько часов после этого ученому сделали операцию, которая, к сожалению, не помогла спасти ему жизнь. 16 августа 1920 г. А. А. Шахматов скончался. Похоронили академика на Волковском кладбище.

А. А. Шахматов внес огромный вклад в развитие российской филологии и истории. Его труды, посвященные

Удостоверение № 1067,
выданное А. А. Шахматову
в подтверждение его
службы по Народному
комиссариату просвещения,
в Российской академии наук.
Петроград. 25 июня 1919 г.
СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1.
Д. 395. Л. 36

проблемам происхождения и становления русского языка, истории древнерусского летописания, русской диалектологии, синтаксису современного русского языка, обогатили гуманитарную науку и во многом актуальны до сих пор.

Еще будучи студентом, в 1884 г., А. А. Шахматов подготовил свою первую большую самостоятельную работу «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века», опубликованную в издании Академии наук²⁶⁶. В этом исследовании затронут целый ряд вопросов по истории русского языка, особую ценность имели сделанные автором выводы в отношении некоторых звуков древнерусского языка, например, глухих согласных.

Следующим крупным и заметным научным трудом А. А. Шахматова стала его диссертация, получившая название «Исследования в области русской фонетики» и опубликованная в номерах журнала «Русский филологический вестник» (1893—1894). Эта работа, посвященная истории звуков «о» и «е» в русском языке, поразила коллег обширностью привлеченного материала, что свидетельствовало о множестве изученных автором памятников древнерусской письменности. По мнению А. Ф. Бычкова, это исследование внесло весомый вклад в славянскую грамматику, а в филологической литературе тех лет не было труда, равного ей «по широте взгля-

²⁶⁶ Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885. С. 131—285.

дов, по богатству данных, по остроумию соображений»²⁶⁷.

Еще в университетские годы у молодого ученого обнаружился интерес к изучению русской диалектологии. Совершив в 1884 и 1886 гг. две поездки на север России с целью изучения местных говоров, он собрал богатый лингвистический материал и сделал интересные языковые наблюдения. Чтобы глубже осмыслить особенности олонечких говоров, А. А. Шахматов решил провести их подробное сопоставление с другими русскими говорами, опираясь на уже имеющиеся в научной литературе данные. Но, к сожалению, накопленные на тот момент наукой сведения оказались слишком отрывочными и разрозненными, поэтому составить полноценное представление о русских диалектах оказалось невозможным. Для углубления знаний в этой области А. А. Шахматов подготовил и издал небольшую «Программу для собирания особенностей народных говоров» (1887). Благодаря присылаемым на нее ответам, молодой филолог получил возможность аккумулировать в своих руках обширный диалектологический материал.

В 1890-е гг. ученый продолжил свои изыскания в области диалектологии. Так, работая по поручению ОРЯС над составлением «Словаря русского языка», А. А. Шахматов пришел к выводу, что словарь не должен ограничиваться лексикой художественной литературы, которая, по его мнению, может служить только подспорьем при определении значений слов и осо-

бенностей их употребления, а настоящим источником для словаря должен быть живой русский язык. Осознавая, что под воздействием литературного языка говоры постепенно утрачивают свою самобытность, А. А. Шахматов с еще большей решительностью старался сохранить их особенности на страницах подготавливаемого им словаря. С целью организации в России обширной работы по собиранию особенностей местных говоров ученый взялся за разработку и составление специальных программ, которые были опубликованы в 1896 г. — говоров северновеликорусского и южновеликорусского наречий. Ответы на эти программы, содержащие богатый диалектологический материал и в больших количествах поступавшие в распоряжение ОРЯС, тщательно изучались А. А. Шахматовым, а наиболее интересные сообщения публиковались им в «Известиях» Отделения. В обширном исследовании «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей» (1899) А. А. Шахматов на основании диалектологического материала и сопоставления его с историческими данными о расселении русских племен пришел к важному заключению, что русский язык еще в доисторическое время распался на три группы говоров: севернорусскую, среднерусскую и южнорусскую. В работах, подготовленных А. А. Шахматовым в этот период, «является во всей широте фортуатовская школа», но присущие ей принципы языковедения нашли у ученика более глубокое применение, чем у его учи-

---

²⁶⁷ Кирикова О. А. По ступеням академических степеней: публикация записок об ученых трудах А. А. Шахматова // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приёмывшева. СПб., 2015. С. 51.

теля, вследствие того, что предметом изучения А. А. Шахматова стал живой язык, подверженный постоянным изменениям²⁶⁸.

Важнейшим объектом исследований А. А. Шахматова в 1890-е гг. становится древнерусское летописание. Ученый опубликовал целый ряд работ, посвященных изучению летописных памятников, став постепенно общепризнанным авторитетом в этой области. В процессе работы он исследовал не только формы слов и речений, употребляемых в летописях, но также подвергал вдумчивому анализу их источники, литературные влияния, оказавшие воздействие на сложение их текстов, исторические условия, в которых происходило древнерусское летописание. Таким образом, ученый заложил основы текстологического изучения летописей и теоретический фундамент текстологии как науки.

А. А. Шахматов опубликовал серию статей: «Несколько слов о Несторовом житии св. Феодосия» (1896), «Хронология древнейших русских летописных сводов» (1897), «Древнейшие редакции Повести временных лет» (1897), «Житие Антония и Печерская летопись» (1898). В 1899 г. было издано несколько его исследований, связанных с изучением «Хронографа» — сборника, составленного в XV в. на основе южнославянских переводных и оригинальных сочинений и дополненного русскими летописными статьями. Прежде всего, это объемное сочинение «К вопросу о происхождении Хронографа» (1899). В начале нового века А. А. Шахматовым был опубликован большой труд «Разыска-

ния о древнейших русских летописных сводах» (1908), в котором, по мнению Д. С. Лихачёва, ученый «дал блестящий анализ исторической достоверности различных летописных и внелетописных сведений, дал исключительно тонкую характеристику политических идей, отразившихся в летописных сводах, бросил новый свет на всю русскую историю IX — начала XII в.»²⁶⁹ Все те литературные источники, которые А. А. Шахматов изучал на протяжении многих лет, в том числе различные сказания, жития, поучения, былины, ранее казавшиеся случайными и лишенными систематичности, предстали в его исследовании в строгой последовательности и четко продуманном порядке. В этой книге А. А. Шахматов изложил свою гипотезу о начале русского летописания. Так, он считал, что наиболее ранние записи исторических событий делались при Киевской митрополии в Софийском соборе. Он предположил, что существовал Древнейший свод 1039 г., составленный на основе греческих переводных хроник и местного фольклорного материала.

Круг научных интересов А. А. Шахматова расширялся и стал включать вопросы древнейшей истории славянских племен. Исследование начальной истории славян и древнерусского государства было необходимо ученому для освещения вопросов языкознания, а изучение памятников языка и письменности приводило его к проблемам и выводам исторического характера, проливалось новый свет на историческую обстановку, в которой происходило развитие быта и языка древних

²⁶⁸ Истрин В. М. А. А. Шахматов. Некролог // Известия РАН. Сер. VI. 1920. Т. XIV. С. 178.

²⁶⁹ Лихачёв Д. С. Шахматов — текстолог // Известия АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1964. Т. 23. Вып. 6. С. 484.

славян²⁷⁰. Среди работ ученого, посвященных этой теме, следует упомянуть: «Сказание о призвании варягов» (1904), «Южные поселения вятичей» (1907), «Сполы — исконные соседи славян» (1911).

В 1910-е гг. А. А. Шахматов продолжал свою научную работу по нескольким направлениям. Им был подготовлен и опубликован ряд исследований из области диалектологии. Это, прежде всего, большой труд под названием «Мордовский этнографический сборник» (1910), который стал результатом изучения эрзянских диалектов нескольких сел Саратовского уезда. Сборник состоит из семи разделов, в которых освещены все стороны быта и народное поэтическое творчество этих говоров. Для филологов особенно ценно точное и углубленное описание морфологии эрзянских диалектов, содержащееся в приложении к сборнику. Тем же проблемам посвящены статьи А. А. Шахматова «К вопросу о польском влиянии на русские говоры» (1913) и большая работа, посвященная описанию говора деревни Леки Егорьевского уезда Рязанской губернии (1913).

А. А. Шахматов продолжил исследования по истории русского летописания и, в частности, начальной русской летописи. Он издал реконструированный сводный текст «Повести временных лет» (1916). Несмотря на невозможность полного восстановления первичного текста этого памятника, академику удалось сделать очень многое в этом направлении. Устанавливая

по летописным записям феодальный центр, в котором создавался тот или иной список или свод, А. А. Шахматов пытался определить сущность политических воззрений, убеждений и симпатий его автора. При этом ученый руководствовался предположением, что изменения, вносившиеся в текст памятника более поздними летописцами, обусловлены не набором случайностей, а явились следствием необъективности, религиозной или политической пристрастности автора.

Таким образом, А. А. Шахматов впервые воссоздал масштабную картину истории русского летописания, внося в его изучение новые приемы и методы. Им были сделаны предположения в отношении древнейших летописных сводов, предшествовавших «Повести временных лет», он проследил историю ее создания и определил ее редакции, восстановил центральные вехи ростово-суздальского летописания XII—XIII вв. Кроме того, ученый выяснил состав многих летописных сводов и внелетописных сочинений, о существовании которых до его работ никто не знал²⁷¹.

В 1919 г. была издана последняя прижизненная печатная работа А. А. Шахматова, озаглавленная «Древнейшие судьбы русского племени» (1919). В этом очерке ученый предпринял попытку осветить ранее неизученные страницы истории славянских племен, обитавших на территории Восточно-Европейской равнины до времени основания Русского государства. Внимание автора уделено таким пробле-

---

²⁷⁰ Платонов С. Ф. А. А. Шахматов как историк // Известия ОРЯС РАН. 1920. Т. 25. С. 136.

²⁷¹ Лихачёв Д. С. Шахматов как исследователь русского летописания // А. А. Шахматов (1864—1920): Сб. ст. и мат-лов / под ред. акад. С. П. Обнорского. М., Л., 1947. С. 253 (Труды Комиссии по истории Академии наук; вып. 3).

мам, как появление и расселение восточных славян, их взаимоотношения с иноплеменниками, начало образования Древнерусского государства. Для разрешения поставленных задач А. А. Шахматовым были привлечены все возможные источники, включая сведения византийских, западноевропейских, скандинавских и восточных литературных памятников, а также археологические данные.

В 1919 г. А. А. Шахматов приступил к написанию большого труда «Синтаксис русского языка». К сожалению, ученый не успел его закончить. Но даже в незавершенном виде эта работа представляет собой огромный том и является выдающимся лингвистическим исследованием. В. В. Виноградов, объясняя ее значение для филологической науки, писал: «В Синтаксисе Шахматова впервые собран

колоссальный материал, характеризующий поразительное разнообразие синтаксических конструкций современного русского языка, особенно в кругу разных типов простого предложения. Шахматовым впервые была сделана попытка найти в этом разнообразии систему, тщательно описать и подвергнуть грамматическому разбору разные виды предложений»²⁷².

Неожиданная смерть выдающегося филолога потрясла ученую общественность и вызвала появление в печати целого ряда воспоминаний и некрологов, в каждом из которых неизменно звучали слова не только о значимости и высокой ценности научных достижений А. А. Шахматова, но также и о его нравственных достоинствах: ученый всегда ставил на первое место не собственное благополучие, а интересы науки и окружавших его людей.

---

²⁷² Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978. С. 123.

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В АКАДЕМИИ НАУК: ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ (XVIII — ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА)

С созданием Академии наук в России сложились условия для становления фундаментальной исторической науки. Постепенно были сформированы социокультурные основы и интеллектуальная база для проведения исследований, возникли соответствующие общественные институты — университеты, музеи, в XIX в. — научные общества и комиссии, в XX в. — специализированные научно-исследовательские институты. Российской исторической науке предстояло пройти долгий путь в стремлении к объективному познанию исторической действительности.

XVIII ВЕК

Пётр Великий, создавший первый русский публичный музей, — Кунсткамеру (1714) и передавший ее в ведение Академии наук, стал инициатором собирания письменных и вещественных источников с целью познания прошлого России. Царь распорядился присылать находки в Санкт-Петербург: монастырские библиотеки обследовали в поисках летописей для написания обзора русской истории (1703); в монастырях разыскивали жалованные грамоты великих князей до Ивана IV для анализа их печатей (1709); собирали исторические книги (1720) и древние

летописцы, которые для копирования отправляли из епархий в Синод (1722). К началу XVIII в. относятся известия о первых антикварных археологических раскопках (1712, 1714, 1719). Царский указ (1718) призывал сдавать старинные редкости за вознаграждение, собирать «старые вещи... старые подписи на камнях, железяки или медии, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно»; также было распоряжение (1721) скупать курьезные вещи «настоящею ценою», которые «не переплавлявая, присылать в Берг- и Мануфактур-коллегию».

Первые академики-историки

В проекте положения об Академии наук, подписанном Петром I, предполагалось учредить особый гуманитарный класс с изучением, в том числе, красноречия и древностей («элоквенции и студии антиквитатис»), истории древней и новой. Труды первых академик-иностранцев, часть которых нашла в России свою вторую родину, начинают культивироваться наука, ориентированная на данные научного факта.

В числе первых академиков был кёнигсбергский профессор греческих и римских древностей Готлиб (в латинском варианте Теофил) Зигфрид

Байер (1694—1738), историк, востоковед-китаист, антиковед, прекрасный знаток классических языков, представитель нового критического направления в европейской науке, вошедший в отечественную историографию как создатель «норманнской теории» формирования русской государственности. Основные его труды — в области ориенталистики (китайско-латинский словарь), филологии, древнейшей и средневековой истории России, исторической географии Восточной Европы. Г. З. Байер первым очертил основной круг письменных источников (прежде всего античных, византийских и скандинавских), затрагивавших древнейшую историю России; он не знал русского языка и пользовался русскими летописями в латинском переводе. Опираясь на скрупулезный анализ нарративной традиции, Г. З. Байер оставил несколько сочинений о древнейшей русской истории до IX в. включительно: о варягах и начале Руси, о первом походе руссов на Константинополь, представил первые разработки исторической географии Древней Руси, определил значение славянских названий Днепровских порогов в сочинении византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей». Перу Г. З. Байера принадлежат также статьи об этногенезе и расселении скифских племен, их взаимоотношениях с античными полисами Северного Причерноморья на основе сопоставительного анализа данных письменных источников с реальной картой. Творчество первого академика-историка оказало огромное влияние на всю отечественную историографию XVIII в.

Большой вклад в формирование подлинно научного подхода к изучению письменных источников, памятников археологии различных исторических эпох и этнографии Сибири внес академик Герард Фридрих (Фёдор Иванович) Миллер (1705—1783). Г. Ф. Миллер (с 1725 г. начавший изучать русский язык) был профессором истории (1731—1747) и первым ректором (1747—1750) академического университета, затем конференц-секретарем (1728—1730, 1754—1765) Академии наук, издателем первого в России немецкоязычного исторического журнала «Sammlung Russischer Geschichte» (1732—1765), в котором он опубликовал Начальную русскую летопись. Участвуя как один из руководителей Академического отряда в Великой Северной (Второй Камчатской) экспедиции (1733—1743), за 10 лет ученый проехал по России 31362 версты. Г. Ф. Миллер организовал копирование актовых материалов в архивах сибирских городов и острогов (38 фолиантов), которые содержали сведения о Европейской России и освоении Сибири XVI—XVII вв., об управлении регионами, межнациональных отношениях, посольствах, военных походах, церковных делах. Благодаря копиям в «Портфелях Г. Ф. Миллера» до нас дошли источники, погибшие в сибирских архивах из-за плохих условий хранения и при пожарах. Справедливости ради следует отметить, что Г. Ф. Миллер широко использовал материалы «отца русской истории» (выражение А. Л. Шлёцера) Василия Никитича Татищева (1686—1750), автора «Истории Российской с самых древнейших времен»²⁷³ (1739—1746) — первого в рос-

²⁷³ Татищев В. Н. История Российская в семи томах. Л., 1962—1968. Т. 1—7.

сийской историографии Нового времени произведения, обобщившего изложение и анализ древнерусской истории. Именно В. Н. Татищев разработал анкеты для сбора сведений (1734, 1736) и наметил программу историко-географического описания России. Еще в «Предложении о сочинении истории и географии российской», направленном в Академию наук (1737), В. Н. Татищев не только поставил историко-археографические задачи, но и подчеркнул необходимость собрания и изучения артефактов («обретенных давностей»).

По Регламенту Академии наук 1747 г. класс «гуманиора» (древности и история литеральная, история политическая) был отнесен к академическому университету, ректором которого в том же году стал Г. Ф. Миллер, читавший курс истории. Г. Ф. Миллер принял российское подданство (1748) и был назначен историографом с целью подготовки «истории всей Российской империи», но с обязательством завершить прежде историю Сибири²⁷⁴, над которой он работал с 1733 г. В следующем году был учрежден Исторический департамент для архивного хранения и изучения материалов, собранных во время Второй Камчатской экспедиции, а также Историческое собрание (1748—1760) с целью координации деятельности академиков и профессоров академического университета в гуманитарной сфере. Таким образом, Г. Ф. Миллером впервые был поставлен (хотя и не разрешен окончательно) вопрос о создании в Академии наук отделения для сбора, систематизации, изучения и публикации исторических памятников

России. В 1748—1750 гг. члены Исторического собрания были привлечены к спасению оказавшегося бесхозным архива «Походной канцелярии» князя А. Д. Меншикова, включавшего документы И. С. Мазепы из так называемого «Батурицкого архива», вывезенного А. Д. Меншиковым в 1708 г., архивов опального вице-канцлера П. П. Шафиров, генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева (1719) и др.

На совместных чрезвычайных заседаниях Исторического собрания и Конференции Академии наук пять месяцев (1749—1750) продолжалась полемика Г. Ф. Миллера и М. В. Ломоносова о «предосудительной» диссертации Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского», которую затем приказано было уничтожить. Официальный историограф вслед за Г. З. Байером связывал призвание варягов на княжение с началом Русского государства. М. В. Ломоносов, усмотрев в тексте «оскорбление российской славы», стремился доказать древность «словенского» племени, ошибочно отождествляя варягов и готов со славянами. С тех времен в исторической науке началась дискуссия норманистов и антинорманистов, не завершенная и по сей день. В торжественном собрании Академии наук М. В. Ломоносов упомянул, что одной из задач ученых должно быть написание русской истории. Императрица Елизавета Петровна и покровитель ученого при дворе И. И. Шувалов возложили эту задачу на самого М. В. Ломоносова, но работа над рукописью шла крайне медленно: был издан только «Краткий российский летописец» (1760) с ро-

---

²⁷⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд. второе, доп. М., 1999—2005. Т. 1—3.

дословием и первый (оказавшийся единственным) том «Древней российской истории», опубликованный после смерти автора (1766). Конфликты в Академии наук привели к переезду Г. Ф. Миллера в Москву (1764), где он в 1766 г. стал начальником Московского архива Коллегии иностранных дел и воспитал плеяду отечественных архивистов и археографов. Академик проводил археографические экспедиции по окрестностям древней столицы, написал ряд работ, в том числе «Историю Академии наук» (впервые опубл. в 1890, на нем. яз.), историю российского дворянства, издал «Историю Российскую» В. Н. Татищева (1768—1784).

Важнейшей задачей Академии наук стало критическое издание исторических источников. Конректору академической гимназии, адъюнкту по истории (1779) Академии наук Иоганну Готгильфу (Ивану Михайловичу) Стриттеру (или Штриттеру) (1740—1801) было поручено составить корпус сведений византийских и других авторов о народах, некогда обитавших на территории России. Его четырехтомный комментированный свод на латинском и греческом языках содержит краткие биографические справки об историках, экскерпты из трудов этих авторов в хронологическом порядке (1771—1779; рус. пер. 1770—1775); на два века свод стал настольной книгой ученых, занимавшихся русской и славянской древностью. В этом труде, явившемся важным этапом в становлении научного источниковедения в России, отчетливо выявилось стремление связать историю России с событиями всеобщей истории, включить ее в контекст античной и западноевропейской историографии.

Начальную историю России изучал немецкий историк Август Людвиг Шлёцер (1735—1809), первоначально помощник Г. Ф. Миллера в обработке исторических материалов, затем адъюнкт по русской истории (1762), а после возвращения в Гёттинген — иностранный почетный член (1769) Академии наук. Автор знаменитого «Нестора» (1802—1809; рус. пер. 1809—1819), А. Л. Шлёцер проанализировал Начальную летопись и первым в русской науке сформулировал принципы критики текста, дав блестящие образцы критических комментированных изданий русских летописей. Он подверг критическому анализу историю создания летописных сводов до 980 г., издал Русскую правду, две первые части Никоновой летописи, Судебник царя Иоанна и др. Помимо нарративной традиции, в число исторических источников А. Л. Шлёцер включал в ранге второстепенных монеты, «подземные свидетельства» и «другие вещи, называемые древностями». Историк удалось показать познавательные возможности археологических источников по сравнению с письменными, причем в отдельных случаях он отдавал им предпочтение перед «древними повествованиями»: «Из развалин и могил выходит древняя Булгарская история, которая истребилась было из летописей». А. Л. Шлёцер показал, что археологические памятники являются единственными источниками для дописьменной истории: благодаря изысканиям на Урале и в Сибири «находят живые следы просвещенных народов, которые в древние времена, быв совсем неизвестны остальному миру, занимались тут горною работою, но знали одну только медь, а не железо».

Экспедиционное изучение России

В ряду преобразований Петра I важное место занимали экспедиции для сплошного обследования необъятных просторов России, давшие толчок первым историческим, лингвистическим, этнографическим, археологическим работам, основным центром которых стала Академия наук. Отправленный царем в Сибирь (1719—1727) данцигский доктор медицины Д. Г. Мессершмидт провел раскопки кургана близ Абаканского острога, первым описал и графически зафиксировал писаницы на Урале и в Сибири, каменные изваяния, курганные плиты, открыл раннесредневековую орхоно-енисейскую письменность, которую сумели расшифровать лишь 150 лет спустя. Путешественник собрал коллекцию из 370 артефактов, преимущественно из Минусинской котловины²⁷⁵, переданную в состав Сибирской коллекции Петра I в Кунсткамеру, но, к несчастью, погибшую в катастрофическом пожаре музея в 1747 г.²⁷⁶

Академические отряды Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции (1733—1743) воочию столкнулись с «дикими» племенами Сибири. Ученые научились идентифицировать орудия труда и кости животных и даже пытались определить относительную хронологию памятников различного типа. Особое внимание уделялось методичности исследований — необходимости при раскопках и разведках тотальной фиксации всех объектов (независимо от их понятности и важ-

ности для науки того времени), приобретения древностей для Кунсткамеры, графической фиксации артефактов, этнографического сравнения памятников с фактами повседневной жизни сибирских народов, составлению «ландкарт», словарей местных терминов, важности сопоставительного анализа письменных и археологических источников. Ставилась задача соотнесения предметов, добытых при раскопках, с элементарными функциями жизнедеятельности аборигенного населения. Детальное изложение этой академической программы представлено в инструкции академика Г. Ф. Миллера адъюнкту И. Э. Фишеру (1740) — основном памятнике методики русских исторических исследований XVIII в. Применявшийся учеными комплексно-географический (экосистемный) подход в контексте землеописания различных районов России привел к результатам, не утратившим своего научного значения до сих пор.

После присоединения Северного Причерноморья к Российской империи Академия наук взялась за изучение «полуденного края», так как главные задачи научных путешествий на север и восток страны частично были решены. Поездки академических ученых в южные губернии, Новороссию и на Кавказ открыли для науки руины городов и крепостей, монументальные курганы, каменные изваяния южнорусских степей и другие древности. Интерес к древностям подстегнуло путешествие в 1787 г. императрицы Екатерины II в Крым

---

²⁷⁵ Савинов Д. Г., Тункина И. В. Сибирская коллекция Д. Г. Мессершмидта — первое научное археологическое собрание России. СПб., 2022.

²⁷⁶ В 1859 г. по велению императора Александра II Сибирская коллекция Петра Великого из Академии наук была передана в Императорский Эрмитаж.

и недавно основанный Севастополь, получивший, как и другие города Новороссии, древнегреческое имя в рамках реализации «Греческого проекта» императрицы. Случайная находка в 1792 г. одной из древнейших русских надписей — Тмутараканского камня 1068 г. на таманском берегу Керченского пролива — позволила определить местоположение древнерусского города Тмутаракани и княжества того же названия, известного из летописных источников, и исторически обосновать территориальные притязания России на Северное Причерноморье. По высочайшему повелению собиратель рукописей и древностей, действительный член Российской академии (1789) Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1744—1817) издал специальное исследование о Тмутараканском камне (1794). А. И. Мусин-Пушкин приобрел архив П. Н. Крёкшина, включавший летопись патриарха Никона, Книгу Большого чертежа Московского государства, «Летописец российский преподобного Нестора древлеписьменной на пергамене» (Лаврентьевская летопись). В его собрании оказалась рукопись «Слова о полку Игореве», ранее хранившаяся в ризнице собора упраздненного Спасо-Ярославского монастыря. Открытие и публикация (1800) этого памятника древнерусской литературы принесли коллекционеру мировую известность. К несчастью для науки, большая часть древлехранилища, в том числе рукопись «Слова», погибла в пожаре Москвы 1812 г.

В XVIII в. началось создание отечественного фонда древностей, рукописей, архивов. Еще в 1791 г. Екатерина II повелела разослать по епархиям предписание с целью собирать в Синоде древние рукописи и старопе-

чатные книги из всех церквей и монастырей России. В частные коллекции и первые музеи (Кунсткамера, Эрмитаж) поступали артефакты из грабительских раскопок курганов по всей стране, а также случайные находки «диковин» — наряду с естественно-историческими образцами собирались памятники археологии, этнографии, эпиграфики, нумизматики, археологии и т. д. В XVIII в. усилиями академиков и просветителей были заложены основы научного отношения к древним памятникам письменности и материальной культуры, был возведен фундамент для развития отечественной исторической науки.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX СТОЛЕТИЯ

В 1803 г. был принят новый регламент Академии, вновь включивший историю в круг изучаемых ею дисциплин (один академик). Утвержденные императором в 1830 г. «Дополнительные пункты к Регламенту Императорской академии наук 1803 г.» узаконили разделение академиков по группам (разрядам) наук: по истории и древностей российских — один академик; греческих и римских древностей — два, что было подтверждено в уставе 1836 г. При выборах новых членов подразумевалось их вхождение в Отделение исторических, филологических и политических наук (с 1844 г. — Историко-филологическое отделение, ИФО), но фактическое разделение Академии наук на отделения было подтверждено высочайшим рескриптом лишь в 1841 г., при присоединении к научной академии большей части членов ликвидированной Российской академии (1783—1841), вошедших во II отделение — Отделение русского языка

Е. Е. Кёлер. Гравюра А. Г. Афанасьева по рисунку Ф. Крюгера. Около 1838 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 688. Л. 1

и словесности (ОРЯС). К тому времени из комплексной «науки о древностях» выделились субдисциплины — филология²⁷⁷, археология, история искусств, нумизматика, эпиграфика, археография, палеография, дипломатика, генеалогия, геральдика и др.

Первый крупный исследователь античности появился в стенах Академии наук с избранием в ее члены немецкого филолога-классика, археолога и искусствоведа Егора Егоровича (Генриха Карла Эрнста) Кёлера (1765—1838), основные труды которого посвящены истории и исторической географии античных государств Причерноморья, публикациям гемм, эпиграфических и нумизматических памятников. Он служил начальником I отделения, Иностранной библиотеки и антиков Эрмитажа (1805—1817, 1819—1837)

и был избран ординарным академиком (1817) Императорской академии наук. С приходом в императорский музей членов Академии наук Эрмитаж стал превращаться не только в хранилище древностей, но и в один из научных центров северной столицы. Е. Е. Кёлер совершил две экспедиции в Новороссийский край (1804, 1821), по докладу ученого были приняты распоряжение о запрете иностранным путешественникам собирать древности на казенных землях Тавриды (1805) и предложения «О средствах к сохранению древних достопамятностей Тавриды» (1822) — впервые в истории России государственные средства были специально отпущены на нужды охраны памятников. После сенсационных находок скифского и боспорского золота в царском кургане Куль-Оба под Керчью (1830), отправленного в Эрмитаж, с 1831 г. началось государственное финансирование археологических раскопок в России на средства Министерства императорского двора, завершившееся созданием в 1859 г. Императорской археологической комиссии, которая с 1889 г. получила исключительное право выдачи открытых листов (разрешений на раскопки) на государственных, надельных и церковных землях и право контроля за реставрацией монументальных памятников старины.

Эпоха романтизма, ознаменованная победой в Отечественной войне 1812 г., способствовала пробуждению в русском обществе интереса к истории России. В 1818 г. почетным членом Академии наук стал наиболее авторитетный представитель официальной историографии Николай Михайлович Карамзин (1766—1826), высочайшим

²⁷⁷ Термин «филология» введен немецким антиковедом Ф. А. Вольфом (1759—1824) в начале XIX в.

указом назначенный историографом Российской империи (1803). Автор многотомной «Истории государства Российского» (т. 1—12; 1818—1829) открыл общественности увлекательную историю России до 1610 г., что способствовало распространению коллекционирования памятников истории и культуры, созданию частных и государственных музеев по всей стране.

Историк и нумизмат, ординарный академик (1815) Филипп Иванович (Иоганн Филипп) Круг (1764—1844), хранитель нумизматического собрания Эрмитажа, занимался главным образом русской нумизматикой, от которой перешел к изучению истории Византии и Древней Руси. Чтобы читать труды по русской истории и летописные сборники в подлиннике, Ф. И. Круг изучил русский и церковнославянский языки. Он — автор одного из первых специальных сочинений на немецком языке по русской нумизматике «Критические разыскания о древних русских монетах» (1805, рус. пер. 1807). Педантизм и основательность, к которым приучила его нумизматика, Ф. И. Круг применил к реконструкции древнерусской хронологии и к трудам о происхождении Руси. Он доказал многие факты древнейшей русской истории, например, установил время крещения княгини Ольги в Константинополе и другие даты, ставшие исходными точками отечественных исследований по истории Византии и Древней Руси. Ф. И. Круг был активным членом и одним из экспертов Румянцевского кружка, другом и советником почетного члена Академии наук (1810), государственного канцлера гр. Николая

Ф. И. Круг. Литография
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 72. Л. 2

Петровича Румянцева (1754—1826), о чем свидетельствует их многолетняя переписка²⁷⁸. В 1813 г. именно Н. П. Румянцев пожертвовал в Академию наук 25 тыс. руб. для издания «Русских хронографов». Румянцевский кружок объединял крупнейших историков, археографов, археологов и нумизматов, занимавшихся отечественной историей и славяноведением. Организатор кружка поддерживал тесные связи практически со всеми профессиональными учеными и дилетантами в России и за рубежом, интересовавшимися древностями в широком смысле слова, материально поощрял их исследования в области древнейшей истории, археографии, археологии, нумизматики, эпиграфики России. По инициативе и на средства Румянцева ими были приобретены, собраны и изданы

²⁷⁸ Граф Н. П. Румянцев и наука его времени. Т. 1: Переписка графа Н. П. Румянцева и академика Ф. И. Круга / изд. подготовил акад. РАН И. П. Медведев. М., 2017.

в России и за границей многие исторические, нумизматические и археологические источники. Трудом графа была создана Комиссия по печатанию государственных грамот и договоров при Московском архиве Коллегии иностранных дел (1811) для публикации документов внутренней и внешней политики России. Комиссия издала «Собрание государственных грамот и договоров» (1813—1828, 1894), «Законы великого князя Иоанна Васильевича и внука его царя Иоанна Васильевича...» (1819), в том числе Судебники 1497 и 1550 гг., «Софийский временник» (1820—1821) и др.

В первой трети XIX в. специализация научных дисциплин привела к изменениям в структуре академических коллекций. Устав Академии наук 1836 г. подтвердил разделение Кунсткамеры на ряд самостоятельных академических музеев. Летом 1832 г. император Николай I подтвердил «узаконения относительно доставления в Академию наук всех вообще достопамятных произведений природы и искусств, обретаемых в губерниях внутри империи», т. е. возобновил указы Петра I (1718) и Екатерины II (1762), предписывавшие все памятники, найденные при раскопках, и случайные находки древностей присылать в Академию наук. Этот указ, разосланный по стране, способствовал не только концентрации эпиграфических и нумизматических раритетов в академических собраниях Санкт-Петербурга (впоследствии переданы в Эрмитаж), но и их скорейшему вводу в научный оборот в трудах специалистов, как правило, одновременно являвшихся хранителями императорских собраний. В процессе создания музейного и архивного фонда России активно

участвовали академики. Так, в 1828 г. Е. Е. Кёлер, Ф. И. Круг и Х. Д. Френ занимались классификацией памятников Румянцевского музея, поступившего в ведение государства; в особняке Н. П. Румянцева в 1831 г. был открыт Румянцевский музей. В 1861 г. он был переведен в Москву и стал именоваться Московским публичным и Румянцевским музеем; в 1925 г. его библиотека составила основу фондов Российской государственной библиотеки, археологическая часть впоследствии была передана в Государственный исторический музей.

Государственный тяжеловес, автор формулы «православие, самодержавие, народность» (1843), легшей в основу теории официальной народности, министр народного просвещения (1833—1849), почетный член (1811) и президент Академии наук (1818—1855) Сергей Семёнович Уваров (1786—1855) огромное внимание уделял сбору, изучению и публикации источников по русской истории. При нем была основана Археографическая комиссия Министерства народного просвещения (1834), в основу деятельности которой были положены предложения записки «Об издании источников русской истории до конца XVII столетия» (1832) профессора Петербургского университета Николая Герасимовича Устрялова (1805—1870), избранного адъюнктом по русской истории и древности (1837), экстраординарным (1842), затем ординарным (1844) академиком по Историко-филологическому отделению. Представитель официальной историографии, он призывал анализировать причинно-следственные связи в исторических событиях, разделяя русскую историю на древнюю (до 1689) и новую (до 1825), в труде о Великом

княжестве Литовском (1839) поставил вопрос о разделении Руси после монголо-татарского нашествия на Западную и Восточную, написал фундаментальную историю Петра Великого (1858—1863. Т. 1—4, 6) и другие труды. Н. Г. Устрялов стал редактором «Полного собрания русских летописей» (1841—1863).

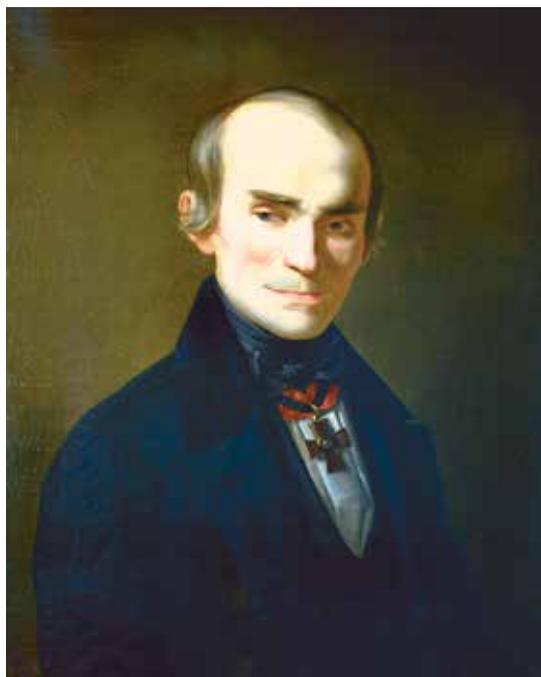
В 1841 г., после присоединения Российской академии, Академия наук, официально провозглашенная «первенствующим» научным учреждением в стране, была разделена на три отделения: часть ученых, изучавших историю России, вошла во II отделение (ОРЯС), другие (востоковеды Х. Д. Френ, Я. И. Шмидт, М. И. Броссе, Б. А. Дорн, филолог-классик Ф. Б. Грефе, историки Ф. И. Круг, Н. Г. Устрялов, П. Г. Бутков, А. А. Куник) работали в III отделении (ИФО). Задачей последнего стало исследование проблем языкознания, истории, этнографии, статистики главным образом вновь присоединенных территорий в Азии и на Кавказе, предопределившее значительное внимание к востоковедческим дисциплинам. Многие члены Румянцевского кружка автоматически вошли в состав Императорской Академии наук. Так, Павел Михайлович Строев (1796—1876), ординарный академик (1849), собирал по городам и весям России древние рукописи (грамоты царей, великих князей и юридические акты XV—XVII вв.) как начальник Археографической экспедиции Министерства народного просвещения (1829—1934), а с 1834 г. — как член Археографической комиссии, созданной для систематического издания исторических источников с древнейших времен до 1700 г. П. М. Строев — первооткрыватель Судебника 1497 г., Изборника Святослава 1073 г., изда-

П. М. Строев. С портрета маслом
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-С. Д. 116. Л. 1

тель Софийской 1-й и 2-й летописей. В археографических экспедиции и комиссии проявил себя адъюнктом по ОРЯС (1841), экстраординарный (1845), ординарный (1847) академик Яков Иванович Березников (1793—1854), редактировавший «Полное собрание русских летописей» (1838—1854), «Акты» Археографической экспедиции (1836—1842) и комиссии (1841—1842), «Акты юридические» (1838) и др.

В число членов ОРЯС с 1841 г. в качестве ординарных академиков вошли крупные московские историки. Среди них — собиратель рукописей и древностей, издатель Псковской 1-й летописи (1837) и других источников Михаил Петрович Погодин (1800—1875), с 1825 г. преподававший историю в Московском университете. С 1820-х гг. он собирал рукописи, старопечатные и редкие книги, иконы, резные образки, кресты, шитье, монеты, печати, меда-

*Я. И. Бередников. Портрет маслом
неустановленного художника.
Осень 1853 — зима 1854 гг.
СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Б. Д. 146. Л. 1*

ли, оружие и т.д. (знаменитое «погодинское древлехранилище»). В докторской диссертации «Нестор» (1839) М. П. Погодин доказывал, что Начальная летопись — единый и законченный исторический памятник, отражающий подлинные события древнерусской истории. Сторонник норманизма, М. П. Погодин изучал отечественную историю с IX в. вплоть до преобразований Петра Великого, реформы которого полностью оправдывал, он призывал ученых изучать не только политическую и интеллектуальную историю, но и историю повседневности — обратить внимание на домашний быт царского дворца и простого обывателя. Его оппонент, основоположник скептической школы в русской историографии, профессор и основатель кафедры славянских наречий Московского университета, член-корреспондент (1832),

ординарный академик (1841) по ОРЯС Михаил Трофимович Каченовский (1775—1842) стал одним из создателей славяноведения в России. Он систематически критиковал Н. М. Карамзина за избирательность в работе с источниками и литературную форму изложения истории. М. Т. Каченовский был убежден в отсутствии достоверных источников по начальной русской истории и датировал Русскую правду и Повесть временных лет не X—XII вв., а XIII—XIV вв. Ученый разделял критику источника на низшую (критика рукописи) и высшую (критика содержания) и видел задачу историка в выявлении архетипа, установлении позднейших наслоений в источнике и объяснении их происхождения.

В том же ОРЯС с 1841 г. состояли военный историк Александр Иванович Михайловский-Данилевский (1790—1848), автор книги «Отечественная война в 1812 году» (ч. 1—4; 1839), и Пётр Григорьевич Бутков (1775—1857), который с опорой на документы написал труд о действиях русских на Кавказе и в Крыму в XVIII — начале XIX в. (1869). Если П. Г. Бутков занимался не только историей, но и этнографией народов Кавказа, то русский немец и член Румянцевского кружка Пётр Иванович Кёппен (1793—1864), ординарный академик по статистике (1843), был подлинным энциклопедистом и занимался историей, филологией, археологией, нумизматикой, эпиграфикой, этнографией, славистикой. Во время путешествия по Европе П. И. Кёппен собирал всевозможные памятники старины, главным образом касающиеся истории славянства (1821—1824), неоднократно путешествовал по России, тщательно обследовал горную часть Таврики, где первым обнаружил, опи-

сал и издал следы многих укреплений античного и византийского времени в известном «Крымском сборнике» (1837). В 1839 г. он представил Конференции Академии наук записку о необходимости создания в одном из академических музеев особого отделения «могильных вещей» и их научного издания. П. И. Кёппен призывал начать археологическое изучение курганов Новороссийского края для определения этноисторической принадлежности этих памятников и запретить грабительские раскопки: «Разрытие могил без обнаружения о внутреннем их устройстве и содержании есть преступление нашего времени пред лицом истории, есть грабительство, причиненное потомству, и самое хранение отысканных в курганах памятников, без обнаружения о том во всеобщее сведение — непростительно». Подобно ученым предшествующего века, П. И. Кёппен рассматривал курганы как памятники надгробной архитектуры, как неотъемлемую часть природного и антропогенного ландшафта, варварски разрушаемого человеком. К такому пониманию важности контекста археологического памятника наука вернулась только во второй половине XX в. Именно П. И. Кёппен составил первую «Этнографическую карту Европейской России» (1851).

В 1850 г. академическую кафедру греческих и римских древностей и пост директора Археологического музея Академии наук занял немецкий антиковед Лудольф Эдуард Стефани (1816—1887), хранитель Отделения классических древностей Эрмитажа (1851). Как член Императорской археологической комиссии (1859) Л. Э. Стефани ежегодно издавал ее «Отчеты» (т. 1—21, с атласом; 1860—1883) с опи-

Л. Э. Стефани

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-С. Д. 52. Л. 1

санием, анализом и глубокими исследованиями сокровищ Эрмитажа и находок из раскопок на юге России, превратив их в своего рода энциклопедию античной мифологии и древностей. Труды Л. Э. Стефани заложили основу научной классификации, датировки и интерпретации шедевров античного искусства, найденных в Северном Причерноморье.

Уроженец Прусской Силезии Арист Аристович (Эрнст Эдуард) Куник (1814—1899) с молодости увлекся историей западных славян, а в 1842 г. окончательно осел в России. Он был избран адъюнктом по русской истории (1844) после издания своего главного труда «Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des Russischen Staates» (СПб., 1844—1845), посвященного варяжскому вопросу и происхождению Русского госу-

дарства. В докладе «Почему Византия донныне остается загадкой во всемирной истории?» (1853) экстраординарный академик (1850) А. А. Куник призвал изучать византийские источники, бросающие свет на русскую историю. Именно он доказал, что монеты Ярослава Мудрого (Владимирова и Ярославле золото и серебро) чеканились в России (1860—1861). А. А. Куник первым обратил внимание на неизученность истории науки и просвещения в России, он опубликовал серию статей по истории Академии и первым использовал богатства академических архивов при подготовке документальных сборников материалов для истории Академии наук в XVIII в. (ч. 1—2; 1865).

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА

К середине XIX в. в России была создана систематическая и непрерывная культурная традиция в области исторических исследований, сформированы основные субдисциплины науки. Ученые-иностранцы, обладавшие общенаучной эрудицией и высоким уровнем историко-филологической подготовки, своими научными публикациями исподволь способствовали европеизации русской науки, демонстрируя образцы изданий различных видов источников и их научной интерпретации. В пореформенное время научные кадры для гуманитарных дисциплин стали поставлять гимназии и высшие учебные заведения России, в стране появилась своя, национальная историко-филологическая школа. Ее представители, благодаря научным командировкам за счет Министерства народного просвещения, имели возможность совершенствоваться знания в западноевропейских университетах.

Положение в русской науке в целом, и в Академии наук в частности, стало меняться: в исторических науках, полнокровно синтезировавших достижения западноевропейских коллег, появились русские ученые мирового уровня.

История России

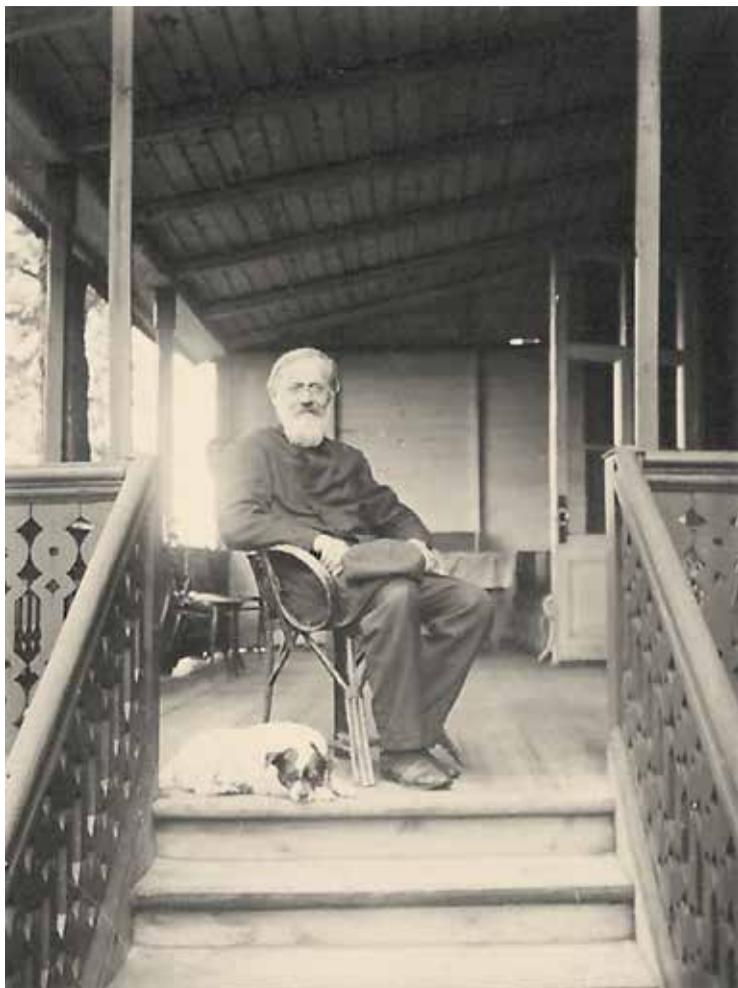
Отделения ИФО и ОРЯС вели исследования по выявлению и публикации исторических источников по истории России в отечественных и зарубежных архивных собраниях. Виднейшее место в исторической литературе занимают издания историка, археографа и библиографа, ординарного академика (1869) и председательствующего в ОРЯС (1893—1899) Афанасия Фёдоровича Бычкова (1818—1899). Он состоял членом (1854), затем председателем (1891—1899) Археографической комиссии, был хранителем (1844), помощником директора (1868) и директором (1882—1899) Императорской Публичной библиотеки, одновременно служил во Втором отделении Собственной Е.И. В. канцелярии. А. Ф. Бычков был членом-основателем (1866) и помощником председателя (1882—1899) Русского исторического общества. По его инициативе государством было приобретено «Погодинское древнехранилище»: А. Ф. Бычков издал описание церковно-славянских и русских рукописных сборников (1878—1880), входивших в это собрание. Как председатель Комиссии для разбора и описания дел архива Синода (1866) А. Ф. Бычков редактировал «Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода» (1868—1879), стал редактором шести томов «Полного собрания русских летописей» (т. 7—10, 15—16), издал

«Дворцовые разряды XVIII в.» (1850—1855; совместно с А. Н. Поповым), комментированные «Письма» (1872) и «Бумаги» (1873) императора Петра Великого — по его инициативе была создана Комиссия для собирания материалов к этой серии, под его редакцией издано несколько томов (т. 1—4; 1887—1900), ставших энциклопедией петровской эпохи. Дело А. Ф. Бычкова продолжил его сын, член-корреспондент (1903) Иван Афанасьевич Бычков (1858—1944), издавший следующие тома (т. 5—7, вып. 1; 1907—1918) с документами вплоть до 1708 г.

Академик (1883), профессор кафедры истории русского законодательства Московского университета Николай Васильевич Калачов (1819—1885) специализировался в области археографии и архивного дела, служил в Археографической комиссии (1840—1846) и стал ее членом (1851), обследовал монастырские и частные архивы центральной России, издал «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России» (кн. 1—3; 1853—1861) и «Акты, относящиеся до юридического быта древней России» (т. 1—3, 1857—1884). Он возглавил Московский архив Министерства юстиции (1865—1885) и предпринял издание его «Описания документов и бумаг» (1869—1884), издал сборники «Писцовые книги XVI в.» (т. 1—2; 1872—1877), «Архив Государственного Совета» (т. 1—3; 1869—1878). По инициативе Н. В. Калачова для подготовки архивистов, палеографов и специалистов в области архивного дела был создан Петербургский археологический институт, ученый стал его первым директором (1877—1885). Именно Н. В. Калачов инициировал утверждение «Положения о губернских исторических архивах

и ученых архивных комиссиях» (1884), которое поддержала Академия наук. В задачи комиссий входило комплектование, описание и издание наиболее значимых исторических документов — разбор старых дел ведомственных архивов, предназначенных к уничтожению, выявление ценных в историческом отношении документов, их систематизация и хранение в специально созданных архивах, т. е. фактически создание губернских исторических архивов. С 1884 по 1916 г. были созданы 42 губернские архивные комиссии (ГУАК), которые продолжали свою деятельность вплоть до начала 1920-х гг. Повсеместное создание историко-археологических обществ и ГУАК положило начало следующему этапу в деле сохранения историко-культурного наследия России, вышедшего за пределы столиц и нашедшего бескорыстных служителей в провинции.

Выдающийся московский историк, профессор и ректор Московского университета Сергей Михайлович Соловьёв (1820—1879) был избран ординарным академиком по ОРЯС (1872) за труды по русской истории нового времени и 29-томную «Историю России с древнейших времен» (до 1780 г.), насыщенную колоссальным фактическим материалом по архивным первоисточникам. Ученый стал основоположником государственной (юридической) школы в российской историографии и отстаивал принцип исторической закономерности. С. М. Соловьёв считал основной проблемой выявление внутренних закономерностей развития государственности в ходе общественного прогресса и совершенствования государственных институтов, включая изменение взгляда государей на собственность и характер княжеской власти,

В. О. Ключевский
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К.
Д. 262. Л. 1

географическую среду, борьбу «леса со степью», ход и направления колонизации, взаимоотношения Руси с соседними народами и др. Противник норманизма, С. М. Соловьёв именно государство признавал локомотивом развития России, а народ представлял как пассивную массу.

Ученик С. М. Соловьёва Василий Осипович Ключевский (1841—1911) стал признанным главой московской исторической школы и основоположником социально-экономического направления в отечественной историографии. С 1879 г. и до конца жизни он преподавал в Московском университете русскую историю, являлся членом (1872) и председателем (1893—1905)

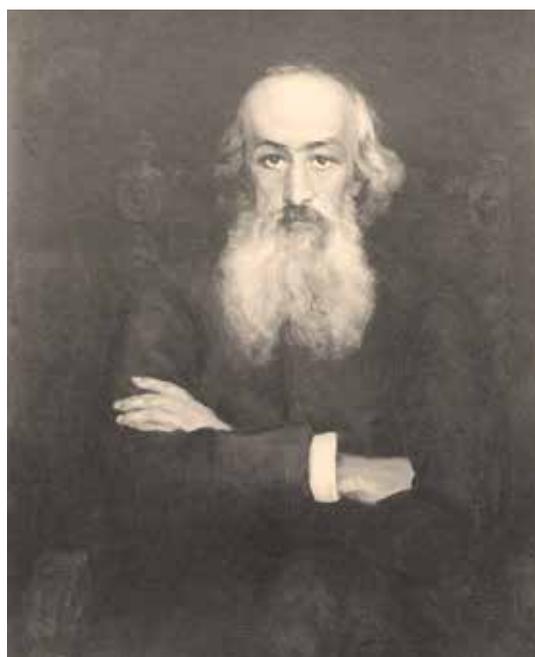
Общества истории и древностей. Ученый, отличавшийся громадной эрудицией, превосходным знанием источников, глубиной анализа, лекторским талантом и даром художественного изложения сухих научных проблем, был избран ординарным академиком по истории и древностям русским (1900), в конце жизни стал почетным академиком по Разряду изящной словесности ОРЯС (1908). В магистерской диссертации «Древнерусские жития святых как исторический источник» (1871) В. О. Ключевский разработал методы научной критики житийных текстов и изучил развитие русской средневековой агиографии, а затем использовал этот материал как источник

для характеристики быта, культуры, народного сознания, хозяйственного освоения Северо-Восточной Руси. Он занимался проблемами финансов и денежного обращения, взаимоотношения сословий (1911), изучил появление, структуру, роль и значение Боярской думы (1881) и состав представительства на древнерусских земских соборах (1890), показал эволюцию этих государственных институтов в контексте развития общества. В. О. Ключевский проанализировал огромный массив законодательных, делопроизводственных и актовых источников, рассмотрел возникновение и эволюцию общественных классов, выдвинул концепцию происхождения крепостного права как итог задолженности крестьян землевладельцам, считая, что государство лишь регламентировало крепостную зависимость (1885—1886). В неоднократно переиздававшемся «Курсе русской истории» автором дан анализ основных проблем исторического процесса с целью обосновать закономерности развития народа, общества и государства под воздействием географических, этнических, экономических, социальных и политических факторов.

Главой петербургской исторической школы стал другой ученик С. М. Соловьёва, академик по ОРЯС (1890) Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829—1897), профессор кафедры русской истории Петербургского университета (1865). Он был убежден, что историк обязан изучать историю общества в целом, призывал коллег идти от факта к обобщениям, а не наоборот, при этом отвергая принцип исторической закономерности С. М. Соловьёва. Историк поддерживал концепцию Н. Я. Данилевского о сменяющихся культурно-исторических типах и изу-

чал их эволюцию во времени. Как член Археографической комиссии (1863) К. Н. Бестужев-Рюмин мастерски анализировал русские летописи и разрабатывал проблемы источниковедения и историографии: их обширный обзор представлен во введении к обобщающей, но незаконченной «Русской истории» (т. 1—2; 1872—1885). В монографии «О составе русских летописей до конца XIV в.» (1868) К. Н. Бестужев-Рюмин доказал, что русское летописание началось ранее XII в., так как «Повесть временных лет» является сводом более древних источников. В историю отечественного просвещения К. Н. Бестужев-Рюмин вошел как один из организаторов и первый директор (1878—1882) Высших женских курсов, получивших в обществе название Бестужевские.

Исследования русского летописания продолжил академик по ОРЯС, филолог и историк А. А. Шахматов.

К. Н. Бестужев-Рюмин. С портрета маслом
СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Б. Д. 380. Л. 1

Он восстановил ранний текст «Повести временных лет» и выяснил историю создания начальной летописи, изучал позднейшее русское летописание XIV—XV вв., внес существенный вклад в историографию Древней Руси и восточных славян. Другой источниковед, академик А. С. Лаппо-Данилевский стал создателем специальной дисциплины — дипломатики частных актов. Он ввел в научный оборот значительный массив документов от Смуты до нового времени, изучал теоретические вопросы исторической науки и историю отечественной науки. Уже в советское время академиком (1925) был избран Николай Петрович Лихачёв (1862—1936), историк, палеограф, искусствовед, собиратель западноевропейских и русских актов, рукописей, документов VI—XX вв.: свою коллек-

М. А. Дьяконов

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Д. Д. 40. Л. 1

цию он передал в дар Академии наук и основал Институт книги, документа и письма.

Историк официального направления, ординарный академик (1899) и непреременный секретарь Академии наук (1893—1904), генерал-лейтенант Николай Фёдорович Дубровин (1837—1904) — автор монографий, рецензий и многотомных публикаций источников по военной и гражданской истории России нового времени, истории восстания Е. И. Пугачёва и др. Он был редактором (1896—1904) ежемесячного исторического журнала «Русская старина». Специалист по истории русского права, представитель историко-юридической школы Михаил Александрович Дьяконов (1855/1856—1919) вошел в Академию наук адъюнктом (история и древности русские; 1905) и стал ординарным академиком (1912). Он издал монографию «Власть московских государей. Очерки из истории политических идей древней Руси до конца XVI в.» (1889), где попытался проследить формирование идеологии самодержавной власти Московской Руси и становление доктрины «Москва — третий Рим». В книгах «Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве» (вып. 1—2; 1895—1897) и «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.)» (1898) им введены в научный оборот документы архивов Министерства иностранных дел, Министерства юстиции и др. по истории и юридическому положению различных категорий крестьянства. В них ученый доказывал, что основная причина крепостного права — рост личной задолженности крестьян перед землевладельцами. Его «Очерки общественного и государ-

ственного строя древней Руси (до конца XVII в.)» (1907) выдержали несколько изданий. М. А. Дьяконов был инициатором издания и редактором «Русского исторического журнала» (1917).

Киевский профессор русской истории Владимир Степанович Иконников (1841—1923) был избран ординарным академиком по ОРЯС (1914) как историк-энциклопедист благодаря главному труду его жизни «Опыт русской историографии» (т. 1—2; 1891—1908, 2013) объемом свыше 4,3 тыс. страниц. В монографии дана характеристика исторической науки, обзор архивных собраний по истории России, история собирания и публикации источников, возникновения летописания, обзор мемуарных, эпистолярных и иностранных источников о России. Основная заслуга В. С. Иконникова состоит в том, что его авторский текст логически организует и структурирует огромный массив библиографической информации по истории России с древнейших времен до начала XX в.

Историю Московского государства конца XVI — конца XVII вв. изучал ученик К. Н. Бестужева-Рюмина, профессор Петербургского университета Сергей Фёдорович Платонов (1860—1933), избранный членом-корреспондентом (1909), затем академиком (1920) и ставший главой петербургской исторической школы. Ученый отличался особым вниманием к источниковедению, исследовал и издал источники и памятники древнерусской письменности по истории Смутного времени (1888, 1891), в монографии «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время» (1899) проанализировал особенности развития регионов стра-

Н. П. Лихачёв. 1904 г.
СПбФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 37. Л. 8

ны, политические настроения и последовательность событий в эпоху кризиса. С. Ф. Платонов рассматривал опричнину как государственную реформу против княжеской знати в интересах служилого дворянства и посадского населения. Историк являлся членом (1894) и стал первым выборным председателем (1918—1929) Археографической комиссии, которая в советское время сначала перешла в ведение Наркомпроса РСФСР, в 1922 г. была включена в состав РАН, в 1926 г. объединена с Постоянной исторической комиссией Академии наук и стала называться Историко-археографической комиссией АН СССР, в 1931 г. переименована в Историко-археографический институт (ликвидирован в 1936 г.). С. Ф. Платонов подготовил к печати четыре тома «Полного собрания русских летописей» (т. 11—14; 1897—1910), «Архив П. М. Строева» (т. 1—2; 1915—1917), руководил публикацией «Сбор-

ника грамот коллегии экономии» (т. 1—2; 1922—1929). Как видный археограф после Октября 1917 г. С. Ф. Платонов занимался архивной реформой и стал заместителем заведующего Главного управления архивным делом (1918—1923), возглавил его Петроградское отделение, был председателем Общества российских архивных деятелей (1919—1922), разрабатывал методические правила работы архивов и правила издания исторических документов. Ученый был репрессирован по «академическому делу» (1930), лишен звания академика и умер в ссылке в Самаре.

По «делу историков» также был репрессирован московский профессор и организатор архивного дела, ученик В. О. Ключевского Матвей Кузьмич Любавский (1860—1936). Он был избран членом-корреспондентом (1917), затем академиком (1929) АН СССР за труды по истории западных славян и Великого княжества Литовского XIII—XVI вв., которую считал продолжением истории Древнерусского государства, широко использовал в своих трудах комплекс источников Литовской метрики.

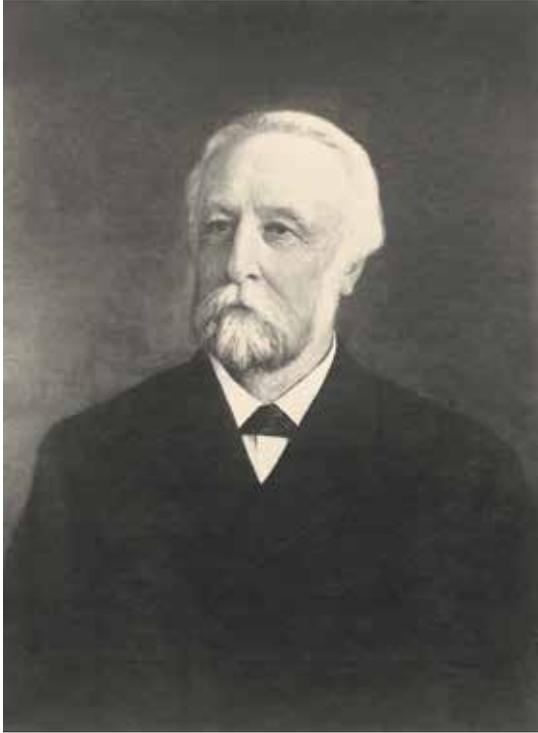
Изучение истории Академии наук

Неработанность истории просвещения в России и истории Академии наук подтолкнула академиков к ее изучению в преддверии академических юбилеев: 100-летия со дня смерти М. В. Ломоносова (1865), 150-летия со дня основания Академии наук (1876). Ординарный академик (1868) Пётр Петрович Пекарский (1827—1872) погрузился в изучение академических и государственных архивов. Он прославился своими фундаментальными трудами «Наука и литература в России при Петре Великом» (т. 1—2; 1862; полная Де-

П. П. Пекарский. Гелиогравиюра. 1850-е гг.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-П. Д. 1. Л. 1

мидовская премия 1861 г.), «История Академии наук в Петербурге» (т. 1—2; 1870—1873) и др. Филолог-славист и историк науки Пётр Спиридонович Билярский (1817—1867), экстраординарный академик по ОРЯС (1863), издал «Материалы для биографии Ломоносова» (1865). Ординарный академик (1876), председательствующий в ОРЯС (1899—1901) Михаил Иванович Сухомлинов (1828—1901) был автором «Исследований и статей по русской литературе и просвещению» (т. 1—2; 1889) и «Истории Российской академии» (т. 1—8; 1877—1887), а также сборника документов (до 1750 г.) «Материалы для истории Академии наук» (т. 1—10; 1885—1900), в 6-м томе которых был впервые издан немецкий текст Г. Ф. Миллера и И. Г. Стриттера по истории Академии наук за 1725—1743 гг. (1890). Растянувшимся на целых

М. И. Сухомлинов. С портрета маслом
СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-С. Д. 213. Л. 1

28 лет издательским предприятием стал выпуск «Протоколов заседаний Конференции Императорской академии наук с 1725 по 1803 год» (т. 1—4; 1897—1911). Незаконченным осталось издание академического полного собрания «Сочинений М. В. Ломоносова» (т. 1—5; 1891—1902), предпринятое ОРЯС под редакцией М. И. Сухомлинова. К 25-летию президентства вел. кн. Константина Константиновича (1914) Академия наук решила издать четыре юбилейных сборника под общим подзаголовком «Императорская академия наук. 1889—1914 гг.» — двухтомного биографического словаря действительных членов Академии наук (1915—1918) и сборника материалов по истории

академических ученых и административных учреждений за 1889—1914 гг., которые не в полном виде вышли в свет уже после смерти августейшего президента (1917). Труды академиков были обнародованы архивные документы, освещающие историю Академии за первые 140 лет деятельности.

Всеобщая история²⁷⁹

Источники по истории России и о русско-европейских связях выявлял в архивах Европы член-корреспондент Академии наук (1911) Евгений Францевич Шмурло (1853—1934), который занял должность ученого корреспондента в Риме при Историко-филологическом отделении Императорской академии наук (1903—1921). Он занимался описанием и публикацией исторических источников о России в национальных, городских и частных архивах и библиотеках в Ватикане («Россия и Италия». Т. 1—4; 1907—1927), Испании, Франции, Голландии.

Академическое антиковедение с избранием в Академию наук с 1893 по 1927 г. ординарными академиками Василия Васильевича Латышева (1855—1921), Александра Васильевича Никитского (1859—1921), Михаила Ивановича Ростовцева (1870—1952), Якова Ивановича Смирнова (1869—1918), Владислава Петровича Бузескула (1858—1931), Сергея Александровича Жебелёва (1867—1941) обратилось от изучения центров античной Ойкумены к ее периферии — античным, византийским и гунуэским памятникам Северного Причерноморья и Кавказа. Так, выдающийся эпиграфист В. В. Латы-

²⁷⁹ Подробнее см.: Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. / сост., вступ. статья, подгот. текста, коммент. и биографич. словарь-указатель И. В. Тункиной. М., 2008.

В. В. Латышев. 30 июня 1893 г.

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Л. Д. 42. Л. 1

шев, помимо чисто исторических трудов о греческих колониях в Северном Причерноморье, прославился своими сводами античных (1885—1901, 1916) и христианских (1896) надписей, найденных на северных берегах Понта, изданием эсцерптов из известий античных авторов о Скифии и Кавказе (вып. 1—5; 1893—1906), а также критическими изданиями многих агиографических источников. К рубежу XIX—XX вв. наука о классических древностях Северного Причерноморья сформировалась в значительный отдел отечественного антиковедения, добилась небывалого расцвета и заслужила мировую известность.

Создание школы отечественной византистики, до Первой мировой войны занимавшей лидирующие позиции в мировой науке, связывают со школами академиков-историков Василия Григорьевича Васильевского (1838—1899), создавшего и редактировавшего «Византийский временник», и его преемника на этом посту Фёдора Ивановича Успенского (1845—1928), а также историка искусства и археолога Никодима Павловича Кондакова (1844—1925), первооткрывателя древнерусского искусства. Многие филологи-классики, занимавшиеся антиковедением, отдали дань и византистике, публикуя критические издания светских средневековых рукописных памятников и агиографических текстов, которые содержали богатейший неизученный материал по истории Древней Руси, Грузии и других стран, входивших в орбиту влияния

С. А. Жебелёв. 1925 г.

СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 86. Л. 24

Византийской империи. По предложению Ф. И. Успенского в 1894 г. был создан единственный в России зарубежный научно-исследовательский институт — Русский археологический институт в Константинополе (1894—1914), одной из задач которого стал поиск и описание древних рукописей, надписей, памятников искусства и археологии византийской эпохи на территории Оттоманской Порты от Балкан, Малой Азии и Ближнего Востока до Египта. Ученый стал первым и единственным его директором, редактировал «Известия» института (1894—1914), затем «Византийский временник» (1915—1928), стал автором фундаментальной «Истории Византийской империи» (т. 1—3; 1913, 1927, 1948; переизд.: 1996—1998), «Очерков из истории Трапезунтской империи» (1929; переизд.: 2003), совместно с членом-корреспондентом (1924) В. Н. Бенешевичем издал «Вазелонские акты» (1927). В советское время Ф. И. Успенский возглавил комиссию «Константин Порфирородный», в 1923 г. преобразованную в Русско-византийскую комиссию РАН, в 1921 г. избран председателем Российского Палестинского общества. После его смерти «Византийский временник» был закрыт, а исследования по византистике, церковной истории и славяноведению под нажимом властей оказались свернуты.

В области истории Средневековья и нового времени Западной Европы следует отметить труды двух всемирно известных академиков, избранных в Академию наук в один год (1914), — Павла Гавриловича Виноградова (1854—1925) и Максима Максимовича Ковалевского (1851—1916). Историк-медиевист П. Г. Виноградов, выпускник и профессор Московского университета, выступал с критикой

политики Министерства народного просвещения и в знак протеста дважды подавал в отставку (1901, 1908), уехал в Оксфорд, где стал профессором университета, членом совета и главой отдела публикации Британской академии, получил титул рыцаря (1917), после Октября 1917 г. принял британское подданство (1918). В магистерской (1880) и докторской (1887) диссертациях на основе архивных первоисточников П. Г. Виноградов исследовал романский и германский варианты происхождения феодализма, изучал историю средневековой крестьянской общины (1892), издал массу документов по аграрной истории Англии на материалах британских архивов. В книге «The Growth of the Manor» (1905; рус. перевод 1911) и других работах он привел классическую характеристику английской феодальной вотчины (манора) и показал развитие общественных отношений от свободной общины к крепостной вотчине (от свободы к несвободе), превращение землевладельца в государя. П. Г. Виноградов — автор «Очерков западноевропейской историографии» (1883—1884), учебников и учебных пособий по всеобщей истории для гимназий.

Профессор Московского университета, видный либерал М. М. Ковалевский также заслужил мировую известность как социолог, историк права и этнограф. Сторонник конституционной монархии, ученый был уволен из университета (1887) и уехал за границу, преподавал в университетах Европы и США, стал основателем и вице-президентом Русской школы общественных наук в Париже (1901—1905), после возвращения на родину был избран профессором Петербургского политехнического института

(1905—1916) и других вузов Петербурга и Москвы. Сторонник теории прогресса и эволюционного пути развития общества, М. М. Ковалевский создал «генетическую» социологию, занимающуюся сравнительно-историческим изучением устойчивых социальных образований (от семьи до государства), чему способствовали его полевые этнографические исследования на Кавказе (1883, 1885, 1887). Их итогом стали книги по обычному праву кавказских народов «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» (т. 1—2; 1886), «Закон и обычай на Кавказе» (т. 1—2; 1890) и др. В монографиях «Общественный строй Англии в конце средних веков» (1880), «Происхождение современной демократии» (т. 1—4; 1895—1897), «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (т. 1—3; 1898—1903), «История Великобритании» (1911), «Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции» (1912) автор увязывал социально-экономическую историю с эволюцией форм государства и его институций.

Историк-новист Евгений Викторович Тарле (1874—1955) стал крупнейшим отечественным специалистом по истории Франции и международных отношений XIX в. Приват-доцент Петербургского, затем профессор Юрьевского (Дерптского, ныне Тартуского) университета был избран членом-корреспондентом РАН (1921), а через шесть лет — академиком (1927) АН СССР за труды по истории Великой Французской революции. Его исследования «Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Исторические очерки» (ч. 1—2; 1909—1911) и «Континентальная блокада» (т. 1—2; 1913—1916) основаны на богатом архивном материале. Е. В. Тарле был репрессирован по «академическому делу», отправлен в ссылку, но вскоре продолжил научную деятельность, стал профессором МГУ и МГИМО, написал замечательные труды, которыми зачитывалась советская интеллигенция: «Наполеон» (1936), «Жерминаль и прерияль» (1937), «Нашествие Наполеона на Россию» (1938), «Талейран» (1939), «Крымская война» (т. 1—2; 1941—1943).

* * *

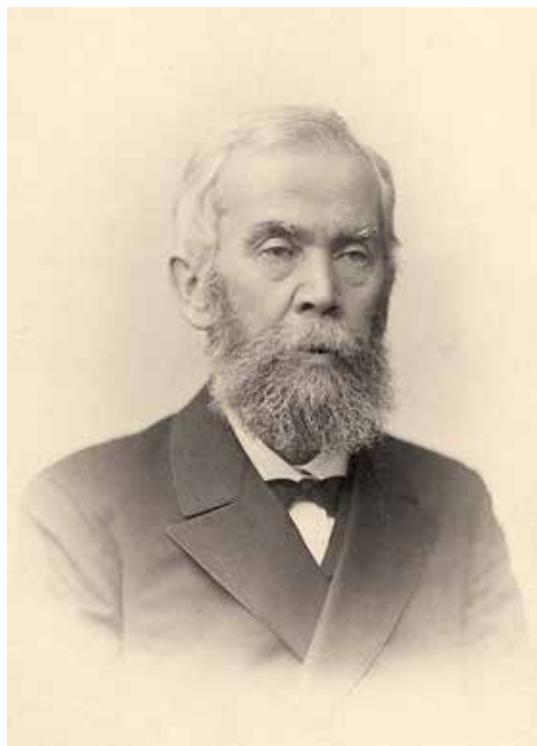
Академическая историческая наука XVIII — начала XX в. заложила основу научного знания о прошлом нашей страны и включила Россию в общий контекст мировой истории. Члены Академии наук стали основоположниками фундаментальной исторической науки в России и многих ее субдисциплин, оставив потомкам богатые фактическим материалом, не устаревшие и поныне труды; ввели в научный оборот огромный массив источников по истории России и европейских стран; зало-

жили принципы исследований и выработали правила публикации различных видов исторических и археологических источников. К их трудам как к кладью информации и образцам научной тщательности обращаются до сих пор. Выработанные академиками концептуальные начала, методические установки и нарративы пережили политические катаклизмы XX столетия и сегодня являются не только историографическим наследием, но и отправной точкой для современных исследований.

ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ВАСИЛЬЕВСКИЙ (1838—1899)

Историк-византинист, основатель и глава петербургской школы византиноведения, академик Василий Григорьевич Васильевский, по словам его ученика и преемника по кафедре всеобщей истории Императорского Санкт-Петербургского университета, историка-медиевиста И. М. Гревса, являлся «одним из сильнейших очагов и распространителей научного света не только “исторического”, но и “гуманитарного” вообще», причем не только в Санкт-Петербурге: «Воздействие от его трудов и от общения с ним переходило и на тех, кто прямо у него не учился»²⁸⁰.

Как и многие другие русские византинисты, В. Г. Васильевский первоначально стал известен как филолог-классик и историк-антиковед. Со временем он переключился на изучение истории Византии и ее контактов с Древней Русью, т. е. на ключевую тематику отечественной исторической науки со времен основания Петербургской академии наук. Влияние личности и творчества В. Г. Васильевского на развитие историко-филологических наук во второй половине XIX в. стало определяющим благодаря удивительному сочетанию его научного таланта и высоких человеческих качеств²⁸¹. И. М. Гревс полагал, что

В. Г. Васильевский

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-В. Д. 308. Л. 1

В. Г. Васильевский «не только двигал науку вперед, но и воспитывал наукой» (1899). Ценность его исследований подтверждается тем, что Академия наук посмертно переиздала главные работы В. Г. Васильевского в четырех томах под редакцией академиков П. В. Никитина и В. В. Латышева (Труды. СПб.; Л., 1908—1930), хотя планировала из-

²⁸⁰ Цит. по: *Медведев И. П.* Петербургское византиноведение: Страницы истории. СПб., 2006. С. 108.

²⁸¹ *Безобразов П. В.* В. Г. Васильевский: [Некролог] // *Византийский временник*. 1899. Т. 6. Вып. 3—4. С. 636—658; *Успенский Ф. И.* Академик В. Г. Васильевский: Обзор главнейших трудов его по изучению Византии // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1890. Ч. 10. Отд. 2. С. 291—342; *Литаврин В. Г.* Василий Григорьевич Васильевский — основатель Санкт-Петербургского центра византиноведения (1838—1899) // *Византийский временник*. 1994. Т. 55. Ч. 1. С. 5—21; *Герд Л. А.* В. Г. Васильевский: Портрет ученого в свете его неизданной переписки // *Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга*. СПб., 1999. С. 52—67; *Медведев И. П.* Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб., 2006. С. 107—191.

дать десяти томик²⁸². Феномен интереса значительного числа отечественных ученых-антиковедов рубежа XIX—XX вв. к истории Византии (включая византийскую агиографию, археологию и историю искусств) во многом объясняется тем, что если в области классической древности приходилось идти по следам зарубежных ученых, то мир византизма оставался малоизучен и представлял широчайшее поле деятельности в поисках корней русской православной ментальности и исторической судьбы России.

В. Г. Васильевский родился в семье сельского священника в с. Ильинское Любимского уезда Ярославской губернии, закончил духовные училище и семинарию (1856) в Ярославле. Но церковное поприще не прельщало юношу: он продолжил образование на историко-филологическом факультете Главного педагогического института в Санкт-Петербурге (1856—1859), а после его закрытия — в Императорском Санкт-Петербургском университете (1859—1860). Здесь он слушал лекции И. И. Срезневского, Н. М. Благоевского, М. М. Стасюлевича, затем продолжил образование на педагогических курсах при университете (1860—1862). Неординарные способности молодого ученого были отмечены университетской профессурой, выхлопотавшей ему в Министерстве народного просвещения командировку в Европу. В. Г. Васильевский совершенствовал образование в Берлинском (1862—1863), Женевском (1863—1864),

Лейпцигском (1864), Йенском (1864) университетах, где занимался римской историей, в Берлинском университете слушал лекции столпов мирового антиковедения Т. Моммзена и И. Г. Дройзена, в Йенском — В. А. Шмидта. В 1864 и 1867 гг. были изданы первые статьи ученого, посвященные римской и греческой истории. Вернувшись из-за границы, сильно нуждавшийся в средствах В. Г. Васильевский преподавал русскую словесность, древние языки, историю и географию сначала в Новгородской, затем в Виленской классических гимназиях (1867—1870). В Вильне В. Г. Васильевский заинтересовался историей Литвы и ее столицы, посвятив им несколько статей (1869—1872) и двухтомный труд «Очерк истории г. Вильны» (СПб., 1872—1874)²⁸³.

После защиты магистерской диссертации «Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период ее упадка» (1869) В. Г. Васильевский был назначен доцентом Санкт-Петербургского университета (1870—1879), а после присуждения Московским университетом без защиты диссертации степени почетного доктора русской истории (*honoris causa*, т. е. во внимание к заслугам) за обширный цикл исследований о русско-византийских отношениях в IX—XI вв. «Русско-византийские отрывки» (1875—1878; Труды. СПб., 1915. Т. 3) последовательно стал экстраординарным (1879—1884), ординарным (1884—1895), заслуженным ординарным (1895—1899) профессором кафедры всеобщей истории, являлся

---

²⁸² *Васильевский В. Г. Избранные труды по истории Византии / ред.-сост. М. В. Грацианский, П. В. Кузнецов. В 2-х кн. (в 4 т.). М., 2010.*

²⁸³ *Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. / сост., вступит. статья, подгот. текста, коммент. и биографич. словарь-указатель И. В. Тункиной. М., 2008. С. 306—307.*

секретарем историко-филологического факультета (1880—1885) Санкт-Петербургского университета. Помимо курса по истории Средних веков он вел в университете специальные курсы и практические занятия по византийской истории, «укоренив» в столичном университете византиноведение как особую специальность и создав школу русских византинистов (В. Э. Регель, П. В. Безобразов, Х. М. Лопарев, А. А. Васильев, И. М. Гревс, Б. А. Панченко и др.).

Одновременно В. Г. Васильевский в 1870-х гг. преподавал гражданскую историю в Петербургской духовной академии и Александровском лицее, стал профессором (1878—1889) и деканом историко-филологического отделения (1882—1889) Высших женских (Бестужевских) курсов. С 1871 г. он стал членом Ученого комитета Министерства народного просвещения, помощником редактора (1883—1890), затем редактором (с 1890 г.) «Журнала Министерства народного просвещения». Именно он основал (1894) и стал вместе с В. Э. Регелем редактором академического журнала «Византийский временник» — главного печатного органа византиноведения в России, стремившегося объединить исследования в этой области²⁸⁴. В. Г. Васильевский был избран членом-корреспондентом (1876) по разряду историко-политических наук (русская и византийская история), на закате жизни стал ординарным академиком (1890) Историко-филологического отделения Императорской академии наук. В представлении В. Г. Васильевского в академики А. А. Куник, безуспешно хлопотавший об избрании младшего

В. Г. Васильевский

СПбФ РАН. Р. X. Оп. 1-В. Д. 43. Л. 1

коллеги действительным членом Академии наук с 1878 г., особо отметил: «Только с появления многочисленных трудов В. Г. Васильевского стало все более и более укореняться у нас убеждение в значении византиноведения как специальной науки, достойной неусыпной деятельности» (1890). Но судьба отмерила ученому мало времени для реализации задуманных научных планов: в 1899 г. больной В. Г. Васильевский выехал на лечение в Италию, но по дороге скончался и был похоронен во Флоренции на лютеранском кладбище Аллори.

С переходом в Санкт-Петербургский университет В. Г. Васильевский вплотную занялся историей Византии и ее

²⁸⁴ Басаргина Е. Ю. В. Г. Васильевский как редактор «Журнала Министерства народного просвещения» // *Spicilegium Byzantino-Rossicum*. Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента РАН И. П. Медведева / под ред. Л. А. Герд. М.; СПб., 2015. С. 18—29.

В. Г. Васильевский (сидит 2-й справа) среди участников Палестинской экспедиции: Н. П. Кондаков (сидит 1-й справа), археолог, историк искусства Я. И. Смирнов (стоит 2-й справа). 1891 г.

СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 5. Д. 8. Л. 2

связью с историей России, включая византийско-русские отношения. Его статья «Византия и печенеги (1048—1094)» (1872), составившая автору имя в науке, представила в другом ракурсе события, предшествовавшие Первому Крестовому походу: после завоевания Первого Болгарского царства Византией печенеги оказались соседями империи, перейдя Дунай примерно в середине XI в., и стали угрожать Константинополю. Автор показал роль печенегов в истории Византии второй половины XI в., бедственное положение империи и поражения от их набегов, связь пече-

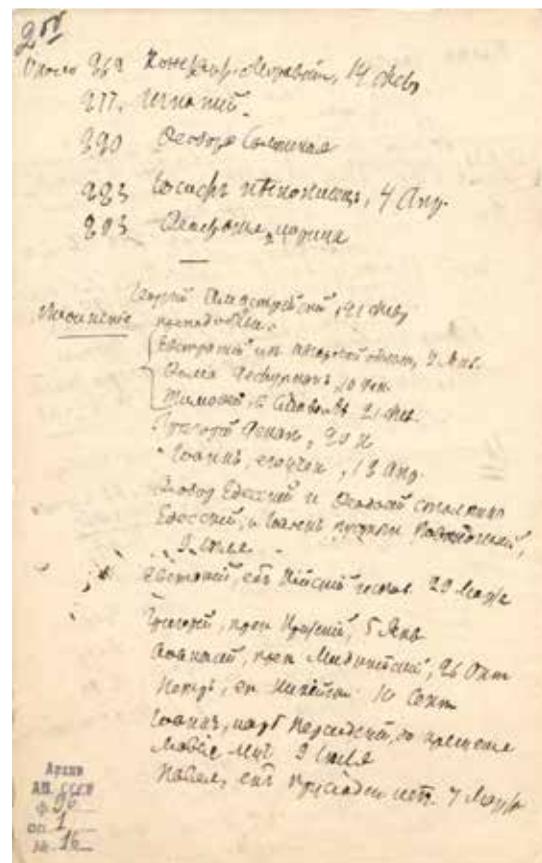
негов с сельджукскими завоеваниями в Малой Азии. Вскоре последовало обращение за помощью византийского императора Алексея I Комнина к графу Роберту I Фландрскому, т.е. к католическому рыцарству. В. Г. Васильевский доказал подлинность письма византийского императора и продемонстрировал влияние этих событий на древнерусскую историю: войско двух половецких ханов и, возможно, одного из русских князей, став союзниками Византии, сумело разгромить печенежскую орду, что предопределило дальнейшую судьбу империи²⁸⁵. Статья «Варяго-русская

²⁸⁵ Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. / сост., вступит. статья, подгот. текста, коммент. и биографич. словарь-указатель И. В. Тункиной. М., 2008. С. 307—308.

и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков» (1874—1875) подняла вопрос, затронутый еще Г. З. Байером и А. А. Куником, о византийских варангах. Подробно проанализировав источники, В. Г. Васильевский пришел к выводу, что варяжская дружина в Византии была славяно-русского происхождения, норманны в ней были немногочисленны; варяги и русь — синонимы; название варанги принадлежало наемному русскому корпусу, который был отправлен князем Владимиром в Константинополь (938). Важность вопроса о византийских варягах, по мнению В. Г. Васильевского, заключается в существовании постоянной связи между Русью и Византией, а через нее — с азиатским Востоком и европейским Западом на протяжении всего XI в. Выводы профессора вызвали критику антинорманистов, в частности, автора гимназических учебников по русской и всеобщей истории Д. И. Иловайского, причислившего В. Г. Васильевского к стану норманистов.

«Русско-византийские отрывки» В. Г. Васильевского (1875—1878; Труды. СПб., 1909—1912. Т. 2. Вып. 1—2. С. 1—427) включают несколько этюдов. Первый из них «Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу» доказал, что письма адресованы русскому князю Всеволоду Ярославичу. Автор привел тексты в русском переводе, отражающие византийские политические теории и традиции, определявшие отношение империи к другим государствам, в частности, древнерусскому. Второй отрывок «К истории 976—986 годов», посвященный начальным годам царствования Василия II Болгаробойцы, базируется на свидетельствах арабской хроники Ал-Макина

и византийского поэта Иоанна Геометра о Крещении Руси при Владимире Святославовиче. В. Г. Васильевский предположил наличие соглашения между Владимиром и Василием II в начале 989 г., следствием которого стал брачный союз киевского князя с византийским двором. Ученый пытался доказать, что общепринятая дата Крещения Руси в 988 г. («в 6496 лето от сотворения мира»), указанная в «Повести временных лет», оказывается неверной. Именно В. Г. Васильевский первым в отечественной историографии привлек данные арабских источников, контаминировав их с византийскими

Заметки к работе В. Г. Васильевского
«Русско-византийские исследования. Жития
свв. Георгия Амастридского и Стефана
Сурожского»

СПбФ АРАН. Ф. 96. Оп. 1. Д. 16. Л. 2 об.

и русскими текстами. Работу по сопоставлению арабографичных рукописей с данными европейских источников продолжили создатель современной школы востоковедения в России академик барон В. Р. Розен (1849—1908), профессор Н. А. Медников, а также член-корреспондент Академии наук, ученик В. Г. Васильевского, византист и арабист А. А. Васильев (1867—1953), эмигрировавший из Советской России и ставший создателем американской школы византистики.

Еще одно исследование В. Г. Васильевского посвящено «Записке готского топарха». Источник был опубликован Б. Газе в объяснительных примечаниях к тексту изданной им на средства графа Н. П. Румянцева «Истории» Льва Диакона (1819). Текст якобы был найден в отрывках в одном из греческих сборников, который исчез из поля зрения науки. Документ заинтересовал еще академика А. А. Куника и впоследствии породил обширную отечественную и зарубежную историографию. В. Г. Васильевский издал русский перевод этих отрывков с комментариями. В документе от лица автора описывается переправа через Днепр, говорится о сильном, воинственном государе на севере Дуная, упоминаются Климаты как местность, входящая в состав области, где автор был топархом. О месте и времени событий мнения разошлись: Климаты искали в Крыму, а В. Г. Васильевский доказывал их лока-

лизацию в восточной Болгарии и относил события к русско-болгарской войне времен князя Святослава на Дунае²⁸⁶. Только в конце XX в. И. Б. Шевченко и И. П. Медведев доказали, что «Записка Готского топарха» — фальшивка, изготовленная самим Б. Газе²⁸⁷.

В. Г. Васильевскому принадлежит заслуга открытия и интерпретации византийских источников, имеющих большое значение для русской истории, в том числе публикация ряда агиографических произведений, содержащих богатый фактический материал. К ним относятся исследования о жизнеописаниях Георгия Амастридского (1878) и Стефана Сурожского (1889), которые впоследствии составили «Русско-византийские исследования: Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Введение и греческие тексты с переводом» (1893; переизд.: Труды. Пг., 1915. Т. 3). Они включают обширные введения, греческий текст с русским переводом, славяно-русский текст жизнеописания Стефана Сурожского. В житиях упоминается о древних походах руссов: в жизнеописании Георгия Амастридского — о нападении на Амастриду в Пафлагонии; в жизнеописании Стефана Сурожского — о нападении на Сурож (Судак) руссов из Новгорода под предводительством князя Бранлива. Жизнеописание Георгия Амастридского относили к X в., но В. Г. Васильевский установил авторство диакона Игнатия и отнес памятник

---

²⁸⁶ Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. / сост., вступит. статья, подгот. текста, коммент. и биографич. словарь-указатель И. В. Тункиной. М., 2008. С. 309—310.

²⁸⁷ См.: *Ševčenko I.* The Date and Author of the so-called Fragments of Toparcha Gothicus // *Dumbarton Oaks Papers*. 1971. Т. 25. Р. 117—188; *Медведев И. П.* 1) К вопросу о неподлинности так называемой «Записки Готского топарха» // *Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения*. СПб., 2003. С. 160—172; 2) *Петербургский «грант» Парижу на издание «Истории» Льва Диакона* // *Петербургское византиноведение: Страницы истории*. СПб., 2006. С. 33—60.

к IX в., не позже восстановления иконопочитания в 842 г.; поход Руси на Амастриду был предпринят до 862 г., соответственно имя Русь стало известно ранее основания Древнерусского государства²⁸⁸. «Русско-византийские исследования» являются образцом историко-критического метода петербургской историко-филологической школы при работе с источниками. «В. Г. Васильевский изумил ученый мир, — писал его ученик П. В. Безобразов. — Он сделал целый ряд неожиданных открытий: первоначальная русская история принимала совсем иной вид, чем ее обыкновенно представляли. Выводы автора отличались своей оригинальностью, они не подходили к распространенным взглядам»²⁸⁹. Впоследствии В. Г. Васильевский не оставлял темы по славянской и русской истории²⁹⁰ — отдельные статьи ученого посвящены древней торговле Киева с Регенсбургом (1888), польской и немецкой печати о войне Батория с Иоанном Грозным (1889) и др.

Исследования русского ученого, опиравшиеся на нарративную традицию на разных языках, обогатили историю Средних веков в целом. Статья «Из истории Византии XII века» (1876—1877) освещала Второй Крестовый поход, союз империй (1148—1155) против папы и сицилийских норманнов и его разрыв после южноитальянской войны (1156—1157) между Вильгельмом I Сицилийским и византийским императором Мануилом I Комнином. Ее допол-

нило исследование В. Г. Васильевского о неизданном надгробном слове Василия Охридского на смерть Ирины (Берты Зульцбахской), первой жены императора Мануила I Комнина (1894), в котором приведен греческий текст источника, русский перевод и дан обстоятельный историко-филологический комментарий.

По убеждению В. Г. Васильевского, центральное место в византийской агиографической литературе занимал византийский писатель и государственный деятель Симеон Метафраст или Логофет, анализу творчества которого посвящено несколько работ ученого: «О жизни и трудах Симеона Метафраста» (1880), «Хроника Логофета на славянском и греческом» (1895), «Синодальный кодекс Метафраста» (1897; 1899). В. Г. Васильевский установил тождество Симеона Метафраста с известным византийским государственным деятелем Симеоном Логофетом и доказал, что Симеон Метафраст жил не в XI в., как считали ранее, а во второй половине или даже в последней четверти X в., причем выводы русского византиниста нашли признание и у западноевропейских коллег. Академик Ф. И. Успенский назвал исследование о Метафрасте одним из капитальнейших, результаты которого «останутся навсегда памятником высокого критического таланта, большого ума и громадной начитанности в источниках»²⁹¹.

²⁸⁸ Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. / сост., вступит. статья, подгот. текста, коммент. и биографич. словарь-указатель И. В. Тункиной. М., 2008. С. 311.

²⁸⁹ Безобразов П. В. В. Г. Васильевский: [Некролог]. С. 642—643.

²⁹⁰ Подробнее см.: Лавров П. А. Труды В. Г. Васильевского по истории славян // Научно-литературный сборник «Галицко-русской матицы». Львов, 1901. Т. 1. Кн. 1. С. 64—79.

²⁹¹ Цит. по: Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. / сост., вступит. статья, подгот. текста, коммент. и биографич. словарь-указатель И. В. Тункиной. М., 2008. С. 312.

В. Г. Васильевский (слева)
и Н. П. Кондаков в саду ялтинского
дома Кондаковых. Ялта. Май 1894 г.
Съемка Д. В. Айналова
СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 5. Д. 14.
Л. 1 об. № 2

В. Г. Васильевский первым из русских ученых обратился к изучению социально-экономической, правовой и финансовой истории Византии, к анализу ее аграрных отношений, податной системы, государственного устройства. Он опроверг популярную в его время теорию об особом пути развития Византии, доказав, что на протяжении всей своей истории она была частью мирового исторического процесса. Следует упомянуть его исследования «Законодательство иконоборцев» (1878) и «Материалы для внутренней истории Византийского государства» (1879—1880). В первом изучены «Эклога» Льва и Константина, так называемые «Земледельческие законы»,

а также два славяно-русских памятника — «Закон судный людем» и «Устав о земских делах», приписываемые Ярославу Мудрому. «Устав о земских делах», согласно В. Г. Васильевскому, оказался буквальным переводом с греческого из «Земледельческого закона». В имеющихся важнейшее значение «Материалах для внутренней истории Византийского государства» (1879—1880) В. Г. Васильевский проанализировал податную систему государства и впервые ознакомил читателя с целыми институтами, о которых ранее практически ничего не было известно (пронил, харистикарий, морта), объяснил трудные для понимания термины²⁹².

²⁹² Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. / сост., вступит. статья, подгот. текста, коммент. и биографич. словарь-указатель И. В. Тункиной. М., 2008. С. 312—315.

Исследование «Советы и рассказы византийского боярина XI в. По неизданной греческой рукописи XV в.» (1881) ввело в научный оборот неизвестный литературный памятник из сборника Московской Синодальной библиотеки, открытый В. Г. Васильевским. Оказалось, что это текст XI в. «Стратегики». Автор Стратегикона был внуком Кекавмена, деятеля эпохи Василия II, которого В. Г. Васильевский назвал также Кекавменом. Источник давал не только правила и примеры военного искусства, но и обильные материалы для истории повседневности Византии — правила поведения, житейской мудрости, наставления о нравственности, хозяйстве, управлении домом, семейной жизни, светском и придворном обращении и т. д., своего рода Домострой в форме наставлений отца детям, едва ли не единственное произведение такого рода в византийской литературе. Приводя примеры из военной, политической и дипломатической истории, автор как современник событий привел новые ценные фактические данные, касающиеся «темных» исторических периодов из-за недостатка в других источниках. Следующее произведение в том же сборнике принадлежало другому автору и содержало нравоучения и советы, обращенные к царствующему императору, причем автором текста оказался внук болгарского боярина Николицы. Совместно с академиком В. К. Ернштедтом В. Г. Васильевский издал полный текст обоих открытых

памятников «Cesaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus» (Petropoli, 1896)²⁹³. Другие источники, извлеченные из двух рукописных Сборников XIII и XIV вв., были опубликованы В. Г. Васильевским в статье «Epirotica saeculi XIII. Из переписки Иоанна Навпактского» (1896). Она включала извлечения из переписки византийского церковного деятеля и богослова, епископа Навпакта Иоанна Апокавка, и представила новый материал по истории эпирского деспотата.

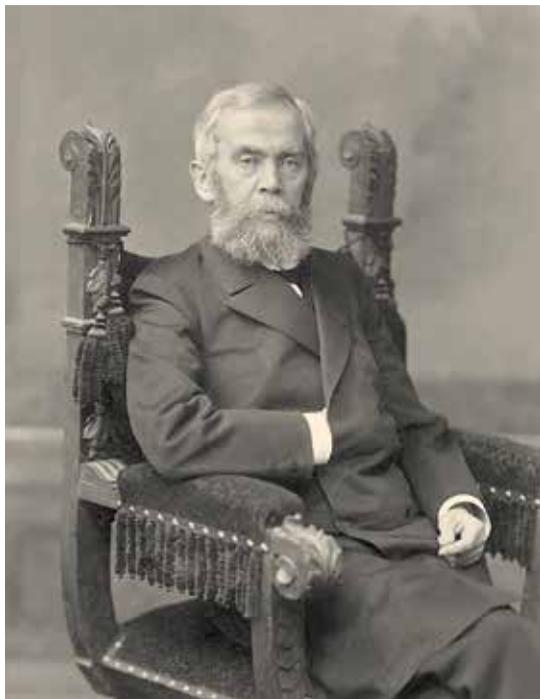
Агиографические исследования византийских источников продолжила работа В. Г. Васильевского «Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян» (Труды. 1909. Т. 2. Вып. 1). Незадолго до смерти, в начале 1899 г., В. Г. Васильевский пригласил филолога-классика, вице-президента Академии наук, академика П. В. Никитина принять участие в задуманном им издании неизданных редакций сказания о 42 аморийских мучениках²⁹⁴, повествующем о последних годах царствования иконоборческого императора Феофила, взятии Амория войсками халифа Мутасима и казни 42 плененных аморийцев, отказавшихся принять мусульманство. Из-за преждевременной смерти В. Г. Васильевского всю работу по книге П. В. Никитин выполнил один, но издание в память о коллеге вышло с именами двух авторов²⁹⁵.

«Звезда первой величины» В. Г. Васильевский заслужил как в России, так и в Европе репутацию крупного ученого, по словам И. М. Гревса «прола-

²⁹³ Там же. С. 315.

²⁹⁴ Сказание о 42 Аморийских мучениках и церковная служба им / изд. В. Г. Васильевский и П. В. Никитин. СПб., 1905 (Записки Императорской АН по Историко-филологическому отделению. Сер. VIII. Т. 7. № 2).

²⁹⁵ Басаргина Е. Ю. Вице-президент Императорской Академии наук П. В. Никитин: Из истории русской науки (1867—1916 гг.). СПб., 2004. С. 107, 122—128.

В. Г. Васильевский
СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 92. Л. 1

гающего новые пути, открывающего новые данные... постановляющего основы для исследования и изображения темных отделов и трудных проблем всемирной истории». Немецкий византист Карл Крумбахер, создатель кафедры византиноведения в Мюнхенском университете (1892), выучил русский язык, чтобы пользоваться трудами русских византистов, прежде всего В. Г. Васильевского. Академик В. П. Бузескул был убежден, что общей истории Византии В. Г. Васильевский не написал именно потому,

что считал создание подобного труда преждевременным, т.к. его задача — собрать и ввести в научный оборот новые материалы, исследовать уже опубликованные, но недостаточно известные или плохо проанализированные предшественниками источники, осветить отдельные вопросы истории Византии. Его сила была в критическом анализе; ученый применял строгий историко-критический и филологический метод при изучении византийских источников, причем умел замечать в тексте то, что ускользало от внимания других. В. Г. Васильевский обладал замечательным знанием византийской письменности, удивительной начитанностью в ней, что давало ему возможность комбинировать и сопоставлять данные, следовательно, достигать совершенно новых результатов. Трудные, порой неразрешимые задачи он решал просто и легко, причем читателя трудов В. Г. Васильевского увлекал сам процесс его исследования — ход и приемы критического анализа, сила аргументации и видимая простота решения проблемы²⁹⁶.

Благодаря В. Г. Васильевскому и его школе византистов конец XIX и первые годы XX столетия стали эпохой расцвета в России византиноведения, наибольшего его развития, первенства русской науки в этой области. К сожалению, в советское время это первенство оказалось утрачено.

²⁹⁶ Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. / сост., вступит. статья, подгот. текста, коммент. и биографич. словарь-указатель И. В. Тункиной. М., 2008. С. 317.

НИКОДИМ ПАВЛОВИЧ КОНДАКОВ (1844—1925)

«Архистратиг» русской археологии (выражение В. В. Стасова), специалист по античному, византийскому и древнерусскому искусству Никодим Павлович Кондаков²⁹⁷ являлся оригинальным ученым и ключевой фигурой в дореволюционной отечественной историко-филологической науке. Н. П. Кондаков при жизни получил заслуженное признание как создатель новой научной дисциплины — истории византийского и древнерусского искусства и иконографического метода их изучения. Со временем ученый, обладавший феноменальным трудолюбием и целеустремленностью, приобрел мировую известность: он был избран сначала членом-корреспондентом (1892), затем ординарным академиком (1898) Императорской академии наук, являлся действительным членом Императорской академии художеств (1893), а также членом-корреспондентом Сербской Королевской академии наук (1901), действительным иностранным членом Чешской академии наук, литературы и художеств (1898), действительным членом Болгарской академии наук (1920), кавалером французского Ордена Почетного Легиона (1916).

Сын крепостного-вольноотпущенника Курской губернии, записавшегося в купеческое сословие, Н. П. Кондаков

*Н. П. Кондаков. [1910-е гг.]
СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 5. Д. 3. Л. 32*

закончил в Москве церковно-приходское училище, 2-ю Московскую гимназию, историко-филологический факультет Московского университета (1861—1865). В университете он стал учеником и последователем занимавшегося не только русской словесностью и фольклористикой, но и историей древнерусского искусства академика Ф. И. Буслаева, который читал русскую и иностранную литературу и сумел привить своим ученикам понимание,

²⁹⁷ О нем см.: *Лазарев В. Н.* Никодим Павлович Кондаков: 1844—1925. М., 1925; *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. М., 1986. С. 220—246; Никодим Павлович Кондаков. 1844—1925. Личность, научное наследие, архив / ред. И. Д. Соловьёва. СПб., 2001; Мир Кондакова. Публикации, статьи, каталог выставки / сост., ред. И. Л. Кызласовой. М., 2004; *Клейн Л. С.* История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб., 2014. С. 541—565; *Кызласова И. Л.* Академик Н. П. Кондаков: поиски и свершения. СПб., 2018.

что древнерусское искусство и его символику невозможно изучать без знания древнехристианского и византийского искусства. Н. П. Кондаков, с теплотой вспоминая учителя, отмечал, что по окончании университета стал заниматься христианским искусством под влиянием Ф. И. Буслаева из-за малой разработанности в то время этой отрасли науки²⁹⁸.

Н. П. Кондаков начал преподавательскую деятельность гимназическим учителем, преподавателем русской словесности (в Александровском военном училище) и русской истории и археологии (в Московской школе живописи, ваяния и зодчества). С августа 1869 г. до конца 1887 г. Н. П. Кондаков, страдавший чахоткой, жил в Одессе, где стал доцентом, а затем профессором кафедры истории и теории искусства Новороссийского университета. Здесь он вошел в кружок византистов, группировавшихся вокруг Историко-филологического общества при университете (А. И. Кирпичников, Ф. Е. Корш, А. А. Кочубинский, И. Ф. Красносельцев и др.), образовавших особую Византийскую секцию под председательством будущего академика, основателя и директора Русского археологического института в Константинополе, автора фундаментальной «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенского.

В 1866 г. вышли в свет три первых публикации Н. П. Кондакова с рецензиями на западноевропейские работы по истории христианского искусства. Влияние идей Ф. И. Буслаева и пребывание в Одессе с ее профессорской

средой, интересовавшейся Византией, способствовали изменению сферы научных интересов ученого. Если античному искусству посвящена его магистерская диссертация «Памятник Гарпий из Малой Азии и символика греческого искусства: Опыт исторической характеристики» (1873), то монография «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей» (1876²⁹⁹), защищенная Н. П. Кондаковым на степень доктора теории и истории искусств, стала прорывом в художественной медиэвистике, где впервые был применен разработанный автором иконографический метод и использовано понятие «иконографический тип» — стандарт изображения какого-либо образа, видоизменявшегося во времени и пространстве. Книга стала результатом изучения в главнейших европейских библиотеках сотен как опубликованных, так и неизданных греческих рукописей V—XIV вв. с миниатюрами, в которых отразилась эволюция византийской живописи на протяжении тысячелетия. Автор доказал неразрывную связь античного искусства с раннехристианским и византийским, о котором в то время были «самые скудные и сбивчивые представления», и установил периодизацию последнего.

С юности Н. П. Кондаков практически ежегодно совершал научные поездки и экспедиции по России (с 1861) и за границу (с 1867), где знакомился с памятниками, фондами библиотек, музеев, частных собраний, ризниц монастырей и храмов. Неоднократные посещения западноевропейских музеев, многочисленные путешествия и экспедиции

---

²⁹⁸ Кондаков Н. П. Воспоминания и думы / сост., подг. текста, примеч. И. Л. Кызласовой. М., 2002. С. 70.

²⁹⁹ Франц. переработанное издание в 2-х т.: *Kondakoff N. Histoire de l'art byzantin considéré principalement dans les miniatures*. 2 vols. Paris, 1886—1891. (Bibliothèque Internationale de l'art).

по многим регионам России, Кавказу, Западной Европе, Балканам, Ближнему Востоку, Египту дали ему возможность тщательно обследовать, систематизировать и ввести в общеисторический и археологический контекст огромный фактический материал, в том числе целый ряд неизвестных или ранее неправильно интерпретированных памятников. Из-за разной доступности артефактов благодаря Н. П. Кондакову с 1880-х гг. «полнее и разностороннее разрабатывалось у нас византийское и служащее как бы преддверием его древнехристианское искусство». Академик С. А. Жебелёв констатировал, что «в области изучения искусства византийского русская наука давала и дает тон и поныне науке общеевропейской. И обязана этим византийская археология неутомимой, разносторонней и всегда плодотворной деятельности Н. П. Кондакова», который стал «первым археологом и историком искусства, опиравшимся при своих исследованиях христианских памятников на тщательное и всестороннее изучение их стиля, ведшим все свои разыскания на широкой исторической основе, пользовавшимся постоянно сравнительным методом»³⁰⁰.

С 1888 г. по предложению министра народного просвещения Н. П. Кондаков был переведен из Новороссийского университета в Одессе в Санкт-Петербургский университет ординарным профессором по кафедре теории и истории искусств, стал заслуженным профессором (1894), вышел на пенсию после выслуги 30 лет «учебной службы» по ведомству Министерства народ-

Н. П. Кондаков. Флоренция. 30 октября 1882 г.
СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 5. Д. 3. Л. 2

ного просвещения с оставлением звания профессора (1896) и весной 1897 г. был окончательно уволен со службы в чине действительного статского советника. Одновременно ученый являлся старшим хранителем Императорского Эрмитажа (1888—1893), Средневековое отделение которого он привел в порядок и описал³⁰¹, стал членом (1888) Императорской Археологической комиссии (младший член с 1876 г.), но в 1891 г. по прошению был уволен из главного археологического учреждения империи, состоявшего, как и Эрмитаж, в ведении Министерства Императорского Двора.

С молодости Н. П. Кондаков хорошо ориентировался в проблематике

³⁰⁰ Жебелёв С. А. Археология и общая история искусства / публ. И. В. Тункиной // ЕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928—2004). СПб., 2007. С. 149, 156.

³⁰¹ Кондаков Н. П. Императорский Эрмитаж. Указатель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения. СПб., 1891.

севернопричерноморских классических и скифских древностей, так как по заданию Археологической комиссии с 1876 по 1886 г. сам проводил раскопки в некрополе античного Нимфея в местечке Эльтитен под Керчью (1876), в Керчи, на Таманском полуострове, в Кубанской области, в дер. Кара-Меркит Евпаторийского уезда Таврической губернии, а также руководил раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе (1888—1889)³⁰². Совместно с графом И. И. Толстым (старшим) Н. П. Кондаков опубликовал научно-популярное издание «Русские древности в памятниках искусства» (вып. 1—6. СПб., 1889—1899; фр. перевод 1891—1893), ставшее своего рода «энциклопедией» отечественных памятников истории, археологии и искусства, начиная с античной эпохи вплоть до монгольского нашествия. Здесь впервые показана последовательная смена культур на территории Восточной Европы на протяжении тысячелетий. Этот сложный процесс был представлен с точки зрения изучения его происхождения и взаимосвязей с цивилизациями Запада и Востока. Той же теме посвящены посмертно изданные «Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры» (1929) и сборник лекций «Чтения по истории античного быта и культуры» (1931).

В 1881 г. Н. П. Кондаков отправился на Синай и в книге «Путешествие на Синай в 1881 г. Из путевых впечатлений. Древности Синайского мона-

стыря» (1882) привел характеристику архитектуры монастыря и базилики Юстиниана с мозаикой Преображения Господня. Позднее Обществом любителей древней письменности была издана его книга «Зооморфические инициалы греческих и глаголических рукописей X—XI ст. в библиотеке Синайского монастыря» (1903). По инициативе Императорского Православного Палестинского общества в 1891 г. Н. П. Кондаков возглавил экспедицию по Сирии и Палестине³⁰³. Поездка обогатила науку детальным описанием многих памятников Сирии, Заиорданья и Иерусалима, постановкой и решением ряда вопросов ближневосточной археологии и христианского искусства, обобщенным в монографии «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине» (1904). Н. П. Кондаков отметил оригинальные стороны древностей Сирии в архитектуре и строительной орнаментике и подчеркнул важнейшее значение памятников Палестины, проанализировал существующие в науке точки зрения на источники христианского искусства, показал связь византийской иконографии с памятниками Палестины в период сложения иконографических сюжетов и т. д., а также исследовал вопрос об истории храма Гроба Господня и сопоставил нарративные свидетельства о нем с памятниками материальной культуры.

Результаты совместной русско-французской экспедиции на гору Афон для изучения древностей афонских монастырей, организованной Институтом

³⁰² Тункина И. В. Материалы к биографии Н. П. Кондакова // Никодим Павлович Кондаков. 1844—1925. Личность, научное наследие, архив / ред. И. Д. Соловьёва. СПб., 2001. С. 10—12.

³⁰³ Материалы научной экспедиции Императорского Православного Палестинского общества в Сирию и Палестину в 1891 г. Ч. 1: Путевой дневник Н. П. Кондакова по Сирии и Палестине; Ч. 2: Сирия и Палестина в фотографиях И. Ф. Барщевского (из коллекции Российской национальной библиотеки) / подг. к публ. и коммент. М. Н. Бутырского; научн. ред. Л. А. Беляев. М., 2022.

Н. П. Кондаков (1-й справа в 1-м ряду) и Я. И. Смирнов (2-й слева во 2-м ряду) среди участников Палестинской экспедиции. Иерусалим. 1891 г.

СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 5. Д. 7. Л. 2

Франции и Императорской академии наук в мае — июне 1898 г. под руководством Н. П. Кондакова, отражены в монографии «Памятники христианского искусства на Афоне» (1902). В ней автор исследует историю развития христианского искусства на греческом и юго-славянском Востоке после падения Византии. Позднее предметом его специального исследования стали синайские и афонские иконы из коллекции преосвященного епископа Порфирия (Успенского)³⁰⁴. Наконец, в 1900 г. Н. П. Кондаков возглавил археолого-этнографическую экспедицию и объездил всю Македонию; результаты поездки изложены им в книге «Македония: Археологическое путеше-

ствие» (1909), которая стала ценным вкладом не только в историю искусств и археологию, но и в отечественное славяноведение и балканистику.

Многочисленные поездки и экспедиции сделали Н. П. Кондакова ученым-энциклопедистом, первоклассным знатоком многих разделов художественной археологии и истории искусств. Результаты путешествий нашли отражение в книгах, поднимающих не только исторические, археологические и искусствоведческие проблемы, но и актуальные вопросы охраны памятников истории и культуры. Памятники Кавказа проанализированы в книгах «Древняя архитектура Грузии» (1876) и «Опись памятников

³⁰⁴ Иконы Синайской и Афонской коллекций преосвященного Порфирия, издаваемые в лично им подготовленных 23 таблицах. Объяснительный текст Н. П. Кондакова. СПб., 1902.

древности в некоторых храмах и монастырях Грузии» (1890); неоднократные поездки в Стамбул нашли отражение в исследованиях «Византийские церкви и памятники Константинополя» (1887), «Мозаики мечети Кахрие-Джамиси в Константинополе» (1881). Перу Н.П. Кондакова принадлежит роскошное монументальное издание на русском, немецком и французском языках «Византийские эмали. Собрание А.В. Звенигородского. История и памятники византийской эмали» (1892), в котором изучена техника эмали в Египте, Византии, Персии, Средней Азии, Западной Европе и установлено значение этих памятников для истории иконописных типов и византийской орнаментации. Другой обобщающий труд, ставший итогом десятилетних исследований, был издан под эгидой Императорской Археологической комиссии — «Русские клады: Исследование древностей великокняжеского периода» (1896), он составил целую эпоху в науке, показав тесную связь древнерусского декоративно-прикладного искусства с византийским.

Согласно методологическим воззрениям Н.П. Кондакова, археология — вспомогательная наука, ее задача — точная фиксация найденных памятников. Само понятие археологии весьма неопределенное, объединяющее артефакты разных исторических эпох. Археология понималась «археотом русской археологии» как часть истории искусства, добывающая и поставляющая для нее материал. Археология, в свою очередь, заимствует

из истории искусства методы кабинетной работы с источниками, в частности, исследование форм в их художественном образовании и историческом развитии, то есть проводит сравнительно-историческое исследование стиля, анализируя формальные особенности, степень стандартизации и художественное своеобразие памятников, их развитие, характер и частоту сочетаний форм во времени и пространстве. При этом у истории искусства и археологии, согласно Н.П. Кондакову, практически один предмет исследования, позволяющий ученым строить широкие выводы общеисторического, а не только художественно-эстетического характера³⁰⁵. Н.П. Кондаков разработал новый подход к памятникам славяно-русского и средневекового искусства, создав «иконографический метод» и выделив «иконографические типы» в византийском и древнерусском искусстве, которые стали открытием явления, получившего полвека спустя научное определение «культурный тип». Показав важность изучения культурно-исторического взаимодействия цивилизаций, Н.П. Кондаков наметил пути применения своего метода к археологическим материалам и произведениям искусства различных исторических эпох: в трудах ученого иконографический тип трансформировался в археологический тип — стилистический вариант внутри функциональной категории вещей³⁰⁶.

По Н.П. Кондакову, носителями культурных типов в контактных зонах Античности и раннего Средневековья

---

³⁰⁵ Кондаков Н.П. Наука классической археологии и теория искусства: Вступительная лекция // Записки Новороссийского университета. 1872. Т. 8. С. 51—90.

³⁰⁶ Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и революционное время. СПб., 2014. С. 551.

Н. П. Кондаков
и А. П. Чехов в кабинете
ялтинского дома писателя
(на стене картина
И. И. Левитана).
Ялта. [1900 г.]
СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 5.
Д. 20. Л. 1

были кочевники Передней и Центральной Азии, Южной России, Сибири и Китая. Слияние двух или нескольких культур рассматривалось Н. П. Кондаковым как возникновение новых культур, отражающееся на эволюции материальной культуры. Результат такого слияния, по меткому определению Л. С. Клейна, напоминает химический сплав, который от составных компонентов отличается своими новыми свойствами. Для Н. П. Кондакова характерно отсутствие европоцентризма: европейская культура, по его убеждению, не является высшей ступенью развития человечества. Он понимал ценность культуры и искусства тех племен и народов, за которыми европейская наука его времени не признавала достижений и не считала нужным их изучать³⁰⁷.

После прекращения педагогической деятельности, избрания ординарным академиком (сверх штата) по Историко-филологическому отделению Императорской академии наук (1898) Н. П. Кондаков из-за болезни легких холодные месяцы года проводил в Ялте и вскоре был переведен штатным ординарным академиком (1900) в Отделение русского языка и словесности (ОРЯС), члены которого могли проживать вне Санкт-Петербурга и получали жалованье в зависимости от числа заседаний, в которых принимали участие. В Крыму он был избран гласным Ялтинской городской думы, познакомился с А. П. Чеховым и переписывался с ним, стал членом Комиссии по реставрации Ханского дворца в Бахчисарае (1900—1910).

С начала XX в. до конца жизни Н. П. Кондаков занимался иконописью

³⁰⁷ Подробнее см. переписку Н. П. Кондакова с учениками и коллегами 1917—1925 гг.: Тункина И. В. Академик Н. П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / под ред. И. П. Медведева. СПб., 2004. С. 650—652, 682, 685, 693, 697—698, 710, 724—726.

Н. П. Кондаков в иконном собрании древлехранилища Русского музея. Санкт-Петербург. [1913 г.] СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 5. Д. 23. Л. 1

и изучением иконографии. После поездки вместе с графом С. Д. Шереметевым и В. Т. Георгиевским по иконописным селам Владимирской губернии и доклада императору Николаю II академик был назначен неперменным членом, управляющим делами и помощником председателя Комитета попечительства о русской иконописи (1900), созданного с целью возрождения традиций отечественного иконописания. Ученый издал атлас и серию монографий: «Лицевой иконописный подлинник. Т. 1: Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» (1905), «Иконография Богородицы: Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения» (1910), «Иконография Богородицы» (1914–1915. Т. 1–2).

Одна из главных заслуг русской до-революционной исторической науки — создание совершенно самостоятельной и оригинальной школы Н. П. Кондакова, ставшего духовным учителем целой плеяды отечественных и зарубежных ученых разных гуманитарных специальностей. Лекции, семинарские и практические занятия Н. П. Кондакова на историко-филологическом факультете и в Музее древностей Санкт-Петербургского университета во многом определили круг научных интересов его учеников и выбор ими методики работы с археологическими источниками. Благодаря Н. П. Кондакову его научная школа придерживалась принципа, что «плодотворность и точность всякой археологической работы достижима лишь в том случае,

Н. П. Кондаков с учениками
 Е. К. Рединым (стоит)
 и Д. В. Айналовым (сидит справа).
 Одесса. 15 января 1888 г.
 СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 5. Д. 4. Л. 1

когда работа эта произведена над самими оригиналами, или, лишь в крайнем случае, их точными воспроизведениями». «...Я научился понимать, что первое в научной работе это строго и точно, по источникам... установить факты», — вспоминал М. И. Ростовцев, который именно благодаря «фактопоклоннику» Н. П. Кондакову понял, что «без археологии в истории древности далеко не уйдешь»³⁰⁸.

Слушатели Н. П. Кондакова организовали кружок «фактопоклонников» при Музее древностей Санкт-Петербургского университета, первоначальное ядро которого составляли искусствоведы Д. В. Айналов и Е. К. Редин,

слушавшие мэтра еще в Одессе. В 1890 г. к ним присоединились сдружившиеся между собой более молодые ученики Н. П. Кондакова — будущие академики Я. И. Смирнов, С. А. Жебелёв, М. И. Ростовцев, Б. А. Тураев, члены-корреспонденты Г. Ф. Церетели, Б. В. Фармаковский и другие ученые. Со временем кружок перерос в «Свободную Академию», члены которой встречались вплоть до 1917 г. на еженедельных журфиксах в квартире академика на Литейном проспекте, д. 15. Эти неформальные встречи посещали чуть ли не все специалисты, причастные к археологической науке и к гуманитарному знанию.

³⁰⁸ Кондаков Н. П. Воспоминания и думы / сост., подгот. текста, примеч. И. Л. Кызласовой. М., 2002. С. 212, 213.

*Кабинет Н. П. Кондакова в его квартире в Санкт-Петербурге (Литейный пр., 15).
Вид рабочего стола*

СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 5. Д. 9. Л. 1

В марте 1917 г. Н. П. Кондаков навсегда покинул революционный Петроград и переехал на юг — в Ялту и Одессу, откуда мечтал выехать из России «куда глаза глядят». Ученый был обременен рукописями незавершенных фундаментальных трудов, над которыми он тогда работал. Поражение Белого движения вынудило его в 1920 г. покинуть Одессу на одном пароходе с И. А. Буниным, а затем через Константинополь выехать в Софию. В конце 1921 г. Н. П. Кондаков переехал в Прагу. В Новороссийском (1918—1919), Софийском (1920—1922) и Карловом (1922—1925) университетах он читал лекции по иконографии и археологии Восточной Европы. Приватно с мэтром занимались молодые ученые и художники, например в Пра-

ге — Алиса Масарик, дочь президента Чехословакии Т. Г. Масарика.

В августе 1924 г. академик полностью завершил работу над рукописями монографий «Русская икона» и «Итальянская Мадонна» («Иконография Богоматери», Т. 3), посвященных эволюции образа итальянской Мадонны от позднего Средневековья до раннего Возрождения. В эмиграции он безуспешно пытался найти издателей для своих рукописей. В ноябре 1924 г. международная научная общественность торжественно отметила 80-летие Н. П. Кондакова в Праге. Юбилей помог найти издателей его трудов. Министерство иностранных дел Чехословакии приобрело права на издание полного текста «Русской иконы»; посмертно были опубликованы два тома текста и два

тома иллюстраций на русском языке с кратким французским резюме: «Русская икона» (1928—1933. Вып. 1—4). Сокращенный текст этой книги в английском переводе Э. Миннза был издан в Оксфорде: «The Russian Icon» (1927). Накануне кончины Н. П. Кондакова, в начале января 1925 г., пятитомная рукопись «Итальянской мадонны» была продана им Ватикану, но тогда издана не была. Чешский искусствовед И. Фолетти, автор биографии Н. П. Кондакова³⁰⁹, обследовавший архивы и библиотеки католической столицы (Папский Восточный институт, Руссикум, Библиотека Ватикана), предположил, что русский оригинальный текст последнего труда утрачен навсегда. Рукопись французского перевода 3-го тома «Иконографии Богоматери» была найдена И. Фолетти 80 лет спустя в Папском Восточном институте и издана только в 2011 г.³¹⁰

Идеи Н. П. Кондакова о смешении собственных (местных) и чужих форм, создававшим новые формы культуры, определенные Л. С. Клейном как комбиционизм в истории археологии, получили развитие в трудах учеников академика в первой трети XX в.:

в Санкт-Петербурге — антиковедов М. И. Ростовцева и Б. В. Фармаковского, историков искусства Я. И. Смирнова и Д. В. Айналова, в Праге — историка России Г. В. Вернадского и других евразийцев, оказавшегося во Франции Андре Грабаря, австрийского искусствоведа и востоковеда Иосифа Стржиговского, кембриджского археолога Эллиса Миннза и др. С. А. Жебелёв в 1921 г. подчеркивал, что «могучее и плодотворное влияние Н. П. Кондакова и “кондаковской” школы ощутительно и выразительно сказалось и продолжает сказываться в тех успехах, какими ознаменовала себя русская археологическая и художественно-историческая наука, начиная преимущественно с 80-х гг. прошлого века»³¹¹. Свидетельства тому — современные переиздания фундаментальных обобщающих классических трудов Н. П. Кондакова, написанных 100—150 лет назад, где введен в научный оборот огромный массив материала и с которых началось возведение здания современной науки о византийском и древнерусском искусстве. Эти книги — нетленные памятники выдающемуся русскому ученому, идеи которого востребованы до сих пор.

³⁰⁹ Foletti I. 1) Da Bisanzio alla santa Russia: Nikodim Kondakov (1844—1925) e la nascita della storia dell'arte in Russia. Roma, 2011; 2) From Byzantium to Holy Russia. Nikodim Kondakov (1844—1925) and the Invention of the Russian Icon. Rome, 2017.

³¹⁰ Kondakov N. P. Iconographie de la Mère de Dieu. Vol. 3 / introd. et éd. d' I. Foletti. Roma, 2011.

³¹¹ Жебелёв С. А. Археология и общая история искусства / публ. И. В. Тункиной // ЕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928—2004). СПб., 2007. С. 149.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ (1863—1919)

*А. С. Лаппо-Данилевский. 1900-е гг.
СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 40. Л. 2*

А. С. Лаппо-Данилевский принадлежал к поколению ученых, активная деятельность которых пришлось на конец XIX — начало XX в., тех, кто, опираясь на достижения уходящего столетия, стремились расширить научный горизонт, разрабатывали новые методы и способы познания, анализа и исследования, открывая дорогу целым направлениям в науке. Будучи известен как специалист по русской истории XVII—XVIII вв., А. С. Лаппо-Данилевский работал и в областях историографии, археологии, вспомогательных исторических дисциплин,

истории науки, истории политических идей. Его широкая эрудиция не могла вместиться в узкие рамки одной специальности. Ученый занимался разработкой исторических, экономических, философских, социально-политических проблем, создавал собственную теорию истории, теорию гуманитарного познания.

Детство и ранняя юность А. С. Лаппо-Данилевского прошли на юге России — сначала в родительском имении Удачное в Екатеринославской губернии, а затем в Симферополе, куда семья переехала в 1873 г. Благодаря заботам матери он получил прекрасное домашнее образование и продолжил учебу в симферопольской гимназии, где все годы пребывания был одним из первых учеников. В старших классах Александр много читал, знакомился с философией, «обнаружил склонность к изучению первобытной культуры и античного мира». Интерес к прошлому Тавриды подкреплялся влиянием молодого преподавателя истории и географии Ф. Ф. Лашкова. Недавний выпускник Новороссийского университета, он увлеченно исследовал богатую историю и культуру Крымского полуострова, вовлекая в этот процесс своих учеников. На краеведческих занятиях и во время экскурсий гимназисты приобретали первый опыт работы с источниками — архивными документами и археологическими находками, географическими и историческими картами.

В 1882 г., окончив гимназию с золотой медалью, А. С. Лаппо-Данилевский уехал в столицу и поступил на исто-

Кружок русских историков.

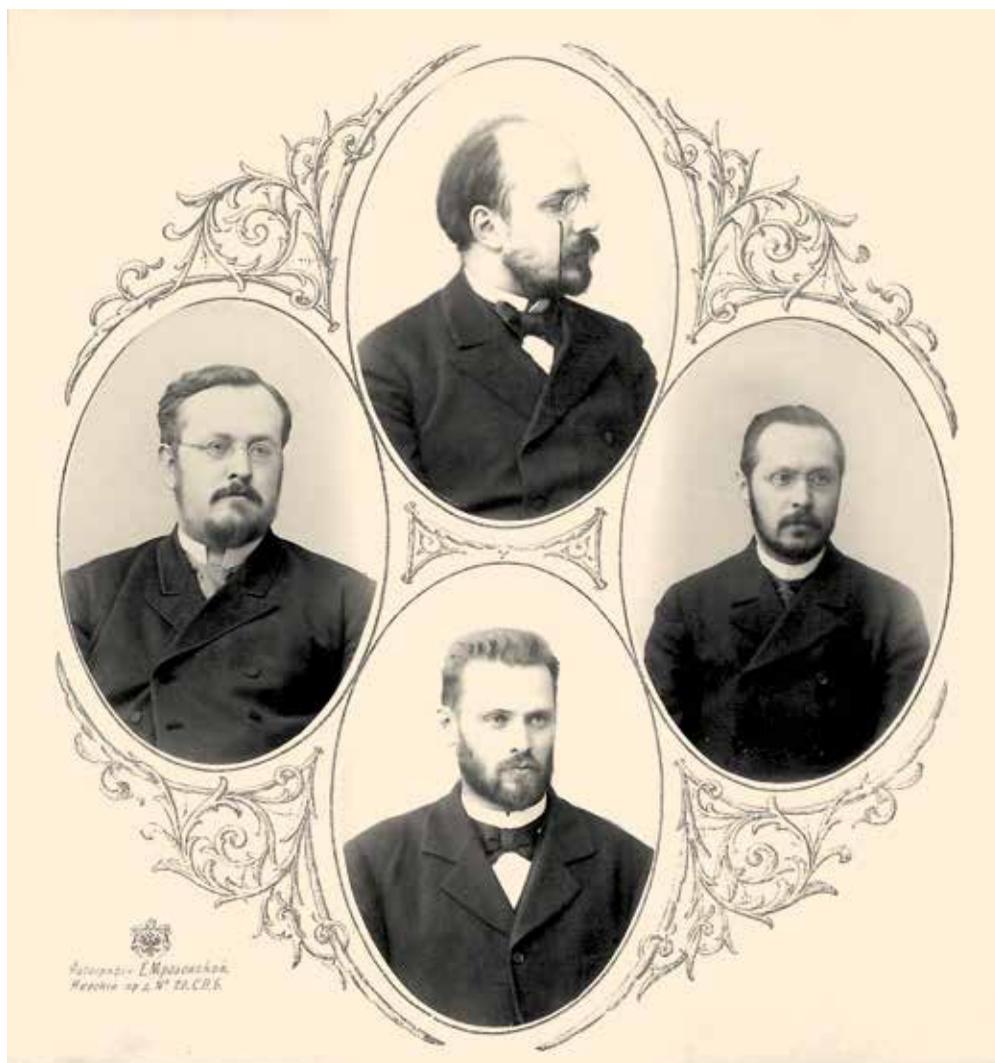
*Сидят: В. Г. Дружинин (4-й слева), С. Ф. Платонов (5-й слева), И. А. Шляпкин (крайний справа);
стоят: Н. Д. Чечулин (2-й слева), С. М. Середонин (3-й слева), М. А. Дьяконов (4-й слева),
А. С. Лапто-Данилевский (5-й слева). Санкт-Петербург. 1889 г.*

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 2. Д. 107. Л. 1

рико-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. Один из товарищей, говоря о студенческих годах будущего ученого, отмечал: ему «не приходилось добывать денег уроками. Он был прекрасно образован, рано начитан и говорил на четырех новых языках»³¹². Сверх обязательного учебного курса юноша много занимался самообразованием, уделяя внимание не только профильным дисциплинам — истории, философии, археологии, — но и правоведе-

нию, экономике, естественным наукам (физике, химии), высшей математике. Он вошел в состав студенческого научно-литературного общества, активно работавшего в университете с 1881 г. По словам А. К. Бороздина, одного из членов-учредителей общества, «сходились тут студенты всех факультетов, и это общение предохраняло их от узкого специализма: математик не считал для себя излишним послушать иногда филолога, юрист мог воспользоваться какими-нибудь указаниями

³¹² Цит. по: *Трибунский П. А.* А. С. Лапто-Данилевский в воспоминаниях В. Г. Дружинина // *Клио: журнал для ученых.* 2013. № 12 (84). С. 123.

Приват-доценты Санкт-Петербургского университета.
А. Н. Щукарев (вверху), Н. Д. Чечулин (слева), С. Ф. Платонов (справа),
А. С. Лапко-Данилевский (внизу). [Не позднее 1896 г.]

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 2. Д. 34. Л. 8

естественника, филолог советовался с юристом или естественником, и в результате этого живого обмена знаний и мнений получилось расширение общего образования студентов...»³¹³ А. С. Лапко-Данилевский стал участником общества, а на старших курсах был избран секретарем его «научного отдела».

Из студенческого окружения юноша особенно сблизился с участниками неформального дружеского кружка, называемого «Ольденбургским», так как молодые люди встречались на квартире братьев Сергея и Фёдора Ольденбургов. Членами товарищества были Владимир Вернадский, Дмитрий Шаховской, Александр Корнилов, Иван

³¹³ Бороздин А. К. Студенческое научно-литературное общество при С.-Петербургском университете. СПб., 1900. С. 12.

Гревс и др. Не чуждые идеям народничества, они увлеченно осваивали науки и видели свою цель в развитии просвещения, культуры и демократического самоуправления. Дружеские отношения, связывавшие юношей, сохранились на всю жизнь, оказавшись позднее скреплены еще и семейно-родственными узами: А. С. Лаппо-Данилевский в 1891 г. женился на двоюродной сестре И. М. Гревса Елене Дмитриевне Бекарюковой, сестра которой в свою очередь вышла замуж за Ф. Ф. Ольденбурга.

Стремление к расширению знаний и постижению абсолютной истины было для этих молодых людей нормой. Свою научную жизнь А. С. Лаппо-Данилевский планировал так: «...я думаю разделить ее на три периода: первый посвящаю специальности, второй — кругу знаний, однородных с моею специальностью (наукам общественным), третий — знанию вообще». В студенческие годы он опубликовал несколько рецензий и две статьи, посвященные взаимоотношениям России и Европы. Тогда же он написал и свою первую крупную научную работу — обзор «Скифские древности» (1887), подводившее итог его симферопольскому увлечению историей Крыма. В нем автор не ограничился письменными свидетельствами древних авторов, а использовал также источники лингвистические, этнографические и в значительной степени археологические, что было едва ли не первым опытом привлечения материалов археологии к историческому исследованию. Труд обратил на молодого автора внимание специалистов. Через шесть лет Императорская Археологическая комиссия пригласила А. С. Лаппо-Данилевского принять участие в изучении

и публикации результатов раскопок кургана Карагодеуашх на Кубани. Тщательное исследование найденных предметов и зарисовок, сделанных в процессе работ, позволило ему сделать выводы, получившие высокую оценку археологов.

Основной научной темой ученого стала история России. Из университетских профессоров наиболее близки А. С. Лаппо-Данилевскому были специалисты по русской истории К. Н. Бестужев-Рюмин и Е. Е. Замысловский. Выбранная им тема магистерской диссертации относилась к московскому периоду Руси: «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» (1890). На огромном фактическом материале, в значительной степени извлеченном из архивных источников, автор рассмотрел историю финансовых приказов и проследил схемы распределения прямых налогов внутри государственных учреждений. Он использовал богатый, но ранее обойденный историками источник — писцовые книги. 10 мая 1890 г. в университете состоялся магистерский диспут. Оба оппонента — Н. И. Кареев и С. Ф. Платонов — положительно оценили представленную работу. И хотя труд А. С. Лаппо-Данилевского вызвал противоречивые отзывы современников, последующие поколения исследователей московского государственного строя и финансов считали эту работу образцовой.

После успешной защиты А. С. Лаппо-Данилевский остался в университете в качестве приват-доцента, объявив курс «Общественный строй Московского государства до эпохи преобразований». Одновременно он продолжал свои научные исследования, уделяя

А. С. Лаппо-Данилевский в кругу своих слушателей. Сидят слева направо: Н. И. Сидоров(?), В. И. Веретенников, А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Шилов; стоит справа К. В. Завитаев(?). Санкт-Петербург. 1900-е гг.

СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 41. Л. 1

внимание прежде всего вопросам экономической и социальной истории, причем изучаемый им период быстро расширялся в сторону XVIII в. Его занимали развитие предпринимательства и торговли в России, образование главнейших разрядов крестьянского населения, развитие государства, международные контакты, личности ярких представителей истории и государства, такие как Пётр I и Екатерина II. Два века — XVII и XVIII — останутся в центре внимания А. С. Лаппо-Данилевского на протяжении всей жизни, им будут посвящены статьи, доклады, лекционные курсы и его главный исто-

рический труд — «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики»³¹⁴.

Начав занятия со студентами, А. С. Лаппо-Данилевский не прерывал их до конца жизни. Имея право объявлять курсы по своему выбору, он часто брал темы, близкие к его текущей научной работе, например: «История сословий в России XVIII в.» (1891/1892 уч. г.), «Практические занятия по русской истории (по Русской Правде и наказу Екатерины II)» (1895/1896 уч. г.), «Практические занятия по истории крепостного права в Московском государстве

³¹⁴ Работа осталась не завершена автором, но сохранилась в его личном архивном фонде. Публикация части этого труда состоялась в конце XX в.: Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. М., 1990.

XV—XVII вв.» (1900/1901 уч. г.), «Анализ и интерпретация актов, касающихся прикрепления крестьян в Московском государстве» (1909/1910 уч. г.). Вместе с тем он читал и курсы философского и общетеоретического содержания, такие как «Главнейшие направления русской историографии XVIII—XIX вв.», «Методы изучения источников и явлений русской истории», «Методология социальных и исторических наук», «Систематика социальных явлений разных порядков», «Практические занятия по логике обществоведения». Порой темы оказывались настолько сложны для слушателей, что лектору приходилось выступать перед одним-двумя студентами. Но А. С. Лаппо-Данилевский никогда не опускал планку преподавания.

Наиболее известны два семинария, вышедшие за рамки университетской аудитории. В 1903 г. начал работу семинарий по дипломатике частных актов. Эта тема была слабо разработана в европейской археографии и оставалась совершенно не затронута в русской литературе. Вместе с тем документы гражданского правооборота могли дать исследователю обширный материал для анализа общественного быта. Чтобы ввести эти документы в науку, их предстояло вначале разыскать, описать и классифицировать. Такую задачу поставил А. С. Лаппо-Данилевский перед участниками семинария. Группа студентов должна была составить каталог напечатанных русских актов до начала XVIII в.: все акты предстояло внимательно исследовать и составить на каждый отдельную карточку по особому образцу. Студенты за несколько лет проделали огромную работу: про-

смотрели около 6 тыс. томов изданий, описали сотни тысяч документов, накопили и систематизировали большой материал. Вспоминая об этих занятиях, С. Н. Валк писал: «Проблема элементов акта... — вот что стало далее перед нами. <...> В ходе практической работы постепенно вырисовывались перед нами общие предпосылки изучения актов вообще, за которыми должно было последовать и последовало изучение разновидностей частного акта»³¹⁵. Эту кропотливую многолетнюю работу А. Е. Пресняков назвал «научной лабораторией». Семинаристы попутно с библиографическим описанием вели под руководством учителя и собственные исследования по частным темам, многие из которых были опубликованы. Методическая сторона дела и накопленные важные знания из области русской дипломатики были изложены А. С. Лаппо-Данилевским в его лекциях, прочитанных на архивных курсах в 1918 г. (Очерки русской дипломатики частных актов. Пг., 1920). Семинарий стал источниковедческой школой и началом пути в науку для многих его участников: А. И. Андреева, С. Н. Валка, В. И. Веретенникова, Б. Д. Грекова, А. А. Введенского, В. Н. Куна и др.

Другой многолетней темой научной деятельности А. С. Лаппо-Данилевского стала «Методология истории». Уже с конца 1890-х гг. он проводил в университете семинарии, посвященные обществуведческим и методологическим вопросам, а с 1906 г. курс стал обязательным. Тема была не нова: подобные вопросы рассматривались в лекциях других профессоров, как в России, так и в Европе; в Московском университете еще в 1884/85 учебном году В. О. Ключ-

³¹⁵ Валк С. Н. Воспоминания ученика // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 190.

Семинар по дипломатике частного акта. Сидят слева направо: Н. И. Сидоров, В. И. Веретенников, А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Шилов, Г. М. Котляров; стоят: Э. Г. Гинзберг, К. В. Завитаев, С. Н. Валк, В. Н. Кун, М. Ф. Злотников, А. И. Андреев, А. А. Введенский, Ф. Ф. Злотников, А. А. Дроздецкий, М. И. Смирнов. Петроград. [Конец 1916 — начало 1917 г.]

СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 41. Л. 4

чевский читал спецкурс «Методология русской истории», но он не был опубликован. Вместе с тем курс А. С. Лаппо-Данилевского по самой постановке вопроса был значительно шире и представлял собой историко-философское учение о построении системы обоснованного научного знания. Опираясь на идеи крупнейших европейских философов, экономические учения, достижения петербургской научной историко-филологической школы, А. С. Лаппо-Данилевский разработал собственную методологию строго научного исторического и в целом гуманитарного познания, теорию истории. Если первая часть курса, посвященная теории исторического знания, была не нова, хотя и тщательно проработана автором, то вторая часть — рассмотре-

ние главных проблем исторического изучения — совершенно оригинальна. Поскольку историк имеет дело только с историческим источником — неким свидетельством уже минувшего явления или факта, А. С. Лаппо-Данилевский подробнейшим образом разбирал главнейшие виды исторических источников, методы их интерпретации и критики, оценки подлинности и достоверности. Дважды предпринимались попытки опубликовать «Методологию истории»³¹⁶, но автор работал над ней всю жизнь, так и не успев довести свой труд до полного завершения.

А. С. Лаппо-Данилевский не отдалялся от студентов и вне рамок учебного процесса. Он тесно общался с университетской молодежью, работая в научных обществах: в течение 15 лет

³¹⁶ Первая публикация вышла в виде литографированных лекций в 1907—1909 гг. Большая часть книги после авторской доработки была издана уже типографским способом в 1910—1913 гг. Переиздание см.: Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: в 2-х т. М., 2010.

был председателем и руководителем научного кружка, именованного «Беседками по предметам факультетского преподавания», одновременно с момента основания в 1899 г. занимал должность секретаря в Историческом обществе при Санкт-Петербургском университете, в 1909 г. был избран председателем вновь созданного студентами-историками научного «Исторического кружка», которым беспрерывно руководил до своей кончины. Оставаясь вне политики, ученый выступал против карательных акций, во время студенческих забастовок не отрицал целесообразности протеста, но не считал возможным проводить его в стенах университета, а когда в 1910 г. университет был занят полицией, согласился читать лекции студентам на дому.

Преподавательская деятельность А. С. Лаппо-Данилевского не исчерпывалась занятиями в университете. Он был профессором русской истории в Историко-филологическом институте (1891—1900), читал курс в Археологическом институте, работал в средней школе. Однако ограничил учебную деятельность только университетом после того, как начал службу в Академии наук.

Избрание в действительные члены Академии наук адъюнктом Историко-филологического отделения (русская история) состоялось в 1899 г., дальнейшее продвижение А. С. Лаппо-Данилевского по ступеням академической лестницы было довольно стремительным: в 1902 г. он стал экстраординарным, а в 1905 г. ординарным академиком. Столь быстрая карьера объяснялась не только личными заслугами молодого ученого, но и поддержкой старших

коллег, особенно академика-византиста и университетского профессора В. Г. Васильевского. 1890-е гг. ознаменовались активной и плодотворной деятельностью А. С. Лаппо-Данилевского в Императорской Археологической комиссии. Прилив свежих научных сил в состав комиссии³¹⁷ оживил ее деятельность, и археологические опыты А. С. Лаппо-Данилевского добавили ему авторитета. Следует отметить, что он стал адъюнктом всего в 36 лет и, представляя в Академии молодое поколение ученых, стал проводником многих новых веяний в деятельности высшего научного собрания, позволявших ему идти в ногу со временем.

В многосторонней академической деятельности А. С. Лаппо-Данилевского очень условно могут быть выделены три основных направления: публикационное, рецензионное и научно-организационное. Заняв в Академии освободившееся место А. А. Куника, А. С. Лаппо-Данилевский продолжил археологическую работу предшественника. Ему в «наследство» досталось 14 начатых, но еще не завершенных печатных проектов. Большинство из них А. С. Лаппо-Данилевский довел до конца, хотя и не все. Задержки с изданием были вызваны необходимостью проведения дополнительных исследований, а чаще, по мнению современников, объяснялись очень высокой требовательностью А. С. Лаппо-Данилевского к работе: его перфекционизм заставлял сомневаться в том, чтобы передать в печать уже совершенно законченный труд.

Разбирая старые издательские проекты Академии, видя их недостатки

³¹⁷ В 1894 г. в ее состав вошли А. С. Лаппо-Данилевский и С. Ф. Платонов, сначала ставший членом-корреспондентом (1909), затем академиком (1920).

А. С. Лаппо-Данилевский. 1910-е гг.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Л. Д. 64. Л. 1

и несоответствие современным требованиям науки, А. С. Лаппо-Данилевский предложил новый широкий проект издания архивных документов XVI—XVIII вв. В особой записке он изложил «План издания сборника частных и правительственных великорусских актов XIV—XVIII вв.» Предварительно изучив постановку архивно-издательского дела в Германии, Австрии и Италии, ученый задался целью осуществить российское издание, соответствующее современному европейскому уровню. Он убедил Академию наук обратиться к частным актам и начать публикацию грамот Коллегии экономии — документов XVIII в., дававших богатейший материал для изучения не только права и хозяйствен-

ных отношений, но также языка и быта Московского государства. Проект был поддержан Академией наук: А. С. Лаппо-Данилевский руководил им на протяжении почти 20 лет, разрабатывая правила издания грамот³¹⁸, подбирая и привлекая сотрудников (в том числе и студентов университета — участников семинария по дипломатике частных актов).

Другим крупным археографическим начинанием А. С. Лаппо-Данилевского стало издание серии важнейших «Памятников старинного русского законодательства 1649—1832 гг.» и примыкавшей к ней серии приложений «Материалы для истории русского законодательства». Организовав коллектив исследователей и редакторов, принявших участие в подготовке изданий серии, академик оставался главным редактором и координатором проекта. На участие в нем согласились многие ведущие историки двух столиц — первое время ими велась активная работа, но археографический план оказался, по-видимому, слишком смел и широк: из 18 намеченных к изданию памятников был завершён и опубликован лишь один. Однако нельзя сбрасывать со счетов и внешние факторы: военные и политические катаклизмы начала XX в., а также постоянную нехватку средств на научные работы и издания.

Через руки А. С. Лаппо-Данилевского проходило и немало других издательских проектов, осуществлявшихся в Академии наук. Он редактировал сборник «Материалы для истории царской библиотеки в XVII и XVIII вв.»,

³¹⁸ Выработанные А. С. Лаппо-Данилевским «Правила издания сборника грамот Коллегии экономии» стали, по словам С. Н. Валка, методологическим образцом для всех последующих работ по составлению правил издания документов. См.: Валк С. Н. Советская археография. М.; Л., 1948. С. 44.

наблюдал над изданием «Писем и бумаг Петра Великого», продолжил после смерти Н. Ф. Дубровина работу над изданием «Бумаг князя Меншикова», осуществил издание мемуаров С. А. Понятовского, инициировал подготовку к публикации сочинений М. М. Сперанского, способствовал изданию Академией трудов современных ему исследователей: Н. И. Кареева, О. А. Добиаш-Рождественской, П. Н. Жуковича, Б. Д. Грекова и пр.

Другим направлением академической работы А. С. Лаппо-Данилевского было рецензирование трудов ученых, оценка их научной деятельности и написание некрологов.

Первые опыты историка в написании рецензий на научные труды относятся еще ко времени студенчества. Глубокий анализ и тщательная проработка темы рецензируемых исследований всегда были отличительной чертой А. С. Лаппо-Данилевского. В этом он не делал различий между работами признанных мастеров или любителей, приславших свои исследования на суд ученой элиты. Академик был и непременным участником разборов сочинений, присланных на различные научные конкурсы. Каждый год в Отделении присуждалось по несколько премий, каждый год рецензенты составляли отзывы на конкурсные сочинения, причем А. С. Лаппо-Данилевский обычно входил в состав комиссий по премиям, а во второй половине 1910-х гг. и руководил работой некоторых из них. Его рецензии часто выливались в самостоятельное историческое исследование. К примеру, его отзыв на рукопись П. М. Майкова, посвященную биографии И. И. Бецкого,

был издан как самостоятельная монография³¹⁹.

Характеристики деятельности и трудов отечественных и зарубежных ученых составлялись для представления их к избранию в Академию или приобщения к трудам Академии. Эту ответственную работу А. С. Лаппо-Данилевский выполнял с особым тщанием, его оценки коллег по цеху были предельно взвешенными. Одновременно академик имел возможность влиять на решение кадровых вопросов в Историко-филологическом отделении. Благодаря его поддержке в начале XX в. в состав отделения вошли М. А. Дьяконов, П. Г. Виноградов, П. Б. Струве и др. Благодаря его рекомендациям пополнялись и ряды иностранных членов-корреспондентов Академии.

С не меньшей тщательностью А. С. Лаппо-Данилевский составлял посмертные характеристики ученых (некрологи), отмечая особенные заслуги каждого и его вклад в науку — академикам А. А. Кунику, Н. Ф. Дубровину, В. О. Ключевскому и многим другим российским и иностранным коллегам.

Будучи хорошо осведомлен о состоянии мировой гуманитарной науки, А. С. Лаппо-Данилевский считал, что в Академии и, в частности, в ее Историко-филологическом отделении к началу XX в. назрела необходимость расширить постановку научной работы. Он обратил внимание на то, что развитие науки и появление новых научных отраслей требуют учреждения соответствующих кафедр и в ведущем научном центре, в особенности по разряду исторических и политических дисциплин. После длительных согласований удалось открыть при отделении три

³¹⁹ Лаппо-Данилевский А. С. И. И. Бецкой и его система воспитания. СПб., 1904.

Участники Предварительного совещания по устройству IV Международного исторического съезда. А. С. Лаппо-Данилевский сидит в первом ряду 2-й справа. Санкт-Петербург. Декабрь 1913 г.

СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 87. Л. 3

новые кафедры — всеобщей истории, юридических и политических наук. В 1917—1918 гг. А. С. Лаппо-Данилевский активно поддержал еще один проект расширения структуры Академии: открыть Институт социальных наук, но эта инициатива не встретила поддержки нового правительства и не была реализована.

А. С. Лаппо-Данилевский принимал активное участие и в подготовке коллективных отзывов, составлявшихся Академией в ответ на злободневные политические вопросы. Он был одним из авторов известной записки 342 ученых о нуждах просвещения, записки о свободе слова, записки о малорусском языке. Хотя ученый всегда выступал за науку вне политики, коллеги по Академии избрали его в 1906 г. в состав Государственного совета. Начав и там работать с привычной для него

активностью, А. С. Лаппо-Данилевский произнес речь о необходимости полной амнистии участникам революционных событий 1905 г., но скоро, посчитав, что его политическая деятельность будет малопродуктивна, предпочел выйти из Государственного совета и сосредоточиться на научной работе. В условиях бурных событий 1917 г. ему вновь пришлось соприкоснуться с политикой. Ученый был делегирован Академией в состав Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Оставаясь беспартийным, он поддерживал Временное правительство, особенно его действия в отношении охраны памятников культуры. Осенью 1917 г. А. С. Лаппо-Данилевский выступил против захвата власти большевиками и входил в состав комиссии, составившей текст обращения от Российской академии

Выборщики от Академии наук и девяти российских университетов для избрания шести членов Государственного совета. А. С. Лаппо-Данилевский стоит 11-й справа. Петроград. Апрель 1906 г.

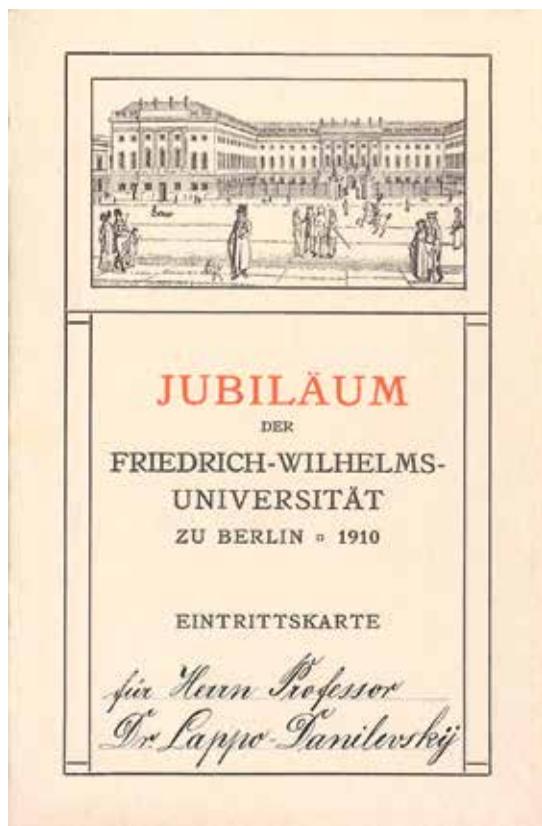
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 2. Д. 43. Л. 9

наук по поводу происшедших событий, начинавшееся словами «Великое бедствие постигло Россию...»³²⁰

Научно-организационная работа академика протекала в различных съездах и многочисленных комиссиях. Он принимал участие в крупных научных форумах — археологических съездах, съезде славистов, праздновании 300-летия дома Романовых. На последнем А. С. Лаппо-Данилевский выступил с докладом «Пётр Великий, основатель Императорской академии наук в Санкт-Петербурге», подчеркнув значение этого начинания императора для дальнейшей истории России. В начале XX в. он выступил одним из инициаторов создания Постоянной исторической комиссии при Историко-филоло-

гическом отделении Академии наук. Ознакомившись во время заграничной поездки с некоторыми итальянскими архивами, А. С. Лаппо-Данилевский предложил проект издания письменных источников по русской истории, которые хранились в Италии. Для проведения архивных изысканий была учреждена должность ученого корреспондента Академии наук в Риме, а курировала его работу Постоянная историческая комиссия. Ученый составил программу работ, направленных на описание архивов и документов, имеющих отношение к России и русской истории, к русско-итальянским связям. В 1902 г. комиссия была образована и подобрана кандидатура на должность ученого корреспондента,

³²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 164. Л. 149 об.: Протокол Экстраординарного общего собрания РАН. XVI заседание 21 ноября 1917 г. § 307.

Пригласительный билет А. С. Лаппо-Данилевскому на торжественное заседание, посвященное столетию Берлинского университета. 10—12 октября 1910 г.

*Приглашение и программа юбилейных мероприятий, посвященных 100-летнему юбилею Берлинского университета
СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 93. Л. 38 и 42*

которым стал Е. Ф. Шмурло. В 1903 г. он выехал в Рим и приступил к работе. В последующие годы найденные документы издавались в двух параллельных сериях: «Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией» и «Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией». Обе серии печатались под контролем А. С. Лаппо-Данилевского.

Архивные изыскания и археографические работы А. С. Лаппо-Данилевского пробудили в нем интерес к постановке архивного дела в России. Он внимательно следил за деятельностью губернских архивных комиссий, предлагал объединить и упорядочить их работу по собиранию и охране архивных ценностей. Обсуждение реформы архивного дела возглавило Русское историческое общество, которое об-

разовало Особую комиссию для обсуждения мер по сохранению местных архивных материалов. Став в 1914 г. членом Русского исторического общества, А. С. Лаппо-Данилевский вошел и в состав Особой комиссии, а вскоре стал ее секретарем. Весной 1917 г. он инициировал организацию Союза российских архивных деятелей и был избран председателем его совета. На эту общественную организацию, объединившую научных и архивных работников, он возлагал надежды по упорядочению архивного дела, обследованию архивов, их сохранению и последующему описанию. Однако развернуть широкую деятельность Союз не успел, так как уже осенью 1917 г. фактически прекратил свою работу, а весной 1918 г. влился в Главное управление архивным делом в составе Наркомпроса. Большевицкая политика централизации

архивов шла вразрез с убеждением А. С. Лаппо-Данилевского, что архивы (как и наука в целом) не могут иметь партийный характер. Ученый объявил о своей отставке и вышел из Союза российских архивных деятелей.

В деятельности А. С. Лаппо-Данилевского важное место занимало и его всемерное содействие развитию международных научных связей, которые позволяли шире обмениваться информацией, дискутировать, осуществлять совместные проекты. К концу XIX — началу XX в. Россия начала встраиваться в международное научное сообщество, постепенно переходя от роли наблюдателя к роли участника. Часто работавший в зарубежных архивах, состоявший членом ряда международных научных сообществ А. С. Лаппо-Данилевский имел широкий круг знакомств в Европе. Археографические издания, выходившие под его руководством, завоевали авторитет далеко за пределами России. Ученый использовал свои возможности для налаживания международных контактов Академии. Он участвовал в организации съезда Международной ассоциации академий, в 1908 г. в Берлине и в 1913 г. в Лондоне представлял Петербургскую Академию наук на конгрессах исторических наук. На лондонском съезде он был избран почетным вице-президентом и выступил с докладом «Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времени Смуты и до эпохи преобразований», в котором дал поэтапное исследование государственной идеи в России, особо отметив переломные моменты истории. Этот доклад произвел впечатление на слушателей и сразу был напечатан

в Оксфорде. Успех русской делегации в Лондоне способствовал тому, что местом следующего конгресса историков в 1918 г. был определен Санкт-Петербург. Председателем исполнительного комитета по подготовке его проведения стал А. С. Лаппо-Данилевский. По возвращении в Россию он сразу развернул организационные мероприятия, но начавшаяся Первая мировая война, а затем и революционный кризис в России перечеркнули эти планы.

По свидетельству Г. В. Вернадского, «для Европы и Америки Лаппо-Данилевский был живой связью с русской исторической наукой. Когда кто-либо из иностранных ученых приезжал в Россию для занятий в архивах и библиотеках, он прежде всего обращался в Академию наук к Лаппо-Данилевскому, и тот налаживал ему нужные для него знакомства...»³²¹ С началом Первой мировой войны окрепли позиции Антанты, и внутри блока оживились культурные контакты, наметилось научное сотрудничество. Интерес к России был настолько велик, что, невзирая на военное время, в 1916 г. между учеными Англии и России произошел обмен визитами: в Петроград приезжали английские историки, а российские ученые, откликнувшись на приглашение прочесть цикл лекций, посетили Кембридж. Одним из приглашенных был А. С. Лаппо-Данилевский, представлявший Академию наук. Он прочел две лекции на тему «Развитие науки и учености в России» и вместе с русскими коллегами получил степень доктора права *honoris causa* (во внимание к заслугам) — редкой чести для русских ученых.

Академия наук планировала ряд мероприятий, которые бы позволили

³²¹ Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998. С. 187.

Вновь избранные доктора права honoris causa Кембриджского университета с английскими коллегами. Сидит крайний слева П. Н. Милюков; стоят: 2-й слева П. Б. Струве, 3-й слева — А. С. Лаппо-Данилевский. Кембридж. 11 августа 1916 г.

СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 42. Л. 1

ближе ознакомить западных коллег с достижениями российской науки. А. С. Лаппо-Данилевский и С. Ф. Ольденбург предложили издание фундаментального сборника очерков «Русская наука» и подробного справочного издания «Наука в России». Когда Академия поддержала проект, А. С. Лаппо-Данилевский возглавил работу и привлек к написанию очерков 57 крупнейших ученых, перед которыми ставил задачу осветить и историю, и актуальное состояние российской науки в самых разных областях знания.

Хотя из-за объективных трудностей этот замысел не воплотился в полной мере, многие идеи были реализованы уже после кончины академика.

Историк ушел неожиданно рано, скоропостижно, в расцвете научных и физических сил. Скорбь коллег и учеников усиливало сознание того, что «среди наличных русских историков нет равного ему по эрудиции, многосторонности, энергии и трудоспособности», а «в живом теле Академии образовалась пустота, заполнить которую нет возможности»³²².

³²² Дьяконов М. А. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863—1919). Некролог // Известия РАН. VI сер. 1919. Т. 13. Вып. 8—11. С. 366.

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ РОСТОВЦЕВ (1870—1952)

Академик Михаил Иванович Ростовцев³²³ был наиболее значимым представителем петербургской исторической школы на заключительном этапе развития дореволюционного российского антиковедения, классической и скифо-сарматской археологии. Он стал одним из тех ученых, кто вывел российскую историческую науку на мировой уровень. В июне 1918 г. под предлогом заграничной командировки 47-летний действительный член Российской академии наук М. И. Ростовцев навсегда оставил Россию, бежав от последствий большевистского переворота через Швецию и Норвегию в Великобританию, ненадолго обосновался в Оксфорде (1918—1920), откуда в 1920 г. переехал в США, став профессором сначала Висконсинского (1920—1925), а затем Йельского (1925—1944) университетов. В 1929 г., после «Дела академика С. А. Жебелёва» (1928)³²⁴ и в разгаре «Академического дела» (1929—1931), ученый принял американское подданство.

Фундаментальные исследования М. И. Ростовцева в области социально-экономической истории Рима и эпохи эллинизма, археологии и истории античной Ойкумены показали роль евразийского культурного пространства во всемирной истории и стали базовыми для изучения эпохи Древнего мира. Наиболее значительными трудами ученого считаются изданные

*М. И. Ростовцев. Нью-Хейвен (штат Коннектикут, США). [Начало 1926 г.]
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Р. Д. 104. Л. 1*

на английском языке «The Social and Economic History of the Roman Empire» (Социально-экономическая история Римской империи; 1926) и «The Social and Economic History of the Hellenistic World» (Социально-экономическая история эллинистического мира; 1941), неоднократно переиздававшиеся на основных европейских языках. Современники и потомки отмечали уникальность кругозора М. И. Ростовцева как

³²³ О нем см.: Скифский роман / под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997; Парфянский выстрел / под ред. Г. М. Бонгард-Левина, Ю. Н. Литвиненко. М., 2003.

³²⁴ Тункина И. В. «Дело» академика С. А. Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб., 2000. Вып. 2. С. 116—161.

М. И. Ростовцев
и византинист А. А. Васильев.
[Нью-Хейвен. 1926 г.]
СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1.
Д. 91. Л. 5

историка, доминировавшего в исторических и археологических исследованиях древнего мира в первой половине XX в. В множестве исторических субдисциплин, каждая из которых требовала собственной методики изучения источников, он был первопроходцем, и в каждую он привнес не только огромную ученость и поразительную исследовательскую силу, но понимание связанных с ними более широких исторических проблем. Его основные выводы вызвали споры и критику, но ему судьбой было обеспечено место среди очень небольшой группы ученых, чье научное творчество знамено-

вало собой эпоху во многих областях древней истории.

Вынужденная эмиграция способствовала получению М. И. Ростовцевым мировой научной известности и созданию им американской школы антиковедения. В западноевропейской и американской науке с 1950-х гг. сформировался стереотип, согласно которому основные идеи и концепции, сделавшие М. И. Ростовцева классиком науки, сложились уже после эмиграции ученого, так как именно в США он получил наиболее благоприятные условия для научной работы³²⁵. Изучение архивного наследия и трудов, опу-

---

³²⁵ См., например: Wes M. A. Michael Rostovtzeff, *Historian in Exile: Russian Roots in an American Context*. Stuttgart, 1990 (Historia Einzelschriften Heft 65).

бликованных М. И. Ростовцевым в русский период его жизни (1894—1918), убедительно опровергает эти искусственные историографические построения³²⁶.

М. И. Ростовцев родился в Житомире в многодетной семье латиниста и переводчика с классических языков И. Я. Ростовцева, обучался в Первой киевской классической гимназии, где преподавали его отец и дед, затем продолжил образование на историко-филологическом факультете Университета Св. Владимира (1886—1888) в Киеве, где, по собственному признанию, «заинтересовался русской историей и классической древностью»³²⁷.

Семена полученных М. И. Ростовцевым в классической гимназии и в Киевском университете базовых знаний и навыков проросли уже в северной столице. В 1890 г. юноша перевелся в Санкт-Петербургский университет, где получил блестящую историко-филологическую подготовку у профессоров Ф. Ф. Соколова, П. В. Никитина, И. В. Помяловского, В. К. Эрнштедта. Но своими учителями в науке уже в эмиграции М. И. Ростовцев называл только двух петербургских профессоров — почетного члена Императорской Академии наук Ф. Ф. Зелинского и академика Н. П. Кондакова.

Закончивший Санкт-Петербургский университет с дипломом первой степе-

ни, М. И. Ростовцев был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре классической филологии «без стипендии» (1892—1899). В августе 1892 г. молодой ученый был назначен сверхштатным преподавателем древних языков в Императорскую Николаевскую гимназию в Царском Селе и номинально оставался в этой должности до 1 августа 1895 г.³²⁸ С мая по август 1893 г. 22-летний учитель Царскосельской гимназии М. И. Ростовцев был впервые командирован за границу с ученой целью³²⁹. С рекомендациями Санкт-Петербургского университета и своего учителя Ф. Ф. Зелинского М. И. Ростовцев приехал в Рим для изучения археологических памятников и познакомился с сотрудниками Римского отделения Германского археологического института, в Помпеях слушал лекции А. Мау. Экскурсии по Помпеям оказали большое влияние на формирование научных интересов молодого ученого: руины римского города на протяжении всей жизни оставались любимым памятником М. И. Ростовцева и предметом научного интереса — Помпеям посвящены его первая научная публикация (1894) и ряд работ по античной декоративной живописи. Главным из них стало исследование «Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж»³³⁰.

Вернувшись в Россию, М. И. Ростовцев выхлопотал стипендию Министер-

³²⁶ *Tunkina I. V. Rostovtzeff entre archéologies russe et allemande avant 1914 // L'héritage germanique dans l'approche du décor antique: Actes de la table ronde organisée à l'École normale supérieure le 23 novembre 2012 / Édité par H. Eristov et Fl. Monier. Bordeaux, 2014. P. 97—114.*

³²⁷ *Бонгард-Левин Г. М. Автобиографические материалы М. И. Ростовцева // Скифский роман. М., 1997. С. 47.*

³²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 74 (1006—1065). Л. 348 об.—349, 350 об.—351.

³²⁹ Там же. Л. 349 об.—350.

³³⁰ *Ростовцев М. И. 1) Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж. СПб., 1908; 2) Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж // Записки Классического отделения Императорского Русского археологического общества. 1910. Т. 6. С. 1—144.*

М. И. Ростовцев (слева),
археолог и историк
искусства Я. И. Смирнов,
Н. П. Кондаков. Венеция.
Апрель 1896 г.

СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 5.
Д. 9. Л. 15

ства народного просвещения и сдал магистерские экзамены. С 1895 по 1898 г. он находился в неоднократно продлеваемой заграничной командировке для подготовки магистерской диссертации, во время которой объездил все Средиземноморье и завязал контакты с представителями европейских научных центров, слушал лекции известных западноевропейских антиковедов. Магистрант побывал в Стамбуле в Русском археологическом институте в Константинополе, затем в Афинах, путешествовал по Пелопоннесу и островам Архипелага, посетил города Малой Азии, побывал на холме Гиссарлык, отождествляемом с легендарной Троей, вновь отправился в Рим и Помпеи. Осматривая памятники, М. И. Ростовцев ознакомился с результатами археологических раскопок немецких коллег. В Вене он смог изучить богатый матери-

ал, собранный для издания корпуса малоазийских надписей, слушал лекции по эпиграфике. В конце весны — начале лета 1896 г. вместе с Н. П. Кондаковым и Я. И. Смирновым М. И. Ростовцев объехал Испанию, где «учился смотреть и видеть» памятники.

В годы трехлетней заграничной командировки М. И. Ростовцев стал собирать материалы не только для магистерской, но и для задуманной докторской диссертаций. Путь его лежал в Париж для знакомства с собранием римских свинцовых тессер, затем он продолжил сбор, описание и систематизацию материала больших коллекций свинцов, хранящихся в Лондоне и Риме. Во время пребывания за границей М. И. Ростовцев научился свободно говорить и писать на нескольких европейских языках, «в особенности по-итальянски, по-французски и по-немецки»³³¹, что

³³¹ *Бонгард-Левин Г. М. Автобиографические материалы М. И. Ростовцева // Скифский роман. М., 1997. С. 47.*

оказало значительное влияние на его последующую судьбу.

После возвращения из Европы, с начала 1899 г. М. И. Ростовцев был допущен к чтению лекций в качестве приват-доцента Санкт-Петербургского университета и вскоре защитил диссертацию на степень магистра римской словесности «История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана)» (1899), а через три года, 26 января 1903 г. — докторскую: «Римские свинцовые тессеры» (1903)³³². Эти исследования, выдвинувшие М. И. Ростовцева в ряды основоположников социально-экономического направления не только в русском, но и в мировом антиковедении, опираются на нарративные, папирологические, эпиграфические, нумизматические и археологические источники. Основой докторской диссертации стали рассеянные по многим европейским музеям римские свинцовые и костяные тессеры, которые были систематизированы М. И. Ростовцевым в три большие серии и классифицированы на 3599 типов. Этот значительный массив источников, ранее не привлекавший внимание специалистов, был фактически впервые введен им в научный оборот. Монографию сопровождал атлас слепков с тессер, изданный на средства Императорской академии наук при содействии ее вице-президента П. В. Никитина.

После защиты докторской диссертации с 1903 г. М. И. Ростовцев стал экстраординарным профессором, с 1908 г. ординарным профессором по кафедре

классической филологии Санкт-Петербургского университета. Параллельно с преподаванием в университете, с 1898 г. вплоть до 1918 г., М. И. Ростовцев преподавал как приват-доцент, затем профессор в частном учебном заведении — на Высших женских (Бестужевских) курсах, где до 1902 г. училась его будущая жена — С. М. Кульчицкая. После возвращения из зарубежной командировки ученый стал деятельным членом многих научных обществ, в том числе Императорских Русского и Московского археологических обществ, а с 1 сентября 1912 г. был назначен сверхштатным членом Императорской Археологической комиссии.

Практически ежегодно М. И. Ростовцев выезжал в заграничные командировки или летние вакационные поездки в Европу³³³, принимал участие в международных исторических и археологических конгрессах в Риме (1903), Афинах (1905; 1912), Берлине (1908), Лондоне (1913) и др. «Пребывание в Европе — особенно в Германии — на меня действует всегда удивительно. Всегда возвращаешься с целым запасом всяких тем, мыслей и желаний», — делился он впечатлениями с С. А. Жебелёвым 16 августа 1904 г.³³⁴

На заре XX в. в Риме М. И. Ростовцев завязал контакты с берлинским филологом-классиком и организатором науки Ульрихом фон Виламовиц-Мёллендорфом (1848—1931), который пророчески предсказал, что со временем Ростовцев станет первым историком мира. Прорывом в науке стал доклад М. И. Ростовцева о проис-

³³² *Rostowzew M.* 1) *Tesserarum Urbis Romae et Suburbi Plumbeae Sylloge.* SPb., 1903; 2) *Tesserarum Plumbeae Urbis Romae et Suburbi. Tabulae I—XII.* Petropoli, 1903.

³³³ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 74 (1006—1065). Л. 353 об.—364.

³³⁴ Скифский роман. М., 1997. С. 402 № 37.

М. И. Ростовцев
и С. М. Ростовцева (урожд.
Кульчицкая). Свадебная
фотография. Санкт-
Петербург. 1901 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Р.
Д. 104а. Л. 1

М. И. Ростовцев в Риме. 1926 г.
СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 92. Л. 2

хождении римского колоната на Международном историческом конгрессе в Берлине (1908), который произвел большое впечатление на коллег. Из доклада выросла немецкоязычная монография по истории римского коло-

ната³³⁵, корни которого автор нашел на эллинистическом Востоке. До начала Первой мировой войны М. И. Ростовцев регулярно приезжал не только в Германию, но и в Италию «раз в два-три года и надолго», общаясь, прежде всего, с немецкой колонией, которая объединилась вокруг Германского археологического института, систематически работал с фондами музеев и библиотек. Тесное научное общение с немецкими коллегами не прошло даром: еще в 1898 г. М. И. Ростовцев был избран членом-корреспондентом Германского археологического института, а в 1903 г. — его действительным членом.

С конца 1890-х гг., благодаря членству в Императорском Русском археологическом обществе, М. И. Ростовцев стал вовлекаться в проблематику исследований об античных древностях Северного Причерноморья. К началу XX в. стали известны сотни памятников античной и скифской культуры, которые из-за языкового барьера были практически неизвестны европейским

³³⁵ Rostowzew M. Studien zur Geschichte des Römischen Kolonates. Leipzig; Berlin, 1910.

ученым. С 1905 г. М. И. Ростовцев, вооруженный знаниями и кругозором, полученными в «кружке фактопклонников» Н. П. Кондакова и теорией А. Мау об эволюции помпейской живописи³³⁶, при финансовой поддержке Императорской Археологической комиссии сам приступил к изучению памятников юга России. Он совершал ежегодные поездки по южнорусским музеям, городищам и некрополям для знакомства с открытыми артефактами. По его просьбе были вскрыты и сфотографированы раскопанные ранее расписные склепы, а художник М. В. Фармаковский скопировал для М. И. Ростовцева все сохранившиеся к началу XX в. остатки античной декоративной живописи.

В 1913—1914 гг. Императорская Археологическая комиссия издала фундаментальный труд М. И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России», который автор посвятил своему учителю — Н. П. Кондакову³³⁷. Главная заслуга М. И. Ростовцева состояла в систематизации значительного массива забытого, сырого и малоизученного материала и кардинальном пересмотре итогов его изучения предшествующей историографией. Автор реконструировал историю античного искусства на юге России на протяжении свыше тысячи лет — с IV в. до н. э. вплоть до IV—V вв. н. э. На основе анализа архивных материалов М. И. Ростовцев сумел локализовать местоположение давно открытых, но впоследствии забытых и утраченных

для науки памятников. Путем кропотливого анализа античной нарративной традиции, эпиграфики, нумизматики и данных археологии (включая всю совокупность материалов погребальных комплексов и деталей декоративной живописи) ученый впервые создал схему развития живописи на юге России и установил общие принципы декорирования погребальных склепов. Для подтверждения своих выводов М. И. Ростовцев привлек многочисленные аналогии из практически всей эллинистической и римской Ойкумены. Монография М. И. Ростовцева открыла неизвестный ранее ученым «культурный мир» и исследовала историю эволюции античной декоративной живописи в целом, а не только памятников северного берега Понта.

Фундаментальный труд М. И. Ростовцева стал ценнейшим вкладом русской науки в общеевропейскую антиковедческую литературу. Его выводы и огромный новый материал, введенный в научный оборот, вызвал переворот в области исследования античной декоративной живописи, показал его истоки, эволюцию и гибель, открыл новые страницы древней истории Северного Причерноморья, осветил античное искусство и различные стороны жизни древнего мира в целом. Непреходящее значение этой работы, в том числе для современной науки, подтверждает ее французский перевод, изданный уже в новом тысячелетии³³⁸.

С начала 1910-х гг. М. И. Ростовцев все глубже погружался в изуче-

³³⁶ *Maui A. Geschichte der decorativen Wandmalerei in Pompeji. Berlin, 1882.*

³³⁷ *Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. Т. 2: Атлас. СПб., 1913; Т. 1: Описание и исследование памятников. Текст. СПб., 1914.*

³³⁸ *Rostovtzeff M. La peinture décorative antique en Russie méridionale: Saint-Petersbourg 1913—1914. Paris, 2003. Vol. 1: Texte, description et étude des documents. Vol. 2: 112 planches.*

М. И. Ростовцев (пятый справа во 2-м ряду) и Я. И. Смирнов (третий ряд) среди ученых в Римском отделении Германского археологического института.

Рим. [Ноябрь 1896 — март 1897 г.]

СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 86. Л. 5

ние античных государств юга России — Ольвии, Херсонеса Таврического и Боспорского царства, анализируя их взаимоотношения с варварским окружением. Ученый рассматривал Боспорское царство как государственное объединение эллинистического типа, совмещающее в себе черты эллинской и восточной культур. Одновременно он изучал историю и памятники Скифии, придавая большое значение скифскому, или иранскому, субстрату в сложении политических и культурных традиций населения Северного Причерноморья античной эпохи. Сложившуюся концепцию о скрещении эллинизма с иранством на юге Рос-

сии М.И. Ростовцев впервые изложил в докладе на Лондонском конгрессе историков 1913 г. “Iranism and Ionism in South Russia”, позднее переработанном в научно-популярную книгу, изданную на русском и английском языках³³⁹. В том же году был опубликован труд английского ученого Э. Х. Миннза “Scythians and Greeks”, вызвавший научную ревность М. И. Ростовцева и давший импульс дальнейшим исследованиям русского ученого о памятниках юга России. Весь собранный и скрупулезно проанализированный материал в итоге вошел в фундаментальный труд «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства», известный как

³³⁹ *Ростовцев М. И. Эллинизма и иранство на юге России. Пг., 1918; Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.*

«Скифия и Боспор»³⁴⁰. Книга планировалась как двухтомник — анализ источников (письменных и археологических) и изложение истории. Второй том М. И. Ростовцев написал по-немецки, так как планировал издать его в Германии и даже успел отправить туда рукопись до начала войны. Первая мировая война, революция и Гражданская война в России, а затем и эмиграция М. И. Ростовцева в 1918 г., перечеркнули планы и русского, и немецкого изданий. «Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических» (1925) была опубликована на русском языке только в виде первого тома при содействии оставшихся в Советской России коллег и друзей автора — В. В. Латышева, Б. В. Фармаковского, С. А. Жебелёва и Н. Я. Марра. В 1931 г. книга вышла в Германии в авторизованном М. И. Ростовцевым немецком переводе³⁴¹. Второй том остался в рукописи в России, его фрагменты были изданы в 1990-е гг. в немецком переводе Хайнца Хайнена³⁴².

Обстоятельный анализ письменных и археологических источников о Северном Причерноморье античной эпохи позволил М. И. Ростовцеву выделить хронологические пласты в истории и культуре Боспорского царства и его «варварского» окружения. Им была разработана периодизация эпохи расцвета античной культуры в Причерноморье и намечена динамика историче-

ского развития греческих государств. Ученый предложил оригинальную концепцию роли скифов в истории Боспора и влияния Боспора на исторические процессы, протекавшие в Скифии. М. И. Ростовцев не ограничивался анализом результатов раскопок греческих городов и их некрополей, а обратился к памятникам отдаленных территорий «варварского» хинтерланда. Автор попытался вычленивать и дифференцировать локальные варианты культур скифской эпохи и памятники «смешанного типа», которые можно связать с местным эллинизированным населением. Особое внимание он уделил изучению феномена «припонтийского» культурного синтеза как результата взаимодействия греческой и «варварской» культур. Одной из задач русской археологии ученый считал «систематическое издание отдельных крупных находок, особенно отдельных больших курганов и групп курганов, сопровождаемое их тщательным исследованием», и «систематическое опубликование археологического материала отдельных некрополей греческих городов»³⁴³.

Монографию должен был иллюстрировать роскошный трехтомный атлас южно-русских древностей «Памятники Скифии и Боспора», средства на издание которого ассигновала Академия наук в 1917 г., но он в свет не вышел, как и другое задуманное

³⁴⁰ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925.

³⁴¹ Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. Berlin, 1931. Bd 1: Kritische Übersicht der schriftlichen und archaologischen Quellen. Allein berechtigte Übersetzung aus dem russischen neu Bearbeitet für Deutschland und mit neuem Kartenmaterial versehen.

³⁴² Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. Bd. II. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes / Hrgb. H. Heinen. Stuttgart, 1993.

³⁴³ Ростовцев М. И. Классические и скифские древности северного побережья Черного моря / публ. И. В. Тункиной // Петербургский археологический вестник. 1993. № 5. С. 29.

Протокол избрания М. И. Ростовцева
в действительные члены Академии наук.
Петроград. 15 апреля 1917 г.
СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 134. Л. 16

М. И. Ростовцевым издание — иллюстрированный корпус монет Северного Причерноморья, который готовился им при содействии хранителей Нумизматического отделения Эрмитажа О. Ф. Ретовского и А. К. Маркова³⁴⁴.

Фундаментальные труды М. И. Ростовцева, опубликованные до его эмиграции, стали высшим достижением дореволюционного русского антиковедения, а имя их автора стало широко известно научному миру: в июне 1914 г., по представлению профессо-

ра Берлинского университета Э. Мейера, М. И. Ростовцев был избран членом-корреспондентом Прусской академии наук в Берлине. Результаты своих исследований М. И. Ростовцев, как правило, сначала издавал на русском языке, затем на одном из западно-европейских, благодаря чему его труды способствовали знакомству ученых Европы с замечательными памятниками Северного Причерноморья античной эпохи. В 1908 г. ординарный профессор Санкт-Петербургского университета М. И. Ростовцев был единогласно избран членом-корреспондентом Императорской академии наук, а в апреле 1917 г., в возрасте 46 лет, ординарным академиком. «Его глубокая преданность науке, необычайно широкие научные интересы, кипучая энергия, дар инициативы, способность к чрезвычайно интенсивной работе дают полное ручательство в том, что со вступлением его в среду академиков польется новая струя в деятельность разряда классической филологии и археологии и что в особенности в изучении прошлого нашей южной окраины, составляющей прямую и естественную обязанность русской науки, наступит время широкого прогресса», — писал академик В. В. Латышев³⁴⁵.

Спешный отъезд за границу под предлогом заграничной командировки от Российской академии наук и Петроградского университета летом 1918 г. закрыл для М. И. Ростовцева доступ к материалам раскопок памятников Северного Причерноморья, фондам музеев, библиотек и архивов, новейшей отечественной научной литературе. За-

³⁴⁴ Тункина И. В., Абрамзон М. Г. К истории создания «Корпуса монет Боспора» // Вестник древней истории. 2020. Т. 80. № 4. С. 1025—1061.

³⁴⁵ Скифский роман. С. 85—88.

ниматься этой проблематикой далее оказалось невозможно. Свою оторванность от России и оставшихся на родине друзей и коллег ученый переживал крайне болезненно, о чем свидетельствует его эпистолярное наследие.

Феномен личности и творчества М. И. Ростовцева может быть объяснен его научными корнями — синтезом идей и методов, воспринятых от представителей историко-филологического и культурно-исторического направлений в русском антиковедении, а также полевыми и кабинетными практиками, заимствованными им в годы стажировок в западноевропейских научных учреждениях, прежде всего, в стенах Римского отделения Германского археологического института. «На первый взгляд кажется, — писал М. И. Ростовцев, — что различные области истории, в которых я работал и работаю еще, не связаны между собой. Но это только так кажется. Мое стремление понять с исторической точки зрения проблемы, которые меня интересовали с самого начала моей научной работы, с неизбежностью и органично вело меня из одной области в другую»³⁴⁶.

Своими нетленными трудами, которые не девальвировало прошедшее столетие, М. И. Ростовцев имманентно призывал своих последователей к системности в изучении исторического и археологического материала, к сохранению и умножению традиций петербургской историко-филологической школы с ее приматом источниковеде-

ния и историографии, к научной честности и добросовестности, так как только при этих условиях археологическое знание становится объективацией исторического знания. Исследовательская программа М. И. Ростовцева по изучению памятников Скифии и Боспора стала практическим руководством по развитию античной и скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья в советское и постсоветское время. Представители петербургской-ленинградской археологической и историко-филологической школ целое столетие сохраняли сознание преемственности и взаимосвязи с М. И. Ростовцевым, причем во времена СССР на уровне «устного предания» и замаскированных ссылок в научном аппарате³⁴⁷. Постановка проблемы «эллинизма и иранства», взаимодействия вышедших из «Средней Азии варваров и древних цивилизаций в Евразии стала наиболее существенным вкладом российской науки в мировое гуманитарное знание XX в. Выявленная и исследованная М. И. Ростовцевым система отношений «Скифия — Боспор» в период перехода от Древности к европейскому Раннему Средневековью послужила моделью исторической эволюции всего культурно-исторического пространства античной Ойкумены, ставшего фундаментом современной цивилизации и определившего ее особенности. Именно в этом и состоит уникальный и грандиозный вклад М. И. Ростовцева в развитие мировой исторической науки.

³⁴⁶ Бонгард-Левин Г. М. Автобиографические материалы М. И. Ростовцева. С. 46, 47.

³⁴⁷ Лебедев Г. С. «Скифский роман» и его герой: М. И. Ростовцев и его место в отечественной исторической науке // Вестник древней истории. 2003. № 2. С. 172.

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В РОССИИ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Создание в Санкт-Петербурге в 1724 г. Академии наук, любимого детища Петра Великого, было высшим достижением его реформаторской деятельности в области духовного развития страны. Среди первых академиков «петровского призыва» был Готтлиб Зигфрид Байер (Gottlieb Siegfried Bayer, 1694—1738), уже получивший европейскую известность историк и исследователь восточных языков. Однако первый российский академик-востоковед не создал школы, и после его ухода из Академии история отечественной академической ориенталистики прервалась почти на 100 лет.

Обновление российского востоковедения началось спустя полвека в ходе реформ Александра I. В 1803 г. Академии был пожалован новый регламент,

а в 1804 г. принят первый общий устав российских университетов. В отношении востоковедения основная ставка была сделана на университетское преподавание, приобретшее систематический характер.

Кафедра востоковедения в Казанском университете была замещена в 1807 г., когда в Россию был приглашен 25-летний Христиан Данилович Френ (1782—1851). Представитель западной школы ориенталистики, воспитанник Ростокского университета, Х. Д. Френ провел в восточной провинции Российской империи десять лет. «Казанский период» в жизни Х. Д. Френа дал ему непосредственное знакомство с «арабской схоластической традицией», чему способствовало тесное общение с местными «учеными тата-

Казань. Кремль.
Открытое письмо
профессора Б. А. Федченко
к члену-корреспонденту
Императорской академии
наук О. А. Федченко. 1899 г.
СПбФ АРАН. Ф. 808. Оп. 2.
Д. 262. Л. 5 об.

рами», в частности, с известной династией преподавателей Хальфиных³⁴⁸. В 1817 г., когда в Ростовском университете освободилась кафедра, Х. Д. Френ принял решение вернуться на родину, но по приглашению историка и нумизмата академика Филиппа Ивановича Круга (1764—1844) согласился в течение нескольких месяцев поработать над описанием богатой коллекции «магометанских монет» Кунсткамеры. Так случилось, что именно за этим предложением последовали события, круто изменившие судьбу не только самого Х. Д. Френа, но и российского академического востоковедения в целом.

Еще в Казани Х. Д. Френ попал в поле зрения государственного деятеля, графа Сергея Семёновича Уварова (1756—1855), в ту пору состоявшего попечителем Санкт-Петербургского учебного округа. Их переписка началась в январе 1815 г., когда С. С. Уваров направил Х. Д. Френу экземпляр незадолго до того опубликованного «Проекта Восточной академии» на немецком языке³⁴⁹.

23 (11) ноября 1818 г. С. С. Уваров обратился в Комитет Правления Академии наук с письмом «о необходимости устроить при Кунсткамере Академии особое отделение для медалей, рукописей и книг восточных»³⁵⁰. Директором Азиатского музея он предлагал назначить Х. Д. Френа, в котором видел человека, способного организовать первое в России специализированное востоковедное учреждение.

Х. Д. Френ. Литография с гравюры
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ф. Д. 28. Л. 1

С созданием Азиатского музея Академии наук начинается первый «золотой период» в истории российского академического востоковедения. В это время происходит институционализация и востоковедной, и всей гуманитарной российской науки, наблюдается становление самостоятельной школы отечественного востоковедения.

Имея целью расширение библиотеки Азиатского музея, С. С. Уваров добился выделения из казны значительной суммы в 25 тыс. руб. на приобретение 700 уникальных арабографичных рукописей от Жан-Батиста Луи Жака Руссо (Jean-Baptiste-Louis-Jacques-Joseph Rousseau, 1780—1831), французского консула в Алеппо и родственника

³⁴⁸ Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950. С. 78.

³⁴⁹ Проект С. С. Уварова был опубликован сначала на французском языке: «Projet d'une Academie Asiatique. St. Pbg, 1810» (без указания автора). Немецкий перевод: «Ideen von einer Asiatitischen Academie. SPb., 1811». Экземпляр с дарственной надписью Х. Д. Френу хранится в библиотеке Института восточных рукописей РАН. Русский перевод: Мысли о заведении в России Академии Азиатской // Вестник Европы. 1811. Ч. 1. С. 27—52; Ч. 2. С. 94—116.

³⁵⁰ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2—1818. Д. 52. Л. 12—13.

*В. М. Алексеев в рабочем кабинете в Азиатском музее
СПбФ АРАН. Ф. 820. Оп. 1. Д. 109. Л. 4*

*Б. А. Дорн
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-д. Д. 196. Л. 1*

великого философа. Работа с этим собранием дала импульс развитию арабистики и востоковедения в России.

Накопление академических коллекций как основы для исследований было важнейшей частью развития востоковедения в период становления Азиатского музея. Х. Д. Френ составил инструкции, на основе которых с 1830-х гг. всем сотрудникам Министерства иностранных дел, служившим на Востоке, предписывалось покупать рукописи и книги на восточных языках, и этот порядок неукоснительно соблюдался до 1914 г., вплоть до начала Первой мировой войны.

С 1830-е гг. Императорская Санкт-Петербургская академия наук значительно расширила свою деятельность, получила возможность приумножить коллекции и открыть новые учреждения. В Уставе Академии наук, утвержденном Николаем I в 1836 г., «восточная

словесность и древности» впервые были упомянуты среди наук, «усовершенствованием коих Академия должна заниматься»³⁵¹.

В 1842 г. директором Азиатского музея был назначен академик Борис Андреевич Дорн (1805—1881) — крупный арабист, афганист и иранист, которому суждено было возглавлять музей почти 40 лет. При Б.А. Дорне музей стал крупнейшим собранием восточных рукописей и превратился в значительный научный центр, который привлекал к себе востоковедов Санкт-Петербурга и Москвы, многих зарубежных ученых.

Переломный этап в истории отечественного востоковедения начался в середине XIX в., когда внешнеполитические интересы России потребовали более актуальной интерпретации сведений о Востоке, а также подготовки большого количества востоковедов-практиков. 22 октября (3 ноября) 1855 г. указом Николая I в Санкт-Петербургском университете был создан Факультет восточных языков (ныне Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета), собравший в числе преподавателей «цвет русского востоковедения того времени»³⁵². В этот период вплоть до конца 1920-х гг. роль Академии как «руководящего востоковедного научного учреждения» на время отошла на второй план³⁵³: востоковедение раз-

К. Г. Залеман

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-3. Д. 17. Л. 1

вивалось в основном в университетах и благодаря членам Восточного отделения Императорского Русского археологического общества.

После смерти Б.А. Дорна наступил непростой период в истории российского академического востоковедения. До 1890 г., когда Азиатский музей возглавил выдающийся иранист Карл Германович Залеман (1849—1916), ни для одного из троих сменившихся на посту директора ученых служение Азиатскому музею не стало главным делом жизни³⁵⁴.

³⁵¹ Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 93.

³⁵² Кононов А.Н. Восточный факультет Ленинградского университета // Ученые записки ЛГУ. 1960. № 296. Сер. востоковедч. наук; вып. 13: Востоковедение в Ленинградском университете. С. 11.

³⁵³ Ольденбург С.Ф. Академия наук Союза Советских Социалистических республик за двести лет. Речь неперменного секретаря С.Ф. Ольденбурга, читанная в торжественном заседании конференции Академии 6 сентября 1925 года. Л., 1925. С. 13.

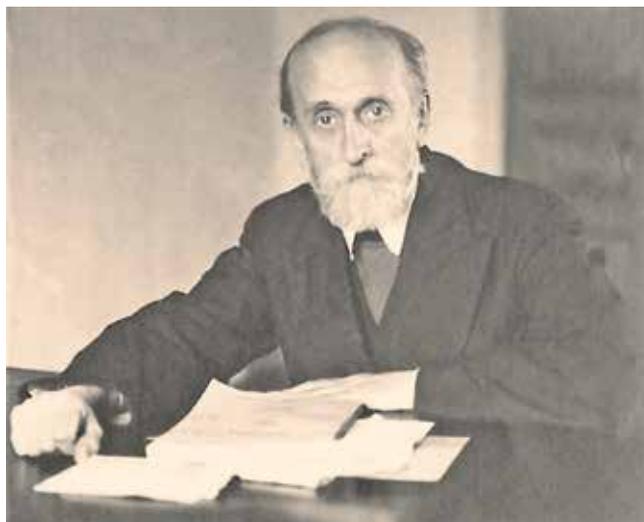
³⁵⁴ С мая 1881 г. по март 1882 г. директором Музея был выдающийся арабист Виктор Романович Розен (1849—1908), с мая 1882 г. по январь 1885 г. — Фердинанд Иванович Видеман (1805—1887), специалист по финно-угорским языкам, в 1885—1890 гг. должность директора исполнял основатель российской школы тюркской филологии академик Василий Васильевич Радлов (1837—1918).

П. К. Козлов и шведский путешественник С. Гедин в Урге (Монголия). 1923 г.
Фототипия с автографами обоих путешественников
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 347

Масштабная индустриализация и урбанизация страны конца XIX — начала XX вв. привела к значительным политическим и социальным переменам. Одновременно продолжалось активное освоение азиатских периферий, вошедших в состав Российской

империи в середине XIX в. О новых задачах востоковедения и его возросшей роли в укреплении российской государственности К. Г. Залеман писал так: «...востоковедению у нас уже нельзя отвести место более или менее отвлеченной науки. Оно приобрело значе-

С. Ф. Ольденбург. 1910-е гг.
СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 5. Д. 26. Л. 15

С. Ф. Ольденбург и С. М. Дудин. Вторая Туркестанская экспедиция (1914—1915 гг.).
Рисунок из путевого дневника Б. Ф. Ромберга
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 54 об. — 55

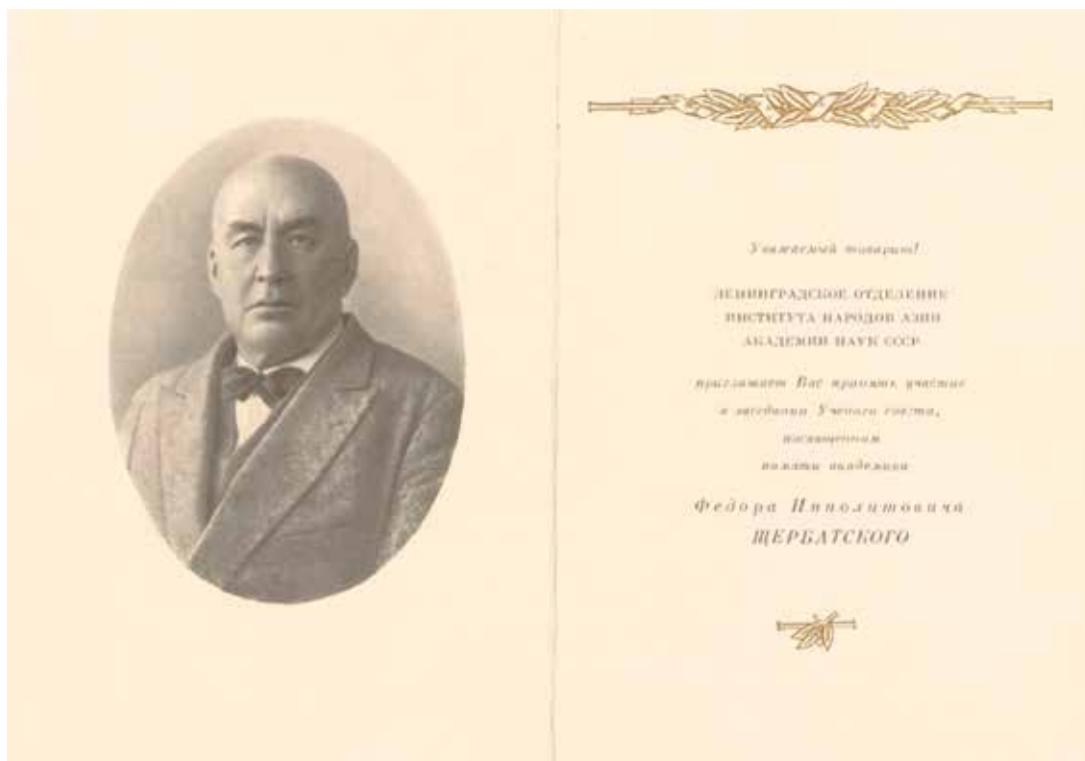
ние немаловажного фактора в государственной жизни»³⁵⁵.

На рубеже XIX—XX вв. Академия наук продолжала приобретать материалы для фундаментальных востоковедных исследований, ее собрания пополнялись ценнейшими экспедиционными коллекциями. Экспедиции, направляемые Россией в этот период в Азию, имели в первую очередь разведывательный характер, в организации наиболее крупных из них принимал участие Генеральный штаб Российской Императорской армии. При этом в задачи таких экспедиций входило и собирание сведений об исторических и археологических памятниках, приобретение археологических предметов и рукописей. Благодаря этим материалам в России возникли уникальные на-

правления науки — дуньхуановедение, тангутика, уйгуроведение, тюркская руническая эпиграфика.

Выдающиеся результаты принесли экспедиции Петра Кузьмича Козлова (1863—1935), открывшего в 1908 г. в пустыне Гоби (Внутренняя Монголия, Китай) остатки мертвого города Хара-Хото и доставившего в Санкт-Петербург памятники искусства и письменности народа тангутов, полностью уничтоженного монголами в XIII в. Уникальные материалы из Восточного Туркестана были собраны русскими туркестанскими экспедициями С. Ф. Ольденбурга 1909—1910 и 1914—1915 гг. В 1915 г. в Азиатский музей поступили рукописи из г. Дуньхуана (пров. Ганьсу, КНР), где в 1900 г. была случайно обнару-

³⁵⁵ СПбФ АРАН. Ф. 87. Оп. 2. Д. 387. Л. 2.

Приглашение на заседание Ученого совета Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР, посвященное памяти Ф. И. Щербатского
СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Щ. Д. 19. Л. 1—2 об.

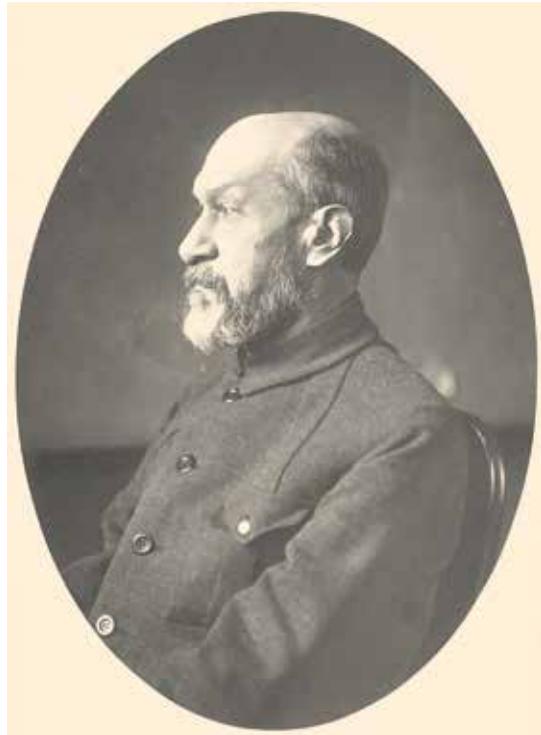
жена замурованная в буддийском пещерном храме библиотека.

Превращение Азиатского музея к концу XIX в. в крупнейший центр собирания и хранения письменных памятников народов Востока было важнейшим результатом работы российских востоковедов и стало одним из факторов, которые позволили академику В. В. Бартольду утверждать, что «в XIX веке изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе»³⁵⁶.

К 1890-м гг. относится формирование «новой школы русского востоковедения», основателем которой считается арабист, академик, декан Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, барон В. Р. Розен. Это время по праву считается вторым «золотым периодом» в истории отечественного востоковедения. Именно в эту пору оно сложилось как комплекс гуманитарных наук — истории, литературоведения, лингвистики, философии, этнологии, изучающих определенные регионы Востока.

В число ближайших учеников В. Р. Розена входили академики-востоковеды, которые сами позднее создали научные школы в своих дисциплинах — индианист и исследователь Центральной Азии С. Ф. Ольденбург (1863—1934), кавказовед-лингвист Н. Я. Марр (1864—1934), буддолог Ф. И. Щербатской (1866—1942), историк Востока и исламовед В. В. Бартольд (1869—1930), арабист И. Ю. Крачковский (1883—1951).

Октябрьская революция 1917 г. вызвала неоднозначное отношение научного сообщества России: с одной

В. В. Бартольд

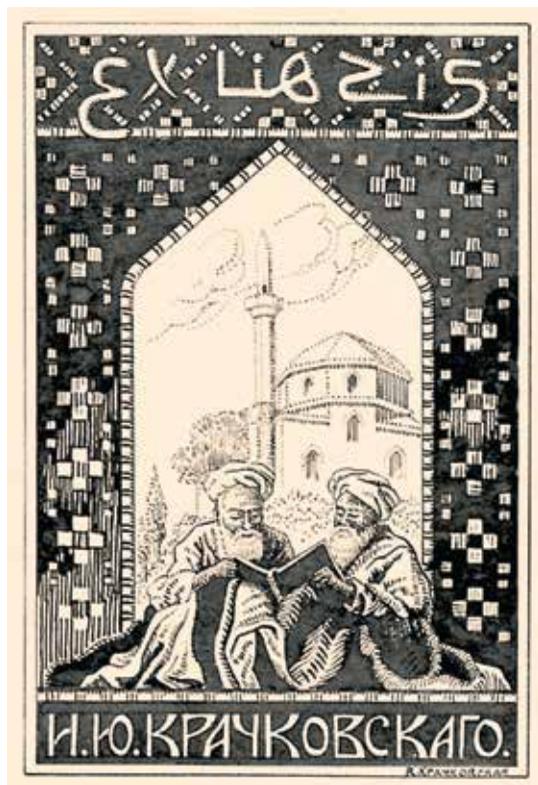
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 119. Л. 1

стороны, существовало неприятие политических перемен, с другой — сохранялась острая потребность в исследовательской работе, понимание ее особого значения в новых условиях. В этот период огромную роль в организации отечественной академической востоковедной науки сыграл С. Ф. Ольденбург. В историю нашей страны академик, многолетний непреременный секретарь Академии С. Ф. Ольденбург вошел, прежде всего, как выдающийся организатор науки и один из разработчиков первого советского устава Академии наук СССР. В истории востоковедения С. Ф. Ольденбург остается как выдающийся ученый — индолог, иранист, исследователь Центральной Азии, благодаря авторитету которого была сохранена отечественная шко-

³⁵⁶ Бартольд В. В. Сочинения. Т. IX: Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 418.

И. Ю. Крачковский. 1927 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 87. Л. 1

Экслибрис И. Ю. Крачковского.
Гравюра В. А. Крачковской. 1913 г.
СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 9. Д. 29. Л. 3 об.

ла востоковедения. 7 декабря 1916 г. С. Ф. Ольденбург был избран директором Азиатского музея, который в 1930 г. (во многом его усилиями) был реорганизован в Институт востоковедения Академии наук СССР.

Создание первых научных институтов, проекты которых вносились в правительство страны начиная с 1900-х гг., было важным шагом новых властей для установления сотрудничества с руководством Академии наук. Подходя к реформе востоковедения, С. Ф. Ольденбург писал, что в соответствии с требованием времени оно должно было «раздробившись, стать неотъемлемой частью экономики, истории, языкознания, литературоведения и т. д.»³⁵⁷

Проводившаяся С. Ф. Ольденбургом после Октябрьской революции работа в Азиатском музее свидетельствует о том, что он планомерно реализовывал программу развития отдельного научного учреждения Академии, которая должна была, по его убеждению, принять на себя роль главного координатора научных исследований в стране.

В 1929 г. была принята «Декларация о задачах востоковедной науки», в которой подчеркивалась необходимость всестороннего и глубокого изучения стран Востока в новой политической обстановке. Для этого предлагалось создать научно-исследовательский Институт востоковедения,

³⁵⁷ Ольденбург С. Ф. Советское востоковедение // Фронт науки и техники. 1931. № 7—8. С. 65.

Л. З. Эйдлин, В. М. Алексеев, И. М. Ошанин. 1949 г.

СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-А. Д. 18. Л. 6

которому поручалось выполнение актуальной задачи коренной перестройки всей востоковедной науки в стране. При этом, создавая «новое» востоковедение, ученые, получившие образование в дореволюционной России, немало усилий приложили к тому, чтобы традиции академической востоковедной науки были сохранены и получили дальнейшее развитие. Этому спо-

собствовали основатели новых школ советского востоковедения академики Ф. И. Щербатской, В. М. Алексеев (1881—1951), И. Ю. Крачковский. Они трудились в разных дисциплинах, но в основе их научного творчества всегда лежали источник и текст.

В первой половине XIX в. особое развитие приобрела отечественная восточная археология, у основания ко-

*Табличка с квартиры академика
В. М. Алексеева*

СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-А. Д. 18. Л. 9

А. С. Уваров. 1874 г.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 2. Д. 5. Л. 1. Фрагмент

Графиня П. С. Уварова. С фотографии А. Штрауса,
гравированной Ю. Шублером
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-У. Д. 9. Л. 1

торой стояли Алексей Сергеевич (1824—1885) и Прасковья Сергеевна (1840—1924) Уваровы. 18 апреля 1919 г. декретом Совета народных комиссаров на основе Археологической комиссии была учреждена Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК). В 1926 г. РАИМК была реорганизована в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК), а в 1937 г. ГАИМК была преобразована в Институт истории материальной культуры (ИИМК) в составе Академии наук СССР.

После выхода Постановления Совнаркома от 25 апреля 1934 г. о переводе Академии наук СССР из Ленинграда в Москву Институт востоковедения остался в Ленинграде, продолжал свою работу в тяжелые дни блокады, с большими потерями героически пережил Великую Отечественную войну, в 1945 г. вернулся к обычной трудовой деятельности. Непростым был для института период начала 1950-х гг., когда руководство страны поставило перед востоковедением новые, более масштабные, чем прежде, задачи, связанные с изменением политической обстановки в мире после Второй мировой войны. В 1950 г. «в целях усиления научной работы, а также обеспечения повседневного руководства Институтом востоковедения» Совет Министров СССР решил перевести

И. А. Орбели

СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-О. Д. 136. Л. 1

институт из Ленинграда в Москву³⁵⁸. При этом рукописную коллекцию и фундаментальную библиотеку Азиатского музея было разрешено оставить в Ленинграде, где был создан Сектор рукописей и документов, который был расширен затем до Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук и, пройдя ряд реорганизаций, решением Президиума РАН от 19 июня 2007 г. был преобразован в Институт восточных рукописей РАН.

Третий «золотой период» в истории отечественной востоковедной науки,

связанный с деятельностью директора Института востоковедения в Москве Бободжана Гафуровича Гафурова (1908—1977) и заведующего Ленинградским отделением Института востоковедения Академии наук Иосифа Абгаровича Орбели (1887—1961), произошел в период обновления отечественного востоковедения после Второй мировой войны, когда в связи с мощными процессами государствообразования в Азии Советский Союз усилил свое присутствие на Востоке, и востоковедение стало важным фактором внешней политики нашей страны.

³⁵⁸ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1, ед. хр. 1049. Л. 58.

ВИКТОР РОМАНОВИЧ РОЗЕН (1849—1908)

В. Р. Розен

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Р. Д. 86. Л. 1

Барон Виктор Романович Розен принадлежит к тому кругу счастливых, которым было суждено не только оставить после себя многочисленных учеников, прославившихся в различных областях науки о Востоке, но и изменить подход к самой этой науке, превратив ее из занятия антикваров (каковой она была по преимуществу до середины XIX в.) в прикладную научную дисциплину и, тем самым, поставив ее на службу отечественной политике, армии и торговле.

Происходивший из дворян Эстляндской губернии, Виктор Романович Ро-

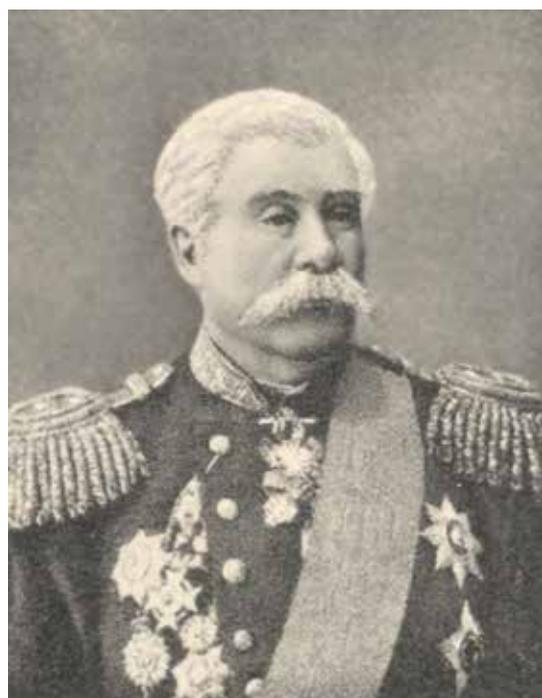
зен родился в 1849 г. в Ревеле (ныне г. Таллин). Его отец, барон Роман Романович Розен (1790—1867) служил советником Эстляндского губернского правления в Ревеле, а позднее состоял в должности вице-губернатора Эстляндской губернии (1852—1858). По матери, Елизавете Захарьевне (урожд. Сулхановой) В. Р. Розен был на четверть грузином. Его супругой (с 1883 г.) стала Ольга Феодосьевна Розен (1860—1924), дочь Ф. Ф. Веселаго, генерала флота и видного историка русского военно-морского флота, выпускница историко-филологического отделения Санкт-Петербургских высших женских курсов. В этом браке родились дети — Виктор (1885—1912) и Валентина (ум. 1887). При знатности рода семью В. Р. Розена нельзя было назвать зажиточной. По словам его ученика, впоследствии главы советской арабистики XX в., И. Ю. Крачковского (1883—1951), он был «из тех баронов, которые никогда не имели ни замков, ни имений, ни состояния, а с университетской скамьи всегда жили своим трудом и своим заработком, иногда очень тяжелым»³⁵⁹.

Волею обстоятельств В. Р. Розен оказался отлично подготовлен к будущей карьере ориенталиста широкого профиля и арабиста. В 1859 г. он поступил в старейшее Эстляндское дворянское училище — Ritter- und Domschule zu Reval. Эта школа, первое упоминание которой относится к 1619 г., просуществовала свыше 300 лет, до 1939 г. Многие ее выпускники прославили Российское Отечество. Среди них, на-

³⁵⁹ Цит. по: Долинина А. А. Невольник долга. СПб., 1994. С. 36.

Ревель. Открытое письмо профессора Б. А. Федченко члену-корреспонденту Императорской академии наук О. А. Федченко. 1903 г.
СПбФ АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 262. Л. 83 об.

Ф. Ф. Веселаго. Фототипия
СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 4. Д. 53. Л. 49 (фрагмент)

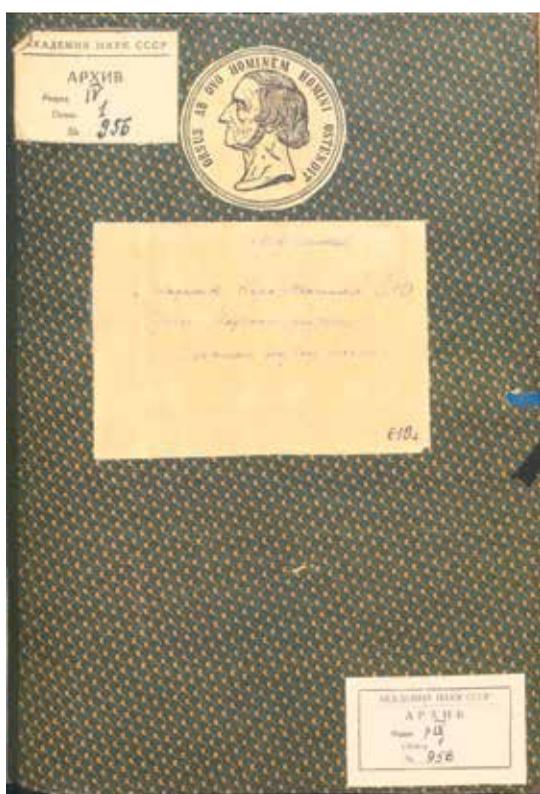

И. Ю. Крачковский
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 407. Л. 1

К. Э. фон Бэр

СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 956. Л. 1а

Обложка архивного дела с рукописным научным наследием К. Э. фон Бэра и виньеткой с профилем академика
СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 956

ряду с бароном В. Р. Розеном, можно назвать академика К. Э. фон Бэра, адмирала И. Ф. Крузенштерна — первого российского мореплавателя, совершившего кругосветное путешествие, и ряд других лиц. Школа давала, в частности, прекрасное гуманитарное образование. По ее окончании В. Р. Розен владел на уровне родных не только немецким, русским и французским языками (которые он, впрочем, знал и до поступления в школу), но также классическими языками и получил основательные познания в древнееврейском.

Поступив на восточный факультет Санкт-Петербургского университета в 1866 г., В. Р. Розен записался в арабско-персидско-турецко-татарский разряд, продолжая одновременно слушать лекции по древнееврейскому языку у профессора Д. А. Хвольсона (1819—1911). О последнем следует сказать, что его эрудиция простиралась далеко за рамки гебраистики. Д. А. Хвольсон имел весьма основательные познания и в других семитских языках, в частности, арабском и сирийском, а его труд о сабиях и сабизме по сей день остается одной из основополагающих работ по этой теме.

Свой первый научный труд арабист В. Р. Розен написал не по арабской, а по персидской словесности. Его «Полная оценка Шахнаме» была отмечена золотой медалью университета. По окончании университета (1870) он был командирован за границу, в Лейпциг, где два семестра (1870—1871) слушал лекции иностранного члена Императорской академии наук Г. Л. Флейшера. Вернувшись в Санкт-Петербург в 1872 г., будучи уже знаком с западноевропейской методологией исторического и лингвистического анализа, В. Р. Розен защитил магистерскую диссертацию

Д. А. Хвольсон
в рабочем кабинете
СПбФ АРАН. Р. X.
Оп. 1-X, д. 30. Л. 1

Лейпциг.
Университет.
Открытое
письмо профессора
А. В. Сапожникова
академику
А. Е. Фаворскому.
1899 г.
СПбФ АРАН. Ф. 798.
Оп. 2. Д. 103. Л. 3

по теме «Древнеарабская поэзия и ее критика» (1872) и получил звание доцента (1872). Через десять лет, 4 марта 1883 г., в Санкт-Петербургском университете ученый блестяще защитил диссертацию на степень доктора арабской словесности «Император Василий Болгаробойца».

Дальнейшая научная карьера В. Р. Розена складывалась успешно: в 1883 г. он получил звание экстраординарного профессора, а в 1885 г. стал

ординарным профессором арабской словесности, с 1893 по 1902 г. занимал должность декана факультета восточных языков. При этом с 1890 г. он являлся экстраординарным академиком, в 1901 г. был избран действительным членом Императорской академии наук и временно исполнял обязанности вице-президента (7 апреля — 12 июля 1900 г.). С 19 мая 1881 г. по 8 марта 1882 г. В. Р. Розен являлся директором Азиатского музея Академии наук, был

избран почетным членом Императорского Православного Палестинского общества. По Табели о рангах В. Р. Розен имел чин тайного советника.

Внешняя гладкость карьеры В. Р. Розена была, впрочем, обманчивой. Человек вежливый и обаятельный, «живой» по определению И. Ю. Крачковского³⁶⁰, но твердых убеждений, он не стеснялся их отстаивать, хотя бы это могло стоить ему карьеры. Так, став адъюнктом Академии наук по историко-филологическому отделению в 1879 г., В. Р. Розен уже через три года подал в отставку. Причиной было несогласие с традицией в определении целей востоковедения как дисциплины. «Старые академики» оказались не готовы принять мнение В. Р. Розена о том, что в центре внимания российских ученых должен находиться «собственный Восток» России. Возвращение ученого в Академию состоялось лишь в 1890 г., когда его условия были *de facto* приняты.

Разногласия В. Р. Розена со «старыми академиками» зиждились на следующих фактах. В конце XIX в. завершался процесс присоединения к Российской империи Туркестанского края (нынешней Средней Азии). В сухих цифрах это означало, что под Российской короной к 1890 г. оказалось свыше 500 тыс. км² площади, на которых проживало свыше семи миллионов новых подданных, говоривших,

главным образом, на тюрки, фарси, манчжурском и китайском языках и исповедовавших, по преимуществу, ислам и буддизм³⁶¹. Население Туркестана далеко не поголовно владело основным языком Российской Империи — русским. На нем говорили, в лучшем случае, в городах, да и то не все, что составляло для властей серьезную проблему: без знания подданными русского невозможно было и думать о включении населения в организм государства. Ни российское, ни западное востоковедение к этому времени не располагали необходимыми наработками и, тем более, инструментарием, чтобы составить адекватное представление об истории, языках, культуре и быте этих народов. Показательно, что даже спустя полвека после присоединения Туркестана генерал Л. Г. Корнилов (1870—1918) путем сбора полевого материала приобретал ценнейшие сведения о народах этого края и сопредельных стран³⁶². Процесс включения народов Туркестанского края в организм империи обещал быть трудным, что и показали последующие десятилетия. К тому же на этой территории с российской политикой, а значит, и российским востоковедением соперничали соответствующие институты Британской империи. Иными словами, деятельность и взгляды В. Р. Розена оказались академическим ответом на вызовы «большой игры».

---

³⁶⁰ Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями // И. Ю. Крачковский. Собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1955. С. 62, 89.

³⁶¹ В этой связи интересно, что стандартный путеводитель К. Бедекера к 1914 г. очерчивает границы если не Российской империи, то, по крайней мере, территории, на которую распространялось политическое, экономическое и культурное влияние России, — Тегераном, Порт-Артуром и Пекином: *Vaedeker K. Russia with Teheran, Port Arthur and Peking. Handbook for travellers.* Leipzig, 1914.

³⁶² Басханов М. К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб., 2018. С. 152—154. См. также обширную библиографию в кн.: Басханов М. К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь. М., 2005.

Предпосылки к созданию того, что ученик барона В. Р. Розена, академик И. Ю. Крачковский, назвал «новой школой российского востоковедения», уже были заложены в русском востоковедении к 1830-м — 1840-м гг. Заслуга в этом принадлежит целой плеяде ученых, но прежде всего «поляку по происхождению, но русскому по выбору», ориенталисту О. И. Сенковскому (1800—1858). Проживший на Востоке несколько лет и в совершенстве овладевший многими восточными языками, О. И. Сенковский был противником «экзотического» восприятия Востока европейским востоковедением и при случае, не стесняясь, высмеивал представителей этого направления, как, например, барона Й. фон Хаммер-Пургшталя (1774—1856)³⁶³. Преподавательская деятельность О. И. Сенковского³⁶⁴, а также многие его сочинения, в особенности критические статьи, ясно показывают, что для него, как ни для кого иного, наука о Востоке была прежде всего прикладной дисциплиной. Такое отношение к делу О. И. Сенковский передал своему ученику, профессору В. В. Григорьеву (1816—1881), у которого, в свою очередь, учился В. Р. Розен.

В. Р. Розен пошел дальше своих учителей. Несмотря на присущую XIX в. консервативность (в отличие от некоторых из своих учеников и коллег, барон никогда не жил на Востоке и рассматривал классический арабский как

В. В. Бартольд

СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Б. Д. 117. Л. 1

«мертвый» язык), он добился того, что отечественная наука о Востоке в сфере своих задач стала включать практические и социально-экономические аспекты, как например, историю орошения (см., например, специальную работу выдающегося ученика В. Р. Розена, академика В. В. Бартольда об истории орошения Туркестана), этнографию и историю материальной культуры³⁶⁵.

Наряду с «национализацией» (концентрацией усилий на истории изучения «русского Востока»), под непосредственным влиянием В. Р. Розена отечественное востоковедение «интернационализировалось», т.е. стало

³⁶³ Высмеиванию, впрочем, подвергались также представители «романтического» направления в русской исторической науке, прежде всего, Н. М. Карамзин и его окружение. См.: *Serikoff N. Thinking in a different language: the Orientalist Senkovskii and 'Orientalism'* // *Acta Orientalia Vilnensia*. 2009. Vol. 10. Issues 1—2. P. 111—124 (doi: 10.15388/AOV.2009.3668).

³⁶⁴ *Сериков Н. И.* Как беседовать с врагом: военные разговорники литератора О. И. Сенковского (1828) и генерал-лейтенанта Н. Н. Биязи (1941). Ч. 1—2 // *Ориенталистика (Orientalistica)*. 2022. Т. 5. № 1. С. 157—172.

³⁶⁵ Впоследствии эти аспекты были развиты русскими военными востоковедами.

на один уровень с европейским востоковедением. Издательская политика В. Р. Розена, в частности, издаваемый им журнал «Записки Восточного отделения Русского археологического Общества» (ЗВОРАО) качеством публикуемых статей и рецензий способствовали тому, что русский язык как средство международного общения перестал быть экзотическим. В. Р. Розен и значительное количество его коллег по Академии наук, составившие «новую партию», считали, что труды наших ученых должны публиковаться на русском языке, и следовали этому правилу. Как результат, многие западные ученые специально стали изучать язык, чтобы читать работы своих коллег из Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Киева, Харькова, Одессы и других университетских городов Российской империи. Выражение “*Rossica non leguntur*” стараниями «партии» Розена в русском востоковедении перестало быть аксиомой. Слова С. Ф. Ольденбурга, отвечавшего французскому индологу Э. Сенару (1847–1928), что пишет только по-русски («*j’écris seulement en russe*») ³⁶⁶, или русские библиографические заметки выдающегося немецкого византиниста К. Крумбахера (1856–1909) хороший тому пример.

Большое внимание В. Р. Розен уделял своим «духовным детям» — ученикам. Один из них, Н. А. Медников, вспоминал: «Всем известно, что учительство Виктора Романовича не огра-

ничивалось стенами университета. Не только студенты, но и бывшие ученики покойного барона постоянно бывали у него на дому, и всем он неустанно и охотно расточал сокровища своих познаний, руководя их занятиями, исправляя корректурные листы их сочинений, жертвуя своим временем, которое могло бы быть посвящено его собственным изысканиям и произведениям» ³⁶⁷. «Сокровища... познаний», упоминаемые А. Н. Медниковым, были собраны В. Р. Розеном в результате кропотливой научной работы, не в последнюю очередь это описания рукописных сокровищ петербургских и заграничных библиотек ³⁶⁸. В полной мере масштаб деятельности В. Р. Розена характеризует комментарий И. Ю. Крачковского, разбиравшего его архив. «Мне думалось, что Розена в последнюю пору его жизни я знал довольно близко, но только теперь, при разборе рукописей, а затем и обширной корреспонденции, я мог оценить в полной мере эту крупную фигуру мирового ученого, общение с которым считали для себя честью ориенталисты всех стран» ³⁶⁹. Отметим, что, вводя в научный оборот новые восточные рукописи, В. Р. Розен интуитивно изменил привычный европейский протокол описания рукописной книги, который немногим отличался от протокола описания печатного издания. Относясь к самой рукописи и к содержащемуся в ней тексту как к уникаль-

---

³⁶⁶ Тункина И. В. Сергей Фёдорович Ольденбург // Отцы-основатели РАИМК: Их жизненный путь и вклад в науку / научн. ред.-сост. В. А. Горончаровский. СПб., 2022. С. 131.

³⁶⁷ Медников Н. А. Барон В. Р. Розен как арабист // Памяти барона Виктора Романовича Розена. Приложение к: ЗВОРАО. Т. XVIII. СПб., 1909. С. 2. Отд. оттиск.

³⁶⁸ Rosen V. Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée asiatique. SPb., 1881; Rosen V. Remarques sur les manuscrits orientaux de la collection Marsigli à Bologne suivies de la liste complète des manuscrits arabes de la même collection. Rome, 1885.

³⁶⁹ Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями. С. 65.

ному явлению, источнику по истории интеллектуальной и материальной культуры, он помещал в описании пространные цитаты, рассуждения и т.д. Протокол описания рукописных книг, представленный В. Р. Розеном в «Notices sommaires», был существенно изменен лишь пару десятилетий назад, да и то, в значительной степени в связи с получившим повсеместное распространение электронными каталогами.

Археографическая деятельность В. Р. Розена получила дальнейшее развитие не только как самостоятельная дисциплина, но также как инструмент, который служил для привлечения в востоковедение талантливой и преданной делу молодежи. Попытки В. Р. Розена оградить специальность от случайных людей были осознанны, как о том следует из его некролога, написанного А. А. Васильевым: «Когда я выслушивал на первой лекции из уст еще молодого Виктора Романовича увещания к аудитории не увлекаться восточным факультетом и советы луч-

А. А. Васильев. Фототипия
СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 246. Л. 4

ше оставить его, перейдя на другие факультеты, ввиду тех трудностей, которые ожидают студентов, мне стало ясным, что передо мною профессор, который хочет действительно иметь у себя работающую аудиторию, кото-

Удостоверение действительного члена Академии наук СССР П. К. Кокотцова. 1932 г.

СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-к. Д. 33. Л. 4—5

В. А. Жуковский

СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 2. Д. 34. Л. 1

В. С. Голенищев

СПбФ АРАН. Ф. 779. Оп. 4. Д. 38. Л. 42

рому совершенно не все равно, кто будет сидеть у него на лекциях»³⁷⁰. Именно на таких «избранных» была рассчитана «Арабская хрестоматия» (1875—1876), составленная доцентом В. Р. Розеном вместе с одним из своих учителей, экстраординарным профессором В. Ф. Гиргасом (1835—1887). По обилию и важности помещенных там текстов, а также прилагаемому к ней словарю классического арабского языка она превзошла аналогичные заграничные пособия и по сей день остается образцовым руководством для изучения этого языка. Ценно, что она составлена на основании арабских рукописей, хранящихся по преимуществу в русских, а также заграничных библиотеках.

Методика «научного отбора» В. Р. Розеном востоковедов различных специальностей полностью себя оправдала. Выпестованные им ученые — Н. А. Медников (1855—1918), А. Э. Шмидт (1871—1939), В. В. Бартольд (1869—1930), Н. Я. Марр (1864—1934), П. К. Коковцов (1861—1942), С. Ф. Ольденбург (1863—1934), В. А. Жуковский (1858—1918), В. С. Голенищев (1856—1947), Н. Ф. Катанов (1862—1922), П. М. Мелиоранский (1868—1906), И. Ю. Крачковский (1883—1951), А. А. Васильев (1867—1953) и др. — составили цвет русской и заграничной ориенталистики XX в. В этой связи показательным воспоминанием о Н. Я. Марре археолога Н. И. Веселовского (1848—1918): «Когда мы говорим, что Марра-учёного воспитал универси-

³⁷⁰ Цит. по: Долинина А. А. Невольник долга. СПб., 1994. С. 31.

тет, это звучит несколько отвлеченно. В действительности, когда он впервые появился в Петербурге, его главным “университетом” стал барон Виктор Романович Розен, которому едва исполнилось 35 лет. Внешне они казались антиподами. Наставник молодого востоковеда был невозмутим, сероглаз, словоохотлив и полон мягкого юмора. Неизменное благодушие, неизменная готовность поделиться своими мыслями, неизменный портфель с книгами в руке...»³⁷¹ Каждому из этих ученых В. Р. Розен помог найти свою особенную тему для специализации. Темы эти В. Р. Розен или предварительно выискивал сам (как любой хороший археограф он был очень начитан), или в ходе сотрудничества, а порой и случайных разговоров с коллегами по факультету. Показательно в этой связи разнообразие научных тем его учеников, как об этом свидетельствует сборник «Ал—Музафарийа» — подношение барону В. Р. Розену по случаю его первой публичной лекции. Помимо арабистики, здесь представлены тюркология, иранистика, кавказоведение и многое другое³⁷².

Отношение В. Р. Розена к ученикам было почти отеческим. Слова «доброжелательность», «живость», «заинтересованность» часто встречаются в воспоминаниях о нем. Ученики в долгу не остались. Их трудами была развита плодотворная идея о России как коммуникационном пространстве между Востоком и Западом, которая позже со всей полнотой отразилась в советском востоковедении. В конечном счете открытость и объективность,

П. М. Мелиоранский
СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 519. Л. 9

свойственные русскому и советскому востоковедению, и, как их следствие, дипломатические и экономические успехи России на Востоке — во многом заслуга В. Р. Розена и созданной им школы.

Активная педагогическая деятельность В. Р. Розена шла рука об руку с его самостоятельными и, на начало XX в., пионерскими исследованиями. Возможность сочетать преподавание и исследование, эти во многом разнохарактерные направления научной деятельности, обеспечивала уникальность характера барона, о чем свидетельствует Н. Я. Марр. «В сообщении, посвященном памяти любимого своего

³⁷¹ Цит. по: Платонова Н. И. Николай Яковлевич Марр // Отцы-основатели РАИМК: Их жизненный путь и вклад в науку / научн. ред.-сост. В. А. Горнчаровский. СПб., 2022. С. 79.

³⁷² «Ал—Музафарийа»: Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13 ноября 1872—1897. СПб., 1897.

учителя Виктора Романовича Розена, Н. Я. Марр особенно подчеркивает как “самую”, по его словам, “существенную, самую драгоценную черту в научной физиономии покойного его независимость”, “именно то, что барон В. Р. Розен был и остался в своих произведениях ученым самостоятельного образа мыслей”. “Конечно, — продолжает Н. Я. Марр, — барон В. Р. Розен был арабист; знал также персидский и турецкий языки. Но прежде всего барон В. Р. Розен представлял тип широко образованного ученого с интересом к культурно-историческим вопросам. Мог ли и должен ли был он проводить грани, в пределах которых его пытливость должна была находить удовлетворение, когда и материальное знание и жажда к обобщениям влекла его на простор из узких рамок специалиста? Барон В. Р. Розен, глубокий специалист, любивший рекомендовать другим предпочтительно сухие специальные работы и сам с любовью занимавшийся ими, так, например, описаниями рукописей то арабских, то персидских, изданиями текстов, не менее сильно любил комбинировать и обобщать. Нельзя спокойно довольствоваться тем, что удовлетворяет ученого, замкнувшегося в узкие пределы своей специальности. Это было его убеждение. Отсюда — его личная любовь к пересмотру установившихся взглядов и к новым обобщениям... Обобщения важны и нужны, без них будет застой”. И дальше: “Барон В. Р. Розен не столько боялся невольных погрешностей, сколько застоя и бесплодия, этой лучшей гарантии от всяких ошибок”. Напомним

еще одну чрезвычайно любопытную цитату, которую Н. Я. [Марр] приводит из работы В. Р. Розена “К вопросу об арабских переводах Худайнамэ”: “В науке, — цитирует Н. Я. [Марр] слова своего учителя, — нередко имеют значение также и недостаточно еще обоснованные на фактах гипотезы: они вызывают споры, колеблют слишком иногда твердое убеждение в непреложности общепринятых воззрений и тем самым способствуют дальнейшему разъяснению коренных вопросов, подвигая на пересмотр с разных точек зрения”. В приведенных словах сказано весь Н. Я. [Марр]; он сам принадлежал к типу ученых, к которому с такой любовью относил своего учителя; черты, особенно импонировавшие ему в научной физиономии В. Р. Розена, находим в нем самом, только выступают они у него более рельефно и более внушительно в соответствии с грандиозностью эпохи, в которой жил Н. Я. [Марр], и грандиозностью тех задач, которые стояли перед ним»³⁷³.

Помимо восточной археографии, В. Р. Розен прославился исследованиями в области византиноведения, изучения христианского Востока, византийско-славянских отношений.

Лежащая в Европе и Азии Византийская империя на протяжении своей тысячелетней истории включала в себя различные народы и активно контактировала с другими (армяне, славяне, грузины, арабы, иранцы, турки и т. д.). Между тем традиционное для русской дореволюционной науки изучение Византии обыкновенно ограничивалось историей православной церкви и сферой распространения греческого язы-

---

³⁷³ Цит. по: Дондуа К. Д. Н. Я. Марр и грузиноведение // Язык и мышление. Т. VIII: Языки Евразии в работах Н. Я. Марра. М.; Л., 1937. С. 49—70.

ка, на котором до нашего времени дошла большая часть источников. «За скобками» оставалась история соседей Византии и их влияние на византийскую внутреннюю и внешнюю политику. «Восточную границу» греческого языка В. Р. Розен перешел, подготовив и блестяще защитив докторскую диссертацию. Она включала комментированный перевод глав арабского христианского автора Яхьи Антиохийского о византийском императоре Василии II Болгаробойце (976—1025)³⁷⁴. Труд этот хотя и не был «достаточно велик», чтобы заставить В. Р. Розена «немедленно отказаться от начатых прежде работ, ничего общего с русской или византийской историей не имеющих»³⁷⁵, но непосредственно повлиял на новую академическую тему «Византия и арабы», а также на научную карьеру учеников В. Р. Розена, например, А. А. Васильева, которому принадлежит важная подборка сведений о византийско-арабских контактах, во многом и поныне не утратившая своей ценности, а также публикация и перевод арабской хроники Агапия Манбиджского³⁷⁶.

Тема о славянах в арабских источниках получила развитие в 1878 г., когда В. Р. Розен, следуя просьбе слависта, академика А. А. Куника (1814—1899), взял на себя издание и перевод извлечений из испанско-арабского географа XI в. ал-Бекри, содержащих среди прочего записки еврейского путешественника Ибрахима Ибн Я'куба о славянах. Не менее важной заслугой В. Р. Розена в области славяно-арабских отношений

была переоценка сведений, сообщаемых путешественником X в. Ахмадом Ибн Фадланом о народах, живущих по берегам Волги. Эти сведения (изначально известные по географическому сочинению Йакута ал-Хамави) были введены в оборот академиком Х. Д. Френом (1782—1851). Полный список сочинения Ибн Фадлана в то время известен не был (он был открыт лишь в XX в.), аутентичность сведений Ибн Фадлана была доказана ученым «от противного». Полученные В. Р. Розеном результаты шли вразрез с утверждением Йакута об их недостоверности. Положенное работами В. Р. Розена начало изучения славянской тематики в сочинениях арабских путешественников и географов в XX в. стало одним из главных направлений в отечественной исторической науке.

Особняком стоит научно-издательская деятельность В. Р. Розена. Мысль об издании самостоятельного органа по востоковедению возникла при создании Императорского Русского археологического общества (РАО). Однако первая попытка практического осуществления ее в 1858 г. потерпела неудачу. Для ее реализации нужно было иметь огромный ученый авторитет в области востоковедения, недюжинные организаторские способности, полное осознание важности дела и твердую решимость. Наконец, как отмечал П. К. Коковцов, нужен был «тот общительный и приветливый характер, которым всегда отличался... Розен..», который привлекал к нему общее

³⁷⁴ Император Василий Болгаробойца. Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского / Издал, перевел и объяснил барон Розен. СПб., 1883 (Приложение к т. XLIV «Записок Имп. АН», 1883).

³⁷⁵ Там же. Предисловие. С. V.

³⁷⁶ Предварительная работа: *Розен В. Р.* Заметки о летописи Агапия Манбиджского // ЖМНП. 1884. Ч. 231. С. 47—75.

расположение всех тех, кто его знал». Выпуски начали выходить с 1886 г. в виде «Известий» Восточного отделения РАО (впоследствии — «Записки»). Всего к моменту смерти В. Р. Розена было издано 17 томов. В каждом номере публиковался обзор специальной литературы, отечественный читатель получал подробную информацию о том, чем занимались востоковеды за границей.

Здесь трудно не привести параллели с К. Х. Беккером (1876—1933), основателем «новой школы» германского востоковедения. Взяв пример с ЗВО-РАО, он в 1910 г. основал немецкий научный журнал «Der Islam», ставший рупором нового немецкого востоковедения. Примечательно, что новые тенденции как в российском, так и в германском востоковедении возникли не напрямую в ведущих университетах, но в «околоуниверситетских» организациях. Если в России это было Восточное отделение РАО, то в Германии — Hamburgisches Kolonialinstitut, ориентированный в первую очередь на торговые связи Германской империи со странами Востока.

С высоты более века, прошедшего со дня смерти В. Р. Розена, непредвзятый современный исследователь, возможно, скажет, что научные заслуги барона остались в прошлом. Действительно, учителя во многом превзошли его ученики. Однако, чтобы измерить научные заслуги барона, нужно привлечь совсем иные категории: безупречное научное чутье и эрудиция, умение найти и мотивировать людей, наиболее соответствовавших призванию востоковеда, тактично, но твердо направлять их

на начальной стадии их научной карьеры. Все это описывается в словах «организация научного процесса». И в этом сравниться с В. Р. Розеном не мог никто из его учеников. Умение это, помноженное на присущую барону доброжелательность, независимость и самоотдачу, то, что Н. Я. Марр называл его «научной физиономией», способствовало зарождению в России на рубеже XIX—XX вв. нового востоковедения. «Новым» в нем было все — от выбора исследовательских тем до методов работы, среди которых не последнее место занимала научная кооперация. Именно эта кооперация, сопряженная с научной смелостью, позволила ученикам В. Р. Розена раздвинуть рамки традиционного востоковедения и тем самым достичь неожиданных, невиданных доселе результатов.

Особняком стоят и человеческие отношения внутри востоковедного «братства», которые заложил и культивировал В. Р. Розен. Доброжелательность старших коллег к младшим и отказ видеть в них «живые машины», взаимовыручка и научная щедрость притягивали к школе В. Р. Розена не только столичных ученых, но и многих провинциалов, а также иностранцев³⁷⁷. Заложенные бароном перед Первой мировой войной принципы организации научного процесса и зиждившиеся на них человеческие отношения не в силах были уничтожить ни революционное лихолетье, ни разгулявшийся после него национализм, ни последующие кровопролитные войны, ни «железный занавес», ни даже трагические перипетии новейшей истории нашего Отечества.

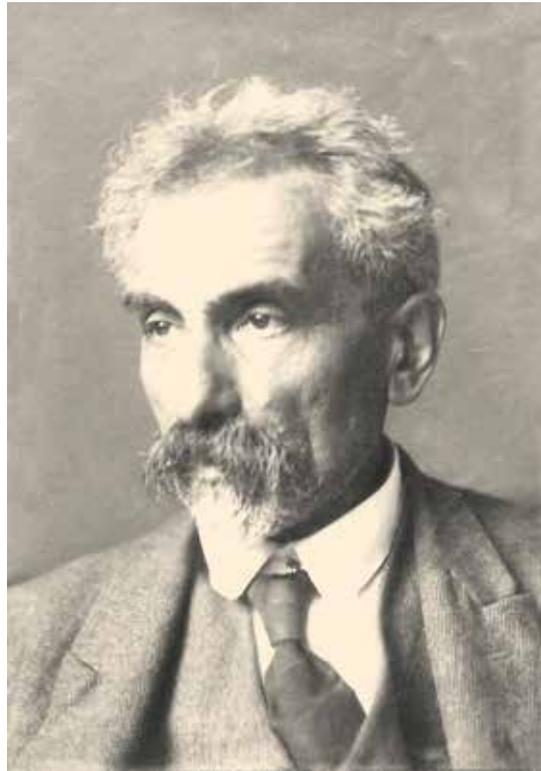
---

³⁷⁷ Ср. замечания современного исследователя о «закрытой группе», которую представляли собой востоковеды Петербурга: Беккин Р. Жизнеописание Александра Эдуардовича фон Шмидта, магистра арабской словесности / А. Э. Шмидт: Биография, научная переписка, избранные труды, библиография. М., 2018. С. 28.

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ МАРР (1864—1934)

Мальчик, которому предстояло стать знаменитым академиком Марром, родился в необычной семье. Его отец, Джейкоб Патрик (Яков Патрикиевич) Монтэгью-Марр (1779—1874), шотландец, ботаник и садовод, с 1822 г. поселившийся в Грузии, за долгие годы так и не выучил толком грузинского языка, а его жена, юная местная крестьянка, не знала европейских языков. Родители мальчика объяснялись, как определял впоследствии сам Н. Я. Марр, «на формально скрещенном языке, на своеобразной “смеси” ломаных русских и грузинских слов». Для Николая родным языком был гурийский диалект грузинского. После смерти отца мать с сыном впали в нужду. Но имя Якова Марра и всеобщее уважение, которым он пользовался за свои заслуги, помогли устроить Николая в гимназию.

Выросший в смешанной семье в условиях колониальной страны, Н. Я. Марр с детства был знаком с уязвленностью национального чувства, проблемой языковых различий, языковых барьеров между людьми. Поэтому, видимо, сформировался тот мощный импульс, который на протяжении всей жизни побуждал его, выходя за пределы тех областей науки, где он прославился реальными достижениями, то и дело обращаться к проблемам глоттогенеза, множественности языков и их взаимодействия, к мирово-

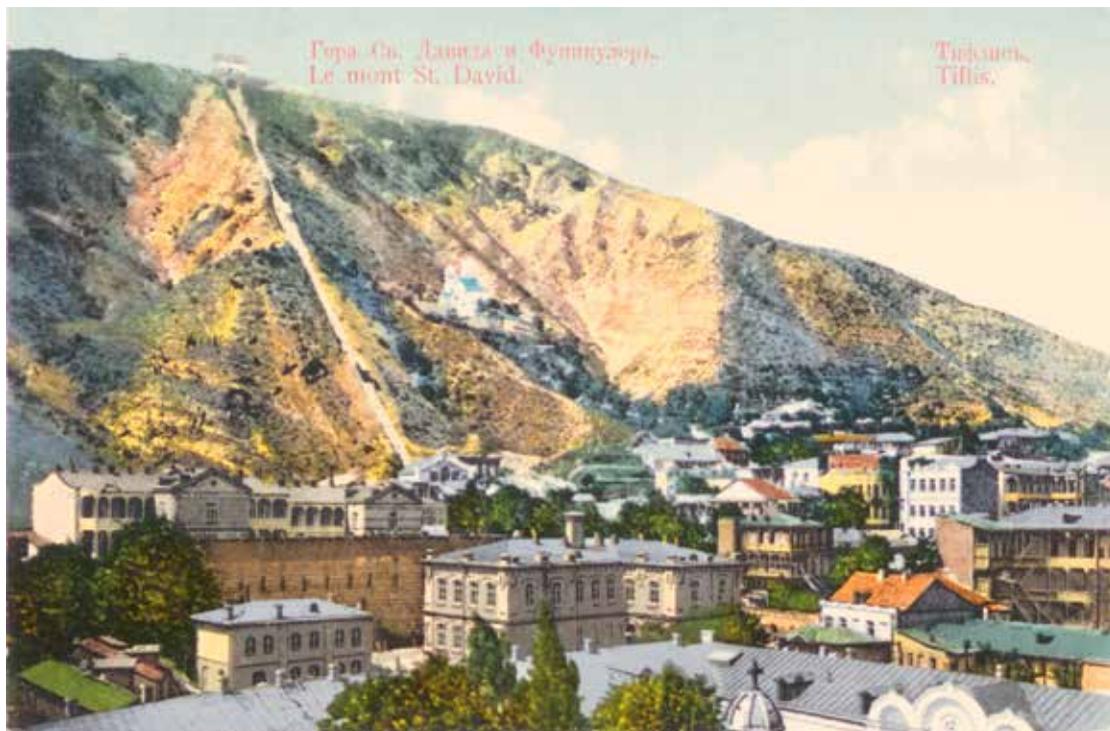

Н. Я. Марр

СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 2. Д. 38. Л. 12

му процессу языкового развития, главным фактором которого для него было именно «скрещение» языков. Однако, по мнению специалистов³⁷⁸, для работы в области лингвистической теории у Н. Я. Марра не было достаточной подготовки. Он ставил и пытался решать грандиозные задачи при опоре только на свою интуицию и ничем не ограничиваемый полет фантазии. Это и предопределило в последние годы жизни Н. Я. Марра катастрофу «нового учения

³⁷⁸ Абаев В.И. Н. Я. Марр (1864—1934). К 25-летию со дня смерти // Вопросы языкознания. 1960. № 1. С. 93; Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. Л., 1976. С. 8; Аллатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991. С. 11; Волошина О.А. «Яфетические переживания» Н. Я. Марра // Stephanos. 2017. No. 5 (25). С. 30—31.

Тифлис. Гора Св. Давида и фуникулер.
Фотооткрытка

Ф. 869. Оп. 4. Д. 537. Л. 11 об.

о языке», которое он ошибочно считал своим высшим достижением в науке. После смерти Н. Я. Марра «новое учение» еще долго оставалось господствующим течением в советском языкознании, пока абсурдность его не стала настолько очевидной, что И. В. Сталин в 1950 г. отлучил «марризм» от марксизма, переведя его тем самым в разряд лженауки. Разгром «марризма» сформировал утвердившийся надолго в общественном сознании образ академика Н. Я. Марра как проповедника ложного учения, то ли шарлатана, то ли безумца. Никто уже не помнил, что Н. Я. Марр получил звание академика не за «новое учение о языке», а за свои огромные заслуги перед российской гуманитарной наукой.

Выдающиеся способности Н. Я. Марра проявились уже в гимназии. Здесь он впервые овладел русским, а также французским, древнегреческим, латинским языками, в старших классах самостоятельно выучил немецкий, английский, итальянский. Здесь у него появились первые собственные лингвистические идеи, задавшие направление его дальнейшим поискам в языкознании. По словам самого ученого, он тогда «носился с идеей, что грузинский родственен с турецким, и у английского есть с тем же грузинским общие слова». «Марр не мог понять, что грузинский народ... не может быть унижен тем, что грузинский язык не имеет близких родственников среди народов с богатой историей»³⁷⁹. В первом под-

³⁷⁹ Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991. С. 16.

Государственный Императорский С.-Петербургский университет.
 Восточного факультета Императорского С.-Петербургского университета.
 (Специальность Восточные языки)
 Билингва Николай Яковлевич Марра
 1887

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Итак, являю, что в I семестре 1887 г. являюсь студентом и желаю бы поместиться на следующие курсы:

Имя преподавателя.	Курсовый класс.	Число часов.
Патканов	Арм. яз.	3
Цагарели	Груз. яз.	3
Розен	Араб. яз.	2
Кудряков	Евр. яз.	3
Нуровский	Перс. яз.	1
Суряев	Перс. яз.	2
Смирнов	Далм. яз.	3
Терезин	Турецкий яз.	2
Петканов	Восточный Персид.	1
Киселовский	Восточный Серб. яз.	1
Итого (всего) Д. Терезин		22

Заявление Н. Я. Марра — запись на лекции в университете. 1886/1887 учебный год
 СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 8. Д. 12. Л. 3

В. Р. Розен. Фототипия А. С. Дреслера.
 Санкт-Петербург
 СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Р. Д. 4. Л. 1

ступе Н. Я. Марра к языкознанию уже сказывался недостаток, который в дальнейшем будет все в большей степени вредить его лингвистической работе. Этот недостаток — сопряженность лингвистики с идеологией. В данном случае, такой идеологией был грузинский национализм.

В августе 1884 г. выпускник гимназии в качестве «кавказского стипендиата» приехал в Санкт-Петербург для поступления на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, где, «записавшись сразу на несколько различных отделений, студент Николай Марр поразил всех сразу и навсегда»³⁸⁰. Не ограничиваясь занятиями на кафедре армянской и грузин-

ской словесности, где его учителями были грузиновед А. А. Цагарели и арменовед К. П. Патканов, Н. Я. Марр изучал все преподававшиеся в университете языки Ближнего Востока и Кавказа, что не имело на факультете прецедентов. Наибольшее влияние на Н. Я. Марра оказал во многом ему помогавший один из крупнейших востоковедов того времени, арабист и византист, академик, барон В. Р. Розен.

Студенческие работы Н. Я. Марра были посвящены грузинским средневековым прозаическим «повестям» героико-исторического и героико-романического характера. Ознакомившись с публикациями этих памятников и их рукописями в хранилищах Санкт-

³⁸⁰ Алексеев В. М. Н. Я. Марр. К характеристике ученого и университетского деятеля // В. М. Алексеев. Наука о Востоке. Статьи и документы / сост. М. В. Баньковская. М., 1982. С. 32.

Н. П. Кондаков

СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 86. Л. 12

Петербурга и Тифлиса, он сразу предложил оригинальные интерпретации текстов, которые шли в разрез с мнениями профессора А. А. Цагарели и вызвали конфликт с ним. В результате руководителем работы Н. Я. Марра, по окончании оставленного при университете «для подготовки к профессорскому званию», стал профессор К. П. Патканов, предложивший ученику обратиться к армянской фи-

лологии. Вскоре Н. Я. Марр изучал армянские басни и притчи с такой же увлеченностью, с какой раньше занимался грузинскими текстами. Так уже в студенческие годы открылось одно из важнейших направлений научной деятельности Н. Я. Марра: поиск ранее неизвестных грузинских и армянских рукописных текстов, их изучение, публикация, перевод.

К. П. Патканов до своей смерти в 1889 г. успел, вероятно, обсудить с Н. Я. Марром тему его магистерской работы о сборниках притч Вардана Айгекци (XII—XIII вв.), которая длилась потом целое десятилетие³⁸¹. На начальном этапе правилам работы с рукописями, технике критического изучения текстов и их публикации Н. Я. Марр, по-видимому, учился у В. Р. Розена. Поискам в рукописных собраниях сопутствовала удача — из поездки в Тифлис (1888) он привез неизвестный ранее список грузинской версии «Повести о Варлааме и Иоасафе» — знаменитого текста индийского происхождения, усвоенного литературами восточного и западного христианства. находка была очень кстати, поскольку в это время обсуждалось предположение В. Р. Розена (позднее подтвердившееся) о том, что греческая версия «Повести», ставшая затем источником древнерусской, была переведена с грузинского. Публикация этого списка (1889) стала первой в серии работ Н. Я. Марра по изданию памятников грузинской литературы. В той же поездке он обнаружил уникальную рукопись — грузинский перевод (с армянского) тво-

³⁸¹ Сначала (1894) были опубликованы тексты и приложения к ним и позднее фундаментальное исследование (1899); в том же году Н. Я. Марр защитил магистерскую диссертацию — исследование не только сборников Вардана, но вообще формы притчи в литературах Закавказья и сопредельных стран.

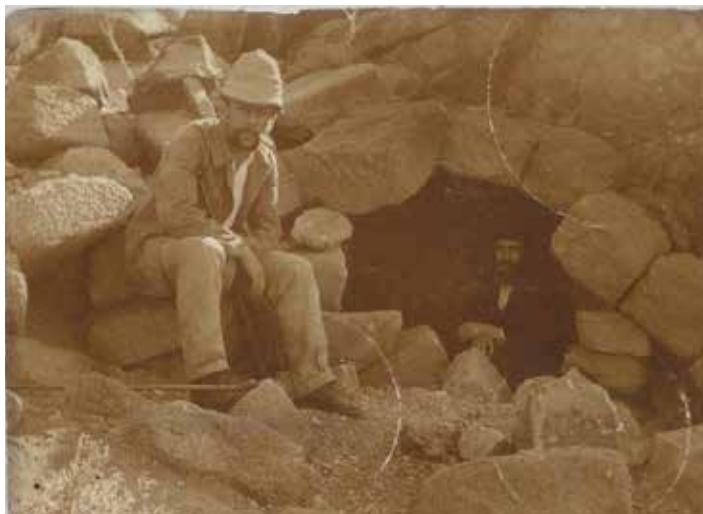
*Н. Я. Марр на экскурсии по раскопкам в Афинах. 1933 г.
СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 8. Д. 3. Л. 46*

рений антипапы Ипполита. К этому тексту Н. Я. Марр вернулся десять лет спустя, сделав одну из его частей темой своей докторской диссертации («Ипполит. Толкование “Песни песней”», 1901). В ходе защиты он произнес речь «О единстве задач армяно-грузинской филологии», в которой обосновывал свой тезис о родстве и единстве культур Армении и Грузии, следовательно, о единстве задач их изучения. На следующий год ординарный профессор Н. Я. Марр стал заведующим кафедрой армянской и грузинской словесности.

В 1898 г. Н. Я. Марр был приглашен участвовать в экспедиции Академии наук на Афон под руководством академика Н. П. Кондакова. Знакомство с грузинскими рукописями в тот период обеспечило его материалом

*Б. А. Тураев. [1896—1904 гг.]
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 2. Д. 21. Л. 129*

В. Н. Бенешевич.
Синай, монастырь
св. Екатерины. 1907 г.
СПбФ АРАН. Ф. 977. Оп. 1.
Д. 36. Л. 4

для многих публикаций в последующие годы. Но еще более плодотворной оказалась поездка на Синай (1902), а затем в Иерусалим. В синайском Монастыре св. Екатерины он открыл ранее неизвестный арабский текст — легенду о св. Григории, обратившем в христианство народы Кавказа. Через несколько лет Н. Я. Марр при содействии В. Р. Розена издал образцовую публикацию этого текста с фундаментальным, новаторским исследованием³⁸². Большое научное значение имело и открытие Н. Я. Марром в Иерусалиме «Жития Григория Хандзтийского», из которого он извлек позднее бесценные сведения о грузинской культуре VIII—IX вв. Там же он обнаружил грузинский перевод с арабского сочинения Антиоха Стратига о захвате персами Иерусалима, от греческого оригинала которого остались лишь незначительные фрагменты. Н. Я. Марр издал этот текст, приложив к нему очень информативное извлечение из арабской версии³⁸³.

Многие свои труды Н. Я. Марр публиковал в им же основанной (1900) серии «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии». Опыт работы с рукописями убедил его в том, что не только армянская и грузинская, но также греческая, сирийская и арабская восточно-христианские традиции на протяжении веков контактировали и взаимно обогащали друг друга. Вероятно, это и побудило его инициировать издание нового журнала «Христианский Восток» (1912), в чем его поддержали два крупнейших специалиста по культурам восточного христианства Б. А. Тураев и В. Н. Бенешевич.

Параллельно с филологическими исследованиями Н. Я. Марр многие годы работал в области, казалось бы, далекой от его специализации. В 1892 г. Императорская Археологическая комиссия поручила молодому кавказоведу-энтузиасту произвести раскопки на развалинах Ани — столицы армянского государства Баграти-

³⁸² Марр Н. Я. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием (Арабская версия) // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. 1906. Т. 16 (1904—1905). С. 63—211.

³⁸³ Марр Н. Я. Антиох Стратиг. Пленение Иерусалима персами в 614 г. СПб., 1909.

Альбом репродукций
А. А. Фетваджяна
с изображением руин Ани.
Обложка. 1905 г.
Ф. 827. Оп. 6. Д. 6. Л. 1

дов в X—XI вв. Подготовка Н. Я. Марра к работам в Ани была настолько основательной, что он сумел провести первый этап раскопок (1892—1893) на достаточно высоком уровне современной ему археологической науки и практики. На второй год недостаток средств вынудил Н. Я. Марра прекратить работы. Он возобновил их только в 1904 г. и работал в Ани до 1917 г., будучи уже в ином статусе и располагая иными возможностями. Проявив исключительные способности организатора, Н. Я. Марр добился постоянного финансирования из разных источников, раскопал значительную часть горо-

дища, создал в Ани археологический центр, музей, библиотеку. Его раскопками и исследованиями была впервые выяснена история города в общем контексте политической и культурной истории Передней Азии.

По представлению ряда академиков (С. Ф. Ольденбург, К. Г. Залеман и др.), Н. Я. Марр был избран в Академию наук адъюнктом (1909), затем ординарным академиком (1912) по истории и литературе азиатских народов. Основанием явились, главным образом, его образцовые исследования и издания грузинских и армянских памятников письменности. Были также высоко оце-

Альбом репродукций
А. А. Фетваджяна
с изображением руин Ани.
Городские стены. 1905 г.
Ф. 827. Оп. 6. Д. 6. Л. 2

Н. Я. Марр в Ани

СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 2. Д. 37. Л. 1

нены раскопки в Ани, давшие исключительно богатые материалы³⁸⁴.

Оценивая заслуги Н. Я. Марра как первопроходца и лидера кавказской археологии, Императорское Русское Археологическое общество присудило ему большую золотую медаль имени графа А. С. Уварова (1915). Работы в Ани, к сожалению, закончились трагически: по Брестскому мирному договору Карская область отошла к Турции, в результате чего Анийский музей вскоре был уничтожен, архитектурные памятники разрушены. К гибели значительной части коллекций добавилась пропажа почти всей документации по раскопкам, которую Н. Я. Марр отправил поездом в Тифлис (1918), где

начал действовать основанный им годом ранее Кавказский историко-археологический институт РАН.

Огромное значение для развития науки в России имела педагогическая деятельность Н. Я. Марра и организация им востоковедного образования. Он читал лекции в Петербургском университете (1891—1934), в 1911 г. был единогласно избран деканом Факультета восточных языков, куда сразу же внес дух невиданного прежде демократизма и новаторства. За семь лет Н. Я. Марр сделал для факультета «больше всех своих предшественников, <...> никогда не ведших дела с такой энергией и темпераментом»³⁸⁵. Все это время он продолжал интенсивное

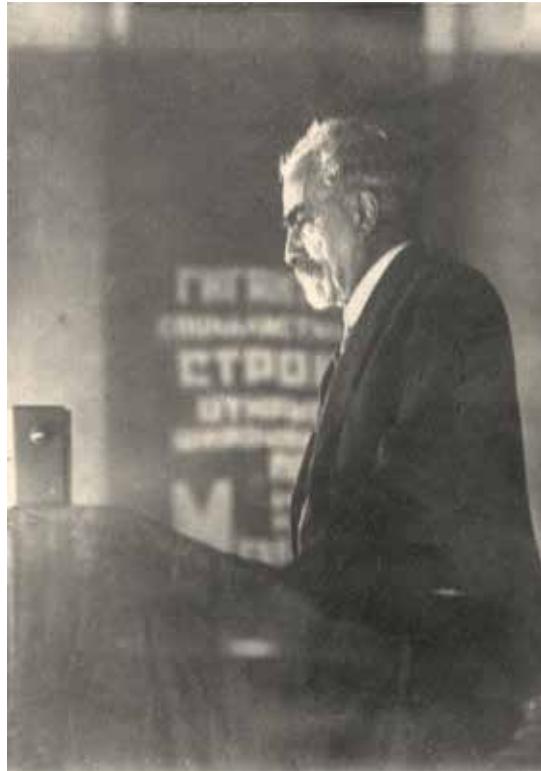
³⁸⁴ Лишь вскользь (двумя строчками) в «записке» академиков (1909) были упомянуты две лингвистические работы Н. Я. Марра, одна из которых, «Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка (с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими)», едва ли случайно была опубликована только в 1908 г., после смерти В. Р. Розена. Наставник и благодетель Н. Я. Марра скептически относился к его неподкрепляемым фактами лингвистическим прозрениям. Автор, правда, уверял, что В. Р. Розен за три дня до смерти ознакомился с корректурой его статьи и нашел доказательства грузино-семитского родства убедительными.

³⁸⁵ Алексеев В. М. Н. Я. Марр. К характеристике ученого и университетского деятеля // В. М. Алексеев. Наука о Востоке. Статьи и документы / сост. М. В. Баньковская. М., 1982. С. 35.

чтение лекций. Н. Я. Марр признавал, что его лекции оказывали на студентов и сотрудников самое сильное воздействие: «Живая речь Марра завораживала, сама фигура воодушевленного оратора убеждала, магнетически действовала на слушателей», тогда как письменные тексты зачастую теряли это свойство³⁸⁶. Последней реформой Н. Я. Марра было упразднение факультета восточных языков, точнее — объединение его с историко-филологическим и юридическим факультетами в комплексный Факультет общественных наук (ФОН) осенью 1919 г.

В 1919 г. Н. Я. Марр развернул активную деятельность в иной области: он возглавил группу ученых, выдвинувших проект создания Академии археологии на основе бывшей Императорской Археологической комиссии. Декретом Совнаркома в 1919 г. была учреждена Российская академия истории материальной культуры (РАИМК, с 1926 г. — ГАИМК), превратившаяся со временем в крупный исследовательский институт с примыкающей ассоциацией ученых обществ, комиссий и музеев. С момента создания Академии и до своей смерти Н. Я. Марр оставался ее почти бессменным председателем.

Достигнув вершин в филологии, археологии, истории культуры, Н. Я. Марр ступил на опасный путь, обнародовав в области лингвистики свою концепцию «яфетической» семьи языков. Ему казалось несправедливым то, что лингвистика сосредоточена на изучении языков индоевропейской и других больших языковых семей, тогда как языки Кавказа должным образом не изучаются, а связь их с известными

Н. Я. Марр. Выступление на сессии Академии наук СССР. 1931 г.

СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 8. Д. 12. Л. 8

языковыми семьями и даже друг с другом не выявлена. Сложившейся у ученого идее о значительной общности и исходном единстве армянской и грузинской культур противоречили языковые факты: грузинский язык — один из кавказских (картвельских), а армянский — индоевропейский. Н. Я. Марр «снял» для себя это противоречие, представив армянский язык результатом «скрещеня» индоевропейского языка пришельцев с местным субстратом. По-своему реконструировав этот субстратный язык, он объявил его родственным грузинскому. Так намечилось нечто вроде новой языковой семьи. По аналогии с названием семитских языков, произведенным от имени

³⁸⁶ Волошина О. А. «Яфетические переживания» Н. Я. Марра // Stephanos. 2017. No. 5 (25). С. 3.

*Картотека научных трудов Н. Я. Марра
в СПбФ АРАН*

сына Ноя — Сима, Н. Я. Марр назвал конструируемую им новую языковую семью «яфетической» (от имени другого сына Ноя — Иафета). Древний урартский язык, заимствования из которого есть и в армянском, и в грузинском, Н. Я. Марр тоже определил как «яфетический». Затем пришел черед и бесписьменных горских языков Кавказа: абхазского, адыгейского, кабардинского, чеченского, ингушского, языков Дагестана. Нужно заметить, что это стремление к расширению «яфетической семьи» на весь Кавказ принесло немалую пользу и подлинно научному кавказоведению: ученый предпринял много экспедиций к горским народам, ввел в научный обиход большой материал по их языкам и ряд фольклорных текстов, всюду поддерживал местные кадры, из среды которых со временем выходили известные исследователи кавказских языков и культур. На базе университета, РАИМК и основанного Н. Я. Марром в 1921 г. Яфетического института он подготовил ряд выдающихся кавказоведов, среди которых следует особо выделить А. Н. Генко (1896—1941), первого исследователя языков ряда горских народов и после смерти Н. Я. Марра — его преемника в роли лидера отечественного кавказоведения.

Расширяя круг «яфетических» языков, Н. Я. Марр стал включать в их число все языки с неясными родственными связями. Его особый метод лингвистических сопоставлений, при котором, по словам К. Г. Залемана, «все звуки переходили во все звуки», позволял обнаруживать «яфетические» корни в лексике любого языка. Н. Я. Марр подхватил выдвинутую задолго до него гипотезу баскско-кавказского родства, признал баскский (реликтовый

доиндоевропейский) язык яфетическим и сначала предположил, а затем стал прямо утверждать, что единство яфетических культур простиралось по всей южной Европе, вдоль Средиземного моря, от Пиренеев до Кавказа, пока его не нарушили пришедшие с севера дикие индоевропейцы. Гипотеза, однако, остается гипотезой до того момента, когда последовательность неопровержимых доказательств превратит ее в научное знание, теорию. Н. Я. Марр «излишними» доказательствами себя не утруждал и, сформулировав очередную гипотезу, ссылаясь на нее в дальнейшем как на «уже доказанное». К исконной гипотезе затем добавлялись порожденные интуицией и фантазией новые предположения, через некоторое время уже трактуемые как доказанные истины.

В результате Н. Я. Марр пришел к совершенно фантастическим утверждениям. Яфетидам, в которых он видел, по существу, все древнейшее население Кавказа, Средиземноморья и Ближнего Востока, приписывались величайшие культурные достижения. В докладе 1921 г. академик утверждал: «У яфетидов на высокой ступени развития стояли, кроме торговли и ремесел, искусства, в том числе письмо, яфетидами созданное и ими же занесенное не только в Месопотамию, но, по видимому и в Египет, если не выработанное и здесь, в Месопотамии и в Египте, усилиями местных яфетидов. В эту эпоху индоевропейцы обитали где-то на далеком севере Европы. Греки и римляне, в которых раньше видели создателей древней европейской культуры, еще и не появились на свете. В какой части круга своего распростра-

А. Н. Генко

СПбФ АРАН. Ф. 820. Оп. 2. Д. 124. Л. 1

нения выработали яфетиды впервые универсальный тип высшей культуры тогдашнего человечества, <...> это еще предстоит исследовать. Но уже установлено, что яфетическая семья, яфетическая письменная среда создавала и развивала первые основы современной цивилизации, что смешение с яфетидами сообщило культурное благородство индоевропейской расе, скрещение с ними произвело греков и римлян, <...> так же, как и в последующие времена исторически известных романцев и германцев»³⁸⁷.

В. И. Абаев так писал о своем учителе: «...лихорадочная смена одних построений другими происходила у Марра не под натиском фактов, а в силу

³⁸⁷ Марр Н. Я. Избранные работы. Т. 1: Этапы развития яфетической теории. Л., 1933. С. 171.

внутреннего самодвижения захвативших его идей». И это «самодвижение» шло прежде всего в русле идеологии. За «яфетической теорией» стояла идеология антизападничества, антиимпериализма и антиколониализма. «Яфетическая теория» по своей научной позиции, своим методам и итоговым выводам поразительно похожа на порождения современной «постколониальной» науки в развивающихся странах. Например, в современной Индии значительная часть ученых либо отвергает сравнительное языкознание как «колониалистскую» науку, либо объясняет существование индоевропейской семьи исходом древних носителей индоевропейских языков из Индии.

Однако экспансия «яфетической семьи», включавшей все новые языки за пределами Кавказа, вплоть до таких, как «готтентотский» (нама) и «вершикский» (бурушаски), привела к положению, когда едва ли не все языки мира оказались «яфетическими» или «скрещенными» с таковыми. «Яфетическая теория», вроде бы, лишалась смысла, но она уже трансформировалась у самого Н. Я. Марра: яфетические языки не были больше отдельной семьей, они представляли теперь одну из стадий мирового процесса языкового развития. Исходной стадией была ручная (кинетическая) речь. Затем появились нечленораздельные звуковые комплексы, которые со временем оформились в четыре трехзвучных первоэлемента — знаменитые САЛ, БЕН, ЙОН, РОШ. Любое слово любого языка Н. Я. Марр возводил к этим элементам или их комбинациям. Он выделял три стадии языкового развития, соответ-

ствующие морфологическим классам языков: аморфную (изолирующую), агглютинативную и флективную. При этом, в духе времени, он связал глоттогонический процесс с «поступательным движением» человечества по ступеням «социально экономических формаций». От изначального множества языков развитие шло к единому всемирному языку коммунистического общества, в котором «диалектико-материалистическое мышление перерастет» звуковую речь и создаст нечто новое, основанное на «конечных достижениях ручного и звукового языка»³⁸⁸.

Если «яфетическая теория» основывалась на кавказском патриотизме, то «новое учение» тогдашние теоретики марксизма (А. М. Деборин, Н. И. Бухарин) приветствовали как проникнутое идеологией интернационализма. Близость своих идейных позиций марксизму сознавал и сам Н. Я. Марр. «Академическое дело» со множеством арестов и кадровые «чистки» 1928—1930 гг. не затронули его, более того, весной 1930 г. он был избран вице-президентом «большевизированной» Академии наук СССР. Летом ученый выступил на XVI съезде ВКП(б) с приветствием от имени работников науки и техники, в котором заявил о соответствии своего «теоретического учения о языке» «генеральной линии» партии. Вскоре после этого Н. Я. Марр был принят в ВКП(б) без прохождения кандидатского стажа (предположительно, с санкции И. В. Сталина). Его учение стало «одним из составляющих культа единой руководящей <...> идеологической доктрины»³⁸⁹, превратилось в догму. Был и период преследова-

³⁸⁸ Марр Н. Я. Избранные работы. Т. 3: Язык и общество. М.; Л., 1934. С. 111—112.

³⁸⁹ Звегинцев В. А. Что происходило в советской науке о языке // Вестник АН СССР. 1989. № 12. С. 17.

ния оппонентов Н. Я. Марра, причем не столько «буржуазных индоевропейцев», сколько отечественных конкурирующих концепций.

В момент, когда Н. Я. Марр достиг вершины своей карьеры, у него стали проявляться признаки психического заболевания. Из современников одни (Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон, И. Ю. Крачковский, А. Н. Генко, И. М. Дьяконов) видели свидетельства этого в учении о «четырех элементах», другие (например, Поль Пеллио) делали заключение о болезни, побывав на лекциях Н. Я. Марра. В 1931 г. С. Ф. Ольденбург слушал его лекцию, сидя рядом с психиатром, профессором В. П. Осиповым, который сказал ему что «речь Марра — это речь больного психически человека, не логична, мысль отрывочная, путаная»³⁹⁰.

Возможно, между «новым учением» и болезнью Н. Я. Марра существовала и обратная зависимость. Есть свидетельства того, что в последний год жизни он тяготился своим «новым учением», по словам И. А. Орбели, ученый однажды сказал ему: «Как хорошо было раньше с яфетической семьей!». Вероятно, его разум подтачивало сомнение, неуверенность в своей правоте. К этому, по-видимому, добавлялся обычный в те годы страх перед арестом; на связь с болезнью Н. Я. Марра указывает эпизод, когда он «неадекватно» среагировал на неожиданный звонок в дверь квартиры, спрятавшись под кровать³⁹¹. Угнетающе действовала

на психику и общая ситуация в стране: Н. Я. Марр не мог не чувствовать, что дело научной организации и культурного строительства, которому он вместе со старым другом, С. Ф. Ольденбургом, отдал столько сил, стоит на грани краха.

Именно идеологическая подоплека, всегда присутствовавшая в лингвистических работах Н. Я. Марра, привела к тому, что в оценке его личности и наследия до сих пор проявляется приверженность крайностям. Иногда полностью принимается гипотеза «яфетической семьи»³⁹² или высказывается предположение, что обращение к «лингвистической палеонтологии, которая лежала в основе <...> “нового учения о языке”», может «обогащать и современную науку»³⁹³; однако образцы «палеонтологического» анализа академика убеждают в обратном. В. М. Алпатов, автор книги, этапной в историографии Н. Я. Марра и марризма, показал, что, взятые в целом, ни «яфетическая теория», ни «новое учение» научной ценности не имеют. Радикальные критики марризма (например, И. Е. Аничков) распространяли отрицание и на всю деятельность Н. Я. Марра: академиком он был, якобы, избран, благодаря одной счастливой находке, все его филологические работы представляли интерес только для «церковников». Полярно противоположны и личностные характеристики Н. Я. Марра. Для одних он — «человек огромного обаяния, страстной

³⁹⁰ Каганович Б. С. Сергей Фёдорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2006. С. 219.

³⁹¹ Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991. С. 107.

³⁹² Гасанов М. Р. Ученый с мировым именем (к 150-летию со дня рождения Н. Я. Марра) // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4. С. 136—141.

³⁹³ Петренко Д. И., Штайн К. Э. Лингвистическая палеонтология Н. Я. Марра в контексте советского языкознания 1920—1930-х годов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. 2018. № 5. С. 216.

преданности делу» (И. М. Дьяконов), который «своим одушевляющим талантом вызвал к жизни и ободрил немало работ и начинаний» (И. Ю. Крачковский), «грандиозный, бурный, беспредельный темперамент, возлюбивший науку как единое в жизни», «огромная, оригинальная и светлая личность» (В. М. Алексеев). На другом полюсе мнений — Н. Я. Марр — «психопатическая личность с установочным поведением», осознанно творившая «несомненное зло»³⁹⁴.

Пытаясь непротиворечиво охарактеризовать Н. Я. Марра и его наследие, нужно отметить, что в кавказоведении он едва ли не с первых шагов завоевал лидерство, был признан создателем армяно-грузинской филологии — не как суммы двух, а как единой области исследований, впоследствии стал бесспорным главой кавказской филологии в целом. Роль Н. Я. Марра как археолога исчерпывающе описана Н. И. Платоновой: он был «первопроходцем археологии Закавказья», учителем И. А. Орбели и Б. Б. Питровского, создателем РАИМК — ГАИМК, его работы «для своего времени велись на достаточно высоком уровне» и «должны занять подобающее место в истории науки»³⁹⁵. Лингвистическая теория Н. Я. Марра была грандиозным заблуждением; обретя государственную поддержку и статус «марксистской лингвистики», она несла вред для развития языкознания в стране. Но сам Н. Я. Марр злодеем не был. В последние годы жизни он пользовался в полемике трафарета-

ми «марксистского» языка, подменяя, как было принято, аргументы политическими выпадами, но никогда не опускался до высказывания персональных политических обвинений. «Оргвыводы» из его инвектив делали окружившие его и, по выражению И. М. Дьяконова, «снимавшие сливки с квазиофициального характера “нового учения”» пропагандисты марризма: они вытесняли оппонентов из научных учреждений и вузов крупных городов.

Надо признать, что, несмотря на фантастичность лингвистической теории Н. Я. Марра в целом, некоторые интуитивно сформулированные им гипотезы нашли подтверждения в дальнейшем развитии науки. Он, например, считал хуррито-урартский язык родственным северовостокавказским, а хаттский — родственным северозападнокавказским языкам. Та и другая гипотезы были приняты впоследствии многими лингвистами. Продолжает обсуждаться и баскско-кавказская гипотеза, более того: достаточно обоснованной выглядит гипотеза Т. Феннеманна, предполагающая широкое распространение в древней Европе прото-баскского («васконского») языка, который послужил субстратом для языка индоевропейских пришельцев. Ряд других перспективных предположений Н. Я. Марра (например, о первичности «кинетической» речи) перечислил в одной из работ Вяч. Вс. Иванов³⁹⁶. Была также выдвинута правдоподобная, но вряд ли доказуемая гипотеза,

---

³⁹⁴ Аллатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991. С. 77—78.

³⁹⁵ Платонова Н. И. Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // Археологические вести. 1998. № 5. С. 375, 380.

³⁹⁶ Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976. С. 15—35.

согласно которой теория Н. Я. Марра, сводящая все развитие языков мира к комбинированию четырех исходных «звуковых троек», явилась результатом интуитивного и неосознанного воспроизведения ученым структуры генетического кода³⁹⁷.

Но помимо такого рода частных прозрений, «новое учение о языке» Н. Я. Марра содержало «и то, что навсегда легло ступенью в развитие гуманитарных наук»³⁹⁸. При всех антизападнических перегибах концепции «яфетической семьи», в заслугу ученому можно поставить его неустанную борьбу за преодоление реально ограничивавшего развитие языкознания того времени узкого европоцентризма. «Яфетидология» не ограничивала область своего влияния лингвистикой, она была связана с антропологией, этнографией, сравнительной мифологией, фольклористикой, литературоведением, археологией и историей культуры. Последовательное применение базовых принципов «нового учения» к лингвистическому материалу могло быть неуместным или, при уровне развития тогдашнего языкознания, преждевременным, но перенесение тех же принципов в области смежных дисциплин давало порой великолепные результаты, например, в исследованиях мифа, фольклора и ранних форм литературы, осуществлявшихся представителями «марровской школы» — И. Г. Франк-Каменецким и О. М. Фрейденберг. Они, в частности, плодотворно использовали при изуче-

Н. Я. Марр. Фотопортрет с дарственной надписью И. А. Орбели

СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 2. Д. 38. Л. 1

нии мифологического мышления марровские концепции «семантического ряда» и «семантических пучков». Идея единого глоттогонического процесса, будучи перенесена в фольклористику, породила идею единого процесса фольклорного творчества, проходящего через одни и те же универсальные типологические стадии. Именно «под страстным воздействием Марра» в российской науке выработался и укоренился историко-типологический метод, неразрывно связанный с представлением о единстве развития всей мировой культуры, «всего человеческого мышления, всех языков»³⁹⁹.

³⁹⁷ Гамкрелидзе Т. В. Р. О. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 5—8.

³⁹⁸ Дьяконов И. М. По поводу воспоминаний О. М. Фрейденберг о Н. Я. Марре // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 179.

³⁹⁹ Там же. С. 179.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Басаргина Екатерина Юрьевна**, доктор исторических наук — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, старший научный сотрудник — заведующий отделом публикаций и выставочной деятельности (Санкт-Петербург).
- Бондарь Лариса Дмитриевна**, кандидат исторических наук — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, заместитель директора по научной работе (Санкт-Петербург).
- Брылевская Лариса Ивановна**, кандидат физико-математических наук — Университет ИТМО, доцент факультета информационных технологий и программирования (Санкт-Петербург).
- Васильков Ярослав Владимирович**, доктор филологических наук — Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, главный научный сотрудник (Санкт-Петербург).
- Винарский Максим Викторович**, доктор биологических наук — Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, заведующий Лабораторией макроэкологии и биогеографии беспозвоночных биологического факультета; Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, главный научный сотрудник (Санкт-Петербург).
- Гончаров Николай Петрович**, доктор биологических наук, академик РАН — Институт цитологии и генетики СО РАН, главный научный сотрудник (Новосибирск).
- Груздева Елена Николаевна**, кандидат исторических наук — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, старший научный сотрудник — заведующий отделом информационного обеспечения (Санкт-Петербург).
- Дмитриев Игорь Сергеевич**, доктор химических наук — РГПУ им. А. И. Герцена, профессор кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека (Санкт-Петербург).
- Дьяков Борис Борисович**, кандидат физико-математических наук — Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе РАН, старший научный сотрудник (Санкт-Петербург).
- Застрожнова Евгения Григорьевна**, кандидат исторических наук — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, старший научный сотрудник — заведующая отделом обработки фондов, комплектования и ведомственных архивов (Санкт-Петербург).
- Кирикова Ольга Александровна** — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, старший научный сотрудник (Санкт-Петербург).
- Красников Геннадий Яковлевич**, доктор технических наук, академик РАН, президент Российской академии наук.
- Макаров Николай Андреевич**, доктор исторических наук, академик РАН — Институт археологии РАН, директор (Москва).
- Моисеева Татьяна Михайловна** — независимый исследователь (Санкт-Петербург).
- Морозов Михаил Владимирович**, кандидат геолого-минералогических наук — Санкт-Петербургский государственный университет, доцент кафедры геохимии Института наук о земле (Санкт-Петербург).

- Морозова (Кургузова) Анна Владимировна**, кандидат геолого-минералогических наук — Санкт-Петербургский горный университет, доцент кафедры минералогии, кристаллографии и петрографии геологоразведочного факультета (Санкт-Петербург).
- Поникаровская Марина Владимировна**, кандидат исторических наук — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ученый секретарь (Санкт-Петербург).
- Попова Ирина Федоровна**, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН — Институт восточных рукописей РАН, директор (Санкт-Петербург).
- Работкевич Александр Викторович**, кандидат культурологии — Архив РАН, директор (Москва).
- Сериков Николай Игоревич**, кандидат исторических наук — Институт востоковедения РАН, ведущий научный сотрудник (Москва).
- Степанов Александр Владимирович**, доктор физико-математических наук, член-корреспондент РАН — Главная (Пулковская) астрономическая обсерватория РАН, научный руководитель (Санкт-Петербург).
- Тодес Даниел Филип (Todes Daniel Philip)**, PhD — Университет Джонса Хопкинса, почетный профессор (Балтимор, штат Мэриленд, США).
- Тункина Ирина Владимировна**, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, директор (Санкт-Петербург).
- Филиппова Элеонора Николаевна** — независимый исследователь (Балтимор, штат Мэриленд, США).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаев В. И.* 751, 761
Абайдулова А. Г. 133
Абалакин В. К. 416
Абашев Д. Н. 502
Абих Г. В. (О. В. Г.) 521
Абрамзон М. Г. 724
Август Октавиан, рим. имп. 719
Август, принц прусский 197
Авенариус М. П. 407
Агапий Манбиджский 749
Адамс М. И. 205, 206, 208
Адогуров В. Е. 362, 367, 373, 383
Адриан, патриарх 17
Айналов Д. В. 686, 697, 699
Айтельберг Р. 630
Аксаков С. Т. 512
ал-Бекри, см. Бекри
ал-Макин, см. Макин 683
ал-Хамави, см. Йакут ал-Хамави
Александр I Павлович 52, 147, 148, 150, 170, 181, 197, 205, 384, 519, 615, 616, 726
Александр II Николаевич 159, 161, 173, 386, 498, 531, 570, 616, 622, 660
Александр III Александрович 165, 184, 623
Александров П. С. 395
Алексеев В. М. 232, 304, 341, 728, 735, 753, 758, 764
Алексей I Комнин 682
Аллез 397
Алпатов В. М. 306, 614, 751, 752, 763, 764
Амалицкий В. П. 217
Амбарцумян В. А. 425, 426
Амелина Л. В. 642
Амман И. 376
Ампер А. М. 446
Андерсен Е. 596
Андрей, ап. 687
Андреев А. И. 65, 705, 706
Андреев П. А. 30
Андрусов Н. И. 30, 291, 347, 524, 525, 562
Аничков И. Е. 763
Анкудович В. А. 387
Анна Иоанновна 40, 41, 43—45, 47, 64, 80
Анна Петровна 29
Анохин П. К. 577
Анреп Г. В. 577
Антинг Ф. 54, 304, 384
Антиох Стратиг (Палестинский) 756
Антоний Печерский св. 653
Араго Д. Ф. Ж. 500, 501
Аракчеев А. А. 552
Арбузов А. Е. 484, 485
Арбузова И. В. 645
Ардуино Дж. 518
Арескин Р. К. 18, 19
Аристотель 630
Аррениус С. А. 476, 477
Арсеньев А. Н. 603
Архангельский А. Д. 530
Асратян А. С. 577
Афанасьев А. Г. 662
Ашнин Ф. Д. 306, 614
Бабине Ж. 572
Бабкин Б. П. 577
Багратиды 756—757
Байер Г. З. (Т. З.) 28, 35, 43, 45, 656—658, 683, 726
Байрон Дж. Г. 617
Бакланов О. Д. 14
Баклунд О. А. 177, 183, 246, 271, 274, 279, 347, 389, 424, 425, 461, 464
Баклунд О. О. 214
Бакмейстер И. Ф. (И. Г.) 615
Бакунин П. П. 52, 55
Баландин А. А. 490, 491
Баньковская М. В. 753, 758
Баранецкий О. В. 557
Барданес Х. 123, 124, 130
Барт К. 506
Бартольд В. В. 309, 328, 733, 743, 746

- Барцевский И. Ф. 692
 Басаргина Е. Ю. 22, 25, 30, 42, 63, 64, 66, 72, 75, 259, 601, 607, 612, 681, 687, 766, 768, 769
 Басханов М. К. 742
 Баторий 685
 Батюшков К. Н. 624
 Бауэр Ф. (Х. Ф.) 89—91, 94, 95
 Бахрушин А. А. 238
 Бахрушин С. В. 65
 Башилов И. Я. 490
 Бедекер К. 742
 Безобразов П. В. 679, 681, 685
 Бейльштейн Ф. Ф. 475
 Бекарюкова Е. Д. 703
 Бекенштейн И. С. 40
 Бекетов А. Н. 89, 390
 Бекетов Н. Н. 177, 183, 184, 262, 263, 502
 Беккер К. Х. 750
 Беккерель А. 485
 Беккин Р. 750
 Бекри, ал-Бекри, Абу-Обейд-Абдаллах-ал-Бекри 749
 Беланже Ж. Б. 398
 Белинский В. Г. 408, 618
 Беллявен 397
 Белой Г. 97—99, 101, 104
 Белопольский А. А. 247, 248, 423—425
 Бельчиков Н. Ф. 618
 Беляев А. 97
 Беляев Л. А. 692
 Бенешевич В. Н. 333, 677, 756
 Бенуа Ф. 455
 Берг Л. С. 330, 334, 337, 347, 559, 560
 Бергман А. Г. 482
 Бередников Я. И. 232, 665, 666
 Беринг В. 60, 61, 64, 65, 69, 70, 73, 75, 82, 335
 Беркхан И. Х. 62, 67, 73—75, 82
 Бернар К. 574, 579
 Бернекер Э. 637
 Бернулли Д. 28, 354—356, 363, 364, 437
 Бернулли И. 37, 353—355
 Бернулли Н. 28
 Бернулли Николай II 354, 355
 Бернулли Я. 353
 Бернштейн С. Б. 600
 Бернштейн С. Н. 304, 394, 395
 Берта Зульцбахская, см. Ирина
 Бертолле К. Л. 505
 Берцелиус Й. Я. 496—498, 501, 505
 Бессонов А. Н. 534
 Бестужев А. П. 51
 Бестужев-Рюмин К. Н. 671, 673, 703
 Бётлингк О. Н. 188
 Бетсон У. 589, 594
 Бецкой И. И. 709
 Биберштейн М. фон 220—221
 Билли 397
 Бильфингер Г. Б. 436
 Биллярский П. С. 236, 674
 Бирон Э. И. 40, 45, 47, 64, 360, 552
 Биязи Н. Н. 743
 Благовещенский Н. М. 680
 Блида Л. И. 28
 Блок А. А. 284
 Блок Г. П. 629, 636, 642
 Блох М. А. 540
 Блудов Д. Н. 159, 160, 163, 169, 171, 172, 259, 260
 Блэк Дж. 500
 Блюментрост И. Л. 19
 Блюментрост Л. Л. 19, 25, 29—31, 34, 35, 40, 41
 Богданов А. П. 11
 Богданов-Бельский Н. П. 425
 Богишич В. 636
 Богораз-Тан В. Г. 309
 Бодуэн де Куртенэ И. А. 611, 613, 636, 643
 Бодянский О. М. 602, 604, 605, 610
 Бонгард-Левин Г. М. 715, 717, 718, 725
 Бондаренко Л. Б. 500
 Бондарь Л. Д. 519, 613, 766
 Бониц Г. 630
 Борель П. 159, 385
 Борисов И. 86, 92, 93, 96
 Борисьяк А. А. 217, 304, 308, 534, 562
 Боровик С. А. 528
 Бородин А. П. 509, 510
 Бородин И. П. 221—223, 288, 560, 580
 Бороздин А. К. 701, 702
 Боткин С. П. 510, 576
 Бравэ О. 544
 Брадт Ф. Л. 42
 Брандт Р. Ф. 613
 Брандт Ф. Ф. (И. Ф.) 111, 181, 206, 207, 523, 569
 Бранлив, др.-рус. кн. 684
 Брашман Д. М. 398

- Брашман Н.Д. 388, 389, 397—399
Бреверн К. фон 46, 47
Бредихин Ф.А. 177, 246, 423, 424
Брезе Н. 74
Бровина А.А. 537
Брок О. 643, 645
Броссе М.И. 228, 665
Брукер И. 37
Брылевская Л.И. 148, 766
Брюллов А.П. 240, 419
Брюс Я.В. 416
Бублейников Ф.Д. 531
Будде Е.Ф. 645
Будилович А.С. 610
Будкин Ф.О. 419
Бузескул В.П. 294, 337, 598, 605, 610, 613, 675, 680, 682, 684—688
Бузук П.А. 614
Буксбаум И.Х. 25, 41
Булич С.К. 601
Булла К.К. 382
Бунге Н.А. 177
Бунзен Р.В. 499
Бунин И.А. 185, 303, 698
Буняковский В.Я. 163, 183, 386—389, 399—401, 404, 405, 408, 411, 412
Бурдо 397
Буркхарт И. 353
Буслаев Ф.И. 689, 690
Бутков П.Г. 665, 666
Бутлеров А.М. 183, 262, 263, 335, 336, 472—475, 480, 496, 509—516
Бутлеров М.В. 511
Бутлерова С.М. 511
Бутырский М.Н. 692
Бух Л. 521
Бухарин Н.И. 337, 762
Бучкин П.Д. 246
Быков Г.В. 511, 512
Быков И. 123, 124, 145
Быков К.М. 577
Бычков А.Ф. 164, 608, 609, 649, 651, 668, 669
Бычков И.А. 669
Бьенеме И.Ж. 403
Бэр К.М. (К. Э.) фон 173, 181, 198, 207, 223, 232, 335, 450, 556, 563—573, 740
Бюльфингер Г.Б. 22, 27, 29, 356
Бялыницкий-Бируля А.А. 277
Вавилов И.И. 589
Вавилов Н.И. 555, 560, 589—597
Вавилов С.И. 254, 308, 443, 460, 461, 552, 590
Вавилова (Постникова) А. М. 590
Вагнер Е.Е. 474, 475, 514
Вагнер Н.П. 511, 512
Вайнштейн Л.А. 494
Вален И. 630
Валк С.Н. 22, 705, 706, 708
Вальватьева Е.А. 407
Вальден П.И. 263, 292, 470, 475, 477, 501
Вальтер А. 134
Вальтер Г.Э. 277
Ванифатьев Н.Г.
Вардан Айгекци 754
Василий II Болгаробойца, виз. имп. 683, 687, 741, 749
Василий Охридский 685
Васильев А.А. 303, 681, 684, 716, 745, 746, 749
Васильев А.В. 407
Васильев В.П. 177, 184
Васильевский В.Г. 285, 676, 679—688, 707
Васильков Я.В. 306, 766
Ващенко М.С. 634, 639, 645
Введенский А.А. 705, 706
Введенский Н.Е. 555
Вебер А. 633, 634, 636, 637
Вейерштрасс К. 413
Вейнберг Б.П. 411
Вейтбрехт И. 33, 41
Вёлер Ф. 499, 506, 507
Веретенников В.И. 704—706
Вернадский В.И. 10, 71, 111, 190, 215, 216, 289, 304, 308, 314, 315, 319, 321, 327, 333, 335, 337, 347, 485, 487, 488, 526—528, 547, 702
Вернадский Г.В. 699, 713
Вернер А.Г. 213, 519
Веселаго Ф.Ф. 738, 739
Веселовский А.Н. 164, 177, 638
Веселовский К.С. 162, 163, 171, 177, 183, 236, 259, 279
Веселовский Н.И. 746
Вестермайр К. 34
Вздорнов Г.И. 689
Вигель Ф.Ф. 22
Видеман Ф.И. 729

- Виже-Лебрен М. Л. Э. 366
 Визгин В. П. 256
 Визе В. Ю. 350
 Виламовиц-Мёллендорф У. фон 719
 Вилип И. И. 460, 467
 Вильгельм I Сицилийский 685
 Вильгельм, принц прусский 197
 Вильд Г. И. 177, 183, 248—252, 255
 Вилькицкий Б. А. 279
 Винарский М. В. 766
 Винер С. Е. 231, 232
 Виноградов В. В. 627, 629, 636, 645, 655
 Виноградов Д. И. 45
 Виноградов Дм. 374
 Виноградов Е. Г. 32
 Виноградов И. М. 304, 308, 395
 Виноградов П. Г. 291, 677, 709
 Винстейм Х. Н. фон 36, 49
 Висковатов В. И. 383—385
 Витте С. Ю. 462
 Виттенбург П. В. 214, 345, 347
 Владимир Святославич, др.-рус. князь
     647, 668, 683, 717
 Владимирцов Б. Я. 304
 Вознесенский И. Г. 207, 224
 Войнович М. И. 95
 Волгин В. П. 306, 337
 Волков Б. А. 362, 383
 Волконский М. С. 404
 Воллосович К. А. 214, 277, 278
 Волохович М. 58
 Волошина О. А. 751, 759
 Вольтер М. Ф. А. 371
 Вольф К. Ф. 54, 99
 Вольф Ф. А. 662
 Вольф Х. 21, 22, 355, 356, 363, 374, 375, 378
 Воробьев В. И. 214
 Вороной Г. Ф. 393, 394
 Воронцов М. И. 383
 Воронцов М. Л. 367
 Воронцов М. С. 107
 Вортман Х. А. 17
 Воскресенский А. А. 474, 497
 Востоков А. Х. 182, 601, 602, 608
 Вревская С. Б. 282
 Всеволод Ярославич, др.-рус. князь 683
 Вюртембергский герцог 86
 Вюрц Ш. 513, 514
 Вяземский П. А. 158, 285
 Габлиц К. 89, 93, 95, 109
 Гагарин Ю. А. 14
 Гадолин А. В. 183, 255, 526, 527, 544—546
 Гадолин Ю. 526
 Газе Б. 684
 Галлей Э. 17
 Гамель И. Х. 233
 Гамкрелидзе Т. В. 765
 Ганка В. 599, 605
 Гарвей У. 565
 Гасанов М. Р. 763
 Гаусс К. Ф. 250
 Гафуров Б. Г. 737
 Гаюи Р. Ж. 211, 213
 Гваренги, см. Кваренги Дж.
 Гедин С. 730
 Гей-Люссак Ж. Л. 506
 Гейденгайн Р. 574, 578, 579
 Гейнзиус Г. 36, 47
 Гейслер К. 132
 Гельман Г. 495
 Гельмерсен Г. П. фон 183
 Генкель И. Ф. 374—376
 Генко А. Н. 760, 761, 763
 Георги И. И. 54, 124, 125, 128, 130—132,
     142, 145
 Георгиевский В. Т. 696
 Георгий Амастридский св. 683, 684
 Герасимов А. П. 287, 538, 539
 Герасимович Б. П. 425, 426
 Герд Л. А. 679, 681
 Герман И. Ф. 117
 Герман Я. 355
 Гертнер И. 99
 Гёрц К. К. 284, 285
 Герцен А. И. 151, 158, 160
 Гесс (Мулинье) Л. 496
 Гесс Г. И. (Ж. А.) 181, 258, 471, 496—502
 Гесс Ж. Ф. 496
 Гессель Ф. 544
 Гзель Г. 44
 Гзель К. 359
 Гзель М. Д. 44
 Гзель С. А. 364
 Гиббс Дж. У. 549
 Гизе Ф. 497
 Гильденштедт И. А., см. Гюльден-
     штедт И. А.
 Гинзберг Э. Г. 706

- Гиппиус В. В. 601
Гир Г. де 274
Гиргас В. Ф. 746
Глинка К. Д. 321
Глубоковский Н. Н. 303
Глумилина Н. М. 512
Глушков Г. 132
Гмелин И. Г. 33, 41, 61, 62, 65, 67, 69—72, 75, 76, 80—82, 86, 117, 360, 373
Гмелин С. Г. 81, 84, 86—97, 99, 100, 109, 139, 146
Гнучева В. Ф. 61
Гоголь Н. В. 283, 387
Голенищев В. С. 746
Голицын А. Н. 196, 271—273
Голицын Б. Б. 253, 256, 428, 442, 443, 459—469, 527
Голицына Е. И. 388
Головин М. Е. 362, 363, 383
Головкин А. Г. 25
Головнин А. В. 160, 161, 172, 202
Головнин В. М. 224
Гольдбах Х. 28, 43, 47, 51, 62, 355
Гольдшмидт В. М. 528, 551
Гомер 570
Гончаров Н. П. 591, 766
Горбунов Н. П. 299
Горланов А. П. 62, 73, 75, 111
Горлицкий И. С. 35
Горончаровский В. А. 744, 747
Горшков Г. В. 528
Горький А. М. 185, 293, 413
Горяиновы 406
Готлиб Т. 615
Гофман А. В. фон 508
Грабар А. 699
Граве Д. А. 392
Градова Б. А. 369, 371, 373
Граф А. 360
Грацианский М. В. 680
Гребенщиков И. В. 491, 492
Гревс И. М. 679, 681, 687, 702—703
Грейг А. С. 417, 431
Греков Б. Д. 705, 709
Грефе Ф. Б. (Х. Фр.) 151, 665
Греч Н. И. 601
Грибоедов А. С. 387
Григорий св. 756
Григорий Хандзтийский 756
Григорович В. И. 605, 606, 633, 637
Григорьев В. В. 743
Григорьев П. 123, 125—129
Гриньяр Ф. 475
Гродзенский С. Я. 408
Гросс Х. Ф. 28
Грот (Семёнова) Н. С. 622
Грот И. Х. 615
Грот К. Е. (К. И.) 615
Грот К. К. 615, 616
Грот К. Я. 610
Грот Н. Я. 622
Грот П. Г. фон 551
Грот Р. 615
Грот Я. К. 161, 165, 177, 286, 608, 615—628, 641
Груздева Е. Н. 613, 766
Грум-Гржимайло Г. Е. 210
Грум-Гржимайло М. Е. 210
Губе А. И. 156
Губер И. Р. 28
Губкин И. М. 304, 321, 530
Гувер Г. К. 591
Гулд Б. 433
Гумбольдт А. фон 117, 250, 431, 521, 523, 596
Гурьев С. Е. 53, 383—385
Гюльденштедт И. А. 71, 96—103, 105—111, 133, 134, 146
Гюнтер Н. М. 406, 412
Да Винчи Л. 45
Да Гама Х. 64
Давыдов К. Н. 269
Дадаев А. Н. 417
Даль В. И. 608, 617, 627—628
Дальтон Дж. 460, 500
Данилевский Н. Я. 671
Данненхауер 138
Дантес Ж. Ш. 283
Дарбес И. Ф. 365
Дарвин Ч. 554, 556—559, 566, 570, 572, 573, 581
Дашкова Е. Р. 52—54, 365, 624
Деборин А. М. 762
Декандоль А. 596
Декарт Р. 438
Деккер И. К. 71
Делиль де ла Кройер Л. 36, 61, 62, 64, 65, 69, 75, 76

- Делиль Ж.Н. 34—37, 41, 81, 416
 Дёллен В.К. 421, 430, 434
 Дёллингер И. 564
 Делоне Б.Н. 395, 410
 Демидов Г.А. 117, 118
 Демидов П.Н. 172, 400
 Демьянов Н.Я. 490, 491
 Денисов П.К. 585, 586
 Деньер 599
 Державин Г.Р. 621, 625, 626, 628
 Державин Н.С. 614, 635
Дерюгин К.К. 347
 Дерюгин К.М. 347
 Джоуль Дж. 447
 Диатропов Д.Б. 494
 Диоклетиан, рим. имп. 719
 Дирихле П.Г.Л. 393
 Дмитриев И.И. 285
 Дмитриев И.С. 514, 766
 Дмитриев Н. 134
 Добиаш-Рождественская О. А. 709
 Добровский Й. 599, 600, 602
 Добролюбов Н.А. 408
 Догель А.С. 392
 Докучаев В.В. 563
Долинина А.А. 738, 746
 Долле Ж. 362
Доманский Я.В. 691, 699
 Домашнев С.Г. 52, 53, 365
Дондуа К.Д. 748
 Дондуков-Корсаков М.А. 157
 Дорн Б.А. 229, 230, 665, 728, 729
 Достоевский Ф.М. 387
 Доу Дж. 602
 Дреслер А.С. 753
 Дринов М.С. 610, 611
 Дроздецкий А.А. 706
 Дройзен И.Г. 680
 Дружинин В.Г. 701
 Дубровин Н.Ф. 177, 184, 672, 709
 Дудин С.М. 731
 Дудин Х. 371
 Дунаев И.И. 504, 505
 Дурново Н.Н. 613, 614
 Дьяков Б.Б. 766
 Дьяконов И.М. 763—765
 Дьяконов М.А. 232, 291, 328, 333, 672, 673,
 701, 709, 714
 Дэви Г. 500
 Дювернуа И.Г. 22, 47
Дюльденко А.А. 145
 Дюма Ж.Б.А. 499, 506, 507
 Екатерина св. 756
 Екатерина I 26, 27, 29, 30, 38
 Екатерина II 50—52, 55, 81, 124, 136, 157,
 177, 363, 368, 380, 384, 416, 625, 660, 661,
 664, 704
 Елена Павловна, вел. кн. 486
 Елизавета I Петровна 26, 47, 48, 51, 81, 367,
 368, 380, 615, 658
 Ельцин Б.Н. 14
 Еремеев П.В. 526
Еремеева А.И. 423, 426
 Ернштедт В.К. 687, 717
 Ершов А.С. 398
Есаков В.Д. 308
 Ефремов П.А. 282
 Жакоб Ш. 541
 Жебелёв С.А. 302, 303, 675, 676, 691, 697,
 699, 715, 719, 723
Жемчужников А.М. 160
Жемчужников Ю.А. 531
 Жерар Ш. 513
Жирмунский В.М. 751
Жуков В.Ю. 426
 Жукович П.Н. 709
 Жуковский В.А. (востоковед) 746
 Жуковский В.А. (поэт) 158, 285, 617, 624
 Жуковский Н.Е. 402
 Журавский А.В. 228
 Завадовский П.В. 170, 197
 Завитаев К.В. 704, 706
 Загорский П.А. 223
 Зайцев А.М. 474, 475, 514
 Залеман К.Г. 177, 190, 230—232, 729, 730,
 757, 760
 Заленский В.В. 191, 268, 269, 291, 580
 Замысловский Е.Е. 703
 Застрожнова Е.Г. 766
 Захаров Я.Д. 53, 470
Звегинцев В.А. 762
 Звенигородский А.В. 694
 Зееберг Ф.Г. 276, 278
 Зейзенег Э. фон 551
 Зеландер Н.Х. 434
 Зелёный Н.П. 267
 Зелинский Н.Д. 480, 481, 487, 490, 493, 304
 Зелинский Ф.Ф. 717

- Зернов Н.Е. 389, 398
Зинин Н.И. 503
Зинин Н.Н. 183, 258—260, 262, 471, 474, 503—513
Златарский В. 612
Злотников М.Ф. 706
Злотников Ф.Ф. 706
Золотарёв Д.А. 328, 345
Золотарёв Е.И. 391—393, 402, 403, 407—409, 413
Зряковский Б. 97
Зуев В.Ф. 134, 140, 145
Ибн Фадлан А. 749
Ибн Я'куб И. 749
Иван (Иоанн) III Васильевич 664
Иван (Иоанн) IV Грозный 87, 656, 664, 685
Иванов А.А. 248, 424, 425
Иванов Вяч. Вс. 764
Иванов И.И. 392, 406
Иванова Т.Г. 288
Иванов-Смоленский А. Г. 577
Игнатий, дьякон 684
Игнатъев П.Н. 303
Игорь Святославович, др.-рус. князь 661
Иериг И. 144, 145
Измайлов Л.В. 57
Измайлов Н.В. 281
Иконников В.С. 673
Илизаров С.С. 28
Иловайский Д.И. 683
Ильенков П.А. 500
Ильинский Г.А. 614
Имшенецкий В.Г. 405, 411
Ингирев З. 529
Иноходцев П.Б. 383
Иоанн VI Антонович 360
Иоанн Васильевич, см. Иван III Васильевич
Иоанн Васильевич, см. Иван IV Васильевич
Иоанн Геометр 683
Иодко О.В. 109
Иоффе А.Ф. 257, 294, 311, 327, 443
Ипатьев В.Н. 291, 303, 311, 481—484, 487—490
Ипатьева А.В. 490
Ипполит Римский, второй антипапа 755
Иракий II 102, 103, 105
Иречек К. 612
Ирина (Берта Зульцбахская), виз. имп. 685
Истрин В.М. 653
Йакут ал-Хамави 749
Йебенс А. 451
Йенсен К.А. 429
Йентцен Ф. 329
К.Р., см. Константин Константинович, вел. кн.
Каавере В. 571
Каблуков И.А. 477—479, 490, 514
Каганович Б.С. 763
Кадэ Э. 407
Каждан А.П. 684
Казанский Б.А. 493
Кайсаров А.С. 601
Калачов Н.В. 669
Калашников А.М. 54
Калинин М.И. 296, 297
Калужняцкий Э. 645
Кальнер В.Д. 291
Каменев Л.Б. 296
Канкрин Е.Ф. 169
Кант И. 615
Канторович Л.В. 395
Капица П.Л. 494
Капица С.П. 494
Капустинский А.Ф. 500
Капцюг В.Б. 434
Караджич В. 599, 602
Каракозов Д.В. 161
Карамзин Н.М. 159, 161, 285, 601, 624, 662, 663, 666, 743
Кареев Н.И. 703, 709
Каринский Н.М. 392
Карл XII 57
Карл Фридрих Голштейн-Готторпский 29
Кармин И. 152
Карнеги Э. 217
Карножицкий А.Н. 460
Карпеев Э.П. 416, 429
Карпинский А.П. 177, 184, 271, 288—291, 297, 301, 304, 306—308, 321, 345, 347, 351, 464, 524, 528, 530—542, 550
Карский Е.Ф. 328, 330, 609
Кассини Дж. Д. 35
Кастрен М.А. 224
Катанов Н.Ф. 746
Качалов Г.А. 31
Каченовский М.Т. 601, 666
Кашенцев М.А. 111, 385, 518
Кашкарев С.М. 123, 124, 130, 131, 145

- Кваренги Дж. 151, 257, 416
Квасов Д. Г. 577
 Кейзерлинг Г. К. фон 41—43
 Кекавмен 687
 Кекуле А. 513
 Келдыш М. В. 14
 Кёлер В. 585
 Кёлер Е. Е. (Г. К. Э.) 662, 664
 Кёппен П. И. 599—601, 666—667
Кёппен Ф. П. 146
 Кесслер К. Ф. 390
 Кетле А. 596
 Кизеветтер А. А. 303
 Кипренский О. А. 600
Кирикова О. А. 601, 641, 652, 766
 Кирилов И. К. 64, 372
 Кирпичников А. И. 690
 Кирхгоф К. С. 258, 499
 Кистяковский В. А. 308, 477, 478, 490, 494
 Киттары М. Я. 471, 472
 Клапрот Г. Ю. 106, 521
 Клаус К. К. 471, 472, 479, 508
 Клеванов А. С. 605
 Клейн К. 124, 130
Клейн Л. С. 689, 694, 695, 699
 Клеменц Д. А. 226
 Клерк, капитан 77
 Клеро А. К. 49
 Ключарев Я. 86
 Ключевский В. О. 670—671, 674, 705—706, 709
 Книпович Н. М. 347
 Кнорре (династия) 416
 Кнорре К. Ф. 430
 Князев Г. А. 319
 Ковалевская С. В. 404, 405, 413
 Ковалевский А. О. 268, 269, 556, 557
 Ковалевский В. О. 555, 563
 Ковалевский М. М. 677—678
 Козицкий Г. В. 50
 Козлов П. К. 210, 231, 350, 561, 730, 731
 Козловский М. М. 641
 Козловский П. Б. 388
 Козмин С. М. 93
 Козо-Полянский Б. М. 558
 Козырев Н. А. 425, 426
 Коковцов П. К. 745, 746, 749
 Кокшаров Н. И. 183, 526
 Коллинс Э. Д. 385
 Колмогоров А. Н. 395
 Коломейцев Н. Н. 276
 Колпашников А. Я. 53, 67
 Колчак А. В. 276—278
Колчинский И. Г. 422—424, 429
Колчинский Э. И. 555, 557, 636
 Коль И. П. 25, 27, 28, 40
Кольцов А. В. 299, 325
 Кольцов Н. К. 555
 Комаров В. Л. 18, 223, 304, 306, 561
 Кондаков Н. П. 291, 676, 682, 686, 689—699, 717, 718, 721, 754, 755
 Коновалов Д. П. 476, 477, 479, 480, 490, 514
 Коновалов М. И. 474
 Кононов А. К. 383
Кононов А. Н. 729
 Конорский Е. 577
 Константин V Копроним, виз. имп. 686
 Константин VII Багрянородный (Порфирородный), виз. имп. 657, 677
 Константин Константинович (К. Р.), вел. кн. 163—167, 168, 172, 174, 175, 177, 184, 185, 191, 193, 204, 209, 274, 276, 281, 286, 404, 460, 538, 551, 552, 675
 Константин Николаевич, вел. кн. 160, 163, 251
 Константин Павлович, вел. кн. 615
Копелевич Ю. X. 21, 28, 40, 71, 97, 101, 103, 106, 108, 357, 360, 553
 Копитар Б. 599
 Кораблёв В. Н. 614
 Коржинский Д. С. 551
 Коржинский С. И. 177, 221, 222, 559, 561
 Коркин А. Н. 390, 392, 393, 408, 409
 Коркунов М. А. 232
 Корнилов А. А. 702
 Корнилов Л. Г. 290, 742
 Короленко В. Г. 185
Корсунь А. А. 422—424, 429
 Корф И. А. фон 42—46, 56
 Корф М. А. 617
 Корф Н. А. 615
 Корш Ф. Е. 607, 641, 648, 690
 Коссович К. А. 188
Костыгов В. 615
Костычев С. П. 589
 Косцюшко-Валюжинич К. К. 692
Косыгин Ю. А. 531
 Котёлкина И. В. 591

- Котельников А.П. 402
Котельников С.К. 50, 53, 54, 362, 383, 384
Котляров Г.М. 706
Котов М. 86—87
Коцебу О. фон 444, 446
Кочин Н.Е. 395
Кочубей П. А. 216
Кочубинский А. А. 690
Коши О.Л. 385, 386, 398, 403
Коялович Б.М. 392, 410
Кравец Т.П. 256, 257
Кравченко Н.И. 297
Крамер А.Б. 28, 33
Крамской И.Н. 161, 434
Красильников А.Д. 50, 76
Красников Г.Я. 7
Красногорский Н.И. 577
Красносельцев И.Ф. 690
Крафт В.Л. 440
Крафт Г.В. 33, 35, 40, 41, 45—47, 356, 373, 377, 436, 437, 439
Крафт Л.Ю. 54, 254, 363, 470
Крачан И.Б. 49
Крачковская В.А. 734
Крачковский И.Ю. 294, 311, 341, 727—735, 738, 739, 742—744, 746, 763, 764
Крашенинников Н. 86
Крашенинников С.П. 50, 62, 70, 71—73, 81, 111, 112, 367
Крейман Ф.И. 646
Крёкшин П.Н. 661
Кржижановский Г.М. 306, 489, 542
Круг Ф.И. (И. Ф.) 237, 663—665, 727
Крузенштерн И.Ф. 740
Крумбахер К. 688, 744
Крыжановский В.И. 214, 216, 341
Крыжановский И.Н. 216
Крылов А.Н. 250, 253, 256, 257, 327, 337, 391, 394, 395, 402, 403, 460, 462, 463, 465, 469, 528, 538
Крылов И. А. 158, 205, 617, 624
Крылов Н.М. 395
Крылова О.Н. 652
Крюгер Ф. 662
Кузенков П.В. 680
Кузнецов И.В. 534
Кузьмин Р.О. 395
Куинджи А.И. 487
Кулибин И.П. 364, 440, 441
Кульбакин С.М. 303, 604, 613, 645
Кульчицкая С.М., см. Ростовцева (Кульчицкая) С. М.
Куммант Э. 481
Кумок Я.Н. 531, 537, 538, 543
Кун В.Н. 705, 706
Кундт А. 460
Куник А.А. (Э. Э.) 180, 182, 232, 236, 634, 665, 667—668, 681, 683, 684, 707, 709, 749
Куплетский Б.М. 550
Купфер А.Я. (А. Т.) 181, 248, 249, 445, 525
Куракин Б.И. 25, 26
Кургузова А.В., см. Морозова (Кургузова) А.В.
Курнаков Н.С. 12, 308, 311, 315—317, 322, 327, 478—480, 487, 490, 491
Курчатов И.В. 13
Куторга С.С. 400
Кызласова И.Л. 689, 690, 697
Кювье Ж. 207, 535, 570
Кюгельген Г. фон 254
Кюри (Склодовская) М. 485
Кюри П. 184, 485
Лаврентьев М.А. 13, 395
Лавров П.А. 606—607, 611, 641, 645, 685
Лавровский П.А. 609
Лавуазье А. 439, 470, 500
Ладенбург А. 477, 501
Лазарев В.Н. 689
Лазарев П.П. 321, 327, 334
Лаксман Э.Г. (К. Г.) 131, 141, 470
Лалаев М. 386
Ламанский В.В. 610, 611, 614, 634, 635, 642, 645
Ламарк Ж.Б. 557
Лампи И.Б. 147
Ланге Л. 59, 80
Лангсдорф Г.И. 205, 224, 225
Лаплас П.С. де 385, 500
Лаппо-Данилевский А. С. 190, 285, 289, 291, 333, 335, 336, 672, 700—714
Лантева Л.П. 600, 609, 611, 613, 614
Латышев В.В. 190, 291, 675—676, 679, 723, 724
Лашков Ф.Ф. 700
Лебедев А. 112
Лебедев А.И. 440
Лебедев Г.С. 725
Лебедев М. 123
Лебедев П.Н. 256, 257

- Лебедев С.В. 481, 483
 Лев III Исавр, виз. имп. 686
 Лев Диакон 684
 Левенгук А. ван 17
 Левинсон-Лессинг Ф. Ю. 293, 320, 321, 528, 529, 550
 Левитан И.И. 695
 Левицкий 417
Левицкий Г.В. 429
 Лейбниц Г.В. 20, 21, 168, 354—356, 598
 Лейтман И.Г. 22, 38, 39, 356
 Лексель А.И. 54, 363
 Лемм Б.Ф. 430
 Лемм О.Э. фон 231
 Ленин (Ульянов) В. И. 293, 531, 591, 597
 Ленц Э.Х. (Г. Ф. Э.) 181, 255, 441, 444—449, 451, 453, 462, 475
 Ленц Р.Э. 390, 462, 475, 476
 Леонтьев А. 62
 Лепёхин И.И. 50, 54, 111—122, 133, 138
 Лесгафт П.Ф. 547
 Либеркюн И.Н. 362
 Либих И.Ю. (Ю.) фон 499, 506, 508
 Ливен К. А. 431
 Линде С. 602
 Линденау Я.И. 78, 79
 Линик Ю.В. 395
 Линней К. 117, 119, 122, 124, 125, 132, 220
 Лисянский Ю.Ф. 224
Литаврин В.Г. 679
Литвиненко Ю.Н. 715
Литвинова Е.Ф. 405, 429
 Литке Ф.П. 160, 161, 163, 172, 183, 202, 224
Литовский О. 298
 Литров Й.И. фон 417
 Лиувилль Ж. 403
Лихачёв Д.С. 653, 654
 Лихачёв Н.П. 306, 307, 313, 672, 673
Личков Б.Л. 531
 Лобачевский Н.И. 389, 471, 504, 512, 763
 Ловиц Т.Е. 139, 470, 471
 Ломакин Н.Г. 425
 Ломоносов В.Д. 370
 Ломоносов М.В. 34, 45, 48—50, 111, 161, 264, 335, 362, 366—382, 384, 416, 439, 440, 469, 470, 481, 500, 563, 624, 628, 658—659, 674, 675
 Ломоносова Ек. 382
 Ломоносова Ел. 382
 Лопарев Х.М. 681
 Лопатин И. А. 524
 Лоран О. 513
Лоскутова М.В. 636
 Лугинин В.Ф. 502
 Лузин Н.Н. 304, 395
Лукина Т.А. 570
 Лукьянов С.М. 579
 Луначарский А.В. 297, 298, 304
 Луте И.Д. 86
Лысенко Т.И. 629, 636
 Любавский М.К. 306, 307, 674
 Людвиг К. (физиолог) 574
 Людвиг К.Г. 133
 Людовик XV 36
 Люрсениус И.В. 62, 67, 69, 73
 Ляпунов А.М. 291, 390—395, 402, 406, 412, 467
 Ляпунов Б.М. 604, 632, 645
 Магницкий Л. 371
 Мазепа И.С. 617, 658
 Майер В.Д. 436
 Майер Р. 447
 Майер Ф.Х. 28, 355
 Майков Ап. 165
 Майков А. А. 605
 Майков Л.Н. 164, 165, 177, 281
 Майков П.М. 709
 Макарий, митрополит 173
 Макаров Н. А. 766
Макаров В.И. 642
 Макин (Аш-Шайх аль-Макин (М.-старший) Джирджис (Абдаллах) ибн аль-Амид Аби-ль-Ясир) 683
 Максимилиан Лейхтенбергский 453
 Максимов Н.А. 560
 Максимович К. А. 561
 Максимович К.И. 181, 183
 Мальгин Т.С. 112, 116, 121
 Мальцев А.И. 594
 Мальцов Н.С. 424
 Мандельштам Л.И. 304
Манойленко К.В. 557
 Мануил I Комнин, виз. имп. 685
 Маргулис Л. 558
 Марков А.А. 177, 184, 190—192, 288, 391—395, 401, 402, 406—415, 467
 Марков А.А. (младший) 410, 414
 Марков А.Г. 407

- Марков А.К. 724
Маркова (Вальватьева) М. И. 407, 410, 414
Маркова Н.П. 407
Марковников В.В. 480, 513
Маргулис Л. 558
Марр Н.Я. 290, 294, 311, 312, 328, 330, 332, 341, 723, 733, 746, 747, 748, 750, 751—765
Марр Я.П., см. Монтэгию-Марр Дж. П. (Я. П.)
Мартини Х. 22, 25, 27
Мартынов Г.Г. 369, 371, 373
Мартьянов П.К. 242
Марфельд Р.Р. 234
Маршак С.Я. 478
Масарик А. 698
Масарик Т.Г. 698
Маслов С. 86
Матвеев А. 39
Матисен Ф.Ф. 276
Маттарнови Г. 19
Матюшин И. 132
Матюшкин М.А. 35
Мау А. 717, 721
Махаев М.И. 32
Медведев И.П. 663, 679, 681, 684, 695
Медведев Ю.Д. 423
Медем И. фон 102
Медников Н.А. 684, 744, 746
Медынцева Е. А. 510
Мейер К.А. 221
Мейер Э. 724
Мелиоранский П.М. 746, 747
Меңделеев Д.И. 183, 335, 390, 396, 411, 448, 457, 473, 477, 478, 481, 509, 514, 547
Меңдель Г. 596
Менетрие Э.П. 445
Мензбир М.А. 210
Меншиков А.Д. 658, 709
Меншиков А.С. 242
Меншуткин Н.А. 390, 476—478, 509
Мерварт А.М. 227
Мерварт Л.А. 227
Мережковский К.С. 558
Мерман О. 621
Мертенс А.К. 221, 224
Мессершмидт Д.Г. 18, 57—60, 64, 115, 116, 126, 138, 140, 141, 143, 146, 519, 660
Мечников И.И. 268, 555, 563
Миддендорф А.Ф. 162, 163, 182, 207, 224, 556, 561
Миклошич Ф. 602, 630, 633, 636, 637, 643
Миклухо-Маклай Н. Н. 567
Микулинский С.Р. 570
Милетич Л. 643
Миллер В.Ф. 647
Миллер Г.Ф. (Ф. И.) 28, 29, 33, 34, 40, 41, 53, 60, 62, 63, 65—72, 76, 77, 79—81, 94, 106, 117, 125, 131, 134, 139, 141, 142, 657—659, 660, 674
Милюков П.Н. 714
Миних Б.Х. 45
Минковский Г. 393, 394
Миннз Э. 699, 722
Миропольский Л.С. 366
Митрейтер Г.Д. 239
Митчерлих Э. 505
Михаил, вел. кн. 306
Михаил VII Дука, виз. имп. 683
Михайлов А.А. 429
Михайлов Г.К. 355
Михайлов И. 86, 94
Михайловский-Данилевский А.И. 666
Мичурин И.В. 597
Модзалевский Б.Л. 236, 282, 288, 338
Моисеева Т.М. 766
Молас Б.Н. 256
Молотов В.М. 531
Моммзен Т. 680
Монтэгию-Марр Дж. П. (Я. П.) 751
Монферран О. 455
Мопертюи П.Л.М. де 361, 362
Морган Т.Х. 596
Морен А.Ж. 398
Моро де Мопертюи П.Л. 361, 362
Морозов М.В. 520, 524, 525, 766
Морозова (Кургузова) А.В. 519, 524, 766
Московченко Н.Я. 417
Мотонис Н.Н. 50
Мохова Н.А. 213
Мошарский А.О. 54, 111, 385, 518
Мошков С. 97
Мрозовская Е.Л. 164
Мументалер Р. 148, 357, 363
Мурзаев Э.М. 529
Мусабеков Ю.С. 263, 513
Мусин-Пушкин А.И. 470, 661
Мусин-Пушкин М.Н. 504, 507

- Мутасим, халиф 687
 Мюнстер А. 385, 396, 405, 417
 Навашин С.Г. 560
 Навье Л. 385
Нагель Ф. 354
 Надсон Г.А. 308
Назаров А.Г. 569, 572
Назарьев В.Н. 511
 Нансен Ф. 276
 Наполеон Бонапарт 197
 Наппельбаум М.С. 558
 Нартов А.К. 359
 Насонов Н.В. 580
 Наук А.К. 182
 Неймч И.В. 101
 Некрасов П.А. 412
 Некрашевич С.М. 614
 Неменов М.И. 311
 Ненадкевич К.А. 214
 Ненцкий М.В. 579
 Нерадовский П.И. 289
 Нестор, летописец 661, 666
 Несмеянов А.Н. 490, 491, 493
 Нидерле Л. 645
Никитенко А.В. 160
 Никитин П.В. 165—168, 172, 174, 175, 177, 184, 190—193, 412, 679, 687, 717, 719
 Никитский А.В. 291, 675
 Никифоров П.М. 467
Никифорова Л.Р. 372
Николаева Т.И. 426
 Николай Г.Л. (А.Л.) фон 56, 147
 Николай I Павлович 147, 152, 154, 155, 157, 159, 163, 241—243, 386, 417, 521, 566, 569, 664, 728, 729
 Николай II Александрович 165, 185, 213, 217, 221, 263, 271, 279, 531, 537, 623, 696
 Николай Михайлович, вел. кн. 209
 Николица 687
 Никон, патриарх 661
 Нитш К. 611
 Ничманн Д.Р. 146
 Нобель А. 510
 Новиков Е.П. 605
 Новиков Н.И. 285, 371
 Новиков П.С. 395
 Новосильцев Н.Н. 148, 150, 197, 205
 Норов А.С. 158, 171
Носкова О.Н. 122
 Ньютон И. 17, 20, 30, 49, 335, 438
Обнорский С.П. 654
 Обручев В.А. 304, 308, 345, 529
Обручев В.В. 529
 Овсянников Ф.В. 390
 Одоевский В.Ф. 617
Ожигова Е.П. 384, 403
 Озанн Г.В. 497
 Озерецковский Н.Я. 53, 112, 120, 121, 147, 148, 180, 196—198, 205, 519
 Олег (Вещий Олег), др.-рус. кн. 647
 Ольга, др.-рус. кн. 663
 Ольденбург С.Ф. 165—167, 174, 185, 190, 194, 228, 231, 232, 278, 288, 289, 291, 292, 294, 297, 301, 302, 306, 311, 327, 328, 332, 336—338, 341, 344, 534, 702, 714, 729—731, 733, 734, 744, 746, 757, 763
 Ольденбург Ф.Ф. 702, 703
 Ом Г.С. 446
 Онегин А.Ф. 282
 Опекушин А.М. 572
 Орбели И.А. 737, 763, 764, 765
 Орбели Л.А. 265, 577
 Орел В.М. 332
 Орлов В.Г. 52, 93, 97, 99, 363
 Орлов Г.Г. 367, 615
 Орлов Ю.А. 217, 562
 Ортгизе Г.Э. 28
 Осипов А.А. 70
Осипов В.И. 133, 134, 417
 Осипов В.П. 763
 Осипов Ю.С. 423
 Оскар I Шведский 433
 Оствальд В.Ф. 501, 502
 Остерман А.И. 28, 40
 Остроградский М.В. 365, 385—388, 404
 Ошанин И.М. 735
 Павел I Петрович 52, 56, 147, 254, 368, 369
 Павлов А.П. 525
 Павлов И.П. 265—267, 293, 538, 555, 574—588
 Павловский Е.Н. 563, 569
 Палладин В.И. 392, 560
 Паллас П.С. 52, 54, 84, 85, 94, 97, 109, 115, 123—125, 130—146, 211, 553, 554, 562
 Пальмов И.С. 291, 610, 613
 Пандер Х.И. (Х.Г.) 522, 523, 562
Пантелеев Л.Ф. 400
 Панченко Б.А. 681

- Паррот Г.Ф. (Е.И.) 181, 254, 255, 417, 418, 429, 430, 444, 445
Патканов К.П. 753, 754
Патканов С.К. 330
Пауфлер П. 547
Пашутин В.В. 579
Певцов М.В. 422
Пекарский П.П. 35, 38, 39, 47, 64, 67—69, 74, 76, 236, 361, 362, 674
Пекарский Э.К. 226
Пеллио П. 763
Пелуз Т.Ж. 506
Первольф О.О. (И. И.) 609—610
Первощиков Д.М. 388
Перетц В.Н. 328, 614
Перов В.П. 599
Пётр I (Великий) Алексеевич 7, 10, 17—27, 29—31, 33, 35, 38, 39, 42, 44, 47, 50, 57, 58, 60, 63, 64, 66, 68, 72, 75, 89, 161, 195, 197, 201, 204, 214—216, 223, 224, 227, 264, 309, 366, 367, 372, 380, 416, 519, 525, 553, 560, 598, 620, 624, 626, 656, 660, 664—666, 669, 674, 704, 709, 711, 726
Пётр II 39, 40
Петренко Д.И. 763
Петров В.В. 254, 441, 442, 451, 470, 472
Петров П. 132
Петрова М.К. 266, 577
Петрович А. 636
Петровский Н.М. 614
Петрушевский В.Ф. 510
Петрушевский Д.М. 304
Петрушевский Ф.Ф. 390
Пило К.Г. 42
Пинигин Г.И. 416
Пиотровский Б.Б. 764
Пирогов Н.И. 181
Писарев Д.И. 408
Пискарёва М.А. 426
Платон 630
Платонов С.Ф. 294, 306, 307, 334, 392, 654, 673—674, 701—703, 707
Платонова Н.И. 747, 764
Платэ А.Ф. 493
Плеве В.К. фон 552
Плениснер Ф. 73
Плеске Ф.Д. 177, 209
Плеске Э.Д. 209
Плетнёв П.А. 158, 282, 617—622, 624
Плещеев А.Г. 68
Плиний Старший Г.С. 518
Погодин А.Л. 610, 613
Погодин М.П. 598, 604, 665—666, 668
Погорельский П.Н. 397
Покровский М.М. 304
Покровский М.Н. 305, 340
Полищук В.Р. 507, 509
Положенцев Д.Д. 416, 429
Полоцкий С. 371
Полубаринова-Кочина П. Я. 395
Поль-Пети Ж. П. 150
Поляков И.С. 561
Поляков Ф.Б. 645
Помяловский И.В. 717
Поникаровская М.В. 766
Понселе Ж.В. 398
Понятовский С.А. 709
Попов А.Н. 669
Попов А.С. 444
Попов В.А. 423
Попов М.Г. 591
Попов Н.И. 36, 50, 367
Попов С.Д. 528
Попова И.Ф. 766
Попов Ф. 62, 111
Поржезинский В.К. 613
Порошин С.А. 368, 369
Порфирий (Успенский), епископ 284, 693
Потанин Г.Н. 561
Прасковья Фёдоровна, царица 31, 32, 152, 254
Прейс П.И. 605
Прейс Э.В. 430
Прейслер В.Д. 21
Преннер Г. 366
Пресняков А.Е. 705
Пржевальский Н.М. 561
Приёмывшева М.Н. 652
Прокопович Ф. 372
Прянишников Д.Н. 589
Пташицкий С.Л. 610
Пуанкаре А. 428
Пуассон С.Д. 385
Пугачёв Е.И. 672
Пузыревский П.А. 390
Путин В.В. 5
Пушкарёв (Пушкарев) А. 145

- Пушкин А.С. 165—167, 185, 280—284, 310, 340, 387, 388, 408, 616, 625
 Пыляев М.И. 242
 Пыпин А.Н. 164, 598, 599, 634, 635, 637
 Пюиссан 397
 Работкевич А.В. 767
 Радлов В.В. 177, 183, 225—228, 291, 729
 Радлов Э.Л. 392
 Радовский М.И. 358
 Разумовский А.Г. 47
 Разумовский А.К. 150, 220
 Разумовский К.Г. 47, 48, 50, 52, 56, 362, 378
 Райзер Г.У. 45, 374
 Райков Б.Е. 198, 563, 564, 570, 573
 Рамзай В. 346
 Раскин Н.М. 543
 Рачки Ф. 631
 Ребиндер П.А. 490, 491
 Ребиндер Р.И. 617
 Регель В.Э. 681
 Редикорцев В.В. 216
 Редин Е.К. 697
Резвой Д.И. 519
 Рейнсдорп И.Г. (И. А.) 114, 124
 Рейсс Ф.Ф. 472
 Рентель Н. 93
 Ретовский О.Ф. 724
 Ржевский А.А. 52
 Ригер Ф. 631
 Ридель С.Т. 365
 Рихман Г.В. 46, 378, 439, 500
 Рихтер А.А. 308
 Роберт I Фландрский 682
 Роборовский В.И. 561
Родригес М.Г. 422—424, 429
 Рожанский Н.А. 577
 Рождественский Д.С. 257, 304, 311, 443
 Рождественский С.В. 392
 Розвадовский Я. 611
 Розе Г. 505
 Розен (Веселаго) О. Ф. 738
 Розен (Сулханова) Е.З. 738
 Розен В.Р. 172, 190, 191, 684, 729, 733, 738—750, 753, 754, 758
 Розен Вал. 738
 Розен Вик. 738
 Розен (Веселаго) О. Ф. 738
 Розен Р.Р. 738
 Розенберг Ф.А. 232
 Рокотов Ф.С. 53
Романовский С.И. 184, 531, 536, 539, 541, 542
 Ромберг Б.Ф. 731
 Росс Р. 580
 Ростовцев И.Я. 717
 Ростовцев М.И. 291, 302, 303, 333, 675, 697, 699, 715—725
 Ростовцева (Кульчицкая) С. М. 719, 720
 Рот Р. 188
Роцевская Л.П. 537
Роцевский М.П. 537
 Рудаков А.Г. 69
 Рудольф И.Я. 219
 Румер Ю.Б. 495
 Румовский С.Я. 50, 54, 83, 362, 383, 385
 Румфорд В. 500
 Румянцев Н.П. 601, 663, 664, 684
 Рупрехт Ф.И. 111
 Руссо Ж.-Б. Л. Ж. 228, 727
 Рыкачев М.А. 251—253, 270, 271, 279, 291
 Рычков Н.П. 115, 134
 Рычков П.И. 134
 Рышков В.А. 167, 282
 Рюйш Ф. 223
 Рюмер Т. 596
Рябухин Г.Е. 529
 Сааль Х. 571
 Сабельников, дьячок 371
 Саблер Е.Е. 430
 Саблин Н.Я. 27
Савинов Д.Г. 660
 Савич А.Н. 183, 389, 390, 400
 Саккардо П.А. 594
 Сакулин П.Н. 304
 Салтыков Ф. 18
 Самойлович А.Н. 304, 341
 Санников Я. 276, 279
 Сапожников А.В. 741
 Сауков А.А. 540
 Святослав, др.-рус. кн. 665, 684
 Севастьянов А.Ф. 518, 519
 Севергин В.М. 53, 211, 213, 470, 471, 517, 518, 520
 Северцов А.Н. 294, 555, 558
 Северцов Н.А. 207, 210
 Седых В. 582
 Селищев А.М. 614
 Семёнов Н.Н. 490, 492

- Семёнова Г. В. 426
Семёнова Н. П., см. Грот (Семёнова) Н. П.
Семёнов-Тян-Шанский П. П. 210, 335
Сенар Э. 744
Сенковский О. И. 743
Середонин С. М. 701
Серигов Н. И. 743, 767
Серре Ж. А. 403
Сеченов И. М. 555, 575
Сивкова Е. И. 370
Сидоров Н. И. 704, 706
Сикорский И. И. 469
Сильвестр Дж. 403
Симашко Ю. 571
Симеон Метафраст (Логофет) 685
Симонов И. М. 417, 504
Складовская-Кюри М., см. Кюри М.
Слепкина Н. В. 207, 561
Смагина Г. И. 332
Смирнов В. И. 395, 548
Смирнов М. И. 706
Смирнов Я. И. 291, 675, 682, 693, 697, 699, 718, 722
Смотрицкий М. 371
Соболев С. Л. 395
Соболевский А. И. 190, 611, 638, 639, 647, 650
Советов А. В. 390
Сокальский П. П. 502
Соколов А. 109
Соколов А. П. 459
Соколов В. П. 37, 67
Соколов В. Е. 561
Соколов Д. И. 519, 520
Соколов И. А. 39
Соколов М. И. 610
Соколов Н. П. 50, 53, 134, 139, 140, 142, 145
Соколов П. И. 232
Соколов Ф. Ф. 717
Сократ 517
Соловьёв С. М. 180, 669—670
Соловьёв Ю. И. 498, 505, 506, 508, 509
Соловьёв Ю. Я. 533
Соловьёва И. Д. 689, 692
Сомов О. И. 389, 390, 400, 405, 408
Сонин Н. Я. 190, 391, 392, 402, 406, 413
Сонцов А. 132
Сорокина М. Ю. 306
Соседко А. Ф. 528
Соссюр О. Б. 519
Софронов М. 50, 362, 383
Сохоцкий Ю. В. 392, 409
Сперанский М. М. 303, 709
Сперанский М. Н. 614, 645
Срезневская Л. И. 606
Срезневский И. И. 605, 608—610, 633, 634, 636, 639, 640, 680
Сталин (Джугашвили) И. В. 306, 307, 531, 752
Старостин Б. А. 184
Стасов В. В. 689
Стасюлевич М. М. 680
Стеклов В. А. 282, 283, 288, 289, 291, 292, 295, 297, 299, 301, 391, 394, 395, 402, 412—414, 538
Стеллер (Штеллер) Г. В. 71—73, 75, 81, 118, 141
Степанов А. В. 426, 432, 767
Степанов В. П. 167
Стефан Сурожский св. 683, 684
Стефани Л. Э. 667
Столетов А. Г. 459
Стороженко Н. И. 646, 648
Страхов П. И. 472
Стреблов И. Б. 560
Стржиговский И. 699
Стриттер (Штриттер) И. Г. (И. М.) 53, 659, 674
Строев И. П. 29
Строев П. М. 665, 673
Струве В. Я. (Ф. Г. В.) 181, 239, 240, 242, 243, 274, 400, 417—420, 422, 429—435
Струве Г. О. 244
Струве Г. Х. Г. 213
Струве О. В. 183, 243—246, 422, 430, 433—435
Струве П. Б. 289, 291, 303, 709, 714
Струве Ф. фон 181
Судаков С. Г. 434
Сумароков А. П. 624
Сумгин М. И. 345
Сухарева А. К. 396
Сухомлинов М. И. 26, 41, 43, 164, 185, 236, 674, 675
Сыркин Я. К. 494, 495
Сырку П. А. 610
Сытин А. К. 123, 132
Табберт (фон Страленберг) Ф. И. 58

- Галанов В.В. 593
 Танеев А.С. 221
 Таннауэр И.Г. 18
 Гарбаев С. 97, 100, 102
 Гарле Е.В. 306, 307, 678
 Татищев В.Н. 22, 657—658, 659
 Тахтаджян А.Л. 558
 Тегнер Э. 617, 618
 Теннер К. 343
 Теплов Г.Н. 462
 Тигерштедт Р. 580
 Тилезиус фон Тиленау В.Г. 77
Титова З.Д. 79
 Тихонравов Н.С. 648
 Тихов Г.А. 423
Тищенко В.Е. 262, 486, 487
 Тодес Д.Ф. 577, 584, 767
 Токе Л. 48
Толбин С.В. 426, 432
 Толль Э.В. 210, 214, 276, 278—280
 Толмачёв А.И. 350, 541, 542
 Толмачёв И.П. 214, 347
 Толстой Д.А. 161—163, 173, 208, 404
 Толстой И.И. (старший) 692
 Толстой Л.Н. 185, 283
Толстой Н.И. 614
 Толстой Ф.П. 153
 Тон К.А. 419
 Топчиев А.В. 368
 Торбар И. 631
 Травин Н.Д. 351
 Траллес И.Г. 499
 ТрEDIAKОВский В.К. 50, 367, 373, 374, 378
 Третьяков В. 62
Трибунский П.А. 701
 Триниус К.А. 219, 220
 Трифонов Д.Н. 490, 495
 Трихомандрицкий М.И. 406
 Трубeцкой Н.С. 613, 763
Тряскина В.А. 291, 298
 Туницкий Н.Л. 614
Тункина И.В. 236, 332, 417, 519, 574, 598, 601, 641, 660, 675, 680, 682, 684—688, 691, 692, 695, 699, 715, 717, 723, 744, 767
 Тураев Б.А. 291, 392, 697, 755, 756
 Тургенев А.И. 285
 Тургенев И.П. 285
 Тургенев Н.И. 285
 Тургенев С.И. 285
 Турчанинов А.Ф. 118
 Тюрин И.А. 46, 147
 Тютрюмов Н.Л. 434
 Уваров А.С. 726, 758
 Уваров С.С. 150—155, 157, 159, 173, 176, 180, 181, 188, 196—198, 201, 228, 229, 232, 419, 499, 508, 509, 664, 727
 Уварова П.С. 736
 Удалов Н.Я. 589
Узенёва Е.С. 634, 645
 Урусов Д.С. 457
 Успенский К.А., см Порфирий (Успенский), епископ
 Успенский Ф.И. 612, 613, 676, 677, 679, 685, 690
 Успенский Я.В. 291, 303, 394, 395, 415
 Устрялов Н.Г. 664—665
 Ухтомский А.А. 555
 Ушаков Г.А. 280
 Уэллс Г. 587
 Фаворский А.Е. 304, 318, 474, 480, 487, 490, 493, 514, 741
 Фаддеев Д.К. 395
 Фальк И.П. 97, 122—128, 130—132, 139, 141, 142, 145, 146
 Фаминцын А.С. 177, 183, 267, 291, 390, 555, 557, 558, 560, 580
 Фарадей М. 335, 446, 457
 Фармаковский Б.В. 697, 699, 723
 Фармаковский М.В. 721
 Фёдоров Е.С. 291, 527, 543—552
 Фёдоров С.И. 543
Фёдорова Г.И. 134
 Фёдорова (Ботвинко) Ю.Г. 543
 Фёдорова (Панютинa) Л.В. 544, 545
Фёдорова-Грот А.К. 577
 Федосеев Е. 439
 Федотьев Ф. 112
 Федченко Б.А. 603, 606, 726, 739
 Федченко О.А. 606, 726, 739
Фейдер В.А. 531
 Фенелон Ф. 374
 Феннеманн Т. 764
 Феодосий св. 653
 Феофил, виз. имп. 687
 Фербер И.Я. 54
 Ферсман А.Е. 214, 308, 314, 321, 327, 341, 345—347, 488, 489, 528, 538, 539
 Фетваджян А.А. 757

- Фигуровский Н. А. 368, 505, 506, 508, 509
Фике Э. 20
Филарет, митрополит 158
Филатов С. К. 547
Филиппов Д. Е. 195
Филиппова Э. Н. 574, 767
Филипченко Ю. А. 555, 573, 591, 596
Финзен Н. 580
Финкельштейн А. М. 423
Фишер И. Э. 41, 76, 77, 79, 81, 660
Флавицкий Ф. М. 514
Флейшер Г. Л. 740
Флемстид Д. 17
Флоринский Т. Д. 614, 644
Фок В. А. 494, 495
Фолетти И. 699
Фонвизин Д. И. 624
Формей И. Г. С. 133
Фортунатов Ф. Ф. 286, 287, 638, 639, 647, 648
Фохт К. В. 392
Фрадкин Н. Г. 112
Франк-Каменецкий И. Г. 765
Франклин Б. 439
Францев В. А. 291, 303, 613
Фрейденберг О. М. 765
Френ Х. Д. 228—230, 232, 664, 665, 726—727, 728, 749
Френкель В. Я. 327
Фридланд Л. П. 231, 232
Фридман А. А. 468
Фридрих II Великий 360, 361, 363
Фридрих Вильгельм III 197, 450
Фриз Гуго де 221
Фрицше (Фритцше) Ю. Ф. 258—260, 508, 510
Фролов Ю. П. 577
Фрумкин А. Н. 490, 491, 493
Фурье Ж. Б. 385, 386
Фус (Фусс) Н. И. 54, 147, 148, 180, 357, 363, 383, 385
Фус (Фусс) П. Н. 156, 385, 400, 500, 501
Хагельганс М. К. Э. 41
Хайд И. Я. 27, 28, 62, 356
Хайнен Х. 723
Хальфины 727
Хаммер-Пургшталь Й. фон 743
Ханыков Н. В. 405
Хартанович М. Ф. 570, 636
Хартри Д. Р. 495
Хауэлл У. Г. 579
Хвольсон Д. А. 231, 740, 741
Хвольсон О. Д. 392
Хемницер И. И. 624
Хиншелвуд С. 490
Хладни Э. Ф. 211
Хлопин В. Г. 319, 345, 485—488, 490
Холодковский Н. А. 563
Хопкинс Дж. 579
Цагарели А. А. 753, 754
Цвет М. С. 480
Церетели Г. Ф. 697
Цизмер К. 615
Цильх Е. Х. 376
Цильх И. 382
Циммерман Н. В. 425
Цингер Н. В. 422, 597
Цингер Н. Я. 422
Цион И. Ф. 574, 577
Цуцкин Е. В. 569, 572
Чаплин П. А. 61
Чеботарёв Х. А. 598
Чебышёв В. 399, 406
Чебышёв Л. П. 396
Чебышёв Н. 399
Чебышёв Пав. Л. 396
Чебышёв Паф. Л. 183, 343, 389—391, 396—406, 408—413
Чебышёва А. И. 396
Челаковский Ф. 602
Ченакал В. Л. 368
Чермак Г., Эдлер фон Зейзенег 551
Черноусов Я. М. 538
Чернышёв Ф. Н. 214—216, 271, 464, 524
Чернышевский Н. Г. 408
Черняев И. И. 490—492
Ческий И. В. 77
Четвериков С. С. 555
Чехов А. П. 185, 695
Чечулин Н. Д. 701, 702
Чигорин М. И. 410
Чириков А. И. 60, 61, 75, 82
Чичибабин А. Е. 291, 304, 327, 487—490
Чугаев Л. А. 315, 483, 484, 486, 487, 490
Шалауров М. 112, 113, 115, 119
Шамиссо А. 221
Шапиро Л. Г. 292
Шафарик П. Й. 599, 600, 602, 605
Шафиров П. П. 29, 658

- Шафрановский И.И.* 543, 552
 Шахматов А.А. 164, 190, 232, 285—287, 291, 328, 538, 608, 609, 611, 613, 641—642, 644, 645, 646—655, 671—672
 Шахматов А.А. (отец) 646
 Шахматов А.А. (дядя) 646
 Шахматова М.Ф. 646
 Шаховской Д.И. 702
 Шварц А.Н. 227
 Швейцер К. 145
 Шевченко И.Б. 684
 Шёгрэн А.М. 224, 232
 Шереметев Б.П. 658
 Шереметев С.Д. 696
 Шеслер К.Ф. 27
 Шетарди де ла, маркиз 51
 Шидловский А.П. 430
 Шиллинг П.Л. 441, 451, 454, 455
 Шилов А.А. 704, 706
 Шилов Н.А. 487
 Шильдер К.А. 451
 Шимкевич В.И. 392
 Ширинский-Шихматов П.А. 158
 Шифнер А.А. 232, 634
Шишкин В.С. 561
 Шишков А.С. 176, 602
 Шишков В.М. 68
 Шишковский К.А. 216
 Шкорпил К. 612
 Шкорпил Х. 612
 Шлёцер А.Л. 615, 657, 659
 Шляпкин И.А. 701
 Шмальгаузен И.И. 555
 Шмидт А.Э. 746, 750
 Шмидт В.А. 680
 Шмидт Г.Ф. 48
 Шмидт О.Ю. 348, 349
 Шмидт Ф.Б. (Ф.К.) 177, 181, 183, 213, 214, 523, 524, 538
 Шмидт Я.И. 665
Шмулевич Л.А. 263
 Шмурло Е.Ф. 285, 303, 675, 712
 Шокальский Ю.М. 331, 347
 Шостакович Д.Д. 492
 Шотлендер Ф.Ю. 227
 Шпанберг М. 60, 64
 Шпиндлер И.Б. 250
 Шренк Л.И. 177, 181, 183, 207, 225
Штайн К.Э. 763
 Штейн В.И. 46
 Штелин Я.Я. фон 54, 87, 382
 Штелинг И. 439
 Штеллер, см. Стеллер Г.В.
 Штендер И.И. фон 93
 Штернберг Л.Я. 225, 226, 309, 338
 Штида Л. 563
 Штраус А. 736
 Штраух А.А. 177, 181, 183, 208, 232
 Штриггер И.Г., см. Стриггер И.Г. (И.М.)
 Штруппи А. 629
 Шуберт Ф.И. 196, 233, 383, 385
 Шуберт Ф.Ф. 431
 Шубин Ф.И. 371
 Шублер Ю. 736
 Шубной И. 370
 Шувалов И.И. 366—368, 370, 658
 Шульман К.Г. фон 58
 Шумахер И.Д. 21, 33, 40, 42, 47, 360, 362, 553
 Шумахер И.Я. 31
 Шумова-Симановская Е.О. 577, 578
 Шумский П. 134, 137, 142
 Шухин А.М. 73
 Щепкин В.Н. 613
Щербатов Д.И. 531
 Щербатской Ф.И. 294, 311, 341, 732, 733, 735
 Щукарев А.Н. 702
 Щукин С.С. 148
 Эдельштейн Я.С. 216
 Эйдлиг Л.З. 735
 Эйлер И.А. 54, 130, 359, 363
 Эйлер К. 359
 Эйлер Л. 33, 36—38, 41, 47, 48, 50, 97, 148, 168, 177, 335, 353—365, 373, 383—385, 401, 402, 412, 416, 436—440, 468, 615
 Эйлер П. 353, 354
 Эммануэль Г.А. 445
 Энгель К.Л. 417
 Энгельгардт К.С. 615
 Энгельгардт М.Ф. фон 498
 Эне Ж.Б. 498
 Энний К. 630
 Эпинус Ф.У.Т. 51, 52, 440
Эраль С.Ф. 416
 Эрмит Ш. 403, 413
 Эртель В.А. 232
 Эскол П. 551
 Юнгман Й. 602

- Юнкер Г.Ф. В. 43, 45, 108
Юргенсон Г.А. 143
Юстиниан I Великий, виз. имп. 692
Юсупова Т.И. 561
Юханссон Ю. 580
Юшкевич А.П. 364
Яблочков П.Н. 444
Ягич И.В. (Ягич В.) 605, 606, 609—611, 613, 629—645
Ягич Й. 636
Ягич (урожд. Струпи, Штрупи) С.П. 629, 641
Якоби Б.С. 255, 400, 447—458, 473
Якоби К. 450
Якоби М.Г. (Б.С.) 441, 442, 452
Якоби С. 450
Якобсон Р.О. 613, 763, 765
Янжул И.И. 184
Яниш К. 458
Яншина Ф.Т. 304
Ярослав Владимирович (Мудрый), др.-рус. князь 646, 668, 686
Ярославский Е.М. 305
Ястребов Н.В. 613
Яхонтов И. 62
Яхья Антиохийский 749
- Arduino G., см. Ардуино Дж. 518
Baedeker K., см. Бедекер К. 742
Baer K.E. von, см. Бэр К.М. (К. Э.) фон 563
Bondar L.D., см. Бондарь Л.Д. 57
Ell Th. 518
Eristov H. 717
Euler L., см. Эйлер Л. 359, 363, 401
Falk J.P., см. Фальк И.П. 126, 132, 145
Fersmann A., см. Ферсман А.Е. 528
Foletti I., см. Фолетти И. 699
Goldschmidt V., см. Гольдшмидт В.М. 528
Heinen H., см. Хайнен Х. 723
Jähriг, см. Иериг И. 145
Jagić V., см. Ягич И.В. 633, 636
Kleinschmidt O. 596
Knüppel M. 57
Kondakov (Kondakoff) N.P., см. Кондаков Н.П. 690, 699
Kuppfer A., см. Купфер А.Я. (А.Т.) 525
Kurguzova A., см. Морозова (Кургузова) А.В. 524
Lebedev O.A. 534
Lehfeldt W. 57
Lopatin I., см. Лопатин И.А. 524
Markov (Markoff) A., см. Марков А.А. 409, 413
Mau A., см. Май А. 721
Messerschmidt D.G., см. Мессершмидт Д.Г. 57
Middendorff A., см. Миддендорф А.Ф. 163, 182
Monier Fl. 717
Morozov M., см. Морозов М.В. 524
Oldroyd D. 518
Ostwald W., см. Оствальд В.Ф. 502
Pallas P.S., см. Паллас П.С. 143
Pander Ch. H., см. Пандер Х.И. (Х.Г.) 522
Pavlov I., см. Павлов И.П. 584
Rösel H. 633, 637
Rosen V., см. Розен В.Р. 744
Rostowzew (Rostovtzeff) M., см. Ростовцев М.И. 716, 717, 719, 720, 723
Rümer T., см. Рюмер Т. 596
Schmidt Fr., см. Шмидт Ф.Б. (Ф.К.) 524
Senkovskii, см. Сенковский О.И. 743
Serikoff N., см. Сериков Н.И. 743
Ševčenko I., см. Шевченко И.Б. 684
Skok P. 636
Slepikova N. V., см. Слепикова Н.В. 561
Stieda L., см. Штида Л. 563
Struve F.G. W. (Struve W.), см. Струве В.Я. 242, 420
Todes D.P., см. Тодес Д.Ф. 584
Tunkina I. V., см. Тункина И.В. 717
Wes M. A. 716
Yusupova T.I., см. Юсупова Т.И. 561
Zolotareff G., см. Золотарев Е.И. 413

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие Президента Российской Федерации В.В. Путина.....	5
Вступительное слово президента РАН Г. Я. Красникова.....	7
Предисловие (Н. А. Макаров, И. В. Тункина, А. В. Работкевич).....	9
Часть 1	
ВЕХИ ИСТОРИИ: ОТ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ ДО АКАДЕМИИ НАУК СССР	17
ВЕК ВОСЕМНАДЦАТЫЙ	17
От замысла до появления первого «ученого социетата» России (О. А. Кирикова).....	17
Деятельность Академии наук в послепетровский период (О. А. Кирикова)	26
Превращение Петербургской академии в национальный научный центр (О. А. Кирикова).....	48
Экспедиционная деятельность Академии наук (Л. Д. Бондарь, О. А. Кирикова).....	57
ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ	147
От Александра I до Николая I (Е. Ю. Басаргина)	147
От Александра II до Николая II (Е. Ю. Басаргина)	159
Финансирование Академии наук (Е. Ю. Басаргина)	169
Академическая история XIX века в человеческом измерении (Е. Ю. Басаргина).....	176
Век институционализации академической науки (Е. Ю. Басаргина)	194
ВЕК ДВАДЦАТЫЙ (1917—1934)	288
От Российской академии наук до Академии наук СССР (Е. Ю. Басаргина).....	288
От академических дел до «Дела академиков» (Е. Ю. Басаргина).....	295
Рождение институтов и крупных научных проектов (Е. Н. Груздева, Е. Г. Застрожнова).....	309
Экспедиционная деятельность Академии наук (Е. Н. Груздева, Е. Г. Застрожнова).....	344

Часть 2

СТАНОВЛЕНИЕ НАУКИ: ЛИЧНОСТИ, ШКОЛЫ, ОТКРЫТИЯ	353
Ученые-энциклопедисты XVIII века	353
Леонард Эйлер (1707—1783) (<i>Л. И. Брылевская</i>).....	353
Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765) (<i>Т. М. Моисеева</i>).....	366
МАТЕМАТИКА	383
Математика в XIX — первой трети XX века (<i>Л. И. Брылевская</i>).....	383
Пафнутий Львович Чебышёв (1821—1894) (<i>Л. И. Брылевская</i>)	396
Андрей Андреевич Марков (старший) (1856—1922) (<i>Л. И. Брылевская</i>)	407
АСТРОНОМИЯ	416
Развитие астрономии в Академии наук в XIX — первой трети XX века (<i>В. К. Абалакин, А. В. Степанов</i>).....	416
Василий Яковлевич Струве (1793—1864) (<i>А. В. Степанов, И. В. Тункина</i>).....	429
ФИЗИКА	436
Физика в Академии наук за первые 200 лет (<i>Е. Н. Груздева</i>)	436
Эмилий Христианович Ленц (1804—1865) (<i>Б. Б. Дьяков, Е. Н. Груздева</i>)	444
Борис Семёнович Якоби (1801—1874) (<i>Б. Б. Дьяков, Е. Н. Груздева</i>)	450
Борис Борисович Голицын (1862—1916) (<i>Б. Б. Дьяков, Е. Ю. Басаргина, Е. Н. Груздева</i>).....	459
ХИМИЯ	470
Химия в Академии наук в XIX — первой трети XX века (<i>И. С. Дмитриев</i>) ...	470
Герман Иванович Гесс (1802—1850) (<i>И. С. Дмитриев</i>).....	496
Николай Николаевич Зинин (1812—1880) (<i>И. С. Дмитриев</i>)	503
Александр Михайлович Бутлеров (1828—1886) (<i>И. С. Дмитриев</i>)	511
ГЕОЛОГИЯ И МИНЕРАЛОГИЯ	517
Геологические и минералогические исследования (1800—1934) (<i>М. В. Морозов</i>).....	517
Александр Петрович Карпинский (1846/1847—1936) (<i>А. В. Морозова (Кургузова)</i>).....	531
Евграф Степанович Фёдоров (1853—1919) (<i>М. В. Морозов</i>)	543
БИОЛОГИЯ	553
Биология в Академии наук в XIX — начале XX века (<i>М. В. Винарский</i>).....	553
Карл Максимович фон Бэр (1792—1876) (<i>М. В. Винарский</i>)	563
Иван Петрович Павлов (1849—1936) (<i>Д. Тодес</i>)	574
Николай Иванович Вавилов (1887—1943) (<i>Н. П. Гончаров</i>)	589
СЛАВИСТИКА И РУСИСТИКА	598
Российская славистика в XIX — первой трети XX века (<i>Л. Д. Бондарь</i>).....	598
Яков Карлович Грот (1812—1893) (<i>Е. Н. Груздева</i>).....	615
Игнатий Викентьевич Ягич (1838—1923) (<i>Л. Д. Бондарь</i>)	629
Алексей Александрович Шахматов (1864—1920) (<i>М. В. Поникаровская</i>).....	646

ИСТОРИЯ	656
Историческая наука в Академии наук: этапы формирования и развития (XVIII — первая треть XX века) (<i>И. В. Тункина</i>)	656
Василий Григорьевич Васильевский (1838—1899) (<i>И. В. Тункина, И. П. Медведев</i>)	679
Никодим Павлович Кондаков (1844—1925) (<i>И. В. Тункина</i>)	689
Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863—1919) (<i>Е. Н. Груздева</i>)	700
Михаил Иванович Ростовцев (1870—1952) (<i>И. В. Тункина</i>)	715
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ	726
Академическое востоковедение в России XVIII — первой половины XX века (<i>И. Ф. Попова</i>)	726
Виктор Романович Розен (1849—1908) (<i>Н. И. Сериков</i>)	738
Николай Яковлевич Марр (1864—1934) (<i>Я. В. Васильков</i>)	751
Сведения об авторах	766
Именной указатель	768

Научное издание

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК: 300 ЛЕТ ИСТОРИИ
В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 1
ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК —
АКАДЕМИЯ НАУК СССР. 1724–1934

Редактор *Е. Ю. Федорова*
Оформление *П. Э. Палей*
Корректоры *А. Ю. Обод, С. О. Розанова, А. К. Рудзик*
Компьютерная верстка *С. Г. Ковалева*

Подписано к печати 00.00.2024
Формат 60 × 84¹/₈. Гарнитура Palatino
Печать офсетная
Усл.печ.л. 00,0. Уч.-изд.л. 67,0
Тираж 000 экз. Тип. зак.

ФГБУ Издательство «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

E-mail: info@naukaran.com
<https://nauk-publishers.ru>
<https://naukabooks.ru>

ФГБУ Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-041058-9

9 785020 410589